

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ**

УДК: 94(100)

На правах рукописи

05201450906

Копелев Дмитрий Николаевич

**КОЛОНИАЛЬНАЯ ЭКСПАНСИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ ДЕРЖАВ И ФЕНОМЕН
МОРСКОГО РАЗБОЯ В XVI – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII ВВ.**

Специальность 07.00.03 – всеобщая история

/ новая и новейшая история стран Западной Европы и Америки /

ДИССЕРТАЦИЯ

**на соискание ученой степени
доктора исторических наук**

Военно-Ученый Архив

<https://warlib.site>

Санкт-Петербург

2014

Работа выполнена на кафедре истории Государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Санкт-Петербургского государственного морского технического университета

Массов Александр Яковлевич

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории и методики преподавания искусств и гуманитарных наук факультета свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета

Комиссаров Борис Николаевич

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории Института гуманитарного образования Санкт-Петербургского государственного политехнического университета

Гринёв Андрей Вальтерович

Ведущая организация: Институт всеобщей истории Российской Академии наук
Защита состоится 20 мая 2014 г. в 14.30 на заседании Диссертационного совета Д.002200.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук на базе Санкт-Петербургского института истории Российской Академии наук (197110, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., д.7).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Санкт-Петербургского института истории Российской Академии наук

Ученый секретарь Диссертационного совета

кандидат исторических наук

П.В. Крылов

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава первая. Историография и источники	19
§ 1. Историография	19
§ 2. Источники	66
Глава вторая. Морской разбой: понятия и терминология	105
§ 1. Понятийные границы объекта «морской разбой»	105
§ 2. Антильские вариации: буканьеры и флибустьеры	111
§ 3. Морской разбой в практике военно-морского конфликта XVI – XVIII вв.: каперские свидетельства и грамоты о репрессалиях.....	127
§ 4. Каперство: под при ⁷ щелом государства	138
Глава третья: Морской разбой и эскалация насилия в океане: проблемы военно-морской революции XVI – XVIII вв.	165
§ 1. «Свобода морей» и трансформация геополитических интересов европейских военно-морских держав.....	165
<i>Борьба за пересмотр системы тиренейской монополии</i>	170
§ 2. Морская война и регламентация принципов призового права в европейском законодательстве Нового времени	196
<i>Призовое право и проблемы захвата неприятельской собственности в морском законодательстве XVI – XVIII вв.</i>	199
§ 3. Европейская экспансия: технологические аспекты морских плаваний	210
<i>Инструменты мореплавания и доктрина «сокрытия знаний»</i>	212
<i>Корабль экспансии: типология и функции</i>	222
<i>Пушечная мощь и стратегия корсарской войны</i>	230
Глава четвертая. «Солдаты экспансии»: морской разбой и борьба за передел Нового Света	251
§ 1. Челночные рейды	256
<i>Испанская Америка: особенности оборонительной системы</i>	268
§ 2. Флибуста	291
<i>Сент-Кристофер</i>	291
<i>Санта-Каталина</i>	298
<i>Тортуга</i>	302

74

10

<i>Опорные базы: Испанский Мэйн и Тихий океан</i>	327
<i>На путях к Красному морю: Сент-Мэри</i>	343
§ 3. Флибуста и модель колониального наемничества	344
<i>Вынужденный «союзник» в реалиях борьбы за колонии</i>	350
<i>Вольные «солдаты»</i>	360
§ 4. «Золотая эпоха» пиратства.....	371
<i>Передел Вест-Индии и социальный страх</i>	372
<i>«Многими ворами станет меньше»: Багамские острова и война с пиратством</i>	375
<i>«Мадагаскарский король»: пираты в поисках государственной протекции</i> . ..	384
<i>«Секретная экспедиция» Петра I в 1723–1724 гг.</i>	389
Глава пятая. Морской разбой в фокусе социальной истории	413
§ 1. Моряцкий социум и пиратство: специфика и особенности	413
<i>Общие особенности</i>	413
<i>Социальные маркеры: имена, происхождение, расовые и возрастные характеристики</i>	418
§ 2. Морской разбой в историко-антропологическом контексте	447
<i>«Адова пропасть»: ментальные аспекты морского бытия</i>	447
<i>В тисках корабельной повседневности</i>	485
§ 3. Пиратство и плебейский социум: властные иерархии	515
<i>Отверженные маргиналы</i>	515
<i>Пиратское братство: эгалитаризм, выборы, дисциплина</i>	523
§ 4. «Месть отпетых»: бандитизм и социальный террор	571
<i>Пиратская субкультура и ее основные черты</i>	572
<i>Механизмы пиратского террора</i>	581
Заключение	597
Список использованных источников и литературы	607

ВВЕДЕНИЕ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования

Одним из важнейших цивилизационных последствий модернизации XVI – XVIII вв. стали процессы глобализации, в результате которых Мировой океан трансформировался в единую взаимосвязанную экономическую, транспортную, военно-стратегическую и культурную систему. При комплексном осмыслении эпохи Великих географических открытий, положивших начало формированию единой мировой системы, и ее геополитических, технологических и институциональных реалий, на первый план изучения неизменно выходят процессы, связанные с европейской колониальной экспансией. Западноевропейская цивилизация, вырвавшись за пределы западной оконечности Евразийского материка, начала захват морского пространства. Первый раздел мира, начало которому положили «папский раздел», был оформлен международными Тордесильясским (1494 г.) и Сарагосским (1529 г.) договорами, и создал уникальную геополитическую ситуацию – океаническое пространство формально оказалось в монопольном владении Португалии и Испании, которые первыми вступили на путь колониальной экспансии. Однако универсалистская модель мировой гегемонии пиренейских держав с первых лет существования попала под жесткое давление новых военно-морских держав (Франции, Англии, Нидерландов), в свою очередь начавших борьбу за контроль над морскими коммуникациями и приступивших к созданию заморских владений в Вест-Индии и Ост-Индии. Благодаря инновациям в навигационной, судостроительной и военных областях и цивилизационным преобразованиям в европейских странах сформировалась типологическая модель современного государства. Одновременно существенным изменениям подверглась сама сущность понятия морского владения, Океан же превратился в арену ожесточенной борьбы за передел колониального мира и зону перманентного государственного насилия.

Такая актуальная постановка проблемы заставляет рассматривать колониальную историю в целостном ключе и анализировать феномен морского разбоя, сопоставляя его эволюцию с общеевропейскими тенденциями цивилизационного развития. Последние в эпоху становления государств Нового времени определялись, в первую очередь, способностью властей управлять вооруженными силами и проводить колониальную экспансию. Испанская и Португальская империи, создав закрытую колониальную систему, из-за территориальной протяженности своих заморских владений, оказались не в состоянии обеспечить строгий контроль за всей морской зоной. Данное обстоятельство обусловило формирование внутри монопольных колониальных зон специальных территорий «неполного контроля», открытых для конкурентного проникновения. Новые военно-морские державы, не участвовавшие в первом разделе мира, не располагали достаточными финансовыми, военными и политическими ресурсами для экспансии в регионах, подконтрольных Испании и Португалии, и вынуждены были широко использовать частную инициативу своих подданных. Наиболее востребованным средством оказался морской разбой, принимавший формы пиратства и контролируемого государством каперства, а также широко распространенной практики выдачи репрессальных грамот.

Рассеянное по морю сообщество пиратов и каперов, являвшееся продуктом сложных процессов глобализации мира, представляло собой неотъемлемую часть «моряцкого социума» с характерной для него системой корпоративных отношений и группового воспроизводства. Внутренние структуры этого противоречивого многофункционального социального феномена отличались особыми свойствами, присущими плебейскому и криминальному сообществам, воспроизводивших и материализовавших определенные типы консолидирующих социальных связей, бытовых реалий, ценностных императивов и создававших особую привлекательность пиратского образа жизни. В этой особой маргинальной среде вырабатывались специфические правила организации закрытой для общества власти, основанной на демократических началах и использовавшей принципы

представительного правления. Подобная «альтернативность» привела к выработке специфических методов давления на окружающее общество, основанных на терроре представителей колониальных властей, жестком шантаже и агрессивном запугивании своих жертв. По мере трансформации разбойничьего промысла в уголовный бизнес, пиратство приобретало черты криминально-плебейского террора, вызывая ответную волну репрессий со стороны военно-морских держав. Постепенно удовлетворение «потребности общества в безопасности» превратилось в лейтмотив всей государственной системы, противостоявшей плебейскому восприятию нового порядка, что привело к решительным мерам по подавлению пиратства. Актуальность данного исследования обусловлена также и реалиями современного миропорядка, связанными с обострением пиратской угрозы и эскалацией международного терроризма.

Объект исследования

В качестве объекта исследования избраны процессы европейской экспансии XVI – первой трети XVIII вв., проанализированные с точки зрения борьбы Англии, Франции и Нидерландов с испанской колониальной монополией.

Предмет исследования

Предметом исследования выступает феномен морского разбоя, рассмотренный во взаимосвязи и логическом единстве с процессами европейской колониальной экспансии и военно-морскими конфликтами в Новом Свете в XVI – первой трети XVIII вв.

Специфику выбранного нами предмета исследования определяют два принципиально важных фактора. Первый из них носит геополитический характер. Его влияние связано с наличием обширных внутренних зон «неполного контроля», формально находившихся под контролем Испании, но фактически оказывавшихся открытыми для конкурентного вмешательства европейских держав. Ключевым пунктом испанской концепции защиты колоний выступала доктрина защиты «самого дорогого», однако она давала трещину: города и поселения на обширном пространстве Антильских островов и Испанского Мэйна,

связанные системой каботажной торговли, оказывались практически изолированными и уязвимыми. Вынужденная защищать наиболее важные стратегические объекты, Испания оставляла без должного прикрытия рассеянные по Карибскому морю островные территории, и они попадали в руки европейских конкурентов. Таким образом, по мере того как Испания утрачивала военно-политическую гегемонию в Европе, таяли и ее заморские владения.

Второй фактор имеет социальную природу и предопределен перманентным присутствием на океанских торговых коммуникациях полувоенного маргинального элемента, постоянно перемещавшегося внутри заморских территорий, объявленных монопольным владением пиренейских держав. Этот специфический морской социум характеризовался не только высокой мобильностью и девиантным поведением, но и реализовывал специфические экономические, гендерные и субкультурные стратегии, определяемые социальным происхождением их носителей, накопленным ими социальным капиталом и поведенческими мотивациями, свойственными плебейским слоям общества.

Цель и задачи исследования

Настоящая работа преследует цель исследовать морской разбой как целостный исторический феномен, явившийся результатом воздействия комплекса геополитических, технологических, культурных и социальных процессов, связанных с европейской колониальной экспансией XVI – первой трети XVIII вв.

Из поставленной цели вытекают следующие **задачи исследования**:

- систематизировать и обобщить историю морского разбоя в XVI – первой трети XVIII вв., определив хронологические фазы его развития и охарактеризовав его типологические признаки и специфику трансформации;
- изучить смысл и терминологические аспекты понятий, связанных с морским разбоем, и рассмотреть различные его формы, выявляя их содержание и практическое применение в обстановке обострившейся борьбы европейских военно-морских держав за передел мира;

- проанализировать морской разбой в масштабном историческом контексте, позволяющем, с одной стороны, выделить его сущностные черты как гомогенной модели, сложившейся в ходе борьбы военно-морских европейских держав за контроль над океаническим пространством, а с другой стороны, определить его специфические характеристики как гетерогенного социального явления;

- проанализировать геополитические и технологические аспекты европейской колониальной экспансии, рассмотрев их на фоне острой борьбы за передел мира и во взаимосвязи с эволюцией системы призового права, тем самым представив каперство и пиратство как средства глобального переустройства мира, начавшегося с эпохи Великих географических открытий;

- на примере деятельности корсаров, каперов и пиратов изучить методы колониального проникновения европейских военно-морских держав в «закрытые моря» Нового Света, находившиеся в формальном монопольном владении пиренейских держав;

- исследовать институциональные особенности и специфику функционирования пиратского морского социума как маскулинного профессионального сообщества, обладавшего чертами мобильной интернациональной общности, и на примере организации и повседневной жизни пиратских группировок выявить его ментальные, антропологические и поведенческие характеристики;

- рассматривая пиратский социум в качестве носителя плебейской идеологии и как специфическую форму организованной преступности, изучить основные механизмы, регулировавшие властные отношения внутри этого криминального пиратского сообщества;

- проанализировать особенности пиратской субкультуры и выявить лежавшие в его основе базовые характеристики и символическое оформление;

- определить пространственные границы каперско-пиратской деятельности и реконструировать поведенческие стратегии пиратства в его противодействии репрессивной политике закрепившихся в Новом Свете европейских держав;

- рассмотреть каперство и пиратство в качестве специфической формы частного предпринимательства и выделить экономические аспекты морского разбоя и механизмы инвестирования средств в каперскую деятельность как факторы, способствовавшие первоначальному накоплению капитала и развитию предпринимательской деятельности;

- на основе проведенного анализа сформулировать обобщающие выводы о роли и значении феномена морского разбоя в процессе европейской колониальной экспансии в XVI – первой трети XVIII вв.

При разработке данной темы особое внимание уделяется тенденциям правительственной политики по отношению к использованию стихии свободного рынка для овладения колониальным пространством и дальнейшего регулирования частного предпринимательства в целях обеспечения контроля над захваченными территориями. В связи с этим, анализируется степень взаимосвязей и противоречий между потребностями государства и частными интересами, которые привели к активизации пиратства, воспринимаемого как своего рода радикальная социальная альтернатива, характеризующаяся плебейским пониманием справедливости и спецификой криминального мироощущения.

Понятийный аппарат

Неоднозначность трактовок понятий капер, корсар, приватир, пират и тому подобных требует сделать необходимые пояснения относительно интерпретации и применения названных терминов. Вынесенное в название работы понятие морского разбоя многозначно и подразумевает совокупность разнообразных форм частного предпринимательства, связанных с захватом призов, что, соответственно, нашло отражение в терминологии. При анализе различных понятийных дефиниций, связанных с морским разбоем, следует учитывать специфические отношения между маргинальными группировками морских добытчиков и государственными властями, прагматично использующими нерегулярные и зачастую неподконтрольные им вооруженные формирования в интересах колониального продвижения и предоставлявшими им официальные лицензии на

захват торговых судов вражеских держав. Агрессивная внешняя политика Франции, Англии и Нидерландов и их борьба за передел мира создали благоприятную почву для эскалации насилия в море, придав дополнительные импульсы традиционной для средневековья призовой практике и территориально расширив пространство морского разбоя на зоны колониальной монополии пиренейских держав. Таким образом, терминологию морского разбоя невозможно анализировать без учета уникальной международной обстановки, сложившейся в эпоху Великих географических открытий. Благодаря потоку европейских переселенцев, хлынувшему в приграничные периферийные территории Нового Света, на пересечении сфер влияния военно-морских держав сформировались пиратские области со смешанным вооруженным населением. Испанские власти однозначно рассматривали «пришлых» форбанов, кау-киллеров, буканьеров, роверов, флибустьеров, корсаров как разбойников (ладронес). Однако отличительной чертой этого самобытного морского социума была смешанная социальная структура, внешне его участники напоминали солдат наемнических армий, но одновременно они являлись неотъемлемой частью гражданского колониального общества Вест-Индии. Данная особенность изучаемого феномена и его двойственные черты, по мнению автора, предопределили терминологические разночтения и внесли дополнительные сложности при систематизации и формальном разграничении используемых нами понятий.

Хронологические рамки исследования

Хронологические рамки исследования охватывают период XVI – первой трети XVIII вв., связанный с борьбой европейских военно-морских держав за передел мира. В его начальной фазе обширные территории Нового Света носили особый международно-правовой статус, права на владение ими принадлежали Испании. В связи с этим проникновение Франции, Англии и Нидерландов в Карибское море изначально имело незаконный характер, тем более что европейские державы, формально признавая колониальную монополию Мадрида,

придерживались по отношению к заморским владениям Испании доктрины «никакого мира за чертой» и негласно поощряли корсарские рейды в Новый Свет.

Ситуация начала меняться с наступлением XVII в., что нашло отражение в мирных договорах, содержащих территориальные уступки со стороны Испании и Португалии. Внутренним рубежом стал конец XVII – первая треть XVIII вв., характеризовавшийся кардинальным изменением колониальной системы. В основу нового порядка легли международные соглашения (Мадридский, Регенсбургские, Рисвикские и Утрехтские мирные договоры), юридически зафиксировавшие права новых колониальных держав на владение заморскими территориями. Установление новых границ в Западном и Восточном полушариях и, в частности, превращение вест-индских островных владений Испании в колонии Англии, Франции и Нидерландов привели к крушению системы «папского раздела» и закату идеологии «нет мира за чертой». Окончание войн за передел сфер влияния и установление нового геополитического порядка разрушили сложившуюся в регионе практику морского разбоя. Предпринятые европейскими державами жесткие меры по искоренению пиратства стали водоразделом, открывшим новый этап колониальной истории.

Территориальные рамки исследования

Территориальные рамки исследования включают в основном акваторию Карибского моря, побережье Центральной и Южной Америки, тихоокеанские владения Испанской короны в Новом Свете, подверженные нападениям пиратов и каперов. С учетом структуры исследования, в котором немалое место уделено процессам пиратской экспансии, речь также идет о территориях Ост-Индии, превращавшихся, по мере вытеснения пиратов из Вест-Индии, в регионы бурной пиратской активности.

Методологическая основа диссертации

Методологической основой исследования является общенаучный системный подход, применяемый в сочетании с основополагающими для гуманитарного знания принципами, в качестве которых выступают историзм, объективность,

комплексность и достоверность. Выбор использованных методов был продиктован конкретными задачами диссертации и определялся степенью соотнесения, характером и спецификой взаимосвязей изучаемого объекта и предмета исследования в конкретно-исторических условиях. В рамках изучаемой проблемы мы отталкивались от концепции французского историка Ф. Броделя, который, анализируя развитие системы мирового капитализма в XV–XVIII вв., рассматривал его как «мир-экономику» и иерархически соотносил цивилизационное ядро-центр с окружавшей его гигантской периферией.¹ Предложив методологическую иерархию, подчинившую «событие» «процессу», и введя парадигму «большой протяженности» («la longue durée»), Бродель предпринял попытку выявить устойчивые структуры истории в виде «самого неуничтожимого» повседневного. Описывая историю «мира-экономики», один из последователей Броделя американский исследователь И. Валлерстайн выделяет колониальную экспансию в качестве одного из важнейших факторов, способствовавших формированию «мировой европейской экономики», и соотносит «долгий XVI век» (1450 – 1640-е гг.) с эпохой возникновения капиталистического «ядра» Западной Европы. После открытия Америки по обе стороны Атлантики начал складываться целостный мир-экономика, единый трансатлантический рынок, предшествующий формированию национальных рынков. В политической сфере экспансия обернулась столкновением ведущих держав, сделавших ставку на военно-морскую мощь.²

Наряду с традиционными для исторического исследования проблемно-хронологическим, сравнительно-историческим, историко-генетическим, историко-типологическим, историко-компаративным и историко-ретроспективным подходами, позволяющими ставить и решать конкретные

¹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Т. 1–3. М., 1986–1992.

² Wallerstein I. The modern world system: vol. I–IV. New York; Berkeley; San Diego, 1974–1989; Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001; Валлерстайн И. Исторические системы как сложные системы // Философские перипетии. Вестник Харьковского государственного университета. № 409. 1998. Валлерстайн И. Мирово-системный анализ // Время мира. Альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций / Под ред. Н. С. Розова. Новосибирск, 1998. Выпуск 1. С. 105–123.

познавательные задачи, автор использовал разнообразные методологические приемы, позволившие связать в единый комплекс многофакторные (технологические, геополитические, политологические, интеллектуальные, гендерные, антропологические) аспекты изучаемой проблематики. Так, при анализе лингвистических аспектов исследования были применены характерные для источниковедения методы исторической критики источника и приемы герменевтического и дипломатического анализа. Кроме того, автор широко использовал возможности институционального, просопографического и каузального методов. Некоторые части работы были задуманы в русле исторической антропологии, в связи с чем особую роль сыграли подходы, характерные для изучения истории повседневности, а также достижения новой культурной истории и новой интеллектуальной истории, позволяющие увидеть за универсальностью привычно используемых понятий уникальность их внутреннего содержания.

Научная новизна

Научная новизна диссертации заключается в постановке актуальной исследовательской проблемы и полученных на основе ее разработки результатах. В отличие от существующих работ по истории колониализма и европейской экспансии, в которых акцент делался на дипломатической истории и межгосударственных отношениях, в диссертации феномен морского разбоя исследуется как системный процесс. Это позволяет не только проследить формирование и эволюцию пиратства и каперства и определить их особенности на разных этапах, но и показать глубокую связь морского разбоя с процессами борьбы за передел Мирового океана.

В результате комплексного изучения диссертанту удалось расширить и пересмотреть ряд положений о роли и месте каперства и пиратства в разделе Испанской колониальной империи. В работе, в частности, дан обстоятельный анализ островной тактики корсаров и пиратов, благодаря которой захваченные

ими территории становились государственными владениями новых колониальных держав.

Особое значение диссертации придает институциональный анализ, предпринятый автором в отношении исследования системы организации власти внутри пиратского социума, рассмотренного как воплощение радикальных представлений плебейского сообщества, сочетавших эгалитаристские устремления и принципы «прямой демократии». Подобные взгляды легли в основу пиратской субкультуры с ее маскулинностью, агрессивным символизмом и специфическим менталитетом.

Автором также выявлены и введены в научный оборот архивные документы, связанные с внешней политикой Российской империи и колониальными проектами императора Петра I по подготовке секретной экспедиции, направленной для предоставления протекции пиратам Мадагаскара, а также новые материалы, позволяющие охарактеризовать специфику отражения пиратской темы в русской культуре.

Таким образом, результатом исследования стал демонтаж стереотипов о морском разбое, сформированных во многом под влиянием государственной идеологии и этико-нравоучительных коннотаций художественной литературы. Морской разбой предстал как комплексный феномен, тесно связанный с различными сторонами общественной, политической, социальной, культурной и экономической жизни Европы раннего Нового времени и Нового времени. Учитывая, что в большинстве исследований, посвященных морскому разбою, данные сюжеты не рассматривались в подобном комплексном охвате, новизна данного исследования не должна вызывать сомнений. Выводы диссертационного исследования вносят ряд уточнений в существующие представления как о роли морского разбоя в переустройстве Европы в периоды раннего Нового времени и Нового времени в целом, так и об организации, методах и принципах существования каперства и пиратства в частности. Кроме того, результаты работы существенно дополняют и конкретизируют представления о жизненных

стратегиях, повседневности, идеологии и институциональных основах морского сообщества, и, в частности, пиратского социума. Исходя из сказанного, достигнутые автором цели и поставленные задачи, до сих пор в подобном ракурсе исторической наукой не осуществлявшие, представляют бесспорный научный интерес. В диссертации введены в научный оборот новые источники, в том числе и архивные, расширяющие представления об истории пиратства.

Теоретическая значимость диссертации

Выводы диссертационного исследования вносят уточнения в существующие представления как о роли морского разбоя в европейской колониальной политике в период раннего Нового времени, так и об организации, методах и принципах существования каперства и пиратства. Кроме того, результаты работы существенно дополняют и конкретизируют представления о жизненных стратегиях, повседневности, идеологии и институциональных основах морского сообщества и, в частности, пиратского социума. Достигнутые автором цели и решенные им задачи, до сих пор в подобном ракурсе исторической наукой не ставившиеся, позволяют пересмотреть устоявшиеся представления о процессах европейской экспансии. В диссертации введены в научный оборот новые документальные источники, в том числе и архивные, расширяющие представления о процессах европейской экспансии, истории пиратства и внешней политике Российской империи.

Практическая значимость диссертации

Материалы и выводы диссертации могут быть использованы при анализе современного международного положения и, в первую очередь, при изучении проблем терроризма и причин эскалации пиратства в водах Юго-Восточной Азии, Западной и Восточной Африки и Латинской Америки. Выявленные в диссертации структурные элементы, связанные с использованием морского разбоя в колониальных целях, и выводы относительно механизмов организации государственной власти в контролируемой им морской зоне, могут быть применены при анализе современных процессов глобализации. Сделанные

автором заключения окажут пользу при изучении раннего Нового времени, в частности, при подготовке общих и специальных учебных курсов по истории Великих географических открытий, европейской колониальной экспансии, военно-морской истории, истории Вест-Индии, Латинской Америки, истории стран Азии и Африки, а также при преподавании истории государства и права, политологии, морского права, экономики и теории предпринимательства.

Апробация результатов исследования

Основные положения диссертации изложены в опубликованных научных трудах автора. Общий объем публикаций по теме исследования составляет 176 п.л. По теме диссертации автором опубликовано 34 научные работы.

Среди них в первую очередь необходимо отметить четыре монографии. Одна из них, «Золотая эпоха морского разбоя: пираты, флибустьеры, корсары», широко используется во многих работах, посвященных истории пиратства в Вест-Индии, истории английского каперства, истории морского права. Монография «Морской разбой в XVI – XVIII веках. Генезис, история, типология» апробирована автором в его учебно-преподавательской деятельности в Российском государственном педагогическом университете имени А. И. Герцена (лекционные курсы «История Великих географических открытий и европейская экспансия», «Источниковедение», «История мировой культуры»). В свою очередь, монография «Раздел Океана в XVI – XVIII веках: истоки и эволюция пиратства» вызвала позитивные отклики и вошла в список финалистов премии «Просветитель» Фонда «Династия» в номинации «Гуманитарные науки» 2013 г. Наиболее значимые достижения автора, полученные при изучении феномена морского разбоя в преломлении к истории колониальной экспансии и международных отношений, отражены в монографии «Пиратство в XVI–XVIII веках: на острие мировой политики», а также опубликованы в 14 изданиях из списка, рекомендованного Высшей аттестационной комиссией Российской Федерации (ВАК РФ) для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук, включая такие авторитетные журналы, как «Вопросы

истории», «Диалог со временем», «Исторический архив», «Новое литературное обозрение», «Этнографическое обозрение» и «Известия Русского географического общества».

Научные результаты, полученные автором диссертации, опубликованы также в изданиях материалов международных и российских научных конференций и многочисленных публикациях научно-популярного характера.

Основные положения и результаты исследования были изложены в докладах более чем на 15 научных и научно-практических конференциях, из которых 6 имели международный характер. Кроме того, полученные результаты апробированы автором при чтении специальных лекционных курсов «История пиратства в Вест-Индии в XV – XVIII вв.» (СПбГУ, 1999 г.) и «История Великих географических открытий» (РГПУ имени А.И.Герцена, 2010 – 2014 гг.), а также при проведении аспирантских семинаров в Санкт-Петербургском Институте истории РАН (2008 г.), на которых автор исследовал специфику дипломатики каперской грамоты, и на заседаниях Русского географического общества (2008 – 2010 гг.). Текст диссертации был обсужден и одобрен на заседании Отдела всеобщей истории Санкт-Петербургского Института истории РАН.

Структура исследования

Структура исследования обоснована проблемно-хронологическим принципом и обусловлена поставленными целями и задачами. Разделение диссертации на пять глав вытекает из логики самого исследования, предусматривающего анализ разномасштабных аспектов заявленной темы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка использованных источников и литературы. Общий объем работы составляет 730 страниц.

ГЛАВА ПЕРВАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

§ 1. ИСТОРИОГРАФИЯ

Характеризуя изученность вопросов, ставших предметом исследования, необходимо отметить, что морской разбой как исторический феномен не может быть адекватно представлен в процессе анализа его как независимого явления. Он должен рассматриваться не изолированно, а в контексте общих тенденций мирового экономического, политического, социального и культурного развития XVI – XVIII вв. Пиратско-каперский мир являлся одним из системных элементов мира, вступившего на путь глобализации, начало которой положили Великие географические открытия и европейская колониальная экспансия. В результате этих процессов возникли Испанская, Португальская, Английская, Голландская и Французская колониальные империи, и, соответственно, «периферийное» колониальное пространство стало частью нового миропространства. После открытия Америки по обе стороны Атлантики начал складываться целостный «мир-экономика», единый трансатлантический рынок, формирование которого шло параллельно складыванию национальных государств Нового времени, сделавших ставку на колониальную экспансию.

Морской социум, включая пиратско-каперское сообщество, как один из его элементов, являлся важной частью этого трансатлантического мира. Как нам представляется, его анализ возможен с учетом важнейших тенденций, сложившихся в современной историографии. В качестве первой выделим тесно связанную с идеей «мир-экономики» Ф. Броделя концепцию «атлантической истории», рассматривающую пространство Атлантического океана как некое цивилизационное целое и подразумевающую существование тесного взаимодействия Европы, Америки и Африки, в основу которого была положена

колониальная модель, обеспечивающая континуитет европейского преобладания.³ Большинство европейских явлений могут быть адекватно интерпретированы только в том случае, если не ограничиваться традиционным подходом, когда колониальная история изучается в фокусе британской, французской, португальской, голландской или испанской историй, и анализировать локальные эмпирические «истории» в рамках гомогенного атлантического исследования. Акцент же научного дискурса смещается с чисто экономической или политической истории к сюжетам, в которых главное место отведено людям, культурам, идеям и институтам, а на передний план выходят взаимосвязи африканской, европейской, индейской и американской цивилизаций. При таком ракурсе Атлантика мыслится как система тесного цивилизационного взаимодействия.

Разумеется, подобная интерпретация атлантизма выходит за рамки восприятия «отцов-основателей» данной концепции. В 1946 г. британский историк Г. Белло, выступая на заседании Исторической ассоциации в Лондоне, предложил к обсуждению доклад «Атлантическая история». Задаваясь вопросом о том, как включить историю Америки в школьный курс истории, Белло призвал изучать ее в тесной взаимосвязи с европейской историей – ведь речь, по его словам, шла не об «американских феноменах, а о явлениях атлантических».⁴ На следующий год появилась работа французского историка Жака Годшо «История Атлантики», в которой автор предложил свою версию европейской экспансии и военно-морской

³ См. подробнее: *Bailyn B.* The Idea of Atlantic History // *Itinerario*. 1996. № 20; *Marzagalli S.* Sur les origines de L'«Atlantic History»: Paradigme interpretatif de l'histoire des espaces atlantiques à l'époque moderne // *Dix-Huitième siècle*. 2001. № 33. P. 17–31; *Кляйтманн Ч.-О.* Атлантическое пространство как проблема европейской системы государств // *Европа*. 2001. Т. 1. № 1. С. 9–33; *Пичман Х.* Атлантическая история – между европейской и всемирной историей // *Европа: Журнал польского института международных дел*. 2002. Т. 2. № 3 (4). С. 23–55; *Bailyn B.* *Atlantic History: Concept and Contours*. Cambridge: Harvard University Press, 2005; *Games A.* *Atlantic History: Definitions, Challenges, and Opportunities* // *American Historical Review*. 2006. Vol. 111. № 3. P. 741–757; *The Atlantic in Global History, 1500 – 2000* / Ed. by Jorge Cañizares-Esguerra and Erik R. Sceman New York: Upper Saddle River, 2007; *Marzagalli S.* L'Histoire atlantique en Europe // *Nuevo Mundo. L'histoire atlantique de part et d'autre de l'Atlantique*. Journée d'études organisée par Cécile Vidal le 24 mars 2006 à l'EHESS. Paris, 2006 (<http://nuevomundo.revues.org/index42463.html>); *Vidal C.* La nouvelle histoire atlantique en France: Ignorance, reticence et reconnaissance tardive // *Nuevo Mundo Mundos Nuevas* [En línea]. Coloquios, 2008 (<http://nuevomundo.revues.org/index42513.html>).

⁴ *Bellot H. H.* *Atlantic History* // *History*. 1946. Vol. XXXI. P. 56 – 63.

истории, выделив «историю Атлантики» в качестве самостоятельного поля исследования.⁵

1950 – 1960-е годы стали временем бурного изучения Атлантики, настоящим временем изучения «атлантической экономики» (П. и Г. Шоню) или «атлантического пространства» (Л. Февр). Обработывались огромные объемы эмпирических данных, историки пытались выявить материальную основу атлантического мира. Свидетельством тому стали классические труды Витторину Магальяйша Годинью о Бразилии⁶ и фундаментальное исследование Пьера и Гюгетты Шоню, посвященное торговле Испании в XVI и первой половине XVII вв.⁷ «Атлантические» нации проложили торговые коммуникации, вязавшие мир в единую систему транспортно-торговых связей, основали колониальные империи и обеспечили континуитет европейского преобладания.⁸

Однако постепенно произошло определенное переосмысление и обновление концептуальных приоритетов. Количественные методы, или, по словам П. Шоню, «серийная история», отошли на второй план. Само понимание Атлантики как некоего сообщества с общими корнями и историческим опытом уступило место восприятию Атлантики как «прочной взаимозависимой конструкции»,⁹ развивающейся, по словам Э. Геймс, «под знаком конвергенции и взаимосвязей

⁵ *Godechot J. Histoire de l'Atlantique. Paris: Bordas, 1947. P. 2.* См. также совместный доклад Годшо и американца Роберта Палмера на X Международном конгрессе историков в Риме в 1955 г. (*Godechot J., Palmer R. Le problème de l'Atlantique du XVIII-ème au XX-ème siècle // Relazioni del X Congresso internazionale di scienze storiche. Florence: Sansonia, 1955. Vol.5. P. 175–239.*) Заметим, что параллельно Годшо, схожий взгляд продемонстрировал в своем исследовании о Средиземном море Ф. Бродель (*Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. 1–3. М.: Языки славянской культуры, 2002–2005, фр. издание 1949 г.*).

⁶ *Godinho V. M. Crétion et dynamisme économique du monde atlantique (1420 – 1670) // Annales: Économies, Sociétés, Civilisation. 1950. Vol. 5. № 1. P. 10–30; Idem. L'Économie de l'Empire Portugais sur XV-e et XVI-e siècles. Paris: SEVPEN, 1969; Godinho V.M. Portugal and her Empire // The New Cambridge Modern History. Vol. VI / Ed. by J. S. Bromley. Cambridge: Cambridge University Press, 1970. P. 509–539.*

⁷ *Chaunu H., Chaunu P. Séville et Atlantique, 1504–1660. T. I–VIII. Paris: SEVPEN, 1955–1960.* См. также: *Chaunu P. Conquête et exploitation des Nouveaux Mondes (XVI-e siècle). Paris: Presses universitaires de France, 1969; Chaunu P. L'expansion Européenne du XIII au XV-e siècle. Paris: PUF, 1969.*

⁸ *Davis R. The rise of the Atlantic economies. London: Weidenfeld and Nicolson, 1973; Negotiated Empires: Centers and Peripheries in the Americas, 1500–1820 / Ed. by Christine Daniels and Michael V. Kennedy. New York: Routledge, 2002.* См. также: *Зарин В. А. Запад и Восток в мировой истории XIV–XIX вв.: (Западные концепции общественного развития и становление мирового рынка). М.: Наука. 1991. С. 121–128.*

⁹ *Hancock D. The British Atlantic world: co-ordination, complexity and the emergence of an Atlantic market economy, 1651–1815 / D. Hancock // Itinerario. 1999. Vol. 23. Issue 2. P. P. 107.*

общества и индивидуумов вокруг этого океана».¹⁰ Толчком к появлению этого нового исторического феномена стал 1492 год. В качестве примеров сложного структурного взаимодействия приводились примеры обратного воздействия экспансии на Европу, не привлекавшие ранее пристального внимания историков. Например, биологические последствия открытия Америки для Нового Света и Европы, проникновение американских продуктов (сахар, картофель, кукуруза, кофе) на европейский рынок, которое привело к широкой реструктуризации аграрного и промышленного сектора, сложные сети миграционных процессов, невольничья торговля и т. п. В работах современных ученых Д. Хэнкока, Д. Торнтона, Ж. Лебодек, М. Морино, Д. Роджерса, Дж. Элиота и П. Бютеля, делающих акцент на качественных методах исследования, различные проблемы атлантической истории интерпретируются с точки зрения истории ментальности, индивидуальных и коллективных судеб, культурных явлений.¹¹ Например, в монографии Дэвида Хэнкока о лондонских купцах XVIII в. описывается партия в гольф, произошедшая в 1773 г. на английской фактории на р. Сьерра-Леоне. Описанная историком ситуация сама по себе выглядит достаточно парадоксально. В самой Британии в тот момент насчитывалось всего два поля для гольфа, а здесь, среди буйных джунглей где-то на краю света, шесть английских работорговцев пытаются загнать мяч в лузу. Что интересно, рассказ об этой партии приводится со слов шведского путешественника оказавшегося заброшенным в эту африканскую глушь. Но рассказ историка заставляет нас задуматься о новых реалиях жизни – площадки для гольфа сооружаются из древесины, добытой в Центральной Африке, рубашки и брюки игроков сшиты из индийского хлопка,

¹⁰ Цит. по: *Marzagalli S.* Sur les origine de L' «Atlantic History»... P. 25.

¹¹ См. например: *Thornton J.* Africa and Africans in the making of the Atlantic world, 1400–1680. Cambridge: Cambridge University Press, 1993; *Hancock D.* Citizens of the world: London merchants and the integration of the British Atlantic community, 1735–1785. Cambridge, New York: Cambridge University Press., 1995; *Price J. M.* Tobacco in Atlantic trade: The Chesapeake, London and Glasgow, 1675–1775. Aldershot: Variorum, 1995; *Morineau M.* La vrai nature des choses et leur enchainement entre la France, les Antilles et l'Europe (17-e–19-e siècle) // *Revue française d'histoire d'Outre-mer.* 1997. № 84. P. 3–24; *Le Bouëdec G.* La Compagnie des Indes et le cabotage atlantique au 18-e siècle // *Bulletin de la société d'histoire moderne et contemporaine.* 1997. № 1–2. P. 53–69; *Rodgers D. R.* Atlantic Crossings. Social Politics in a Progressive Age. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1998; *Elliot J.H.* Empires of the Atlantic World: Britain and Spain in America, 1492–1830. New Haven: Yale University Press, 2006; *Butel P.* Histoire de l'Atlantique de l'Atlantique à nos jours. Paris: Perrin, 1997.

шерстяные ткани чернокожих слуг произведены под Глазго, а виргинский табак с мадерой лишней раз подчеркивают общность экономики, объединяющей Европу, Африку, Америку и Азию.

Разумеется, проблемы атлантической истории – один из сюжетов, характерных для исследований, посвященных европейской экспансии. Исследование пиратства и каперства невозможно без привлечения богатой литературы, касающейся географических открытий¹² и национальных версий экспансии.¹³ Это капитальные труды по истории португальского,¹⁴ британского,¹⁵ французского¹⁶ и голландского¹⁷ колониализма, авторы которых привлекли

¹² *Julien Ch.-A.* Les voyages de découverte et les premiers établissements (XV-e–XVI-e siècles). Paris: Presses Universitaires De France, 1947; *Бейкер Дж.* История географических открытий и исследований. М: Иностранная литература, 1950; *Brebner J. B.* The explorers of North America 1492–1806. Cleveland: Meridian, 1964; *Morison S. E.* The European Discovery of America: The Northern Voyages. A. D. 500–1600. New York: Oxford University Press, 1971; *Idem.* The European Discovery of America: The Southern Voyages. 1492–1616. New York: Oxford University Press, 1974; *Quinn D. B.* England and the discovery of America, 1481 – 1620: From the British voyages of the fifteenth century to the pilgrim settlement at Plymouth. London: Allen and Unwin, 1974; *Idem.* Explorers and colonies: America, 1500 – 1625. London: Hambledon Press, 1990; *Edwards Ph.* The story of the voyage: sea-narratives in eighteenth-century England. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1994.

¹³ Общий обзор см.: *Pagden A.* Lords of All the World: Ideologies of Empire in Spain, Britain and France, c. 1500–c. 1800. New Haven–London: Yale University Press, 1995.

¹⁴ *Boxer Ch. R.* The Portuguese seaborne empire, 1415–1825. Harmondsworth: Penguin, 1973.

¹⁵ *Corbett J. S.* The Successor of Drake. London, 1900; *Beer G. L.* The origins of the British colonial system, 1578–1660. New York: Macmillan, 1908; *Williamson J. A.* The Caribbee Islands under the Proprietary Patents. London: Oxford University Press, 1926; *Knorr Kl.* British Colonial Theories, 1575–1850. Toronto: University of Toronto Press, 1944; *Rowse A. L.* The Expansion of Elizabethan England. London: Macmillan, 1955; *Koebner R.* Empire. Cambridge: Cambridge University Press, 1961; *Thornton A. P.* West-India Policy under the Restoration. Oxford: Clarendon Press, 1956; *Sosin J. M.* English America and the Restoration monarchy of Charles II: Transatlantic politics, commerce and kinship. Lincoln, London: University of Nebraska Press, 1980; *MacFarlane A.* The British in the Americas, 1480–1815. London: Longman, 1994; *Bowen H. V.* Elites, enterprise and the making of the British overseas empire, 1688–1775. London: Macmillan, 1996; *The Oxford History of the British Empire. Vol. I: The Origins of Empire: British Overseas Enterprise to the Close of the Seventeenth Century / Ed. by Nicholas Canny.* Oxford: Oxford University Press, 1998; *Vol. II: The Eighteenth Century / Ed. by P. J. Marshall.* Oxford: Oxford University Press, 1998.

¹⁶ *Margry P.* Les navigations française et la revolution maritime du XIV au XVI siècle, d'après les documents inédits tires de France, d'Angleterre, d'Espagne et d'Italie. Paris: Librairie Tross, 1867; *Hanotaux G., Martineau A.* Histoire des colonies Françaises et de l'expansion de la France dans le monde. T. I–VI. Paris: Plon, 1929–1933; *Saintoyant J. F.* La colonisation Française sous l'Ancien Régime (XV à 1713). T. I. Paris: Renaissance du Livre, 1929; *Mollat M.* Le commerce maritime normande à la fin du Moyen-Âge. Étude d'histoire économique et sociale. Paris: Librairie Plon, 1952; *Butler J.* The Huguenots in America: A refugee people in New World society. Cambridge: Harvard University Press, 1983; *Boucher P.P.* Les Nouvelles Frances: France in America, 1500–1815, an imperial perspective. Providence: John Carter Brown Library, 1989; *Pluchon P., Bouche D.* Histoire de la colonisation française. T. I Le Premier Empire colonial. Des origines à la Restauration. Paris: Fayard, 1991; *Moreau J. P.* Les Petites Antilles de Christophe Colomb à Richelieu. Paris: Karthala, 1992; *Meyer J.* L'Europe et la conquête du monde, XVI-e–XIX-e siècle. Paris: Armand Colin, 1996; *Butel P.* Histoire des Antilles françaises, XVII-e–XX-e siècle. Paris, Perrin, 2002; *Havard G., Vidal C.* Histoire de l'Amérique française. Paris: Flammarion, 2003; *Pritchard J.* In Search of Empire: The French in the Americas, 1670–1730. Cambridge: Cambridge University Press, 2004; *Moreau J.-P.* Une histoire des pirates des mers du Sud à Hollywood. Paris: Éditions Tallandier, 2006.

¹⁷ *Boxer Ch. R.* The Dutch seaborne empire, 1600–1800. London: Hutchinson, 1965; *De Jong G.* The Dutch in America, 1609–1974. Boston: Twayne, 1975; *Goslinga C. Ch.* The Dutch in the Carribean and on the Wild Coast 1580–1680. Assen:

богатый эмпирический материал о морском разбое и исследовали его роль в продвижении европейских держав в Испанскую Америку. Особое место среди изученных нами монографий занимают труды о колониальной истории Америки,¹⁸ в частности испанских владениях в Новом Свете.¹⁹ Исследуя вопросы, касающиеся организации испанских конвоев²⁰ и строительства оборонительных форпостов на пути в Вест-Индии и на Тьера-Фирма. П. Хоффман²¹ и Д. Гудман²² показали, в частности, уязвимость торговых трасс Испании и проанализировали изъяны ее защитной стратегии. Сложившаяся в испанских колониях ситуация тем более показательна, что и на протяжении века, последовавшего за разгромом Непобедимой армады, Испания продолжала оставаться крупнейшей военно-морской державой и предпринимала всевозможные усилия для поддержания своей гегемонии в Европе (А.Томпсон, Р. Стрэдлинг, Дж. Израель, К. Ранн Филипс).²³

Второй историографический блок группируется вокруг сюжетов о т. н. военной революции XVI – XVII вв. Непрерывные войны, порожденные

Van Gorcum and Co. N.V. 1971; *Idem*. The Dutch in the Caribbean and in the Guianas 1680–1791. Assen: Van Gorcum, 1985; *Israel J. I.* Dutch Primacy in World Trade, 1585 – 1740. Oxford: Clarendon Press, 1989.

¹⁸ *Osgood H. J.* The American colonies in the seventeenth century. Vol. 1 – 3. New York: Macmillan, 1904; *Andrews Ch. M.* The colonial history of American history. Vol. 1 – 4. New Haven: Yale University Press, 1934 – 1937; *Saville M. A.* A history of colonial America. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1964; *Бурстин Д.* Американцы. В 3-х т. М.: Прогресс, 1993;

¹⁹ *Hamilton E.* American Treasure and the Price Revolution in Spain, 1501–1650. Cambridge: Harvard University Press, 1934; *Haring C. H.* The Spanish empire in America. New York: Oxford University Press, 1947; *Davies R. T.* The Golden Century of Spain, 1501–1621. London: Macmillan, 1961; *Elliot J. H.* Imperial Spain, 1469–1716. London: Edward Arnold Ltd., 1963; *Parry J. H.* The Spanish Seaborne Empire. New York: Alfred A. Knopf, 1966; *Ramsey J. F.* Spain: the rise of the first world power. Tuscaloosa: University of Alabama Press, 1973; *McAllister L. H.* Spain and Portugal in the New World, 1492–1700. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1984; *Elliot J. H.* Spain and its World, 1500–1700. Princeton: Princeton University Press, 1988; *Кеймен Г.* Испания: дорога к империи. М: АСТ; Хранитель, 2007.

²⁰ Об организации испанских конвоев см. особенно: *Thomasi A. A.* Les flottes d'or: histoire des galions d'Espagne. Paris: France-Empire, 1956; *Walton T. R.* The Spanish Treasure Fleets. Sarasota: Pineapple Press, Inc., 1994; *Caballos E. Mira.* La Armada guardacostas de Andalucía y la defense de la Carrera de Indias (1521–1550). Seville: Muñoz Moya, 1998.

²¹ *Hoffman P. E.* The Spanish Crown and the Defense of the Caribbean, 1535–1585: Precedent, Patrimonialism and Royal Parsimony. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1980.

²² *Goodman D.* Spanish Naval Power, 1589–1665. Reconstruction and Defeat. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

²³ См. подробнее: *Thompson I. A. A.* War and Government in Habsburg Spain, 1560–1620. London: Athlone Press, 1976; *Stradling R. A.* Europe and the Decline of Spain: A Study of the Spanish System, 1580–1720. London, Boston: Allen and Unwin, 1981; *Israel J. I.* The Dutch Republic and the Hispanic World, 1606–1661. Oxford: Clarendon Press, 1982; *Rahn Phillips C.* Six Galleons for the King of Spain: Imperial Defense in the Early Seventeenth Century. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1986; *Stradling R. A.* Philip IV and the Government of Spain, 1621–1665. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1988.

межгосударственным соперничеством, борьба за гегемонию в Европе и в заморских владениях привели к эскалации гонки вооружений и стремительному развитию военного дела. Менялась стратегия и тактика ведения военных действий, модернизировалось вооружение, рождалась новая система комплектования армии, ее организация. Перемены в европейском военном деле на заре Нового времени, «тотальное» вторжение Европы в океаническое пространство – важнейшие компоненты, определившие отличительные черты Нового времени. Начало повороту в изучении флота как рычага международных отношений было положено в трудах контр-адмирала Алфреда Тайера Мэхена²⁴ и вице-адмирала Филиппа Хоурда Коломба,²⁵ изучавших стратегию военно-морской войны и обеспечением господства на морских коммуникациях. Для научной трактовки данного феномена английский профессор Майкл Робертс в лекции, прочитанной в Белфастском Королевском университете, предложил использовать термин «военная революция»,²⁶ относительно природы и характера которого дискуссия в научных кругах не прекращается и сегодня.²⁷ Разумеется, изучение специфики протекания «военной революции» в европейских странах потребовало обращения к фундаментальным исследованиям по истории испанского,²⁸ британского,²⁹ голландского³⁰ и французского³¹ флотов.

²⁴ Мэхен А. Т. Влияние морской силы на историю. 1660–1783. М.–Л.: Военмориздат, 1941.

²⁵ Колумб Ф. Г. Морская война, ее основные принципы и опыт. М.: Военмориздат НКВМФ СССР, 1940.

²⁶ Roberts M. *The Military Revolution, 1560–1660*. Belfast: Queen's University, 1956; *Idem*. *Essays in Swedish History*. London: Weidenfeld and Nicolson, 1967.

²⁷ См. подробнее: Parker G. *The Military Revolution, Military Innovation and the Rise of the West, 1500–1800*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988; Black J. *A Military Revolution? Military Change and European Society, 1500–1800*. London: Macmillan, 1991; Downing B. M. *The Military Revolution and Political Change: Origins of Democracy and Autocracy in Early Modern Europe*. Princeton: Princeton University Press, 1993; Chandler D. *The Art of Warfare in the Age of Marlborough*. New York: Sarpedon, 1995; Ayton A., Price J.L. *The Medieval Military Revolution. State, Society and Military Change in Medieval and Early Modern Europe*. London: Tauris, 1995; Prestwich M. *Armies and Warfare in the Middle Ages. The English Experience*. New Haven: Yale University Press, 1996; Lynn J. A. *Giant of the Grand Siècle. The French Army 1610–1715*. New York: Cambridge University Press, 1997; Chagniot J. *Guerre et société à l'époque moderne*. Paris: Presses universitaires de France, 2001; Пенской В. В. Военная революция в Европе XVI–XVII веков и ее последствия // Новая и новейшая история. 2005. № 2. С. 194–206.

²⁸ Fernández Duro C. *Armada Española. Desde la unión de los Reinos de Castilla y Aragón*. 9 vols. Madrid: *Sucesores de Rivadeneira*, 1895–1903; Mattingly G. *The defeat of the Spanish Armada*. London: Jonathan Cape, 1959; McKee A. *From Merciless Invaders: The Defeat of the Spanish Armada*. London: Souvenir Press, 1963; Martin C.J.M., Parker G. *The Spanish armada*. New York: Norton, 1988; Fernández-Armesto F. *The Spanish Armada: The Experience of War in 1588*. Oxford: Oxford University Press, 1988.

²⁹ Nicolas H. N. *A History of the Royal Navy, from the Earliest Times to the Wars of the French Revolution*. T. 1–2. London, 1847; Owen J. H. *War at sea under queen Anne, 1702–1708*. Cambridge: Cambridge University Press, 1938;

По мнению итальянского историка Карло Чипполы, одним из важнейших компонентов, определивших изменение роли флота в европейской политике, стала технологическая модернизация, которая привела к превращению военно-морской силы в главное орудие экспансии и обеспечила европейцам военное преимущество на заморских территориях.³² Европейские государства постепенно превращались в военно-морские державы, мобилизующие огромные средства для обеспечения превосходства над конкурентами и навязывания им своей воли.³³ В ряду преобразований, происходивших в Европе, стоял феномен, связанный с ее продвижением в Мировой океан и получивший название «военно-морской революции».³⁴

Исследователи, занимающиеся проблемами морского преобразования Европы, расходясь в оценках хронологических рамок этого явления, единодушны в главном — европейское общество, вступив на путь морской модернизации, претерпело существенные изменения и получило мощнейшие импульсы к

Bourne R. Queen Anne's Navy in the West Indies. New Haven: Yale University Press, 1939; *Lewis M.* The Navy of Britain. A Historical Portrait. London: Allen and Unwin, 1948; *Powell J. R.* The Navy in the English Civil War. London: Archon Books, 1962; *Capp B. S.* Cromwell's Navy: the Fleet and the English Revolution, 1648–1660. Oxford: Clarendon Press, 1992; *Loades M.* The Tudor Navy. An administrative, political and military history. Aldershot: Scolar Press, 1992; *Wernham R. B.* The return of the armadas: The last years of the Elizabethan war against Spain, 1595–1603. Oxford: Clarendon Press, 1994; *Wilkinson C.* The British navy and the state in the eighteenth century. Woodbridge: Boydell Press, 2004; *Rodger N. A. M.* The command of the ocean. A naval history of Britain, 1649–1815. London: Penguin–Allen Lane, 2004.

³⁰ *Bruijn J. R.* The Dutch Navy of the Seventeenth and Eighteenth Centuries. Columbia: University of South Carolina Press, 1993; *Israel J.* The Dutch Republic: Its rise, greatness and fall, 1477–1806. New York: Oxford University Press, 1998.

³¹ *La Roncière Ch. de.* Histoire de la Marine Française. T. I–VI. Paris: Plon-Nourrit et Cie, 1899–1932; *Lacour-Gayet G.* La marine militaire de la France sous les règnes de Louis XIII et de Louis XIV. T. I. Richelieu, Mazarin, 1624–1661. Paris: Éditions Hachette, 1911; *Toudouze G.* Histoire de la Marine. Paris: Editions Saint-Georges, 1934; *Symcox G.* The Crisis of French sea-power. 1688–1697: From the guerre d'escadre to the guerre de course. The Hague: Martinus Nijhoff, 1974; *Vergé-Franceschi M.* Marine et education sous l'ancien régime. Paris: CNRS Editions, 1991; *Dessert D.* La Royale: Vaisseaux et marins du Roi-Soleil. Paris: Fayard, 1996; *James A.* Navy and Government in Early Modern France, 1572–1661. Suffolk, UK–Rochester, N.Y.: Boydell and Brewer Inc., 2004.

³² *Cippola C. M.* Guns, Sails and Empires: Technological Innovation and the Early Phase of European Expansion, 1400–1700. New York: Minerva Press, 1965; *Idem.* Before the Industrial Revolution: European Society and Economy, 1000–1700. London: Methuen, 1976. См. также: *Albion R. G.* Forests and Sea-Power: The Timber Problem of the Royal Navy, 1652–1862. Cambridge: Harvard University Press, 1926; *Guilmartin J. F.* Gun powder and galleys. Changing technology and Mediterranean warfare at sea in the sixteenth century. Cambridge: Cambridge University Press, 1974; *McNeil W. H.* The pursuit of power: Technology, armed force and society since A. D. 1000. Oxford: Basil Blackwell, 1983; *Pryor J. H.* Geography, technology and war: Studies in the maritime history of the Mediterranean. 649–1571. Cambridge: Cambridge University Press, 1988; *Goodman D.* Power and Penury: Government, Technology and Science in Philip II's Spain. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.

³³ См.: *Modelski G., Thompson W. R.* Seapower in Global Politics, 1494–1993. London: Macmillan, 1988.

³⁴ Историкографию и основной круг проблем, связанных с «военно-морской революцией» см.: *Glete J.* Navies and Nations. Warship, Navies and State Building in Europe and America, 1500–1860. Vol. 1–2. Stockholm: Almqvist and Wiksell International, 1993.

динамичному развитию.³⁵ В монографии Джонатана Израэля подчеркивается, что войны и политические конфликты раннего Нового времени выдвинули на первый план торговые перевалочные центры (Венеция, Любек, Антверпен, Амстердам), которые превратились в центры имперского строительства³⁶. Параллельно закреплялись позиции централизованного государства, которое брало под контроль военно-морскую силу. Результатом этих процессов стало формирование системы, которую шведский исследователь Йон Глете определил как «эскалацию насилия в море». Введение ее привело к неотвратимым последствиям, превратив Океан в арену перманентного соперничества военно-морских держав.

Об интенсивности и размахе происходивших изменений говорит, в первую очередь, стремление морских держав расширять масштабы проникновения в Океан. С одной стороны, раздвинулись границы морского пространства, попавшего под прицел морских держав. Если ранее в зону европейского контроля входили Ла-Манш, Атлантическое побережье, Балтийское море и акватория Средиземноморья, то в XVI–XVIII вв. арена европейского вмешательства и борьбы за морскую монополию охватывает гигантские водные просторы, включавшие океанские торговые трассы Атлантического, Индийского и Тихого океанов. С другой стороны, концентрация морского могущества приобретала все более агрессивный характер и обернулась вторжением морских держав в международную торговлю и попытками захвата колоний. Применение пороха, линейные корабли с пушками на борту, агрессивное морское законодательство, заостренное на охоте за призами, рост грузоподъемности торговых судов и океанские плавания — составные элементы могущества европейских стран, позволившие им завоевать морские трассы мира.³⁷ Регулярный же флот выступил в качестве инструмента завоевания морского могущества.

³⁵ *Gray C. S.* The Leverage of Seapower. The Strategic Advantage of Navies in War. New York: Macmillan, 1992; *Tallett F.* War and society in early-modern Europe, 1495–1715. London: Routledge, 1992.

³⁶ *Israel J. J.* Dutch Primacy in World Trade, 1585–1740. Oxford: Clarendon Press, 1989.

³⁷ *Padfield P.* Tide of Empires: Decisive naval campaigns in the rise of the West. Vol. I. 1481 – 1654. London: Routledge and Kegan Paul, 1980; *Scammell G. V.* The world encompassed: The First European maritime empires. С. 800 – 1650.

Глете считает, что создание регулярной военно-морской силы стало одним из направлений в осуществлении второй волны «военно-морской революции» - т. н. бюрократической революции». Она сопровождала длительный процесс формирования военных сил Нового времени, - «начальный этап развития современной Европы». В ходе этого процесса складывался профессиональный офицерский корпус, штат чиновников и судостроителей; происходила формализация боевой тактики флота; учреждались органы центральной и местной военно-морской администрации; строились крупные военно-морские базы, оснащенные верфями и арсеналами.³⁸ По мнению американского историка Фредерика К. Лэйна, занимающегося историей Венеции и Средиземного моря, между войной и развитием государства в раннее Новое время существовала тесная связь, позволяющая власти извлекать прибыль из рационального использования системы насилия.³⁹ Морское пространство попадало под контроль государственной власти, а пиратство и каперство выступали неотъемлемой частью возникшей системы «насилия в море».

Рассмотрение системы морского разбоя в качестве самостоятельного феномена неизбежно вело к смещению анализа от структур и институтов к процессам, и, соответственно, к выделению системы взаимосвязей внутри морского социума, имевшего специфические контакты с окружающим их миром, и к попыткам воссоздать его представления об обществе. В первую очередь, это касалось проблемы взаимоотношений государственной власти и аморфной человеческой массы, лишенной, по мнению «привилегированного» общества, должного понимания социальной реальности и способности к осмысленному действию. Теоретическими основаниями предпринятого нами анализа стали идеи

London: Methuen, 1981; *Таустолл Б.* Морская война в век паруса, 1650–1815. Сражения великих адмиралов. М.: Эксмо, 2005.

³⁸ *Glete J.* Navies and Nations... Vol. I. P. 12. См. также: *Glete J.* Warfare at Sea, 1500–1650: Maritime Conflicts and the Transformation of Europe. London: Routledge, 2000; *Idem.* War and the State in Early Modern Europe: Spain, the Dutch Republic and Sweden as Fiscal-Military States, 1500–1660. London: Routledge, 2002; *Naval history, 1500–1800* / Ed. by Jan Glete. Burlington, VT: Ashgate Publishing, 2005.

³⁹ *Lane F. C.* Profits from power: Readings in protection rent and violence-controlling enterprise. Albany: State University of New York Press, 1979. См. также: *Brenner R.* Merchants and revolution: Commerce change, political conflict, and London overseas traders, 1550–1653. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

исследователей, проявивших интерес к микрогруппам и связывающим их механизмам разноплановых взаимосвязей. Наше внимание привлекли взгляды французских философов Жюль Делеза и Феликса Гваттари, предложивших сместить фокус проблемы от «мертвящей тональности Левиафана-Государства» в сторону того, что расположено «по ту сторону государств», подразумевая под этим противостоящую правовому государству «машину войны», «номадическую» силу, в любой момент способную ошестиниться против диктата государственной власти.⁴⁰ Они рассматривают номадологию как «полиморфную и диффузную форму машины войны», способную противостоять воздействию властных структур, воплощенных в государстве, враждебном свободе индивида и с помощью своих механизмов добивающегося полного подчинения человека. Делез и Гваттари обращают внимание на феномен территориального пространства, в котором действуют носители номадической психологии. Государство действует словно «инженер дорожной службы» и стремится регулировать и контролировать занимаемое им пространство, «устанавливать зону права на всем “внешнем” в целом, на совокупности всех потоков, пересекающих ойкумену».⁴¹ Организованные им пути сообщений, потоки популяций, товаров или торговли, денег или капиталов, пошлины, таможни, крепости, города, мосты – все это регулирует скорость и делает движение относительным, выступая фильтрами против текучести людских масс. Кочевники же, как «машина войны», слиты с совершенно иной моделью открытого «гладкого пространства» без «каналов» и «тропинок», не расчерченного границами, стенами и дорогами. В момент, когда Государство оказывается не в состоянии «рифлить» свое внутреннее и соседнее пространство, «пересекающие его потоки... обретают темп машины войны, направленный против Государства и разворачиваемый во враждебном или мятежном гладком пространстве». В море проблема «оккупации» приобретает особое звучание – ведь так или иначе, но причина успешности европейской

⁴⁰ Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010.

⁴¹ Там же. С. 650.

экспансии напрямую оказалась связана со способностью «Государственных аппаратов рифлить море, сочетая технологии Севера и Средиземноморья и аннексируя Атлантику».⁴² Однако успех Государства оказывается относителен: интенсификация скоростей в «рифленном» пространстве провоцирует номадический взрыв и воскрешает машина войны, бросающая вызов Государству в виде неподчинения, бунта, гверильи или революции.

Постановка проблемы Микрогруппа-Власть-Государство в подобном ракурсе открывает новые возможности для анализа пиратского социума, переводя вопрос в область социальной истории и антропологии власти. В подобного рода исследовании мы отталкивались от концепции, связанной с исследованиями «генеалогии власти», предложенной Мишелем Фуко. Предпринятый им анализ «пенитенциарной» доминанты общества XVIII – XIX вв. вскрыл особые процедуры контроля «всеподнадзорности», установленные привилегированными группами людей, монополизировавшими власть как собственность и породившими специфические механизмы запрета и закрепляющие их специфические ритуалы. Особое значение для нашей работы сыграл анализ французским философом общественной атмосферы, сопровождавшей появление т.н. «оптики власти», т. е. специальных институтов власти, организующих постоянный надзор за населением. Подобный метод заставил нас обратить особое внимание на противоречивые и не всегда радикально оппозиционные взаимоотношения между официальной властью и криминальным сообществом, а также на внутренние и внешние социальные регуляторы, с помощью которых формировались властные отношения внутри разбойничьей группировки. Столкнувшись со сложной противоречивостью и специфичностью категорий духовного мира моряцкого социума, мы обратились к работам ученых, занимающихся историей «представлений» и конструированием социальной и культурной реальности (Ж. Ле Гофф, Ж. Дюби, Э. Ле Руа Ладюри, Ф. Арьес, М.

⁴² Там же. С. 652.

Вовель, А.Я.Гуревич, Р. Шартье), в частности к работам Роберта Дарнтона⁴³ и Клиффорда Гирца, касающихся «расшифровки» систем культурных значений, заключенных в текстах, поведении и различных формах жизненного опыта.⁴⁴

Анализ заявленной темы было также невозможно осуществить без обращения к литературе, посвященной социальной истории, и, в первую очередь, к истории народной плебейской культуры⁴⁵ и плебейских форм протеста. Какие размеры приняло каперство и пиратство, из каких социальных слоев вышли его участники, как они взаимодействовали друг с другом и с окружающим их обществом, как формировался их духовный мир и с какими целями они объединяли свои действия?

Концептуально значимым в данной связи оказалось обращение к работам историков, занимавшихся историей плебейских движений, работы которых велись в концептуальных рамках «истории снизу вверх». Истоки этой историографической традиции восходят к трудам британского историка Эдварда Палмера Томпсона, и, прежде всего, к его знаменитой книге «Возникновение английского рабочего класса».⁴⁶ Исследуя положение рабочих в фокусе экономической и социальной иерархий, их жизненный опыт и личные интересы, Томпсон выделил как специальную категорию особое нравственное сознание, характерное для народных масс доиндустриальной эпохи. У них было свое, основанное на моральных убеждениях, понимание справедливости, честной цены. Идеи о «моральной экономике бедноты» («moral economy of the poor»), как назвал это явление Томпсон,⁴⁷ оказалось крайне важным при изучении ментальных представлений моряков. Их коллективное сознание основывалось на традиционном понимании социальных норм, а также на «архаичных»

⁴³ Дарнтон Р. Великое кошачье побойше и другие эпизоды из истории французской культуры. М.: НЛЮ, 2002.

⁴⁴ Geertz C. Local Knowledge. Further Essays in Interpretative Anthropology. New York: Basic Books, 1983.

⁴⁵ См.: Medick H. Plebeian culture in the transition to capitalism // Culture, ideology and politics: Essays for Eric Hobsbawm / Ed. by Raphael Samuel and Gareth Stedman Jones. London: Routledge and Kegan Paul, 1982. P. 84–112.

⁴⁶ Thompson E. P. The making of the English working class. London: Victor Gollancz Ltd., 1963.

⁴⁷ См. подробнее: Thompson E. P. The moral economy of the English crowd in the 18-th century // Past and Present. 1971. Vol. 50. №. 1. P. 76–136 ; Idem. Patrician society, plebeian culture // Journal of Social history. 1974 № 7; Idem. Eighteenth-century English society: Class struggle without class? // Social History. 1978. № 3; Idem. Customs in common: Studies in traditional popular culture. London: Merlin Press, 1991.

представлениях о хозяйственных функциях, долге и особых обязанностях членов общества. Разрушение патерналистских устоев общества и грубые нарушения традиционных моральных понятий могли вызвать бунты и волнения столь же часто, сколь нищета и угнетенность. Целью же бунтов, зачастую, выступало стремление восстановить нормы «моральной экономики», стремление вернуться к истинной, по их мнению, социальной справедливости.⁴⁸ В трудах Эрика Хобсбаума,⁴⁹ Джона Эдварда Кристофера Хилла,⁵⁰ Джорджа Рюде,⁵¹ Питера Линбо⁵² и Дирка Хердера⁵³ ярко показана обстановка народных волнений, структурированы формы протеста и исследована идеология плебейских движений. Они сформировали, по мнению историка Английской революции Кристофера Хилла, «третью культуру», которая радикально отличалась от традиционной аристократической и новой буржуазной культур. В монографии «Мир, перевернутый вверх дном: Радикальные идеи во время Английской революции» Хилл предложил рассматривать плебейскую культуру в качестве радикальной альтернативы, которая легла в основу происходившей параллельно второй «революции низов». Установившийся буржуазный порядок привел к краху плебейские движения, однако народные чаяния нашли воплощение в радикальных сектантских идеологиях, демократические и анархические формы социальной организации которых оказали большое влияние на природу моряцкого социума, и, в частности, пиратства. «Потерпев неудачу и обнаружив, как поредели их ряды,

⁴⁸ См.: *Moral Economy and Popular Protest: Crowds, Conflict and Authority* / Ed. by Adrian Randall and Andrew Charlesworth. Basingstoke: MacMillan, 2000.

⁴⁹ *Hobsbawm E.* Primitive rebels: Studies in archaic forms of social movement in the 19-th and 20-th centuries. Manchester: Manchester University Press, 1959; *Idem.* Labouring man: Studies in the history of labour. London: Weidenfeld and Nicolson, 1964; *Idem.* Bandits. London: Weidenfeld and Nicolson, 1969; *Hobsbawm E. J., Rudé G.* Captain Swing. London: Lawrence and Wishart, 1969.

⁵⁰ *Hill C.* The world turned upside down: Radical ideas in the English revolution. New York: Viking Press, 1972; *Хилл К.* Английская Библия и революция XVII в. М.: Институт всеобщ. истории РАН, 1998; *Он же.* «Ревизионистские» истории и Английская революция // Вопросы истории. 1998. № 6. С. 148–155.

⁵¹ *Rudé G.* The Crowd in the French revolution. Oxford: Clarendon press, 1959; *Idem* Wilkes and liberty: A social study of 1763 to 1774. Oxford: Clarendon Press, 1962; *Idem.* Paris and London in the eighteenth century. Studies in popular protest. London: Collins, 1970; *Idem.* Protest and punishment: The story of social and political protesters transported to Australia, 1788–1868. Oxford: Clarendon Press, 1978; *Рюде Д.* Народные низы в истории. 1730–1848. М.: Прогресс, 1984.

⁵² *Linebaugh P.* The Tubern riots against the surgeons // *Albion's fatal tree: Crime and society in Eighteenth-century England* / Ed. by D. Hay, P. Linebaugh and E. P. Thompson. New York: Pantheon, 1975; *Idem* The London hanged: Crime and civil society in the 18-th century. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.

⁵³ *Hoerder D.* Crowd action in revolutionary Massachusetts, 1765–1780. New York: Academic Press, 1977.

бывшие радикалы должны были найти свое место в мире. Непритязательный эгалитаризм пиратской жизни психологически оказался им более близким по духу, нежели напряженная обстановка и экономические риски общества работорговцев или грубая дисциплина военных кораблей». ⁵⁴

Идеи Хилла перекликаются с еще одним концептом школы социальных историков. В 1959 и 1969 гг. в работах Эрика Хобсбаума появился один из самых известных исторических образов – «социальный бандит», под которым автор понимал защитника простых людей от угнетавшего их государства и новых порядков. ⁵⁵ Прообразом нового героя историографии стал легендарный разбойник Робин Гуд, снискавший всенародную любовь и восхищение. Новые бунтари доиндустриальной эпохи не имели определенной и последовательной системы взглядов, их противоречивая и крайне эклектичная идеология была направлена на защиту и реставрацию архаичного традиционного порядка. Именуя друг друга братьями, благородные разбойники, не чуждые, впрочем, бессмысленной жестокости и варварства, добивались равенства и свободы, словно предвосхищая идеи Американской и Французской революций. Бандиты нового типа были заодно с простыми людьми, делились с ними захваченной добычей и разделяли все их чаяния. Те, в свою очередь, отдавали им все, что могли, предоставляли кров, снабжали деньгами и прятали от преследователей. Таких новоиспеченных робин гудов можно было встретить в любой стране: Диего Корьентес в Андалузии, Пулайе и Луи Мандрен во Франции, Нед Келли в Австралии, сицилийский мафиози Сальваторе Джулиано и герой Мексики Панчо Вилья. К подобным руководителям, относился, например, и пиратский главарь Тич Черная Борода. ⁵⁶ Хобсбаум считает, что нельзя отождествлять бандитов-уголовников и «социальных бандитов», усматривая между ними существенные различия, однако

⁵⁴ Hill C. *Radical pirates?* // *The collected essays of Christopher Hill. Vol. Three. People and ideas in 17th Century England.* Brighton: Harvester, 1986. P. 26.

⁵⁵ *Hobsbawm E. Primitive rebels...; Idem. Bandits...*

⁵⁶ *Osborne L. A Pirate's Progress: How the Maritime Rogue Became a Multicultural Hero* // *Lingua Franca.* 1998. № 8. P. 35–42.

государство этих нюансов не замечало и относило и тех, и других к находящимся вне закона преступникам.⁵⁷

Многие историки, продолжившие изучение «социального бандитизма», на свой лад подвергли сомнению концепцию Хобсбаума.⁵⁸ Занятые локальными исследованиями в области американской,⁵⁹ латиноамериканской,⁶⁰ китайской,⁶¹ европейской⁶² историй, они изучили новые документальные свидетельства и обнаружили, что созданный Хобсбаумом образ «социального бандита» излишне политизирован, грешит схематизацией, стереотипен и романтизирован. Анализ социального и политического контекстов убедил критиков Хобсбаума, что в большинстве своем «социальные бандиты» не были участниками социальных движений протеста. По мнению Марты Петрушевич, изучавшей природу крестьянского бандитизма в Южной Италии, сложно вообще говорить о единой, связывающей их, идеологии. Взгляды этих людей были совершенно беспорядочны и запутанны, при всей своей религиозности, участники крестьянских выступлений совершенно запутались в монархических и республиканских предпочтениях. «Если они и грабили богатых, - иронизировал американский исследователь Ричард Слатта, - то шли на это потому, что с бедняков и взять то

⁵⁷ См.: *Gallant Th. W.* Brigandage, piracy, capitalism and state-formation: Transnational crime from a historical world-systems perspective // *States and illegal practices* / Ed. by Josiah M. C. C. Heyman. Oxford: Berg Publishers, 1999.

⁵⁸ *Block A.* The peasant and the brigand: Social banditry reconsidered // *Comparative studies in society and history*. 1972. № 14 (4). P. 494–503; *O'Malley P.* Social bandits, modern capitalism and the traditional peasantry: A critique of Hobsbawm // *Journal of peasant studies*. 1979. № 6. P. 489–499; *Bandidos: The varieties of Latin American banditry* / Ed. by Richard W. Slatta. Westport: Greenwood Press, 1987; *Slatta R. W.* Eric J. Hobsbawm's social banditry: A critique and revision // *A Journal of social history and literature in Latin America*. 2004. Vol. 1. № 2. P. 22–30.

⁵⁹ *White R.* Outlaw gangs of the Middle Border: American social bandits // *Western historical quarterly*. 1981. № 12 (4). P. 387–408.

⁶⁰ *Singelman P.* Political structure and social banditry in Northeast Brazil // *Journal of Latin American studies*. 1975. № 7. P. 59–83; *Chandler B. J.* The bandit king: Lampiao of Brazil. Austin: A and M University Press, 1978; *Lewin L.* The oligarchical limitations of social banditry in Brazil: The case of the «Goad» Thief Antônio Silvino // *Past and Present*. 1979. Vol. 82. № 1. P. 116–146; *Schwartz R.* Lawless liberators: Political banditry and Cuban independence. Durham: Duke University Press, 1989; *Vanderwood P. J.* Bandits, real and imagined: An introduction to the theme in Mexican history // *Crime history and Histories and crime: Studies in the historiography of crime and criminal justice in modern history* / Ed. by Clive Emersley and Louis A. Knafla. Westport: Greenwood Press, 1996. P. 229–251.

⁶¹ *Billingsley Ph.* Bandits in Republican China. Stanford: Stanford University Press, 1988.

⁶² *Block A.* The mafia of a Sicilian village, 1860 – 1960: A study of violent peasant entrepreneurs. New York: Harper and Row, 1975; *Beattie J. M.* Crime and the courts in England, 1660–1800. Princeton: Princeton University Press, 1986; *Petusewicz M.* Society against the State: Peasant brigandage in Southern Italy // *Criminal justice history*. 1987. Vol. VIII. P. 1–20; *Wilson S.* Feuding, conflict and banditry in nineteenth-century Corsica. New York: Cambridge University Press, 1988; *Danker U.* Räuberbanden im Alten Reich um 1700: Ein Beitrag zur Geschichte von Herrschaft und Kriminalität in der frühen Neuzeit. Frankfurt am Maine: Suhrkamp, 1988; *Cassia P. S.* Banditry, myth and terror in Cyprus and other Mediterranean societies // *Comparative studies in society and history*. 1993. Vol. 35. № 4. P. 773–796.

было нечего». В свою очередь голландский антрополог и историк Энтон Блок полагал, что в концепции Хобсбаума преувеличены элементы социального протеста и не достаточно учтены конкретные реалии преступного социума, отчего представленный им образ «социального бандита» страдает односторонностью.⁶³

Особым предметом критики стала методология Хобсбаума.⁶⁴ Концепция «социального бандитизма» выросла из специфического источникового материала, который он использовал: народного фольклора, поэм и баллад, навеянных сказителями, и, что особенно важно, художественной литературой. Используемые им авторы подобных книг были людьми образованными, хорошо владели пером и писали в расчете на массового читателя и коммерческих успех своих произведений, наводняя страницы потоками крови и убийств. В конечном итоге, тексты начинали жить своей собственной жизнью. Благородный разбойник приобрел черты мифологического персонажа и романтического героя байронического свойства. В специальных исследованиях, проведенных на материалах полицейских сводок и юридического законодательства, романтических флер этих героев развеялся, обнаружив за покровом мифотворчества человеческие черты.⁶⁵ Впрочем, один из критиков Хобсбаума, упоминаемый ранее Ричард Слатта, отдавая должное творчеству Хобсбаума, отмечает огромное историографическое значение предложенной им модели «социального бандита» и даже сравнивает ее с теоретическими построениями Фредерика Джексона Тернера относительно роли «фронттира» в американской истории, превратившимися в парадигму американской историографии.⁶⁶

⁶³ *Bloch A.* Honour and violence. Oxford, Cambridge: Polity Press, 2001.

⁶⁴ *Lewin L.* Oral tradition and elite myth: The legend of Antônio Silvino in Brazilian popular culture // *Journal of Latin American Lore*. 1979. Vol. 5. № 2. P. 157–204; *Antony R. J.* Peasants, heroes and brigands: The problem of social banditry in early Nineteenth-century South China // *Modern China*. 1989. Vol. 15. № 2. P. 123–148.

⁶⁵ См, например, работы, посвященные знаменитому Билли Киду, ставшему символом «дикого запада»: *Kadlec R. F.* They «knew» Billy the Kid: Interviews with old-time new Mexicans. Santa Fe: Ancient City Press, 1987; *Tatum S.* Inventing Billy the Kid: Visions of the outlaw in America, 1881–1981. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1982.

⁶⁶ *Slatta R. W.* Comparing cowboys and frontiers: New perspective on history of the Americas. Norman: University of Oklahoma Press, 1997.

Разумеется, школа «истории снизу вверх», представляет разнообразные аналитические образы социальных движений. В своей работе над изучением феномена морского разбоя в контексте плебейских движений, мы испытали влияние работ английского историка Ричарда Кобба, предостерегавшего от категоричности при рассмотрении социальных феноменов. В отличие от Томпсона и Рюде, Кобб сместил акцент от поиска группового единства, и сосредоточил внимание на индивидуальных чертах простых участников событий. Его не привлекала «респектабельная толпа», ставшая главным предметом изучения Джорджа Рюде, и там, где его оппоненты искали следы идеологии, Кобб погружался в мир повседневности и частных интересов. Не слишком ли рациональными и механистическими выглядят народные выступления, участники которых с удивительной четкостью готовы поднять бунт по вторникам, в среду напиться в кабаке и уничтожить молотилку, и спровоцировать недовольство по базарным дням.⁶⁷ Кобб уделял главное внимание изучению феномена насилия, и в поведении участников социальных конфликтов он выделял, в первую очередь, крайний индивидуализм и анархизм. Описывая жизнь никому не нужных простых людей, обездоленных, запуганных, живущих какой-то своей, одинокой жизнью и целыми днями блуждающих по улицам Кобб сфокусировал внимание не на политических аспектах их существования, а на индивидуальных повседневных ценностях: заботе о пропитании, заработке, устройстве ночлега. В монографии «Полиция и народ. Французский народный протест, 1789–1820 гг.» историк проанализировал реакцию наполеоновских властей на появление шаек нищих и бродяг, бродящих по сельской Франции. Панику всеисильной, казалось бы, администрации вызывала именно неспособность определить, когда, где и в каком количестве соберутся эти неуправляемые люди и какие последствия могут за этим наступить. Настроения властей, подмеченные Коббом, оказались очень созвучны страхам колониальных управленцев, сталкивавшихся с пиратами. Сами же

⁶⁷ *Cobb R. A. A Second identity. Essays on France and French history. London: Oxford University Press, 1969. P. 121.*

носители девиантных норм поведения, люди, созданные не по шаблону и не подверженные влиянию коллективной ортодоксии, вызывали особый интерес Кобба, посвятившего одну из своих книг анализу уголовному миру Парижа и действию криминальных шаяк, наподобие «еврейской банды» и банды Саламбье.⁶⁸

Последняя область исследований очень важна и для понимания природы пиратства. В литературе часто бытует мнение о неорганизованности и хаотичности пиратов, предававшихся бессистемным грабёжам. В реальной жизни, однако, все выглядело совершенно иначе. Пиратство представляло собой иерархически организованное преступное сообщество, в котором существовали определенные правила, действовал внутренний дисциплинарный кодекс и была налажена система кооперации и взаимодействия. Одна из первых работ в исследовании преступного сообщества как социального института принадлежала американскому экономисту, лауреату Нобелевской премии 1992 г. Гэри Стенли Беккеру, применившему техники микроэкономического анализа к изучению преступности.⁶⁹ В своей статье «Преступление и наказание: экономический подход» он впервые предложил исходить из того, что преступники – не психопатологические типы и не жертвы социального угнетения. По существу они столь же рациональны, как и любые другие люди, предсказуемым образом реагирующие на имеющиеся возможности и ограничения. Выбор преступной профессии следует понимать как некое инвестиционное решение в условиях риска и неопределенности. Преступники же стремятся максимизировать свою выгоду при ограниченных ресурсах, но осуществляют свой выбор в условиях повышенного риска. Не случайно, поэтому, профессию преступника выбирают люди, обладающие повышенной склонностью к риску. Экономический подход Беккера к анализу преступности снискал популярность и получил достаточное

⁶⁸ См.: *Cobb R. A. The police and the people: French popular protest, 1789 – 1820. Oxford: Oxford University Press, 1970; Idem. Paris and its provinces, 1792–1802. London, New York: Oxford University Press, 1975.*

⁶⁹ *Becker G. Crime and punishment: An economic approach // Journal of political economy. 1968. Vol. 76. № 2. P. 169–217.*

число приверженцев, которые осуществили специальные исследования, касающиеся анализа причин появления организованной преступности и оптимальных стратегий при организации борьбы с ней.⁷⁰ Исследования показали, что труднее всего анализировать внутреннюю структуру организованной преступности и выявлять связывающие ее каналы взаимоотношений между участниками и руководителями. Объясняется это закрытым характером преступных организаций, стремящихся не допускать утечку компрометирующей их информации.⁷¹ Это роднит их с пиратскими бандами, внутренняя структура которых тоже всегда оставалась закрытой для огласки. Возникающие при анализе подобных преступных структур трудности вполне естественны. В этом плане важными для нас работами стали книги Диего Гамбетты, который изучал организованный преступный социум на примере мафии.⁷² Он сделал ряд существенных выводов, представив внутреннюю мафию в качестве «фирмы защиты», уподобленную системе военного типа с четкой иерархией и жестким централизованным управлением, построенным на безусловном подчинении приказам. Подобные же механизмы обнаружил в организации рэкета Питер Рейтер и В.В.Волков, посвятивший свои исследования российской организованной преступности.⁷³

Моряцкий социум, и каперско-пиратский мир как его составная часть, во многом подпадали под перечисленные социальные характеристики. Однако, если взглянуть, например, на научные традиции в изучении пиратства, то обнаруживается, что в течение длительного времени литература о нем находилась под влиянием, в первую очередь, стереотипных нравственно-этических оценок

⁷⁰ См.: *Anderson A. G.* The Business of organized crime: A Cosa Nostra family. Stanford: The Hoover Institution Press, 1979; *Jemings W. P.* A note on the economics of organized crime // Eastern economic journal. 1984. Vol. 10. № 1. P. 315–321; *Arlacchi P.* Mafia business: The mafia ethic and the spirit of capitalism. London: Verso, 1986; *Jankowski M. S.* Islands in the streets: Gangs and American urban society. Berkeley: University of California Press, 1991; The Economics of organized crime / Ed. by Gianluca Fiorentini and Sam Peltzman. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

⁷¹ *Anderson A. G.* The Business of organized crime... P. 147.

⁷² *Gambetta D.* The Sicilian mafia: The business of private protection. Cambridge: Harvard University Press, 1993; *Idem.* Codes of the underworld: How criminals communicate. Princeton: Princeton University Press, 2009.

⁷³ *Reuter P.* Racketeering in legitimate industries: A study in the economics of intimidation. Santa Monica: The RAND Corporation, 1987; *Волков В. В.* Силовое предпринимательство в современной России // Социологические исследования. 1999. № 1. С. 56–65; *Он же.* Силовое предпринимательство. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге; М.: Летний сад, 2002.

общества. В результате социальные, политические, экономические и культурные стороны этого явления оказались заслонены культурной мифологией.⁷⁴ Пират рассматривался как заведомо отрицательный культурный тип, злодей, насильник и негодяй. В подобном образе пирата вполне отчетливо угадывается прагматическая культурная доминанта коллективного воображаемого – общество стремилось отслеживать и уничтожать потенциальную угрозу.⁷⁵ Под влиянием подобных негативных коннотаций появились знаменитые отрицательные пиратские персонажи, наподобие капитана Шарки и одноногого Сильвера, которые должны были сформировать образ зла, несовместимого с ценностями добропорядочного общества. Параллельно с этим культурологическим мифом пират приобретал и героизированные черты байронического корсара, влюбленного в море, одинокого и свободного. Одновременно, изучение морского разбоя испытало на себе сильное влияние патриотической официальной историографии. В рамках популяризации исторического знания, имперский дискурс трансформировал пирата и корсара в образы национальных героев экспансии и военно-морской истории. Например, в Англии подобными героями становятся Френсис Дрейк и Генри Морган, во Франции Жан Бар, в США Джон Поль Джонс. Впрочем, заметим, в рамках подобного патриотического подхода аналитическая разработка темы пиратства получила мощный импульс для осмысления. В научный оборот поступили богатейшие документальные материалы,⁷⁶ и постепенно пиратство и каперство заняли важное историографическое место в границах колониальной истории Британской, Французской и Голландской империй. Особое место среди трудов

⁷⁴ *Archenholtz J. W. von. Histoire des Flibustiers. Paris: Henrichs, 1804 (Архенгольц Ф. История морских разбойников Средиземного моря и Океана. М.: Новелла, 1991); Mac-Farlane Ch. The Lives and Exploits of Banditti and Robbers in all parts of the world. Vol. 1–2. London: Edward Bull, 1833; Ellms, Ch. The pirates own book, or authentic narratives of the lives, exploits, and executions of the most celebrated sea robbers. Portland: Sanborn and Carter; Philadelphia: Thomas, Cowperthwait & Co, 1837; Barker B. Blackbeard, or the Pirate of the Roanoke. Boston: F. Gleason, 1847; Campbell W. W. An Historical Sketch of Robin Hood and Captain Kidd. New York: C. Scribner, 1853; Thornbury G. W. The Monarchs of the Main or Adventures of the Buccaneers. Vol. 1–3. London: Hurst and Blackett Edition, 1855; Lives, Exploits and Cruelties of the Most Celebrated Pirates and Sea Robbers. Halifax: Milner and Sowerby, 1861.*

⁷⁵ Михайлин В. О необходимости пирата: краткое введение в пиратологию // Новое литературное обозрение. Теория и история литературы, критика и библиография. 2008. № 94. С. 85.

⁷⁶ См. например: *Margry P. Origines transatlantiques: Bélain d'Esnameuc et les Normands aux Antilles, d'après les documents nouvellement retrouvés. Paris: A. Faure, 1863.*

подобного рода заняли работы Джулиана Корбетта,⁷⁷ Э. Генена,⁷⁸ Шарля Бреара⁷⁹, Франца Функ-Брентано⁸⁰ и Джона Биддалфа⁸¹ обогатившие литературу свежей фактологией.

Параллельно патриотическим тенденциям в изучении каперства и пиратства наметились попытки занять нишу между научно-популярной литературой и академическими монографиями.⁸² В частности, тема пиратства стала постепенно приобретать характер отдельного научного направления, ознаменовавшегося появлением работ энциклопедического и обобщающего характера,⁸³ среди которых наиболее значительными стали труды английского писателя Филиппа Генри Джорджа Госсе.⁸⁴ Одним из наиболее популярных сюжетов оставалась история флибустьерства и буканьерства.⁸⁵ В научном осмыслении истории морского разбоя в Вест-Индии большую роль сыграли монографии французских историков Этьенна-Эдуара Дюкере⁸⁶ и Габриэля Марселя⁸⁷, изучавших историю французского корсарства в Вест-Индии. В результате изучение феномена морского разбоя все более тесно оказывалось связанным с анализом процессов

⁷⁷ *Corbett J. S. Drake and the Tudor Navy. Vol. I–II. London: Longman, 1899; Idem. England in the Mediterranean. A Study of the Rise and Influence of British Power within the Straits, 1603–1713. Vol. I–II. London: Longmans, Green, 1904; Idem. Sir Francis Drake. Vol. I–II. London: Macmillan, 1890; Idem. The Successors of Drake. London: Longmans, Green and Co., 1900.*

⁷⁸ *Guénin E. Ango et ses pilotes (D'après les documents inédits tirés des archives de France, de Portugal et d'Espagne). Paris: Imprimerie Nationale, 1901.*

⁷⁹ *Bréard Ch. Mémoires et documents relatifs aux ports de Normandie: Le Havre, Fécamp, Honfleur. Rouen: Imprimerie de Espérance Cagniard, 1892.*

⁸⁰ *Funk-Brentano F. Les brigands (brigands et routiers, flibustiers). Paris: Hachette et Cie, 1913; Idem. L'Île de la Tortue. Boucaniers et flibustiers. Paris: Hachette, 1902; Idem. Les lettres de cachet à Paris. Étude suivie d'une liste de prisonniers de la Bastille (1659–1789). Paris: Imprimerie Nationale, 1903.*

⁸¹ *Biddulph J. The Pirates of Malabar, and An Englishwoman in India two hundred years ago. London: Smith, Elder, 1907.*

⁸² См. например: *Hughson S. C. The Carolina pirates and colonial commerce, 1670–1740. Baltimore: John Hopkins Press, 1894; Statham E. P. Privateers and Privateering. London: Hutchinson and Co, 1910; Barbour V. Privateers and Pirates in the West Indies // The American Historical Review. 1911. Vol. XVI. № 3. P. 529–566.*

⁸³ *Bradlee F. B. Piracy In The West Indies And Its Suppression. Salem: Essex Institute, 1923; Seitz Don C. Under the Black Flag: exploits of the most notorious pirates. New York: The Dial Press, 1925.*

⁸⁴ *Gosse Ph. The Pirates' Who's Who, Giving Particulars of the Lives and Deaths of the Pirates and Buccaneers. New York: Burt Franklin, 1924.; Idem. The History of Piracy. New York: Tudor Publishing Company, 1934.*

⁸⁵ *Vignols L. Flibuste et Boucane (XVIIe–XVIIIe siècles) // Revue d'Histoire économique et sociale, 1913. P. 137–173; Dujarric-Descombes A., Durieux J. Deschamps du Rausset, boucanier et gouverneur de la Tortue au XVII-e siècle // Bulletin de la section de géographie du Comité des travaux historiques et scientifiques, 1925. P. 25–44; Du Loup G. Les flibustiers «fidèles sujets du Roy» // Bulletin de la section de géographie du Comité des travaux historiques et scientifiques, 1927. P. 87–112.; Besson M. Les «frères de la coste». Flibustiers et corsaires. Paris: Duchartre, 1928.*

⁸⁶ *Ducéré E. Les corsaires sous l'ancienne régime. Histoire maritime de Bayonne. Bayonne: Hourquet, 1895.*

⁸⁷ *Marcel G. Le surintendant Fouquet, vice-roi d'Amérique // Revue de géographie. 1885. T. XVI. P. 131–142; Idem. Les corsaires français au XVI-e siècle dans les Antilles. Paris: Ernest Leroux, 1902.*

колониальной экспансии. Процессам французского проникновения в Вест-Индию посвятили свои работы известные американские специалисты по истории колониальной Америки Филипп Эйнсворт Минс⁸⁸ Неллис Мэйнард Круз⁸⁹ и Херберт Ингрэм Пристли⁹⁰. Кларенс Генри Харинг изучал проблемы организации торговли в Испанской империи⁹¹ и его монографии об Испанской Америке и сегодня не потеряли своего значения. Особое место в историографии занимают работы британских историков, фокусировавших внимание на имперском компоненте британской истории и анализировавших различные аспекты колониальной истории, в том числе проблемы истории Вест-Индии⁹², представляющие большой интерес для нашего исследования.⁹³ Среди этих историков выделим Алфреда Лесли Роуса,⁹⁴ Артура Персиваля Ньютона,⁹⁵ Винсента Харлоу⁹⁶, Джеймса Александра Уильямсона⁹⁷.

Научная разработка темы морского разбоя стала оформляться в несколько основных направлений.⁹⁸ По-прежнему, важное место в историографии занимают работы обобщающего характера,⁹⁹ а также специальные тематические сборники

⁸⁸ *Means Ph. A.* The Spanish Main: Focus of Envy, 1492–1700. New York: Charles Scribner's Son, 1935.

⁸⁹ *Crouse N. M.* French Pioneers in the West Indies, 1624–1664. New York: Columbia University Press, 1940; *Idem.* The French Struggle for the West Indies, 1665–1713. New York: Columbia University Press, 1943.

⁹⁰ *Priestley H. I.* France Overseas: Through the Old Regime. A Study of European Expansion. *New York, London:* D. Appleton–Century Co., 1939.

⁹¹ *Haring C. H.* The Buccaneers in the West Indies in the XVII Century. London: Methuen and Co. Ltd, 1910; *Idem.* Trade and Navigation between Spain and the Indies in the Time of Habsburgs. Cambridge: Harvard University Press, 1918.

⁹² *Burns A.* History of the British West Indies. London: George Allen and Unwin, 1954; *Parry J., Sherlock P.* A short history of the West Indies. London: Macmillan, 1956.

⁹³ Историографию вопроса см.: *Coveia E. X.* A study on the historiography of the British West Indies to the end of the nineteenth century. Mexico City: Instituto Panamericano de Geografia e Historia, 1956; *Williams E.* British historians and the West Indies. London: André Deutsch, 1966; *Higman B. W.* The British West Indies // The Oxford history of the British empire. Historiography / Ed. by Robin W. Winks. Vol. 5. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 134–145.

⁹⁴ *Rowse A. L.* The Expansion of Elizabethan England. *London:* Macmillan; *New York:* St. Martin's Press, 1955.

⁹⁵ *Newton A. P.* The Colonizing Activities of English Puritans. New Haven: Yale University Press, 1914; *Idem.* The European Nations in the West Indies, 1493–1688. London: A and C Black, 1933.

⁹⁶ Colonizing Expeditions to the West Indies and Guiana, 1623–1667 / Ed. by V. T. Harlow. London: Hakluyt Society, 1925.

⁹⁷ *Williamson J. A.* The Caribbee Islands under the Proprietary Patents. London: Oxford University Press, 1926; *Idem.* Sir John Hawkins, the Time and the Man. Oxford: Clarendon Press, 1927; *Idem.* The Ocean in English History: Being the Ford lectures. Oxford: Clarendon Press, 1941; *Idem.* Hawkins of Plymouth: a new history of Sir John Hawkins and of the other members of his family prominent in Tudor England. London: Black, 1949.

⁹⁸ Историографию вопроса см.: *Osborne L.* A Pirate's Progress...; *Pennell. C.R.* Who needs the pirate heroes? // Northern Mariner. 1998. Vol.8. № 2. P. 61–79.

⁹⁹ *Deschamps H.* Pirates et flibustiers. Paris: Presses Universitaires de France, 1952 *Pringle P.* Jolly Rodger. The Story of the Great Ages of Piracy. London: Museum Press, 1953; *Carse R.* The Age of Piracy. New York: Rinehart and Co., 1957; *Rankin H. F.* The Golden Age of Piracy. Williamsburg: Colonial Williamsburg, 1969; *Hoppe E. O.* Pirates, Buccaneers and Gentlemen Adventurers. New York, London: Barnes and Company, 1972; *Sherry F.* Raiders and Rebels: The Golden Age

статей,¹⁰⁰ в которых феномен каперства и пиратства рассматривается в ракурсах регионалистики и заморской экспансии военно-морских держав.¹⁰¹ Многие из этих работ адресованы широкой читательской аудитории.¹⁰² Особое внимание в них уделялось локальной истории – флибуста Вест-Индии¹⁰³ и пиратство у побережья североамериканских колоний¹⁰⁴ занимали среди названных работ первенствующее место. Не остались, впрочем, без внимания и другие регионы с повышенной пиратской активностью, в особенности Индийский¹⁰⁵ и Тихий¹⁰⁶

of Piracy. New York: Quill/William Morrow, 1986; *Cordingly D.* Under the Black Flag: The Romance and Reality of Life Among the Pirates. New York: Random House, 1995; *Jacquin P.* Sous le pavillon noir: Pirates et flibustiers. Paris: Gallimard, 1988, 185 p. *Rogozinski J.* Pirates! Brigands, Bucanners, and Pirates in Fact, Fiction and Legend. New York: Facts on File, 1995 (русский перевод: *Рогожински Ж.* Энциклопедия пиратства. М.: Вече; А. Корженевский, 1998); *Konstam A.* Pirates: Terror on the high seas. Oxford: Osprey Publishing, 2001; *Idem.* The History of Pirates. Guilford: The Lyons Press, 2002; *Moreau J.-P.* Un flibustier français dans la mer des Antilles. Paris: Éditions Petite Bibliothèque Pavot, 2002; *Little B.* The Sea Rover's Practice: Pirate Tactics and Techniques, 1630–1730. Washington: Potomac Books, Inc., 2007.

¹⁰⁰ *Vues sur la piraterie, des origins à nos jours / Éd. par Gérard A. Jaeger.* Paris: Tallandier, 1992; *Pirates: Terror on the high seas – From the Caribbean to the South China sea / Ed. by David Cordingly.* Atlanta: Turner Publishing, Inc., 1996; *Bandits at sea: A pirate reader / Ed. by C. R. Pennel.* New York: New York University Press, 2001; *L'aventure de la flibuste. Actes du Colloque de Brest (3–4 mai 2001) / Ed. par Michel Le Bris.* Paris: Éditions Hoëbeke/Abbaye Daoulas, 2002; *Les tyrans de la mer. Pirates, corsaires et flibustiers / Textes réunis par Sylvie Requemora et Sophie Linon-Chipon.* Paris: Presses de l'Université de Paris-Sorbonne, 2002.

¹⁰¹ *Bridenbaugh C., Bridenbaugh R.* No peace beyond the line: The English in the Caribbean, 1624–1690. New York: Oxford University Press, 1972; *Andrews K. R.* Trade, Plunder and Settlement: Maritime Enterprise and the Genesis of the British Empire, 1480–1630. Cambridge: Cambridge University Press, 1984; *Buchet Ch.* La lutte pour l'espace Caraïbe et la façade atlantique de l'Amérique Centrale et du Sud (1672–1763). Vol. 1–2. Paris: Librairie de l'Inde, 1991; *Lane K. E. R.* Pillaging the empire: Piracy in the Americas, 1500–1750. Armonk, New York and London: M. E. Sharpe, 1998.

¹⁰² *Williams N.* Captains outrageous: Seven centuries of piracy. London: Barrie and Rockliff, 1961; *Маховский Я.* История морского пиратства. М: Наука, 1972; *Lucie-Smith E.* Outcasts of the Sea: Pirates and Piracy. New York: Paddington Press Ltd, 1978; *Botting D.* The Pirates, Alexandria: Time-Life Books, 1978; *Нойкирхен Х.* Пираты: Морской разбой на всех морях. М.: Прогресс, 1980; *Poivre d'Arvor O., Poivre d'Arvor P.* Pirates et corsaires. Paris: Mengès, 2004.

¹⁰³ *Briggs P.* Buccaneer Harbor: The fabulous history of Port Royal, Jamaica. New York: Simon and Schuster, 1970; *Goslinga C. C.* The Dutch in the Caribbean and the Wild Coast (1580–1680). Gainesville: University of Florida Press, 1971; *Butel P.* Les Caraïbes au temps des flibustiers: XVI-e – XVII-e siècles. Paris: Aubier Montaigne, 1982; *Блон Ж.* Флибустьерское море. М., 1985; *Goslinga C. Ch.* The Dutch in the Caribbean and in the Guianas, 1680–1791. Assen: Van Gorcum, 1985; *Marx J.* Pirates and Privateers of the Caribbean. Malabar: Krieger Publishing Company, 1992; *Camus M. C.* L'île de la Tortue au cour de la flibuste caraïbe. Paris: L'Harmattan, 1997; *Мерьен Ж.* Энциклопедия пиратства. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 1999; *Bromley J. S.* Outlaws at sea: Equality and fraternity among Caribbean freebooters // *Bandits at sea: A pirate reader / Ed. by C. R. Pennel.* New York: New York University Press, 2001; *Perron J.-F.* Flibustiers, corsaires et pirates: l'impact de leurs actions sur le déclin de l'empire Espagnol d'Amérique au XVII-e siècle. Chicoutimi: Université du Québec à Chicoutimi, 2001; *De Cauna J.* Aventuriers et flibustiers basques et gascons de la Caraïbe (XVI-e – XV-e siècle) // *Les tyrans de la mer...P. 145–162; Pioffet M.-Ch.* Flibustiers et écumeurs de la mer des Antilles // *Les tyrans de la mer...P. 315–348; Arnold A. J.* From piracy to policy: Exquemelin's Buccaneers and imperial competition in «America» // *Review: Literature and arts of the Americas.* 2007. Vol. 40. № 1. P. 9–20.

¹⁰⁴ *Dow G. F., Edmonds J. H.* Pirates of the New England Coast, 1630–1730. Salem: Marine Research Society, 1923; *Williams L.H.,* Pirates of Colonial Virginia. Detroit: Grand River Books, 1971; *Rankin H. F.* The Pirates of Colonial North Carolina. Raleigh, 1977; *Shomette D. G.* Pirates on the Chesapeake: Being a True History of Pirates, Picarpoons, and Raiders on Chesapeake Bay, 1610–1807. Centreville: Tidewater Publishers, 1985; *Zepke T.* Pirates of the Carolinas. Sarasota: Pineapple Press, Inc, 2000; *Butler L.* Pirates. Privateers and rebel raiders of the Carolina coast. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2000.

¹⁰⁵ *Kemp P. H., Lloyd C.* The Brethren of the Coast: British and French Buccaneers in the South Seas. London: Heinemann, 1960; *Course A. G.* Pirates of the Eastern Seas. London: Cox and Lyman Limited, 1966; *Risso P.* Cross-cultural

океаны, Персидский залив и «Пиратский берег»,¹⁰⁷ Красное море¹⁰⁸ и остров Мадагаскар.¹⁰⁹

Говоря о пиратстве, нельзя оставить в стороне биографическое направление исследований, традиционно привлекательное для авторов, пишущих о морском разбое. Сегодня, впрочем, биографический жанр расширил границы своих исследований, и в центре внимания оказался «жизненный мир» человека, мир его повседневности. Выступая в качестве своего рода «промежуточного» жанра, биографии пытаются совместить научный подход с доступностью изложения и помещают героев в широкий культурный и социальный контекст. Данный подход позволил не только переоценить сложившиеся стереотипные образы пиратов-злодеев (или героев), но и разрушить устоявшиеся мифы. Благодаря новым биографическим подходам историкам удалось по-новому взглянуть на Френсиса Дрейка,¹¹⁰ Уолтера Рэли,¹¹¹ Генри Моргана,¹¹² Уильяма Кидда,¹¹³ Мишеля де Граммона,¹¹⁴ Тича Черную Бороду¹¹⁵, Бартоломью Робертса.¹¹⁶

perceptions of piracy: Maritime violence in the Western Indian ocean and Persian gulf region during the long eighteenth century // *Journal of World History*. 2001. Vol. 12. № 2. P. 293–319.

¹⁰⁶ *Gerhard P.* Pirates on the West Coast of New Spain, 1575–1742. Glendale: Arthur Clark Co., 1960 (русский перевод: *Герхард П.* Пираты Новой Испании, 1575–1742. М.: Центрполиграф, 2004); *Day A. G.* Pirates of the Pacific. New York: Meredith Press, 1968; *Spate O. H. K.* Monopolists and Freebooters. Canberra: Australian National University Press, 1983.

¹⁰⁷ *Belgrave Ch.* The Pirate Coast. London: Bell, 1966.

¹⁰⁸ *Cochran H.* Freebooters of the Red Sea: Pirates, politicians and pieces of eight. Indianapolis: Boobs-Merrill, 1965.

¹⁰⁹ *Arnold-Forster F. D.* The Madagascar Pirates. New York: Lothrop, Lee and Shepard, 1957; *Deschamps H.* Les Pirates à Madagascar aux XVI-e et XVIII-e siècles. Paris: Editions Berger-Levrault, 1972.

¹¹⁰ *Wagner H.* Sir Francis Drake's Voyage Around the World: Its Aims and Achievements. San Francisco: John Howell, 1926; *Thompson G. M.* Sir Francis Drake. London: Secker and Warburg, 1972; *Williams N.* Francis Drake. London: Weidenfeld and Nicolson, 1973; *Kelsey H.* Sir Francis Drake: The Queen's Pirate. London: Yale University Press, 1998; *Cummins J.* Francis Drake: Lives of a Hero. London: Weidenfeld and Nicolson, 1995; *Bawlf S.* The Secret Voyage of Sir Francis Drake: 1577–1580. London: Allen Lane – Penguin Press, 2003; *Whitfield P.* Sir Francis Drake. London: British Library, 2004.

¹¹¹ *Strathmann E. A.* Sir Walter Raleigh: A Study in Elizabethan Skepticism. New York: Columbia UP, 1951; *Greenblatt S. J.* Sir Walter Raleigh: The Renaissance Man and His Roles. 1973; *Lefranc P.* Sir Walter Raleigh, écrivain. Quebec: Armand Colin, 1968; *West W. N.* Gold on Credit: Martin Frobisher's and Walter Raleigh's Economies of Evidence // *Criticism*. 1997. Vol. 39. P. 315–336.

¹¹² *Pope D.* Harry Morgan's way: The biography of sir Henry Morgan, 1635–1688. London: Secker and Warburg, 1977; *Idem.* The buccaneer king: The biography of the notorious sir Henry Morgan, 1635–1688. New York: Dodd Mead, 1978; *Earle P.* The Sack of Panama: Captain Morgan and the Battle for the Caribbean. New York: Thomas Dunne Books, 2007; *Talty S.* Empire of Blue Water: Captain Morgan's Great Pirate Army, The Epic Battle for the Americas and the Catastrophe That Ended the Outlaws' Bloody Reign. New York: Random House, Inc., 2007; *Weston J.* Henry Morgan, 1635–1688. A Welsh Buccaneer and Son of Monmouthshire // <http://www.data-wales.co.uk/morgan.htm>.

¹¹³ *Ritchie R. C.* Captain Kidd and the War against the Pirates. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1986; *Zacks R.* The Pirate Hunter: The True Story of Captain Kidd. New York: Hyperion Press, 2002.

¹¹⁴ *Gasser J.* Les mystérieuses disparitions de Grammont // *L'aventure de la flibuste...* P. 211–250.

Все большее число специалистов привлекает изучение экономических и социальных контуров пиратства. Благодаря работам социальных историков 60–70-х годов в историографических тенденциях наметился поворот, позволивший изучать феномен морского бандитизма как неотъемлемую часть моряцкого социума. Удачные попытки подобного анализа были предприняты в монографиях Пабло Переса-Малаины об организации испанских конвоев в Новый Свет¹¹⁷ и Черил Фьюри, посвященной морякам елизаветинской эпохи.¹¹⁸ Особо необходимо остановиться на трудах американского историка Маркуса Ридикера, автора нескольких монографий и ряда статей, проникнутых духом радикального истолкования пиратства.¹¹⁹ В его работах моряцкий мир Атлантики исследуется в контексте формирования индустриального общества и выступает как ключевая составляющая рынка свободной рабочей силы, охватывавшего океанские порты. Один из ярких метафорических образов раннеиндустриального общества, созданных Ридикером – «многоголовая гидра», сложное символическое понятие, олицетворяющее не только британскую экспансию, но и ужас привилегированных слоёв перед проявлениями народного протеста обездоленных низов общества, представленного тысячами моряков на всем протяжении Атлантики. В этом контексте глобальных перемен Ридикер рассматривает корабельную повседневность и моряцкий мир, видя в них ключевую структурную составляющую рынка свободной рабочей силы, разбросанной по океанским портам. Независимых в своем выборе моряков объединяют чётко обозначенные социальные характеристики: интернационализм, расовая толерантность и космополитизм.

¹¹⁵ Lee R. E. *Blackbeard the pirate: A reappraisal of his life and times*. Winston-Salem, N.C.: Blair 1974; Day J. *Blackbeard, Terror of the Seas*. Newport, N.C.: Golden Age Press 1997; Konstam A. *Blackbeard: America's most notorious pirate*. New York: John Wiley and Sons, Inc., 2006; Moore D. D. *A General History of Blackbeard the Pirate, the «Queen Anne's Revenge» and the «Adventure»* // <http://www.ah.der.state.ne.us/gar/HISTORY/history1.htm>

¹¹⁶ Richards S. *Black Bart*. Llandybie: Christopher Davies, 1966.

¹¹⁷ Pérez-Mallaina P. E. *Spain's Men of the Sea: Daily Life on the Indies Fleets in the Sixteenth Century*. Translated by Carla Rahn Phillips. Baltimore, 1998.

¹¹⁸ Fury Ch. A. *Tides in the Affairs of Men. The Social History of Elizabethan Seamen, 1580–1603*. Westport, 2002.

¹¹⁹ Rediker M. «Under the Banner of King Death»: The Social World of Anglo-American Pirates, 1716 to 1726 // William and Mary Quarterly. 1981. Ser. 3. Vol. 38. P. 203–227; *Idem*. *Between the Devil and the Deep Blue Sea. Merchant Seamen, Pirates and the Anglo-American Maritime World, 1700–1750*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987; *Idem*. *Villains of All Nations: Atlantic Pirates in the Golden Age*. Boston: Beacon Press, 2004.

Корабли, выходившие в Атлантику, представляют собой своего рода «фабрики», а моряки – «страстных поборников свободы». Пираты же – это некий передовой отряд вольнодумцев, выступающих против навязанных обществом социальных иерархий, и, в первую очередь, протестующих против деспотизма командиров кораблей. Они мстят несправедливому обществу и под черным знаменем «Короля Смерть» бросают вызов уважаемому обществу.¹²⁰ Приверженец «истории снизу вверх», Ридикер продолжает традиции Томпсона и Хилла. Пиратский бандитизм в его концепции предстает в качестве радикальной оппозиции буржуазным порядкам, своего рода плебейской альтернативы, защищавшей традиционный уклад жизни на кораблях и рисующей утопические проекты устройства на суше. Однако, насколько они оказались воплощены в реальной жизни, или же так и остались извечным и недостижимым плебейским идеалом. Собственно, Ридикер и не сомневается, что речь идет именно об утопии.¹²¹ Отчет пиратского историка Капитана Чарльза Джонсона о капитане Джеймсе Миссоне и его поселении Либерталия на Мадагаскаре¹²² – не более чем выдумка. Другое дело, что сама по себе идея подобного эгалитаристского и интернационального¹²³ сообщества корнями своими уходит в повседневность этих людей, в народную культуру, ищущую ответов на извечные вопросы о свободном и справедливом обществе, в котором люди не заняты изнурительным трудом и живут счастливо.¹²⁴

¹²⁰ См.: *Linebaugh, P., M. Rediker. The many-headed hydra: The Atlantic working class in the seventeenth and eighteenth centuries // Jack Tar in history: Essays in the history of maritime life and power. Ed. by Colin Howell and Richard J. Twomey. Fredericton: Acadiensis Press, 1991. P. 11–36; Linebaugh, P., M. Rediker. The many-headed hydra: Sailors, Slaves, Commoners, and the Hidden History of the Revolutionary Atlantic. Boston: Beacon Press, 2000.*

¹²¹ *Ridiker M. Libertalia: the Sailor's Lot and the Pirate's Utopia in the Early Eighteenth-Century Atlantic World // Русское открытие Америки. Сб. статей, посвященный 70-летию академика Н. Н. Болховитнинова. М.: РОССПЭН, 2002. С. 58–72.*

¹²² *Rushby K. Hunting pirate heaven: In search of the lost pirate utopias of the Indian Ocean. New York: Walker and Co., 2003; Racault J.-M. De l'aventure flibustière à la piraterie littéraire: Defoe, Leguat, les deux Misson et la République utopique de Libertalia // Les tyrans de la mer... P. 243–282; McDonald K. P. «A Man of Courage and Activity»: Thomas Tew and Pirate Settlements of the Indo-Atlantic Trade World, 1645–1730 / UC World History Workshop. Working Papers from the World History Workshop Conference Series. University of California. 2005. October. Paper 2.*

¹²³ См. статью Кеннета Кинкора, посвященную расовой стратификации пиратских команд: *Kinkor K. J. Black men under the black flag // Bandits at sea: A pirates reader...P. 195–210.*

¹²⁴ *Jacquin P. L'âge d'or de la grande piraterie // Vues sur la piraterie... P. 118–131; Ludlow P. Crypto anarchy, cyberstates and pirate utopias. Cambridge: The MIT Press, 2001; Faller L. Captain Misson's failed utopia, Crusoe's failed colony: Race and identity in new, not quite imaginable worlds // Eighteenth century: Theory and interpretation. 2002. Vol.*

Идеи Кристофера Хилла об идеологической отверженности карибских пиратов повлияли и на творчество американского политического писателя-анархиста Питера Ламборн Уилсона (псевдоним: Хаким-Бей). Свою книгу «Пиратская утопия» он посвятил истории пиратской республики XVII в., существовавшей в Сале (Марокко).¹²⁵ Неотъемлимую часть местного разноязычного и многонационального населения составляли европейские ренегаты, принявшие мусульманство и превратившиеся во врагов Бога, церкви и всего мира. Нападавшие на корабли христиан европейцы, по мнению Уилсона, вели себя так же, как и пираты Вест-Индии. Это продемонстрировал голландский историк Стивен Снелдерс, который на нидерландских источниках изучил биографии двух голландских морских разбойников, жизнь которых оказалась сплетена с судьбами варварийских корсаров и флибустьеров Санто-Доминго.¹²⁶

В поисках ответов на вопросы о природе пиратского общества, исследователи не ограничились поиском корней плебейской идеологии. Концепция социального бандитизма и идея альтернативности моряцкого социума дополнилась изучением пиратства на фоне этноистории Вест-Индии¹²⁷ и как социально опасного криминального сообщества.¹²⁸ Насколько сопоставимы между собой образы социального бандита, плебейского радикала и уголовника? С точки зрения, например, Джона Селвина Бромли, автора статьи «Преступники в море, 1660 – 1720 гг.: Свобода, равенство и братство среди флибустьеров Карибского моря», типология бандита воплотила в себе настоящую смесь характеров, психологических типов и слепков социального поведения, от неистовых

43. № 1. P. 1–17; *Woodard C.* The republic of pirates: Being the true and surprising story of the Caribbean pirates and the man who brought them down. New York: Harcourt, 2007; *Parker M.* Pirates, merchants and anarchists: Representations of international business // *Management and Organizational History*. 2009. Vol. 4. № 2. P. 167–185.

¹²⁵ *Wilson P. L.* Pirate Utopias: Moorish Corsairs and European Renegadoes. New York: Autonomedia, 1996.

¹²⁶ *Snelders S.* The devil's anarchy. The sea robberies of the most famous pirate Claes G. Compaen. The very remarkable travels of Jan Erasmus Reyning, buccaneer. New York: Autonomedia, 2005.

¹²⁷ *Sauer C. O.* The early Spanish Main: The land, nature and people Columbus encountered in the Americas. Berkeley: University of California Press, 1966; *Hulme P.* Colonial encounters: Europe and the native Caribbean, 1492–1797. New York: Methuen, 1986; *Boucher P.* Cannibal encounters: European and Island Caribs, 1492–1763. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1992; *Smith F. H.* Caribbean rum: A social and economic history. Gainesville: University Press of Florida, 2005; *Idem.* European impressions of the Island Carib's use of alcohol in the early colonial period // *Ethnohistory*. 2006. Vol. 53. № 3. P. 543–566.

¹²⁸ *Mabee B.* Pirates, privateers and the political economy of private violence // *Global change, peace and security: Formerly Pacifica review: Peace, security and global change, 1478–1166*. 2009. Vol. 21. № 2. P. 139–152.

«гайдуков», описанных Хобсбаумом, испанских пройдох пикаро, кроканов, левеллеров и т.д. Описывая их как нечестивых богохульников, ведущих беспутный образ жизни, Бромли не может не восхититься справедливыми правилами их внутреннего устройства, предполагавшими компенсации за травматизм и увечья, братские взаимоотношения и торжественность ритуалов и обрядов.¹²⁹

Таким образом, перед историками представало сложное общество с определенной системой разделения труда и властными иерархиями, определявшими место каждого из его членов.¹³⁰ Феномен морского разбоя начинал приобретать черты своеобразной жизненной стратегии, в которой образы радикального переустройства мира далеко не всегда стояли на первом плане. В конце концов, пиратов объединяла жажда риска, и в тех ситуациях, когда возможная прибыль перевешивала осторожность, вступали в действие экономические и психологические мотивации.¹³¹

С одной стороны, пиратство превратилось в некий социальный конгломерат, который вобрал всех тех, кто не принимал современное общество и жил идеей создать новый мир, мир равенства и справедливости.¹³² С другой стороны, всех этих людей связывала крепкая нить соучастия в преступлении, насилии и убийствах. На одном полюсе пиратства расположился харизматичный командир «Уидью» «Черного Сэма» Беллами, набросившийся на захваченного торговца с жестким обличением существующих порядков: «Толстопузые мерзавцы называют нас злодеями, но они от нас отличаются одним: богачи обирают бедняков, прикрываясь законом, разве я не прав? А мы трясем толстосумов, рассчитывая лишь на собственную храбрость... я – человек свободный: захочу – и объявлю

¹²⁹ Bromley J. S. *Outlaw at sea: Liberty, equality and fraternity among Caribbean freebooters // Corsairs and navies, 1660–1760*. London: The Hambledon Press, 1987. P. 1–20.

¹³⁰ См.: Pennell C. R. *Who needs pirate heroes? // The Northern mariner*. 1998. Vol. 8. № 2. P. 61–79; *Land C. Flying the black flag: Revolt, revolution and the social organization of piracy in the «golden age» // Management and Organizational History*. 2007. Vol. 2. № 2. P. 169–192.

¹³¹ Одним из первых исследователей, обративших внимание на пиратство с точки зрения экономического анализа, был Сирус Карракер. Проследив историю пиратства от античных времен до XVII в., он рассмотрел его как профессиональное занятие, напоминавшее современный рэкет.

¹³² Kuhn E. *Life Under the Jolly Roger: Reflections on Golden Age Piracy*. PM Press, 2009.

войну всему миру, как любой из тех, у кого тысячи людей и десятки кораблей.»¹³³ На другом конце нашли свое место пиратские главари Недд Лоу, Кеннеди и Тич Черная Борода, жестокие насильники и садисты, мстители правопорядку. Подобных людей Хобсбаум, например, выделял особо, наделяя их качествами, вызывающими восхищение простых людей: эти «возмутители общественного спокойствия (public monsters)» словно «желали доказать, что даже слабые и неимущие могут внушать ужас».¹³⁴

Неудивительно, что внутренний мир морского криминального сообщества и его взаимоотношения с миром закона и правопорядка вызвал повышенный интерес среди ученых, занимающихся антропологией власти. Антропологический подход позволил преодолеть определенную односторонность концепции управления человеческим обществом, ориентирующейся, прежде всего, на изучение государственных институтов, в определенной степени отождествляющей политическое единство с социумом и в целом плохо приспособленной к пониманию мелких политических форм, идущих от традиционных обществ. В рамках указанного концептуального подхода проблемы политических институтов и процедур управления внутри пиратского сообщества словно не имели права на существование, они будто бы растворялись, зажатые в жестких рамках упрощенной дихотомии, противопоставлявшей анархию уголовного социума цивилизованному обществу с четко определенным и рациональным управлением. Сместив фокус исследования на социальные структуры, не связанные напрямую с государственными институтами, некоторые авторы (в частности, упомянутые ранее П. Л. Уилсон и С. Снелдерс) увидели в пиратстве модель демократического мироустройства, выстраиваемого на принципах, извечно присущих человечеству: самоорганизации, взаимопомощи, добровольности и эгалитаризма.¹³⁵ По мнению антрополога Дэвида Грэбера, подобные основы прямой демократии, часто

¹³³ *Captain Charles Johnson. A General History of the Pyrates...* P. 587.

¹³⁴ *Hobsbawm E. J. Bandits.* Harmondsworth: Penguin Books, 1972. P. 58.

¹³⁵ См., например: *Hayes P. Pirates, Privateers and the Contract Theories of Hobbes and Locke // History of Political Thought.* 2008. Vol. 29. Issue 3.

рождающиеся в глубине бунтарских движений, выступали жизнеспособной альтернативой государству, всеми силами пытавшегося доказать, что именно оно является высшей формой политической организации и что с его исчезновением в мире восторжествуют хаос и братоубийство.¹³⁶

Плодотворными представляются методы анализа пиратских группировок, предложенные Питером Лисоном.¹³⁷ Изучая структуры власти, установленные внутри бандитского сообщества, он исходил из теории конституционного выбора, предложенной американскими экономистами Джеймсом Бьюкененом и Гордоном Таллоком.¹³⁸ Применив экономические методы к политологическим сферам жизни общества, они сосредоточили внимание не на государстве и нации, а изучали влияние индивидуумов, способствующих принятию рациональных решений. Одно из ключевых положений в теории Бьюкенена занимает разграничение между «государством защищающим» (protective state) и «государством производящим» (productive state). Отталкиваясь от учений Д.Локка, Т.Гоббса и Ж.-Ж. Руссо, Бьюкенен полагает, что конституционный договор (или некий набор правил и процедур, в рамках которых существует политическая организация) ведет к установлению «государства защищающего». Оно определяет права собственности и контроля индивидуальных лиц над ресурсами, стимулирует частные контракты и несет ответственность за защиту прав индивидов. Однако поведение индивидуальных лиц, получивших властные полномочия, способствует усилению государства в постконституционной стадии, что обуславливает угрозу появления Левиафана – знаменитого политического символа Томаса Гоббса, которым он обозначил приход автократического государства. Так как индивиды не в состоянии

¹³⁶ См.: *Graeber D.* Fragments of an anarchist anthropology. Chicago, 2004. P. 35 – 37.

¹³⁷ *Leeson P. T.* An-arrgh-chu: The law and economics of pirate organization // *Journal of political economy*. 2007. Vol. 115. № 6. P. 1049–1094; *Idem.* The calculus of piratical consent: The myth of the myth of social contract // *Public Choice*. 2009. Vol. 139. № 3,4. P. 443–459; *Idem.* The invisible Hook: The hidden economics of pirates. Princeton: Princeton University Press, 2009; *Idem.* Rationality, pirates and the law: A retrospective // *American University Law Review*. 2010. Vol. 59. № 5. P. 1219-1230.

¹³⁸ См.: *Buchanan J. M., Tullock G.* The Calculus of consent: Logical foundation of constitutional democracy. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1962 (русс. перевод: *Бьюкенен Дж. М., Таллок Г.* Расчет согласия. Логические основания конституционной демократии // Нобелевские лауреаты по экономике. Джеймс Бьюкенен. М.: Таурус Альфа, 1997. М.: Таурус Альфа, 1997); *Buchanan J. M.* The limits of liberty: Between anarchy and Leviathan. Chicago: University of Chicago Press, 1975 (русс. перевод: *Бьюкенен Дж.* Границы свободы. Между анархией и Левиафаном // Нобелевские лауреаты...).

определить, выиграют ли они или проиграют в будущем от действий власти, в их действиях явно прослеживается стремление оградить общество от принуждения, и они вырабатывают решения, выгодные коллективу в целом. В свою очередь Лисон полагает, что подписанный членами экипажа пиратский договор как свободное соглашение индивидуумов, означает переход от анархии к политическим институтам, способствующим установлению организационных структур взаимоотношений и обмена. Связывая достаточно многочисленные пиратские коллективы (от 80 до 250 человек) едиными организационными началами, договоры предопределяли демократические установки, доминировавшие внутри бандитского сообщества и вступавшие в конфликт с усиливавшимися авторитарными тенденциями, идущими от пиратских главарей. Пираты, по мнению Лисона, отдавали себе отчет в преимуществах принципов «конституционной демократии», которые спустя пять веков легли в основу конституции США, и жестко регламентировали не только власть лидеров, но и устанавливали регулировавшие всю систему принципы распределения добычи, премиальные и страховые фонды. Подобная конституционная система не канула в прошлое, и сегодня находит воплощение в схожих механизмах управления, принятых, например, в группировках «La Nuestra Familia» контролирующей тюремную сеть Северной Калифорнии.

Одно из направлений пиратологических исследований касается также анализа гендерных характеристик. Интерпретируя пиратский социум как систему, отражавшую специфические маскулинные установки западноевропейского общества, историки попытались приоткрыть завесу над сложными сексуальными отношениями, связывавшими его участников, и столкнулись с немалыми источниковыми проблемами. С одной стороны, современники оставили очень скудные сведения относительно сексуальной жизни пиратов. С другой стороны, изучение сексуальности, в частности гомосексуализма, наталкивалось на двусмысленные препятствия этического и морального свойства, в частности, на доминировавшие в раннем индустриальном обществе представления о содомии,

как об извращении и вселенском грехе. Однако, действительно ли гомосексуализм доминировал в сексуальной жизни пиратов? Отношения дружбы и соперничества, богохульство, жестокость, яркие одежды, алкоголь и сексуальные желания предопределяли интенсивность протекания процессов маскулинности, сопровождавшихся различными насильственными практиками. Не удивительно, что важнейшими рычагами функционирования данного общества оказывались власть, страх и насилие.

Одним из первых специалистов, предпринявшим попытку изучить сексуальную жизнь пиратских экипажей стал Барри Ричард Бург, автор монографии «Содомия и пиратская традиция: Английские морские разбойники XVII в. в Карибском море».¹³⁹ Он рассматривал гомосексуализм среди пиратов как одну из характеристик, свойственных замкнутому мужскому сообществу и, сравнивая его с сексуальными ситуациями во флотской среде или в тюремном сообществе, не находит, что сам по себе феномен гомосексуализма может служить отличительной особенностью именно пиратского социума.¹⁴⁰ В работе с красноречивым названием «Ром, содомия и плеть; Пиратство, сексуальность и маскулинная идентичность» Ханс Терли задается вопросом: каким путем пираты превратились в символ жестокого и сверхмускулинного героя современной им народной культуры?¹⁴¹ Его, собственно, интересовали не столько заявленные в названии гомосексуализм, плети и ром. Названные элементы использовались Терли, скорее, в качестве обобщающих знаков, символически связанных с представлениям о мужском обществе. В центре его внимания – литературные репрезентации пирата, превратившие главарей вроде Тича Черной Бороды, Кидда и Эвери в культурные символы, пришедшие в начале XVIII в. на смену либертену. Изучая психологические структуры пиратского общества, возникавшие из двусмысленной атмосферы желаний, эмоций и накаленной атмосферы пиратского

¹³⁹ *Burg B. R. Sodomy and the pirate tradition: English sea rovers in the seventeenth-century Caribbean.* New York: New York University Press, 1995;

¹⁴⁰ См. также: *Gilbert A.N. Buggery and the British Navy, 1700–1861 // Journal of Social History.* 1976. Vol. 10. № 1. P. 72–98.

¹⁴¹ *Turley, H. Rum, sodomy and the lash: piracy, sexuality and the masculine identity.* New York, 1999.

корабля, Терли констатировал, что в литературе XVIII в. (он анализирует известные литературные произведения, в частности, романы Д. Дефо «Робинзон Крузо» и «Капитана Синглтона») «распутные манеры жизни» воспринимались как нечто, неотъемлемо связанное с обычаями пиратов. Изучение содомии привлекло его внимание как возможность аналитического проникновения в закрытый для посторонних маскулинный микромир. Сексуальные оргии Тича Черной Бороды, развлечения капитана Уэйна и его команды на стоянках для кренгования, разнузданное поведение людей Ингланда, Робертса и Тэйлора насилующих негритянских туземок на Виргинских и Локкадивских островах оказались для Терли своеобразными маркерами, свидетельствующими в целом о социальном конструировании сексуального желания и сексуальности в пиратском обществе.¹⁴²

Предложенные Терли методы анализа оказались применимыми в области изучения имиджа пиратства. Одна из интересных попыток, предпринятых в названном контексте, - диссертационное исследование Пламена Арнаудова, проанализировавшего мифологию пиратства с позиций структурной антропологии. Сочетая теоретические постулаты К. Леви-Строса с источниковедческим анализом текстов Эксквемелина, Шарпа, Снейлгрейва, Равно де Люссана и Капитана Джонсона, он выделил мифологические элементы, благодаря которым произошло конструирование ментального образа пирата, превратившегося в олицетворение вселенского злодея, богохульника и преступника.¹⁴³

Среди работ с уклоном в гендерную проблематику отметим также исследования, посвященные изучению феминных ролей в морской повседневности. Благодаря монографии Сюзанн Старк обнаружилось, что на европейских кораблях женщины играли большую роль, нежели принято думать.¹⁴⁴

¹⁴² См.: *Murray D.* The practice of homosexuality among the pirates of late eighteenth- and early nineteenth-century China // *Bandits at sea...* P. 244–282.

¹⁴³ *Arnaudov P. I.* Elements of mythmaking in witness accounts of colonial piracy (Dissertation). Louisiana State University, 2008.

¹⁴⁴ *Stark S.* Female tars: Women aboard ship in the age of sail. Annapolis: Naval Institute Press, 1996. См. также: *Crane E. F.* Ebb Tide in New England: Women, seaports and social change, 1630–1800. Boston: Northeastern University Press,

Среди них были проститутки, они плавали на кораблях среди пассажиров, служили прачками, поварами, иногда поступали матросами на торговые, китобойные и приватирские суда. Как правило, это были молодые женщины из простонародья, феномен которых заставил историков заняться изучением глубоко укоренившейся системы скрытого трансвестизма на кораблях. Проблема обретала особые социально-психологические черты в связи со своеобразным восприятием современниками присутствия женщин на борту судна – оно подрывало рабочий ритм, вносило диссонанс в дисциплинарные порядки и вызывало конфликты в мужском коллективе. Интерес историков коснулся следующих вопросов: причины, которые толкнули женщин на пиратство, какие роли они играли в судовых командах и на берегу, биографии женщин, руководивших пиратскими группами, региональные особенности женской истории пиратства, судьба женщин на корабле в культурологическом контексте.¹⁴⁵ Разумеется, особое внимание привлекала история знаменитых Анны Бонни и Мэри Рид, ставших героинями Капитана Чарльза Джонсона и послуживших, по мнению Ридикера, прототипами революционных образов в живописи.¹⁴⁶

Большие историографические традиции имеют сюжеты, касающиеся роли европейских корсаров и каперов в борьбе за гегемонию в Океане.¹⁴⁷ Это не удивительно, в связи с большим значением, которое всегда отводилось «*Querre de course*» в военно-морских конфликтах. Другое дело, что в связи с

1998; *Druett J.* *Hen frigates: Wives of merchant captains under sail.* New York: Simon and Schuster, 1998; *Cordingly D.* *Women sailors and sailor's women: An untold maritime history.* New York: Random House, 2001.

¹⁴⁵ *Bold in her breeches: Women pirates across the ages / Ed. by Jo Stanley.* London: Harper Collins Publishing, 1995; *Iron Men, Wooden Women: Gender and Seafaring in the Atlantic World, 1700–1920 / Ed. by Margaret S. Creighton and Lisa Norling.* Baltimore, London: Johns Hopkins University Press, 1996; *Klausmann U., Meinzerin M., Kuhn G.* *Women pirates and the politics of the Jolly Rodger.* Montréal: Black Rose Books, 1997; *Cordingly D.* *Seafaring Women: Adventures of Pirate Queens, Female Stowaways, and Sailors' Wives.* New York, Toronto: Random House, 2001; *Appleby J. C.* *Women and piracy in Ireland: From Gráinne O'Malley to Anne Bonny // Bandits at sea... P. 283–298; Bracewell W.* *Women among the Uskoks of Senj: Literary images // Bandits at sea... P. 321–334.*

¹⁴⁶ *Rediker M.* *Liberty Beneath the Jolly Roger: The Lives of Anne Bonny and Mary Read, Pirates // Iron Men, Wooden Women...P. 1–33; Idem.* *Villains of all nations... P. 121–125.* См. также: *Theisen M.* *Anne Bonny, femme pirate.* Toulouse: Éditions Milan, 2003.

¹⁴⁷ *Dislere P.* *Les Croiseurs. La guerre de course.* Paris: Gauthier Villard, 1875; *Malo H.* *Les Corsaires: Les Corsaires Dunkerquois et Jean Bart.* Vol. I–II. Paris: Mercure de France, 1912–1913; *Chapin H. M.* *Privateer ships and sailors: The first century of American colonial private privateering, 1625–1725.* Toulon: Imprimerie G. Mouton, 1926; *Rectoran P.* *Corsaires basques et bayonnais du XV-e au XIX-e siècle. Pirates, filibustiers, boucaniers.* Bayonne: Cairn, 1946; *La Varende J. de.* *Jean Bart. Pour de vrai.* Paris: Flammarion, 1957.

переосмыслением традиционных морских сюжетов, история каперства и корсарства сегодня словно обрела второе дыхание. Был выявлен и проанализирован огромный фактический материал, позволивший определить место каперства в международной политике и его связи с государственной политикой в океане. В сборниках статей¹⁴⁸ и монографиях, посвященных истории каперства отмечаются трудности, которыми сопровождается попытка разграничить пиратов и каперов.¹⁴⁹ Если с юридической точки зрения отличия кажутся вполне очевидными, то в реальной практике обнаружить их не всегда представляется возможным. И те, и другие в арсенале средств использовали насилие, избирая главным объектом нападения торговые суда. На приватирских судах, как и на пиратских, старались поменьше нагружать трюмы, зато набирали многочисленный экипаж, необходимый для абордажного боя и ведения артиллерийской стрельбы. Заработная плата фактически не выплачивалась, так как вся экономическая система вознаграждения строилась по принципу сдельной оплаты и представляла собой паевые выплаты. Однако, приватирская деятельность жестко регламентировалась властями, а сведения о захваченных призах и грузах поступали в специальные адмиралтейские комиссии.¹⁵⁰

Неудивительно, что благодаря многочисленной документальной базе, одним из наиболее актуальных сюжетов в изучении каперства стали проблемы его экономической жизни. Среди них выделяются яркие и обстоятельные исследования, посвященные английскому приватирству эпохи Елизаветы I (Кеннет Эндрюс,¹⁵¹ Теодор Рэбб¹⁵²), каперам XVII и XVIII вв. в Англии (Уильям Мейер,¹⁵³

¹⁴⁸ Course et piraterie. Études présentées à la Commission internationale d'Histoire maritime à l'occasion de son XV-e Colloque international pendant le XIV-e Congrès international des sciences historiques / Ed. par Michel Mollat. T. I – II. Paris: Éditions du C.N.R.S., 1975; Pirates and Privateers: New Perspectives on the War on Trade in the 18th and 19th Centuries / Ed. by David J. Starkey, Els van Eyck van Heslinga and J. A. de Moor. Exeter: University of Exeter Press, 1997.

¹⁴⁹ См.: Mollat M. De la piraterie sauvage à la course réglementée (XIV-e–XV-e siècle) // Mélanges de l'École française de Rome, Moyen-Age, Temps modernes. 1975. Vol. 87. № 1. P. 7–25.

¹⁵⁰ О механизмах регламентации каперства см.: Berthiaume P. L'ordre du desordre // Les tyrans de la mer... P. 127–144.

¹⁵¹ Andrews K. R. Elizabethan Privateering: English Privateering during the Spanish War 1585–1603. Cambridge: University Press, 1964.

¹⁵² Rabb Th. K. Enterprise and Empire. Merchant and Gentry Investment in the Expansion of England, 1575–1630. Cambridge: Harvard University Press, 1967.

Дэвид Старки,¹⁵⁴ Гейс Роммелсе¹⁵⁵), Голландии (Яп Брюин)¹⁵⁶ и во Франции (Этьенн Тайемитт¹⁵⁷, Патрик Вилье¹⁵⁸). Большое значение для нас имели названные труды Эндрюса и Рэбба, для которых английское приватирство выступало в качестве одного из источников первоначального накопления капитала, а акционерные общества, создаваемые для освоения новых земель, регулировали важнейшие каналы инвестирования частных финансов в государственную колониальную политику. По мнению Старки при анализе каперства возможно применение предложенной Ф. Броделем концепции «длительного времени», позволяющего выделить циклические этапы возрастания пиратско-каперской активности, которые накладываются на периоды европейских конфликтов: 1603–1616, 1714–1726 и 1815–1825 гг.¹⁵⁹

Широко представлены локальные варианты каперства: дюнкеркские корсары на службе испанской короны,¹⁶⁰ испанское каперство в Средиземном море,¹⁶¹ баскское корсарство и французские корсары из Бордо, Байонны и Гранвиля.¹⁶² Эти исследования дополняются биографическими и просопографическими исследованиями, посвященными биографиям каперов и

¹⁵³ Meyer W. English Privateering in the War of 1688 to 1697 // *Mariner's Mirror*. 1981. Vol. 67. P. 259–264; *Idem*. English Privateering in the War of the Spanish Succession, 1702–1713 // *Mariner's Mirror*. 1983. Vol. 69. P. 435–446.

¹⁵⁴ Starkey D. J. British privateering enterprise in the eighteenth century. Exeter: University of Exeter Press, 1990; *Idem*. The origins and regulations of eighteenth century privateering // *Pressgangs and privateers* / Ed. by Tony Barrow. Whitley Bay: Bewick Press, 1993; *Idem*. A restless spirit. British privateering enterprise, 1739–1815 // *Pirates and privateers...* P. 126–140; *Idem*. Pirates and markets // *Bandits at sea...* P. 107–124.

¹⁵⁵ Rommelse G. A. English privateering against the Dutch Republic during the Second Anglo-Dutch war (1664 – 1667) // *Tijdschrift voor Zeegechiedenis*. 2003. T. 22. № 1. S. 17–31.

¹⁵⁶ Bruijn J. R. Dutch privateering during the Second and Third Anglo-Dutch Wars // *The Low Countries Yearbook* 1978. *Acta Historiae* X. Den Haag, 1979. P. 79–93.

¹⁵⁷ Taillemite Et. Les problèmes de la marine de guerre au XVII-e siècle // *Dix-septième siècle*. 1970. № 86–87. P. 79–93.

¹⁵⁸ Villiers P. Marine Royale, corsaire et trafic dans l'Atlantique. De Louis XIV à Louis XVI. Vol. I–II. Dunkerque: Société dunkerquoise d'histoire et d'archéologie, 1991; *Idem*. Les corsaires du littoral. Dunkerque, Calais, Boulogne de Philippe II à Louis XIV (1568–1713). Lille: Éditions du Septentrion, 2000.

¹⁵⁹ См.: Starkey D. J. *Pirates and markets // Bandits at sea ...*

¹⁶⁰ Stradling R. A. *Armada of Flanders. Spanish Maritime Policy and European War, 1568–1668*. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1992.

¹⁶¹ Nadal G. L. *El corsarisme mallorquí a la Mediterrània occidental, 1682 – 1698: Un comerç forçat*. Palma: Govern Balearn, 1986.

¹⁶² Greciet V. Contribution à l'étude de la corse. Les corsaires bordelaise au XVIII-e siècle. T. 1–2. Bordeaux: Université de Bordeaux, 1982; Lassus A., Darrigrand P. *Biarritz, ses marins et ses corsaires*. Biarritz: J. et D. Éditions, 1997; Lugat C. Les corsaires basques et la guerre de course classique (XVII) // *Zainak*. 2002. Vol. 21. P. 397–409; Pontet J. Les corsaires dans l'Amirauté de Bayonne au XVIII-e siècle // *Itsas memoria. Revista de estudios marítimos del País Vasco*. Donostia-San-Sebastian. 2006. № 5. P. 309–324; Aumont M. *Les corsaires de Granville, une culture du risque maritime (1688–1815)*. Rennes: Presse Universitaire de Rennes, 2013

корсаров, в которых выясняются причины, способствовавшие формированию морской семейственности и профессиональной специализации отдельных семейств, а также институциональные особенности каперства как формы фамильного предпринимательства.¹⁶³

Феномен морского разбоя в отечественной историографии остается еще слабо изученным, хотя в данной области изучения сложились некоторые приоритеты. Основное внимание исследователей было направлено на изучение вопросов, посвященных борьбе за господство на море и колониальную гегемонию, в рамках которой изучаемая нами проблема не выходила на первый план. Каперство и пиратство рассматривались, прежде всего, как вспомогательное средство в борьбе за подрыв испано-португальской монополии. Различные аспекты военного противостояния в Новом Свете отражены в монографиях Ю.Г. Акимова,¹⁶⁴ М.С.Альперовича,¹⁶⁵ Б.Н. Комиссарова,¹⁶⁶ Л.И. Слезкина,¹⁶⁷ В.А.

¹⁶³ *Vergé-Franceschi M.* Les officiers généraux de la Marine Royale (1715–1774). Origine, conditions, services. Vol. I – VI. Paris: Librairie de l'Inde, 1990; *Spence R. T.* The Privateering Earl: George Clifford, 3rd Earl of Cumberland, 1558 – 1605. Stroud: Alan Sutton, 1995; *Vergé-Franceschi M.* Duguay-Trouin (1673–1736): un corsaire, un officier général, un mythe // *Revue historique*. 1996. Vol. 295. P. 333–352; *McDermott J.* Martin Frobisher: Elizabethan Privateer. New Haven: Yale University Press, 2001; *Raleigh Tr.* Sir Walter Raleigh: Being a True and Vivid Account of the Life and Times of the Explorer, Soldier, Scholar, Poet and Courtier – The Controversial Hero of the Elizabethan Age. New York: Henry Holt and Company, LLC, 2004; *Frobisher K. A.* Elizabethan Hero: The Life of Sir Martin Frobisher. North Charleston: Booksurge LLC, 2005; *Hrodej Ph.* Jacques Cassard – armateur et corsaire du Roi-Soleil. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2002; *Delebarre M.* Jean Bart, légende du corsaire. Paris: Michel Lafon, 2002; *Earle P.* Last Fight of the Revenge. London: Methuen Publishing, 2006; *Siméon N.* Corsaire du Roi: René Duguay-Trouin, Saint-Malo 1673 – Paris 1736. Edition de Conti, 2007.

¹⁶⁴ *Акимов Ю. Г.* Джованни да Веррацано–мореплавател эпохи Возрождения // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 6. 1999. Вып. 2 (№ 13); *Он же.* От межколониальных конфликтов к битве империй: англо-французское соперничество в Северной Америке в XVII–начале XVIII вв. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2005.

¹⁶⁵ *Альперович М.С.* Тордесильяский договор и его последствия: [По материалам междунар. конф. на тему "Тордесилья и его последствия: политика великих европ. держав по отношению к Латин. Америке. 1494–1898 гг.", Кельн, дек. 1994 г.] // *Латинская Америка*. 1995. № 4. С.123–126.

¹⁶⁶ Три века колониальной Америки. О типологии феодализма в Западном полушарии / Под ред. Б. Н. Комиссарова, А. А. Петровой, О. В. Саламатовой, А. А. Ярыгина. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1992; *Империи Нового времени: Типология и эволюция (XV–XX вв.)* / Отв. ред. Б. Н. Комиссаров. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999; *Мир лузофонии. Материалы международной научной конференции (15–17 октября 1998 г.)* / Отв. ред. Б.Н.Комиссаров. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2001.

¹⁶⁷ *Слезкин Л. Ю.* Земля Святого Креста: Открытие и завоевание Бразилии. М.: Наука, 1970; *Он же.* У истоков американской истории: Виргиния, Новый Плимут, 1606–1642. М.: Наука, 1978; *Он же.* У истоков американской истории: Массачусетс, Мэриленд, 1630–1642. М.: Наука, 1980; *Он же.* Легенда, утопия, быль в ранней американской истории. М.: Наука, 1981; *Он же.* У истоков американской истории: Виргиния и Мэриленд в годы Английской революции, 1642–1660. М., 1989; *Он же.* У истоков американской истории. Роджер Уильямс, 1603–1683. М.: Наука, 1993.

Субботина,¹⁶⁸ Е.В.Тарле,¹⁶⁹ А.М. Хазанова,¹⁷⁰ П.П. Черкасова,¹⁷¹ А.Н. Чистозвонова,¹⁷² М.М. Ябровой.¹⁷³

Классическим направлением в отечественной историографии, имеющим большое значение для понимания особенностей европейской экспансии, оставались сюжеты, связанные с великими географическими открытиями. Для Старого Света новые миры, фактически неизвестные в научном смысле, оставались несколько веков фантастическим виртуальным проектом, питавшимся достижениями картографов той эпохи. В конечном итоге, Американский континент и Тихий океан в XVI–XVIII вв. представляли собой не что иное, как мифологические образы земли, нанесенные на карту. Их территории выступали подобием неких сказочных земель на пути в Индию и Китай, реальность которых обнаруживалась по мере продвижения европейцев в океан. В трудах А.И.Андреева,¹⁷⁴ В.Л.Афанасьева,¹⁷⁵ О. Гингерич,¹⁷⁶ А.В.Гринёва,¹⁷⁷

¹⁶⁸ *Субботина В. А.* Христофор Колумб // Вопросы истории. 1994. № 5. С. 57–72; *Он же.* Васко да Гама // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 49–68; *Он же.* Фернан Магеллан // Вопросы истории. 1997. № 1. С. 64–82; *Он же.* Великие открытия: Колумб, Васко да Гама, Магеллан. М.: УРАО, 1998.

¹⁶⁹ *Тарле Е. В.* Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств: (конец XV–начало XIX вв.). М.: Наука, 1965.

¹⁷⁰ *Хазанов А. М.* Экспансия Португалии в Африке и борьба африканских народов за независимость (XVI–XVIII вв.). М.: Наука, 1976; *Он же.* Неизвестное о Васко де Гаме // Вопросы истории. 2000. № 8. С. 110–118; *Он же.* Тайна Васко да Гамы. М.: ИВ РАН, 2000; *Он же.* Португалия и мусульманский мир (XV–XVI вв.). М.: РАУ–Университет, 2003; *Он же.* Кто открыл Бразилию? // Новая и новейшая история. 2005. № 1.

¹⁷¹ *Черкасов П. П.* Судьба империи: очерк французской колониальной экспансии XVI–XX вв. М.: Наука, 1983.

¹⁷² *Чистозвонов А. И.* Крестные отцы Нидерландской Ост-Индской компании // Новое и новейшее время. 1976. № 4. С. 130–140; № 6. С. 134–144; *Он же.* Генезис капитализма в Нидерландах // Проблема генезиса капитализма. М.: Наука, 1979; *Он же.* Торгово-колониальная экспансия Нидерландов в XVI–XVII вв. и восстания на судах океанских флотов // Средние века. Вып. 52. М., 1989; *Он же.* Амстердам в XVI – XVII вв.: социально-экономическое развитие и повседневная жизнь // Средние века. 1997. Вып. 60.

¹⁷³ *Яброва М. М.* Очерки истории колониальной экспансии Англии в эпоху первоначального накопления. Саратов: Издательство СГУ, 1966.

¹⁷⁴ *Андреев А. И.* Экспедиции на восток до Беринга (в связи с картографией Сибири первой четверти XVIII в.) // Труды Историко-архивного института. Т. 2. М., 1946. С. 181–202; *Он же.* Роль русского военно-морского флота в географических открытиях XVIII и XIX–XX вв. // Морской сборник. 1947. № 4. С. 64–105; № 7 С. 65–101; *Он же.* Русские открытия в Тихом Океане в XVIII в. (Обзор источников и литературы) // Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке / Под ред. и со вступ. статьей доктора ист. наук А. И. Андреева. М.: Государственное издательство географической литературы, 1948. С. 5–76.

¹⁷⁵ *Афанасьев В. Л.* Имеются ли основания для пересмотра общепринятой концепции о целях первого плавания Колумба? // Известия Всесоюзного географического общества. 1961. Т. 93. Вып. 5. С. 384 – 394; *Он же.* Бартоломе де Лас Касас // Новая и новейшая история. 1966. № 5. С. 43–50.

¹⁷⁶ *Гингерич О.* Астрономия во время Колумба // В мире науки. 1993. № 1. С. 60–66.

¹⁷⁷ *Гринёв А.В.* Индейцы тлинкиты в период Русской Америки (1741–1867) . Новосибирск: Наука. СПб. отд-ние, 1991; *Он же.* Американская эпопея Александра Баранова // Вопросы истории. 2000. № 8. С. 153–159; *Он же.* Кто есть кто в истории Русской Америки. Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. академика Н.Н.Болховитинова. М.: Academia, 2009; *Он же.* Геополитические интересы России в Америке и на Тихоокеанском

В.П.Даркевича,¹⁷⁸ А.Б.Дитмара,¹⁷⁹ М.А.Когана,¹⁸⁰ Н.С.Константиновой,¹⁸¹ И. П. и В. И.Магидовичей,¹⁸² А.Я.Массова,¹⁸³ В.Б.Ржонсницкого,¹⁸⁴ Я.М.Света,¹⁸⁵ А.Г.Шмакова,¹⁸⁶ А.Э.Штекли¹⁸⁷ рассматриваются история морских путешествий и их влияние на расширение пространственного кругозора европейцев и изменение системы географических представлений, характерных для данной эпохи.

Борьба новых военно-морских держав за Вест-Индию и морские пути между Испанией и ее колониями привели к эскалации насилия в океане и создали международную ситуацию, позволявшую широко использовать пиратов и корсаров в вооруженных конфликтах. В течение XVI – XVIII вв. они грабили испанские корабли и осуществляли налеты на острова и побережья Испанского Мэйна, осуществляя свои рейды не только во время войн, но и в мирные периоды. Новый Свет оказался вплетен в систему новых международных отношений, анализом которых занимались Ю.В.Борисов,¹⁸⁸ Ю.Е.Ивонин,¹⁸⁹ Л.И.Ивонина,¹⁹⁰

севере XVIII – первая половина XIX в. // Вопросы истории. 2009. № 3. С. 48–65; *Он же*. Русские военные моряки в Новом Свете // Военно-исторический журнал. 2011. № 2. С. 65–69.

¹⁷⁸ Даркевич В. П. Аргонавты средневековья. М.: Наука, 1976.

¹⁷⁹ Дитмар А. Б. От Птолея до Колумба: Развитие географических знаний в 3–15 вв. М.: Мысль, 1989.

¹⁸⁰ Коган М. А. Истина и вымысел о некоторых картах эпохи Великих географических открытий // Известия ВГО. 1970. Т. 102. Вып. 6; *Он же*. Из истории экспансионистских планов Англии в Арктике (мнимое открытие Северного полюса в 1360 г.) // XXIX Герценовские чтения: Исторические науки. Научные доклады. Л., 1976. С. 92–96.

¹⁸¹ Константинова Н.С. Путешествие в прошлое: Навигационная ошибка или секретная миссия [Экспедиция Кабрала к берегам Нового Света, 1500 г.] // Латинская Америка. М., 2000. № 5. С. 4–13.

¹⁸² Магидович И. П. История открытия и исследования Северной Америки. М.: Географгиз, 1962; *Он же*. История открытия и исследования Центральной и Южной Америки. М.: Мысль, 1965; Магидович И. П., Магидович В. И. Очерки по истории географических открытий. Т. 1–5. М.: Просвещение, 1982–1986.

¹⁸³ Российские моряки и путешественники в Австралии / Составители Е.В.Говор и А.Я.Массов. М.: Наука, 1993.

¹⁸⁴ Ржонсницкий В.Б. Открытие Америки Колумбом. СПб.: Издательство СПбГУ, 1994.

¹⁸⁵ Свет Я. М. После Марко Поло: Путешествия западных чужеземцев в страны трех Индий. М.: Наука, 1968; *Он же*. Севильская западня. (Тяжба о колумбовом наследстве). М.: Молодая гвардия, 1969; *Он же*. Колумб. М.: Молодая гвардия, 1973.

¹⁸⁶ Шмаков А.Г. Легенды и мифы о Новом Свете в английской памфлетной литературе второй половины XVI столетия // Историческое знание и интеллектуальная культура: Материалы научной конференции. Москва, 4–6 дек. 2001 г. М., 2001. Т. 1. С. 138–140.

¹⁸⁷ Штекли А.Э. Притянул ли Америго Веспуччи на открытие нового света? Источниковедческий аспект // Традиции и новации в изучении западноевропейского феодализма: Памяти Д.М. Петрушевского и А.И. Неусыхина. М., 1995. С. 131–140.

¹⁸⁸ Борисов Ю. В. Дипломатия Людовика XIV. М.: Международные отношения, 1991.

¹⁸⁹ Ивонин Ю. Е. У истоков европейской дипломатии нового времени. Минск: Изд. Университетское, 1984; *Он же*. Становление европейской системы государств: Англия и Габсбурги на рубеже двух эпох. Минск: Изд. Университетское, 1989; *Он же*. Международные отношения в Западной и Центральной Европе XVI века: Очерки. Смоленск: Смол. гос. пед. ун-т., 2001.

¹⁹⁰ Ивонина Л. И., Прокотьев А. Ю. Дипломатия Тридцатилетней войны. Смоленск: СГПИ. 1996; Ивонина Л. И. Дипломатия и революция (Две Английские революции и европейская политика XVII в.). Смоленск: Изд-во СГПУ, 1998; *Она же*. Мазарини и его мир. Смоленск: СГПУ, 2002.

Б.Ф.Поршневу,¹⁹¹ А.В.Ревякину,¹⁹² Н.Б.Тер-Акопяну, Г.И.Цыпуриной,¹⁹³ П.П.Черкасову,¹⁹⁴ Е.Б.Черняку.¹⁹⁵ Для российских исследователей характерны также попытки концептуализировать колониальную политику в рамках обобщающего анализа идеологических направлений европейской экспансии, который призван дать ответ на вопрос об истоках продвижения Европы в океан. Дело сводилось не только к давлению центральной власти и государственной бюрократии, чье влияние на колониальную экспансию анализируется С. Н. Гавриловым¹⁹⁶, О.В.Дмитриевой,¹⁹⁷ А.Д. Люблинской,¹⁹⁸ В.Н.Маловым,¹⁹⁹ и В.В.Штокмар.²⁰⁰ Рассматривая феномен каперства в Англии, Штокмар, например, связывала его с экономическими и внутривластными проблемами, рассматривая активизацию морского разбоя с тяжелым финансовым положением короны, общей пауперизацией населения, сгоном крестьян с земли и ростом безработицы. Исследователь подчеркивала тесную связь между внешней политикой Елизаветы I («тайным пайщиком компании королевских пиратов») и каперством и выделила три этапа в его развитии. Первый продлился с начала 60-х до середины 80-х гг., и характеризовался как «тайная война» пиратов в Ла-Манше и океане. В середине 80-х годов начался второй этап, совпавший с открытым конфликтом против Испании, и, наконец, конец века связывался Штокмар со временем, когда

¹⁹¹ Поршнев Б. Ф. Франция, Английская революция и европейская политика середины XVII в. М.: Наука, 1970.

¹⁹² Ревякин А. В. История международных отношений в Новое время. М.: РОССПЭН, 2004.

¹⁹³ Цыпурина Г.И. Некоторые проблемы торговой и колониальной экспансии Англии в XVI– начале XVII в. в современной англо-американской историографии // Проблемы историографии международных отношений и национальных движений в странах Западной Европы. М.: 1982; *Она же*. Торгово-колониальное соперничество Англии и Португалии в Гвинее в 50–70-х гг. XVI в. // Генезис капитализма в позднее средневековье в Англии и Германии. М.: 1979.

¹⁹⁴ Черкасов П.П. Кардинал Ришелье: Портрет государственного деятеля. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.

¹⁹⁵ Черняк Е.Б. Пять столетий тайной войны. Из истории секретной дипломатии и разведки. М.: Международные отношения, 1972; *Он же*. Секретная дипломатия Великобритании. Из истории тайной войны. М.: Международные отношения, 1975; *Он же*. Вековые конфликты. М.: Международные отношения, 1988; *Он же*. Судебная петля: Секретная история политических процессов на Западе. М, Мысль, 1991.

¹⁹⁶ Гаврилов С. Н. Английский флот эпохи Тюдоров как государственный институт: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.: МГУ, 2005.

¹⁹⁷ Дмитриева О.В. Елизавета I. Семь портретов королевы. М.: Ладомир, 1998.

¹⁹⁸ Люблинская А.Д. Франция в начале XVII века (1610–1620 гг.) Л.: Наука, 1959; *Она же*. Французский абсолютизм в первой трети XVII в. М.–Л.: Наука, 1965.

¹⁹⁹ Малов В. Н. Ж.-Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество. М.: Наука, 1991.

²⁰⁰ Штокмар В.В. Очерки по истории Англии XVI века. Л.: Издательство ЛГУ, 1957; *Она же*. Экономическая политика английского абсолютизма в эпоху его расцвета. Л.: Издательство ЛГУ, 1962.

пиратство на море и набеги в колониях сопровождалось осторожной дипломатической игрой.²⁰¹

Важное влияние на заморскую экспансию и каперскую деятельность оказали и предпринимательские группы (В.Ф.Стратанович,²⁰² С.П.Маркова²⁰³). Идеологическим рычагом экспансии выступала пропаганда колониального проникновения, сформировавшая целые поколения людей, проникнутых духом первооткрывателя и завоевателя. Особое значение в этом плане имели трактаты Р.Хаклюйта-младшего, С.Пэрчеса, У.Рэли, Ф. Бэкона, а также творчество Д.Дефо, нашедшие отражение в исследованиях В.М.Кирилловой²⁰⁴, Т.Л.Лабутиной,²⁰⁵ Т.В.Мосолкиной,²⁰⁶ Г.Н.Питулько,²⁰⁷ Д.Л. Сапрыкина²⁰⁸ и Е.И.Яковлевой.²⁰⁹

Отдельно следует выделить работы, позволяющие проанализировать социальные движения и утопии, характерные для общества «доиндустриальной» эпохи. Знакомство с работами М.А.Барга,²¹⁰ А.Х.Горфункеля,²¹¹ С.И.Жука²¹²,

²⁰¹ Штокмар В.В. Очерки по истории Англии XVI века... С. 79.

²⁰² Стратанович В. Ф. К вопросу о первоначальном накоплении капитала в английских колониях в Северной Америке в XVII – XVIII вв. // Ученые записки МОПИ. 1966. Т. 159. С. 151–187; *Он же*. Торговые люди английских колоний Северной Америки XVII в. // Ученые записки МОПИ. 1966. Т. 159. С. 188–214.

²⁰³ Маркова С.П. Историкография английской торговой «Компании купцов-авантюристов» // Вопросы теории и методологии истории: (Сб. науч. тр.). Майкоп, 1995. Вып. 1. С. 49–57.

²⁰⁴ Кириллова В. М. «Основные плавания английской нации» Ричарда Хаклюйта и пропаганда идеологии колониальной экспансии Англии на рубеже 16–17 вв. // Проблемы и идеология культуры в раннеклассовых формациях. Межвуз. сб. М., 1986. С. 86–98.

²⁰⁵ Лабутина Т. Л. Даниель Дефо, автор «Робинзона Крузо». Его общественно-политические воззрения // Новая и новейшая история. 1986. № 1. С. 156–167; *Она же*. У истоков современной демократии. Политическая мысль английского Просвещения (1689–1714 гг.). М.: Ирис-пресс, 1995.

²⁰⁶ Мосолкина Т. В. Пропаганда колониальной экспансии в Англии начала XVII века (памфлет Дж. Смита «Описание Новой Англии») // Средневековый город. Вып. 7. Саратов: Издательство СГУ, 1983. С. 140–148; *Она же*. Пропаганда колониальной экспансии в Англии в начале XVII века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Саратов: СГУ, 1983; *Она же*. Пропагандистская деятельность С. Пэрчеса и английское купечество первой трети XVII века // Средневековый город. Вып. 8. Саратов: Издательство СГУ, 1987. С. 157–162; *Она же*. Сэмюэль Пэрчес–историк и пропагандист английской колониальной экспансии // Историкографический сборник. Вып. 13. Саратов: Издательство СГУ, 1987. С. 103–111; *Она же*. Развитие буржуазного представления о богатстве у английских пропагандистов колониальной экспансии в начале XVII века // Средневековый город. Вып. 9. Саратов: Издательство СГУ, 1989. С. 127–133; *Она же*. Джон Смит – авантюрист, колонизатор, теоретик // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 2002. Вып. 8. С. 408–415.

²⁰⁷ Питулько Г. И. Вопрос о торговых монополиях в английской публицистике начала XVII в. // Вестник Ленинградского университета. Серия 2: История, языковедение, литературоведение. 1987. № 2. С. 85–88; *Она же*. Из истории общественной мысли Англии начала 40-х гг. XVII в. // Проблемы социальной истории и культуры средних веков. Л.: Издательство ЛГУ, 1987. С. 136–144.

²⁰⁸ Сапрыкин Д.Л. Regnum hominis: (Имперский проект Френсиса Бэкона). М.: Индрик, 2001.

²⁰⁹ Яковлева Е. И. Идеальное государство Уолтера Рэли // Вестник Московского университета. Сер. IX. История. 1972. № 1. С. 69–82.

²¹⁰ Барг М. А. Генезис идеологии истинных левеллеров // История социалистических учений. Сб. статей памяти акад. В. П. Волгина. М.: Наука, 1964. С. 149–198; *Он же*. Социальная утопия в Англии середины XVII в. // Европа в новое и новейшее время. Сб. статей памяти акад. Н. М. Луккина. М.: Наука, 1966. С. 79–96.

Г.Р.Левина,²¹³ Т.А. Павловой,²¹⁴ Л. С. Чиколини²¹⁵, А. Э. Штекли²¹⁶ позволило сопоставить идеологию плебейских масс с устройством пиратского социума, и обнаружить в пиратстве корни эгалитаристской идеологии и влияние рантеров.

Характерно, что и развитие пиратства в Вест-Индии отечественная историография рассматривала, в первую очередь, как продукт колониального процесса и результат социально-экономической эволюции европейских институтов. Тесную связь буканьерства и флибустьерства в Вест-Индии с противостоянием новых военно-морских держав с Испанией показал Е.В.Тарле,²¹⁷ подчеркивавший огромное значение морского разбоя в становлении экономики европейских стран. В том же русле выдержана и статья Я.М.Света,²¹⁸ рассмотревшего антильское пиратство как инструмент колониальной политики. Большое значение на трактовку Светом происходящего в Вест-Индии сыграло изучение им знаменитого произведения А.О. Эксквемелина – Свет был главным редактором при издании его «Пиратов Америки» в СССР. Истории европейского пиратства в Индийском океане посвятил свои книги И. В. Можейко.²¹⁹ В.К.Губарев²²⁰ исследовал феномен флибустьерства как орудия колониального

²¹¹ Горфункель А. Х. Томмазо Кампанелла. М.: Мысль, 1969.

²¹² Жук С. И. Новые Нидерланды // Вопросы истории. 1984. № 10. С. 184–188; *Он же*. Новая Швеция // Вопросы истории. 1986. № 4. С. 181–185; *Он же*. «Поющие квакеры», рожернанцы, или радикальная реформация в Британской Америке // Американский ежегодник. 2003. М.: Наука, 2005. С. 31–51.

²¹³ Левин Г.Р. Из истории демократического движения в годы английской буржуазной революции XVII века. Вестник ЛГУ. 1964. Т. 288. С. 9–123.

²¹⁴ Павлова Т. А. Уинстэнли. М.: Молодая гвардия, 1988; *Она же*. Павлова Т.А. Народная утопия в Англии XVII века: Представления о социальной справедливости. М.: ИВИ РАН, 1998.

²¹⁵ Чиколини Л. С. Социальная утопия в Италии: XVI–начало XVII в. М.: Наука, 1980.

²¹⁶ Штекли А. Э. «Город Солнца»: утопия и наука. М.: Наука, 1978.

²¹⁷ Тарле Е. В. Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств...

²¹⁸ Свет Я. М. Пираты Антильских морей // Новая и новейшая история. 1966. № 1. С. 132–144; № 2. С. 106–115. Следует особо обратить внимание на участие Света в подготовке издания «Пиратов Америки» А.О. Эксквемелина (см. далее, с. 79–94).

²¹⁹ Можейко И. В. В Индийском океане. Очерки истории пиратства в Индийском океане и Южных морях (XV–XX века). М.: Наука 1980; *Он же*. Пираты, корсары, рейдеры: Очерки истории пиратства в Индийском океане и Южных морях (XV–XX века). М.: Наука, 1991.

²²⁰ Губарев В. К. Первая английская колония в Вест-Индии // Вопросы истории. 1980. № 5. С. 186–188; *Он же*. Восстание на Гаити 1670–1671 гг. // Вопросы истории. 1984. № 3. С. 186–188; *Он же*. Бертран д’Ожерон и колониальная политика Франции в Вест-Индии (60-е–70-е годы XVII в.) // Французский ежегодник. 1983. М.: Наука, 1985. С. 215–226. *Он же*. Буканьеры // Новая и новейшая история. 1985. № 1. С. 205–209; *Он же*. Губарев В. К. Карибский узел колониальных противоречий европейских держав в первой половине XVII в. // Вопросы отечественной и всеобщей истории. Межвуз. науч. сборник. Саратов: Изд-во СГУ, 1987. С. 89–102; *Он же*. За кулисами «панамской акции» (1670–1671 гг.) // Вопросы истории. 1987. № 11. С. 184–188; *Он же*. Колониальное соперничество европейских держав в Вест-Индии в 1 половине 17 в. // Международные связи в средневековой Европе. Тез. научн. докл. и сообщ. обл. научн.-практ. семинара (16–18 окт. 1988 г.). Запорожье: Издательство ЗГУ,

проникновения европейских держав в Вест-Индию. В его работах анализируются вопросы, связанные с внутренней организацией флибустьерства и экономической базой антильского пиратства, в частности его связи с финансовыми кругами, стоявшими за спиной колониальных властей. Некоторые из своих работ Губарев посвятил и пиратству начала XVIII в.²²¹ Особенности английского каперства в Вест-Индии, в частности деятельность Ф.Дрейка, изучала Н.Н.Фрищина.²²² На тесные взаимосвязи, существовавшие между внешней политикой Англии, направленной на эскалацию военного конфликта с Испанией, и системой морского разбоя, указывают также В.Б.Мионов,²²³ М.А.Ткаченко,²²⁴ Д.В.Михеев²²⁵ и

1988. С. 26–27; *Он же*. Колонизация Сен-Кристофера (эпизод из истории французского проникновения в Вест-Индию) // Средневековый город. Вып. 10. Саратов: Издательство СГУ, 1991. С. 155–163; *Он же*. Неофициальная война: особенности англо-испанского колониального соперничества в Вест-Индии в 1660-1671 гг. // Наукові праці Донецького національного технічного університету. Серія «Гуманітарні науки». Вип. 57. Донецьк: ДНТУ, 2002. С. 40–50; *Он же*. Тортуга – цитадель флибустьеров (1630–1692 гг.) // Наука. Релігія. Суспільство. Донецьк, 2004. № 3. С. 33–44; *Он же*. Компания острова Провиденс и англо-испанское соперничество в Вест-Индии в 1630–1644 гг. // Наукові праці Донецького національного технічного університету. Серія «Гуманітарні науки». Вип. 86. Донецьк: ДонНТУ, 2005. С. 73–80; *Он же*. Санкционирование и инвестирование корсарского промысла в Вест-Индии (первая половина XVII в.) // Наука. Релігія. Суспільство. Донецьк, 2006. № 1. С. 17–29; *Он же*. Деятельность шевалье де Фонтенз в контексте франко-испанской колониальной борьбы за Америку (50-е годы XVII в.) // Наукові праці Донецького національного технічного університету. Серія: Гуманітарні науки. Вип. 4 (115). Донецьк: ДонНТУ, 2006. С. 66–73; *Он же*. Морской разбой в Вест-Индии как источник первоначального накопления капитала (1621–1697 гг.) // Наука. Релігія. Суспільство. Донецьк, 2006. № 2. С. 21–30; *Он же* Пираты Карибского моря: Жизнь знаменитых капитанов. М.: Эксмо, Яуза, 2009; *Он же*. Пираты острова Тортуга. М.: Вече, 2011; *Он же*. Флибустьеры Ямайки: эпоха «великих походов». М.: Вече, 2011; *Он же*. Лихое братство Тортуги и Ямайки. М.: Вече, 2012; *Он же*. Фрэнсис Дрейк. М.: Молодая гвардия, 2013.

²²¹ *Губарев В. К.* Морской Робин Гуд // Морской флот. 1990. № 2. С. 51–52; *Он же*. Пиратская одиссея Джорджа Лоутера // Авантюризм. Минск, 1994. № 3 (7). С. 14–17; *Он же*. Пираты и сокровища: Черная Борода // Непоседа. Харьков, 1994. № 9–10. С. 11–17; *Он же*. Сокровища капитана Беллами. Донецьк: Флинт, 1995; *Он же*. Братство "Весёлого Роджера" // Вокруг Света. 2008. № 10. С. 100–116; *Он же*. Пираты Карибского моря...

²²² *Фрищина Н.Н.* Англо-испанские столкновения в Карибском море (по испанским материалам 1569–1580 гг.) // Вестник ЛГУ. 1981. Серия 2: История, языковедение, литературоведение. № 8. Вып. 2. С. 40–43; *Она же*. Борьба Англии за проникновение в испанские колонии Нового Света в XVI в. (из истории предпосылок англо-испанской морской войны). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л.: ЛГУ, 1981.

²²³ *Мионов В. В.* Проблема каперства при Елизавете I Тюдор в современной англо-американской историографии // Социальные институты в истории: [Материалы науч. конф.] / Омск: Омский государственный университет. Омск, 1996. С. 46–48.

²²⁴ *Ткаченко М.А.* Уолтер Рэли и начало английской колонизации Америки // Вестник СПбГУ. 2002. Серия 2: История, языковедение, литературоведение. Вып. 2. С. 100–104; *Она же*. Становление Британии как морской державы. Вторая половина XVI века: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб.: СПбГУ, 2004.

²²⁵ *Михеев Д.В.* Каперские патенты против пиратов в годы правления Елизаветы Тюдор (1558–1603 гг.) // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2011. № 4. С. 3–8; *Он же*. Каперы как инструмент английской внешней политики середины XVI столетия // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 4/2 (72). С. 150–154; *Он же*. Проблемы безопасности морского сообщения и англо-испанский союз в первые годы правления Елизаветы Тюдор (1558–1562 гг.) // Вестник Псковского государственного педагогического университета. Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. 2011. Вып. 13. С. 20–26; *Он же*. Каперы в испанской политике Елизаветы Тюдор (1558–1603 гг.): Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб.: РГПУ имени А.И.Герцена, 2012.

А.О.Пастушенко.²²⁶ В свою очередь О. В. Окунева осветила роль французского каперства в рамках франко-португальского соперничества в Бразилии в XVI в.²²⁷ Особое место в ее работах занимает изучение деятельности арматора из Дьёпа Жана Анго, снаряжавшего корабли для торговли красным деревом. Рассматривая особенности плаваний французов в Новый Свет, она подчеркивала, «что в то беспокойное и бурное время любая торговая экспедиция неизбежно снаряжалась как военная, и в случае столкновения с португальскими кораблями и купцы, и корсары действовали схожим образом».²²⁸ Общий анализ борьбы за Вест-Индию в контексте англо-французского соперничества с освещением роли флибустьеров был предпринят в работе А.В.Кушнир.²²⁹

Благодаря работам К.В.Малаховского в отечественной историографии получил развитие и биографический аспект пиратологии.²³⁰ Социально-правовые вопросы и проблемы эволюции антипиратского законодательства рассматриваются в монографии В. Ф. Сидорченко.²³¹ Нельзя обойти вниманием и традиции энциклопедического²³² и научно-популярного жанра,²³³ нашедшие

²²⁶ Пастушенко А.О. О призовом праве Англии во второй половине XVI в. // Вісник Харківського національного університету імені В.Н.Каразіна. 2011. № 965. Вип. 8. С. 59–65; *Она же*. Англійське каперство другої половини XVI століття: структури повсякдення: Автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня кандидата історичних наук. Харків: Донецький національний технічний університет, 2012.

²²⁷ Окунева О. В. Французы–первооткрыватели Бразилии? // Латинская Америка. 2003. № 4; *Она же*. В погоне за «красным золотом»: франко-португальское соперничество в Бразилии в первой половине XVI века // Новая и новейшая история. 2005. № 5; *Она же*. Французские экспедиции в Бразилию XVI – XVIII вв.: освоение территорий и осмысление новых реальностей: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.: МГУ, 2005; *Она же*. «И вашим именем почтять безвестный край»: топонимика как способ легитимации французского присутствия в Бразилии XVI–начала XVII в. // Американский ежегодник. 2011. М., 2011. С. 316–327.

²²⁸ Окунева О. В. В погоне за «красным золотом»... С. 210.

²²⁹ Кушнир А. В. Колонизация Антильских островов и англо-французское соперничество в Вест-Индии (XVII–первая половина XVIII в.): Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.: МГУ, 2003.

²³⁰ Малаховский К. В. Кругосветный бег «Золотой лани». М.: Наука, 1980; *Она же*. Пять капитанов. М.: Наука, 1986; *Она же*. Трижды вокруг света. М.: Наука, 1982.

²³¹ Сидорченко В. Ф. Морское пиратство. СПб.: Издательство юридического факультета С.-Петербургского государственного университета, 2004.

²³² Стисаренко А. Б., Маковкин Л. Ф. Пиратство // Морской энциклопедический словарь. Т. II. СПб.: Судостроение, 1993. С. 485–486.

²³³ Гребельский П. Х. Пиратские истории. СПб.: Союз, 1994; Гребельский П. Х. Пираты. Иллюстрированная история морского разбоя. СПб.: Вести, 1992; Пираты и разбойники: Флибустьеры, корсары, каперы и буканьеры / Сост. и отв. ред. Г. И. Рябцев. Минск, 1996.

отражение в отечественной литературе. В последнее время историки проявили интерес и к анализу пиратства, как культурологического феномена.²³⁴

Особое значение для нашей работы имели труды, посвященные взаимосвязям между пиратством и историей Российской империи. Это относится к сюжетам, связанным с Мадагаскарской экспедицией Петра I. После первой публикации документов о подготовке плавания на Мадагаскар, осуществленной Ф.О.Туманским,²³⁵ тема получила продолжение в работах И.Зейделя,²³⁶ В.К.Трутовского²³⁷ и Ф.Ф.Веселаго.²³⁸ Текстологический анализ документов экспедиции, в частности записок, подготовленных ее руководителем вице-адмиралом Д. Вильстером, провел А. И. Заозерский,²³⁹ тогда как Е.В.Тарле связал отмену экспедиции с новыми сведениями об устройстве пиратского социума, полученным по шведским каналам.²⁴⁰ Общий анализ обстоятельств подготовки плавания в Индийский океан был проведен А.Б.Давидсоном и В.А.Макрушиным.²⁴¹

Таким образом, можно сделать следующие выводы о степени исследованности поставленной в диссертации проблемы. Во-первых, в современной историографии сформировалось представление о феномене морского разбоя как о составном элементе глобального геополитического порядка, сложившегося в эпоху Великих географических открытий и европейской колониальной экспансии. Анализ истоков, типологии и генезиса морского разбоя

²³⁴ См. серию статей, объединенных «Новым литературным обозрением» в разделе «Пират как воля и представление»: *Михайлин В.* О необходимости пирата: краткое введение в пиратологию // Новое литературное обозрение. Теория и история литературы, критика и библиография. 2008. № 94. С. 85–94; Протопопова И. Пираты в греческом романе, или Вертеп философов // Там же. С. 95–105; *Малкина В.* «Вы б хотели быть пиратом?» (О семантике родственных связей в «пиратской» песенной поэзии) // Там же. С. 114–119; *Михайлик Е.* Вопрос патента // Там же. С. 120–125.

²³⁵ *Туманский Ф.О.* Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях императора Петра Великого. Ч. 9. СПб., 1788.

²³⁶ *Зейдель И.* снаряжение первой дальней экспедиции в царствование Петра Великого в 1723 году // Морской сборник. 1867. № 9.

²³⁷ *Трутовский В. К.* Флибустьеры XVIII века // Русский вестник. Т. 221. 1892. Август

²³⁸ *Веселаго Ф. Ф.* Очерк русской морской истории. Ч. 1. СПб.: Тип. В. Демакова, 1875.

²³⁹ *Заозерский А. И.* Экспедиция на Мадагаскар при Петре Великом // Россия и Запад: исторические сборники под редакцией профессора А. И. Заозерского. Ч. I. Пг., 1923. С. 91–102.

²⁴⁰ См.: *Тарле Е. В.* Роль русского флота во внешней политике при Петре I // Морской сборник. 1946. № 11–12; *Он же.* Русский флот и внешняя политика Петра I. М.: Восницздат, 1949.

²⁴¹ *Давидсон А. Б., Макрушин В. А.* Зов дальних морей. М.: Наука, 1979.

заставил исследователей отталкиваться от широкой проблематики, связанной с глобализацией европейской истории и формированием единого океанического пространства и, в частности учитывать структурные масштабные технологические, правовые и институциональные изменения, связанные с функционированием государств Нового времени и их способностью управлять вооруженными силами, а также принимать во внимание общецивилизационный контекст проблем, связанных с превращением Мирового океана в арену ожесточенной борьбы за передел мира и зону перманентного государственного насилия. Во-вторых, перманентная война за передел мира и эскалация насилия в море превратили морской разбой в востребованный европейскими государствами механизм борьбы за колонии. Организованная форма морского разбоя в виде каперства выступала не только в качестве средства государственной политики, но и как эффективное направление инвестирования капитала, приносившее огромные прибыли. В-третьих, в общеисторическом плане остается неисследованным вопрос о разграничении пиратства и каперства, так как законодательство и реальная практика в колониях нередко противоречили друг другу, превращая администрацию в «заложника» существующего положения вещей. В-четвертых, создан определенный задел в понимании пиратства как социального явления, воплотившего общественные идеалы плебейских масс. Институциональный аспект в изучении пиратства позволил проанализировать формы пиратской демократии как способ альтернативного устройства, совмещавший принципы криминального сообщества и мечты о радикальном переустройстве общества. В-пятых, морской разбойник XVI – XVIII вв. имеет мало общего со стереотипным образом пирата, культивируемым массовой культурой, создавшей культовую фигуру мифологизированного характера. Наконец, в рамках отечественной историографии доминируют тенденции рассматривать каперство и пиратство в качестве средства колониальной политики, оставляя малоизученными принципиально важные вопросы о социальных истоках морского разбоя, его культурном фоне и, в частности, о связях истории пиратства

с общими направлениями внешней политики Российской империи в первой четверти XVIII в. Все это подтверждает необходимость разработки новых методологических подходов к анализу феномена морского разбоя, позволяющих рассматривать его как единство геополитических, идеологических, социальных, правовых, экономических и культурных аспектов.

§ 2. ИСТОЧНИКИ

В основу работы положена идея комплексного анализа разнообразных источников, содержащих информацию о механизмах борьбы европейских держав за океаническое пространство, тенденциях европейской экспансии, а также об эволюции и организационном устройстве пиратско-каперского социума.

Источники по этим проблемам можно сгруппировать в три основных блока.

Первый блок составили делопроизводственные материалы центральных и местных учреждений и документы личного происхождения, обнаруженные нами в архивных коллекциях Франции, России и Эстонии. Основной корпус документов, посвященных морскому разбою и, в частности, пиратству, сосредоточен в Национальном архиве Франции. Это, прежде всего, источниковые массивы Колониального и Морского фондов (Fonds Marine, Fonds Colonies). Среди документов особое значение для нашего исследования имели материалы, содержащие переписку администраторов заморских владений Франции (Мартиника, Сан-Доминго, Мари-Галант, Гваделупа, Иль де Франс, остров Бурбон, Мадагаскар) и их донесения в Париж о состоянии на подведомственных им территориях в 1680 – 1720 гг. (Fonds Colonies, С3, С4, С5, С8, С9). В инструкциях, докладах, рапортах и отчетах генерала-губернатора французских колоний в Вест-Индии Шарля де Курбона, графа де Бленака и губернаторов отдельных островных владений Франции Пьера Поля Тарена де Кюсси, Жана Батиста Дюкасса, Жозефа д'Онона де Галифе, графа де Шуазеля, Жана-Пьера Касамайора де Шаррита, Жана-Жака Митон Сенвиля, Жана Ле Гоффа, маркиза де Шатоморана, Франсуа Па де Мазенкура, маркиза де Фекьера и Жана-Жозефа де

Брака д'Эльбо содержится ценная информация о положении в Карибском море, характеризующая важную роль, которую занимала система морского разбоя в повседневных реалиях. Чрезвычайный интерес в данном контексте имеют документы, позволяющие проанализировать тесные связи между должностными лицами, местными жителями и многочисленными морскими разбойниками, обретавшимися в подконтрольных Франции владениях. Перечисленные материалы дополняют документы коллекции В/4 Морского фонда (Campagnes), рассказывающие о плаваниях французских военно-морских эскадр в Вест-Индии, в Тихом и Индийском океанах и возле побережья Канады. В них содержатся сведения о карательных рейдах сьера Бюттте де Ларивьера в Вест-Индии и сьера Александра Патресона против пиратских баз, документы о снаряжении кораблей, донесения руководителей плаваний и вахтенные журналы кампаний.

Чрезвычайную важность для диссертационного исследования имели коллекции документов, позволяющие проанализировать систему морского разбоя в контексте российской истории. Первая группа этих материалов – документы русского официального и полуофициального характера и документы иностранного происхождения, касающиеся внешней политики России в первой четверти XVIII в. и попыток установить контакты Петербурга с пиратами Мадагаскара. Документальной основой послужили делопроизводственные материалы центральных и местных учреждений и ведомств, обнаруженные в РГАВМФ (ф. 212–Государственная Адмиралтейств-коллегия, 1717–1827; ф. 223–Рукописи Петра Великого и другие документы, поступившие из Адмиралтейств-совета; ф. 233–Канцелярия генерал-адмирала Ф. М. Апраксина, 1695–1728; ф. 234–Канцелярия адмирала К. Крюйса; ф. 1331–Атласы, карты и планы архива Центрального картографического производства ВМФ), РГАДА (ф. 9–Кабинет Петра I; ф. 248–Сенат), РГИА (ф. 91–Вольное экономическое общество; Ф. 1343–Департамент герольдии) и Государственного архива Эстонии (ф. 3–Канцелярия Ревельского генерал-губернатора, 1699–1787; ф. 279–Канцелярия Рижского генерал-губернатора, 1700–1787; ф. 2072–Коллекция карт; ф. 4918–Коллекция

генеалогических материалов, 1699–1939). В ходе исследования были привлечены такие источники, как переписка между различными учреждениями, подготовительные материалы и справки по конкретным вопросам организации экспедиции, протоколы, записки, журналы заседаний Адмиралтейств-коллегии, бухгалтерские ведомости и росписи, отчеты и доклады должностных лиц. Особо следует выделить документы иностранного происхождения, отложившиеся в делопроизводстве РГАВМФ и проливающие свет на механизмы подготовки внешнеполитических решений. Это инструкции шведского короля Фридриха III генерал-адъютанту и капитан-командору Карлу Густаву Ульрих, ассессору Манделю и комиссару Остову, «которые имеют свой путь к островам Санкт-Мари и Мадагаскару» от 16 и 26 августа 1721 г. и две объяснительные к ним записки вице-адмирала русского флота Даниила Вильстера: «Экстракт из порученных мне писем» и «Всеподаннейшая моя обсервация и мнение не в указ». Анализ названных документов позволили не только проследить за этапами подготовки Мадагаскарской экспедиции и проанализировать ее место во внешней политике Российской империи, но и рассмотреть взгляды европейцев на устройство пиратского мира.

Вторая группа документов связана с историей вест-индского пиратства в русской культуре. В составе коллекции Н.П.Лихачева в архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН сохранилась небольшая по объему рукопись под названием «Жизнеописание пиратов».²⁴² Ее автором был известный русский переводчик и просветитель Ф.В.Каржавин, чья деятельность оставила глубокий след в истории общественной мысли России конца XVIII века²⁴³ и

²⁴² СПб ИРИ РАН. Коллекция 238. Оп. 2. Карт. 146 (Каржавин). Д. 22.

²⁴³ См., например: *Дуров Н. П.* Записки Ф.В. Каржавина о своей жизни (1788 г.) // *Русская старина*. 1875. Т. 12. № 2. С. 273–280; *Dvoichenko-Markova E. A.* Russian Traveller in Eighteenth Century America // *Proceedings of American Philosophy Society*. 1953. Vol. 97. № 4; *Светлов Л. Б.* Писатель-вольнодумец Ф. В. Каржавин // *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*. 1964. Т. 23. Вып. 6; *Рабитович В. И.* Революционный просветитель Ф. В. Каржавин. М., 1966; *Светлов Л. Б.* Вольнодумец Ф. В. Каржавин // *Вопросы истории*. 1966. № 5; *Рабитович В. И.* С гиппанцами в Новый Йорк и Гавану» (Жизнь и путешествия Ф. В. Каржавина). М.: Мысль, 1967; *Герчук Ю. Я.* Жизнь и странствия Федора Каржавина // *Прометей*. М., 1967. № 2; *Старцев А. И.* Был ли Каржавин другом Радищева // *Вопросы литературы*. 1971. № 4; *Герчук Ю. Я.* Этнографические наблюдения русского путешественника Ф. В. Каржавина в Америке (конец XVIII в.) // *Советская этнография*. 1972. № 1; *Долгова С. Р.* Каржавин и Баженов // *Русская литература*. 1976. № 1; *Полонская И. М.* Издательская деятельность Ф. В. Каржавина // *Проблемы*

вызвала острую полемику по вопросам вольнодумства и революционной мысли.²⁴⁴ Внимание к рукописи привлек Я.М.Свет. В 1968 г., когда он готовил к изданию перевод легендарных «Пиратов Америки» Александра Оливье Эксквемелина, то в предисловии написал: «В век Державина и Карамзина готовился перевод “Пиратов” на русский язык» и сделал примечание: «Советский искусствовед Ю.Я.Герчук в 1965 году обнаружил в бумагах замечательного русского просветителя Ф.В.Каржавина незавершенный перевод “Пиратов Америки”». ²⁴⁵ О существовании этой «рукописи-перевода» упоминал также В.И.Рабинович в книге, посвященной путешествию Каржавина в Новый Свет.²⁴⁶ Спустя несколько лет, в 1985 г., при издании книги французского исследователя Ж.Блона «Флибустьерское море» авторы послесловия А.Шумилов и Д.Демин решили более тщательно ознакомиться с рукописными текстами Каржавина и обнаружили, что «это отнюдь не перевод Эксквемелина. События, описываемые в ней, (рукописи – Д. К.) более поздние и происходят они в XVIII столетии – спустя полвека после выхода в свет “Пиратов Америки”. Рукопись Каржавина – еще одна страница в истории пиратства, страница для нас неизвестная!»²⁴⁷

Изучив ее текст и процитировав яркие и выразительные отрывки из него, авторы «Послесловия» к книге Ж. Блона «Флибустьерское море» предположили, что Каржавин готовил книгу, посвященную пиратам. «Возможно, - писали А. Шумилов и Д. Демин, - это перевод какой-то книги о пиратстве, оставшийся неоконченным и неизданным. Но более вероятно, что это материал, собранный во

рукописной и печатной книги. М., 1976; Рабинович В. И. Просветительские и материалистические тенденции в России от Радищева до декабристов...: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1980; Долгова С. Р. Творческий путь Ф. В. Каржавина. Л., 1984; Старцев А. И. Первый русский американец (Новые материалы из архива Ф. В. Каржавина) // История СССР. 1986. № 5; Рабинович В. И. Вслед Радищеву...: Ф. В. Каржавин и его окружение. М.: Мысль, 1986; Болховитинов Н. Н. Был ли Ф. В. Каржавин американским «корреспондентом» Н. И. Новикова? // Вопросы истории. 1986. № 4: Он же. За точное и документированное освещение жизни и деятельности Ф. В. Каржавина // Вопросы истории. 1987. № 12; Альперович М. С. Россия и Новый Свет (последняя треть XVIII века). М.: Наука, 1993; Долгова С. В. Каржавин Ф. В. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб, 1999. Вып. 2.

²⁴⁴ См., например, материалы дискуссии: Об освещении жизни и деятельности Ф. В. Каржавина // Вопросы истории. 1987. № 12.

²⁴⁵ Эксквемелин А. О. Пираты Америки... С. 12.

²⁴⁶ Рабинович В. И. «С гишпанцами в Новый Йорк и Гавану» (Жизнь и путешествия Ф. В. Каржавина). М.: Мысль, 1967. С. 55.

²⁴⁷ Блон Ж. Флибустьерское море. М., 1985. Послесловие. С. 346.

время долгих скитаний самим Каржавиным – хроники, судебные отчеты, рассказы пиратов, с которыми Каржавину не раз доводилось сталкиваться»²⁴⁸. Позволим себе усомниться во второй части высказанных авторами предположений – в сохранившихся бумагах Каржавина отсутствуют сведения о судебных пиратских процессах или «хроники», посвященные морским разбойникам. В прожитой им бурной жизни, жизни торговца, связанного с контрабандой оружием, разумеется, нашлось место и для приключений: его обманывали компаньоны, грабили на дорогах, он терял все состояние, три раза попадал в плен к англичанам. Всем своим жизненным перипетиям Каржавин посвятил немало места в дневниках, письмах и автобиографии.²⁴⁹ Однако, насколько можно судить по сохранившимся документам, если Каржавин и становился жертвой нападения в море, то попадал он в плен не к пиратам – дорогу русскому путешественнику преграждали каперы или корабли британского флота. Происходило это в разгар Войны за независимость американских колоний, то есть спустя полвека после событий, о которых рассказано в «Жизнеописании пиратов». О личных контактах Каржавина с пиратами, разговорами с ними нам также ничего не известно, хотя, разумеется, он был наслышан о морских разбойниках. А вот первое предположение А. Шумилова и Д. Демина о том, что рукопись в СПб ИРИ РАН представляет собой незаконченный «перевод какой-то книги о пиратах» заслуживает внимания.

Изучим текст рукописи и попробуем восстановить ее источники. С формальной стороны произведение представляет собой небольшую не переплетенную рукопись (56 листов) тетрадного формата, некоторые страницы которой исписаны только с лицевой стороны, а некоторые и с лицевой, и с оборотной. Текст написан на плотной по фактуре бумаге голубого цвета без водяных знаков. Почерк представляет собой разновременную четкую скоропись и явно принадлежит одной руке. В нем практически нет исправлений и помарок, что

²⁴⁸ Там же.

²⁴⁹ См. подробнее: *Каржавин Ф. В.* Записка о своей жизни // Русская старина. 1875. Т. XII. № 2. С. 273–280; *Он же.* Дневник путешествия в Виргинию в 1777 и 1778 годы // Взгляд в историю – взгляд в будущее: [Текст]. Русские и современные писатели, ученые, деятели культуры о США / Сост. А. Н. Николюкин. Ред. А. Н. Панкова. М.: Прогресс, 1987. 720 с.

позволяет предположить, что рукопись готовилась к публикации. Специалисты архива датировали ее, отметив, что она написана «не ранее 1805 г.»

Текст делится на десять глав, каждая из которых представляет собой биографию одного из пиратских вожаков. Сведя эти главы вместе, мы получили «Оглавление». Оно выглядит следующим образом:

1. Анна Бони (л. 1);
2. Говель Девис и шайка (л. 2 об.);
3. Капитан Робертс и шайка его (л. 13 об.);
4. Капитан Анстис и шайка его (л. 26);
5. Капитан Ворслей и шайка его (л. 32 об.);
6. Капитан Джордж Ловтер и шайка его (л. 34);
7. Капитан Эдуард Лов и шайка его (л. 40 об.);
8. Капитан Джон Эванс и шайка его (л. 48);
9. Капитан Джон Филипс и шайка его (л. 50);
10. Капитан Спригс и его товарищи (л. 54).

Продолжая изучение рукописных материалов Каржавина, мы обратились к собранию его бумаг, хранящихся в собрании П. Я. Дашкова в Институте русской литературы РАН (Пушкинский Дом).²⁵⁰ В одном переплетенном деле (д. 102) собраны переводы Каржавина. Среди них обнаружили разрозненные листы того же формата и написанные на той же голубой бумаге, что и рукопись «Жизнеописания пиратов» из ИРИ РАН. Они разбросаны по всему рукописному фолианту. Выделив интересующие нас фрагменты, мы получили следующий порядок расположения материала:

лл. 14–25 – Капитан Джон Ракгам (Рекхэм);

лл. 27–37 – Анна Бони (отрывок, отсутствующий в рукописи ИРИ РАН) и Мэри Рид;

²⁵⁰ ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом). Ф. 93. Оп. 2. Д. 100–103.

лл. 39–54 – окончание биографии Ч. Вена, окончание биографии Чернобородова, биография Стида Боннета (отсутствует окончание).

Таким образом, фрагменты переводов Каржавина из Пушкинского Дома дополняют «Жизнеописание пиратов», хранящееся в Институте истории – соединенные вместе они представляют собой единый блок, идентичный по формальным и структурным признакам. Однако, установив единое происхождение обоих текстов, мы не определили, являются ли они незаконченным переводом «какой-то книги о пиратах»?

А ведь в творчестве Каржавина переводческая деятельность занимала немалое место. Человек широчайших научных интересов, он переводил романы, научные труды по истории, архитектуре, географии, словари,²⁵¹ не редко обращаясь к авантюрно-приключенческой литературе (им, например, был выполнен несохранившийся перевод с французского языка биографии знаменитого разбойника Картуша).²⁵² Какая же книга, посвященная пиратам, могла привлечь его внимание?

Собственно, уже выделенное нами «Оглавление» – структурный каркас рукописи – позволяет обнаружить источник, которым пользовался Каржавин. Порядок глав рукописи Каржавина идентичен оглавлению книги «Всеобщая история грабежей и смертоубийств, учиненных самыми знаменитыми пиратами, а также их нравы, порядки и управление с самого их начала и появления на острове Провиденс в 1717 г. и до сего 1724 года» (далее: «Всеобщая история пиратов» - Д. К.), принадлежавшей перу некоего Капитана Чарльза Джонсона. «Жизнеописание пиратов» Каржавина по расположению повторяет первый том книги Капитана Джонсона и следует английскому оригиналу (этот текстовый блок выделен нами

²⁵¹ См. например, в его переводах: *Леклерк С.* О пяти чинах архитектурных по правилам Виньоловым. СПб, 1790; *Витрувий П.* Об архитектуре. СПб: Типография при Имп. Акад. наук, 1790-1797; *Бьюкен У.* Полный и всеобщий домашний лечебник. Т. 1–5. М.: В Университетской типографии у В. Огорокова, 1790–1792; *Кеарни, де.* Кораблекрушение на Индийском море и возвращение из Индии в Европу... СПб., 1790; *Перро К.* Сокращенный Витрувий, или Совершенный архитектор. М., 1791; Краткое известие о достопамятных приключениях капитана д'Свиля, трижды умершего. М., 1791; Путешествие капитана Биллингса через Чукотскую землю от Берингова пролива до Нижнеколымского острога... Извлечено из разных журналов вице-адмиралом Гавриилом Сарычевым. СПб, 1811.

²⁵² О рукописи Каржавина см.: *Арсеньев К., Пекарский П.* Известия о братьях Каржавинных. С. 420, 421.

курсивом). Каржавин осуществил только одну перестановку, поместив на первых страницах рукописи биографию Анны Бони, начальную часть которой нам обнаружить не удалось. Надо, впрочем, заметить, что в отличавшемся от первого втором издании «Всеобщей истории» Капитан Джонсон использовал тот же порядок глав, что и у Каржавина – биография Анны Бони предшествовала жизнеописанию Дэвиса. Сравнение двух текстов показало, что в «Жизнеописании» Каржавина отсутствуют биографии Джона Авери, Джона Мартела, Эдварда Ингланда и Джона Смита.²⁵³

Обнаружив формальное структурное родство рукописей Каржавина и книги Капитана Джонсона, мы провели текстологическое сравнение, продемонстрировавшее фактически полное сходство двух текстов. Основные сведения, касающиеся происхождения упоминаемых пиратских вожаков, обстоятельства их разбойной деятельности, захваченных призов и смерти идентичны. Это неудивительно – если наложить текст Каржавина на соответствующие им фрагменты Капитана Джонсона, мы видим их совпадение.

Вот, например, описание внешности знаменитого «Черного Барта», пирата Бартоломею Робертса, известного своими нападениями на острова Вест-Индии и побережье Западной Африки.

«Жизнеописание пиратов»	Captain Charles Johnson. A General History of the Pyrates.
«На сей драке Робертс делал из себя хорошую фигуру; одет был в атласное	<i>Roberts himself made a gallant Figure, at the Time of the Engagement, being</i>

²⁵³ Рукописные материалы, рукописи, рисунки и богатейшая библиотека Каржавина распались после его смерти. В 1812 г. вдова передала материалы А. И. Сулакадзеву, а после смерти последнего в 1830 г. их купил купец Шапкин. Затем часть бумаг и книг достались Я. Ф. Березину-Ширяеву и библиографу Н. П. Дурову, чья коллекция также не сохранилась в целостном виде. Книги Каржавина обнаружены во многих книжных хранилищах: БАН, РНБ, ГПИБ, РГАДА, СПбГУ, Уральском университете, Оксфорде. Следов книги Капитана Джонсона из собрания библиотеки Каржавина нам обнаружить не удалось (о библиотеке Каржавина см. подробнее: Долгова С. Р. Судьба библиотеки Федора Каржавина // Альманах библиофила. Вып. 2. М., 1975. С. 166–168; Она же. Редкие книги и рукописи из библиотеки Ф. В. Каржавина // Книга в России до середины XIX в. М., 1978; Полонская И. М. Книги из библиотеки и с автографами Ф. В. Каржавина в собрании Отдела редких книг // Труды ГБЛ им. В. И. Ленина. М., 1978. Т. 14. С. 13–164; Горфункель А. Ф. Книги «Русского американца» // Ленинградский университет. 1980. 4 января; Перцович Ю. С. Из библиотеки Ф. В. Каржавина // Книга. Исследования и материалы. Сб. 52. М., 1986; Королев С. Ц. Библиотека Ф. В. Каржавина. Новые находки // Коллекции. Книги. Автографы. Вып. 2. Л., 1991).

<p>платье кармазинного цвета, на шляпе алое перо, на шее золотая цепь с бриллиантовым на ней крестом, в руке блистающий меч; с правого плеча на левом боку, как с левого плеча на правом боку, висели две пары пистолетов, по обыкновению всех пиратов; и в сем уборе давал он приказы с великой неустрашимостью» (СПб ФИРИ РАН. Коллекция 238. Оп. 2. Д. 146/22. Л. 21 об, 22).</p>	<p>dressed in a rich crimson Damask Wastcoat and Breeches, a red Feather in his Hat, a Gold Chain round his Neck, with a Diamond Cross hanging to it, a Sword in his Hand, and two Pair of Pistols hanging at the End of a Silk Sling, slung over his Shoulders (according to the Fashion of the Pyrates;) and is said to have given his Orders with Boldness, and Spirit... (P. 243).</p>
--	--

Сопоставим еще один отрывок из названного текста. Он касается эпизода межпиратского взаимодействия – совместного плавания двух пиратских групп (т. н. «консорта») под командованием Хоуэлла Дэвиса и Оливье Левассера (он же Ла Буш или Ла Буз) весной 1719 г. у западного побережья Африки.

«Жизнеописание пиратов»	Captain Charles Johnson. A General History of the Pyrates.
<p>«Увидели корабль, идущий прямо на них под всеми парусами, они довольно напугались, подняли якорь и приготовились принять его как должно на море. Но нашлось, что это было французское пиратствующее судно о 16-ти пушках, на котором было до 70 человек, половина французов, половина негров, под командою капитана Ла-Буза, который ожидал сделать тут богатой приз. Но подъехавши близко, узнал</p>	<p>... they spied a ship bearing down upon them in full Sail; they soon got their Anchors up, and were in a Readiness to receive her. This ship proved to be a <i>French</i> Pyrate of fourteen guns and sixty four hands, half <i>French</i>, half Negroes; the captain's name was <i>la Bouche</i>; he expected no less than a rich Prize, which made him so eager in the Chase; but when he came near enough to see their Guns, and the Number of their Hands upon</p>

<p>свою ошибку и подумал, что это военное английское королевское судно, а как уже некогда тут было пятиться назад, француз вознамерился сцепиться с ним во что бы то ни стало, и поднял черной флаг. Девис сделал тоже. Это было весьма приятно французам, которыми сел тотчас в свой бот и с белым переговорным флагом поехал поздравить своего товарища в одинаковом промысле. Девис с своей стороны встретил его также, поцеловались и поклонились друг другу, как будто старые знакомцы. Ла Буз просил чтоб ехать им вместе, дабы достать лутчее судно; а Девис согласился и обещал ему дать первой хороший корабль, который попадетя» (СПб ФИРИ РАН. Коллекция 238. Д. 146/22. Л. 8об.-10).</p>	<p>Deck, he began to think he should catch a <i>Tartar</i>, and supposed her to be a small English Man of War; however, since there was no escaping, he resolved to do a bold and desperate Action, which was to board <i>Davis</i>. As he was making towards her, for this Purpose, he fired a Gun, and hoisted his black Colours; <i>Davis</i> returned the Salute, and hoisted his black Colours also. The <i>French</i> Man was not a little pleased at this happy Mistake; they both hoisted out their Boats, and the Captains went to meet and congratulate one another with a Flag of Truce in their Sterns; a great many Civilities passed between them, and <i>la Bouche</i> desired <i>Davis</i>, that they might sail down the Coast together, that he (<i>la Bouche</i>) might get a better Ship; <i>Davis</i> agreed to it, and very courteously promised him the first Ship he took, fit for his Use, he would give him, as being desirous to encourage a willing Brother (P. 173, 174).</p>
--	--

Перед нами – русский перевод английского оригинала. Обнаруживается лишь небольшая фактическая разница, касающаяся количества пушек и численности экипажа, однако подобные разночтения мы встречали и в разных изданиях самого Капитана Джонсона – по-видимому, Каржавин пользовался отличным от нашего вариантом издания его книги. Сопоставление же

сохранившегося текста «Жизнеописания пиратов» с «Всеобщей историей» в целом демонстрирует их информационную и структурную схожесть. За исключением некоторых сокращений и купюр, сделанных переводчиком, в целом текст Капитана Джонсона воспроизведен на русском языке в достаточно точной передаче. По-видимому, руководствуясь соображениями самоцензуры, Каржавин изъял из книги радикально заостренные фрагменты, касающиеся, в частности, демократических правил пиратов.

Таким образом, проведенное нами сопоставительное текстологическое исследование позволяет предположить, что хранящиеся в различных архивах рукописи Ф. В. Каржавина о пиратах представляют собой единое целое. Все подвергнутые анализу разрозненные фрагменты, не имеющие общего названия, но в ряде случаев снабженные промежуточными заголовками, являются частями одного и того же произведения, которое условно может быть обозначено как «Жизнеописание пиратов». Нами была реконструирована единая структура перевода Каржавина в виде цельного логически связанного текста. Было установлено, что исследуемая рукопись представляет собой русскоязычный перевод произведения, известного в западноевропейской традиции как «Всеобщая история пиратов» и приписываемого некоему Капитану Чарльзу Джонсону. Фрагменты же переводов, сохранившиеся в коллекциях Н.П.Лихачева и П.Я.Дашкова – части выполненного им перевода.

Отдельный документальный блок составили опубликованные источники нормативного характера – международные и юридические трактаты государственные бумаги, ордонансы, регламенты. Тексты международных договоров и соглашений использованы нами по изданиям Г. фон Мартенса,²⁵⁴ Ж. Дюмона,²⁵⁵ А.Васта,²⁵⁶ Д. Чалмерса²⁵⁷ и Ф.Давенпорт.²⁵⁸ Неоценимую помощь в

²⁵⁴ *Martens, G. F. von.* Nouveau recueil général de traités et autres actes relatifs aux rapports de droit international. T. I–XXXV. Göttingue; Leipzig: J.C.Dieterich, 1876–1908.

²⁵⁵ *Dumont J.* Corps universel diplomatique du droit des gens; contenant un recueil des traités d'alliance, de paix... de toutes les conventions... T. I–VIII. Amsterdam: P. Brunel, R. et G. Wetstein, les Janssons Waesberge, et L'Honoré et Chatelain; La Haye: P. Husson et Charles Levier, 1726–1731.

²⁵⁶ *Les grands traité du règne de Louis XIV / Publié par Henri Vast.* - Paris: Alphonse Picard et fils, 1893 – 1899.

нашей работе сыграли сборники морского права, составленные Ж.М. Пардессю²⁵⁹ и Ч. Робинсоном.²⁶⁰ Фундаментальные многотомные собрания «Регистра государственных бумаг», относящиеся к периоду царствования Тюдоров, Стюартов, Ганноверской династии, эпохе Республики и Протектората включают важнейшие материалы, посвященные внутренней, колониальной и международной политике Великобритании в XVI–XVIII вв.²⁶¹ Данные источники позволяют получить общую картину, сложившуюся в законодательстве и дают возможность понять общие тенденции правительственной политики в области военно-морского законотворчества и внешней политики. Среди использованных документов следует особо выделить материалы текущего административного производства: переписку и дневники должностных лиц,²⁶² инструкции правительственных чиновников, финансовую отчетность, донесения губернаторов колоний,²⁶³ командующих военно-морскими соединениями, агентов торговых компаний. Большое значение имели также собрания постановлений судебных органов, материалы антипиратского судопроизводства. Анализ указанных материалов расширяет общую картину с точки зрения реалий государственного

²⁵⁷ Collection of treaties between Great Britain and other powers / Ed. By George Chalmers. Vol. 1–2. London: John Stoddals, 1790.

²⁵⁸ European treaties bearing on the history of the United States and its dependencies / Ed. by Frances Gardiner Davenport. Vol. 1–4. Washington: Carnegie Institution, 1917–1937.

²⁵⁹ *Pardessus J. M.* Collection des Lois Maritimes antérieures au XVIII-ème siècle. T. 1–VI. Paris: Imprimerie Royale, 1828–1845.

²⁶⁰ *Robinson Ch.* Collectanea Maritima; Being a collection of public instruments, tending to illustrate the history and practice of prize law. London: W. Wilson, 1801.

²⁶¹ Calendar of state papers. Domestic Series, of the Reigns of Edward VI, Mary, Elizabeth and James I / Ed. by R. Lemon and Mrs. Everett Green. Vol. 1–XII. London: Longman, Green, Longman and Roberts, 1856–1872; Calendar of state papers. Domestic Series, of the Reign of Charles I, 1625–1649. Ed. by J. B., W. D. Hamilton and S. C. Lomas. Vol. 1–XXIII. London, 1858–1897; Calendar of state papers. Colonial Series. America and West Indies, 1660–1738 / Ed. by Noel W. Sainsbury, J. W. Fortescue and Cecil Headlam. Vol. 1–XXXXV. London: Institute of Historical Research, 1860–1953.

²⁶² Lettres, instructions diplomatiques et papiers d'État du Cardinal de Richelieu (1608–1642) / Recueillis et publiés par M. Avenel. T. 1–8. Paris: Imprimerie Impériale, puis Nationale, 1853–1877; Colección de documentos inéditos relativos al descubrimiento, conquista y organización de las antiguas posesiones españolas de ultramar. Segunda serie. Vol. I – XIII.. Madrid: Real Academia de la Historia, 1885–1901; Журналы и походные журналы Петра Великого с 1695 по 1725 г. СПб., 1853–1855; *Colbert J.-B.* Lettres, instructions et memoires de Colbert. Vol. 1–VIII / Ed. par Pierre Clément. Paris: Imprimerie Imperiale, 1861–1873; Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1–VII. СПб., 1887–1917; Т. VIII–XIII. М., 1946–2003.

²⁶³ Royal Instructions to British Colonial Governors, 1670–1776 / Collated and Edited by Leonard Woods Labaree. Vol. I–II. New York–London: D. Appleton-Century Co, 1935; *Spotswood A.* The official letters of Alexander Spotswood, lieutenant-governor of the colony of Virginia, 1710–1722, now first printed from the manuscript in the collections of the Virginia Historical Society: Vol. I – II / A. Spotswood. – With an Introduction and Notes by R.A.Brock. – Richmond: Virginia Historical Society, 1882; Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флорно Беневени в Персию и Бухару в 1718–1725 годах: Письма, реляции, журнал / Подг. текста, вст. ст. и коммент. В. Г. Воловникова. М.: Наука, 1986.

управления и открывает возможность аналитического сопоставления правовых законодательных норм и конкретной административной практики. Из данных источников выявляется наиболее достоверная картина деятельности государственного аппарата, военно-морских ведомств и колониальной администрации.

Надо заметить, что указанные группы источников не всегда можно строго разграничить, так как в различных тематических сборниках исторических документах можно встретить материалы, относящиеся к различным выделенным нами информационным разделам.²⁶⁴ Среди них выделяются документальные коллекции, специально посвященные пиратству и приватирству,²⁶⁵ региональным аспектам экспансии,²⁶⁶ географическим открытиям и вопросам колониальной политики,²⁶⁷ военно-морской истории²⁶⁸ и ее правовым аспектам,²⁶⁹ идеологическим аспектам европейской жизни и ее социальным аспектам.²⁷⁰

²⁶⁴ См. например: *English Historical Documents* / Gen. ed. David C. Douglas. Vol. I–IX. London: 1951–1957 (о колониальных вопросах см.: Vol. IX. *American colonial documents to 1776* / Ed. by Merrill Jensen. London: Eyre and Spottiswoode, 1956).

²⁶⁵ Malo H. *Les corsaires: Mémoires et documents inédits*. Paris: Société du Mercure de France, 1908; *Privateering and piracy in the colonial period: Illustrative documents* / Ed. by J. H. Jameson. New York: Macmillan, 1923; *English Privateering Voyages to the West Indies, 1588–1595: Documents Relating to English Voyages to the West Indies from the Defeat of the Armada to the Last Voyage of Sir Francis Drake, Including Spanish Documents contributed by Irene A. Wright* / Ed. by Kenneth R. Andrews. Cambridge: Cambridge University Press for the Hakluyt Society, 1959; *Spanish documents concerning English voyages to the Caribbean, 1527–1568. Selected from the Archives of the Indies at Seville* / Ed. by I. Wright. 1929; *Documents concerning English voyages to the Spanish Main, 1569–1580. I: Spanish Documents Selected from the Archives of the Indies at Seville. II: English Accounts «Sir Francis Drake Revived» and others* / Ed. by I. Wright. London: Hakluyt Society, 1932; *Sir Francis Drake's West Indian voyages, 1585 – 1586* / Ed. by Mary Frear Keeler. London: Hakluyt Society, 1981; *Preliminary Observations on British and American Documents Concerning the Activities of the Pirate Blackbeard, March 1717 to June 1718. Compiled by Richard W. Lawrence* // <http://www.ah.dcr.state.nc.us/qar/history/timechart.htm>.

²⁶⁶ *Collection des ouvrages anciens concernant Madagascar* / Éd. par A. et G. Grandidier. T. 3 (1640–1716). Paris Comité de Madagascar, 1905.

²⁶⁷ *The Three Voyages of Sir Martin Frobisher in Search of a Passage to Cathaia and India by the North-West, A. D. 1576–1578* / Ed. by Rear-Admiral Richard Collinson. London: Hakluyt Society, 1867; *Mémoires et documents pour servir à l'histoire des origines Françaises des Pays d'Outre-mer* / Recueillis et publiés par Pierre Margry. T. 1–6. Paris: Maisonneuve et cie, 1879–1888; *Colonizing Expeditions to the West Indies and Guiana, 1623–1667* / Ed. by V. T. Harlow. London: Hakluyt Society, 1925; *Les Français en Amérique pendant la première moitié du XVI-e siècle. Textes des voyages de Gonneville, Verrazano, J. Cartier et Roberval* / Éd. par Ch.-A. Julien, R. Herval et Th. Beauchesne. Paris: Presses Universitaires de France, 1946; *Путешествия Христофора Колумба. Дневники, письма, документы* / Ред. и вступ. ст. И. П. Магидовича. М.: Географгиз, 1950; *Les Français en Amérique pendant la deuxième moitié du XVI-e siècle. Les Français en Floride. Textes de Jean Ribault, Rene de Laudonniere, Nicolas Le Challeux et Dominique De Gourgues choisis et annotés par Suzanne Lussagnet. Introduction par Ch.-A. Julien* Paris: Presses Universitaires de France, 1958; *Last Voyages. Cavendish, Hudson, Raleigh. The Original Narratives* / Introduced and Edited by Philip Edwards. Oxford: The Clarendon Press, 1988; *Хроника открытия Америки. Новая Испания* / Пер. с исп. Е. М. Лысенко, А. М. Свет. Книга 1. М.: Академический проект, 2000

Особое значение для нашей работы имел третий блок документальных материалов – нарративные источники, в первую очередь, мемуары и воспоминания людей, посвятивших себя морской профессии и в той или иной степени причастных к миру морского разбоя. При всех возможных неточностях, субъективизме, сознательных искажениях, этот вид повествовательных материалов дал возможность глубже проникнуться реальной атмосферой морской повседневности и сопоставить ее с юридической нормой и административно-законодательной практикой. Однако при анализе данного рода материалов следует предельно осторожно подходить к данной литературе. Так или иначе, но сам жанр мемуарной литературы предполагает авторскую интерпретацию событий, и она, в той или иной мере, носит предвзятый характер, и зачастую меняет картину описываемых событий.

Ярким примером специфики повествовательных источников выступает автор самого известного произведения, посвященного пиратству в Вест-Индии, Александр Оливье Эксквемелин, который остается одной из самых таинственных фигур в мемуаристике XVII в. Первое издание его книги «Пираты Америки» под названием «*De Americaensche Zee-Roovers*» вышло в амстердамской книгопечатне Яна Класена тен Хорна в 1678 г. Оно тотчас превратилась в бестселлер, и неоднократно издавалось в различных странах. Всего за восемь следующих лет книга Эксквемелина вышла в немецком («*Americanische See-Räuber*», Нюрнберг, типография Кристофера Регельса, 1679 г.), испанском («*Piratas de la America, y Luz à la defensa de las costas de Indias Occidentales*», Кельн, типография Лоренцо Стрюйкмана, 1681 г.), английских («*Bucaniers of America*», Лондон, типография Уильяма Крука, 1684 г., перевод с испанского; «*The History of the Bucaniers of America*», Лондон, типография Томаса Мальтуса, 1684 г., перевод с

²⁶⁸ Материалы для истории русского флота. Ч. 1–17. СПб: Типография Морского министерства, 1865–1904; *Papers Relating to the Navy during the Spanish War, 1585–1587* / Ed. by Julian Corbett. London: Navy Records Society, 1898; *Fighting Instructions, 1530–1816* / Ed. by Julian S. Corbett. London: Navy Records Society, 1905.

²⁶⁹ *The Naval Tracts of Sir William Monson* / Ed. with a Commentary Drawn from the State Papers and Other Original Sources by M. Oppenheim. Vol. I–V. London: Navy Records Society, 1901–1914; *Documents relating to law and custom of the sea, 1205–1767* / Ed. by Reginald G. Marsden. Vol. I–II. London: Navy Records Society, 1915–1916.

²⁷⁰ *A Collection of Ranter Writings from the 17-th Century* / Ed. by N. Smith. London: Junction Books, 1983.

нидерландского) и двухтомном французском («Histoire des aventuriers flibustiers», Париж, типография Жака Лефевра, 1686 г.) переводах.²⁷¹ В 1968 г. Эксквемелина перевели и в СССР, научным редактором выступил крупный специалист по истории великих географических открытий и Испанской Америки Я. М. Свет.²⁷² История переводов Эксквемелина на русский язык продолжилась в XXI в., когда появилась сокращенная версия его очередного английского издания.²⁷³

Огромный исторический материал, познавательность, тонкие замечания и яркие зарисовки жизни на Антильских островах в XVII веке превратили труд Эксквемелина в один из важнейших источников по истории колониальной Америки, позволяющий, по мнению автора предисловия к французскому изданию 1686 г. сира де Фронтиньера, «образовываться развлекаясь».²⁷⁴ Вместе с тем, личность автора, методы его работы над книгой, структурная специфика и текстовое своеобразие «Пиратов Америки» вызывают немало вопросов, заставляя исследователей не только искать материалы, послужившие «сырьем» для Эксквемелина и его редакторов, но и определять жанровую специфику этого произведения.

Первый вопрос, с которым сталкиваются читатели «Пиратов Америки» – фигура самого Эксквемелина, поставленного современниками в один ряд с «отцом историков Филиппом де Коммином».²⁷⁵ Начнем с несоответствия в написании авторской фамилии в различных изданиях прижизненных изданиях Эксквемелина. В нидерландском «De Americaensche Zee-Roovers» 1678 г. он фигурировал как Exquemelin, в испанском 1681 г. – как Eksquemelin, в английских книгах превратился в Esquemeling(a), и, наконец, во французском 1686 г. сократился до Oexmelin. Совершенно курьезным выглядит имя автора в немецком издании 1679

²⁷¹ О первых изданиях Эксквемелина см. подробнее: *Vrijman M. L'Identité d'Exquemelin: les premiers editions de «L'Histoire des aventuriers» // Comité de travaux historiques et scientifiques. Bulletin de la section de géographie. Paris, 1933. Т. 48. Р. 43–57.*

²⁷² *Эксквемелин А. О. Пираты Америки / Пер. с голланд. и комм. Б. Аронова. Ред. и предисл. Я. М. Света. М., 1968.*

²⁷³ *Эксквемелин А. Дневник пирата / Пер. с англ. М. В. Анфимова. М., 2011.*

²⁷⁴ *Exquemelin (Oexmelin) A. O. Histoire des aventuriers qui se sont signalez dans les Indes, contenant ce qu'ils ont fait de plus remarquable depuis vingt anées avec la vie les moeurs et les coutumes des boucaniers et des habitans de S. Domingue et de la Tortue. Т. 1–2. Paris: Jacques le Febvre, 1686. Т. I.*

²⁷⁵ См. предисловие к первому английскому переводу Эксквемелина, изданным Уильямом Круком в 1684 г.

г., в котором на титульный лист «Пиратов» вынесен некий А. О. Нюрнберг, по-видимому, обязанный своей фамилией городу, в котором была напечатана книга.

Современники явно знали об авторе «Пиратов Америки» понаслышке, и своими предположениями изрядно запутали картину. Кем по национальности был этот человек – французом, голландцем, немцем, бретонцем, фламандцем или англичанином? В 1684 г. английский издатель Уильям Крук не смог точно сказать, голландец он, фламандец или француз.²⁷⁶ Испанский переводчик «Пиратов», Алонсо де Буэна-Мэзон, медик с дипломом Лейденского университета, хорошо знакомый с Эксквемелином, полагал, что он француз. Упоминаемый нами ранее Фронтиньер также распознал в нем соотечественника.

Я. М. Свет придерживался голландской версии его происхождения. «Судя по всему, - писал он, - автор был соотечественником тен Хорна: писал он на голландском языке, но никаких примет, которые могли бы указывать на иноземное происхождение автора или хотя бы на длительное пребывание в странах, лежащих за рубежами Нидерландов, в книге усмотреть не удастся».²⁷⁷ Его внимание привлекала гипотеза голландских историков Г. Хогеверфа²⁷⁸ и Константа ван Вессена, автора предисловия к голландскому изданию 1931 г.²⁷⁹ Они полагали, что текст «Пиратов» был написан и передан тен Хорну голландским путешественником и писателем Хендриком Смексом (1643 – 1721 гг.). Смекс служил в голландской Ост-Индской компании, побывал на берегах Западной Австралии и на Яве, а в 1666 г. заключил контракт с французской Вест-Индской компанией и отправился в колонии Нового Света, где работал врачом и собирал сведения, положенные, как полагали голландские исследователи, в основу «Пиратов». Хогеверф строил свою гипотезу на предположении, что имя Эксквемелин в действительности представляет собой акроним испано-язычного

²⁷⁶ Ouellet R., Villiers P. Introduction // *Exquemelin A.O. Histoire des aventuriers flibustiers / Etablissement du texte, glossaire et index par Réal Ouellet. Introduction et notes par Réal Ouellet et Patrick Villiers. Paris, 2005. P. 18.*

²⁷⁷ Эксквемелин А.О. Пираты Америки... С. 6.

²⁷⁸ Hoogewerff G.J. Hendrik Smeeks, geschiedschrijver der boekaniers // *Tijdschrift voor Geschiedenis. 1930. № 45. S. 225 – 236.*

²⁷⁹ De americanische Zee-rovers door A. O. Exquemelin. Antwerpen, Amsterdam, 1931.

варианта фамилии Смекса. В имени *Enrique Smeeks* букву *r* следует заменить на букву *l*, и тогда, перетасовывая литеры и слоги, получается сочетание, соответствующее форме *Eksquemelin*.²⁸⁰ Издание «Пиратов», полагал Хогеверф, стало не единственным эпизодом сотрудничества Смекса с типографией Яна тен Хорна. В 1708 г. он опубликовал у его сына, Николаса тен Хорна, свой роман-утопию «Описание могущественного королевства Кринке Кесмес», в которой описывал воображаемый тропический остров неподалеку от *Terra Australis*, населенный вполне цивилизованными индейцами.

Версия голландских историков продержалась не долго.²⁸¹ Прошло три года после исследования Хогеверфа, и французский историк М. Врижман обнаружил в списках голландской хирургической гильдии не только имя Смекса (1666 г.), но и фамилию Эксквемелина: из записи протокола заседания коллегии следовало, что 26 октября 1679 г. Эксквемелин защитил диссертацию и получил соответствующий патент.²⁸² Вопросы, правда, все равно оставались. Какой язык, например, был родным для Эксквемелина? Он, по-видимому, владел латинским языком, так как без знания этого *lingua franca* врачебных корпораций трудно было надеяться на получения диплома. Если же Эксквемелин был французом, как полагали знавшие его лично Буэна-Мэзон и Фронтиньер, почему он писал на нидерландском языке?

Сегодня, в соответствии с наиболее распространенной французской версией происхождения Эксквемелина, принято считать, что он родился в 1643/1646 гг. в старом нормандском порте Онфлер.²⁸³ Его семья придерживалась протестантизма,

²⁸⁰ E(1)n(4)r(5)i(6)que(3) S me(7)e ks(2) = E(1)x(2)que(3)me(7)l(5)i(6)n(4). В свою очередь имя Хендрика Смекса, прочитанное в виде анаграммы, возможно, послужило названием для описанного им «могущественного королевства Кринке Кесмес» (E(1)n(2)r(3)i(4)k(5) S(6)m(7)e(8)e(9)k(10)s(11) = Kr(3)i(4)n(2)k(5)e(1)K(10)e(9)s(6)m(7)e(8)s(11)).

²⁸¹ *De La Fontaine Verwey H.* The ship's surgeon Exquemelin and his book on the buccaneers // *Quaerendo*. 1974. Vol. IV. № 2. P. 109–131. Историко-полемички см.: *Smeeks H.* Beeschryvinge van het magtig Koningryk Krinke Kesmes / Ed. P.J.Buijnsters. Zutphen: W.J.Thieme & Cie. 1976. Сегодня версию Хогеверфа продолжает поддерживать Д. Лонгфилд-Джонс: *Longfield-Jones G.M.* *Buccaneering doctors* // *Medical History*. 1992. № 36. P. 187 – 206.

²⁸² *Vrijman M.* L'Identité d'Exquemelin... P. 51.

²⁸³ *Vrijman V.* L'Identité d'Exquemelin...; *Pignet H.* Alexandre-Olivier Exquemelin, chirurgien des aventuriers 1646-1707 (?). Montpellier: Imprimerie de la Presse Montpellier, 1939; *Camus M.-Ch.* Une note critique à propos d'Exquemelin // *Revue française d'histoire d'Outre-mer*. 1990. Mars. P. 79-90. См. также: *Ouellet R., Villiers P.* Introduction...

а отец Эксквемелина держал аптекарскую лавку. Мальчик получил неплохое образование и, пройдя обучение в коллеже Святого Иакова в Руане, перебрался в Париж и завершил курс наук в коллеже Лизье. Идя по стопам отца, Эксквемелин устроился подручным хирурга Геринье на улице Сент-Андре-дез-Арт, надеясь овладеть премудростями профессии. Однако надеждам юноши было не суждено сбыться. В 1666 г. вышел указ короля Людовик XIV, запрещающий гугенотам заниматься врачебной практикой. В поисках работы, Эксквемелин, как и Смекс, заключил 24 апреля 1666 г. контракт на службу с французской Вест-Индской компанией. В мае на борту 28-пушечного корабля «Сен-Жан» он отправился из Гавра в Карибское море и 6 июля высадился в Пор-Марго на северном побережье Эспаньолы, откуда перебрался на остров Тортугу, владение французской короны в Вест-Индии.

Денег на оплату проезда через океан у Эксквемелина не было, и он, по обыкновению тех времен, стал кабальным слугой (по-франц. – *engagés*) и должен был теперь отрабатывать определенный срок на колонию, который согласиться взять на себя расходы за его проезд. Хозяином Эксквемелина стал некий господин Лави. «Как назло, я имел несчастье попасть к самой отменной шельме на всем острове, – вспоминал Эксквемелин. – Это был вице-губернатор, или помощник коменданта. Он издевался надо мной, как мог, морил меня голодом, чтобы вынудить откупиться за триста реалов, и ни на минуту не оставлял в покое. В конце концов, из-за всех этих невзгод я тяжело захворал, и мой хозяин, опасаясь, что я умру, продал меня за семьдесят реалов одному хирургу. Но по выздоровлении я оказался совершенно наг, у меня только и осталось что рубашка, да старые штаны. Мой новый хозяин был несравненно лучше: он дал мне одежду и все, что было необходимо, а после того как я отслужил у него год, предложил выкупиться за сто пятьдесят реалов, причем он готов был повременить с уплатой до тех пор, пока я не накоплю эти деньги. Обретя свободу, я оказался гол, как

Адам. У меня не было ничего, и поэтому я остался среди пиратов, или разбойников, вплоть до 1672 года».²⁸⁴

На Тортуге Эксквемелин оказался в самый разгар вооруженного конфликта с Англией и военных приготовлений против Испании. Люди, умевшие врачевать, ценились на вес золота, и молодой хирург быстро нашел работу. В 1668 г. ему удалось устроиться судовым хирургом на фрегат «Дельфин» под начало майора Тортуги сьера д'Артинья, известного среди местных флибустьеров под именем Мишеля Баска, или Мигеля Бискайца. Он недавно вернулся из успешного разбойничьего рейда под Маракайбо, возглавляемого знаменитым Олоне — возможно от него Эксквемелин и узнал детали произошедших там событий. Вскоре судьба свела Эксквемелина и с «генералом пиратов» Генри Морганом: он служил судовым хирургом на его флагманском фрегате «Сэтисфекшн» и участвовал в нападении на Панаму (1670–1671). Об обстоятельствах этого разбойничьих набегов Эксквемелин рассказывал весьма подробно, иногда от лица стороннего наблюдателя, иногда — как непосредственный участник событий. Заметим, что Эксквемелин был не единственным лекарем в составе флотилии Моргана. Снискали известность и другие доктора: Роберт Биндлосс, закадычный приятель и родственник Моргана, ставший впоследствии полковником, и Ричард Броун, лекарь, чудом спасшийся после взрыва флагманского корабля Моргана «Оксфорд» и также принимавший участие в захвате Панамы.²⁸⁵

Сведения о дальнейшей жизни Эксквемелина достаточно скудны. В Вест-Индии его профессиональная карьера не сложилась: местные врачи, недовольные появлением конкурента, написали на него донос, обвинив в отсутствии документов, подтверждающих право заниматься врачебной деятельностью. В 1672 г. Эксквемелин покинул Вест-Индию и на голландском корабле отправился в Европу. Несколько месяцев он проживал в Амстердаме, а затем вернулся в Вест-

²⁸⁴ Эксквемелин А. О. Пираты Америки... С. 28, 29.

²⁸⁵ Longfield-Jones G.M. *Buccaneering doctors...* P. 188 – 190. О врачебной деятельности Эксквемелина см.: Savare J. *Flibuste et matière médicale à propos d'Alexandre-Olivier Exmelin // Revue d'histoire de la pharmacie.* 1965. № 185. P. 325 – 333.

Индию и в 1674 г. был судовым лекарем на военном корабле «Het Geloof» под командой капитана Тобиаса. Затем Эксквемелин перебрался на английскую Ямайку и нашел место хирурга в Порт-Ройяле, под крылышком у своего старого знакомого сэра Генри Моргана, ставшего к тому времени вице-адмиралом Ямайки, командующим гарнизоном Порт-Ройяла и судьей адмиралтейского суда.²⁸⁶ Однако, чтобы получить официальный статус хирурга, Эксквемелину не хватало соответствующего диплома, и он вернулся в Европу, чтобы продолжить образование. Известно, что какое-то время «пиратский» лекарь проживал в Валансьенне (Испанские Нидерланды)²⁸⁷ и участвовал в кампании адмирала Мартена де Рейтера против французов в Вест-Индии и в Средиземном море (1676 г.).

В 1678 г. следы Эксквемелина вновь обнаруживаются в Амстердаме, где он предложил тен Хорну издать свою книгу. Однако его привлекала не только писательская деятельность, но и огромные возможности для совершенствования медицинских навыков, которые предоставляла Голландия с ее анатомическими театрами, научными библиотеками и кабинетами естественной истории.²⁸⁸ В его родной Франции многие пути для профессионального роста были перекрыты. Причиной являлись не только конфессиональные моменты, препятствующие протестантам вести врачебную практику. Сказывались многовековые культурные традиции, превратившие докторскую корпорацию в закрытую для чужаков «кастовую» систему, нравственно-этические нормы, представлявшие препарирование трупов осквернением умерших, монополия Парижского

²⁸⁶ Книга Эксквемелина вызвала ярость его бывшего командира. Морган подал судебный иск на издателей и, обвинив их в клевете, выиграл судебный процесс. По постановлению суда в качестве компенсации Моргану должны были выплатить двести фунтов стерлингов и внести соответствующие поправки в новые издания книги. См. подробнее: *Frohock R. Common mischaracterizations of early English translations of Exquemelin's «Buccaneers of America» // Notes and Queries. 2010. Vol. 57. № 4. P. 506 – 508.*

²⁸⁷ В свидетельстве 1676 г., заверенном амстердамским нотариусом Адрианом Локком, записано, что Эксквемелин - житель Валансьена.

²⁸⁸ *Михель Д. Власть, знание и мертвое тело. Историко-антропологический анализ анатомических практик на западе в эпоху ранней современности // Логос. 2003. Т. 39. № 4-5. С. 219 – 233.*

медицинского факультета на проведение анатомических опытов и трудности с обеспечением медиков мертвыми телами.²⁸⁹

Проживая в Амстердаме, гугенот Эксквемелин поддерживал тесные знакомства в местной сефардской общине.²⁹⁰ Благодаря приятельским отношениям с испанским переводчиком своей книги, марраном Алонсо де Буэна-Мэзоном, жившим с ним в одном доме, Эксквемелин приобрел полезные знакомства в среде еврейских эмигрантов с Пиренейского полуострова. Среди его знакомых выделялся поэт, географ и историограф местной еврейской общины дон Мигуэль де Барриос, в сефардских кругах называемый Даниил Леви де Барриос. Этот опытный вояка, служивший капитаном испанских войск в Брюсселе в 1662–1665 гг., был хорошо известен в Амстердаме, а его портретное изображение, возможно, запечатлел Рембрандт ван Рейн на полотне «Еврейская невеста» 1665 г. Подобно Эксквемелину, Мигуэль де Барриос в 1660 г. отправился в Новый Свет, добрался до острова Тобаго, однако из-за скоропостижной кончины молодой супруги был вынужден спешно возвратиться в Амстердам. Со своим другом Дуарте Лопесом Роза, или Мозесом Розой, известным португальским ученым, он порекомендовал Эксквемелина своему близкому знакомому, печатнику-сефарду Давиду де Кастро Тартасу, занимавшемуся изданием еврейской литературы и «Амстердамской газеты». Оба ученых внесли свой вклад и в испанский перевод книги Эксквемелина: Барриос написал к ней предисловие, сопроводив его сведениями об островах Вест-Индии, а Роза поместил в книге написанный им сонет. Давид де Кастро издал книгу Эксквемелина в своей типографии в Амстердаме, поместив на титульном листе фиктивную кельнскую типографию Стройкмана.²⁹¹

²⁸⁹ *Gelfand T.* Paris: “certainly the best place for learning the practical part of anatomy and surgery // Centres of medical excellence? Medical travel and education in Europe, 1500–1789 / Ed. by Ole Peter Grell, Anrew Cunningham and Jon Arrizabalaga. Farnham: Ashgate Publishing Limited, 2010. P. 240.

²⁹⁰ *Harm den Boer.* Amsterdam as “Lokus” of Iberian printing in the seventeenth and eighteenth centuries // *The Dutch intersection: The Jews and the Netherlands in modern history* / Ed. by Yosef Kaplan. Brill: Brill Academic Publishers, 2008. P. 96–98.

²⁹¹ Похожим образом Давид де Кастро Тартас издал еще один перевод Буэна-Мэзона на испанский: книгу незуита Фамниано Страды о Нидерландском восстании.

В начале 80-х гг. Эксквемелин вновь объявился на Ямайке, в октябре 1682 г. служил хирургом в Пти-Гоав, а затем вернулся в Старый Свет. Он поселился в Париже и в сентябре 1684 г. в церкви Сен-Жермен-де-Пре отрекся от протестантизма и принял католическую веру. В 1686 г., привлеченный к участию в работе одной из комиссий французского военно-морского флота, Эксквемелин подготовил отчет о реке Чагрес и, как можно предположить, выступал консультантом по навигации в Вест-Индии. Тогда же Эксквемелин был представлен вице-адмиралу графу д'Эстре, который читал испанскую версию его книги. Старый адмирал проявил к ней интерес, и, по словам Фронтиньера, сопровождал издание лестно-ироничной оценкой труда автора, заявив: «Если бы все путешественники подобно Вам рассказывали бы о странах и всем, что они в них увидели, не было бы нужды отправлять в эти края самим».²⁹²

Есть данные, что Эксквемелин еще два раза побывал в Вест-Индии: в 1685 г. он принимал участие в нападении шевалье де Граммона на Кампече, а в 1697 г. участвовал в корсарской операции барона де Пуэнти по захвату Картахены. Точная дата смерти Эксквемелина неизвестна.

Определив основные вехи на жизненном пути Эксквемелина, обратимся к тексту его книги. Один из первых моментов, заставляющих насторожиться – заглавие книги. Привычное русскому читателю название «Пираты Америки» несет совершенно определенную смысловую нагрузку, которая придает соответствующий криминальный подтекст описываемым событиям. Дело в том, что в XVI–XVII вв. Испанская Америка и, в частности, островные владения в Вест-Индии, представляли собой пограничную зону, перманентно открытую для проникновения европейских военно-морских держав. Разумеется, Испания рассматривала европейцев как незаконных агрессоров и именовала их пиратами. В молодых же колониальных империях, Франции, Англии и Республике Соединенных Провинций, к терминологии относились намного более осторожно:

²⁹² *Exquemelin (Oxmelin) A.O. Histoire des aventuriers ... T. I. Preface.*

например, во французском издании 1686 г. Эксквемелин вместо слова «пират» употребляет термин «авантюрист», которое несет совершенно иную смысловую направленность и подразумевает деятельного человека, склонного к принятию рискованных решений и способного к неординарным поступкам. Точно также термины «буканьеры» и «морские разбойники», вынесенные в заголовки нидерландского, немецкого и английских изданий несут конкретный исторический смысл и далеко не всегда тождественны и синонимичны понятию «пират».

Однако, это вопросы скорее к русскоязычной версии Эксквемелина. Намного важнее выглядит вопрос относительно содержания книги в целом. Можно усомниться в словах Я.М.Света, который, анализируя книгу Эксквемелина, отметил, что «она достоверна от первой до последней строки».²⁹³ Это утверждение, разумеется, вызывает сомнения. Собственно говоря, сам жанр мемуарной литературы предполагает авторскую интерпретацию событий, и она, в той или иной мере, носит предвзятый характер, и зачастую меняет картину описываемых событий. Это нисколько не умаляет значения книги Эксквемелина, побывавшего в самых невероятных передрягах. От него мы узнаем крайне важные свидетельства, проливающие свет на необычные и малоизвестные, по другим источникам, эпизоды, касающиеся различных сторон повседневной жизни европейцев в Вест-Индии. Однако, некоторые черты авторского повествования не могут не оставить вопросов.

Чем, например, можно объяснить, что повествование Эксквемелина, местами очень личностное и образное, неожиданно сменяется длинными этнографическими и географическими описаниями, более подходящими для научных трактатов. Недюжинный мастер интриги и закрученного сюжета словно забывает на время о главной линии своего повествования. Одним из объяснений, разумеется, может стать ссылка на специфику литературы XVII века. Достаточно вспомнить книги другого буканьера, Уильяма Дампира, часто построенные по

²⁹³ Эксквемелин А.О. Пираты Америки... С. 8.

тому же принципу. Однако, прислушаемся к словам Фронтиньера, заявившего в анонимном предисловии к изданию 1686 г., что он значительно изменил авторский текст. В нем, конечно, описано много интересных и любопытных вещей, но некоторые отрывки показались ему странными, а в целом «рукопись была трудна для понимания и еще более трудна для понимания читателями».²⁹⁴ Фронтиньер признается, что показывал рукопись Эксквемелина «знающим людям», и они подтвердили многое из рассказанного автором. Можно предположить, что беседы с этими оставшимися неизвестными читателями помогли Фронтиньеру в работе с текстом. Ему вторил Ян тен Хорн, подчеркивавший, что переработал оригинал и добавил некоторые куски, чтобы привлечь внимание читателей. Как тут не вспомнить догадку автора предисловия к новому английскому переводу Эксквемелина Джека Бичинга, полагающего, что тен Хорн привлек к работе над рукописью Эксквемелина хорошо знакомого ему доктора Смекса.²⁹⁵ По-видимому, схожими принципами руководствовался и переводчик Эксквемелина на испанский язык лекарь сефард Буэна-Мэзон, и его французский издатель Жак Лефевр.

В какой же степени мы тогда можем говорить об аутентичности авторского текста. Сравнительный анализ, проведенный канадским филологом Реалем Уэлле, показал, что французская версия 1686 г. намного более длинная, нежели нидерландская версия тенхорновского издания 1678 г., положенная в основу русскоязычного перевода 1968 г. Там, где в «*De Americaensche Zee-Roovers*» присутствовала лишь короткая ремарка, французский текст расширился. Появились главы об испанской Терра-Фирма,²⁹⁶ Кубе и ее портах, о загонах для скота, о крокодилах введены новые действующие лица, в частности знаменитый Монбар Истребитель.²⁹⁷ Кто являлся автором вставок: сам Эксквемелин,

²⁹⁴ *Exquemelin (Oexmelin) A.O. Histoire des aventuriers ...* T. I. Preface.

²⁹⁵ *Beeching J. Introduction // Exquemelin A.O. The buccaniers of America / Translated by Alexis Brown. Introduction by Jack Beeching. Harmondsworth: Penguin Books, 1969. — 231 pp. P. 19, 20.*

²⁹⁶ Терра-Фирма (исп. *Terra Firma* — «твердая земля») — название северо-западной части Южной Америки, охватывавшей долины Ориноко и Амазонки, а также побережье Тихого океана и Карибского моря.

²⁹⁷ *Ouellet R. Fiction et réalité ...* P. 285. Уместно здесь заметить, что в 1699 г. во Франции вышло расширенное двухтомное издание книги Эксквемелина, хронологически продолженное до захвата в 1697 г. испанской

французский переводчик Фронтиньер, переписчик издателя Лефевра? Ответов на этот вопрос нет ввиду отсутствия оригиналов авторской рукописи, что позволило М. Врижману и М.-К. Камю гипотетически предположить изначальное существование двух оригинальных рукописей Эксквемелина: первый вариант лег в основу нидерландского издания «*De Americaensche Zee-Roovers*», а второй послужил источником для французского издания «*Histoire des aventuriers flibustiers*».

В свою очередь, Уэлле, пытаясь обнаружить источники вставок и заимствований, обратился к анализу известных во Франции классических трудов об Антильских островах. Это были, в первую очередь, монументальная «Естественная и нравственная истории Индии» («*Historia natural y moral de las Indias*») испанского миссионера Хосе де Акосты, вышедшая в свет в Севилье в 1589 г. и выдержавшая три французских (1600, 1606 и 1616 гг.) издания, и капитальные труды аббата дю Тертра, прозванного современниками «Геродотом Антильских островов»: «Всеобщая история Сент-Кристофера, Гваделупы, Мартиники и других островов в Америке» («*Histoire générale des isles des Christophe, de la Guadeloupe, de la Martinique et autres dans l'Amérique*») 1654 г. и «Всеобщая история Французских Антильских островов» («*Histoire générale des Antilles habitées par les Français*») 1667 – 1671 гг. Анализируя названные работы, он обнаружил параллельные с Эксквемелином места, по-видимому, отредактированные неизвестными переработчиками его рукописи: сведения о географии, флоре и фауне Вест-Индии, описания Тортуги, этнографические экскурсии, посвященные обычаям индейцев Эспаньолы, культуре сбора и производства какао и т. д. Каждый из редакторов преследовал свои цели, и, заимствуя те или иные фрагменты, по-своему интерпретировал их. «В конечном итоге, – резюмировал Уэлле, – любопытство читателя было возбуждено двумя

Картахены французской эскадрой капитана 1 ранга Жана Бернара Луи Дежана, барона де Пуэнти, и флибустьерским отрядом губернатора французской части Сан-Доминго Жана-Батиста Дюкасса.

способами, так как текст дает ему полное знание о странах и повествует об удивительных приключениях, о которых он никогда не читал».²⁹⁸

Последнее замечание вновь заставляет нас вернуться к вопросу о достоверности информации, изложенной Эксквемелином. И здесь перед нами встает не столько проблема подлинности авторского текста, сколько вопрос о жанре этого произведения. И дело не только в том, что в труде Эксквемелина, наряду с правдивой информацией мы обнаруживаем ошибочные сведения, намеренные искажения и некритическое принятие на веру различного рода слухов и сплетен, подхваченных автором из разговоров с пленными испанцами, буканьерами и флибустьерами – в конце концов, мемуарная литература предполагает подобные неточности. Речь идет о другом – насколько события, описанные Эксквемелином, вообще соответствовали действительности?

По-видимому, некоторые сомнения на этот счет испытывал и Я. М. Свет, завершивший раздел своего «Предисловия» следующей фразой: «И уже не вина автора, если порой, эта действительность фантастичнее самого необузданного вымысла...» Действительно, некоторые персонажи книги Эксквемелина больше походят на литературных героев, нежели на участников исторических событий. К числу подобных героев, о которых ничего не сообщают исторические документы, по-видимому, относятся попавший в нидерландский перевод Пьер Француз из Дюнкерка и мифологический персонаж из французского издания 1686 г. Монбар Истребитель. Российскому читателю «Пиратов Америки» хорошо известен жестокий Бартоломео Португалец, последние дни которого Эксквемелин описал следующими словами: «Я видел, как он умирал в такой нужде, какую редко встретишь на свете».²⁹⁹

Первое появление Бартоломео Португальца выглядит в книге чрезвычайно эффектно, прямо в духе героев Сирано де Бержерака. На барке с четырьмя пушками и тридцатью членами команды он захватил испанский

²⁹⁸ Op. cit. P. 286.

²⁹⁹ Эксквемелин А. О. Пираты Америки... С. 73.

двадцатипушечный корабль и семьдесят человек. «Весь корабль попал в распоряжение пятнадцати пиратов, – сообщил далее Эксквемелин, – испанцев же живых и раненых осталось человек сорок. Ветер был непопутный для возвращения на Ямайку, и пираты, испытывая недостаток в воде, решили идти к мысу Сан-Антонио (на западном берегу Кубы). Не дойдя до мыса Сан-Антонио, они неожиданно натолкнулись на три корабля, которые шли из Новой Испании в Гавану. Корабли изготовились к бою, и затем испанцы захватили пиратское судно и взяли разбойников в плен. Но пиратов больше всего сокрушало, что они потеряли богатую добычу: ведь на корабле было сто двадцать тысяч фунтов какао и семь тысяч пиастров в звонкой монете».³⁰⁰ Разбойника приговорили к повешению, но он умудрился бежать: «взял два сосуда из-под вина и крепко заткнул их пробкой. Ночью же, когда все заснули, кроме часового, стоявшего рядом и следившего за каждым его движением, он попытался проскользнуть мимо, но это ему не удалось. Тогда он бросился на часового и перерезал ему горло, причем часовой даже не успел издать ни звука. Пират бросился с кувшинами в воду и выбрался на сушу».³⁰¹ Он сумел уйти от испанской погони, преодолел джунгли, кишацие дикими зверьми, и добрался до своих. Затем с двадцатью пиратами вернулся в Кампече и, незаметно пробравшись в гавань, захватил все тот же, ранее взятый им корабль с какао, но уже без денег. Однако судьба была не на его стороне: буря выбросила пиратов на рифы, и, «проклиная все на свете, он был вынужден вместе со всей командой покинуть корабль и вернуться на Ямайку на каноэ. Там он оставался недолго и вскоре снова собрался за добычей, но счастье и на сей раз ему изменило».³⁰²

Фатум, судьба – темы, которые преследуют Бартоломео в другом произведении, вышедшем в том же, 1678 г. в Руане и Кельне.³⁰³ Одна из глав

³⁰⁰ Там же. С. 70.

³⁰¹ Там же.

³⁰² Там же. С. 73.

³⁰³ См.: [Анониме]. Nouvelle de l'Amérique, ou le Mercure Américain, où sont contenus trois histoires veritables arrivées de nôtre temps. Cologne: Jean L'ingenu, 1678. P. 176 – 248.

анонимного романа «Nouvelles de l'Amérique, ou le Mercure américain» была посвящена герою Эксквемелина и рассказывала подробности, которых нет в «Пиратах Америки».³⁰⁴ Он родился на Азорских островах, обучался в Лиссабоне и в припадке ярости убил своего наставника. Вынужденный покинуть Португалию, Бартоломео бежал в Африку, а затем в Америку. Здесь он оказался на необитаемом острове, потом присоединился к флибустьерам, соблазнил жену одного из главарей и был брошен в загон свиней. Он получил серьезные увечья, долго лечился, и после выздоровления вышел с пиратами в море. В бою с испанцами был захвачен в плен и приговорен к каторжным работам, бежал и оказался на Азорских островах. Здесь Бартоломео узнал о смерти своих родителей. Их имущество попало в руки инквизиции, руководители которой разыскивали его, чтобы сжечь на костре. Бартоломео решил ехать в Португалию добиваться справедливости, но по пути его захватили алжирские корсары. Они продали Бартоломео турецкому паше, но герой сумел добиться расположения своего нового хозяина. Все, казалось бы, складывалось благополучно, если бы в ход событий не вмешалась любовь. Бартоломео пережил бурный роман с барбарийской красавицей, похитил ее, однако фортуна в очередной раз повернулась к нему спиной. Красавица утонула в море, Бартоломео вновь попал в плен к туркам, пережил немало трудностей, и, в конце концов, добрался до Португалии. Тяжба с инквизицией ни к чему не привела, герой отплыл в Америку, нанялся к плантатору на Санто-Доминго и затем присоединился к флибустьерам.

Его дальнейшие злоключения нам известны из Эксквемелина. Правда, биограф пиратства был лаконичен и не поделился с читателем многочисленными деталями, которые сообщил автор «Nouvelles de l'Amérique». Например, «Nouvelles de l'Amérique» разъяснил, как Бартоломео бежал от испанцев с кувшинами из-под вина: пират притворился, что у него расстроился желудок, и, когда его вели в «потайную комнату», воткнул нож в сердце часового. Прячась от

³⁰⁴ См.: *Ouellet R. Fiction et réalité ...; Ouellet R. Lahontan et Exquemelin: deux exemples de dérive textuelle (XVI-e – XVIII-e siècles) // Tangence. 2004. № 74. P. 45–57.*

испанцев, он «вынужден был много дней пить свою мочу», а когда, наконец, нашел свежую воду, едва успел спастись от кишащих всюду крокодилов. Когда ему, наконец, удалось добраться до Моргана, он решил не связываться больше с морским разбоем. Но судьба опять сыграла с ним злую шутку: Бартоломео пошел на охоту со своим рабом и на них напал крокодил. Получив тяжелые увечья, пират едва спасся. Поврежденную ногу пришлось ампутировать, началась гангрена – тело Бартоломео «в считанные секунды стало черным как чернила». Неотступность воздаяния за грехи – главная линия «Nouvelles de l'Amérique». Все несчастья, преследующие Бартоломео, явились карой за то, что он убил своего учителя, и что бы ни происходило в жизни героя, от судьбы ему никогда не удастся уйти.³⁰⁵ Реаль Уэлле, анализируя «Nouvelles de l'Amérique», высказал предположение: «Оригинальный материал, предоставленный, по-видимому, Эксквемелином послужил источником для двух типов произведений, достаточно различных, несмотря на их форму и тематику: анонимная новелла 1678 г. сделала из второстепенного персонажа «De Americaensche Zee-Roovers» 1678 г. и «Histoire des aventuriers» 1686 г. главного героя, наделенного психологической глубиной...»³⁰⁶ В свою очередь, Эксквемелин, распоряжаясь имевшимся в его распоряжении огромным материалом, действовал как самый настоящий романист. В первую очередь его интересовала коллективная биография флибусты, и, теряясь в обилии разрозненного материала из личных впечатлений и известных ему обширных трудов Акосты и дю Тертра, Эксквемелин отходил от главной линии своего текста. Его труд, поэтому, остается не только интереснейшим свидетельством очевидца, прошедшего через бурные перипетии антильского пиратства. Текст Эксквемелина переступает границы исторически достоверного и попадает в приграничное пространство между апокрифической мемуарной литературой с бессмертным д'Артаньяном Гасьена Куртиля де Сандра и художественными произведениями. В связи с этим вступают в силу слова,

³⁰⁵ Другой герой «Nouvelles de l'Amérique» - некто Монтваль, флибустьер, жизненные пути которого оказываются в чем-то схожими с судьбой самого Эксквемелина.

³⁰⁶ *Ouellet R. Fiction et réalité ...* P. 296.

высказанные Ж.-К. Птифисом, относительно апокрифической мемуарной литературы: «Роман и История соприкасаются, смешиваются и взаимопересекаются, причем первый оказывается испорчен, а вторая искажена».³⁰⁷

Вышесказанное относится и к другим мемуарным свидетельствам моряков, которых, в свою очередь, также можно отнести к разновидностям пиратской мемуаристики, и, в первую очередь, к работам Уильяма Дампира.³⁰⁸ В том же ряду знаменитых пиратов-мемуаристов следует упомянуть соратников Дампира по панамским рейдам: Бэзила Рингроуза,³⁰⁹ Лайонелла Уофера,³¹⁰ Уильяма Амброуза

³⁰⁷ Птифис Ж.-К. Истинный д'Артаньян. М: Молодая гвардия, 2004. С. 18.

³⁰⁸ Dampier W. A New Voyage round the world / Introduction by Sir Albert Gray. London: The Argonaut Press, 1931; *Idem*. Voyages and Discoveries / Ed. and with Introduction and Notes by Clennell Wilkinson. London: The Argonaut Press, 1931; *Idem*. A New voyage round the world / With an Introduction by Sir Albert Gray and a New Introduction by Percy G. Adams. New York: Dover Publications, 1968; Dampier W. A Voyage to New Holland / Ed. with Introduction, Notes and Illustrative Documents by James A. Williamson. London: The Argonaut Press, 1939. Биографию Дампира см.: Малаховский К. В. Трижды вокруг света...; Конелев Д.Н. Золотая эпоха морского разбоя: Пираты, флибустьеры, корсары. М.: Остожье, 1997; Wilkinson C. Dampier: Explorer and Buccaneer. New York: Harper and Brothers Publishers, 1929; Bonner W. H. Captain William Dampier: Buccaneer—Author. Stanford: Stanford University Press, 1934; Norris G. William Dampier. London: The Folio Society, 1994; Gill A. The devil's mariner: a life of William Dampier, pirate and explorer, 1651–1715. London Penguin Group, 1997; Preston D., Preston M. A Pirate of Exquisite Mind: Explorer, Naturalist, and Buccaneer: The Life of William Dampier. New York: Walker and Company, 2004.

³⁰⁹ Ringrouse B. Dangerous voyages and bold attempts of captain Bartholomew Sharp and others performed upon the coasts of the South Sea for the space of two years. From the original journal of the said Voyage // Esquemeling J. The buccaneers of America / Ed. and introduction by Henry Powell – London: Swan Sonnenschein and Co; New York: Charles Scribner's sons. 1898. P. 275–502. Записи Бэзила Рингроуза (1653?–1686) посвящены пиратским экспедициям в Тихий океан, в которых он участвовал. Рингроуз попал в Вест-Индию в 1679 г. в качестве наемного слуги и плывал с Бартоломью Шарпом, Чарльзом Сваном и Эдвардом Дэвисом. Он погиб в феврале 1686 г. во время похода в Новую Испанию. Свои дневниковые записи Рингроуз подготовил к изданию, когда находился в Англии в 1682–1683 гг. Они были опубликованы в 1685 г. и вошли отдельной частью в издание «Пиратов Америки» Эксквемелина. О Бэзиле Рингроузе см. подробнее: A Buccaneer's Atlas: Basil Ringrose's South Sea Waggoner / Ed. by Derek Howse and Norman J. W. Thrower. Berkeley, University of California Press, 1992.

³¹⁰ Wafer L. A new voyage and description of the Isthmus of America, giving an account of the author's abode there. With remarkable occurrences in the South Sea and elsewhere. London: James Knapton, 1699. Корабельный доктор валлиец Лайонел Уофер (1640? – 1705?) в 70-х годах XVII в. плывал в Восточную Азию, затем оказался на Ямайке и дезертировал к буканьерам, присоединившись к команде Эдмонда Кука. Участвовал в походах Бартоломью Шарпа, Джона Коксона, Ричарда Соукинса и Джона Уотлинга. В мае 1681 г. во время перехода Панамы повредил ногу. Началась гангрена, вылеченная индейцами из племени куна. Приобретя доверие их вождя Ласенты, Уофер обещал жениться на его сестре, выговорив разрешение отправиться в Англию за охотничьиими собаками. Добравшись до Карибского моря, Уофер продолжил в 1683 – 1688 гг. буканьерствовать и участвовал вместе с Дампиром в пиратских рейдах Джона Кука, капитана Янки, Эдварда Дэвиса. В 1688 г. попал в тюрьму в Виргинии, был освобожден по амнистии в 1690 г. и поселился в Лондоне, где в 1695 г. опубликовал свои воспоминания. В них содержатся не только сведения о плаваниях пиратов, но и ценная этнографическая информация о культуре индейцев Панамского перешейка, шаманизме, краткий словарь языка индейцев куна. Книга Уофера была переведена на французский (1705 г.), немецкий (1759 г.) и шведский (1789 г.) языки, однако не стала такой знаменитой, как труды Дампира. См. также: Wafer L. A new voyage and description of the Isthmus of America... With Wafer's Secret report (1698) and Davis's expedition to the Gold Mines (1704) / Ed. with Introduction, Notes and Appendices, by L. E. Elliot Joyce. Oxford: Hakluyt Society, 1934.

Коули,³¹¹ Бартоломью Шарпа,³¹² Равно де Люссана,³¹³ Уильяма Фаннелла,³¹⁴ Вудса Роджерса,³¹⁵ Эдварда Кука,³¹⁶ а также капитана Массерти,³¹⁷ Жана Дубле,³¹⁸

³¹¹ Cowley's Voyage Round the Globe // A Collection of Original Voyages / Ed. by Capt. William Hacke. London: James Knapton, 1699. Выпускник Кембриджского университета, Коули служил в 1683 г. штурманом на корабле «Бэтчелорс Дилайт» Джона Кука и Эдварда Дэвиса, а затем плавал вместе с Джоном Итоном. Дезертировал из команды в Тихом океане, перешел на голландское судно и вернулся в 1686 г. в Англию, опубликовав в 1699 г. свои воспоминания. О Коули см. подробнее: *Woram J. The Seven Manuscripts of William Ambrosia Cowley* // <http://galapagos.to/TEXTS/COWLEY-1.HTM>

³¹² Captain Sharp's Journey over the Isthmus of Darien, and Expedition into the South Seas, Written by Himself // A Collection of Original Voyages... Бартоломью Шарп участвовал в нападении Моргана на Панаму в 1671 г., затем, в 1679 г. был одним из руководителей вторичного нападения буканьеров на Панаму. Летом 1681 г. на корабле «Тринити» захватил у чилийского побережья испанское судно «Сан-Розарио», на котором находились строго засекреченные карты испанских портов Южного океана от Калифорнии до м. Горн. Первым из англичан обогнув мыс Горн с запада на восток, Шарп доставил карты в Лондон и преподнес их королю Карлу II. Арестованный по требованию испанского посла в Лондоне, Шарп представил свои действия как защиту от нападения испанцев. Безусловно, в спасении пирата сыграли роль лодки испанских морей, впервые попавшие в распоряжение британцев. Шарп был помилован и получил в командование фрегат королевского флота. Спустя два года, в 1684 г., Шарп совершил рейд в Карибское море и захватил несколько испанских и голландских кораблей. Такая деятельность шла несколько вразрез со статусом британского офицера, и в 1686 и 1688 гг. он подвергался судебным преследованиям. Его дальнейшая судьба неизвестна. Известно, что в 1688 г. Шарп занимал военный пост на острове Ангилья, а летом 1699 г. попал в тюрьму на острове Сен-Томас (St-Thomas).

³¹³ *Raveneau de Lussan J. Journal du voyage fait à la mer du Sud avec les flibustiers de l'Amérique, en 1684 et années suivantes.* Paris: Jacques Le Febvre, 1699. Предположительно Равно де Люссан родился в Париже в 1663 г., служил в армии и участвовал в военных кампаниях против Голландии. В 1679 г. он перебрался на Сан-Доминго и присоединился к флибустьерам Лорана Корнелиса де Графа, затем участвовал во втором тихоокеанском рейде на Панаму и в составе команд Ф. Гронье, Таули и Лепикара в нападениях на побережья Мексики, Эквадора и Перу. См. о нем подробнее: *Villiers P. Raveneau de Lussan, un flibustier français à l'assault de la mer du Sud // La mer, la France et l'Amérique latine/ Ed. par Christian Buchet.* Paris: Presses de l'Université Paris-Sorbonne, 2006. P. 290–307. См. также современное издание: *Raveneau de Lussan. Les flibustiers de la mer du Sud.* Introduction et notes de Patrick Villiers. Paris: Éditions France-Empire, 1992.

³¹⁴ *Funnell W. A Voyage round the world containing an account of captain Dampier's expedition into the South-Seas in the ship St. George, in the Years 1703 and 1704.* London: The Crown, 1707. Офицер флота Уильям Фаннелл в 1703–1704 гг. служил под началом Дампира в каперской экспедиции на «Сент-Джордже». После неудач в погоне за манильским галеоном он возглавил мятеж против командира и в январе 1705 г. вместе с 36 матросами отделился от него, перейдя на захваченный 10-тонный барк «Дрэген». На нем экипаж Фаннелла пошел в Ост-Индию. Добравшись до Островов Пряностей, Фаннелл и его люди были у Амбойны перехвачены голландцами, обвинившими их в пиратстве. Просидев несколько месяцев в тюрьме, большинство из команды Фаннелла вернулось в Европу, нанявшись матросами в голландские торговые караваны. (Как и сам Фаннелл, который на голландском корабле в августе 1706 г. возвратился в Англию.) В Лондоне он быстро подготовил книгу о своих плаваниях, которая под заглавием «Кругосветное путешествие. Отчет об экспедиции капитана Дампира в Южные моря на корабле «Сент-Джордж» в 1703 и 1704 гг., написанный Уильямом Фаннеллом, помощником капитана Дампира» вышла в свет в 1707 г. Подражая стилю Дампира и немало позаимствовав из его сочинений, Фаннелл подвергал своего «шефа» резкой критике и обвинял в неудачах экспедиции. Вернувшись в конце 1707 г. на родину, Дампир ответил на книгу Фаннелла раздражительным памфлетом «Оправдание Дампиром своего путешествия в Южные моря на корабле «Сент-Джордж». С небольшими замечаниями по поводу химерического изложения господином Фаннеллом обстоятельств плавания, заслуживавшего более полного разбора». Полемика в печати была продолжена гардемарином Уэлбом (выступившим с «Ответом на оправдание капитана Дампира»), который занял сходную с Фаннеллом позицию и столь же недоброжелательно высказывался по поводу того, как Дампир руководил экспедицией.

³¹⁵ *Rogers W. A Cruising voyage round the world: first to the South-Seas, thence to the East-Indies, and homewards by the Cape of Good Hope.* London: Printed for A. Bell and B. Lintot, 1712. Губернатор британских Багамских островов, объявивший войну пиратству, Вудс Роджерс (1679–1732) был известным приватиром и в 1708–1711 г. руководил кругосветным плаванием, во время которого разграбил испанское побережье Южной Америки и пытался захватить манильские галеоны (см. о нем: *Cordingly D. Spanish gold captain Woodes Rogers and the pirates of the Caribbean / D. Cordingly.* London; New York: Bloomsbury, 2011).

³¹⁶ *Cooke E. A Voyage to the South Sea, and round the world, perform'd in the years 1708-11. By the ships Duke and Dutchess of Bristol. Containing a Journal of All Memorable Transactions. A Description of the American Coasts, from*

Джеймса Келли,³¹⁹ и моряков, оставивших воспоминания о своих плаваниях (Антонио Пигафетты,³²⁰ Яна Стрейса,³²¹ Яна Хёйгена ван Линсхотена,³²² графа де Форбена,³²³ Эдварда Коксера³²⁴, Генри Тионжа³²⁵, Эдварда Барлоу³²⁶). Особое место занимали в нашей работе материалы, касающиеся английских приватирских рейдов конца XVII в.: воспоминания, оставленные участниками плаваний Ф. Дрейка (его племянником Френсисом Дрейком, Фрэнсисом Флетчером,

Tierra Del Fuego to California. Amsterdam; New York: Nico Israel, Da Capo, 1971 (facsimile reprint of 1712 London Edition). Эдвард Кук участвовал в плавании В. Роджерса и был помощником на корабле «Датчисс».

³¹⁷ Уроженец Бордо, Франсуа Массерти в 1686 г., по-видимому, оказался среди 80 флибустьеров, которые в заливе Самана (о. Гаити) сели на борт корабля «Сен-Николас» из Флиссингена, захваченного капитаном Лесажем. В 1687–1693 гг. Массерти участвовал в экспедиции французских флибустьеров в Южное море (Тихий океан). На обратном пути, когда пираты зашли в Кайенну (Французская Гвинея), Массерти выбрали командиром корабля. В сентябре 1694 года вернулся во Францию, в Ла-Рошель. Позже перебрался в Бордо, где интендант Мишель Бегон (при посредничестве М. Ломбара) снял копию с дневника, который Массерти вёл во время своих плаваний. Дневник Франсуа Массерти см.: *Rectoran P. Corsaires basques et bayonnais...* (в русском переводе: *Мерьен Ж.* Энциклопедия пиратства. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 1999).

³¹⁸ Жан Дубле (1655–1728) – французский корсар родом из Онфлера, совершавший плавания в Атлантическом океане к Ньюфаундленду, Вест-Индии, побережью Гвинеи, обошедший тихоокеанское побережье Южной Америки вдоль берегов Аргентины и Чили, ходивший с корсарскими рейдами в Балтийском и Средиземном морях. Оставил после смерти рукопись воспоминаний, названных «Вахтенный журнал» («Journal de bord»). В 1883 г. нормандский историк Шарль Бреар подготовил записки Дубле к изданию, опубликовав их в издательстве «Charavay frères» (*Doublet J. Journal du corsaire Jean Doublet de Honfleur, lieutenant de frigate sous Louis XIV. Publié d'après le manuscrit autographe avec introduction, notes et addition par Charles Bréard. Paris: Charavay Frères Éditeurs, 1884*). Мы пользовались современным изданием воспоминаний Дубле, подготовленных Ивоном Ле Козанне и Жераром Дюкаблем (*Le corsaire du Roi-Soleil / Éd. par Yvon Le Cozannet et Gérard Ducable. Paris: Éditions du Rocher, 1990*). О Дубле см.: *Villiers P. Jean Doublet, à Dunkerque au temps de Louis XIV, corsaire ou officier du roi // Les tyrans de la mer... P. 163–186*.

³¹⁹ *Kelly J. A full and true discovery of all the robberies, piracies, and other notorious actions, of that famous English pirate, capt. James Kelly, who was executed on friday the 12th of July 1700. With an account of his joining with Capt. Kidd, and other remarkable pirates in several parts of the world: with all the most material passages of his life, to the time of his death. London: J. Johnson, 1700.*

³²⁰ *Пигафетта А.* Путешествие Магеллана / Вступ. ст. Я. М. Света. М.: Мысль, 2000.

³²¹ *Стрейс Я. Я.* Три достопамятных и исполненных многих превратностей путешествия / Пер. Э. Бородиной. Ред. А. Морозова. Введ. А. Гайсеновича. М.: ОГИЗ-Соцэкгиз, 1935.

³²² *Van Linschoten, J. H. The Voyage of John Huygen van Linschoten to the East Indies: from the Old English translation of 1598 : the first book, containing his description of the East: Vol. I–II / Edited, the first volume by the late Arthur Coke Burnell; the second volume by Mr. P.A. Tiele. London: The Hakluyt Society, 1885.*

³²³ *Forbin C. de. Mémoires du comte de Forbin, chef d'escadre, chevalier de l'ordre militaire de Saint Louis. T. II. Marseille: Jean Mossy, 1781.*

³²⁴ *Coxere E. Adventures by Sea of Edward Coxere / Ed. by E.H.W. Meyerstein. Oxford: The Clarendon Press, 1945.*

³²⁵ *Teonge H. The Diary of Henry Teonge, Chaplain on board H. M.'s Ships Assistance, Bristol, and Royal Oak, 1675–1679 / Ed. with an Introduction and Notes by G. E. Manwaring. New York; London: Harper and Brothers, 1927.*

³²⁶ *Barlow E. Barlow's Journal of His Life at Sea in King's Ships, East and West Indiamen and Other Merchantmen from 1659 to 1703 / Transcribed from the Original Manuscript by Basil Lubbock. Vol. I–II. London: Hurst and Blackett, 1934.*

португальским лоцманом Нуньо да Сильвой³²⁷), Филипом Николсом,³²⁸ Хоукинсов,³²⁹ а также материалы, связанные с деятельностью Уолтера Рэли.³³⁰

Однако, описания, оставленные путешественниками и моряками, разумеется, несут на себе специфику профессии, и при анализе обстановки в Испанской Америке неоценимую помощь оказывают воспоминания людей, не имевших прямого отношения к морским делам. Среди них, в первую очередь, обзорные собрания сведений о морских путешествиях англичан в XVI – XVII вв., собранные Ричардом Хаклюйтом-младшим³³¹ и Сэмюэлем Пэрчесом³³², труды Лапоплиньера,³³³ Жана Фурнье,³³⁴ труды путешественников, посетивших в XVII–XVIII вв. Америку и Вест-Индию: Берналя Диаса,³³⁵ Кабеса де Ваки,³³⁶ Самюэля де Шамплейна,³³⁷ Жана де Лаона, сьера д’Огремона,³³⁸ испанского священника Бартоломео де Лас Касаса,³³⁹ доминиканских монахов Жана-Батиста дю Тертра,³⁴⁰

³²⁷ *Drake F.* The World Encompassed by Sir Francis Drake, Being His Next Voyage to That to Nombre de Dios. Collated with an Unpublished Manuscript of Francis Fletcher, Chaplain to the Expedition / Ed. with Appendices illustrative of the same voyage, and Introduction, by William Sandys Wright Vaux. London: The Hakluyt Society, 1856.

³²⁸ *Nichols Ph.* Sir Francis Drake Revived. New York: Collier and Son Company, 1910.

³²⁹ The Hawkins voyages during the reign of Henry VIII, queen Elizabeth and James I / Ed. with an Introduction by Clements R. Markham. London: Hakluyt Society, 1878. Названное издание включает также описание плавания племянника Джона Хоукинса Ричарда (The Observations of Sir Richard Hawkins, Knight, in His Voyage into the South Sea in the Year 1593 / Ed. by C. R. Drinkwater Bethune. London: Hakluyt Society, 1847).

³³⁰ *Рэли У.* Открытие обширной, богатой и прекрасной Гвианской империи с прибавлением рассказа о великом и золотом городе Маноа / Пер. с англ., вступ. ст., и комм. А. Д. Дрицко. М.: Географгиз, 1963. Raleigh W. Selected Writings / Ed. by Gerald Hammond. New York: Viking Penguin, 1986. Описание последнего плавания Рэли на поиски Эльдорадо см.: Last Voyages...

³³¹ *Hakluyt R.* The Principall Navigations Voiages and Discoveries of the English Nation... Imprinted at London, 1589 / A Photo-Lithographic Facsimile with an Introduction by David Beers Quinn and Raleigh Ashlin Skelton and with a New Index by Alison Quinn. Vol. I–II. Cambridge: Cambridge University Press for Hakluyt Society and Peabody Museum of Salem, 1965.

³³² *Purchas S.* Hakluytus Posthumus, or, Purchas His Pilgrimes. Containing a history of the world, in sea voyages and land-travells, by Englishmen and others. Vol. I–IV. London: William Stansby for Henrie Fetherstone, 1625.

³³³ *La Popellinière (Lancelot Voisine de).* Les Trois Mondes. Édition établie et annotée par Anne-Marie Beaulieu. Genève: Librairie Droz, 1997.

³³⁴ *Fournier G.* Hydrographie contenant la théorie et la pratique de toutes les parties de la navigation. Paris: Jean Dupuis, 1667.

³³⁵ *Диас Б.* Записки солдата / Пер. Д. Н. Егорова. М.–Л., 1932.

³³⁶ *Кабеса де Вака А. И.* Кораблекрушения / Пер. с исп., предисл. и комм. Ю. В. Ванникова. М.: Мысль, 1975.

³³⁷ *Champlain S.* Narrative of a Voyage to the West Indies and Mexico in the Years 1599–1602 / Ed. by Alice Wilmore and Norton Shaw. London: Hakluyt Society, 1857.

³³⁸ *Laon J. de.* Relation des voyages des François fait au cap du Nord en Amérique. Paris: Pierre David, 1654.

³³⁹ *Лас Касас Б. де.* История Индии / Пер. с исп. Д. П. Прицкер и др. Изд. подготовили В. Л. Афанасьев и др. Л.: Наука, 1968.

³⁴⁰ *Tertre J.-B. du.* Histoire générale des Antilles habitées par les Français. T. I–IV Paris: Thomas Jolly, 1667–1671; *Idem.* Histoire générale des isles des S. Christophe, de la Guadeloupe, de la Martinique et autres dans l’Amérique. Paris; J. Langlois, 1654.

Жана-Батиста Лаба³⁴¹ и Томаса Гейджа,³⁴² юриста и протестантского пастора Сезара де Рошфора,³⁴³ Козимо Брунетти,³⁴⁴ Франсуа Легуа.³⁴⁵ В названных работах перед исследователем предстает панорамная картина морских плаваний, этнографии, быта и повседневности Антильских островов, а собственно феномен морского разбоя рассматривается сторонними наблюдателями, оказавшихся невольными свидетелями его проявлений. Одним из подобных «свидетелей» оказался и известный авантюрист Филипп де Жантиль, маркиз де Лангалери, I барон де Сантонж, претендовавший на роль пиратского вожака с Мадагаскара и оставивший чрезвычайно важные свидетельства о своих похождениях.³⁴⁶

Совершенно особое место среди источников по истории пиратства занимает книга Капитана Чарльза Джонсона ««Всеобщая история грабежей и смертоубийств, учиненных самыми знаменитыми пиратами, а также их нравы, порядки и управление с самого их начала и появления на острове Провиденс в 1717 г. и до сего 1724 года» (далее: «Всеобщая история пиратов»),³⁴⁷ изданная в лондонской типографии Чарльза Ривингтона в 1724 г. В том же году Томас Уорнер выпустил дополненное и переработанное издание под другим названием: «Всеобщая история пиратов».³⁴⁸ Под последним названием книга Капитана Джонсона неоднократно переиздавалась. В 1728 г. Капитан Джонсон опубликовал второй том «Всеобщей истории пиратов», изложив историю морских разбойников,

³⁴¹ *Labat J.-B. de. Nouveau voyage aux Isles de l'Amérique. T. I–II. La Haye: Husson, 1724.*

³⁴² *Gage Th. English-American, his travail by sea and land; or, a new survey of the West Indies. London: R.Cotes, 1648.*

³⁴³ *Rocheport C. de. Histoire naturelle et morale des Iles Antilles de l'Amérique. Enrichie de plusieurs belles figures des raretez les plus considérables qui y sont décrites. Avec un vocabulaire Caraïbe. Rotterdam: Reinier Leers, 1681.*

³⁴⁴ *Brunetti C. Three Relations of the West India in 1659–1660 / Ed. by Susan Heller Anderson. Philadelphia: American Philosophical Society, 1969.*

³⁴⁵ *Leguat F. Voyage et aventures de François Leguat et de ses compagnons en deux îles des Indes orientales, 1690–1698 / Présenté par Jean-Michel Racault et Paolo Carile. Paris: Les Éditions de Paris, 1995.*

³⁴⁶ *Langalerie, marquise de. Mémoires du marquise de Langalerie, histoire écrite par lui-même dans la prison à Vienne en Autriche. La Hay: Daniel Ailland, 1753.*

³⁴⁷ *Captain Charles Johnson. A general history of the robberies and murders of the most notorious pyrates and also their policies, discipline and government, from their first rise and settlement in the Island of Providence, in 1717, to the present year 1724. With the remarkable actions and adventures of two female pyrates, Mary Read and Anne Bonny. London: Ch. Rivington, 1724. 320 pp.*

³⁴⁸ *Captain Charles Johnson. A General history of the pirates from their first rise and settlement in the Island of Providence, to the present time. With the remarkable actions and adventures of two female pyrates. Mary Read and Anne Bonny. London: T.Warner, 1724. 420 pp.*

действовавших в Индийском океане и возле Мадагаскара.³⁴⁹ Написанная живым и простым языком, «Всеобщая история пиратов» представляет собой своего рода сборник биографий знаменитых пиратских главарей конца XVII–начала XVIII вв.: Эвери, Тича Черной Бороды, Бартоломью Робертса, Хауэлла Дэвиса, Эдварда Лоу, Фаррингтона Сприггса и других.

Странная противоречивая книга, в которой удивительным образом переплетены действительные события и авторский вымысел, «Всеобщая история пиратов» Капитана Джонсона превратилась в настоящий бестселлер своего времени и по сей день переиздается на разных языках. Поиск ее автора затянулся на два с лишним века. В 30-х гг. XX века исследователь творчества английского писателя Даниеля Дефо профессор Чикагского университета Джон Роберт Мур высказал предположение, что псевдоним принадлежал автору бессмертных морских приключенческих романов «Робинзон Крузо», «Жизнь и пиратские приключения славного капитана Синглтона» и «История полковника Джека».³⁵⁰ Во многих произведениях Дефо мистифицировал читателей, скрываясь под различными псевдонимами или ведя повествование от лица вымышленных персонажей. Уместно вспомнить, что о «Приключениях Робинзона Крузо» поведал «моряк из Йорка», а «Историю войн Карла XII» создал «шотландский офицер, находящийся на шведской службе». Автором «Беспристрастной истории жизни и деятельности Петра Алексеевича» оказался некий «британский офицер, находящийся на царской службе», тогда как «Радости и горести Моль Фландерс» написаны от женского имени. Среди многочисленных «масок» этого неутомимого и скандального писателя-журналиста («Эндрю Мортон, эсквайр», «Капитан Джордж Робертс», «Т. Тэйлора» или «Гелиофраполис, секретарь императора Луны»), вполне мог оказаться и псевдоним «Капитан Чарльз Джонсон». По

³⁴⁹ В нашей работе мы пользовались репринтным изданием, подготовленным к печати Мануэлем Шонхорном в 1972 г. и объединившим оба тома пиратской эпопеи Капитана Джонсона: 4-е издание первого тома (1726 г.) и второй том (1728 г.): *Captain Charles Johnson (Defoe D.) A general history of the robberies and murders of the most notorious pirates / Ed. by Manuel Schonhorn. Columbia: University of South Carolina Press, 1972. 717 pp.* Далее: *Captain Charles Johnson A general history of the pirates.*

³⁵⁰ См.: *Moore J. R. Defoe in the Pillory and Other Studies. Bloomington: Indiana University, 1939; Idem Daniel Defoe. A Citizen of the Modern World. Chicago: University of Chicago Press, 1958.*

мнению сторонников этой версии, Дефо подошел к написанию своей книги как настоящий историк-исследователь.³⁵¹ В его распоряжении находились, законодательные акты и официальные сообщения, связанные с организацией «войны» правительства против пиратов (например, тексты прокламаций о мерах, направленных к искоренению пиратства, губернаторов Александра Спотсвуда и Вудса Роджерса). Он широко использовал публиковавшиеся в прессе сообщения о захвате пиратских судов³⁵² и отчеты о судебных процессах над бандитскими шайками Стида Боннета (1719 г.), Джона Рэкема, Уолтера Кеннеди (1721 г.), Бартоломею Робертса (1722 г.), Эдварда Лоу (1723 г.), Джорджа Лоутера (1724 г.) и Уильяма Флая.³⁵³ При подготовке, например, биографии Тича Черной Бороды Дефо пользовался сообщениями о начальных эпизодах его пиратской «карьер», которые опубликовали лондонские и бостонские газеты в 1717–1718 гг.³⁵⁴

Помимо материалов периодической печати, Дефо черпал сведения из воспоминаний и дневников, в которых рассказывалось об истории отдельных пиратов, например, мемуаров повешенного Джеймса Келли, изданных его вдовой в Лондоне и о преследовании их властями. К числу последних можно отнести отчеты Ричарда Лэзенби, захваченного пиратом Эдвардом Ингландом в марте 1722 г., записку о пирате Лоу капитана Скота из Ливерпуля или рассказ капитана Хоукинса, вынужденного провести несколько недель на борту пиратского судна капитана Сприггса. Крайне важен круг информаторов Дефо, который, в соответствии с сегодняшними представлениями историков, можно было бы поместить в разряд материалов «устной истории». Дело в том, что известный своей журналистской деятельностью Дефо часто встречался с людьми, далекими от литературного творчества или по ряду причин не имевшими желания или

³⁵¹ См. подробнее: Schonhorn M. Introduction // *Captain Charles Johnson A general history of the pirates*. P. xxii–xl.

³⁵² Например, отчет капитана Челонера Огла о захвате Бартоломею Робертса (An Account of the trial of all the pyrates lately taken by Captain Ogle // *The Daily Courant*. 1723. 20 February).

³⁵³ См.: *The tryals of major Stede Bonnet and other pirates...* London: Benj. Cowse, 1719; *Tryals of captain John Rackam and other pirates...* Jamaica: Robert Baldwin, 1721; *Tryals of thirty-six persons for piracy ... held at Newport...* Boston: Samuel Kneeland, 1723; *The tryals of sixteen persons for piracy*. Boston: Joseph Edwards, 1726. Отчеты о процессах Кеннеди и Лоутера были опубликованы соответственно в «*The Weekly Journal*» 29 июля 1721 г. и «*The Post-Boy*» 23 мая 1724 г.

³⁵⁴ *The Weekly Journal*. 1717. 5 Oct.; 1718. 1 March; *Boston News-Letter*. 1718. June–July; 1719. February–March.

возможности «делиться» имеющимися у них сведениями. Он, по-видимому, был лично знаком с участниками знаменитых пиратских рейдов Бартоломью Шарпом, Лайонелом Уофером, Томасом Филиппсом, Уильямом Дампиром, Эдвардом Куком. В тюрьме Маршалсия он взял интервью у захваченного Дэвисом в 1719 г. моряка Томаса Джонса, который затем плывал вместе с пиратами Робертсом, Энстисом и Дэвисом. Лейтенант Исаак Сан, боцман Ральф Бэлдрик и помощник капитана Даниел Маклафлин рассказывали писателю о своем участии в экспедиции против «Черного Барта» Робертса. Дефо связывали общие интересы с участвовавшим в преследовании Робертса сержантом Джоном Аткинсом с фрегата «Веймут», впоследствии написавшим книгу о плавании в Гвинею, Бразилию и Вест-Индию и упомянувшем в ней о своей помощи Дефо.³⁵⁵ Кроме того, Дефо был хорошо знаком с бывшим руководителем самой известной английской приватирской экспедиции в Южных морях и губернатором Багамских островов Вудсом Роджерсом, и, по-видимому, помогал ему при написании книги об этом плавании.³⁵⁶ Взамен Дефо получил немало сведений от организатора борьбы с пиратством в Вест-Индии, в частности материалы судебного процесса на Нью-Провиденсе по делу Чарльза Вэйна³⁵⁷ и, возможно, протоколы касательно банды Джона Огера и Денниса Маккарти.³⁵⁸ Более того, Дефо входил в круг близких знакомых Роджерса, среди которых были известный картограф Герман Молл, писатель Джонатан Свифт, историк Денис Рейнхарт и упоминавшийся уже Уильям Дампир. Все они имели прямое отношение к морским делам и разрабатывали планы защиты британской торговли в Южных морях. Бывший торговец и, разумеется, человек, тесно связанный с коммерческими компаниями, ведущими дела в Америке и Африке, Дефо, по-видимому, мог также получать нужную ему

³⁵⁵ Moore J. R. Defoe, Selkirk and John Atkins // Notes and Queries. 1940. Vol. CLXXIX. P. 436–438. Аткинс также передал писателю копии протоколов судебных заседаний по делу команды Робертса, состоявшихся в феврале 1722 г. (*Schonhorn M* Introduction... P. xxxii).

³⁵⁶ См. подробнее: *Little B. Crusoe's captain: being the life of Woodes Rogers, seaman, trader, colonial governor*. London: Odhams Press, 1960. P. 154–158.

³⁵⁷ *Captain Charles Johnson A general history of the pirates*. P. 673.

³⁵⁸ The trial of the pyrates, who were executed at Providence // *Captain Charles Johnson A general history of the pirates*. P. 576–592.

информацию из их лондонских филиалов и непосредственно от своих корреспондентов, с которыми вел активную переписку.

Говоря об авторстве Дефо, нельзя, впрочем, забывать, что «Всеобщая история пиратства» представляет собой полный мифологии труд, содержащий вымышленные истории и своеобразно расставляющий акценты при описании событий. Чего стоит одно только описание внешности Тича, ставшее хрестоматийным в многочисленных биографиях этого разбойника, словно воплотившего в себе все зло пиратского мира. «Физиономию капитана Тича... сплошь покрывала густая растительность, сразу приковывавшая взгляды. На Америку эта борода наводила ужас... Цвета она была черного, и хозяин довел ее до таких чудовищных размеров, что казалось, будто волосы растут прямо из глаз. Тич имел обыкновение заплетать ее в маленькие, перевитые ленточками косички... и закидывать их за уши. Во время сражения он вешал на каждое плечо широкую перевязь с тремя парами пистолетов в кобурах и втыкал под шляпу запальные фитили, так что они свисали, едва не касаясь щек. Его глаза от природы были лютыми и дикими. Невозможно представить себе фигуру более жуткую, нежели этот одержимый бесом человек, сравнимый разве что с фурией из ада...» В реальности же внешность Тича выглядела не столь живописно, и те, кто плывал вместе с ним, вспоминали о пирате в куда более будничных тонах. В декабре 1717 г. южнее Пуэрто-Рико в руки Тича попало торговое судно «Маргарет» с Сент-Кристофера. Его капитан Генри Босток провел восемь часов на корабле Тича, а затем был отпущен. В данных им свидетельских показаниях чернобородый пират предстает «высоким худощавым человеком с длинной черной бородой».³⁵⁹ Оценивая пиратское ремесло, простые моряки, командиры торговых судов, привыкшие к суровой жестокости морских будней, отнюдь не придавали ему демонических черт, свойственных восприятию пиратства сухопутным «цивилизованным» миром.

³⁵⁹ Moore D. D. A General History of Blackbeard the Pirate, the "Queen Anne's Revenge" and the «Adventure» //http://www.ah.dcr.state.nc.us/gar/HISTORY/history1.htm. P. 2.

Предполагаемый же автор «Всеобщей истории пиратов», не раз высказывавший самые радикальные политические взгляды, принадлежал к числу наиболее «скандальных» и «темных» фигур литературной Англии и «прославился» на ниве политики, выступая одним из идеологов партии вигов, а также возглавляя «секретную службу» правительства тори Роберта Харли.³⁶⁰ В настоящее время большинство ученых продолжают разделять точку зрения Мура, хотя прямых доказательств авторства Дефо не обнаружено.³⁶¹ Аргументы Мура вызывают сомнения и у авторитетных исследователей англо-американского пиратства начала XVIII века М. Ридикера³⁶² и Д. Кордингги.³⁶³ В новом обрамлении частично реанимируется версия историка пиратства Ф. Госса, который в «Предисловии» к изданию Капитана Джонсона 1925 г. высказал предположение, что автором книги был бывший пират. Более того, высказывается гипотеза, не был ли Капитан Джонсон реально существовавшим капитаном торгового флота или капером, который, наподобие знаменитого пирата-географа Уильяма Дампира, не считал нужным скрываться под псевдонимом.

В целом, тема настоящего исследования хорошо обеспечена разнообразными архивными и опубликованными материалами, которые в комплексе дают возможность достаточно полно проанализировать и охарактеризовать пиратство XVI – XVIII вв. как феномен международных отношений и социальный институт, а также особенности политики, проводимой военно-морскими державами по отношению к морскому разбою.

³⁶⁰ См. подробнее: *Каменский А. В.* Даниель Дефо, автор «Робинзона Крузо». Его жизнь и литературная деятельность. СПб.: Общественная польза, 1892; *Доптон П.* Жизнь и приключения Даниеля Дефо — автора «Робинзона Крузо». М.-Л., 1926; *Урнов Д. М.* Дефо. М.: Наука, 1978; *Черняк Е. Б.* Секретная дипломатия Великобритании. Из истории тайной войны. М.: Международные отношения, 1975; *Лабутина Т. Л.* Даниель Дефо, автор «Робинзона Крузо». Его общественно-политические воззрения // Новая и новейшая история. 1986. № 1; *Nicholson V.* The Historical Sources of Defoe's Journal of the Plague-Year. Boston: Stratford, 1919; *Sutherland J.* Defoe. London: Longmans, Green, 1954; *Shinagel M.* Daniel Defoe and Middleclass Gentility. Cambridge: Harvard University Press, 1968; *Schonhorn M.* Defoe's Politics: Parliament, Power, Kingship and Robinson Crusoe. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1991; *Novak M. E.* Daniel Defoe: Master of Fictions: His Life and Ideas. Oxford, New York: Oxford University Press, 2001; *Souhami D.* Selkirk's Island: The True and Strange Adventures of the Real Robinson Crusoe. New York: Harcourt, 2002.

³⁶¹ *Furbank P. N., Owens W. R.* The Canonization of Daniel Defoe. New Haven and London: Yale University Press, 1988. P. 100–121.

³⁶² *Rediker M.* Libertalia: the Sailor's Lot... P. 60; *Idem.* Villains of All Nations... P. 180.

³⁶³ *Captain Charles Johnson.* A general history of the robberies and murders of the most notorious pirates / With an Introduction and Commentary by David Cordingly. London: Conway Maritime Press, 2002. P. XII–XIV, 365, 366.

ГЛАВА ВТОРАЯ МОРСКОЙ РАЗБОЙ: ПОНЯТИЯ И ТЕРМИНОЛОГИЯ

§ 1. ПОНЯТИЙНЫЕ ГРАНИЦЫ ОБЪЕКТА «МОРСКОЙ РАЗБОЙ»

Неоднозначность трактовок понятий капер, корсар, приватир и пират заставляют сделать необходимые пояснения, связанные с интерпретацией и применением используемой нами терминологией. Вынесенное в название работы понятие «морской разбой» подразумевает, с одной стороны, совокупность разнообразных форм частного предпринимательства, связанных с захватом призов, а, с другой стороны, представляет собой сложное многоаспектное явление, характеризующееся разнообразными регионально-географическими и юридически-правовыми аспектами. При понятийном анализе данного феномена следует учитывать ряд важных моментов. Во-первых, веками укоренившуюся в европейских морях со времен античности стратегию «охоты за призами», которая с началом Нового времени и развернувшейся войной за передел мира получила благоприятные источники для своего развития и трансформировалась в одно из важнейших средств агрессивной колониальной политики. Во-вторых, применяемые нами понятия морского разбоя невозможно анализировать без учета уникальной международной обстановки, сложившейся в эпоху Великих географических открытий, отличительными чертами которой выступала монополия пиренейских держав на заморские территории. Огромные территории всемирных католических империй обусловили формирование специальных зон «неполного контроля», открытых для конкурентного проникновения Франции, Англии и Нидерландов. Подобная ситуация создала благоприятную почву для активизации каперско-пиратского бизнеса, основанного на вторжении в монопольные зоны политических конкурентов, захвате кораблей, перепродаже взятых товаров и контрабанде. В-третьих, необходимо учитывать специфические отношения между маргинальными группировками морских добытчиков и государственными властями, прагматично использующими нерегулярные и

зачастую неподконтрольные им вооруженные формирования в интересах колониальной экспансии и предоставлявшими им официальные лицензии на захват торговых судов.

Неоднозначность и двойные смыслы терминологии коррелируют также с неоднозначностью пиратства как сложно организованного социума. Достаточно напомнить, что периоды бескомпромиссного кровавого преследования государственной властью маргинальной вольницы всегда сменялись тихим и мирным сосуществованием с вольными добытчиками и прагматичным использованием их в державных интересах. С особой очевидностью это проявлялось на пересечении геополитических сфер влияния, в периферийных зонах, находившихся на «сумеречных» окраинах колониального мира, где сталкивались интересы различных военно-морских держав и государственные границы как таковые оказывались крайне размытыми. Для Англии, Нидерландов и Франции подобными зонами стали пространства «Испанского моря», простиравшегося от Кадиса до Манилы. Средиземное море, еще со времен античности являвшееся ареной морского разбоя, на заре Нового времени превратилось в зону острого конфликта между христианским и мусульманским мирами. В борьбе за Черное море столкнулись интересы Османской империи, Речи Посполитой и Московского царства. В результате геополитических столкновений сформировались такие специфические формы морского разбоя как корсарские республики Алжира, Сале и Туниса, Запорожская Сечь, вольница адриатических ускоков, японские вако и индийские маратхи, тесно вовлеченные в орбиты государственных интересов.

Двойной ракурс сложившейся ситуации ловко использовали в своих интересах обе заинтересованные стороны. Власти, прекрасно осознавая, сколь опасно иметь в своих владениях вооруженных маргиналов, умело ими манипулировали и направляли столь удачно подвернувшиеся людские ресурсы в нужном направлении и с помощью нерегулярных военизированных формирований вытесняли конкурентов, а затем делили и «поглощали»

периферийные приграничные зоны. Тем более, что, при необходимости, их можно было использовать в качестве идеальной мишени для демонстрации своего стремления покарать зло. Разбойников, за исключением тех, кто попадал на виселицы, такое положение дел тоже вполне устраивало. Отсутствие четких правил игры только подогревало их агрессивность, давая возможность широкого маневра и шантажа власти, с которой они были тесно связаны финансовыми и политическими интересами.

✓ Таким образом, морской разбой никогда не было абстрактным понятием, он всегда принимал конкретные формы, варьирувавшиеся в зависимости от территории, правовых рамок и конкретных условий, в которых действовали разбойники. Из довольно запутанного терминологического перечня трансформаций, которые претерпело архаичное понятие «пират», сегодня достаточно затруднительно выделить наиболее употребительный вариант, который бы в раннее Новое время применялся подданными различных государств по отношению к морским разбойникам. Разумеется, современникам вряд ли составляло труд понять о ком пишет, например, 18 июня 1716 г. французский интендант на Сан-Доминго Жан-Жак Митон де Сенвиль, употребляя определение «негодяи по профессии». Получатель письма, губернатор Ямайки лорд Арчибальд Хэмилтон, из контекста послания вряд ли усомнился, что речь идет о пиратах.³⁶⁴ Однако, понимание и употребление понятий не всегда тождественны: «негодяями по профессии» вполне могли оказаться и просто нищие-попрошайки. Попробуем проанализировать понятийные границы объекта, именуемого «морской разбойник».

В Европе распространенными вариантами для обозначения морского разбойника, бандита были *pirate*, *écumeur de mer*, *corsaire*, *ladrone*, *brigand*, *forban*, *pillard*, *flibustier* — и все люди, получившие подобные наименования, воспринимались подданными различных европейских государств совершенно не

³⁶⁴ Calendar of state papers. Colonial Series. America and West Indies, 1660–1738 / Ed. by Cecil Headlam. Vol. XXIX London, 1930. № 308i.

одинаково. Для испанцев, к примеру, любые моряки, контрабандисты, колонисты, торговцы, проникшие в закрытые для европейцев испанские моря, — «люди вне закона», пираты, разбойники, *ladrones*. Разумеется, сами европейские «пришельцы», отнюдь не всегда появлявшиеся в испанских или португальских морях для грабежа, воспринимали себя в ином качестве.

Самобытный социум морских разбойников, структурно напомилавший наемнические армии, не поддается четкой иерархизации и формальному разграничению, и используется нами в качестве собирательного понятия. Тем более, что сегодня вряд ли возможно адекватно представить языковую среду, в которой формировались понятия, применяемые по отношению к морскому разбою. В лучшем случае в нашем распоряжении оказываются тексты, верные академическим интеллектуальным традициям, в которых доминирует «ученая» составляющая.³⁶⁵ Мы можем лишь предположить, что созвучнее другим слову «пират» в XVI–XVII вв. было *франц.* *forban*, к которому по смыслу в общем близки «бандит», «разбойник». Происходя от *старо-франц.* *forbannir, firbannjan* — «изгонять, отправлять в ссылку», — слово «форбан» буквально означало некоего «изгоя», отринутого обществом человека, пустившегося ради обогащения на вооруженный морской грабеж и ставшего пиратом. В переписке колониальных администраторов этих беспринципных грабителей именовали форбанами³⁶⁶ и пиратами. Они, по словам губернатора французского Сан-Доминго Ж.-Б. Дюкасса, «подкупают королевских солдат»,³⁶⁷ и в самое короткое время после известия об окончании войны с Аугсбургской коалицией число форбанов многократно увеличивается. По оценкам его преемника на посту губернатора Сан-Доминго (1700–1703) Жозефа д’Онона де Галифе число дезертиров подскочило с 20 человек до четырехсот.³⁶⁸ Правитель было попытался помешать формированию

³⁶⁵ См., например: *Turcan I. Les corsaires et flibustiers de la lexicographie française // Les tyrans de la mer. Pirates, corsaires et flibustiers / Textes réunis par Sylvie Requemora et Sophie Linon-Chipon. Paris: Presses de l’Université de Paris-Sorbonne, 2002. P. 13 – 42.*

³⁶⁶ Предположительно первым, кто применил это слово, был королевский правитель острова Ла Ваш Жан Легоф, сьер де Борегар, сам бывший флибустьер, участник походов де Графа и помощник Дюкасса.

³⁶⁷ Донесение Дюкасса от 19 марта 1700 г. (Archives Nationales. Colonies. C 9. A 5. F. 39).

³⁶⁸ Донесение де Галифе от 29 марта 1700 г. (Archives Nationales. Colonies. C 9. A 5. F. 71).

бандитских шаяк. В своем донесении от 10 октября 1700 г. он представил министру широкую программу проведенных им мероприятий: «Я отправлял отряды солдат и местных жителей на все причалы, чтобы помешать им (пиратам. – Д.К.) поднимать людей и приказал опубликовать, что предоставлю свободу, два бочонка муки, инструмент, ткани и место тем добровольцам, которые заявят мне о сделанных им предложениях стать форбанами и окажут помощь в их поимке».³⁶⁹ В одном из своих рапортов он сообщал, что отправил разбойникам «письмо с увещеванием отказаться от столь презренного ремесла». Из полученного ответного письма де Галифе узнал, что пираты «еще недостаточно наплавались, что они ничего не отнимали у французов, не расплатившись с ними, что они хотели бы пополнить свои ряды новыми людьми...»³⁷⁰

Подчиненный Галифе, правитель французского Леогана Жан-Жозеф де Брак д'Эльбо в своем рапорте от 20 февраля 1700 г. близок к панике: «Форбаны продолжают полностью разорять торговлю. Не осталось почти ни одного торгового судна, которое не было бы ими захвачено, а есть и такие, с которыми подобное происходило до трех раз. Всего у них семь кораблей: четыре французских и три английских. На самом мощном из французских всего 20 пушек и 120 человек. На остальных по 18, 14 и 12 пушек. На английских кораблях 32, 28 и 14 пушек. 28-пушечный не щадит никого, независимо от национальности. Он стоит возле Беата на юге острова. Форбаны совершают рейды от Французского мыса до острова Ла Ваш. Одни хотят идти в Красное море, другие – в Южное море. Месяц назад они попытались похитить корабль, стоявший на мысе в Пти-Гоав. Они встали на якорь и затем, попытавшись высадиться, поспешно вернулись на борт, так как местные жители открыли по ним огонь. Только что прибыли командиры трех торговых судов, которые были ограблены форбанами. Один из них из Дюнкерка. Форбаны захватили его корабль и все, что у него было, и дали ему лодку и 80 экю. Другой, это капитан Дююи из Ларошели, у которого они

³⁶⁹ Archives Nationales. Colonies. C 9. A 5. F. 137.

³⁷⁰ Ibidem.

захватили 60 бочек вина, зерно, часть съестных припасов и все вооружение, дав ему 600 бычьих шкур и кое-какие другие товары».³⁷¹

Католический священник Жан-Батист де Лаба, переживший нападение этих бандитов,³⁷² видел в «форбанах» самых настоящих «врагов государства», воров, вышедших в море без официального документа, позволяющего охотиться за призами. Этим отщепенцев «итальянцы называют бандитами, от слова *bando*, которое означает «эдикт» или «приговор», в соответствии с которыми их приговаривают к высылке и изгоняют из страны в качестве наказания».³⁷³ Эти форбаны были очень опасны. «Встреч с ними следует бояться, особенно если это испанцы, поскольку в большинстве своем все они мулаты, люди жестокие и лишенные рассудка, которые мало кому дают пощаду. Куда меньше риска попасть в лапы французам или англичанам — они более гуманны и с ними можно договориться; главное — избежать их первого приступа ярости, после чего с ними можно столкнуться и выпутаться из передраги».³⁷⁴

В ряде случаев конкретные традиции и понятия морской жизни, прочно укоренившиеся в сознании морского сообщества как связанные с разбоем, уходят корнями в старинные правовые установления. К числу наиболее любопытных отнесем *франц.* *pillage*. В более позднюю эпоху значение этого французского слова расширилось, и под определение *pillage* попал разбой, грабеж на море как таковой. Соответственно и производные его: *pillard* — «хищник, грабитель, громила»; *pillier* — «грабить, расхищать» — наделены смыслами некоего насильственного действия. Исторически же в понятии *pillage* заложен не столь уж однозначный контекст и обнаруживается старинная норма морского права, трансформировавшаяся в расширительно воспринятое понятие. *Pillage* восходит к *старо-франц.* *pille* — от *лат.* *pilleum* — «тряпка, лоскут, тряпье». Морской

³⁷¹ Archives Nationales. Colonies. C 9. A 5. F. 197.

³⁷² Он имел несчастье попасть в руки некоего форбана по имени Даниэль, который, по словам Лаба, «так и не нашел в себе решимости начать трудиться, после того, как корсарский промысел после Риевского мира был запрещен».

³⁷³ *Labat J.-B. de. Nouveau voyage aux Isles de l'Amérique*. Т. II. La Haye, 1724. P. 230.

³⁷⁴ *Ibid.*

обычай понимал под «пийяжем» разрешение экипажу на захват имущества, одежды, драгоценностей лиц, находившихся на взятом судне. Французские королевские ордонансы 1543 и 1584 гг. оговаривали, что сумма захваченного не могла превышать 10 экию.³⁷⁵

Та же двойственность присутствует и в другом понятии, *écumeur*, обычно переводимом как «пенитель (моря)» и подразумевающим пирата. И действительно, переводя *écumer les mers*, *écumer les côtes* как «пенить волны», «бороздить моря», мы придаем термину литературные коннотации, вслед за Виктором Гюго, писавшим об «отважных пенителях в море». Но *écumer* может также иметь значение «снимать пену, наживаться, захватывать, разграбить». Дополнительный подтекст для *écumer les mers* мы получим, сопоставив его с выражением *écumeur de marmites*, означающим лизоблюда или прихлебателя, ошивающегося вокруг стола и мечтающего «снять пенку». В конце концов, любой выходящий в море «пенит» и «бороздит» его волны, однако далеко не каждый занимается «снятием пенок» или, говоря иначе, попутно не прочь чем-нибудь поживиться. В существительном *écume* присутствует еще один любопытный нюанс. В широком смысле это «накипь, шлак, окалина», и, соответственно, *écumeur* уже выглядит как «морское отребье». Поэтическое «пенители волн» трансформировалось в определение морских разбойников, «морских лихоимцев», человеческую накипь.

§ 2. АНТИЛЬСКИЕ ВАРИАЦИИ: БУКАНЬЕРЫ И ФЛИБУСТЬЕРЫ

Наряду с пиратами не в меньшей степени на слуху всегда были буканьеры и флибустьеры. По сути дела, и те и другие — «географические разновидности» морских разбойников, а происхождение самих слов связано с историей Испанской Америки. Многочисленные пустынные острова Вест-Индии с конца XVI в. часто

³⁷⁵ *Édit sur l'amirauté du mois de Mars 1584 // Pardessus J. M. Collection des Lois Maritimes antérieures au XVIII-ème siècle. T. IV. Paris, 1837. P. 295–324.*

посещали моряки и искатели приключений, а затем на них начали перебираться европейские переселенцы. Они стремились сюда с разными намерениями: кто-то думал подзаработать на контрабанде, иные пришли пиратствовать, а кто-то мечтал поселиться подальше от законов и зажить вольно и независимо. Испанцы обходили стороной местные воды, своего рода глубинку испанских морей. Поток иммигрантов направлялся, главным образом, в Новую Испанию, Перу и другие континентальные районы испанских владений. Зоны же небольших островков, разбросанных вокруг Больших и Малых Антильских островов, оставались незаселенными. В условиях нарастающей экспансии «опоздавших к разделу мира» европейских держав этот цивилизационный вакуум пустовал недолго. Немало способствовали интересу к незанятым островам благодатный климат, обилие солнечных дней, живописные ландшафты с пустынными бухтами, разнообразные природные ресурсы, свободные, пригодные для плантаций территории, богатейший растительный и животный мир. Экипажи заходивших сюда судов нередко проводили на островах зиму. Постепенно перебравшийся из Европы колонист превратился в наиболее привычную фигуру на Антильских островах.

Многочисленные пустынные острова Вест-Индии с конца XVI в. часто посещали моряки и искатели приключений, а затем сюда начали перебираться европейские переселенцы. Они стремились сюда с разными намерениями – кто думал подзаработать на контрабанде, иные пришли пиратствовать, а кто-то мечтал поселиться подальше от законов и зажить вольно и независимо. Испанцы обходили стороной местные воды, своего рода глубинку испанских морей. Поток иммигрантов с Пиренейского полуострова направлялся, главным образом, в Новую Испанию, в Перу и в другие континентальные районы испанских владений. Пространственные же зоны небольших островков, разбросанных вокруг Больших и Малых Антильских островов, оставались незаселенными. В рамках государственной оборонительной программы испанцы возвели мощные оборонительные укрепления на Кубе, Санто-Доминго, в Пуэрто-Рико, Веракрусе и Картахене. Они также реконструировали и укрепили, поставив постоянные

гарнизоны, стратегически важные крепости Карибского моря, занимавшие ключевые позиции на полуострове Юкатан (Кампече), на подходах к Дарьенскому перешейку (Сан-Лоренсо в устье реки Чагрес, Портобело, остров Маргарита), на Терра Фирме (Санта-Мария и Рио-де-ла-Хача) и во Флориде (Сан-Августин)³⁷⁶.

Выполняя оборонительную программу, испанские власти исходили из необходимости обеспечить отдачу от вложенных финансовых и военных ресурсов. Расчет их был вполне прагматичен – укрепить безопасность американских торговых трасс путем максимальной концентрации средств на самых критических направлениях, при этом испанское правительство вынужденно оставляло без защиты стратегически менее важные объекты. И испанская стратегия приносила результаты. Корабли и порты на пути вывоза золота и серебра в Старый Свет оказались под охраной, и взять эти недоступные «призы» было невероятно трудно.

Однако американские трассы – это не только два испанских флота, т. н. «Панамские галионы» и «Флот Новой Испании» или крепости Веракрус, Картахена, Гавана, Панама. Военно-политические амбиции европейских держав уже не ограничивались интересом к путям транспортировки американских ценностей – на первый план начинали выходить геополитические устремления, и островные территории Карибского моря стали главной ставкой в колониальных войнах с Англией, Францией и Нидерландами.³⁷⁷ Испанцы, же, не прекращавшие бесконечную войну против местных индейских племен и беглых рабов, теперь столкнулись с новым противником, применявшим схожие методы партизанской

³⁷⁶ Об испанской колониальной империи см. подробнее: *Parry J. H.* The Spanish seaborne empire. New York: Alfred A. Knopf, 1966; *Hoffman P. E.* The Spanish Crown and the Defense of the Caribbean, 1535–1585: Precedent, Patrimonialism and Royal Parsimony. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1980; *Spate O. H. K.* Monopolists and freebooters. Canberra: Australian National University Press, 1983; *McAllister L. H.* Spain and Portugal in the New World, 1492–1700. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1984; *Elliot J. H.* Spain and its world, 1500–1700: Selected essays. Princeton: Princeton University Press, 1988.

³⁷⁷ Об имперской политике европейских держав в Америке см.: *Abbot W. C.* The expansion of Europe: a social and political history of the modern world, 1415–1789. 2 vol. New York: F. S. Crofts and Co, 1938; *Folz R.* The concept of empire in Western Europe from the fifth to the fourteenth century. London: Edward Arnold, 1969; *Pagden A.* Lords of all the world: Ideologies of empire in Spain, Britain and France, c. 1500–c. 1800. New Haven: Yale University Press, 1995; *Armitage D.* The idealogical origins of the British empire. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

войны.³⁷⁸ Переселявшиеся в Вест-Индию европейцы очень быстро обнаружили самые уязвимые пункты на трассах транспортировки испанских сокровищ. Их целью становились изолированные города и поселения, рассредоточенные по обширному пространству Антильских островов и Испанского Мэйна, а также каботажные торговые суда, двигавшиеся без столь внушительного конвоя. В итоге получилось, что испанская концепция защиты «более дорогого» дала трещину в самых «тонких» местах. Пространство этих уязвимых мест все расширялось, правительство метрополии постепенно теряло рычаги управления над испанскими морями, а европейские державы руками колонистов закрепляло за собой новые территории. Эти переселенцы и превратились в своего рода «солдат» антильских армий, которые расчистили Карибское море для Франции, Англии и Республики Соединенных Провинций.

Основная часть этих вооруженных людей – «перемещенные лица», ставшие наиболее привычными фигурами на Антильских островах (Ямайка, Тортуга, Эспаньола, Невис, Сент-Кристофер, Гваделупа, Мартиника и др.). Среди переселенцев оказывалось немалое число людей, в глазах закона более чем подозрительных: беглые преступники и рабы, солдаты-дезертиры, матросы, жертвы кораблекрушений, нищие, бродяги, разорившиеся торговцы, авантюристы различных мастей. Вся эта разношерстная вольная публика находила на островах убежище и постоянные занятия: они охотились на диких свиней, буйволов и крупный рогатый скот, обрабатывали кожи, рубили лес, провозили контрабанду, выжигали поля для разведения табака и сахара, разбивали плантации и занимались обработкой земли. За многими из этих людей в истории надежно закрепилось определение – пираты. Однако, насколько однозначно применялся этот юридический термин?

Буканьерами (франц. *boucanier*, *boucaner*; англ. *buccaneer*) традиционно называли лесных охотников из европейских поселенцев, обосновавшихся в начале

³⁷⁸ Об особенностях ведения войны в Америке см.: Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Т. 1–3. М.: Прогресс, 1986–1992. Т. 3. Время мира. М., 1992. С 51 – 56.

XVII века на принадлежавших испанской короне островах в Карибском море. Одним из первых увидел и описал буканьеров в 1654 г. Жан де Лаон, сьер д'Огремен, совершивший путешествие по Вест-Индии и своими глазами увидевший этих «авантюристов, охотившихся за дикими быками».³⁷⁹ Вокруг происхождения слова «буканьер» по сей день остается много не до конца проясненного. Французский миссионер аббат Жан Батист дю Тертр усматривал в этом слове индейские корни и отмечал, что в основе его лежит слово «boucan» - «разновидность деревянной решетки, сделанной из нескольких жердей и установленной на четыре рогатины: на них буканьеры жарят свиней...»³⁸⁰. То есть нечто, подобное современному «барбекю». Правда, как сетовал историк Сан-Доминго аббат иезуит Пьер-Франсуа-Ксавье де Шарлевуа, «этот автор (дю Тертр — Д. К.), к сожалению, забыл сообщить, из какого индейского языка оно пришло»³⁸¹. Современные исследователи, впрочем, подтверждают суждения дю Тертра в отношении истоков слова, и соотносят этимологию понятия «boucan» с «touket», упоминаемом в одном португальском отчете, датированном 1587 г. На языке южноамериканской группы тупи-гуарани оно означало «копченое мясо»³⁸², нарезанное длинными кусками и приготовленное на решетке, установленной на углях. Так же готовили его и карибские индейцы, которые ели «куски копченого мяса», «куски букана»³⁸³. «Они разрезали мясо на длинные ремни, солили его и укладывали на решетке на угли, называемые ими барбако. Мясо медленно копилось там, обретая одновременно нежный вкус»³⁸⁴. Как мы видим, в том или ином варианте «boucan» связан с жаровней, на которой коптили мясо. Внимательный Шарлевуа подчеркивал именно этот момент. «Их называли

³⁷⁹ См. его описание: *Laon J. de. Relation des voyages des François fait au cap du Nord en Amérique*. Paris: Pierre David, 1654. P. 156–158.

³⁸⁰ *Tertre J.-B. du. Histoire générale des Antilles habitées par les Français*. Т. I–IV. Paris: Thomas Jolly, 1667–1671. Vol. III. P. 141. (Далее: *Tertre*).

³⁸¹ *Charlevoix P.-F.-X. de. Histoire de l'Île Espagnole ou de Saint-Domingue*. Т. I–II. Paris: Jacques Guérin, 1730–1731. Т. I. P. 7. (Далее: *Charlevoix*).

³⁸² См.: *Le Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française; The Oxford dictionary of English Etymology / Ed. by C. T. Onions*. Oxford, 1966; *The Barnhart Dictionary of Etymology / Ed. by Robert J. Barnhart*. New York: Wilson, 1988.

³⁸³ *Charlevoix*. Т. I. P. 8.

³⁸⁴ *Блон Ж. Флибустьерское море*. М., 1985. С. 37.

буканьерами, - писал он, - ибо после охоты они собирались и коптили мясо, как это делали дикари»³⁸⁵. В таком расширительном ключе некоторые историки возводят «boucan» к названию мест обитания этих лесных бродяг, где они солили и коптили мясо убитых животных, сушили их шкуры. Эти их жилища состояли из «больших шалашей, покрытых сверху, но без стен; они защищали от дождя и солнца, но не противопоставляли никакой ограды ветру, с какой бы стороны ни дул он»³⁸⁶. По-видимому, последний вариант происхождения слова «boucan» - завершающий «аккорд» в этимологических трансформациях, которые претерпел индейский способ приготовления мяса; название жилищ охотников, готовивших мясо «на костре», «в дыму» - вторичного происхождения³⁸⁷.

В более широком смысле буканьерами стали называть охотников на диких буйволов и диких свиней, занимавшихся этим промыслом чтобы «добыть кожи» и «продавать мясо»³⁸⁸. Одевались охотники в пропитанные смолой, дегтем и кровью убитых животных рубашки-куртки из плотного полотна, которые со временем превращались в настолько твердый «панцирь», что пробить или разрезать такой кожух можно было, только приложив немалые усилия. В широких штанах из грубого холста, обрезанных ниже колена, башмаках из свиной кожи с тесемками, перепоясанные ремнями и в круглых шляпах они выглядели как самые заправские лесные бандиты. Буканьеры вооружались кремневыми мушкетами с длинными стволами или пищалями со свинцовыми пулями-шариками. Пальба производилась горстью сыпавших в дуло круглых пуль, причем из-за сильной отдачи мушкета стрелять из него приходилось не от плеча, а от бедра. Надо сказать, что буканьеры предпочитали не использовать во время охоты ружья и старались взять добычу ножами, мачете и корсарскими саблями с коротким лезвием – маншеттами. Выжить в одиночку в лесу было невозможно, поэтому охотники делились на небольшие братские артели, по пять-шесть человек, и вели относительно оседлый

³⁸⁵ *Charlevoix*. Т. I. P. 7.

³⁸⁶ *Архенгольц Ф.* История морских разбойников Средиземного моря и Океана. М., 1991. С. 12.

³⁸⁷ *Charlevoix*. Т. I. P. 8.

³⁸⁸ *Экскемелли А.О.* *Экскемелли А. О.* Пираты Америки / Пер. с голланд. и комм. Б. Аронова. Ред. и предисл. Я. М. Света. М.: Мысль, 1968. С. 47 (далее: *Экскемелли*).

образ жизни, «не сходя с места по три-четыре месяца, иногда даже и по году». Своего рода мужская артель, куда закрыт доступ женщинам, буканьеры большую часть времени проводили в лесу, наведываясь в населенные пункты, лишь чтобы продать заготовленные за сезон мясо и шкуры, поразвлечься да пополнить запасы табака, полотна, пуль и пороха. Об этих искуснейших стрелках и умелых заводчиках-собаководов ходила мрачная слава не знающих удержу и отчаянно жестоких головорезов.

Вот что сообщал о необузданных обитателях диких побережий Антильских островов в официальном донесении от 20 июля 1665 г. правитель Тортуги и французских поселений на побережье Сан-Доминго Бертран д'Ожерон: «...семь или восемь сотен французов рассеяны по берегам острова Эспаньола в недоступных местах, окруженных горами или большими скалами и морем, откуда они могут переходить с места на место в маленьких ботах. Собравшись группами по тридцать, сорок или шестьдесят человек, они располагаются в найденных ими подходящих местах на расстоянии шести, восьми или пятнадцати лье. Живут они подобно дикарям, не признавая никакой власти и без каких-либо начальников и творят тысячи преступлений. Они грабят многие голландские и английские суда, чем причиняют много беспокойств. Живут они, питаясь мясом диких свиней и быков и выращивая немного табака, который обменивают на оружие, провизию и одежду...»³⁸⁹

Кого имел в виду хорошо знавший местные особенности д'Ожерон, описывая образ жизни обитателей неприступных уголков Эспаньолы? Ведь известно, что именно буканьеры облюбовали «Большую землю», как они называли испанский остров, где развернулась настоящая партизанская война против испанцев. Не сумев сломить сопротивление лесных охотников, испанские власти принялись методично истреблять скот, чтобы лишить буканьеров источников существования. Тем самым испанцы лишь укрепили ненависть к себе и спровоцировали буканьеров на занятие пиратством. Что же касается резиденции

³⁸⁹ Цит. по: *Newton*. P. 239, 240.

правителя Тортуги, то эту «Малую землю» охотники использовали как «место отдохновения». Характерно, что в качестве излюбленных занятий обитателей Эспаньолы правитель выделяет два – ходить в море и грабить европейских торговцев, тогда как, например, другие французские источники, напротив, подчеркивают их склонность к сухопутным занятиям. Неясностей здесь предостаточно, что, впрочем, немудрено - ведь население островов было крайне неоднородным, смешанным, а потому и профессиональные занятия эти люди выбирали себе самые разные.

Начнем с того, что в соответствии с принятой в историографии традицией поселившиеся на островах буканьеры большей частью происходили из Нормандии, сурового морского края Французского королевства, издревле славившегося своими океаническими моряками и рыболовами. Неслучайно и Тортуга получила поначалу известность под названием «Новая Нормандия»³⁹⁰. Казалось бы, трудно допустить, что, перебравшись на новые территории, расположенные в самом сердце испанских владений, «труженики моря» изменили своему призванию. Другое дело, что оно служило подспорьем другим ремеслам, в том числе охоте и заготовке мяса, ведь невозможно представить моряка, который бы выходил в море, не заготовив солонины и копченого мяса. В родных же французских портовых городках, где инфраструктура и товарообмен давно уже определили профессиональную специализацию различных групп населения, проблема снабжения стояла не так остро, в сравнении с ситуацией на новых землях. Выходившим в море приходилось обеспечивать себя пропитанием собственными силами, а значит, волей-неволей, заниматься охотой. Это могла быть сезонная охота, или же они подразделялись на специализированные группы, но чтобы одновременно обеспечить себе хлеб насущный и предпринимать действия на море необходимо было заниматься и охотой, и морским промыслом.

³⁹⁰ *Priestley H. I. France overseas: Through the old regime. A study of European expansion. New York, London: D. Appleton-Century Co., 1939. P. 82.*

Разумеется, в связи с широким наплывом иммигрантов из Европы на Антильские острова национальный состав там менялся, и занятия местных жителей разнообразились. Габриэль Дебьен, например, специально занимавшийся социальной историей французских Антильских островов, подчеркивал смешанность и космополитизм их населения, среди которого было немало иностранцев: итальянцев, генуэзцев, фламандцев, голландцев, англичан, мальтийцев, немцев, пьемонтцев, жителей Льежа, испанцев и ирландцев³⁹¹. Люди различных профессий, они вербовались на острова и занимались подчас, чем придется. Среди выделенных историком представителей различных профессий мы обнаруживаем и сельскохозяйственных рабочих, и строителей жилых домов и укреплений, и столяров, и обработчиков металла, и работников на сахарных плантациях, и поваров, и сапожников, и пекарей, и лекарей, и конопатчиков. По мере расширения социального спектра жизни на островах колонисты, занимавшиеся буканьерством в лесу, все более обособлялись и образовывали некие маргинальные сообщества. Уходя на «Большую землю», куда-нибудь в глухомань, они на время теряли свои социальные связи. Так, в 1668 г. двадцатилетний Жан Гаро, заключив специальный контракт на три года с жившим на Сан-Доминго купцом Тома Дону, ушел на три года в местечко Кюль-де-Сак (франц. «тупик») на Сан-Доминго. Работодатель предоставлял охотнику оружие – «мясобою, как это называют на островах»³⁹², шесть фунтов пороха и свинца и шесть локтей полотна на палатку³⁹³. Попробуем представить, как поступит Гаро, спустя три года вернувшись из этой глухомани? Возобновит ли он контракт с Дону или другим торговцем, продолжив свои шатания по лесу? Переменит ли род занятий, вспомнив о своей прежней профессии? Может быть, он решит взять в руки мотыгу и заделаться в земледельцы, «приспособив здешние поля Эспаньолы под табак»? Последний вариант, кстати, упоминал и Эксквемелин, сообщая об

³⁹¹ *Debien G. Les engagés pour les Antilles (1634–1715). Abbeville: F. Paillart, 1951. P. 89 – 91. (Далее: *Debien*).*

³⁹² Имеется в виду оружие для охоты: либо тесак или нож, либо пищаль, названную нами по аналогии с «громобоем» Натаниэля Бампо.

³⁹³ *Debien. P. 49.*

охотниках, разбивших плантации табака в тех же местах на северо-западном побережье у Кюль-де-Сака. Находясь в безопасности от испанцев, которые «добраться туда не могут», бывшие буканьеры разбивали участок земли на делянки и, «не имея ничего за душой», принимались за дело. Они основывали товарищество, закупали мотыги, ножи, кирки, разделяли привезенные припасы и строили домик, где жили-поживали до лучших времен.

Параллельно среди британских иммигрантов и бродячих моряков появилось еще одно обозначение, близкое французскому варианту «буканьерства». Они стали называть островных охотников «кау-киллерами» («убойщиками коров») и считали их самыми отпетыми среди разномастного населения Вест-Индии. Самым страшным наказанием, например, было оставить жертву на каком-нибудь берегу, где обитали эти молодчики³⁹⁴. Британские «кау-киллеры», «сородичи» французских буканьеров, по сути отличаются от них лишь названием, ибо образ жизни они вели сходный и тоже были в одном лице контрабандистами, пиратами, добытчиками мяса и вооруженными головорезами. Также, впрочем, как и «дровосеки» залива Кампече, среди которых в 1675 – 1678 гг. затесался молодой искатель приключений англичанин Уильям Дампир, впоследствии ставший знаменитым путешественником³⁹⁵. В целом же закономерно, что с 80 – 90-х годов слово «буканьер» почти повсеместно перестало ассоциироваться с профессией охотника и теперь обозначало человека, вышедшего в море с целью грабежа³⁹⁶. Отсюда и широкое употребление понятия «буканьер» в одном ряду с морским разбойником, пиратом, преследовавшим и грабившим торговые суда с целью наживы.

³⁹⁴ Colonising expedition to the West Indies and Guiana, 1623 – 1667. Ed. by V.T.Harlow. London, 1925. P. 16.

³⁹⁵ См. его рассказ о пребывании в заливе Кампече: *Dampier W. Voyages and discoveries* / Ed. and with introduction and notes by Clennell Wilkinson. London: The Argonaut Press, 1931.

³⁹⁶ См. например, определение буканьеров как «вест-индских пиратов... также грубого сброда на Ямайке» (*B. E. New dictionary of the terms ancient and modern of the canting crew*. London, 1698). Его автор, по-видимому офицер английского флота, скрывшийся под псевдонимом, проявлял огромный интерес к морской терминологии, и составленный им словарь был одним из наиболее авторитетных в подобных вопросах (*Coleman J. A History of Cant and Slang Dictionaries*. Vol. I. 1567–1784. Oxford: Oxford University Press. 2004).

После того как мы проследили эволюцию содержания слов «буканьерство» и «буканьер», попробуем разобраться, могли ли буканьеры, которые, появившись на испанских островах, занимались «мирной» контрабандой и воевали с испанцами на суше, спустя несколько десятилетий перейти к морскому разбою. Да и правомерно ли вообще ставить вопрос в такой плоскости?

Обратимся к документальному свидетельству англичанина Рича Блома, побывавшего на островах Карибского моря в середине XVII в. Он подробно описывал остров Ямайки, окружавшие его территории и анализирует состояние дел на недавно захваченном британцами острове, касаясь в числе прочего и занятий местного населения, которое он разбивает на две основные группы. Первая – это, собственно, жители самой Ямайки, ее приходов, общей численностью около 15 тысяч человек. Вторая – «относящиеся к острову приватиры, охотники, шлюпари и лодочники («sloop and boatmen»), курсирующие вокруг острова числом около 3 тысяч человек, здоровые и решительные вооруженные люди»³⁹⁷. Разве «шлюпари и лодочники», упомянутые Бломом, не напоминают людей, которые снуют в ботах между скалами и островами из донесения д'Ожерона? Блом отделил их от «охотников» и фактически описал прогремевших по всему миру своими грабежам флибустьеров.

Действительно, «буканьеры», «охотники», «коу-киллеры» были не единственной враждебной испанцам социальной группой, действовавшей на испанских островах. Не меньшую угрозу таили и *флибустьеры*. Впервые, по видимому, слово «флибустьер» встречается в «Отчете о плавании» французского навигатора Даниэля Лербека, сьера де Шамбре, который в 1642 г. посетил французские Антильские острова. В 1660-х годах это понятие широко распространяется по Вест-Индии и превращается в собирательный термин «флибуста» и «флибустьер»,³⁹⁸ нередко применяемый по отношению к корсарам и

³⁹⁷ *Blome R.* A Description of the island of Jamaica, with the other isles and territories in America. Year 1672 // English Historical Documents / Gen. ed. David C. Douglas. Vol. I–IX. London, 1951–1957. Vol. VIII. P. 562.

³⁹⁸ *Arveiller R.* Sur l'origine du mot français « flibustier » // Le Français moderne. 1977. T. XLV. P. 26. 22 – 32.

авантюристам, промышлявшим в Карибском море.³⁹⁹ Этимология слова «флибустьер» (голл. *vrijbouter*, англ. *flibutor*, *filibuster*, исп. *filibuster*, франц. *flibustier*) и его последующие метаморфозы не вполне ясна и в свою очередь весьма причудлива. По-видимому, в основу его легло старо-льежское «*vribute*», «*vributeur*», то есть «разбойник с большой дороги»,⁴⁰⁰ со временем давшее нидерландское «*vrijbouter*» («*vrij*» - «вольный», «*bouter*» «добыча», «пожива»), обозначавшее вольного добытчика, того, кто пошел на разбой.⁴⁰¹ Сходного происхождения и старые английские «*frebetter*» и «*free booty*» - добыча, взятая в разбойничьем промысле. Подразумевались под ними морские пираты, «форбаны», люди, «воюющие ради грабежа».⁴⁰² Первоначально слово выговаривалось через букву «р», и произносили его как «фрибутеры» («*fri-bouter*»), а затем слово приняло современный вид. Современный же его вариант дал жизнь названию маленьких маневренных лодчонок и суденышек, «флиботов», на которых флибустьеры выходили брать добычу.⁴⁰³

Эту вольную публику аббат Шарлевуа описывает, терзаемый смешанным чувством горечи и гордости: «По всей видимости среди авантюристов ... назвавшихся флибустьерами, пребывали не самые честные люди, и не было ничего ужасней и вместе с тем незначительней, чем это опасное воинство в момент своего возникновения. У первых людей, избравших такой образ жизни, не было ни судна, ни снаряжения, ни лоцманов, ни запасов провианта: отвага и смекалка за короткое время восполнили все недостающее. Начали они с того, что объединились и образовали небольшие сообщества»⁴⁰⁴.

Каждый из вооруженных отрядов флибустьеров приобретал лодку, шлюп или небольшой одномачтовый «бриг», как они окрестили такую разновидность

³⁹⁹ *Furetière A.* Dictionnaire universel, contenant généralement tous les mots françois tant vieux que modernes, et les termes de toutes les sciences et des arts... La Haye-Rotterdam: A. et R. Leers, 1690. P. 875.

⁴⁰⁰ *Ray A.* Dictionnaire historique de la langue française. Paris, 1992.

⁴⁰¹ См., например: *Dictionary of the Low-Dutch Element in the English Vocabulary* / Ed. by J. F. Bense. The Hague: M. Nijhoff, 1939.

⁴⁰² *Charlevoix.* P. 8.

⁴⁰³ Возможно, впрочем, что происхождение самого слова «флибот» (англ. *fly-boat*, франц. *flibot*) связано с нидерландским *vlieboot*, обозначавшем быстрое небольшое судно, на котором морские гезы сражались против испанцев (*Oxford English Dictionary.* 1989. Vol 5. P. 1119).

⁴⁰⁴ *Charlevoix.* P. 67.

судна. Размером примерно 20 метров в длину, такое суденышко вмещало до 25 – 30 человек. Лавируя среди островов, флибустьеры совершенствовали свои лоцманские и моряцкие умения, и в мастерстве управлять парусом им не было равных. Знатоки подводных течений, они ловили водные потоки и неожиданно могли резко увеличить скорость своих с виду неказистых судов, установив дополнительные паруса или надрезав парусину. Прекрасные стрелки, способные снять одним выстрелом матросов, правящих парусами, они лишали атакованное судно возможности маневрировать и, подобравшись с наветренной стороны, шли на abordаж. Опиравшиеся на негласную, а в период войн и открытую, поддержку правительств Франции, Англии и Республики Соединенных Провинций, заинтересованных в захвате испанских островов Вест-Индии, буканьеры и флибустьеры превратились в мощное оружие в борьбе за колонии.

На примере «группировок» буканьеров и флибустьеров наглядно видно, до какой степени формализованно осуществлялся «дележ» социального пространства Антильских островов в Европе. Уподобляя и буканьеров, и флибустьеров некоему подобию вооруженных армий, действовавших порознь и время от времени объединявшихся для «войны» против испанцев, они тем самым создавали определенную социальную конструкцию, которую выстраивали в рамках механистической логики, свойственной эпохе. Откроем «Общий словарь торговли» Жана Савари. «На этом острове, - пишет он о Тортуге, - имеющем в окружности около 16 лье, произошел раздел этих авантюристов на три сообщества. Одни занимались охотой и известны под именем буканьеров, так как они коптели на манер индейцев. Другие, продолжающие ходить по морю и нападать на испанцев, – флибустьеры... Третьи же возделывают землю и зовутся поселенцами. Из этих трех сообществ поселенцы оставались на Тортуге, буканьеры переселились на Сан-Доминго, а флибустьеры держали море; эти последние, между тем, время от времени возвращались на Тортугу и делились награбленным с двумя другими, получая съестные припасы, либо овощи, либо

живность, которую они выращивали на своем острове».⁴⁰⁵ Мы видим: все функционально распределено, упорядочено, обнаруживает цельность, единство, подобно некоему органично устроенному телу. Оседлые поселенцы сажают табак, овощи, сахар, они снабжают и кормят «добытчиков». Полуоседлые буканьеры живут в лесу и приносят в «общий котел» кожи, шкуры и мясо. Флибустьеры, «кочевая» группа, ходят в море, «добывают испанца» и снабжают колонистов контрабандными товарами. Сходную модель островного общества, жители которого заняты охотой, полеводством и каперством, находим и у Эксквемелина, человек не ученого статуса, бывшего буканьера, тонко уловившего дух времени. Он, правда, не забывал своего прошлого слуги – слуг тоже нужно было куда-нибудь пристроить. Выбор, однако, все из той же триады: морской разбой, охота либо табачные плантации. Эксквемелину во многом вторит и аббат Шарлевуа. В новой колонии он выделял четыре типа людей. Это буканьеры-охотники, мореходцы-флибустьеры, земледельцы – они же поселенцы, и вольнонаемные – последние, как правило, живут бок о бок с поселенцами. Все вместе они составили «сообщества авантюристов», которые «между собой жили в добром согласии и утвердили твердыню с демократическим правлением. Каждый свободный человек обладал в своем жилище деспотической властью...»⁴⁰⁶ Прозаичнее – и практичнее – смотрит на вещи государственный служащий, господин Бертран д'Ожерон – по своему рангу «управленца». Он не столько детализирует и формализует известные ему сведения, сколько размышляет, как ему заручиться поддержкой этих вооруженных людей – «грозы морей» – или защитить от них свою колонию. Слова, в конце концов, остаются словами, термины – терминами, а действовать нужно, применяясь к окружающей обстановке. Мысль д'Ожерона словно подхватывает один из его преемников. Спустя почти двадцать лет правитель Тортуги Пьер Поль Тарен де Кюсси в донесении парижским властям особо подчеркнул социальную неоднородность

⁴⁰⁵ *Savary J. Dictionnaire Universel du Commerce. T. I–IV. Genève: Frères Cramer et Claude Philibert, 1750. Vol. IV. P. 104.*

⁴⁰⁶ *Charlevoix. T. I. P. 11.*

населения на вверенных ему островах. Половина всех флибустьеров, обитавших на Тортуге, «живут здесь, так как наибольшая их часть не без пользы для себя обзавелась жилищами, куда они удаляются и где живут без забот. Таким образом число жителей увеличивается, притом что не становится меньше и флибустьеров, которые хотят время от времени выходить в море, оставляя хозяйственные хлопоты и содержание жилищ своим товарищам».⁴⁰⁷ В результате, часть флибустьеров, или «заведомых» пиратов, слоняется где-то в море, а может быть охотится в лесу или обитает «среди скал» у побережья. Половина же, как будто, оседлы и имеют дома, то есть, в соответствии с формальной классификацией, выступает скорее поселенцами. Но они же «хотят» время от времени ходить в море, чтобы «жить без забот». Но если табачная плантация вполне обеспечивает им такую райскую жизнь, зачем тогда они выходят на промысел в море?

Вряд ли подобный вопрос оставался секретом для другого французского администратора – губернатора Жана-Батиста Дюкасса. Покровитель флибусты давно убедился в том, что флибустьеры без особого рвения занимаются земледелием и колониальными ремеслами и в своем рапорте в Париж от 26 апреля 1698 г. счел необходимым подчеркнуть, что «им надоела эта тяжелая жизнь, и они изготовили два каноэ, на которых они захватили два барка с Ямайки, собираясь заняться на них пиратством. Тем, кто остался на острове, благоприятной возможности для этого не представилось, но они ее не упустят, как только она появится, а те, кто должны прибыть из Франции, несмотря на все их обещания вести оседлую жизнь, не будут думать ни о чем другом, как о корсарстве... Иногда, когда они чувствуют, что я не могу их покарать, они посылают мне вслед проклятия».⁴⁰⁸

Возмущение этими не поддающимися контролю людьми сквозит и в послании губернатора Барбадоса лорда Уиллоуби государственному секретарю Англии лорду Арлингтону от 29 января 1666 г. Описывая поведение флибустьеров

⁴⁰⁷ *Pluchon P., Bouche D. Histoire de la colonisation française. T. I. Le Premier Empire colonial. Des origines à la Restauration. Paris: Fayard, 1991. P. 381, 382. (Далее: Pluchon).*

⁴⁰⁸ *Archive Nationales. Colonies. C 9. A 4. F. 294.*

Роберта Сирла и капитана Сидмэна, разоривших в сентябре 1665 г. голландский Тобаго, он не мог придти в себя от бессмысленного, по его мнения, разорения, который учинили на острове флибустьеры: они растащили все, что могли унести, даже сняли черепицу с крыш домов, и это «их обычная практика повсюду, куда они приходят». «Все они, - сокрушался лорд Уиллоуби, - сами себе хозяева и полагают, что могут вести себя как заблагорассудится».⁴⁰⁹

Сложный смешанный мир Антильских островов трудно вместить в строгие, раз и навсегда данные понятия. Стройность и четкая иерархичность критериев пиратского ремесла хороша лишь на бумаге. И многие авторы, не мудрствуя лукаво, просто старались просто изложить известные им факты, пересказать ход событий, свидетелями которых им довелось стать волей случая. Иногда по ходу дела они разбрасывают определения пиратских ремесел, в меру собственного понимания или пересказывая услышанное или вычитанное. Люди, наделенные большей исследовательской жилкой, скорее склоняются к созданию разного рода конструкций, классификаций, пытаются придать материалу системную цельность. При этом, зачастую, каждый действует на свой страх и риск, считая, видимо, что его концепция точнее прочих отражает действительное положение вещей. На самом же деле единая, раз и навсегда данная классификация, вряд ли вообще возможна ввиду многозначности и расплывчатости большинства понятий. Миры флибустьеров, коу-киллеров, «шлюпарей и лодочников», буканьеров и параллельные им миры табачных плантаторов, контрабандистов, кабальных слуг, бочаров и трактирщиков, микрокосмы – все это многомерный, пронизанный хитросплетением социальных связей единый сложнейший социальный организм, все ячейки которого «работают» на целое. И, находясь в зоне постоянной военной конфронтации, этот социальный организм вырабатывал агрессивную стратегию жизнедеятельности и демонстрировал постоянную готовность к сопротивлению,

⁴⁰⁹ Calendar of state papers. Colonial series. America and West Indies. / Ed. by W. Noel Sainsbury. Vol. V. 1661 – 1668. London, 1880. № 1125.

отвечавшую интересам европейских держав, вступивших в борьбу за испанские колониальные владения.

§ 3. МОРСКОЙ РАЗБОЙ В ПРАКТИКЕ ВОЕННО-МОРСКОГО КОНФЛИКТА XVI – XVIII ВВ.: КАПЕРСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА И ГРАМОТЫ О РЕПРЕССАЛИЯХ

Многочисленные бреши для злоупотреблений и преступных действий против собственности на море, обнаруживаемые в законодательстве европейских стран на уровне высшей правительственной власти, позволяют задаться вопросом: насколько была широка правовая база морского разбоя? Попытаемся проанализировать юридическую сторону вопроса, приняв за основу рассмотрения узаконенную форму «охоты за собственностью» — каперство, а также базовый документ этого промысла — каперскую грамоту. Это подводит нас к вопросу о взаимоотношениях морского разбоя и властных структур и, соответственно, к понятиям каперства, приватирства и корсарства.

Определить род занятий капера помогает история самого слова. В древние времена *лат.* *carere* означало «завладевать, захватывать». В Европе слово «капер» применялось главным образом в странах Балтийского и Северного морей. Оно происходило от *голланд.* *карен*, объединившего в себе значения «захватывать, грабить, воровать», и *карег* — «легкое морское судно». Во французском языке глагол *capturer* означает «поймать, захватить, взять в плен». Любопытно, что французский глагол *сарéеr* означает буквально «ложиться в дрейф» — типичное поведение для того, кто сидит в засаде и поджидает жертву. В России производными от слова «капер» стали «каперить», «каперствовать», «каперщик».⁴¹⁰

В англоязычных странах употреблялся преимущественно другой термин — «приватирь». В основе слова лежит *лат.* *privatus* («частный, неофициальный»). Понятие это использовалось одновременно для обозначения вооруженного

⁴¹⁰ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. М., 1956. С. 87.

приватирского судна, укомплектованного частным лицом, и для его командира, а также членов экипажа. Сам же род занятий получил название «приватирство».

Лиц, занимавшихся каперством в странах Средиземноморского региона, именовали корсарами (*итал.* corsaro, *франц.* corsaire, *исп.* cossario). Происходит слово от *лат.* currere — «бегать», cursus — «бег, плавание», cursorius — «быстрый, легкий на ходу». Появилась даже культурно-бытовая реалия, обязанная своим происхождением корсарам, — так называемые корсарские штаны, то есть штаны, затянутые под коленом.

Названные нами понятия «корсар», «капер» и «приватир» применялись с двойственным оттенком, а нередко и выступали в качестве синонимов «пирата». Немало путаницы привносит тонкая юридическая грань, разделяющая термины. Так, например, знаменитые французские корсары Франциска I и Людовика XIV, разумеется, были каперами, что не мешало некоторым из них действовать «пиратскими» методами, а зачастую, и становиться пиратами. Тоже самое можно сказать о «морских псах» Елизаветы I и флибустьерах Вест-Индии. Но возможно ли тогда однозначно оценить природу флибусты или деятельности морских разбойников Северной Африки. Для европейского мира корсары Магриба являлись пиратами. В исторических же реалиях XVI–XVII вв. их промысел был не просто морским разбоем, но выступал в качестве одного из звеньев правительственной политики, проводимой мусульманским миром в отношении стран христианской Европы.⁴¹¹ Подобное совмещение нравственных характеристик, политических реалий и идеологических установок внесли немалую путаницу. В авантюрно-приключенческой литературе, например, понятия «корсар» и «пират» часто не различают и называют корсарами разбойников, охотившихся в южных морях. Причем, использование названных понятий в подобном смысле проникло в научные издания, с одной, правда, существенной оговоркой. Собственно говоря, корсар, рассуждали авторы

⁴¹¹ См. подробнее: *Belhamissi M. Histoire de la Marine Algérienne (1516–1830). Alger, 1983.*

«Словаря Французской академии» 1694 г. - тот же пират, «пенитель волн», но располагающий грамотой суверенного правителя.

Таким образом, перед нами предстает организованная государством форма морского разбоя, которая формировалась в соответствии с определенными правовыми нормами. Основным правовым регулятором деятельности корсаров, каперов и приватиоров выступало каперское свидетельство (*англ.* «letters of marque»; *франц.* «lettres de marque»), превращавшее морской разбой в узаконенную форму военных действий. Во-первых, выдавая столь важное свидетельство, государственные институты всячески старались регламентировать и контролировать своих «союзников», которые своими действиями могли, вольно или невольно, вовлечь государство в военный конфликт. С учетом того, что правителям средневековой Европы невозможно было обеспечить наблюдение как за собственными приморскими территориями, так и за независимыми и рисковыми (а в глазах чиновников часто и безответственными) получателями грамот, вошла в обиход практика предоставления «залогов». Налицо страх властей перед злоупотреблением каперскими грамотами. В 1288 г. король Арагона Альфонс III предписал своим приморским городам брать с вооружаемых ими корсаров денежное обеспечение на случай, если они нападут на сограждан, или будут атаковать противника в нейтральном порту, или во время перемирия.⁴¹² Власти Пизанской и Генуэзской республик, например, пуще всего были озабочены потенциальным ущербом, который снаряженные в их портах корсары могут нанести «не врагам».⁴¹³ Они обязывали арматоров⁴¹⁴, идущих на каперство, при выходе кораблей из порта оставлять «caution», то есть «поручительный залог» — на случай, если ими будет нанесен ущерб союзникам. О том же говорит и «Устав о морском корсарстве» 1356 г. Педро IV Арагонского, требовавший от корсаров

⁴¹² *Pardessus J. M. Collection des Lois Maritimes...* T. V. P. 349.

⁴¹³ Законы Пизы 1298 г. и Генуи 1313 и 1316 гг. (*Pardessus J. M. Collection des Lois Maritimes...* T. IV. P. 431, 443, 444, 586.)

⁴¹⁴ Арматор (*франц.* armateur, от *лат.* armator — «вооружающий, снаряжающий») — судовладелец, снаряжающий судно в рейс, вооружающий его, нанимающий команду и капитана.

принести присягу в соблюдении законов.⁴¹⁵ Отставшие от итальянских и пиренейских государств северяне (фландрские города, Ганзейский союз) предприняли аналогичные превентивные меры несколько позже, однако и они сделали акцент на ограничении права своих подданных бесконтрольно выходить в море. Так же поступили и власти Французского королевства.⁴¹⁶ В Англии же двумя парламентскими актами 1414 и 1416 гг. была объявлена смертная казнь тем подданным королевства, которые своими действиями нарушат мир или перемирие. Одновременно власти ужесточили весь существовавший порядок выдачи каперских свидетельств.⁴¹⁷ В последующие десятилетия проводилась та же политика. В договорах 1440 и 1468 гг., заключенных между Англией и Францией, от «покидающих порт» стали требовать «поручительного залога» за ущерб, который может быть причинен отечественным или дружественным судам.⁴¹⁸

Во-вторых, власти, дабы обезопасить себя от дипломатических осложнений, пришли к необходимости выработать для каперской практики некие нормативные предписания — своего рода инструкции, регламентировавшие деятельность каперов. Цель преследовалась двоякая — уничтожить морской разбой как таковой и ввести ремесло частных предпринимателей в установленные рамки. Для борьбы с неуправляемым морским террором, царившим в североевропейских морях, был использован целый комплекс законодательных мер, позволявших поставить вольных добытчиков под жесткий контроль. Один из первых сводов, регламентировавших каперство, появился под названием «*Edit sur le fait de l'Amirauté*» в 1373 г. во Франции.⁴¹⁹ На всей территории королевства прерогатива выдавать каперские грамоты вверялась адмиралу, главному администратору приморских провинций, который должен был требовать от каперов клятвы не приносить вреда французским судам и их союзникам. Корсарам было запрещено грабить суда, самостоятельно делить добычу, вводились строгие наказания за

⁴¹⁵ *Pardessus J. M. Collection des Lois Maritimes...* T. V. P. 465–472.

⁴¹⁶ См., например, ордонанс французского короля Карла VI от 7 декабря 1400 г.

⁴¹⁷ *Hautefeuille L.-B. Histoire des origines, des progrès et des variations du Droit Maritime International.* P. 116.

⁴¹⁸ *Dumont J. Corps Universel Diplomatique du Droit des Gens.* T. III. Part. I. P. 548; Part. II. P. 97.

⁴¹⁹ *Pardessus J. M. Collection des Lois Maritimes...* T. IV. P. 224.

утаивание призов, а также за жестокое обращение с женщинами. Схожие установления принимаются и в Англии в 1414 г., где от каперов требуют приводить взятые призы в английские порты и угрожают им конфискацией собственного судна, если они попытаются скрыть приз от властей. В 1426 г., в правление малолетнего короля Генриха VI, все дела, связанные с призовым законодательством, были переданы под юрисдикцию Королевского совета, канцлера, адмирала и его заместителей, а затем все делопроизводство перешло под контроль первого адмирала (Lord High Admiral).⁴²⁰ Довольно долго независимость каперов сохранялась в Нидерландах, до тех пор пока император Максимилиан в 1487 г. не запретил частным лицам самовольный выход на вооруженных судах против неприятеля и не передал все приморские дела под контроль Адмиралтейства. Каперство приобретает все более узаконенные формы, регулируется либо статьями морских регламентов, либо самостоятельными сводами узаконений (Испания — 1611, 1621; Голландия — 1597, 1622, 1705; Дания — 1710). Машина регламентации быстро эволюционирует, предлагая все более изощренные юридические формулировки. Законодатели пытаются предусмотреть все возможные варианты развития событий, уточняют старые положения, вносят поправки применительно к новым историческим условиям.⁴²¹

Рассмотрим, например, «Правила для партикулярных корсаров», принятые в Российской империи 31 декабря 1787 г., — внушительный документальный свод, состоявший из 27 пунктов. В документе двадцать страниц, к нему приложены переводы на английский и французский языки.⁴²² Российское законодательство, вобрав в себя европейский опыт организации корсарства, предложило своего рода квинтэссенцию каперских правил, повторяя основные принципы, принятые в западноевропейских государствах. Перечислим основные из них.

⁴²⁰ *Robinson Ch Collectanea Maritima ... P. 96.*

⁴²¹ См. например, ордонансы Генриха III (*Édit sur l'amirauté du mois de Mars 1584 // Pardessus J. M. Collection des Lois Maritime... T. IV. P. 295–324*) и Людовика XIV (*Ordonnance touchant la Marine du mois d'août 1681 // Pardessus J. M. Collection des Lois Maritimes... T. IV. P. 325–418*).

⁴²² РГАВМФ. Ф. 223. Оп. 1. Д. 46.

1. Владельцы каперских грамот не имеют права на владение более чем одним свидетельством. Запрещено принимать патенты на каперскую деятельность не только от обоих воюющих государств⁴²³, но и от союзников. В противном случае они могут считаться пиратами и подлежат наказанию, вплоть до смертной казни.

2. В случае, если капитан желает получить свидетельство от иностранной державы, он должен получить разрешение своего правительства.⁴²⁴

3. Каперские экипажи подсудны специальным адмиралтейским призовым судам или трибуналу, определявшим ценность захваченного приза и решавшим все возникшие спорные вопросы.⁴²⁵

4. При захвате судна запрещается его грабить и следует с уважением относиться к экипажу взятых кораблей. Все грузы остаются запечатанными и при приводе судна в порт описываются призовой комиссией, определяющей стоимость приза. Только в этом случае захваченное судно признается законным, или «добрым» призом.

5. В случае, если захват судна будет признан правильным, его продают с аукциона. Вырученная сумма, после вычета издержек на выгрузку, охрану, судебные расходы, а также доли правительства⁴²⁶, распределяется на следующих основаниях: одна треть собственнику судна; одна треть поставщику продовольствия, материалов и вооружения; одна треть капитану и экипажу судна.⁴²⁷

⁴²³ Впервые подобное ограничение было, по-видимому, зафиксировано в январском ордонансе 1549 г. императора Карла V (*Pardessus J. M. Collection des Lois Maritimes...* Т. IV. Р. 13–14).

⁴²⁴ Например, ордонанс 1681 г. Людовика XIV в. запрещал под страхом осуждения за пиратство подданным Французского королевства принимать патенты на каперство от иностранных государств и вооружать корабли, действующие под чужим флагом (Кн. III. Ч. IX. Ст. 3). Для подобных действий было необходимо специальное разрешение властей. Эта мера не распространялась на рынок свободной рабочей силы, и поступить матросом на судно иностранного корсара было возможно.

⁴²⁵ Во Франции, например, специальные суды располагались в портах, подчиненных Адмиралтейству. Кассационный суд находился в Париже.

⁴²⁶ Наиболее часто устанавливаемая сумма, идущая в казну, — одна десятая от всей суммы приза. См., например, «*Édit sur l'amirauté du mois de Mars 1584*» или «Правила для партикулярных корсаров».

⁴²⁷ Мы привели один из вариантов распределения прибыли. В соответствии с нормами «*Édit sur l'amirauté du mois de Mars 1584*», собственнику судна полагалась четвертая часть; остальная сумма (уже после вычета доли казны) делилась между снаряжавшим судно в плавание купцами, экипажем и командиром.

6. В случае, если захват судна будет признан неправильным, капитан считается ответственным за нанесенный судну, экипажу и грузу ущерб.

7. Капитан каперского судна вооружает судно самостоятельно, на свой страх и риск.

8. При приближении к неприятелю он может действовать под флагом любого государства, однако перед началом боя должен поднять флаг своей страны.⁴²⁸

9. Разрешается захват: судов неприятеля; судов без судовых документов, скрывающих свою принадлежность; судов, отказывающихся подчиняться приказу показать флаг или лечь в дрейф; судов нейтральных держав, перевозящих контрабандный товар противной стороны.⁴²⁹

Каперская деятельность далеко не всегда была напрямую связана с войной и могла не прекратиться и после ее окончания. Так, в разгар англо-голландских морских войн торговцы Эдмунд Тернер и Джордж Керью получили право на каперские действия в отношении голландских судов. Они могли захватывать торговцев, пока не будет собрана сумма в 151 612 фунтов стерлингов на погашение потерь от захваченных у них в 1643 г. судов. Примечательная оговорка в тексте свидетельства разрешала новоиспеченным каперам продолжать свою деятельность и после заключения мира с Голландией, если к этому времени они не сумеют возместить свой убыток. В ноябре 1651 г. два других британских торговца, Роберт и Уильям Полетты, получили право направить в море корабли и брать

⁴²⁸ Сделаем здесь два замечания. Во-первых, арматор не мог получить право на пользование военным гюйсом, не заплатив определенную денежную сумму. Во-вторых, в соответствии с правилами войны, командирам военных и каперских судов запрещалось действовать в бою под ложным флагом. Французский эдикт от 17 марта 1696 г., например, требовал от всех командующих кораблями, «прежде чем выпустить первый сигнальный выстрел по судну», поднимать французский флаг. В особенности строго каралась стрельба под иностранным флагом. Нарушившие запреты подвергались суровому наказанию, а их призы конфисковывались в пользу казны.

⁴²⁹ Если в раннее Новое время правила досмотра и обыска судна, подозреваемого в контрабанде, были достаточно жесткими, то к концу XVIII в. от корсаров требовалась большая осмотрительность и «деликатность». В случае получения достоверной информации о контрабандном грузе корсару предписывалось «люди на судне открыть и учинить осмотр в интрюме, но сие производить... со всякою благопристойностию и осторожностию, дабы чрез то другие товары не были повреждены, и есть ли заповедные военные припасы на судне найдены будут или же двойные бумаги и документы, доказывающия об оных, в таком случае то судно может он взять» (РГА ВМФ. Ф. 223. Оп. 1. Д. 46. Л. 116 об., 117).

голландские суда, пока не возместят сумму в размере 29 170 фунтов.⁴³⁰ Кто перед нами — каперы, пираты или еще какая-то разновидность морских разбойников?

Представим, что купеческий корабль захватило судно, владелец которого — подданный другого государства. Все попытки вернуть груз законным путем ничего не дали, между державами царит мир, и надежд на благоприятный исход дела нет. «Обиженные» рвут и мечут, взывают к справедливости, они готовы к самоуправству. Но существовал и законный порядок делопроизводства — пострадавшие могли обратиться в соответствующую правовую инстанцию, так называемый трибунал «хранителей мира» («conservateurs de la paix»). Специально назначенные служащие рассматривали жалобы купцов и начинали следствие, восстанавливая обстоятельства нападения и сумму причиненных убытков. Они вступали в переписку с аналогичным судебным органом в стране «обидчиков» и в течение определенного срока пытались удовлетворить поданную жалобу, получив возмещение от нападавшей стороны. Когда же истекали положенные, например, два месяца, жалобщики могли употребить силу и начать мстить. Они платили необходимый залог и получали специальное разрешение, позволявшее обиженному самому «искать правду», захватывая в море суда, принадлежащие стране, подданным которой был обидчик. Захваченные суда они должны были приводить в гавани своей страны, в которых специальный призовой суд оценивал стоимость захваченной добычи и санкционировал дальнейшие действия.⁴³¹ Однако спираль насилия только закручивалась — и в конце концов, кто мог помешать новому обиженному требовать возмещения убытков?

Патент, разрешающий описанные действия, назывался «грамота на репрессалию», т. е. «на возмездие, возмещение». В основе *франц.* *représsaille* и *англ.* *reprisal* лежало *лат.* *reprehendo* — «беру обратно, возвращаю». Своими истоками это одно из самых старинных правил ведения морских дел уходило в античную эпоху, когда оно воспринималось как вполне естественное право на

⁴³⁰ *Clowes W. L. The Royal Navy. A History from the Earliest Times to the Present. Vol. II. London, 1897. P. 142.*

⁴³¹ Регламентации порядка выдачи разрешения на репрессалию была посвящена отдельная глава в ордонанса 1681 г. (см.: *Pardessus J. M. Collection des Lois Maritimes... T. II. P. 371*).

возмещение понесенных убытков. Практика «возмездия», отраженная законодательством (законы Драконта), не раз упомянута в поэмах Гомера, о ней писали Павсаний, Полибий и Диодор Сицилийский, из-за репрессалий вспыхивали войны, сведения об этом можно почерпнуть в сохранившихся речах Демосфена.⁴³²⁴³³ Вспоминал о репрессалиях и Тит Ливий.⁴³⁴ В период Римской империи право репрессалий отошло на задний план, но после разрушения «рах Романа» применение подобной формы «правосудия» возобновляется в широких масштабах. О нем часто упоминалось в варварском законодательстве (в законах Теодориха, в законах лангобардов и т. д.), и, переживая в средневековую историю, право репрессалий закрепилось в европейских кодексах и повседневной торговой и морской практике, превратившись в действенное орудие морской войны.⁴³⁵ Одним из самых ранних примеров репрессальных патентов стала грамота против «жителей Лиссабона», предоставленная от имени короля Англии Эдуарда I губернатором Гаскони Джоном Британским торговцу из Байонны Бернарду Донгресилли в 1295 г.⁴³⁶ Несмотря на кажущееся сходство с пиратством и каперством, право репрессалии представляло собой иной правовой институт и его ни в коем случае нельзя смешивать с другими формами морского разбоя.⁴³⁷ В системе мышления средневекового моряка и торговца право репрессалии занимало совершенно особое место, служа обоснованием «справедливой» охоты за собственностью подданных другого государства и внося свою лепту в эскалацию насилия на море.⁴³⁸

⁴³² См.: Демосфен. Против Лакрита, на возражение о неподсудности дела // Демосфен. Речи. / Отв. ред. Е. С. Голубцова и др. Т. I. М., 1994. С. 432.

⁴³³ Там же. С. 435.

⁴³⁴ Ливий Т. История Рима от основания города / Пер. под ред. Е. С. Голубцовой. Т. I. М., 1989. С. 91.

⁴³⁵ См.: Starkey D. J. British privateering enterprise in the eighteenth century. Exeter: University of Exeter Press, 1990. P. 20, 21.

⁴³⁶ Documents relating to law and custom of the sea, 1205–1767 / Ed. by Reginald G. Marsden. Vol. I. London: Navy Records Society. 1915. P. 36–41. См. также: Clark G. The English practice with regard to reprisals by private persons // The American Journal of International Law. 1933. Vol. 27. № 4. P. 644–723; Cheyette F.L. The Sovereign and the pirates, 1332 // Speculum. 1970. Issue 1. P. 40–68.

⁴³⁷ Анализ правовой базы репрессальных грамот и масштабы их применения см.: Keen M.H. The laws of war in the late middle ages. London: Routledge & Kegan Paul; Toronto: University of Toronto Press, 1965. P. 218–238.

⁴³⁸ Итальянский юрист XIII в. Бартоли в «Tractatus Repressaliarum», переданном в 1354 г. Перуджинскому университету, специально подчеркивал, что частное лицо, защищая свою личность и свое имущество, имеет право объявлять всем войну, если нет возможности прибегнуть к защите высшей власти (Грабарь В. Э. Римское право в

Нельзя, конечно, однозначно утверждать, что, предоставляя своим подданным такие полномочия, государство полностью устранялось от решения вопросов, связанных с судьбой их имущества. Мы видели, что порядок ведения дел о выдаче свидетельств о репрессалии оговаривался достаточно четко. Но существовал он, по-видимому, только на бумаге. Если принять во внимание трудности контроля за держателями «грамот на репрессалии», становится ясно, что подобного рода «мстители» оказывались фактически бесконтрольными и могли действовать и в мирное время.⁴³⁹ Подчас было невозможно установить, насколько справедливы требования обидчика, что приводило к появлению в море немалого числа «мстителей», отстаивавших свою поруганную честь и добивавшихся справедливости. Вспомним, например, Эндрю Баркера, печально известного похождениями с «грамотой на репрессалии». Он был бристольским купцом и, снарядив два небольших судна, в 1576 г. отправился в Панаму. Правда, его поход не имел санкции Адмиралтейства, однако во времена не прекращающегося конфликта Англии с Испанией подобных искателей «справедливости» было несть числа. Рейд Баркера закончился печально. Переругавшись с командой, он потерял контроль над судами. Вспыхнул мятеж, Баркера и несколько верных ему людей оставили на необитаемом острове у побережья Гондураса. Вскоре сюда пришли испанцы и, захватив британцев врасплох, уничтожили незадачливых «мстителей», отправив их руки и головы как трофеи в Трухильо.

XVIII в. фактически подводит черту в использовании репрессалий. При заключении в 1697 г. Рисвикского мира еще специально оговаривалось применение соответствующих грамот. Ст. 2, 4 Коммерческого договора гласили: «Все каперские грамоты и грамоты на репрессалии, которые могли быть выданы

истории международно-правовых учений: элементы международного права в трудах легистов XII-XIV вв. Юрьев, 1901. С. 228).

⁴³⁹ См. подробнее: *Mas-Latrie R. M. de Du droit de marque ou droit de représailles au moyen-âge // Bibliothèque de l'École des Chartes. 1866. Vol. 27. № 1. P. 529-577; Dareste M. R. Du droit de représailles // Séances et travaux de l'Académie des sciences morales et politiques. Paris, 1890; Maulde la Claviere R. de. Le système de représailles internationales usité au Moyen-Âge // Comptes-rendu de séance de l'Académie des inscriptions et belles-lettres. 1892. 36-e année. № 3. P. 166.*

ранее, объявляются недействительными и не смогут выдаваться после заключения (договора. — *Д. К.*) одним из названных союзников в ущерб подданным другого; кроме случаев явного отказа в правосудии, которое будет считаться таковым, только если ходатайство того, кто испрашивает упомянутые репрессалии, передано полномочному министру, пребывающему здесь и представляющему государство, против подданных которого репрессалии должны быть предприняты. Для того чтобы по истечении четырех месяцев, или по возможности ранее, он был бы уведомлен о противном, или мог перейти к осуществлению должного правосудия.» Доктрина Рисвикского договора была подтверждена Утрехтскими соглашениями 1713 г. Ст. 3 Коммерческого договора, дополнявшего политический трактат, определяла следующий порядок: «Постановлено, что в будущем одному из двух государств не будет выдаваться никаких грамот на репрессалии против подданных другого государства (если прежде не произойдет отсрочки или отказа от совершения правосудия, что можно будет счесть действующим), если только прошение того, кто будет испрашивать грамоты на репрессалии, не будет передано министру или послу, который будет представлять суверенного правителя, против подданных которого будут направлены эти грамоты. Для того чтобы по истечении четырех месяцев он мог быть уведомлен о противном или сделать так, чтобы ответчик немедленно удовлетворил заявителя.» Как видим, юридические возможности применять репрессалии резко сузились. Насколько нам известно, Утрехтский договор стал последним международным соглашением, которое зафиксировало этот древний порядок возмещения ущерба. Редкие случаи использования права на репрессалии выглядят, скорее, исключением из правил.⁴⁴⁰ Мы не встречаем упоминания о репрессалиях ни в Гагских и Лондонских соглашениях 1717 и 1718 гг., ни в Фамильном пакте Бурбонов 1761 г., ни в Парижском договоре 1763 г. Европейский мир долго жил по правилам

⁴⁴⁰ В 1778 г., например, бордоские купцы Рекюле де Басмарен и Рембо получили право «захватывать как в море, так и на берегу все товары и имущество, принадлежащие английским подданным, до тех пор, пока стоимость их не будет равняться стоимости одиннадцати судов, захваченных англичанами» (*Перельс Ф.* Современное морское международное право... Ч. 1. С. 298).

репрессалий, но в XIX в. воспоминания о древней системе возмещения убытков остались разве что у хранителей старинных документов и как свидетельство «антикварного» прошлого цивилизации.

§ 4. КАПЕРСТВО: ПОД ПРИЦЕЛОМ ГОСУДАРСТВА

Один из самых запутанных вопросов в истории каперства – его взаимоотношения с властями и соотношение официально разрешенной каперской деятельности и уголовщины. И вновь перед нами один за другим возникают все новые повороты сюжета. Как, например, относились власть предержащие к присутствию в своих водах «разбойников»? Безопасность и свобода деятельности морских охотников непосредственно зависели от нюансов правительственной политики и проводимого внешнеполитического курса, а курс этот подчас весьма напоминал неприкрытый морской разбой. Профессия капера, по свидетельству известного капитана Натаниэла Ботлера, всегда была «очень привлекательной»,⁴⁴¹ и желание разбогатеть перевешивало иные жизненные соображения. Власти же, зачастую, оказывались в зависимости от услуг каперов и пиратов – они были необходимы для усиления флота, и попытки искоренить морской разбой ограничивались акциями устрашения. Более того, каперы и пираты были необходимы властям как средство давления на противника в тех случаях, когда по каким-то причинам было невыгодно начинать войну. Ярким примером взаимодействия властей с пиратскими группами может стать история семьи Хоули из Дартмута (1370-е – 1430-е гг.). Джон Хаули Старший и его сын тезка были богаты и пользовались в округе огромным влиянием. В их распоряжении находилась небольшая флотилия быстроходных гребных барок и балингеров,⁴⁴² с которыми они держали под своим контролем окрестные воды. Влияние этой семьи

⁴⁴¹ *Fury Ch. A. Tides in the Affairs of Men. The Social History of Elizabethan Seamen, 1580 – 1603.* Westport: Greenwood Press, 2002. P. 18.

⁴⁴² Балингер – небольшое парусное судно водоизмещением около 100 т с открытым баком, применявшееся в XIV – XV вв. в военных флотах стран Европы в качестве разведывательного корабля. Использовался также как торговое судно и часто применялся в пиратской деятельности. Впервые был создан в Англии, затем появился в бассейне Средиземного моря. Первоначально применялся на китобойном промысле, откуда и произошло название.

подчеркивает тот факт, что Хоули-Младший подарил королю Генриху V одно из лучших своих судов – балингер «Крачер». Когда-то этим кораблем командовал верный семье Хоули Джон Уильям, известный капер, на счету которого был, по крайней мере, один пиратский захват. Пройдет время, и Уильям принял командование над 1000-тонным «Иисусом» с командой в 200 человек - одним из самых больших английских кораблей того времени.⁴⁴³

Те же тенденции демонстрирует и политика, проводившаяся Елизаветой I Тюдор в отношении «своих» разбойников, занимавших свое место в системе государственной политики. Так или иначе, «морские волки» Елизаветы выступали «авангардом» британской экспансии, которая только делала первые шаги. Именно поэтому, Елизавета, лишенная возможности управлять не существовавшей пока еще гигантской заморской державой, поддерживала «морских псов», рассматривая их как важный элемент империи и комбинируя их действия с торговыми операциями. Колоний у Англии практически еще не было – богатства Нового Света уже поступали в казну. Пираты же превратились в элемент имперского подражания, давая возможность королеве почувствовать себя равной его католическому величеству Филиппу II.⁴⁴⁴ В обстановке постоянной угрозы войны с Испанией королева была заинтересована в пиратах как в опытных военных моряках, потенциальных каперах.⁴⁴⁵ Для флота они были прекрасными рекрутами, и пока готовые постоять за себя «люди моря» сидели на побережьях Корнуолла, Гемпшира, Суссекса, Кента, Эссекса, часть тревожных вопросов, связанных с обороной приморья, была решена. Важность пиратов понимали многие из доверенных лиц королевы. Знаменитый математик, каббалист и навигатор Джон Ди, личный астролог Елизаветы, занимавшийся помимо научных штудий и магии колониальными проектами и реорганизацией флота, всячески советовал королеве

⁴⁴³ *Friel J.* Oars, sails and guns... P. 77.

⁴⁴⁴ См. подробнее: *Fuchs B.* Mimesis and empire. The New World, islam and European identities. Cambridge: Cambridge University Press, 2001; *Jowitt Cl.* Rogue traders: National identity, empire and piracy 1580 – 1640 // *Borders and travelers in early modern Europe* / Ed. by Thomas Betteridge. Aldershot: Ashgate, 2007.

⁴⁴⁵ *Fury Ch. A.* Tides in the Affairs of Men... P. 22-26.

присматривать за деятельностью пиратов и по возможности извлекать из этого прибыль.⁴⁴⁶

Зимой 1572 г. Елизавета послала во Францию Уильяма Сомерсета, графа Вустера, с подарком (золотым подносом) по случаю крестин новорожденной дочери короля Карла IX. По дороге из Дувра в Булонь на королевского посланника напали пираты. Сам граф Вустер с подносом сумел спастись, но его сопровождающие были убиты, и разбойники захватили добычи на 500 фунтов стерлингов. А что же власти? По приказу королевы контролер флота Уильям Холсток с тремя кораблями блокировал район, выловив сотни разбойников,⁴⁴⁷ но на виселицу отправили только троих, все же остальные попали на королевский флот.⁴⁴⁸ «Пираты» при Елизавете I — это, по сути дела, привилегированная прослойка уголовных преступников, на которых «кровавое законодательство» конца XVI в. не всегда распространялось. Английское правосудие, правда, действовало избирательно, отправляя, «для примера», на виселицы наиболее зарвавшихся разбойников.⁴⁴⁹ В 1583 г. суду Адмиралтейства были преданы захваченные Уильямом Барроу известные пираты – Клинтон Аткинсон, Томас Бивен и Томас Уолтон по прозвищу Казначей. Первый из них был на особом счету у правосудия: он неоднократно арестовывался за разбой и неуплату долгов, бежал из заключения, и доставил немало хлопот шотландским купцам, за которыми охотился у Дангенесса. Захватив одно судно, Аткинсон высадил экипаж на берег и подверг пленников пыткам: узникам обвязывали головы веревками и поджигали спички между пальцами.

Потребовалось личное вмешательство короля Шотландии Иакова VI, отправившего Елизавете I послание с требованием принять меры к задержанию бандитов. 5 – 6 августа суд под председательством доктора Обри и сэра Юлиуса

⁴⁴⁶ *Fuchs B.* Mimesis and empire. The New World, Islam and European identities. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 118.

⁴⁴⁷ Documents relating to the law and custom of the sea... P. 196, 197.

⁴⁴⁸ *Pringle P.* Jolly Rodger. The Story of the Great Ages of Piracy. New York, 1958 P. 187.

⁴⁴⁹ Письмо от 20 августа 1583 г., цитируемое К. Джовит (*Jovitt C.* Rogue traders: National identity, empire and piracy 1580 – 1640 // Borders and travelers in early modern Europe / Ed. by Thomas Betteridge. Aldershot: Ashgate, 2007. P. 56).

Цезаря вынес решение: главарей пиратов бросили в Тауэр и подвергли пытке на дыбе. Преступники, правда, стойко перенесли истязания, не выдали своих подельников и были повешены. Однако, заметим, что многие из рядовых моряков, попавшие в банды известных пиратов елизаветинской эпохи, упомянутых Аткинсона и Уотсона, а также Стивена Хэйнса, Уильяма Эрнвуда (Арнольда), Уильяма Вогана, были людьми случайными и вовсе не являлись закоренелыми преступниками, входившими в криминальные группировки.

Судейские чиновники часто оказывались перед сложным выбором – не было ли опрометчиво вешать потенциальных защитников родных рубежей. Когда срочно требовались люди на флот, следовали указы о строгих мерах против разбойников, корабли Ее Величества пополнялись новобранцами, хотя большинство из них, как заметил сэр Уолтер Рэли, не горели желанием служить своей королеве.⁴⁵⁰ Их недовольство имело свои причины: служба на военном флоте по приносимым материальным дивидендам не могла сравниться с прибылями от торговых рейсов. Кроме того, моряки попадали в тиски жесточайшей дисциплины, а также лишались возможности самостоятельно искать возможности для приложения своих сил, что нарушало традиционные свободы морского работного люда. Об этом заявил в 1584 г. некий моряк с корабля «Вайт Хайнд», подчеркнув, что «сам знает, сколько и когда ему вкалывать». Его чувства вполне разделял и 19-летний Уильям Роджерс, насильно завербованный в 1590 г. капитаном Ричардом Нэшем на эскадру Френсиса Дрейка, и возмущенный тем, что его заставляют идти в море против его воли.⁴⁵¹

Естественно, при таком положении дел ни о каком спокойном плавании в английских водах не могло быть и речи. К счастью для британских торговцев, «пираты» брали в основном иностранные суда, что, разумеется, вряд ли радовало голландцев, португальцев, французов и в особенности испанцев — шансы на

⁴⁵⁰ *Fury Ch. A. Tides in the Affairs of Men...* P. 26.

⁴⁵¹ *Ibidem.*

возмещение убытков были ничтожными. Масштабы каперских войн выглядят впечатляющими.

Таблица. Деятельность английских каперов в 1589–1591 гг.

Порт приписки	Тоннаж судов							Всего
	1-49	50-99	100- 149	150- 199	200- 299	Более 300	Неизвестного тонажа	
Лондон	9	20	7	6	6	5	17	70
Саутгемптон с близлежащим и портами*	2	8	3	0	1	0	11	25
Порты Дорсетшира **	4	6	1	1	0	0	15	27
Порты Девоншира и Корнуолла***	6	12	2	0	2	0	23	45
Бристоль и Бриджуотер** **	3	12	3	2	0	0	9	29
Другие порты*****	2	4	0	0	0	0	4	10
Неизвестные порты	3	7	0	0	2	0	18	30
Всего	29	69	16	9	11	5	97	236

*Три корабля из Чичестера, 5 из Портсмута, 5 с о. Уайт и 12 из Саутгемптона

**Один из Пула, 11 из Лайма и 15 из Уэймута и Мелкомб Региса.

***По одному из Эксмута, Тавистока, Нортхэма, Падстоу, два из Фалмута, по четыре из Топшема и Дартмута, восемь из Барнстапла и двадцать три из Плимута.

****Пять из Бриджуотера и двадцать четыре из Бристоля.

*****По одному из Довера, Честера, Кармартена и Бэрри, по два из Лайна, Ярмута и Рая.

ИСТОЧНИК: *Andrews K. R. Elizabethan privateering: English privateering during the Spanish war, 1585–1603.* Cambridge: Cambridge University Press, 1964. P. 32.

Во время второй англо-голландской войны голландские каперы захватили 360 английских торговых судна, тогда как трофеи их противников составили 160 в первую и 270 во вторую войны.⁴⁵² Между 1680 и 1697 гг. Англия потеряла около 4 тысяч торговых судов, взятых, в основном, французскими корсарами; за время войны за Испанское наследство ее потери составили 3250 судов, опять же захваченных корсарами.⁴⁵³ Одни только дюнкеркские корсары во время войны Франции против Аугсбургской коалиции в 1688–1697 гг. захватили 2436 призов, а их суммарный доход во время войны за Испанское наследство составил 82 млн фунтов.⁴⁵⁴ К не меньшим потерям привела война за Австрийское наследство (1739–1748): Британия лишилась 3238 судов, захваченных французскими корсарами; британские каперы оплатили сполна, взяв 3434 судна.⁴⁵⁵

Разумеется, речь шла не только о людских ресурсах. На первое место выходили вопросы финансирования обременительной для бюджета войны против Испании, и в этой войне первенствующие позиции занимали отнюдь не руководители Адмиралтейства и линейные корабли. По замечанию Брайана М. Даунинга «основу флота Елизаветы, который одержал победу над испанской Армадой и разрушил ее колониальную торговлю... составили независимые приватиры». На протяжении двух десятилетий военно-морского противостояния (1585–1602) Англия затрачивала на содержание флота ежегодно около 55 тысяч фунтов. Эта сумма едва ли смогла бы покрыть расходы на армию в 18 тысяч

⁴⁵² *Konstam A. Blackbeard: America's most notorious pirate.* Hoboken, New Jersey: John Wiley and Sons, Inc., 2006. P. 9.

⁴⁵³ *Anderson G. M., Gifford A. Privateering and the private production of naval power // Cato journal.* 2004. Vol. 11. № 1. P. 102.

⁴⁵⁴ *Bromley J. S. The importance of Dunkirk reconsidered, 1688–1713 // Bromley J. S. Corsairs and navies, 1660–1760.* London: The Hambledon Press, 1987. P. 73.

⁴⁵⁵ *Brewer J. The sinews of power: War, money and the English State, 1688–1783.* New York: Alfred A. Knopf, 1989. P. 197.

пехотинцев, вооруженных пиками и мечами, причем без учета средств на обмундирование и провиант. Испания же только на подготовку Непобедимой армады затратила почти 10 млн. дукатов,⁴⁵⁶ и ежегодно тратила около 2 млн. на подавление восстания в Нидерландах.⁴⁵⁷

Однако, за такую экономию приходилось расплачиваться, предоставляя приватирам возможность действовать на свой страх и риск, не всегда следуя полученным инструкциям. Знаменитые «морские волки» Елизаветы I (Френсис Дрейк, Мартин Фробишер, Ричард Гренвилл, Томас Кавендиш), отдали все силы разрушению и разорению испанских торговых трасс, стали пионерами в морской экспансии Англии и по иронии судьбы вписали свои имена на страницы истории пиратства, поскольку зачастую действовали на свой страх и риск. Так, Дрейк, вернувшись в Англию после очередного грабительского рейда по испанским колониям, предпочел не афишировать свои «подвиги», поскольку застал в стране потепление в отношениях с Испанией и опасался, что его выдадут испанским властям в качестве морского разбойника. Фробишер же, не достав в очередной раз каперской грамоты, угодил в тюрьму за пиратство.⁴⁵⁸

Тот же двойной стандарт обнаруживается и в других начинаниях правительства. Когда в Нидерландах разгоралась борьба против Испании, главную опору сопротивления составляли морские гезы. Организовав блокаду портов страны, они грабили испанские торговые караваны, нападали на прибрежные гарнизоны и города, захватывали испанские корабли, т. е. занимались самым настоящим пиратством, но с политической окраской. С 1568 г. принц Вильгельм I Оранский, возглавивший борьбу с испанцами, начал выдавать этим партизанам-пиратам каперские грамоты с разрешением вести войну против испанцев, установив отчисление трети захваченной добычи в пользу освободительных сил.

⁴⁵⁶ 1 дукат был приблизительно равен 4 фунтам.

⁴⁵⁷ *Downing B. M. The military revolution and political change: Origins of democracy and autocracy in early modern Europe.* Princeton: Princeton University Press, 1993. P. 164. См. также: *Downing B. M. War and the state in early modern Europe // Democracy, revolution and history / Ed. by Theda Skocpo with the assistance of George Ross, Tony Smith, Judith Eisenberg Vichniac.* Ithaca: Cornell University Press, 1998. P. 36, 37.

⁴⁵⁸ *Rowse A. L. The expansion of Elizabethan England.* London: Cardinal, 1973. P. 347.

Елизавета I, заинтересованная в ослаблении Испании, открыла английские порты для гезов, и до весны 1572 г. они базировались на английском побережье. В феврале 1572 г. королева, опасавшаяся открытого конфликта с Испанией, отказала гезам в покровительстве и убежище. Символично, что когда испанская «Непобедимая Армада» приближалась к Англии, то сообщение о появлении первых испанских кораблей в Ла-Манше пришло от английских вольных добытчиков: некий Флеминг пришел с этим известием в Плимут и, готовый сражаться с испанцами, сдался командующему флотом лорду Хауарду.

Вряд ли вообще возможно провести четкую грань между официально разрешенным каперством и незаконным пиратством — неясностей и темных мест здесь предостаточно. Когда морская война Англии с Испанией достигла пика, Высший суд Адмиралтейства под руководством приятеля Дрейка сэра Юлиуса Цезаря выдал грамоты о репрессалиях такому количеству желающих, что Атлантика и Вест-Индия на несколько лет превратились в «кромешный ад» для купцов. Государственная машина открыла моря для неудержимой стихии частого предпринимательства, выплеснувшего свою колоссальную энергию в морской разбой, имевший, по определению британского исследователя Кеннета Эндрюса, крупнейшего специалиста по истории каперства времен Елизаветы, «специфический правовой статус».⁴⁵⁹ По его подсчетам, почти три сотни каперских судна, вышедших в море в 1589–1591 гг., вернулись со средней прибылью по меньшей мере в 60 %, а каперство в целом превратилось в основной источник доходов государства — стоимость захваченных судов составила примерно 10–15 % общего размера импорта.⁴⁶⁰ От налогового обложения официально разрешенного морского разбоя королевская казна получала гигантские поступления — воистину золотые потоки текли в бюджет от инвестиций,

⁴⁵⁹ *Andrews K. R. Elizabethan privateering: English privateering during the Spanish war 1585–1603. Cambridge: University Press, 1964. P. 13.*

⁴⁶⁰ *Ibid. P. 128, 134. 147.*

направляемых на снаряжение разбойничьих плаваний в Вест-Индию: залоги за выход в море, оформление сотен документов, доля в получаемой прибыли.⁴⁶¹

За каждым отправляемым в испанские воды судном стояли значительные капиталы, вложенные признать, в крайне рискованное дело. Были ли это официально санкционированные предприятия или нечто полуофициальное, наподобие плаваний Дрейка в 1585, 1587, 1589 гг.,⁴⁶² — за ними всегда стояли акционерные общества, инвестировавшие солидные средства и ожидавшие ощутимых прибылей. «Агенты» этих рискованных заморских предприятий балансировали между частными и правительственными интересами, так что разделить две эти сферы не представляется возможным. С одной стороны — акты «национальной политики», наподобие защиты от «Непобедимой Армады», попытки захвата Лиссабона в 1589 г., нападения графа Эссекса на Кадис, борьба с барбарийскими корсарами, экспедиции под Ла-Рошель в 20-х гг. XVII в.⁴⁶³ С другой — бесчисленные пиратско-каперские рейды конца XVI в., в которые вкладывались не только капиталы частных лиц, но и государственные деньги и личные средства самой королевы. Елизавете принадлежала треть средств, инвестированных в 1587 г. в экспедицию Дрейка, королева передала «своему пирату» шесть кораблей из шестнадцати.⁴⁶⁴ Британские аристократы не отставали от королевы и самым активным образом участвовали в финансировании колониальных проектов и тесно связанного с ними каперства. Одним из них, был, например, руководитель государственной секретной службы сэр Фрэнсис Уолсингем; признанный глава антииспанской партии при дворе. Его первая

⁴⁶¹ Анализ каперства с точки зрения экономической теории см.: *Hillman H., Gathmann Ch. From privateering to navy: How sea power became a public good* // <http://www2.warwick.ac.uk/fac/soc/economics/staff/faculty/harrison/assa2008/gathmannhenning.pdf>

⁴⁶² Конкретные официальные инструкции правительства Дрейк, как правило, сочетал с вольной инициативой, переходя за рамки данных ему указаний и объединяя государственные стратегические цели с поиском призов и других возможностей для собственного обогащения. Осуществив свой знаменитый рейд в Кадис, где он «подпалил бороду Его Католического Величества» Филиппа II, уничтожив несколько десятков испанских кораблей и захватив флагманский галеон испанского командующего маркиза Санта-Круза, Дрейк занялся охотой за призами, навлекая ужас на испанские побережья и разогнав рыболовные и каботажные флотилии. Не ограничившись этим, сэр Фрэнсис подстерег и захватил у Азорских островов идущую из Ост-Индии огромную португальскую каракку «Святой Филипп», стоимостью более 100 тыс. фунтов.

⁴⁶³ См. подробнее: *Rabb Th. K. Enterprise and empire...* P. 147–149.

⁴⁶⁴ *Ibid.* P. 148.

супруга, Анна Карлайл, вдова Александра Карлайла, была дочерью лондонского магната сэра Джорджа Барна, одного из учредителей «Московской компании», а сам сэр Френсис в 1570-90 х гг. покровительствовал колониальным проектам, связанным с поисками северо-западного прохода и организацией поселений в Северной Америке.⁴⁶⁵

За создаваемыми товариществами стояло само общество, и направления, в которые преимущественно инвестировался капитал, могут подсказать общие тенденции развития, сложившиеся в этот период. Благодаря исследованиям Эндрюса и Рэбба, мы видим сегодня, что каперство выделялось как одна из наиболее рентабельных зон вложения финансовых средств. Рэбб, проследив структуру и состав акционерных обществ (Joint Stock Companies), стоявших за организацией экспедиций Мартина Фробишера и Эдварда Фентона, выяснил, что половина акционеров, вложивших в 1582 г. средства в плавание Фентона, ранее финансировали плавания Фробишера в 1576, 1577 и 1578 гг. В разных комбинациях около восемнадцати высокопоставленных аристократов и крупных негоциантов внесли свои паи и рассчитывали получить коммерческую выгоду от поисков Северо-западного прохода и торговли с Китаем. Среди них: канцлер Уильям Сесил, лорд Берли; Амброуз Дадли, граф Уорик и Роберт Дадли, граф Лестер; Эдвард Фаннс де Клинтон, граф Линкольн; Генри Херберт, граф Пембрук; Чарльз Хауард Эффингем, граф Ноттингем; Эдвард Вер, граф Оксфорд; судья Адмиралтейства сэр Юлиус Цезарь; торговцы Уильям Берд, Ричард Янг, Джон Кэстлин.⁴⁶⁶

В это время предпринимательство в Англии переживало бурный подъем, непосредственным образом связанный с начинавшимися заморскими плаваниями и завоеванием колоний. Люди, прежде никогда не интересовавшиеся деловыми операциями и вложением денег, начинали увлеченно заниматься

⁴⁶⁵ *Andrews K. R. Trade, plunder and settlement: Maritime enterprise and the genesis of the British empire, 1480–1630. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. P. 15.*

⁴⁶⁶ *Rabb Th. K. Enterprise and empire... P. 151, 152.*

«инвестированием».⁴⁶⁷ Но, разумеется, наибольшую активность проявляли купеческие круги приморских областей, коммерческими интересами привязанные к океаническим проектам и снаряжавшие в море корабли. Не следует преуменьшать размах натур самих каперов и уподоблять их либо обычным уголовникам и преступникам, либо сводить все к их не знавшей утоления авантюрной жилке. Жизнь этих людей — не только блуждания по испанским морям и бесконечные грабежи. Не последнее место в их деятельности занимал бизнес, они, по воле профессии, вступали пайщиками в стремительно создававшиеся товарищества, финансировавшие колониальные проекты. Вообще, подобного рода соединение капиталов, дававшее возможность объединенной группе пайщиков снаряжать, оснащать и отправлять в плавание корабли, всегда составляло особенность морского предпринимательства, требовавшего крупных финансовых вложений.

В качестве показательного примера приведем уже упоминавшееся ранее плавание в Северную Америку флорентийца Джованни да Веррацано, состоявшего на службе французской короны. За снаряжением в плавание его «Дофина» стояло пусть и достаточно небольшое по размерам капитала, но самое настоящее акционерное общество, объединившее умеренные доли пайщиков в 100, 200 и 300 золотых экю.⁴⁶⁸ В 1526 г. при подготовке следующего похода Верацано в Вест-Индию было организовано товарищество с «фондом» в 20 тыс. ливров, в состав которого вошел представлявший интересы короны адмирал Франции сьер Шабо де Брион, вложивший в дело 4 тыс. ливров, предоставлявший два королевских галеаса и 2000 ливров для нефа Анго.⁴⁶⁹

Семейные предприятия часто не справлялись с бременем расходов на постройку корабля, его оснащение, вооружение, набор и экипировку команды.

⁴⁶⁷ Губарев В. К. Морской разбой в Вест-Индии как источник первоначального накопления капитала (1621–1697 гг.) // Наука. Релігія. Суспільство. Донецьк, 2006. № 2. С. 21–30.

⁴⁶⁸ *La Roncière Ch de*. Histoire de la marine Française. Т. III. Paris. 1906. P. 258.

⁴⁶⁹ *Heers M J* Le rôle dans capitaux internationaux dans les voyages dans découvertes aux XV-e et XVI-e siècles // Les Aspects internationaux de la découverte océanique aux XV-e et XVI-e siècles. Actes du cinquième colloque international d'histoire maritime (Lisbonne 14–16 septembre 1960) / Présentés par Michel Mollat et Paul Adam. Paris: SEVPEN, 1960. P. 277.

Фамильно-корпоративные «предприятия» со временем обрели паевым капиталом, за счет, по определению Броделя, «компаньонов-чужаков» (нередко иностранных), и усилиями разраставшихся корпораций формировалась океаническая торговля и росла военно-морская мощь европейских держав. Организация, например, французских корсарских предприятий была тесно связана с финансированием флорентийскими банками и деловыми кругами Руана и Лиона. За плечами того же Верацано стояли его флорентийские земляки банкиры Томмасино Гуаданьи, Роберто Альбицци, Джулиано Буонакорси, а также ломбардская группа Чиприано Релиа.⁴⁷⁰ Руководитель же всего предприятия, руанец Жан Анго, установил тесные контакты в высших правительственных сферах (адмирал Шабо де Брионн, вкладывавший деньги в строительство нефов и имевший паи в заморских предприятиях Анго) и наладил финансовые связи с влиятельными лионскими (Адам Годфруа), нормандскими (Прюдом) и генуэзскими (Спинола) семействами.⁴⁷¹

Принося колоссальные дивиденды и вовлекая в свою орбиту высшие слои общества, морской разбой переживал воистину настоящий бум. В атмосфере, где все жили ожиданием сказочных, баснословных прибылей, спрос на пиратство и каперство мог только возрастать. Не случайно, те же руководители, например, французских островов в Вест-Индии, в частности правители Тортуги, были тесно связаны с вольными добытчиками финансовыми интересами. Они предоставляли им свои корабли, имели долю в отчислениях прибыли и выступали соучредителями предпринимательских товариществ: Франсуа Левассеру принадлежал корабль капитана Роберта Мартена, а д'Ожерон в совместной

⁴⁷⁰ *La Roncière Ch. de. Histoire de la marine Française. T. III. P. 245–247, 258–260.*

⁴⁷¹ *Ibid. T. III. P. 265.* Огромное значение приобрели иностранные капиталы в заморской экспансии Португалии. По мнению португальского исследователя Жайми Кортезана (Jaime Cortesão), местная буржуазия была не в состоянии «переварить» денежные потоки и взять на себя организацию экспансии с точки зрения технологического, торгового и финансового обеспечения. В результате пришлось искать опору в иностранных инвестициях и прибегать к помощи финансовых домов Нюрнберга и Аугсбурга, к банкам Фуггеров и Вельзеров. (Данные об участии иностранных деловых кругов в португальской экспансии см.: *Rau V. Les marchands-banquiers étrangers au Portugal sous le règne de João III (1521–1557) // Les Aspects internationaux ... P. 295–307; Kellenbenz M. H. La Participation des capitaux de l'Allemagne méridionale aux entreprises portugaises d'Outre-mer au tournant du XV-e siècle // Les Aspects internationaux... P. 309–317; Gentil de Silva M. J. L'appel aux capitaux étrangers et le processus de la formation du capital marchand au Portugal du XIV-e au XVII-e siècle // Les Aspects internationaux... P. 341–363.*)

собственности с двумя местными торговцами и капитанами Франсуа Требютором и Гасконцем владел двумя кораблями.⁴⁷² В Европе формировались влиятельные фамильные кланы, тесно связанные с Новым Светом и обладавшие большим весом в придворных кругах. Одной из таких групп стало общество, занимавшееся колонизацией французской Акадии. Во главе его стоял представитель влиятельного придворного клана Фуке Кристоф Фуке де Шален, кузен всесильного суперинтенданта Никола Фуке, под влиянием которого во многом формировалась атлантическая политика Франции.⁴⁷³ Среди членов общества мы находим губернатора и вице-короля Акадии Никола Денни и арматоров и моряков из фамилии Дюкенов, один из которых, Абраам Дюкен, или «Великий Дюкен», был одним из самых известных французских флотоводцев.⁴⁷⁴

Когда же речь заходила о подготовке грандиозных корсарских операций, наподобие экспедиции 1697 г. против испанской Картахены или 1712 г. против португальского Рио-де-Жанейро – масштабы предприятий требовали участия не только частных капиталов, но и короны. Внебрачный сын короля Людовика XIV Луи-Александр Бурбон, адмирал граф Тулузский, руководивший военно-морскими силами Франции, инвестировал, например, в операцию корсара Рене Дюге-Труэна против Рио-де-Жанейро 75 тысяч ливров и обеспечил поддержку дела на правительственном уровне. В созданном консорциуме с общим капиталом в 700 тысяч ливров основными пайщиками стали сам Дюге-Труэн и его многочисленная родня из Сен-Мало: арматоры, судовладельцы и негоцианты. Участвовал в деле и пражский банкир Жан Никола.⁴⁷⁵ Подготовка к плаванию прошла в обстановке секретности, с удивительной быстротой, размахом и основательностью. Всего через два месяца после того как Людовик XIV одобрил

⁴⁷² *Laprise R.* L'époque, la vie et les moeurs des flibustiers, pirates et corsaires de l'Amérique dans la seconde moitié du 17e siècle (1648–1688). Ch. 8: À compagnon bon lot: la chasse-partie // <http://www.geocities.com/trebutor/Livre/2F/L2C5.html>.

⁴⁷³ *Marcel G.* Le surintendant Fouquet, vice-roi d'Amérique // *Revue de géographie*. 1885. T. XVI. P. 131–142. О роли Фуке в колонизации Вест-Индии см далее, с. 244–247.

⁴⁷⁴ *Baudry R.* Quelques documents nouveaux sur Nicolas Denys // *Revue d'histoire de l'Amérique française*. 1955. Vol. 9. № 1. P. 434, 435.

⁴⁷⁵ Об экспедиции в Рио-де-Жанейро см. подробнее: *Duguay-Trouin R.* Mémoires de Duguay-Trouin, lieutenant-général des armées navales, commandeur de l'ordre royale et militaire de S.-Louis / Ed. par Philippe Clouet. Paris, Éditions France-Empire, 1991. P. 134–164; *La Roncière Ch. de.* Histoire de la marine Française. T. VI. Paris, 1932. P. 530–540.

✓ проведение операции, корабли вышли в море. Король не только оказал финансовую поддержку экспедицию^{4/}, но также предоставил военные суда (7 кораблей, 4 фрегата, 1 корвет, 2 галиота с бомбами), снабженные экипажами (6 ✓ тысяч моряков, 500 солдат) и офицерами^{от}. Более того, корона отказывалась от своей доли прибыли, настояв лишь на том, чтобы в экспедиции участвовал специальный комиссар, который бы наблюдал за справедливым разделом захваченной добычи.⁴⁷⁶

Собственно говоря, любой, пусть и самый незадачливый и недалекий вольный добытчик, просто не мог не быть хоть немного предпринимателем. Ему, так или иначе, приходилось соприкасаться с контрабандой, работоторговлей, нелегальными поставками оружия, вступать в деловое партнерство с теневыми торговцами, ростовщиками, спекулянтами, скупщиками краденого. Что же до масштабных фигур, наподобие «морских волков» Елизаветы, то эти моряки сами располагали значительными капиталами, которые они вкладывали в самые разнообразные коммерческие проекты и, почти непременно, в каперство.

Плимутский магнат сэр Джон Хоукинс, фактически открывший для Англии эру заморских колониальных начинаний, деятельно поддерживал вольных добытчиков, состоял пайщиком Левантской компании и имел значительные финансовые интересы в средиземноморской торговле. Его родственник и компаньон сэр Фрэнсис Дрейк, также вкладывавший средства в финансирование каперства, рассчитывал на прибыли от торговли со странами Востока и вложил часть капитала в снаряжение экспедиции Фентона в Китай. Томас Кавендиш участвовал в деятельности Виргинской компании, осваивавшей побережье Северной Америки в районе устья реки Роанок. Сэр Мартин Фробишер, возглавлявший три экспедиции по поискам Северо-западного прохода, был не просто исполнителем воли акционеров, но и сам вложил деньги в найденную им легендарную «*Meta Incognita*», а кроме того, субсидировал каперство и плавание Фентона. Сэр Джеймс Ланкастер, первым из английских подданных совершивший

⁴⁷⁶ Блюш Ф. Людовик XIV... С. 658 – 659.

плавание в Индийский океан и на Острова пряностей, имел доли в экспедиции Дрейка 1587 г. и в арктических плаваниях Генри Гудзона 1610 г. и Уильяма Баффина 1615 г.; кроме того, сэр Джеймс состоял акционером нескольких крупных торговых компаний (Ост-Индской, Компании лондонских купцов, отыскавших Северо-западный проход 1612 г.). Фаворит Елизаветы сэр Уолтер Рэли, один из наиболее колоритных представителей экспансионистского направления во внешней политике Англии, активно участвовавший в организации британского каперства и колонизации Гвианы, входил в состав акционеров Компании Северо-западного прохода 1584 г., Виргинской компании 1584 г., Гвианской компании 1594 г. Граф Камберленд, не раз лично возглавлявший рейды в испанские моря и после пятнадцати лет походов против испанцев совершенно увязший в долгах, также не ограничивался поддержкой единственно каперства и вкладывал крупные финансовые средства в многочисленные акционерные общества (2-е и 3-е плавания Фробишера, Гвианская компания, Ост-Индская компания).⁴⁷⁷

Как только мы поднимаемся чуть выше по ступенькам социальной стратификации и отрываемся от безликого и огромного мира стоявших на дне жизни моряков, шкиперов, пушкарей и солдат, вынужденных прозябать в тисках своего ремесла и узкой профессиональной специализированности, — правовые, корпоративные и прочие социальные границы тают. Так, «пират» королевы Елизаветы, национальный герой Британии сэр Фрэнсис Дрейк, большую часть своей жизни на свой страх и риск пиратствовал в испанских морях, но он же возглавлял военные правительственные эскадры, при этом никогда не пренебрегая возможностью взять подвернувшийся приз. Те же особенности характерны для правового статуса купца, работоторговца и контрабандиста сэра Джона Хоукинса, который, по мнению историка британской экспансии Джеймса Уильямсона,

⁴⁷⁷ *Rabb Th K Enterprise and empire...* P. 224–410. Вложение денег, разумеется, было рискованным делом и нередко приводило к банкротству, так что тот же граф Камберленд вынужден был признаться, что «должен думать не о перехвате каракк, а о посевах зерна, не о снаряжении кораблей, а о разведении овец» (*Бродель Ф. Средиземное море...* Ч. 1. С. 307).

никогда не был замечен в пиратстве, и к которому наиболее подходит определение «капер, приватир».⁴⁷⁸

Слишком много нюансов появлялось в практике морского разбоя и слишком разными были тона, в которые он окрашивался. Причины недоразумений нередко порождала сама система международных отношений. Союзы государств не отличались прочностью, и подданные государств вынуждены были менять свои «пристрастия». В 1672–1674 гг., например, Англия вела войну против Голландии. В 1688 г. обе державы вошли в состав Аугсбургской коалиции против Франции. Они продолжили сотрудничество и во время войны за Испанское наследство, ведя военные действия против Франции и ее недавно извечного противника, превратившегося теперь в династийного союзника – Испании. Однако в 1718 г. Англия уже в союзе с Францией начала войну против Испании.

Да и сами каперские грамоты порождали массу недоразумений. Случалось, что следственные власти, заподозрившие судно в грабеже, заходили в тупик при попытке установить, капер перед ними или пират. Дело в том, что любой здравомыслящий человек старался раздобыть для себя такое «отпущение грехов» и, обезопасив себя с его помощью, вершил свои подвиги безбоязненно. Хотя, разумеется, для тех, против кого он действовал, грабеж всегда оставался грабежом. Это нашло отражение в правительственных инструкциях и распоряжениях относительно обороны прибрежных территорий, в которых предусматривались действия против контрабандистов, каперов и пиратов.⁴⁷⁹

Как только начиналась новая война, суда вольных добытчиков устремлялись на военные базы противников, а главари бандитских шаяк, не обременяя себя излишними размышлениями, заключали договор с местным губернатором и становились добровольцами на службе у какого-нибудь европейского монарха. Пираты Карибского моря знали, что наиболее многообещающим местом для

⁴⁷⁸ См. подробнее: *Williamson J. A. Sir John Hawkins, the time and the man.* Oxford: Clarendon Press, 1927.

⁴⁷⁹ См., например, указания губернатора Мэриленда сэра Томаса Лоуренса от 25 июня 1695 г. (*Calendar of state papers. Colonial series. America and West Indies, 1660–1738 / Ed. by Noel W. Sainsbury, J. W. Fortescue and Cecil Headlam. Vol. XIV.* London: Institute of Historical Research, 1903. P. 518).

получения каперской грамоты была французская Тортуга, так как именно Франция стала последней великой державой, разграничившей свои заморские владения с Испанией. От губернатора Бертрана д'Ожерона почти всегда можно было получить лицензию на грабеж испанцев. (Пираты, в свою очередь, выплачивали ему «десятину» с захваченной добычи.)

Вот одна из таких грамот, выданная на Тортуге 28 июля 1669 г. Франсуа Требютору,⁴⁸⁰ вооружавшему фрегат «Сент-Катрин» для каперства: «Мы, именем Короля, правитель острова Тортуга и берегов Сан-Доминго, с согласия господ из Вест-Индской компании выдали патент съеру Франсуа Требютору, капитану вооруженного для корсарства фрегата, на ведение войны с испанцами, выступившими против Его Величества, при условии, что они (корсары. — Д. К.) после захвата каждого приза будут приводить двух главных офицеров, чтобы наблюдать за продажей с торгов названного приза. Повелеваем всем тем, на кого распространяется наша власть, оказывать названному капитану Требютору и его экипажу любого рода помощь, какая ему может понадобиться. Просим и умоляем генералов, генерал-лейтенантов, капитанов оказывать ему такую же поддержку и им тоже оказывать помощь в подобном случае. Д'Ожерон. Писано собственноручно съером Корбье».⁴⁸¹

Восторженную оценку этой стороны деятельности д'Ожерона дал Жан-Батист де Лаба, путешествовавший по Вест-Индии в 1696 г. «Мне не приходилось, — сообщает он, — когда-либо видеть правителя более бескорыстного, чем он. Он едва соглашался принять малую долю того, что принадлежало ему по праву каперских грамот, выданных им во время войны. А когда у нас был мир с испанцами и наши флибустьеры от нечего делать могли отправиться к англичанам на Ямайку и повести туда свои суда, он позаботился снабдить их грамотами из Португалии, которая тогда воевала с Испанией, и наши флибустьеры продолжали

⁴⁸⁰ О Требюторе см. подробнее: *Exquemelin A. O. Histoire des aventuriers flibustiers / Etablissement du texte, glossaire et index par Réal Ouellet. Introduction et notes par Réal Ouellet et Patrick Villiers. Paris: Presses de l'Université de Paris-Sorbonne, 2005. P. 199; Laprise R. Figures de proue : un dictionnaire biographique de la flibuste // <http://membre.oricom.ca/yarl/T/T.html>.*

⁴⁸¹ <http://www.gcocities.com/tokyo/garden/5213/frch1669.htm>.

представлять опасность для испанцев.»⁴⁸² Практику д'Ожерона продолжил и сменивший его Жак Непве де Пуансэ. После заключения в 1679 г. Нимвегенского мира Людовик XIV повел двойственную политику, отказавшись предоставлять флибустьерам королевские каперские грамоты, и одновременно позволив де Пуансе выдавать грамоты от имени королевского наместника. Подобная «принципиальность» привела к событиям 1683 г., когда голландцы Лоран Корнелис Бальдевинсон де Грааф⁴⁸³ и Николас Корнелисон ван Хорн вместе с французом Мишелем де Граммоном разграбили Веракрус. Разъяренный король Испании Карл II, возмущенный также агрессивностью французской политики в Испанских Нидерландах, объявил Франции войну.

В том случае, если пирату, по тем или иным причинам, было нежелательно заходить на Тортугу, его с распростертыми объятиями встречал губернатор английского острова Ямайка сэр Томас Модифорд, столь же трепетно относившийся к их просьбам. Например, в 1665 г., во время войны против Голландии, губернатор, рассчитывая на помощь «старого приватира», капитана Эдварда Мансфельда, и его 600 человек, предоставил ему грамоту с позволением действовать против голландского Кюрасао.⁴⁸⁴ У Мансфельда имелась и португальская грамота, разрешавшая действия против испанцев, и он направился в поход на Кубу.

Практика получения двух каперских грамот была, по-видимому, делом, достаточно распространенным. В 1685 г. Уильям Дампир, находясь в Панамском заливе, оказался свидетелем встречи английских и французских пиратов. «Капитан Гронье продемонстрировал свое расположение, предложив капитану Дэвису и капитану Свану новую грамоту от губернатора Пти-Гоав. Для последнего было обычным делом давать незаполненные бланки своим капитанам с позволением передать их тому, кому они посчитают нужным. Таким образом,

⁴⁸² *Labat J.-B. de. Nouveau voyage...* Т. II. P. 210, 211.

⁴⁸³ См. подробнее: *Laprise R. Les débuts de la carrière de Laurens de Graafe (1674–1679). Quelques rectifications et nouvelles hypothèses* // <http://membre.oricom.ca/yarl/D/degraffe1.html#note7>.

⁴⁸⁴ *Calendar of state papers. Colonial series. America and West Indies, 1660–1738* / Ed. by Noel W. Sainsbury, J. W. Fortescue and Cecil Headlam. Vol. V. London: Institute of Historical Research, 1880. P. 329, 330, 363.

грамоты губернатора Пти-Гоав предоставляли убежище и приют любому из отчаянных искателей удачи и этим способствовали росту их богатства, силы и репутации. Капитан Дэвис принял грамоту; на руках у него, впрочем, была старая грамота, доставшаяся по наследству от умершего капитана Кука, который, в свою очередь, заполучил ее от капитана Тристьяна вместе с его барком.⁴⁸⁵ Капитан Сван, однако, отказался взять ее, сказав, что у него имеется грамота от герцога Йоркского...⁴⁸⁶ Я никогда не читал ни одной французской грамоты, пока был в здешних водах, и не знаком с их содержанием, но с тех пор я узнал, что истинный смысл их заключается в том, чтобы даровать свободу рыбной ловли и охоты на дичь. Причина сего в том, что остров Эспаньола, где расположен Пти-Гоав, принадлежит частью французам, частью испанцам, и когда наступает мир, эта грамота выдается как обоснование каждой из сторон защищать себя от вмешательства противника. В действительности же французы не ограничивают их действия одной Эспаньолой и подобным обманным путем предоставляют возможность опустошать любую часть Америки на море и на суше».⁴⁸⁷ С такими любителями двойной игры власти, как правило, не церемонились и отправляли их на виселицу, так как сроки полномочий, предоставленные по документам, могли уже истечь.⁴⁸⁸

Однако в данной связи уместно задаться вопросом – в какой степени зависели владельцы каперских грамот от политической конъюнктуры? Однозначного ответа на этот вопрос нет. Когда речь идет о европейском регионе, мы вправе предполагать, что, по мере усиления государственной мощи на море и исчезновения удаленных приморских анклавов, появлялась вполне реальная возможность достаточно жестко контролировать каперскую и пиратскую

⁴⁸⁵ Судно французского флибустьера капитана Жана Тристьяна было захвачено в 1683 г. Куком на рейде Пти-Гоав, когда Тристьян и его французский экипаж высадились на берег.

⁴⁸⁶ Герцог Йоркский (1633–1701) — брат английского короля Карла II, английский король Иаков II (1685–1688).

⁴⁸⁷ *Dampier W. A new voyage...* P. 136, 137.

⁴⁸⁸ См., например, переписку Модифорда с государственным секретарем Генри Беннетом, лордом Арлингтоном, по поводу французского корсара Моро, у которого истекли сроки действия каперской грамоты, полученной им от губернатора Ямайки (1661–1663) лорда Томаса Виндзора (*Calendar of state papers. Colonial series...* Vol. V. P. 278, 279).

деятельность. Правительства XVI–XVII вв. постепенно «завинчивали гайки» вольницы позднего Средневековья и получали достаточные рычаги давления на «людей моря». Военные эскадры, портовые укрепления, контроль за выдачей каперских свидетельств, развитие военно-морской инфраструктуры приводили к постепенному исчезновению не контролируемых властью зон, которые могли бы оставаться центром притяжения для морских разбойников. Разумеется, не следует абсолютизировать данное положение, так как, например, традиционные основы «приморских промыслов», наподобие берегового права, действовали и в XX в. Однако паутина власти все более сжимала пространство вольного промысла, не оставляя в нем места для неприкрытой уголовщины. В Англии, например, после 1588 г. каперские свидетельства выдавались любому купцу, который приводил доказательства ущерба, причиненного ему испанцами. Предоставлялись они только на шесть месяцев, но легко возобновлялись. Десятую часть добычи каперы отдавали в пользу королевы (или лорда-адмирала); если же они отказывались платить эту «десятину», против непослушных заводились уголовные дела. С восшествием на престол Англии Иакова I и начавшимся потеплением в отношениях с Испанией, вышел ряд указов, требовавших возвращения каперских грамот. Английские приватиры потеряли свою работу, и им пришлось либо осваивать новую профессию, либо перебираться в другие, более отдаленные районы, скажем, в Средиземное море.⁴⁸⁹ Заметим, что европейским пиратам в этот период особо не повезло. Тот же курс борьбы против морского разбоя проводили король Франции Генрих IV и правительство Республики Соединенных Провинций, которое ввело в 1605 г. строгую регистрацию каперских грамот, а в 1606 г. приняло решение выдавать их после уплаты 20 тыс. флоринов и отдало приказ своим каперам возвратиться в родные гавани. Другой пример — Война за испанское наследство. С ее окончанием высвободились сотни приватилов, а последовавшая демобилизация флотов еще более наводнила рынок моряками,

⁴⁸⁹ См. подробнее: *Corbett J. S. England in the Mediterranean. A study of the rise and influence of British power within the Straits, 1603–1713. Vol. I–II. London: Longmans, Green, 1904.*

оставшимися без работы. Между тем взрыва пиратства в европейских морях не последовало.

Совсем иная ситуация возникала в отдаленных колониях, куда и хлынула волна приватиров и авантюристов, — там рождался сложный, пестрый и многообразный разбойничий мир, например, береговое братство флибустьеров Вест-Индии. Как зависели эти «переселенцы» от перипетий европейской политики?

Нам не так-то легко проникнуть в эмоциональную атмосферу берегового братства и понять чувства, которые двигали этими людьми. Ибо речь идет о субъектах, не склонных писать мемуары и вообще размышлять о том, что их толкает на стезю разбоя. Жизнь вольных промысловиков протекала в привычном русле повседневных страхов и местечковых пристрастий, за которыми стояли вековые патриархальные предубеждения приморских провинций, вольных городов и окрестностей феодальных замков. Этим простым трудяг не волновали высокие материи — о том, что их окружало, они судили, руководствуясь вполне земными традиционными категориями. Реалии бытия истолковывались «людьми моря» как неотъемлемая часть некоей универсальной модели вековой мудрости. Внутри этой модели воспоминания о старинной обиде и вражде сосуществовали с неприязнью к заклятому сопернику-конкуренту и чувством превосходства над ним. Унаследованные издревле обиды и клокотавшая в душе стихия, ненависть, порождали кажущиеся спонтанными конфликты. На деле же, бытовая повседневность воспринималась этими людьми сквозь призму прошлого, когда кого-то из их предков обобрали, заставили платить выкуп или претерпеть унижение в плену. За всем этим скрыты глубокие ментальные пласты, традиционно ориентированные на осознание человеком некоей замкнутой территориальной общности: жители какого-то одного края ценили и хранили «свое» и с подозрением относились к чужакам, от которых нельзя было ожидать ничего хорошего. Бесконечные торговые войны, репрессалии, грабеж промысловиков и рыбацких флотилий, обман перекупщиков, добыча имущества

обидчиков навсегда стали частью коллективной памяти обитателей побережий Уэльса, Норфолка, Кента, Корнуолла, Шотландии, Фландрии, Фрисландии, Голландии, Нормандии, Галисии, Гипускоа и множества других приморских территорий, затягивая их в подчас трудно объяснимое враждебное противостояние.

Проходя «воспитание чувств», труженики моря впитывали в себя грубоватую озлобленность жителей их родных мест, ту напористость неприязни, что заставляла героя дюнкеркских корсаров Жана Бара орать заливавшим его корабль валам: «С носом остался, англичанин!» Злорадство, насмешка, сарказм, поношения, злоба, раздражение — вся эта чудовищная ментальная амальгама была способна прорваться из глубин сознания в любой подходящий момент. Не вызывают удивления и нередкие в истории морского разбоя конфликты на «национальной» почве. В XV–XVII вв., в атмосфере постоянного насилия и взаимной враждебности, подобные настроения были типичными. В 1317 г., несмотря на мир, царивший между Англией и Фландрией, Ла-Манш и Северное море буквально заполнили жаждавшие мести англичане и жители Фландрии, державшие грамоты на репрессалии. Торговые связи между континентом и островом полностью нарушились: потребовалось вмешательство короля Эдуарда II и графа Фландрского, чтобы умерить вражду своих подданных и снизить накал взаимной ненависти.⁴⁹⁰ В 1410 г. граф Голландский не мог прийти в себя от ярости, когда его «добропорядочные» промысловики, выйдя в море на лов сельди, без всякого к тому повода подверглись нападению со стороны шотландцев. Добиваясь репрессалии для пострадавших рыбаков, он требовал предоставить им право преследовать «врагов» шотландцев «на море и на суше».⁴⁹¹ Очередная вспышка «национальной» ярости произошла в правление Иакова I и обернулась ожесточенными шотландско-голландскими промысловыми войнами.⁴⁹²

⁴⁹⁰ *Fulton T. W.* The Sovereignty of the sea. An historical account of the claims of England to the dominion of the British sea. Edinburgh: William Blackwood and Sons, 1911. P 53–54.

⁴⁹¹ *Ibid.* P 77.

⁴⁹² *Ibid.* P. 77–85.

Ко всему сказанному добавляется еще один важный момент, из-за которого мы не можем адекватно проникнуть в смысл описываемых событий. Мало того, что вольные добытчики за редким исключением не писали о своих «подвигах» в силу неграмотности или отсутствия навыков письменного труда. Детали происходившего в плавании или во время стоянок скрыты и по другой причине. Перед нами ведь полукриминальный мир, балансировавший на тонкой грани между волей, тюрьмой и виселицей. И, разумеется, внутри него бытовали собственные обязательные для исполнения правила, скрытые от цивилизованного общества, которому эти люди вовсе не стремились сообщать свои «секреты».

Говоря же о береговом антильском братстве, фибусте, мы, выражаясь понятиями современного общества, имеем дело с многонациональным формированием. Представление о разбойнике вообще как о человеке, с горящими от алчности глазами рыскавшем по морям в погоне за добычей, достаточно распространено, но оно чрезмерно упрощает действительную картину. Ошибочно думать, что капер-флибустьер был начисто лишен представлений о таких понятиях, как «мой край», «наш король», «свои купцы» и тому подобных, а, следовательно, в той или иной форме «национальный вопрос» себя проявлял. Завуалированные мотивы розни так и остались скрытыми, явные же проявления национальной вражды временами напоминали о себе, приводя к дракам, поножовщине и третированию тех, кто оказывался слабее. Безусловно, не следует сгущать краски и превращать бандитские шайки в преступные группы по этническому признаку — в период раннего Нового времени и национальные государства, и национальная идентичность их подданных только формировались. «Национальному» происхождению в разбойничьей среде могли до поры до времени не придавать значения и грабить испанские колонии «единым фронтом». Однако и в этот период «интернациональной солидарности» нередко случались конфликты во флибустьерской среде, например, между французами и англичанами.

В 1683 г. барк французского капитана Тристьяна с экипажем из французов, среди которых затесалось восемь–десять англичан, пришел на рейд французского порта Пти-Гоав. Англичанам уже давно было не по душе общество французов, и они отважились на дерзкую акцию. Когда Тристьян с частью экипажа отправился на берег, английские моряки, среди которых были «герои» первого похода буканьеров в Тихий океан Джон Кук и Эдвард Дэвис, устроили так, чтобы за ними последовали и другие французы, а сами тем временем захватили корабль, срочно набрали экипаж из местных жителей и быстро ретировались, пока известие о захвате не дошло до французского губернатора и Тристьяна. Постоянные конфликты сопровождали и совместные англо-французские разбойничьи акции. Во время экспедиции Генри Моргана против Пуэрто-дель-Принсипи в 1668 г. внутри каперско-пиратского братства «возникли нелады», и «воинство» расколосось. «Они едва не пропороли друг другу животы во время драки, которая завязалась, когда один англичанин убил француза, поспорив с ним из-за какой-то мозговой кости». Кости эти почитались среди охотников одним из деликатесных лакомств. Разделявая тушу, один француз уже отобрал себе подходящую кость, как вдруг она оказалась в руках подошедшего англичанина. Началась ссора, и англичанин выстрелил в спину своему противнику. Французы сгруппировались, решив схватить и проучить обидчика. Командующий Морган сумел урезонить «мстителей», пообещав провести суд над виновным. Вероломного заковали в цепи и посадили в трюм флагманского корабля. Кончилось все уходом французских экипажей, недовольных среди прочего и поведением главаря, не выдавшего им «преступника».⁴⁹³ Справедливости ради надо сказать, что по прибытии в Порт-Ройял английского флибустьера отправили на виселицу.

Та же тенденция обнаружилась во время знаменитого похода буканьеров в Панаму в 1685 г. Когда пиратская флотилия столкнулась в Панамском заливе с испанским военным флотом и оказалась под угрозой уничтожения, среди запаниковавшего воинства тут же вспыхнули «национальные» распри. Француз

⁴⁹³ Эксвемелин А. О. С. 125.

капитан Гронье отделился со своими людьми от главных сил и убрался восвояси, предоставив англичанам самим разбираться с испанцами.⁴⁹⁴ О живучести взаимной неприязни французов и англичан говорит история, произошедшая в 1689 г. с кораблем англо-французской флибустьерской шайки, стоявшим на якоре у острова Сент-Кристофер. Неожиданно пришло известие о том, что началась Аугсбургская война. Пираты тут же разделились на два лагеря. Британцы, численно превосходившие своих французских «коллег», избавились от нежелательных спутников, вышвырнув их на берег. Корабль же они увели на английский Невис, где получили от местного правителя каперскую грамоту, разрешавшую действия против французской торговли.⁴⁹⁵

Флибустьерские пристрастия были крайне противоречивыми, ментальность этого мира дробилась на множество духовных, а значит и поведенческих сегментов. В жилах этих грубых парней в просоленных истрепанных одеждах и с нечесаными космами, потерявших стыд и совесть в погоне за наживой, текла кровь голландцев, шведов, французов, шотландцев, англичан. Трудно судить с уверенностью, но в некоторых случаях их происхождение и конфессиональная принадлежность не могли не сыграть свою роль, заставив отказаться принять грамоту враждебного их стране государства, дабы не стать изгоями среди своих соплеменников. Однако приведенные выше эпизоды с фландрскими корсарами, готовящимися идти в испанские моря и брать суда своих соседей, голландских каперов, предостерегает от вольных и слишком широких обобщений. Иногда судить о «пристрастиях» буканьеров помогает статистика. В разгар Аугсбургской войны, в 1696 г., население Ямайки, например, резко уменьшилось — из 2440 человек, проживавших на острове в августе 1695 г., осталось 1390. Особенно большие потери понесло приморское население: его численность сократилась с 1200 человек до 300. Причиной столь резкого падения числа жителей явились «деспотические» действия командиров английских военных кораблей,

⁴⁹⁴ *Dampier W. A new voyage...* P. 275.

⁴⁹⁵ *Ritchie R C Captain Kidd...* P. 76.

насильственно забиравших моряков в свои экипажи. В ответ на столь непопулярные меры жители Ямайки бежали на французскую половину Эспаньолы, где завербовывались в ряды французских каперов.⁴⁹⁶ Здесь можно усмотреть и влияние политики, тесно связанной с религией, а также с ностальгией по «старым добрым временам». После «Славной революции» 1688 г. и восшествия на английский престол герцога Вильгельма Оранского, на Ямайке немало ирландских католиков, приверженцев Стюартов и свергнутого короля Иакова II, проявляли недовольство. Им куда ближе была католическая Франция, приютившая у себя Иакова II и поддерживавшая якобитов, как называли в ту пору сторонников свергнутой династии. Кроме того, у них как у ирландцев давняя неприязнь к англичанам, по сути, была в крови. Поэтому ирландские католики уходили на Сан-Доминго, усиливая французских каперов и предоставляя противнику ценнейшие сведения об укреплениях Ямайки, численности местного гарнизона и уязвимых местах фортификационных сооружений. Так, один из английских пленных, бежавший с Сан-Доминго, сообщал властям о намерениях французов вторгнуться на остров и об их расчетах на помощь пятисот якобитов, которые должны были присоединиться к высадившимся войскам.⁴⁹⁷

А можно ли воспринимать как «работу против своих» действия двух голландских приватиоров в Карибском море во время Войны за испанское наследство? Один из них, Рейнир ван Тонгерлоо, с полученной от правителя английской Ямайки каперской грамотой благополучно захватил в водах Каракаса не менее восьми судов своих соотечественников, заподозренных им в контрабандной торговле с врагом. Другой капер, Адриан Клавер, с грамотой, выданной губернатором голландского Кюрасао, также «пошел против своих» — он захватил и затопил в гавани Портобелло голландский барк, а взятый приз доставил на Ямайку.⁴⁹⁸ Как, должно быть, изумился лоцман английского торгового

⁴⁹⁶ *Crouse N. M.* The French struggle for the West Indies, 1665–1713. New York: Columbia University Press, 1943. P. 213.

⁴⁹⁷ *Ibid.* P. 191.

⁴⁹⁸ *Goslinga C. Ch.* The Dutch in the Caribbean and in the Guianas 1680–1791. Assen: Van Gorcum, 1985. P. 193.

судна «Спидвелл» Джон Хэр, когда в 1602 г. по пути в Московию, узнал среди напавших на его корабль дюнкеркцев своего однокашника Джона Алена, который служил у приватиров штурманом.⁴⁹⁹ Английские подданные против английских подданных, голландцы против голландцев, французские пираты против своих английских «коллег» — какая уж тут однозначная схема. Позволим себе даже допустить, что постепенно формировавшиеся «национальные», религиозные, коммерческие пристрастия флибустьеров и буканьеров в немалой степени зависели от интересов европейских военно-морских держав, остро нуждавшихся в потенциальных союзниках на заморских территориях, а те, в свою очередь, — в гарантиях безопасности и прибылях. Кроме того, подобная избирательность в стратегиях выбора противника были также связаны с общими тенденциями к интернационализации моряцкого социума и личным выбором каждого участника. Многие из них были готовы предложить свои услуги любому, кто платит деньги, или же оказывались в ситуации, когда другого выхода у них не было. Откровенные высказывания на этот счет моряка из Довера Эдварда Коксира подчеркивают последнее наблюдение. «Я служил испанцам против французов, затем голландцам против англичан, потом под Дюнкерком они меня захватили, а когда я попал к туркам, они вынудили меня сражаться с англичанами, французами, голландцами, испанцами и всеми христианами».⁵⁰⁰

⁴⁹⁹ *Fury Ch. A. Tides in the Affairs of Men. The Social History of Elizabethan Seamen...* P. 8.

⁵⁰⁰ *Coxere E. Adventures by sea of Edward Coxer / Foreword by H. M. Tomlinson. Ed. by E. H. W. Meyerstein. New York, London: Oxford University Press, 1946. P. 37, 130–134.*

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
МОРСКОЙ РАЗБОЙ И ЭСКАЛАЦИЯ НАСИЛИЯ В ОКЕАНЕ:
ПРОБЛЕМЫ ВОЕННО-МОРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ XVI – XVIII вв.

**§ 1. «СВОБОДА МОРЕЙ» И ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ
ИНТЕРЕСОВ ЕВРОПЕЙСКИХ ВОЕННО-МОРСКИХ ДЕРЖАВ**

Новое время вошло в историю кардинальными геополитическими, демографическими, социальными, культурными и технологическими потрясениями, изменившими ход всемирной истории. В его недрах постепенно вызревала эра модернизации, отмеченная разрушением традиционных представлений о мире, выдающимися интеллектуальными свершениями и рождением новой науки, утвердившей всемогущество познания. Одновременно происходило становление европейского политического порядка, проникнутого «духом законов», разрабатывались концепции современного государственного устройства, Европа открывала и завоевывала американский и азиатский миры. Широкомасштабные перемены коснулись и морского бытия Европы, придавая континентальной истории глобальные черты. Поворот Европы к Морю, «тотальное» вторжение континента в океаническое пространство — один из важнейших компонентов, определивших отличительные черты Нового времени. В ряду преобразований, происходивших в Европе, стоял феномен, связанный с ее продвижением в Море и получивший название «военно-морской революции».⁵⁰¹

Исследователи, занимающиеся проблемами морского преобразования Европы, расходясь в оценках хронологических рамок этого явления, единодушны в главном — европейское общество, вступив на путь морской модернизации, претерпело существенные изменения и получило мощнейшие импульсы к динамичному развитию.⁵⁰² Уникальность развернувшейся «военно-морской

⁵⁰¹ Историкографию и основной круг проблем, связанных с «морской революцией» см.: *Glete J. Navies and Nations. Warship, Navies and State Building in Europe and America, 1500–1860. Vol. 1–2. Stockholm, 1993.*

⁵⁰² Проблематика «морской революции» неотделима от сюжетов, связанных с т. н. «военной революцией» XVI–XVII вв., кардинально изменившей стратегию, тактику, организацию и характер войн в Новое время. См. подробнее: *Parker G. The Military Revolution, Military Innovation and the Rise of the West, 1500–1800. Cambridge,*

революции» определялась «всеядностью» морского пространства — элемента, вокруг которого воздвигалось будущее Европы. Человек, углубляясь в Океан, открывал безбрежие его всеобъемлющих и всепоглощающих (во всех цивилизационных смыслах) широт, и континент ввергался в стремительный водоворот событий, нового знания и столкновения интересов. То, что сегодня мы называем «военно-морской революцией», вобрало в себя невероятную смесь явлений, различных по своей природе, мотивации, а также хронологии. Вычленив и анализируя каждый из этих самостоятельных феноменов, мы лучше поймем природу целого и приблизимся к тому ключевому смыслу, который стоит за многоликостью взаимоотношений Европы и Океана в ранний период Нового времени. На наш взгляд, доминантой процесса освоения морского пространства стало стремление европейских государств монополизировать в своих руках властные рычаги контроля над ним. Располагая технологическими возможностями для осуществления океанских плаваний и регулируя правовые вопросы владения морем, военно-морские державы, складывавшиеся тогда в Европе, реформируют систему государственного строительства: флот превращается в мощное орудие продвижения государственных интересов, преодолевающее масштабы континентальных границ. Пройдя множество переходных организационных форм и приняв требования нового миропорядка, сосуществовавшие со средневековыми традициями, флот стал главным орудием, позволившим Европе сконцентрировать рычаги своей власти и на море. Пытаясь монополизировать водное пространство, морские державы попадают под диктат новых — в сравнении с прежним, «сухопутным» периодом — требований и задач. Возникает необходимость обеспечить защиту береговой линии от атак и нападений с моря, обезопасить торговые трассы и местную торговлю. В Средние века такого рода локальные задачи ложились на плечи местных приморских властей и правителей,

1988; *Black J.* A Military Revolution? Military Change and European Society, 1500–1800. London, 1991; *Downing B. M.* The Military Revolution and Political Change: Origins of Democracy and Autocracy in Early Modern Europe. Princeton, 1993; *Prestwich M.* Armies and Warfare in the Middle Ages. The English Experience. New Haven–London, 1996; *Chagniot J.* Guerre et société à l'époque moderne. Paris, 2001.

вынужденных заботиться о себе, опираясь на собственные ресурсы. Центральная власть, не контролировавшая свои же провинции, тем более не располагала военно-морскими силами, способными вмешаться в дела приморских территорий, и вынужденно мирилась со сложившимся положением вещей. Ограниченность военных и финансовых средств, малочисленность королевских войск, отсутствие военных кораблей, отдаленность и автономность приморской периферии выбивали у государства и без того слабые и несовершенные рычаги контроля над морскими границами. Приморские анклавов защищали себя самостоятельно, независимо от центра формируя конвои судов, возводя опорные укрепления на побережье и организуя своими силами контингенты для обороны. В результате формировались средневековые корпоративные торговые союзы и приморские республики (Ганзейский союз, Генуя, Пиза, Венеция).

Военно-морская революция и модернизация средств войны покончили с обособленностью приморских территорий и автономностью местных интересов, соединив в единую систему охрану национального суверенитета и необходимую защиту на море частных лиц. Комплексность задачи требовала от государств раннего Нового времени усиления и концентрации морской мощи, а значит, выделения крупных средств на строительство флота, что в итоге и привело к эскалации насилия в море. В XVI–начале XVII вв. вышедшие в море «большие» державы, перестав быть сухопутными, монополизировали контроль над приморьем, вытесняя средневековые торгово-морские союзы и купеческие республики с их локальными задачами. На Балтике Ганзейский союз уступает позиции Дании и Швеции, к которым с начала XVIII в. присоединяется Россия; на Средиземном море итальянские города-республики отступают под напором Османской империи, Испании, Франции, Англии и Республики Соединенных Провинций. Теперь логика продвижения в море неумолимо поставила перед новыми морскими державами следующую задачу — взять под контроль океанские коммуникации.

В Новое время трансформировались и традиционные для Средневековья методы и средства наступательных действий против вражеской территории. Дело

в том, что во вторжениях и набегах прежней эпохи суда применяли, главным образом, как транспорты для переброски дружин и армий и боевое подсобное средство. В качестве последнего они выступали неким подобием суши, позволявшим перенести военные действия на море, а также оказать содействие сухопутной армии при высадке на побережье или осаде приморских крепостей. Морские средневековые сражения — не более чем «состязание армий на воде», «необходимое средство для одной армии удалить поражением встречной ей армии препятствие с дороги к завоеванию территории»⁵⁰³, а битва наподобие морского боя при Слейсе «выглядит на поверку продолжением сухопутных кампаний, перенесенных в море»⁵⁰⁴.

Континентальным державам военный флот как самостоятельная боевая сила был фактически неизвестен. Обзаведение кораблями требовало огромных ресурсов — финансовых, людских, сырьевых, — и европейские политики могли позволить себе разве что какие-то несколько судов. При необходимости корабли поставлялись приморскими государствами и местными правителями.⁵⁰⁵ Прибегали также к аренде и найму иностранных судов и экипажей у соседей или заказывали их строительство всюду, где только было возможно.⁵⁰⁶ В уже упоминавшемся сражении при Слейсе, например, французский флот адмирала Никола Беюше являл собой смешанную армаду нормандских, пикардийских, бретонских, генуэзских судов, состоявших на жаловании у короля Франции.⁵⁰⁷ Советник короля Людовика XI Филипп де Коммин сообщал, что для переправки армии английского короля Эдуарда IV из Дувра в Кале в 1475 г. «герцог Бургундский прислал ему 500 голландских и зеландских барок, плоскодонных и с низкими бортами, приспособленных для перевозки лошадей».⁵⁰⁸

⁵⁰³ Колумб Ф. Г. Морская война, ее основные принципы и опыт. СПб., 1894. С. 1, 2.

⁵⁰⁴ Roskill S. W. The Strategy of Sea Power, Its Development and Application. London, 1986. P. 22.

⁵⁰⁵ Последствия такой зависимости показал 4-й крестовый поход. Властям Венецианской республики, предоставившим крестоносцам галерный флот, удалось тогда направить силы христианского воинства не против мусульман Египта, а на уничтожение торговых конкурентов — адриатического порта Задар и Константинополя.

⁵⁰⁶ Так поступил, например, король Франции Людовик IX Святой, когда, готовя галерный флот к 7-му крестовому походу, заказывал корабли в Каталонии, Нарбонне, Марселе, Генуе, Пизе, Венеции и даже в Шотландии.

⁵⁰⁷ La Roncière Ch. de. Histoire de la Marine Française. T. I. Paris, 1899. P. 303.

⁵⁰⁸ Коммин Ф. де. Мемуары / Пер., ст. и прим. Ю. П. Малнина. М., 1986. С. 135.

К началу XVI в. функции флота как стратегической и тактической силы расширились. Это отчетливо видно, если проследить динамику военных действий на море у атлантического побережья Европы. На протяжении XVI – начала XVII вв. воды Атлантики стали свидетелями полувековых войн французских Валуа с испанскими Габсбургами, 80-летней войны Испании с Республикой Соединенных Провинций (1568–1648), постоянно возобновлявшихся военных конфликтов Англии с Францией (1512–1514; 1522–1523; 1544–1545; 1623–1628), франко-испанской войны 1635–1640 гг. и эпопеи англо-испанской морской войны. Водное пространство использовалось пока еще вполне традиционно. Переброска десанта и работы по укреплению побережий по-прежнему составляли костяк проводимых военных операций: широта и масштабность театра войны, протяженность береговой линии, ограниченное число военных кораблей, их недостаточная боевая мощь не позволяли организовывать блокаду побережий противника, осуществлять длительные рейды вдоль его берегов, создавать систему военных конвоев. Тем не менее, с созданием флотов появились примеры концентрации крупномасштабных усилий государства с целью решить исход войны, применяя военно-морские силы. К числу подобных операций можно отнести подготовку французского вторжения в Англию в 1544 г., попытки высадки испанских армид 1588, 1596, 1597 и 1601 гг., развернутые операции английского флота по высадке в Португалии в 1589 г., атаку Кадиса в 1587, 1596 и 1625 гг., охоту за трансатлантическими флотами в 1592 и 1593 гг., экспедиции в Вест-Индию и блокаду Ла-Рошели.

Об интенсивности и размахе происходивших изменений говорит и стремление морских держав расширять масштабы проникновения в Океан. С одной стороны, раздвинулись границы морского пространства, попавшего под прицел европейских держав. Если ранее в зону их контроля входили Ла-Манш, Атлантическое побережье, Балтийское море и акватория Средиземноморья, то в XVI–XVIII вв. арена европейского вмешательства и борьбы за морскую монополию охватывает гигантские водные просторы, включавшие океанские торговые трассы Атлантического, Индийского и Тихого океанов. С другой

стороны, концентрация морского могущества приобретала все более агрессивный характер и обернулась вторжением морских держав в международную торговлю и попытками захвата колоний. Применение пороха, линейные корабли с пушками на борту, рост грузоподъемности торговых судов и океанские плавания — составные элементы могущества европейских стран, позволившие им завоевать морские трассы мира. Регулярный же флот выступил в качестве инструмента завоевания морского могущества.

Шведский исследователь Йон Глете считает создание регулярной военно-морской силы одним из направлений в осуществлении так называемой «бюрократической революции», которой сопровождался длительный процесс формирования военных сил Нового времени, — «начального этапа развития современной Европы»⁵⁰⁹. В ходе этого процесса складывался профессиональный офицерский корпус, штат чиновников и судостроителей; происходила формализация боевой тактики флота; учреждались органы центральной и местной военно-морской администрации; строились крупные военно-морские базы, оснащенные верфями и арсеналами⁵¹⁰. Несмотря на то, что на рубеже XVI–XVII вв. «парусные военные флота... не вышли еще из детства»⁵¹¹, морское пространство уже попало под контроль государственной власти, оно перестало быть «свободным».

Борьба за пересмотр системы пиренейской монополии

На пороге Нового времени вопросы морской политики выходят на первый план международных отношений. Технологический переворот в военно-морской области и осуществление океанских плаваний привели к открытию морского пути в Индию, приходу европейцев на американский континент, расширению зон морской торговли и интернационализации европейской политики. Абстрактные

⁵⁰⁹ *Glete J. Navies and Nations... Vol. I. P. 12.*

⁵¹⁰ Об институциональной стороне вопроса на примере Российского флота см.: *Копелев Д.Н. Петровские верфи и становление Российского флота // Вестник С.-Петербургского университета. 1996. Серия 5. «Экономика». № 4. С. 78 – 88.*

⁵¹¹ *Шабо-Арно К. История военных флотов. СПб., 1896. С. XII.*

ранее водные просторы Океана начинают приобретать зримые очертания вполне самостоятельного феномена мировой политики. Формирование евроатлантического пространства, превращение Моря в объект международных отношений, в зону идеологического, военного и колониального противоборства, осуществление европейской заморской экспансии в неизвестные миры служат показателями новой геополитической концепции Европы как открывательницы миров, Европы как центра мира.

Устаревающее представление об океанских пространствах, узко рассматриваемых в качестве зоны торговых трасс, ограниченных очертаниями европейского континента, постепенно уходит в прошлое. Они выступают теперь как водная протяженность единого взаимосвязанного мира, морской бассейн глобального масштаба, транспортные артерии которого сходятся в Западной Европе.

Однако в эпоху Великих географических открытий такое новое геополитическое сознание еще только начинало пробуждаться. Фундамент же политического мышления на заре Нового времени составляли традиционные ценностные критерии, принятые в эпоху Античности и Средневековья, средства и методы закрепления нового порядка вещей исходили из арсенала принятых норм ведения политики. Противостояние, столкновение и переплетение новых требований глобального порядка и уходивших корнями в глубокую древность основ морского бытия Европы — специфическая и неотъемлемая часть истории Нового времени⁵¹².

Осмысление происходивших перемен началось с констатации владения и перешло затем в сферу юридическо-правовую. Возникают понятия «открытое море» и «свободное море» — термины, неотделимые от новой эпохи европейской экспансии. В XVI–XVII вв. вопрос политический, вопрос о праве владения, а по сути — вопрос определения морских границ, выходит на первый план и

⁵¹² См. подробнее: *Гроций Г. О праве войны и мира: Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права* / Пер. с лат. А. Л. Саккетти. М., 1994.

приобретает остроту: Европа осваивает океанское пространство, начинается ожесточенная схватка морских держав за раздел новых земель. Исследуя проблему «владения морем» и пытаясь определить сущность моря как объекта власти, мы сталкиваемся с двумя четко выраженными тенденциями. С одной стороны — восприятие моря, идущее от римских юристов — моря как «всеобщего достояния», «вещи, никому не принадлежащей».⁵¹³ С другой стороны, «море» не могло выступать как абстрактный объект права, и на пороге Нового времени морское право, традиции и обычаи, регулировавшие использование водного бассейна, несли на себе печать *политическую*: «владение морем» освящалось высшей духовной и гражданской властью, закреплялось формально-юридически и получало поддержку военной силы.

Одновременно с формированием международного права складывались независимые европейские государства, выделившиеся из некогда общеевропейской имперской системы, наследницы Римской империи. Развал единой политической структуры, базировавшейся на общем территориальном пространстве, повлек за собой переход властных прерогатив под контроль создававшихся национальных государств. На них же оказались перенесены и функции, составлявшие ранее юрисдикцию исключительно императора как верховного суверена. Единое ранее правовое поле раздробилось между новыми носителями власти. Установление юрисдикции в пределах ограниченной сухопутной территории неминуемо ставило вопрос о суверенных полномочиях европейских монархов в прилегающих неконтролируемых морских зонах, где они фактически оказывались защитниками интересов торговли.⁵¹⁴ Однако зачастую притязания на владение морем носили чисто «платонический» характер, так как правители тогдашней Европы не располагали требуемыми военными рычагами, в первую очередь — флотом, для осуществления своих амбиций.

⁵¹³ Бартошек М. Римское право: понятия, термины, определения. М., 1989. С. 386.

⁵¹⁴ См. подробнее: Хаусхофер К. Границы в их географическом и политическом значении // Хаусхофер К. О геополитике: Работы разных лет. М., 2001.

Великие географические открытия и развертывание заморской экспансии внесли коррективы в процесс установления собственности государства на морские воды. Во-первых, европейская цивилизация начинает перерастать рамки локальных прибрежных морей, рамки сугубо местных политических, экономических и торговых интересов. В борьбу за передел океанских просторов вступают державы, которые постепенно превращаются в морские империи Нового времени. Вместе с тем, эскалация соперничества за обладание морем по-прежнему протекает в рамках традиционного стремления «закрыть море», превратить его во владение суверенного европейского монарха. Первый испано-португальский раздел мира, оформленный решениями Тордесильяского (1494 г.) и Сарагосского (1529 г.) соглашений, закрепил монопольные права пиренейских держав на владение всеми внеевропейскими пространствами.

После выхода в Океан мир не мог измениться в одночасье, сознание правителей оставалось замкнутым в рамках прежнего политического мышления. Разделение океана по так называемому «папскому меридиану» — лишь вынесение обычаев и правил феодальной континентальной Европы за ее сухопутные пределы. Складывалась новая геополитическая ситуация, но логика принятия решений и мотивация поведения оставались прежними. Этим, на наш взгляд, была продиктована и легендарная фраза, произнесенная молодым королем Франции Франциском I, негодовавшим по поводу испано-португальской монополии на Океане: «Солнце светит для меня так же, как и для других, и я хотел бы видеть тот пункт в завещании Адама, в силу которого Новый Свет должен быть разделен между моими братьями, королями Испании и Португалии, а я должен быть лишен своей доли наследства». В этом программном заявлении король, по-видимому, не столько сформулировал программу «открытого моря», сколько предъявил претензии на «свою долю», т. е. действовал вполне в духе феодального порядка вещей.

Ярким и одним из наиболее впечатляющих примеров, символизировавших претензии Старого Света на поглощение новых континентов и омывавших их

морей, выступает европейская топонимика, которой стремительно обрастали вновь открываемые побережья. Географические названия, персонифицируемые объекты, разного рода аллюзии исполняли роль своеобразных знаков, примет, признаков владения. Появление на картах Нового Света гидронимов, ойконимов и оронимов, в основе которых лежали французские и английские имена и названия, тем более примечательно, что находились они на территориях, формально объявленных зонами испанской и португальской монополии.

В этом отношении исключительным выглядит плавание флорентийца на французской службе Джованни да Веррацано, предпринятое им в 1524 г. на судне «Дофина».⁵¹⁵ Преодолев Атлантический океан, он приблизился к берегам доселе неизвестной земли, откуда двинулся вдоль побережья на север. Моряки не знали, что подошли вплотную к новому матерiku — Северной Америке. Первую бухту, расположенную, по-видимому, в районе мыса Фир, в которой Веррацано бросил якорь, мореплавателю назвал в честь порта своего отправления — бухтой Дьеп.⁵¹⁶ 25 марта, в день Благовещения, соответствующее название «Бухта Благовещения» получила гавань, расположенная между мысами Лукаут и Хаттерас или несколькими милями севернее Хаттераса.⁵¹⁷ Изучая окрестные воды, Веррацано обнаружил косу «в милю шириной и около 200 миль в длину» и, посчитав, что за ней открывается «Восточное море», омывающее Азию, назвал залив и перешеек

⁵¹⁵ См. подробнее: *Фиске Дж.* Открытие Америки, с кратким очерком древней Америки и испанского завоевания. Т. II. М., 1893; *Бейкер Дж.* История географических открытий и исследований. М., 1950; *Бейклесс Дж.* Америка глазами первооткрывателей. М., 1969; *Магидович И. П., Магидович В. И.* Очерки по истории географических открытий. Т. II. М., 1983; *Акимов Ю. Г.* Джованни да Веррацано—мореплавателю эпохи Возрождения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 1999. Вып. 2 (№ 13); *Murphy H. C.* The Voyage of Verrazano. New York, 1875; *Brevoort J. C.* Verrazano the Navigator. Albany, 1874.

⁵¹⁶ Оригиналы отчетов Веррацано о плавании, направленные Франциску I, пропали во время осады Флоренции в 1529 г. Наиболее полное и достоверное описание плавания содержит отчет на итальянском языке, направленный мореплавателем лионским торговцам Леонардо Тедальди и Томазо Сартини, обнаруженный среди документов, собранных итальянским гуманистом Паоло Джовио, а ныне находящийся в Библиотеке Пирпонта Моргана в Нью-Йорке. Он был впервые опубликован на языке оригинала в 1909 г. с комментариями Алессандро Баккьяни, а затем переведен на французский и издан Шарлем-Андре Жюльеном и Робером Эрвалем. См. последние издания: *Voyage di Giovanni Da Verrazano a la "Francesca"* // *Les Français en Amérique pendant la première moitié du XVI-e siècle* / Éd. par Ch.-A. Julien, R. Herval et Th. Beauchesne. Vol. I. Paris, 1946. P. 53–76; *Giovanni et Girolamo Verrazano, navigateurs de François I-er. Dossiers de voyages établis et commentés par Michel Mollat et Jacques Napert.* Paris: Imprimerie nationale, 1982, 242 p. Попытки реконструировать маршрут Веррацано предприняли Ш.-А. Жюльен (*Julien Ch.-A.* Les voyages de découverte et les premiers établissements (XV-e–XVI-e siècles). Paris, 1947) и С. Э. Морисон (*Morison S. E.* The European Discovery of America: The Northern Voyages. A. D. 500–1600. New York, 1971). См. также: *Trudel M.* Atlas historique du Canada Français: Des origines à 1867. Québec, 1961.

⁵¹⁷ *Voyage di Giovanni Da Verrazano a la "Francesca"*... P. 59.

своим именем: «Залив Веррацано» и «Перешеек Веррацано». Так, на место материковых территорий Канады и США оказался нанесен таинственный проход из Атлантического океана в Тихий, который позже получил известность как пролив Аниан, величайший миф эпохи Великих географических открытий.⁵¹⁸ Предчувствуя, что он вот-вот ступит на землю Азии, Веррацано поспешил назвать открытые земли в честь французского короля — Францисканией.⁵¹⁹

Вскоре перед мореплавателями показалась «земля, самая красивая из когда-либо виденных...безгранично поросшая высоким лесом», которую путешественники назвали Аркадией.⁵²⁰ Видимо флорентийский мореплаватель, читавший знаменитый в те времена в Европе роман «Аркадия» Якопо Саннадзаро, усмотрел аналогию между красивейшим пейзажем Северной Америки и областью Древней Греции, воспетой когда-то Вергилием.⁵²¹

Они двинулись дальше и «плыли вдоль берега, покрытого зелеными лесами. Там не было портов, но нам встретилось несколько живописных высоких мысов и небольшие речки. Мы дали ему название Лотарингский берег по имени кардинала; первому из мысов — Алансон, второму — Бониве, а наибольшую из рек — Вандомской; ближайший к побережью холм — Сен-Поль, по имени графа».

⁵¹⁸ Мифический пролив искали, например, в северной части Атлантики, в Центральной Америке. Так, Леонардо да Винчи на своей карте мира 1515 г. поместил пролив между Флоридой и «Америкой» (Бразилией) (см. подробнее: Хенниг Р. Неведомые земли. Т. IV. М., 1963. С. 257, 379). В существовании таинственного пролива, ведущего из Европы в Азию, были убеждены многие крупные мореплаватели того времени. Пролив безуспешно искали Жак Картье, Хемфри Гилберт, Мартин Фробишер, Джон Дэвис, Самюэль Шамплейн, Генри Гудзон; он был описан и нанесен на некоторые карты того времени (см. подробнее: Рамсей Р. Открытия, которых никогда не было. М., 1982).

⁵¹⁹ Об имидже французской монархии и ее отражении в истории Нового Света см.: *Lestringant F. Sous la leçon des vents. Le monde d'André Thevet, cosmographe de la Renaissance. Paris, 2003* (особенно с. 63 и далее). На карте мира Веконте де Маджоло (1527 г.), хранящейся в Амброзианской библиотеке в Милане, рядом с названием «Францискания» или «Франческа» автор изобразил флаг с французским гербом. Брат Джованни да Веррацано, Джироламо на своей карте 1529 г. заменил это название латинским «Gallia Nova» («Новая Галлия») и «застолбил» его тремя французскими флагами. В 1556 г. известный ученый-географ Джованни Рамузно поставил точку в череде этих переименований и дал землям, открытым Веррацано, название «Nuova Francia» («Новая Франция»), которое и было официально закреплено за французскими владениями в Новом Свете (Акимов Ю. Г. Джованни да Веррацано... С. 100).

⁵²⁰ *Voyage di Giovanni Da Verrazano a la "Francesca"...* P. 59, 61.

⁵²¹ Американский исследователь Сэмюэл Эльот Морисон, реконструировавший маршрут Веррацано, пройдя под парусом от Нью-Джерси к Ньюфаундленду и совершивший воздушный перелет от Нью-Джерси к мысу Фир, склонен считать «Аркадией» современный Кити-Хок (*Morison S. E. The European Discovery of America: The Northern Voyages. P. 295, 296*). Любопытно, что картографы постепенно перенесли «Аркадию» Веррацано восточнее, однако название, данное итальянским мореплавателем, по-видимому, сохранилось, но в измененном виде, как Акадия — французское историческое название канадских провинций Новая Шотландия, Нью-Брансуик и Остров Принца Эдуарда.

Предположительно, это побережье, получившее имя в честь кардинала Жана Лотарингского,⁵²² располагалось между заливами Делавэр и Нью-Йорк⁵²³ или Нью-Джерси.⁵²⁴ Территорию современного Нью-Йорка, включающую Джерси-Сити, Манхэттен и Куинс, Веррацано объявил Ангулемией («по названию апанажа, который, — как писал в отчете королю путешественник, — является наследственным владением Вашего Величества»)⁵²⁵ Бухту Аппер-Бей и пролив Те-Нарроус он нарек заливом Святой Маргариты, в честь сестры короля, герцогини Алансонской, будущей королевы Наваррской, написавшей «Гептамерон». «Дама эта, — писал Веррацано, — превосходит всех женщин в благопристойности поведения и в мудрости».⁵²⁶ В упомянутых нами названиях «Лотарингского побережья» учтивый флорентиец упомянул родственников короля и его близких друзей: его шурина, супруга Маргариты Шарля IV, герцога Алансонского; Шарля де Бурбона, герцога Вандомского (река в районе залива Барнегат); адмирала Гийома де Гуфье, сеньора де Бониве (Атлантик-Сити?), графа де Сен-Поля (малая гора в Северной Виргинии). Не забыл Веррацано увековечить имена и других влиятельных придворных. В первую очередь, разумеется, королевы-матери Луизы Савойской, герцогини Ангулемской, в честь которой был назван остров Блок. Попали на карты Америки Франсуа II, герцог Бурбон-Вандомский; «три дочери Наварры» — Анна, Изабелла и Екатерина, дети Жана д'Альбре и Екатерины де Фуа (острова Маунт-Дезерт, Монхеган и Хаут в заливе Мэн); итальянский кондотьер Джан Лудовико Паллавичини (мель в проливе Нантакет), доблестно сражавшийся в битве при Павии. Группа островов в заливе Нарагансетт у Ньюпорта была наречена «Петра Вива» — аллюзия, восходящая к

⁵²² Michon C. Les richesses de la faveur à la Renaissance : Jean de Lorraine (1498–1550) et François I-er // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 2003. № 50 (3). P. 34–61.

⁵²³ Julien Ch.-A. Les voyages de découverte... P. 84.

⁵²⁴ Morison S. E. The European Discovery of America: The Northern Voyages. P. 299.

⁵²⁵ Voyage di Giovanni Da Verrazano a la "Francesca"... Vol. I. P. 63.

⁵²⁶ Ibid.

девичьей фамилии (Пьервив) супруги лионского банкира Антуана Гонди, финансировавшего плавание.⁵²⁷

Аналогичные примеры стоят за всеми экспедициями XVI в. После плаваний Жака Картье в Канаду и на Ньюфаундленд карты «Новой Франции» обогатились соответствующими географическими названиями. Некоторые из них обязаны своим происхождением французским топонимам: таковы Брест, Сент-Серван (пригород родного города Картье Сен-Мало), Ла-Лят (от форта Ла-Лят под Сен-Мало). Другие восходят к именам христианских святых: Сен-Катрин (в честь святой покровительницы супруги Картье), Сен-Жак (в честь святого покровителя самого Картье), Сен-Жан, Сен-Пьер, Сен-Луи, Святой Лаврентий и т. д. За иными стоят исторические персонажи: Орлеанский мыс и Орлеанский остров (соответственно, на острове Принца Эдуарда и перед Квебеком) — в честь Шарля, герцога Орлеанского, младшего сына короля (ему же обязан названием и Шарльбург-Ройял на территории современного Квебека); остров Бриона в заливе Святого Лаврентия — в честь адмирала Франции Филиппа де Шабо, сьера де Бриона. Характерны название горы и возведенного на ней форта — Мон-Руайяль (соврем. Монреаль), Лотарингский мыс на Кейп-Бретоне, мыс Монморанси на острове Антикости и река Монморанси, приток реки Святого Лаврентия.⁵²⁸ Попытки закрепления французов во Флориде и экспедиция дьепского капитана Жана Рибо в 1562 г.⁵²⁹ привели к перенесению на американскую территорию названий французских рек: Соммы, Луары, Шаранты, Гаронны, Жиронды⁵³⁰. Приведенные факты можно дополнить еще одним примечательным наименованием: «Антарктическая Франция» — топоним, введенный французским

⁵²⁷ При указании современных географических объектов мы используем результаты, полученные Морисоном. См.: *Morison S. E. The European Discovery of America: The Northern Voyages.* P. 299, 302, 304, 311.

⁵²⁸ Отчеты о плаваниях Жака Картье см.: *Voyages de Jacques Cartier au Canada. Annotés par Th. Beauchesne // Les Français en Amérique pendant la première moitié du XVI-e siècle / Éd. par Ch.-A. Julien, R. Herval et Th. Beauchesne. Vol. I. Paris, 1946. P. 79-197.*

⁵²⁹ См. подробнее: *Фиске Дж. Открытие Америки ... Т. II; Казашиков В. М. Гугенотская колонизация Флориды (60-е годы XVI в.) // Французский ежегодник. 1983. М., 1985; Hubert-Robert R. L'Histoire merveilleuse de la Louisiane Française. Paris, 1941; Patrick R. W. Florida under Five Flags. Gainesville, 1945; Les Français en Amérique pendant la première moitié du XVI-e siècle / Éd. par Ch.-A. Julien, R. Herval et Th. Beauchesne. Vol. II. Paris, 1958.*

⁵³⁰ *Julien Ch.-A. Les voyages de découverte... P. 84.*

писателем Андре Теве и давший название колонии французских гугенотов, существовавшей в 1555–1567 гг. на территории современного Рио-де-Жанейро.⁵³¹

Географические топонимы французского происхождения, возникшие в ходе освоения Нового Света, были перенесены на карты мира, символизируя тем самым властные притязания Французского королевства на эти территории. Так, на карте мира из «Opus geographicum» Диогу Хомема (1558 г.), выполненной по заказу королевы Англии Марии I в качестве свадебного подарка ее жениху, испанскому инфанту Филиппу, огромное водное пространство, расположенное к северо-западу от Флориды и простиравшееся до Азии, носило название «MareIperagantium», то есть «Море Пармантье» — в память о братьях Жане и Рауле Пармантье, совершивших в 1529 г. плавание из Дьепа вокруг мыса Доброй Надежды к Суматре. Геополитические претензии Франции отчетливо проявляются в трех картах (1546, 1550, 1553 гг.) Пьера Деселье, священника из Арка, «непревзойденного мастера картографии», по определению французского историка Мишеля Мола.⁵³² На них место островов, традиционно помещаемых картографами первой половины XVI в. между Европой и Азией, занял протяженный земельный массив, омываемый на севере «Морем Французским», соседствующим с «Морем Испанским». В его топонимах легендарные Сагней и Очелага чередуются с историческими «Бретонской Землей» и «Новой Францией» — материковыми частями Северной Америки, находившимися под патронатом Франции.

Положение дел не изменилось и в следующем столетии. Сошлемся в качестве примера на топонимику бассейна реки Миссисипи. Огромная территория, простиравшаяся от истоков реки Святого Лаврентия и Великих Озер до Мексиканского залива, получила название Луизиана — в честь Людовика XIV. Вступление Франции в права владения (май 1682 г.) было заверено специальным

⁵³¹ *Thevet A.* La Cosmographie universelle. T. II. Paris, 1575. P. 911.

⁵³² *Mollat M.* Le commerce maritime normande à la fin du Moyen-Âge. Étude d'histoire économique et sociale. Paris, 1952. P. 351, 352.

нотариальным актом.⁵³³ Закрепляя в Луизиане свое господство, руководители французских колониальных экспедиций опирались на крупные военные базы: форты Фронтенак, соврем. Кингстон (назван в честь главного правителя Новой Франции Луи де Буада, графа де Фронтенака) на озере Онтарио (второе его название — озеро Фронтенак) и Поншартрен, соврем. Детройт (назван по имени генерального контролера финансов и государственного секретаря по морским делам Луи Фелипо, графа де Поншартрена).⁵³⁴ В феврале 1682 г., достигнув реки Миссисипи, французский исследователь Рене Робер Кавелье де Ла Саль назвал ее «река Кольбер»⁵³⁵. Спустя несколько лет у ее устья, неподалеку от острова Дофин, появились форты Новый Орлеан и Луи⁵³⁶, а здешнее озеро, которое местные индейцы называли Оквата (Большая Вода), Пьер Лемуан д'Ибервиль переименовал в озеро Поншартрен.

Схожие тенденции наметились и в процессе английской экспансии. В качестве показательных примеров сошлемся на экспедиции Мартина Фробишера по освоению *Meta Incognita* и арктические плавания Генри Гудзона в поисках Северо-западного прохода в Азию. При выборе названий англичане руководствовались теми же соображениями, что и французы. Разумеется, в первую очередь на карте появлялись названия их родной страны, имена святых покровителей и августейших особ. Во время плавания 1577 г. Фробишер назвал именем королевы Елизаветы мыс на южной оконечности острова Локс-Ленд при входе в залив на востоке *Meta Incognita*.⁵³⁷ Так же действовал и Генри Гудзон. В 1610 г. он открыл пролив (названный впоследствии его именем), по которому, двигаясь на запад, оказался в открытом, свободном ото льда море. На его пути

⁵³³ *Mémoires et documents pour servir à l'histoire des origines Françaises des Pays d'Outre-mer / Recueillis et publiés par Pierre Margry. T. 2. Paris, 1879. P. 181–185.*

⁵³⁴ *Ibid. T. 5. Paris, 1887. P. 135–203.*

⁵³⁵ О Кавелье де Ла Сале см. подробнее: *Варшавский А. С. Дорога ведет на Юг (жизнь, путешествия и приключения Ла Сале)*. М., 1960; *Muhlstein A. La Salle: Explorer of the North American Frontier*. New York, 1995.

⁵³⁶ *Ibid. P. 589–672.*

⁵³⁷ *The Three Voyages of Sir Martin Frobisher in Search of a Passage to Cathaia and India by the North-West, A. D. 1576–1578 / Ed. by Rear-Admiral Richard Collinson. London, 1867. P. 144.*

встретилась земля, которую навигатор назвал Magna Brinannia.⁵³⁸ К югу на горизонте показался мыс, получивший название Мыс Принца Генри — наследник престола проявлял большой интерес к арктическим плаваниям и покровительствовал экспедиции.⁵³⁹ К северу мореплаватели разглядели гору, которая напомнила им «стог сена». Гудзон назвал ее Мысом короля Иакова. Имя королевы Анны получили острова, видневшиеся на севере, а в честь младшего сына короля, принца Карла, будущего короля Карла I, путешественники назвали «высокий холм».⁵⁴⁰ Встреченная в 1610 г. путешественниками бухта получила название в честь архангела Михаила, в день которого, 29 сентября, ее открыли.⁵⁴¹

Другая серия географических названий была связана с высокопоставленными политиками, покровительствовавшими плаваниям, или магнатами Сити, финансировавшими экспедиции. В полярных водах мы обнаруживаем имена лорда Амброуза Дадли, графа Уорика, и его супруги Анны, дочери Фрэнсиса Рассела, II графа Бедфорда («земля» и «маленький остров» в заливе Фробишера)⁵⁴², лорда казначейства Роберта Сесила, I графа Солсбери (мыс Солсбери, соврем. остров Солсбери у западного входа в Гудзонов пролив)⁵⁴³, одной из активнейших участниц подготовки плавания Гудзона леди Ребекки Ромни, супруги сэра Уильяма Ромни, (соврем. остров Смит в Гудзоновом проливе)⁵⁴⁴, главных финансистов плавания Гудзона молодого дипломата сэра

⁵³⁸ *Hudson H. An Abstracts of the Journal of Master Henry Hudson for the Discovery of the North-west Passage, Begun the Seventeenth of April, 1610, Ended With His End, Being Treacherously Exposed by Some of the Company // Purchas S. Hakluytus Posthumus or Purchas His Pilgrimes Containing a History of the World in the Sea Voyages and Land Travels by Englishmen and Others. Vol. III. London, 1625. P. 597.*

⁵³⁹ В 1612 г. под его патронатом была организована новая «Компания купцов, отыскавших Северо-западный проход». В состав акционеров компании входили многие известные деятели той эпохи, в том числе архиепископ Кентерберийский, Фрэнсис Бэкон и Ричард Хаклюйт-Младший. В том же году были снаряжены два корабля во главе с Томасом Баттоном. По замыслу организаторов, они должны были искать Северо-западный проход к западу от Гудзонова пролива и пройти в Китай. Продвигаясь вдоль западного берега Гудзонова залива, англичане встали на зимовку, пережили эпидемию шинги, потеряли один корабль, а летом 1613 г. сумели добраться до входа в неизвестный залив, получивший название «Nec ultra» («Не дальше», соврем. пролив Рос-Уэлком), после чего вернулись в Англию (см. подробнее: *Last Voyages. Cavendish, Hudson, Raleigh. The Original Narratives / Introduced and Edited by Philip Edwards. Oxford, 1988. P. 137–139.*)

⁵⁴⁰ *Pricket A. A Larger Discourse of the Same Voyage, and the Success Thereof // Purchas S. Hakluytus Posthumus... Vol. III. P. 599.*

⁵⁴¹ *Ibid. P. 600.*

⁵⁴² *The Three Voyages of Sir Martin Frobisher ... P. 129, 137.*

⁵⁴³ *Hudson H. An Abstracts of the Journal of Master Henry Hudson... P. 597.*

⁵⁴⁴ *Pricket A. A Larger Discourse of the Same Voyage, and the Success Thereof... P. 603.*

Дадли Диггса и сэра Джона Вулстенхолма (мысы на северо-западе материка при входе в Гудзонов залив)⁵⁴⁵ и многих других.⁵⁴⁶ Некоторые географические объекты обязаны названием участникам плаваний — руководителям экспедиций Фробишеру и Гудзону, матросу, первым увидевшему узкий залив на *Meta Incognita* («залив Джекмена»)⁵⁴⁷ или кузнецу, построившему здесь кузницу («остров Смита»)⁵⁴⁸.

И вновь, как и в случае с французскими плаваниями, результаты английских экспедиций и, соответственно, «знаки владения» немедленно находили отражение в картографии. Так, на карте 1588 г. Майкла Лока, магната, финансировавшего экспедиции Фробишера, были помещены не только легендарные атлантические острова Бразил и Святого Брандана, таинственная Норомбега и «Море Веррацано», но и знаковые для английского сознания мифическая «золотая» *Meta Incognita*, Земля Королевы Елизаветы, залив Фробишера и Локс-Ленд. Еще более показательны картографические результаты последнего плавания Гудзона. Оставшиеся в живых и вернувшиеся в 1611 г. Англию участники экспедиции, агент Ост-Индской компании Абакук Прикет и помощник капитана Роберт Биллет, привезли в Лондон навигационную карту и вахтенный журнал своего погибшего командира. С карты Гудзона была сделана копия, которая очень скоро оказалась в руках у голландцев. Скорее всего, этому содействовал Ричард Хаклюйт-Младший, который передал копию бельгийскому издателю Питеру Планциусу, а тот, в свою очередь, переправил ее в Амстердам. В 1612 г. голландский картограф и издатель Гессель Герритц опубликовал карту «*Tabula Nautica*», отразив на ней все последние научные достижения, и, соответственно, английскую топонимику открытых Гудзоном земель.

Не меньший интерес представляет рассмотрение топонимики с точки зрения стратегии европейской экспансии. Один факт сразу бросается в глаза: Английская

⁵⁴⁵ Ibid. P. 599.

⁵⁴⁶ Например Уолсингема, графа Лестера и графа Камберленда, барона Ламли, сэра Кристофера Холла, сэра Уолтера Рэли.

⁵⁴⁷ *The Three Voyages of Sir Martin Frobisher...* P. 134.

⁵⁴⁸ Ibid.

корона, название за названием, «застолбила» за собой обширный морской проход, ведущий из Атлантического океана в Тихий, тот самый Северо-западный проход, который изображался на картах той эпохи и соединял на севере Европу и Азию огромным водным каналом. А что на юге?

В августе 1578 г., когда флотилия Фрэнсиса Дрейка вошла в Магелланов пролив, на пути англичан встретились три острова, расположенные поблизости друг от друга. «Мы сошли на двух из них, — рассказывал участник плавания преподобный Фрэнсис Флетчер, — и дали им всем названия. Первый мы назвали [островом] Елизаветы, второй [островом] Варфоломея, ибо был день этого святого, а последний стал островом Георгия, согласно обычаям нашей страны».⁵⁴⁹ Племянник Дрейка, его тезка Фрэнсис, привел дополнительные подробности, поведав, что остров, названный в честь королевы, был «очень красив, обширен и с плодородной почвой». Командующий распорядился высадить на берег часть «своих джентльменов» и провел формальную процедуру вступления Англии в права владения новооткрытой «землей Елизаветы».⁵⁵⁰ Американский историк Гарри Келси, впрочем, обратил внимание, что этот эпизод описан только у Дрейка.⁵⁵¹ Другие участники плавания главным образом обратили внимание на местную фауну — остров был полон пингвинов и огромных гусей. Ни о каких официальных церемониях они не упоминали, а лишь гордо сообщали об удачной охоте на дичь. Спустя десять лет, в 1587 г., в пролив вошел Томас Кавендиш. Он располагал картами, полученными от самого Дрейка, но не оставил никаких упоминаний об острове Елизаветы. «Мы высадились на двух островах, один из которых Фрэнсис Дрейк назвал островом Варфоломея, потому что пришел туда в день этого святого, а другой — островом Пингвинов».⁵⁵² Последний был им

⁵⁴⁹ *Drake F.* The World Encompassed by Sir Francis Drake, Being His Next Voyage to That to Nombre de Dios. Collated with an Unpublished Manuscript of Francis Fletcher, Chaplain to the Expedition. London, 1856. P. 43.

⁵⁵⁰ *Ibid.* P. 75. О символике вступления во владение открываемыми заморскими территориями см. подробнее: *Green L.C., Dickason Olive P.* The law of nations and the New World. Edmonton: The University of Alberta Press, 1989. P. 4 – 16.

⁵⁵¹ *Kelsey H.* Sir Francis Drake: The Queen's Pirate. New Haven–London, 1998. P. 116.

⁵⁵² *The Worthy and Famous Voyage of Master Thomas Cavendish // Hakluyt R.* The Principal Navigations, Voyages, Traffics and Discoveries of the English Nation, Made by Sea or Over Land to the Most Remote and Farthest Distant Quarters of the Earth at Any Time Within the Compass of These 1600 Years. Vol. III. P. 809.

нанесен на портолан с изображением побережья⁵⁵³ — остальные же острова на нем не были показаны. Один из капитанов Дрейка, Джон Винтер, командовавший в экспедиции кораблем «Елизавета», также ни словом не обмолвился о торжественной церемонии на острове. Спустя несколько лет он рассказывал Сэмюэлу Пэрчесу об обстоятельствах своего возвращения в Магелланов пролив. Потеряв на западе пролива флагманское судно, Винтер лег на обратный курс и 3 ноября назвал один из встретившихся на пути островов Гусиным и вступил в его владение именем королевы.⁵⁵⁴ В 1593 г. на этих островах побывал Ричард Хоукинс. Он, правда, нашел только два, которые и назвал «островами Пингвинов» — в память о бескрылых птицах, «похожих по размерам на гусей».⁵⁵⁵

Претензии англичан на первенство в открытиях, разумеется, находили отражение в картографических документах Испанского и Португальского королевств, картографы которых не могли не использовать информацию о плаваниях конкурентов в Атлантику. Одно из подтверждений этому обнаруживается в «Mappemonde» Хуана де Ла Косы, изготовленной в начале XVI в. При работе над ней картограф, по-видимому, использовал карту 1497 г. Джона Кабота, копия которой была получена испанским послом в Лондоне Педро де Айялой.⁵⁵⁶ К северу от Антильских островов картограф поместил сплошное земельное пространство, сопроводив его английскими топонимическими привязками, переведенными на испанский: «Cavo de Ynglaterra» («Английский мыс») и «mar descubierta por yngleses» («море, открытое англичанами»).

Испанцы организовали широкую шпионскую сеть в Англии и нередко получали доступ к самой секретной информации. В апреле 1582 г. испанский посол в Лондоне дон Бернардино де Мендоса отправил в Мадрид донесение,

⁵⁵³ Хранится в Центральной национальной библиотеке Флоренции.

⁵⁵⁴ Purchas S. Hakluytus Posthumus... Vol. IV. London, 1625. P. 1187.

⁵⁵⁵ The Observations of Sir Richard Hawkins, Knight, in His Voyage into the South Sea in the Year 1593 / Ed. by C. R. Drinkwater Bethune. London, 1847. P. 110–112.

⁵⁵⁶ Groulx L. Le découverte du Canada. Jacques Cartier. Montréal–Paris, 1966. P. 62. Poleмику вокруг датировки и источников создания карты Ла Косы см: Nunni G. E. The Mappemonde of Juan de La Cosa. Jenkintown, 1934; Duke Alba. Mapas Españoles de America. Siglos XV–XVII. Madrid, 1951; Crone G. R. Maps and Their Makers: An Introduction to the History of Cartography. London, 1953; Campeau L. Jean Cabot et la découverte de l'Amérique du Nord // Revue d'Histoire de l'Amérique Française. 1965. T. XIX. Déc.

которое произвело эффект разорвавшейся бомбы. От одного из своих осведомителей посол узнал о существовании у Дрейка загадочной карты, на которой южнее Огненной земли простирался необозримый водный простор.⁵⁵⁷ Однако, по представлениям географической науки того времени, южнее Американского континента, там, где лежит ледяной панцирь Антарктиды, должен был располагаться не найденный еще гигантский земельный массив, т. н. Terra Australis Incognita («Неведомая Южная Земля»). От Америки эту бескрайнюю землю отделял Магелланов пролив, на запад она простиралась до Новой Гвинеи и Островов пряностей, окаймляя с юга Тихий океан. У испанского посла были все основания для тревоги.

В 1593 г. фламандский картограф Йодокус Хондиус изготовил в Амстердаме карту «Vera Totius Expeditionis Nauticae». Автор, хорошо знакомый с хранителем архива Тауэра Томасом Талботом, получил, по-видимому, возможность не только увидеть, но и скопировать таинственную карту Фрэнсиса Дрейка.⁵⁵⁸ Корсар преподнес ее королеве после возвращения из кругосветного плавания. По распоряжению Елизаветы, карту повесили в Королевской галерее Уайтхолла⁵⁵⁹ — она, вероятно, погибла во время пожара во дворце в январе 1698 г. К югу от Магелланова пролива на карту были нанесены острова под общим названием «Елизавета». Можно предположить, что имя королевы попало в топонимику Испанских морей в октябре 1578 г. — тогда тяжелый шторм загнал корабль Дрейка в воды, в которые до него никто не заходил⁵⁶⁰. Преподобный Фрэнсис Флетчер высадился на самом южном из встретившихся Дрейку островов и приказал выбить на огромном камне имя Ее Величества, название ее королевства, год и день месяца.⁵⁶¹ Сам корсар, согласно рассказу его племянника Фрэнсиса

⁵⁵⁷ Spate O. H. K. The Spanish Lake. Canberra, 1979. P.250.

⁵⁵⁸ Известно, что во время плавания Дрейк пользовался навигационной картой, купленной в Лиссабоне. Ее автором был, предположительно, известный португальский картограф Ваш Доураду. Испанскому послу в Лиссабоне было приказано найти людей, которые вели переговоры с Дрейком, и снять копию с этой неизвестной испанцам карты, открывающей дорогу в южные моря.

⁵⁵⁹ Ее видел С. Пэррес (*Purchas S. Hakluytus Posthumus...* Vol. III. P. 461).

⁵⁶⁰ См. его рассказ об этом в пересказе Ричарда Хоукинса (*The Observations of Sir Richard Hawkins...* P. 142).

⁵⁶¹ *Drake F. The World Encompassed...* P. 112. Он сообщил, что англичане изменили название Южной Земли с Terra Incognita на Terra Hunc Vele Cognita (Земля, ныне хорошо известная).

Дрейка, решил дать всем островам к югу от пролива общее название — «Елизаветинские острова».⁵⁶² Инициативу верноподданного Дрейка подхватил Ричард Хоукинс — после его плавания воды в районе Магелланова пролива наполнились названиями «Залив Елизаветы» и «Английский залив».⁵⁶³ В 1600 г. в изданных Хаклюйтом «Основных плаваниях английской нации» была помещена карта Райта. Отличало ее от карты Хондиуса одно примечательное обстоятельство. На голландской карте «Елизаветинские острова» находились между южной оконечностью Южной Америки и Terra Australis, а на карте Райта к югу от Огненной Земли были помещены т. н. «Острова Королевы» и к югу от них простиралось открытое море — то самое, сообщение о котором так встревожило испанского посла. Получалось, что в Тихий океан можно было бы проникнуть не только Магеллановым проливом, который испанцы начали укреплять сразу после прохода Дрейка, — южнее пролива, вокруг мыса Горн, открывалась вторая дорога, которой и воспользовались через несколько лет, в 1615–1616 гг., голландцы Якоб Лемер и Виллем Корнелисзон Схаутен.

На карте Хондиуса было помещено еще одно крайне любопытное название — «Новый Альбион». Так летом 1579 г. Дрейк назвал «королевство», расположенное на побережье Верхней Калифорнии.⁵⁶⁴ Он провел здесь несколько недель, возвел в бухте Форт Дрейка, после чего от имени королевы вступил во владение открытыми землями и местными индейцами. Некоторые ученые сегодня полагают, что секретность, сопровождавшая возвращение Фрэнсиса Дрейка в Англию, и атмосфера тайны вокруг результатов его кругосветного плавания в

⁵⁶² Ibid. P. 45. Исследователи полагают, что Дрейк сумел добраться до острова Хендерсона (*Wagner II. Sir Francis Drake's Voyage Around the World: Its Aims and Achievements. San Francisco, 1926. P. 84–89, 96, 97*). Есть, правда, мнение, что Дрейк побывал в районе банки Пактолус.

⁵⁶³ *The Observations of Sir Richard Hawkins...* P. 117, 124.

⁵⁶⁴ Полемика по поводу идентификации Нового Альбиона или Новой Англии не утихает и сегодня. Противоречивость исторических свидетельств, помещавших место высадки Дрейка от 33 градуса до 48 (район соврем. Сизтла), не позволяет дать однозначную оценку. Ученые связывают Новый Альбион с материковой частью Нижней Калифорнии или островами (островом) к югу от Калифорнии и помещают его в районы Сан-Диего, на острова Сан-Бенито, остров Седрос или в заливы Бодега, Болинас, Акапулько, Монтеррей и Сан-Франциско (см.: *Davidson G. Francis Drake on the Northwest Coast of America in the Year 1579. San Francisco, 1908; Aker R. The Francis Drake Controversy: His California Anchorage, June 17–July 23, 1579 // California Historical Quarterly. 1974. № 53; Aker R., Porten von der E. Discovering Portus Naval Albionis: Francis Drake's California Harbor. Palo Alto, 1979; Hanna W. L. Lost Harbor: The Controversy over Drake's California Anchorage. Berkeley, 1979; Kelsey II. Did Francis Drake Really Visit California? // Western Historical Quarterly. 1990. № 21. November.*

немалой степени объяснялись уверенностью англичанина в том, что он открыл загадочный проход Аниан, и необходимостью сохранения секрета его местоположения от испанцев. По сообщению 1620 г. отца Иеронимо де Зарате Салмерона, считавшего, что проливом Аниан является современный Калифорнийский залив, португальский кормчий Хорера около 1585 г. появился в Новой Галисии и рассказал губернатору, что служил на корабле Дрейка и был высажен корсаром неподалеку от пролива.

Что же получается? Найдя на месте Terra Australis Incognita южнее Магалланова пролива водное пространство, Дрейк принял открытые им здесь острова во владение королевы и дал им всем название «Елизаветинских». Пройдя вдоль побережья Америки, он вступил от имени Елизаветы во владение землями, лежащими, по его мнению, на кратчайшем пути из Европы в Азию — в районе пролива Аниан. Корсар назвал их Новым Альбионом и возвел крепость, которая могла бы стать опорной базой продвижения англичан в Китай и Индию и перекрывала бы западный выход из разыскиваемого всеми Северо-западного прохода.⁵⁶⁵ Одновременно с Дрейком, Фробишер перекрыл восточный вход в Северо-западный проход, застолбил английскими топонимами проливы в районе Meta Incognita и начал здесь строительство колоний. Оба пути в Тихий океан — южный (вокруг мыса Горн) и северный (по Северо-западному проходу) оказались под контролем Английской короны.

Обратимся к еще одной, теперь уже французской, карте под названием «La Herduke Enterprinse», предположительно датированной 1580-ми гг. На ней показана территория Американского континента и нанесены границы между Новым Альбионом, Новой Испанией и Новой Францией. Интересно, что территория Нового Альбиона, охватывающая северо-западные районы современных США и

⁵⁶⁵ Не было ли это попыткой реализации замысла 1574 г. сэра Ричарда Гренвилла, который вместе с Уильямом Хоукинсом организовал и возглавил синдикат торговцев, собиравшийся начать борьбу с испанцами в Тихом океане? Предполагалось через Магелланов пролив войти в Тихий океан, начать охоту за испанскими кораблями и построить базы для будущих рейдов. Королева Елизавета запретила тогда эту экспедицию, однако спустя три года прекрасно знакомый с Гренвиллем родственник Хоукинса, Фрэнсис Дрейк, отправился в свое знаменитое плавание, фактически реанимировав отвергнутый было проект.

Канады, тянется на юг: узким коридором она пересекает Северную Америку и, стиснутая Новой Испанией и Новой Францией, включает полуостров Флорида. Видимо, карта Хуана де Ла Косы не была забыта.

В коллекции Меллона в Центре британского искусства Йельского университета хранится рукописная карта, сходная с «La Herduke Enterprinse». В ее основе также, по-видимому, лежала карта Дрейка. На границах Новой Испании и Нового Альбиона выстроились английские крепости, над которыми изображено знамя Святого Георгия, покровителя Английской короны: *Meta Incognita* (остров Баффинова Земля), «Виргиния» (название первой английской колонии на острове Роанок в районе заливов Памлико и Албемарл на побережье Северной Каролины, данное в 1585 г. Уолтером Рэли в честь королевы-девственницы Елизаветы), Магелланов пролив и Новый Альбион. Все приведенные названия достаточно красноречиво свидетельствуют о геополитических притязаниях европейских атлантических держав, не желавших мириться с существованием пиренейской монополии в Океане.

Однако здесь вступало в силу второе обстоятельство, сопровождавшее порядок установления собственности на заморские территории. Закрепление «закрытого моря» проходило под духовным патронатом римско-католической церкви и опиралось на авторитет папы Римского — наместника Иисуса Христа на земле. Папа не только даровал и закреплял за монархами открываемые моря и территории в «вечное владение», но и под страхом отлучения от церкви запрещал ходить к новым землям даже особам «императорского и королевского» званий.⁵⁶⁶ Санкция церкви узаконивала происходящее, а папа Римский, «гарант порядка», продолжал выполнять функции внешнего арбитра в делах светских правителей. Папские буллы XV в., касавшиеся владений в Атлантике, отразили преэминентность политики святого престола в деле контроля римско-католической церкви над морскими территориями и пожалованием земель светским властителям. Исследования Луиса Векмана-Муньоса продемонстрировали

⁵⁶⁶ Путешествия Христофора Колумба... С. 246.

эволюцию доктрины папской власти, принявшей форму владения над островными территориями.⁵⁶⁷ Булла Урбана II «Cum omnes insulae» (1094 г.) передала Корсику епископу Пизы. Папа Адриан IV буллой «Laudabiliter» (1155 г.) установил права Генриха II Английского на Ирландию. К 1450 г. папскую власть признали во многих районах Средиземного моря, в том числе на Балеарских островах, Родосе, Джербе, Кипре. С выходом в Атлантический океан и развертыванием португальской экспансии влияние папства распространяется на расположенные острова. В 1344 г. Климент VI удостоил титула «короля Фортунии» дон Луйса де ла Серда, правнука кастильского короля Альфонса.⁵⁶⁸ В качестве ленного владения ему были предоставлены Канарские острова с обязанностью выплачивать «400 монет хорошего чистого золота флорентийского веса... каждый год на праздник святых апостолов Петра и Павла».⁵⁶⁹ Булла Николая V «Romanus Pontifex» (1455 г.), подтвержденная буллой «Inter Caetera» (1456 г.) Каллиста III даровала португальскому королю Афонсу V исключительные права на земли, уже открытые и те, которые будут открыты вдоль западного побережья Африки от мыса Бохадор. Вслед за ними последовали буллы 1481, 1484 гг. и наконец — знаменитые буллы Александра VI 1493 г., разделившие Океан демаркационной линией.

Однако папская власть не могла надолго затормозить процессы динамичного проникновения европейских держав в Новый Свет. Уже Тордесильясское соглашение пиренейских держав, заключенное на следующий год после булл 1493 г., продемонстрировало необходимость подкрепить духовную санкцию на уровне властных государственных решений. «Если папа разделил таким образом свое государство, то не предоставляло ли это возможности одной из сторон требовать признания себя хозяином мира, половина которого принадлежала другому правителю?» — задается вопросом Энтони Пэгден.⁵⁷⁰ Папское дарение стало

⁵⁶⁷ *Weckman-Muñoz L.* The Alexandrine Bulls of 1493: Pseudo-Asiatic Documents // *First Images of America: The Impact of the New World* / Ed. by F. Chiappelli. Vol. 1. Berkeley–Los Angeles–London, 1976. P. 204.

⁵⁶⁸ Новоявленный король погиб в битве при Креспи в 1346 г.

⁵⁶⁹ *Xenig P.* Неведомые земли. Т. IV. С. 241.

⁵⁷⁰ *Pagden A.* *Lords of All the World: Ideologies of Empire in Spain, Britain and France, c. 1500–c. 1800.* New Haven–London, 1995. P. 131.

орудием международной политики, а решения Рима зависели в немалой степени от расстановки политических сил в Европе. Линия Ватикана со всей очевидностью была подвержена влиянию европейской политической конъюнктуры.⁵⁷¹

Неудивительно, что попытки Франциска I пробиться в Новый Свет нашли отражение и в решениях престола. Союз с папой римским Климентом VII против императора Священной Римской империи Карла V, усиленный династическими соображениями (сын короля, герцог Орлеанский, будущий король Генрих II, был женат на племяннице папы, Екатерине Медичи), привел на встрече в Марселе в 1533 г. к заявлению святейшего о том, что «булла (Александра VI. — Д. К.) разделила только земли, уже открытые, а стало быть, не те территории, которые были открыты впоследствии».⁵⁷²

В то же время папский раздел мира вызвал острую полемику относительно самих полномочий папского престола на столь глобальные решения, от которых зависят не только судьбы европейских народов, но и будущее туземных жителей Америки. Теолог Саламанкского университета доминиканец Франсиско де Витториа, опираясь на тексты Нового Завета, поставил под сомнение претензии Ватикана. Имеет ли папа власть делить территории, если сам Иисус сказал: «Вы знаете, что князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими; но между вами да не будет так: а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою...»⁵⁷³ Тот же вопрос о формальном праве наместника Бога производить раздел мира станет предметом полемики, развивавшейся французскими (Урбан

⁵⁷¹ См. подробнее: *Green L.C., Dickason Olive P. The law of nations and the New World. Edmonton: The University of Alberta Press, 1989.*

⁵⁷² *Julien Ch.-A. Les voyages de découverte... P. 116.*

⁵⁷³ Мф. 20: 25, 26.

Шоветон⁵⁷⁴, Ланселот дю Вуазен, сьер де Лапоплиньер⁵⁷⁵) и английскими (Ричард Хаклюйт-Младший⁵⁷⁶) идеологами колониального проникновения.

Наконец, к недостаточности духовной санкции и критике самой правомочности решений Рима необходимо добавить военно-политическую сторону вопроса. При общей конфронтации и наличии могущественных противников любое столкновение в Европе немедленно оборачивалось военным противостоянием на океанских рубежах, избежать которого в условиях появления военных флотов и растущего интереса к богатствам Нового Света было невозможно. «Ни для одного государя морская мощь не имеет такого значения, как для государя испанского, — замечал испанский военный писатель в 1638 г., — ибо единственно морскими силами будет создано единое тело из многих провинций, столь друг от друга удаленных».⁵⁷⁷ Подобные наблюдения, по мнению Фернана Броделя, «предвосхитившие язык адмирала Мэхена», пронизательно указывают на уязвимое место всеильной испанской монархии, владевшей монополией на Океан. «Удаленная провинция», или «периферия» (по терминологии, предложенной французским историком), попадала под удар при малейшем осложнении дел на континенте: по мере того как в XVII в. Испания утрачивала военно-политическую гегемонию в Европе, таяли и ее заморские владения в Новом Свете. Испанская Америка превратилась в заложницу общеевропейских проблем, и наступление атлантических конкурентов на морские владения пиренейских держав, в особенности после аннексии Португалии Испанией в 1574 г., проходило при игнорировании «монопольных» прав последних, став составной частью общего антииспанского внешнеполитического курса. Даже в разгар, например, гражданских религиозных войн Франция не оставляла попыток

⁵⁷⁴ Keen B. The Vision of America in the Writings of Urban Chauveton // First Images of America... Vol. I. P. 112–125.

⁵⁷⁵ Coroi J. La Popelinière, historien des querres de religion et géographe // Bulletin of the International Committee of Historical Sciences. 1939. № 44; Sypher G. W. La Popelinière's «Histoire de France»: A Case of Historical Objectivity and Religious Censorship // Journal of the History of Ideas. 1963. Vol. 24. № 1.

⁵⁷⁶ Об английской колониальной пропаганде см. подробнее: Яброва М. М. Очерки по истории колониальной экспансии Англии в эпоху первоначального накопления. Саратов, 1966. Р. Хаклюйту-младшему, его взглядам и деятельности посвящена понстине необозримая литература (см.: The Hakluyt Handbook / Ed. by David B. Quinn. Vol. I–II. London, 1974).

⁵⁷⁷ Бродель Ф. Материальная цивилизация... Т. III. С. 26.

вмешаться в американские дела, рассматривая целые серии взаимосвязанных проектов. Готовя экспедицию герцога Анжуйского в Нидерланды, Генрих III вынашивал замыслы колониационного освоения Канады (проект маркиза де Лароша 1578 г.) и секретной экспедиции под руководством Филиппо Строщи в Бразилию (1579 г.).⁵⁷⁸ Та же «комплексность» отличала программу борьбы против Испании гугенотского «папы» Филиппа Дюплесси-Морне, представленную в 1584 г. и предусматривавшую в числе прочего «нападение на Вест-Индию и Перу».⁵⁷⁹ Испанская Америка занимала центральное место и в англо-испанском конфликте конца XVII в. «Если вы затронете его (короля Испании. — Д. К.) в Вест-Индии, вы затронете его глазное яблоко, — писал Хаклюйт-Младший. — Захватывая его сокровища, которые являются нервом войны и которыми он почти полностью обязан Вест-Индии, вы доведете его до того, что он вынужден будет распустить войско; его планы потерпят крах, его мощь и сила ослабнут, его гордость будет уничтожена и его тирания совершенно подавлена».⁵⁸⁰ Морская стратегия, направленная на захват «Галеонов Новой Испании», проекты Хэмфри Гилберта, Уолтера Рэли, Ричарда Гренвилла, Ричарда Хоукинса, военные экспедиции 1590-х годов в Карибское море при одновременной организации военных предприятий на европейском театре свидетельствуют о важности действий в «испанских морях» в системе военно-политического давления на Испанию.⁵⁸¹

Территория Вест-Индии становилась главной ставкой в колониальной войне. Англия, Франция и Республика Соединенных Провинций придерживались в отношении заморских владений Испании принципа «никакого мира за чертой», в соответствии с которым на земли, находящиеся «за чертой» папского меридиана, не распространялись мирные договоры, заключенные в Европе. Тем самым, территории к западу от острова Иерро (Канарские острова) и южнее тропика Рака

⁵⁷⁸ См. подробнее: *Hanotaux G., Martineau A. Histoire des colonies Françaises et de l'expansion de la France dans le monde.* Т. I. Paris, 1929. P. 25–26; *La Roncière Ch. de. Histoire de la Marine Française.* Т. IV. Paris, 1910. P. 168–171.

⁵⁷⁹ *Keen B. The Vision of America... // First Images of America...* P. 119.

⁵⁸⁰ *Яброва М. М. Очерки по истории колониальной экспансии Англии...* С. 59.

⁵⁸¹ См. подробнее: *Williamson J. A. The Ocean in English History.* Oxford, 1941; *Rowse A. L. The Expansion of Elizabethan England.* London, 1971.

получили специфический международно-правовой статус, впервые оформленный устными соглашениями Филиппа II и Генриха II на мирных переговорах в Като-Камбрези в 1559 г. Из текста договора упоминания о Новом Свете были изъяты, однако обе стороны условились, что испанцы могут атаковать французские корабли в Новом Свете, и подобные действия не будут рассматриваться как нарушение мира. В логику подобных договоренностей вполне укладывались последовавшие во второй половине XVI века попытки организации французской колонии во Флориде (Ж. Рибо и Р. де Лодоньер, 1562 — 1565) и корсарские рейды Д. де Гурга, Ф. Дрейка и других каперов.

Подобный правовой статус испанских владений в Западном полушарии, подтверждаемый мирными соглашениями в Вервене (1598) и в Лондоне (1604), фактически развязывал руки Англии, Франции и Нидерландам и давал им возможность нападать на испанские владения в Америке и в мирное время.⁵⁸²

В своем нежелании прекращать военные действия в Новом Свете европейские политики были вполне последовательны. Например, в 1668 г. закончилась Деволуционная война, и Испания заключила мир с Францией в Аахене. Однако это нисколько не отразилось на готовности Франции нанести удар по испанским владениям в Карибском море. Людовик XIV в письме от 13 июня 1669 г. командующему военно-морским флотом в Вест-Индии графу д'Эстре был достаточно категоричен: «Я не порицаю вас за то, что вы запретили французским корсарам, воевавшим под началом сьера д'Ожерона, губернатора Тортуги, продолжать их рейды. Но хорошо бы вам переговорить на сей счет с упомянутым д'Ожероном и вместе решить, следует ли и впредь давать такие разрешения или надобно полностью их отозвать. При том вам следует иметь в виду, что раз испанцы, не выполняя статью мирного договора, которая предоставляет полную свободу торговли моим подданным во всех странах, которыми они владеют вне Европы, не дозволяют ни одному из моих подданных приближаться ни к одному

⁵⁸² См. подробнее: *Bridenbaugh C., Bridenbaugh R. No peace beyond the line. The English in the Caribbean, 1624–1690.* New York, 1972.

из их портов я, со своей стороны, тоже не обязан исполнять мирные соглашения по этому договору на всем пространстве названных стран. Так что надобно только, дабы вы рассудили, пойдет ли во благо служению мне и к выгоде моих подданных, кои там обитают, дозволение буканьерам и флибустьерам вести с ними войну. Я желаю, дабы вы мне отписали, к чему на сей счет склоняетесь вы и упомянутый д'Ожерон».⁵⁸³ Та же тональность обнаруживается в секретном послании Жана-Батиста Кольбера командующему эскадрой в Вест-Индии Жану де Габаре от 30 сентября 1678 г. Предупреждая адмирала о необходимости собирать точные сведения о состоянии испанских колоний и передвижении галеонов, генеральный контролер финансов предупреждал, что, несмотря на достигнутый в Европе мир, «в других частях света он не действует», а, значит, «недалек тот день», когда король отдаст распоряжение нанести удар по испанским владениям в Вест-Индии.⁵⁸⁴

Подвести итог можно словами французского историка Пьера Шоню: «Булла не навела страха на Францию Франциска I, помышлявшего о Реформации; она не испугала ни Англию Генриха VIII после 1534 г., ни Голландию в период ее великих кампаний начала XVII в. Булла не внесла неудобств. Тем не менее, она все же сыграет свою роль, обобщив понятие монополии. Франция, Англия и Голландия, запоздавшие, но продержавшиеся до конца, продолжали раздувать экспансию, требуя, в первую очередь, участия в извлечении монопольной прибыли. До XX в. монополии были юридическим условием колониальной экспансии и имперских конструкций».⁵⁸⁵

Последнее замечание Шоню заставляет задуматься о механизме создания «имперских конструкций». Процесс проникновения европейских держав в Новый Свет демонстрирует универсализм методов экспансии и построения империй. Отрицая права папского престола на территориальный раздел и монополию

⁵⁸³ *Mémoires et documents pour servir à l'histoire des origines Françaises des Pays d'Outre-mer / Recueillis et publiés par Pierre Margry. T. 3. P. 1, 2.*

⁵⁸⁴ *Newton A. P. The European Nations in the West Indies, 1493–1688. London: A and C Black, 1933. P. 308, 309.*

⁵⁸⁵ *Chaumi P. Conquête et exploitation des Nouveaux Mondes (XVI-e siècle). Paris, 1969. P. 254.*

пиренейских держав, Англия и Франция в своей колониальной политике во многом дублируют опыт своих предшественников-конкурентов. Стремление легитимизировать свои претензии ссылками на миссию христианизации туземных язычников⁵⁸⁶ и право первооткрытия⁵⁸⁷ вполне сочеталось с пропагандой «открытого моря». «Подвижные воды океана неизбежно свободны», — в этих словах из знаменитого «*Mare liberum*» голландского политика и мыслителя Гуго Гроция воплощены идеи сторонников концепции водного пространства, не подлежащего присвоению ни одним государством, пространства международной свободной торговли как средства общения между народами всего мира.

Полемика пропагандистов доктрины «открытого моря» с защитниками концепции «закрытого моря», которая отнюдь не отступала на задний план в XVII–XVIII вв., велась по принципиальным вопросам, связанным с осуществлением верховной власти на море. Однако власти подходили к этим вопросам достаточно избирательно, оставляя себе пространство для маневра. Не теоретическое ли обоснование закрытых «Британских морей» станет примером свершавшихся перемен?

Политические постулаты, руководствуясь которыми Елизавета I вторгалась в «закрытые моря» Испании в Новом Свете, соседствовали с идеей «закрытого моря», когда речь заходила о Европе и «морях, омывающих Британию». Елизавета I могла объявить датскому королю Христиану IV, угрожавшему запретом английским подданным ловить рыбу в Северном море, что рыболовство в

⁵⁸⁶ В грамоте Генриха VIII, предоставленной Д. Каботу 5 марта 1496 г., предписывалось «...искать, открывать и исследовать любые острова, страны, области или владения язычников и неверных, остающиеся до сего времени неизвестными христианскому миру, в какой бы части света они ни оказались». Патент Генриха VIII, данный «англо-азорскому синдикату» 19 марта 1501 г., уполномочивал компаньонов «плыть... в любую часть мира и вступать во владение землями, населенными язычниками, колонизировать их и управлять ими...» Инструкции Франциска I Робервалло от 15 января 1541 г. предписывали «заселить вышеупомянутые земли и страны, возвести в них поселения и форты, храмы и церкви во имя утверждения нашей святой католической веры и христианской доктрины».

⁵⁸⁷ Жак Фурнье в 1524 г. в своей «Гидрографии» утверждал, что дьепские моряки открыли Бразилию и Амазонку еще до португальцев (*Fournier G. Hydrographie contenant la théorie et la pratique de toutes les parties de la navigation. Paris, 1643. P. 321*). Андре Теве доказывал первенство ларошельских моряков в открытии «Земли Кортириала», то есть Лабрадора, где они появились за пять лет до плавания Христофора Колумба и за четырнадцать лет до Гашпара Кортириала (*Thevet A. La Cosmographie universelle... P. 1022*). Впрочем, масштаб предпринимаемых промысловых и рыболовных плаваний в Атлантике вполне допускает приход европейцев на американский континент до 1492 г. (см. подробнее: *Quenn D. B. État présent des études sur la redécouverte de l'Amérique au XVe siècle // Journal de la Société des Américanistes. 1966. Vol. 2. P. 343–381.*)

открытом море свободно от законов государства и обычаев всех народов, а «законы государства позволяют рыболовство в любых морях, даже в тех, где какая-либо страна располагает полномочиями командовать».⁵⁸⁸ Она же пресекла речь испанского посла, протестовавшего по поводу рейда Дрейка вглубь испанских владений в Америке, заявив: «Морем и воздухом могут пользоваться все, право на океан не принадлежит никакому народу и никакому частному лицу, поскольку ни природа, ни всеобщая польза и обычай этого не допускают.»⁵⁸⁹ В свою очередь, шотландские Стюарты, в отличие от английских Тюдоров, требовали «закрыть» моря вокруг Британских островов, дабы обезопасить интересы шотландских рыбаков и торговцев.⁵⁹⁰ С воцарением на английском престоле Иакова I Стюарта усилились позиции защитников «закрытого моря», а труды Джона Селдена, Чарльза Велвуда, Джона Борроу встанут в один ряд с работами поборников «закрытых» испанских (Альберико Джентили), португальских (Р. С. Фрейгас) и венецианских (Паоло Сарпи) морей. В апреле 1635 г. английский государственный секретарь Джеймс Коук писал послу в Гааге Уильяму Бозвелу по поводу вышедшего в свет труда Гроция: «Прежде всего мы признаем тот неопровержимый принцип, согласно которому король Англии есть господин над всеми своими землями и водами на всем протяжении своего владения и что ему надлежит поддерживать в Британских морях такую же верховную власть, каковую он имеет над своими тремя королевствами, — в противном случае невозможно ни поддерживать безопасность, ни сохранить Его честь и должное уважение других наций. Владея морями, король может заставить своих соседей и все прочие державы быть настороже во всякое время, когда бы он этого ни пожелал».⁵⁹¹

Вторжение Европы в Океан превратило водное пространство в зону постоянной конфронтации. В ответ на требование Карла II салютовать первым

⁵⁸⁸ *Potter P. B. The Freedom of the Seas... P. 55.*

⁵⁸⁹ *Camden G. Annales rerum Anglicarum et Hibernicarum, regnante Elizabetha. London, 1615. P. 428, 429.*

⁵⁹⁰ См. подробнее: *Armitage D. Making the Empire British Scotland in the Atlantic World, 1542–1717 // Past and Present. 1997. № 155. P. 34–63.*

⁵⁹¹ *Fulton T. W. The Sovereignty of the Sea... P. 257.*

английскому флагу при встрече в море ближе к берегам Франции, чем Англии, король Франции Людовик XIV написал своему послу в Лондоне д'Эстраду: «Я не знаю под небом никакой силы, которая могла бы заставить меня сделать в этом случае хоть один шаг».⁵⁹² Военно-морские силы становились решающим фактором мировой политики, перенесенной в Океан. Мэхен приводит размышление «одного хорошо осведомленного и здравомыслящего голландца», заявившего: «Очевидно, что Вест-Индия, будучи как бы желудком Испании (ибо отсюда черпаются все ее доходы), должна быть соединена с нею, как со своей головой, морской силой, и что Неаполь и Нидерланды, будучи как бы двумя руками Испании, не могут оказывать ей поддержку или получать что-либо от нее по морю; все это может быть легко осуществлено нашими судами в мирное время и ими же сорвано в военное».⁵⁹³ Европа захватывала морское пространство и одновременно попадала в зависимость от него; владение морем стало неизменным атрибутом и необходимым условием военно-морского могущества.

§ 2. МОРСКАЯ ВОЙНА И РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ПРИНЦИПОВ ПРИЗОВОГО ПРАВА В ЕВРОПЕЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Разобрав вопросы, касающиеся геополитической стратегии европейских государств в отношении передела мира, мы подошли к одной из самых запутанных проблем в истории морского разбоя. Как на практике осуществлялась борьба за морское пространство, и насколько она затрагивала частный сектор. Проанализируем эту проблему, рассмотрев юридические аспекты, связанные с феноменом морского разбоя. Здесь мы также встречаемся с различными определениями, подходами и не обнаруживаем и намека на единство принятых

⁵⁹² *Перельс Ф.* Современное морское... Ч. I. С. 263. О проблеме салюта в море см.: *Копелев, Д.Н.* Раздел Океана в XVI – XVIII веках: Истоки и эволюция пиратства. СПб, 2013. С. 64—70.

⁵⁹³ *Мэхен А. Т.* Влияние морской силы... С. 33.

мнений. Реальность, в которой приходилось действовать купцам, вольным морякам, авантюристам и законодателям на рубеже позднего средневековья и раннего нового времени, подчас не имела ничего общего с весьма туманными и запутанными юридическими нормами — какая уж тут терминологическая ясность. Дело в том, что процессы юридического закрепления нового правового порядка и бюрократизация управления протекали на фоне благополучно функционировавших правовых основ прежнего времени: дух морского обычая и вековая устойчивая практика не уступали своего места и неизбежно накладывались на новейшее законотворчество.

Надо сказать, что обычаи и нравы морской войны, а соответственно, обычаи и нравы морского разбоя в XVI — начале XVIII вв. еще были далеки от кодифицированной системы понятий и законов, как это характерно для юридической практики последующего времени, строго регламентировавшей морское право. К тому же реальная морская практика и морской разбой с его многоцветием нюансов и модификаций неизбежно при попытках юридического осмысления сопоставлялась с многообразным правовым материалом, характерного для каждой местности и каждой области. И такое «право в праве» являло собой не просто дестабилизирующий элемент, но элемент, не поддававшийся никаким прогнозам правительственных структур. В обстановке жесткого морского противостояния держав в Океане и эскалации насилия подобная ситуация порождала бесчисленные дополнительные проблемы. Государство могло защитить безопасность своих границ и подданных, лишь полагаясь на собственные ресурсы и включая в «охранную стратегию» самих купцов, торговцев, вольных промысловиков и различного рода авантюристов. «Надо было делать работу самим», — замечает Йон Глете.⁵⁹⁴ Самим возводить крепостные укрепления вокруг города, организовывать конвои сопровождения, высылать в море лихих людей, способных своими действиями принудить врага

⁵⁹⁴ *Glete J. Navies and Nations. Warship, Navies and State Building in Europe and America, 1500–1860. Vol. 1. Stockholm, 1993. P. 11.*

заклучить мир или начать переговоры. Правда, государство, едва только встававшее на ноги, на подобные меры решалось с большим трудом, и подданные, как издревле повелось, полагались на собственные силы. В этой полуофициальной и санкционированной правителями морской войне все тактики и стратегии смешались. Все те, кто, так или иначе, был связан с морской торговлей, оказались брошенными на произвол судьбы. «Выплывать» им приходилось самим, и они это делали, действуя в рамках купеческих гильдий или создавая собственные «оборонительные ресурсы», чтобы одновременно и торговать на море, и защищать себя, и грабить конкурентов, и договариваться с властями. Перед нами, в целом, децентрализованная, но все же система вооруженных сил; только функционировала она не в масштабах «мировых военно-морских держав», а в рамках небольшого порта, маленького прибрежного анклава, архаичной социальной структуры, уповавшей на свои собственные силы. Понадобится не один век, чтобы эта самочинно возникшая структура трансформировалась в мощную централизованную государственную конструкцию с флотами, арсеналами, портовыми сооружениями, четкими законодательными нормами. В ходе модернизации европейской жизни более или менее универсальную форму морское право приобретет в первой половине XIX в., а пока что, в XVI–XVII вв., оно еще строилось на совершенно иных принципах.⁵⁹⁵

⁵⁹⁵ Тексты договоров и кодексов мореплавания см.: *Pardessus J. M.* Collection des Lois Maritimes antérieures au XVIII-ème siècle. T. I–VI. Paris, 1828–1845; *Dumont J.* Corps Universel Diplomatique du Droit des Gens. T. I–VIII. Amsterdam–La Haye, 1726–1731; *Martens G. F. von.* Essai sur les armateurs, les prises et surtout les reprises d’après les lois, les traités, et les usages des puissances maritimes de l’Europe. Göttingue, 1795; *Martens G. F. von.* Nouveau recueil général de traités. T. I–VIII. Göttingue, 1876–1887; *Reddie J.* An Historical View of the Law of Maritime Commerce. London, 1842; *Reddie J.* Researches, Historical and Critical, in Maritime International Law. T. I–II. Edinburgh, 1844–1845; *Robinson Ch.* Collectanea Maritima, Being a Collection of Public Instruments, Tending to illustrate the History and Practice of Prize Law. London, 1801; О призовом праве см. подробнее: *Спасович В. Д.* О правах нейтрального флага и нейтрального груза. СПб., 1851; *Каченовский Д. И.* О каперах и призовом судопроизводстве, в отношении к нейтральной торговле. М., 1855; *Ортолан Т.* Морское международное право. СПб., 1865; *Кантакузин (граф Сперанский) М. П.* Опыт определения понятия военной контрабанды (с приложением 133 договоров). Одесса, 1875; *Перельс Ф.* Современное морское международное право. Ч. 1–2. СПб., 1884; *Овчинников И. А.* Призовое право. Ч. 1. СПб., 1897; *Резон А. К. фон.* Призовые суды. СПб., 1906; *Шефтель Я. М.* Русское призовое право. Пг., 1915; *Коломбос Д.* Международное морское право М., 1975; *Hautefeuille L.-B.* Histoire des origines, des progrès et des variations du Droit Maritime International. Paris, 1869.

Призовое право и проблемы захвата неприятельской собственности в морском законодательстве XVI–XVIII вв.

Во-первых, бросается в глаза *размытость законодательной базы*, отсутствие единого кодекса, унифицирующего на правовом уровне реалии морской практики. В морском праве доминировали местные обычаи, зафиксированные на уровне судебных решений, не санкционированные верховной государственной властью и не являвшиеся неким единым стандартом, международным правовым актом. В странах Средиземноморья роль своего рода морского судебного кодекса играл «Consolato del Mare», сборник обычаев, записанный на каталонском наречии и составленный, по-видимому, в XIV в. в Барселоне.⁵⁹⁶ В атлантической Европе применяли несколько сборников. На побережьях Италии, Франции, Фландрии, а также в Англии и Шотландии в основном опирались на «Rooles d’Oleron» («Олеронские роли»), пергаменные свитки на старофранцузском с записью судебных решений, отнесенные Жаном Мари Пардессю к XI в. В бассейнах Северного и Балтийского морей пользовались одновременно несколькими сводами законов: записанным на острове Готланд «Hogeste Water-Recht tho Wisby» («Морское право города Висби») на нижнесаксонском, нидерландскими «De Vonissen van den Water-Rechte ten Damme in Vlaen deren» («Приговоры города Дам»), «Амстердамскими кутюмами» и «Статутами Любека». Во Франции в XVI — начале XVII вв. был составлен «Quidon de la mer» — кодекс, закрепивший морские обычаи и изданный для оказания помощи консулам Руана при ведении дел, связанных со страхованием.

Во-вторых, морская европейская практика базировалась на *традиционном архаичном законодательном материале*, вобрав в себя компоненты древнего права, обнаруживавшиеся во многих явлениях морской жизни Нового времени. Архаичные составляющие, в силу самой своей природы, предусматривали широкомасштабный захват чужой собственности, ибо зиждились на отстаивании «законного» требования феодальных правителей — права на добычу. К числу

⁵⁹⁶ См.: *Pardessus J. M. Collection des Lois Maritimes...* Т. I. P. 17–35.

подобных унаследованных из древних норм можно отнести, например, такие юридические институты, как «право кораблекрушения» и ангарию, применявшиеся вплоть до XX в.

«Право кораблекрушения» (*«droit de naufrage»*) — этот традиционный промысел, базировавшийся на праве феодальных правителей и приморских жителей забирать товары и собственность с разбитых у близлежащих побережий кораблей — неискоренимо господствовало не только на всем протяжении Средних веков, но и в Новое время, составляя немалую часть доходов жителей приморья, а также государственной казны. Арсенал использовавшихся при этом средств — расстановка обманных сигнальных огней, договоренности с лоцманами и буксировщиками, уничтожение собак и петухов, способных лаем и криком выдать близость берега, и прочее — был в ходу вдоль всех европейских побережий, что говорит о масштабности и глубоких психологических корнях бытовавшего мнения, что в море — не великий грех «прикарманить» чужую собственность. Попытки справиться с «береговым правом» — и те, что шли от церковных установлений (Латеранский 1079 г. и Нантский 1127 г. соборы), и опиравшиеся на светскую законодательную практику, и меры властных структур — ничего не давали. Например, король Франции Людовик IX Святой в 1268 г. отменил «право кораблекрушения», а его сын Филипп III Смелый в 1277 г. восстановил древние традиции и регламентировал «береговое право». О том, насколько преступным расценивалось «право кораблекрушения» законодателями, разрабатывавшими судебные нормы, свидетельствуют чрезвычайно суровые санкции, вводимые, например, ст. 25 и 36 «Олеронских ролей» по отношению к применяющим «береговое право»: «Кто... возьмет что-либо из имущества бедных жертв кораблекрушения, несчастных и обездоленных, помимо их желания и воли, будет отлучен от Церкви и должен понести наказание как вор, если он не вернет все в короткие сроки, и нет никаких установлений и законов, которые могут избавить его от этого наказания», — говорилось в законе; виновных следовало привязать к столбу внутри дома и сжечь вместе с жилищем, а на месте дома устроить свинной

рынок.⁵⁹⁷ Подобная форма разбоя, обусловленного наличием традиционного права на добычу на своей территории, наносила огромный вред торговле. И нет ничего удивительного, что другим средством противостоять потенциальной опасности пасть жертвой этого древнего права стали охранные привилегии, избирательно предоставлявшиеся центральной властью купцам той или иной национальности (например, ордонанс 1277 г. Филиппа III Смелого в пользу итальянцев, или ордонанс 1461 г. Людовика XI в пользу фламандцев, голландцев и брабантцев) либо торгового союза (ордонанс 1464 г. в пользу ганзейских купцов).

Еще одним правовым институтом, характеризующим масштабность проявлений насилия в море, выступает *ангария*. Во времена Римской империи это была повинность, предполагавшая выставление лошадей и носильщиков на нужды правительства для выездов или путешествий императора и т.п. Сохранившись на протяжении Средних веков, ангария на море трансформировалась в систему использования правителями во время войны всех иностранных судов и их экипажей, находившихся в подконтрольных власти гаванях. За определенную плату, которую, впрочем, назначали правительственные служащие независимо от воли владельцев и команд, суда использовались для транспортировки военных грузов и оружия. Применение ангарии в Римском государстве, объяснявшееся распространением единого законодательства на всех подданных Империи, казалось, никак не могло обосновать ее применения в Средние века и Новое время в отношении подданных других государств. Тем не менее, «установившись во всех нациях»⁵⁹⁸, она превратилась в элемент, противоречивший нормам свободной торговли. Несмотря на встречавшиеся оговорки, запрещавшие использовать торговые и военные суда в военное время без согласия их владельцев или командиров (ст. 11 франко-датского трактата 1645 г.; англо-португальская конвенция 1645 г.), ангария продолжала существовать на протяжении XVII–XVIII вв.⁵⁹⁹ Более того, применение ангарии зафиксировано в

⁵⁹⁷ Ibid. Т. II. P. 346, 347.

⁵⁹⁸ *Hautefeuille L.-B. Histoire des origines, des progrès et des variations du Droit Maritime International.* P. 230.

⁵⁹⁹ Ibid. P. 231.

XIX в., когда во время франко-прусской войны к этой мере прибегли германские оккупационные войска. Поводом послужил обстрел германских войск с французской канонерской лодки в декабре 1870 г. на Сене, между Гавром и Руаном.⁶⁰⁰

Кроме того, «размытость» законодательства порождала *неопределенность правовой терминологии*, что открывало широкий простор для злоупотреблений и проявлялось на международном, государственном и местном уровнях. На международном уровне терминологическая неясность касалась, в частности, понятия «блокада». В постановлениях Пиренейского, Нимвегенского, Рисвикского и Утрехтского трактатов, объявивших свободу торговли, за исключением мест «обложенных, блокированных или осажденных», определения «блокады» мы не обнаружим. Как результат, блокада часто оказывалась фиктивной блокадой «*per notificationem*» («по объявлению»). На практике это означало, что решение и объявление о блокаде, не сопровождавшиеся соответствующими военными мероприятиями — отправкой эскадры или флота, блокировавших тот или иной порт, крепость, — оборачивались угрозой захвата любого из нейтральных судов, становившихся в этих условиях «законным призом» для каперов, действовавших в этом районе. Показательно, что инициаторами подобной «бумажной» блокады стали нидерландские морские гёзы⁶⁰¹, объявившие в 1584 г. «блокированными» и, соответственно, открытыми для разбоя, все порты Фландрии, остававшиеся в руках испанцев.⁶⁰² То же произошло в 1663 г., когда Испания объявила «блокированными» все порты Португалии; в 1689 г. Англия и Голландия «блокировали» французское побережье, объявив правильным призом захват любого судна, в том числе и в открытом море, например «у берегов Франции, или

⁶⁰⁰ Перельс Ф. Современное морское международное право... Ч. 1. С. 112.

⁶⁰¹ «Морские гёзы» (голланд. *geuzen*, от франц. *gueux* — «нищие», как назвал в насмешку один из придворных наместники Нидерландов Маргариты Пармской бедно одетую группу нидерландских дворян, подавших в 1566 г. петицию о преобразованиях в стране) — жители прибрежных районов, которые вели борьбу с испанцами на море. Не признавая гёзов как «врагов», испанцы воспринимали их в качестве мятежников восставших провинций и не могли обращаться с ними с учетом обычного международного права. Соответственно, и гёзы, которых воспринимали как пиратов, платили испанцам тем же.

⁶⁰² *Hautefeuille L.-B. Histoire des origines, des progrès et des variations du Droit Maritime International. P. 191–192.*

выходящего из ее гаваней».⁶⁰³ Показательно, что наибольшей расплывчатостью обладали жизненно-важные понятия, от трактовки которых напрямую зависела безопасность плаваний на море, — «приз», «добыча», «правильный приз», «захват», «контрабанда», «нейтральное судно», «призовой суд», «обыск», «осмотр», «преследование». Как было поступать, например, командующему эскадрой или командиру военного корабля, если он встречал в море судно нейтрального государства, направлявшееся в неприятельский порт, и обнаруживал среди его грузов запрещенные к ввозу контрабандные товары — военные припасы: огнестрельное оружие, пушки, мушкеты, ружья, мортиры, петарды, бомбы, гранаты, «смоленые хомутины», лафеты, порох, фитили, селитру, пули, шпаги, пики, шишаки, шлемы, кирасы, алебарды, копья, пистолетные ушки, портупей, седла, уздечки или зерно, вино, овощи, соль, табак, деготь — столь нужные противнику? А если хозяева встреченного судна скрывали контрабанду, а адмирал получал сведения о наличии на этом судне запрещенных товаров и был уверен, что их прячут? Следовало ли ему постараться проверить груз миром или действовать силой? И стоило ли брать на себя такую ответственность? Отсутствие четких юридических нормативов означало произвольность и даже произвол в принятии такого рода решений. Первые попытки определить круг предметов, относящихся к военной контрабанде, были предприняты в договорах Испании с Англией 19 августа 1604 г. (ст. 4.) и Республики Соединенных Провинций со Швецией 6 апреля 1614 г. (ст. 5).⁶⁰⁴

Правовая неопределенность не лучшим образом сказывалась и в еще одном важнейшем вопросе международной морской торговли — о статусе судна и груза нейтральной державы, что было напрямую связано с каперством и пиратством. В кодексах войны на суше проблема нейтральной страны стояла не столь остро, как на море. Ограниченное пространство военных действий и торговых контактов в этих зонах, закрытые сухопутные границы, четкое подразделение подданных

⁶⁰³ *Dumont J. Corps Universel Diplomatique du Droit des Gens. T.VII. Part. II. P. 238.* (Англо-голландская конвенция 12 августа 1689 г.)

⁶⁰⁴ *Ibid. T. V. Part. II. P. 33, 247.*

соседних государств на врагов и союзников предопределяли отношение к нейтральной собственности не воюющих сторон как к делу второстепенному. Совсем иное — океанские торговые трассы: «свободная экономическая зона», открытая для торговли всех стран. Во время войн подданным нейтральных держав невозможно было запретить выходить в море и торговать, однако единых правил, регламентировавших поведение в отношении нейтральной собственности, не существовало. В вопросе захвата судов иной страны различные державы в одно и то же время руководствовались различными системами.

Не подлежало сомнению одно — право захвата судов враждебной державы. «Если вооруженный корабль, идущий, или возвращающийся, или занимающийся корсарством, встретит купеческое судно, и если это последнее принадлежит, как и его груз, неприятелю, то излишне и говорить об этом, ибо каждый имеет достаточные инструкции, чтобы знать, как должно поступить, и в этом случае нет нужды давать наставления», — гласит «*Consolato del Mare*».⁶⁰⁵ Однако в отношении собственности нейтральных государств вопрос решался не столь однозначно.

Правила «*Consolato del Mare*», в которых еще нет понятия «нейтральности» и действует подразделение на «друзей» и «врагов», определяли неприкосновенность собственности «друзей» и возможность выкупа груза. В соответствии со ст. 276, «если корабль принадлежит неприятелю, а его груз друзьям, то купцы, которые на нем находятся и которым принадлежит весь груз или часть его, должны войти в соглашение с адмиралом о выкупе его за сходную цену, и если они могут, о выкупе судна, сделавшегося законной добычей...»⁶⁰⁶ Подтверждение этих правил мы находим в договорах XIV–XVII вв., предусматривавших выкуп согласно названным нормам. К ним относятся, например, договор 1 августа 1351 г. Эдуарда III с Кастильскими и Бискайскими провинциями⁶⁰⁷ и торговый договор 20 октября 1353 г. Эдуарда III с городами

⁶⁰⁵ *Pardessus J. M. Collection des Lois Maritimes...* Т. II. P. 303–304.

⁶⁰⁶ *Ibid.* P. 305.

⁶⁰⁷ *Dumont J. Corps Universel Diplomatique du Droit des Gens.* Т. I. Part. II. P. 265.

Лиссабоном и Порто.⁶⁰⁸ Однако часто предоставление нейтральному грузу свободы от захвата приобретает характер «привилегии», которой пользовались, например, в отношениях с Французским королевством купцы Ганзейского союза (договоры 1464, 1484, 1489, 1536 и 1552 г.), голландские купцы (франко-голландский договор 18 апреля 1646 г.⁶⁰⁹). То же касается и гарантий, предоставлявшихся европейским торговцам мусульманскими державами (ст. 4 и 9 договора 2 мая 1604 г.⁶¹⁰ и ст. 4 и 7 договора 5 июня 1673 г.⁶¹¹ Османской империи с Францией; ст. 8 и 25 договора 15 июля 1612 г. Османской империи с Голландией⁶¹²; ст. 7 и 15 договора 17 сентября 1631 г. Марокко с Францией⁶¹³; ст. 3 и 19 договора Алжира с Англией 10 апреля 1682 г.⁶¹⁴). Впрочем, подобная практика была скорее исключением из правил — уже к XV в. по отношению к нейтральной собственности на неприятельском судне действовал принцип «*navire ennemi confisque robe d'amis / pavillon ennemi confisque marchandises amies*» («неприятельский корабль конфискует дружеское платье»), в соответствии с которым нейтральная собственность на борту неприятельского корабля составляет «законный приз». Еще в договоре от 2 июля 1468 г. Эдуарда IV с Франциском II, герцогом Бретонским, зафиксирована оговорка, что подданные Английского королевства и Бретонского герцогства, найденные на корабле противника «одной из этих держав, подлежат плену, а их собственность становится ”законным призом”».⁶¹⁵ Ганзейский союз также запрещал нейтральным странам всякую торговлю с неприятелем. XVI–XVIII вв. в международном морском праве — период фактического господства правила, в соответствии с которым «груз разделял участь флага», и с различными оговорками это было воспринято и в системе международных трактатов (ст. 22 Нимвегенского трактата 10 августа 1678

⁶⁰⁸ Ibid. P. 286.

⁶⁰⁹ *Desjardins M. A. Étude sur l'histoire du droit commercial maritime français au XVII-e siècle // Séances et travaux de l'Académie des sciences morales et politiques. Paris, 1890. Part. II. P. 384.*

⁶¹⁰ *Dumont J. Corps Universel Diplomatique du Droit des Gens. T.V. Part. II. P. 40.*

⁶¹¹ Ibid. T.VII. Part. I. P. 232.

⁶¹² Ibid. T. V. Part. II. P. 199, 201.

⁶¹³ Ibid. T. VI. Part. I. P. 19.

⁶¹⁴ Ibid. T.VII. Part. II. P. 20.

⁶¹⁵ Ibid. T.III. Part. I. P. 598.

г.⁶¹⁶, ст. 37 Рисвикского трактата 20 сентября 1697 г.⁶¹⁷, ст. 26, 27 Утрехтского мира от 31 марта и 11 апреля 1713 г.⁶¹⁸, Аахенского трактата 30 апреля 1748 г. и ст. 2 Парижского перемирия 10 февраля 1763 г.⁶¹⁹), и в практике двусторонних соглашений (например, ст. 1 франко-голландского соглашения от 18 апреля 1646 г.⁶²⁰; ст. 15 договора Франции с Англией от 3 ноября 1655 г.⁶²¹ ст. 19 Пиренейского договора от 7 ноября 1659 г.⁶²², ст. 10 договора Англии с Голландией от 17 февраля 1668 г.⁶²³).

Сложнее и запутаннее обстояло дело с судьбой неприятельской собственности на нейтральном судне. Одно из решений — «*la robe de l'ennemi confisque celle d'ami*» («неприятельский товар конфискуется на дружественном корабле») — предлагала ст. 276 «*Consolato del Mare*». «Если взятый корабль принадлежит друзьям, тогда как находящийся на нем товар принадлежит врагу — то адмирал вооруженного корабля может остановить его и заставить принести все, что принадлежит неприятелю, с тем, впрочем, условием, что адмирал должен заплатить корабельщику всю перевозную плату, обозначенную в регистре, которую этот последний должен был получить, если бы доставил груз по назначению... Если корабельщик, несмотря на приказание адмирала, будет отказываться доставить неприятельские товары, находящиеся на его корабле, в такие места, где взявшие его судно будут в безопасности, то адмирал может или сам затопить его, или приказать пустить его ко дну, спасши предварительно людей, находящихся на корабле. И никакая власть не может требовать у него отчета в этом, с какими бы просьбами и жалобами к нему ни обращались. Но надо знать, весь ли груз или большая его часть принадлежит неприятелю.»⁶²⁴ Законность конфискации неприятельской собственности, идущей под флагом

⁶¹⁶ Ibid. T. VII. Part. I. P. 359.

⁶¹⁷ Ibid. T. VII. Part. II. P. 386.

⁶¹⁸ Ibid. T. VIII. Part. I. P. 349, 380.

⁶¹⁹ *Martens G. F. von. Nouveau recueil général de traités. T. I. P.107.*

⁶²⁰ *Dumont J. Corps Universel Diplomatique du Droit des Gens. T. VI. Part. I. P. 342.*

⁶²¹ Ibid. T.VI. Part. II. P. 121.

⁶²² Ibid. P. 265.

⁶²³ Ibid. T. VII. Part. I. P.74.

⁶²⁴ *Pardessus J. M. Collection des Lois Maritimes... T. II. P. 304, 305.*

нейтрального государства, признавалась как главный принцип морской войны на всем протяжении XV–XVI вв. (например, ст. 9 и 11 англо-бургундских договоров, соответственно, от 10 марта 1406 г.⁶²⁵ и 17 августа 1417 г.⁶²⁶, ст. 11 англо-бретонского договора от 22 июля 1486 г.⁶²⁷), однако в XVII в. встречается эпизодически (договоры Англии с Испанией 1604 г., Голландии с Тунисом и Алжиром) и постепенно начинает отходить на второй план, уступая место другим системам (практически правилу «*Consolato del Mare*» продолжало следовать лишь морское законодательство Англии: ст. 11, 12 англо-шведского соглашения от 21 октября 1661 г.⁶²⁸, ст. 9, а также ст. 16, 20 договоров Англии с Данией, соответственно, 1661⁶²⁹ и 11 июня 1670⁶³⁰ гг.; если Англия и признавала неприкосновенность неприятельской собственности, то как привилегию: договор 1654 г. с Португалией, Вестминстерский трактат 1655 г., договор с Данией 1663 г., с Голландией 1667 г. и с Швецией 1672 г).

Одна из новых систем — «*navires libres — marchandises libres*» («свободные корабли — свободные грузы»), — упоминавшаяся нами ранее, употреблялась в Средиземноморье и преследовала цель обезопасить христианское мореплавание от нападений мусульман. «Желаем и повелеваем... чтобы товары, принадлежащие врагам нашей Порты, которые будут погружены в Ноли на французские корабли, не могли быть взяты», — записано в ст. 12 «Капитуляций», заключенных Генрихом IV и Ахмедом I в 1604 г.⁶³¹ Тот же принцип зафиксирован в договорах

⁶²⁵ *Dumont J. Corps Universel Diplomatique du Droit des Gens. T. II. Part. I. P. 305.*

⁶²⁶ *Ibid. T. II. Part. II. P. 91.*

⁶²⁷ *Ibid. T. III. Part. II. P. 161.*

⁶²⁸ *Ibid. T. VI. Part. II. P. 385, 386.*

⁶²⁹ *Ibid. P. 401.*

⁶³⁰ *Ibid. T. VII. Part. I. P. 134.*

⁶³¹ *Ibid. T. V. Part. II. P. 39, 40.* Этим правилам следовало и российское призовое законодательство. Ст. 4 «Правил для партикулярных корсаров» 1787 г., принятых в обстановке русско-турецкой войны гласила: «К осмотру всякого судна под флагом христианским, должно посылать на шлюбке одного из штурманов, человека благоразумного, а по пристаниии его к борту один только сей штурман, а никто другой и ни под каким видом взойти на судно не может. По том должен он со всякою благопристойностию истребовать у шкипера паспорта, коносаменты, кантракты или шарто партии и аттестат о здоровье екипажа. А когда по сим бумагам видно, что как судно, так и екипаж действительно принадлежат нейтральной державе и что на нем никаких нет запрещенных военных припасов, в таком случае не медленно должно его отпустить в желаемый путь, хотя бы в прочем и все нагруженные на нем товары действительно принадлежали неприятелю, ибо по принятому Ея Императорским Величеством правилу и самая неприятельская собственность покрывается нейтральным флагом. При таком

Голландии с Османской империей 1612 г., Франции с Голландией 1646 г., Англии с Португалией 1654 г., Франции с Англией 1677 г., Англии с Голландией 1674 и 1688 гг., Пиренейском, Нимвегенском, Рисвикском и Утрехтском соглашениях. Определенные этими соглашениями принципы станут предвестником установления современного международного принципа «*le pavillon neutre couvre le cargaison*» («нейтральный флаг покрывает неприятельский груз»), ставшего основополагающим после решений Парижского мирного конгресса 1856 г.⁶³²

Между тем в XVII–XVIII вв., в эпоху «тотальной» охоты за призами, когда понятие «морской добычи» вышло далеко за рамки «*Consolato del Mare*», получила распространение так называемая «французская система», наиболее суровая в отношении нейтрального мореплавания и наиболее благоприятная для воюющих государств. Универсализм и глобализм данной системы, возродившей принципы Римской империи с ее сведением всего мира к подданным и подчиненным, не только с очевидностью свидетельствует о гегемонистских устремлениях Людовика XIV, но и подчеркивает, на наш взгляд, сколь широкие возможности открывала война морских держав для разбоя. В рамках этой системы в соответствии с принципом «*la robe de l'ennemi confisque robe et navire amis*» («неприятельский груз “конфискует” дружеские груз и корабль»), предусматривался не только захват имущества противника, но и конфискация самого корабля. Одно из первых упоминаний о подобном принципе захвата морской добычи относится ко времени войны Дании и Шотландии против Швеции, когда союзники фактически закрыли нейтральную торговлю со Швецией и нанесли тем самым огромный ущерб торговле Ганзейского союза. Тем же принципом руководствовались и морские гезы, воевавшие против Испании. Он же, в числе прочих, лег в основу французской военно-морской доктрины. Разработанная в эдиктах Адмиралтейства 1533, 1543 и 1584 гг., «французская

осмотре не делать в прочем ни малейшей грубости, угрожения или принуждения и ни под каким видом ничего не брать и не касаться ни до малейшей вещи.» (РГА ВМФ. Ф. 223. Оп. 1. Д. 46. Л. 115 об., 116).

⁶³² По подсчетам Бюша (*Büsch J. G. Über das Bestreben der Völker neuerer Zeit einander in ihrem Seehandel recht wehe zu thun.* Hamburg, 1800. S. 54–84), до 1786 г. этот принцип разделяли 36 трактатов из 51 исследованных.

система» достигла своей кульминации в знаменитой ст. 7 королевского ордонанса 1681 г., объявившей законным призом «все суда, нагруженные товарами, принадлежащими нашим подданным или подданным наших союзников и погруженными на суда наших противников.»⁶³³ Французский исследователь морского права Лоран-Базиль Отфей обратил внимание на характерную реакцию, которой сопровождалось во Франции введение в действие этой статьи: «Это постановление, — пишет автор, — оставалось не совсем ясным и адмиралтейские суды не решались его применять.»⁶³⁴ Потребовалось специальное постановление Совета от 22 октября 1692 г., чтобы развеять все колебания: «Если на нейтральных кораблях будут находиться товары, принадлежащие врагам его величества, то корабль и весь груз на основании статьи 7 будут составлять законный приз». Постановление Совета от 26 октября 1696 г. также предписывало следовать этому правилу «без различий и ограничений».⁶³⁵

Любопытно, что даже столь широко понимаемые «права» на захват чужой собственности не стали пределом эскалации насилия в морском пространстве. С началом Войны за испанское наследство правовое содержание понятия «приз» еще более раздвинуло свои границы. Ст. 3 и 4 регламента 1704 г. предписывали конфисковывать все предметы, товары или «произведения неприятельской земли», кто бы ни был настоящим собственником этих предметов и товаров. Более того, законным призом объявлялся всякий корабль, принявший в неприятельском порту груз для перевозки его в «порт, не принадлежащий к числу портов его собственной страны».⁶³⁶ Необходимо заметить, что законодательство Франции явилось образцом и для ее союзников — системе призового права, принятой во Франции, последовали Испания (эдикты 1702 и 1718 гг.) и Швеция (указ 1715 г.).

⁶³³ *Pardessus J. M.* Collection des Lois Maritimes... T. IV. P. 385.

⁶³⁴ *Hautefeuille L.-B.* Histoire des origines, des progrès et des variations du Droit Maritime International. P. 182.

⁶³⁵ *Desjardins M. A.* Étude sur l'histoire du droit commercial maritime français au XVII-e siècle. P. 385.

⁶³⁶ *Hautefeuille L.-B.* Histoire des origines, des progrès et des variations du Droit Maritime International. P. 183.

§ 3. ЕВРОПЕЙСКАЯ ЭКСПАНСИЯ: ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МОРСКИХ ПЛАВАНИЙ

Исследователю, анализирующему феномен европейской экспансии, неминуемо приходится рассматривать проблему освоения Океана комплексно. Общие вопросы морского переустройства Европы на пороге Нового времени были тесно связаны с «фактором рационализации» — с миром бесконечно совершенствующихся технических новаций, со все более ощутимыми переменами в ментальном укладе и разрастанием социума моряков-профессионалов. Для того чтобы изучить вопрос в указанном направлении, необходимо выделить некоторые существенные аспекты проблемы.

Размах и обширный диапазон военно-технических и навигационных преобразований, обеспечившие возможность проведения европейской экспансии и повлекшие за собой концентрацию военно-морской силы в океане, во многом проистекали из крупнейшего переворота в морском деле — замены двигателя корабля, и, соответственно, эволюции от гребных судов к парусным.

На рубеже Средневековья этот технологический перелом предстал во всей своей необратимости. Во многом энергичная модернизация навигационного искусства зависела от тех цивилизационных сдвигов, которые происходили в Европе на рубеже XV–XVI вв. Однако прорыв Европы в Океан, обусловленный новыми революционными технологиями, произошел не вдруг, а масштабность преобразований никоим образом не должна заслонить будничного, терпеливого и кропотливого развития и совершенствования географической науки, навигационной практики, судостроительных умений и навыков ранней эпохи. Размышляя о влиянии технического переустройства на развитие цивилизации, Фернан Бродель заметил: «Общество — это медленная, незаметная сложная история, это память, упрямо повторяющая уже найденные, знакомые решения, которая избегает сложностей и опасных мечтаний о чем-либо ином. Всякое изобретение, постучавшееся в дверь, должно было ждать годы или даже столетия,

чтобы войти или быть внедренным в реальную жизнь». ⁶³⁷ Глубоко в Античность и Средневековье уходят явления и формы, характерные для Нового времени. Ничего удивительного: вся предшествующая история готовила океанический бросок Европы. ⁶³⁸

Во-первых, колыбель галерных передвижений, исхоженное вдоль и поперек многими поколениями мореходов Средиземное море, представляло собой морскую зону, где отсутствовали относительно большие расстояния. Во-вторых, плавания галер и парусных судов проходили вдоль прибрежной линии или в открытом море по традиционным, хорошо известным и веками эксплуатировавшимся маршрутам.

Система начала рушиться с выходом за Гибралтар в Атлантический океан. Как заметил В. И. Вернадский, «движение корабля вдоль берегов возможно было без всяких наблюдений звезд и солнца, но в открытом море невозможно было идти более или менее сознательно без руководящих, неизменных точек сравнения». ⁶³⁹ Бурная штормовая Атлантика предполагала совершенно иные условия плавания и требовала иного навигационного опыта от людей, не привыкших к многомесячному пребыванию в открытом море. «Цепляясь за побережье, они знать не желают о карте или игле», — в сердцах говорил еще на заре экспансии о мастерах каботажного плавания, итальянцах, португальский принц Энрики-Навигатор (Генрих Мореплаватель). ⁶⁴⁰ «Эти моряки боятся открытого моря», — снисходительно обронит в 1611 г. севилец Томе Канне. ⁶⁴¹ Подобного рода категорические суждения, разделенные двумя веками, при всей их пристрастности подчеркивают, на наш взгляд, тенденцию, определявшую серьезные сдвиги, которые Европа переживала в XVI–XVII вв. Еще на заре океанской экспансии принц Энрики поручил капитану Жилу Эаннешу обогнуть

⁶³⁷ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Т. I. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986. С. 358–359.

⁶³⁸ О современных спорах относительно научной революции XVI – XVII вв. см.: Дмитриев И.С. Искушение святого Коперника: ненаучная структура научной революции / И.С.Дмитриев. – СПб.: Издательство СПб ГУ, 2006.

⁶³⁹ Вернадский В. И. Избранные труды по истории науки. М., 1981. С. 121.

⁶⁴⁰ Бизли Ч.Р. Генрих Мореплаватель: 1394–1460. М., 1979. С. 94.

⁶⁴¹ Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. I. М., 2002. С. 142

мыс Бохадор, дав ему указание идти как можно дальше от берега. На подступах к мысу следовало выйти в открытое море, чтобы избежать «обрушивающихся с берега ужасных водопадов» и воронок, «затягивающих корабли на дно»: их по суеверным представлениям тогдашних моряков, в здешних водах было полным-полно.⁶⁴² Подобная стратегия открывала широкие возможности для исследования морских широт. Континент, во времена Античности и Средневековья тяготевший к Средиземному морю, начинает переносить свои интересы в Океан. Два указанных столетия стали, по определению Броделя, свидетелями наступающей «смерти Средиземноморья», превращения европейской экономики из средиземноморской в атлантическую. На фоне столь принципиальных перемен падает и приоритет итальянских мореплавателей, остававшихся на протяжении многих веков пионерами морских трасс, «мастерами навигации», учителями всех народов.

Инструменты мореплавания и доктрина «сокрытия знаний»

Стоит ли удивляться, что подобное смещение акцентов нашло своеобразное отражение в смене навигационных школ и приобретении иберийскими и североевропейскими моряками все большего влияния на навигационное знание. «Можно насчитать по крайней мере с полдюжины приморских территорий от Андалузии до Бристольского залива, которые располагали судами с хорошими мореходными качествами, умелыми моряками и мастерами, благоприятными условиями, прибрежными ресурсами и торговыми связями, чтобы быть готовыми пуститься в рискованные заокеанские предприятия,» — констатирует Дэвид Мейниг.⁶⁴³ Навигаторы, мореплаватели, кормчие, моряки на заре Нового времени — это люди, располагавшие целым арсеналом постоянно совершенствовавшихся инструментов и приборов, позволявших выходить в открытое море, ориентируясь

⁶⁴² Мензис Г. 1421—год, когда Китай открыл мир. М., 2004. С. 516.

⁶⁴³ Meinig D. W. The Shaping of America. A Geographical Perspective on 500 Years of History. Vol. I. Atlantic America, 1492–1800. New Haven–London. 1968. P. 6.

по небесным светилам.⁶⁴⁴ Так, например, компас, — «душа корабля», по образному выражению Виктора Гюго, появился, по-видимому, на английских кораблях в царствование Эдуарда III, Мы обнаруживаем его в судовых ведомостях в правление Генриха V на кораблях «Мэри оф Уэймут» («солнечные часы и морская игла»), «Кристофер» («три компаса и солнечные часы») и «Кэтрин оф Тауэр» («компас и солнечные часы»)⁶⁴⁵ В 1486 г. по три компаса приходились на корабли королевского флота «Мэри оф Тауэр», «Говене» и «Риджент». В практике навигации шаг за шагом закреплялись астрорябия, буссоль, градшток («посох Иакова»), квадрант, компас («генуэзская игла»), лаг, лот, армиллярная сфера — даже если командирам судов и приходилось, опасаясь обвинений в колдовстве, скрывать приборы от экипажа. Эта морального рода трудность сочеталась с трудностями технического плана. Дело в том, что европейские корабли той эпохи — по большей части небольшие «скорлупки», подверженные качке, препятствовавшей правильной установке инструментов и точным расчетам, тем более что громоздкие и сложные наблюдения, например, с помощью астрорябии или квадранта, проводились не одним человеком.⁶⁴⁶

Высокого уровня достигла и картография. В XIII–XV вв. карты-планисферы без сетки координат и компасных линий соседствовали с картами-портоланами, своеобразными лоциями того времени, предназначенными для подробного изображения береговой линии и оснащенными «розой ветров». В конце XV в. появились карты мира, выполненные с помощью псевдоконической проекции Птолемея (карты Иоганна Мюллера Региомонтана и Мартина Вальдземюллера). Со второй половины XVI в. настало время новой картографической проекции,

⁶⁴⁴ Об истории мореходных инструментов см. подробнее: *Корякин В. И., Хребтов А. А.* От астрорябии к навигационным комплексам. СПб., 1994.

⁶⁴⁵ *Nicolas H. N.* A History of the Royal Navy, from the Earliest Times to the Wars of the French Revolution. Т. II. London. 1847. P.180, 444.

⁶⁴⁶ Например, снятие отсчета с астрорябии поначалу проводилось тремя наблюдателями. Один держал инструмент за кольцо, другой измерял высоту светила, направляя визир-алидаду на Солнце или Полярную звезду, а третий снимал отсчет. Два наблюдателя требовалось и для расчетов с квадрантом, позволявшим определять высоту стояния какого-либо небесного светила. Один человек устанавливал квадрант таким образом, чтобы он находился в вертикальной плоскости, проведенной от глаза к наблюдаемому объекту, а другой снимал отсчет.

разработанной фламандскими учеными Герардом Кремером (Меркатором) и его учеником, картографом испанского короля Филиппа II Адамом Ортелием.

За строками великого писателя стоит опыт современных ему сотен простых неизвестных нормандских, гасконских, бретонских, фламандских, бристольских, баскских, андалузских, кастильских, португальских лоцманов и кормчих, проводивших торговые, исследовательские, корсарские и пиратские суда в Атлантике и Индийском океане. В документах остались списки участников экспедиций Христофора Колумба и Фернана Магеллана, известны «несравненный знаток навигации и гидрографии» священник из Арка Пьер Декалье, Коллен Вассер, сопровождавший Полмье де Гоннвиля во время плавания к берегам Бразилии, два «астролога» братьев Пармантье, Пьер Мокле и Пьер Криньон, Джироламо Веррацано, бывший космографом в экспедиции своего брата Джованни к берегам Северной Америки... Большинство же так и остались неким безликим людским множеством, растворившимся в повседневности морского ремесла. Какими и предстают они из донесения испанского агента, отправленного в апреле 1541 г. из Сен-Мало. Сообщая о судах, подготовленных для экспедиции сьера де Роберваля в Канаду на поиски золотой страны Сагений, шпион писал, что на них насчитывалось «400 матросов и 20 кормчих».⁶⁴⁷

Разумеется, лоцманы выходили в море не с пустыми руками. Плаванья и экспедиции XVI в. продемонстрировали неплохую оснащенность навигационными инструментами и картографическими материалами. Красноречиво выглядела, например, комплектация французского королевского галеона «Шьен» в июне 1561 г.:

Капитан Лодоньер:

Часы в футляре из ярко-красного бархата, отороченном золотыми блестками.

Книга морских карт.

Клеман:

⁶⁴⁷ Morison S. E. The Great Explorers. New York, 1978. P. 255.

Морская карта.

Астролябия.

Контр-метр:

Морская карта.

Астролябия.

Кормчий Нормандии:

Две морские карты.

Астролябия.

Два арбалета для небесной выси.

Таблица склонений.⁶⁴⁸

Обращает на себя внимание серьезная научно-техническая подготовка первого плавания Мартина Фробишера в 1576 г. На изготовление инструментов в лондонской мастерской Хэмфри Кола было израсходовано около 100 фунтов, навигационную карту по специальному заказу исполнил Уильям Борроу, знаменитый астролог и математик Джон Ди привез из Нидерландов «посох Иакова». В ведомости приборов экспедиции значились морская астролябия («медный обод») и обычная астролябия, не менее двадцати «компасов различного вида», восемнадцать получасовых песочных часов и армиллярная сфера.⁶⁴⁹ Флотилия Магеллана (5 кораблей) располагала 23 морскими картами, изготовленными служившим в Совете Индий итальянским космографом Нуньо Гарсией, 6 парами циркулей, 7 астролябиями (в том числе одной медной), 21 квадрантом, 35 компасными иглами и 78 получасовыми песочными часами. Когда флагманское судно «Тринидад» попало на Молуккских островах в руки португальцев, они первым делом конфисковали судовые книги главного кормчего Андреса де Сан-Мартина, две карты-планисферы Педро Рейнеля и все найденные карты и инструменты.⁶⁵⁰

⁶⁴⁸ *La Roncière Ch. de. Histoire de la Marine Française. T.II. Paris, 1900. P. 534, 535.*

⁶⁴⁹ *Morison S. E. The Great Explorers. P. 282, 283.*

⁶⁵⁰ *Ibid. P. 569.*

Интерес к инструментам и морской документации, естественно, проявляли не только португальцы. Более того, именно португальцы, а вкуче с ними и испанцы чаще всего страдали от этого своего рода «интернационального» обмена. В погоне за информацией об их засекреченных морях противники «иберийской монополии» не брезговали никакими средствами, используя и шпионаж, и подкуп, и перебежчиков. Хотя, собственно, они лишь повторяли «иберийский» опыт — ведь схожими методами действовали сами португальцы и испанцы, строго руководствующиеся в своей доктрине «сокрытия знаний» желанием сохранить в неизвестности морские трассы и закрыть доступ в подконтрольные моря иностранцам. Максимальная секретность, по мнению братьев Жайме и Арманду Кортезанов,⁶⁵¹ должна была обеспечить монопольное владение информацией, и поэтому монархи не только требовали сохранения в глубокой тайне географических карт, но и вели сложную игру, чтобы направить конкурентов по ложному пути. Португальский двор, например, так тщательно и умело скрывал от кастильских шпионов сведения о своих путешествиях в западную и южную Атлантику, что убедил в этом целые поколения историков.⁶⁵² А между тем, в португальских архивах обнаружены квитанции на получение сухарей, доставленных более чем на сто кораблей, выходявших из Лиссабона с 1488 по 1495 гг., в то время как ничего неизвестно ни о времени их отправления, ни о пунктах их конечного назначения.⁶⁵³ Тонкая интрига обнаруживается и в действиях португальского двора, который с помощью братьев Христофора и Бартоломео Колумбов, «убедил» конкурентов в неосуществимости планов португальцев достичь Китая и Островов пряностей, двигаясь вокруг Африки, и, тем самым, подтолкнул их к поискам неизвестной земли в западном

⁶⁵¹ См.: *Cortesão A.* The mystery of Vasco da Gama. Coimbra, Lisbon, 1973.

⁶⁵² См. подробнее: *Хазанов А.М.* Тайна Васко да Гамы // Новая и новейшая история. 1999. № 1. С. 181–194; *Он же.* Кто открыл Бразилию? // Новая и новейшая история. 2005. № 1. С. 163–171.

⁶⁵³ Критику доктрины секретности см.: *Albuquerque L. de.* Navegadores, Viajantes e Aventureiros Portugueses. Sécs. XV-XVI. 2 vols. Lisboa, 1987; *Domingues C.* Colombo e a política de sigilo na historiografia Portuguesa // *Mare Liberum.* 1990. Vol. I. P. 105–116.

направлении.⁶⁵⁴ В 1503 г., испанская корона, остро ощущая дефицит сведений о морях, направила в Лиссабон со специальной разведывательной миссией картографа и кормчего Хуана де Ла Косу. Он успешно справился с порученной операцией и привез королеве Изабелле две португальские карты. Немалую роль в знакомстве испанцев с португальскими методами навигации и организации наблюдений сыграл знаменитый флорентийский кормчий Америго Веспуччи, как тайный агент кастильского двора участвовавший в португальских экспедициях к бразильскому побережью в 1501–1504 гг. То же можно сказать и о бежавшем в Испанию от преследования за убийство жены португальском пилоте-картографе Жуане Диаше да Солише, ставшем после смерти Веспуччи главным пилотом Кастилии.⁶⁵⁵

Навигационные карты всегда были ценным приобретением и вместе с дорогими инструментами нередко попадали к корсарам и пиратам в качестве морской добычи. Мишель Молла со ссылкой на документы португальских архивов приводит записи о взятии французскими корсарами астролябий, буссолей и карт на португальских судах «Галуш» в марте 1524 г. и «Санту-Спириту» в январе 1529 г. В 1533 или 1534 г. руанцы завладели морскими приборами (в том числе «арбалетом для небесной выси») на взятом у Мадейры португальском судне.⁶⁵⁶

А если судьба забрасывала «искателей приключений» в какие-нибудь совершенно незнакомые и враждебные моря? Наподобие закрытого «Испанского озера», то есть Тихого океана, безграничные пространства которого таили очень много навигационных тайн. Каких трудов стоило, например, преодоление пути, проходящего вдоль побережья из Чили в Лиму, на первый взгляд несложного, а в

⁶⁵⁴ См.: Davidson M.H. Columbus then and now: a life reexamined. Norman: University of Oklahoma Press, 1997. P. 144–150. Решающую роль в этой истории сыграла предположительно изготовленная братьями карта, известная как «карта Мартеллуса» (Victor A.O. A pre-Columbian map of the world, circa 1489 // *Imago Mundi*. 1963. Vol. 17. P. 95–96; Davies A. Behaim, Martellus and Columbus // *The Geographical Journal*. 1977. Vol. 143. № 3. P. 451–459). См. также: Копелев Д. Н. На острие мировой политики: Пиратство в XVI – XVIII веках. СПб, 2013. С. 150–158.

⁶⁵⁵ Teixeira da Mota A. Influence de la cartographie portugaise sur la cartographie européenne à l'époque des découvertes // *Les Aspects internationaux de la découverte océanique aux XV-e et XVI-e siècles*. Paris, 1966. P. 141.

⁶⁵⁶ Mollat M. Le commerce maritime... P. 352.

действительности невероятно запутанного и длительного. Постоянные встречные ветры, сложные подводные течения, бесчисленные островки и проливы создавали огромные препятствия морякам, и считалось крайне опрометчивым пускаться в столь сложный путь, не располагая надежными лоциями и картами. Сами испанские мореходы могли растеряться, лавируя в этих островных лабиринтах, что же говорить о занесенных сюда европейцах-чужаках, для которых тихоокеанские воды представляли полную загадку. В подобных условиях обладание испанскими картами считалось вершиной удачи. Вспомним, например, явившихся из Карибского моря буканьеров, которые вместе с Уильямом Дампиром в 1684 г. петляли вдоль панамского побережья и не в силах были найти ни удобной бухточки для ремонта, ни свежего родника. На борту карибских пришельцев находился, правда, испанский лоцман, но, «чужак», заброшенный сюда вместе с пиратами из других мест, он не имел никакого представления о здешних водах. Удача улыбнулась «несчастливым». В их руки попала взятая с испанского призового судна «испанская лоцманская книга», и, пользуясь сведениями из нее, пираты получили всю нужную им информацию и о питьевой воде, и об открытых гаванях, и о фарватерах неизвестных им бухт.⁶⁵⁷

Не меньшим сокровищем стали и навигационные карты, спасшие жизнь другому «герою» тихоокеанских походов, известному капитану-пирату Бартоломею Шарпу. Летом 1681 г. его корабль «Тринити» настиг у чилийского побережья испанское судно «Сан-Розарио». Взяв испанца на abordаж, пираты, помимо захваченных рундуков с серебряными монетами, наткнулись в трюме на бочки с вином и чушки какого-то непонятного светлого металла — они приняли его за свинец или олово и опрометчиво оставили испанцам, упустив из рук большую партию серебра. Однако свой «прокол» Шарп компенсировал другой драгоценной добычей. Его люди успели помешать испанцам утопить в море

⁶⁵⁷ *Dampier W. A New Voyage Round the World / With an Introduction by Sir Albert Gray and a New Introduction by Percy G. Adams. New York, 1968. P. 117.*

строго засекреченные карты испанских портов Южного океана,⁶⁵⁸ и Шарп, первым из англичан обогнув мыс Горн с запада на восток, доставил их в Лондон.⁶⁵⁹ Вскоре, по требованию испанского посла в Лондоне дона Педро Ронкильо, Шарп вместе со двумя своими подручными предстал перед судом Адмиралтейства по обвинению в пиратстве. Их препроводили в тюрьму Маршалси в Саутуорке, и дело могло бы закончиться для «джентльменов удачи» виселицей, если бы не всплывшие во время процесса лоцманские карты. История их захвата заинтересовала короля Карла II, который распорядился, чтобы секретарь Адмиралтейского суда Леолайн Дженкинс тайно принес их в Виндзорский дворец. Значение навигационных книг было очевидно: неизвестные дотоле подходы к далеким испанским портам в Тихом океане оказались как на ладони. Лоции перевели на английский язык, а дело Шарпа закрыли за недостаточностью улик. Можно предположить, что королю также понравились верноподданические настроения Шарпа: в мае 1681 г. он назвал в честь Его Величества красивую бухту на юге Коста-Рики. Новоиспеченная «Гавань короля Карла», по словам описавшего ее Бэзиля Рингроуза, была воистину райским уголком – испанцы далеко, хищников нет, а местные индейцы настроены дружелюбно и приходят в гости с женами и детьми.⁶⁶⁰

Этим дело не ограничилось. В октябре 1681 г., подходя к Магелланову проливу, Шарп обнаружил и нанес на карту неизвестные в Англии острова Герцога Йоркского, названные им в честь брата короля,⁶⁶¹ а также обнаружил новую бухту, которую обозначил как «Английский залив». Разве можно было не поддержать такого пылкого патриота? Шарп был помилован и получил

⁶⁵⁸ На «Сан-Розарно» был захвачен также лоцман Франсиско, который, по признанию Шарпа, был «лучшим кормчим в здешних морях». Главарь пиратов также взял к себе в услужение 15-летнего Симона Кальдерона.

⁶⁵⁹ Шарп вместе с Джилбертом (Уильямом) Диком, Джоном Коксом и шестью пиратами прибыл на корабле «Уайт Фокс» с Невиса в Портсмут 25 марта 1682 г.; другая часть отряда, в которую входил Бэзил Рингроуз, добиралась до Англии с Антигуа на «Лисбон Мерчант» и высадилась на следующий день в Дартмуте.

⁶⁶⁰ A buccaneers Atlas... P. 20.

⁶⁶¹ Сегодня это Остров Герцога Йоркского к югу от острова Мадре-де-Диос в Патагонском архипелаге у чилийского побережья.

предложение командовать военным шлюпом «Бонетта». По неизвестным причинам Шарп отказался принять это назначение.⁶⁶²

Подобный «обмен» информацией приводил к тому, что европейские моряки нередко располагали исчерпывающими сведениями о зонах португальской и испанской колониальной монополии. Рукопись, датированная 1544 г. и обнаруженная Шарлем де Ларонсьером в Парижской Национальной библиотеке, своего рода «записная книжка» синдиката руанских купцов во главе с арматором Ж. Кордые, зафиксировала любопытную опись вещей, необходимых для плавания и ведения торговли на африканском побережье и в Америке. В ней перечислены портолан, франко-бразильский словарь, франко-гвинейский словарь, таблица приливов и отливов, а кроме того — запись расходных средств на изготовление морских карт.⁶⁶³ И подобных материалов в конторах европейских торговых компаний и на кораблях, идущих в испанские и португальские моря, год от году становилось все больше, секреты же становились все более доступными.

Но мы, разумеется, не можем считать, что все, кто выходил в море, обладали навыками обращения с морскими приборами и картами. Чтобы пользоваться ими, была необходима серьезнейшая навигационная подготовка, и не только практическая, но и теоретическая. Оставшись без профессионалов, способных сладить с «инструментами моряка», простые матросы зачастую были совершенно беспомощны. Одно дело — хорошо знать свое ремесло и мастеровито выполнять то или иное поручение, и совсем другое — вести судно или лодку в безбрежном океане. Наивно было бы думать, что и командиры кораблей все сплошь до одного

⁶⁶² Спустя полтора года, в январе 1684 г., Шарп получил каперское свидетельство от губернатора Невиса с полномочиями «захватывать и преследовать диких индейцев и пиратов». В октябре 1684 г. он захватил возле Ямайки фрегат «Джошуа», на котором участвовал в нападении де Граммона на Кампече (1685 г.). Затем Шарп осел на Багамских островах, где сдружился с местным губернатором полковником Ричардом Конни. Его деятельность всегда находилась на грани закона, и Шарп, обвиненный в пиратстве, неоднократно подвергался судебным преследованиям, однако всякий раз уходил от наказания. В 1688 г. он обосновался на острове Ангилья, губернатором которого он сам себя, а в 1696 г. переехал на остров Сент-Томас, находившийся в датском владении. Летом 1699 г. контр-адмирал Бенбоу, собиравший сведения о людях знаменитого Кидда, узнал от местного губернатора, что капитан Шарп, единственный английский пират на острове, отбывает пожизненное заключение в местной тюрьме. В 1700 г. он совершил неудачную попытку бегства с острова, вновь оказался в камере, где и скончался 29 октября 1702 г. (см. подробнее: A Buccaneer's Atlas... P. 27 – 33; Olsen P. Sorovere i Vestindien // Siden Saxo. 2003. № 3. P. 6 – 8; Губарев В. Пираты Карибского моря: Жизнь знаменитых капитанов. М.: Эксмо, 2009. С. 239 – 241).

⁶⁶³ *La Roncière Ch. de. Histoire de la Marine Française. Т. III. Paris, 1906. P. 299.*

владели искусством обращения с морскими инструментами и знали основы навигационной науки. Вот, например, какая история произошла в 1676 г. с Жаном Дубле несмотря на юный возраст уже неплохо овладевшим мастерством кораблевождения и пытавшимся в Онфлере устроиться на французский военный корабль. Узнав о приезде из Дюнкерка капитана Делаттра, набравшего команду добровольцев, матросов и солдат, Дубле отправился на постоялый двор, где тот остановился, и предложил свои услуги в качестве лоцмана. «Да их у меня достаточно, — услышал он в ответ, — и все люди известные». После второй предпринятой им попытки Дубле все же попал к Делаттру шкипером шлюпки и вместе с ним и завербованным экипажем отправился в Дюнкерк, поступив на 18-пушечный корабль «Випер» («Гадюка») в эскадру капитана 1-го ранга господина Паннесье. Более всего после выхода в море Дубле сетовал на свое низкое положение. По заведенному на кораблях правилу, все лица командного состава, в том числе и шкиперы, столовались с командиром в кают-компании. Дубле же «не получил ничего», ел с матросами и никак не выделялся из общей массы. Донельзя огорченный, он чувствовал себя униженным и потерял всякий аппетит. «Однажды в час обеда, я стоял, — писал Дубле, — опершись о борт, и наш корабельный лекарь спросил меня, не болен ли я, коль не ем с другими матросами. Я вздохнул и поспешил поведать о причинах моей грусти». Слово за слово, и Дубле раскрыл душу, поделившись, сколь тяжело образованному человеку, непривычному к такому обращению, столоваться не с офицерами, а с обычными работягами. Лекарь спросил, как его имя, кто был его отец. «Так я его знал и служил под его началом», — воскликнул лекарь и пообещал переговорить с Делаттром, с которым был на короткой ноге. Тот приказал привести Дубле к себе в каюту и расспросил о причинах его печали. Выслушав молодого человека и пожурив его за несвойственное возрасту «уныние», Делаттр задал юноше неожиданный вопрос: «Знакомы ли вы с основами навигации?» — то есть с математикой, главным образом тригонометрией, необходимой для прокладывания курса корабля. «Я ответил, что знаю гораздо больше элементарных основ, иначе не просил бы о

должности шкипера». Тогда Делаттр предложил ему выпить вина и за столом расспросил о том, насколько сложно овладеть основами навигации.⁶⁶⁴ «Я сказал,— вспоминает Дубле, — что такого смышленного человека, как он, я обучу менее чем за полтора месяца и преподал ему на месте первое правило. Он пригласил меня поужинать за его столом и сказал, что оставляет столоваться с ним на всю кампанию. Он очень меня полюбил и поселил в соседней каюте. Экипаж меня сразу зауважал».⁶⁶⁵

Корабль экспансии: типология и функции

Обратимся ко второй стороне затронутого вопроса. Параллельно совершенствованию инструментов навигации развивалась и судостроительная практика, результатом которой стало появление судна, функционально способного быть «проводником» экспансии. В XVI–XVII вв. наступает поворот в истории взаимоотношений Европы и Океана, что, с одной стороны, привело к территориальному расширению осваиваемого водного бассейна, а с другой — ко все большему вмешательству континента в морское пространство. Разнообразились типы морских плаваний, усложнялись и видоизменялись система и организация их подготовки, росли масштабы перевозок и постоянно появлялись новые направления морских передвижений. В этих условиях приобрела новые черты и сама природа плаваний. Если традиции каботажной торговли и морские промыслы, архаичные по структуре, продолжали соответствовать устоям и правилам средневекового морского мира, то в отношении иных типов плаваний ситуация существенно изменилась. Океанская экспансия диктовала новые условия.

Во-первых, торговля постепенно приобретала масштабы трансконтинентальных океанских экспедиций как целых торговых и военных

⁶⁶⁴ Заинтересованность Делаттра в наставнике по навигации вполне объяснима. Из корреспонденции интенданта флота в Дюнкерке Шамип Деклюзо Юбера явствует, что по профессии Делаттр был хирургом и служил корабельным лекарем на корсарских судах. В уже вполне зрелом возрасте (28 лет) Делаттр был в 1673 г. назначен командовать 10-пушечным фрегатом.

⁶⁶⁵ Le corsaire du Roi-Soleil. P. 65, 66.

флотов, так и отдельных судов по морским протяженным трассам, размеры которых не сопоставимы с маршрутами более ранних эпох: Севилья — Испанская Америка; Бристоль — Ньюфаундленд; Руан — Бразилия; Филиппинские острова — Новая Испания; Лиссабон — Ост-Индия — Острова пряностей. Во-вторых, океан превращается в арену столкновения огромных военных армид, оснащенных современными средствами вооружения. В результате исследовательских экспедиций океанские границы стремительно расширяются и под контроль морских держав попадают все вновь открываемые территории. И, разумеется, просторы Атлантики, Индийского и Тихого океанов становятся зонами широкомасштабного многонационального морского разбойного промысла — корсарства и пиратства.

Одновременно эволюционировали технологическая, финансовая и организационно-структурная стороны мореплавания: усложняются конструкции судов, интенсифицируются процессы специализации плаваний, увеличиваются инвестиции, вкладываемые в постройку и эксплуатацию кораблей, растет водоизмещение и тоннаж флотов, усиливается государственное вмешательство в морские проблемы. Кораблестроение вышло на новый виток развития — казалось, могуществу человека и его мысли нет пределов.

Корабль, между тем, никогда не был некоей абстракцией, кораблем вообще. Сколь различными всегда оставались климат, география, ландшафты, сырьевые ресурсы и специфические экономические условия европейских атлантических стран, столь разнообразны были и национальные судостроительные модификации, имевшие свои отличительные особенности и опиравшиеся на унаследованные традиции. Попробуем все же выделить общие параметры и с их помощью воссоздать обобщающую модель судна — главного орудия европейского проникновения в океан.

Во-первых, название типа судна. Этот критерий при близком рассмотрении оказывается многоаспектным и сложным. Аргументированно высказывается на этот счет британский историк Р. Страдлинг, автор исследования о военно-морских

силах Испании в европейских водах в XVII в. Страдлинг подчеркивает тенденцию к широкой вариативности в конструкции судов, менявшейся не только от страны к стране и от верфи к верфи, но и при воплощении прежней модели в новом корабле.⁶⁶⁶

В раннее Новое время название типа судна во многом уподобляется знаковому символу. Унификация размеров корпуса, частей корабельного набора, артиллерийского и парусного вооружения придет позже, параллельно с созданием регулярных флотов. В начальный же период экспансии, в XV–XVII вв., каждая конструкция имеет уникальные качественные характеристики. В столь большом разнообразии заключена немалая трудность, не позволяющая четко и однозначно поместить то или иное судно в определенный ряд классификации. Равны ли французский *navire* и португальский *navio*, итальянский и голландский галиоты, фрегат английский и фрегат испанский? Сопоставимы ли по технической конструкции и грузоподъемности гигантские генуэзские навы (нефы) до 1000 т⁶⁶⁷ с нормандскими нефами, отправленными в 1520-х–1530-х гг. за сандаловым деревом в Бразилию? В портовой книге Гавра в сентябре 1525 г. упомянут «маленький неф» вице-адмирала Леруа дю Шийю, «отправляющийся в Бразилию»,⁶⁶⁸ и, разумеется, подобное судно только названием могло напоминать генуэзского «монстра», приобретенного марсельскими купцами в конце XVI в. «Это было одно из самых больших судов, которые когда-либо строились в Средиземном море, — писал в феврале 1597 г. один базельский врач, увидевший воочию это чудо кораблестроения. — Оно напоминало огромный пятиэтажный дом, возвышающийся среди воды. И я полагаю, что его грузоподъемность составляла не менее 16 тыс. центнеров (т. е. 800 тонн). 8 или 10 парусов было поднято на двух больших мачтах необыкновенной высоты, на которые я взобрался по веревочным лестницам. С этой высоты можно было видеть открытое море и

⁶⁶⁶ *Stradling R. A. The Armada of Flanders. Spanish Maritime Policy and European War, 1568–1668. Cambridge, 1992. P. 164.*

⁶⁶⁷ См. подробнее: *Heers J. Gênes au XV-e siècle. Activité économique et problèmes sociaux. Paris, 1961. P. 272–278.*

⁶⁶⁸ *Mollat M. Le commerce maritime... P. 256.*

замок Иф, рядом с которым вращались лопасти ветряной мельницы, похожей на те, что были в городе». ⁶⁶⁹

Такого же рода идентификационные трудности возникают и в связи со столь известными категориями судов, как галеоны. Особенно славились знаменитые испанские галеоны, монополизировавшие обслуживание золотых атлантических трасс между Испанией и ее американскими владениями. Эти огромные торговые корабли с несколькими палубами и громоздкими надстройками были лакомой и почти недостижимой добычей для корсаров и пиратов. Но разве подобный вест-индский галеон-гигант, воспетый Александром Оливье Эксквемелином ⁶⁷⁰ или его манильский собрат, за которым всю жизнь охотился Дампир, ⁶⁷¹ — единственные?

В Средние века в Средиземноморье «галеонами» также именовали гребные суда типа галер. Они были на вооружении флота крестоносцев, что зафиксировано в хронике Жоффруа де Виллардуэна. Повествуя о подготовке морской экспедиции марта 1207 г. в Кивот, на выручку местному гарнизону, осажденному никейским деспотом Феодором Ласкарем, хронист писал о военном совещании крестоносцев в Константинополе: «И совет был кратким: пусть император идет к берегу и садится на галеон, и каждый садится на тот корабль, какой случится». ⁶⁷²

А какими разными были галеоны, ходившие в Атлантическом океане в XVI–XVII вв.: от малых корсарских и торговых гребно-парусных судов до огромных длинных океанских кораблей, упоминаемых наравне с гигантскими каракками и нефами в качестве предшественников военных кораблей Нового времени. Назначение, грузоподъемность, парусное вооружение, состав артиллерии варьировались самым широким образом. «При Франциске I галеонами называли галеасы, конструируемые в Гавре; для Ришелье же галеон — символ линейного корабля». ⁶⁷³ 1525–1526 гг. датировано сообщение о двух 24–25-тонных галеонах

⁶⁶⁹ Цит. по: Бродель Ф. Средиземное море... Ч. 1. С. 412.

⁶⁷⁰ Эксквемелин А. О. Пираты Америки / Ред. и предисл. Я. М. Света. М., 1968. С. 60, 70, 116.

⁶⁷¹ Dampier W. A New Voyage Round the World... P. 171.

⁶⁷² Виллардуэн Ж. де. Завоевание Константинополя / Пер., ст. и комм. М. А. Заборова. М., 1993. С. 118.

⁶⁷³ La Roërie G., Vivielle J. Navires et marins de la Rame à l'Hélice. T. I. Paris, 1930. P. 266.

«Маргарита» и «Бордо»,⁶⁷⁴ а 1527 г. — информация о «шести добрых галеонах по 150 тонн каждый».⁶⁷⁵ В «Гаргантюа и Пантагрюэле» галеон упомянут в ряду «остальных кораблей, шхун... и прочих сторожевых судов».⁶⁷⁶ Под парусом или на веслах, они «иногда выступали в роли большой лодки при судне, наподобие современных шлюпок».⁶⁷⁷ Функции посыльного разведывательного характера выполнял, по-видимому, малый галеон, на потерю которого зимой 1595 г. у испанского побережья сетовал Уолтер Рэли.⁶⁷⁸

Галеоны были известны и как корсарские суда. Вероятно, их имел в виду в письме от 13 сентября 1551 г. испанский пленник, рассказывавший, как на 25–26 вооруженных галеонах «подтащили по шесть бронзовых пушек с каждого борта и над самой кромкой воды. Их малые пушки стреляли металлическими осколками».⁶⁷⁹ В «Новом морском словаре» Альфонса Жаля со ссылкой на фонды Парижской Национальной библиотеки приведено следующее определение, датированное 1582 г.: «Галеоны. Предназначены для ведения военных действий, а их форма позволяет противостоять любому артиллерийскому натиску или буре. Они немного ниже торговых судов, оснащены квадратными парусами и несколькими веслами так, чтобы им легче было выходить из порта, а в открытом море идти по ветру и преодолевать трудные участки пути. Такие корабли охотно используют корсары и морские разбойники, тем более что на них можно разместить большое количество пушек».⁶⁸⁰ Между тем Жан Нико подчеркивал: «галеоны — разновидность круглых военно-морских судов», они используются в качестве флагманов флотилий и лучше оснащены нежели другие военные корабли, а также обладают большей грузоподъемностью и лучшим вооружением.⁶⁸¹ Ему вторил Ф. Дассье, автор «Морской архитектуры»,

⁶⁷⁴ *Jal A. Nouveau glossaire nautique. «Lettre G».* Paris, 1989. P. 736.

⁶⁷⁵ *Ibid.*

⁶⁷⁶ *Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль.* С. 485.

⁶⁷⁷ *La Roërie G., Vivielle J. Navires et marins...* P. 265.

⁶⁷⁸ *Рэли У. Открытие обширной, богатой и прекрасной Гвнанской империи с прибавлением рассказа о великом и золотом городе Маноа / Пер. с англ., вступ. ст., и комм. А. Д. Дрицко. М., 1963. С. 43.*

⁶⁷⁹ *La Roncière Ch. de. Histoire de la Marine Française.* Т. II. P. 470, 471.

⁶⁸⁰ *Jal A. Nouveau glossaire nautique. «Lettre G».* P. 736.

⁶⁸¹ *Nicot J. Trésor de la langue française, tant ancienne que Moderne.* Paris, 1606. P. 308.

отмечавший, что галеон — 400-тонный корабль.⁶⁸² Схожего мнения придерживался и Никола Обен, который в «Морском словаре» писал: «название галеон прежде давалось во Франции 3–4-х палубным военным кораблям».⁶⁸³ В том же ряду стоит и авторитетное свидетельство испанского историка Цезаря Фернандо Дуро. Относительно испанских военных галеонов с экипажем в 120 человек он пишет, что на их вооружении в 1565 г. должно было состоять восемь бронзовых и четыре железных пушки, а также 24 бронзовых и железных серпантинны.⁶⁸⁴ А мощный испанский 600-тонный галеон с экипажем в 250 человек, оснащенный 30 бронзовыми пушками, в сражении при Терсейре (1582 г.) выдержал бой с пятью французскими кораблями. Немецкий путешественник Швайггер, в 1581 г. увидевший такой галеон в Стамбуле, определил его как самое большое судно, перевозящее грузы («navis gravis, navis oneraria»).⁶⁸⁵ В списки же кораблей испанской Фландрской армады за период 1627–1669 гг. под названием «галеон» попали корабли от 230 до 900 т.⁶⁸⁶ Не похожи на гигантов и 5-тонные промысловые «галеоны», предназначавшиеся для китобойного промысла и прибрежной ловли трески и сардин.

По-видимому, название не позволит нам выстроить классификационный ряд. Столь же многомерным оказывается и технологический критерий, так как в целом понятие грузоподъемности, равно как термин «тоннаж» и единицы его измерения в Европе очень широко варьировались.⁶⁸⁷ То же касается способов движения (гребные, парусные, совмещенные), особенностей конструкции (длинные, круглые, форма паруса, строение такелажа и т. п.). Широки и параметры географического критерия, так как даже внутри одного региона типологии судов значительно отличались друг от друга. Наконец, взяв за основу

⁶⁸² *Dassié F.* L'Architecture navale, contenant la manière de construire les navires, galères et chaloupes, et la definition de plusieurs autres espèces de vaisseaux. Paris, 1695. P. 10.

⁶⁸³ *Aubin N.* Dictionnaire de Marine, contenant les termes de la navigation et de l'architecture navale. Amsterdam, 1702. P. 34.

⁶⁸⁴ *La Roncière Ch. de.* Histoire de la Marine Française. T. II. P. 471.

⁶⁸⁵ Цит. по: *Бродель Ф.* Средиземное море... Ч. 1. С. 410.

⁶⁸⁶ *Stradling R. A.* The Armada of Flanders... P. 248–250.

⁶⁸⁷ С серьезными трудностями, связанными с определением водоизмещения и тоннажа судов этой эпохи, столкнулись многие исследователи, занимавшиеся проблемами европейской экспансии. См., например: *Mollat M.* Le commerce maritime... P. 336–349; *Chaunu H., Chaunu P.* Séville et Atlantique, 1504–1660. T. II. Paris. 1960. P. 542.

функциональное назначение, мы вновь попадем в сложное положение, ибо на заре Нового времени до модернизаторских тенденций еще было очень далеко и суда, как правило, совмещали различные функции, в первую очередь — военные и торговые. Тем самым, разделив суда по функциональному принципу (каботажные, рыболовно-промысловые, океанские торговые, военные, исследовательские, корсарско-пиратские), мы вряд ли приблизимся к решению вопроса.

Как нам представляется, выход здесь в обращении к типологии, предложенной М. Ф. Моро, позволяющей соединить функциональное назначение судов с особенностями конструкции и мореходными качествами.⁶⁸⁸ К первому типу, типу галеры, им отнесены как военные (галиот, фуста, фрегат, бригантина), так и торговые (галея, фелюка, полякра, навета, тартана) суда. Второй тип — крупное большое судно, совмещающее функции торгового и военного кораблей, наподобие итальянской каракки, немецкого когга, испанского галеона, французского «корабля». Специальные тяжелые торговые суда, обладавшие повышенной грузоподъемностью и вместимостью, отнесены им к третьему типу, типу урка, получившему распространение в виде флейтов, бертонов, барок и т. п. И наконец, четвертый тип, тип каравеллы, — легкие, быстрые, среднего и небольшого водоизмещения маневренные суда.

Нет сомнения, что именно суда четвертого типа — легкие, стройные, маневренные — сыграли роль своеобразных проводников европейского морского проникновения. Снаряжение их требовало относительно небольших финансовых затрат в сравнении с гигантскими средствами, расходовавшимися на подготовку к плаванию 400–1500-тонных галей Венеции, Флоренции и Генуи, ганзейских коггов, нефов Марсея и Севильи. Они были чрезвычайно удобны в рискованных плаваниях у неизвестных берегов, обладали повышенной проходимостью, скоростью и подвижностью. Комплектация командой и управление ими опирались

⁶⁸⁸ *Mauro M. Fr. Navires et construction navales en Europe Occidentale aux XVI-e et XVII-e siècles: points de départ pour une étude comparée // Les Aspects internationaux...* Paris, 1966. P. 183–193; *Mauro M. Fr. L'expansion européenne (1600–1870).* Paris, 1967. P. 281–282.

на вековые традиции прибрежного мореплавания, ориентирующиеся, в основном, на суда малых и средних размеров.

На протяжении длительного времени подобные корабли задавали направление европейской экспансии, прокладывая пути торговым и военным флотам. На это обстоятельство, в частности, обратили внимание Л. Денуа и М. Ж. Эр во время V Конгресса по морской истории в Лиссабоне.⁶⁸⁹ Какими бы фрагментарными ни были сведения о технической стороне морских плаваний тех времен, картина в целом вырисовывается достаточно четкая. Водоизмещение кораблей Первого плавания Христофора Колумба колеблется от 100–120–200 т «Санта Марии» до 50–60 т «Ниньи» и «Пинты».⁶⁹⁰ В 1497 г. 50-тонное судно «Мэтью» Джона Кабота обслуживал экипаж из 18 человек.⁶⁹¹ В состав экспедиции Фернана Магеллана входили суда водоизмещением от 120 до 75 т.⁶⁹² Цифры того же порядка характерны и для судов, совершавших другие заокеанские плавания: 120-тонный «Эспуар» капитана из Онфлера Полмье де Гоннвиля, отправившийся к бразильским берегам в 1503 г.;⁶⁹³ средние португальские каравеллы братьев Гашпара и Мигела Кортереалов;⁶⁹⁴ 200- и 120-тонные суда «Пансе» и «Сакр» братьев Жана и Рауля Пармантье, идущие на Суматру;⁶⁹⁵ не превышал 120 т «Дофин» Джованни Веррацано в 1524 г., а подготовленный для плавания в 1526 г. «Барк де Фекам» находился в пределах 90 т;⁶⁹⁶ два 60-тонных судна первого (1534 г.) и 100–120-тонная «Гранд Эрмин», 60-тонная «Пти Эрмин», 40-тонный «Эмерийон» второго (1535–1536) плаваний Жака Картье.⁶⁹⁷ Невелики были

⁶⁸⁹ *Denoix L.* Caractéristiques des navires de l'époque des grandes découvertes // *Les Aspects internationaux...* P. 137–147; *Heers M. J.* Le rôle des capitaux internationaux des voyages des découvertes aux XV-e et XVI-e siècles // *Les Aspects internationaux...* P. 273–293.

⁶⁹⁰ Мы приводим технические данные кораблей Колумба, основываясь на: Путешествия Христофора Колумба... С. 235–239; *Morison S. E.* *The Great Explorers.* P. 477. Однако укажем, что полной ясности по данному вопросу нет и по сей день. См. подробнее материалы размещенные на сайте, посвященном Колумбу «Адмирал Моря-Океана» (<http://www.cristobal-colon.net/index.html>).

⁶⁹¹ *Heers M. J.* *Le rôle des capitaux internationaux...* P. 276.

⁶⁹² *Пугафетта А.* Путешествие Магеллана / Вступ. ст. Я. М. Света. М., 2000. С. 278.

⁶⁹³ *Julien Ch.-A.* *Les voyages de découverte...* P. 18, 19.

⁶⁹⁴ *Morison S. E.* *The Great Explorers.* P. 81.

⁶⁹⁵ *Julien Ch.-A.* *Les voyages de découverte...* P. 100.

⁶⁹⁶ *Ibid.*

⁶⁹⁷ *Ibid.* P. 123.

размеры судов торгово-корсарских экспедиций Жана Анго,⁶⁹⁸ невольничьих рейдов Джона Хоукинса⁶⁹⁹ и корсарских плаваний Фрэнсиса Дрейка.⁷⁰⁰

Подводя предварительные итоги, можно, на наш взгляд, констатировать следующее: малые и среднего размера суда с небольшим экипажем, обладавшие повышенными характеристиками скорости, маневренности и способностью перемещаться вдоль неисследованных побережий, явились важным фактором, подтолкнувшим ход европейской экспансии XVI–XVII вв. Используя соответствующие навигационные приборы и опираясь на развитые морские традиции не одного поколения моряков, атлантические европейские страны получили возможность осуществлять плавание в Океане, открывать новые земли и завоевывать морские трассы мира.

Пушечная мощь и стратегия корсарской войны

Третьим базовым инструментом проникновения Европы в океан стала артиллерия. Размещение пушек на борту корабля совершило настоящий переворот в морской истории. Поначалу, в XIV–XV вв., корабли — не более чем платформа для «дьявольского орудия», небольших пороховых бомбард с каменными ядрами. На исходе Средних веков пушки только начинают свое победоносное шествие по странам Европы, и их пока применяют с большой опаской — «адское создание» вызывало ужас у людей. «Серное дыхание пушек, их мерзкий хохот и неистовое пламя — все это были несомненные признаки сатаны», — подчеркивает Дж. Келли.⁷⁰¹ Первое появление артиллерийских орудий в европейских морях

⁶⁹⁸ Посол Португалии во Франции Гашпар Ваз в 1532 г. сообщал королю о двух подготовленных к плаванию на Мадагаскар и Суматру судах Анго грузоподъемностью в 150 т (*Mollat M. La commerce maritime... P. 260, 342*).

⁶⁹⁹ Во время третьего рейда Хоукинса ударную силу эскадры составляли королевские «Иисус из Любека» (700 т), купленный Генрихом VIII у Ганзейского союза за тридцать лет до того, и «Миньон» (340 т). Корабли же самого Хоукинса были намного меньше: «Уильям и Джон» (150 т), «Своллоу» (180 т), «Юдифь» (50 т) и «Энджел» (33 т).

⁷⁰⁰ Самое крупное судно «Пеликан» (впоследствии переименованное в «Голден Хайнд»), по оценке португальского лоцмана Нуньо да Сильвы, не превышало 150 т. Водонемещение новопостроенной «Елизаветы» составляло около 80 т. Остальные суда были еще меньше («Мэри Голд» — 30 т; «Свон» — 50 т; «Бенедикт» — 17 т).

⁷⁰¹ *Келли Дж. Порох. От алхимии до артиллерии: история вещества, которое изменило мир. М., 2005. С. 53, 54.*

относится к первой половине XIV в.⁷⁰² О распространении нового оружия красноречиво говорит отрывок 1344 г. из «Диалогов» Франческо Петрарки, в котором автор заметил: «Эта чума, столь редкая до сих пор, что ее принимали за чудо, стала столь же обычна, как и любое оружие».⁷⁰³

По мнению британского историка Харриса Николаса, в июне 1338 г. пушками располагал флот короля Эдуарда III.⁷⁰⁴ Приведенные им свидетельства были приняты авторами крупных исследований по истории английского и французского флотов, приводящими их в своих работах,⁷⁰⁵ точка зрения эта до сих пор встречается в научных трудах.⁷⁰⁶ Между тем Т. Ф. Тот, посвятивший свою публикацию развитию артиллерии в Англии в XIV в.,⁷⁰⁷ обнаружив неверность датировки приводимых Николасом документов, перенес хронологические рамки указанных свидетельств ко времени правления Генриха IV.⁷⁰⁸ Автор, тем не менее, утверждал, что в 1338 г. на кораблях армады, собранной в нормандских портах для вторжения в Англию, была по крайней мере одна примитивная пушка.⁷⁰⁹ Известно, что пороховые бомбарды имелись на борту генуэзских галей, состоявших на службе французского короля Филиппа VI и разграбивших в том же 1338 г. Саутгемптон.⁷¹⁰ 1338-м годом датируется известие о передаче со стоявшего в Руане королевского флота пушек, ядер и пороха для сухопутной армии.⁷¹¹ Можно предполагать, что пушки применялись в морском бою при Слейсе.⁷¹²

⁷⁰² «Железные трубы, метавшие много громового огня», находились в XI в. на вооружении кораблей эмира Туниса во время сражения против эмира Севилии, они упомянуты в хрониках короля Леона и Кастилии Альфонса VI и, по-видимому, являют собой разновидность ручного судового сифона для метания «греческого огня».

⁷⁰³ Цит. по: *Арендт В. В.* К истории средневековой артиллерии. (Генезис и развитие конструкции казнозарядных пушек XIV века) // Труды Института истории науки и техники. Сер. 1. Вып. 7. М.–Л., 1936. С. 322. См. подробнее: *Бехайм В.* Энциклопедия оружия. СПб., 1995. С. 306–321.

⁷⁰⁴ *Nicolas H. N.* A History of the Royal Navy... Т. II. P. 186, 475.

⁷⁰⁵ *Clowes W. L.* The Royal Navy. A History from the Earliest Times to the Present. Vol. 1. London, 1897. P. 148; *La Roncière Ch. de.* Histoire de la Marine Française. Т. II. P. 511.

⁷⁰⁶ См., например: *Бродель Ф.* Материальная цивилизация... Т. I. М., 1986. С. 358–359.

⁷⁰⁷ *Tout T. F.* Firearms in England in the Fourteenth Century // The English Historical Review. 1911. Vol. XXVI. P. 666–702.

⁷⁰⁸ *Ibid.* P. 668, 669.

⁷⁰⁹ *Ibid.* P. 669. См. также: *Келли Дж.* Порох... С. 130.

⁷¹⁰ *Cippola C. M.* Guns, Sails and Empires: Technological Innovation and the Early Phase of European Expansion, 1400–1700. New York, 1965. P. 75.

⁷¹¹ *Арендт В. В.* К истории средневековой артиллерии... С. 317.

⁷¹² Там же.

По данным «Хроник» Фруассара, пушками были оснащены двенадцать фламандских судов Луи де Маля, отправленных в 1356 г. против Антверпена: упоминались четыре так называемые «рибоке» (боевые повозки), («три или четыре пушки, помещенные на высоких тележках наподобие тачек на двух или четырех окованных железом колесах, спереди с очень длинными остроконечными пиками»), выгруженные перед городом.⁷¹³ Впрочем, данное свидетельство, по-видимому, относится к полевым пушкам, тогда как на кораблях де Маля, по-видимому, стояли пушки, изготовленные в мастерских Турне; порох же и снаряды были закуплены в Брюгге.⁷¹⁴ «Три орудия» из Фландрии разместили на нефах Иоанна II Доброго в январе 1356 г.⁷¹⁵ По утверждению Николаса, среди финансовых отчетов за 1372–1374 гг., касавшихся содержания королевских кораблей, ему попалось немало записей относительно пороха и пушечных ядер, а также расчетов за их изготовление с мастерскими лондонского Тауэра.⁷¹⁶ На вооружении тридцати пяти кораблей Карла V, в 1377 г. сосредоточенных на рейде Онфлера, было зафиксировано шесть пушек,⁷¹⁷ а флот под командованием адмирала Жана де Вьенна, расположившийся в 1385 г. у Эклюза и готовившийся к высадке в Шотландии, насчитывал семь переносных пушек и «сотню стволов, изрыгающих пламя».⁷¹⁸ С конца XIV в. пороховые бомбарды устанавливаются на парусных кокках Средиземноморья.⁷¹⁹

Заметим, что внедрение артиллерии на кораблях проходило более медленными темпами, чем на суше. Примитивность пушек небольшого калибра, сильная отдача орудия в стесненном пространстве, отсутствие систем прицеливания, заменяемых грубой наводкой — все это делало стрельбу опасной не столько для противника, сколько стрелявшего. Просмоленная деревянная

⁷¹³ *La Roncière Ch. de. Histoire de la Marine Française. T. I. P. 501.*

⁷¹⁴ *Ibid.*

⁷¹⁵ *Ibid.*

⁷¹⁶ *Nicolas H. N. A History of the Royal Navy... T. II. P. 186–187.*

⁷¹⁷ *La Roncière Ch. de. Histoire de la Marine Française. T. II. P. 51, 52.*

⁷¹⁸ *Ibid.*

⁷¹⁹ *Карпов С. П. Путиями средневековых мореходов: Черноморская навигация Венецианской Республики в XIII–XV вв. М., 1994. С. 104.*

обшивка корабля легко могла воспламениться от огня, вырывавшегося при стрельбе со всех сторон, или от пороха, складировавшегося на палубе в открытой бочке. Невероятно трудно было также вести стрельбу при постоянной качке и сильной волне. Дополнительные сложности вызывала и пасмурная погода — не случайно еще в 1600 г. итальянский морской трактат «Nautica Mediterranea» рекомендовал применять катапульты с металлической пружиной, позволявшей стрелять в дождь.⁷²⁰ Однако, несмотря на неудобства и сложности в применении артиллерии на кораблях, в XV в. установка орудий на борту судов, и не только военных, — явление не просто распространенное⁷²¹, но и регламентируемое соответствующими правилами. Так, например, по свидетельству венецианского трактата конца XV в. по навигации, на борту корабля должно было находиться по две пороховые бомбарды.⁷²²

И хотя первые пушки были несовершенными, а их возможности ограниченными, применение «дьявольских орудий» на море часто вносило перелом в ход боя и демонстрировало перспективы усиления военно-морской мощи. В 1359 г. бомбарда, установленная на большом корабле арагонского короля Педро IV, при осаде Барселоны сбила бойницу и мачту кастильского корабля.⁷²³ По сообщению «Хроник» Жана Фруассара, в июне 1372 г. на траверзе Ла-Рошели «сорок больших кастильских нефов», оснащенных бомбардами, под командованием генуэзца адмирала Амброзио Босанера уничтожили английские корабли молодого графа Джона Пемброка, лишенные пушек и неспособные защищаться.⁷²⁴ В 1494 г. флот Людовика Орлеанского, состоявший из нескольких нефов, галер и одного галеаса, атаковал близ Рапалло неаполитанцев. «На галеасе было много больших орудий, и вообще наша артиллерия была мощной, —

⁷²⁰ Четверухин Г. Н. История развития корабельной и береговой артиллерии. Ч. 1. М.–Л., 1942. С. 75.

⁷²¹ В 1445 г. на галеях Флоренции, идущих в Александрию, стояло по одной большой бомбарде и по четыре легких пушки (Карнов С. П. Пути средневековых мореходов... С.115); трехдечный генуэзский корабль в 1441 г. насчитывал восемь бомбард (Jal A. Archéologie navale. Т. I. Paris, 1840. P. 145.; в 1425 г. на нефах герцога Бургундского разместили по две пушки и по шесть кулеврин (La Roncière Ch. de. Histoire de la Marine Française. Т. II. P. 494); на генуэзском наведе в 1475 г. насчитали 26 бомбард и четыре пушки при 150 членах экипажа с арбалетами (Ibid.).

⁷²² Карнов С. П. Пути средневековых мореходов... С. 115.

⁷²³ Четверухин Г. Н. История развития ... С. 61, 62.

⁷²⁴ Froissart J. Chroniques / Éd. par Siméon Luce et Gaston Raynaud. Vol. VIII. 1-re partie. Paris, 1888. P. XXV, XXVI.

вспоминал Филипп де Коммин. — Когда он подошел довольно близко к берегу, то артиллерийским огнем почти полностью уничтожил врага, никогда не видевшего ничего подобного».⁷²⁵

Отмечены применением артиллерии и корсарские войны. В августе 1485 г. четыре фландрских галеаса капитана Бартелеми Миньо, каждый с восемью бомбардами на борту, попали у мыса Сан-Висенти под удар французских корсарских судов Кулона и Жоржа Грека, и несмотря на ожесточенное сопротивление были взяты.⁷²⁶ В 1486 г. в водах Бристоля произошло крупное сражение, настоящая артиллерийская дуэль. Специально вооруженные бристольскими купцами три нефа, в том числе 500-тонный «Тринити» и 300-тонный «Мэри Грейс», хорошо оснащенные орудиями и располагавшие удвоенными экипажами, вели бой с тремя бретонскими корсарами Жана Котанлема.⁷²⁷ Отсутствие артиллерии сыграло роковую роль в судьбе легендарного французского корсара Жана Флери, прославившегося захватом в 1523 г. у Азорских островов сокровищ Монтесумы, отправленных Фернаном Кортесом императору Карлу V. Весной 1527 г., крейсера у мыса Сан-Висенти, он раздробил свои силы и был застигнут шестью баскскими кораблями капитана Мартина Переса де Иризара. Шквальный огонь двадцати орудий, обрушившийся на его корабль, привел в негодность паруса и искрошил полубак. Не имея возможности обороняться, Флери был вынужден капитулировать. Он предлагал за себя большой выкуп, но баски предпочли передать пленника императору Карлу V — по его приказу корсар был повешен.⁷²⁸

Огромную роль в модернизации корабельной артиллерии сыграло прорезание пушечных портов в борту судна. Эта инновация начала XVI в., приписываемая французскому инженеру Дешаржу, применившему подобный способ при строительстве в Бресте корабля «Кордельер», перевернула историю не

⁷²⁵ *Коммин Ф. де. Мемуары...* С. 279.

⁷²⁶ *La Roncière Ch. de. Histoire de la Marine Française.* Т. II. P. 414–415.

⁷²⁷ *Ibid.* P. 410, 411.

⁷²⁸ *Ibid.* Т. III. P. 253, 254.

только корабельной артиллерии и судостроения. Ее последствия отразились на всем ходе и динамике европейской экспансии, так как в результате применения новой системы вооружения боевая мощь корабля значительно усилилась, а военно-морской флот превратился в весомое орудие международной политики. С применением пушечных портов отошла в прошлое бессистемная установка разнокалиберных пушек на верхней палубе или в специальных носовых и кормовых надстройках, так называемых «шато» («замках»), служивших одновременно укрепленными пунктами при абордажном бое. На смену пришла бортовая установка артиллерии, позволившая увеличить количество и калибр пушек, концентрировать огневую мощь за счет распределения однокалиберных орудий по батарейным палубам и залпового ведения огня.⁷²⁹

Становлению морской артиллерии были свойственны две тенденции. С одной стороны, концентрация огня предопределяла эволюцию судов с артиллерийским вооружением эпохи позднего средневековья в тяжелые военные корабли Нового времени. Их первые образцы являли собой настоящее чудо, шедевр XVI в., совершенство судостроительного мастерства и инженерного искусства. Можно ли иными словами обозначить, например, фантастические корабли времен Генриха VII — «Риджент»,⁷³⁰ вооруженный 225 серпантинами,⁷³¹ и «Севрин» со 110 серпантинами и 31 фальконетом на борту.⁷³² В 1514 г. с английских верфей сошел гигантский «Хэри Грейс а Дье». На нем было установлено не менее 186 орудий, среди них: 122 железных серпантины, заряжавшиеся с казенной части, 4 медных серпантины, заряжаемых с дула, несколько тяжелых железных пушек, заряжавшихся с казны, 2 медных кулеврины,

⁷²⁹ На первом этапе порты для пушек прорезались бессистемно и несимметрично. Иногда при первом спуске корабля на воду они оказывались так низко от воды, что при малейшей качке суда черпали воду и тонули. Так, например, произошло в 1545 г. на рейде Спитхеда с караккой «Мэри Роуз», пушечные порты которой всего на 16 дюймов (40,6 см) отстояли от воды («Мэри Роуз» см. подробнее: <http://maryrose.org/ship>) . Многие корабли погибли из-за низких пушечных портов и в следующем веке. Испанский адмирал Апарисно де Артеага, командовавший флотом, идущим в Новую Испанию, в донесении королю подчеркнул: «Пушечные порты на кораблях столь близко прорезаны над ватерлинией, что их невозможно открыть, и артиллерия вынуждена бездействовать» (*Goodman D. Spanish Naval Power, 1589–1665. Reconstruction and Defeat. Cambridge, 1997. P. 114*).

⁷³⁰ «Риджент» был выстроен по образцу французского 800-тонного «Колоб».

⁷³¹ *Clowes W. L. The Royal Navy... Vol. 1. P. 404.*

⁷³² *La Roncière Ch. de. Histoire de la Marine Française. T. II. P. 494, 495.*

медная бомбарда и медная курто. Тяжелые новые медные орудия и 36 серпантин располагались в нижнем деке, а легкие были установлены на баке, шкафуте, на нижней палубе и «у руля».⁷³³

Не уступали англичанам и по другую сторону Ла-Манша. При Карле VIII и Людовике XII на вооружении французского флота состояла огромная «Шаранта». «Хроники» Жана д'Отоня определяли этот «большой неф, или каракку» как «самый лучший из всех, предназначенных для войны на море» и сообщали о его мощнейшем вооружении. Гроза Средиземного моря, этот гигант под командованием бретонца мессира Жана де Поркона, сеньора де Бомона, наводил страх на генуэзцев и турок своими «двумя сотнями пушек (четырнадцать из которых стояли на колесах), стреляющих огромными камнями и ядрами».⁷³⁴ Сохранилась ведомость от 14 ноября 1516 г. из Гаврского архива, предоставленная Шарлем Бреаром Шарлю-Жермену Бурелю де Ларонсьеру, о вооружении большого нефа «Луиза» адмирала Франции мессира Маль де Гравиля. На его борту находились 22 кулеврины и чугунных фокона, 10 больших железных пушек на лафетах, 22 больших пассаволюнта в «шато» носовой части, а также 5 длинных серпантин.⁷³⁵ Пьер де Брантом сообщал о 200 пушках, установленных на тосканском галеоне герцога Козимо I Медичи.⁷³⁶ Португальский исполин «Кау Жуан» 1534 г. имел вооружение в 366 больших и малых пушек, а на шведском «Элефантен» 1554–1559 гг. располагалась 71 пушка, 24 из которых были бронзовыми.⁷³⁷

Нет ничего удивительного в том, что концентрация огневой мощи на кораблях превратила военно-морские сражения в самое настоящее «адово пекло». Если сравнить великие битвы на суше и на море по количеству примененной в

⁷³³ *Clowes G. S. L. Sailing Ships: Their History and Development. Vol. I. London, 1951. P. 263.*

⁷³⁴ *Jal A. Archéologie navale. T. II. P. 214, 215.*

⁷³⁵ *La Roncière Ch. de. Histoire de la Marine Française. T. III. P. 42.*

⁷³⁶ *Brantôme. Les vies des grand capitaines étrangers // Brantôme. Oeuvres complètes / Éd. par Ludovic Lalanne. Vol. II. Paris: Ch. Lahure, 1866. P. 18–19. О военно-морской деятельности герцогов Медичи см. подробнее: Gemignani M. The navies of the Medici: The Florentine navy and navy of the sacred military order of St. Stephen, 1547 – 1648 // War at the sea in the Middle Ages... P. 169 – 186.*

⁷³⁷ *Cippola C. M. Guns, Sails and Empires... P. 82.*

них артиллерии, то результат будет достаточно красноречивым.⁷³⁸ Жан Шаньо привел данные, касающиеся использования пушек в двух знаменитых баталиях эпохи Людовика XIV. В морском сражении у Солебея 7 июня 1672 г. англо-французский флот герцога Йоркского и вице-адмирала Жана д'Эстре насчитывал 150 кораблей и располагал 5100 пушками. Ему противостояли 130 кораблей голландского флота Мартена де Рейтера с 5000 пушек. В генеральном сражении при Мальплаке 11 сентября 1709 г. во время Войны за испанское наследство 80 тыс. французов с 80 пушками были разбиты 100-тысячной армией союзников с артиллерией в 100–120 орудий.⁷³⁹

Впрочем, концентрация огневой мощи на тяжелых военных кораблях означала лишь одну из тенденций развития европейских флотов. Характеризуя ее, Карло Чиппола заметил: «Огромные корабли превращались в морские крепости, прежде чем становились маневренным орудием войны».⁷⁴⁰ Дело в том, что применение артиллерии на море послужило толчком к изменению тактики морского боя — вытеснению абордажа как основного средства ведения сражения и установлению «линии баталии» и боя на параллельных курсах в кильватерных колоннах.

Однако кардинальные перемены в тактике морского боя устанавливались постепенно. Пока же, в начале XVI в., применение артиллерии оборачивалось вынужденным отходом от прежних канонов развертывания военно-морских сил и ведения сражения. Как нам представляется, особое значение при внедрении артиллерии приобрели два аспекта: фактор первого выстрела и формирование четкой структуры военно-морских сил.

При малой скорострельности и короткой дистанции убойная сила первого залпа морского колосса могла решить исход столкновения. С опорой на это и строились новые доктрины. В инструкциях 1530 г. космографа Карла V и

⁷³⁸ Отметим, что в эту эпоху пушки, применяемые на кораблях, не отличались от пушек, используемых в сражениях на суше. Поэтому для нужд сухопутных армий или для обороны крепостей часто с кораблей снимались орудийные стволы. (Goodman D. Spanish Naval Power... P. 145)

⁷³⁹ Chagniot J. Guerre et société... P. 88, 89.

⁷⁴⁰ Cippola C. M. Guns, Sails and Empires... P. 83.

советника Торговой палаты (Casa de la Contratación), касающихся порядка ведения боя, было специально оговорено: «Как только они (корабли. — *Д. К.*) войдут в пределы досягаемости, следует не медля пустить в ход наиболее мощную артиллерию, особо уповая, чтобы первый выстрел не был истрачен попусту, ибо, как я уже говорил, точное попадание столь больших пушек вызовет великий страх и ужас в противнике... В первую очередь надо вести огонь из самых крупных пушек, стоящих на стороне или у борта, обращенного к врагу, а также отодвинуть с противоположного борта пушки с поворачивающимися станками и передвинуть их на верхнюю часть палубы и корму. Когда же неприятель будет поближе, пускать в дело меньшие пушки».⁷⁴¹

Наставления испанского теоретика не пропали даром. В августе 1545 г. в водах Портсмута английский флот лорда-адмирала Лайла получил инструкции для боя против французского флота адмирала Клода д'Анбо. Ему было приказано идти на врага, построившись в боевой порядок, напоминающий тупой клин. Корабли разделили на три ранга (наиболее сильные из принятых на королевскую службу торговых судов, королевские галеоны и крупные корабли), на флангах должны были располагаться гребные корабли короля и частных лиц. В первой линии стояли восемь огромных торговых кораблей, во второй — десять королевских военных кораблей во главе с «Хэри Грейс а Дье» и один частный корабль, в третьей линии шли девятнадцать частных торговых кораблей. По тактическому замыслу, торговые гиганты первой линии, приняв первый залп французских кораблей, должны были врезаться в линию противника и расстроить его боевое построение, открыв простор для действий военных кораблей.⁷⁴²

В августе 1551 г. тактику первого выстрела прекрасно использовал французский капитан Полен де Лагард, когда его гребная эскадра (11 кораблей) столкнулась в открытом море у Фалмута с 22 фламандскими урками, идущими в Испанию. Правитель Нидерландов в письме от 19 сентября негодовал на

⁷⁴¹ Fighting Instructions, 1530–1816 / Ed. by Julian S. Corbett. London, 1905. P. 10, 11.

⁷⁴² Ibid. P. 19.

проявленное французом коварство. Полен де Лагард послал сообщить, что на его корабле пребывает королева Шотландии, и потребовал салюта. Как только требование было удовлетворено, а пушки разряжены, французская эскадра устремилась вперед и взяла суда на abordaj.⁷⁴³

Похожей тактики зачастую придерживались и пираты. Известный антильский пират из Дюнкерка, Пьер Француз, отправившись к жемчужным отмелям Ранчерии неподалеку от Рио-д’-Аче, нисколько не смутился присутствием в составе промысловой флотилии специального 24-пушечного корабля из Картахены, сопровождавшего и охранявшего ловцов жемчуга. «Когда пираты уже подошли к жемчужной отмели, то на самой большой барке заметили они восемь пушек и примерно шестьдесят вооруженных людей. Пираты подошли к этой барке и потребовали, чтобы она им сдалась, но испанцы открыли огонь из своих пушек. Пираты переждали залпы, а затем выпалили из своих пушек, да так метко, что испанцам пришлось довольно туго. Пока испанцы готовились ко второму залпу, пираты взобрались на борт...»⁷⁴⁴

Модернизация артиллерии привела к совершенствованию структуры военно-морских сил. Неуклюжие, малоподвижные боевые корабли, начиненные разнообразными пушками, были непригодны для быстрых крейсерских операций, разведывательных рейдов, конвоирования торговых флотов и т. п. В соответствии с этим, происходила, по определению британского военно-морского историка Филиппа Хауарда Коломба, «дифференциация морской силы»⁷⁴⁵, отход от беспорядочной системы вооружения корабля. Артиллерия была важным параметром, определяющим эту «дифференциацию».

В соответствии с мартовским 1584 г. ордонансом французского короля Генриха III были установлены следующие порядок вооружения корабля и численность экипажа:

⁷⁴³ *Piot M. Ch. La diplomatie concernant les affaires maritimes des Pays-Bas, vers le milieu du XV-e siècle, jusqu'à la trêve de Vaucelles // Bulletin de l'Académie Royale des sciences, des lettres et des beaux-arts de Belgique. 2-me série. T. XL. Bruxelles, 1875. P. 847.*

⁷⁴⁴ *Эксквемелин А. О. Пираты Америки... С. 68.*

⁷⁴⁵ *Коломб Ф. Морская война... С. 111–145.*

Корабль 30–40 т — 12 человек, 2 служителя, 2 двойных барка, 2 мойена, 4 аркебузы;

Корабль 50–60 т — 18 человек, 2 пасаволянта, 4 барка, 4 аркебузы;

Корабль 70–80 т — 24 человека, 2 пасаволянта, 6 барков, 6 аркебуз;

Корабль 90–100 т — 36 человек, 2 бастарда, 2 пасаволянта, 3 барка, 8 аркебуз;

Корабль 110–120 т — 45 человек, 2 кардиналы, 2 пасаволянта, 12 барков, 8 аркебуз.⁷⁴⁶

Анализируя списки английского флота конца XVI – начала XVII вв., Колумб был вынужден констатировать, что «нет никаких штрихов, никаких точек, по которым бы мы могли сказать, что одна группа судов приспособлена для одной цели, а другая — для другой».⁷⁴⁷ Ко второй же половине XVII в. положение изменилось: линейная тактика требовала четкости и согласованности в управлении флотом и, предопределяя жесткое деление кораблей на военные и торговые, одновременно позволяла классифицировать военные корабли по рангам, в соответствии с их предназначением для ведения боя, разведки, конвоирования и т.д.

Так, английский флот времен Иакова I (всего 31 судно) был разделен на четыре ранга.⁷⁴⁸ При Карле I и в период Республики — на шесть рангов: 1-й ранг — более 80 пушек; 2-й ранг — от 80 до 50 пушек; 3-й ранг — от 60 до 44; 4-й ранг — от 50 до 32; 5-й ранг — от 32 до 12; 6-й ранг — менее 12 пушек.⁷⁴⁹ Британский военно-морской историк У. Клоуз тонко подметил важную особенность формирования структуры флотов, на бытовом уровне показывавшую стремительное наступление модернизаторских тенденций: «Ранги судов не всегда определялись ценой и мощностью корабля, как это будет впоследствии. Можно предположить, что определение класса корабля только мало-помалу начинает

⁷⁴⁶ *La Roncière Ch de. Histoire de la Marine Française. T. II. P. 499.*

⁷⁴⁷ *Колумб Ф. Морская война ... С. 115, 116.*

⁷⁴⁸ *Clowes W. L. The Royal Navy... Vol. 2. London, 1898. P. 8, 9.*

⁷⁴⁹ *Ibid. P. 13, 14.*

приобретать форму системы. Однако размеры жалования офицеров, служивших на нем, всегда зависели от класса корабля».⁷⁵⁰

Таким образом, выросшая убойная мощь флотов, появление кораблей, специально предназначенных для участия в сражении, перевернули средневековые требования к военно-морским судам — универсальному совмещению функций торгового и боевого средства наступал конец. Яркое свидетельство итальянского миссионера-кармелита отца Винченцо Марио, совершившего в 1655 г. путешествие в Индию, позволяет на примере испанских и португальских галеонов обнаружить существенные изъяны морских гигантов, по необходимости многофункциональных. «Галеоны (португальцев) привлекают внимание не только огромными размерами, но и из-за своей уязвимости. Каждый из них высится подобно крепости и заполнен 80 и более бронзовыми пушками. Просторы широких деков даже позволяют морякам играть в шары. В многочисленных каютах столько места и воздуха, что галеоны походят скорее на уютные дома, нежели на корабли. Канатами управляют по большей части с помощью кабестана, обшивка настолько крепка, что ядра отскакивают от нее. Короче говоря, корабли эти были бы непревзойденными, если бы двигались не столь медленно и были бы лучше укомплектованы. Над ними с легкостью берут верх голландские суда, легко маневрирующие по ветру. Они исчезают, когда ветер благоприятствует противнику, если же слабый ветер врагу помехой, голландцы атакуют. Им достаточно малейшего дуновения, чтобы прийти в движение, а португальцам нужен едва ли не штормовой порыв».⁷⁵¹

Нельзя не обратить внимания, что применение артиллерии оборачивалось огромными финансовыми затратами. Наладить полный технологический цикл в рамках одной страны — даже такой мощной империи как Испания — было невозможно. Испанские власти, например, оказались перед необходимостью покупать пушки в Льеже, Швеции, Англии, импортировать сырье (медь привозили

⁷⁵⁰ Ibid.

⁷⁵¹ Цит. по: *Cippola C. M. Guns, Sails and Empires...* P. 86.

из Венгрии и с Кубы, серу — из Неаполя, с Сицилии или из Генуи, селитру — из Марокко и Индии), организовывать собственное металлургическое производство (в Малаге, Севилье, Барселоне), строить мануфактуры по изготовлению пороха (в Гранаде, Мурсии). Гигантские суммы тратились на транспортировку орудий. Так, по данным Городских книг Нюрнберга за 1388 г., для перевозки одной пушки было необходимо: двенадцать лошадей для тела орудия, шестнадцать — для его деревянной платформы; двадцать лошадей требовались для перевозки пятнадцати каменных ядер, из которых в одну повозку можно было едва ли вместить три; кроме того, приходилось доставлять 2,5 центнера пороха.⁷⁵² По подсчетам Броделя, ежемесячные эксплуатационные расходы на 50 испанских пушек в Нидерландах в 1554 г. составляли 40 тысяч дукатов, «а чтобы привести эту массу в движение, требовались “малый обоз” из 473 лошадей для одних только всадников плюс “большой обоз” с 1014 лошадьми да еще 575 повозок, запряженная каждая четверней; следовательно, всего 4777 лошадей, что дает почти 90 лошадей на орудие».⁷⁵³ Содержание же одной галеры стоило около 500 дукатов в месяц.⁷⁵⁴

Колоссальные денежные средства, расходуемые на артиллерийское оснащение кораблей, — неуклонно возрастающая обременительная потребность Нового времени, — не только увеличивали стоимость войны. Эти огромные финансовые затраты, с постоянством пробивавшие бреши в бюджете, приводили к самым непредсказуемым последствиям в сфере внешнеполитической — ведь от правильно выбранной стратегии вооружения зависело военно-политическое могущество державы. Характер распределения финансовых потоков и недостаточный объем отпускаемых могли обернуться неожиданными кратковременными и долговременными последствиями.

⁷⁵² *Бранденбург Н. Е.* Исторический каталог С.-Петербургского артиллерийского музея. Ч. 1 (XV–XVIII ст.). СПб., 1877. С. 38.

⁷⁵³ *Бродель Ф.* Материальная цивилизация... Т. I. С. 421.

⁷⁵⁴ Там же.

К числу первых необходимо отнести ту своеобразную «гонку вооружений» XVI в., в которую вылилось испано-английское противостояние накануне войны 1587–1603 гг. В ходе этой борьбы технологий развернулась ожесточенная конкуренция в военно-технических областях, последствия которой оказались столь губительны для Непобедимой Армады. В инструкциях, направленных командующему флотом герцогу Медина-Сидонии в период подготовки Армады к вторжению, король Филипп II, детально знавший ситуацию, особо отметил широкое применение англичанами пушек. «Вам следует, — писал он, — сосредоточить внимание на стремлении неприятеля, располагающего преимущественно в орудиях и снабженного огнеметательными снарядами, вести бой на порядочном удалении. Тогда как в задачу наших людей входит принуждение противника к рукопашной схватке и сваливанию на бордаж...»⁷⁵⁵

Говоря о долговременных последствиях переворота в артиллерии, обратимся к владениям Испании в Новом Свете. В отличие от португальской экспансии в Ост-Индии, «тяжелая артиллерия на военных кораблях» — главный инструмент военного проникновения в Индийский океан — не сыграла на первом этапе испанского завоевания столь важной и драматичной роли. Вряд ли кто-нибудь из испанских конкистадоров, не встретивших сопротивления в водах Восточной Индии, мог испытывать такое чувство гордости и превосходства, как вице-король Антониу де Албукерки, доносивший королю Португалии в 1513 г.: «При слухах о нашем появлении все местные суда исчезают, и даже птицы перестают скользить над водами.»⁷⁵⁶ Тем не менее затраты на артиллерийское снаряжение и оснащение, как нам представляется, оказали серьезное влияние на процесс последующего развития испанских колониальных владений. Дело в том, что огромная территориальная протяженность новых земель, поддержание и охрана торговой трассы «Carrera de las Indias» («Пути в Индию») для транспортировки американского золота и серебра в Европу требовали огромных расходов. В

⁷⁵⁵ Цит. по: Lewis M. *The Spanish Armada*. London, 1970. P. 79. См. также: Lewis M. *Armada Guns // Mariner's Mirror*. January 1942–October 1943. Vol. XXVIII–XXIX.

⁷⁵⁶ Cippola C. M. *Guns, Sails and Empires...* P. 137.

обстановке же морского наступления европейских конкурентов в XVI–XVII вв. испанская монархия оказалась не в состоянии адекватно отвечать на все нападения и одинаково успешно защищать всю заокеанскую территорию. Как результат, финансовые и военные средства, а, соответственно, и артиллерия, в основном направлялись на защиту торговых конвоев «Flota» («Флот Новой Испании»), «Galleons» («Панамские галеоны») и укрепление крупных портов, служивших для них базами.⁷⁵⁷ Таким образом защищалось то, что представляло большую ценность, а не то, что было более уязвимо.⁷⁵⁸ Подобная доктрина «необходимости» оставляла без прикрытия местную торговлю в Испанском Мейне и открывала для проникновения изолированные и слабо укрепленные острова Карибского бассейна, которые к концу XVII в. перешли под контроль Англии, Франции и Голландии.

Удивительна ли в данной связи бурная активность, проявленная испанскими властями весной 1594 г. при известии о крушении у западного побережья Санто-Доминго большого английского 31-пушечного корабля «Эдуард Бонавенчер», пришедшего в Карибское море из Индийского океана. Без промедления на место крушения был направлен «фрегат», и испанцам удалось поднять затонувшие пушки. В донесении королю от 20 декабря 1594 г. дон Симон де Менезес с удовлетворением подчеркивал качество этих орудий («очень хорошие пушки») и сообщал об усилении ими артиллерии Санто-Доминго: «...мы снабдили все форты города (а они нуждались в этом)».⁷⁵⁹

Немаловажно еще одно обстоятельство: оснащенные тяжелыми пушками гигантские адмиральский и вице-адмиральский галеоны испанских конвоев отпугивали суда среднего и малого тоннажа, тем самым, направляя их на поиски более легкой добычи. А главное орудие европейской экспансии — небольшой

⁷⁵⁷ Об организации океанских торговых трасс см. в главе 3.

⁷⁵⁸ Нехватка денег ставила командующих эскадр и командиров кораблей, направляющихся в Новый Свет, перед альтернативой — либо выходить в море без артиллерии, либо оставаться в порту (см. подробнее: *Goodman D. Spanish Naval Power... P. 145–149*).

⁷⁵⁹ *English Privateering Voyages to the West Indies, 1588–1595: Documents Relating to English Voyages to the West Indies from the Defeat of the Armada to the Last Voyage of Sir Francis Drake Including Spanish Documents / Ed. by Kenneth R. Andrews. London, 1959. P. 297.*

корабль с его маневренностью, быстротой и хорошим вооружением — представлял собой серьезную опасность.

По сообщению Гарсиа де Резенде, еще португальский король Жуан II «потратил немало денег на строительство больших кораблей, вооруженных пушками. Будучи искушенным в любом деле, хорошо зная артиллерию, он провел немало опытов, чтобы определить, как с возможно меньшими расходами обезопасить свои берега, и в результате трудов своих открыл и определил, сколь много больших пушек можно разместить на малых каравеллах и как стрелять, чтобы выстрел едва касался воды. Король стал первым, кто это изобрел. Несколько таких каравелл, невзирая на тяжелые пушки больших кораблей, могли заставить последние сдаться, ибо трудно было попасть в столь малые по размерам и быстро передвигающиеся суда. И долгое время португальские каравеллы наводили страх на морях!»⁷⁶⁰

По мере модернизации артиллерийского вооружения боевые качества судов небольшого тоннажа все более возрастали. В конце XVI в. стратег английской крейсерской войны сэр Уолтер Рэли, анализируя различия между каракками и более совершенными военными кораблями, сделал язвительное замечание: «Корабль в 600 т будет оснащен артиллерией отнюдь не хуже, чем корабль в 1200 т. И пусть на громадине поставят в два раза больше пушек, меньшее по размерам судно успеет дважды развернуть борта, прежде чем большой корабль сделает хоть один поворот. Именно высокая загрузка кораблей оборачивается такими болезненными свойствами, заставляет их с трудом двигаться и опрокидываться. Люди наилучших качеств, лучшей породы могут лишь приветствовать конструкции более устойчивые и менее шаткие в сравнении с подобными качающимися плавучими гробами».⁷⁶¹

Спустя три десятилетия, в записке от 26 ноября 1626 г., адресованной кардиналу де Ришелье, кавалер Мальтийского ордена шевалье Исаак де Разилли

⁷⁶⁰ *Cippola C. M. Guns, Sails and Empires... P. 80, 81.*

⁷⁶¹ *McKee A. From Merciless Invaders: The Defeat of the Spanish Armada. London, 1987. P. 87, 88.*

писал: «Ежели кто ставил на первое место устрашающие крупные корабли, так это потому, что они несут крупные пушки, а корабли среднего размера могут нести лишь небольшие, каковые не могут пробить борт большого корабля. Но ныне сие (крупные пушки на среднетоннажных кораблях) образует квинтэссенцию морской мощи настолько, что корабль в две сотни тонн несет пушки такого же крупного калибра, что и корабль восьмисоттонный».⁷⁶²

Уже в XVI в. артиллерия небольших корсарских кораблей зачастую не уступала в оснащении более крупным кораблям. Беспрецедентным стал эпизод 1536 г. на рейде Гаваны. Маленький дьепский паташ «Фероньер» с экипажем в 28 человек, всего при восьми пушках, в течение трех дней обстреливаемый тремя испанскими более крупными кораблями, неожиданно пошел в атаку и заставил сдаться своих противников.⁷⁶³ Однако логика охоты за призами требовала, разумеется, более сильного вооружения.

Не удивительно, что среднего размера французское корсарское 140-тонное судно «Сент-Эспри» из Сен-Жан-де-Люза под командованием Ожеро Дамиска во время каперской войны, развернувшейся в 1552 г. между англо-испанцами и французами на Ньюфаундлендских банках, было вооружено 20 пушками. На каждого члена экипажа приходилось по одной аркебузе или арбалету и кроме того 24 пики и 30 полупик.⁷⁶⁴ В 1565 г. весельный барк держал на борту семь железных мойенны, две эспуары и восемнадцать бершей.⁷⁶⁵

Соответствующее вооружение обнаруживают и английские каперские суда, действовавшие в Вест-Индии во время англо-испанской войны. Флагманское судно Фрэнсиса Дрейка «Пеликан» с семью пушечными портами по каждому борту располагало еще четырьмя пушками в носовой части. Тринадцать из них были бронзовыми, остальные — железными. Правда, захваченный Дрейком командир «Какафуэго», Сан Хуан де Антон, находясь на борту корабля Дрейка,

⁷⁶² Мемуар Исаака Разилли о французской колониальной экспансии (1626 г.) // Средние века. Вып. XX. М., 1961. С. 334.

⁷⁶³ *La Roncière Ch. de.* Histoire de la Marine Française. Т. III. P. 294.

⁷⁶⁴ *Ducéré E.* Les corsaires sous l'ancien régime. Histoire maritime de Bayonne. Bayonne, 1895. P. 25.

⁷⁶⁵ *La Roncière Ch. de.* Histoire de la Marine Française. Т. II. P. 471.

успел насчитать только две бронзовых пушки, но не забыл упомянуть о них в своем рапорте.⁷⁶⁶ Начавшийся английский натиск на Испанскую Америку с каждым годом увеличивал требования к вооружению кораблей. «Они имели значительное вооружение, иногда включавшее 18-фунтовые кулеврины, но, как правило, 10-фунтовые малые кулеврины, поддерживаемые 5,5-фунтовыми сакерами и еще меньшими пушками, многочисленными мушкетами, аркебузами, пиками, абордажными мечами и пистолетами», — констатирует Кеннет Реджинальд Эндрюс.⁷⁶⁷ Даже небольшое каперское судно, наподобие 50-тонного «Бак Янг», крейсеровавшего весной 1590 г. вдоль побережья Санто-Доминго и захватившего здесь приз с сахаром, вызывало тревогу испанских властей. В первую очередь они заинтересовались его пушками. 13 мая губернатор и капитан-генерал Пуэрто-Рико Диего Менендес де Вальдес доносил: «восемь дней назад... сюда пришел (с южной стороны)... 50-тонный англичанин с экипажем в 30 человек и шестью артиллерийскими орудиями, два из которых — медные».⁷⁶⁸ Что же говорить о более крупных судах! Инвентарная опись 340-тонного «Уайт Лайон», проведенная 20 января 1590 г. по его возвращении из Вест-Индии в Англию, зафиксировала на борту две медных малых кулеврины, восемь железных малых кулеврин и восемь железных сакеров.⁷⁶⁹ Сильной артиллерией располагал и 90-тонный «Голден Драгон». По специальной «оценке», проведенной в 1593 г., на нем было две малых кулеврины, шесть сакеров, семь миньонов, несколько фальконетов, 31 старый мушкет, три старых аркебузы (одна из них была неисправна) и тринадцать пистолетов.⁷⁷⁰ Гигант же, подобный «Эдуард Бонавенчер», вооруженный тридцатью одним орудием, шесть из которых — медные, должен был, по мнению Эндрюса, казаться испанцам воистину «страшным судном».⁷⁷¹

⁷⁶⁶ *Kelsey H. Sir Francis Drake...* P. 84, 446.

⁷⁶⁷ *English Privateering Voyages...* P. 18.

⁷⁶⁸ *Ibid.* P. 88.

⁷⁶⁹ *Ibid.* P. 76.

⁷⁷⁰ *Ibid.* P. 230–233.

⁷⁷¹ *Ibid.* P. 18. С практикой «охоты за пушками», описанной нами на примере этого фрегата, — делом, широко распространенным во все времена, — мы не раз сталкивались в Новом Свете. Когда, например, в 1678 г. на рифах

Правда, в конце XVI в. главные беды еще только начинались. На смену первой волне каперского наступления на Испанскую Америку, повергшего в шоковое состояние местную и центральную администрации, пришло перманентное присутствие европейских пиратов в XVII в., справиться с которыми властям оказалось не под силу. Испанские карательные эскадры, более или менее сносно оснащенные артиллерией и временами способные защитить побережье от буханьеров и флибустьеров, могли иногда наносить и сильные удары по объединенным группам головорезов, отважившихся на крупное предприятие, подобно той атаке, которой подверглись пираты весной 1685 г. к востоку от Панама. И в свете вышесказанного нет ничего странного в том, что именно артиллерийское превосходство нередко превращалось в решающий «аргумент» победы. Описание Дампира, участника этой «схватки», содержит подробный список судов армады дона Томмазо Палавичино, которую флибустьеры увидели 28 мая: «Шесть кораблей были хорошо вооружены: на первом, адмиральском, — 48 пушек, 450 человек; на вице-адмиральском — 36 пушек, 360 человек; кроме того, 24-пушечное судно и 300 человек; 18-пушечное и 250 человек; 8-пушечное и 200 человек; два больших брандера; шесть судов с малым вооружением, на которых в общей сложности было 800 человек».⁷⁷² Пиратские корабли серьезно уступали испанской армаде: «Наш флот, — продолжает Дампир, — состоял из десяти судов: 36-пушечное судно капитана Дэвиса, 156 человек (большинство англичане), 16-пушечный корабль капитана Свана и 140 человек (все англичане). Это были единственные корабли, *способные сражаться* (курсив наш. — Д. К.); на остальных не было никакого оружия, кроме стрелкового. У капитана Таунли было 110 человек (все англичане). Капитан Гронье имел 308 человек (все французы). У капитана Харриса — 110 человек (большинство англичане). Под командой капитана Брэнли было 36 человек (и англичане, и французы), на тендере Дэвиса 8

острова Авес разбилась французская эскадра вице-адмирала Жана д'Эстре, туда устремился голландский 20-пушечный «корабль» с расположенного неподалеку Кюрасао, чтобы поднять и завладеть пушками (*Dampier W. A New Voyage Round the World... P. 44*).

⁷⁷² *Dampier W. A New Voyage Round the World... P. 237*.

человек и на тендере Свана 8 человек; на барке Таунли — 80 человек и на маленьком 30-тонном барке, превращенном в брандер, находилась гребная команда. Всего 960 человек.»⁷⁷³ К тому же пираты упустили благоприятный для атаки ветер. Испанцы не замедлили воспользоваться своим преимуществом. Когда настало утро, пираты увидели, что корабли противника «поймали ветер и летят на нас с полными парусами; мы поспешили унести ноги».⁷⁷⁴

Конечно, подобные успешные акции испанских военно-морских сил не отнесешь к разряду обыденных — они, скорее, чередовались с неудачами. Перед лицом объединенных отрядов морских добытчиков, погруженных на средние по размеру корабли, оснащенные мощной артиллерией, оказывались бессильными не только испанские флотилии, но и целые города. Достаточно вспомнить уничтожение Панама Генри Морганом во время экспедиции 1670–1671 гг. «Вся флотилия состояла из тридцати семи кораблей и нескольких небольших барок, — записал участник этого «похода» Эксквемелин. — После генерального осмотра выяснилось, что на них насчитывается две тысячи один человек; все хорошо вооружены ружьями, пистолетами, саблями, у всех были порох и пули, а также все прочее необходимое боевое снаряжение. На каждом корабле были пушки соответственно водоизмещению кораблей; на адмиральском корабле было двадцать две пушки и шесть басов, и он был тяжелее всех, на других было по двадцать, восемнадцать, шестнадцать, четырнадцать пушек, а на самом малом корабле насчитывалось всего лишь четыре пушки; все корабли были снабжены порохом, гранатами и всем прочим артиллерийским припасом.»⁷⁷⁵

Не меньший ужас в Испанской Америке вызвал пиратский флот, собравшийся в марте 1679 г. у острова Бокко-дель-Торро. Бэзил Рингроуз, находившийся на одном из кораблей, привел данные о состоянии флотилии морских разбойников.

⁷⁷³ Ibid. P. 238.

⁷⁷⁴ Ibid.

⁷⁷⁵ Эксквемелин А. О. Пираты Америки... С. 163

<i>Командир</i>	<i>Тоннаж</i>	<i>Пушки</i>	<i>Экипаж</i>
Коксон	80	8	97
Харрис	150	25	107
Бурнано	90	6	86
Соукинс	16	1	35
Шарп	25	2	40
Кук	35	—	43
Эллестон	18	—	24
Роу	20	—	25
Маке	14	—	20

Источник: *Ringrouse B. Dangerous Voyages and Bold Attempts of Captain Sharp.*

По количеству пушек силы этих разбойников уступали артиллерийскому вооружению флота Моргана.⁷⁷⁶ Следует, однако, принять во внимание, что в 1679 г. у пиратов были французские мушкеты, технически превосходившие аркебузы испанцев.⁷⁷⁷ Артиллерийская мощь, сконцентрированная на мобильных каперских и пиратских судах среднего размера стала, в конце концов, одним из решающих инструментов европейской экспансии, разрушивших испанскую монополию в Америке.

⁷⁷⁶ Также, впрочем, как и пиратская флотилия, собравшаяся вечной 1685 г. в Тихом океане. По описанию участника этого похода, французского дворянина Равено дю Люссана, у пиратов было десять судов, но пушками располагали только три: 36-пушечный фрегат фламандца Давида, 16-пушечный англичанина Суамса и 30-пушечный француза Гронье (*Raveneau de Lussan J. Journal du voyage fait à la mer du Sud avec les flibustiers de l'Amérique, en 1684 et années suivantes. Paris, 1690. P. 37.*)

⁷⁷⁷ *Ringrouse B. Dangerous Voyages and Bold Attempts of Captain Bartholomew Sharp and Others Performed upon the Coasts of the South Sea for the Space of Two Years. From the Original Journal of the said Voyage // Esquemeling J. The Buccaneers of America. London, 1893. P. 275.* Записи Рингроуза посвящены пиратским экспедициям в Тихий океан, в которых он участвовал. Рингроуз попал в Вест-Индию в 1679 г. в качестве наемного слуги и плывал с Бартоломью Шарпом, Чарльзом Сваном и Эдвардом Дэвисом. Он погиб в феврале 1686 г. во время похода в Новую Испанию. Свои дневниковые записи Рингроуз подготовил к изданию, когда находился в Англии в 1682–1683 гг. Они были опубликованы в 1685 г. и вошли отдельной частью в издание «Пиратов Америки» Эсквемелина. О Бэзиле Рингроузе см. подробнее: *A Buccaneer's Atlas: Basil Ringrose's South Sea Waggoner / Ed. by Derek Howse and Norman J. W. Thrower. Berkeley, 1992.*

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
«СОЛДАТЫ» ЭКСПАНСИИ:
МОРСКОЙ РАЗБОЙ И БОРЬБА ЗА ПЕРЕДЕЛ НОВОГО СВЕТА

В данной главе исследуется роль, которую морской разбой сыграл в борьбе за передел мира. Как нам представляется, данный вопрос неизбежно заставляет исследователя рассматривать всю проблематику атлантической и вест-индской истории панорамно, отталкиваясь от общеевропейской проблематики, связанной с функционированием государства нового времени, и, в первую очередь, о его способности управлять вооруженными силами.

Сегодня мы так привыкли к определенному содержанию понятия «солдат», что подчас забываем об исторической эволюции, которую претерпели вооруженные силы Европы в раннее Новое время. «Военная», «морская» и «бюрократическая» революции, становление современного государства с его профессиональной армией прошли через множество переходных форм традиционной жизни средневекового общества. Модернизаторские тенденции в развитии военной силы и ее структурная реорганизация превратили армию и флот в наиболее централизованные и взвешенные компоненты современного государства.⁷⁷⁸ Подобная эволюция отвечала «военной мечте об обществе: она была связана не столько с естественным состоянием, сколько с детально подчиненными и прилаженными колесиками машины, не с первоначальным договором, а с постоянными принуждениями, не с основополагающими правами, а с бесконечно возрастающей муштрой, не с общей волей, а с автоматическим послушанием».⁷⁷⁹ Однако государство не сразу овладело рычагами военного устройства. Важнейшие функции управления вооруженными силами продолжали

⁷⁷⁸ О военной революции см. подробнее: *Parker G. The Military Revolution, Military Innovation and the Rise of the West, 1500–1800. Cambridge: Cambridge University Press, 1988; Black J. A Military Revolution? Military Change and European Society, 1500–1800. London: Macmillan, 1991; Downing B. M. The military revolution and political change: Origins of democracy and autocracy in early modern Europe. Princeton: Princeton University Press, 1993; Chagniot J. Guerre et société à l'époque moderne. Paris: Presses Universitaires de France, 2001.*

⁷⁷⁹ Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. Пер. с фр. М: Ad Marginem, 1999. С. 246, 247.

оставаться в руках гражданского общества, а исход военных конфликтов и вооруженная мощь европейских держав зачастую оказывались в прямой зависимости от способности общества защитить себя. Государство же, если прямо и не устранялось от защиты своих подданных, то, зачастую, было просто не в состоянии обеспечить не только их безопасность, но и поддержать собственную обороноспособность. О ней должны были позаботиться сами подданные. В конце концов, каждый торговец, выходя в море, был одновременно и солдатом, и разбойником, и защитником своего груза. Его корабль был одинаково хорош и для мирной торговли, и для отражения нападений, и для захвата судов конкурентов. Особенно ярко это проявлялось в событиях, происходивших на отдаленной периферии тогдашнего мира – в островных владениях Испанской колониальной империи, за раздел которой в XVI – XVII веках развернулась ожесточенная схватка. Время милитаризованного идеала послушного солдата-машины еще не пришло – на авансцене стояли другие солдаты, совмещавшие функции военного, колониста и разбойника-пирата.

К началу XVI в. островная испанская Вест-Индия стала объектом пристального внимания со стороны европейских держав и, соответственно, бродяг и моряков всех мастей. Интенсивный процесс проникновения вольных добытчиков в карибские воды стал возможным благодаря взаимодействию двух дополняющих друг друга обстоятельств. С одной стороны, европейские державы, пытаясь закрепить за собой свободные территории Нового Света, дали толчок частному предпринимательству и поставили на службу государственным интересам энергию сотен и тысяч лиц, ринувшихся осваивать новые земли. С другой стороны, проникновение европейских держав в Вест-Индию изначально носило характер незаконного действия, так как нарушало формальное право Испанской короны на владение регионом. Дополнительный контекст придавал событиям постоянный военно-политический конфликт Испанского королевства с европейскими конкурентами, который не прекращался на протяжении всего XVI и большей части XVII вв. Для подданных Франции, Англии и Республики

Соединенных Провинций — независимых частных предпринимателей, арматоров, моряков, действовавших на свой страх и риск, — дорога в вест-индские воды была фактически открыта. Технологическая возможность океанского плавания и наличие военно-морских средств для давления на испанскую отдаленную периферию выступали взаимосвязанными компонентами, идеологическим обоснованием экспансии стала доктрина «открытого моря» и наличие свободного американского водного пространства, в котором «нет никакого мира», обоснованием же политическим — общий враг в лице пиренейских держав. Это дополнялось возможностью извлекать гигантские прибыли, послужившей экономическим обоснованием эскалации насилия в вест-индских водах.

Хоть мы и рассматриваем морской разбой в Карибском море как единое явление, нельзя считать, что пиратский поток через Атлантический океан был однороден. Его эволюция, безусловно, во многом определялась европейской военно-политической конъюнктурой и географической спецификой всего региона. Один из сложных вопросов в изучении морского разбоя как исторического феномена — периодизация его этапов. Определение радикальных линий разрывов между периодами носит несколько условный и упрощенный характер, что вполне объяснимо, принимая в расчет текучий и перманентный характер изучаемого феномена. Многие в трактовке этих периодов, с одной стороны, зависят от принимаемой исследователем типологии, а, с другой стороны, несет на себе смысловую нагрузку, связанную с пониманием и применением современниками основных терминологических понятий морского разбоя. Что стояло за применением определенной терминологии — разные стороны гомогенного феномена, разные взгляды на общий предмет или разные предметы вкупе с неодинаковыми подходами к ним? Как мы видели раньше, терминология морского разбоя была крайне неопределенной. Не поддается четким формулировкам и природа самого разбойного промысла, характер которого находился в прямой зависимости от колониальной политики европейских держав. Неудивительно, что подчас юридически неоднородные понятия, связанные с определением морского

разбойника, выступают как синонимичные категории, в других случаях они применяются как объекты гетерогенной природы. Однако, в любом случае, общий понятийный ряд, соответствующий понятию «морской разбой», исследуется нами в качестве некоей однородной категории, и, в таком качестве позволяет вычленить некие рубежи его эволюции.

Как нам представляется, хронология различных фаз морского разбоя может быть рассмотрена, с одной стороны, применительно к общему ходу европейской экспансии. В рамках подобного подхода определение этапных фаз морского разбоя при всей его непрерывности зависит от динамики протекания процессов формирования нового геополитического порядка и опирается на юридическо-правовую базу, определявшую имперские границы внутри океанического пространства. С другой стороны, следует учитывать природу пиратства и каперства с точки зрения военно-морской истории и принять во внимание динамику поглощения европейскими державами свободного океанического пространства. На первый план здесь выходят проблемы, связанные с методикой захвата периферийных островных баз, которые постепенно превращаются в опорные пункты, находившиеся на значительном удалении от метрополии. При определении хронологических фаз морского разбоя следует, по нашему мнению, особое внимание обратить на стратегии выживания морского социума и его особенности как криминального бизнеса. В данном контексте ключевое значение приобретают факторы, связанные с установлением колониальных владений в Новом Свете. Раздел Нового Света поставил преграды свободному перемещению людских ресурсов. Европейские военно-морские державы, взяв на вооружение специфическую колониционную модель поселенца-кондотьера, теперь столкнулись с тем, что их бывший «союзник», вольный морской добытчик, на протяжении XVI – XVII вв. выступавший в качестве «солдата экспансии», превратился в дестабилизирующий социальный элемент, нарушающий сложившийся порядок вещей. Бывшие флибустьеры и каперы, не находя места в новой колониальной реальности, продолжали заниматься объявленным вне закона

грабежом, который теперь рассматривался закрепившимися в Новом Свете европейскими державами как уголовное преступление.

Анализ вышеназванных аспектов позволили нам выделить три фазы истории морского разбоя. Первая фаза, фаза *челночных рейдов*, началась одиночными каперско-корсарскими экспедициями в Новый Свет в первой трети XVI в. Этот этап фактически продолжался целое столетие и протекал на фоне ожесточенных франко-испанских и англо-испанских войн, идеологически базирующихся на доктрине «свободы морей». Специфику данного этапа составляла его конфессиональная сторона, связанная с борьбой католиков и протестантов, в результате которой каперы и корсары рассматривались испанскими властями Нового Света как «еретики». В течение второй фазы, фазы *флибусты* (начало XVII – конец XVII вв.), корсары, каперы и колонисты, получившие известность как флибустьеры и буканьеры, все прочнее интегрировались в процессы захвата европейскими державами островных территорий в Карибском море. Пираты, постоянно совершавшие грабительские рейды, и каперы с корсарами, действовавшие в периоды формального объявления войн, в функциональном смысле играли роль своего рода «солдат экспансии» и стали одним из ключевых элементов складывавшегося в Вест-Индии нового геопорядка. Не случайно одним из механизмов европейской экспансии стали создаваемые флибустьерами тайные базы, постепенно превращавшиеся в плацдармы будущих заморских империй. Данная модель островного владения опиралась на наличие периферийной свободной островной зоны, автономию местных властей, наличие нерегулярных вооруженных сил и оживленные коммерческие операции, связанные с организацией контрабандных потоков награбленных и запрещенных к продаже товаров. Выделенная нами третья фаза, которую привычно называют «золотой эпохой» *пиратства* (конец XVII – первая половина XVIII вв.), хронологически совпала с окончанием процессов закрепления Англии, Нидерландов и Франции в Новом Свете. Раздробленная на множество свободных зон Вест-Индия, заполнявшаяся ранее криминально-

бандитскими и маргинальными группировками морских разбойников, в соответствии с Мадридским (1670), Регенсбургскими (1684) и Утрехтскими (1713–1714) соглашениями оказалась теперь включенной в систему международных договоров, определивших права владения и границы европейских военно-морских держав. Недавние «солдаты» экспансии, совмещавшие функции военного колониста и разбойника, представляли теперь потенциальную угрозу недавним «нанимателям» и превратились в дестабилизирующий социальный элемент, нарушающий сложившийся порядок вещей. Бывшие флибустьеры и пираты, не находя места в новой колониальной реальности, продолжали заниматься объявленным вне закона грабежом, который теперь рассматривался закрепившимися в Новом Свете европейскими державами как уголовное преступление. Рядом с владениями ослабевавшей Испанской империи, появились укрепленные плацдармы Англии, Франции и Нидерландов, взявших некогда свободные зоны под свой контроль. Вольное сообщество, сыграв свою роль в борьбе за передел испанской Вест-Индии, стало лишним «игроком» — оно окончательно утратило черты союзника государства, его «антильских солдат», и превратилось в преследуемое криминально-уголовное сообщество.

§ 1. ЧЕЛНОЧНЫЕ РЕЙДЫ

Европейские корсары заявили о себе еще на заре открытия Америки. Первый удар нанесли англичане. В год заключения Тордесильяского договора бристольтские купцы Роберт Торн и Хью Эллиот добрались до острова, впоследствии названного Ньюфаундлендом. Плавания Джона Кабота и его сына Себастьяна, искавших Северо-западный проход в Индию и Китай, продолжили серию английских попыток проникновения в Атлантику. Однако вскоре пальму первенства у англичан надолго перехватили французы. Уже Христофор Колумб по их вине испытал немало неприятных минут во время своего плавания в июне 1498 г. и вынужден был, направляясь к Мадейре, отклониться от обычного пути: сделав крюк, он обошел стороной французскую вражескую эскадру, подстерегавшую

адмирала возле мыса Сан-Висенте. Правда, и здесь, казалось бы, благополучно уйдя из-под ее удара, Колумб столкнулся с двумя корсарами на широте острова Гомера. Они уже успели взять два кастильских корабля и ждали новых призов. О том, насколько реальной была тогда опасность, рассказывал Бартоломе де Лас Касас. «Когда французский корсар заметил, что к нему приближаются 6 кораблей адмирала, он снялся с якоря и, оставив одно из захваченных в плен судов, обратился в бегство, уводя с собой второй кастильский корабль. За оставленным судном корсар выслал корабль, а затем, когда увидел, что шесть испанских кораблей идут к полоненному судну, чтобы отбить его, он призвал на помощь 6 французских кораблей, которые стояли на страже, и силой загнав экипаж кастильского судна в трюм, увел этот корабль с собой».⁷⁸⁰ Неизвестно, как звали этого французского корсара, но в источниках сохранились имена других моряков. В 1496 г. некий Робер Дюфур захватил два судна возле Бордо. Выходили в море и известные дьепские корсары Тома Обер и Никола дю Жарден. Немало навредил испанской и португальской торговле еще один подданный французской короны, некий корсар Пьер де Мондрагон. На поимку Мондрагона португальцы снарядили целую эскадру под командованием Дуарти Пашеку Перейры. Она настигла корсара и 18 января 1509 г. захватила его. Правда, плен Мондрагона продлился недолго, и его отпустили, взяв честное слово, что он никогда больше не нападет на португальцев. В 1513 г. дьепские корсары взяли амстердамское судно и привели его в Онфлер. В 1514 г. были перехвачены два фламандских судна (27 мая), а в 1515-м — еще три (23 февраля).⁷⁸¹ Бесперывные войны, с помощью которых французские короли объединяли свое государство, не оставляли корсаров без работы, а огромные прибыли, приносимые в приморские казначейства, торговые дома и арматорам, с лихвой компенсировали затраты на снаряжение судов. В 1513 г. все чаще появлявшиеся в Карибском море «ladrones» всерьез обеспокоили

⁷⁸⁰ Лас Касас Б. Описание третьего путешествия // Путешествия Христофора Колумба. Дневники, письма, документы / Ред. и вступ. ст. И. П. Магидовича. М., 1950. С. 410.

⁷⁸¹ Mollat M. Le commerce maritime normande à la fin du Moyen-Âge. Étude d'histoire économique et sociale. Paris, 1952. P. 178.

испанские власти, которые направили две каравеллы для защиты кубинского побережья,⁷⁸² а в 1520-х гг. предприняли строительство укреплений на северном побережье Эспаньолы.⁷⁸³ Наибольшую активность в первой половине XVI в. проявляли французские добытчики, во второй половине века немалую роль в давлении на Вест-Индию будут играть английские каперы.

Одними из главных инициаторов охоты за испанскими и португальскими призами выступали арматоры и торговцы из французских портов на Атлантике: Гавра, Онфлера, Нанта, Ла-Рошели, Байонны. Однако, лидером стал старинный нормандский Дьеп, снискавший славу самого опасного корсарского гнезда.⁷⁸⁴ Его купцы и арматоры дотошно собирали шпионскую информацию о плаваниях в Атлантике и снаряжали свои корабли в Атлантику и в азиатские моря. Дьепские моряки и рыболовы, занимавшиеся промыслом сельди и трески, всегда отличались отвагой. На своих легких судах они ходили к берегам Канады, основали колонию на реке Сенегал, плавали к Доггер-Банке, в Левант и вокруг Кольского полуострова.⁷⁸⁵

Самым известным из дьепских арматоров был купец Жан Анго. Как доносил испанский шпион Карлу V, это «богатейший человек, который... занимается оснащением кораблей и торговлей с владениями Вашего Величества, а также с

⁷⁸² Colección de documentos inéditos relativos al descubrimiento, conquista y organización de las antiguas posesiones españolas de ultramar. Segunda serie. Vol. I – XIII. Madrid: Real Academia de la Historia, 1885–1901. Т. VI. P. 3. См. также: *Priestley H. I.* France Overseas: Through the Old Regime. New York–London, 1939. P. 76.

⁷⁸³ *Pluchon P.* Histoire de la colonisation Française. Т. I. Le Premier Empire colonial. Des origines à la Restauration. Paris, 1991. P. 373.

⁷⁸⁴ *Guénin E.* Ango et ses pilotes d'après les documents inédits tirés des archives de France, de Portugal et d'Espagne). Paris: Imprimerie nationale, 1901; *Julien Ch.-A.* Les voyages de découverte et les premiers établissements (XV–XVI-e siècles). Paris: Presse Universitaires, 1947; *Mollat M.* Le commerce maritime normande à la fin du Moyen-Âge. Étude d'histoire économique et sociale. Paris: Plon, 1952;

⁷⁸⁵ О плавании дьепского капитана Жана Соважа в Россию см.: *Relation du voyage en Russie fait par Jehan Sauvage de Dieppe, en l'an 1586 / La Chronique de Nestor.* Par Louis Paris. Т. I. Paris, 1834. P. 385–396; *Memoire du voyage en Russie fait en 1586 par Jehan Sauvage / Le Trésor des pieces rares ou inédites.* Publié pour la premiers fois d'après les manuscrits de la Bibliothèque Impériale par Louis Lacour de La Pijardievre. Paris: August Aubry, 1855; *Соваж Ж.* Записка о путешествии в Россию в 1586 году. [Пер. по рукописи с франц.] // *Русский вестник.* 1841. Т. I. Вып. 1. С. 223–230; *Ларин Б.А.* Парижский словарь русского языка 1586 г. (Исследование об авторе словаря) // *Советское языкознание.* Т. II. Посвящ. В. Ф. Шишмареву. Л., 1936. С. 65–91; *Ларин Б.А.* Парижский словарь москвитов 1586 г. / Исследование, издание текста, комментарий, указатели. Рига, 1948; *Алексеев М.П.* Эпизоды из русской истории в «Опытах» Монтеня / *Романо-германская филология. Сборник статей в честь академика В.Ф.Шишмарева.* Л., 1957; *Алексеев М.П.* Эпизоды из русской истории в «Опытах» Монтеня / *Сравнительное литературоведение /* Ред. Г. В. Степанов. Л., 1983; *Ларин Б.А.* Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI – XVII веков. СПб., 2002; *Вюане Б.* Tout autour du voyage de Jean Sauvage en Moscovie en 1586. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 году. М.: ТЕЗАУРУС, 2012.

Фландрией и Англией, вследствие огромного размаха своей торговли, богатств и влияния в обществе известный как виконт Дьепа».⁷⁸⁶ Ранней весной 1523 г. снаряженная Анго эскадра из девяти кораблей (четыре нефа и пять галионов) под командованием корсара Жана Флери, сопровождаемого Мишелем Фере, Сильвестром Бийе, Жаном Фэном, Гийоном д'Эстимовилем и Никола де Кромаром, нанесла первый удар по испанской монополии. Флери знал о приближении из Новой Испании отряда каравелл и, рассчитав, что испанцам не миновать Азорского архипелага, направился на перехват. В начале марта его эскадра находилась к востоку от острова Санта-Мария, когда на горизонте показались мачты испанских кораблей под командованием известного конкистадора Алонсо де Авилы.

Они везли несметные сокровища ацтеков, отправленные в 1522 г. Эрнаном Кортесом императору Карлу V. В огромных сундуках и шкатулках, писал солдат Берналь Диас, лежали «золотые слитки на 88 000 дукатов ... личные сокровища Монтесумы,⁷⁸⁷ перешедшие во владение Гуатемосина,⁷⁸⁸ — подарок поистине королевский, ибо там были жемчужины величиной с орех и большое количество драгоценных камней и вещей. Посланы были также гигантские кости, найденные в одном из храмов Кохоукана,.. три тигра (ягуара. — Д. К.) и разные другие редкости, которые теперь уж не упомяну...»⁷⁸⁹

Плавание было беспокойным. Как-то ночью ягуары вырвались из клетки и задрали с десятков человек, и испанцы с тех пор до смерти боялись нового нападения свирепых хищников. Придя на Азорские острова, корабли встали на стоянку. Во время случайной ссоры де Авилы убил начальника телохранителей Кортеса де Киньонеса, и, взяв в руки командование, пошел на восток, к Испании, где его уже ждал Флери.

⁷⁸⁶ *Julien Ch.-A.* Les voyages de découverte et les premiers établissements (XV-e–XVI-e siècles). Paris, 1947. P. 43.

⁷⁸⁷ Монтесума II — правитель ацтеков (1503–1520).

⁷⁸⁸ Гуатемосин, Куатемок — зять Монтесумы, последний правитель ацтеков, лидер борьбы против испанских конкистадоров. После захвата столицы ацтеков Теночтитлана (1521) попал в испанский плен и впоследствии был повешен.

⁷⁸⁹ *Диас Б.* Записки солдата / Пер. Д. Н. Егорова. М.–Л., 1932. С. 14.

Увидев галеоны и каравеллы де Авилы, корсар пошел наперерез и, охватывая их полукругом, начал теснить к берегу. Разгорелось ожесточенное сражение: несмотря на численный перевес французов, испанцы сдаваться не собирались. Небольшие корсарские суда со всех сторон летели к огромным каравеллам, стремясь как можно скорее выйти из-под обстрела испанских пушек и попасть в мертвую зону, где им не угрожал убийственный огонь. Когда корсары сумели приблизиться вплотную к бортам испанцев, они пошли на абордаж: в палубном бою отчаянным рубакам была не страшна даже отборная испанская пехота. Вскоре галеоны были захвачены.

Азорский абордаж принес французскому королю неслыханные сокровища. Среди добычи оказались золотые и серебряные ожерелья, перстни, драгоценные сосуды, золотые маски и богато расшитые одежды ацтекских жрецов, попугаи, уборы из разноцветных птичьих перьев и, что было крайне важно для французов, сверхсекретные карты Атлантического океана. «Всю свою добычу, — завершал рассказ Диас, — Флери благополучно доставил во Францию и так богато одарил тамошнего короля, что мир дивился и завидовал богатству нашего государя».⁷⁹⁰

Весной 1524 г. с эскадрой из восьми кораблей Флери появился у берегов Испании; а в мае он оказался в районе Канарских островов, после чего вернулся к Кадису. Летом его видели у побережья Алгарвы, затем у Агадира и опять у португальского побережья, где Флери пробыл до поздней осени. График плавания очень насыщенный, но и добыча стоила затраченных трудов. Корсар захватил более тридцати испанских и португальских судов, в основном с грузами сахара. Но настоящее сокровище — целое состояние — представляли два захваченных корабля: одно направлялось из Каликута с шелком, гвоздикой, перцем, шафраном, веерами и тафтой, а второе, идущее от Островов пряностей, португальцы оценили более чем в 400 тысяч золотых дукатов. Но прошло время, и фортуна отвернулась от счастливицы. В ходе очередного рейда испанская эскадра Мартина Переса де Ирисара настигла лихого корсара и захватила его корабль. Пленника доставили в

⁷⁹⁰ Там же.

Севилю. Император Карл V придал огромное значение поимке храбреца и, высоко оценивая роль этого человека в Атлантике, отдал личный приказ о смертной казни. Счастье Флери закончилось; он был повешен как «пират» в 1527 г., а экипаж его судна остался в плену до заключения мира в 1529 г.

Среди французских корсаров эпохи Франциска I встречаются самые разные люди: географы и гидрографы, моряки с научным складом ума и бесстрашные навигаторы. Среди них капитан Пьер Криньон — известный знаток астрономии и гидрографии, который носил почетное прозвище Великий капитан. На весь мир гремела слава братьев Жана и Рауля Пармантье, в 1529 г. пересекших экватор и придумавших ту веселую процедуру, которой до сих пор сопровождается это событие. Но они также впервые после португальцев нащупали скрываемую последними дорогу к Островам пряностей, и только смерть обоих от тифа на острове Суматра помешала их дальнейшему походу. По-видимому, вместе с ними к Суматре плывал шотландец Жан Ротц, получивший морское образование в нормандском порту Дьеп. В 1539 г. он побывал в Гвинее и Бразилии, в 1542 г. стал картографом английского короля Генриха VIII, которому преподнес карты с удивительными точными для того времени очертаниями Китая, Азии, Индии и Африки, а также неизвестной земли, напоминающей северные очертания Австралии.⁷⁹¹

Ситуация на протяжении последующих двух десятилетий не изменялась и разве лишь иногда стабилизировалась — войны на короткое время затихали.⁷⁹² В 1526 г. корсары впервые появились возле Санто-Доминго,⁷⁹³ и с тех пор не

⁷⁹¹ Полемику относительно открытия Австралии в XVI в. см: *Wallis H. The Dieppe Maps // The Globe: Journal of the Australian Map Curator's Circle. Canberra. 1982. №. 17. P. 40–42; Meuzic G. 1421–год, когда Китай открыл мир. Пер. с англ. А. Кашина. М., 2004. С. 261, 262, 211–218. Следует, впрочем, учитывать, что в картографии XVI в. научное знание соседствовало с вымыслом, и реальные знания об устройстве мира попадали в плен противоречивых теоретических представления ученых, по-разному определявших координат исследуемого объекта (см.: *King R. The Jagiellonian Globe, a Key to the Puzzle of Jave la Grande // The Globe: Journal of the Australian Map Circle. 2009. №. 62. P.1–50).**

⁷⁹² Имется в виду затяжная серия так называемых Итальянских войн, которые велись в 1494–1559 гг. Францией за территории Северной Италии. В царствование французских королей Франциска I и Генриха II эти войны переросли в глубокий военно-политический конфликт Франции со Священной Римской империей и Испанией и обернулись семью войнами (т. н. 5-я война, 1515–1516; 6-я, 1521–1526; 7-я, 1526–1529; 8-я, 1536–1538; 9-я, 1542–1544; 10-я, 1552–1556; 11-я, 1557–1559).

⁷⁹³ *Duro F. Armada Española. T. I–IX. Madrid: Museo naval, 1895. T. I. P. 200, 204.*

переставали нападать на испанские владения.⁷⁹⁴ Миланец Джироламо Бенцони, совершавший плавания у берегов Нового Света в 154–1556 гг., рассказывал о другом неизвестном французском капитане. В 1537 г. на небольшом паташе он ворвался на рейд Гаваны и, под угрозой сожжения города, вытребовал у испанских властей выкуп в 700 золотых дукатов; затем он вышел в открытое море и погнался за тремя испанскими судами, которые и взял, после чего возвратился в Гавану и в качестве возмещения за причиненный во время погони моральный ущерб вымогал новый выкуп.⁷⁹⁵ Насколько велика была опасность плаваний в карибских водах, даже вблизи испанских крепостей, свидетельствуют записки Кабесы де Ваки. Рассказывая о путешествии из Гаваны в Лиссабон, он признается, что «вышли оттуда в большом страхе, ибо боялись встретиться с французами, захватившими за несколько дней перед этим три наших корабля».⁷⁹⁶ Опасения испанца были вполне объяснимы. В одном только упомянутом нами 1537 г. французская эскадра господина де Рубо (Gay Get monsieur de Roubost) захватила два испанских галиона,⁷⁹⁷ а некий корсар, назвавшийся Жаком де Сааведрой, абординировал возле Номбре-де-Диос торговое судно.⁷⁹⁸ Добычу французов составили также две испанские каравеллы, взятые у побережья Панамы, и нао с грузом в 30 тысяч золотых песо, который попал в руки гасконцев и генуэзцев.⁷⁹⁹ В июле 1542 г. 800 байоннских корсаров разграбили Санта-Марию.⁸⁰⁰ 3500 золотых песо достались трем сотням представителей интернационального «братства», атаковавшим в июне 1543 г. испанскую

⁷⁹⁴ Жертвами атак французских корсаров не раз становились Пуэрто-Плата (1539, 1550, 1555), Сан-Хуан (1543, 1549, 1554), Гавана (1549, 1553, 1555, 1558), Сантьяго-де-Куба (1537-1538, 1539?, 1544, 1559), Санта-Марта (1543, 1544, 1547, 1548, 1549, 1555), Картахена (1543, 1544, 1549) и другие крупные испанские города.

⁷⁹⁵ *Benzoni G. History of the New World by Girolamo Benzoni, of Milan, Sheving His Travels in America, from a. d. 1541 to 1556: With Some Particulars of the Island of Canary / Ed. by Rear Admiral W. H. Smyth. – L., 1857. P. 102, 103.* О Бенцони см. подробнее: *Пастушенко А. О.* Об отношении к французским пиратам в «Historia del Mondo Nuovo» // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії: Збірник наукових праць. Харків: ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2009. Вип. 12. С. 84–91.

⁷⁹⁶ *Kabesa de Vaca A. H. Кораблекрушения. С. 111, 112.*

⁷⁹⁷ *Duro F. Armada Española. Т. I P. 207.*

⁷⁹⁸ *Moreau J.-P. Une histoire des pirates des mers du Sud à Hollywood. Paris: Éditions Tallandier, 2006. P. 451.*

⁷⁹⁹ *Ibidem.*

⁸⁰⁰ *Priestley H. I. France Overseas... P. 77.*

Картахену.⁸⁰¹ Тогда же серьезно пострадал Пуэрто-Рико, на котором корсары сожгли несколько плантаций. В 1546 г. добычей французов стала континентальная Барбакоа.⁸⁰²

Совершая грабительские рейды через Атлантику, французские корсары исподволь готовили почву для дальнейшего колониального проникновения. Имперская пропаганда принимала все более широкие масштабы. 1 октября 1550 г. король Генрих II со своей супругой Екатериной Медичи торжественно въехал в Руан. Купцы организовали в честь королевской четы грандиозное празднество, гвоздем которого стали доставляемые из Нового Света богатства. На левом берегу Сены Генриха II встретили «триста совершенно голых смуглокожих человек, которые держали в руках копья, с ничем не прикрытой частью тела, которой руководит природа». Настоящие индейцы из Бразилии в полной боевой готовности! Устроители празднества переодели даже деревья, прикрепив к веткам ананасы и бананы.

Перед королем и королевой разыгрывались сцены подлинной жизни «диких»: дикари то предавались отдыху в гамаках во время сиесты, то с луками охотились на попугаев, заранее припасенных и специально выпущенных. Монархи увидели шествие индейцев с цельными стволами красного дерева, которые они несли на кораблях. Внезапно идиллия закончилась. Под воинственный клич на сцену вырвались толпы индейцев табахаров, набросившихся на тупинамбос, союзников французов, которые объединили несколько племен под командованием грозного вождя Куньянбебе. Завязалась ожесточенная схватка. Поле битвы осталось за тупинамбос — они бросились за убежавшими табахарами и сожгли их поселки. В следующей сцене на смену индейским сюжетам пришло морское сражение: французские корабли вместе с индейскими каноэ взяли на abordаж португальскую каравеллу.⁸⁰³

⁸⁰¹ Ibid.

⁸⁰² Ibid.

⁸⁰³ *Lestringant F. Le Huguenot et le Sauvages: L'Amérique et la controverse coloniale en France, au des querres de religion (1555–1589). Genève, 2004. P. 49.*

Празднество в Руане, словно прелюдия, возвещало великие колониальные свершения. В 1552 г. скончался адмирал Франции Клод д'Анбо, и 11 ноября эту высшую военно-морскую должность занял прославленный военачальник и блестящий придворный Гаспар де Шатийон, граф де Колиньи, выходец из провинциального дворянства, которому приходился дядей всесильный фаворит Франциска I и Генриха II коннетабль Анн де Монморанси.⁸⁰⁴ Ему пришелся по душе проект колонизации португальской Бразилии, представленный в 1553 г. рыцарем ордена иоаннитов и вице-адмиралом Бретани Никола Дюраном де Вильганьоном, задумавшем создать в Новом Свете «Американскую Мальту». Грандиозные планы шевалье де Вильганьона нашли покровителей среди могущественного лотарингского дома герцогов де Гизов. Его поддержал родной брат прославленного полководца Франсуа де Гиза кардинал Лотарингский Шарль де Гиз, знаток латыни и греческого, искушенный литератор, друг Эразма Роттердамского, управлявший королевскими финансами. В ноябре 1555 г. корабли Вильганьона, снаряженные на деньги короны⁸⁰⁵ и частные пожертвования, бросили якорь в самом сердце португальских владений — в бухте сказочной красоты, которую местные индейцы нарекли Гуанабара. Рядом протекала река, названная португальцами Рио-де-Жанейро (Январская). На одном из островов французы нашли подходящее место для форта и заложили там крепость, окружив ее оборонительными валами. В соответствии с принятыми топонимическими традициями, французы дали фортам названия Генрихвилль и Колиньи, а самому острову — Французский. С легкой руки францисканского монаха Андре Теве захваченная страна получила наименование Антарктическая Франция.⁸⁰⁶

Между тем, благоприятные времена для заморских проектов прошли. Последние десятилетия Франция жила в предвкушении грозных событий —

⁸⁰⁴ *Delaborde J.* Gaspard de Coligny, amiral de France T. I-III. Paris, 1879-1882; Actes du colloque L'amiral de Coligny et son temps, Paris, 24-28 octobre 1972. Paris, 1974; *Crété L.* Coligny. Paris, 1985; *Метёлкина Ж.С.* «Великий план» Гаспара де Колиньи // Изв. РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 93. С. 80-86.

⁸⁰⁵ Вильганьон получил от Генриха II на колонизацию Бразилии 10 тысяч фунтов.

⁸⁰⁶ *Thevet A.* La Cosmographie universelle. T. II. Paris, 1575. P. 911. См. также: *Окунева О.В.* «И вашим именем почтить безвестный край»: топонимика как способ легитимации французского присутствия в Бразилии XVI — начала XVII в. // Американский ежегодник. 2011. М., 2011. С. 316-327.

религиозных войн. Среди новоиспеченных кальвинистов оказался и адмирал Колиньи, всегда отличавшийся строгими взглядами на жизнь и подававшему «пример благочестия французскому дворянству, разлагавшемуся от пороков и дурных нравов».⁸⁰⁷ В 1555 г. при обороне крепости Сент-Кантен он попал в плен к испанцам и во время заключения неожиданно для всех отрекся от католицизма и принял протестантизм. В свете кальвинизма идеи французской колонизации приобрели новое звучание и родился великий план Колиньи: отыскать и заселить территории в Америке, которые могли бы расширить Божьи территории и дать убежище сторонникам новой веры. Много лет французские корсары-протестанты истребляли ненавистных испанских и португальских католиков, расчищая путь для новой веры и совершая благое дело во имя «всехристианнейшего» короля Франции.⁸⁰⁸ В разгар испано-французской войны атаки кальвинистских капитанов накатывались волна за волной. В 1553 г. гугенотский корсар Франсуа Леклерк по прозвищу Деревянная Нога с 8 тысячами корсаров совершил рейд к Большим Антильским островам и разграбил побережье Пуэрто-Рико и Санто-Доминго. В следующем году прославился его ближайший подручный Жак де Сор, возведенный королем Генрихом II в дворянство по рекомендации Колиньи: его жертвой стал город Сантьяго-де-Куба. В 1555 г. де Сор атаковал Санта-дель-Пуэрто-дель-Принсипе (совр. Камагуэй), летом он ворвался в Гавану и потребовал с местного губернатора огромный выкуп. Не получив требуемую сумму, де Сор «приказал предать огню весь город, а каменные и черепичные дома сжигали с помощью смолы и дегтя, не щадя ни церквей, ни больниц; и такой был огонь, что горело все, не осталось ни одного дома под крышей, сохранились только стены новой церкви и больницы и каменные стены некоторых домов».⁸⁰⁹ Бесчинства «лютеран и еретиков», учинивших в городе подлинный погром, повергли

⁸⁰⁷ Эльфонд И.Я. Адмирал Колиньи: жизнь и легенда... С. 143.

⁸⁰⁸ См. подробнее: *Lestringant F. L'expérience huguenote au Nouveau-Monde (XVI-e siècle)*. Genève, 1996 ; *Augeron M., Vidal L. «Refuges ou réseaux»? Les dynamiques atlantiques protestantes au XVI-e s. // D'une rivage à l'autre: Villes et protestantisme dans l'aire atlantique (XVI-e – XVII-e s.)*. Actes du Colloque de la Rochelle (13–14 novembre 1998) / Ed. par Guy Martiniere. Paris, 1999.

⁸⁰⁹ Цит. по: *Губарев В.К. Пираты Карибского моря: Жизнь знаменитых капитанов*. М., 2009. С. 20.

испанцев в ужас.⁸¹⁰ Де Сор зарезал захваченных заложников и повесил на улицах города казненных жителей. Корсары расстреливали из мушкетов соборные статуи, разбивали алтари, кинжалами резали гобелены. Врываясь в католические храмы, они подвергали их осквернению и захватывали драгоценные предметы культа: дароносицы, кадила, канделябры и чаши. Испанский юрист Мосен Ботейер, ошеломленный варварством французов, в письме королю возмущенно сравнил ограбление Гаваны с разгромом ахейцами Трои.⁸¹¹

Новоиспеченный адмирал-гугенот верил, что наступает новая эра. Уничтожение католической скверны он желал ознаменовать возведением в открытых землях Нового Света обетованного Божьего града, Нового Иерусалима, который принесет спасение для истинно верующих. Эти далеко идущие планы Колиньи провалились. Охваченная внутренними раздорами, гугенотско-католическая колония в бухте Гуанабара продержалась до 1560 г. и рухнула под напором португальцев. Тогда же испанцы уничтожили и другую гугенотскую твердыню в Новом Свете — французскую Флориду, основанную в 1562 г. дьепским капитаном Жаном Рибо.⁸¹²

Оплоты заморской Франции гибли один за другим. Наступали бедственные времена и внутри страны. После смерти короля Генриха II, 26 июля 1559 г. погибшего на рыцарском турнире, на престол взошел 15-летний Франциск II, а затем его бездетные братья Карл IX и Генрих III. Династия Валуа вырождалась. В стране разгорались ожесточенные религиозные войны.⁸¹³ Однако, несмотря на

⁸¹⁰ Об антикатолическом движении и иконоборчестве см. подробнее: *Констан Ж.М.* Повседневная жизнь французов во времена Религиозных войн. М., 2005. С. 132–149.

⁸¹¹ *Пастушенко А.О.* Об отношении к французским пиратам в «Historia del Mondo Nuovo»... С. 89.

⁸¹² См. подробнее: *Фиске Дж.* Открытие Америки ... Т. II; *Калашиков В. М.* Гугенотская колонизация Флориды (60-е годы XVI в.) // Французский ежегодник. 1983. М., 1985; *Hubert-Robert R.* L'Histoire merveilleuse de la Louisiane Française. Paris, 1941; *Patrick R. W.* Florida under Five Flags. Gainesville, 1945; *Les Français en Amérique pendant la première moitié du XVI-e siècle / Éd. par Ch.-A. Julien, R. Herval et Th. Beauchesne.* Vol. II. Paris, 1958. Во Флориде, как и в других заморских владениях Валуа, возобладал «топонимический» подход, и местные реки получили названия Сомма, Луара, Шаранта, Гаронна и Жиронда (*Julien Ch.-A.* Les voyages de découverte... P. 84).

⁸¹³ Необходимо, впрочем, обратить внимание, что и в разгар гугенотских войн французские протестанты не прекращали попыток организовать нападение на испанские колониальные владения. В 1569 г., например, между лидером гугенотов герцогом Луи де Конде и королевой Англии Елизаветой I велись успешные переговоры об организации военной экспедиции в Атлантику под руководством Жака де Сора. Реализации этого проекта помешала смерть принца де Конде в битве при Жарнаке в марте 1569 г. В 1571 г. в гугенотской Ла-Рошели готовился объединенный флот для нападения на испанские галионы, возвращавшиеся из Америки. Тогда же

Религиозные войны, вторжение французских корсаров в Карибское море не прекращалось. В период 1571–1588 гг. из Гавра вышли 260 судов, в 1581–1585 гг. — 40 судов, в 1589–1598 гг. было предпринято 55 плаваний, и «немалым легковерием было бы посчитать, что все эти плавания преследовали лишь торговые цели», как заметил Херберт Пристли.⁸¹⁴ Любопытно, что натиск французских корсаров⁸¹⁵ сопровождался характерными изменениями в терминологии. В переписке испанских колониальных властей морских разбойников перестают называть «пиратами», «разбойниками» и «корсарами», все чаще именуя их «еретиками» и «лютеранами».⁸¹⁶

Не менее громко заявляли о себе и английские каперы, которые получали щедрые субсидии от государства и частных лиц, заинтересованных в проникновении на монопольно контролируемые испанцами рынки, в освоении новых территорий и охоте за испано-португальскими галеонами. Плавание англичан в антильские воды, начало которым, по-видимому, положил Джон Рат, в 1527 г. на двух королевских кораблях «Мэри Гилфорд» и «Самсон» искавший Северо-западного прохода,⁸¹⁷ продолжили невольничьи рейды плимутского магната Джона Хоукинса (1562–1563; 1564–1565; 1567–1568), финансируемые Английской короной. «Мирные операции» по контрабандной торговле неграми постепенно, по мере усиливавшейся конфронтации с Испанией, уступали место широкомасштабным рейдам по Вест-Индии, наподобие операции Фрэнсиса Дрейка по захвату каравана с сокровищами у Номбре-де-Диос в 1573 г., его разбойничьего рейда на «Голден Хайнд» вдоль тихоокеанского побережья Америки, сопровождавшегося разгромом Вальпараисо и захватом в водах Панама

адмирал де Колиньи и принц Людвиг Нассаусский обсуждали вопрос о нападении на испанские владения в Вест-Индии: Номбре-де-Дьос и Эспаньола.

⁸¹⁴ Priestley H. I. *France Overseas...* P. 76.

⁸¹⁵ Среди них наибольшую известность приобрели Поль Блондель, Жан Бонтемп, Никола Валье, Гийом Ласаль, Франсуа Леклерк, Адриен Летелье, Жан Бурдон.

⁸¹⁶ В 1559 г. перед судом инквизиции предстали 12 французских корсаров, захваченных в Мексике и обвиненных в ереси (Grunberg B. *Corsaires français et luthéranisme au Mexique en 1560 // Coligny, les protestants et la mer. Actes du colloque organisé à Rochefort et La Rochelle les 3 et 4 octobre 1996 / Ed. par Martine Acerra et Guy Martinière. Paris: Presses de l'Université de Paris-Sorbonne, 1997. P. 86).*

⁸¹⁷ См. подробнее: Newton A. P. *The European Nations in the West Indies...* P. 49, 50.

«Капитана Мориаля» и «Какафуэго», или взятия Санто-Доминго и Картахены в 1578 г.

Испанская Америка: особенности оборонительной системы

В ответ на корсарский террор испанская корона предприняла решительные меры по защите своих транспортных артерий, которые по мере углубления колониационного процесса становились все более оживленными. Пала империя ацтеков, под ударами испанского государства развалилась необъятная держава инков в Перу, королевство расширяло и закрепляло свои позиции на территориях Гондураса, Никарагуа, Гватемалы, усилило проникновение в бассейн Амазонки, Ориноко, Ла-Платы. Соответственно менялась и торговая конъюнктура. Ослабевший золотой поток с Антильских островов уже не приносил сказочных дивидендов эпохи открытия — взамен исчерпывавшему себя ручейку были открыты и новые источники сокровищ.⁸¹⁸ В первую очередь — драгоценные металлы с открытых рудников и приисков Мексики, Перу и Центральной Америки, хлынувшие в Европу либо в виде сырья и полуфабрикатов (золотой песок, слитки, бруски), либо как монеты, отчеканенные на монетных дворах, созданных в Мехико (1535/1536 гг.), Лиме (1565 г.) и Потоси (1572 г.). Оживилась добыча жемчуга на венесуэльском побережье, плантации Антильских островов начали поставлять кожу и сахар, на побережьях Гондураса и Кампече добывались ценные породы древесины, активизировалась деятельность поставщиков кошенили из Мексики и с Малых Антильских островов.

Пытаясь установить строгий административный контроль за всеми перемещениями богатств Нового Света, его сырьевыми базами и океанскими

⁸¹⁸ Ежегодные поступления драгоценных металлов оценивались следующими цифрами: 1503 г. — 3 млн мораведи; 1504 — 19 млн; 1505 — 23 млн; 1506 — 15,5 млн; 1507 — 21 млн; 1508 — 18,5 млн; 1509 — 26 млн; 1510 — 24 млн; 1511 — 22 млн; 1512 — 34 млн; 1513 — 34 млн; 1514 — 23 млн; 1515 — 27 млн; 1516 — 13 млн; 1517 — 34 млн; 1518 — 46 млн; 1519 — 24 млн; 1520 — 13 млн; 1521 — 2 млн; 1522 — 8 млн (один миллион мораведи был эквивалентен приблизительно 17 тыс. английских фунтов). С началом добычи перуанского серебра поступления из Америки резко подскочили, составив в 1535 г. уже 119 млн, а в 1538 г. — 371 млн. В середине же века, когда наладились поступления не только из Перу, но и из Новой Испании, суммы, доходившие до Европы, достигали 847 млн мораведи в год (*Newton A. P. The European Nations in the West Indies, 1493–1688. London, 1933. P. 31, 32.*)

торговыми потоками, испанское королевство создало удивительную и уникальную океанскую магистраль, известную как «Carrera de las Indias» («Путь в Индию»). Организовав эту «глобальную» экономическую и военно-морскую транспортную паутину — колоссальную по географическому охвату, технологическому совершенству, масштабам вовлеченных в нее финансовых и людских ресурсов, — государство дало ответ на многие вопросы времени, в том числе — и на корсарскую угрозу.

Транспортировка сокровищ Нового Света поражала удивительно отлаженной организацией. Однако механизм этот, естественно, сложился не сразу. Организация европейской торговли с Индиями и транспортировки драгоценных металлов через Атлантику были делом многолетним. Центром всей системы стала испанская Севилья и ее «Casa de la Contratación» («Торговая палата»), монополизировавшая в своих руках всю торговлю с Новым Светом. Севилья — крупный торговый центр испанской Андалузии — располагалась в нескольких десятках километров от моря, на реке Гвадалквивир. Именно этому порту суждено было в XVI в. превратиться в мировой перевалочный центр. Занимая «особо выгодное положение» в центре одного из наиболее богатых районов страны («житница, фруктовый сад, винный погреб и овчарня»), эта древняя мусульманская столица на Иберийском полуострове оказалась неотъемлемым элементом системы многообразных тесно сплетенных международных торговых связей. Уникальный порт, в качестве своего аванпоста опиравшийся на океанский порт Сан-Лукар-де-Баррамеда, Севилья «питается также виноделием и маслоделием великой равнины, находящейся под боком. Корабли с севера — бретонские, английские, зеландские или голландские — приезжают сюда не только за солью Сан-Лукара, незаменимой при засолке трески, и за товарами из “Индий”, но и за вином и маслом, производимыми на андалузских холмах».⁸¹⁹ Получив на откуп великий дар — Америку, — Севилья и ее «Casa de la Contratación» превратили «Атлантический коридор» в источник фантастических

⁸¹⁹ Бродель Ф. Средиземное море... Ч. 1. С. 94–95.

прибылей. Центр севильской торговли — знаменитая «Casa de la Contratación», основанная в 1503 г. по указу королевы Изабеллы Кастильской, — размещалась в королевском Алькасаре и в старом здании арсенала Атарсанас рядом со сторожевой башней Торре-дель-Оро. Здесь, на набережных Гвадалквивира, в портовых районах Ареналя, были разбросаны огромные пакгаузы, склады, хранилища, амбары, к многочисленным речным пристаням пришвартовывались и там разгружались торговые флотилии со всей Европы, здесь же грузились корабли, уходящие к морю.

Ни один купец, ни одно судно не могло прийти в порты Индий, избегнув пристального взгляда чиновников «Casa de la Contratación». Отделения палаты размещались во всех портах, вездесущие агенты «веедоры» (букв. «имеющие глаз») без конца проверяли, подсчитывали, регистрировали, описывали товары, собирали пошлины и сборы (например «аверию» — сбор на борьбу с пиратами, «алькабалу» — налог с оборота). Севильская монополия, попавшая в руки «империи» гемуэзской финансовой аристократии, знаменитых Гримальди, Ломеллини, Спинолла и др., фактически выступала посредником экономического обмена Европы с Новым Светом, мобилизовав многочисленные силы Запада на извлечение гигантских сверхприбылей. Пятая их доля уходила в королевскую казну. Разумеется, реальные деньги, извлекаемые купцами, превышали цифры, попадавшие в финансовые отчетные ведомости и подконтрольные бдительным бюрократам. Огромная протяженность маршрутов флотов, удаленность пунктов назначения, самостоятельность подчас достаточно автономной от Мадрида и Севильи колониальной администрации, забота чиновников о собственных интересах препятствовали высшим властям королевства наложить руку на все, что творилось за сотни и тысячи километров от Испании. Впрочем, организаторы трансатлантических рейсов располагали сильными козырями.

«Casa de la Contratación» выступала органом правительственной власти и, осуществляя предоставленные ей полномочия, могла опереться на безграничную поддержку империи Габсбургов. Собственно, вся система организации

трансатлантических рейсов сводилась к нескольким нерушимым принципам. Важнейшим из них выступало монопольное право Торговой палаты на торговлю с Индиями и предоставление безопасности всем, кто в ней участвовал. Поэтому в условиях угрозы возобновления в 1542 г. войны империи с Францией, было запрещено отправляться в Новый Свет менее чем десяти судам, причем при вооружении. Надо сказать, что последнее распоряжение в условиях морских реалий времени оказывалось совершенно излишним. Лишь самоубийца мог, вложив весь капитал в заморскую торговлю, выйти в море, не вооружив с ног до головы своих людей и не поставив на борт пушки. Более всего власти смущало одно обстоятельство — отсутствие регулярности конвоев, которые обычно составлялись достаточно спонтанно и выходили в море по мере готовности к плаванию.⁸²⁰ При входе в американские воды командующие конвоями выделяли легкие фрегаты для патрулирования в Карибском море, а с 1550-х гг. на Эспаньоле были организованы подвижные легкие эскадры сопровождения. Вокруг портов, служивших базовыми торговыми центрами на пути флотилий, были возведены форты, построены укрепления, их гарнизоны усилены, а для подкрепления созданы отряды местной милиции.

Конечно, на протяжении всей трассы всеильное око севильского надзора не оставляло своим бдительным вниманием купцов и пристально следило за плаваниями. Определенные гарантии доминированию Торговой палаты предоставляла секретность навигации. Дело в том, что в тайниках Палаты хранился «Padrón Real» («Королевский чертеж») — «Карта морей и берегов Индии», и только опытные кормчие Палаты, прошедшие обучение в специальной мореходной школе, знали особенности трассы и могли привести корабли Армады в пункты назначения.⁸²¹ Правда, секретность с каждым годом становилась все более иллюзорной, и неудивительно, что обеспокоенные севильские компаньоны

⁸²⁰ Первый атлантический флот вышел в 1537 г. под командованием Бланко Нуньеса де Велы; регулярные рейсы начались в 1550 г.

⁸²¹ См. подробнее: *Buisseret D. Spain Maps Her "New World" // Encounters. 1992. February. № 8*

и правительственные чиновники искали более надежные способы борьбы и с контрабандой, и с торговой конкуренцией, и с морскими разбойниками.

Корсарский натиск 1550-х гг. продемонстрировал неубедительность применявшихся властями силовых аргументов. Нехватка рабочих рук для ремонта и инженерных работ приводила к разрушению крепостных сооружений, военные гарнизоны постепенно слабели, местные добровольческие подразделения горожан демонстрировали свои доблести в мирное время, а в минуты опасности предпочитали отсиживаться по домам. Система выглядела хорошо лишь на бумаге — в реальной жизни она оказалась фикцией. Корсары безнаказанно ходили в американских и европейских водах, блокировали андалузские порты, беспрепятственно атаковали испанские базы на островах и материке и чинили там всевозможный разбой.

В конце концов испанским властям стало ясно, что слишком широкая и протяженная трасса лишает правительство возможности контролировать атлантическое пространство. Новая стратегия защиты конвоев сломала универсализм прежней системы, она выстраивалась на принципиально ином, точечном подходе. Защищать необходимо самое главное, а именно — морские дороги. Задумавшись об этом, правительство первым делом унифицировало торговую систему, усилив мощь своих кораблей. Королевским ордонансом от 13 февраля 1552 г. запрещалось использовать в американских конвоях корабли водоизмещением менее 100 т и с экипажем менее 32 человек. Спустя три десятилетия, указом Филиппа II от 11 марта 1587 г., размеры минимального водоизмещения увеличили до 300 т.⁸²² Тем самым, за счет привлечения «мастодонтов», возрос общий товарооборот. Вместе с тем гиганты имели явное преимущество при защите от малотоннажных корсаров в стычке «один на один». Отец новой системы, дон Педро Менендес де Авилес, в начале 1560-х гг. предложил новую доктрину, постулировав три главные идеи. В первую очередь, по мнению испанского стратега, следует подготовить военное сопровождение для

⁸²² Chaunu H., Chaunu P. Séville et Atlantique... T. I. P. 127.

трансатлантического флота, который должен регулярно, в строго определенное время передвигаться по четкому, раз и навсегда установленному маршруту. Во-вторых, в вест-индских водах необходимо создать сильные военные эскадры сопровождения, которые будут крейсировать по Карибскому морю, встречая и провожая флотилии. В их задачу входит также борьба с корсарами. Наконец, надо укрепить крепости в самой Испанской Америке, но основные ресурсы направить в наиболее важные стратегические пункты, а не распылять их по всей акватории Карибского моря.⁸²³

Филипп II одобрил представленный план, и работа по реорганизации атлантической торговли началась. С этого времени все движение флотилий строжайше регламентировалось (сигналы, рацион питания, набор пассажиров, распорядок церковных служб), график движения должен был неукоснительно соблюдаться. Правда, из-за технологических изменений в характеристиках торговых кораблей система атлантической торговли на рубеже XVI–XVII вв. претерпела изменения. Дело в том, что океанические парусники «*Carrera de las Indias*», все более увеличивавшие водоизмещение, не могли уже проходить обмелевшим фарватером из Севильи в Сан-Лукар-де-Баррамеда. Как результат — центр торговли «*Casa de la Contratación*» ушла из Севильи в океанский Кадис.

Первый отряд «Атлантического коридора» носил название «*Flota*» («Флот Новой Испании»). Он выходил из Сан-Лукар-де-Баррамеда в апреле–мае и, сопровождаемый двумя военными кораблями, плыл мимо Канарских островов, проходил между Гваделупой и Доминикой, огибая с юга Эспаньолу и Кубу, и двигался с таким расчетом, чтобы к концу лета добраться до мексиканского побережья. Местом его назначения был порт Веракрус, прикрываемый собственной «военной базой» — крепостью Сан-Хуан-де-Улоа, воздвигнутой на одном из островов залива Кампече. Веракрус, расположенный на низменной болотистой равнине, открытый всем штормам и ураганам и часто оказывавшийся

⁸²³ См. подробнее: *Hoffman P. E. The Spanish Crown and the Defense of the Caribbean, 1535–1585: Precedent, Patrimonialism and Royal Parsimony. Louisiana, 1980.*

жертвой эпидемий, был не самым завидным местом для проживания. Поэтому накануне сезона ураганов хозяева и командиры кораблей уводили их на Кубу, и город пустел. Оживление в городе наступало только с приходом «Флота Новой Испании». Перезимовав здесь, караван в феврале покидал мексиканское побережье с товарами и серебром из Новой Испании. Эти драгоценные грузы доставлялись сюда по двум «океанским дорогам» («Camino de Castilla», «Camino de China»), связывавшим атлантическое и тихоокеанское побережья Мексики, и по центральному «шоссе» «Camino Real», пересекавшему страну с севера на юг.

Вторая флотилия, так называемые «Galleons» («Панамские галеоны»), направлявшаяся на Terra Firma,⁸²⁴ отбывала из Севильи в августе с более сильным сопровождением (6 или 8 кораблей), двигалась мимо Канарских островов, входила в Карибское море и, пройдя между Тринидадом и Тобаго, держала путь вдоль венесуэльского побережья и делала остановку в Картахене. Простояв здесь около 60 дней⁸²⁵, караван судов переходил к панамскому побережью в Номбре-де-Диос, а с 1584 г. — в Портобелло, расположенный 20 милями западнее. Защищаемый двумя фортами и мощной линией укреплений, возведенных стараниями итальянского инженера Джованни Баттисты Антонелли в конце XVI в., он считался надежно укрепленной крепостью, что, впрочем, не мешало противникам не единожды захватывать его. В 1601 г. это сделал Уильям Паркер, в 1668 г. — Генри Морган, в 1680 г. удача сопутствовала команде Джона Коксона, пока, наконец, в 1739 г. Портобелло не пал под ударами британской эскадры Эдварда Вернона.

Как и Веракрус, Номбре-де-Диос, а затем и Портобелло располагались в губительной для здоровья местности, и испанские торговцы предпочитали жить в Панаме, используя прибрежные города в качестве транзитных пунктов и складов. Неудивительно, что Дампир, попав в 80-х гг. XVII в. в район бывшего Номбре-де-

⁸²⁴ Terra Firma (исп. Terra Firma — «твердая земля») — название северо-западной части Южной Америки, охватывавшей долины Ориноко и Амазонки, а также побережье Тихого океана и Карибского моря.

⁸²⁵ *Dampier W. A New Voyage Round the World / With an Introduction by Sir Albert Gray and a New Introduction by Percy G. Adams. New York, 1968. P. 133.*

Диос, не смог найти никаких следов на месте прежнего торгового центра, — от старого золотого города осталось одно лишь название, все заросло лесом.⁸²⁶ В Портобелло происходила выгрузка привезенных товаров, и галеоны оставались здесь ждать прихода «королевских сокровищ» из Перу (вин, серебра, золота, драгоценностей, шерсти).

Перуанские сокровища доставлялись к побережью Карибского моря следующим путем: сначала на судах Тихоокеанской (Перуанской) флотилии они прибывали из Кальяо в Панамский залив и разгружались в Панаме, затем, на караванах мулов и ослов, перевозились через перешеек к местечку Вента-Крус на берегу реки Чагрес. Здесь располагались огромные склады, где хранились товары и откуда их и доставляли к карибскому побережью через джунгли или по реке. Проводить операцию по переправке драгоценного груза к Портобелло речным путем на каноэ, пинассах и местных баржах, передвигавшихся с помощью шестов, можно было только зимой, когда река была наиболее полноводной. Загрузив «богатства из Лимы», «Панамские галеоны» уходили в Картахену. Причем адмирал ждал недолго, «от силы неделю»,⁸²⁷ и когда основная часть судов флотилии собиралась, без промедления давал сигнал к выходу в море. Торговцы же, опоздавшие к моменту ухода флота, рисковали остаться без барышей и не солоно хлебавши отправиться обратно в Панаму.

На какое-то время все сокровища из Перу сосредоточивались на складах Картахены. Твердыня эта считалась одним из самых богатых городов Вест-Индии. Лежащая в окружении холмов, Картахена славилась своими каменными домами и великолепными фруктовыми садами, хоть как-то спасавшими жителей от изнуряющей влажной жары. Испанцы превратили Картахену в одну из крупнейших торговых и военных баз Вест-Индии. Город, укрепленный знаменитыми фортами Сан-Фелипе, Сан-Лоренцо и Сан-Фернандо, был прекрасно подготовлен для обороны. Располагаясь на узкой длинной отмели

⁸²⁶ Ibid. P. 49.

⁸²⁷ Ibid. P. 119.

между морем и широкой полузакрытой бухтой, глубоко вдающейся в берег, Картахена была неуязвима для удара с океана. Линию побережья усеивали опасные рифы и скалы, а мелководье не позволяло кораблям приблизиться к берегу и на пушечный выстрел. Наиболее уязвимым местом в обороне крепости был узкий канал Бока-Чико со стороны неглубокой, изобиловавшей мелями бухты. Однако преодолеть его казалось задачей невыполнимой. Крайне сложный в навигационном отношении, канал обстреливался пушками форта Бока-Чико, прикрывавшего вход в горловину бухты. В самой бухте высилась крепость Санта-Крус, а непосредственно на подходе к городу — твердыня Сан-Ласара. Редкая удача позволила Дрейку захватить город в феврале 1586 г., а спустя сто лет, в 1689 г., Картахена пала под ударами французской эскадры барона де Пуэнти и буканьеров Жана Дюкаса. С тех пор она оставалась фактически неуязвимой для противников.⁸²⁸

Последний штрих грандиозной панамской одиссеи — приход в Картахену огромного пагаша, «собиравшего дань» с венесуэльских портов: Маракайбо, Риоачи, Санта-Марты, Куманы. Особенно важным моментом этого этапа была доставка жемчуга, который добывали на отмелях острова Маргарита и в районе Ранчерии.

Собрав, наконец, все «добро», «Панамские галеоны» выходили из Картахены и держали путь на Гавану. Здесь они встречались с «Флотом Новой Испании», запасались провизией и через Багамский пролив, минуя Азорские острова, возвращались в Испанию, иногда раздельно, а если на море было беспокойно, то вместе. Испанцы придавали огромное значение укреплению Гаваны, особенно после опустошительного набега Жака де Сора в 1555 г. Опасаясь его повторения, испанская администрация предприняла широкомасштабные мероприятия для защиты основных баз на пути флотов. Тогда-то на месте старого форта стараниями ранее уже упомянутого Антонелли и была возведена первоклассная крепость, считавшаяся совершенно неприступной.

⁸²⁸ В 1741 г. под стенами Картахены потерпела неудачу британская эскадра адмирала Вернона.

Располагалась она в великолепной гавани, и с моря ее защищала крепость Эль-Морро, стоявшая на огромной возвышавшейся над входом скале (на кастильском наречии — морро). Грозные форты Ла-Кабанья, Кастильо-де-ла-Реал-Фуэрса и Ла-Пунта стражами-великанами высились вдоль канала, соединявшего бухту с морем. В рамках широкой оборонительной программы испанцы возвели также мощные укрепления на Санто-Доминго, в Пуэрто-Рико, Веракрус и Картахене. Они также реконструировали и укрепили постоянными гарнизонами, стратегически важные крепости Карибского моря, занимавшие ключевые позиции на полуострове Юкатан (Кампече), на подходах к Дарьенскому перешейку (Сан-Лоренсо в устье реки Чагрес, Портобелло, остров Маргарита), на Терра Фирма (Санта-Мария и Рио-де-ла-Хача) и во Флориде (Сан-Аугустин).

Выполняя свою оборонительную программу, испанские власти исходили из необходимости обеспечить отдачу от вложенных финансовых и военных ресурсов. Расчет их был вполне прагматичен — укрепить безопасность американских трасс путем максимальной концентрации средств на самых критических направлениях; при этом испанское правительство вынужденно оставляло без защиты стратегически менее важные объекты. И эта стратегия принесла определенные результаты. Корабли и порты «*Carrera de las Indias*» оказались под охраной, и взять эти недоступные «призы» было невероятно трудно. Однако американские трассы — это не только «Панамские галеоны», «Флот Новой Испании», Веракрус, Картахена, Гавана, Панама и т. д. Европейцы, интенсивно внедряясь в испанские владения, вскоре обнаружили самые слабо укрепленные пункты на трассах транспортировки испанских сокровищ. Разумеется, располагая достаточно ограниченными военными и финансовыми средствами, корсары и пираты предпочитали обходить стороной надежно защищенное богатство, сконцентрированное на галеонах и складах базовых стоянок флотов. Их целью становились изолированные города и поселения, рассредоточенные по обширному пространству Антильских островов и Испанского Мейна, а также каботажные торговые суда, двигавшиеся без столь внушительного конвоя. В итоге получилось,

что испанская концепция защиты «более дорогого» дала трещину в самых «уязвимых» местах. Пространство «уязвимых» мест все расширялось, и правительство метрополии постепенно теряло рычаги управления испанскими морями.

Избирательностью руководствовались испанские власти и при распределении средств для защиты своих конвоев. Обе флотилии шли под прикрытием мощных флагманских адмиральских галеонов, и им также придавались дополнительные корабли сопровождения. Наиболее внушительным выглядело сопровождение «Панамских галеонов», которые считались более ценными. Кроме того, маршрут этой флотилии проходил по самым опасным районам плавания. В последние годы правления Филиппа II их прикрывала в водах Атлантики специальная «Armada de la Guardia de la Carrera de las Indias», как правило, состоявшая из восьми военных кораблей с сильным армейским контингентом.⁸²⁹

Что касается безопасности собственно американских вод, то дела у испанцев в этом направлении разворачивались с большим скрипом. Практически до середины XVII в. им не удавалось создать постоянную эскадру, способную обеспечить надежное сопровождение торговых судов. Лишь в 40-х гг. была наконец сформирована «Armada de las Islas de Barlovento y Señõ Mexicano» («Эскадра Наветренных островов»), базировавшаяся в гавани Сан-Хуана (остров Пуэрто-Рико) и крейсировавшая в Карибском море между Наветренными островами и Мексиканским заливом. Правда отдача от этой сильной эскадры, вероятно, была бы ощутимее, если бы ее корабли занимались патрулированием Карибского моря и уничтожением корсарских и пиратских гнезд. В действительности же «Эскадра Наветренных островов» большую часть времени

⁸²⁹ Заметим, впрочем, что несмотря на жесткий формализм испанских властей, число военных кораблей варьировалось в зависимости от ситуации. Так, например, в 1595 г. во время вест-индского рейда Хоукинса и Дрейка, эскадра насчитывала 12 галеонов; в 1655 г. их было только 4 (*McAllister L. H. Spain and Portugal in the New World, 1492–1700. Minneapolis, 1984. P. 431*).

проводила, конвоируя флотилии или действуя в европейских водах, и фактически не применялась по назначению.⁸³⁰

В пути караваны подстерегало немало трудностей, среди которых пираты не всегда были самыми опасными. Дело в том, что к такой неприступной добыче, как флотилии «Carrera de las Indias», немногочисленным пиратским каперским экипажам было, в общем, не подобраться. Если они и совершали нападения на испанские флотилии, то, как правило, их жертвами становились одинокие отбившиеся от каравана торговые суда. Однако и эту добычу взять было трудно, в связи с чем морские добытчики, как это ни парадоксально, направляли свои усилия главным образом на портовые стоянки.⁸³¹

Между тем, препятствий и коллизий в «Атлантическом коридоре» было предостаточно. Начнем с того, что плавания флотилий отличались немалой продолжительностью. Блестящие исследования Югетты и Пьера Шоню⁸³² продемонстрировали, сколь много времени занимал путь из Европы в Новый Свет. Причем статистические данные показывают, что движение судов невозможно было вписать в точные хронологические рамки, и если даты выхода флотилий более или менее соблюдались, то в отношении сроков прихода в пункты конечного назначения аналогичного утверждения сделать нельзя. Пьер Шоню подсчитал, что с 1550 по 1650 гг. плавание из Сан-Лукар-де-Баррамеда в Веракрус совершили 40 конвоев, включавших примерно 2 тыс. судов. В среднем плавание занимало 91

⁸³⁰ Необходимо обратить внимание на одно важное обстоятельство: при подготовке обороны Испанской Америки много зависело от складывавшейся политической конъюнктуры, определявшей интенсивность защитных мероприятий. Когда международная ситуация обострялась, испанская администрация бросала огромные средства на «заделывание брешей», образующихся в «поясе» антильских укреплений. Так, в период обостренной английской каперской угрозы конца XVI в. испанцы переоборудовали и модернизировали все главные военные базы в Новом Свете. Когда же угроза бриганцев отошла на второй план, оборонительные мероприятия постепенно сошли на нет, возобновившись уже во второй половине XVII в., в связи с активизацией буканьерства и пиратства в Вест-Индии.

⁸³¹ Исключение составляла легендарная история захвата в 1662 г. у мыса Тибурон большого испанского вице-адмирального галеона дьепским моряком Пьером Леграном. Располагая экипажем в 28 человек, он ночью абординировал ничего не подозревавших испанцев и, застав их врасплох, взял огромную добычу. Эту историю поведал Эксквемелли, сославшись на «дневник одного очевидца»: «Испанцы увидели на борту чужеземцев и в ужасе решили, что те свалились с неба, и в один голос вскричали: “Jesus son demonios estos!” (“Иисус, да ведь это черт!”)» (Эксквемелли А. О. Пираты Америки... С. 59-61). Впрочем, вероятно, история об этом захвате скорее всего принадлежит к области пиратской мифологии.

⁸³² Chaumi H., Chaumi P. Séville et Atlantique... T. I-VIII. См. также: Chaumi P. L'expansion Européenne du XIII au XV-e siècle. Paris, 1969; Chaumi P. Conquête et exploitation des Nouveaux Mondes (XVI-e siècle). Paris, 1969.

день. Самые короткие плавания потребовали 70–73 дня (1562 г. — 72; 1576 г. — 70; 1586 г. — 73; 1615 г. — 73), самые длительные заняли от 132 до 179 дней. В ходе плаваний были установлены следующие «рекорды»: самые быстрые плавания (Сан-Лукар — Портобелло) — 43 дня (апрель–май 1615 г.), (Кадис — Портобелло) — 39 дней (февраль–апрель 1609 г.); самые продолжительные плавания (Кадис — Номбре-де-Диос) — 120 дней (октябрь 1586 — февраль 1587 гг.), (Сан-Лукар — Портобелло) — 175 дней (февраль — август 1633 г.). В среднем путь из Сан-Лукара до Панамского перешейка занимал 92 дня, из Кадиса до перешейка — 75 дней.⁸³³

Одна из основных трудностей состояла в том, что конвой включали торговые корабли с разными тоннажем и скоростью. Плохо управляемые из-за огромных грузов, они растягивались по трассе, отставали, терялись в море. Более быстрые суда вынужденно дрейфовали, дожидаясь отставших. Огромную опасность представляли и штормы. В 1563 г. было потеряно пять кораблей, в 1567-м затонул почти весь флот, в 1581 г. жертвой стихии стал сам адмирал с восемью кораблями, в 1628 г. во время урагана во Флоридском проливе погибло одиннадцать галеонов стоимостью в 1 млрд 200 млн песет, в 1715 г. в районе Лонг-Ки (западное побережье Флориды) затонуло 10 испанских галеонов с золотом и серебром на сумму 2 млрд 800 млн песет.

Не меньшую опасность таили встречи с вражескими эскадрами. Самый ощутимый удар постиг конвой в 1628 г., когда голландский флот под командованием Питера Питерсона Хейна атаковал в бухте Матанзас на кубинском побережье четыре галеона с серебром и торговые суда под предводительством Хуана де Бенавидеса Базана. В руки голландцев попало около 46 т серебра. Суммы, равной стоимости добычи, оцененной голландским призовым судом в 11–14 млн гульденов, хватило бы на содержание голландской армии в течение восьми месяцев.⁸³⁴ В 1702 г., когда началась Война за испанское наследство, англо-

⁸³³ Chauni P. Conquête et exploitation... P. 285.

⁸³⁴ Рогожтский Ж. Энциклопедия пиратов. М., 1998. С. 618.

голландский флот Джорджа Рука и Филиппа ван Альмонда напал на галеоны с серебром Мануэля де Веласкеса, пришедшие в бухту Виго (Испания) под охраной французской эскадры графа де Шато-Рено. Во время операции союзников были взяты шесть французских линейных кораблей и пять галеонов с серебром, остальные суда сожжены или пущены на дно бухты.

По сравнению с водами Вест-Индии, акватория Южных морей выглядела куда безопаснее. Но так обстояло дело только в XVI в. Разумеется, тихоокеанская трасса Лима — Панама проходившая в глубине испанских владений, не испытала корсарского натиска первой половины века и до тех пор, пока корсары не вышли на побережье «Испанского озера»,⁸³⁵ считалась неуязвимой. Бескрайние пространства, по которым она пролежала, были оплетены экономическими связями, сходившимися к столице Испанского Перу — Лиме, местопребыванию вице-короля и архиепископа. Гористый и бесплодный остров Кальяо, расположенный в удобной бухте у побережья, служил прекрасной якорной стоянкой для всех кораблей, приходивших в перуанскую столицу. Сама же резиденция испанской администрации, с острова шагнувшая на материк, представляла собой густонаселенный город со множеством церквей. Если довериться описанию британского военно-морского офицера Уильяма Фаннелла, в начале XVIII в. с приватирской экспедицией побывавшего в здешних краях, «в нем 25 церквей, хорошо построенных и очень богато украшенных золотом, серебром и драгоценными камнями. Фигуры многих из святых сделаны целиком из золота. Город хорошо укреплен, имея крепость с 70 48-фунтовыми медными пушками... Остров соединен с сушей каменным мостом и почти половина города находится там».⁸³⁶ Но как ни сильны были Лима и укрепления других тихоокеанских военных и торговых баз испанцев, после рейдов Дрейка в Вест-Индию и последовавшего вскоре выхода англичан в Тихий океан через

⁸³⁵ Об истории «Испанского озера» см. подробнее: *Spate O. H. K. The Spanish Lake. Canberra, 1979.*

⁸³⁶ Цит. по: *Малаховский К. В. Трижды вокруг света. М., 1982. С. 69.*

Магелланов пролив иллюзорность представлений о неуязвимости испанских трасс в Южных морях стала очевидной.

В апреле 1573 г. отряд Дрейка, объединившись с группой французского гугенота Гийома Летестю, атаковал караван, направлявшийся из Панамы в Вента-Крус. Нападение прошло по заранее подготовленной схеме и увенчалось полным успехом. Напав на караван всего лишь в миле от Номбре-де-Диос, корсары перебили охрану и взяли столько золота и драгоценностей, сколько смогли унести. Спустя несколько лет Дрейк подготовил атаку и на морской трассе. Зимой 1579 г. его «Голден Хайнд», преодолев Магелланов пролив, двигалась вдоль чилийского побережья. Неподалеку от порта Кальяо Дрейк захватил каботажное испанское судно, а затем взял 100-тонной «Нуэстра Сеньора де ла Консепсьон». Корабль этот еще называли «Какафуэго» («Пушки из дерьма»), в чем, возможно, сказывалось иронично-пренебрежительное отношение к слабому артиллерийскому вооружению корабля.⁸³⁷ Испанский дозорный окликнул подошедшее судно: «Кто вы такие?» Последовал ответ по-испански: «Корабль Мигеля Ангела». Командир «Какафуэго» Сан Хуан де Антон встревожился — ведь недавно он видел пустое судно купца Мигеля Ангела в гавани Кальяо. «Именем короля приказываю, уберите паруса», — прокричал он в темноту. Сам де Антон вспоминал, что в ответ на его приказ кто-то прокричал: «Мы англичане! Приказываю убрать паруса!». «Почему Англия приказывает мне убрать паруса? Придите и сделайте это сами!» В ответ английское судно открыло огонь и первым же выстрелом сбило мачту с испанского корабля. Де Антон был ранен. Захват произошел молниеносно: легкая пинасса с англичанами подошла к борту, последовал быстрый абордаж, не встретивший ни малейшего сопротивления. В последующие шесть дней пираты обшаривали «Какафуэго» и перевозили на борт «Голден Хайнд» захваченные ценности, запасы воды и паруса.⁸³⁸ Сан Хуана де Антона считал, что общая

⁸³⁷ См. подробнее: *Nuttall Z. New Light on Drake: A Collection of Documents Relating to His Voyage of Circumnavigation, 1577–1580.* London, 1914. P. 165.

⁸³⁸ По показанию Кустодно Родригеса, одного из испанских пленников, находившихся на борту «Голден Хайнд», пинасса английского судна пять раз «наносила визит» на «Какафуэго» и всегда возвращалась с полным грузом.

стоимость одних только перевозимых на корабле слитков золота, серебра и монет равнялась 362 тыс. песо, из которых около 160 тыс. принадлежали королевской казне, а остальное частным лицам. (Сам Дрейк уверял, что вся сумма захваченного была несколько меньше и составляла 363 тыс. песо, что в удельном весе равно приблизительно 1650 кг золота).

Учитывая полученный горький урок, испанская администрация усилила оборону тихоокеанского побережья. По предложению открывателя Соломоновых островов дона Педро Сармьенто де Гамбоа король Филипп II дал согласие на освоение территорий вокруг Магелланова пролива и превращение прохода в мощное оборонительное сооружение. Предполагалось заселить здешние земли колонистами и возвести мощные форты, тем самым перекрыв проход в «Испанское озеро». Направленная в пролив экспедиция основала при входе в него укрепление Номбре-де-Хесус, а на полуострове Брансуик в центре пролива — Эль-Сьюдад-дель-Рей-Фелипе. Однако дела в поселении, где жили четыре сотни колонистов и солдат, пошли из рук вон плохо. Спустя некоторое время колонисты остались без продовольствия и снаряжения, начались эпидемии цинги и дизентерии, местные индейцы с Огненной Земли не желали соседствовать с пришельцами и постоянно нападали на испанцев. Через несколько лет, не получив помощи из Испании, колония погибла. Когда в январе 1587 г. к проливу подошли корабли Томаса Кавендиша, англичане при входе в пролив нашли несколько измученных и голодных испанцев, собиравшихся пробиваться на север, к устью Ла-Платы. Они имели столь жалкий вид, что жестокий Кавендиш даже предложил им свое содействие, пообещав перевести несчастных в Перу. Идя дальше вглубь пролива, Кавендиш наткнулся на брошенные крепостные бастионы Эль-Сьюдад-дель-Рей-Фелипе и назвал эти недобрые места «Голодной бухтой».

Не меньшими трудностями и финансовыми затратами сопровождалась подготовка подвижных эскадр сопровождения в Южных морях. Сформированная в тихоокеанских водах «Armada de la Mar del Sud» («Эскадра Южного моря») базировалась на Кальяо и состояла из двух соединений по два галеона в каждом.

Первый отряд защищал чилийское и перуанское побережья, а второй крейсеровал на подступах к панамским водам. Резервный галеон стоял на рейде Кальяо, готовый идти на поддержку в места прорыва. В XVII в. испанцы предприняли также реконструкцию тихоокеанских портов и укреплений: Акапулько, Панамы, Гуаякиля, Кальяо, Вальпараисо и Вальдивии. Правда, гигантская протяженность побережья превращала испанскую укрепленную сеть в тоненький пояс, который рвался от малейшего натяжения. Достаточно вспомнить первый и второй Тихоокеанские пиратские рейды, позволившие карибским разбойникам обосноваться в здешних краях и в течение ряда лет терроризировать весь регион.

Помимо богатств, перемещавшихся вдоль западного побережья Латинской Америки, каперы и пираты пристально присматривались к знаменитым манильским галеонам, пересекавшим Тихий океан, держа курс на Филиппинские острова. После плавания Магеллана к Островам пряностей не вызывало сомнений, что существует западный путь в Индийский океан, и испанцы не замедлили появиться на путях к Молуккским островам, налаживая здесь навигационные трассы.⁸³⁹ После сложных переговоров, закончившихся подписанием 23 апреля 1529 г. Сарагосских соглашений, демаркационную линию, разграничившую португальские и испанские зоны влияния, провели на 17 градусов восточнее Молуккских островов. В ходе последовавших плаваний в Тихом океане⁸⁴⁰, испанцы, воспользовавшись благоприятными северо-восточными пассатами, наладили маршруты, связавшие Новую Испанию (Мексику) и Филиппинские острова⁸⁴¹, ставшие центром испанского влияния на подступах к Индийскому океану и важнейшим перевалочным пунктом транспортировки восточных богатств в Испанию через владения в Америке.

⁸³⁹ 1525–1528 гг. — плавание сменявших друг друга умерших во время экспедиции Гарси Хофре Лоайсы (главный штурман — Хуан Себастьян Элькано), Торивью Алонсо Саласара, Мартина Иньнгеса Каркисано, Эрнандо де ла Торре; плавание к Филиппинским островам Хорхе Нахеро; 1527–1529 гг. — плавания Альваро Сааведры к острову Тидоре и к Каролинским островам.

⁸⁴⁰ 1536–1537 гг. — плавание убитого собственным экипажем Эрнандо Грихальвы к Новой Гвинее; 1542–1543 гг. — плавание Руя Лопеса Вильяловоса на Молуккские острова и попытка Иньиго Ортиса Ретеса найти обратную дорогу к Новой Испании; 1564–1565 гг. — плавание экспедиции Мингеля Лопеса Легаспи, в ходе которой был захвачен остров Себу.

⁸⁴¹ Были названы в честь наследника испанского престола, будущего короля Филиппа II.

Спустя несколько лет была решена проблема возвращения в Новую Испанию. Сначала участник экспедиции Мигеля Лопеса Легаспи, Алонсо Арельяна на корабле «Сан-Лукас» весной 1565 г. поднялся от Филиппинских островов к 43 градусу северной широты и, воспользовавшись попутными ветрами и течениями, сумел возвратиться в Мексику. Спустя полтора года после Арельяны в восточном направлении вышел корабль «Сан-Педро», штурманом на котором был знаменитый баск, монах Андрес де Урданетта. Поймав попутные юго-западные ветры, испанцы так же поднялись до 43 градуса северной широты, и западный ветер принес их корабль в Акапулько. С тех пор маршрут этот получил известность как «путь Урданетты».⁸⁴²

Регулярное движение торговых кораблей по Тихому океану началось с 1572 г.⁸⁴³ Собственно, самих кораблей, огромных галеонов водоизмещением более 1000 т, было два. Англичане, неоднократно пытавшиеся перехватить эти корабли, называли их «манильскими галеонами». Испанцы же именовали их «китайскими». Один стоял в Акапулько, и на него грузились товары, пришедшие с «Флотом Новой Испании» и переправленные с восточного побережья Мексики на западное, тихоокеанское. Сюда привозили также официальную административную корреспонденцию, почту и «Реал Ситуадо» — королевскую дотацию Филиппинам и годовое жалованье государственных служащих, офицеров и солдат, находившихся на островах. Деньги хранили в окованных железом сундуках, и добраться до них можно было только через люк в капитанской каюте. На борт корабля поднимались многочисленные чиновники, священники, солдаты, чиновники — словом, те, кому предстояло служить в Маниле. Кроме того, после Рождества в Акапулько приходил специальный 20-пушечный корабль из Лимы с грузом серебра и какао, который оставался в порту до возвращения галеона с Филиппин.⁸⁴⁴

⁸⁴² Магидович И. П., Магидович В. И. Очерки по истории географических открытий. Т. II. Великие географические открытия (конец XV — середина XVII в.). М., 1983. С. 305–307.

⁸⁴³ См. подробнее: Можейко И. В. Пираты, корсары, рейдеры. Очерки истории пиратства в Индийском океане и Южных морях (XV–XX века). М., 1991. С. 65–68.

⁸⁴⁴ Dampier W. A New Voyage Round the World... P. 171.

В феврале — начале апреля галеон с восточными ветрами отправлялся из Акапулько и, двигаясь между 10 и 14 параллелями, выходил к Гуаму, ориентируясь по сигнальным огням, которые разжигались на вершинах холмов. Сделав на острове двух–трехдневную стоянку, корабль шел в Манилу, куда приходил примерно в июне. Здесь стоял на приколе второй галеон, который пускался в обратном направлении, дождавшись корабля из Акапулько. Его трюмы доверху заполняли сокровища Востока: китайские шелка, муслин, кошениль и фарфор, алмазы и жемчуг с Цейлона, пряности Малайского архипелага, слоновая кость и буйволоковые шкуры из Сиама, золото, серебро, пальмовая и эбеновая древесина. Каждый дюйм палубы на галеоне был на вес золота — неудивительно, что для пушек места просто не оставалось. Нередко корабль был безоружен и подвергался смертельной опасности, — тем более что он всегда следовал одним и тем же маршрутом, не составлявшим тайны для вольных добытчиков. Поднимаясь на север, галеон попадал в течение Куросиво и поворачивал на восток. Пройдя Тихий океан, он подходил к побережью Калифорнии и вдоль берега шел на юг. Плавание через океан продолжалось от четырех до семи месяцев, и лишь поздней осенью или ранней зимой галеон торжественно входил в бухту Акапулько, где немедленно разворачивалась одна из крупнейших ярмарок Новой Испании. После Рождества корабль трогался в обратный путь, и товарный круговорот повторялся.⁸⁴⁵

Захват богатейшего манильского галеона был заветной мечтой многих, вставших на путь незаконного морского промысла. Удачи же в этом «деле» добились немногие. Первым стал знаменитый английский капер Томас Кавендиш, в феврале 1587 г. проникший Магеллановым проливом в Тихий океан. На одном из захваченных англичанами испанских судов был взят в плен кормчий манильских галеонов Мигель Санчес. После пыток он рассказал о двух галеонах, пересекавших океан. Узнав примерную дату прихода корабля из Манилы,

⁸⁴⁵ Средняя продолжительность 37 зарегистрированных плаваний с Филиппинских островов в Акапулько с 1565 по 1758 г. составила 170 дней (Герхард П. Пираты Новой Испании. 1575–1742. М., 2004. С. 38).

Кавендиш пошел на север и начал дрейфовать у калифорнийского побережья. 4 ноября 1587 г. он наконец дождался своей добычи и перехватил 700-тонный манильский галеон «Санта-Ана». Исход боя решила артиллерийская дуэль. Подвижные корабли Кавендиша с тяжелыми пушками обступили испанского монстра со всех сторон и смогли-таки пробить борта огромного галеона ниже ватерлинии. Когда он медленно пошел ко дну, капитан выбросил флаг. Кавендиш забрал с корабля все ценности, какие смог загрузить на свои небольшие корабли, а сам галеон с несколькими сотнями тонн оставшихся товаров, отбуксированный в бухту Порто-Сегуро, приказал поджечь. Яростный преследователь католиков, Кавендиш приказал повесить на рее испанского священника Хуана де Альмендариса, а команду и торговцев с галеона высадил на ближайший безлюдный берег. Лишь по счастливой случайности испанцы не только спаслись сами, но и не дали погибнуть судну — огромный горящий корабль выбросило в бухту, моряки, презрев пламя, сумели взобраться на него и после ожесточенной «схватки» одержали победу над огнем. Они кое-как заделали бреши в обгоревшем корпусе, нарастили борта, соорудили подобие паруса и, подняв его на единственной сохранившейся мачте, с грехом пополам перебрались через Калифорнийский залив и 7 января 1588 г. достигли Акапулько.

После успеха Кавендиша нашлось немало моряков, стремившихся завладеть манильским галеоном. Было предпринято множество попыток взять его, однако до наступления XVIII в. сделать это никому не удалось.⁸⁴⁶ В разгар войны за Испанское наследство группа английских торговцев сформировала синдикат и снарядила два приватирских корабля, отправленных в Тихий океан для реализации этого «великого замысла». До цели сумел добраться только один из них — «Святой Георгий» под командованием Уильяма Дампира.⁸⁴⁷ В декабре 1704 г. «Святой Георгий», выследив галеон «Нуэстра Сеньора дель Росарио», атаковал

⁸⁴⁶ По данным Ж. Рогожинского, его безуспешно пытались найти Джон Чидли (1589 г.), Оливер ван Ноорт (1600 г.), Йорис ван Шпильберген (1614 г.), Хьюго Шампендам (1624 г.), Чарльз Сван и Джон Рид (1686–1687). См.: *Рогожинский Ж. Энциклопедия пиратов...* С. 335.

⁸⁴⁷ Второй корабль, «Синк Порте», под командованием Томаса Стрейдлинга, покинул Дампира после неудачной попытки захватить город Санта-Мария на Панамском перешейке.

его у калифорнийского побережья, однако попал под такой огонь испанских пушек, что был вынужден поскорее убраться восвояси. Уничтожающую мощь пушек испанского галеона «Нуэстра Сеньора де ла Бегонья» испытали на себе и три корабля⁸⁴⁸ экспедиции Вудса Роджерса, напавшие на галеон у побережья Южной Калифорнии в декабре 1709 г. Напротив, артиллерийский огонь британцев не причинил серьезного вреда испанскому колоссу. Бой длился более семи часов, но нападавшим так и не удалось подойти для абордажной схватки и в результате пришлось отступить ни с чем.⁸⁴⁹

Таким образом, удаленность Нового Света от европейского театра военных действий вовсе не означали безопасности и неприкосновенности испанской монополии. Система контроля испанских торговых трасс, основывавшаяся на защите «самого ценного», обнажила уязвимые точки имперской машины. Однако какой бы иллюзорной подчас ни представляла неуязвимость испанских владений в Новом Свете, «опоздавшие державы» должны были считаться с огромными финансовыми и военно-политическими трудностями, которыми сопровождалась отправка через Атлантику больших снаряженных военных эскадр. Посылка воинских контингентов, на вражеские территории, где не было ни своих фортов, ни собственных торговых баз, ни возможности обеспечить снабжение, вполне могла выглядеть авантюрой, особенно если принять во внимание испанскую военную мощь в Европе и на морях.

Когда государство делает вид, что отходит в сторону, но на самом деле тайно поощряет своих «вольных добытчиков», ворота для «державного вмешательства» открывает частная инициатива. Первоначальный механизм проникновения один и тот же — «точечным ударом» зацепиться за маленькое пространство в чужих владениях, а потом начать свою игру. С той разницей, что для правительственных кругов подобные экспедиции превращаются в военную акцию, наподобие попыток Франции закрепиться на побережье Флориды или английских проектов

⁸⁴⁸ 320-тонный «Герцог» (36 пушек), 260-тонная «Герцогиня» (26 пушек) и призовой 260-тонный «Маркиз».

⁸⁴⁹ Справедливости ради надо отметить, что за несколько дней до встречи с галеоном англичанам удалось захватить фрегат сопровождения с богатой добычей.

создания поселения в устье р. Роанок, когда же речь идет о частных инициативах, «точечная тактика» принимает несколько иную модификацию. Замысел заключается не столько в создании некоего плацдарма для будущей «империи», сколько в поиске скрытого местечка на побережье, удобного для нападения на торговые маршруты противника, способного служить и продовольственным складом, и военным фортом, и засадой.

В действиях корсаров 60–70-х гг. XVI в. просматривается определенная схожесть тактических ходов. Не отказываясь от челночных лихих рейдов через «Лужу», как именовали бретонские моряки Атлантический океан, морские охотники постепенно начинают отдавать предпочтение долговременным операциям и готовят скрытые базы в испанских морях. В марте 1571 г. плантатор с испанской Ямайки и по совместительству лоцман Висенте Эштевес в отчете президенту Королевского совета Индий описал случившееся с ним во время плавания по Вест-Индии. Он совершал переход от Юкатана на Ямайку, когда на рассвете февральского дня наперерез его судну двинулись французские корабль и пинасса, шедшие по ветру. Эштевес незамедлительно поменял курс и сместился в сторону Картахены. Благополучно уйдя от погони и найдя здесь убежище, он предупредил власти об опасности и решил отсидеться на берегу. Спустя несколько недель Эштевес рискнул выйти в море. Однако на этот раз фортуна отвернулась от него. При полном штиле появилась все та же французская пинасса, от преследования которой испанцам на сей раз ускользнуть не удалось. Захватив судно, французы первым делом выяснили, что собой представляют пленные испанцы. Узнав, что в их руки попал человек, хорошо знающий местные воды, они оставили Эштевеса при себе. Тот, впрочем, затеял с ними рискованную игру и повел французов к северо-восточному побережью Юкатана, пообещав привести их в места, богатые дичью. По его указаниям корсары встали на якорь в уединенной бухте, рассчитывая всласть поохотиться на берегу. Однако Эштевес знал, куда привести своих врагов. Свирепые местные индейцы не отличались дружелюбием и гостеприимством. Аборигены напали на непрошенных пришельцев

и перебили всех высадившихся на берег французов. Те же, кто остался на борту, пошли обратно к французскому побережью, в Нормандию, прихватив с собой и Эштевеса. Они вернулись в родной Гавр в июле 1571 г., по дороге рассказав испанскому лоцману о своих приключениях. Как и многим их соотечественникам, этим безвестным обитателям суровой Нормандии полюбились «путешествия» к побережьям Нового Света. В качестве опорной стоянки они использовали остров Маргарита и оттуда, как осы, жалили испанские поселения на побережье Куманы, в районе Номбре-де-Диос и вдоль Москитного берега. В то время как фрегат корсаров держался неподалеку в море, французы подходили к побережью на пинассе, грабили испанцев и с добычей возвращались на свой корабль.⁸⁵⁰

Схожую тактику использовал и Фрэнсис Дрейк. В 1571 г., обследуя на 25-тонной пинассе «Сван» панамское побережье, он облюбовал между Сантьяго-де-Толу и Номбре-де-Диос великолепную гавань, превратив ее в свою тайную стоянку. Широкая, глубокая, прекрасно защищенная от ветров бухта служила прибежищем множеству птиц, отчего Дрейк и назвал ее Портом Фазанов. Очистив девственный берег от зарослей, он приказал прорубить в глубине джунглей просеки и собрать здесь на будущее запасы продовольствия. Однако все получилось иначе, чем думал Дрейк. Джунгли разрастались невероятно быстро, и когда на следующий год, 12 июля 1572 г., корсар на 40-тонном «Паше» и «Сване» вернулся в Порт Фазанов, с моря побережье казалось необитаемым. По-видимому, Дрейк назначил здесь место встречи своему компаньону из Плимута Джону Гаррету. Одна странность, правда, смутила Дрейка — сожженное дерево, которое резко выделялось в зелени пышной сельвы. А дальше все было, как в пиратских рассказах. Корсары подошли поближе, и на соседнем дереве что-то блеснуло. На металлической табличке, прибитой к соседнему дереву, они разглядели выцарапанную надпись: «Капитан Дрейк! Если вам удастся добраться до порта, немедленно уходите! Испанцы, бывшие с вами в прошлом году, нашли это место и забрали все, что вы здесь оставили. Я ухожу сегодня, 7 июля 1572 г. Любящий вас,

⁸⁵⁰ Means Ph. A. *The Spanish Main: Focus of Envy, 1492–1700*. New York–London, 1935. P. 79–80.

Джон Гаррет». Так капитан из Плимута предупредил своего «коллегу» о грозящей опасности и дал понять, что его «секрет» раскрыт.⁸⁵¹

Вторая тайная база Дрейка — гавань Форт-Диего неподалеку от Картахены.⁸⁵² Ее обнаружил брат Фрэнсиса Дрейка Джон, и в 1572–1573 гг. именно она послужила главным плацдармом для подготовки нападения на караван, следовавший из Панамы в Номбре-де-Диос. Защищенный пушками форт, небольшая флотилия, запасы продовольствия, союзные индейцы-мароны, возможность тайно выйти на торговые трассы испанцев сухим путем — все эти факторы увеличивали ценность базовой стоянки, превращенной в настоящее «британское логово» в центре Испанского Мейна.

§ 2. ФЛИБУСТА

Прошедшие корсарские войны не прошли даром: теперь европейские моряки неплохо знали здешние воды и под прикрытием влиятельных вельмож и коммерческих акционерных компаний, существовавших с разрешения и под эгидой правительств, действовали достаточно уверенно. На Антильские острова устремился пестрый людской поток из Франции, Англии и Нидерландов.

Сент-Кристофер

Одним из первых внимание европейцев привлек небольшой пустынный остров Сент-Кристофер (или Сент-Киттс, как его называли англичане), входивший в состав Наветренных островов. Английская корона к тому моменту уже предпринимала шаги по усилению влияния на североамериканском побережье и в бассейне реки Амазонки. Усилиями различных политических,

⁸⁵¹ Эти подробности известны благодаря книге священника Филиппа Николса, сопровождавшего Дрейка в его плавании 1586–1587 гг. и в сражении с «Непобедимой Армадой». Находясь с моряком в тесной дружбе, Николс, вероятно, выполнял при нем роль своего рода «летописца» и секретаря и не только составлял и редактировал, например, его письма королеве, но и готовил материалы к биографии корсара. Она была опубликована в 1626 г. под названием «Sir Francis Drake Revived» («Сэр Фрэнсис Дрейк, ожившие страницы жизни») и содержит немало сведений о ранних годах жизни знаменитого моряка. (*Nichols Ph. Sir Francis Drake Revived // <http://www.bartleby.com/33/34.html>.*)

⁸⁵² Ibid.

коммерческих и религиозных объединений появились колонии в Виргинии, Мэриленде, Массачусетсе, Коннектикуте, Нью-Гемпшире, на Род-Айленде. Волны колонизации шли также в направлении Амазонии и постепенно начали захлестывать Антильские острова. 13 сентября 1625 г. в Саутгемптоне джентльмен из Суффолка капитан Томас Уорнер получил от короля Карла I патент на колонизацию Сент-Кристофера, расположенных поблизости Невиса и Монтсеррата, а также лежавшего в некотором удалении Барбадоса.⁸⁵³ Выбор короля был не случаен. «Королевский лейтенант четырех островов», господин Уорнер входил в личную гвардию короля и неплохо знал местные воды. В 1620 г. вместе со старым ветераном Гвианской экспедиции Рэли капитаном Томасом Пейтоном он участвовал в экспедиции, направленной в Северную Америку и пытался осуществить колонизационные проекты, связанные с закреплением англичан в Амазонии.

Ко всему прочему капитан Уорнер имел собственные интересы на Сент-Кристофере: в январе 1624 г. на корабле «Мармадюк» он добрался до острова и основал поселения на северном и южном побережьях острова. По его мнению, здесь были идеальные условия для табачных плантаций и, с помощью лондонских купцов и своих соседей по поместью в Суффолке, Уорнер рассчитывал организовать прибыльное предприятие по транспортировке табака в Европу. Более того, Уорнер получил от короны и каперскую грамоту от 26 января 1626 г., предоставившую ему право отбить у испанцев Тринидад.

Однако, интерес к Сент-Кристоферу проявили не одни англичане. Когда Уорнер осенью 1626 г. явился на Сент-Кристофер, он нашел там французов. Их поселения появились здесь в 1623 г., когда под предводительством Шамбо группа негоциантов из Гавра основала на западном побережье поселки и табачные плантации.⁸⁵⁴ По одной из версий, в 1625 г. в здешние воды зашла бригантина под

⁸⁵³ Текст см.: *Williamson J. A. The Caribbee Islands under the Proprietary Patents. London–Oxford, 1926. P. 27–29.*

⁸⁵⁴ В том же году на острове Санта-Крус в группе Виргинских островов появилось совместное англо-голландско-французское поселение, в котором проживало около 600 человек. Впоследствии, когда это поселение будет уничтожено, французская «партия» уйдет на Гваделупу (*Priestley H. I. France Overseas... P. 77*).

предводительством дворянина из Дьепа шевалье Пьера Белена д'Эснамбюка.⁸⁵⁵ У побережья Ямайки он неудачно атаковал испанский галеон и, преследуемый врагами, укрылся для ремонта на Сент-Кристофере. Он договорился с Шамбо о правах на поселение и ушел во Францию искать поддержки своим начинаниям. По мнению Шарля-Жермена Буреля де Ларонсьера, организация французских поселений на Сент-Кристофере была связана с именем нормандского корсара капитана Урбана де Руасси де Шардувиля. В 1624 г. этот «пират», как его называли англичане, крейсировал у Азорских островов, преследуя уроженцев туманного Альбиона, нападавших на французских купцов. Занесенный в Вест-Индию, он встал на ремонт в одной бухточке на Сент-Кристофере, где и обнаружил французское поселение.⁸⁵⁶

На первых порах стороны разошлись миром, оставив за собой права заниматься выращиванием табака. Однако и англичане, и французы немедленно отправили своих представителей на родину, дабы заручиться поддержкой в правительственных кругах и среди негоциантов. Пропаганда в пользу колонизации вскоре принесла плоды и во Франции и в Англии.

На континенте к делу проявил интерес сам кардинал Ришелье, в середине 1620-х гг. перекупивший у герцога Анри де Монморанси за 1 млн 200 тыс. ливров должность адмирала Франции⁸⁵⁷ и в качестве сюринтенданта навигации и торговли сосредоточивший в своих руках руководство колониальными делами. 2 октября 1626 г. де Руасси и д'Эснамбюк получили патент, предоставлявший им исключительные привилегии на колонизацию Сент-Кристофера и Малых

⁸⁵⁵ *Tertre J.-B. du. Histoire générale des Antilles habitées par les Français. T. I. Paris, 1667. P. 3–7.* Нормандский дворянин Пьер Белен д'Эснамбюк родился в Аллувиле 9 марта 1585 г. и первое свое плавание совершил на борту 45-тонного «Пти Орги» в Бразилию, а затем командовал судном «Маркиза», совершавшим рейды в Атлантике от Сьерра-Леоне к Бразилии. О Белене д'Эснамбюке см. подробнее: *Margry P. Origines transatlantiques: Bélain d'Esnamebuc et les Normands aux Antilles, d'après les documents nouvellement retrouvés. Paris, 1863; Michel P. Belain d'Esnamebuc, un Normand aux Antilles // <http://www.dieppe.fr/quiquengrogne/quiquengrogne34/esnamebuc.html#Anchor-49575>.*

⁸⁵⁶ *La Roncière Ch. de. Histoire de la Marine Française. T. IV. Paris, 1910. P. 649, 650.* Среди французов на Сент-Кристофере находились беглецы с Кайенны, где в 1624 г. лионец капитан Шанталь пытался основать поселение. Оно подверглось атакам местных индейцев, французы бежали и исхитрились добраться до Сент-Кристофера (*Newton A. P. The European Nations in the West Indies... P. 146*).

⁸⁵⁷ *Люблинская А. Д. Французский абсолютизм в первой трети XVII в. М.–Л., 1965. С. 298.* См. также: *James A. Navy and Government in Early Modern France, 1572–1661. Chippenham, 2004. P. 55–64.*

Антильских островов.⁸⁵⁸ В конце того же месяца «для освоения и заселения островов Сент-Кристофер, Барбада и других, расположенных у входа в Перу», и распространения римско-католической веры французское правительство создало акционерную Компанию Сент-Кристофера, предоставив ей монопольные права на управление островами.⁸⁵⁹ Учредительный капитал Компании составил 45 тыс. ливров.

Ее учредителями выступали Ришелье (его пай — 2 тыс. ливров и корабль, стоимостью 8 тыс. ливров), сюринтендант финансов Антуан Коэффье де Рюзе, маркиз д'Эффиа, президент счетной палаты Жан де Флессель, граф де Корбей, казначей и государственные советники Тома де Моран и Габриэль де Генего, интендант финансов Клод Корнюэль, секретари флота Исаак Мартен де Монуа и Жан Кавеле дю Эртеле (они внесли пай в размере 2 тыс. ливров).⁸⁶⁰ Представлявшие интересы компании де Руасси и д'Эснамбюк отправлялись на Сент-Кристофер, где должны были возвести форт. Руководители предприятия право занимать все «свободные» Антильские острова от 11 до 18 градусов северной широты.⁸⁶¹ Доходы Компании делились следующим образом: по одной десятой полагалось де Руасси и д'Эснамбюку, одна десятая шла королю, а акционерам доставалась половина всех доходов с Сент-Кристофера.

Таким образом, Ришелье начал борьбу за «вход в Перу», как называли в Париже всю операцию. В январе 1627 г. французская экспедиция в составе трех кораблей («Кардинал», «Виктуар» и «Католик») с грузами для поселенцев и колонистами отправилась в Вест-Индию. На борту, помимо грузов, они везли более пятисот поселенцев, которые ради бесплатной переправы через океан на несколько лет завербовались для работ на плантациях. Мечта о лучшей жизни в

⁸⁵⁸ *Tertre J.-B. du. Histoire générale des Antilles...* Т. I. P. 11–14.

⁸⁵⁹ *Lettres, instructions diplomatiques et papiers d'État du Cardinal de Richelieu (1608–1642) / Recueillis et publiés par M. Avenel.* Т. 7. Paris, 1874. P. 587.

⁸⁶⁰ *Губарев В. К. Колонизация Сен-Кристофера (эпизод из истории французского проникновения в Вест-Индию) // Средневековый город. Вып. 10. Саратов, 1991. С. 158. Текст соглашения «Acte d'Association des Seigneurs de la Compagnie des Isles de l'Amérique» см.: Tertre J.-B. du. Histoire générale des Antilles...* Т. I. P. 8–11.

⁸⁶¹ О патентах на колонизацию см. подробнее: *Margry P. Origines transatlantiques: Bélaïn d'Esnameuc et les Normands aux Antilles, d'après les documents nouvellement retrouvés.* Paris, 1863. P. 99–102.

Новом Свете толкнула этих людей в кабалу, но до «райских» берегов доплыли меньше половины. Остальные не выдержали суровых условий и погибли во время плавания или вскоре после высадки на Сент-Кристофере.⁸⁶²

Серьезную заинтересованность проявили к Антильским островам и в Англии. События здесь развивались по другому сценарию. 2 июля 1627 г. фаворит Карла I, известный политик и дипломат Джеймс Хей, первый граф Карлайл,⁸⁶³ получил от короля грамоту, признающую его лордом-собственником Карибских островов, располагавшихся между 10 и 20 градусами (Сент-Кристофер, Гренада, Сент-Винсент, Сент-Люсия, Барбадос, Доминика, Мари-Галант, Гваделупа, Монтсеррат, Барбуда, Синт-Эстатиус, Ангилья) и именовавшихся теперь «Островами Провинции Карлайла».⁸⁶⁴ Уорнер же, впоследствии возведенный в рыцарское достоинство, назначался правителем Сент-Кристофера.⁸⁶⁵

Одновременно английское правительство усиливало давление и на соседние испанские незаселенные территории. Однако, в этом вопросе сталкивались интересы могущественных придворных группировок. В дела Антильских островов вмешалась влиятельная торговая компания Куртин Бразерс, имевшая коммерческие интересы в Ост-Индии, Гвинее, Китае, — она тоже была не прочь «поработать» на западном рынке. Ее владельцы, сэр Уильям Куртин и сэр Питер Куртин, направили в 1627 г. на остров Барбадос капитана Джона Поуэла, который, высадившись на берег с почти двумя тысячами поселенцев, от имени короля Карла I объявил себя владельцем острова. Его родственники осели на острове, превратив его в «вотчину» братьев Куртин, предпринимавших все возможное, чтобы выйти из-под контроля графа Карлайла, «хозяина» Карибских островов. Обеспечив себе покровительство влиятельного при дворе Филипа Герберта, графа Монтгомери (с апреля 1630 г. — четвертый граф Пемброк), проявлявшего

⁸⁶² *Priestley H. I. France Overseas... P. 79.*

⁸⁶³ См. о нем: *Schreiber R.E. The First Carlisle. Sir James Hay, First Earl of Carlisle as courtier, diplomat and entrepreneur, 1580–1636. Philadelphia: The American Philosophical Society, 1984. — 202 pp.*

⁸⁶⁴ *Calendar of state papers. Colonial series. 1574–1660. London, 1860. № 29, 30. P. 85–86.* Впрочем, за две недели до этого, один из капитанов кораблей, направлявшихся на Сент-Кристофер, Томас Комб в письме графу Бэккингэму уже называл Карлайла «главным правителем Вест-Индских островов» (*Schreiber R.E. The First Carlisle... P. 172*).

⁸⁶⁵ *Williamson J. A. The Caribbee Islands... P. 39–41.*

большой интерес к колониальным делам,⁸⁶⁶ сэр Уильям Куртин стал разыгрывать свою партию. В пику Карлайлу группа Пемброк-Куртинов сумела добиться получения патента на владение «Островами Провинции Монтгомери» — Барбадосом, Тобаго и Тринидадом, — считавшимися собственностью Испании, а кроме того и не существующим островом Фонсека или островом Св. Бернарда (25 февраля 1628 г.).⁸⁶⁷ Вражда двух кланов — Карлайла и Пемброк-Куртинов — в конце концов, завершилась победой Карлайла, который 7 апреля 1628 г. получил второй патент, особо выделявший его права на Барбадос. Граф Карлайл направил на Барбадос два судна с полковником Мармадьюком Ройденом и капитаном Генри Хаули. Миссия посланцев Карлайла увенчалась полным успехом: они захватили Пуэзла и взяли остров под свой контроль.

Тем временем англичане и французы поделили Сент-Кристофер, пообещав друг другу содействие и помощь в случае нападений испанцев и нейтралитет, если вспыхнет англо-французская война.⁸⁶⁸ Де Руасси поселился на «Basse Terre», т. е. на подветренной стороне острова, д'Эснамбюк занял «Capesterre», т. е. наветренную его сторону.⁸⁶⁹ Англичане расположились в центральной части острова. Идиллия, впрочем, продлилась недолго. Вскоре на Сент-Кристофере между англичанами и французами начались столкновения. Англичане захватили французские территории, и в 1629 г. король Людовик XIII, дабы поддержать интересы своих подданных, направил в Карибское море эскадру под командованием Жана де Барада, сьера де Каузака, дяди своего фаворита. Командующий должен был действовать по обстоятельствам: либо выкинуть

⁸⁶⁶ Граф Пемброк активно участвовал в английских колонизационных проектах и в деятельности Гвианской и Ост-Индской компаний, его интересы были представлены и в компании, занимавшейся поиском Северо-западного прохода.

⁸⁶⁷ *Williamson J. A. The Caribbee Islands...* P. 43. Уильямсон предполагает, что не существовавший остров Св. Бернарда и Барбадос — одна и та же земля, в разное время и под разными названиями появлявшаяся на картах той эпохи.

⁸⁶⁸ Была оговорена, впрочем, невозможность сохранять перемирие, если будут получены специальные инструкции из метрополии (*La Roncière Ch. de. Histoire de la Marine Française...* T. IV. P. 652).

⁸⁶⁹ «Basse Terre» — «низина», «низовье», местность, где сила ветра спадает, в отличие от «Capesterre» — «мыса», открытого всем ветрам.

англичан с острова, либо заключить с ними новое соглашение.⁸⁷⁰ 5 июня Каузак вышел с шестью кораблями и четырьмя легкими судами из Гавра. 28 июня он подверг бомбардировке английский форт, сумел истребить лишь часть английской флотилии в гавани, однако заставил Уорнера принять ультиматум.⁸⁷¹ Затем Каузак направился к лежавшему рядом острову Синт-Эстатиус, занял его, заложил форт и разместил в нем небольшой гарнизон. Следующим пунктом в «программе» де Каузака стал «визит» к мексиканскому побережью, где командующий рассчитывал поохотиться за испанскими галеонами. Но тут уже пришла пора испанцам, наконец, сказать свое веское слово.

Действительно, лондонские и парижские интриги, выяснение отношений между англичанами и французами выглядели довольно странными в свете «законных» прав Испанской короны на владение всеми американскими островами. И испанцы нанесли ответный удар по всем «разбойникам», рыскавшим в их владениях. Пока де Каузак сидел в засаде у побережья Новой Испании, к Сент-Кристоферу явилась внушительная эскадра в 49 кораблей под командованием дона Фадрике де Толедо, защищавшего здешние воды от голландцев. Он не стал разбираться в подданстве пришельцев и велел всем непрошеным гостям убираться с острова, угрожая в противном случае их уничтожить. Соппротивление было бесполезно, и колонисты предпочли оставить остров. Но исчезли они ненадолго. Дождавшись, когда карательная экспедиция дона Фадрике де Толедо ушла, англичане Уорнера вернулись и заняли весь остров.⁸⁷² Французские же «поселенцы» тем временем добрались до занятого Каузаком Синт-Эстатиуса, а также разбрелись по Сен-Мартену и Антигуа. Спустя несколько недель часть из них, во главе с д'Эснамбюком,⁸⁷³ отправились на свои

⁸⁷⁰ Дипломатическая ситуация, сложившаяся вокруг истории с посылкой эскадры Каузака, достаточно отчетливо характеризует специфику колониальных дел в сравнении с собственно европейскими. Инструкции, полученные Каузаком, были составлены в Гренобле 18 февраля 1629 г. Спустя два месяца, 24 апреля, в Сузе был подписан англо-французский мирный договор, однако экспедиции никто не отменял и цели ее остались прежними.

⁸⁷¹ *Tertre J.-B. du Histoire générale des Antilles...* Т. I. P. 25–27.

⁸⁷² Сам Уорнер в это время находился в Англии.

⁸⁷³ Его компаньон, де Руасси, бежал во Францию и попал в Бастилию (*Tertre J.-B. du Histoire générale des Antilles...* Т. I. P. 33).

заброшенные табачные плантации Сент-Кристофера, заставив англичан отойти в прежние поселения. Каузак же, не сумев захватить галеоны, сам оказался под угрозой кораблей дона Фадрике де Толедо. Однако французский «адмирал» каким-то чудом сумел вывернуться из сложного положения, эвакуировал гарнизон с Синт-Эстатиуса и удалился обратно в Старый Свет.

Прошло всего несколько недель после бурных баталий на Сент-Кристофере, и статус-кво уже восстановился.⁸⁷⁴ Кто сегодня может сказать, как сложились бы дальше судьбы Вест-Индии, если бы не эта брешь, образовавшаяся в островных испанских владениях, — возможно, в Европе никто бы и не вспомнил о происшедшем на Сент-Кристофере. Теперь же появился прецедент, продемонстрировавший уязвимость Испанской Америки. Дальнейшие события развивались по нарастающей, и на Антильские острова один за другим посыпались удары.

Санта-Каталина

Еще шли сражения за Сент-Кристофер, а в далеком Лондоне уже нацеливались на острова, лежавшие в юго-западной части Карибского моря. В подготовке атаки играл значительную роль Роберт Рич, второй граф Уорик. Этот титулованный пуританин не пренебрегал подчас и каперством, принимая, например, участие в организации доходного разбойничьего промысла с использованием каперских грамот герцога Савойского. Он живо интересовался делами в Вест-Индии (входил в состав пайщиков Сомерс-Айленд компани, занимавшейся созданием колоний на Бермудских островах), проявляя особые «симпатии» к испанским островам Санта-Каталина (*англ.* Провиденсия) и Сан-Андрес (*англ.* Генриэтта),⁸⁷⁵ лежавшим чуть в стороне от побережья Никарагуа на

⁸⁷⁴ Англо-французское соседство на Сент-Кристофере сохранялось до 1702 г. Исключением стали два периода. Первый наступил в 1666 г., когда французы заняли весь остров, но после мира в Бреде (1667 г.) отошли на исходные рубежи. Во время второго, с 1690 по 1697 гг., островом владели англичане. Рисвикский мир восстановил «совместное» владение. В 1702 г., во время войны за Испанское наследство, англичане вновь завладели островом и уже больше не уступали его французам.

⁸⁷⁵ Принадлежат сегодня Колумбии.

морских путях из Картахены на Кубу. Окруженные песчаными мелями, рифами и скалами, они обещали превратиться в неприступные твердыни в самом сердце Испанской Америки. «Остров этот гористый, — писал спустя сорок лет о Санта-Каталине Эксквемелин, — имеет примерно семь испанских миль в окружности: три испанских мили в ширину и три в длину. Он лежит на 13° 20′ северной широты, примерно в ста испанских милях от Картахены и в двухстах шестидесяти милях от Пуэрто-Бельо, севернее Рио-дель-Чагре. Охотиться там можно лишь раз в год: когда на остров прилетают стаи диких голубей. Есть там четыре реки, две летом пересыхают. Никакой торговли не ведется, и местные жители выращивают все, что необходимо им для пропитания, а земля на этом острове вполне пригодна для разведения хорошего табака».⁸⁷⁶

Что же касается упомянутого нами соседнего Сан-Андреса, то он и во времена Эксквемелина, и позже, при Дампире, оставался необитаемым. Остров, на котором не было крупных животных, обрекал пришельцев на почти голодное существование. Здесь нельзя было ни ловить рыбу, ни подкормиться домашней птицей. В глазах буканьеров, правда, эти обстоятельства не снижали его достоинств. Во-первых, Сан-Андрес славился кедрами, и заходившие в его бухточки пираты и каперы могли не только соорудить здесь каноэ, но и выстроить небольшой шлюп.⁸⁷⁷ Кроме того, остров нередко служил для пиратов тайной стоянкой, на которой они могли устроить совет или назначить встречу. Одно из таких «свиданий» на острове застал Дампир весной 1681 г., когда на Сан-Андрес пришли команды капитанов Райта, Аршамбо и Тьюкера.⁸⁷⁸

Но вернемся на полвека раньше, во времена, когда европейские пришельцы были еще редкими гостями в Испанском Мейне. 28 сентября 1629 г. Уорик выдал каперскую грамоту капитану Дэниелу Элфрису, предоставив ему карт-бланш на захват Санта-Каталины и Сан-Андреса. Операция по захвату Санта-Каталины прошла успешно, и в результате прямо у Портобелло выросло хорошо

⁸⁷⁶ Эксквемелин А. О. Пираты Америки... С. 165.

⁸⁷⁷ Dampier W. A New Voyage Round the World... P. 29.

⁸⁷⁸ Ibid. P. 31.

укрепленное поселение Нью-Вестминстер. Спустя год, 4 декабря 1630 г., по инициативе Уорика появилась Компания авантюристов⁸⁷⁹ для создания плантаций на островах Провиденсия и Генриэтта, или Провиденсийская компания. Основатели компании (19 человек, среди которых были сам Уорик, граф Холланд, Джон Пим и несколько крупных торговцев) организовали подписку и выпустили акции по 200 фунтов. В январе 1631 г. 200-тонный «Сифлауэр» с пассажирами (фермеры, ремесленники, земледельцы) отправился на Санта-Каталину. В мае он доставил переселенцев на остров, и в течение нескольких лет колония пыталась встать на ноги. На острове появились плантации, на которых выращивались табак, хлопок и другие культуры. В свободное от фермерства время колонисты выходили в море «добывать испанца». Особую специфику поселению на Санта-Каталине придавал пуританский дух. Колонисты были тесно связаны с протестантскими колониями в Бостоне, Салеме и Массачусетсе.

Однако закрепиться на новых местах колонистам не удалось. Испанцы не могли примириться с тем, что по соседству со стоянкой «Панамских галеонов» появилось враждебное, антикатолическое и антииспанское поселение. В июле 1635 г. из Картахены на Санта-Каталину была направлена карательная экспедиция, но колонисты сумели отбить атаки испанцев. Перейдя в контрнаступление, они начали активно пиратствовать, превращая Санта-Каталину в прибежище разбойников. Когда же правитель Санта-Каталины получил от короля Карла I разрешение выдавать грамоты на репрессалии, к острову пошли вольные моряки из Англии, Голландии и Новой Англии, стремившиеся заполучить официальные лицензии на разбойный промысел.

Ответ испанской стороны последовал без промедления. В июле 1640 г. губернатор Картахены направил к острову дона Антонио Мальдонадо-и-Тексаду с эскадрой из одного галеона и шести фрегатов с тысячей пехотинцев на борту. Пуритане отлично подготовились к обороне; мощные укрепления и суровая

⁸⁷⁹ В XVI–XVII вв. слово «авантюрист» означало первооткрывателя, энергичного предпринимателя, способного пуститься в рискованное смелое дело.

дисциплина осажденных принесли им успех. Испанцы были разгромлены, а взятых в плен безоружных солдат приговорили к смерти и казнили. Но на следующий год испанцы взяли реванш за поражение. По приказу короля Испании Карла IV миссия наказать «разбойников» была возложена на адмирала «Золотых конвоев» дона Франсиско Диаса де Пимиенту. Его сильный флот в мае 1641 г. подошел к острову. На этот раз испанцы хорошо продумали всю операцию. Они сумели пройти опасные рифы, «охранявшие» гавань Санта-Каталины, вошли в бухту и под прикрытием мощного пушечного огня высадили на берег несокрушимую испанскую пехоту. Поселенцы оказали яростное сопротивление, но переломить ход сражения им не удалось. 25 мая 1641 г. над фортами Санта-Каталины взвился испанский королевский флаг. Адмирал нашел на острове огромную добычу: около 500 тыс. золотых дукатов, драгоценности и товары, в свое время захваченные пуританами, а также почти четыре сотни рабов-негров. В отличие от англичан, испанский военачальник повел себя более милосердно: пленных мужчин он отправил в Испанию, а женщинам разрешил вернуться на родину.⁸⁸⁰

Провиденсийская компания между тем постепенно увязла в долгах и катилась к краху. Впрочем, она еще пыталась выплыть и сумела организовать довольно успешные операции в Вест-Индии, такие как рейд капитана Уильяма Джексона.⁸⁸¹ Руководители компании теперь предоставляли желающим каперские грамоты при условии получения 20 процентов от общей суммы «дохода». Однако вспыхнула гражданская война, в 1643 г. скончался один из главных финансистов компании Джон Пим, а граф Уорик тогда же стал главным правителем английских

⁸⁸⁰ *Newton A. P. The European Nations in the West Indies... P. 298, 303.*

⁸⁸¹ Капитан Джексон прославился знаменитым походом 1642–1645 гг. С тремя кораблями он прошелся по Испанскому Мейну, разграбил жемчужные отмели у острова Маргарита, захватил Маракайбо, Сантьяго-де-ла-Вега (испанская столица Ямайки), Трухильо (Гондурас). Несмотря на протесты испанцев, рейд Джексона остался безнаказанным: в Англии шла гражданская война, и до испанских дел руки у властей не доходили. Однако для будущего колониальной Британии рейд Джексона имел важные последствия. Вернувшись в Англию, он составил отчеты о плавании, из которых затем были сделаны соответствующие политические и военные выводы — в 1655 г. эскадра Уильяма Пенна захватила испанскую Ямайку, превратив остров в главный оплот Британской империи в Вест-Индии.

владений в Америке. Прошло еще некоторое время, и компания завершила свою деятельность.

Тортуга

Организаторы Провиденсийской компании не были настолько наивны, чтобы все инвестиции и людские ресурсы сосредоточить на одном юго-западном направлении. Английская фирма выбрала и вторую цель, создав из никому не нужного клочка земли напротив северо-восточного побережья Эспаньолы «пиратский рай». Речь идет о легендарной Тортуге.

Здесь воды давно уже привлекали вольных морских добытчиков. Уже в середине 20-х гг. XVI в. испанцы, обеспокоенные появлением в зоне Антильских островов нежелательных пришельцев, начали укреплять северное побережье Эспаньолы. Однако несмотря на это время от времени европейские корсары наносили удары. В 1539 г. французы напали на Пуэрто-Рико, в 1550-х гг. некий гасконский капитан захватил в этом районе несколько кораблей, принадлежавших мадридским купцам, в 1572 г. капитан Майар из Фекана удачно поохотился за торговыми судами в заливе Санто-Доминго. В 1599 г. будущий «отец Новой Франции» Самюэль де Шамплейн, совершая плавание по карибским водам на испанском корабле «Сан-Хулиан», видел у побережья Эспаньолы два корабля французских корсаров. Испанцы бросились в погоню за разбойниками, но те скрылись на берегу. Удалось поймать только одного из них — изувеченного хромого моряка, который не смог улизнуть. Из его рассказа, испанцы узнали, что корабли пришли из Дьепа.⁸⁸² Вскоре испанцы заметили также «тринадцать больших французских, английских и фламандских вооруженных кораблей.»⁸⁸³ Но главные хлопоты ожидали испанцев в XVII в.

В 1631 г. на южном побережье Тортуги высадилась часть той самой разношерстной компании, состоявшей из полутора сотен буканьеров,

⁸⁸² *Champlain S. Narrative of a Voyage to the West Indies and Mexico in the Years 1599–1602 / Ed. by Norton Shaw. London, 1859. P. 13, 14.*

⁸⁸³ *Ibid. P. 15.*

флибустьеров и колонистов, которая была выброшена испанцами с острова Сент-Кристофер. Тортуга им была известна задолго до того и французы называли остров Новой Нормандией.⁸⁸⁴

На этом острове и находили приют буканьеры, охотившиеся на Эспаньоле. Они построили на южном берегу рядом с гаванью небольшой поселок, развели плантации табака, сахара и индиго и начали ходить на охоту и в пиратские рейды на «Большую землю», то есть Эспаньолу. Ее отделял от Тортуги небольшой 10-километровый залив. Буканьеры, отправлявшиеся на Эспаньолу для охоты на диких свиней и крупный рогатый скот, превратили остров в центр мясозаготовок. Испанцы неоднократно предпринимали попытки избавиться от непрошенных соседей и проводили карательные экспедиции на Тортуге и Эспаньоле. Они уничтожали буканьерские поселки, сжигали лесные хижины и организовывали поголовное истребление скота на островах. Однако меры испанских властей, стремившихся выжить с острова окопавшихся там «охотников», успеха не возымели, ибо, почуяв опасность, лесные бродяги просто уходили со своим скарбом вглубь острова и «растворялись» среди близлежащих холмов и скал. Поселенцы, вольные морские бродяги, не обремененные семьями и детьми, были легки на подъем и, располагая большими запасами пороха и изрядным числом мушкетов, могли легко добывать себе пропитание. Как и все лесные охотники, они были прекрасными лазутчиками и наладили хорошую систему передачи информации — как только испанские суда уходили из бухты, буканьеры возвращались и принимались за старое.

В 1631 г. английский авантюрист, жуликоватый капитан Энтони Хилтон из Дарэма, хозяин небольшой табачной плантации на Сент-Кристофере, убедил руководство «Провиденсийской компании» обратить внимание на Тортугу и принять под покровительство жителей этого островка.⁸⁸⁵ В свое время браваый капитан поссорился с английским губернатором Барбадоса, и теперь, в 1628 г.

⁸⁸⁴ *Priestley H. I. France Overseas...* P. 82.

⁸⁸⁵ *Calendar of state papers. Colonial series. America and West Indies / Ed. by W. Noel Sainsbury. Vol. I. 1574 – 1660. London, 1860. P. 123, 132, 133.*

решил основать колонию на Наветренных островах. Заручившись поддержкой лондонского купца Томаса Литтлтона, который получил от графа Карлайла патент на владение островом Невис к юго-востоку от Сент-Кристофера, Хилтон попытался основать там поселения. Из этой затеи ничего не вышло. Испанцы вышвырнули англичан с острова, и в 1630 г. Хилтон решил попытать счастья на Тортуге. Компания перевезла на остров одну пушку с ядрами, но в разгар «колонизации» опутанный долгами Хилтон, так и не расплатившийся за нее, в 1634 г. скончался.⁸⁸⁶ Правда, свое дело он сделал. Принимая на остров головорезов всех мастей, Хилтон успел создать Тортуге специфическую репутацию. Остров, который, по замыслу деловых людей из управления компании, должен был стать новым пуританским Иерусалимом, очень быстро приобрел известность одного из самых опасных мест в Вест-Индии, своего рода маяка для самого отъявленного сброда. Хотя и этим головорезам случалось пострадать от собственных «коллег». В начале 1635 г. на остров заявился ирландский католик капитан Джон Мерфи, личный враг умершего к тому времени Хилтона, перебежавший к испанцам. Хуан де Морфо, как его называли испанцы, разграбил остров, оплатив поселению на Тортуге за «грешки» своего «приятеля».⁸⁸⁷

В январе 1635 г. испанцы решили покончить с бандитским поселком и отправили на Тортугу карательную экспедицию, возглавил которую дон Руй Фернандес де Фуэнмайор. Со своими 250 солдатами испанский гранд высадился на острове, найдя там около шести сотен поселенцев обоего пола. Он решительно очистил остров от этой «скверны», повесив всех попавшихся ему на глаза мужчин, а женщин и детей посадив на свои суда. Поселок он сжег дотла и, честно выполнив порученную миссию, отбыл в обратном направлении.⁸⁸⁸ Спустя три года испанцы вновь разорили остров. Казалось, их проблемы с Тортугой закончились.

Однако остров уже попал в орбиту интересов Англии и Провиденсийской компании и какое-то время после испанского «триумфа» находился под контролем

⁸⁸⁶ См. подробнее: *Губарев В.К.* Пираты острова Тортуга. М., 2011. С. 20–31.

⁸⁸⁷ *Newton A. P.* The European Nations in the West Indies... P. 174.

⁸⁸⁸ *Ibid.* P. 182.

англичан, потеснивших французов. Один из уроженцев Альбиона, капитан Уиллис, пользовался столь большим влиянием на Тортуге, что менял местных правителей, как перчатки. В 1635 г. он посадил правителем на острове своего человека, фламандца Николаса Рискиммера,⁸⁸⁹ а в следующем, 1636 г., заменил умершего от лихорадки губернатора Уильямом Редьярдом. В 1640 г. на острове водворился пришедший с Невиса с тремя сотнями поселенцев «капитан» береговых братьев Роджер (в некоторых источниках — Роберт) Флуд.

Французы, впрочем, так просто сдавать позиции на Тортуге не собирались, тем более что среди местных поселенцев и охотников насчитывалось немало выходцев из Нормандии, Бретани и Гиени. Конкурент Провиденсийской компании, французская Компания Сент-Кристофера, с 1630 г. пыталась закрепиться на острове. По распоряжению кардинала де Ришелье, на помощь знакомому нам д'Эснамбюку, собиравшему французские поселения под свое начало, были отправлены дополнительные отряды под руководством Жана Дюплесси д'Оссонвиля и господина д'Олива. В 1635 г. французская Компания Сент-Кристофера, преобразованная в Компанию Американских островов,⁸⁹⁰ активизировала продвижение в зону Наветренных островов. Ведя контрабандную торговлю, поставляя в испанские и португальские колонии чернокожих рабов, организуя плантационные хозяйства, французские политики, военные и купцы добились серьезных успехов, захватывая один испанский остров за другим. Д'Эснамбюк занял Мартинику, и над островом взвился флаг короля. Вслед за тем небольшой отряд французов под предводительством Жана Дюпона захватил Доминику. Тогда же на Гваделупе появился отряд Шарля Льенара де Л'Олива, пришедший из Дьепа; в последующие несколько лет Фильбер де Нуайи, сьер де

⁸⁸⁹ Calendar of state papers. Colonial series. America and West Indies... Vol. I. P. 202.

⁸⁹⁰ *Tertre J.-B. du. Histoire générale des Antilles...* Т. I. P. 45–55. Новая компания была основана 13 февраля и получила права на монопольную торговлю в Вест-Индии на двадцать лет. В числе ее основателей значились кардинал Пьер де Берюль и молодой финансист Никола Фуке. Сын государственного советника Франсуа Фуке, одного из ближайших помощников кардинала Ришелье в морских и торговых делах, Никола еще только начинал свою карьеру, впоследствии превратилась в одного из самых могущественных французских политиков середины XVII в.

Латур де Нерон, колонизовал с пятью сотнями человек «обоего полу» Гренаду и Гренадины, а Констан д'Обинье занял Мари-Галант.⁸⁹¹

В результате колониционный процесс, осуществлявшийся в 1630-х–1640-х гг. акционерной Компанией Американских островов, привел к появлению на Наветренных островах автономных французских поселений, власть над которыми оказалась в руках частных лиц или относительно независимых от Компании правителей. Все эти правители нуждались в военной силе, способной помочь им отстаивать собственные интересы в борьбе как со своими соперниками, так и с местным населением.⁸⁹² И неудивительно, что вольные флибустьеры как раз и превратились в ту козырную карту, заполучив которую, можно было добиться успеха. При попытке, например, руководства Компании в 1644 г. устранить генерал-губернатора Французских Антильских островов сьера Филиппа де Лонвийе де Пуанси и заменить его своим ставленником, Ноелем Патроком де Туази, на французской части острова Сент-Кристофер разразилась настоящая междоусобная война, завершившаяся победой старого патрона острова де Пуанси, вынудившего де Туази вернуться во Францию.⁸⁹³ Процесс концентрации власти в руках частных правителей (и, соответственно, еще большее усиление роли берегового братства) набрал обороты после банкротства в 1648 г. Компании Американских островов и распродажи ее владений в частные руки. На островах установилась власть частных лиц. Шарль Оюэль взял под свой контроль острова Гваделупа, Мари-Галант и Дезирад, купленные им в 1648 г. за 60 тыс. ливров; Жак Дюэль дю Парке⁸⁹⁴ стал хозяином на Мартинике, Сент-Люсии, Гренаде и Гренадинах, приобретенных в сентябре 1650 г. за 500 тыс. ливров.⁸⁹⁵ Французская

⁸⁹¹ *La Roncière Ch. de. Histoire de la Marine Française...* Т. IV. P. 660–667.

⁸⁹² Например, в 1654 г. произошло восстание индейцев и черных рабов на Мартинике. Местных плантаторов спасли четыре голландских судна, солдаты с которых подавили бунт.

⁸⁹³ *Mimes S. L. Colbert's West India Policy.* New Haven, 1912. P. 41.

⁸⁹⁴ Жак Дюэль дю Парке приходился племянником д'Эснамбюку. Сестра последнего, Адриена, вышла замуж за Пьера Дюэля, сьера де Вадрука и дю Парке. У них было четверо детей. Один из них, Никола, участвовал в рейде сьера де Каузака в Карибское море и погиб в боях на Сент-Кристофере. Жак дю Парке стал королевским правителем на Мартинике.

⁸⁹⁵ *Mimes S. L. Colbert's West India Policy...* P. 43.

часть острова Сент-Кристофер, где уже давно обосновался рыцарь-иоаннит де Пуанси, в мае 1651 г. стала владением Мальтийского ордена.⁸⁹⁶

Однако подобная ситуация не могла не вызвать тревоги в метрополии. Продажа островов была терпима во времена Фронды. С постепенной же стабилизацией власти и уничтожением столь ненавистного Людовику XIV наследия «царства беспорядка», государство в лице молодого короля, требуя покорности от подданных, начинало прибирать к рукам рычаги управления. В этом смысле события на Антильских островах оказались тесно сплетены с происходившими во Франции переменами. Арест в сентябре 1661 г. сюринтенданта финансов Никола Фуке мог не только послужить предостережением «зарвавшимся» в своей безнаказанности финансистам, но и вызвать болезненную реакцию у тех независимых владетелей, которые ощущали себя неуязвимыми, находясь на значительном удалении от метрополии, и привыкли чувствовать себя хозяевами положения. Ведь тот же Фуке, на протяжении многих лет сосредотачивавший в своих руках бразды правления военно-морскими делами, имел очень прочные позиции именно на атлантическом пространстве. Обзаводясь разветвленной клиентелой, он фактически создал во Франции самое настоящее приморское владение. Вице-адмирал Понанта,⁸⁹⁷ то есть Атлантического флота, Франсуа де Нешез, занял эту должность благодаря деньгам Фуке.⁸⁹⁸ В 1660 г., когда появилась должность вице-короля французских владений в Америке, Фуке заплатил за нее 90 тыс. ливров и отдал этот важный пост другой своей креатуре, маркизу Исааку де Па де Фекьеру. Под контролем Фуке оказался и пост правителя Новой Франции — в 1661 г. им стал барон Дюбуа

⁸⁹⁶ Ibid. Орден владел также островами Сен-Мартен, Сен-Бартельми, Санта-Крус и Тортугой.

⁸⁹⁷ От *фр.* Ponant — «западный», или «атлантический, океанический»; в противоположность ему Levant — «восточный», или «средиземноморский». В описываемый период во Франции еще не было четкой иерархии чинов и устоявшейся системы субординации. Чин адмирала, могущественного вельможи, входящего в Королевский совет, предполагал управление не только флотом, но и старыми приморскими провинциями Французского королевства (Бретань, Нормандия), причем управление, концентрировавшее контроль за всем административным, финансовым, налоговым укладом этих территорий. Поскольку Франция имела выход на два обширных водных пространства — Атлантический океан и Средиземное море, — были учреждены должности заместителей верховного адмирала по регионам. Имн стали, соответственно, начальник флота в Океане (вице-адмирал Понанта) и начальник флота в Средиземном море (вице-адмирал Леванта).

⁸⁹⁸ Marcel G. Le surintendant Fouquet, vice-roi d'Amérique // *Revue de géographie*. 1885. Т. XVI. P. 133.

д'Авагур. Должность командующего галерным флотом на Средиземном море также оказалась в руках вездесущего финансиста: в июле 1661 г. он тайно приобрел ее для маркиза Франсуа де Креки. В 1658 г. сюринтендант финансов купил расположенный у южного побережья Бретани остров Бель-Иль и, заказывая в Голландии корабли, завел собственный флот. На северном побережье Бретани Фуке негласно владел герцогством Пентьевр, земли которого были приобретены на имя его доверенного лица, Жанны Пелажи де Рье, маркизы д'Ассерак. Она же письменным договором обязалась по первому требованию Фуке передать ему свои владения: остров Иль-д'Ие у бретонского побережья, Мон-Сен-Мишель, запиравший вход в бухту Сен-Мало, и находившиеся вблизи устья Луары Геранд и Ле-Крузик. В январе Фуке приобрел порт Ванн в Бретани и несколько соседних синьорий. «Захватывая» приморскую Бретань, сюринтендант деятельно интриговал против королевского наместника Бретани двоюродного брата кардинала де Ришелье Шарля де Ла Порта, маршала де Ламейре, рассчитывая посадить на его место своего человека. Интересы Фуке простирались и за пределы собственно Европы. На Антильских островах «королю финансов» удалось перекупить остров Сент-Люсия, и он начал вести переговоры о покупке Мартиники.⁸⁹⁹

Планы Фуке наводят на мысль – не руководствовался ли он теми же методами, что и его предшественники, адмирал Монморанси и кардинал Ришелье, которые предпринимали настойчивые усилия по созданию разветвленных клиентел на атлантическом побережье и выдвигали на ключевые посты в управление людей из своего окружения?⁹⁰⁰ Напомним также, что Франсуа Фуке, отец сюринтенданта, был доверенным лицом Ришелье и входил в состав

⁸⁹⁹ *La Roncière Ch. de. Histoire de la Marine Française...* T. V. Paris, 1920. P. 316–318.

⁹⁰⁰ Ришелье фактически превращал военно-морское ведомство в фамильный удел и предпочитал, чтобы ключевые должности на флоте занимали его родственники и доверенные лица. Его родной дядя по материнской линии, командор Мальтийского ордена Амадор де Ла Порт, стал генеральным интендантом навигации. Сыновья двух сестер Ришелье, Франсуа де Виньеро, маркиз Дюпон де Курле, и Жан-Арман де Майе, маркиз де Брезе, герцог де Фронсак, сменяли друг друга на посту командующего галерами, причем де Майе-Брезе после смерти Ришелье сменил кардинала на посту руководителя флота. Близкий друг кардинала, архиепископ Бордоский Анри д'Эскобло де Сурди, командовал французским флотом в Атлантике. См. подробнее: *Vergé-Franceschi M. Marine et éducation sous l'Ancien régime.* Paris, 1991. P. 43–51, 115, 116; *Granier H. La pensée navale française dans la première moitié du XVII-e siècle* (http://www.stratisc.org/PN2_Granier.html).

созданного им Совета по морским делам.⁹⁰¹ Замыслы Ришелье вылились в создание в 1626 г. Морбиганской компании ста пайщиков, получившей монопольные права на торговлю с Восточной и Западной Индиями, Левантом и Новой Францией. Центром деятельности компании должен был стать новый свободный порт Морбиган с правами порто-франко.⁹⁰² Он был расположен в небольшом заливе в Нижней Бретани, неподалеку от Ванна, и имел выгодное стратегическое положение. Базировавшийся в гавани флот не только контролировал торговые пути между Испанией, Испанскими Нидерландами, Голландией, Англией и Средиземноморьем, но и оказывал давление на гугенотские центры торговли, сосредоточенные в Ла-Рошели. Этот замысел встретил решительное сопротивление бретонских городов, опасавшихся конкуренции со стороны Морбигана, и кардинал был вынужден отказаться от реализации своих планов. Однако его проект возродился спустя тридцать лет. Непрístupный Бель-Иль, своего рода Морбиган Фуке, должен был не только гарантировать безопасность сюринтенданту финансов на случай непредвиденных обстоятельств. Владение сильной крепостью обеспечивало ему негласное военное господство на море и контроль над морской торговлей.⁹⁰³ Поэтому устранение всесильного Фуке, если взглянуть на это с точки зрения вест-индских дел, выглядит как первый симптом изменения правил игры — начинался «новый курс» Жана-Батиста Кольбера.

В апреле 1664 г. королевский Государственный совет, рассмотрев состояние дел на Антильских островах, пришел к выводу о необходимости выкупить острова у частных владельцев. Именно принадлежность островов частным лицам, говорилось в постановлении, «позволила иностранцам овладеть их торговлей, оттеснив подданных Его Величества».⁹⁰⁴ Особую опасность для поднимавшей голову французской колониальной торговли представляли голландские купцы,

⁹⁰¹ См. подробнее: *Dessert D. Fouquet. Paris, 2002. P. 127–131.*

⁹⁰² Порто-франко (*im. porto franco* — свободный порт) — право порта вести свободную беспошлинную торговлю.

⁹⁰³ См. подробнее: *Dessert D. Fouquet. Paris, 2002.*

⁹⁰⁴ *Малов В. Н. Ж.-Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество. М., 1991. С. 154.*

взявшие под контроль торговлю сахаром, табаком и поставлявшие в колонии черных невольников. Французскими властями было принято решение организовать мощную торговую компанию, способную монополизировать французскую торговлю и защитить интересы своих подданных, изгнав с островов голландских и английских конкурентов. Так под патронатом Кольбера эдиктом от 28 мая 1664 г. была создана Вест-Индская компания, получившая на сорок лет право монопольной торговли со всеми владениями Французской короны в Америке и вдоль побережья Африки. В течение года готовились операции по покупке Антильских островов из частных рук в собственность компании. Пик сделок пришелся на лето 1665 г. В июле 1665 г. мальтийские рыцари дали согласие продать Сент-Кристофер, Сен-Мартен и Сен-Бартельми за 500 тыс. ливров. 14 августа 1665 г. Компании удалось выкупить у семейства дю Парке Мартинику.⁹⁰⁵ 25 августа в ее руки попали владения де Шампиньи на Гваделупе, Мари-Галант и Дезираде,⁹⁰⁶ а 27 августа — принадлежавшая графам де Серийякам Гренада.⁹⁰⁷

Победа Вест-Индской компании была, впрочем, не полной. Всеми французскими Наветренными островами ей завладеть тогда не удалось. Оюэль отказался продавать Гваделупу, которая так и оставалась частным владением до 1674 г., когда остров вошел в состав владений Французской короны. В том же году дела Вест-Индской компании были аннулированы и все ее американские острова вошли в состав королевских владений.

Сходная судьба ожидала и остров Тортуга, не раз попадавший в руки отъявленных авантюристов и в конце концов оказавшийся владением сначала Компании, а затем и государства. Собственно, расцвет этого острова оказался очень коротким — прошло тридцать с небольшим лет, и название «Тортуга»

⁹⁰⁵ Жак Дюэль дю Парке перед смертью (она последовала в 1658 г.) составил завещание, согласно которому Мартиника отходила его вдове. После кончины дю Парке на острове начались раздоры, заставившие вдову отправиться во Францию, чтобы получить поддержку в Париже. По дороге, в 1659 г., она скончалась. Оставшиеся наследники вели слишком роскошный столичный образ жизни, не следили за положением дел на острове и в конце концов полностью выпустили из рук нити управления на Мартинике. Во избежание дальнейших трудностей опекун сьер Дюэль д'Энневаль, предпочел продать остров «Вест-Индской компании» за 240 тыс. ливров.

⁹⁰⁶ Эти острова были куплены 25 августа 1665 г. за 120 тыс. ливров.

⁹⁰⁷ Де Серийяки владели Гренадой с 1656 г. и продали остров Компании за 100 тыс. ливров.

фактически исчезло со страниц истории.⁹⁰⁸ Тем не менее, роль, которую эта крошечная земля сыграла в процессе экспансии, оказалась исключительной. Через несколько лет после смерти в декабре 1636 г. д'Эснамбюка французские власти прислали на Наветренные острова нового генерал-губернатора Французских Антильских островов. Корона назначила им рыцаря Мальтийского ордена капитан-командора из Бретани сьера де Пуанси, который в 1640 г. прибыл с эскадрой на Мартинику. К нему-то и обратились за помощью французские поселенцы с Тортуги, предпочитавшие иметь дело с подданными Французского королевства, а не с англичанами. Де Пуанси располагал силами, опираясь на которые он мог вступить в спор с англичанами. Аббат дю Тертр определил численность французов на «Американских островах» в семь тысяч человек.⁹⁰⁹ По оценкам священника Жака Бутона, жившего на островах во второй половине XVII в., непосредственно на самой Мартинике проживало около тысячи французов.⁹¹⁰ Сходные данные приведены в письме де Пуанси от 16 августа 1639 г., направленном Никола Фуке. Правитель писал, что располагает семью сотнями человек, способными держать в руках оружие.⁹¹¹ Располагая столь серьезным военным контингентом, он вступил в схватку за Тортугу.

По поручению де Пуанси на остров с секретной «освободительной» миссией отправился глава местных гугенотов, нормандский дворянин Жан (Франсуа) Левассер, который, правда, не пользовался особым доверием мальтийского рыцаря. В августе 1640 г. с небольшим отрядом из сорока восьми кальвинистов он незаметно подобрался к острову и после короткой схватки с англичанами захватил власть на Тортуге. Новый правитель, по профессии инженер-фортификатор, в свое время участвовавший в знаменитой обороне гугенотской крепости Ла-Рошель, решил прежде всего надежно укрепить остров.

⁹⁰⁸ Общий обзор истории колонизации Тортуги см. *Laprise R. Le Diable Volant: l'histoire, l'époque, la vie et les moeurs des flibustiers, pirates de la Jamaïque, de Sainte-Domingue et autres lieux dans l'Amérique dans la seconde moitié du XVII-e siècle* // <http://www.geocities.com/trebutor/index.html>

⁹⁰⁹ *Tertre J.-B. du. Histoire générale des Antilles...* Т. I. P. 209.

⁹¹⁰ См.: *Mimes S. L. Colbert's West India Policy...* P. 28.

⁹¹¹ *Ibid.*

Его внимание привлекла большая отвесная скала на южном побережье Тортуги, возвышавшаяся над гаванью Бас-Тер. Левассер построил на ее вершине небольшой форт, установив в нем несколько пушек. В пещере на склоне скалы был размещен склад боеприпасов и продовольствия. Вырытый колодец, питаемый подземными ключами, снабжал гарнизон форта водой. К крепости вела узкая лестница, ступени которой вырубили в скале. Подобраться по ней к форту было едва ли возможно, поскольку там с трудом могли разойтись два человека. Она обрывалась на полпути к крепости, а дальше приходилось карабкаться до вершины скалы по железной лестнице, которую спускали охранники форта. Со стороны крепость напоминала огромную голубятню — под этим названием она и осталась в истории. Казалось, «Голубятня», господствовавшая над гаванью Бас-Тер, превратила Тортугу в непреодолимое препятствие для врага. Испанцы сломали себе зубы о несокрушимые оборонительные рубежи гугенотской твердыни в 1643 г., когда решили повторить свои былые «подвиги», дав понять непрошеным чужеземцам, кто настоящий хозяин в здешних водах. Их флотилия безуспешно пыталась войти в гавань, но, раздавленная артиллерийским огнем «Голубятни», отошла на внешний рейд. Попытавшись высадить десант на подступах к крепости, испанцы угодили в подготовленную засаду и, совершенно деморализованные поражением, ушли восвояси. Акции Левассера резко поднялись, и под прикрытием мощной крепости Тортуга набрала силу и вступила в эпоху процветания. Здесь поселились торговцы, появились трактиры, постепенно береговая жизнь приобрела черты, характерные для «цивилизованного» пиратского поселения: правитель от имени Французской короны раздавал буканьерам каперские грамоты и всячески поощрял их деятельность.

Однако уязвимые места нашлись и на Тортуге. Во-первых, гугенот Левассер испортил отношения с католиком де Пуанси, которые, впрочем, были

напряженными еще до высадки Левассера на Тортуге.⁹¹² Теперь же между двумя администраторами и вовсе воцарилась вражда. На протяжении долгого времени Левассер, отказавшись подчиняться распоряжениям де Пуанси, не посылал правителю оговоренного процента с добычи, взятой местными пиратами. Наконец, по просьбе де Пуанси, прознавшего о захваченной буханьярами серебряной статуе Девы Марии и пожелавшего установить ее в своей часовне, Левассер отправил добычу своему «начальнику». Какова же была ярость королевского правителя, когда он увидел, что ему прислана деревянная копия статуи, и прочел сопровождавшее «посылку» издевательское письмо Левассера. Правитель Тортуги сообщал, что для тонких религиозных чувств настоящих католиков столь мирское обстоятельство, как материал, из которого изготовлены предметы культа, не имеет никакого значения, а посему он, Левассер, и приказал изготовить точную копию захваченного трофея. Сегодня нам трудно судить, чем руководствовался Левассер, столь открыто идя на конфликт с официальными властями. Двигала ли им уверенность в собственной неуязвимости или возобладали его кальвинистские взгляды, а может быть, вмешались иные мотивы, но спустя десять лет после воцарения на острове Левассера конфликт между Тортугой и французскими властями на островах достиг кульминации.

Второе обстоятельство касалось внутреннего положения на самом острове. Уединившись в «Голубятне», недоверчивый Левассер, боясь, что его лишат власти, окружил себя доверенными людьми и впал в мрачную подозрительность. Шаг за шагом он установил на острове жестокий тиранический режим. Будучи «твердым» гугенотом, Левассер начал преследовать католиков, запретил отправлять католические службы и сжег местную часовню. В верхних помещениях своей крепости правитель Тортуги оборудовал специальную темницу (так называемое «Чистилище»), снабженную орудиями пыток,⁹¹³ и по

⁹¹² Текст соглашения де Пуанси и Левассера см.: *Tertre J.-B. du. Histoire générale des Antilles...* Т. I. P. 588–590.

⁹¹³ Одним из изобретений специфически одаренного инженера, коним был Левассер, стала пыточная машина, представлявшая собой систему подъемных блоков. Руки, ноги и голову узника продевали в специальные захваты, после чего, прикрепив к конечностям особые блоки, начинали выворачивать суставы, калеча несчастного (*Tertre J.-B. du. Histoire générale des Antilles ...* Т. I. P. 173, 174).

собственному проекту соорудил специальные тюремные камеры, прозванные «маленьким адом». По замыслу камеры Левассера напоминали знаменитые железные клетки Людовика XI из Лошского замка. Помещенные в них узники не могли разогнуться и встать в полный рост, отчего претерпевали поистине адские мучения.

Поведение правителя вызвало недовольство вольного «берегового братства». Возможно, эти настроения подогрели призывы свергнуть тирана, доходившие с Сент-Кристофера. Недостаток источников не позволяет реконструировать ход событий, в результате которых в июле 1652 г. Левассер был убит своими приближенными, Тьебо и Мартеном. Историки, собиравшие сведения о происшедшем, выдвинули в качестве одной из версий любовную историю как причину предательства «верных» помощников. Левассер якобы нанес оскорбление Тьебо, забрав себе его любовницу, и тем самым сам спровоцировал заговор. Тьебо и Мартен подстерегли Левассера, когда он, не ожидая нападения, отправился проверять свои арсеналы. Предатели разрядили в правителя мушкеты, а затем добили его кинжалами.⁹¹⁴ Нам трудно представить, что устранение Левассера прошло без участия французских властей. Косвенным подтверждением тайной роли королевского губернатора в уничтожении тортугского временщика может быть быстрота, с какой заговорщики сдали полномочия правителю Сент-Кристофера и расписались в своей преданности властям. На остров была отправлена сильная эскадра, восстановившая утраченные французскими властями позиции. Командовал эскадрой полномочный представитель сьера де Пуанси — мальтийский рыцарь шевалье Тимолеон Отман де Фонтене.⁹¹⁵

Чехарда на острове оказалась на руку испанцам. В январе 1653 г., всего за десять дней, они взяли реванш за свое последнее поражение, осуществив хитроумную и рискованную военную операцию. Испанская эскадра под командованием дона Габриэля де Рохаса Вале-и-Фигероа вошла в гавань и

⁹¹⁴ Англичане называли Левассера Лавансье. Имя Левассера получил герой романа Рафаэля Саббатини «Одиссея капитана Блада».

⁹¹⁵ *Tertre J.-B. Histoire générale des Antilles...* Т. I. P. 175.

завязала пушечную дуэль с крепостью, угрожая высадкой десанта. Оборонявшиеся, сосредоточившие все свое внимание на защите гавани, пропустили главный удар. Пока эскадра осуществляла отвлекающий маневр, основные силы испанцев высадились на побережье к востоку от Бас-Тер. Каким-то чудом испанские солдаты сумели взобраться с пушками по скальным утесам на соседнюю с фортом гору. Расположив на ней батарею, они с тыла подвергли крепость пушечному обстрелу, в то время как испанская эскадра вошла в гавань и начала бить по форту из бухты. После ожесточенного сопротивления защитники капитулировали. На Тортуге водворились испанцы.⁹¹⁶ Правда, ненадолго. После появления в Вест-Индии английской эскадры адмирала Уильяма Пенна и оказавшись перед угрозой потери Ямайки, испанские власти вынужденно перебросили гарнизон в более опасные точки, фактически оставив остров беззащитным.

26 ноября 1656 г. французская администрация назначила правителем острова Жереми Дешама дю Россе. Выходец из Перигора, дю Россе с начала 1640-х гг. осел в Вест-Индии, по-видимому, занимался каперством на Тортуге при Левассере и, сколотив состояние, вернулся во Францию. Собрав сведения о происшедшем на Тортуге, дю Россе решил предложить свои услуги правительству и «вернуть» остров. Темная история с назначением дю Россе длилась несколько месяцев, пока ему, наконец, не оказали доверия и не назначили управлять Тортугой в качестве правителя и королевского наместника.

Однако здесь существовала одна тонкость. Назначение на должность правителя дю Россе получил в Париже, а Тортуга продолжала оставаться в руках испанцев. Между тем последнее обстоятельство ничуть не смутило предприимчивого авантюриста. Собрав вокруг себя надежных отчаянных людей, дю Россе на корабле вышел из Ла-Рошели и прибыл в Вест-Индию. Дабы не

⁹¹⁶ Об операции по захвату Тортуги см. подробнее: *Губарев В. К.* Деятельность шевалье де Фонтенэ в контексте франко-испанской колониальной борьбы за Америку (50-е годы XVII в.) // *Наукові праці Донецького національного технічного університету*. Серія: Гуманітарні науки. Вип. 4/115. Донецьк, 2006. О последующей деятельности де Фонтене см: *Barazzutti R.* Le capitaine Mathurin Gabaret et le chevalier Timoléon Hotman de Fontenay // www.geocities.com/trebutor/Livre/3F/0311barazzutti.html.

портить отношений с набравшими силу англичанами, дю Россе зашел на недавно захваченную англичанами Ямайку и получил от местного губернатора Уильяма Прейна согласие на занятие должности правителя Тортуги. Осторожное поведение дю Россе вполне объяснимо с учетом положения дел на островах Вест-Индии, изменившегося в связи с захватом Ямайки англичанами.

Организация Оливером Кромвелем экспедиции в Вест-Индию, собственно говоря, продолжала серию попыток англичан закрепиться на Антильских островах. В период Протектората, когда наступательная внешняя политика активизировалась и англичанам удалось одержать верх над голландцами во время Первой англо-голландской войны 1652–1654 гг., колониальный вопрос занял важное место в британских имперских планах. За разработкой проекта экспедиции стояло несколько человек. Один из них, двоюродный брат генерала Джорджа Монка, барбадосский плантатор полковник Томас Модифорд,⁹¹⁷ продолжая традиции Уолтера Рэли, предполагал атаковать испанский Тринидад. Вслед за тем англичане должны были закрепиться в устье Ориноко, взять под контроль испанских конвоев и добычу жемчуга, и создать здесь базу для дальнейшего внедрения в бассейн Карибского моря.⁹¹⁸

Одним из важнейших рычагов английской экспансии в Карибском море стала идеологическая подготовка. Она опиралась на «черную легенду», сложившуюся вокруг истории о жестокости испанских папистов в Америке, истреблявших и порабощавших индейское население. Начавшись с трудов францисканца Бартоломе де Лас-Касаса, «черная легенда» превратилась в мощное орудие психологической войны, оказавшей глубокое влияние на формирование антииспанских настроений и пропаганду протестантского завоевания. Одним из ее популяризаторов в Англии стал бывший доминиканский монах Томас Гейдж, проживший несколько лет в Центральной Америке. Томас де Санта Мария, как

⁹¹⁷ Бывший роялист, сэр Томас Модифорд некоторое время возглавлял на острове Барбадос сопротивление республиканской армии, однако затем перешел на сторону Кромвеля. Впоследствии он стал губернатором Ямайки и выступал одним из покровителей Генри Моргана.

⁹¹⁸ A Collection of the State Papers of John Thurloe, Esq. / Ed. by Thomas Birch. London: Thomas Woodward and Charles Davis, 1742. Vol. 3. P. 626 63.

называли Гейджа в Новом Свете, происходил из старинной ирландской католической семьи, получил образование во Франции и Испании, и, готовясь стать миссионером, отправился на Филиппинские острова нести свет новой веры тамошним язычникам. Однако его судьба сложилась иначе. Ожидая отправления Манильского галеона, Гейдж познакомился с монахами-доминиканцами, которые убедили его остаться в Новой Испании и вступить в орден Св. Доминика. Несколько лет Гейдж преподавал в доминиканском коллеже в Гватемале, а затем служил приходским священником. В 1637 г. он покинул Новый Свет, странствовал по Германии и Италии, и в 1640 г. вернулся в Англию. К этому моменту Гейдж окончательно разочаровался в католицизме, принял протестантскую веру и во время революции встал на сторону парламента, занял должность в церковном приходе в Кенте. В 1648 г. В 1648 г., в разгар гражданской войны, вышла в свет его книга «Путешествия по Новой Испании и Гватемале», в которой бывший доминиканец обобщил и конкретизировал дотоле смутные сведения об устройстве испанских колоний в Карибском море, в частности касающиеся расписания и опорных баз испанских конвоев. Гейдж посвятил ее главнокомандующему Томасу Фэрфаксу, втайне надеясь, что генерал примет на вооружение его предложением использовать «армию нового образца» в завоевании Нового Света. По мнению Гейджа, упускать выпавший сейчас шанс, иначе республиканцы повторят ошибку короля Генрих VII, отказавшегося поддержать проект океанического плавания Колумба и лишившего Англию возможности еще в XV в. приобрести заморские владения. Но в 1648 г. индипендентам было не до американских дел: продолжалась война с Карлом I, шотландская армия вторглась в Северную Англию, а внутри парламента назревал конфликты с пресвитерианами.

Спустя пять лет Гейдж возобновил свои попытки подтолкнуть руководство Республики к войне против Испании и вступил в переписку с лордом-протектором. Ему без особых усилий удалось убедить Кромвеля в возможности завоевания испанских территорий. Это вполне отвечало пропагандистским требованиям радикальных пуритан (Джона Коттона, Джона Уинтропа-Старшего),

предлагавших во исполнение предназначанной Божьей воли очистить Новый Свет от испанско-католической скверны и создать здесь царство справедливости, своего рода ветхозаветное царство Израиля. По мнению Гейджа, следовало нанести комплексный удар по испанским центрам в Вест-Индии, совмещая действия флота с операциями, предпринимаемыми английскими поселенцами с островов Сент-Кристофер, Сент-Мартин и Тортуги, которые в полной степени испытали на себе «варварское обращение» испанцев.⁹¹⁹ Этот план, несколько отличный от замыслов Модифорда, вполне отвечал внешнеполитическим настроениям самого Кромвеля, обеспокоенного также возможным бездействием армии и флота. Война с Голландией подходила к концу, мирная передышка была опасна режиму: в «армии нового образца» всегда было достаточно оппозиционеров, готовых поднять мятеж.⁹²⁰ 20 апреля 1654 г., через шесть дней после публикации прокламации об окончании войны Англии с Голландией, государственный совет приступил к рассмотрению вопроса об организации военной экспедиции в Америку.

Командующий отправленным в Вест-Индию флотом опытный адмирал Уильям Пенн и глава сухопутного корпуса генерал Роберт Венейблс, ветеран «армии нового образца», зарекомендовавший себя во время войны в Ирландии, обладали равными полномочиями и получили приказ атаковать испанцев при первом их появлении. Распечатав в открытом море пакет с секретными инструкциями, адмирал направился в антильские воды, чтобы отбить у папистов Пуэрто-Рико и Эспаньола, а также перехватить серебряный флот в Гаване. Придя в январе 1655 г. на Барбадос, флотилия направилась к Эспаньоле, но потерпела неудачу при попытке захватить остров. В мае 1655 г. сумели овладеть Ямайкой, превратив ее в свою операционную базу. После захвата острова, не потеряв интереса к Тортуге, они направили туда некоего Элайаса Уотса: собрав несколько

⁹¹⁹ A Collection of the State Papers of John Thurloe, Esq. / Ed. by Thomas Birch. London: Thomas Woodward and Charles Davis, 1742. Vol. 3. P. 59, 60.

⁹²⁰ Capp B. S. Cromwell's navy: the fleet and the English revolution, 1648–1660. Oxford: Clarendon Press, 1992. P. 287, 288.

десятков головорезов, он осел здесь и оживил каперскую деятельность.⁹²¹ Возможно, на времена Уоттса пришелся знаменитый рейд французского буканьера капитана де Лиля, имевший место по одним данным в 1659 г., а по другим — в 1661 г.⁹²²

Дю Россе, ловко урегулировав дипломатические сложности и получив карт-бланш от обеих держав, принялся за подготовку налета на остров. Набрав многочисленное войско головорезов, он провел в декабре 1659 г. молниеносную операцию по захвату Тортуги. На нескольких десятках каноэ отряд дю Россе незаметно подобрался к северному побережью. Высадившись ночью на скалистом берегу, десантная группа продвинулась вглубь острова и к вечеру расположилась вокруг форта и скалы, сыгравшей столь роковую роль в событиях 1654 г. Дождавшись ночи, смельчаки вскарабкались по отвесной скале на вершину, где располагалась батарея, разоружили ее караул и овладели орудиями. Форт тут же подвергся обстрелу. Ошеломленный испанский гарнизон решил исправить положение и двинулся в атаку на батарею, где и попал в засаду, расставленную флибустьерами, расположившимися вокруг крепости. В ходе яростной схватки испанцы были уничтожены. Остров вновь попал в руки прежних хозяев — буканьеров и флибустьеров, — а над крепостью Бас-Тер взвился французский флаг. Но и после изгнания испанцев трения французов с англичанами не прекратились. Борьба между людьми дю Россе и сторонниками бежавшего в Новую Англию Уоттса еще некоторое время продолжалась, да и губернатор Ямайки Уильям Прейн не раз предпринимал попытки отбить остров у дерзкого француза. На западном побережье Санто-Доминго, например, в окрестностях Пти-Гоав, на южном берегу Леоганского залива расположилась база буканьеров,

⁹²¹ Calendar of state papers. Colonial series. America and West Indies. / Ed. by W. Noel Sainsbury. Vol. V. 1661 – 1668. № 817. См. также: *Crouse N. M. French Pioneers in the West Indies, 1624–1664.* New York: Columbia University Press, 1940.

⁹²² В результате этого рейда около четырех сотен буканьеров, в основном, по-видимому, французского происхождения, разграбили Сантьяго и взяли в плен губернатора острова и несколько видных горожан. Правда, вся история имела для предводителя буканьеров, капитана де Лиля, печальный итог. Захватив богатую добычу, он решил вернуться на родину и сел на английское судно, идущее в Европу. Однако по дороге домой поссорился с командиром корабля, который убил «славного» капитана, а труп его выбросил в море.

которые избрали своим главарем некоего капитана Абрахама Лэнгфорда и подняли над поселением английский флаг. Лэнгфорд сидел под Пти-Гоав, держа под прицелом Тортугу, и при поддержке с Ямайки время от времени предпринимал попытки захватить остров.⁹²³ Правда, репутация его постепенно ухудшалась. Один колонист, доктор Генри Стаббс, критически оценивавший возможности Лэнгфорда управлять островом, описывал его как человека, совершенно не подходящего для воплощения в жизнь этого замысла. Хотя он и неплохой моряк, но очень упрям и беспечен. Кроме того, «капитан Лэнгфорд, - писал Стаббс губернатору Генри Беннету, - не говорит и не понимает по-французски. Это не очень сметливый человек, во всем действующий с оглядкой на Ямайку. Он достоин презрения, судьба его безнадежна, а честность сомнительна».⁹²⁴

В октябре 1662 г. дю Россе, передав полномочия своему племяннику, Фредерику Дешаму де Лапласу, отплыл в Европу, где затеял операцию по продаже острова англичанам. В ходе этой рискованной игры дю Россе очутился в тюремной камере Бастилии, где просидел два года, и в конце концов 15 ноября 1664 г. он уступил французской Вест-Индской компании свои «законные» права на Тортугу за 15 (в некоторых источниках — 10) тыс. ливров.⁹²⁵

Эпоха рокировок подошла к концу. С этих пор, по-видимому, остров у побережья Эспаньолы стали воспринимать как французское владение. Уильям Дампир говорил о нем как о «Французской Тортуге» и специально подчеркивал именно это название. Таким образом английский буканьер стремился отличить эту Тортугу от расположенной в группе Подветренных островов Солт-Тортуги⁹²⁶

⁹²³ См. его проект колонизации Тортуги (Calendar of state papers. Colonial series. America and West Indies. / Ed. by W. Noel Sainsbury. Vol. V. 1661 – 1668. № 820).

⁹²⁴ Calendar of state papers. Colonial series. America and West Indies... Vol. V. 1661 – 1668. № 819.

⁹²⁵ См. подробнее: *Funck-Brentano F.* Les lettres de cachet à Paris. Étude suivie d'une liste de prisonniers de la Bastille (1659–1789). Paris, 1903.

⁹²⁶ Достаточно известный торговцам и предпринимателям скалистый остров, расположенный на богатом солью побережье Куманы. Своим названием обязан знаменитым солончакам на его восточном берегу. Всю весну и лето на удобных стоянках острова высаживались многочисленные рабочие партии, приходившие сюда с территорий соседних государств и добывавшие соль возле большого водоема в двухстах метрах от моря.

(соврем. Ла-Тортуга) и от островов Драй-Тортугас, лежащих к востоку от полуострова Флорида.⁹²⁷

Правителем Тортуги и французских поселений на побережье Сан-Доминго руководство Компании назначило Бертрана д'Ожерона де Ла Буера, младшего отпрыска анжуйской дворянской семьи. На годы его правления пришелся «классический период» развития флибустьерского общества Тортуги, но тогда же проявились и симптомы будущего угасания. До своего назначения на этот пост д'Ожерон прошел непростой жизненный путь. Он начал военную службу как офицер французских военно-морских сил, был в плену у испанцев, занимался каперством. Затем д'Ожерон попытался приобрести сахарные плантации на острове Мартиника, потерпел неудачу и присоединился к флибустьерам, но коммерческой деятельности при этом не оставлял.

Этот энергичный и ловкий предприниматель сумел использовать предоставленный ему шанс. В обстановке бюрократической неразберихи, вызванной падением Фуке и противостоянием генерального контролера финансов Ж.-Б. Кольбера с кланом герцогов Вандомских, державших в своих руках пост сюринтенданта навигации,⁹²⁸ государственный секретарь иностранных дел Анри-Огюст де Ломени, граф де Бриенн оказал поддержку д'Ожерону и санкционировал его назначение губернатором Тортуги. Вице-король Америки граф д'Эстрад бурно протестовал против такого вмешательства в его юрисдикцию, и, по-видимому, тогда Кольбер впервые услышал про будущего героя Нового Света.⁹²⁹

На посту правителя Тортуги д'Ожерон находился с 1665 по 1675 гг. Его честолюбивые замыслы простирались далеко: захват Сан-Доминго, Ямайки,

⁹²⁷ *Dampier W.* A New Voyage Round the World... P. 47.

⁹²⁸ Внебрачный сын короля Генриха IV и Габриэль д'Эстре Сезар де Бурбон, I герцог Вандомский (07.06.1594–22.10.1665) занимал эту должность с 1650 г. После его смерти пост сюринтенданта навигации унаследовал его сын, адмирал Франции герцог Франсуа де Бурбон-Вандомский, II герцог де Бофор (16.01.1616–25.06.1669), прославившийся как лидер фрондеров и герой романов А. Дюма. После его смерти при осаде Канди должность была упразднена.

⁹²⁹ *Boucher P. P.* Comment se forme un ministre colonial: L'initiation de Colbert, 1651–1664 // *Revue d'histoire de l'Amérique française*. 1982. Vol. 37. № 3. P. 437.

Флориды и контроль над Багамскими островами. «Он старался также сколько возможно скрасить вредный доброй славе флибустьеров вид разбойничества, какой принимали их подвиги, извлечь из мужества их пользу для государства и смягчить нравы их. При этом он благоразумно терпел то, что не мог переменить, не подвергая французских колоний и островов еще большему злу,» — охарактеризовал деятельность губернатора историк пиратства Иоганн Вильгельм Даниэль фон Архенгольц.⁹³⁰ «Я являюсь губернатором необузданных людей, которые не ведают кабалы», — писал д'Ожерон Кольберу. И действительно, уклад жизни на острове не вмещался в четкие инструкции и тесные рамки, с помощью которых французская администрация пыталась контролировать экономическую деятельность, поэтому за годы губернаторства у д'Ожерона возникало немало трудностей и проблем. В 1670 г. дело дошло до открытого мятежа. Его удалось подавить благодаря присутствию французской военной эскадры и ряду уступок, сделанных правителем Тортуги.⁹³¹

По мере усиления вмешательства парижских властей в экономическую ситуацию на острове торговцы покидали эти края. При преемниках д'Ожерона на Тортуге (см. «Список правителей французской Тортуги»), лишенной притока товаров, измученной штрафами и твердыми ценами на продукцию, началось запустение. Население также постепенно перебралось с острова на «Большую землю», где возникло несколько французских поселений — Пти-Гоав, Леоган, Пор-де-Пе, Кап-Франсе. Небольшая по размерам Тортуга — каменистый клочок земли, усеянный скалами и утесами, — стала слишком тесна для колонистов, стремившихся к возделыванию полей и расширению земельных участков. Тотальная охота за призами как основа экономики не могла обеспечить мирного процветания.

⁹³⁰ Архенгольц Ф. История морских разбойников Средиземного моря и Оксана. М., 1991. С. 19.

⁹³¹ См. подробнее: Эксвемелин А. О. Пираты Америки. С. 54–57; Губарев В. К. Бертран д'Ожерон и колониальная политика Франции в Вест-Индии (60-е–70-е годы XVII в.) // Французский ежегодник. 1983. М., 1985; Малов В. Н. Ж.-Б. Кольбер... С. 155–158; *Mimes S. L. Colbert's West India Policy...*

Список правителей французской Тортуги⁹³²

Правители Тортуги, назначенные генерал-губернатором Французских Антильских островов

Август 1640 – июль 1652 *Жан (Франсуа) Левассер*, убит на Тортуге

Конец 1652 – январь 1654 *Тимoleon Отман, шевалье де Фонтене*, погиб под Буэнос-Айресом в 1658 г.

Правители Тортуги и французских поселений на побережье Сан-Доминго, назначенные королем

1660 – октябрь 1662 *Жереми Дешам дю Монсак и дю Россе* (Монсак, 1610 – Сан-Доминго, 1670)

Октябрь 1662 – июль 1665 *Фредерик Дешам де Лаплас*, племянник дю Россе

Июнь 1665 – сентябрь 1675 *Бертран д'Ожерон де Ла Буэр* (Рошфор-сюр-Луар, 19.03.1613 – Париж, 13.01.1676) — назначен 7 октября 1664 г.; прибыл на остров 6 июня 1665г.

Его временно замещали: (конец 1668 – июнь 1669) – *Жак Непве де Пуансе*; (апрель 1673) – *Жером дю Сара, сьер де Лаперрьер*

Сентябрь 1675 – август 1676 *Пьер Поль Тарен де Кюсси*, временно исполнял должность

Август 1676 – начало 1683 *Жак Непве де Пуансе*, племянник д'Ожерона, умер на Сан-Доминго в 1683 г.

Его временно замещал: (конец 1681 – апрель 1682) – *Жак Депардьё де Франкене* (Нормандия, 1648 – Лимонад, 21 января 1691)

Начало 1683 – апрель 1684 *Франсуа Депардьё де Франкене*, временно исполнял должность

⁹³² Источники для составления списка правителей послужили следующие материалы: *Funck-Brentano F.* L'île de la Tortue. Paris: Renaissance du livre, 1902, P. 92; *Pritchard J.* In search of empire... P. 436 – 437; *Moreau J.-P.* Une histoire des pirates des mers du Sud à Hollywood. Paris: Éditions Tallandier, 2006; *Laprise B.* Gouverneurs français de l'île de la Tortue et de la côte Saint-Domingue // <http://www.geocities.com/trebutor/listes/adm/tortue.html>; *Laprise B.* Figures de Proue: un dictionnaire biographique de la flibuste // <http://membre.oricom.ca/yarl/A/A.html>;

Апрель 1684 – январь 1691 *Пьер-Поль Тарен де Кюсси*, назначен 30 сентября 1683 г.; убит в сражении с испанцами на острове Сан-Доминго (1690 г.)

Январь 1691 – октябрь 1691 *Жан-Жак Дюма*, временно исполнял должность, умер в Леогане в 1695 г.

Октябрь 1691 – июль 1700 *Жан-Батист Дюкасс* (Байонна, 2.08.1646 – Бурбон-Ларшамбо, 25.06.1715)

Его временно замещали: (март 1697 – май 1697) – Жак Ивон, сьер де Ланд (Люд, 1645 – Леоган, 1698);

(май 1697 – июнь 1697) – граф Буассираме, лейтенант флота, скончался на Сан-Доминго 15.02 1698 г.

1700 – 1703 *Жозеф д'Онон де Галифе*, временно исполнял должность

1703 – 1705 шевалье *Шарль Ожер* (Сен-Кристофер, 1640 – Леоган, 13.02.1705), рыцарь Мальтийского ордена, временно исполнял должность

1706 *Жан-Пьер де Шаррит* (1658 – 1723), временно исполнял должность

1706 – 1710 граф *Франсуа Жозеф I де Шуазель, барон де Бопре*, капитан 1 ранга; назначен в 1707 г.; умер 18 мая 1711 г. в Гаване после ранения, полученного в морском сражении

1711 – 1712 *Никола де Габаре* (ум. В 1712 г.), временно исполнял должность

1712 – 1714 *Луи де Курбон, II граф де Бленак*.

Феномен Тортуги — вольное флибустьерское сообщество — был слишком обременительной ношей. Когда новый губернатор Тортуги Пьер Поль Тарен де Кюсси прибыл в 1684 г. на остров, оказалось, что примерно половина белого населения подвластных ему территорий так или иначе связана с вольным

промыслом. В рапорте Жану-Батисту Кольберу де Сеньелэ⁹³³ от 24 августа 1684 г. он привел список флибустьеров, обосновавшихся в его владениях.⁹³⁴ Картина получается довольно любопытная: приблизительно половина населения Тортуги занималась каперством, в той или иной мере совмещая морские «промыслы» с мирными занятиями.

Список флибустьеров Тортуги

Имя командира	Название корабля	Количество пушек	Численность экипажа
Сьер де Граммон	«Арди»	52	300
Капитан Лоран де Грааф, датчанин	«Нептун»	54	200
Капитан Мишель	«Мютина»	44	280
Капитан Жонке, голландец	«Дофина»	30	180
Капитан Ле Саж	«Тигр»	30	130
Капитан Деденан	«Шассер»	20	120
Сьер Дюмениль	«Тромпез»	14	100
Капитан Фокар	«Ирондель»	18	110
Капитан Бреа	«Фортюна»	14	100
Капитана Лоран	Приз	18	80
Капитан Бернанос	«Сеть»	8	60
Капитан Кашмаре	«Святой Иосиф»	6	70
Капитан Бло	«Жуаньона»	8	90
Капитан Виньерон	Барк «Луиза»	4	30
Капитан Пти	«Рюзе»	4	40
Капитан Лагард	«Сюбтиль»	2	30

⁹³³ Жан-Батист Антуан Кольбер де Сеньелэ (1651–1690) — сын «Великого» Кольбера, с 1683 г. статс-секретарь по военно-морским делам, фактический руководитель военно-морских сил Франции.

⁹³⁴ *Pluchon P. Histoire de la colonisation Française. T. I. P. 382, 383.*

Капитан Верпре	«Постийон»	2	25
Всего		328	1945

Однако население постепенно покидало Тортугу, и лихие флибустьеры не могли чувствовать себя на «родном» острове столь же вольготно, как раньше. В одном из своих писем де Кюсси с гордостью признавался: «Я уничтожил флибустьерство, как того пожелал Двор... хотя сейчас и желал бы, чтобы успех мой был не столь полным — ведь тогда десять или двенадцать кораблей с немалым числом храбрецов курсировали бы вдоль наших берегов».⁹³⁵ Кюсси вторил его приемник, знаменитый французский моряк Жан-Батист Дюкасс, в письме королю горько сожалевший об уничтожении флибустьерства.⁹³⁶ В глубине души почтенный администратор, по-видимому, сожалел о прежних временах. «В прошлом флибустьеры действовали только против испанцев, - писал он 19 марта 1700 г., которые из-за буллы Александра полагали себя владельцами всех Индий, а со всеми прочими нациями обращались как с ворами и обрекали их на погибель. Сейчас все совсем не так... Флибустьеры не должны больше так называться. Они пираты, пенители морей, захватывают добычу у всех наций, а у нас больше чем у кого бы то ни было, совершают рейды и силой похищают людей!»⁹³⁷ Итог можно подвести его же словами: «Остров Тортуга являет собой недоступный утес, где торговли происходит едва на семь тысяч экю в год. Этот остров был первым французским владением, а засим сорок лет — прибежищем флибустьеров. Сейчас же он ни на что не пригоден».⁹³⁸ Пиратская вольница на Тортуге подошла к концу: в 1694 г. последних колонистов посадили на суда и переправили во французские поселения на северном побережье Сан-Доминго.⁹³⁹

⁹³⁵ *Newton A. P.* The European Nations in the West Indies... P. 328.

⁹³⁶ *Ibid.* P. 329.

⁹³⁷ Archives Nationales. Colonies. C 9. A. 5. F. 39.

⁹³⁸ *Блон Ж.* Флибустьерское море. С.251.

⁹³⁹ *Губарев В.К.* Пираты острова Тортуга... С. 365.

Опорные базы: Испанский Мэйи и Тихий океан

Мы рассмотрели, как происходил процесс превращения тайной флибустьерской базы в колониальное владение в середине XVII в. С подобной тактикой подготовки стоянки на уединенных островках или в редко посещаемых заброшенных бухтах нередко приходится сталкиваться и на рубеже XVII–XVIII вв. У Дампира есть рассказ об одном из таких «укромных уголков», маленьком, богом забытом островке Авес⁹⁴⁰, затерянном на границе Испанского Мейна к востоку от островов Кюрасао и Бонайре;⁹⁴¹ он словно держал под прицелом торговые пути вдоль побережья Испанского Мейна. Северное побережье островка представляло собой пустынную низину, затапливаемую приливом. С юга к острову было не подойти из-за усеявших все море коралловых рифов. Столь же опасным выглядело и восточное побережье. Зловещую репутацию ему создали майские события 1678 г., когда, напорвшись на скальные «бастионы», здесь вдребезги разбилась французская эскадра вице-адмирала Жана д'Эстре, направлявшаяся для захвата голландского Кюрасао. Из-за упрямства и спесивости вице-адмирала, пренебрегшего советами офицеров и лоцманов, предупреждавших его о коварстве местных вод, французские корабли вышли точно на страшные зубцы каменных нагромождений и один за другим разбились на рифах. Погибло семь военных кораблей. Место крушения, разумеется, стало известно всему миру, да и сами французские буканьеры, ходившие в поход вместе с военной эскадрой, взяли его на заметку. Кое-кто из них рассказывал Дампиру, как они недели три сидели на рифах, собирая с разбитых кораблей пожитки покинувших их офицеров и прочие разности, которые могли им пригодиться (вспомним Робинзона Крузо). Поживились буканьеры вином, бренди, свининой и говядиной. Свою добычу они перетаскивали в палатки на берегу, тем самым открыв своего рода новые традиции «берегового права» на никому не принадлежавшем острове.⁹⁴² И таких любителей

⁹⁴⁰ Принадлежит сегодня Венесуэле.

⁹⁴¹ Современное владение Нидерландов.

⁹⁴² *Dampier W. A New voyage round the world / With an introduction by sir Albert Gray and a new introduction by Percy G. Adams. New York: Dover Publications, 1968. P. 43, 44. (Далее: *Dampier*).*

«легкой охоты» вокруг сыскалось немало, вскоре вокруг останков эскадры закипели настоящие страсти: желающие поднять пушки и завладеть «корабельным деревом» не преминули дать о себе знать.⁹⁴³

Впрочем, восточная оконечность острова вообще пользовалось сомнительной славой. Зато его западные берега слыли среди каперов и пиратов более безопасными и вполне подходили для укромных стоянок. Пустынное, неприветливое побережье вряд ли могло обрадовать ценителя живописных пейзажей. От моря в глубину острова тянулась кустарниковая саванна, изредка «разукрашенная» колоннами колючих кактусов, придавая Авесу типично американскую «внешность». Однако бесплодие и негостеприимность западного берега ничуть не отпугивали каперов и пиратов — как раз наоборот: они располагались в его отличной гавани для ремонта и кренгования.⁹⁴⁴ Приходя на Авес или другой островок с такими же «достоинствами», пираты первым делом вытаскивали на берег пушки, возводили на самой высокой точке насыпной бруствер, устанавливали на нем свои орудия и ставили под прицел вход в бухту («чтобы помешать прийти врагу, когда мы будем на кренговании»)⁹⁴⁵ Затем они строили дом или ставили палатки из парусов, заносили внутрь всю провизию и имущество, после чего могли в относительном спокойствии конопатить корабль, охотиться, запасаться пресной водой, а то и просто предаваться праздности.

Естественно, что морские бродяги искали все новые и новые уединенные места с таким же стратегически выгодным расположением, позволявшим держать под контролем торговые пути. В этом безлюдии «береговое братство» могло спокойно, вдали от противников, разделить добычу, провести совет и голосование, объявить сбор для похода. Сведения о таких стоянках передавались изустно, и как пройти туда, знали только опытные моряки.

⁹⁴³ Ibid.

⁹⁴⁴ Кренгование, иногда килевание (от *голл.* krengen — «класть судно на бок для ремонта», русские производные «крен», «кренить», т. е. валять для починки, «кренитое судно») — операция, связанная с очисткой корпуса судна от наростивших за время плавания ракушек, моллюсков и водорослей. При совершении процедуры кренгования корабль кренили на один бок и отскребали с корпуса все наросты, конопатили его и смолили.

⁹⁴⁵ *Dampier*. P. 45.

Многие описания Эксквемелина и Дампира проливают свет на «ритмы повседневности» каперско-пиратского мира, когда разбойники заняты своими самыми насущными делами. «Набив корабль бананами доверху, мы двинулись вдоль берега в поисках удобной гавани, где можно было бы откилывать наш корабль, который дал течь; несколько рабов постоянно стояли у помпы: иначе бы корабль затонул. На четырнадцатый день мы вошли в большую бухту, которую пираты называют заливом Блексвельдт. Это название восходит к имени одного из пиратов, который часто посещал эту бухту для починки кораблей. Там нам представился случай, не откладывая, заделать течь.»⁹⁴⁶ Побывал в этом заливе и Дампир. Переименовав название залива в Блуфилдс⁹⁴⁷, Дампир рассказал об одноименной реке на побережье Никарагуа, в устье которой находится чудесная глубокая бухта, как нельзя лучше подходящая для «чистки» кораблей.⁹⁴⁸

Если мы перенесемся в Тихий океан, то увидим ту же картину. Вот Дампир на «Бэчелорс Дилайт» 9 мая 1684 г. подошел к маленькому острову Лобос-де-ла-Мар у перуанского побережья. С севера к острову подобраться было невозможно из-за окружающей его побережье линии рифов. Разделенный на два небольших островка узким каналом, по которому могла пройти только шлюпка, Лобос-де-ла-Мар привлек внимание пиратов защищенной от ветров укромной крошечной скалистой бухточкой в западной части восточного островка. В ней можно было спокойно кренговать корабль.

«Здесь мы отскребли наши корабли и, подготовившись к плаванию, допросили пленных, чтобы узнать, есть ли среди них человек, способный провести нас к какому-нибудь подходящему для захвата городу — ведь незадолго до этого они сообщили, что испанцы извещены о нашем появлении и, пока мы здесь, они не будут перевозить по морю никаких богатств. Из городов

⁹⁴⁶ Эксквемелин. С. 204.

⁹⁴⁷ Блаувельд (Блаксвельд, Блуфилдс) Абрахам — голландский приватир, в 1630-х гг. действовавший в районе Гондураса, Никарагуа и Коста-Рики. В 1640-е гг. он использовал в качестве операционной базы голландский Новый Амстердам и Ямайку, а к 1660-м гг. обосновался у мыса Грасьяс-а-Диос, где жил среди индейцев и занимался заготовкой кампешевого дерева.

⁹⁴⁸ *Dampier*. P. 32. Любопытно, что и Эксквемелин и Дампир описали в своих книгах местную достопримечательность — морских коров ламантинов, в изобилии встречавшихся в местных водах.

рассмотрели Гуаякиль, Зану, Трухильо и другие. В конце концов остановились на Трухильо как на самом многообещающем. Долгого обсуждения не было, поскольку мы знали, что это очень населенный город. Между тем величайшая трудность заключалась в высадке на берег, так как ближайший порт, Гуанчако, находился в шести милях, а место там было такое скверное, что иногда даже местные рыбаки не могли причалить по три или четыре дня. Невзирая на это, 17 мая после полудня люди с обоих судов собрались и проголосовали за нападение. Всего насчитывалось 108 человек, годных для дела, кроме больных. И днем позже мы намеревались отплыть, прихватив с собой призовое судно. Однако на следующий день один из наших людей, оказавшись своевременно на берегу, увидел три судна, направлявшихся к северу, — два из них проходили с западной части острова, а третье шло между островом и континентом.

Мы тотчас подняли якоря и погнались за ними; капитан Итон... бросился за теми двумя, которые шли в открытом море. Мы на корабле капитана Кука преследовали того, который направлялся к континенту; быстро настигли его, захватили и пошли с ним обратно к острову, так как увидели, что капитану Итону, захватившему оба преследуемых судна, помощь не нужна. Он пришел с одним из призов — другой же был так глубоко под ветром, что его не удалось привести, но он надеялся сделать это на следующий день...

Суда, которые мы взяли... шли из Гуанчако, все три с мукой, и направлялись в Панаму. Два из них еле передвигались, до такой степени их загрузили, третье же было наполнено лишь наполовину, но вице-король Лимы приказал ему идти с остальными или же оно должно было отказаться от плавания до тех пор, пока мы не покинем здешние воды. Он понадеялся, что если суда выйдут раньше, то смогут ускользнуть от нас. На самом большом судне было письмо от вице-короля Лимы губернатору Панамы: он предупреждал, что в море появились враги, и поэтому отправляет три судна с мукой, которых они, может быть, еще и не ждут (Панама снабжалась из Перу), и требует ее бережливо расходовать, поскольку неизвестно, когда он сможет послать еще. На этом корабле было также семь или

восемь больших бочек джема из айвы, величавый мул для губернатора и очень большая деревянная статуя Девы Марии, вырезанная и расписанная, чтобы украсить новую церковь в Панаме и посланная из Лимы вице-королем.»⁹⁴⁹

Несмотря на столь удачный дебют, буканьерам пришлось откорректировать планы: причиной тому была информация, полученная от испанских пленных. Они «сообщили, что жители Трухильо возводят на побережье в Гуанчако форт, чтобы помешать любым намерениям произвести здесь высадку. Получив такие сведения, мы... проголосовали за то чтобы идти с тремя призами к Галапагосским островам...»⁹⁵⁰

В рассказе Дампира мы обнаруживаем все ту же будничную тональность, повседневную пиратскую жизнь, в которой многое, если не все, на первый взгляд слагается из случайных обстоятельств, ускоривших или замедливших ход событий. Однако так ли это? Случайны ли предпринимавшиеся пиратами «акции» — все эти погони, захваты, грабежи, чередовавшиеся с добыванием сведений — допросами, пытками, поиском «языков», засылкой лазутчиков и шпионов? Любой план действий обсуждался на совете, и обязательно кто-нибудь из «братьев», уже бывавший в тех краях или знававший занесенного туда ранее «товарища», припоминал ценную информацию. Бывалый моряк всегда мог дать дельный совет, а отправленная на разведку группа приносила нужные сведения о расположении порта, секретах лоции или находила на берегу союзников: индейцев, негров или таких же головорезов, готовых принять участие в нападении. Любая пиратская операция непременно предполагала своего рода подготовительный этап, а значит — временной резерв и хорошую островную или прибрежную базу.

Дампир в качестве такой базы упоминал Галапагосские острова — заброшенные в океане и словно проклятые, эти необитаемые места не могли не привлечь пиратов. «Двадцать пять куч золы, сваленных там и сям на пригородном пустыре; вообразите, что иные из них выросли до размеров великой горы, а

⁹⁴⁹ *Dampier*. P. 74, 75.

⁹⁵⁰ *Ibid.*

пустырь — это море, и вы получите некоторое понятие о том, как выглядят Энкантадас, или Заколдованные острова», — так писал Герман Мелвилл в очерке, посвященном пустынным Галапагосским островам, известным испанцам как Энкантадас.⁹⁵¹ Как знать, может быть, так же думали и пираты из экипажа «Бэчелорс Дилайт», которые, захватив три приза, решили двинуться неизвестным маршрутом в пустынные широты Тихого океана, где «под экватором и по другую сторону от него лежало огромное множество больших островов».⁹⁵²

Добирались они до островов одиннадцать дней и 31 мая 1684 г. впервые увидели на горизонте их очертания. Квартирмейстер Эдвард Дэвис, успевший поведать морякам «Бэчелорс Дилайт», что ему уже приходилось бывать на этих островах, вспоминал далеко не только упоительный вкус местных черепах, которыми он и его команда питались все три месяца, проведенные на Галапагоссах. Он привел разбойников к таким якорным стоянкам, о которых нельзя было даже мечтать: казалось, сама природа позаботилась о пиратах и припасла для них столь замечательное прибежище — отличное место для кренгования. Морские бродяги простояли здесь двенадцать дней и заготовили большие запасы муки (200 т⁹⁵³) на случай, если придется сюда возвратиться.

Описанный эпизод вполне типичен, как правило, так все и происходило. Герман Мелвилл, ходивший моряком в этих водах и прекрасно знавший Галапагоссы, проницательно уловил тайны островов: «Никакое иное место на земле не могло бы в те дни служить столь верным укрытием, столь недоступным тайником. Здесь, посреди огромного безмолвного океана, чей негостеприимный вид отпугивал случайного морехода, однако же всего в нескольких днях пути от богатых земель, где флибустьеры искали свою поживу, они обретали тот покой,

⁹⁵¹ Мелвилл Г. Энкантадас, или Заколдованные острова // Мелвилл Г. Собрание сочинений. Т. 3. Л., 1988. С. 145. Мелвилл привел в своем произведении удивительное, «жуткое и нелепое» поверье о происхождении названия островов, связанное с обитающим здесь странным видом черепах (galapago по-испански — «черепаха»). Моряки «всерьез убеждены в том, что все потерпевшие крушение морские чины, в особенности же коммодоры и капитаны, после смерти (а иногда и перед смертью) превращаются в черепах и потом пребывают на этой выжженной суше как единственные, навечно одинокие владыки Асфальта.» (Там же. С. 148, 149).

⁹⁵² Dampier. P. 75.

⁹⁵³ Ibid. P. 114.

которого сами беспощадно лишали гавани в этой части земного шара. Сюда устремлялись эти разбойники былых времен, выдержав жестокий шторм, либо потрепанные в схватке с жаждущим мести врагом, либо удирая на всех парусах со своей золотой добычей, и здесь отсиживались, уже ничего не опасаясь. Но был этот остров не только надежным пристанищем и местом отдохновения — он и в других отношениях был весьма полезен. Остров Баррингтон (один из Галапагосских островов. — *Д. К.*) как нельзя лучше приспособлен для ремонта, кренгования, пополнения припасов и прочих моряцких надобностей. Мало того, что там есть хорошая вода и удобные стоянки, защищенные от всех ветров высокой стеной Альбемарля, — из этой группы островов он наименее бесплоден. Он изобилует черепахами, годными в пищу, деревьями, годными на дрова, и высокой травой, годной для постелей».⁹⁵⁴

Похоже, что именно этими соображениями руководствовались и вполне реальные «герои» пиратских битв. От эпидемии какой-то болезни (то ли лихорадки, то ли чумы) «спасался» на островах Вудс Роджерс в 1709 г. Не раз упомянутый нами квартирмейстер Эдвард Дэвис, спустя несколько лет после описанного прихода на остров «Бэчелорс Дилайт», уже командуя этим кораблем и возвращаясь в Вест-Индию, сделал крюк и наведлся на Галапагоссы. Вполне вероятно, что одной из его задумок было как раз желание воспользоваться оставленными здесь припасами, в том числе мукой, припрятанной в тайных хранилищах острова (а возможно, и парусами, запасными рангоутами и т. п.). Тем более, что путь ему предстоял неблизкий. От Галапагосских островов он прошел к чилийскому побережью, где блуждая в местных водах и отыскивая проход в Атлантический океан, к юго-западу от Среднего Чили он неожиданно увидел неизвестный берег. Ту самую легендарную «Землю Дэвиса», которая на много лет снискала обнаружившему ее моряку славу человека, впервые нашедшего мифическую «Южную Землю» — *Terra Australis Incognita*.⁹⁵⁵ Что же касается

⁹⁵⁴ Мелвилл Г. Энкантадас... С. 166.

⁹⁵⁵ *Terra Australis Incognita*, относилась к числу последних «великих» мифов западной цивилизации, на протяжении нескольких веков привлекавших внимание исследователей. Этот огромный материк, уравнивавший

Дампира и его спутников, то они, покинув Галапагосские острова, направились к острову Кокос, а оттуда, переходя с острова на остров, добирались до Панамского залива и южноамериканского побережья, нацеливаясь на испанские торговые трассы.

Впрочем, пираты отнюдь не были первооткрывателями подобного продвижения с опорой на острова. Перед нами — старинная система плавания по морям, в которой острова играют роль своего рода эстафетной палочки. «Уцепившись» за один остров, моряки переходили к близлежащей земле, и так далее, пока не прибывали в порт назначения. Собственно, к этому во многом и сводилось каботажное плавание, как, например, торговля в Средиземном море. Похожую систему воспроизвели испанцы в Тихом океане. На протяжении долгого времени их торговые корабли при переходах вдоль южноамериканского побережья, от Чили до Панамы, испытывали немалые навигационные трудности. Большую часть года в этих широтах господствовали южные ветры, и суеверный страх попасть во власть безжалостного пассата и быть вынесенным в необъятные океанские просторы заставлял моряков держаться поближе к береговой линии, бесконечно петляя среди мелей, рифов и островков. Вдобавок их подстерегали штормы, штили, опасные течения, продолжительность плаваний сильно увеличивалась, а на укромных стоянках многочисленных островков поджидали пиратские засады. Разбойники действовали со своих прибрежных баз и наносили точечные удары по каботажному мореплаванию и портам, однако приходили они к побережью с запада. В глубине Тихого океана, на расстоянии нескольких переходов от материка, как раз и находились «опорные цитадели» буканьеров.

бездонные воды Тихого океана, должен был располагаться где-то глубоко в южной части Южных морей, поскольку ниже экватора океан был пуст. По географическим характеристикам он должен был походить на Европу, так как лежал в тех же широтах, только в Южном полушарии, ниже 45 градуса южной широты, и простирался до полюса. Его безуспешно искали испанцы А. де Менданья (1567 и 1595), П. де Кирос (1605), Л. де Торрес (1606), голландцы В. Янзон (1606), Я. Карстенс (1623), А. Тасман (1642) Я. Роггевен (1721–1723), англичане Д. Байрон (1764–1766), С. Уоллис (1766–1768), Ф. Картерет (1766–1769), Д. Кук, французы Л. А. де Бугенвиль (1766–1769) и Ж.-М.-Ф. де Сюрвиль (1769–1770), И. Ж. де Кергелен де Тремарек (1772, 1774). В конечном итоге, так и не найдя Южного материка и «Земли Дэвиса», географы-исследователи перенесли название этой легендарной земли на открытую в южной части Тихого океана Австралию.

Далекие тихоокеанские острова Мелвилл назвал «острова-часовые». Опыт моряка позволил писателю поставить в один ряд с португальцем Васко да Гамой легендарного испанского мореплавателя Хуана Фернандеса, решившегося на чрезвычайно рискованный эксперимент. Поистине нужно было обладать отчаянной решимостью океанского мореплавателя, чтобы сделать попытку оторваться от берега и пойти курсом от материка в безбрежные просторы «Испанского моря». Но, как выяснилось, этот путь давал возможность, сместившись из зоны пассатов, обойти прибрежные опасности, и, сократив время плавания, вернуться к побережью. Что и сделал Хуан Фернандес, когда, отклонившись от привычных маршрутов и двигаясь в открытом море, натолкнулся на пустынные острова, названные впоследствии его именем. Возвратившись в Лиму, он получил патент на заселение новых земель. Однако попытка колонизовать далекие острова сорвалась, оставив, впрочем, о себе любопытное воспоминание. Испанцы завезли туда коз, которые хорошо прижились и получили известность после выхода в свет романа Даниеля Дефо «Робинзон Крузо», поместившего своего героя на один из островов, найденных Хуаном Фернандесом.

Новыми дорогами в океане незамедлительно воспользовались пришедшие из Вест-Индии буканьеры, осевшие на далеких необитаемых островах. Они лежат на широте 33 градусов примерно в 400 милях к западу от Вальпараисо. Самый крупный из них — остров Мас-а-Тьерра (23 км в длину и 8 км в ширину), то есть «лежащий снаружи», дальше от материка. Он выглядел «очень внушительно, — как заметил Мелвилл. — Когда подходишь к нему в облачную погоду с одной определенной стороны, он своей большой высотой и ломаными очертаниями, а главное — своеобразно скошенными вершинами сильно напоминает исполинский айсберг, застывший в величавом покое. Бока его изрезаны длинными щелями, как старинный собор с сумрачными боковыми приделами. Приближаясь с моря к такому ущелью после долгого плавания и видя, как навстречу по его камням круто спускается какой-нибудь оборванный бродяга с посохом в руке, человек, равнодушный к живописным зрелищам, испытывает очень странное

чувство.»⁹⁵⁶ Сродни, наверное, чувствам, охватившим Дампира, когда он в марте 1684 г. попал на остров и увидел на берегу индейца Уильяма, ставшего прототипом Робинзона Круза.

Гористая Мас-а-Тьерра была прекрасным пристанищем для морских разбойников. Холмистый остров с мягким климатом, радовал глаз английского буканьера, пленив его пейзажами, словно сошедшими с пасторальных картин. Очаровательные живописные долины, извилистые ущелья, высокие корабельные сосны, пресноводные ручьи, обилие овощей и злаков (маис, пшеница, горох, картофель), вкусное мясо морских львов и отличная козлятина — удобств и удовольствий на острове было предостаточно. Значительную ценность острову в глазах буканьеров придавали особенности ландшафта, окружавшего их якорные стоянки. Годились для «пристанища» судов только две гавани, расположенные в восточной части острова. В удобные скальные бухточки впадали речушки, снабжавшие приютившихся здесь пиратов пресной водой. Горловины бухточек прикрывали скальные выступы, позволявшие небольшим фортам держать под обстрелом входы внутрь гавани, с запада же высились неприступные горы, подступавшие к самому берегу. «Пятьдесят человек могли бы продержаться здесь против тысячи», — с удовлетворением констатировал Дампир, вспоминая, как пять пиратов из команды Дэвиса отстояли неприкосновенность своего «логова» от атак испанцев.⁹⁵⁷

Стоянки на Мас-а-Тьерре послужили многим пиратам. Немало на острове было связано со знаменитым Бартоломью Шарпом, не раз заходившим сюда и даже предлагавшему британскому правительству заселить острова Хуан-Фернандес, превратив их в центр английского влияния на Тихом океане, который при необходимости можно было бы использовать и как военную базу. Правда, не все происшедшее на острове он бы мог вспомнить с удовольствием. В 1681 г. здесь пристали и провели большой совет пираты, занесенные в эти воды первой

⁹⁵⁶ Мелвилл Г. Энкантадас... С. 158, 159.

⁹⁵⁷ Dampier. P. 68–70.

тихоокеанской волной. Разъяренные неудачей, постигшей их под городом Ла-Серена (они чуть было не потеряли корабль⁹⁵⁸), пираты обвинили Шарпа в трусости и отстранили его от командования, а новым руководителем выбрали Джона Уотлинга.⁹⁵⁹

В своих опорных цитаделях пираты «чистили перышки», готовясь к рейдам по испанским поселениям. Для непосредственного удара они подбирались поближе к материку и рассыпались в островных лабиринтах у побережья. Одним из таких излюбленных потаенных местечек была необитаемая Горгона, славившаяся жемчужными отмелями, — дивный горный остров, поросший высоким вечнозеленым лесом: хрустальные ручьи, прорезавшие его, словно разветвленные кровеносные сосуды, приносили с гор прозрачную свежую воду. На западной стороне острова пираты облюбовали прекрасную вытянутую бухточку с чистейшим дном и низким песчаным пляжем. В 1680 г. здесь чинили свои поврежденные корабли люди Бартоломью Шарпа. В январе 1685 г., уединившись на острове, пираты Эдварда Дэвиса и Чарльза Свана⁹⁶⁰ произвели осмотр захваченного неподалеку приза. Они нашли на нем несколько ящиков с джемом и около четырех яров⁹⁶¹ бренди, и поделили их между собой⁹⁶².

Похожую роль играл и гористый остров Койба в заливе Чирики, отделенном от Панамского залива полуостровом Асуэро. Вокруг него нередко шаталось сразу несколько пиратских банд. В июне 1685 г. сюда из-под Панамы добрались разогнанные испанцами флибустьерские отряды. По пути они попали в тяжелый

⁹⁵⁸ Ночью испанцы незаметно подплыли на лошадиной шкуре к кораблю и с помощью серы и других горючих материалов попытались поджечь его. Пламя уже успело захватить руль, когда пираты спохватились, успев потушить начинавшийся пожар.

⁹⁵⁹ Джон Уотлинг погиб спустя несколько дней во время нападения на Арику.

⁹⁶⁰ Дэвис встретился со Сваном возле острова Плата в октябре 1684 г. Капитаном 36-пушечного «Бэчелорс Дилайт» (пришел в Тихий океан из Вест-Индии, сначала дойдя до западного побережья Африки, а затем обогнув мыс Горн) Эдвард Дэвис стал после смерти капитана Джона Кука. «Компаньон» Дэвиса, Чарльз Сван, на своем «Сигните» пришел в Тихий океан, преодолев Магелланов пролив. История «Сигнита» весьма показательна: английское торговое судно появилось в Южных морях для ведения легальных торговых операций с испанцами, а Сван, по-видимому, и не помышлял о пиратстве. Однако испанцы, напуганные грабежами англичан Д. Кука и Д. Итона, отказались вести дела со Сваном. Когда же на случайной стоянке у местечка Никойя люди Свана познакомились с пиратами капитана Питера Харриса, то, соблазненные богатыми перспективами грабежа, переметнулись на сторону буканьеров. Перед Сваном стояла дилемма — либо оказаться брошенным одному на испанском берегу, либо присоединиться к пиратам, что он и сделал.

⁹⁶¹ Мера жидкости, равная приблизительно восьми пинтам (около четырех с половиной литров).

⁹⁶² *Dampier*. P. 123, 124.

шторм. Барк капитана Брэнли, оставшийся без грот-мачты, не сумел дотянуть до здешних гаваней, и все люди с него перешли на судно капитана Дэвиса. Получил тяжелые повреждения и «Сигнит» Свана, потерявшийся из виду. Но потаенная стоянка на Койбе, хорошо знакомая пиратам, соединила всех «потерянных» и предоставила им убежище для производства ремонтных работ. Нам неизвестно, договаривались ли пираты о месте встречи заранее, но когда Дэвис дошел до острова, его подопечные немедленно обнаружили капитана Харриса, уже расположившегося в бухте. На следующий день, 16 июня, в бухте бросил якорь и «Сигнит» Свана. «Наши капитаны затеяли совещание, чтобы обсудить новые возможности поймать фортуна» и решили пойти на север вдоль мексиканского побережья, надеясь также перехватить манильский галеон.⁹⁶³

Великолепным стратегическим плацдармом для атак на испанцев были и невысокие лесистые Жемчужные острова, или Кингс-Айлендс, расположенные в Панамском заливе прямо на пути флота, доставлявшего ценности из Лимы в Панаму. Буканьеры, приходившие в Тихий океан из Карибского моря, облюбовали эти клочки суши, считавшиеся богатейшим местом и превращенные ими в идеальное укрытие для засады. Нередко на побережьях Жемчужных островов собиралось сразу несколько пиратских группировок, ожидавших возможности «сорвать банк». Не сговариваясь, они подтягивались в залив, как правило, используя путь через Дарьенский перешеек, превратившийся, по словам Дампира, в настоящую «приватирскую тропу», и «заступали на пост». В марте–мае 1685 г., например, на островах одновременно засели шайки Гронье, Лекюйе, Свана, Таунли, Дэвиса и других главарей. В ожидании торговой флотилии из Лимы буканьеры ремонтировали свои корабли, лавировали между островами и материком, прихватывая случайные суда, посылали лазутчиков к индейцам, чтобы узнать свежие новости и не пропустить поджидаемую добычу. Откроем дневники Дампира, действовавшего в составе группы Дэвиса и Свана, и перед нами

⁹⁶³ Ibid. P. 149, 150.

предстанет насыщенная событиями жизнь пиратской засады на Жемчужных островах.

3 марта Сван на «Сигните» покинул якорную стоянку и пошел к материку. Он рассчитывал передать через местных индейцев письма на Ямайку, наказав им вручить послания первому английскому судну, которое они встретят по ту сторону перешейка. Тем временем люди Дэвиса с «Бэчелорс Дилайт», крейсера возле бухты кренгования, углядели два приближавшихся барка. В них пираты вскоре признали призы капитана Таунли⁹⁶⁴, о пребывании которого в здешних водах они были осведомлены. Один приз шел с мукой, другой — с вином, бренди, сахаром и маслом. Из допроса пленных испанцев пиратам стало известно, что перуанская флотилия готова к отправлению в Панаму. Сван тем временем возвратился от устья реки Санта-Мария на материке. Он принес «новые» сведения о Таунли, полученные от индейцев. По их информации, Таунли пошел к Жемчужным островам. Он уже наметил здесь островную стоянку и выгрузил лишние вещи на берег, чтобы разместить всех своих людей на борту. Через несколько дней Дэвис и Сван взяли маленький барк, идущий из Гуаякиля, но кроме балласта ничего на нем не нашли. Прошел еще день, и с материка на каноэ приплыли индейцы. Они сообщили о новой «партии» белых — чуть не трех сотнях французов и англичан, — появившихся на побережье откуда-то с севера. Спустя сутки, 15 марта, люди Дэвиса и Свана наткнулись на «пять или шесть» англичан с маленьким барком. Предводитель маленького отряда, некто господин Генри Мор, заявил о своей принадлежности к команде капитана Найта, который уже около полугода бороздил местные воды⁹⁶⁵ и растерял часть своих людей. Новое судно принял капитан Харрис⁹⁶⁶, которого и отправили к реке Санта-Мария на поиски той группы, которая, по словам индейцев, блуждала где-то рядом вдоль побережья⁹⁶⁷.

⁹⁶⁴ Отряд Таунли (около 180 человек, в основном англичане) вышел с Ямайки, пришел в залив Ураба и в начале 1685 г. перешел Дарьенский перешеек. Оказавшись в Панамском заливе, Таунли изготовил несколько каноэ, а затем захватил два упомянутых судна.

⁹⁶⁵ Группа Уильяма Найта осенью 1684 г. перешла Панамский перешеек, построила каноэ и до встречи с людьми Свана захватила несколько испанских призов.

⁹⁶⁶ Питер Харрис пришел через Дарьенский перешеек.

⁹⁶⁷ *Dampier*. P. 139, 140.

В отличие от необитаемых Горгоны или Галапагосских островов, Жемчужные острова были заселены испанцами. Среди панамской аристократии, «джентльменов Панамы», как выражался Дампир, острова приобрели репутацию курортного места. Построив на них множество прекрасных вилл, вельможи и торговцы с материка привыкли, удалившись сюда, предаваться отдохновению под сенью фруктовых садов и высоких пальм. На многочисленных богатых плантациях, разбросанных по островам, негры-рабы выращивали рис и табак, собирали бананы, виноград и другие фрукты. Забот у испанцев хватало и без пиратов. Черные невольники часто совершали побеги с плантаций и, обосновавшись в лесах, выходили ночью «на большую дорогу», грабя виллы и подстерегая путников.

С появлением пиратов тревог у «курортников» прибавилось. В толчее островков, разделенных глубокими узкими проливами, пираты отыскивали укромную стоянку. Она скрывалась в юго-восточной части архипелага — у острова Сен-Поль — и отвечала всем запросам осторожных буканьеров: безопасность, наблюдательный пункт, удобство для ремонта, плацдарм для нападений на Панаму, добраться до которой можно было за сутки. «Обрывки» суши со всех сторон окружали гавань, превращая уютный островок в некое подобие атолла. Попасть внутрь бухточки можно было только с севера, воспользовавшись узким глубоким каналом.⁹⁶⁸ Отремонтировав свои суда на маленьких песчаных пляжах, пираты могли сидеть здесь в засаде несколько недель в ожидании богатой добычи, а пока торговых судов не попадалось, терроризировали окрестности. Выходя регулярно на промысел, они грабили близлежащие островки и городки на материке, увозя оттуда коров, телят, быков, домашнюю птицу и запасаясь маисом.

Сходная судьба ждала и большой красивый остров Пуна, расположенный много южнее Панамы, перед портом Гуаякиль, посреди Гуаякильского залива. В отличие от жаркого и удушающе влажного Гуаякиля, на зеленой Пуне царствовал

⁹⁶⁸ Ibid. P. 125.

благодатный климат. Тропические ливни, постоянные туманы снискали Гуаякилю недобрую славу места крайне нездорового, попадавшие туда часто мучились головными болями, лихорадками и желудочными коликами. А Пуна словно жила другой жизнью, и оттого ценилась горожанами как целительный курортный район. Если в центре острова простиралась равнина с удобными пастбищами и разбросанными по ней карликовыми пальмами, то ближе к побережью начиналась совсем другая климатическая зона. Свежий морской бриз доносил до сладостных фруктовых садов и мангровых рощ живую прохладу, многочисленные ручьи, ключи и источники в избытке снабжали жителей восхитительной водой. Местные индейцы, будучи прекрасными мореходами, выращивали здесь ямс, маис и картофель. Главный и одноименный острову городок Пуна был не очень велик, в нем насчитывалось десятка два домов высотой 10 или 12 футов, построенных на сваях. Комнаты в домах жители обшивали досками, крыши покрывали пальмовыми листьями, а внутрь попадали по лестнице, пристроенной снаружи. В центре города располагалась портовая гавань с великолепной якорной стоянкой, «красивый, приятный, глубокий оазис, очень подходящий для кренгования».⁹⁶⁹ Этакий уютный пасторальный мирок, благоденствие и покой которого в 1687 г. перечеркнула ужаснувшая испанцев оргия насилия.

Весной интернациональное флибустьерское содружество под командованием Франсуа Гронье, Лепикара и Джорджа Хаута⁹⁷⁰ захватило один за другим все три форта, защищавшие Гуаякиль, и ворвалось в город. Разжившись жемчугом, серебром, драгоценными камнями и десятками тысяч пиастров⁹⁷¹, пираты обложили население данью, взяли заложников и поставили властям провинции ультиматум: захватчики грозились уничтожить граждан и сжечь город и все корабли, если им не предоставят гигантского выкупа в один миллион

⁹⁶⁹ Ibid. P. 108, 109.

⁹⁷⁰ Уже после захвата города к ним присоединился Эдвард Дэвис, который помог пиратам отбить попытки испанских кораблей из Перу освободить Гуаякиль.

⁹⁷¹ Среди захваченной добычи находились серебряная пушка и дверца дарохранильницы из местного кафедрального собора. Сделанную из золоченого серебра, ее украшала фигура орла очень тонкой работы с большими изумрудами на месте глаз.

пиастров и 400 мешков муки. Пока испанская администрация готовила выкуп, разбойники грабили город, пытали его жителей, требуя показать, где спрятаны ценности. Попытки чередовались с шантажом, угрозами и насилием, а чтобы заставить жителей поскорее расстаться со спрятанными деньгами, пираты решили устроить показательные казни и отрубали головы пленникам на месте. Трупы никто не убирал, искалеченные тела убитых и казненных валялись на улицах, и вскоре возникла угроза эпидемии. Кроме того, в городе вспыхнул пожар. Попытки потушить пламя не увенчались успехом, более трети города выгорело. Заваленный разлагавшимися телами и пропитанный вонью разложения и гари, Гуаякиль вскоре стал угрозой для жизни и самих пиратов. Некоторые из них уже ощущали недомогание; и тогда бандиты вспомнили про Пуу. Немедленно перебравшись на «дачный» остров, грабители подальше от загубленного смрадного города дожидались исхода дела. Они проводили время в пирах, празднествах, кутежах и плясках. Прихватив с собой женщин, выпивку и музыкантов с лютнями, гитарами, барабанами и арфами, головорезы еще целый месяц обретались на курортном острове, пока наконец не получили выкуп (правда, значительно меньший, чем требовали) и не убрались из этих мест.

Поражает, с какой быстротой буканьеры «обжили» незнакомые им тихоокеанские острова. Все вышеперечисленные оккупированные ими пункты в середине XVII в. были мало известны мореходам. Располагались они на далекой периферии известного европейцам мира, в глубоких тылах испанской империи. На пути «джентльменов удачи», словно неприступная стена, высился гигантский массив лесных пространств материковой Америки. Со времен ставших уже легендарными рейдов Дрейка и Кавендиша по Тихому океану испанцев редко тревожили в западной части материка. Но запылало все испанское пространство в одночасье. Не прошло и десяти лет после нападения Моргана на Панаму в 1671 г., а секреты побережья уже стали известны пиратам, прорвавшимся в океан в 1679–1682 гг. Пролетел еще год — и последовала новая, вторая волна 1683–1687 гг. Разбойники уже вели себя в чужих морях как хозяева, они были прекрасно

осведомлены об испанских торговых маршрутах, все побережье лежало перед ними словно на ладони, тайные стоянки разбойников буквально усыпали все пространство тихоокеанского побережья. Они поочередно наносили удары то с востока, из глубин Вест-Индии, то с запада, из океанского массива, пускались в, казалось бы, совершенно авантюрные сухопутные рейды по Новой Испании, терзая испанские поселения со всех сторон, и одновременно, осваивая просторы Индийского океана, продвигались через Атлантику к Мадагаскару и Красному морю.

На путях к Красному морю: Сент-Мэри

Особенной известностью пользовался знаменитый «остров разбойников» Сент-Мэри. Он протянулся тонкой 63-километровой полосой вдоль восточного побережья Мадагаскара и отделен от него небольшим проливом. Вход в бухту Сент-Мэри охраняли два островка — Мадам и остров Корсаров. Коммодор Томас Уоррен, посланный в 1697 г. в Индийский океан бороться с пиратами, в своих донесениях в Лондон описывал обнесенный частоколом крупный бревенчатый форт на небольшом холме, вооруженный 40-50 пушками и охраняемый двумя десятками кораблей, стоявших на якоре.⁹⁷² Без лоцмана ни одно судно не могло пройти в узкий фарватер, и поэтому, приблизившись к бухте, корабли вставали на якорь, ожидая представителей пиратов. Те вскоре появлялись и, поднявшись на борт, проводили своеобразную инспекцию. Если корабль и экипаж не вызывали подозрений, лоцман вводил судно в гавань. Береговое братство Сент-Мэри знали во всем мире. Среди его главарей — немало знаменитых разбойников. Роберт Каллифорд, Томас Уайт, Томас Тью, Говард, Тейлор, Сэмюэл Берджесс и, наконец, скандальная «звезда» пиратского мира, капитан Кидд, повергали в ужас купцов всех национальностей и составили печальную славу острова Сент-Мэри как главного разбойничьего вертепа в Индийском океане. Работорговцы, купцы, контрабандисты из Нью-Йорка, Новой Англии и Вест-Индии прекрасно знали

⁹⁷² Calendar of state papers. Colonial series. America and West Indies. Vol. XVI: 1697 – 1698. London, 1905. P. 61-78.

бухту как место, где можно повернуть самые выгодные сделки, а в случае опасности всегда найти приют.⁹⁷³

Впрочем, оговоримся. Дважды разбойникам пришлось иметь дело с военными эскадрами, отправленными английским правительством для прекращения разбоя в Индийском океане. В первом случае, в 1699 г., когда к Сент-Мэри подошла эскадра коммодора Томаса Уоррена, пираты, затопив свои суда при входе в бухту и сняв пушки, убралась подальше в горы. Через несколько лет, в 1721 г., история повторилась, и на якорь у Сент-Мэри встала эскадра коммодора Томаса Мэтьюза. Но когда отправленный бот подошел к берегу, выяснилось, что остров пуст. На пляже валялись лекарства, битая фарфоровая посуда, пряности — словом, все говорило о том, что пиратские корабли в спешке уплыли с Сент-Мэри. Видимо, когда у разбойников был шанс исчезнуть, они старались не упустить его, не помышляя о схватках с военными судами даже под защитой своих укреплений. Хотя, по мнению П. Прингла, подобное поведение можно объяснять и другими причинами. Не следует забывать, что пираты были «морскими волками», и участь «сухопутных крыс», вынужденных сражаться на суше, вряд ли их устраивала. Кроме того, порядок и условия внутренней жизни пиратского сообщества до сих пор остаются загадкой. Вполне вероятно, что, связанные на море определенными жесткими обязательствами, на берегу пираты не подчинялись ни капитану, ни Богу, ни дьяволу, и захватить лидерство вне корабля никому не удавалось, что, разумеется, препятствовало организации действенного сопротивления.⁹⁷⁴

§ 3. ФЛИБУСТА И МОДЕЛЬ КОЛОНИАЛЬНОГО НАЕМНИЧЕСТВА

С точки зрения военного социума флибуста была достаточно четко организована. Рассмотрим ее в качестве модели вооруженного социума. Вот,

⁹⁷³ См. подробнее: *Ritchie R. C. Captain Kidd and the War against the Pirates*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1986. P. 84–89, 116, 118.

⁹⁷⁴ *Pringle P. Jolly Rodger. The story of the great ages of piracy*. New York: W. W. Norton, 1953. P. 186.

например, одна из военных баз разбойников - маленький островок Исла-де-ла-Вакас (Коровий Остров), спрятавшийся у юго-западного берега Эспаньолы и не раз становившийся пунктом сбора головорезов.⁹⁷⁵ Здесь поселились охотники, снабжавшие пиратов мясом. Мели и рифы тянулись вдоль всей прибрежной линии, поэтому в здешних водах от моряков требовалось предельное внимание. В 1679 г. Дампир на торговом судне «Лойал Мерчант оф Лондон» проходил Исла-де-ла-Вакас и заметил, что бывалый командир корабля капитан Нэпмен, стал непривычно строг и бдителен, стараясь держаться как можно дальше от берега. Причина была проста. Нэпмен развеял недоумение своего пытливого моряка, рассказав, что ему уже приходилось ходить здесь, и однажды, в 1673 г. небрежность помощника капитана стоила ему судна.⁹⁷⁶

О том, насколько откровенен был тогда Нэпмен и не сгустил ли он краски, Дампир мог задуматься спустя несколько лет, когда судьба привела его на Ваку, но уже при совершенно других обстоятельствах. В 1683 г. на этом острове ему довелось стать свидетелем того, как пираты делили взятую добычу среди членов экипажа голландца капитана Янки и избирали себе руководителей: на командование захваченным испанским призом претендовал квартирмейстер британец Джон Кук. Капитан Янки, не пожелав расставаться с трофеем, отобрал все добро у англичан и оставил их на острове.⁹⁷⁷

Сколько еще подобных историй о «справедливом вознаграждении» мог бы поведать знаменитый остров – ведь именно на его пляжах морские разбойники выгружали и делили добро, захваченное «братствами» Франсуа Оллоне и шевалье де Граммона. Здесь же, в январе 1669 г., взорвался флагманский 22-пушечный фрегат «Оксфорд» знаменитого Генри Моргана. Случившаяся катастрофа, впрочем, не отвратила Моргана от любимого Ваку. Летом 1670 г. он уже начал

⁹⁷⁵ Англичане называли этот остров Айленд-оф-Эшес (Остров Пепла). Современное название – Ваку, принадлежит Ганги.

⁹⁷⁶ *Dampier*. P. 7.

⁹⁷⁷ *Ibid*. P. 55. Французский капитан Тристьян забрал нескольких из англичан на свой корабль и пришел на французский Пти-Гоав. Воспользовавшись сходом французской команды на берег, англичане (Кук, Э. Дэвис) захватили его судно и вышли в открытое море, зайдя по дороге на остров Вака и прихватив сидевших там «компаньонов».

готовился к очередному рейду – на этот раз целью экспедиции предполагалась Панама. Флотилия Моргана пришла сюда из Порт-Ройала на британской Ямайке, и «адмирал» бросил клич всем желающим присоединиться к нему, назначив сбор в водах между Ваку и Эспаньолой. От желавших насолить испанцам не было отбоя: с Тортуги и Эспаньолы к Моргану двинулись толпы добровольцев, до отказа набивавшихся во все, что могло плыть, а иные даже шли посуху к южному берегу острова, чтобы сесть там на корабли и шлюпки. Сбор затянулся, и тут же вскрылись проблемы с продовольствием для всей этой армии авантюристов. Вдобавок налетевший шторм повредил несколько кораблей – им требовался срочный ремонт. И «благословенный» остров предоставил все необходимое. Знаменитая бухта в те достопамятные дни напоминала гигантский муравейник. Люди заполнили и сушу, и прибрежные воды, все были заняты делом, а уж занятие «по душе» нашлось каждому. Почти на любом судне было, что подремонтировать: одни из них бросили якорь в бухте, другие пришлось вытащить на прибрежный песок, и они, словно нежась на солнце, лежали на боку. Работа кипела: поднимались и опускались паруса, стучали молотки, звенели пилы, а кто-то взял в руки швейную иглу. Этому разношерстному «рабочему люду» требовалось какое-то жилье, и неподалеку от моря, на просторном лугу, как грибы, из досок и пальмовых ветвей и прочего подручного материала, выросли шалаши и хижины – тогдашние строительные временки. Те же, от кого на этих работах не было особого проку и кто не годился даже смолить борта, становились провиантмейстерами: охотой в местном лесу они добывали мясо, которое затем варили, парили, жарили, а кое-что и засаливали впрок. Чем не армия накануне кампании!

Сходная картина наблюдалась и во время похода. Планы той или иной экспедиции пираты старались сохранить в тайне. Владея самыми точными сведениями о противнике и располагая широкой агентурой, разбойники всегда

могли нанести удар в самое уязвимое место обороны.⁹⁷⁸ Среди них всегда находилось немало опытных, знающих военное дело людей, и потому не удивительно, что они перемещались по морю и по суше согласно военным правилам. Флотилии, например, были разделены на эскадры, терминология применялась сугубо военная. Так, в походе Моргана на Панаму по подсчетам Эксквемелина принимало участие «тридцать семи кораблей и несколько небольших барок. После генерального осмотра выяснилось, что на них насчитывается две тысячи один человек; все хорошо вооружены ружьями, пистолетами, саблями, у всех были порох и пули, а также все прочее необходимое боевое снаряжение. На каждом корабле были пушки соответственно водоизмещению кораблей; на адмиральском корабле было двадцать две пушки и шесть басов, и он был тяжелее всех, на других было по двадцать, восемнадцать, шестнадцать, четырнадцать пушек, а на самом малом корабле насчитывалось всего лишь четыре пушки; все корабли были снабжены порохом, гранатами и всем прочим артиллерийским припасом».⁹⁷⁹ А вот другой поход на Панаму, уже в 1685 г. «Наш флот, - рассказывал Дампир, - состоял из десяти судов – сначала 36-пушечное судно капитана Дэвиса, 156 человек, большинство англичане, 16-пушечный корабль капитана Свана и 140 человек, все англичане. Это были единственные корабли, *способные сражаться* (курсив – Д. К.); на остальных не было никакого оружия, кроме стрелкового. Капитан Таунли насчитывал 110 человек, все англичане. Капитан Гронье имел 308 человек, все французы. У

⁹⁷⁸ Например, в разгар Аугсбургской войны, в 1696 г., резко уменьшилось население Ямайки – из 2440 человек, проживавших на острове в августе 1695 г., осталось 1390. Особенно сильные потери понесло морское население: его численность сократилась с 1200 человек до трехсот. Причиной столь резкого падения числа жителей явились «деспотические» действия командиров британских военных кораблей, насильственно забиравших моряков в свои экипажи. В ответ на столь непопулярные меры жители Ямайки бежали на французскую половину Сан-Доминго, где завербовывались в ряды французских каперов и предоставили французам ценнейшие сведения об укреплениях Ямайки, численности местного гарнизона и уязвимых местах фортификационных сооружений. Так, один из английских пленников, бежавший с Сан-Доминго, сообщал властям о намерениях французов вторгнуться на остров и об их расчетах на помощь пятисот якобитов, которые должны были присоединиться к высадившимся войскам (Crouse N. M. *The French struggle for the West Indies, 1665–1713*. New York: New York: Columbia University Press, 1943. P. 191,213. Далее: Crouse). Такое поведение местных жителей объяснялось и политическими событиями: «славная революция» 1688 г. и восшествие на престол Вильгельма Оранского вызвали недовольство известных своей неприязнью к англичанам ирландских католиков, приверженцев Стюартов и свергнутого короля Иакова II. Им куда ближе была католическая Франция, приютившая у себя Иакова II и поддерживавшая якобитов.

⁹⁷⁹ *Эксквемелин*. С. 163.

капитана Харриса – 100 человек, большинство англичане. Под командой капитана Брэнли было 36 человек, и англичане, и французы, на тендере Дэвиса 8 человек и на тендере Свана 8 человек; на барке Таунли – 80 человек и на маленьком 30-тонном барке, превращенном в брандер, находилась гребная команда. Всего 960 человек».⁹⁸⁰

На суше соблюдался столь же строгий порядок, пираты передвигались по всем правилам военного искусства, с авангардом и арьергардом, над их отрядами развевались флаги, опытные инструкторы готовили разбойников к бою. В июле 1642 г. английский капитан Уильям Джексон отправился в рейд по Испанскому Мэйну на трех кораблях, снаряженных Провиденсийской компанией. Со своей эскадрой он прошелся между Барбадосом и Сент-Кристофером и умудрился завербовать почти тысячу головорезов, только и ждущих случая потрепать испанцев. В отчете о плавании Джексон упомянул об учениях, которые проводят с ними их начальники, и при этом назвал их «солдатами». Эти люди неплохо подготовлены и вооружены мушкетами, карабинами, кремневыми ружьями, пиками, шпагами, абордажными саблями и другим оружием, подходящим для нападения».⁹⁸¹

Даже спустя полвека после описанных нами событий, когда пиратство уже превратилось в преследуемое законом криминальное сообщество и попало под жесткий прессинг государственного давления, банды морских разбойников оставались столь многочисленными, что вызывали постоянную опасность для колониальных властей. Их действия угрожали безопасности заморских владений, и в донесениях местных губернаторов постоянно присутствовали тревожные нотки. В одном из своих посланий в Лондон (31 мая 1718 г.) губернатор Бермудских островов Бенджамин Беннет признавался, что если пираты Тича Черной Бороды соберутся вместе, то намного превзойдут в численности доверенные ему гарнизоны и военно-морские силы. По сведениям губернатора,

⁹⁸⁰ *Dampier*. P. 147.

⁹⁸¹ *Colonizing expeditions to the West Indies and Guiana, 1623–1667* / Ed. by V. T. Harlow. London: Hakluyt Society, 1925. P. 2, 3.

Тич и его «компаньон» полковник Стив Боннет располагали пятью судами и командами в семьсот человек. Вместе с ними в море находилось еще несколько пиратских экипажей, среди которых были люди капитана Вэйна (60 человек на 6-пушечном шлюпе) и четыре сотни французов на двух кораблях.⁹⁸² В середине мая 1718 г. Черная Борода на своем «Куин Эннс Ривендж» в консьорте с тремя шлюпами атаковал Чарлстон в Южной Каролине, один из крупнейших атлантических портов. Объединенные силы экипажей Тича по мнению губернатора Южной Каролины Роберта Джонсона насчитывали более 400 человек.⁹⁸³ Неожиданно войдя в гавань, Тич блокировал все стоявшие там корабли с ценными грузами и богатыми пассажирами. Он предъявил ультиматум местному губернатору Роберту Джонсону и потребовал выкуп за заложников и кораб с аптекарскими припасами — на пиратских судах было полно больных. В случае отказа Черная Борода пригрозил сжечь все суда, стоявшие в гавани, казнить пленников и прислать их головы губернатору.⁹⁸⁴ Пока представитель заложников вел переговоры в муниципалитете, Тич отправил командира одного из своих судов, Ричардса, и его команду в город. Бандиты нагло расхаживали по Чарлстону и вконец запугали местных жителей. Власти покорились и отправили пиратам лекарства на сумму в 300 или 400 фунтов стерлингов — лишь бы скорее избавиться от незваных гостей. Правда, на этом шантаж не закончился: пираты потребовали выкуп за корабли и пленных. Пришлось заплатить еще около 1500 фунтов стерлингов золотом и серебром, а также предоставить пиратам провизию и необходимое снаряжение. Все эти примеры, как нам представляется, служат яркими свидетельствами справедливости предложенной историками концепции «военно-морской революции» в эпоху модернизации. Но дело не только в том, что военно-морские державы взяли на вооружение такую специфическую колониальную модель кондотьера.

⁹⁸² Calendar of state papers. Colonial series. America and West Indies, 1660–1738. Vol. XXX. P. 261. Робертса численность. Экипаж Уильяма Муди включал 130 человек Ibid. P. 411, 412.

⁹⁸³ Ibid. P. 266

⁹⁸⁴ *Captain Charles Johnson (DeFoe D.) A general history of the robberies and murders of the most notorious pirates / Ed. by Manuel Schonhorn. Columbia: University of South Carolina Press, 1972. P. 74.*

Вынужденный «союзник» в реалиях борьбы за колонии

При анализе конкретных условий функционирования морского разбоя мы вновь столкнулись с той же проблемой, которая возникла при изучении его терминологии – расхождением между «бумажной» законодательной практикой и конкретными реалиями. В конце концов, законы часто оставались на бумаге, а «не в душе», как заметил Отфей. Получатели каперских грамот всегда имели возможность выйти за рамки четких инструкций и действовать на свой страх и риск, прикрываясь соответствующими документами. У идущих на промысел постоянно находились аргументы, чтобы убедить себя не останавливать военных действий и продолжать нападения на противника и после заключения мирных соглашений. На периферии тогдашнего мира, где-нибудь на Антильских островах, таких возможностей, разумеется, было больше, чем в Европе. Флибустьерская братия была слишком отчаянным и дерзким «союзником», чтобы его можно было контролировать «от и до». Уж слишком далеко находились Париж и Лондон, чтобы сделать королевские указы обязательными для этих опасных людей, тысячами нитей связанных не только с местной администрацией, но и с влиятельными политическими кругами метрополии. Оказавшись перед дилеммой — подчиниться приказу свыше и остановить грабеж в силу перемен в сферах высокой политики или продолжить разбой на свой страх и риск, — «береговые братья» нередко выбирали второе.

Яркий пример подобного рода демонстрирует биография наиболее известного антильского «пирата» Генри Моргана. В 1670–1671 гг. этот знаменитый разбойник осуществил самую крупную разбойничью операцию в испанских морях, захватив один из важнейших центров Новой Испании, город Панаму. Для понимания деятельности Моргана очень важно, не ограничиваясь описанием фактов, оценить его тактику и погромы, учиненные им в Панаме, с точки зрения дипломатической ситуации в Европе и в Америке. До смерти испанского короля Филиппа IV в 1665 г. королю Англии Карлу II не удалось достичь примирения с Испанией. Не последней причиной было то, что Англия

продолжала удерживать захваченную в 1656 г. эскадрой Уильяма Пенна Ямайку и покровительствовала антильским флибустьерам, предоставляя им каперские свидетельства. Спустя два месяца после смерти испанского короля дело сдвинулось с мертвой точки, и в Мадриде завершились мирные переговоры между эмиссаром Карла II сэром Ричардом Фэншоу и герцогом Медина-де-лас-Торресом, действовавшим по поручению регентши королевства Марианны Австрийской, матери малолетнего короля Испании инвалида Карла II. В июне 1666 г. Фэншоу скончался от лихорадки и дипломатическую миссию возглавил Эдвард Монтегю, I граф Сэндвич. В мае 1667 г. он заключил новое соглашение с Испанией — отношения между двумя королевствами теперь должны были улучшиться, но об Америке в нем не было ни единого слова. Поэтому Морган и покровительствовавший ему губернатор Ямайки сэр Томас Модифорд могли и дальше вести себя по принципу «никакого мира за чертой», не рискуя нарушить достигнутые соглашения. В связи с этим нападения Моргана на Пуэрто-дель-Принсипе, разгром Портобелло (зима и лето 1668 г.), рейд в Маракайбо и Гибралтар (весна 1669 г.) более или менее укладывались в традиционную схему поведения каперов.

Все изменилось с приездом в Испанию сэра Уильяма Годольфина. 18 июля 1670 г. между Испанией и Англией был заключен Мадридский мир, изменивший ситуацию в Америке. Система папского меридиана рухнула, и испанцы признали права Англии на владение американскими территориями. Теперь английские флибустьеры оказались без работы. В соответствии со ст. 9, английские власти обязались положить конец пиратству в американских водах, пресечь разбой своих вольных подданных, прекратить выдачу им каперских свидетельств и тем самым подвести недавних «необузданных союзников» против испанцев под действие закона.⁹⁸⁵ Было, правда, одно важное обстоятельство — время, которое ушло на ратификацию соглашения (4 месяца) и на его опубликование в колониях (8

⁹⁸⁵ Подобного соглашения с Испанией к тому времени все еще не заключила Франция, и, соответственно, французские флибустьеры продолжали процветать.

месяцев). Когда Модифорд получил формальное сообщение о прекращении военных действий против испанцев, уже наступил май 1671 г. На американских территориях столь длительные отсрочки могли кардинально все изменить. Тем более что испанские власти постепенно склонялись к необходимости самим вводить каперские свидетельства против «иностранцев».

В подчиненных же Модифорду владениях события развивались в полном противоречии с мадридскими договоренностями. Перед угрозой испанского каперства и ожидаемого нападения на Ямайку губернатор предоставил Моргану полномочия на командование всеми военными судами и предписал принять меры «для сохранения спокойствия и процветания владений Его Величества в Вест-Индии». Согласно полученным полномочиям, Морган должен был выйти в море и обезопасить побережье Ямайки от готовившегося испанского вторжения. Ему разрешалось захватывать и топить все вражеские суда в пределах досягаемости, уничтожать склады и запасы военного снаряжения и провианта, высаживать на вражескую территорию столько людей, сколько он посчитает необходимым, и действовать сообразно с обстановкой. Распоряжение губернатора заканчивалось характерным пассажем: «Так как вознаграждение, чтобы подбадривать флот, выплачиваться не будет, то они (участники похода. — *Д. К.*) могут захватывать все товары и имущество в ходе этой экспедиции и делить между собой по своим законам». Морган объявил призыв для желавших участвовать в «тайной» экспедиции и, собрав многочисленных и разношерстных вольных добытчиков, в середине декабря 1670 г. вышел в неизвестном направлении. Отправленные на его поиски посланники господина Модифорда «не успели» доставить «адмиралу» Моргану сообщение о прекращении военных действий, а найти его флотилию в открытом море им, разумеется, не удалось — в результате за январь–февраль 1671 г. процветавшая Панама была превращена в груды руин. Короля Испании учиненный разбой привел в бешенство — ведь война между Испанией и Англией уже не велась, и получилось, что Морган просто пиратствовал при попустительстве не властей метрополии, а колониальной администрации,

действовавшей вразрез с внешнеполитическими акциями Английской короны. В апреле 1672 г., почти через год после возвращения флотилии Моргана в Порт-Ройял на Ямайке, ее командующий был арестован и на корабле «Вэлкам» отправлен в Лондон. Там уже в Тауэре содержался под стражей Модифорд, ранее своего протеже арестованный по обвинению в самочинных действиях и пособничестве пиратам прибывшим на Ямайку новым губернатором Томасом Личем. Бывшему губернатору, влияние которого в Лондоне ослабло после смерти в 1670 г. его могущественного родственника Джорджа Монка, первого герцога Альбемарльского, пришлось провести два года в заключении, прежде чем он смог восстановить былое влияние и оправдаться. Морган же не только сумел отвести от себя обвинения, но и, будучи возведен в рыцарское достоинство, в 1674 г. вернулся на Ямайку вице-губернатором. Лича сместили, на его место назначили графа Карлайла, а верховным судьей британских колоний стал Томас Модифорд.

Приведенный нами пример достаточно ярко подчеркивает особенности флибусты в Антильском регионе: морские разбойники при любой возможности пользовались каперскими грамотами, превращавшими их в «солдат» той или иной державы.⁹⁸⁶ Из приведенной ниже таблицы видно, что в большинстве своем, так называемые пиратские нападения, представляли форму каперской войны.

Таблица. Каперские грамоты, выданные французскими и английскими властями в Вест-Индии в 1648 – 1688 гг.

Годы	Государство, предоставившее грамоту	Полномочия	Государство, против которого направлена грамота
Тортуга и южное побережье Сан-Доминго (французское владение)			
1648 – 1654	Франция	Каперство	Испания

⁹⁸⁶ См. подробнее: *Taillemite E.* Les problèmes de la marine de guerre au XVII-e siècle // XVII-e Siècle. 1970. № 86–87; *Spatte O. H. K.* Monopolists and freebooters. Canberra: Australian National University Press, 1983; *Rediker M.* Between the Devil and the Deep Blue Sea. Merchant Seamen, Pirates and the Anglo-American Maritime World, 1700–1750. New York: Cambridge University Press, 1987; *Perron J.-F.* Flibustiers, corsairs et pirates: l'impact de leurs actions sur le déclin de l'empire Espagnol d'Amérique au XVII-e siècle. Québec, 2001; *Копелев Д.И.* Раздел Океана в XVI – XVIII вв.: истоки и эволюция пиратства. СПб.: Крига, 2009.

1660 – 1667	Франция	Репрессалии	Испания
1660 – 1667	Португалия	Каперство	Испания
1666 – 1667	Франция	Каперство	Англия
1667 – 1668	Франция	Каперство	Испания
1669 – 1671	Франция	Репрессалии	Испания
1672 – 1680	Франция	Каперство	Республика Соединенных Провинций
1673 – 1680	Франция	Каперство	Испания
1680 – 1682	Франция	Репрессалии	Испания
1684 – 1685	Франция	Каперство	Испания
Остров Ямайка (английское владение)			
1559 – 1663	Англия	Репрессалии	Испания
1665 – 1667	Англия	Каперство	Франция и Республика Соединенных Провинций
1666 – 1668	Англия	Репрессалии	Испания
1670 – 1671	Англия	Репрессалии	Испания
1672 – 1674	Англия	Каперство	Республика Соединенных Провинций

Источник: <http://www.geocities.com/trebutor/Livre/2F/L2C4.html>.

К услугам каперов губернаторы колониальных владений прибегали не только в войне против испанцев. Когда, например, в очередной раз обострились англо-французские отношения, французский губернатор д'Ожерон пригласил на Тортугу английских буканьеров и всеми силами пытался склонить их на свою сторону.⁹⁸⁷ Его преемник Жак Непве де Пуансэ вынужден был считаться с тысячей с лишним флибустьеров, обосновавшихся во владениях французской короны. «Обычно они занимаются каперством и нападают на испанцев; — буднично

⁹⁸⁷ Губарев В.К. Бертран д'Ожерон... С. 219

сообщал он в 1677 г. — 600 из них находятся под командованием некоего маркиза де Ментенона. Они никогда не исчезают надолго» и не желают подчиняться никому, в том числе и королю.⁹⁸⁸ Впрочем, несмотря на многочисленные издержки, сопровождавшие обращение к их услугам (невозможность контроля над «бродягами», их слабая дисциплина, особые финансовые требования, независимость, собственные начальники) альтернативы для колониальных правителей зачастую просто не оставалось.

Более того, в условиях колониальной Вест-Индии руководители флибустьеров вовсе не воспринимались своими соотечественниками в качестве неких маргиналов бандитов. В большинстве своем офицеры-дворяне, они выступали органичным социальным компонентом островного пространства, выполняя соответствующие экономические, политические и военно-оборонительные функции. Современники, наподобие аббата Жана-Батиста де Лаба, встречаясь с капитанами флибустьерами, совсем не чувствовали в них врагов отечества, более того, говорили о них уважительно и с почтением — это ведь не какие-то форбаны без рода и племени. Лаба был знаком и водил дружбу со многими из командиров корсарских кораблей: капитанами Керку, Ламбером, Пинелем, Стивом. В числе таких «солидных» людей мы встречаем, например, упомянутого Шарля-Франсуа д'Анжена, маркиза де Ментенона.⁹⁸⁹

Потомок старинного рода, он родился 1 декабря 1648 г. в семье маркиза Луи де Ментенона и Мари Леклерк дю Трамбле. В 1669 г. молодой маркиз продал свое родовое поместье королю Людовику XIV⁹⁹⁰ и в составе военно-морской эскадры отправился в Вест-Индию. Некоторое время он командовал небольшим фрегатом «Сивилла» и в 1673 г. участвовал в экспедиции против Кюрасао. На исходе

⁹⁸⁸ *Newton*. P. 323, 324

⁹⁸⁹ Биографию маркиза де Ментенона см.: *Laprise R. Figures de Proue: un dictionnaire biographique de la flibuste* // <http://membre.origom.ca/yarl/M/M.html>. Русскоязычная версия, подготовленная М. Жаровым, представлена на веб-сайте «Веселый Роджер»: *Жаров М. Ментенон, Шарль-Франсуа д'Анжен, маркиз де* // <http://www.privateers.ru/notorious-persons/mentenon.html>.

⁹⁹⁰ Король приобрел замок маркиза не без задней мысли. Вскоре владелицей его стала Франсуаза д'Обинье, вдова Скаррон, воспитательница внебрачных детей Людовика XIV и мадам де Монтеспан. Пройдет несколько лет, и в 1683 г. новонспеченная мадам де Ментенон заключит с королем тайный брак.

франко-испано-голландской войны он возглавлял несколько флибустьерских отрядов и совершил ряд нападений на испанские и голландские колонии, сколотив достаточный начальный капитал, чтобы начать предпринимательскую деятельность. Прошло всего несколько лет после окончания войны, а маркиз де Ментенон уже превратился в настоящего «сахарного короля» и стал владельцем крупнейшей рафинадной мануфактуры на Французских Антиллах. Он приобрел на Мартинике плантацию сахарного тростника, принадлежавшую, когда то одному из основателей французских колоний в Вест-Индии Пьеру Белену д'Эснамбюку, занял пост правителя острова Мари-Галант, и через некоторое время монополизировал французскую торговлю сахаром с Венесуэлой. Женившись на Катрин Жиро де Пуайе, дочери бывшего управляющего д'Ожерона съера Жиро,⁹⁹¹ маркиз занял прочные позиции среди колониальной элиты Вест-Индии. Когда в 1714 г. его родственники продали земельные владения, оставшиеся после смерти маркиза в апреле 1691 г., они получили круглую сумму в размере 318 тысяч ливров.⁹⁹² Перечисленные «пираты» несколько отличаются от бесшабашных проходимцев и грабителей. Их участие в колониальных войнах подчеркивает, что каперская война в действительности была, прежде всего, делом государственной политики, а не единственно вольным бандитским промыслом.

Наиболее многообещающим местом для получения каперской грамоты в середине XVII в. была французская Тортуга, так как Французское королевство было последним из великих держав, разграничивших свои заморские владения с Испанией. Расцвет подобной деятельности пришелся на период правления д'Ожерона. Флибустьеры выплачивали ему «десятину» с захваченной добычи. Восторженную оценку этой стороны деятельности д'Ожерона дал доминиканский монах Жан-Батист Лаба, путешествовавший по Вест-Индии в 1696 г. «Мне не приходилось, — сообщает он, — когда-либо видеть правителя более бескорыстного, чем он. Он едва соглашался принять малую долю того, что

⁹⁹¹ *Labat*. Т. I. P. 31; Т. II. P. 108.

⁹⁹² *Pritchard J.* In Search of Empire: The French in the Americas, 1670 – 1730. Cambridge: *Cambridge University Press*, 2004.

принадлежало ему по праву каперских грамот, выданных им во время войны. А когда у нас был мир с испанцами и наши флибустьеры от нечего делать могли отправиться к англичанам на Ямайку и повести туда свои суда, он позаботился снабдить их грамотами из Португалии, которая тогда воевала с Испанией, и наши флибустьеры продолжали представлять опасность для испанцев».⁹⁹³ В июне 1666 г., например, д'Ожерон предоставил португальские патенты Жану Франсуа Но, более известному как Франсуа Олоне, и его компаньону Мигелю Бискайцу.⁹⁹⁴ Вожаки прибыли на Тортугу во главе пяти или шести судов и четырех сотен человек, и к маю 1667 г. подготовили крупномасштабную военную экспедицию против Маракайбо, в которой также приняли участие известные флибустьерские предводители Моисей Воклэн и Пьер Пикардиец.

Практику д'Ожерона продолжил и сменивший его на посту правителя Жак Непвэ де Пуансэ. После заключения в 1679 г. Нимвегенского мира Людовик XIV повел двойственную политику, отказавшись предоставлять флибустьерам королевские каперские грамоты и одновременно позволив де Пуансэ выдавать грамоты от имени королевского наместника. Подобная «принципиальность» привела к событиям 1683 г., когда голландцы Лоран де Грааф и Николас ван Хорн вместе с французом Мишелем де Граммоном разграбили Веракрус. Разъяренный король Испании Карл II, возмущенный также агрессивностью французской политики в Испанских Нидерландах, объявил Франции войну.

В том случае, если корсару, по тем или иным причинам, было нежелательно заходить на Тортугу, он мог получить каперскую грамоту на английской Ямайке. Так, например, в списке флибустьерских судов, базировавшихся в Порт-Ройяле в 1663 г. насчитывалось 11 фрегатов и бригантин с экипажами численностью 740 человек, вооруженных 81 пушкой. Кроме них, в гавани нашли приют 4 судна с Тортуги с французскими экипажами в количестве 258 человек под командованием

⁹⁹³ *Labat*. Т. II. P. 210,211.

⁹⁹⁴ Настоящее имя неизвестно. По мнению Лаприза – это сьер д'Артиньи. Жан-Пьер Моро придерживается мнения, что под прозвищем Бискайца скрывался некий Мишель де Маристегюн (*Moreau J.-P. Une histoire des pirates des mers du Sud à Hollywood... P. 111*).

капитанов Дэвиса, Филиппа Бекеля и Кольстре.⁹⁹⁵ В 1665 г., во время войны против Голландии, губернатор сэр Томас Модифорд, рассчитывая на помощь «старого приватира» капитана Эдуарда Мансфельда и его 600 человек, предоставил ему каперскую грамоту с позволением действовать против голландского Кюросао.⁹⁹⁶ У того же имелась и португальская грамота против испанцев, и он направился в поход на Кубу.

Случалось и наоборот. Простаивая без дела, английские приватиры находили приют во французских владениях. Так, например, Джон Беннет, участник похода Моргана на Панаму, после заключения Мадридского мира направился на Тортугу и в 1674 г. получил каперское свидетельство от д'Ожерона, разрешавшее ему действовать против испанцев и голландцев. В апреле следующего года он захватил испанский фрегат «Буэн Хесус ву лас Алмас», зафрахтованный Бернардо Феррера Эспехо. На нем перевозились жалованье гарнизона Санто-Доминго в размере 46 тысяч пиастров. Через два месяца на двух кораблях он проник ночью в гавань Тринидада, сжег местный собор и увел в плен пятьдесят пленников, среди которых были женщины и дети.

Парадоксально, но факт – до конца XVII в. испанские власти отказывались пускать в обращение каперские свидетельства. Казалось, трудно было бы отыскать более подходящее средство, чтобы отомстить обидчикам – англичанам, голландцам и французам — и силами предприимчивых опытных испанских навигаторов положить конец их разбойничьей деятельности у испанских побережий Старого и Нового Света. Кроме того, привлечение частных лиц привело бы к экономии государственных средств, а быстрые маневренные каперские флотилии могли бы действовать куда эффективнее, нежели королевский флот.

⁹⁹⁵ Calendar of state papers. Colonial series. T. 5. America and West-Indies, 1661–1668. № 621. Среди названных командиров по-видимому фигурирует попавший в книгу Эксквемелина Джон Дэвис или Жан Давид, голландский флибустьер Ян Давид Мартен.

⁹⁹⁶ Ibid. P. 329,330,363.

В 1666 г. советник одной испанской торговой палаты предложил использовать для охраны американских вод фламандских приватиоров. Через три года похожее предложение последовало от арматоров Бискайского залива: судовладельцы были готовы снарядить восемь — десять кораблей к берегам Новой Испании, однако взамен хотели получить право беспошлинной торговли с колониями. Им было отказано, так как предоставление подобных привилегий означало бы официальную лазейку для контрабанды в обход строго регламентированного кодекса испанской торговли.⁹⁹⁷ Но развал океанских торговых линий и беззащитность пиратов, хозяйничавших в Вест-Индии, заставили испанские власти пойти на смягчение существующих правил. После разгрома Панамы Морганом, посол Испании в Англии Антонио Мексия и Пас, граф де Молина, решительно настаивал на применении Испанией каперства против англичан. По его мнению, «самым действенным и наименее дорогостоящим будет оживить корсаров Остенде и Бискайи. Всего лишь пустив в ход несколько клочков бумаги, мы можем повторить весь ущерб, который нанесли им во времена Кромвеля»⁹⁹⁸. Одним из самых известных каперов, пустившихся на охоту за вольными добытчиками, стал Мануэль Риверо Пардаль. Он вышел в море в 1670 г., возложив на себя миссию мстителя за страшный разгром, учиненный Морганом в Портобело. Взяв несколько каперских судов и бросив вызов самому «адмиралу» Моргану, испанский капер в конце концов сам угодил под удар британца Джона Морриса и погиб в завязавшемся сражении у кубинского побережья.

В феврале 1674 г. вышел указ о предоставлении на выгодных условиях каперских свидетельств. Вскоре в Вест-Индии появились испанские каперские суда — небольшие галеры, приспособленные для плавания на мелководье, с пушкой на носу и четырьмя орудиями на корме, которые сразу превратились в серьезную помеху для пиратов и контрабандистов, особенно в заливе Кампече,

⁹⁹⁷ *Haring C. H. Trade and navigation between Spain and the Indies in the time of the Hapsburgs. Cambridge: Harvard University Press, 1918. P. 250,251.*(Далее: *Haring*)

⁹⁹⁸ Донесение графа де Молины королеве-регентше Марiane от 24 июля 1671 г. (цит. по: *Stradling R. A. The Armada of Flanders. Spanish Maritime Policy and European War, 1568–1668. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1992. P. 236.*)

побережье которого было известно всему миру как центр добычи и переработки драгоценного кампешевого дерева.⁹⁹⁹

Вольные «солдаты»

В отличие от испанцев, британские и французские власти активно прибегали к помощи вольных союзников и прилагали все силы, чтобы привлечь бужаньеров на свою сторону и удержать при себе.¹⁰⁰⁰ Испытывая постоянный дефицит людских ресурсов и остро нуждаясь в вооруженных жителях, способных не только нападать, но и защищать колонии,¹⁰⁰¹ губернаторы отчетливо представляли рыночную конъюнктуру и знали, какой высокий спрос существует на услуги этого «сорвиголов». «Их около 1500 примерно на 12 судах, - писал начальник ямайской милиции полковник Томас Линч государственному секретарю Генри Беннету, лорду Арлингтону в мае 1664 г. - и, если им понадобится, то, за неимением английских каперских грамот, они могут заполучить французские и португальские и если что-нибудь захватят, то могут быть уверены в благосклонном приеме в Новых Нидерландах и на Тортуге. Поэтому их будут ненавидеть и проклинать, ибо испанцы всех в этих морях, в том числе и англичан, именуют мошенниками».¹⁰⁰²

Линч как в воду глядел. Когда вскоре англо-французские отношения обострились, д'Ожерон пригласил на Тортугу английских бужаньеров и всеми силами пытался склонить их на свою сторону.¹⁰⁰³ Ему, по-видимому, это удалось. В донесении от 1 марта 1666 г. губернатор Ямайки сэр Томас Модифорд сообщил

⁹⁹⁹ Haring. P. 251.

¹⁰⁰⁰ См., например, размышления по этому поводу Дж. Кендалла, которыми он поделился с Модифордом в ноябре 1664 г. (Calendar of state papers. Colonial series. 1661 - 1668. P. 253).

¹⁰⁰¹ Например, во время войны Франции против Испании, Священной Римской империи и Голландии (1674 - 1678) произошел показательный эпизод, о котором рассказал Питер Констан, голландский командир из эскадры вице-адмирала Якоба Бинкеса. В 1676 г. Констан направил к Сан-Доминго небольшую эскадру, чтобы побудить «буйных» местных жителей «сбросить невыносимое ярмо короля». С учетом бесперебойной контрабандной торговли, которую в нарушение всех королевских эдиктов на протяжении нескольких лет вели жители колонии с голландскими торговцами, казалось, что у них есть шансы на успех. Несмотря на радужные перспективы и ожидания, вошедших в гавань голландцев встретила мушкетная пальба, а стоявшие на якорю небольшие суда устремились в атаку. Неподготовленный натиск жителей Сан-Доминго был отбит, но развить успех голландцы не сумели. На следующий день к острову подошел правитель Тортуги де Кюсси и заставил голландцев ретироваться.

¹⁰⁰² Calendar of State Papers. 1661 - 1668. P. 211.

¹⁰⁰³ Губарев В.К. Бертран д'Ожерон...С. 219.

Джорджу Монку, I герцогу Альбемарльскому, о нападении «двух или трех сотен приватиров» под командованием голландца Эдварда Мансфельда на Кубу. Они высадились на побережье, и, преодолев 42 мили, разграбили и сожгли город Санкто-Спириту – испанский кавалерийский отряд из 200 всадников был обращен ими в бегство. Приватеры располагали португальскими грамотами, полученными от губернатора Тортуги, и губернатор Модифорд в письме герцогу всячески подчеркивал, что не имеет никакого отношения к этому нападению.¹⁰⁰⁴ Впрочем, даже несмотря на многочисленные издержки от их привлечения – невозможность контроля над «бродягами», их слабая дисциплина, особые финансовые требования, независимость, собственные начальники – колониальным правителям, зачастую, просто некуда было деваться.

Во время II англо-голландской войны (1665–1667) правитель Ямайки сэр Томас Модифорд отправил отряд против голландских баз на островах Синт-Эустатиус, Саба и Кюросоа и французских центров на Сент-Кристофере, Тортуге и Эспаньоле. Руководить военными действиями правитель назначил своего вице-губернатора полковника Эдварда Моргана, дядю Генри Моргана. В распоряжении полковника оказалась банда вооруженных буканьеров с Ямайки, настоящих неуправляемых «бандитов», явившихся в полной боевой готовности на семи небольших суденышках и потребовавших раздела будущей добычи по флибустьерским правилам, т. е. пополам. Участие этих головорезов, разумеется, сэкономило бюджет, и колониальным властям не пришлось тратить средств на их экипировку и снаряжение. «Почти все они недавние каперы, обычных колонистов среди них мало. Люди они решительные и хорошо вооруженные фузеями и пистолетами... Приобрели они все это в бытность каперами, и теперь их оснащение не потребует от короны никаких затрат, за исключением пороха и нескольких мортир».¹⁰⁰⁵

¹⁰⁰⁴ Calendar of state papers. Vol. V. P. 359. Модифорд описывал нападение Эдуарда Мансфельда, осуществленное в декабре 1665 г.

¹⁰⁰⁵ Calendar of state papers. Colonial series. Vol. V. P. 292, 293.

Флибустьерам был назначен сбор у острова Пинос, куда прибыл сам Морган со своей флотилией. В отчете об экспедиции, составленным заместителем Моргана полковником Теодором Кэрри, сохранился список флибустьерских главарей: Капитан Морис Уильямс на 18-пушечном корабле «Спикер»; капитан Джон Харман на 12-пушечном корабле «Сент-Джон»; Гаррет Гарретсон¹⁰⁰⁶ на 16-пушечном корабле «Сивилиэн»; капитан Роберт Сирл на 9-пушечном «Пирл»; капитан Джон Аутлоу на 6-пушечном «Олив Брэнч»; Алберт Бернадсон на 6-пушечном «Трумэн»; капитан Натаниэл Кобэм на 2-пушечной «Сусанне»; капитан Джон Бэмфилд на 1-пушечном «Мэйфлауэр»; капитан Эбрахам Маларб на 1-пушечном галиоте».¹⁰⁰⁷

При проведении военных операций возникли вполне прогнозируемые сложности. Во главе 319 человек Морган пошел на штурм: «Старый храбрец-полковник, верный своему долгу, устремился на берег - писал в донесении 16 ноября 1665 г. лорду Арчиндэйлу Модифорд, - Будучи человеком дородным, он еще и чрезмерно поел, так что в такой жаркий день переутомился, почувствовал сильное недомогание и внезапно умер».¹⁰⁰⁸ Привлеченные им к операции флибустьеры, после падения фортов Синт-Эстатиуса, отказывались сдвинуться с места до тех пор, пока не был решен вопрос о разделе добычи.

26 января 1666 г. началась англо-французская война. Спустя месяц, 22 февраля в столице Ямайки Сантьяго-де-ла-Вега прошло заседание Совета Ямайки под председательством генерал-майора сэра Томаса Модифорда. На совещании присутствовали полковник Генри Арчболд, подполковники Джон Коап, Роберт Биндлосс, Уильям Айви, Роберт Фриман, Томас Баллард и майор Томас Фуллер. Сохранившийся протокол этого заседания ясно показывает, какими мотивами

¹⁰⁰⁶ Знаменитый голландский пират Геррит Герритсзон по прозвищу Рок Бразилец, ставший известным благодаря книге Эксквемелина.

¹⁰⁰⁷ Calendar of state papers. Colonial series. 1661–1668. Vol. V. № 1088. «Сусанна» и «Мэйфлауэр» с командами в 60 человек после шторма отстали от флотилии. По-видимому, отстал от основных сил и «Сивилиэн» Рока Бразильца. «Олив Брэнч» капитана Аутлоу с экипажем в 96 флибустьеров ушел на ремонт в Виргинию и не вернулся. Его командир, известный также как Жан Отлан, впоследствии перебрался в Канаду, сражался против французов, был неоднократно ими пленен и скончался в Акадии (http://www.mygen.com/users/outlaw/captain_john_outlaw.htm).

¹⁰⁰⁸ Ibid. P. 330, 331: См. также: P. 319, 320.

руководствовались колониальные администраторы, обращаясь за поддержкой к приватирам.

Во-первых, каперы играют немалую роль в посреднической торговле и в снабжают остров монетами, слитками и разными необходимыми жителям товарами (какао, индиго, кошениль, сало, древесина), за которыми в Порт-Ройял затем приезжают торговцы из Новой Англии. Во-вторых, приватеры играют важную социальную роль, скупая у местных жителей сельскохозяйственные продукты и, тем самым, «помогая беднейшим колонистам». Кроме того, они закупают продукты местных производителей и ремонтируют свои корабли, поощряя отечественных ремесленников. Члены Совета, разумеется, особо внимательно проанализировали те выгоды, которые приносили приватеры обороне острова. Сотни англичан, французов и голландцев, осевших на Эспаньоле, Тортуге и южном и северном побережьях Кубы «вселяют ужас в испанцев» и поддерживают должную воинственность у самих жителей острова. Приватеры – самая настоящая «защита острова», они часто перехватывают испанские сообщения и уведомляют губернатора о планах противника. В результате, совет пришел к выводу, что прекращение практики выдачи каперских грамот приводит колонию к упадку. И дело не только в том, что испанцы продолжают захватывать суда под английским флагом и отправляют пленных на работы в Испанию. Основной урон приносит то, что приватеры уходят из Порт-Ройяла и приносят прибыль кому угодно, но только не англичанам, а ведь их участие в прибылях короны оценивается в 10–15 %.¹⁰⁰⁹

Власти начали подготовку к военным действиям, которые развернулись вокруг «яблока раздора», которым уже несколько десятилетий был остров Сент-Кристофер. Британская сторона сумела заручиться мощной поддержкой буканьеров, собрав у себя отряды Генри Моргана с Ямайки, который незадолго перед тем с Джоном Моррисом и Джекменом, используя португальские каперские грамоты, совершил рейд на Кубу и разгромил Санкто-Спирито. Это позволило

¹⁰⁰⁹ Ibid. 357–358.

англичанам превзойти противников в численности, которую французский наблюдатель определил в соотношении шесть к одному, а официальные английские данные — три–четыре к одному.¹⁰¹⁰ Получив поддержку, англичане имели явный перевес, и только мир в Бреде, заключенный 31 июля 1667 г., спас французские колонии от катастрофы.¹⁰¹¹

Достаточно часто услугами флибустьеров пользовались и во время франко-голландской войны (1672–1679).¹⁰¹² В 1673 г. генерал-губернатор французской Вест-Индии Жан-Шарль де Баас-Кастельмор готовил экспедицию против голландского Кюрасао. Ему на помощь направился правитель острова Тортуга Бертран д'Ожерон на собственном корабле «Экюэль» с отрядом флибустьеров, насчитывавшим около трехсот человек «сомнительной репутации». Во время плавания корабль попал в шторм и разбился на рифах к югу от Пуэрто-Рико. Высадившиеся на берег буканьеры были частью перебиты испанцами, а частью (в том числе и д'Ожерон) взяты в плен. Лишь изворотливость и хитрость уберегли незадачливого правителя от тяжелой участи. Он «притворился дурачком и показывал жестами, что не умеет говорить; поэтому испанцы оставили его в покое и не причинили ему никакого вреда, напротив, они даже кормили его объедками, в то время как все другие пленники страдали от голода».¹⁰¹³ Выждав подходящий момент, д'Ожерон со своим цирюльником осуществили побег, захватили каноэ, убив двух испанских рыбаков, и сумели добраться до французских поселений на Эспаньоле. Подняв французов на спасение оставшихся в плену «товарищей», д'Ожерон снарядил несколько кораблей и с семью сотнями человек двинулся на Пуэрто-Рико. Однако для испанцев планировавшаяся д'Ожероном внезапная высадка на побережье не явилась неожиданностью. Они дождались, пока французы углубились в лес, где напоролись на выставленную засаду. Флибустьеров перестреляли, сам д'Ожерон уцелел, но повторять вылазку

¹⁰¹⁰ Ibid. P. 359.

¹⁰¹¹ *Mimes S. L. Colbert's West India policy.* New Haven: Yale University Press, 1912. P. 126.

¹⁰¹² В 1673 г. войну Франции объявили Священная Римская империя и Испания.

¹⁰¹³ *Эксквемелин.* С. 215–218.

французы не решились, так как «один испанец на берегу стоил десятка пиратов, выходящих на сушу».¹⁰¹⁴ Ничего не добившись, французы д'Ожерона удалились восвояси. В свою очередь, и экспедиция де Бааса потерпела неудачу.

В 1677 г. пришедший в антильские воды флот вице-адмирала Жана д'Эстре нацелился на захваченную голландцами у французов Кайенну. К нему «на помощь» пришло добровольное «ополчение» буканьеров с Гваделупы, Сент-Кристофера и Тортуги, но операции закончились неудачей на острове Тобаго. В апреле следующего года д'Эстре вновь пришел в американские воды и расположился на Мартинике. Готовя экспедицию для захвата Кюрасао, вице-адмирал потребовал от губернатора Сан-Доминго прислать отряд флибустьеров на остров Сент-Кристофер, где был назначен общий сбор.¹⁰¹⁵ 7 мая д'Эстре со своими 18 кораблями стоял на острове, и вместе с ним — около тысячи флибустьеров на 12 судах.¹⁰¹⁶ Спустя несколько дней, тихим майским утром, на эскадре, неспешно продвигавшейся вдоль побережья Авесских островов, услышали пушечный выстрел с флибустьерского судна, идущего в голове колонны. Сигнал отчетливо гласил — флибустьер сел на мель, однако изменить что-либо уже было невозможно. Об опасностях этих усеянных острыми рифами и мелями вод вице-адмирала предупреждали. Однако гордый и самоуверенный граф д'Эстре, впервые оказавшийся здесь, не прислушивался к советам знающих офицеров и точно вывел всю эскадру на рифы. Флагман д'Эстре начал было разворачиваться — но поздно. Семь военных кораблей, три транспортных судна и три флибустьерских разбились вдребезги. Кюрасао был спасен, но в соответствии с заключенным 10 августа Нимвегенским миром Франция получила Кайенну и Тобаго. Примечательно, что шевалье де Граммону было поручено остаться на

¹⁰¹⁴ Там же. С. 219.

¹⁰¹⁵ Еще в августе 1677 г. правитель де Пуансе получил распоряжение короля собрать 200 буканьеров и в декабре направить их на Мартинику. К началу же следующего года он должен был переправить на остров еще один контингент, насчитывавший более тысячи человек (*Pritchard J. In search of empire... P. 294*).

¹⁰¹⁶ Среди главарей флибусты, привлеченных к экспедиции д'Эстре, были Франсуа Грамон де Ламот, более известный как «генерал Граммон» и его сподручные — Дюмулен и Жан Гасконец.

месте крушения и приводить разбитые корабли в порядок, после чего он осуществил успешную экспедицию против испанского Маракайбо.

Следующей войной, отчетливо выявившей «союзнические» способности флибустьерской публики, стала война Франции против Аугсбургской лиги (1688–1697). В самом начале войны всем вольным добытчикам, намеревавшимся принять участие в военных действиях, были обещаны каперские свидетельства. В 1689 г. главный правитель французских колоний граф де Бленак, готовя экспедицию против голландского Синт-Эстатиуса и английского Сент-Кристофера, получил поддержку со стороны 120 каперов, пришедших под командованием Жана-Батиста Дюкасса. В 1693 г. Дюкасс, уже став губернатором французской части Сан-Доминго, держал в своем распоряжении контингенты флибустьеров и отправил три или четыре сотни флибустьеров на поддержку сьеру де Борегару, который с собранной флотилией из шести судов направился в военную экспедицию против британских поселений на восточном побережье Ямайки. Правда, флибустьеры во время этого похода совершенно оконфузились. Причиной стал британский фрегат «Фэлкон», отправленный на защиту побережья.¹⁰¹⁷ Наткнувшись на него, сьер де Борегар собрал военный совет и высказался за нападение. Буканьеры же заявили, что в предстоящей схватке им «ничего не светит» и в лучшем случае они отделаются «искалеченными костями». Явно нарушая «добрые» традиции прибрежных разбойников, буканьеры дали стрелача, а победитель поневоле, «Фэлкон», преследовал их, захватив одно из отступавших судов. Реабилитировал незадачливых бандитов сам Дюкасс, пришедший к Ямайке и после отчаянного боя захвативший столь досадивший французским подданным «Фэлкон».

На следующий год губернатор Дюкасс совершил совместный с флибустьерами Лауренса де Графа победоносный опустошительный рейд против Ямайки. «Ущерб, нанесенный врагу этой операцией, — информировал де Лаба, — составлял более 12 млн, не считая военного 50-пушечного корабля, который они

¹⁰¹⁷ Calendar of state papers. Colonial series. Vol. XIV. London, 1903. P. 249, 298.

захватили, и множества других торговых судов, которые они увели с собой, посадили на мель или сожгли на берегу. Захваченных и поделенных негров-рабов насчитывалось девятнадцать сотен, но взятых отдельными лицами и не отнесенных к общей добыче было значительно больше. Что же касается денег в отчеканенной монете, мебели, товаров и предметов сахарного производства, то просто невозможно подсчитать точно стоимость всего этого. Достаточно сказать, что захваченного хватило на то, чтобы обогатить порядочное число флибустьеров и обитателей побережья, а Дюкасс и его офицеры сколотили такие огромные состояния, что им могут позавидовать наиболее богатые люди Европы».¹⁰¹⁸ Впрочем, французскому правительству не удалось воспользоваться огромной добычей, захваченной на Ямайке: в декабре 1694 г., возвращаясь во Францию, корабль «Темерер» с сокровищами на борту столкнулся с англичанами и после ожесточенного боя был захвачен.

Следующей крупнейшей операцией, предпринятой правительственными войсками совместно с флибустьерами, стал захват французами испанской Картахены в 1697 г. Командовавший захватом этой первоклассной крепости капитан 1-го ранга Жан Бернар Луи Дежан, барон де Пуэнти, действовал вместе с Дюкассом и особым флибустьерским отрядом с Тортуги. Король предоставлял в распоряжение де Пуэнти семнадцать линейных кораблей, фрегатов и других судов,¹⁰¹⁹ снаряженных и укомплектованных экипажами на несколько месяцев: всего 2638 офицеров и моряков и 1700 солдат.¹⁰²⁰ Барон брал на себя содержание военно-морского воинства, выплачивая им жалованье и снабжая их провизией. Десантные войска состояли на содержании короны. Особые условия, оговоренные накануне выхода эскадры в море, определяли, что пятая часть добычи отчисляется королю, а десятая часть – верховному адмиралу Франции графу Тулузскому.

¹⁰¹⁸ *Labat*. Т. II. P. 330.

¹⁰¹⁹ Линейные корабли «Скептр», «Сен-Луи», «Фор», «Вермандуа», «Фурье», «Аполлон», «Сен-Мишель», а также фрегаты, корветы, галиоты и флейты «Авенан», «Марэн», «Гальот», «Провидан», «Вишь д'Амстердам», «Дьепуа» и др.

¹⁰²⁰ *Villiers P.* *Marine Royale, corsaire et trafic dans l'Atlantique. De Louis XIV à Louis XVI. Vol. I.* Dunkerque: Société dunkerquoise d'histoire et d'archéologie, 1991. P. 190.

Офицеры и экипажи получали десятую часть от суммы, полученной после вычета всех расходов. Эти расходы ложились на плечи барона де Пуэнти, получавшего десятую часть прибыли всего предприятия. Если сумма полученных доходов превышала миллион ливров, то из сверхприбыли экипажу и офицерам выплачивалась лишь 1/30 часть. Вся оставшаяся сумма уходила компании вкладчиков, снаряжавшей экспедицию.

Деньги потекли рекой, и вскоре вкладчики, обеспокоенные слухами о предстоявших в мае 1697 г. мирных переговорах, начали торопить события. 9 января 1696 г. эскадра Пуэнти вышла из Бреста, и, уйдя из под удара сторожившей его английской эскадры, 25 февраля благополучно встала на якорь в гавани порта Кап-Франсэ на Сан-Доминго. В начале марта эскадра де Пуэнти пришла на Сан-Доминго. Начались непростые переговоры с Дюкассом относительно условий участия в деле флибустьеров. Стороны сговорились на условиях, принятых в каперской практике, когда добыча делилась «подушно», и вольные добытчики имели те же права на свою долю, что и экипажи королевских кораблей. Дюкасс привел 8 флибустьерских судов,¹⁰²¹ 170 солдат, 110 добровольцев из поселенцев, 180 негров и около 650 буканьеров, возглавляемых капитанами Пьерре, Галле, Макари, Коттю, Сале, Блуа, Годфруа, Бланка и др.

Бои за Картахену продолжались более трех недель и завершились сдачей крепости на почетных условиях: испанский губернатор вместе со всеми солдатами и офицерами при оружии и под развернутыми знаменами покидали Картахену, увозя с собой четыре орудия¹⁰²². Все движимое и недвижимое имущество покинувших крепость становилось собственностью барона де Пуэнти, сокровища, спрятанные жителями города, надлежало сдать. Французы применили очень ловкую схему выбивания имущества у горожан, пообещав оставить десятую часть ценностей тем, кто расстанется с ними добровольно. Одну десятую должны были получить и те, кто донесет о припрятанном имуществе, а также сообщившие о тех

¹⁰²¹ «Серпан», «Грасьез», «Пембрук», «Серф-Волан», «Мютэн», «Бригантэн», «Джерси» и «Англэ».

¹⁰²² См. подробнее: *Губарев В.* Пираты Карибского моря: Жизнь знаменитых капитанов. М.: ЭКСМО, 2009. С 289 – 312.

владельцах, которые расстались не со всем своим добром. Две с половиной недели продолжались «конфискации», а все собранные богатства складировались на флагмане де Пуэнти. Развязка произошла 25 мая, когда все было уже погружено на корабли, и эскадра покидала картаженскую гавань. Финансовый расчет барона оказался виртуозным. При дележе добычи карибские мастера разбоя потеряли бдительность, и вероломный аристократ обвел их вокруг пальца, отсчитав им столь незначительную долю добычи, что тем самым чуть было не спровоцировал мятеж. Вместо причитавшейся им доли примерно в два миллиона ливров, де Пуэнти приказал выдать около 150 тыс. Обманутые флибустьеры намеревались уже идти на abordаж флагманского корабля де Пуэнти. Конфликта среди победителей удалось избежать лишь благодаря вторичному разграблению Картажены, осуществленному уже силами одних флибустьеров — как водится, с пытками, обысками, грабежами и шантажом.

Война за испанское наследство (1701–1713) также оказалась отмеченной значительными каперскими операциями. «У врага двадцать приватиров», — с тревогой сообщал в начале войны правитель английских Навстремных островов Кодрингтон. Губернатор жаловался лондонским властям, что по ночам ими кишат тамошние гавани и они берут все проходящие мимо суда, а он не может послать ни с одного острова письма с приказом.¹⁰²³ Кодрингтон ничуть не преувеличивал размеров каперской активности, тем более что главная ставка Людовика XIV в морской войне делалась именно на каперство. Ни одна из посланных в Вест-Индию французских эскадр не обошлась без поддержки местных корсаров. В 1705–1706 гг. эскадры капитан-командора маркиза Анри Луи де Шаваньяка и капитана 1-го ранга Пьера Лемуана д'Ибервиля предприняли рейд против английских владений в зоне Антильских островов, атаковав Чарлстон, Сент-Кристофер и Невис. В составе их эскадр действовали флибустьерские бригантины, пришедшие с острова Мартиника. Когда же в 1712 г. небольшая эскадра под командованием Жака Кассара прибыла на Мартинику и изготовилась

¹⁰²³ Crouse. P. 268.

к удару по английским и голландским колониям, к ней также присоединились французские флибустьеры. Кампания Кассара прошла успешно, он разорил британские Монтсеррат и Антигуа (лето 1712 г.), а затем разгромил голландские Суринам (осень 1712 г.) и Кюрасао (зима 1713 г.).¹⁰²⁴

Мы видим, что участие британских и французских вольных добытчиков в войнах на Антильских островах и в Атлантике было весьма значительным. Причем характеризовалось это участие весьма важными особенностями. С одной стороны, они постепенно все более начинали походить на солдат регулярной армии, не пропускавших ни одной военной операции. С другой стороны, солдаты эти действовали наподобие кондотьеров-наемников, требовавших плату и получавших деньги за свои услуги, и суммы эти не шли в сравнение с жалованием на государственной службе. Всегда сохраняя за собой возможность отступления, эти союзники или не желали подчиняться приказам, или делали это с величайшей неохотой. Они могли превратиться в потенциальную угрозу собственным нанимателям и обратить оружие против властей и официальной торговли. Так произошло, например, с французским капитаном Жаном Моро, получившим в 1663 г. английский патент на действия против испанцев. Спустя год он захватил английский торговый корабль, а груз продал на Тортуге. В феврале 1665 г. у мыса Тибурон он встретился с английским кечем «Сваллоу» под командованием капитан Энсома, который захватил новоиспеченного «французского пирата», причем сам Моро погиб в бою. По решению суда Порт-Ройяла шесть пленных пиратов были повешены.¹⁰²⁵

Война позволяла флибустьерам регулярно возвращаться к своему «ремеслу» добытчиков, и пока войны эти велись активно, маргинальное сообщество не упускало случая подзаработать законным путем. Для них мертвая пора наступала во время мирных передышек, когда пребывавшая в вечном брожении бандитская масса искала, куда бы направить свою энергию. Сидя на своих потаенных

¹⁰²⁴ О Жак Кассаре см. подробнее: *Hrodej Ph. Jacques Cassard – armateur et corsaire du Roi-Soleil. Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2002.*

¹⁰²⁵ Calendar of state papers. Colonial series. America and West Indies... Vol. V. 1661–1668. № 942, 950.

якорных стоянках, они поджидали благоприятного случая, чтобы начать действовать. Губернатор Галифе в рапорте морскому министру от 20 ноября 1700 г. рассказывал об одном эпизоде, случившимся в его владениях: «Когда один высадившийся здесь форбан попросил у меня охранное свидетельство, я ему его предоставил согласно указу о королевской амнистии... Прожив восемь месяцев у семба (острова Сан-Блас в Панаме), он меня заверил, что с ним высадилось более восьмидесяти спутников, которые туда привезли около сорока негров и имеют от 3000 до 6000 фунтов серебром каждый, и все они ожидают амнистии, чтобы поселиться в этом городе. Мне кажется, это хороший повод побудить этих французов остаться в тех краях, если мы сочтем, что последствия сего могут быть приемлемыми и желательными. В противном же случае уверить их в королевском прощении и привлечь их сюда с их неграми и добычей».¹⁰²⁶

В результате грань между ремеслом солдата-корсара и бандита-пирата все более стиралась. И лучше всех, наверное, понимали это сами члены каперских и пиратских группировок, а также администраторы колониальных владений, вынужденные прибегать к их услугам во время войн, а затем не знавшие, какими способами «угомонить» раззадоренное воинство. Подводя итоги, приведем лаконичное высказывание губернатора голландского Кюрасао Николаса ван Бека, встревоженного участвовавшими захватами голландских судов их союзниками, англичанами, во время Войны за испанское наследство: «Крайне необходимо, насколько это возможно, обезопасить себя от нападений наших друзей и союзников англичан».¹⁰²⁷

§ 4. «ЗОЛОТАЯ ЭПОХА» ПИРАТСТВА

¹⁰²⁶ Archives Nationales. Colonies. C 9. A 5. F. 155.

¹⁰²⁷ Goslinga C. Ch. The Dutch in the Caribbean and in the Guianas. P. 193.

Передел Вест-Индии и социальный страх

К моменту окончания войны за Испанское наследство геополитическая ситуация в Антильском регионе кардинально изменилась. В первую очередь это было связано с произошедшим к этому времени переделом сфер влияния, закрепленным Мадридским, Регенсбургскими и Утрехтскими соглашениями. Окидывая взглядом островное пространство Антильских морей, мы различаем на всем этом гигантском водном просторе совершенно особую геополитическую зону. И со времени, когда началась англо-французская схватка за Сент-Кристофер, до заключения Утрехтских соглашений XVIII в. ситуация в этой зоне претерпела кардинальные изменения. Остров Сент-Кристофер, игравший роль своего рода «материнской колонии»¹⁰²⁸ европейских держав, отошел на задний план, уступив место новым центрам притяжения геополитических интересов. Они сместились к европейским форпостам на Наветренных островах — французской Мартинике и английскому Барбадосу. Небольшие по величине, они словно сконцентрировали в себе необъятный финансовый, хозяйственный и военный потенциал Европы и подобно «гигантским колоссам» встали на границе Испанского моря, создавая новую орбиту взаимодействия Европы, Африки, Северной Америки и испанской Терра Фирма. Еще один такой центр — в самом сердце Карибского моря, где сгруппировались Большие Антильские острова (обширные Куба, Эспаньола, Ямайка), традиционно, со времен Колумба, дававшие возможность контроля над всей его акваторией, но теперь уже не принадлежащие исключительно Испанской империи. А между ними, словно барьер, преграждавший путь вглубь Карибского моря, рассыпались крошечные Наветренные острова, которые на юге опираются на голландские Тобаго и Кюрасао.

И все это безграничное пространство Антильских островов неожиданно оказалось чересчур тесным. Вплотную к старым центрам испанской Вест-Индии — Кубе, Пуэрто-Рико и восточной части Эспаньолы — примкнули новообразованные зоны европейского вмешательства, возникшие на местах

¹⁰²⁸ *Élisabeth L. Géopolitique de la mer des Antilles // Dix-Huitième Siècle. 2001. № 33. P. 144.*

прежних флибустьерских стоянок. Пираты, словно сквозь «островное сито» проникшие на закрытую территорию испанских морей, только расчистили путь «опоздавшим» державам, начавшим проникновение в Новый Свет. Противники и одновременно соседи, колониальные державы взяли свободные ранее морские зоны с островами под контроль и в ходе многолетних войн распределили сферы влияния, зафиксировав раздел международными соглашениями.

Центр британского влияния (не будем забывать о североамериканских британских колониях, державших Вест-Индию словно под прицелом) поначалу располагался на Барбадосе, где в 1625 г. возникли первые английские поселения. Постепенно он сдвигался к Ямайке, захваченной у испанцев в 1655 г. и превращенной в главную военно-морскую базу Англии, являвшуюся одновременно и центром каперства. После затяжной военной схватки конца XVII — первой трети XVIII вв. за британской короной остались Невис, Ангилья, Барбуда, часть Сент-Кристофера, бывший французский Антигуа и не колонизованный Испанией Монтсеррат. С севера, на торговых путях к Северной Америке, лежали Багамские острова со знаменитым Нью-Провиденс, превратившимся после войны за Испанское наследство в своего рода «британскую Тортугу на Багамах».

Извечный конкурент Англии на морях, Республика Соединенных Провинций после 1634 г. удерживала за собой Арубу, Кюрасао, Бонайре в группе Подветренных островов, а также заселявшийся с 1632 г. «живописный» Тобаго. На севере Наветренных островов голландцы сумели сохранить острова Саба, Синт-Эстатиус и в 1648 г. поделили с французами Сен-Мартен.¹⁰²⁹

Французское королевство руками буканьеров потеснило испанцев с Эспаньолы, отвоевав себе западную часть острова, соединенную в единую административную область с Тортугой. Цитаделью французского господства на Антильских островах стала Мартиника, куда с Сент-Кристофера переместилась

¹⁰²⁹ Мир в Бреде 1667 г. позволил голландцам приобрести Суринам на северо-востоке Южной Америки, а в качестве возмещения англичане получили Новый Амстердам (соврем. Нью-Йорк).

резиденция генерального лейтенанта Французских островов. Здесь же находилась и основная база военно-морского флота. Под контролем французы держали также Гваделупу и ее островной «сектор» (Мари-Галант, Дезирад, Ле-Сент), «сектор» Сент-Кристофера (Сен-Бартельми, Санта-Крус, часть Сен-Мартена) и острова, расположенные южнее Мартиники (Сент-Люсия, Гренада и Гренадины), ставшие в XVIII в. главным объектом соперничества с Англией.

К 20-м гг. XVIII в., когда закончились длительные войны за гегемонию в Европе, морские державы поделили обширный бассейн Карибского моря. Какими бы ни были в дальнейшем союзнические комбинации и какие бы ожесточенные формы ни приобретало военно-морское соперничество, свободных территорий в Вест-Индии (если не брать в расчет крошечные не занятые еще островки) больше не оставалось. Для пиратов новая державная мозаика не обещала ничего хорошего. Рядом с владениями Испанской империи, ревниво охранявшей монополию на торговые трассы в Америку, но уязвимой для нападений по всему пространству Карибского моря, воздвигли укрепленные плацдармы «опоздавшие» морские державы, взявшие свободные зоны под свой контроль. В Вест-Индии все меньше оставалось места для вольницы «людей моря».

По мере закрепления европейских держав на захваченном пространстве Вест-Индии, возрастала и подозрительность властей в отношении флибустьеров, корсаров и каперов. Это подчас неуправляемое воинство вовсе не напоминало твердую опору, которая могла бы позволить державам контролировать Вест-Индию. Недавние «солдаты экспансии», совмещавшие функции военного колониста и разбойника, представляли теперь потенциальную угрозу собственным нанимателям. Присущее им вольнодумство, неукротимость, социальный антагонизм и нежелание считаться с навязываемыми властями правилами игры, превратило недавних союзников во врагов устанавливавшегося нового порядка. Океан был теперь слишком мал, чтобы в нем ужились государство и морская вольница.

Потоки неуправляемых демобилизованных головорезов с британского, французского, голландского и испанского флотов, хлынувшие в Океан после морских войн на пороге XVII–XVIII веков, стали последней каплей, переполнившей чашу терпения державных властей. Не успевала закончиться война, как следовала волна морского разбоя. На смену флибустьерам, приватирам и корсарам приходила новая генерация «пенителей морей». Окончание военных действий не останавливала их деятельность и «новые» флибустьеры продолжали охоту за призами, не обращая внимания на флаг «жертвы» или ее национальную принадлежность.

«Многими ворами станет меньше»: Багамские острова и война с пиратством

Ситуация достигла кульминации после заключения Утрехтских соглашений 1713–1714 гг., высвободившей огромные людские ресурсы. Демобилизация флотов, окончание каперского промысла дали толчок количественному росту пиратства за счет сотен моряков, уходивших в разбойную жизнь. До принятия жестких антипиратских мер европейскими державами, в первую очередь Англией, морской разбой процветал. За этот период через котел пиратства прошло около 5 тыс. человек, в среднем ежегодно до 1–1,5 тыс. разбойников. Это огромные цифры, с учетом того, что главный «враг» пиратов — британский королевский флот — насчитывал в своем составе в тот же период в среднем 13 тыс. человек. В наиболее критические для пиратов времена численность его состава дошла до 20 697 (1727). Тесно взаимосвязанный преступный мир, спланивавший бандитские экипажи в единую систему, представлял серьезную опасность (см. Приложение 3).

Социальный испуг подтолкнул власти к принятию соответствующих карательных мер. Согласно II-й статье Утрехтского мирного договора между Англией и Францией, обе стороны обязались принять решительные меры для пресечения в своих владениях грабежей на море. Однако, слова администрации нередко расходились с делом. Один из самых сложных вопросов касался возможной амнистии участникам пиратских шаек. Опираясь на прежний опыт,

губернаторы терялись в догадках относительно ее границ: распространится ли амнистия только на тех, кто грабил корабли, или она касается и тех, кто убивал. Эта дилемма вызвала недоуменные отклики со стороны губернатора французской Мартиники еще в 1700 г., когда, во время очередной 6-месячной компании по амнистии, он никак не мог решить, кого прощать и за какие преступления. Тогда власти рассудили, что следует предать забвению все «подвиги» и списали с форбанов убийства. Тем не менее, за шесть месяцев ни один из них так и не сдался.¹⁰³⁰

Главным центром пиратства стали Багамские острова, переживавшие тяжелые времена.¹⁰³¹ По сообщению капитана Томаса Уолкера, исполнявшего должность судьи Адмиралтейства, направленному 14 марта 1715 г. в Совет плантаций и торговли, здешние острова просто кишат «пиратами, грабителями и бродягами», которые буквально снуют повсюду. В отправленном им списке предводителей бандитских шаяк, чья деятельность негласно поощряется испанскими властями, фигурировали Дэниэл Стилвелл, Джон Кемп, Мэтью Лоу, Джеймс Бурн, Джон Керри. Все они женатые люди. Стилвелл, например, женат на дочери некоего Джона Дэрвилла, который, в свою очередь, владеет судном, на котором пиратствует его 17-летний сын. Кроме указанных лиц среди пиратов также были названы Бенджамин Хорниголд, Томас Террил, Ральф Бланкешир и Бенджамин Линн.¹⁰³² Одним из влиятельных местных главарей был и капитан Джон Кокрэм, женатый на дочери одного из самых богатых торговцев. Имена других известных пиратов – Бенджамина Хорниголда, Генри Дженнингса и Томаса Барроу, назвал в июле 1716 г. другой свидетель, житель Нью-Провиденса Джон Уикерс, бежавший от их преследования на материк. По его словам, разбойники настолько укрепились на островах, что собираются превратить Нью-

¹⁰³⁰ Archives Nationales. Colonies. C 8. A 13. F. 147.

¹⁰³¹ *Spotswood A.* The official letters of Alexander Spotswood, lieutenant-governor of the colony of Virginia, 1710–1722, now first printed from the manuscript in the collections of the Virginia Historical Society: Vol. I–II. – With an Introduction and Notes by R.A.Brock. – Richmond: Virginia Historical Society, 1882. Vol. II. 169, 170.

¹⁰³² Calendar of state papers Colonial series. America and West Indies America and West Indies. Vol. XXVIII. 1714–1715. London, 1928. № 276.

Провиденс во «второй Мадагаскар».¹⁰³³ Некоторые из них, например Хорниголд, а также Легс Эсуорт, Джеймс Карнеги и Сэмюэл Лиддел, имеют старые патенты против «испанских пиратов», полученные от губернатора Ямайки лорда Арчибальда Хэмилтона,¹⁰³⁴ но также связаны с испанскими властями, что, впрочем, не мешает им захватывать и испанские, и французские суда.¹⁰³⁵

Испанские пленники, захваченные англичанами, полагали, что губернатор Хэмилтон преследует здесь собственные финансовые интересы и получает четверть захваченной добычи. Однако, сводились ли обвинения в адрес Хэмилтона в поощрении разбойников к одной лишь коррупции. Не будем забывать, что губернатор Ямайки принадлежал к шотландскому аристократическому роду, тесно связанному с якобитами. Его братья, Джеймс, 4-й герцог Хэмилтон, и генерал-майор Джордж Хэмилтон, входили в число руководителей якобитского восстания 1715 г., а члены Ямайской ассамблеи жаловались на губернатора, подозревая в нем тайного «паписта и якобита»,¹⁰³⁶ и, возможно, полагая, что покровительство им военно-морских отрядов преследует далеко идущие цели. Был ли причастен снятый со своего поста в мае 1716 г. лорд Хэмилтон к попыткам якобитов во главе с офицером флота ирландцем Джорджем Кэмоком,¹⁰³⁷ превратить Бермудские острова в главную базу для нападений на английскую торговлю осталось неизвестным, однако деятельность губернатора заставляет полагать, что это вряд ли было простым совпадением.

Еще одна пиратская группировка нашла пристанище в Багамском архипелаге возле острова Кэт. Капитан Мэтью Мьюссон, заброшенный на этот остров штормом, доносил в своем отчете от 5 июля 1717 г., направленном в лондонский Совет торговли и плантаций, что ему довелось беседовать с несколькими местными жителями. Они рассказали капитану о пяти пиратах,

¹⁰³³ Ibid. Vol. XXIX. 1716-1717. № 240.

¹⁰³⁴ Ibid. 158 i.

¹⁰³⁵ Ibid. № 308 i.

¹⁰³⁶ Ibid. № 158 xi.

¹⁰³⁷ Кэмок перешел в чине контр-адмирала на службу в Испанский флот, а в начале 1720-х годов вел переговоры о переходе на русскую службу (*Wills R. The Jacobites and Russia, 1715–1750. East Linton: Tuckwell Press, 2002. P. 75.*

которых неоднократно встречали в местной гавани, и называли имена участников этих «свиданий»: Хорниголд, Дженнингс, Берджесс, Уайт и Тич с 6-пушечным шлюпом и 70 людьми.¹⁰³⁸

Войну с пиратами военно-морские державы повели с разным успехом. Англия взялась за дело достаточно решительно. 5 сентября 1717 г. король Георг I издал прокламацию «О пресечении пиратства», в которой объявил амнистию всем морским разбойникам, которые сдадутся властям в течение года. Прощение, впрочем, давалось избирательно, и предоставлялось за преступления, совершенные до 5 января 1718 г. Начиная с 6 сентября 1718 г. их следовало захватывать в плен и отдавать под суд. За каждого захваченного командира пиратского судна объявлялась награда в 100 фунтов, за его помощника, боцмана и плотника выплачивали по 40 фунтов, за рядового бандита — 20 фунтов. Члены пиратской банды, сдавшие правосудию своего главаря или сообщившие о его местонахождении, получали вознаграждение в размере 200 фунтов.

Компания по амнистии постепенно начала приносить результаты. В январе 1718 г. власти Нью-Йорка получили прокламацию о преследовании пиратов, и в феврале на Нью-Провиденс со специальной миссией вести переговоры с главарями пиратских шаяк отправился командир фрегата «Феникс» капитан Винсент Пирс. Он провел на Багамских островах три недели и получил согласие 209 человек прекратить разбойные действия на море.¹⁰³⁹ Среди них были Хорниголд, Эсуорт и Дженнингс. Это были только первые шаги, постепенно дополнявшимися решительными мерами, которые в комплексе должны были обеспечить успех: снятием с постов скомпрометировавших себя связями с пиратами коррумпированных чиновников, установлением контроль над потоками контрабанды и скупщиками награбленного, и направлением в Карибское море и к североамериканскому побережью военных кораблей.

¹⁰³⁸ Calendar of state papers. Colonial series. America and West Indies. Vol. XXIX P. 304; см. также: *Moore D. A general history of Blackbeard...* P. 3.

¹⁰³⁹ *Ibid.* № 474.

На одном из них, 30-пушечном «Делишиа», в район объявленных «военных действий» 26 июля 1718 г. прибыл новый губернатор Багамских островов Вудс Роджерс, в недавнем прошлом известный приватир, совершивший в 1708–1711 гг. кругосветное плавание. С небольшим отрядом судов (фрегаты «Милфорд» и «Роус» и два шлюпа «Бак» и «Шарк») он блокировал вход в гавань Нью-Провиденса и начал выдавать свидетельства об амнистии. Под угрозой артиллерии, никто из пиратов не оказывал сопротивления. Исключением стали «упертые» из команды Чарльза Вэйна, вырвавшиеся из заблокированной гавани. Одновременно перед командирами находившихся в американских водах и специально направленных туда кораблей (40-пушечный «Эдвенчер», 40-пушечный «Даймонд», 40-пушечный «Перл», 30-пушечный «Скарборо», 6-пушечный «Сифорд», 20-пушечный «Лайм», 30-пушечный «Феникс» и шлюп «Свифт») была поставлена задача патрулирования «горячих точек», перехват пиратских судов и обеспечение безопасности торговли.¹⁰⁴⁰ В результате решительных действий британских властей уже в первые месяцы после окончания действия амнистии было покончено с группировками Боннета, Уорли, Тича Черной Бороды и Вэйна.¹⁰⁴¹

У Франции успехи были менее очевидны. С апреля 1715 по июнь 1717 г. пираты захватили и ограбили более 20 французских торговых судов. В конце 1717 г. они взяли еще 7 кораблей, что вызвало гневную реакцию пострадавших нантских, ла-рошельских и бордоских торговцев. Одни только сводки о бесчинствах некоего Шемино достаточно ярко демонстрируют бессилие властей. Со своим 6-пушечным кораблем Шемино учинил настоящий террор на французских Антиллах. В июле 1721 г. он захватил и сжег судно из Леогана, принадлежавшее Лакосту, торговцу мясом и вином. Затем остановил и ограбил судно «Сен-Никола» из Бордо. В сентябре он взял еще один корабль, идущий из Франции, потом пустил на дно судно с Ле-Сента, идущее с пассажирами на Сен-

¹⁰⁴⁰ См. подробнее: *Cordingly D. Under the black flag: The romance and reality of life among the pirates.* New York, 1996. P. 251, 252.

¹⁰⁴¹ См.: *Spotswood A. The official letters of Alexander Spotswood...* Vol. II. P. 273, 274.

Пьер. В октябре в его руки попало еще одно торговое судно, а в ноябре он захватил почтовый корабль, направлявшийся на Гваделупу. Из прочитанных донесений он узнал немало интересного о состоянии дел во Франции, и, разумеется, не оставил без внимания информацию, непосредственно касающуюся Вест-Индии.¹⁰⁴²

Подобная деятельность вызывала самую настоящую панику. Торговые палаты отказывались страховать суда, идущие в Вест-Индию, а колониальные власти жаловались на саботаж жителей Антильских островов, занимавшихся укрывательством пиратов и получавших огромные доходы от контрабандной торговли с ними.¹⁰⁴³ Французские власти попытались было пойти по стопам англичан и в 1716, 1718 и в 1719 и 1723 гг. амнистировали пиратов, регулярно продлевая их сроки. Объявленные Парижем компании сопровождалась также и соответствующими амнистиями местного значения, которые проводили губернаторы французских островных владений. Все эти меры, однако, не приносили плодов. С одной стороны, пираты чувствовали поддержку местных жителей и весьма успешно поддерживали свой «теневой» бизнес, вмешательство в который могло закончиться для администрации немалыми проблемами. С другой стороны, неудачи антипиратской компании объяснялись и общим ослаблением французского флота, неспособного обеспечить безопасную торговлю. В марте 1720 г. регент королевства герцог Филипп Орлеанский распорядился отправить в Антильское море два фрегата для крейсерства у побережий Гренады, Гваделупы и Мартиники. До Вест-Индии они, впрочем, добрались в плачевном состоянии: «Тритон» во время бури потерял мачты и лишился рангоута с такелажем, а старая потрепанная «Фортюна» была признана непригодной для крейсерства.

¹⁰⁴² Moreau J.-P. Une histoire des pirates des mers du Sud à Hollywood... P. 212, 213.

¹⁰⁴³ В одном из рапортов губернатор маркиз де Фекьер жаловался на жителей острова Сан-Висенти, которые «сами способствуют привлечению форбанов, предоставляя им свежие продукты». Во время одного из рейдов, по островам Доминика и Сен-Люси у колонистов были обнаружены несколько печей для выпекания хлеба, 60 бочонков говядины и большие запасы муки.

Местные власти, тем не менее, всеми силами пытались склонить пиратов к принятию амнистии. Некоторые проявляли невероятное усердие: печатали манифесты, вывешивали в церквях, раздавали на рынках и даже передавали судовладельцам и командирам судов, чтобы те могли информировать об амнистии встретившихся форбанов. Особо инициативным оказался губернатор Сан-Доминго Жозеф-Шарль Жозеф де Лабастид, шевалье де Шатоморан, который в 1719 г. приказал своим людям запечатать тексты манифеста об амнистии в бутылки и разослать их в гавани, где пираты пополняли запасы пресной воды.¹⁰⁴⁴

Подобная заинтересованность властей в скорейших результатах амнистии объяснялась не одной лишь заботой о безопасности колоний. Дело в том, что запросившие прощение пираты приносили в казну немалые средства. Общее мнение выразил губернатор Сан-Доминго граф де Сорель: «Из всех форбанов, которые попросили милости, наименее богатые имели при себе до 5 тысяч фунтов в пиастрах, что позволяет нам предположить, что они могли завести на остров сумму до 100 тысяч пиастров, которая там бы осталась и пошла бы на благо колонии».¹⁰⁴⁵ Весной 1715 г., например, группа форбанов под руководством некоего ирландца явилась на Мартинику и запросила амнистию. Их предложение встретило самый доброжелательный отклик со стороны губернатора: среди головорезов было 100 французов и 90 англичан, а денег насчитывалось более 1 млн, и «это склонило нас на сторону амнистии».¹⁰⁴⁶ В мае 1719 г. на Мартинику пришел сдаваться экипаж корабля «Постийон» во главе с капитаном Жюльеном Гинарде и квартирмейстером Жаном-Батистом Дюмильоном. Всего набралось 39 человек, среди которых были и белые и чернокожие. По дороге, правда, десять человек, напившись, разругались с остальными и вернулись к прежним занятиям. Оставшиеся пираты договорились с губернатором Французских Подветренных островов Франсуа де Па де Мазенкуром, маркизом де Фекьером: треть их общей добычи отходила в казну, а захваченные пиратами вещи должны были вернуться к

¹⁰⁴⁴ Archives Nationales. Colonies. C 9. A. 16. F. 45.

¹⁰⁴⁵ Archives Nationales. Colonies. C 9. A. 20.

¹⁰⁴⁶ Archives Nationales. Colonies. C 8. A. 20. F. 217

прежним владельцам в случае, если будут востребованы в течение года и одного дня. Пираты были очень довольны: «Испытав истинное раскаяние за наши прегрешения и греховные преступные дела с намерением жить отныне как добропорядочные верноподданные, мы прибыли на этот остров, чтобы воспользоваться амнистией и добрым и мудрым правлением шеваляе де Фекьера, - заявили пираты в своем обращении к губернатору от 10 мая 1719 г., - к ногам которого мы осмеливаемся припасть. Умоляем вас, в знак нашей решимости принять наш корабль «Постийон» в его теперешнем состоянии и соблаговолите предоставить всем нам паспорта или разрешение поселиться на островах его величества».¹⁰⁴⁷ В 1722 г. сдался упоминавшийся ранее Шемино. Маркиз де Фекьер в очередной раз вздохнул с облегчением и отправил в Париж рапорт, в котором признался: «С божьего благоволения теперь многими ворами станет меньше».¹⁰⁴⁸

Постепенно власти взяли ситуацию под контроль. Осенью 1721 г. вошел в действие королевский ордонанс, предписывавший всем французам, обосновавшимся на Доминике, Сен-Люси и Сан-Висенти и не получившим на это официального разрешения покинуть их в течение трех месяцев. Всякое потворство пиратам строго наказывалось, а к нарушителям указа применялись суровые меры наказания, вплоть до смертной казни. Властям потребовалось около десяти лет, чтобы «единым фронтом» справиться с эскалацией бандитизма. За период с 1716 по 1726 гг., когда велась решительная борьба с пиратством, на виселицы попало более шестисот морских разбойников.¹⁰⁴⁹ Дэвид Кордингли, обработав статистические данные о приведении в исполнение смертных приговоров за пиратство в 1704–1726 гг., подсчитал, что 69 % пришлось на период 1719–1726 гг.¹⁰⁵⁰ В 1718 г. в Вильямсберге (Вирджиния) и Уайнт-Пойнте под Чарльстоном (Южная Каролина) повесили 36 пиратов из команд Тича Черной

¹⁰⁴⁷ Archives Nationales. Colonies. C 8. A. 26. F. 72.

¹⁰⁴⁸ Archives Nationales. Colonies. C 8. A. 31. F. 1.

¹⁰⁴⁹ Black C.V. *Pirates of the West Indies*. Cambridge, 1989. P. 24, 25.

¹⁰⁵⁰ Cordingley D. *Under the Black Flag: The Romance and Reality of Life Among the Pirates*. New York: Random House, 1995. P. 237.

Бороды и Стида Боннета. В декабре того же года на Нью-Провиденсе казнили Денниса Маккарти и еще семерых пиратов. Не простаивали виселицы в Порт-Ройале и Кингстоне на Ямайке: в декабре 1719 г. здесь повесили Чарльза Вэйна, в 1720—1721 гг. 15 человек из банды Джона Рэкема, а в мае 1722 г. на эшафот взошли 41 пират из экипажа Мэтью Люка. В том же году в Кейп-Коусте (Западная Африка) повесили 52 пирата из экипажей Бартоломью Робертса. В июле 1723 г. в Ньюпортской гавани на Род-Айленде казнили 26 человек из команды Чарльза Харриса, а в октябре на Сент-Китсе повесили 11 человек Джорджа Лоутера. Спустя год в Бостоне повесили Уильяма Филлипса, Джона Роуза Арчера и Уильяма Уайта. В 1725—1726 гг. на эшафот взошли последние заметные североамериканские пираты: Уильям Флай со своими тремя подельниками был казнен в Бостоне (12.07.1726), а 10 человек из команды Джона Гоу «отправились в последнее плавание» в Лондоне.¹⁰⁵¹ Однако, только спустя четыре года, в 1730 г., казнь француза Ла Буша на острове Бурбон в Индийском океане «золотая эпоха» пиратства подошла к концу.

Вольное сообщество, сыграв свою роль в борьбе за передел испанской Вест-Индии, стало лишним «игроком» — оно окончательно утратило черты союзника государства, его «антильских солдат», превратилось в преследуемое криминально-уголовное сообщество. Вытесняемые из Карибского моря и Атлантики пиратские группировки смещались к западному побережью Африки, в район Красного моря и, концентрируясь вокруг своих старых баз в районе острова Мадагаскар, и в первую очередь, на упоминавшемся нами ранее острове Сент-Мэри,¹⁰⁵² предприняли шаги в поисках государственной протекции, ориентируясь, в первую очередь на державы, не имевшие твердых позиций в Вест-Индии и Индийском океане. Теснимые со всех сторон осевшие на Мадагаскаре пираты решили

¹⁰⁵¹ По данным «Ньюгетского календаря» Гоу был повешен 11 августа 1729 г. (http://www.pascalbonenfant.com/18c/newgatecalendar/john_gow.html). Фигура Гоу, выходя с Оркнейских островов, привлекла внимание Вальтера Скотта, который, работая над романом «Пират», использовал не только книгу Капитана Джонсона, но и расспрашивал оркнейского шерифа Александра Петеркайна и историка Малколма Лэнга, дед которого участвовал в поимке Гоу. О Гоу см. подробнее: *Watson G. The short career of pirate Gow // <http://www.orkneyjar.com/history/historicalfigures/pirategow/index.html>.*

¹⁰⁵² См. подробнее: *Ritchie R. C. Captain Kidd...* P. 84–89, 116, 118.

«легализовать» свою деятельность, получив охранную грамоту, принять подданство одной из держав. В 1710-е годы в Индийском океане складывалась обстановка, в некотором роде повторявшая геополитическую картину в Новом Свете на рубеже XVI в., только место Франции, Англии, а впоследствии и Нидерландов, заняли Швеция, Дания, Османская империя и Россия.¹⁰⁵³

«Мадагаскарский король»: пираты в поисках государственной протекции

Закрепившиеся в Новом Свете военно-морские державы продолжали, впрочем, «работать» на два фронта: в Вест-Индии и Ост-Индии. Пираты, например, пытались заручиться поддержкой Франции. В 1712 г. фламандский торговец сьер Жоффруа Гойе де Ламервель, организатор экспедиции из Сен-Мало в Моку, известный контактами с разбойниками с острова Сент-Мэри,¹⁰⁵⁴ предложил свои услуги Людовику XIV, предложив основать колонию на Мадагаскаре, однако начавшиеся переговоры ни к чему не привели.¹⁰⁵⁵ Рассчитывал на пиратов и генеральный контролер финансов банкир Джон Лоу, организатор Индийской компании, рассчитывавший с их помощью начать колонизацию Луизианы, Гвинеи и Мадагаскара.¹⁰⁵⁶ Слухи о переговорах Лоу с пиратами дошли до секретаря шведского посольства в Париже Гедды: 25 января в своем рапорте он предупредил штатного секретаря иностранных дел Швеции Даниила Никласа фон Гепкина об отправке 18 кораблей в Южные моря¹⁰⁵⁷. Хотя полученная Геддой информация не соответствовала действительности, ее появление было весьма характерно для тогдашней ситуации.

В 1714 г. некий Жозеф Жумар, «главнокомандующий морями Америки и Африки», использовавший имя графа де Линанжа и представлявший также «герцогом Ангелпонта, Мадагаскара и Офира», предложил свои услуги

¹⁰⁵³ Deschamps H. Histoire de Madagascar. Paris, 1961. P. 78, 79.

¹⁰⁵⁴ По его оценкам, численность пиратов на острове доходила до четырех сотен.

¹⁰⁵⁵ Loughnon A. L'île Bourbon pendant la Régence. Paris: Éditions Larose, 1956. P. 69.

¹⁰⁵⁶ Loughnon A. L'île Bourbon ... P. 133–136, 176, 177.

¹⁰⁵⁷ См. подробнее: Manning C. Fortunes and faire: The French in Asian trade, 1719–1748. Aldershot, 1996. P. 27.

голландскому правительству. Граф де Линанж был весьма примечательной фигурой.¹⁰⁵⁸ Выходец из Перигора, он принял кальвинизм и активно боролся против «тирании» Людовика XIV. В планах графа предусматривалось повторение во Франции опыта «Славной революции». С помощью англо-голландских войск он рассчитывал осуществить в 1704 г. вторжение в Нормандию и, подняв восстание гугенотов, возвести на престол герцога Лотарингского.¹⁰⁵⁹ Поплатившись за свои планы пятью годами заключения в Бастилии, граф де Линанж в конечном итоге бежал из заключения и в поисках поддержки несколько лет странствовал по Европе.¹⁰⁶⁰ Около 1715 г. граф объявился в Амстердаме, тогдашней Мекке всех авантюристов, где утверждал, что выбран королем Мадагаскара и под его управлением пребывает около 100 тысяч пиратов. В обмен на протекторат Республики Соединенных Провинций граф де Линанж обещал передать в распоряжение Гааги пиратские сокровища и помочь в налаживании торговых контактов. Прожженные голландские купцы, прекрасно знающие ситуацию в Индийском океане, разумеется, не клюнули на посулы авантюриста и порекомендовали ему попытать счастья в другом месте.

Тогда граф де Линанж объединил свои усилия с другим искателем приключений, Филиппом де Жантилем, маркизом де Лангалери, I бароном де Сантонж, проживавшим в Амстердаме.¹⁰⁶¹ Маркиз происходил из знатного лимузенского рода, участвовал в войнах Людовика XIV и дослужился до чина генерал-лейтенанта (1704 г.).¹⁰⁶² Однако в 1706 г. он дезертировал из французской

¹⁰⁵⁸ O'Connor J.T. Exploitation and subversion of Utopian ideals: The schemes of two French exiles in the Netherlands // Utopia 2: The Eighteenth century / Ed. by David Lee Rubin; co-editor Alice Stroupe. Charlottesville: Rookwood Press, 1999. P. 42 – 59.

¹⁰⁵⁹ Glozier M. Schomberg, Miremont and Huguenot invasions of France // War and Religion after Westphalia, 1648–1713. – (Politics and Culture in North-Western Europe, 1650–1720) / Ed. by David Onnekink. Burlington: Ashgate, 2009. P. 150–152.

¹⁰⁶⁰ По-видимому, он некоторое время даже служил Петру I и побывал в Петербурге и Архангельске (*Langalerie, marquise de. Mémoires du marquise de Langalerie, histoire écrite par lui-même dans la prison à Vienne en Autriche. La Hay: Daniel Ailland, 1753. P. 334.*)

¹⁰⁶¹ По-видимому, они познакомились в 1715 г. в Гамбурге.

¹⁰⁶² См. оставленные им мемуары (*Langalerie, marquise de. Mémoires ...*), а также: *Weber K. Der Marquis von Langallerie und der König von Madagascar. 1716 // Mitteilungen aus dem Haupt-Staatsarchive zu Dresden. Neue Folge. Bd. 2. Leipzig: Bernhard Tauchnitz, 1861. S.164–184; Montégut H. B. de. Philippe de Gentils de Lajonchapt, Marquis de Langallerie, premier Baron de Saintonge, Lieutenant-Général des armées du roi, Feld-maréchal au service d'Autriche, 1661–1717. Angoulême: Nadaut, 1866.*

армии, поступил на службу в имперскую армию, став генералом кавалерии. В 1711 г., находясь во Франкфурте-на-Одере, он принял кальвинизм, затем возглавлял польские кавалерийские войска, скитался по различным европейским дворам, жил в Берлине, Гамбурге и Бремене. Сохранились сведения о сделанном им Петру I во время Прутского похода предложении организовать восстание против турок в Черногории¹⁰⁶³. В конце концов он обосновался в Нидерландах, где вынашивал планы религиозной войны с Ватиканом и с помощью принца Гессенского пытался организовать колонию протестантов на Мадагаскаре¹⁰⁶⁴. Вместе с графом де Линанжем он обратился к турецкому послу в Гааге Осман-аге, предлагая Стамбулу помощь «20 тысяч храбрецов» и 60 кораблей для борьбы против Папы Римского.¹⁰⁶⁵ Их планы были согласованы с Осман-агой и предусматривали похищение папы Римского Клементя XI и оккупацию Рима турецкими войсками и освобожденными из рабства протестантами. В обмен на свою помощь граф де Линанж и маркиз де Лангалери должны были получить несколько островов в Архипелаге и, пользуясь предоставленными им правами «королей», поселить здесь «флибустьеров и корсаров» с Мадагаскара, а также при поддержке еврейских общин Амстердама, Альтоны и Гамбурга рассчитывали создать поблизости от Святой Земли еврейскую колонию.¹⁰⁶⁶

Кончилась история для Лангалери и Линанжа печально. По приказу императора Лангалери был арестован в окрестностях Гамбурга. Он не отрицал своих связей с Турцией и после допроса был перевезен в Австрию, брошен в камеру замка Рааб в Венгрии, где отказывался принимать пищу и скончался, заморив себя голодом. Вместе со своим секретарем евреем Исааком Мензесом д'Акостой был задержан и граф де Линанж. При них нашли большие суммы денег, причем Линанж отказался признать наличие договора с Осман-агой, и признался в

¹⁰⁶³ *Wraxall L* Remarkable Adventurers and Unrevealed Mysteries. Vol. 2. London: Richard Bentley, 1863. P. 292–310.

¹⁰⁶⁴ *Journal historique sur les matieres du tems*. Octobre, 1716. Verdun: Chez Claude Vigneulle, 1716. P. 248.

¹⁰⁶⁵ *Deschamps H*. Les pirates à Madagascar aux XVII-e et XVIII-e siècles. Paris: Editions Berger-Levrault, 1972. P. 194, 195.

¹⁰⁶⁶ *Langalerie, marquise de*. Mémoires... P. 345. Текст соглашения с Осман-агой см.: *The Historical Register, containing an impartial relation of all translations, foreign and domestic*. Vol. I. For the year 1716. London: H. Meere, 1717. P. 336–338.

связях с турецким послом только после того, как ему предъявили найденные у Лангалери обличавшие его документы. Его посадили в Шпильбергском замке в Моравии, и дальнейшая судьба графа неизвестна. В те же годы, что и маркиз Лангалери и граф де Линанж действовал и другой переговорщик, некий граф Гульденштайн, вступивший от имени пиратов в секретные контакты с датской короной.¹⁰⁶⁷

В самый разгар Северной войны посланцы пиратов начали переговоры с шведским королем Карлом XII. Началось все в 1713 г., когда к секретарю шведского посольства в Ганновере Иоганну-Габриэлю Верфлингу явились два человека из Южных морей, некий Сен-Лежер с сыном. «Среди нас очень мало шведов, и мы никогда не нападали на шведские суда», – заявили пиратские эмиссары.¹⁰⁶⁸ В обмен на протекцию со стороны Швеции, посланники пиратов предлагали передать в королевскую казну 500 000 фунтов и прислать 25 кораблей. Король Карл XII в это время находился в Османской империи, и переговоры не получили тогда продолжения.¹⁰⁶⁹ Однако спустя несколько лет они возобновились.¹⁰⁷⁰

Летом 1718 г. в Штротштадт, где находился Карл XII, прибыли очередные пиратские эмиссары: офицер английского флота якобит Гаспар Вильгельм Морган и его компаньон Жан Монери. Об их появлении известил генерал-майор Лейтрум, предоставивший королю информацию о контактах пиратов с противниками шведов датчанами. Переговоры с пиратами начались в июне и велись в строжайшей тайне. Шведскую сторону представлял «Великий Визирь» Карла XII, голштинский министр барон Георг Хейнрих Гёртц, ставший к тому времени, по сути, руководителем внешней политики королевства. Сегодня можно только предполагать, какие вопросы обсуждались на секретных встречах Гёртца с

¹⁰⁶⁷ *Deschamps H.* Les pirates à Madagascar aux XVII-e et XVIII-e siècles. Paris: Editions Berger-Levrault, 1972. P. 188–190.

¹⁰⁶⁸ См. подробнее: *Трутовский В. К.* Флибустьеры XVIII века... С. 7, 8.

¹⁰⁶⁹ См.: *Heibel I.H.* Leben Karl XII Königs in Schweden. 1741. V. II. P. 705, 706; *Koninckx Ch.* The first and second charters of the Swedish East India company 1731–1766. Kortrijk, 1980. P. 34.

¹⁰⁷⁰ См. подробнее: *Schuhard M.K.* Emanuel Swedenborg, secret agent on Earth and in Heaven: jacobites, jews and freemasons in Early Modern Sweden. Leiden: Koninklijke Brill N.V., 2012. P. 149–170.

эmissарами пиратов. Барон всегда предпочитал слова бумаге и не связывал себя письменными договоренностями, обсуждая все вопросы с королем тет-а-тет. В своей внешнеполитической игре барон отвел пиратам подобающее место. Пираты получили от короля охранную грамоту, датированную 24 июня 1718 г. Морган назначался губернатором Сент-Мэри с полномочиями назначать себе помощников. Его прекрасная гавань должна была превратиться в укрепленную военную базу под покровительством Швеции, пираты становились подданными короны, а над Сент-Мэри должен был быть поднят шведский флаг. Пираты обещали передать королю часть накопленных сокровищ – всего около полумиллиона фунтов стерлингов. Кроме того Гёртц рассчитывал использовать храбрых моряков в своем проекте свержения ганноверской династии и реставрации в Англии Якова III Стюарта.¹⁰⁷¹ Пираты соглашались не только передать шведам 30 кораблей, но и участвовать во вторжении в Шотландию.¹⁰⁷²

В 1718 г. король снарядил в Индийский океан экспедицию под командованием подполковника Карла фон Врангеля и двух его помощников: Отто Клинкустрёма и капитана Карла-Густава Манделя. Другие участники плавания, Иоахим Нерес и Гейнрих Нерес, должны были собрать на Мадагаскаре сведения о состоянии здешней торговли и горном деле, исходя из возможностей создания на острове шведской колонии. В планы экспедиции были посвящены только руководители плавания, они же, добравшись до Канарских островов, должны были сообщить о них остальным участникам. Однако добраться до Мадагаскара шведам не удалось: Морган уехал во Францию и переговоры с ним затянулись, а

¹⁰⁷¹ См. подробнее: *Syveton G. L'erreur de Goertz // Revue d'histoire diplomatique. 1895–1896. Vol. IX- X. No. 3,5 et 1–4; Murray J.J. Sweden and the Jacobites // Huntington Library Quarterly. 1944–1945. Vol. VIII. P. 259–276; Coroban C. Sweden and the Jacobite movement (1715–1718) // Revista Română pentru Studii Baltice și Nordice. 2010. Vol. 2. Issue 2. P. 131–152.*

¹⁰⁷² Размеры «пиратской помощи» представляются совершенно невероятными. Однако, занимавшийся этой историей Вольтер, приводил еще более фантастическую цифру. По имеющейся у него информации, пираты обязались привести в Гетеборг 60 кораблей (*Вольтер. История Карла XII, короля Швеции, и Петра Великого, императора России. СПб., 1999. С. 241*). Посол Франции в России граф де Кампредон внес свою лепту в распространение слухов о подготовке яacobитской экспедиции против Англии, сообщив о некоем «плане этого предприятия», найденном в бумагах барона Гёрца и будто бы «начерно набросанным царем» Петром I. Русская сторона, разумеется, отрицала наличие подобного проекта (Сб РИО. Т. 52. СПб, 1886. С. VII–IX).

30 ноября 1718 г. Карл XII погиб в Норвегии. Экспедицию после этого отменили, а ее инициатор, барон Гёртц был казнен.

Спустя полгода преемница Карла XII королева Ульрика Элеонора, информированная о важности этого предприятия, направила на Мадагаскар вторую эскадру. Инициатором плавания выступил руководитель королевского совета граф Спарре и после одобрения Сената 20 апреля 1719 г. началась его подготовка. Моргану во Францию были направлены подтверждения о назначении его губернатором Сент-Мэри. Экспедицию возглавил генерал-адъютант командор Карл Густав Ульрих. Добравшись до испанского Кадиса, Ульрих бросил якорь и стал ждать представителей пиратов. Они так и не появились, а на кораблях начался мятеж — Ульриху пришлось возвращаться в Швецию, где он был обвинен в провале всей операции, отдан под суд и, едва избежав смертной казни, оказался в ссылке в крепости Марстранд на северном побережье озера Венерн, проведя в заключении один год.¹⁰⁷³

«Секретная экспедиция» Петра I в 1723–1724 гг.

Планы шведской стороны не остались тайной для европейских держав, и неожиданно получили продолжение в Российской империи, не скрывавшей своих экспансионистских амбиций и активно втягивавшейся в международную политику. Перманентные европейские войны конца XVII – начала XVIII вв. привели к серьезным изменениям в соотношении сил европейских держав на море. Крушение французского флота и ослабление испанского, датского и шведского флотов сопровождалось взлетом российских военно-морских сил.¹⁰⁷⁴ Балтийское море, между тем, уже стало тесноватым, чтобы удовлетворить амбициям решительного императора, неудержимая и упрямая воля которого стремилась к упрочению великодержавного морского могущества.

¹⁰⁷³ Берхгольц Ф. В. фон. Дневник камер-юнкера, 1721–1725 гг. / Пер. с нем. И. Ф. Аммона. Ч. 4. 1724–1725. М.: Университетская типография, 1903. С. 6.

¹⁰⁷⁴ См. подробнее: Glebe J. Navies and Nations. Warship, Navies and State Building in the Europe and America. 1500–1860. Vol. 1–2. Stockholm, 1993.

Прорубив окно в Европу и добившись господства России на Балтике, Петр I не собирался останавливаться на достигнутых результатах. Европейские масштабы его уже не устраивали – он видел свою молодую империю посредником мировой торговли. В мечтах он уже представлял, как русские корабли бороздят океанские просторы, прокладывая пути в Индию, Китай и Америку ~~с их сказочными богатствами~~ с их сказочными богатствами.¹⁰⁷⁵ К окончанию Северной войны снаряжаются экспедиции в Сибирь – изучать возможности навигации в Северном Ледовитом океане, разведывать золотые россыпи на Иртыше, нащупывать, из устьев Оби, дороги в Индию и Японию.¹⁰⁷⁶ В сентябре 1723 г. по мирному договору с Персией к России отошли прикаспийские области Дагестана, Ширвана с городами Дербент и Баку, а также Гилян, Мазандеран и Горган – области на юге Каспия. Тогда же заложены военный порт в Астрахани, адмиралтейство в устье Волги, в преддверии возможной войны с Турцией возобновляется судостроение на Доне и Днепре. Российские дипломаты сближаются с Испанией, контролировавшей американские торговые потоки и владевшей ключами к золоту Америки¹⁰⁷⁷, собирают сведения об алжирских

¹⁰⁷⁵ В реляции от 28 июня 1721 г. русский посол при австрийском дворе Людвиг Ланчинский подчеркивал, что англичане крайне встревожены расширением российского влияния на Востоке и предпринимают попытки оказать дипломатическое давление на императора (*Полиевктов М.* Балтийский вопрос в русской политике после Ништадтского мира (1721–1725). СПб., 1907. С. 84). См. подробнее: *Полиевктов М.* Балтийский вопрос в русской политике после Ништадтского мира (1721–1725). СПб., 1907; *Андреев А. И.* Экспедиции на Восток до Беринга // Труды историко-архивного института. Т. II. М., 1946; *Крылова Т. К.* Отношения России и Испании в первой четверти XVIII века // Культура Испании. М., 1940; *Альперович М. С.* Россия и Новый Свет (последняя треть XVIII века). М., 1993; *Бобылев В. С.* Внешняя политика России эпохи Петра I. М., 1990; *Копелев Д. Н.* Петр I после Ништадтского мира: Мадагаскарская экспедиция и борьба за океан // Мавродинские чтения 2008. СПб., 2009.

¹⁰⁷⁶ См. подробнее: *Андреев А. И.* Экспедиции на Восток до Беринга // Труды историко-архивного института. Т. II. М., 1946.

¹⁰⁷⁷ *Крылова Т. К.* Отношения России и Испании в первой четверти XVIII века // Культура Испании. М., 1940; *Альперович М. С.* Россия и Новый Свет (последняя треть XVIII века). М., 1993. С. 6–9; *Бобылев В. С.* Внешняя политика России эпохи Петра I. М., 1990. В конце 1723 г. по собственноручному указу Петра I от 4 декабря началась подготовка торговой экспедиции в Испанию на трех кораблях (РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 233. Л. 261–263 об.). В специально подготовленных для командующего экспедицией инструкциях излагался не только маршрут плавания, но и давались необходимые рекомендации, учитывающие специфику плавания в Средиземном море (см.: РГА ВМФ. Ф. 232. Оп. 1. Д. 224. Л. 247 об., 248; Материалы для истории русского флота. Ч. II. СПб., 1865. С. 686–687; *Копелев Д. Н.* Международные центры пиратства начала XVIII века и российские власти (по материалам РГА ВМФ) // Елагинские чтения 3. СПб., 2005.

корсарах,¹⁰⁷⁸ голландских китобойных флотилиях,¹⁰⁷⁹ французских военных портах¹⁰⁸⁰ и, что особенно примечательно, о колониях в Вест-Индии.

Еще 21 января 1711 г. английский купец Руперт Бек представил российскому посланнику в Лондоне Б. И. Куракину проект «Об учреждении в Западной Индии коммерции», в котором предусматривалось установление торговых отношений России с Вест-Индией и овладение островом Тобаго.¹⁰⁸¹ Тобаго в середине XVII в. недолгое время принадлежал Курляндскому герцогству, которое при Петре попало в орбиту русского влияния (особенно после брака 1710 г. герцога Фридриха Вильгельма и племянницы Петра Анны Ивановны). В представленном Бекем проекте предусматривалось учреждение компании Западной Индии и превращение острова в базу для овладения торговлей в Америке, а также основание поселений.

Подобный проект был не единственным. К идее Бека, по-видимому, возвращались не один раз. Так, например, некий англичанин, проживавший в Петербурге до 1724 г. отмечал, что «знавал некоторых ... они решались поддерживать у царя убеждение, что он, на основании настоящего владения Курляндией, имеет право на остров Табаго в Вест-Индии».¹⁰⁸² В свою очередь другой иностранец, голландский пастор Абдиас Гаттинг, обратился с призывом к Петру I завершить колониальный передел Южной Америки, где многие территории еще не завоеваны – для этого потребуются десять военных кораблей и 12 тысячный воинский контингент.¹⁰⁸³ Этот проект, «с почтением за секрет предлагаемый», случайно обнаружил И.Е.Забелин среди разных бумаг XVIII

¹⁰⁷⁸ В специальном рапорте, поступившем в Адмиралтейств-коллегию в январе 1721 г., приводятся сведения о составе флотилии алжирских корсаров, которые готовятся к плаванью в Ла-Манш и Северное море (РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 207. Л. 3–Зоб.).

¹⁰⁷⁹ В одном агентурном донесении, поступившем в Адмиралтейств-коллегию в 1723 г., содержались сведения о китобойном промысле голландцев – сообщалось число судов, вышедших на промысел, и приводились данные о затратах на их снаряжение (РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 224. Л. 249–250).

¹⁰⁸⁰ См., например, сведения о портах во Франции, «зачиная из Галандии по морю» 1724 г. (РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 229. Л. 14).

¹⁰⁸¹ Проект хранится в РГАДА (*Ефимов А.В.* Из истории великих русских географических открытий. М.: Наука, 1971. С. 260, 261).

¹⁰⁸² Цит. по: *Давидсон А. Б., Макрушин В. А.* Зов дальних морей. М., 1979. С. 56.

¹⁰⁸³ *Бобылев В. С.* Внешняя политика... С. 159 – 160.

столетия и опубликовал в журнале «Москвитянин» в 1851 г.¹⁰⁸⁴ В документе, предположительно датированным «после 1719 г.», предусматривалась возможность колонизации территорий Амазонии, Уругвая, южной Бразилии и восточного побережья Аргентины, «которые по се число ни от какого европейского короля не завоеваны, но волны; от большей части плодородныя, под здоровым воздухом, богаты металями и лехко можно завоевать, и которыя видятся для цесарского величества российского сохранены быть к завоеванию и владению».¹⁰⁸⁵ Все эти параллельные шаги Петра, рассмотренные в едином комплексе, позволяют предположить новые тенденции во внешнеполитической деятельности Петра I, направленные к активизации колониального проникновения в Океан и разворачивание европейской торговли в российском направлении.

Императору со всей отчетливостью становилось ясно, что для реализации новых замыслов необходимо строительство нового современного порта на Балтике, откуда открывались бы дороги в океан. Внимание Петра привлек небольшой редко замерзающий залив к западу от Ревеля, со всех сторон окруженный неприступными скальными утесами. Здесь, в гавани Рогервика, Петр I задумал возвести мощнейшую каменную цитадель, главную военную базу Балтийского флота. Отсюда корабли могли выходить в море раньше, чем из Ревеля и Кронштадта, а зимой возвращаться позднее. Вход в гавань существовал только один, и если построить надежный мол, он будет охранять корабли от штормов. Неприступность крепости должны были обеспечивать артиллерийские орудия, установленные в ее бастионах. Летом 1723 г. в Рогервикской гавани только еще начинались строительные работы, а в декабре уже здесь началась история, известная как Мадагаскарская экспедиция.

Об обстоятельствах недолгого плавания кораблей и планах экспедиции, вошедшей в историю как Мадагаскарская, в историографии изложено достаточно

¹⁰⁸⁴ Проект завоевания Америки, поданный Петру Великому // Москвитянин. 1851. Ч. 1. С. 121 – 124.

¹⁰⁸⁵ Проект покорения земель в Южной Америке при Петре I. – Публикацию подготовил А.В.Захаров // Вопросы истории. 2012. № 10. С. 48–56.

подробно,¹⁰⁸⁶ однако многие вопросы до сих пор остаются невыясненными. Мадагаскарская экспедиция готовилась «секретно», и в суть дела был посвящен крайне ограниченный круг людей. Сегодня крайне сложно реконструировать ход событий, тем более, что до нас дошли лишь отрывочные сведения относительно их непосредственных участников. Среди них на первый план выходит вице-адмирал датчанин Даниил Якоб Вильстер, располагавший, по-видимому, самыми полными сведениями о готовящемся плавании.¹⁰⁸⁷

Сын интенданта майора Юхана Якобсена Вильстера и Катарины Хонбург Вильстер родился 9 декабря 1669 г. в Копенгагене и там же окончил Королевское мореходное училище. Свои первые плавания он совершил в Вест-Индию и Ост-Индию, после чего воевал на голландском, датском и шведском флотах. С юных лет Вильстер подавал большие надежды, обещал со временем стать хорошим офицером и медленно, но неуклонно повышался в чинах. Вот только характер у него был тяжелый. Этот державшийся независимо своенравный человек постоянно ссорился с начальством, на него то и дело строчили жалобы и доносы. Он часто впутывался в сомнительные истории и не всегда ладил с законом. В марте 1698 г. он предстал перед судом за то, что был шафером на свадьбе майора Мортена Мюле и своей младшей сестры Доротеи. Мюле до этого был женат на другой сестре Вильстера, но она умерла. Когда же майор попросил руки младшей сестры, ему отказали, и молодые самовольно совершили обряд венчания. Мюле

¹⁰⁸⁶ Туманский Ф. О. Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого. Ч. 9. СПб.: тип. Шнора, 1788. С. 209–270; Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России. Записки, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Т. 9. М.: В Типографии Николая Степанова, 1838; Зейдель И. II. Снаряжение первой дальней экспедиции в царствование Петра Великого в 1723 году // Морской сборник. 1867. Сентябрь. № 9. С. 65–83; Веселаго Ф. Ф. Очерк русской морской истории. Ч. 1. СПб., 1875; Трутовский В. К. Флибустьеры XVIII века // Русский вестник. Т. 221. 1892. Август С. 3 – 20; Заозерский А. И. Экспедиция на Мадагаскар при Петре Великом // Россия и Запад: Исторические сборники под редакцией профессора А. И. Заозерского.. Ч. 1. Пг.: Academia, 1923. С. 91–102; Альтман В. В. Экспедиция на Мадагаскар Петра I // Наука и жизнь М., 1937. № 6. С. 68–69; Тарле Е. В. Роль русского флота во внешней политике при Петре I // Морской сборник. 1946. № 11–12. С. 96–98; Тарле Е. В. Русский флот и внешняя политика Петра I. М.: Военное изд-во Мин-ва вооруж. Сил СССР, 1949. С. 115–119; Макрушин А., Макрушин В. Фрегаты Петра отплывают к Индийскому океану // Бригантна. Сборник рассказов о путешествиях, поисках, открытиях. М.: Молодая гвардия, 1971; Давидсон А. Б., Макрушин В. А. Зов дальних морей. М., 1979; Чекуров М. В. Загадочные экспедиции. М.: Мысль, 1984. С. 61–79; Карташова Л. А. Становление знаний и представлений о Мадагаскаре в России // В таинственной стране Мадагаскар. Год 2005 / Сост. и авт. предисл. Л. А. Карташова. М.: КДМ, 2006. С. 56–66.

¹⁰⁸⁷ См. подробице: Давидсон А. Б., Макрушин В. А. Зов дальних морей... С. 28–31.

был арестован и посажен в крепость, молодую супругу отправили подальше, на остров Борнхольм, а Вильстера арестовали. Правда спустя месяц, он вышел из заключения, но был лишен очередного чина. В 1712 г. он уже был контр-адмиралом и командовал флотилией у побережья Норвегии, однако действовал неудачно и упустил возможность разгромить численно уступавшую датчанам шведскую эскадру. За просчеты его отдали под суд верховного адмиралтейского трибунала и посадили в тюрьму Гаммельсхольм. Только в августе 1714 г. датские судебные власти смягчили приговор, отправив Вильстера в почетную отставку. Служить в Дании Вильстеру больше не привелось. Он уехал в Любек и перешел на сторону своих бывших противников. Получив командование над кораблем «Стокгольм» он теперь воевал против датчан, в одном из сражений потерял ногу, но отличился и был произведен в вице-адмиралы. В Швеции Вильстер также не прижился и по неизвестным причинам бежал в Гамбург.¹⁰⁸⁸ Скрываясь от шведов, он вступил в секретные переговоры о переходе на русскую службу.¹⁰⁸⁹ В июне 1721 г. Вильстера вместе с сыновьями Яганом Генрихом и Ульрихом Кристьяном приняли на Российский флот,¹⁰⁹⁰ и он прибыл в Петербург, на свое последнее место службы.

В России карьера вице-адмирала складывалась, как будто, успешнее. Начался, впрочем, его служебный путь со скандала. На первом заседании в Адмиралтейств-коллегии новоиспеченные коллеги Вильстера, недовольные его претензиями на старшинство, горячо оспаривали решение адмирала К. Крюйса посадить его выше других и попытались даже выгнать бывшего противника из зала заседаний.¹⁰⁹¹ После полутора лет службы,¹⁰⁹² все лето 1723 г. Вильстер

¹⁰⁸⁸ О роли Гамбурга в секретной дипломатии см.: *Schuhard M.K. Emanuel Swedenborg, secret agent on Earth and in Heaven...*

¹⁰⁸⁹ Переговоры велись при посредничестве резидента надворного советника в Гамбурге Ягана Фридриха Бетхера (РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Оп. 4. Ч. 2. Д. 62. Л. 524–526; РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 11. Д. 128. Л. 5–10).

¹⁰⁹⁰ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 11. Д. 128. Л. 2. Старшего сына приняли в службу капитаном, младшего – капитан-поручиком.

¹⁰⁹¹ В сохранившихся документах сохранилась примечательная резолюция, которая подвела итог «притязаниям» Вильстера на старшинство в вице-адмиральском чине: «Оная претензия служить ему не может, ибо оное было во Швеции» (РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 11. Д. 128. Л. 13).

провел с флотом на маневрах в Балтийском море. Он часто встречался с Петром, стремился заручиться его благоволением и не раз вел с императором доверительные беседы. Тогда-то он, видимо, и рассказал Петру о секретной операции шведской дипломатии.

Трудно сказать, откуда Вильстеру были известны эти сведения. Шведы могли обращаться к нему за консультациями, зная, что он плавал в Индийском океане. К тому же, он близко знал нескольких шведских офицеров, участвовавших в экспедиции Ульриха,¹⁰⁹³ и те, возможно, были с ним излишне откровенны. Обращает на себя внимание еще одно примечательное обстоятельство. Вместе с Вильстером в июне 1721 г. на русскую службу был принят еще один военноморской офицер, англичанин капитан Норкросс (Наркрос или Норкрюс). Тесно связанный с яcobитским подпольем, Норкросс в свое время принимал участие в восстании 1715 г. и сражался в войсках Джона Эрскина, графа Мара, при Престоне, а затем бежал в Швецию. Здесь он командовал небольшим 4-пушечным капером и крейсировал в Северном море, пока не был захвачен дюнкеркскими корсарами, передавшими пленника в Англию. Вскоре, правда, Норкросс был освобожден, и вновь перебрался в Швецию, а оттуда в Россию.¹⁰⁹⁴ Через полгода он вышел в отставку, но спустя год его имя неожиданно упомянул посланник в Англии князь Долгоруков. В донесении Петру I сообщалось, что Норкросс прибыл со специальной миссией связаться с пиратскими представителями, которые «искали протекции блаженной памяти короля шведского». Норкроссу было поручено обещать пиратам протекцию императора и в случае их согласия предложить им в качестве места жительства Архангельск. Впрочем, сообщал

¹⁰⁹² Информация об этом периоде в жизни Вильстера сохранилась крайне скудная, однако некоторые полученные нами данные вызывают вопросы, на которые пока нет ответов. Так, например, не ясно, где был Вильстер в 1722–первой половине 1723 гг., так как он не получал жалованье за 1722 г., и летом 1723 г. просил его выплатить. А как раз июнем 1723 г. датируется указ императора о повторном принятии Вильстера вновь на службу во флот и указание ему принять присягу (5 июня 1723 г.).

¹⁰⁹³ В написанной им весной 1724 г. «Обсервации и мнении не в указе буди», Вильстер отмечал, что офицеры (Зебах, Мандель, Остог и Люнг-Фельт), «которые командору Улриху для совета с ним были посланы, оных отчасти я сам знавал, а от других слыхивал, что оные люди добраго ума и остраго разума, а иные в том были хороших наук; в таких случаях и экспедициях зело изрядны; для того что ежели один умрет, тогда другой на место свое имется то действне производить...» (РГА ВМФ. Ф. 223. Оп. 1. Ф. 29. Л. 28, 28 об.).

¹⁰⁹⁴ Fox E.T. Jacobitism and the "Golden age" of piracy, 1715–1725 // International Journal of Maritime History. 2010. Vol. XXII. № 2. P. 292.

Долгорукий, шведы, встревоженные действиями русской стороны, пытались переманить его на свою сторону, рассчитывая, что вместе с ним заручатся поддержкой пиратов.¹⁰⁹⁵ История с Норкроссом показывает, что у российской стороны могли быть и иные, помимо Вильстера, источники, информировавшие о положении пиратов. Во всяком случае, нельзя исключать наличие альтернативных информаторов,¹⁰⁹⁶ которые, по-видимому, принадлежали к влиятельной якобитской группировке, обосновавшейся в Петербурге, к которой принадлежали хорошо знакомые Вильстеру адмиралы-шотландцы Томас Гордон и Кеннет Сазерленд, 3-й лорд Дуффус.¹⁰⁹⁷

Как бы то ни было, рассказ Вильстера пришелся как нельзя кстати, и подтолкнул Петра I начать свою игру в Индийском океане. Ход делу Петр дал в начале ноября 1723 г.,¹⁰⁹⁸ когда флот уже закончил кампанию, и суда готовились к зиме. Скрытно, поспешно и в необычное для плаваний время года начали снаряжать в путь два фрегата голландской постройки – «Амстердам-Галей» и «Декронделивде», входившие в состав Ревельской эскадры. Вице-губернатор Ревеля Фридрих фон Лёвен и главный командир Ревельского порта контр-адмирал Ян (Иван Иванович) Фангофт получили на этот счет самые строгие распоряжения. Им было поручено в десятидневный срок укомплектовать корабли лучшими матросами и солдатами, доставить необходимые припасы, вооружение и провиант, а «указ содержать секретно, не объявляя другим».¹⁰⁹⁹

¹⁰⁹⁵ Трутовский В.К. Флибустьеры XVIII века... С. 13, 14.

¹⁰⁹⁶ По-видимому неплохо информирован о происходящем в Вест-Индии был другой якобит, Александр Дэлзил, который некоторое время занимался пиратством в западной части Индийского океана и был французским корсаром. Подобно Норкроссу он был взят в плен англичанами, после освобождения перебрался во Францию, а затем вновь оказался в Шотландии, где был арестован при попытке перейти на сторону шведов и бежать в Гетеборг.

¹⁰⁹⁷ См. подробнее: *Murdoch S. Soldiers, Sailors, Jacobite Spy: The Scottish Jacobites in Russia 1688-1750 // Slavonica. 1996. Vol. 3. No. 1. P. 7–28; Wills R. The Jacobites and Russia, 1715–1750. East Linton: Tuckwell Press, 2002; Murdoch S. Des réseaux de conspiration dans le Nord? Une étude de la franc-maçonnerie jacobite et hanovrienne en Scandinavie et en Russie, 1688–1746 // Politica Hermetica. La Franc-Maçonnerie et les Stuarts au XVIII-e Siècle. Stratégies Politiques, Réseaux entre Mythes et Réalités. 2010. No. 24. P. 29–57; Collis R. Jacobite networks, freemasonry and fraternal sociability and their influence in Russia, 1714–1740 // Politica Hermetica. 2010. No. 24. P. 89–100.*

¹⁰⁹⁸ Это произошло 3 ноября в доме генерал-адмирала графа Ф. М. Апраксина (РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 11. Д. 305. Л. 1).

¹⁰⁹⁹ МИРФ. С. 690.

Поспешность при подготовке судов обернулась боком для организаторов дела. Фрегаты снарядили «без промедления», но зато в полнейшей «конфузии», все делалось как придется, и едва можно было бы «поверить, что морской человек оные отправлял». Перед выходом в море не были даже осмотрены и отремонтированы днища фрегатов, а грузы размещались «за теснотою» как придется. Матросы вконец обносились, пресную воду, провиант и лекарства собирали по крохам.¹¹⁰⁰ Командир Ревельского порта, посетовавший на отсутствие в городе необходимых медикаментов, тут же получил из Петербурга исчерпывающую резолюцию: «Лекарств, которых не имеетца, прикажите тот час или купить или другим каким ни есть способом достать... Имейте крепкое старание и весьма того бойтесь, ежели требующее при Ревеле, что есть до вас, тем исправлено не будет. Оное взыщется жестоко все на вас, и никакие отговорки не примутца»¹¹⁰¹. И так во всем. Спешные указания готовить необходимые для навигации приборы и карты получил в резидент в Копенгагене А. П. Бестужев-Рюмин – ему было поручено немедленно закупить 10 градустоков, 10 квадрантов и карты Северного моря и «одну партикулярную карту для проходу в Ост-Индию».¹¹⁰²

Вильстер, снабженный особыми инструкциями, 12 декабря 1723 г. в сопровождении прокурора Адмиралтейской коллегии капитан-лейтенанта Ивана Козлова прибыл в Рогервик. Полковник Емельян Маврин, осуществлявший руководство строительством в Рогервикской гавани получил специальные указания от Апраксина и поселил адмирала, одетого в черный камзол без офицерских галунов, «тайно в особливых покоях». Приезд адмирала содержался в глубокой тайне, и Маврин на этот счет получил самые строгие распоряжения: ему,

¹¹⁰⁰ . Вильстер доносил, что «на фрегате «Амстердам-Галей» по большей мере хотя бы все пивныя и водяныя бочки были налиты водою, тогда б на 204 человека более не стало пития как на 10 недель и три дня; на «Декронделинде» пива и воды тож слово в слово, счисляя по кружке в сутки... а хотя добрая и попутная погода и ветр нам будет, то однакож по последней мере недель 14 или 15 или больше до Сант-Яго в пут пробудем... Дров таж дано только на 15 недель».

¹¹⁰¹ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 11. Д. 305. Л. 217, 217 об. К 18 декабря лекарства собрали и доставили в Рогервик в двух сундуках.

¹¹⁰² Там же. Л. 235, 239, 261. В письме Апраксину от 17 декабря Бестужев-Рюмин докладывал, что «через некоторых мне надежных приятелей стороною закупать буде, дабы здесь не ведали».

в частности, было особо вменено следить, чтобы Вильстера «не токмо другим кому видеть, но и означенный полковник Маврин не видал».¹¹⁰³ Ни с кем не общаясь, Вильстер у Маврина три дня, а 15 декабря покинул квартиру так же внезапно, как и появился. Накануне в гавани встал на якорь фрегат «Декронделивде» из Ревеля, Вильстер и его багаж были переправлены в шлюпке на фрегат. Через несколько часов в гавань вошло другое судно – фрегат «Амстердам-Галей», – также пришедшее из Ревеля.

Вечером в капитанской каюте «Декронделивде» состоялось совещание, на котором присутствовали Козлов, таинственный незнакомец, капитаны «Амстердам-Галей» и «Декронделивде» Данило Мясной и Джеймс Лоренс¹¹⁰⁴. Козлов объявил собравшимся, что они поступают в распоряжение адмирала, и предупредил их, «чтоб они были ему господину во всем послушны...», приказы бы выполняли без промедления, а корабли готовили к выходу в море.¹¹⁰⁵ В пятницу 20 декабря, в 6 часов утра, фрегаты подняли якоря и пошли в «назначенный вояж».

Плавание было подготовлено таким образом, чтобы «не дать никому никакого подозрения».¹¹⁰⁶ Корабли замаскировали под торговые суда. Им предписывалось плыть без вымпелов и «от всех церемоний (как в здешнем море, так и в большом) удаляться». Ни один член экипажа, разумеется, не знал, что у флагмана на руках личное послание Петра I. Вильстер, в свою очередь, не подозревал о запечатанных конвертах с секретными распоряжениями, лежавших в каютах командиров кораблей – вскрыть их они могли только при выходе в Атлантический океан, дабы удостовериться, что Вильстер идет верным курсом.¹¹⁰⁷

¹¹⁰³ Материалы для истории Русского флота. Часть II. СПб., 1865. С. 695.

¹¹⁰⁴ Лоренс прибыл из Петербурга в Ревель 30 ноября, о времени появления Мясного нам неизвестно (РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 11. Д. 305. Л. 16 179).

¹¹⁰⁵ Там же.

¹¹⁰⁶ МИРФ. С. 693.

¹¹⁰⁷ Осторожный и подозрительный император решил обезопасить себя на случай неожиданностей со стороны Вильстера. В специальных инструкциях, посланных русским офицерам – командиру «Амстердам-Галей» капитану Даниле Мясному и офицеру «Декронделивде» капитан-лейтенанту Михаилу Киселеву (заметьте, ему, а не командиру «Декронделивде» иностранцу, Джеймсу Лоренсу), – прилагалась копия с инструкций, данных вице-адмиралу. Офицеры должны были распечатать пакет с инструкциями после прохода Зунда: «прочтите токмо вы двое, а вице-адмиралу Вильстеру и другим офицерам (кто с вами будут обретаться) отнюдь не объявлять, но содержать в таком крепком секрете, чтоб кроме вас никто про оную не знал, и потом требовать от помянутого вице-адмирала оригинальной его инструкции, и что повелено исполнять» (МИРФ. С. 694).

Указанный маршрут пролегал в стороне от оживленных морских трасс. Миновав Зунд¹¹⁰⁸ и выйдя в Северное море, держать путь в Атлантику фрегаты должны были не через Ла-Манш, а вокруг Шотландии и Ирландии. Во встречные гавани заходить разрешалось только в случае поломки, но производить ремонт следовало в кратчайшие сроки, так, чтобы, не теряя времени, идти дальше. Прибыв к месту назначения, в район пиратской базы на острове Сент-Мэри у Мадагаскара, Вильстер мог поднять российский флаг и представить свои верительные грамоты некоей «высокомудрой особе» – «королю Мадагаскарскому», как его именует инструкция Петра.

Подписывая грамоту «ваш приятель», император, по-видимому, полагал, что имеет дело с суверенным правителем острова, неким «владеющим королем». Облеченный полномочиями посланника, Вильстер, по-видимому получивший от императора «изустные преподобные о всем наставления, что ему там наблюдать и замечать»,¹¹⁰⁹ должен был «оного короля склонить к езде в Россию» – «ежели зимой, то в Колу, понеже там никогда не мерзнет, а ежели летом, то в Архангелгородский порт».¹¹¹⁰ В предоставленной Вильстеру верительной грамоте говорилось: «Ежели вышеупомянутый король мадагаскарский склонность имеет у какой державы протекцию искать, то мы от всего сердца желаем ... онаго в нашу протекцию принять, и яко высокомудрая особа может он сам разсудить, где по нынешнему состоянию в Европе оную протекцию получить может лучше, и ежели оный король на нашу протекцию соизволит, то мы с охотою оному позволим жить, где во владениях наших пожелает и обещаем накрепко и нашим императорским словом, что мы от всех его неприятелей, его короля и людей его, которые в наше

¹¹⁰⁸ Остается вопросом, насколько реалистичны и продуманные были обозначенные в инструкциях Вильстеру режим секретности и соответственно предписанный ему маршрут кораблей. Сам адмирал, по-видимому, не питал иллюзий на сей счет и в одном из донесений он высказал уверенность, что «датчане не осматривая карабли не пропустят» (РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 11. Д. 305. Л. 12 об.)

¹¹⁰⁹ Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России. Записки, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Т. 9. М.: В Типографии Николая Степанова, 1838. С. 300.

¹¹¹⁰ МИРФ. С. 693, 694.

государство придут, защищать будем, несмотря ни на что, чтоб от того ни произойти могло».¹¹¹¹

Сегодня трудно понять, чем руководствовался император и тесный круг его доверенных советников, посвященных в тайну «секретной экспедиции», когда адресовали послание некоему «королю». И.И.Голиков, одним из первых написавший о Мадагаскарской экспедиции, выдвинул две возможных догадки: либо пираты, «будучи от всех гонимы, принуждены были между собой избрать начальника, дав ему титул короля», либо «великий наш государь начальника сих удалцов хотел польстить таким титулом»¹¹¹². Последнее предположение разделили А. Б. Давидсон и В. А. Макрушин, полагавшие, что такое обращение «было естественно», так как подобный титул ассоциировался с образом пиратских вожаков, почерпнутых из литературы начала XVIII в. «Стремясь установить связи с флибустьерами, Петр уважительности ради, назвал Моргана (вожак местных пиратов – Д.К.) королем».¹¹¹³ А. И. Заозерский, в свою очередь, предположил, что виновником недоразумения являлся Вильстер, имевший совершенно туманные представления о пиратском братстве – его взгляды и были отражены в правительственных инструкциях.¹¹¹⁴ По нашему мнению, все три высказанных предположения следует рассматривать комплексно – в той или иной мере все они повлияли на подготовку экспедиции.

Надо заметить, что представления в России о мадагаскарских разбойниках не имели ничего общего с действительностью и, по-видимому, формировались под впечатлением популярных в ту пору книг о пиратах, в частности «Всеобщей истории морских разбойников» Капитана Чарльза Джонсона. В ней свирепые мадагаскарские бандиты, этикие гнусные деспоты, правили своими поданными наподобие злобных тиранов. Один из них, некто Джеймс Плантейн, осел в уединенной бухте Мадагаскара и откупил у местного вождя участок земли.

¹¹¹¹ Голиков И. И. Деяния Петра Великого... С. 303.

¹¹¹² Голиков И. И. Деяния Петра Великого... С. 305.

¹¹¹³ Давидсон А. Б., Макрушин В. А. Зов дальних морей... С. 88.

¹¹¹⁴ Заозерский А. И. Экспедиция на Мадагаскар... С. 101.

Окружив себя гвардией из чернокожих туземцев, Плантейн провозгласил себя королем и начал постепенно брать власть над окрестными территориями в свои руки. Он пребывал в полном блаженстве: местные вожди боялись его и курили пирату фимиама, верные аборигены слагали песни во славу большого белого господина. Довольный властолюбец проводил дни и ночи в пьянстве, роскоши и пирах. Ему полюбились местные обычаи, позволявшие царям иметь гарем. Белый хозяин окружил себя несколькими десятками темнокожих жен, одарил их богатыми шелками и бриллиантами, и, окруженный трепетной любовью негритянских гурий, вкушал радости экзотической жизни. Он не забывал, впрочем, о своем происхождении. Как это принято у англичан, он называл своих бесконечных жен-негритянок Моль, Кейт, Сьюла и Пег (производные от соответствующих имен Мэри, Екатерина, Урсула, Маргарет). Плантэйн и подобные ему правители, если следовать Капитану Джонсону, вели себя примерно одинаково. Заросшие густыми бородами, разбойники, уже давно прекратили ходить в европейской одежде, позабыли, что такое обувь, и облачались в необработанные звериные шкуры мехом наружу. Всех пленников эти дикари превращали в рабов, а на самых красивых туземках они женились, устраивая гаремы, как у турецкого султана. Бывалые очевидцы, якобы побывавшие в их владениях, описывали огромные угодья, где пиратские вожаки, ведут жизнь библейских патриархов, разделившись на колена, окружив себя сонмом домочадцев, детьми и многочисленными женами.

Их земли окружали вал и глубокий ров. Жилища прятались в густой сельве. К ним вела кривая тропинка, тонувшая в зарослях высоких колючек. Продвигаться по ней можно было только гуськом, и те, кто не знал дороги, часами петляли по запутанному лабиринту, не подозревая, что люди скрываются в двух шагах. По обе стороны тропинки торчали воткнутые в землю острые шипы, и ночью пробираться по ней было смертельно опасно.: в глухих джунглях они возводили нечто, напоминающее крепость, обносили ее земляным валом и рвами. В крепость вела только одна дорога – настоящий лабиринт, по которому можно было идти

только друг за другом. Но, даже добравшись до крепости, можно было ее не увидеть – так ловко пиратские «короли» прятали свое убежище в чаще тропического леса.

Подобные «туманные» представления о «короле мадагаскарском» лишней раз подчеркивали авантюризм и недостаточную проработку деталей Мадагаскарской экспедиции на ее первоначальном этапе, в 1723 г. Однако, следует выделить два, на наш взгляд, ключевых момента, связанных с практической подготовкой экспедиции. Во-первых, организаторы плавания в своих проектах действительно отталкивались от представлений о существовании некоего реального монарха, подобного упомянутому нами графа де Линанжу. Во-вторых, замыслы Петра I отнюдь не ограничивались Мадагаскаром – Вильстеру следовало плыть дальше, в Индию. Данная ему инструкция гласила: «...явитесь там Великомочному Моголу и всякими мерами старайтесь его склонить, чтоб с Россиею позволил производить коммерцию, и иметь с ним договор, которые товары потребны в Россию, также и какие в его областях товары из России надобны суть...». В случае успеха предприятия пиратским заливам Мадагаскара отводилась роль отправной базовой стоянки России на торговых путях в Индию.

Плавание, впрочем, продлилось недолго. На рассвете 20 декабря фрегаты вышли из Рогервика и уже через несколько часов на границе Финского залива, у Дагерорда, попали в сильнейший шторм. Флагманский «Амстердам-Галей» дал сильную течь. Помпы едва успевали откачивать соленую воду, корабль чудом не пошел ко дну. Спасла близость берега, течь кое-как залатали. Но в целом корабли пребывали в плачевном состоянии, о продолжении похода не могло быть и речи. Пришлось вернуться в Ревель и встать на ремонт.

Из Петербурга в адрес ревельских властей и командиров экспедиции полетели угрозы с требованием ускорить дело. Столичные чиновники предупреждали о строгой ответственности «за нерадение» и намекали на «жестокий гнев» вспыльчивого государя. Обстановка в городе накалилась до предела. Самого Вильстера решили упрятать подальше – ему приказали уехать из

Ревеля и тихо сидеть в Рогервике, пока не закончится ремонт кораблей, «под тем образом, чтоб при Ревеле никто об вас не ведал, також и по прибытии туда содержите себя (пока оные фрегаты придут) инкогнито, чтоб и там об вас никто не ведал, понеже ежели при таком продолжении кто сведает, то немалая будет опасность о вашей комиссии».¹¹¹⁵ Одноногий адмирал, несмотря на все увещевания, решил остаться на «Декронделивде» в ревельской гавани, чтобы самому надзирать за работами. В объяснительном донесении он сообщал: «...неотлучно на корабле из каюты не выхожу и содержусь почти под легким арестом, и выходу имею только, когда уже темнота ночная настоит, и меня б никто не видал. Токмо я человек не таков, чтоб мне дело поверенное оставить и не смотреть; ныне я сам вижу, что и при мне работою зело мешкатно отправляются, а ежели бы мне быть в Рогервике наипаче бы мешкота явилась».¹¹¹⁶

И все же кораблям так и не пришлось выйти в море. 21 января случилась беда – при перегрузке якоря с «Амстердам-Галея» фрегат сильно накренился, в открытые пушечные порты хлынула вода, и корабль и затонул. Погибло 16 матросов – они не успели выбежать из трюма. Император «принял нещастие в немалом соболезновании», но, как объяснял Апраксин, человек тут не властен: «хотя жаль, что такой случай постигает, однакож оное строится ни от кого иного, но от воли божеской».¹¹¹⁷ Из Петербурга поступило распоряжение главному командиру Ревельского порта контр-адмиралу Фангофту готовить новые суда и выйти в море «как возможно наискорее, понеже медленность их ни на коим ином так жестоко не взыщется как на вас».¹¹¹⁸ Из состава Ревельской эскадры были выбраны новые суда – корабль «Принц Евгений» и «другой которой заблагразсудитца, которые состояли в ревельском порте, кроме “Девеншира” и

¹¹¹⁵ МИРФ. С. 702. Маврин получил на этот счет специальные инструкции, датированные 14 января 1724 г. и требующие «содержать ево при своей квартире до того времени, пока в Рогорвик придут ево фрегаты, в таком же образе, как было при бытности гвардии капитана и адмиралтейского прокурора Казлова; так и вы, изволите об ево нмяни содержать секретно» (РГА ВМФ. Ф. 223. Оп. 1. Д. 29. Л. 19).

¹¹¹⁶ Там же. С. 708.

¹¹¹⁷ *Туманский Ф.* Собрание разных записок... С. 226.

¹¹¹⁸ Там же. С. 705.

«Крейсера»». ¹¹¹⁹ Было приказано обшить их днища фрегатов коровьими шкурами, которые в южных морях предохраняли от моллюсков. Но шкур на ревельских складах не нашлось, да и сами корабли оказались не в лучшем состоянии, а ремонтные работы на «Принце Евгении» приостановились из-за «великих морозов». ¹¹²⁰

Потянулась переписка о поставках. Трудности по снаряжению и ремонту кораблей накатывались подобно снежной лавине. Властный царь не любил промедлений и требовал «спеха днем и ночью». В обстановке спешки, нервозности, неразберихи и путаницы руководители сбивались с ног, зачастую не зная, что делать и перекладывая друг на друга ответственность. Какой бы вопрос не пытались решить власти Ревеля и Рогервика – всюду их ждали неприятности. Когда, например, для «нужнейшего исправления» фрегатов «в самой скорости» понадобились сосновые доски, оказалось, что сыскать их в Ревеле невозможно. Апраксин же требовал от ревельского обер-коменданта генерал-майора В. фон Делдена действовать быстро: «В перевозке оных досок не зделай в подводах никакой остановки». ¹¹²¹ Однако обер-коменданта, прежде чем думать о подводах (которых у него не было), мучил вопрос – где достать сами доски. Он решил было искать их у ревельских горожан и на окрестных мызах, был готов предложить за них самую высокую цену, но жители не спешили с ними расставаться. Тогда фон Делден снарядил на поиски «гарнизонных или других каких-нибудь тридцать человек пилщиков с надлежащим инструментом» и дополнил их солдатами. Всех набранных людей он предоставил Фангофту и отправил их в Рогервик – пусть с ними разбирается Маврин. ¹¹²²

Ремонтные работы затянулись, дело повисло на волоске, и руководители ждали неприятностей. Брань, препирательства, угрозы посадить всех под арест и взаимные упреки сыпались как из рога изобилия, и, наконец, 4 февраля 1724 г.

¹¹¹⁹ РГА ВМФ. Ф. 223. Оп. 1. Д. 29. Л. 86 об.

¹¹²⁰ РГА ВМФ. Ф. 223. Оп. 1. Д. 1016. Л. 92, 92 об.

¹¹²¹ ЕАА (Государственный архив Эстонии). Ф. 3. N. 1. S. 121. L. 48.

¹¹²² РГА ВМФ. Ф. 223. Оп. 1. Д. 230. Л. 50, 50 об, 56.

Вильстер получил письмо от Апраксина, в котором сообщалось: «Его Императорское Величество указал намеренную вашу экспедицию удержать до другого благополучного времени».¹¹²³ Самому вице-адмиралу предписывалось возвратиться в Петербург. Что изменилось в Петербурге к февралю 1724 г.?

«Причина, по которой отказались от нее (экспедиции – Д. К.), документами не выясняется, – отмечал А. И. Заозерский, – и можно только догадываться, что она заключалась в полученных вице-адмиралом Вильстером более точных сведениях об условиях, какие русская экспедиция нашла бы на Мадагаскаре».¹¹²⁴ Может быть, в столице пришли к выводу о технической невозможности организовать плавание в столь короткие сроки, или решение императора было продиктовано опасением, что тайна операции может раскрыться? Исследователи, писавшие о Мадагаскарской экспедиции, на этом эпизоде и больших знаках вопроса рассказ заканчивали. Однако, как свидетельствуют архивные источники, тогда, зимой 1724 г., никакой речи об отмене экспедиции не шло, и ставить точку было еще рано. Материалы РГА ВМФ показывают, что до официального завершения Мадагаскарской экспедиции оставалось еще почти полгода. На протяжении первой половины 1724 г. в Ревеле кипела бурная деятельность по снаряжению кораблей: готовились припасы, составлялись сметы, писались инструкции и набирались экипажи. Распоряжение же Апраксина Вильстеру о возвращении инструкций, подписанных императором, были датированы только 30 июля 1724 г.¹¹²⁵

Дело в том, что в феврале 1724 г. в канцелярию Апраксина поступило письмо,¹¹²⁶ отправленное вице-губернатором Ревеля Фридрихом фон Лёвенем. «Милостивый государь, – писал фон Лёвен. – Вашему высокографскому

¹¹²³ Там же. С. 709.

¹¹²⁴ Заозерский А. И. Экспедиция на Мадагаскар... С. 102. Е. В. Тарле полагал, что новые сведения были получены от приехавшего в Россию командующего шведской экспедицией командора Ульриха (*Тарле Е. В. Русский флот...* С. 117 – 118).

¹¹²⁵ «Оной экспедиции отправления в нынешней компании быть не надобе, а ежели впредь возобновление тому какое будет, о том вас без известия не оставим» (РГА ВМФ. Ф. 223. Оп. 1. Д. 29. Л. 87). Те же распоряжения о возвращении инструкций были направлены командирам фрегатов. В свою очередь и Бестужев-Рюмин получил указания все купленные навигационные приборы и карты отправить в Адмиралтейств-коллегию (Л. 89).

¹¹²⁶ РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 230. Л. 280. Это письмо было обнаружено Е. В. Тарле, использовавшим его в своей работе о русском флоте при Петре Великом.

сиятельству доношу, что за несколько дней приехал в Ревель чрез Санктпитебург из Швеции генерал-адъютант и командор Ульрих; который был определен командором над 5 шведскими караблями, посланными года с два тому назад в Мадагаскар в Азию с некоторой ирландской земли человеком, именуемым Моргион, который назывался губернатором, да с капитаном Ситлером. От которой его имевшей экспедиции хотел я от него хотя мало уведомитца (понеже он зятю моему родной брат¹¹²⁷), токмо он приватной персоне о том известить не хочет, но сказывает, ежели б он мог бы в Санктпитебурхе его императорскому величеству нижайшей свой поклон отдать, то б он его величеству о том донести хотел и объявил бы писменно, в каком намерении она экспедиция была отправлена и какой причины ради она в действие не произведена...»¹¹²⁸

О приезде 7 января 1724 г. в Петербург бывшего руководителя секретной шведской экспедиции на Мадагаскар лифляндца Ульриха, вышедшего на свободу и получившего дозволение отправиться на родину в Лифляндию,¹¹²⁹ знали придворные из окружения племянника Карла XII герцога Голштинского Карла-Фридриха,¹¹³⁰ в частности, хорошо информированный Фридрих-Вильгельм

¹¹²⁷ Что имел в виду Лёвен, говоря «зятю моему родной брат», не вполне ясно, тем более, что в русском языке слово «зять» трактовалось по разному. Это мог быть муж дочери, муж сестры, а также муж золовки. Дополнительно следует учитывать, что при переводе оригинального послания Лёвена, в текст могла закрасться неточность. Проследив родственные связи Лёвена и Ульриха можно констатировать следующее: отец Ульриха, Эверт Густав фон Ульрих (ум. 28.06.1707) был женат (Ревель, 02.10.1705) на младшей сестре Лёвена Агнетте фон Лёвен (в первом браке замужем за бароном Георгом фон Зальца, а в третьем (Ревель, 25.11.1709) – за Гансом Георгом фон Ульрихом. Параллельно прослеживается и вторая родственная линия, связывавшая Лёвена и Ульриха: его брат, Яков Генрих фон Ульрих (ум. 10.06.1743) был женат на Анне Кристине фон Лёвен (1685–01.03.1742), но мы не можем однозначно сказать, в каком родстве она состояла с Фридрихом фон Лёвен (Genealogisches Handbuch der Baltischen Ritterschaften. Teil Estland. Bd. 1–3. Görlitz, 1929–1936. Teil 2. 1.2. Görlitz, 1930. S. 261, 262, 713. 714).

¹¹²⁸ РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 230. Л. 280. Это письмо было обнаружено Е. В. Тарле, использовавшим его в своей работе. См. также: *Давидсон А. Б., Макрушин В. А.* Зов дальних морей.. С. 133.

¹¹²⁹ Ульрих добивался этого разрешения более восьми месяцев.

¹¹³⁰ Герцог Голштинский Карл Фридрих, племянник Карла XII (его мать Хедвиг София была сестрой короля), приехал в Петербург по приглашению Петра I после заключения Ништадтского мира. Как претендент на шведский престол, он представлял особый интерес для российской стороны (см. донесения французского посла в Петербурге графа де Кампредона: Сборник РИО. Т. 49. СПб. 1885; особенно с. 357–362; Т. 52. СПб., 1886. С. VII – XXXVIII) и вел переговоры о браке с дочерью Петра I Анной Петровной (*Петров П. Н.* Цесаревна Анна Петровна // Сборник исторических материалов и документов, относящихся к новой русской истории XVIII и XIX веков. СПб., 1873). Они закончились в ноябре 1724 г. заключением брачного договора. О голштинцах в России см. подробнее: *Полиевктов М.А.* Балтийский вопрос в русской политике... С. 119–131, 278–292; *Некрасов Г. А.* Русско-шведские отношения и политика великих держав в 1721–1726 гг. М., 1964. С. 171–183; *Возгрин В. Е.* Год 1725. СПб., 2007.

Берхгольц.¹¹³¹ Однако попасть тогда на прием к императору Ульриху не удалось: император 9 января уехал в Кронштадт на свадьбу капитана Бенца и вернулся в Петербург лишь 12 января. Ульрих же покинул столицу 11 числа и отправился в Ревель – по-видимому, он решил добиваться аудиенции императора с помощью своих влиятельных родственников.

В Петербурге немедленно отреагировали на письмо фон Лёвена. 4 февраля Апраксин направил срочную депешу в Ревель и приказал фон Делдену отыскать Ульриха и отправить его «как можно скорее» на почтовых подводах в Петербург, «понеже Его императорское величество всемилостивейшее желает для некоторой конференции видеть его здесь».¹¹³² Нельзя было терять времени: император готовился к поездке на Марциальные Воды. Фон Делден получил письмо Апраксина 8 февраля, и уже на следующий день выдал Ульриху подорожную и четыре подводы, приказав выехать 9 февраля.¹¹³³ Через несколько дней Ульрих приехал в столицу, явился к Апраксину и, получив аудиенцию у Петра I, осветил многие технические и организационные вопросы плавания к Мадагаскару.¹¹³⁴ Более того, Ульрих привез и передал распоряжение руководителей экспедиции секретные шведские документы и в их числе – полученные им королевские инструкции от 16 августа 1721 г. и материалы своего судебного процесса. С содержанием этих ценных документов ознакомился и герцог Голштинский¹¹³⁵.

Дело набирало ход. Вскоре к нему были подключены и российские дипломатические агенты. Прибегнув к «помощи» близкого к голштинцам штатного секретаря иностранных дел Швеции Даниила Никласа фон Гепкина, они сумели «докупить» интересующие их «копии». Особый интерес в Петербурге проявили к непосредственным участникам шведских тайных операций – были

¹¹³¹ Берхгольц Ф. В. Дневник камер-юнкера. М.: Университетская типография, 1903. Ч. 4. С. 6, 7. Автор также неоднократно упоминает среди состоявших на службе у герцога Голштинского бежавшего в 1719 г. из Швеции барона Стамке (*Беснятых Ю. Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии. Л., 1991. С. 223). Бывший первый секретарь всесильного министра Карла XII барона Г. Герца, казненного в 1719 г., Стамке, по-видимому, немало знал о секретах шведской короны – ведь его прежний руководитель, барон Герц, занимался отправкой первого шведского посольства к пиратам Мадагаскара.

¹¹³² РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 11. Д. 305. Л. 361, 361 об.

¹¹³³ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 11. Д. 305. Л. 363, 363 об.

¹¹³⁴ Берхгольц Ф. В. Дневник камер-юнкера... С. 19.

¹¹³⁵ Там же. С. 21.

составлены поименные списки офицеров с указанием их происхождения и местом нахождения на данный момент. Петр отдал распоряжение связаться с участниками шведской экспедиции, в частности с комиссаром Остогом и полковником Зебахом, найти некоего капитана Бутлера и сыскать самого Моргана,¹¹³⁶ чтобы через них он мог бы «снестись с королем Мадагаскарским».

Вся добытые сведения стекались к Вильстеру.¹¹³⁷ К сожалению, то, что ему удалось узнать, не вселяло оптимизма. Неплохо информированный человек, лично знавший некоторых из участников шведских экспедиций, Вильстер к лету 1724 г. внес серьезные коррективы в свой первоначальный проект. Проанализировав бумаги и письма, полученные от Ульриха, он пришел к выводу, «что многого не знал». Тогда он и подготовил специальный «экстракт из порученных мне писем» и уже упоминаемую ранее «обсервацию»¹¹³⁸. «По всему можно видеть, — докладывал он в июле 1724 г., — что на тех островах короля не имеется, как речь о том неслась, и я лутче о том до сего сведом не был, но признаваю быть оным местам республике».¹¹³⁹

Между тем, «республик», как их назвал Вильстер, на Мадагаскаре было столько же, сколько пиратских банд, и они вовсе не походили на правление «небольших князьков, имевших веру идолопоклонническую».¹¹⁴⁰ В каждой из них руководствовались своими собственными законами, а всеми делами вершил бандитский сход («совет подлых»). Царила круговая порука: под вынесенным вердиктом или договором свои «знаки» оставляли все его участники — умевшие писать ставили подписи, неграмотные рисовали крест. Все решало пиратское большинство, и никакие монаршие повеления силы не имели.

¹¹³⁶ По-видимому, контакты устанавливались после бесед с Ульрихом, который, в частности сообщил, что «губернатор Морган обещал в 1722 году в апреле мсе ехать в Швецию» (РГА ВМФ. Оп. 1. Д. 29. Л. 79 об.).

¹¹³⁷ Немалые трудности вызвало ведение переписки. Секретность, незнание Вильстером русского языка, постоянная необходимость в переводчике (им стал переводчик Адмиралтейств-коллегии Гамильтон или Гамолтин) затрудняли дело. В одном из своих писем, отправляя Апраксину подготовленные им материалы, он жаловался: «Оные переводы посланы не переписывая набело, в том не изволь возыметь гневу, понеже писца при себе не имею, а посторонного взять не прилично» (РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 229. Л. 46).

¹¹³⁸ РГА ВМФ. Ф. 223. Оп. 1. Д. 29.

¹¹³⁹ РГА ВМФ. Ф. 223. Оп. 1. Д. 29. Л. 29.

¹¹⁴⁰ Голиков И. И. Деяния Петра Великого... С. 304.

Впрочем, в Европе, по-видимому, не имели ясных представлений о численности мадагаскарских разбойников и всерьез преувеличивали их силу. В 1710 г. коммодор Роджерс отмечал, что на всем острове их всего 70 человек. Спустя два года сьер де Ламервей насчитал на острове Сент-Мэри 400 человек. В 1720 г. французский губернатор Пондишери сообщал об 11 кораблях и 1550 пиратах, а сьер де Бенар в 1723 г. писал о «40–50 форбанах, в основном англичанах».¹¹⁴¹ Рального же правителя, некоего монарха, каким его ранее представляли в кабинетах Петербурга, на Мадагаскаре не существовало. На острове враждовали между собой главари разбойничьих шаяк, и при переговорах с ними российские представители неминуемо столкнулись бы с серьезными трудностями: «Некоторые оного клеветства (социетета), писал Вильстер, - возжелали в Швецию иттить, а другие на тех островах остаца швецкими населенными; а Морган быть тамо губернатором. Ежели ныне жители тамошние еще в том мнении, а его императорское величество изволит тамо поселение (колонию) завести, то надлежит удобного члвека губернатором избрать, кому б было тамо надлежащее отправить».¹¹⁴² Однако, предупреждал адмирал, «обыватели на тех островах» - люди коварные. Из прочитанных им шведских инструкций отчетливо видно, что их составители «опасались их» и предупреждали Ульриха «быть ... со своим фрегатом и протчими судами во осторожности, ежели противное паче чаяния что позовется, чтоб тогда суды свои можно оборонить и возвратиться назад».¹¹⁴³

После получения этих сведений Петру I, по-видимому, стала очевидна бессмысленность посольства на Мадагаскар. Какую картину увидели бы его полномочные представители, если бы они все-таки вступили на землю пиратского острова. Их взору предстали бы чернокожие бандиты, уравненные в правах с белыми «собратьями» и озабоченные исключительно захватом и дележом добычи. О России «вся чернь и их старшины знатные» имели весьма смутные

¹¹⁴¹ *Deschamps H.* Les pirates à Madagascar... P. 209.

¹¹⁴² РГА ВМФ. Ф. 223. Оп. 1. Д. 29. Л. 29.

¹¹⁴³ Там же. Л. 28, 30.

представления – какие уж тут дипломатический церемониал и установление государственных контактов. Тем более, что, несмотря на все принятые меры, сведения о секретных операциях императора на путях в Индию просочились в Лондон, Копенгаген, Амстердам и Париж.¹¹⁴⁴ В этих условиях союз с пиратами, объявленным вне закона преступным сообществом, был бы слишком рискованной политической авантюрой. Стремление Петра приобрести колонию в Индийском океане и создать на Мадагаскаре некое подобие Ямайки и Тортуги могло вызвать самые непредвиденные дипломатические осложнения.¹¹⁴⁵

Добавим также и проблемы технического свойства. За прошедшие полгода корабли так и не подготовили. Просьбы Вильстера о замене фрегатов «Декронделивде» и Амстердам-Галлей» остались без ответа, а при осмотре в июле 1724 г. фрегата «Декронделивде» обнаружилось, «что фок-машта ево худа»: компанию он еще мог продержаться, однако «ежели идти в дальний путь, то она машта снести моря не может».¹¹⁴⁶

К концу июля подготовка секретной экспедиции на Мадагаскар завершилась. Планы Вильстера¹¹⁴⁷ остались нереализованными, но это не означало, что самодержец отступил от своих далеко идущих замыслов. 4 декабря 1724 г., «будучи в зимнем доме» император дал указания готовить корабли к

¹¹⁴⁴ Хорошо осведомленный французский посол в Петербурге де Кампредон в донесении де Морвиллю (09.02.1724) сообщал о двух фрегатах, высланных «было царем из Ревеля», которые «вернулись туда, сильно пострадав от бури. Полагают, что фрегаты эти направляются к острову Табаго с целью учредить там колонию под тем предлогом, будто прежде его населяли курляндцы. Мне кажется, что условлено оставить этот остров необитаемым, и может быть, В.С. хорошо сделали бы, напомнив об этом Куракину, дабы избежать повода к недоразумению с царем» (Сб РИО. Т. 52. СПб., 1886. С. 160).

¹¹⁴⁵ Любопытно, что российские историки увидели за замыслами императора повторение традиций английской, французской и голландской экспансии. По мнению, например, И.И. Голикова, Петр желал «из грабителей сделать хороших граждан». Приводя в качестве примера подобной политики историю с поддержкой каперских рейдов Моргана, историк, несколько наивно писал, что поначалу «славный флибустьер был тоже разбойником нансвирепейшим», а затем «бывшее чудовище сие укротилось, поведение его переменилось, разбойничья суровость исчезла, поступки его приобрели ему почтение и дружбу всех главных жителей Ямайки» (*Голиков И. И. Деяния Петра Великого...* С. 306).

¹¹⁴⁶ РГА ВМФ. Ф. 223. Оп. 1. Д. 29. Л. 86.

¹¹⁴⁷ Адмирал Вильстер, еще несколько лет служил в Российском флоте: в 1727 г. он был назначен начальником Морской академии, а в 1729 г. – командиром Кронштадтского порта. В 1730 г. его уволили со службы, и он перебрался в Петербург, где, обвиненный в растрате и преданный военному трибуналу, 21 июля 1732 г. скончался. В первом браке он был женат на Идее Делпис, умершей в 1705 г. Вдове Вильстера, Катарине Вильстер, урожденной фон Фогх (1677–29.06.1757), дочери ассессора Верховного суда, было выдано 500 рублей для возвращения на родину.

плаванию в Испанию,¹¹⁴⁸ а затем, в декабре 1724 г., подписал инструкции для экспедиции Витуса Беринга¹¹⁴⁹ – тому следовало ехать на Камчатку и искать путь из Азии в Америку. Однако внезапная смерть царя нарушила планы проникновения на Восток.

Таким образом, первая российская заморская экспедиция закончилась неудачей. В свою очередь провал потерпели и проекты пиратов на получение протекции со стороны европейских государств. Впрочем, к моменту организации экспедиций Ульриха и Вильстера морские разбойники не представляли серьезной военно-политической силы. Проекты же Карла XII и Петра I в сравнении с временами корсарских рейдов и флибусты XVI–XVII вв. выглядели не только неподготовленными, но и достаточно авантюрными, так как опирались на совершенно «химерические» представления о возможности с помощью пиратов вмешаться в очередную попытку раздела мира, на этот раз в Индийском океане. Ведь как мы видели, корсарские и пиратские «колонии» никогда не возникали на пустом месте, и их появлению предшествовала многолетняя целенаправленная и достаточно продуманная деятельность, связанная с навигационным, коммерческим и военно-политическим освоением намеченных к захвату территорий. Неудача мадагаскарских проектов в немалой степени объяснялась и отсутствием специализированных шведских и российских компаний, имевших опыт торговых операций: шведская Ост-Индская компания к моменту начала проекта Карла XII прекратила существование, а российские торговые агенты вообще никогда не появлялись в Индийском океане. Однако рассмотренный нами проект предоставления протекции пиратам Сент-Мэри повторял типологическую модель вест-индской колониальной экспансии, опирающуюся на наличие

¹¹⁴⁸ РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 233. Л. 261–263 об. См. подробнее: *Ефимов А.В.* Из истории великих русских географических открытий... С. 276–279.

¹¹⁴⁹ История Первой и Второй Камчатских экспедиций неисчерпаема и ее описание, разумеется, не входит в нашу задачу. Однако, примечательно одно обстоятельство: инструкциями о подготовке Первой Камчатской экспедиции В. Беринга заканчивается архивное дело, фактически полностью посвященное Мадагаскарской экспедиции. Цитируя его завершающие листы с декабрьским указом и инструкцией Петра 1724 г. (РГА ВМФ. Ф. 223. Оп. 1. Д. 29. Л. 110–111), авторы, однако, оставляли без внимания все предшествующие документы, посвященные Мадагаскарскому проекту.

периферийной свободной островной зоны, присутствие в ней вооруженной силы и оживленные коммерческие операции, связанные с организацией контрабандных потоков награбленных и запрещенных к продаже товаров.

ГЛАВА ПЯТАЯ МОРСКОЙ РАЗБОЙ В ФОКУСЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

§ 1. МОРЯЦКИЙ СОЦИУМ И ПИРАТСТВО: СПЕЦИФИКА И ОСОБЕННОСТИ

Общие особенности

Пиратство, каперство, приватирство, корсарство — все эти разбойные промыслы невозможно отделить от морского дела. Мореходы Средневековья и Нового времени, которые жили океаном, бескрайними солеными водами, всегда было свойственно осознание того, что моряцкое бытие их всех объединяет каким-то единым началом. Им всем приходилось управлять парусами и снастями — унылая будничная морока, — мириться с теснотой зловонного трюма, омерзительной гнилой водой, тумакami и побоями. Им всем грозили кораблекрушения, бегство от врагов и береговой стражи, всем приходилось идти на безрассудство и отчаянно рубиться насмерть в палубных схватках. Все «прелести» разбойничей жизни — долгие засады в укромных гаванях, погоня за «купцами», дележ добычи, дебоши в портовых тавернах и притонах — неотъемлемая часть моряцкого труда и быта. И труженики моря невольно проникались маргинальностью этого социума, чуравшегося обычных земных «пристрастий». Тем самым их промысел обретал, своего рода «надмирность». Выстраивая сегодня конструкцию этого противоречивого социума, мы, сами того, может быть, не желая, проецируем на него наш современный опыт, вычленяя некие знаковые социальные компоненты. Но для людей тех времен все это существовало в совершенно ином контексте.

Осознание исключительности моряцкого ремесла, бродяжничества по волнам — главное, что всегда отличало мир «тружеников моря» и определяло их поведение и статус. Убежденные в уникальности своего дела, сплывавшего тысячи и тысячи выходивших в море, эти люди ощущали себя обособленными и словно отгороженными от земного удела. Осознание исключительности

моряцкого ремесла, бродяжничества по волнам — главное, что всегда отличало мир «тружеников моря» и определяло их поведение и статус. Убежденные в уникальности своего дела, сплывавшего тысячи и тысячи выходивших в море, эти люди ощущали себя обособленными и словно отгороженными от земного удела. Профессия у них была более, чем странная. Когда бывалых моряков спрашивали, каково их ремесло, ответить было непросто. Джон Кэллис, например, в 1577 г. сказал, что его отдали в учение, чтобы сделать из него, в первую очередь, купца. А уж затем моряка. Известный приватир Майкл Гир начал свой путь матросом, а на закате дней претендовал на почтенный статус торговца. Та же история случилась с Клинтоном Аткинсом, успешным «морским псом» Елизаветы, который также заканчивал жизнь зажиточным лондонским купцом. Вспомним и не раз упоминавшегося сэра Джона Хоукинса, который начал службу торговым агентом на судне своего отца.¹¹⁵⁰

Все эти люди сосуществовали в своем «цехе», сообществе, известном остальным как непонятный мир моряков, и, попадая в бескрайние океанские просторы, как будто обретали особую моряцкую статью. В какой бы части света ни находились представители этой грубоватой человеческой массы, заполнявшей портовые причалы, арсенальные верфи, торговые фактории и корабельные палубы, люди моря всегда ощущали свою принадлежность к моряцкому социуму с его весьма специфическими ценностями. Для членов этого «всемирного экипажа» удел конкретного человека мог реализоваться лишь в совокупности с жизнью всех окружающих его собратьев по ремеслу. Оно связывало в одну цепочку людей самых разных занятий: умелых штурманов, проворных марсовых матросов, изворотливых контрабандистов, неотесанных рыбаков, хитроватых купцов, суровых промысловиков, рассудительных орудийных наводчиков, педантичных корабельных костоправов, ловких каперов, висельников-пиратов. Все это были молодцы, «с легким сердцем и парой худых штанов обходившие весь свет».

¹¹⁵⁰ *Fury Ch. A. Tides in the Affairs of Men. The Social History of Elizabethan Seamen... P. 12, 13.*

Попробуем выделить особенности моряцкого социума, так как в его внутренней структуре отчетливо видны те черты, которые придали специфический характер морскому разбою. Перед нами — сложное причудливое общество, в котором затейливо переплелись социально-экономические, политические, организационные и психологические аспекты.

Во-первых, говоря о мире моряков, мы подразумеваем чрезвычайно мобильную социальную структуру, члены которой склонны к постоянным перемещениям. Разумеется, отдавая себе отчет в том, что моряки каботажных плаваний отличались от тех, кто плавал в океане, мы, тем не менее, обнаруживаем, что внутри этого мира идет постоянное движение. Моряки живут морем, на торговых судах они ходят из порта в порт и отнюдь не склонны сидеть на одном месте. «Какие причины, — спрашивал степенный отец своего непослушного сына Робинзона Крузо, — кроме склонности к бродяжничеству, могут быть у меня для того, чтобы покинуть отчий дом и родную страну, где мне легко выйти в люди, где я могу прилежанием и трудом увеличить свой достаток и жить в довольстве и с приятностью?»¹¹⁵¹ Продолжая свои предостережения, мудрый старец перечислял и другие возможные мотивы, которые могли заставить человека рискнуть выбрать столь непрочный удел. Кто-то гонится за приключениями, иным уже нечего терять. Честолюбцы жаждут достичь большего успеха и власти. «Одни пускаются в предприятия, выходящие за рамки обыденной жизни, ради наживы, другие — ради славы». Добавим к поучениям старшего Крузо не названные им мотивы, связанные, скорее, не с нравственно-психологическими, а с бытовыми моментами. Одни норовили сменить место работы и приписки судна, желая подыскать более высокую заработную плату.¹¹⁵² Другие матросы бежали от долгов. Третьи скрывались от уголовного наказания.

¹¹⁵¹ Дефо Д. Жизнь, необыкновенные и удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка. Л., 1983. С. 6.

¹¹⁵² Моряки «перебираются в Пизу,.. где им лучше платят,.. с пользой для других и с ущербом для нас», жаловались в венецианском Сенате (Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. 1. М., 2002. С. 192). В одном французском отчете, относящемся к 1696 г., в числе преимуществ голландцев, позволявших им обходить конкурентов, называлась низкая заработная плата: «Французский матрос получает 12,

Следующий аспект — следствие предыдущего. Высокая мобильность морского мира приводила к формированию рынка свободной рабочей силы. Вербовка независимых матросов в плавание осуществлялась в каждом порту, и с учетом спроса на труд моряка каждый из них «продавал» свою рабочую силу, нанимаясь на известный маршрут, на определенный срок и за обозначенную в контракте плату. Волей-неволей участники этого рассеянного по морю сообщества преисполнялись собственной «значительностью» и постоянно меняли место работы. Предпочитали они, разумеется, местечки «потеплее», и не очень-то стремились вкалывать по-настоящему. Многих описанная мобильность морского ремесла, относительная автономия и свобода избравших эту профессию вели в ряды пиратов.

В «Акте о самом решительном подавлении пиратства», принятом в Англии в конце правления Вильгельма III Оранского, говорилось, что для моряка, оказавшегося в заморских краях, главный путь в сообщество пиратов — дезертирство с торгового судна. Это одновременно наносило огромный ущерб торговле и навигации. Схожие мысли высказывали и участники морских плаваний. По признанию, сделанному в 1722 г. пиратом Джозефом Мэнсфилдом, «любовь к выпивке и лень» толкали его к разбою сильнее, чем золото.¹¹⁵³ К 1721 г. относится рассказ о «любви» пиратов к тяжелому физическому труду, найденный Маркусом Ридикером в переписке Эдварда Вернона, будущего адмирала и «изобретателя» грога. Командир военного корабля, он рассказывал, как заполучил на свое судно нескольких молодцов, подозреваемых в пиратстве, и попытался заставить их откачивать воду из трюмов. В те времена, как бы тщательно ни смолили и ни конопатили корпус, какое-то количество воды в трюм проникало, а за сутки ее накапливалось изрядное количество. Чем более старым было судно, тем большую течь оно имело. Помпы следовало пускать в ход по

16, 18, 20 ливров в месяц, а голландец довольствуется 10–12 ливрами, и офицеры — соответственно» (*Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв.* Т. III. М., 1992. С. 190).

¹¹⁵³ *Rediker M. Between the Devil and the Deep Blue Sea. Merchant Seamen, Pirates and the Anglo-American Maritime World, 1700–1750. Cambridge–New York, 1987. P. 107.*

несколько раз за сутки, и работа эта была бесконечно изнурительной. Приходилось качать тяжелый рычаг помпы, а стекавшую в бочки воду по цепочке передавать на палубу. «Наивный» Вернон решил поставить к помпе «новичков», чтобы «получше их узнать», но «мошенники выворачивались наизнанку, чтобы уклониться» от порученного им занятия. Вернону вторил губернатор Багамских островов Вудс Роджерс, прекрасно знакомый по роду деятельности с подобной публикой и в официальном отчете Совету торговли и плантаций заявивший, что пираты «до смерти ненавидят работать».¹¹⁵⁴ В том же ключе выдержана и мысль французского губернатора Жана-Батиста Дюкасса, в рапорте от 26 апреля 1698 г. докладывавшего, что «работа и смерть для них одно и то же».¹¹⁵⁵ «На Сан-Доминго, - продолжал он, - издавна занимаются корсарством, и почему вдруг теперь надо этому мешать. Скорее они сделаются турками, чем колонистами, говорят они. Я охотно этому верю. Для первого достаточно принять закон Магомета, а для второго – работать».

Впрочем, признаем, что хотя высказанные Дюкассом соображения и перекликаются с пожеланиями Мэнсфилда жить в веселой праздности, единственно плебейским «гедонизмом» трудно объяснить взрыв пиратской активности в XVI–XVIII вв. Ведь тот же Мэнсфилд «проговорился», обмолвившись об одном из главных побудительных мотивов к занятиям пиратством – золото, стремление разбогатеть, и, соответственно, стремлением выбраться из нищеты и покончить с социальной неудовлетворенностью. Стимул этот действовал из века в век. Известный, например, «морской волк» Генри Мэйнуэринг, прославившийся своими «подвигами» в Средиземном море, не скрывал общественной подоплеки пиратства и подчеркивал, что большинство моряков занялись грабежом из-за «нищеты и недовольства».¹¹⁵⁶ Тот же побудительный мотив подчеркивал и другой моряк, Томас Фриман, который

¹¹⁵⁴ Ibid. P. 107, 108.

¹¹⁵⁵ Moreau J.-P. Une histoire des pirates des mers du Sud à Hollywood. Paris: Éditions Tallandier, 2006. P. 194.

¹¹⁵⁶ Fury Ch. A. Tides in the Affairs of Men. The Social History of Elizabethan Seamen, 1580–1603. Westport: Greenwood Press, 2002. P. 22.

плавал в команде известного пирата Клинтона Аткинсона – по его словам, к пиратству его подтолкнули «бедность и крайняя нужда».¹¹⁵⁷ Некоторых моряков заставила заниматься пиратством безработица, некоторые скрывались от армейской и военно-морской службы или от правосудия. По материалам уголовных дел обнаруживалось, что среди членов пиратских экипажей были жертвы киднэппинга и случайные люди, насильно или обманом принужденные заниматься грабежами. Последняя причина встречалась довольно часто. На процессе 158 г. захваченные члены команды Уильяма Эрнвуда, давая показания, сообщили, что пиратский главарь обманом взял их на борт, пообещав хорошую службу во Фландрии. Пират Томас Уолтон набирал экипаж, прикрываясь каперской грамотой, якобы полученной от претендента на португальский престол дона Антонио. В 1580 г. несколько моряков нанялись на судно «Филипп и Джойс», думая, что оно следует торговым рейсом в Бордо, а команда внезапно занялась разбоем.¹¹⁵⁸

Социальные маркеры: имена, происхождение, расовые и возрастные характеристики

Как уследить за всеми перемещениями по океану человеческой массы, возможно ли вообще контролировать вольных морских волков и подчинять их регламенту? На практике подобная регламентация для морских тружеников — утопия. Моряцкий мир продолжал в большинстве своем оставаться для «привилегированного общества» обезличенной аморфной массой людей, а наполнявшие его «работники» были, по разумению правящих групп, лишены понимания социальной реальности и оставались в лучшем случае абстрактными персонажами, у которых и было разве что некие имена и единая профессия. Это предопределяет еще один аспект проблемы. У каперско-пиратского мира было много лиц. Но среди индивидуальных ликов пиратского «сброда» мы обнаруживаем только вожаков. Их личностные характеристики, оставленные

¹¹⁵⁷ Ibidem.

¹¹⁵⁸ Ibidem.

современниками, часто грешат «ярлыками» — авторы склонны видеть во всех этих Роках Бразильцах, Олоне, Тичах и Робертсах исключительно «бандитов», «головорезов» и «мерзавцев». Другого рода стереотипы восприятия, героизируя разбойников, придают их главарям романтический ореол. Простые члены пиратских отрядов и шаяк, о которых, кроме имен, ничего не известно, из подобных описаний зачастую выпадают, и мир разбоя приобретает черты анонимности — перед нами некая абстрактная масса, судить о которой можно лишь по фигурам ее вождей.

Дополнительную сложность представляет и особенность моряцкого мышления, нередко заставлявшего этих людей прятаться за масками прозвищ: они охотно наделяли друг друга всевозможными незатейливыми кличками. Одни предпочитали сохранить свои подлинные имена в тайне, другие гордо носили прозвища как почетный титул, а кое-кто обладал столь поразительными физическими статьями, что оставить их без внимания было просто невозможно.

Нередко прозвища получали по географическому признаку. Нетрудно понять, откуда родом легендарный Жан Франсуа Но, известный как Олоне. Прославившийся своей жестокостью флибустьер родился в известном рыбацком местечке на атлантическом побережье Франции, Ле-Сабль-д'Олон. Прозвища его компаньонов, Пьера Пикардийца и Мигеля Баска, а также современников Рока Бразильца или Бартоломео Португальца также выдают их происхождение. Вряд ли нуждаются в особых пояснениях и прозвища, связанные с физическим обликом их носителей: Длинный Бен, Пьер Длинный, Красавчик, Тич Черная Борода. Широко распространено было прозвище Деревянная Нога. Знакомый всем пират Джон Сильвер из «Острова сокровищ», возможно, обязан своим появлением двум известным реально существовавшим героям пиратских баталий в Испанском Мейне — французу Франсуа Леклерку и голландцу Корнелиусу Корнелизону Йолу. В других случаях фантазия пиратов оказывалась изощреннее. Если прозвище мифологического флибустьерского главаря Александра — Железная Рука — наводит на мысль о его всепокрушающем мощном ударе и огромной

физической силе, то Пьер Легран (фр. grand — «большой, великий»), вероятно, был просто высоким человеком, а может быть, обладал и недюжинным умом. Один флибустьер из Вест-Индии носил прозвище Крепкозубый, а другой был известен как Легкий-на-Ногу. Трудно определить, какими качествами прославился пират по прозвищу Попутный Ветер. Вполне может статься, что для своих собратьев он был чем-то вроде талисмана, и его присутствие на корабле сулило нужное направление ветра, а возможно, он заслужил прозвище из-за постоянной готовности поучаствовать в славной драке и лихой попойке. Прозвища более замысловатые давались за особые «отличия». Мир буканьеров Карибского моря сохранил несколько довольно типичных кличек — например, Проныра или Гроза Приливов.¹¹⁵⁹ Наибольшую известность приобрело прозвище Истребитель, полученное шевалье де Монбаром за всепоглощающую страсть к истреблению испанцев.

Наконец, встречались и таинственные прозвища-псевдонимы. К таким относится имя, взятое известным пиратом, — Генри Эвери (он же Джон Авери). Подлинная фамилия его, по-видимому, была Бриджмен, и происходил он из семьи честных законопослушных моряков. Чтобы не запятнать своих родственников, он придумал для себя странное наименование Эвери (англ. every — «любой, каждый»), и по такому прозвищу непросто распознать настоящего имя владельца.

Весьма показателен пример пирата Джеймса Келли. На протяжении своего бурного жизненного пути, наполненного разными авантюрами и плаваниями, он несколько раз менял: то выступал под собственной фамилией, то становился Сэмпсоном Маршаллом или Джеймсом (Джоном) Гиллиамом. Невозможно с точностью определить, как и когда, происходили перевоплощения этого ловкача. Его деятельность на ниве пиратства и каперства продолжалась почти двадцать лет, начавшись в 1680 г., когда молодой англичанин оставил родную страну и на работорговом судне двинулся к западному побережью Африки. Здесь судно было захвачено пиратами капитана Янки: под этим именем, по-видимому, скрывался

¹¹⁵⁹ *Funk-Brentano F. Les brigands (brigands et routiers, flibustiers). Paris, 1913. P. 128.*

некто Джон Уильямс. Келли решил присоединиться к береговому братству и несколько лет участвовал в грабежах в Испанском Мейне, переходя с одного судна на другое. И в конце концов оказался на пиратском корабле Джона Кука. Весной 1683 г. судно Кука пришло к берегам Виргинии в Чесапикский залив, где был набран экипаж и закуплена провизия. Отметим, что среди новых членов команды оказались не раз уже упоминавшийся Уильям Дампир и Уильям Амброуз Коули, оставивший записки об этом плавании.¹¹⁶⁰ В апреле корабль Кука отправился в плавание, во время которого в Атлантике он перехватил голландское торговое судно. Команде понравились его осадка, прочность, и пираты перебрались на него, прихватив ценный груз (шестьдесят черных невольниц) и оставив голландцу в обмен свой корабль. Теперь судно, на котором поплыл Келли, стало называться «Бэчелор Дилайт» («Услада холостяков»). Пираты двинулись в Тихий океан, но, пройдя мыс Горн, попали в ужасный шторм. После тяжелых испытаний в южных широтах они наконец выбрались к чилийскому побережью. Здесь люди Кука повстречались с другими пиратскими судами, и солидная англо-франко-голландская компания продолжила совместную охоту за испанскими галеонами. Никаких особых успехов они так и не добились, экипажи рассорились, и сообщество развалилось. Келли оказался в группе под командованием Эдварда Дэвиса (Кук к тому времени умер), которая ушла обратно в Карибское море. Здесь Келли направился на Ямайку и принял амнистию Вильгельма III, став капером. Однако официальный статус ему вскоре надоел, и он вернулся к пиратству. Захватив шлюп «Даймонд» («Алмаз»), Келли уже в качестве командира направился в Индийский океан, где на несколько лет его следы затерялись. Предполагают, что он провел немало времени на острове Мадагаскар, а возможно, находился в плену у индийского раджи в северо-западной части Индии. В конце концов, что в 1696 г. Келли, под именем Маршалла, вместе с Ральфом Стаутом и еще несколькими головорезами нанялись матросами на один фрегат и через

¹¹⁶⁰ Cowley's Voyage Round the Globe // A Collection of Original Voyages / Ed. by Capt. William Hacke. London, 1699. О Коули см. подробнее: *Woram J.* The Seven Manuscripts of William Ambrosia Cowley // <http://galapagos.to/TEXTS/COWLEY-1.HTM>

несколько дней захватили его. Разбойничая несколько месяцев под командованием Стаута, а затем Роберта Каллифорда, они зашли поделить добычу и развеяться на остров Сент-Мэри. Здесь Келли встретился с капитаном Киддом и под именем Джеймса Гиллиама вернулся с ним в Вест-Индию. Но он не остался в Америке, а возвратился в Англию и поселился в Лондоне со своей семьей. Умер Келли уважаемым господином, окруженным любовью и уважением.¹¹⁶¹ Правда, по другой версии, Келли окончил свою жизнь на виселице, куда был отправлен за пиратство.¹¹⁶²

Так или иначе, все подобные прозвища несли определенную психологическую нагрузку, придавая пиратской жизни ореол загадочности, необычности, маргинального бытия. Хотя, разумеется, дело обстояло подчас сложнее, чем можно представить на первый взгляд.

В истории пиратства вымысел и правда перемешаны и часто неразделимы. Чего стоит одно только описание внешности Тича Черной Бороды, ставшее хрестоматийным в многочисленных биографиях этого разбойника, словно воплотившего в себе все зло пиратского мира. «Физиономию капитана Тича... сплошь покрывала густая растительность, сразу приковывавшая взгляды. На Америку эта борода наводила ужас... Цвета она была черного, и хозяин довел ее до таких чудовищных размеров, что казалось, будто волосы растут прямо из глаз. Тич имел обыкновение заплетать ее в маленькие, перевитые ленточками косички... и закидывать их за уши. Во время сражения он вешал на каждое плечо широкую перевязь с тремя парами пистолетов в кобурах и втыкал под шляпу запальные фитили, так что они свисали, едва не касаясь щек. Его глаза от природы были лютыми и дикими. Невозможно представить себе фигуру более жуткую, нежели этот одержимый бесом человек, сравнимый разве что с фурией из ада...» Это яркое описание принадлежит перу Капитана Чарльза Джонсона. Но какие бы романтические, злодейские или героические образы ни создавали литература и

¹¹⁶¹ *Ritchie R. C. Captain Kidd and the War against the Pirates. Cambridge–London, 1986. P. 161, 162.*

¹¹⁶² Он оставил мемуары: *A Full and True Discovery of All the Robberies, Pirates and Other Notorious Actions of That Famous English Pirate, Captain James Kelley. London, 1700.*

кинематограф, современникам профессия пирата представлялась в ином контексте. Те, кто плывал вместе с Тичем или томился на его кораблях пленниками, впоследствии вспоминали о нем в куда более будничных тонах. В декабре 1717 г. южнее Пуэрто-Рико в руки Тича попало торговое судно «Маргарет» с Сент-Кристофера. Его капитан Генри Босток провел восемь часов на корабле Тича, а затем был отпущен. В данных им свидетельских показаниях чернобородый пират предстает «высоким худощавым человеком с длинной черной бородой».¹¹⁶³ Оценивая пиратское ремесло, простые моряки, командиры торговых судов, привыкшие к суровой жестокости морских будней, отнюдь не придавали ему демонических черт, свойственных восприятию пиратства сухопутным «цивилизованным» миром. Тем более, что, возможно, немалую лепту в создание подобного имиджа внес сам пират, «обдуманно пытавшийся подчеркнуть порочные черты своего нрава».¹¹⁶⁴

Столь же непросто обнаружить подлинное «лицо» пиратских вожаков, вокруг которых еще при жизни сложились мифы. Возьмем того же Тича. В официальной корреспонденции знаменитого пирата именовали Тэтч (Thatch, Thaitch или Tatch), хотя общепризнанным стал пущенный в обиход Капитаном Джонсоном другой вариант его имени — Тич (Teach).¹¹⁶⁵ Ничего определенного о ранних годах жизни знаменитого пирата нам, в сущности, неизвестно. По сведениям, идущим от первого биографа Тича, Капитана Джонсона, будущий пират родился в Бристоле.¹¹⁶⁶ Учитывая, что на момент смерти в 1719 г. ему было около сорока лет, датой рождения Тича можно условно считать 1680 г. Бристоль, один из крупнейших британских портов, на протяжении нескольких веков являлся центром каперства. Не избежал каперства и отец Тича. Он участвовал в англо-

¹¹⁶³ Moore D. D. A General History of Blackbeard the Pirate, the "Queen Anne's Revenge" and the "Adventure" // <http://www.ah.der.state.nc.us/gar/HISTORY/history1.htm>. P. 2.

¹¹⁶⁴ Rankin H. F. The pirates of colonial North Carolina. Raleigh: State Department of Cultural Resources, 1977. P. 45.

¹¹⁶⁵ В первом издании книги Капитана Джонсона, в отличие от последующих, его фамилия воспроизводится как Thatch.

¹¹⁶⁶ Captain Charles Johnson. A General History of the Pyrates. P. 71. См. также: Dictionary of national biography / Ed. by Sidney Lee. Vol. 56. London, 1898. 1–2; Gosse Ph. The pirates' who's who, giving particulars of the lives and deaths of the pirates and buccaneers. New York: Burt Franklin, 1924. P. 293; Karraker C. Piracy was a business. Rindge: Richard R. Smith Publishers, Inc., 1953. P. 142.

голландских войнах и, выйдя на покой, перебрался на левый берег Эйвона в бристолюбское предместье Редкифф. В 1693 г. он скончался,¹¹⁶⁷ вдова вторично вышла замуж, и у молодого Эдварда, по-видимому, не осталось иной альтернативы, как идти в море. Однако, согласно другой версии, Тич родился на острове Ямайка в почтенной и уважаемой семье, мать пирата надолго пережила сына и проживала в каком-то испанском городке, а брат сделал карьеру на военном поприще. По мнению Филиппа Госса и Роберта Ли, исследовавших биографию Тича, предположительным источником этого утверждения стал труд плантатора с Барбадоса Чарльза Лесли, который в 1739 г. посетил Ямайку и написал труд под названием «Новая история Ямайки: Тринадцать писем джентльмена другу», опубликованный в 1740 г.¹¹⁶⁸ Не исключено также, что на свет он появился в Лондоне или Филадельфии. В 1840 г., спустя сто двадцать лет после событий, Джон Ватсон в труде, посвященном истории Филадельфии и Пенсильвании, сообщил, что Тич пиратствовал под вымышленной фамилией. Настоящая фамилия этого «полусумасшедшего» моряка была Друммонд, и он, будто бы, происходил из уважаемой семьи, проживавшей в Виргинии под Хэмптоном.¹¹⁶⁹ Комментируя данные, сообщенные Лесли и Ватсоном, Ли указал, что фамилия Тич и сегодня довольно распространена на восточном побережье Виргинии, но в переписке с членами этих фамилий он не смог найти сведений, подтверждающих их родственные связи с пиратом.¹¹⁷⁰ Разноречивость источников объяснима: пиратам было свойственно скрывать свои настоящие имена, тем более, если они были выходцами из уважаемых семейств. Что же касается Тича, то он явно был образованным человеком, умел писать, читать, вел дневник и вступал в переписку с торговцами. После его смерти на его теле было найдено письмо от секретаря губернатора Северной Каролины Тобайаса Найта, что косвенно также

¹¹⁶⁷ *Konstam A. Blackbeard: America's most notorious pirate.* Hoboken, New Jersey: John Wiley and Sons, Inc., 2006. P. 15.

¹¹⁶⁸ *Lee R. E. Blackbeard the pirate: A reappraisal of his life and times.* Winston-Salem, N.C.: Blair 1974. P. 178.

¹¹⁶⁹ *Watson J. F. Annals of Philadelphia and Pennsylvania in the olden time.* Vol. II. Philadelphia: Elijah Thomas, 1857. P. 220.

¹¹⁷⁰ *Lee R. E. Blackbeard the pirate...* P. 177–178.

подтверждает это предположение. Кто знает, не собирался ли этот опасный человек, тесно связанный деловыми интересами с представителями политической элиты, в конце концов, отойти от разбойных дел и «пришвартоваться» где-нибудь в Англии, как поступали многие из известных пиратов. Во всяком случае, слухи о его связях в метрополии доходили до колониальных властей. Губернатор Ямайки лорд Арчибальд Хэмилтон, например, во время своего плавания по Антильским островам, встретил корабли Тича, идущие из-под Гваделупы, и, продемонстрировав осведомленность, написал в Совет торговли и плантаций, что жена и ребенок Тича проживают в Лондоне.¹¹⁷¹

Снискал известность и компаньон Тича – странный и загадочный пират-джентльмен Стив Боннет, известный в разбойном мире под именем Эдвардса, «Капитана Томаса», или «Фомки», как его называл Каржавин.¹¹⁷² В изложении его биографии исследователи пиратства традиционно следовали за описаниями Капитана Джонсона. Состоятельный уроженец острова Барбадос Боннет бросил мирные занятия якобы по причине «помутнения рассудка» из-за несносного характера своей сварливой супруги и отправился в море искать удачу. Современные исследования¹¹⁷³ дополнили описание Капитана Джонсона новыми деталями. Будущий пират родился в 1688 г. в Бриджтауне на Барбадосе и был крещен 29 июля.¹¹⁷⁴ Его дед, Томас Боннет, прибыл на остров в числе первых переселенцев, поселился в Бриджтауне и быстро разбогател: в 1676 г. он владел большим домом на Хай-стрит, центральной улице города, и 400 акрами земли к юго-востоку от Бриджтауна. Своему младшему сыну Эдварду (06. 1657–06.1694), женатому на Сарре Боннет, он оставил весьма значительное состояние.¹¹⁷⁵ Над их сыном Стивом, потерявшем в шесть лет отца, и, по-видимому, также и мать, было

¹¹⁷¹ Calendar of state papers. Colonial series. America and West Indies, 1660–1738 / Ed. by Cecil Headlam. Vol. XXIX London, 1930. P. 149.

¹¹⁷² ИРЛИ РАН. Ф. 93. Оп. 2. Д. 102. Л. 47. См. также: *Копелев Д.Н.* «Пока он не сделался пиратом, он был доброй человек». Майор Стив Боннет в рукописи Ф.В.Каржавина «Жизнеописание пиратов» // Исторический архив. 2012. № 4. С. 191–200.

¹¹⁷³ См. материалы сайта по генеалогии Барбадоса: <http://www.gdcooke.org/SS/default.aspx/page/org2-o/p11324.htm>.

¹¹⁷⁴ Barbados Records: Baptisms, 1637 – 1800 / Compiled by Joanne McRee Sanders. Baltimore, Maryland: Genealogical Publishing Co., 1984. P. 277

¹¹⁷⁵ *Butler L.* Pirates, Privateers and Rebel Raiders of the Carolina Coast. Chapel Hill, North Carolina, 2000. P. 54.

установлено опекуновство. Став совершеннолетним, Сид Боннет унаследовал фамильные владения и 21 ноября 1709 г. женился на Мэри Элламби (1690 – июнь 1750),¹¹⁷⁶ старшей дочери крупного плантатора и почтенного члена Барбадосского Совета правления капитана Уильяма Элламби (1660–12. 1714)¹¹⁷⁷ и его жены Сусанны. У них родилось трое сыновей – Элламби (1710–1715), Эдвард (24.09.1713–08.1751), Сид (16.09.1714–?) и дочь Мэри (1716–?).¹¹⁷⁸ В период войны за Испанское наследство Сид Боннет служил в милицейских подразделениях Барбадоса, имел чин майора и проживал в южной фешенебельной части города в доме «над мостом» с видом на гавань.

Неясны причины, которые подтолкнули почтенного плантатора заняться пиратством. Вполне допустимо предположение, что его пиратская деятельность была связана с якобитским движением, а сам Боннет был противником недавно пришедшей к власти Ганноверской династии.¹¹⁷⁹ Эту точку зрения высказал Х. Рэнкин, увидевший в переименовании Боннетом своего корабля «Ривендж» в «Ройял Джеймс» политическую манифестацию и напоминание пиратом о преданности Якову III Стюарту.¹¹⁸⁰ В подтверждение этого мнения можно привести показания на судебном процессе Боннета одного из его пленников, торговца Джеймса Киллинга. Он засвидетельствовал, что Боннет и его люди поднимали на борту своего корабля тост за здоровье «Старого Претендента», принца Джеймса Фрэнсиса Эдуарда Стюарта, и высказывали надежду «увидеть его королем английской нации».¹¹⁸¹ Подобное поведение вполне укладывается в логику протестного поведения якобитов, которые, по мнению Пола Монода,

¹¹⁷⁶ Barbados Records: Marriages. Vol. I. 1643–1800 / Compiled by Joanne McRee Sanders. Houston, Texas: Sanders Historical Publications, 1982. P. 114; Barbados Records: Wills and Administrations. Vol. III. 1700 – 1725. Houston, Texas: Sanders Historical Publications, 1981. P. 2, 3.

¹¹⁷⁷ Calendar of state papers. Colonial series. America and West Indies, 1660–1738 / Ed. by Cecil Headlam. Vol. XIII: 1689 – 1692. Протокол заседания Совета от 10 мая 1692 г.; Vol. XX: 1702. Протокол заседания Совета от 30.06 1702 г.

¹¹⁷⁸ Barbados Records: Baptisms... P. 330.

¹¹⁷⁹ О политической природе пиратства в фокусе якобитского движения см.: Woodard C. The republic of pirates: Being the true and surprising story of the Caribbean pirates and the man who brought them down. Orlando: Harcourt Inc., 2007. P. 102, 103; 230, 231; Fox E.T. Jacobitism and the "Golden age" of piracy, 1715–1725 // International Journal of Maritime History. 2010. Vol. XXII. № 2. P. 277–303.

¹¹⁸⁰ Rankin H. F. The Pirates of Colonial North Carolina. Raleigh, 1977. P. 5.

¹¹⁸¹ The Tryals of Major Stede Bonnet, and Other Pirates. London, Printed for Benj. Cowse at the Rose and Crown in St Paul's Church-Yard, 1719. P. 13.

сформировали специфическую субкультуру, характерными элементами которой как раз и выступали тосты в честь Стюартов и исполнение якобитских песен.¹¹⁸²

С подобной «анонимностью» моряцко-пиратского сообщества сталкивались не только окружавшие их люди, власти, органы правосудия. То же касается и всех историков, занимавшихся и продолжающих заниматься социальной историей и изучением общественных групп. На их долю выпадает работа со специфическими источниками, в которых на первом месте стоят сухие сводки происшедшего, рапорты о принятых мерах, законодательные акты и прочая канцелярская документация из недр государственного делопроизводства. Собирая материалы подобного свойства, мы получаем информацию об «активной» стороне происходивших событий: захватах призов, убийствах торговцев, количестве взятой добычи, приговорах и т. п. В стороне, как правило, остаются повседневная жизнь, психологические оттенки, ментальность, и в результате возможности ощутить «индивидуальности» пиратской массы оказываются весьма ограниченными. Крохи персональной информации запряваны очень глубоко, на первый взгляд, их практически нет. Сухая сводка протокола о поимке бандитской шайки даст в наши руки имена ее членов и может сообщить о возрасте разбойников. Их свидетельские показания на процессе дают сведения о перемещениях того или иного пиратского судна и позволят судить о финансовых «успехах» разбойниках. Материалов же, идущих изнутри моряцко-пиратского социума, осталось немного, ведь это был мир людей неграмотных, далеких от литературы, да и по роду занятий они не стремились афишировать свои жизненные «подвиги». Трудно судить об особенностях их поведения, чертах характера. Какие-то психологические и личностные «метки» можно почерпнуть из сохранившихся свидетельств о казнях пиратов, но можно ли судить по поведению

¹¹⁸² *Monod P. K. Jacobitism and the English People, 1688–1788. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. – xvi, 408 p. P. 7, 8.* Схожие тосты провозглашали и на других пиратских судах, в частности, на корабле Эдварда Лоу. Впрочем, следует быть осторожными в выводах, так как мотивации у пиратов могли быть самыми разнообразными. Капитан Ричард Хоуккинс, например, оказавшись пленником у Стрипса, утверждал, что никогда не слышал иных здравниц, кроме как в честь короля Георга. Оказавшись на их корабле в момент смерти короля Георга I, он стал свидетелем следующей церемонии: на мачте в знак траура был приспущен «Веселый Роджер», и пираты по ошибке «вознесли хвалу» его королевскому высочеству Георгу II, надеясь, как полагал Хоуккинс, на грядущую амнистию.

висельников, «взятых смертью на abordаж», о том, как они себя вели в обычных будничных условиях. Ведь когда пираты оказываются перед лицом смерти, наружу вырываются оголенные страсти, злая ярость бессилия, словом, крайность, доведенная до высшего предела.

В декабре 1718 г. на Нью-Провиденсе (Багамские острова) состоялась казнь нескольких отпетых разбойников, обвинявшихся в мятеже, преступлениях и пиратстве. «Сливки общества» во главе с губернатором Вудсом Роджерсом восседали на почетных местах, ожидая, когда свершится исполнение приговора. Праздная толпа, в большинстве своем состоявшая из моряков и амнистированных разбойников, томясь в ожидании рокового часа, плотно окружила эшафот, над которым был поднят черный пиратский «Веселый Роджер», оскал которого не обещал приговоренным ничего хорошего. Толпа напирала на стражников и почти вплотную приблизилась к строю солдат, эскортировавших преступников. Это были известные на островах морские бродяги, один раз уже получившие амнистию, но недолго пребывавшие на честном пути. Теперь, на виселицах Нью-Провиденса, они должны были «крепко пришвартоваться к смерти». Один из них, Джон Оджер, по-видимому, рассчитывал получить отсрочку приговора и, изрядно набравшись, провозил здравицу с пожеланием успехов Багамским островам и лично правителю. Ирландец Деннис Маккарти был настроен иначе. В последнем слове он заявил, что знал времена, когда на острове было полно отчаянных парней, и эти ребята не позволили бы ему сдохнуть, как собаке. Теперь уже не то — «власти зажали всех в тиски», и трудно что-либо сделать для облегчения его участи. Джеймс Бендолл жаловался толпе, что не удалось ему пожить подольше, уж больно хороша была его пиратская судьба. Джеймс Моррис высказался проще, посулив «этим треклятым островам лютую чуму». Уильям Льюис, не желая показать слабинку, глушил страх ромом и ратовал за то, чтобы «пропустить по стакану со своими собратьями по несчастью и всеми стоящими здесь». После краткой исповеди, отпущения грехов и пения псалмов палач накинул на приговоренных петли, «сделав это столь же ловко, как если бы он практиковал на

Тайберне».¹¹⁸³ Осужденные уже готовились испустить дух, и тут правитель торжественно зачитал королевское помилование, но не мертвецки пьяному Оджеру, а Джорджу Раунсайвелу — молодому парню, которого спасли связи его семьи в Англии.¹¹⁸⁴

В таких напряженных и полных драматизма сценах бьется жилка прорвавшихся сквозь время человеческих чувств. Показательно в данной связи последнее слово приговоренного к повешению Билли Бонса, молодого пирата из команды Бартоломью Робертса: «Никто не говорил под виселицею такой речи, как он: в ней жаловался на золотую приманку богатства, которая принудила его вступить в пиратскую жизнь, а молодость его не в силах была противиться столь великому искушению. Он весьма печалился об обидах, им нанесенных разным людям, просил прощения у Бога и живейшими словами увещевал зрителей, чтоб никогда не забывали создателя своего в молодости лет своих, ежели не хотят, чтоб ум испортился слишком рано...»¹¹⁸⁵

В обоих приведенных свидетельствах перед нами предстают скорее типы поведения человека в момент экстремального духовного напряжения.¹¹⁸⁶ Отдельные характеры и индивидуальные черты в общей массе морских братьев вычлняются с трудом. Типологический же облик моряка — вольного добытчика — прослеживается с большей определенностью, особенно социальные характеристики: происхождение, «национальность», расовая принадлежность и возраст.

Люди, попадавшие на судно разбойников, в большинстве своем вовсе не были патологическими маньяками-убийцами с криминальными наклонностями. «Трудовое» ядро команды составляли выходцы из низших слоев морского сообщества. В прошлом они были портовыми рабочими, демобилизованными

¹¹⁸³ Тайберн — место публичной казни в Лондоне, существовавшее шесть столетий; использовалось до 1783 г.

¹¹⁸⁴ *Captain Charles Johnson. A General History of the Pyrates / Ed. by Manuel Schonhorn. London, 1972. P. 642–659.*

¹¹⁸⁵ СПб ИИ РАН Кол. 238. Оп. 2. Д. 146/22. Л. 25 об.

¹¹⁸⁶ Впрочем, при анализе т. н. эшафотных речей не следует забывать о пропагандистской цели, для которой они произносились. Правосудие требовало, чтобы жертва публично удостоверяла справедливость казни, тем самым «освещая» наказание путем «громогласного признания (жертвой – Д. К.) своих преступлений» (см. подробнее: Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М., 1999. С. 96–102).

матросами, недавними каперами, рыбаками. Перед нами предстает процесс воспроизводства социальной среды, и не только при рассмотрении не только низшего звена морячко-пиратского мира, но и его «первого эшелона». Знакомство с морским делом, семейные традиции, приятели и родственники отца-моряка, бытовое окружение, атмосфера портовой жизни — все эти обстоятельства влияли на формирование будущего служителя моря. Наследственная преемственность ремесла заметна и на уровне социального окружения, и на уровне индивидуального воспитания.

Вот, к примеру, «девонширская группа», из которой вышла элита каперов Елизаветы I — Хоукинсы, Дрейки, Рэли, Гилберты. Патриархальный мир фермерских хозяйств и дворянских имений, издревле связанных с речной и приморской торговлей, выводил в морское дело людей, связанных фамильно-родственными узами и воспитывавшихся в домашней среде, где все дышало профессией моряка. Этот круг дал Хоукинсов, открывших торговлю с Гвинеей и Вест-Индией и обосновавшихся в Плимуте. Они происходили из Тавистока, рядом с которым проживали их родственники — Дрейки. Старый Уильям Хоукинс (I) в 1544 г. ходил с каперской грамотой против французов, а его сыновья, Уильям (II) и Джон ушли в море, когда старший из одиннадцати сыновей моряка и корабельного священника Эдмунда Дрейка, Фрэнсис, был еще совсем ребенком. Дядя мальчика, Ричард Дрейк, также служил на флоте и командовал кораблем. С ранних лет Фрэнсис Дрейк был отправлен на торговые суда и юнгой совершал рейсы в Северном море и в Ла-Манше. В 1566 г. Джон Хоукинс, поспособствовал Дрейку попасть в невольничью экспедицию Лоуэлла, с которой и начался героический этап биографии великого морского волка.¹¹⁸⁷ Со сходной ситуацией мы сталкиваемся, и обращаясь к судьбам французских корсаров. Так, дюнкеркские предки Жана Бара были связаны разветвленными узами родства с

¹¹⁸⁷ *Kelsey II. Sir Francis Drake: The Queen's Pirate. New Haven–London, 1998. P. 54–59.*

многочисленными фамилиями рыбаков, портовых ремесленников и корсаров Северной Франции, Фландрии и Нидерландов.¹¹⁸⁸

Все моряки, вышедшие из профессиональной морской среды, с детства познавали суровость и грубость моряцкой повседневности, впитывали в себя тяжелые уроки лишений и ежедневной борьбы за существование. Соответствующими будут и их собственные «педагогические приемы», когда эти морские волки станут муштровать «салаг» на корабле. Для того чтобы выжить здесь, требовались закаленный дух и недюжинная физическая закалка. Да и могло ли быть иначе? Маленький Мартин Фробишер, в три года потерявший отца, был отправлен в Лондон к своему деду, купцу Джону Йорку. Тот оглядел его и, удовлетворенно, заметил, что мальчик обладает «сильным характером, отчаянно дерзкой храбростью и от природы очень крепок телом». Прошло немного времени, и ребенка взяли в море, а в тринадцать лет он уже ходил в большие плавания и побывал у побережья Гвинеи.

В апреле 1689 г. корабль Жана Бара «Серпан» («Змея») перевозил из Кале в Брест бочки с порохом. Встретившись на пути с голландским фрегатом, неукротимый корсар приказал идти на абордаж. «Пороховой склад» подтягивался к изрыгавшему огонь голландцу и от любого случайного попадания мог взлететь на воздух. Мучительно долго шли минуты, время словно остановилось. Стоя на палубе с абордажной саблей и всматриваясь в своих корсаров, готовых сразиться с врагом в безжалостном бою, Бар неожиданно заметил: бледный двенадцатилетний мальчуган, прижавшись к мачте, с томительным напряжением в глазах ожидает очередного залпа, способного разнести корабль в щепы. «А ну, — рывкнул капитан, — привязать его к мачте. Тот, кто не умеет смотреть опасности в глаза, не заслуживает жизни.» Таковы были методы воспитания в корсарских семьях: напуганный юнга Франсуа-Корниль был сыном Жана Бара и впоследствии стал вице-адмиралом французского флота.

¹¹⁸⁸ См.: Vergé-Franceschi M. Les officiers généraux de la Marine Royale (1715–1774). Origine, conditions, services. Vol. III. Paris, 1990. P. 251.

А история французского корсара Жана Дубле, который начал свою морскую одиссею так стремительно и авантюрно, что его судьба вполне могла бы послужить сюжетом для приключенческой повести. Обратившись к ранним страницам его жизнеописания, мы увидим, как сильно повлияла на его формирование атмосфера родного дома. Родился Жан Дубле в конце 1655 г. в довольно зажиточной семье в портовом Онфлере. Его отец, Франсуа Дубле, был известным в морских кругах человеком, владел аптекой, и у него подрастало шестнадцать детей. Семья и без того была огромной, но родители рассчитывали и дальше продолжать свой род. Разумеется, отец будущего корсара ломал голову над тем, как ему прокормить семью: он решил поменять род занятий и с фармации переключился на колониальную торговлю. При помощи своих родственников — богатых буржуа из Парижа и Руана, входивших в управление Компании ста акционеров¹¹⁸⁹ — Дубле-старший добился в январе 1663 г. концессии на колонизацию островов Брион и острова Сен-Жан (соврем. остров Принца Эдуарда) в заливе Св. Лаврентия к западу от побережья Французской Акадии (соврем. Новая Шотландия). Французские власти, предоставив Дубле королевский патент на право разработки всех богатств на островах и привилегию поместить в свой герб двух дикарей с дубинками и голову грифа, разрешили ему также переименовать острова Брион в острова Магдален, по имени его супруги.¹¹⁹⁰ Закупив в Голландии три судна, Дубле подготовил все необходимое корабельное снаряжение, приобрел орудия для обработки земли, рыболовные снасти и в феврале 1663 г. стал готовиться к отплытию. Перед выходом в море по традиции отслужили большую мессу, и с приливом суда вышли в море. Провожавшие корабли родственники оставались на борту флагманского судна «Сен-Мишель» до выхода на внешний рейд — оттуда открывался вид на часовню на побережье, словно провожавшую уходивших в плавание. Никто тогда и не подозревал, что к морякам тайком присоединился и семилетний Жан. «Замыслив совершить

¹¹⁸⁹ Компания ста акционеров, созданная в 1627 г. при участии кардинала де Ришелье, занималась колонизацией Французской Канады и потерпела банкротство в 1663 г.

¹¹⁹⁰ Последнее название так за ними и осталось.

путешествие, я спрятался в каюте нижней палубы и накрылся с головой, чтобы меня не было видно. Я отлично слышал, как при прощании раздавались крики: «сажай, сажай всех в лодку, сейчас последняя отойдет». Но я и носа не казал, хоть и проголодался. Потом корабль закачался на волнах, и я уснул. Около девяти вечера в каюту пришел боцман Жан Эспуар и стал устраиваться на ночлег как раз там, где я спрятался. Он очень устал и рухнул на койку — прямо на меня. «Вы меня раздавите!» Он с ворчанием поднялся: «Кто попал ко мне в каюту?» Я назвалса. Он взял меня на руки и отнес в постель к отцу, который уже спал. Отец, увидев меня, очень удивился и рассерженно спросил, почему я не вернулся на берег. Я ответил, что уснул и хочу плыть вместе с ним. Он очень разгневался и сказал, что, как только встретит идущее в порт судно, отправит меня на нем. Потом он распорядился дать мне поужинать и положил меня спать рядом с собой. Но ему пришлось-таки разрешить мне идти в плавание, так как случая отправить меня обратно не представилось.»¹¹⁹¹

Сходными были происхождение и первоначальные занятия ряда пиратских вожаков начала XVIII в.: Джон Филипс вышел из семьи корабельного плотника и был тиммерманом на корабле; Джон Эванс из Уэльса служил шкипером купеческого судна; Хауэлл Дэвис из Милфорда — моряком, штурманом; Бартоломью Робертс из Уэльса — тоже моряком; Дэвид Лоутер — подштурманом; Томас Куклин был матросом.¹¹⁹² Все это заставляет вспомнить героя романа английского писателя Тобайаса Смоллета моряка Боулинга, заявившего по поводу будущего своего племянника: «Вы хотели бы сделать его портным, не так ли? А я, знаете ли, предпочел бы увидеть его на виселице».¹¹⁹³ Из этой среды прожженных и просоленных морских зубров, скорее всего, и выходили самые закаленные «труженики моря», обладавшие прирожденной ловкостью, смекалкой,

¹¹⁹¹ *Le corsaire du Roi-Soleil / Éd. par Yvon Le Cozannet et Gérard Ducable. Paris, 1990. P. 43–45.*

¹¹⁹² СПб ИИ РАН Кол. 238. Оп. 2. Д. 146/22. Л. 3, 13, 13 об., 34, 48.

¹¹⁹³ *Смоллет Т. Приключения Родрика Рэндома. М., 1949. С. 23.*

расторопностью (к примеру, грот- и фок-марсовые¹¹⁹⁴ матросы) — они пробивались на вершины моряцкой иерархии, составляя ее «косточку».

Бок о бок с этими мастеровитыми, обветренными и пропахшими морем парнями, от рождения «принимавшими свою дозу соли», сосуществовало множество, с точки зрения бывалых мореходов, неотесанных мужланов и прочих парий, людей, чью судьбу жестоко искалечило общество: растоптанные, лишённые жизненных ориентиров сотни бродяг и нищих околачивались на портовых набережных и уже не рассчитывали добиться справедливости в безжалостной битве за место под солнцем. Они тоже превращались в часть этого мобильного социума и шли по ступеням его иерархии, только для них, изначально чуждых морю, вступление на новую стезю проходило крайне болезненно. Социальное происхождение этой прослойки очень разнообразно, но так или иначе это люди, растерявшие связи с традиционными профессиями своих предков. Крах векового уклада и постепенное формирование новых экономических отношений ударили по многим крестьянским и ремесленным хозяйствам, заставив отпрысков этих семей покидать обжитое сельское приволье и идти «в люди», в стремительно развивавшиеся приморские города. Поскитавшись по городам и весям, эти вынужденные мигранты часто попадали в доки и на торговые причалы, где всегда требовались рабочие руки. Сюда следует прибавить бесчисленные бедствия, неурожаи, эпидемии, повальную нищету, войны, серьезно ухудшившие положение низших слоев общества, и в первую очередь крестьянского люда. Из такой среды беднеющих мелких арендаторов-земледельцев вышел, например, Эдвард Ингленд, родившийся в семье ирландских крестьян, служивший с малолетства на флоте юнгой, а затем дезертировавший. Вспомним и происхождение Уильяма Дампира, также выросшего среди крестьян-арендаторов. Дампир писал: «Я был знаком с ними со всеми, знал, что каждый из них производит, а именно: пшеницу, ячмень, фасоль, горох, овес, лен, коноплю; обо всем этом я знал больше, чем обычно

¹¹⁹⁴ Марсовые матросы — моряки, работающие на марсах, помостах на мачтах, служащих для работ по управлению парусами, для их закрепления, починки, а также для ремонта такелажа.

знают в столь юном возрасте, получая особое наслаждение от наблюдения за растениями». ¹¹⁹⁵ Быть может, безотчетно, но на групповом уровне корабельный мир выделял этих людей, странновато смотревшихся на палубе, «фермерских сынков», «не вычесавших еще сеной трухи из волос». Эти закоренелые аграрии ни на миг не забывали своих прежних занятий, что нередко сказывалось на их новой специализации. Их по большей части приставляли к гон-деку ¹¹⁹⁶ или поручали следить за уборкой грот-шкота и фок-шкота, ¹¹⁹⁷ они ведали на корабле живностью — клетками с курами и выгородками для свиней, взятых в плавание. Бегству из опостылевшей и безрадостной провинциальной жизни находились и другие объяснения. Эдвард Барлоу, родившийся в бедняцкой семье, признавался, что был совершенно лишен социальных перспектив — у его родителей не было денег, чтобы отправить своих отпрысков в обучение какому-нибудь ремеслу. Он мог наняться на сельскохозяйственные работы, но не питал никакого пристрастия к копанью в земле, не собирался ни пахать, не сеять, ни веять, ни снимать урожай. Нисколько не привлекали его перспективы возиться со скотом, изготавливать изгороди, рыть каналы, унавоживать землю, молотить и заниматься подобными монотонными и нудными делами. Зато он очень любил слушать рассказы о дальних плаваниях и заморских диковинах и хотел получать за свой труд приличные деньги. ¹¹⁹⁸

Но корабль принимал не только «затравленных» и «выброшенных», здесь же оседали и те, кто бежал от правосудия — уголовники, воры, прощелыги и жулики всех мастей, каторжники, дезертиры с военных и торговых судов. Из недр криминального мира выходили такие известные головорезы, как взломщик Уолтер

¹¹⁹⁵ Цит. по: *Малаховский К. В.* Трижды вокруг света. М., 1982. С. 4. Замечание автора проливает свет на особенности книг Дампира, в которых очень много места уделялось описаниям растений, плодов и прочей флоры. Видимо, увлечение сельскохозяйственными культурами не покидало Дампира, который при подходящем случае пытался узнать, запомнить и описать встретившиеся ему необычные овощи, фрукты, способы их возделывания, обработки и заготовки.

¹¹⁹⁶ Гон-дек — нижняя закрытая палуба, на которой располагались пушки.

¹¹⁹⁷ Грот-шкот, фок-шкот — снасти, с помощью которых растягивались нижние углы парусов, соответственно, грот- и фок-мачт.

¹¹⁹⁸ Barlow's Journal of His Life at Sea in King's Ships, East and West Indiamen and Other Merchantmen from 1659 to 1703 / Transcribed from the Original Manuscript by Basil Lubbock. Vol. I. London, 1934. P. 15.

Кеннеди¹¹⁹⁹ или садисты типа Эдварда Лоу, одного из самых страшных и жестоких разбойников начала XVIII в., «неслыханного злодея», как окрестил его Федор Каржавин. Лоу «родился в части Лондонской, которая называется Вестминстером; он рано принялся за ремесло мошенническое: отнимал у других ребят, что у них было, а ему нравилось. Это было дело его, а когда не давали, то он их бил. Когда он стал возрастать, тогда познакомился со всеми парнишками, которые чистят башмаки на разводной площади; он их обучал обманывать людей, а кто с ним не соглашался, тот должен был с ним драться. Вот его первая школа!»¹²⁰⁰ Такое пополнение приносило в корабельную жизнь нравы замкнутых криминальных мирков, преступный жаргон и соответствующую иерархию ценностей, нередко способствуя превращению корабля в разбойничий вертеп.

Для корабельной жизни могли сгодиться любые работники. Служба на флоте, что на военном, что на торговом, не имела ничего общего с «манной небесной», и здравомыслящие люди старались держаться от нее подальше. Старая моряцкая мудрость гласила: «На виселицу и на флот сгодится всякий.» И это не пустые слова. Флот и корабль в глазах подавляющей массы европейцев выступали зловещими символами непререкаемой воли государства, а поголовные рекрутские наборы в приморских областях морских держав на военно-морскую службу — страшным бедствием и вечной угрозой.

Рекрутов для кораблей похищали и насильно вербовали в любом подходящем месте. Рабочая сила на кораблях требовалась всегда, и группы вербовщиков вселяли тревогу во всех, кто шатался по пристаням или портовым улочкам. Вербовщики часто отправлялись «на охоту» в ночь перед выходом в море и высматривали по всем закоулкам, борделям и злочным местам подходящее пополнение. В разгар Первой англо-голландской войны набережные Темзы

¹¹⁹⁹ Сын портового кузнеца, Уолтер Кеннеди начал свою пиратскую биографию вместе с Хауэллом Дэвисом, затем входил в группу Бартоломео Роберта и был его квартирмейстером. Бросив своего компаньона, Кеннеди отделился от него у берегов Бразилии и с добычей вернулся в Англию. Какое-то время он содержал публичный дом в Дептфорде, но, уличенный в грабеже, был в 1721 г. схвачен и повешен в Уолпинге. (См. подробнее: *Rediker M. Villains of All Nations: Atlantic Pirates in the Golden Age.* Boston–London, 2004.)

¹²⁰⁰ СПб ИИ РАН Кол. 238. Оп. 2. Д. 146/22. Л. 40 об., 41.

совершенно опустели, ибо ни один здравомыслящий человек не рисковал появляться в столь опасных местах — вернуться к прежней жизни удавалось единицам, и никакие родственники и друзья не могли отыскать несчастного бедолагу, избитого вербовщиками и засунутого в трюм.¹²⁰¹ Именно так в разгар подготовки британской экспедиции против испанской Картахены попал на флот его величества Родрик Рэндом. Создатель этого литературного образа Тобайас Смоллет, служивший в 40-х гг. XVIII в. судовым лекарем, по-видимому, не раз сталкивался с похожими историями. «Я пересекал верфь у Тауэра, как вдруг появился какой-то коротконогий парень с физиономией цвета дубленой кожи, с тесаком, с дубинкой в руке, и закричал:

– Хо! А ну, братец, пойдём-ка со мной!

Его вид мне не понравился, и, не отвечая на его окрик, я ускорил шаги в надежде отделаться от его компании; тогда он громко свистнул, и незамедлительно появился передо мной другой моряк, который схватил меня за шиворот и потащил за собой. Я был не в таком расположении духа, чтобы выносить подобное обращение, вырвался из рук насильника и ударом дубинки поверг его на землю недвижимым; мгновенно меня окружило десять–двенадцать человек, и я так ловко и с таким успехом стал защищаться, что кое-кто из врагов бросился в атаку с обнаженными кортиками; после упорного сопротивления, получив раны в голову и в левую щеку, я был обезоружен и схвачен, и меня потащили пленником на борт вербовочного судна, мне надели наручники, как преступнику, и бросили в трюм, где уже был жалкий сброд, один вид которого едва не свел меня с ума».¹²⁰²

Никто из моряков – да разве только они? – не был застрахован от подобной участи. Среди бумаг графа Апраксина, например, нам встретился любопытный документ, датированный августом 1724 г., касающийся вербовки русских матросов в Голландии. Его автор, российский резидент в Амстердаме Фонденбурх,

¹²⁰¹ *Capp B. S. Cromwell's Navy: the Fleet and the English Revolution, 1648–1660. Oxford, 1992. P. 246.*

¹²⁰² *Смоллет Т. Приключения Родрика Рэндома. С. 180, 181.*

столкнулся с деятельностью одной такой вербовочной конторы – ее агенты «подговаривали» матросов из Архангельска и Риги, а также «учеников, присланных из России для разных наук» к побегу, после которого они должны были отправиться в Ост-Индию и Вест-Индию. Фонденбурху пришлось приложить немало усилий, чтобы вырвать моряков из рук вербовщиков: «С великим трудом ... сыскал и понятыми от душепродавцов силою отнял и посадил на корабль для отвозу в Санкт-Петербург, со чего чинятца тамо великое возмущение».¹²⁰³

Безотрадная картина флотской реальности ярко продемонстрирована на гравюре «Сошедший с истинного пути лодырь-подмастерье послан а море» Уильяма Хогарта (серия «Прилежание и леность», 1747 г.). Праздного бездельника, предпочитавшего не изучать ремесло, а коротать время за карточной игрой и гоняться за юбками, схватили вербовщики, с физиономиями, не предвещавшими ничего хорошего. Они швырнули юного повесу на дно шлюпки и держат путь в море — вдали виднеются готовые отдать якорь корабли. А на песчаной косе, тянущейся вдоль входа в бухту, вырисовывается мрачный силуэт виселицы с повешенным.

Широкая социальная база комплектования экипажей для военных и торговых кораблей, способствовало дифференциации всего моряцкого сообщества и оборачивалась его внутренней противоречивостью. Мир «людей моря» содержал в себе потенциальные зерна социального конфликта. Мобильность рынка рабочей силы и неизбежное разделение труда вели к дифференциации доходов, что нарушало идиллическую картину монолитности и сплоченности внутри этой профессии. Верхние ступеньки служебной лестницы занимали морские волки с высокой квалификацией, продвинувшиеся за счет своих знаний и приобретенного опыта. Эти моряки достигали командного положения и выполняли функции управления на корабле. У ее основания стояли неквалифицированные «труженики моря», занятые на самых униженных,

¹²⁰³ РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 229. Л. 92, 92 об.

трудоемких и черных работах. Часть из них могла со временем переместиться повыше, на лучше оплачиваемые моряцкие должности. Завидным было, скажем, занять место вахтенного или марсового матроса, рулевого. Особые же везунчики могли пробиться в помощники штурмана, канонира, а то и бочмана. Неплохой удел выпадал и тем, кто пристраивался среди технического персонала и мастеровых и выполнял службу плотника, бондаря, кузнеца, парусного или такелажного мастера.

Зерна внутренней дифференциации были заложены и в «национальном» происхождении моряков. Мы уже ранее касались некоторых аспектов данного вопроса. Здесь же остановимся на некоторых его дополнительных нюансах. При несовершенстве способов определения национальной принадлежности в обществе, не знавшем пока еще национального государства, критерии нации были весьма условны. Скорее речь идет о подданстве и собственно регионе, откуда тот или иной моряк происходил. Морское плавание всегда имело космополитичный характер, и для участия в нем вербовались люди самого разного происхождения. Как в плаваниях эпохи ранней экспансии, например, Магеллана, так и в более позднее время, в море выходили смешанные в национальном отношении экипажи. Мы уже касались этой темы, анализируя пестрый мир вольных добытчиков колониальной Вест-Индии, — та же тенденция сохранялась и в корабельных экипажах. Бродячая жизнь, отсутствие у многих сколько-нибудь прочных семейных связей, собственного жилья превращали моряков в своего рода «наемников» без отечества, которые катились по волнам в надежде как следует подзаработать. Англичане, валлийцы, ирландцы, шотландцы, бретонцы, нормандцы, голландцы, немцы, баски, испанцы, итальянцы, каталонцы, датчане, шведы, норвежцы и фламандцы, все они разбредались по свободному, не знавшему национальных разграничений Океану и вливались в «армию» искателей удачи и богатства. Пиратам неведомо понятие «сын отечества, каждый из них продал свою страну», — категорически заявлял Джеймс Вернон 21 декабря 1697

г.¹²⁰⁴ И несмотря на то, что каперско-пиратский мир вовсе не был чужд патриотическим настроениям, следует признать, что в словах английского администратора справедливо подмечена присущая моряцкому социуму тенденция к наднациональности и космополитичности.

Она проявлялась, например, в расовых вопросах. Пираты, в числе прочего, занимались работорговлей или, захватывая невольничьи суда, получали чернокожих рабов в качестве добычи. Вместе с тем среди негритянского населения они встречали и немало «союзников», потенциально враждебных государственным властям и торговому предпринимательству. Мы уже обращали внимание на тесные контакты, нередко связывавшие каперов и пиратов с индейцами Центральной и Южной Америки. То же можно сказать и о части чернокожего населения и метисах и мулатах, участвовавших в плаваниях и разбойничьих налетах. Среди чернокожих очень немногие были свободными людьми. Большинство из тех, кто связывался с пиратами, бежали с плантаций или же их «освободили» пираты, взяв на бордаж рабовладельческие суда.¹²⁰⁵

Разумеется, можно допустить, что положение бывших «черных» рабов и невольников на пиратском корабле нельзя и сравнивать со статусом белых моряков. Во всяком случае, следует прислушаться к замечанию Роберта Ричи, исследовавшего историю экипажа капитана Кидда. Когда последний возвращался из Индийского океана в Вест-Индию, с ним осталось всего тринадцать человек, в большинстве своем совсем молодых матросов. Часть команды добрали из «рабов, которые делали большую часть работы».¹²⁰⁶ Это согласуется и с нашим предположением о нелюбви пиратов к монотонному и изнурительному физическому труду. Однако, даже если слова Ричи отвечают истинному положению вещей, следует признать, что чернокожие невольники, видимо, все же

¹²⁰⁴ Calendar of state papers. Colonial series. America and West Indies, 1660–1738 / Ed. by Noel W. Sainsbury, J. W. Fortescue and Cecil Headlam. Vol. XVI. London, 1905. P. 70.

¹²⁰⁵ Например, в 1717 г., после того, как корабль «Ундью» «Черного Сэма» Беллами захватил невольничий корабль «Гвинья», двадцать пять чернокожих невольника присоединились к пиратам (*Kinkor K. J. Black Men Under the Black Flag // http://www.whydah.com/pdf_other/WRF_BlackPirates_Long_4Web.pdf*. P. 8.

¹²⁰⁶ *Ritchie R. C. Captain Kidd...* P. 160.

предпочитали бичу надсмотрщика на плантациях жизнь пиратов, сулившую побольше и еды, и свободы.¹²⁰⁷ Поэтому их участие в пиратских шайках — далеко не редкость. Многие из них, в большинстве креольского происхождения, обретались среди экипажей Бартоломео Робертса, и несколько человек, по сообщению «*American Weekly Mercury*» от 17 марта 1720 г., были повешены в Виргинии.¹²⁰⁸ После смерти Робертса и захвата его судов, около семидесяти чернокожих пиратов, набранных им из невольников, были вновь обращены в рабство.¹²⁰⁹ С Тичем в 1718 г. находились сто чернокожих разбойников.¹²¹⁰ Один из них, Цезарь, яростно сражался в последнем бою в бухте Окракок, предпочитая взорвать корабль и погибнуть в бою, но не сдаться, — после захвата пиратского судна его повесили.¹²¹¹ Та же участь постигла и мулата из Амстердама Хендрика Куинтора, повешенного в Бостоне после крушения «Уидью».¹²¹² Часть экипажа Джона Филипса и Джона Роуза Арчера также составляли чернокожие пираты.¹²¹³ Они плавали вместе с капитанами Беллами, Тейлором, Уильямсом, Харрисом, Кондентом, Уинтером, Лайном, Скиммом, Сприггсом,¹²¹⁴ Боннетом. На корабле Ла Буша в 1719 г. «половина команды была французами, а половина — неграми».¹²¹⁵ На некоторых же пиратских судах экипаж почти целиком состоял из чернокожих разбойников.¹²¹⁶

Знаменитый чернокожий Эль-Мулато, Диего Грильо, — редкий случай хоть как-то сохранившейся биографии. Известно, например, что родился этот

¹²⁰⁷ *Captain Charles Johnson. A General History of the Pyrates...* P. 273.

¹²⁰⁸ *Rediker M. Libertalia: the Sailor's Lot and the Pirate's Utopia in the Early Eighteenth-Century Atlantic World // Русское открытие Америки. Сб. статей, посвященный 70-летию академика Н. Н. Болховитинова. М., 2002. С. 68.*

¹²⁰⁹ СПб ИИ РАН Кол. 238. Оп. 2. Д. 146/22. Л. 24 об. По информации Джонсона, экипаж Робертса состоял из 197 белых и 70 чернокожих моряков (*Captain Charles Johnson. A General History of the Pyrates...* P. 285).

¹²¹⁰ *Kinkor K. J. Black Men Under the Black Flag...* P. 10.

¹²¹¹ *Captain Charles Johnson. A General History of the Pyrates...* P. 82, 83.

¹²¹² Перед тем, как стать пиратом, он плавал на испанском бриге (*Kinkor K. J. Black Men Under the Black Flag...* P. 8).

¹²¹³ *Privateering and Piracy in the Colonial Period: Illustrative Documents / Ed. by J. H. Jameson. New York, 1923. P. 344.*

¹²¹⁴ На его корабле бывший чернокожий невольник выполнял обязанности кока.

¹²¹⁵ *Rediker M. Libertalia...* // Русское открытие Америки... P. 68, 69; *Captain Charles Johnson. A General History of the Pyrates...* P. 173, 174; СПб ИИ РАН Кол. 238. Оп. 2. Д. 146/22. Л. 8 об. По сведениям Хью Рэнкина, только экипаж Эдварда Лоу отказался использовать афро-американцев и не принимал их на борт.

¹²¹⁶ В 1717 г., например, некий Джон Хэмман оказался единственным белым среди экипажа в 25 человек; в другой команде (1721 г.) единственный белый оказался в компании 50 чернокожих (*Kinkor K. J. Black Men Under the Black Flag...* P. 12).

разбойник на острове Куба. Следующая зафиксированная вежа — 1671 г., когда этот беглый невольник влился в состав воинства Моргана. Эль-Мулато командовал небольшим кораблем и участвовал в разграблении Панамы, после чего более года пиратствовал в испанских морях. Более или менее точно установлена и финальная точка его недолгого пути: по-видимому, в 1673 г. этот флибустьер попался в руки испанцев и был повешен.¹²¹⁷

Поистине фантастический поворот произошел в судьбе другого «цветного» пирата, Абрахама Сэмюэла, который назвался «королем Форт-Дофина». Бывший раб на французской Мартинике, он удрал с плантации и принялся разбойничать, поднявшись до положения квартирмейстера на корабле «Джон и Ребекка» Джона Хауэра.¹²¹⁸ Проведя крейсерство в Аравийском море, корабль пришел на Сент-Мэри, где туземцы внезапно атаковали высадившийся на берег экипаж. Потеряв человек тридцать, в том числе и командира Джона Хоара (John Hoar), пираты убрались восвояси. Они пошли вдоль восточного побережья Мадагаскара и добрались до района старого Форт-Дофина, когда-то бывшего поселением французов, а теперь заброшенного. Неудачи преследовали пиратов: корабль разбился на рифах и затонул, а оборванный и утомленный экипаж с трудом выбрался на берег. В скором времени объявились туземцы, что не внушало радужных надежд: местные жители слишком хорошо знали европейцев, чтобы встречать их доброжелательно. К счастью для пиратов, свершилось чудо. Местная королева внезапно признала в Сэмюэле своего сына, прижитого от француза, некогда обитавшего в Форт-Дофине. Отец и ребенок пропали в те дни, когда было разрушено поселение, и долгие годы королева не знала, как сложилась их жизнь.

По одной ей известным приметам она догадалась, что бандит — ее сын, и Абрахам тотчас превратился в принца королевской крови. Побаиваясь своих

¹²¹⁷ О Диего Грильо и спорах относительно его личности см. подробнее: *Véles Rodriguez B. El capitán Diego Grillo. La Habana, 1962.*

¹²¹⁸ Два других чернокожих персонажа, ставших квартирмейстерами, упомянуты Кеннетом. Кинкором. Хендрик Ван дер Хель одно время был квартирмейстером у Кидда, а испанский мулат «Жозефус» играл руководящую роль во время летнего плавания 1718 г. Ричарда Холланда. Еще один мулат, Корнелис Франк, располагая голландской каперской грамотой, охотился за французскими судами в 1670-х годах (*Kinkor K. J. Black Men Under the Black Flag... P. 14, 15*).

новоиспеченных родственников, он окружил себя телохранителями из числа своих людей. Наследник престола обосновался в нескольких километрах от побережья, превратив бухту в базу контрабандистов, пиратов и работорговцев. Место это было довольно опасным, и, приходя сюда, торговцы старались не терять бдительности — «Король Сэмюэл» всегда предпочитал старых друзей-пиратов. В августе 1699 г. в бухту Абрахама пришел корабль из Нью-Йорка «Пророк Даниил», принадлежавший английскому купцу Стивену Делэнси.¹²¹⁹ Его доверенный Джон Крюгер, занимавший должность суперкарга на судне, рассчитывал договориться с «королем» о покупке невольников и отправился с несколькими членами на переговоры вглубь острова. Встреча «в верхах» затянулась на два дня, и, по-видимому, не без тайного умысла со стороны правителя. Пока шли переговоры, в гавань заявился разбитый и еле передвигавшийся «Бекфорд Галли» капитана Эвана Джонса и молниеносно захватил голландское судно со всем его содержимым. Капитан, в благодарность за «покровительство», передал «королю» захваченный приз, а тот при первом удобном случае продал его четырем подвернувшимся пиратам, предоставив покупателям грамоту от «Абрахама Сэмюэла, короля Форт-Дофина». Крюгер же, потеряв судно, вынужден был возвращаться в Нью-Йорк на подвернувшемся английском корабле.¹²²⁰

В том же году в Форт-Дофин заглянул другой голландский купец, решивший подзаработать торговлей невольниками. По его описанию, «короля» окружала свита из трехсот с лишним человек. На счастье торговца, до него вскоре дошли слухи, что Сэмюэл намерен захватить его корабль и покинуть остров, так что незадачливый купец под покровом темноты поднял якорь и поскорее покинул бухту. Через год сюда пришел отряд кораблей английского флота под командованием коммодора Литлтона. На борту своего флагмана юританский

¹²¹⁹ Историю корабля «Пророк Даниил» см.: *Chase J. The strange history of “El Profeta Daniel”: A cautionary tale not heeded // Négoce, Ports et Océans: XVI-e–XX-e siècle / Sous la direction Sulvia Marzagalli et Hubert Bonin. Bordeaux: Presse universitaires de Bordeaux, 2000. P. 215–223.*

¹²²⁰ Крюгер (1670 – 13.08.1744) стал в 1739 г. мэром Нью-Йорка.

офицер устроил званый ужин, пригласив «короля» с супругами. Народ «очень любил» своего избранника, заметил офицер. «Избранник» правил в Форт-Дофине до 1706 г. В тот год в бухту пришел голландский корабль. Его команда, высадившись на берег, увидела, что форт заброшен, а «короля Сэмюэля» и след простыл. Возможно, до него добрались-таки соперники, убившие его, либо неистребимое желание грабить вновь поманило Абрахама в море.¹²²¹

Анализируя сложный моряцко-пиратский социум, нельзя обойти вниманием и еще один важный аспект — возрастные характеристики. Здесь тоже прослеживается социальная дифференциация, проходившая по двум линиям возможных конфликтов — между поколениями и между ветеранами и «салагами». Высокая смертность в молодом возрасте, изнурительный каждодневный труд, отвратительная пища, вечная сырость, отсутствие витаминов и элементарной гигиены, болезни — все это делало моряцкую жизнь уделом по большей части двадцати- и тридцатилетних. Юнцы здесь рано выросли, мужали, старели, большую часть экипажей составляли именно молодые люди, жадные до жизни и остро и зло воспринимавшие горькую действительность. Жизнь на море была коротка, и скоро их, неотвратимо наступая, вытесняли новые «труженики». Наглядно продемонстрировал эту закономерность Маркус Ридикер, проанализировавший возрастные данные английских моряков за 1700–1750 гг. Он исследовал материалы Верховного суда Адмиралтейства и вице-адмиралтейств Массачусетса, Нью-Йорка, Северной Каролины, Пенсильвании и Южной Каролины и на основании полученных сведений подготовил три таблицы.¹²²²

Таблица 1. Общий возраст простых матросов (марсовых)

Возрастная группа	Численность	Процент от общего числа	Совокупный процент
15–19	21	10,6	10,6

¹²²¹ *Ritchie R. C. Captain Kidd...* P. 84–85.

¹²²² *Rediker M. Between the Devil and the Deep Blue Sea...* P. 299–300 (Appendix A.).

20–29	118	59,6	70,2
30–39	37	18,7	88,9
40–49	18	9,1	98
50–59	4	2	100
Всего	198	100	
Средний возраст – 27,6	Возрастной пик – 25	Возрастные пределы – 17–56	

Таблица 2. Общий возраст офицеров и обученных чернорабочих

Возрастная группа (средний возраст – 32,4)	Численность	Процент от общего числа	Совокупный процент
15–19	0	0	0
20–29	39	43,3	43,3
30–39	36	40	83,3
40–49	11	12,2	95,5
50–59	3	3,3	98,8
60–69	1	1,1	99,9
Всего	90	99,9	

Таблица 3. Общий возраст необученных чернорабочих (включая неизвестные занятия)

Возрастная группа	Численность	Процент от общего числа	Совокупный процент
10–19	35	10,9	10,9
20–29	164	51,3	62,2
30–39	79	24,7	86,9
40–49	35	10,9	97,8
50–59	7	2,2	100

Всего	320	100	
Средний возраст – 28, 5			

Мы видим, что большинство экипажей составляли моряки в возрасте от 20 до 29 лет. На их долю приходился самый тяжелый физический труд: работа с тросами и парусами, откачивание воды из трюма, уборка палубы, конопаченье корпуса, черед вахт. Среди начальства и высших звеньев моряцкой иерархии преобладали люди среднего возраста — от 30 до 39 лет, — своим опытом и знанием заслужившие уважение и требовавшие подчинения. Они держали в руках бразды управления кораблем и через них передавались основы морской культуры и традиций.¹²²³ Именно поседевшие в море старые ветераны хранили и передавали из поколения в поколение знание корабельных ритуалов и примет, унаследованное от предшественников. На их мудрость уповали моряки, лелея последние надежды на спасение во время страшных бурь, когда, казалось, уже ничто не могло уберечь гибнущий корабль от надвигавшейся катастрофы. Рассчитывать в такие минуты можно было на чью-то сноровку да на чудо. Люди на кораблях, разбросанных по пустынному безбрежному Океану и объединивших на своих палубах честных моряков, уголовников и бродяг, словно изгой мира, оставались один на один с неподвластной разуму морской стихией. Зажатые в тесных деревянных помещениях, где места было меньше, чем на виселице, вынужденные ютиться рядом с психологически неуравновешенными субъектами, окруженные враждебной соленой стихией, обитатели корабля, на каждом шагу сталкиваясь с несправедливостью, убожеством быта, грубостью и злом, превращались в совершенно специфическую общность. Она жила в ином, не подвластном обыденному пониманию, социальном, культурном и пространственном измерении.

¹²²³ См. подробнее: Ibid. P. 156–159.

§ 2. МОРСКОЙ РАЗБОЙ В ИСТОРИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

«Адова пропасть»: ментальные аспекты морского бытия

Социальный анализ моряцкого социума будет односторонен, если оставить без внимания аспекты, связанные с особенностями духовной жизни моряков и спецификой их повседневности. Рассмотрим первый из названных моментов. Источники, связанные с историей мореплавания, нередко описывают крайне обостренный психологический климат на корабле, проникнутый страхами и суевериями. Приведенное свидетельство очень характерно в целом для ментальных построений на заре раннего нового времени. Страх перед морской безбрежностью на протяжении долгих веков отпугивал от морских плаваний.¹²²⁴ Не последнюю роль в этом играли религиозные представления. В течение многих веков мыслителей и отцов церкви интересовал вопрос о том, расположены ли по другую сторону непреодолимой огненной экваториальной зоны другие части Земли и населены ли эти области полностью изолированными от других человеческих рас людьми – антиподами. Постановка вопроса о существовании обитаемых областей Земли была несовместима с библейскими представлениями о создании Вселенной. Как же тогда, вопрошал христианский богослов и философ Блаженный Августин, эти расы могли произойти от Адама? Мог ли Христос, ради спасения антиподов, принять смерть? А разве тогда можно принять за истину текст Писания о проповеди Евангелия «в четырех концах земли», если половина этой земли отрезана от другой пылающим экватором? И наконец, заключает Блаженный Августин, те, кто отстаивает идею антиподов, «не принимают во внимание, что, хотя бы и возможно было допустить или даже как-либо доказать, что фигура мира шарообразна и кругла, из этого еще не следует, что та часть земли свободна от воды; да если даже была бы и свободна, из этого отнюдь не следует, что там живут люди. Ибо никоим образом не может обманывать то

¹²²⁴ См. подробнее: *Sobecki S. I. The sea and medieval English literature. Cambridge: D.S.Brewer, 2008. P. 26–31.*

Писание, которое удостоверяет действительность рассказываемых им событий прошлого исполнением на деле его предсказаний; а между тем, было бы крайней несообразностью утверждать, что люди могли, переплыв безмерные пространства океана, перейти из этой части земли в ту, и таким образом положить и там начало роду человеческому от того же одного первого человека».¹²²⁵

Не ставил ли последний довод Блаженного Августина черту под возможностью кругосветного плавания с точки зрения религии. Для многих поколений христиан казалось невозможным пересечь океан и отправиться на поиски континентов с людьми. Однако не только этим исчерпывался вопрос.

Духовное напряжение настолько давит на обитателей кораблей, словно они все время ощущают себя на краю «адовой пропасти». И действительно, в ментальных пластах европейского общества Океан выступал неким страшным злом, бросившим вызов самому порядку Вселенной. Не случайно интеллектуалам XVI – XVIII вв. были близки утверждения античных авторов, деливших человеческое сообщество на три рода людей: живые, мертвые, а также те, кто в море. Эти последние уже словно и не живые, попали в темную бездну и безоглядно сгнули в ее глубинах. «Довериться морю — это безумие», — восклицал один из героев Эразма Роттердамского. Истинного блаженства можно достичь только на твердой земле. «О трижды, четырежды блаженные счастливцы, сажающие капусту, — вопит полумертвый от страха Панург, застигнутый бурей. — О Парки, ну что бы вам выпрясть для меня нить человека, сажающего капусту!»¹²²⁶ Насмерть перепуганный, он в неопишемом ужасе молит св. Николая и Михаила Архангела спасти его, обещая «отстроить за это часовенку» а то и две, пытается составить завещание, готов дать любой обет и совершить любое паломничество. Действительно, что может быть страшнее смерти во время кораблекрушения, приходит к выводу Пантагрюэль: «Это очень страшная штука!

¹²²⁵ Блаженный Аврелий Августин. О граде Божьем. Кн. 16. Гл. 9 // http://azbyka.ru/otechnik/?Avrelij_Avgustin/o_grade
¹²²⁶ Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль. М., 1956. С. 396, 398.

Еще Гомер думал, что ужасно, тяжело, отвратительно и противоестественно погибнуть на море».¹²²⁷

Подобное мировосприятие моря вполне традиционно, и помимо чисто физиологических и психологических моментов, в основании страхов перед морской стихией лежали причины, объяснение которых связано с особенностями культурной и цивилизационной истории Европы. Несмотря на динамизм средневекового общества, постоянно расширявшееся географическое пространство, активный товарооборот со странами Востока, эпопею крестовых походов, до XVI в. доминанту исторического развития Европы составляла, главным образом, сухопутная традиция, направленность на саморазвитие внутри континента. Феодальная рыцарская Европа тяготела к земле, и по многим причинам море для нее было смертельно опасно. Действительно, по словам Жана Фруассара, «на море сражаться чрезвычайно опасно, ибо там нельзя ни уклониться, ни бежать от противника».¹²²⁸ Иные истоки страха и нелюбви к морю продемонстрировал спор герольдов, запечатленный в трактате 1455 г., когда предметом дискуссии стал вопрос англичанина, почему у французского короля флот много меньше, чем у английского. «А он ему и не нужен», — следует ответ. Да и вообще, французское рыцарство предпочитает драться на суше, а не на море, «ибо там опасность и угроза для жизни, и один Господь ведает, сколь это горестно, ежели приключится буря, да и морская болезнь мучает многих. К тому же и суровая жизнь, каковую следует вести там, не подобает людям благородного звания».¹²²⁹ Сходный мотив неприязненного отношения аристократии к морскому ремеслу прослеживается и в замечании короля Людовика XIV, писавшего в «Мемуарах» об армейских офицерах, соскучившихся без войны и желавших поскорее заняться любимым делом: «Множество храбрых людей, казалось, ежечасно просили меня дать им лучшую возможность показать свою доблесть,

¹²²⁷ Там же. С. 402.

¹²²⁸ *Froissart J. Chroniques / Éd. par Siméon Luce et Gaston Raynaud. Vol. II. Paris, 1870. P. 37.*

¹²²⁹ Цит. по: *Хейзинга Й. Осень Средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах. М., 1988. С. 113.*

чем война на море, при которой самые смелые почти никогда не отличимы от самых слабых».¹²³⁰

Но водная стихия приносила не только физические и нравственные страдания. Как нам представляется, истоки страха перед ней таились глубже — в самой «дьявольской» природе «водного начала», ставшего для средневекового сознания воплощением сумрачного хаоса. Впрочем, почему только для средневекового? Восприятие моря человеком — проблема вневременная, и многие моряки могли бы подписаться под обращением к Океану Лотреамона: «Я жажду знать о тебе все, жажду проникнуть в неведомый мне тайный смысл твоего бытия. Скажи, быть может, ты обитель Князя Тьмы? Скажи, скажи мне, Океан (мне одному, чтобы не пугать наивные души, живущие в плену иллюзий), уж не дыханье ль Сатаны — причина страшных бурь, что заставляет чуть не до небес взметаться твои соленые волны? Скажи — мне будет отрадно узнать, что ад так близок.»¹²³¹ Размышляя о специфике мышления людей в эпоху Ренессанса, Мишель Фуко подчеркивал, что «в восприятии европейца вода надолго связывается с безумием»,¹²³² а аллегорическим воплощением подобного помешательства выступил «корабль дураков, загадочный пьяный корабль, бороздящий тихие воды притоков Рейна и фламандских каналов».¹²³³ И понятно, почему французский юрист XVII в. Пьер де Ланкр считал море причиной того, что «все племя мореплавателей служит дьяволу: неверная пашня, по которой, полагаясь лишь на звезды, ведут борозду корабли; секреты, передающиеся из уст в уста; удаленность от женщин; наконец, самый вид этой бескрайней волнуемой равнины, лишают человека веры в Бога и сколько-нибудь прочных связей с родиной; и тогда он ввергает себя дьяволу и безбрежному океану его происков».¹²³⁴ Не стоит забывать и о социальной подоплеке отверженности

¹²³⁰ Цит. по: *Малов В. И.* Ж.-Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество. М., 1991. С. 196.

¹²³¹ *Поэзия французского символизма. Лотреамон. Песни Мальдорора / Сост., общ. ред., вступ. ст. Г. К. Косникова. М., 1993. С. 295. (Перевод Н. Малевич.)*

¹²³² *Фуко М.* История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997. С. 33.

¹²³³ Там же. С. 30.

¹²³⁴ Там же. С. 34.

моряков на рубеже раннего Нового времени — специфика профессии определяла сомнительный общественный статус ее обладателя, «окаянного человека», вечного бродяги, который мало того, что продвигается по воде, но и постоянно вынужден оказываться в чужих для него землях и попадать под пресс всеобщей подозрительности к иноплеменникам, чужестранцам, «ничьим людям», «носителям неизвестности и беспокойства».¹²³⁵

В ментальных построениях людей Средневековья корабль и его «служители» воспринимались в качестве неизбежного зла. Подобное мироощущение рождалось при чтении Священного Писания, в текстах которого водной стихии приданы черты безграничной обители несправедливого и инструмента уничтожения мира после катастрофы грехопадения. Христианская эсхатология рисовала картину сотворения мира как обуздание Богом хаоса, символизировавшегося бесформенной бушующей массой бездонных водных глубин Океана.¹²³⁶ Веющий над темными водами животворящий Божий Дух «расторг силою... море» и «сокрушил головы змиев в воде»,¹²³⁷ отделяя первозданные воды от суши. Однако бездна Океана, сотворенная Богом, служит определенным целям и подчинена Создателю. «Кто затворил море воротами, когда оно исторглось, вышло как бы из чрева, когда Я облака сделал одеждою его и мглу пеленами его, — вопрошал Господь Иова из бури. — И утвердил ему Мое определение, и поставил запоры в ворота, и сказал: “доселе дойдешь, и не перейдешь, и здесь предел надменным волнам твоим”».¹²³⁸ Представление о единой воле Сотворившего мир и целостности творения воскрешало и предвосхищение эсхатологического суда — хаотический вселенский потоп, когда освобожденное Высшей Силой первозданное море, находящееся под землей, обрушилось на землю, «чтоб истребить всякую плоть».¹²³⁹ Образ всесокрушающей стихии, поглощающей все живое, и сознание гибельности

¹²³⁵ См. подробнее: *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 126–135.

¹²³⁶ Бытие 1:7–10.

¹²³⁷ Псалтирь 73:13.

¹²³⁸ Иов 38:8–11.

¹²³⁹ Бытие 6:17. См. также: 2 Петра 3:5–7.

водного начала, в метафорическом смысле означавшего зло, выступали доминантами мироощущения людей начала нового времени с его апокалиптической традицией. Столь острое сознание бедствия, идущего из водной бездны, погруженной в кромешную тьму, дополняло видение святого Иоанна Богослова, перед которым предстал выходящий из моря зверь «с семью головами и десятью рогами: на рогах его было десять диадим, а на головах его имена богохульные...»¹²⁴⁰ На волнах морских, или «водах многих», восседала и «великая блудница ... Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным».¹²⁴¹ Само же море, могучая сила, угрожающая порядку и стабильности Божьего творения, в конечном итоге исчезает, в обновленной вселенной «моря уже нет», а есть лишь «новое небо и новая земля».¹²⁴²

Христианское мироощущение, рисующее море обителью и поглотителем вселенского зла, и ужасающая картина гибели грешников возвращали к истории исхода евреев из Египта и гибели египетского воинства в Чермном море: «Воды покрыли врагов их (курсив. — Д. К.), ни одного из них не осталось».¹²⁴³ Дань подобному аллегорическому восприятию «воды» мы находим у Григория Турского. Вот враги, не боявшиеся бога и подстрекаемые дьяволом, которые разграбили монастырь блаженного Мартина и убили монахов. «Когда они уже плыли по реке, корабль тотчас же начало качать, и их бросало в разные стороны».¹²⁴⁴ Они попытались было причалить к берегу, но «корабль под их ногами расселся, и каждый проткнул свою грудь острием копья, которое он держал прямо перед собой». Та же печальная участь постигнет спутников злодея Левдаста, графа Тура, захвативших священнослужителей.¹²⁴⁵ Тонущий же от перегрузки корабль чудесным образом спасается, так как на нем — мощи

¹²⁴⁰ Откровение 13:1. Сравни: Даниила 7:4–6.

¹²⁴¹ Откровение 17:1, 5.

¹²⁴² Откровение 21:1.

¹²⁴³ Псалтирь 105: 11.

¹²⁴⁴ Григорий Турский. История франков / Пер. с лат. В. Савукова. М., 1987. С. 110.

¹²⁴⁵ Там же. С. 153.

блаженного Мартина и других святых, «чудесная сила которых, как мы думаем, и спасла нас».¹²⁴⁶

Сатанинская метка стояла на всем, связанном с морским делом. Припомним, например, странную особенность проведения мессы на судне, получившей наименование «пустой мессы» в эпоху Средневековья. Процедура совершалась у подножия грот-мачты, без причастия и освящения облаток.¹²⁴⁷ Объяснение этому было вполне банальным — ведь человека из-за морской болезни могло вырвать... но вырвать облаткой, и тем самым он бы осквернил Бога.¹²⁴⁸ Однако если «пустая месса» страховала от осквернения Бога, то морская жизнь признавала вполне узаконенное обычаем осквернение святых покровителей. Для моряков, этих маргиналов, пространственно оторванных от берега и церкви, ежедневно балансирующих на тонкой грани между жизнью и смертью, общение со святым заступником принимало характер близкой связи, доверительной дружбы приятельски-мистического свойства. Терпя бедствия, невзгоды, попадая в штиль или теряя курс, они преисполнялись искренней обидой (обидой бессилия) на высокого покровителя и «по-родственному» наказывали его, привязывая его статую к мачте и устраивая порку провинившемуся святому.¹²⁴⁹ «Поркой Луки» или «купанием Антония» — какой бы святой ни «страдал» и как бы это ни происходило, — brave морские ребята могли избавиться от накопившегося негодования, раздражения и усталости, найдя «крайнего». Если и обнаруживаются в подобных ритуалах особенности поведения людей, идущие от времен древних охотников-язычников с их культами зверя, то они лишь привносили в морскую повседневность явный оттенок безбожия. В каждодневной корабельной суете, в реальном мире, где господствовали обычаи, ритуалы, существовал еще один, заведомо прагматический аспект — на почитание Бога оставалось не слишком много времени. В своем «Дневнике» Эдвард Барлоу приподнял завесу над

¹²⁴⁶ Там же. С. 225.

¹²⁴⁷ Облатка у католиков представляет собой кружок из тонкого теста, символ тела Христова.

¹²⁴⁸ Амбелен Р. Драмы и секреты истории, 1306–1643. М., 1992. С. 41.

¹²⁴⁹ Хауке Х. На семи морях: Моряк, смерть и дьявол. Хроника старинны. М., 1989. С. 232.

различиями в восприятии повседневности между моряками и людьми, живущими на суше. «Да, я всегда знал, что наихудший из подмастерьев живет гораздо лучше меня, — писал с горечью Барлоу. — У них есть воскресенья и иные праздничные дни, чтобы отдохнуть и поразвлечься; мы же все дни проводим одинаково, а сколько раз нам случалось работать в воскресенье больше, чем в другие дни».¹²⁵⁰

В определенной степени церковная служба на корабле имела совершенно формальный характер. Чтение молитв и псалмов на торговых и каперских кораблях, если оно вообще проходило, попадало в ряд текущих явлений повседневности. Если на борту не было священника, то службу вели командир судна, кто-нибудь из начальства или команды, читавшие вслух Библию. Сомнительно, чтобы самодеятельные «служители культа» отличались глубокими знаниями теологии и досконально постигли тонкости Священного Писания — их духовные напутствия носили, скорее, характер приземленного совета знающего жизнь человека. Правда, человека, для которого «оружие христианского воина» зачастую отступало на задний план перед более специальными, профессиональными орудиями. Вспомним кредо старого лейтенанта Боулинга, признававшегося: «Я занимаюсь только своим делом: канонир — тот о паяльнике, а штурман — тот о румпеле, как говорит пословица... А я верю только в компас и поступаю с другими так, как хотел бы, чтобы со мной поступали. И, значит, мне наплевать на папу, дьявола и претендента».¹²⁵¹ И я надеюсь спастись не хуже всякого другого».¹²⁵² Не менее откровенно выглядят признания другого литературного героя — Робинзона Крузо. «Увы! Моя душа не знала бога: благие наставления моего отца изгладились из памяти за восемь лет непрерывных скитаний по морям в постоянном общении с такими же, как я, нечестивцами, до последней степени равнодушными к вере. Не помню, чтобы за все это время моя

¹²⁵⁰ Barlow's Journal... P. 61.

¹²⁵¹ В романе Тобайаса Смоллета отразились современные ему политические коллизии. Под «претендентом» Боулинг подразумевал шотландского принца Карла Эдуарда Стюарта по прозвищу «Пригожий Принц». Внук короля Иакова II, свергнутого в ходе Славной революции, он продолжил дело своего отца Иакова Стюарта (Иакова III) ведя борьбу за британский престол. В 1745 г. безуспешно пытался захватить власть, но был разбит в битве при Каллодене и бежал во Францию

¹²⁵² Смоллет Т. Приключения Родрика Рэндома. С. 297.

мысль хоть раз воспарила к богу или чтобы хоть раз я оглянулся на себя, задумался над своим поведением. Я находился в некоем нравственном отупении: стремление к добру и сознание зла были мне равно чужды. По своей закоснелости, легкомыслию и нечестию я ничем не отличался от самого невежественного из наших моряков. Я не имел ни малейшего понятия ни о страхе божием в опасности, ни о чувстве благодарности к творцу за избавление от нее». ¹²⁵³

Слова Боулинга и размышления Крузо тем более показательны, что на судах, среди этих «диких», грубых и невежественных людей, почитание Бога совершалось отнюдь не в трепетной светлой в обстановке. Чтению псалмов и молитв, по словам Эдварда Коксира, сопутствовали «ругательства, проклятья и ложь», вокруг стоял гогот десятков глоток, пережевывавших свои пайки и глумившихся над происходящим. ¹²⁵⁴ «В нашей среде страху перед Богом не было места», — добавлял он. ¹²⁵⁵ Коксиру вторил командир торгового судна Ост-Индской компании, утверждавший, что «за исключением нечестивых богохульств, о Боге и Христе никто не слышал». ¹²⁵⁶ Стоит ли удивляться, что службы на судах не имели четкого графика: по признанию одного моряка, они «происходили один раз в неделю — если завывал суровый шквал, — когда же дули слабые ветры — их не проводили». ¹²⁵⁷

В этом плане во время шторма моряки вели себя по-разному. Одни, не щадя себя, сражались за спасение судна, понимая, что от слаженности действий экипажа и взаимовыручки зависит их жизнь. Им было не до молитв, когда гигантская волна поднимала корабль как щепку и увлекала его к черным небесам, а затем кидала его в бездонную пропасть моря. Другие считали, что теперь их может спасти только провидение и принимались истово молиться — именно так ведет себя Панург у Франсуа Рабле: «Эта дьявольская волна, то бишь эта божья

¹²⁵³ Дефо Д. Жизнь, необыкновенные и удивительные приключения Робинзона Крузо.... С. 82, 83.

¹²⁵⁴ *Coxere E. Adventures by Sea.* London, 1945. P. 131, 132.

¹²⁵⁵ *Ibid.* P. 40, 64.

¹²⁵⁶ *Rediker M. Between the Devil and the Deep Blue Sea ...* P. 171.

¹²⁵⁷ *Ibid.* P. 171.

волна, зальет наш корабль! Увы! Брат Жан, отец мой, друг мой, исповедуйте меня! Видите, я на коленях. Согрешил я, окаянный! Ваше святое благословение!» Его причитания приводят в ярость отчаянно сражающегося со стихией брата Жана: «Эй, чертов висельник, иди помогать... тридцать легионов чертей! Пойдешь ты или нет?» Удивителен этот образ человека моря, ищущего дороги в неизвестных морях. «Что же галс, — кричит он во время битвы со штормом. — Тысяча чертей! На штирборт! Ложись в дрейф, бога ради! Румпель долой! Ложись в дрейф! Ложись в дрейф! А тем временем выпьем! Самого лучшего выпьем, желудочного! Слышите вы там, мажордом? Тащите сюда! Давайте! Ведь все равно вино ваше отправится ко всем чертям! А ты, паж, подай сюда мое рвотное (так он называл свой требник). Пойдите! Давай сюда, мой друг! Боже мой милостивый! Ну и град! Ну и молнии! Эй вы, верхние, держитесь покрепче, пожалуйста! А когда у вас праздник всех святых? Сегодня у нас тоже праздник, но только не святых, а всех чертей».¹²⁵⁸

Как знать, возможно, в этой всепоглощающей борьбе «тружеников моря» с водной стихией, в тяжелой повседневности тупо-изнуряющего монотонного труда и вырабатывалось скептическое, а порой и издевательское отношение к людям духовного звания, столь характерное для морского социума.¹²⁵⁹ В отчете корабельного священника епископу Лондонскому от 29 июля 1725 г. мы встречаемся с одним из наиболее впечатляющих свидетельств враждебности моряков к несущим слово истины. Преподобный О'Гилви пытался донести слово Божие до экипажа «Тартара», но несчастного священника «бесчестили самым варварским способом», в том числе били его по голове Библией. Преподобный

¹²⁵⁸ Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль. С. 397, 398.

¹²⁵⁹ В консервативном морском социуме подобная предубежденность сохранялась долго. Герман Мелвилл, в 1843–1844 гг. прослужив матросом на военном фрегате США, оставил яркие впечатления о религиозной стороне жизни корабля: «Представьте себе этого витающего в облаках священника, стоящего на гон-деке за оружейным станком и говорящего пяти сотням просоленных грешников о психологическом явлении души и об онтологической необходимости для каждого матроса спасать ее во что бы то ни стало... О пьянстве, драках, порке и притеснениях — всем том, что прямо или косвенно запрещается христианской догмой, — он никогда не обмолвится и словом... Сказать по правде, матросы... оказываются не слишком благодарными слушателями и прибегают ко всем мыслимым мерам, чтобы уклониться от посещения часовни. Часто боцманматам приходилось гнать матросов слушать службу, прибегая к самым энергичным выражениям, как они это делали и по всякому другому поводу. — На молитву, чтоб вас...! На молитву, сукнины дети, на молитву!» (Мелвилл Г. Белый бушлат. Л., 1973. С. 128, 129).

держался особняком от команды: он не сквернословил, подобно этим нечестивцам, и отказывался участвовать в их беспутных попойках, а еще всем своим видом осуждал их бесчинства. Кончилось дело тем, что возненавидевшие его за это матросы ворвались к нему, «перевернули его койку, и он, падая, разбился об одну из пушек», после чего эти головорезы «не единожды пытались совершить с ним содомский грех».¹²⁶⁰

Моряки — слишком опасная и безбожная публика. В руководстве английскому духовнику 1344 г. мы читаем: «Духовник, если тебе придется исповедовать моряка, непременно расспрашивай его досконально. Ты должен знать, что одного пера будет недостаточно, чтобы описать все грехи, в которых погрязли эти люди. Их лукавство столь велико, что трудно найти название их грехам... они не только убивают духовных и светских лиц, но и в море предаются грабежам и пиратству, лишая имущества людей, особенно купцов... К тому же они развратны и блудливы, потому что всюду, где они бывают, они либо завязывают знакомства с непотребными женщинами, либо устраивают дебоши со шлюхами, считая это обычным делом».¹²⁶¹

С еще большей откровенностью безбожие обнаруживало себя на пиратских кораблях — разбойничьих притонах, которые цивилизованному обществу представлялись сплошь как логово приспешников дьявола... «Малейший намек на религию и добродетель изгоняется беспощадным образом», — мрачно обрисовал духовную атмосферу на разбойничьем судне попавший в плен к пиратам в 1725 г. Филип Эштон.¹²⁶² Ему вторил и некий торговый капитан, полагавший, что пираты не только изрыгают богохульства, но само безбожие приводит их к пиратству.¹²⁶³ Масштабные описания преступного разгула, чинимого европейскими пиратами-безбожниками в королевстве Аракан¹²⁶⁴, мы находим в описаниях француза

¹²⁶⁰ Gilbert A. D. Buggery and the British Navy, 1700–1861 // *Journal of Social History*. 1976. № 10. P. 76.

¹²⁶¹ Делюмо Ж. Ужасы на Западе. М., 1994. С. 12.

¹²⁶² Rediker M. Between the Devil and the Deep Blue Sea... P. 176.

¹²⁶³ Ibid. P. 176, 177

¹²⁶⁴ Аракан — королевство, расположенное на восточном побережье Бенгальского залива и контролировавшее дельту Ганга и торговые пути между Индией и Индокитаем. В XVII в., в правление короля Сандатудхаммы, превратилось в один из центров пиратства в Юго-Восточной Азии (см. подробнее: Холл Д. Дж. История Юго-

Франсуа Бернье, придворного врача правителя Великих Моголов Аурангзеба: «В королевстве Аракан, или Мога, жило постоянно некоторое количество португальцев и с ними много метисов, христианских рабов и других франги¹²⁶⁵ из разных мест. Это было убежище беглецов из Гоа, с Цейлона, из Кошина, Малаги и всех других мест Индии, в которых прежде находились португальцы. Расстриги, покинувшие монастырь, люди, женившиеся по два и три раза, убийцы, словом, весь преступный мир встречал здесь самый радушный прием. Они вели омерзительный образ жизни, совершенно не достойный христиан, доходя до того, что безнаказанно убивали и отравляли друг друга, убивали своих собственных духовных лиц, которые, впрочем, часто бывали не лучше их самих».¹²⁶⁶

Еще категоричнее осуждали нечестивых громил представители церкви. Аббат дю Тертр, описывая нравы буханьеров, подчеркивал, что эти бывшие преступники, избежавшие наказания в Европе и скрывшиеся за море, ведут годами жалкий образ жизни, «не видя священника и не употребляя хлеба».¹²⁶⁷ Яркое свидетельство оставил преподобный Пьер Дан, настоятель монастыря Матерен в Фонтенбло, в середине XVII в. побывавший в Барбарии¹²⁶⁸ в составе специальной миссии, занимавшейся выкупом пленников-христиан на невольничьих рынках Алжира. «Ко всем разбойным делам, которыми они (барбарийские корсары. — Д. К.) похваляются, присоединяется бездна всевозможных пороков, безнаказанно царящих в их среде, и можно не сомневаться, что за те сто двадцать лет и более, что они занимаются пиратским промыслом, сия безнаказанность привлекала в их города, как в разбойный притон, воров, злодеев и подозрительных личностей всех мастей. И если бы мне пришлось

Восточной Азии. М., 1958; Берзин Э. О. Юго-Восточная Азия и экспансия Запада в XVII–начале XVIII века. М., 1987).

¹²⁶⁵ Франги, феринги (букв. «иноземцы, пришельцы») — наименование португальских пиратов в Юго-Восточной Азии, игравших важную роль в политическом противостоянии местных королевств.

¹²⁶⁶ Бернье Ф. История последних политических переворотов... С. 71.

¹²⁶⁷ Tertre J.-B. du. Histoire générale des Antilles habitées par les Français. Т. III. Paris, 1671. P. 142.

¹²⁶⁸ Барбария, Барбарийский берег — обобщенное наименование, принятое в Европе по отношению к территориям Северной Африки, т. н. Магрибу (Мавритания, Западная Сахара, Алжир, Тунис, Ливия), представлявшим в XVI–XVIII вв. один из центров морского разбоя. Этимологически название восходит к *lat. barbarus* («варвар»), то есть «человек, говорящий невнятно, бормочущий», как римляне эпохи Империи именовали чужеземцев, обитавших на пограничных с ней территориях. Постепенно название трансформировалось в «barbaresque» (берберы) — название этнической группы, составляющей население Северной Африки.

проводить параллель с таким же несчастным краем, где поселились и сделались неотъемлемой частью организма самые черные преступления, то не нашел бы я лучшею, как сравнить его с блудницей из Апокалипсиса,¹²⁶⁹ которая, восседая на многоголовом чудище и держа в руке чашу, опьяняет сладостью своих прелестей все народы земли. И в самом деле, не эти ли пороки привлекают каждодневно в проклятые города Барбарии стольких злодеев всех наций, будь то магометане или нечестивые христиане, греки, русские, португальцы, испанцы, французы, англичане, фламандцы, немцы и прочие, кто, отвергнув веру в истинного Бога, приносят себя в жертву дьяволу и становятся ренегатами? Добавим к этому, что то багряное чудище и те проклятия и богохульства, которые оно изрыгает, являют нам мистический образ жестокости неверных, проявленной к стольким несчастным христианам, в крови которых они умывают руки».¹²⁷⁰ В той же тональности спустя более полувека высказались два бостонских священника, Коттон Мазер и Бенджамен Колмен, принимавшие последнюю исповедь у приговоренных к виселице головорезов. «Пират насмехается над страхом и, подобно лошади, мчащейся по полю брани, устремляется в объятия отвратительнейшей мерзости. Он вращается в разгул, разухабистые попойки, дебоши. Его язык, подстрекаемый огнем преисподней, изрыгает мерзкое богохульство и дьявольские речи. Одни его гнусные и препохабнейшие песни способны изгадить весь воздух во всей поднебесной, а ведь это — самое безобидное из его вокализмов. Немалую долю в его промысле составляет жульническая игра... Его безбожие обратилось в злобу. Он отринул, возненавидел церкви Господни... Пираты бросают непереносимый вызов небесам своим богохульством... у них нет никакого долга к вышестоящим. Они насмехаются над священнослужителями и посланниками Божьими с оскорбительной наглостью.»¹²⁷¹

¹²⁶⁹ *Блудница из Апокалипсиса* — одно из пророческих видений в Новом завете (Откр. Иоанна Богослова, гл. 17, 18), символизирующее идолопоклонничество и земные богатства.

¹²⁷⁰ *Dan P. Histoire de Barbarie et de ses corsaires.* ..P. 74.

¹²⁷¹ *Rediker M. Between the Devil and the Deep Blue Sea...* P. 177.

Вряд ли стоит удивляться подобному взгляду на пиратский мир, — ведь он предстал перед глазами достопочтенных служителей церкви, получивших в морском быту красноречивое наименование «небесных лоцманов». Однако все усложняется, и оценки уже не могут быть столь однозначны и категоричны, когда оцениваешь морскую культуру в ее многоголосии. На одном полюсе разместится ночной кошмар капитана Синглтона, как будто бы подслушанный Даниелем Дефо. «Всю ночь снились мне ужасные сны, — рассказывал этот бравый грабитель, искушаемый сатаной и стоящий на пороге самоубийства. — А особенно снилось мне, что за мной явился дьявол и спросил, как меня зовут, и я отвечал ему. Тогда он спросил меня, какой был мой промысел. “Промысел? — говорю я. — Я вор, негодяй по призванию. Я пират и убийца и заслуживаю виселицы”. — “Верно, верно, — говорит дьявол, — заслуживаете. И вы тот человек, которого я ищу, и потому ступайте за мной”». ¹²⁷² Но что на другом полюсе? Не последние ли слова массачусетского пирата Джона Квэлча, сухо запечатленные в отчете о казни его шайки в доке на Чарлз-Ривер в Бостоне 30 июля 1704 г. «Я не боюсь смерти, — произнес разбойник, — и виселица меня тоже не страшит. Только великий Бог и приговор в Судный день вселяют в меня ужас». ¹²⁷³

Все эти страхи не дано было понять людям суши, никогда не выходившим в море и не сталкивавшимся лицом к лицу с грозной стихией Океана. Что могли знать о таинствах бытия и угрожающем лике природы мирно работающие в полях и крепко спящие в своих домах обыватели, которым не приходилось долгими штормовыми ночами нести бессменные вахты в бушующем море под дьявольское завывание ветра, грозные вспышки пронзающих небо молний и адские раскаты грома. Их земная жизнь текла ясно и размеренно, способны ли они были понять и ощутить психологию вечного морского скитальца, ни на секунду не забывающего о присутствии страшной необъяснимой силы, которая может подняться из морских бездн. Это она заставляет моряка с тревогой и страхом всматриваться в

¹²⁷² Дефо Д. Жизнь и пиратские приключения славного капитана Синглтона. М., 1992. С. 167.

¹²⁷³ Privateering and Piracy... P. 278

предрассветные сумерки — а вдруг он узрит там приближение смерти. Для всех этих адвокатов, маклеров, ростовщиков, синьоров, солдат, крестьян, ремесленников, никогда не выходивших в море или время недолгих морских прогулок валявшихся на палубе в приступе подступающей тошноты, море оставалось не более чем огромным непостижимым водным пространством, неизбежным злом; но для стоящих за штурвалом морских странников, оказавшихся один на один с этой неподвластной уму природной стихией, неизбежное зло морских глубин приобретало воистину вселенский размах.

Жуткий зов смерти постоянно преследовал моряков и наполнял все их существо. «Небо, закрытое темными тучами, было совершенно черным, свирепо задувал ветер, волнение нарастало, — записал спустя много лет после своего «приключения» по пути на Суматру пиратствовавший в Индийском океане Уильям Дампир. — Белые ревущие волны пенились вокруг нас, все окутала ночная мгла и не было видно земли, чтобы укрыться; нашу крошечную лодку¹²⁷⁴ угрожала поглотить любая волна, и самое страшное, что ни один из нас не был готов перейти в мир иной. Прежде я пережил немало смертельных опасностей, о чем кое-что уже рассказывал, но и самая страшная из них оказалась всего лишь детской игрой в сравнении с этой. Должен признаться, что я переживал в этот миг настоящее помрачение рассудка. Ни одна из опасностей не приближалась с такой степенной и ужасающей величественностью. Внезапная перестрелка в сражении, когда кровь закипает и заставляет очертя голову кинуться вперед, — это пустое. На сей раз я, затаив дыхание, ощущал приближение смерти и понимал тщетность всяких надежд ускользнуть от нее; признаюсь, что теперь от мужества, которое еще теплилось во мне, не осталось и следа. Тяжелые размышления о прошедшей жизни пронеслись в моей голове, и я с ужасом и омерзением оглянулся на свои прошлые поступки, которые и раньше заставляли меня испытывать стыд».¹²⁷⁵

¹²⁷⁴ Дампир с несколькими своими спутниками в мае 1688 г. был отпущен капитаном Ридом и, посаженный на небольшое каноэ, направлялся с Никобарских островов в Аче.

¹²⁷⁵ *Dampier W. A New Voyage Round the World / With an Introduction by Sir Albert Gray and a New Introduction by Percy G. Adams. New York, 1968. P. 332–333.*

Личины страха разнообразны. Ужас Дампира перед природной стихией, повергший его на дно каноэ, сродни обреченности и бессилию, которые испытывали герои Камознса, но опасность, которая предстала пред ними, — природа в образе великана Адамастора, обратившегося «в огромный мыс». Прохождение южной оконечности Африки обернулось для мореплавателей незабываемой встречей с «Мысом Бурь», символом тех страданий и лишений, которые подстерегали моряков в этом крайне опасном для навигации месте.

Однажды мы на палубе стояли,
Тоской по дому отчему томимы,
Как вдруг нам туча черная явилась
И в небе безраздельно воцарилась...

И вот среди волн могучих, горделивых,
Нам чудище громадное явилось.
Казалось, в бороды его извивах
Ветров ватага мощная скопилась.
Над гладью вод нечесаная грива,
Как стая змей огромных, шевелилась.
Из уст прикрытых зубы выпирали
И желтизной зловещей отдавали.

С огромными своими телесами
Оно Колоссом древним нам казалось,
Той статуей, что Родоса сынами
Как чудо света прежде почиталось.
Утробный глас раздался вдруг над нами,
Как будто море в ярости терзалось.
И дыбом наши волосы стояли,

Пока мы в страхе чудищу внимали.¹²⁷⁶

Страхи мореплавателей порождали чудовищ, и весь Океан превратился в прибежище химер — от жутких страшилищ, порожденных фантазией Лудовико Ариосто, до злобных монстров, всплывавших из морской глубины в поисках красавиц и побеждаемых мужественными рыцарями.¹²⁷⁷ Эти порождения моря, претерпев невероятные метаморфозы, могли приобрести вполне человеческий облик неведомых существ, которых волны выбрасывали на берег. В 1403 г. в Харлем доставили морскую женщину, «обнаженную и немую, обнаруженную в одном из голландских озер, куда, очевидно, ее забросили морские бури, — рассказывал Франческо Гвиччардини. — Эту женщину они одели и приучили питаться хлебом, молоком и другими продуктами; позже она научилась прясть и исполнять другую работу, вела себя честно и преклоняла колени перед алтарем... Рассказывают также как о вещи совершенно достоверной, что около 1526 года во фрисландском море поймали морского мужчину, который во всем был похож на нас, других людей, и, как говорят, имел бороду, волосы, волоски на теле, какие бывают у нас, но только очень жесткие (напоминающие свиную щетину); его приучили есть хлеб и другую обыкновенную пищу; говорят, что поначалу этот человек был совершенно диким, а потом привык к своей жизни... Все это, конечно, вещи странные и новые; но если мы вспомним, что писали Плиний и другие достойные доверия авторы о подобных морских людях, которых иногда находили, то не станем нисколько удивляться — особенно если вспомним и то, что те же авторы писали о тритонах и других морских чудищах, а также о

¹²⁷⁶ *Камюэнс Л. де.* Сонеты. Лузнады / Пер. О. Овчаренко. М., 1999. С. 251–252.

¹²⁷⁷ Встало чудище

И под ним не стало видно моря,
Как из темного дола всплывает влажная
Туча, чреватая грозой и ливнем,
И ширится на мир,
И стирает день слепую ночью, —
Так встал зверь,
Подбирая под себя все море.

(*Ариосто Л.* Ненстовый Роланд / Пер. свободным стихом М. Л. Гаспарова. М., 1993. С. 189.)

похожих на них земных сатирах и фавнах, каковых сатиров святой Иероним один раз упоминает как несомненно существующих». ¹²⁷⁸

Однако легенды рисовали и более зловещие образы «буйных стад всеводного Нептуна», всевозможных океанских гадов, способных поглотить, уничтожить, разбить хрупкие суда. ¹²⁷⁹ В основе своей страхи перед Океаном восходили отчасти к библейским образам, центральное место среди которых занимал Левиафан. «Нет столь отважного, который осмелился бы потревожить его... круг зубов его — ужас... из ноздрей его выходит дым, как из кипящего горшка, ... дыхание его раскаляет угли, и из пасти его выходит пламя, ... когда он поднимается, силачи в страхе, совсем теряются от ужаса, ... он кипятит пучину, как котел, и море претворяет в кипящую мазь, ... он царь над всеми сынами гордости. ¹²⁸⁰ «В «Общей космографии» Себастьяна Мюнстера, изданной в Базеле в 1559 г., мы видим на рисунке, выполненном Гансом Рудольфом Мануэлем, множество «страшных ликом» морских обитателей. Это и «змеи длиной от 200 до 300 футов, которые могут вползти на большой корабль», и «два больших морских чудовища, одно из коих устрашает ужасными зубами, другое — рогами и огненным зраком», «морское чудовище, напоминающее свинью, коего видели в 1537 г.», и «ужасный род гигантских чудовищ, прозываемых кашалотами, о коих упоминает Плиний, — ...дерзкий кит топит даже большой корабль, выдувая на него через отверстие во лбу воду». ¹²⁸¹

Однако весь уклад морской жизни, в том числе и на пиратском корабле, показывает, что представлять «пенителей волн» заведомыми безбожниками — неправомерное допущение. Они могли «ускользнуть» от дьявола, но очень извилистыми путями и искали опору в высшей разумной силе. Преподобный

¹²⁷⁸ Цит. по: Роке К.-А. Брейгель, или Мастерская сновидений. М., 2000. С. 55, 56.

¹²⁷⁹ Вспомним гигантского морского спрута с которым вел битву Жильят в романе Виктора Гюго «Труженики моря». Страшный кровосос, возвеличенный страхами моряков до размеров сатанинского существа, рыбы-дьявола или морского дьявола, он, по мнению моряков тех времен, был способен не только убить человека, но и потопить корабль. Продолжением легенд о чудовищных спрутах станет и роман Жюль Верна «Двадцать тысяч лье под водой.»

¹²⁸⁰ Иов 41:2–26.

¹²⁸¹ Цит. по: К 500-летию открытия Америки // Каталог выставки. СПб., 1993. С. 102.

Колмен не мог прийти в себя от праведного возмущения, видя, как отважно пираты «смеются над божьим громом». А ведь им легко увидеть Божьи «чудесные деяния... на море», и все-таки они «никогда не думают о Нем», а скорее всегда «бросают Ему вызов и поминают в брани».¹²⁸² Но если рассмотреть вопрос в несколько иной плоскости, то мы увидим, что этим морским бродягам во время ужасающих штормов и неистовых бурь, во время долгих штилей, вынужденных лишений и горестей оставалось уповать только на Бога, Деву Марию или святого покровителя.

«Труженики моря» были накоротке с многочисленными святыми, покровительствующими мореплаванию. «Никакое чудо не было распространено более, нежели вмешательство святого, которое успокаивает бурю или воскрешает потерпевшего кораблекрушение», — анализируя ментальность Средневековья, отметил Жак Ле Гофф.¹²⁸³ И далее привел характерный эпизод из «Золотой легенды» Якова Ворагинского, в котором покровитель мореплавателей св. Николай спас экипаж терпящего бедствие судна: «Однажды матросы, оказавшиеся в опасности, слезно взмолились: “Николай, слуга Господень! Если то, что говорят нам о тебе, правда, сделай так, чтобы мы это сейчас проверили на себе.” Тотчас же перед ними предстал некто в облике святого и сказал им: “Вы меня сейчас позвали — и вот он я!” И он принялся помогать им управляться с парусами, с канатами и другими корабельными снастями, и буря немедленно прекратилась.»¹²⁸⁴ Такого рода духовная связь приобретала подчас глубоко личностный характер, обрастая характерными ритуалами поклонения.

В их числе — так называемое вотивное приношение, приношение по обету (*ex voto*) в старинных морских церквах прибрежных городков. Сами церкви эти довольно необычны, все в них словно погружает нас в мир моря. Авторы подношений сумели привнести в свои произведения простые и искренние чувства. Их живопись подчас грубовата, им недостает вкуса, материалы использованы

¹²⁸² *Rediker M. Between the Devil and the Deep Blue Sea...* P. 177.

¹²⁸³ *Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада...* С. 130.

¹²⁸⁴ Там же.

самые простые, из тех, которые оказались под рукой, — деревянная доска, бумага или картон. Картины зачастую наивны и выполнены в лубочном стиле, а «кое-где, — по замечанию французского исследователя Мишеля Молла дю Журдена, — сцены кораблекрушения потеснили небесного заступника, не скрыв, однако, многозначительно устремленных друг к другу милосердной длани и взора молящегося».¹²⁸⁵ Но объяснение тому очень простое: авторы этих картин не были поэтами или художниками, они — счастливые спасшиеся жертвы кораблекрушений, вернувшиеся в этот мир благодаря покровительству своего святого. Те из них, кто обладал талантом, превратили свое случайное занятие в ремесло и начали выполнять заказы других моряков. Надо сказать, что они пользовались известностью: Боммелаэр из Дюнкерка, Гранден из Фекана, Адам из Онфлера, Пажо из Ле-Сабль-д'Олон, в особенности Леру из Марсея. В 1831 г., благодаря художнику Жану-Мари Жюжеле из Дьепа, морские приношения были выставлены в Салоне. В описях тысячами зарегистрированы эти типичные для данной среды знаки благодарности за милость, принесенные дарителями Деве Марии или какому-нибудь святому, считавшемуся заступником на море. И вдоль всего побережья Европы стоят подобные церкви, их насчитываются сотни. Среди них и храмы, посвященные традиционным покровителям мореплавателей (св. Николаю, св. Варваре, св. Анне, ап. Андрею), и храмы, воздвигнутые в память спасения от пиратов, — например, св. Маркульфа, разметавшего в 1558 г. пиратскую флотилию у побережья Франции, или св. Иллариона, остановившего в Средиземном море на полном ходу пиратский корабль, вознамерившийся атаковать беззащитных торговцев.¹²⁸⁶

Страх перед морской стихией и упование, надежда на заступничество своего святого покровителя, с одной стороны, невежественность и предрассудки плебейского социума, с другой, порождали сложный сплав. В этом смешении

¹²⁸⁵ *Mollat du Jourdin M.* Le Front de mer // Les Lieux de Mémoire / Sous la direction de Pierre Nora. T. III. Vol. I. Paris, 1992. P. 622, 623.

¹²⁸⁶ *Bassett F. S.* Sea Phantoms, or Legends and Superstitions of the Sea and of Sailors in All Lands and at All Times. London, 1885. P. 83.

психологических полутонов и ментальных оттенков рождались многочисленные суеверия, пронизывавшие повседневность людей моря.

Происхождение суеверий — вопрос, лишенный ясности, но в природе всех этих знаков, предзнаменований и примет можно увидеть определенные общие моменты. Так или иначе, но в основе их лежала боязнь неведомого, необъяснимого, а уж подобных тайн у моря было предостаточно. Взять хотя бы такое известное морякам всех народов явление, как огни святого Эльма, в которых видели и присутствие сверхъестественных сил, и магическое предвестие будущих событий. Нередко, и особенно перед грозой или ураганом, мореплаватели и рыбаки видели на реях и стеньгах бледно-голубые язычки пламени, напоминавшие «большой шар огня» или «маленькие светящиеся звезды». Это атмосферное явление, возникающее при большой напряженности электрического поля и появляющееся, например, на остроконечных высоких сооружениях, штыках винтовок, верхушках деревьев, громоотводах, гребнях волн, в те времена часто могло ассоциироваться с присутствием священномученика чудотворца Эразма, которого жители Средиземноморья называли святым Эльмом.¹²⁸⁷ Вместе с тем, идущее от античности суеверное толкование связывало эти «знаки» с покровительством братьев Диоскуров — Кастора и Полидевка.¹²⁸⁸ В свою очередь, португальская традиция приписывала появление «блуждающих огней» святому покровительству брата Педру Гонсалвеша де Тиу, канонизированного моряка, считавшегося защитником мореплавателей.¹²⁸⁹

Описание этого необычного явления, очень часто появлявшегося в атмосфере высокой влажности, сопровождаемой туманами, мы находим во многих дневниках путешественников, бортовых журналах, отчетах о плавании. «Во время... бурь, — писал Антонио Пигафетта, — нам не раз являлось светлое тело, т. е. св. Эльм, в пламени, а в одну очень темную ночь он показался на грот-мачте,

¹²⁸⁷ Молва приписывала появление огней и св. Николаю, и ап. Петру, и св. Гермину, и св. Варваре. См. подробнее: *Thompson E. K. The Tradition of St. Elmo's Fire // American Neptune. 1964. № 24.*

¹²⁸⁸ Братья Диоскуры считались спасителями терпящих кораблекрушение мореплавателей и обладали способностью посылать попутные ветры.

¹²⁸⁹ *Fournier G. Hydrographie contenant la théorie et la pratique de toutes les parties de la navigation. Paris, 1643. P. 412.*

пылая, точно ярко горящий факел, где и оставался в продолжение двух с лишним часов, принесся нам отраду, так как все мы проливали слезы. Когда этот благословенный свет погас, его последняя вспышка была столь яркой, что она поразила наше зрение, и все мы больше чем одну восьмую часа не могли видеть ничего и молили, чтобы сжалились над нами. Но как раз тогда, когда мы считали себя на краю гибели, море внезапно успокоилось.»¹²⁹⁰ Яркие огни появились на грот-мачте во время плавания Линсхотена из Гоа в 1588 г. Увидев их, главный боцман подал сигнал и приказал команде громко приветствовать появление этого благоприятного знака и салютовать ему.¹²⁹¹ Альфонс Жаль, со ссылкой на испанскую рукопись «Relacion del Viajem del Flote», хранящуюся в Парижской морской библиотеке, приводит свидетельство о появлении огней св. Эльма на следующий день после сильной бури.¹²⁹² Видел их и Камознс, оставивший такое описание:

Живой огонь я наблюдал воочью
(Его святым на море почитают),
В час непогоды средь кромешной ночи
По мачтам зыбко огоньки блуждают.¹²⁹³

Молва по-разному интерпретировала эти странные огни. Одни видели в них воплощение самого Христа. По мнению других, мимолетное появление вспышек было связано с незримым присутствием души умершего товарища, предупреждавшей о надвигающейся опасности. Огни на мачтах и реях рассматривались и как знак, предвещавший наступление хорошей погоды. «На нас налетел сильный шторм, — вспоминал Пигафетта. — С обращенными к Богу молитвами мы спустили все паруса, и тотчас же на трех мачтах появились тела святых (огни св. Эльма), которые рассеяли мрак. Св. Эльм держался на грот-

¹²⁹⁰ *Пигафетта А.* Путешествие Магеллана... С. 44.

¹²⁹¹ *Bassett F. S.* Sea Phantoms... P. 286.

¹²⁹² *Jal A.* Archéologie navale. T.I-II. Paris, 1840. T. I. P. 75.

¹²⁹³ *Камознс Л. де.* Сонеты. Лузнады.... С. 244.

мачте, пылая, точно факел, св. Николай — на верхушке бизань-мачты, а св. Клара — на фок-мачте. Мы обещали святым Эльму, Николаю и Кларе по невольнику и раздали милостыню».¹²⁹⁴

Однако нередко суеверия относили присутствие «блуждающих огней», одинокого светящегося пучка или шара к воздействию злых духов, предвещавших великие бедствия и невзгоды. «Моряки заметили, — записал мореплаватель, — что если метеоры, называемые Кастор и Полидевк, являются не вместе, происходит большое бедствие».¹²⁹⁵ Для моряков Померании огни тоже были недоброй приметой, и они ассоциировались с самим дьяволом, пустившимся в путешествие на зажженном бочонке дегтя. Подобные же тревожные предчувствия охватывали и шотландских моряков, встречавшихся с «морским огнем» в своих водах.¹²⁹⁶ В свою очередь и Никола Обен, автор знаменитого «Морского словаря» 1702 г., констатировал, что «разлетающиеся огни» — примета очень плохая, в ней моряки видят предзнаменование шторма.¹²⁹⁷ В 1670 г. доктор Джон Ковелл стал свидетелем паники, охватившей судно, экипаж которого увидел эти мистические огни. Людей «с огромным трудом удалось убедить, что перед ними не какие-то черти, или злые духи, или воплотившиеся тела колдунов».¹²⁹⁸ Свою версию имели французские моряки Средиземноморья. Их легенды гласили, что сатана соорудил трехмачтовое судно, используя для строительства дерево из своих земель. Разумеется, корабль сатаны издавал чудовищный запах серы и распространял вокруг себя на 10 лиг чуму. На этот корабль дьявол собирал души грешников, и когда он оказывался доволен добычей, то темной ночью в разогретом воздухе над всем морем разносился его страшный смех. Заслышав его раскаты, св. Эльм, раздосадованный триумфом дьявола, в ярости пронзал корпус судна, застигнув врасплох сатану, занимавшегося подсчетами своего воинства. Тот едва успевал

¹²⁹⁴ *Pugaфетта А.* Путешествие Магеллана... С. 96, 97.

¹²⁹⁵ *Rediker М.* Between the Devil and the Deep Blue Sea... P. 182.

¹²⁹⁶ *Bassett F. S.* Sea Phantoms... P. 318.

¹²⁹⁷ *Aubin N.* Dictionnaire de Marine, contenant les termes de la navigation et de l'architecture navale. Amsterdam, 1702. P. 92.

¹²⁹⁸ *Rediker М.* Between the Devil and the Deep Blue Sea... P. 181–182.

спастись вплавь, а святой, сделав себе дубинку из мачты и шейный платок из паруса с грот-мачты, праздновал триумф.¹²⁹⁹

Благоприятный характер предзнаменования зависел и от того места на судне, где были замечены вспышки. Если огни св. Эльма лежали на грот-мачте, можно было не бояться недобрых последствий; в случае же, если они «ложились на палубу» — наподобие «гигантского жука-светляка» — ничего хорошего для экипажа и судна это не предвещало, так как должны были задуть страшные ветры и начаться гибельный шторм.¹³⁰⁰

По правде говоря, огни св. Эльма — лишь один «цветок» из «букета» непостижимых явлений и страхов, подстерегающих моряка. Они всегда сопутствовали плаванию и, затаившись до поры до времени, вдруг являлись перед моряками, повергая их в суеверный ужас. Нависая над экипажем, легендарный «Капитан Смерть» принимал самые разные личины и заставлял порой наблюдать странные явления, которые, казалось, восстали из бездны на погибель несчастному экипажу. Эдвард Барлоу рассказывал о случае, происшедшем на одном судне. Моряки нашли на нем «черную кошку, которой раньше никто не видел, и ни один из членов экипажа не знал, откуда она взялась». Судно впоследствии погибло.¹³⁰¹

Послушаем Фрэнсиса Роджерса, описавшего одну странную историю, происшедшую на борту «Уильям Галли» в 1705 г. Около 9 часов вечера его неожиданно вызвал на палубу вахтенный, который, наблюдая за морем, вдруг заметил по правому борту приближающуюся шлюпку. «Сначала я ничего не увидел, — рассказывал Роджерс, — но вскоре достаточно отчетливо различил, что она рядом с нами. Я был до немалой степени ошарашен, не ожидая увидеть в центре океана столь крохотное суденышко». Пришедший капитан также был сбит с толку, так как по всем расчетам ни о какой суше поблизости и речи не могло идти. Шлюпка меж тем то шла параллельным курсом и временами была видна

¹²⁹⁹ Bassett F. S. *Sea Phantoms...* P. 318.

¹³⁰⁰ Ibid. P. 311.

¹³⁰¹ Barlow's *Journal...* P. 259.

очень отчетливо, на ней можно было разобрать фигуры гребцов, то вдруг словно растворялась. Так продолжалось около полутора часов, затем шлюпка пропала, и больше ее никто не видел. Главный помощник капитана предположил, что перед ними появлялась лодка Харона¹³⁰² — на борту корабля был больной, некто господин Несбит, скончавшийся на следующую ночь, и поэтому экипаж решил, что появление лодки предвещало его смерть.¹³⁰³

Все, связанное с умершими, считалось зловещим предзнаменованием. Моряков охватывала настоящая паника, если на их судне оказывалось тело умершего, скелет, конечность, гроб и вообще любой предмет, так или иначе ассоциируемый со смертью. Именно по этой причине в трудном положении на обратном пути из Египта в середине XVII в. оказался Буйе Ле Гу. Он рассказывал: «Среди моего багажа была рука сирены или рыбака... Капитан, увидев, что мы стоим на месте, спросил меня, нет ли среди моих вещей чего-нибудь наподобие мумий, которые мешают нашему плаванию». Испугавшись расправы в случае обнаружения «руки» и возвращения в Египет, куда, по поверью, следовало вернуть мумию, Буйе Ле Гу тайком выбросил «руку» в море, после чего благополучно добрался до берегов Франции.¹³⁰⁴

Несомненно, страх перед телом умершего был вполне объясним с точки зрения элементарной санитарной безопасности — разлагающееся тело могло стать источником распространения эпидемии. Но дело было не только в медицинской предосторожности. Вспомним многовековое корабельное предание, которое вложил в уста своего героя Герман Мелвилл. «Хитрый народ эти покойники, — рассуждал старик Траммингс, зашивая в парусину тело умершего матроса. — Думаешь, он невесть как глубоко нырнул, а стоит кораблю над ним

¹³⁰² Харон — в греческой мифологии перевозчик душ в царство мертвых. О вере моряков в Харона см.: *Bassett F. S. Sea Phantoms...* P. 437 – 439.

¹³⁰³ *Rediker M. Between the Devil and the Deep Blue Sea...* P. 182.

¹³⁰⁴ *Bassett F. S. Sea Phantoms...* P. 135. Уместно вспомнить в данной связи суеверный страх экипажа перед гробом Нельсона, который он получил в подарок после победы в Абукирском сражении. Гроб, изготовленный тайком от адмирала одним из его доверенных лиц, был выдолблен из сердцевины грот-мачты французского флагмана «Орьян», пущенного на дно во время боя. Поначалу адмирал, обрадованный подарком, держал его в своей каюте, однако вскоре, опасаясь недовольства команды, счел за лучшее убрать его в трюм, с глаз подальше (*Эджингтон Г. Адмирал Нельсон. История жизни и любви. М., 1992. С. 153*).

пройти, как они тут как тут, обратно являются. И номер их бачка уж над ними не числится, и ложку их товарищи давно назад на место воткнули, но все это... ничего не значит. Не умерли они, говорю тебе, не умерли, да и все. Вот ты меня слушай: десятка станových якорей не станет, чтобы такого вот марсового на дне удержать. Скоро он в хвосте тридцати девяти покойников ко мне приплетется, что мне каждую ночь аккурат перед сменою вахт спокойно спать не дают.»¹³⁰⁵ Как зловещий «аккомпанемент» ночных попок в трактирах звучали душераздирающие истории о покойниках, преследовавших свои корабли, и рассказы наподобие того, который был подслушан Вашингтоном Ирвингом, наполняли души суеверных матросов парализующим страхом. «Во время шторма на корабле умер боцман; покойника завернули, как полагается, в парусину, уложили в принадлежавший ему сундук и бросили за борт, но в суете и спешке забыли прочитать над ним подобающие молитвы — и вот буря разбушевалась еще сильнее, и они увидели мертвого боцмана, который, сидя на своем сундуке, плыл у них за кормой, поставив вместо паруса саван; огненные языки волн вздымались перед ним, точно пламя, и корабль удирал от него день за днем, ночь за ночью, и каждый миг они ожидали гибели судна, каждую ночь видели мертвого боцмана на его сундуке; он стремился настигнуть их, и среди завываний ветра они слышали его свист; казалось, что это он насылает на них огромные волны, высотой в целую гору, и эти волны неминуемо захлестнули бы судно, если бы они не задраили наглухо люков и палубных иллюминаторов; так продолжалось, пока они не потеряли его из виду в туманах близ Ньюфаундленда».¹³⁰⁶

Страх перед привидениями, идущими вслед за кораблем, будоражил огрубелое сознание моряков и заставлял сжиматься их сердца, однако им далеко не всегда удавалось избежать похорон в открытом море. Не обошел скорбный ритуал и знаменитого «морского волка» Елизаветы I, Фрэнсиса Дрейка. Смерть подстерегла его 28 января 1596 г. в карибских водах, неподалеку от Портобелло,

¹³⁰⁵ Мелвилл Г. Белый бушлат. С. 276, 277.

¹³⁰⁶ Ирвинг В. Пронсшествие с черным рыбаком // Ирвинг В. Кладонскатели. СПб., 2000. С. 364.

где и начался его головокружительный взлет к вершинам морского разбоя. Он умер от дизентерии и лихорадки и под гром салюта в свинцовом гробу, обшитом златотканой парчой, с привязанными к нему серебряными ядрами отправился «в последнее плавание». Ту же участь выбрал себе пиратский командир Бартоломью Робертс. Во время своего последнего боя знаменитый пират, не желая, чтобы тело его было повешено на виселице на потеху толпе, наказал своим товарищам, чтобы в случае его смерти они немедленно погрузили его останки в морскую бездну. Они так и поступили, после того как картечный залп вышиб дух из их бравого командира. Затем пираты еще около трех часов дрались против английского фрегата, пока, наконец, не были взяты, а потом повешены.¹³⁰⁷ Однако если в момент смерти поблизости оказывалась земля, вместо привычных похорон в море тело умершего перевозилось на берег, где и совершалось погребение. Один из таких эпизодов упоминал, в частности, Уильям Дампир. Он рассказывал, что в момент смерти капитана Кука невдалеке показалась земля. «Спустя четыре часа мы вошли в гавань... Капитан Кук был свезен на берег для погребения, двенадцать человек взяли с собой оружие, чтобы охранять роющих могилу.»¹³⁰⁸

Добавим, что приход смерти был привычным делом на корабле, и морские бродяги воспринимали ее как вполне будничное происшествие. Но нередко причиной смерти становились чрезвычайные обстоятельства, когда роль «капитана Смерть» брал в свои руки очередной командир-деспот (широко распространенная фигура морского мира), обладавший во время плавания поистине неограниченной властью. Так, например, капитан Райс Харрис, избив до беспамьятства матроса, приказал «защитить его тело в старый брезент, перенести в спасательную шлюпку, которую затем отвести на приличное расстояние от судна и сбросить тело за борт» без отпевания. Другой капитан, Джон Шефферд, забил до смерти матроса Роберта Мейджора и, пытаясь скрыть следы побоев от команды, также отдал приказ незамедлительно защитить тело умершего в парусину.¹³⁰⁹ Не от

¹³⁰⁷ *Captain Charles Johnson. A General History of the Pyrates... P.251, 252.*

¹³⁰⁸ *Dampier W. A New Voyage Round the World... P. 84.*

¹³⁰⁹ *Rediker M. Between the Devil and the Deep Blue Sea... P. 194.*

этих ли «монстров» в человеческом облике родился образ капитана, заключившего контракт с нечистой силой и заложившего свою душу дьяволу? Как узнать его? Разве что присмотреться, отбрасывают ли они тень на солнце, да обратиться к бывалым морским волкам, знающим все секреты плаваний.

Со смертью моряки связывали и присутствие на кораблях прорицателей, способных «разглядеть» будущее членов экипажа. Мелвилл в «Ому» рассказал об одном из таких чародеев, пользующихся непререкаемым авторитетом среди команды. Как правило, они были парусными мастерами и часто выполняли на корабле роль могильщиков: шили мешок для трупа и, зашивая тело в парусину, делали последний стежок, прокалывая иглой язык умершего. По мнению Мелвилла, эти люди, обладавшие даром магнетизма, «казались сделанными специально для того, чтобы производить такое впечатление». «Теперь один из этих морских прорицателей был у нас на борту,— писал он, — пожилой моряк с льняными волосами, который постоянно ходил в грубой самодельной шапке из тюленьей шкуры... Ночью, когда было погребение, он положил свою руку на старую подкову, что была прибита как талисман на фок-мачте, и сказал торжественно, что менее чем через три недели от нашего экипажа останется на борту не более четверти».¹³¹⁰

Особый колорит придавали жизни людей моря разнообразные символы, без которых невозможно представить это сообщество. Заметим, правда, сначала, что уже сам факт нанесения татуировки в те времена был вызовом нравственным ценностям христианского общества и словно акцентировал «отверженность» моряцкого социума. «Не делайте нарезов на теле вашем и не накалывайте на себе письмен», — гласила Библия.¹³¹¹ И знак на теле служил своего рода меткой безбожия или преступления. Морские знаки, символы, таинственные письмена, буквы — изощренная фантазия подсказывала тысячи и тысячи различных вариаций. На портовых улочках Старого и Нового Света, Ост-Индии моряки

¹³¹⁰ Цит. по: Ханке Х. На семи морях... С. 230, 231.

¹³¹¹ Лев. 19:28. См. также: Втор. 14:1.

могли найти специальные «салоны», где мастера наносили татуировки, позволявшие их владельцам не только красоваться перед другими членами команды, но и... скрываться от правосудия. Дело в том, что татуировка, признак принадлежности к морской касте, помимо эстетического и психологического смысла имела дополнительную функцию: с ее помощью разбойники скрывали вечные, несмываемые следы правосудия — «стигмат позора» (по определению кардинала Ришелье), клеймо. Наносимые раскаленным железом лилии и короны стереть и уничтожить было невозможно — и тогда преступники вытравливали их или прятали среди множества татуировок и рисунков (черепа, скелеты с косами, сабли, ножи, кресты, монограммы Христа, изображения Мадонны), наносимых на плечи и предплечья.

Надежду на фортуна, богатую добычу, счастливое плавание и удачу в бою любой разбойник, не слишком образованный суеверный человек, связывал также с наличием амулетов, всякого рода талисманов и с отправлением магических культов. Известно испытание — своеобразный обряд посвящения, инициации, — которое Тич Черная Борода проводил для новых членов команды. Их помещали в тесное помещение (как правило, в трюм) и окуривали серой, выясняя по тому времени, которое матрос мог выдержать, сколь «силен» новоприбывший.¹³¹² Можно вспомнить и чарующее действие «лунных заточек» («заточки» холодного оружия о лунный свет), происходившее обычно накануне военных походов. Одурманенные наркотическими зельями (чаще всего использовался «пейотль» — наркотическое вещество, получаемое из кактуса) разбойники с обнаженными клинками собирались в круг и ждали восхода луны; когда свет падал на оружие, они наносили друг другу легкие раны и не стирали кровь с лезвия. Широко распространены были и запреты, основанные на суеверных представлениях, — плевать за борт во время плавания, сбривать или подстригать волосы во время

¹³¹² *Captain Charles Johnson. A General History of the Pyrates... P. 85.*

похода, брать еду и питье левой рукой. В том же ряду стоят и амулеты, нераздельно связанные с морским разбойным промыслом.¹³¹³

Все перечисленные приметы, знаки, символы акцентируют ключевую идею, пронизывавшую морское бытие. Ни один из вышедших в море ни на секунду не забывал о возможной кончине, подстерегавшей в водной стихии, где все вокруг напоминало о смерти. Окруженные бездонной пучиной, моряки словно переживали, по словам Гастона Башляра, «запой смертью».¹³¹⁴ Связь воды и смерти воплощена в мифологии и «грезах» многих народов о последнем плавании в мир усопших. Архаичную форму похорон трудно представить без церемоний, связанных с отплытием на углой лодке в мир иной через реку, переносящую душу в мир теней. И в сравнении с земным мироощущением, для которого ладья перевозчика душ становилась первым этапом последнего пути, для моряка смерть и обитель ее — торжественные и бездонные воды — всегда были рядом, под бортом. Мистическое воспоминание моряка Роджерса о Хароне, забравшем душу его морского собрата, как бы оно ни выбивалось из христианских представлений, на бессознательном уровне разделяли многие уходившие в плавание люди. Обнажались забытые пласты античной религиозности, Харон с его лодкой, которая «переплывала через века страданий», оказывался в одном ряду с христианским культом. «Лодка Харона, — пишет Сентин, — еще служила, когда сам он, из-за фанатизма первохристианства, исчез. Погодите! Он еще вернется. Где же? Повсюду... В самом начале существования Галльской Церкви, в аббатстве Сен-Дени, на могиле Дагобера изобразили этого короля или, скорее, его душу, переправляющуюся через Коцит¹³¹⁵ в традиционной лодке; в конце XIII в. Данте восстановил древнего Харона в должности паромщика “Ада”. После него, в той же самой Италии, более того, в самом католическом из всех городов мира, и даже

¹³¹³ См. Приложение.

¹³¹⁴ Башляр Г. Вода и грезы. М., 1998. С. 88.

¹³¹⁵ Коцит — река подземного царства, Анда.

работая под наблюдением папы, Микеланджело... изобразил его на фреске Страшного суда вместе с Богом-Отцом, Христом, Девой Марией и святыми».¹³¹⁶

Не менее странный мистический характер носили театрализованные ритуалы крещения, принятые при проходе экватора, опасных рифов, тропика Рака, тропика Козерога, Гибралтарского пролива и других, примечательных в навигационном отношении мест¹³¹⁷. Уже сама по себе аналогия с христианским крещением, обращение к языческому богу морей Нептуну, очеловечивание корабля выглядели достаточно двусмысленно в глазах правоверных. Подчас, правда, сами служители церкви относились к ритуалам крещения в море достаточно спокойно, воспринимая их как нечто, само собой разумеющееся. Аббат дю Тертр, например, подчеркивал, что этот обычай «столь же древний, сколь смешной и забавный».¹³¹⁸ Он, полагал французский миссионер, действительно, в чем-то схож с христианским обрядом. Ведь первые мореплаватели, достигшие «засушливых пустынных мест, где никто не жил, видели себя входящими в другой мир и совершали некое подобие крещения».¹³¹⁹ Жан-Батист де Лаба в свою очередь полагал, что дело здесь в другом. Всю процедуру выдумали корабельные лоцманы, которые хотели раздобыть себе какое-нибудь вознаграждение. «Ныне, впрочем, когда этот обряд — дело обыкновенное, нужно его проходить, не противясь и не доискиваясь причин. Так вернее!»¹³²⁰ Оба священника так и сделали — они не сопротивлялись и с ними

¹³¹⁶ Цит. по: *Башляр Г.* Вода и грезы... С. 118. В свою очередь, Башляр привел собственные наблюдения, отметив, что «у нас в деревнях Шампани, сколь бы мало ни были склонны их жители к грезам, все-таки можно найти следы старого перевозчика. В некоторых деревнях соблюдается нецерковный обычай уплаты обола. Накануне похорон один из родственников усопшего ходит по всем семьям, собирая «су мертвых»» (Там же).

¹³¹⁷ См. подробнее: *Lydenberg H. M.* Crossing the Line: Tales of Ceremony During Four Centuries. New York, 1957; *Hemmigsen H.* Crossing the Equator: Sailors' Baptism and Other Initiation Rites. Copenhagen, 1961; *Gluckman M.* Les rites de passages // Essays on the Ritual of Social Relations / Ed. by Max Gluckman. Manchester, 1962; *Brain J. L.* Homage to Neptune: Shipboard Initiation Rites // Proceedings of the American Philosophical Society. 1981. Vol. 125. № 2; *Linon-Chipon S.* Le passage de la ligne ou le carnaval de la mer, Lullier (1705) et Leguat (1707) // Dix-Huitième siècle. 1990. № 22; *Linon-Chipon S.* Gallia Orientalis. Voyages aux Indes Orientales (1529–1722). Poétique et imaginaire d'un genre littéraire en formation. Paris, 2003. P. 259–274.

¹³¹⁸ *Tertre J.-B. du.* Histoire générale des isles des Christophe, de la Guadeloupe, de la Martinique et autres dans l'Amérique. Paris, 1654. P. 79.

¹³¹⁹ Ibid. P. 81, 82.

¹³²⁰ *Labat J.-B. de.* Nouveau voyage aux Isles de l'Amérique. T. I. La Haye, 1724. P. 13.

обошлись «с бóльшей учтивостью, чем можно было бы ожидать от морской братии».¹³²¹

У обоих миссионеров были основания для беспокойства — неизвестно, чем могла закончиться для них эта «вакханалия». «Все офицеры корабля, — рассказывал дю Тертр — одеваются как можно смешнее и потешнее. Большинство вооружаются трезубцами, гарпунами и другими морскими орудиями. Некоторые берутся за сковородки, вертела, котлы, жаровни и прочую кухонную утварь. Они обмазывают лица черной сажей, которую соскребают со дна кастрюль и выглядят столь отвратительно и уродливо, что их можно было бы принять за настоящих демонов. Лоцман выстраивает их в ряд и идет на испытание, держа в одной руке небольшую морскую карту, а в другой астроябию или посох святого Якова, которые являются знаками его профессии. Тем временем барабаны и трубы весело стучат и звенят. Вся шутовская кампания дрожит от радости и готовится к окунанию. Маскарадная процессия совершает два или три круга, после чего лоцман занимает место на юте».¹³²² Прежде чем приступить к «омовению» слуги Нептуна требуют подарков или, как они это называли, «подношения в пользу бедных»: вина, бычьих языков, окороков или других съестных припасов. Дю Тертру повезло — ему всего лишь вылили на голову стакан воды. А вот другим пассажирам, в том числе и женщинам, пришлось туго: их окунали по два-четыре раза в огромную «купель», наполненную морской водой, и довольно долго держали в ней. «Когда их оттуда вытаскивали, им на головы обрушивалось такое количество воды, что и полчаса спустя они не могли придти в себя».¹³²³

Лаба тоже пришлось поволноваться. Вместе с другими новичками его посадили перед огромным чаном морской воды, на края которого опирались железные вилы. По другую сторону «купели» на троне, покрытом овечьими шкурами, восседал Нептун. Его роль исполнял лоцман с большим деревянным мечом и морской картой. Вокруг него стояла свита, а рядом расположились

¹³²¹ *Tertre J.-B. du. Histoire générale des isles des Christophe...* P. 80.

¹³²² *Ibid.* P. 79, 80.

¹³²³ *Ibid.* P. 80.

офицеры и секретарь, записывающий в реестр полученные от жертв подарки. «Меня усадили на вилы, повелели положить руку на морскую карту ... и заставили пообещать, что я буду подвергать этой церемонии всех, кто в другой раз будет со мной пересекать тропик Рака. Когда я дал это обещание, лоцман степенно поднялся и спросил у моего крестного (капитан корабля Лероньер — Д. К.), какое имя он хочет мне дать. Я получил имя Проповедник... Затем лоцман приблизился ко мне, зачерпнул воды в серебряной чашке и окропил мне лоб кончиками пальцев, после чего, снова воссев на троне, спросил меня, что я подарю честной кампании. Я дал три эку за моего спутника и за себя, а также добавил бочонок, вмещавший около 12 пинт водки, которым я разжился в Ла-Рошели на этот случай».

Как и дю Тертр Лаба легко отделался. По-видимому, кампания Нептуна берегла силы для других жертв. Первой стал некий Писатель, как его называл Лаба. Бедняка был страшно перепуган и чувствовал, что дело может кончиться хорошим купанием. Его усадили на вилы и дали имя — Бычья Гора — «это гора на Мартинике, на которую он походил своей толщиной и звериной физиономией», — пояснил Лаба. Затем к нему подошел лоцман, но вместо того, чтобы окропить его из чашки, плеснул водой в лицо. Писатель от неожиданности отдернул руку, которой держался за вилы, и матросы выдернули их из-под него и столкнули в чан. Он полностью ушел под воду, а со всех сторон, словно черти, набежали матросы с ведрами, полными водой, и окатывали Писателя минут пятнадцать. Если бы он «не пообещал отдать четыре бутылки водки, его, наверное, крестили бы до самой Мартиники, потому что все его не любили, и никто не удосужился бы просить для него пощады». Такому же тяжелому крещению подвергся главный хирург, получивший имя Ощипанная Гора (это имя, по словам Лаба, очень подходило к его голове и украшавшему ее жуткому парикку), баталер и главный приказчик, прятавшийся в трюме.¹³²⁴

¹³²⁴ *Labat J.-B. de. Nouveau voyage... P. 13, 14.*

Первое известие о ритуале крещения в море относится к 1569 г. и связано с именами французских корсаров, братьев Жана и Рауля Пармантье, в обход португальской монополии совершавших плавание к Островам пряностей и умерших от тифа на Суматре. Эксквемелин, которому не раз приходилось видеть эту процедуру, описал обряд крещения, сопровождавший прохождение опасных рифов в районе мыса Ра-де-Фонтено на 48° 10' северной широты: «Главный боцман облачился в длинный балахон, надел шляпу забавного вида и взял в правую руку деревянный меч, а в левую — горшок с колесной мазью. Его лицо было вымазано сажей. Он нацепил на себя ожерелье из деревянных гвоздей и прочих корабельных мелочей. Все, кого судьба ни заносила в эти края, становились перед ним на колени, и он крестил им лбы, ударяя при этом по шее деревянным мечом, а подручные боцмана обливали их водой. Сверх этого каждый “крещеный” должен был отнести к грот-мачте бутылку вина и водки. Впрочем, у кого вина не было, того и не просили об этом. На тех кораблях, которые еще сами не бывали в этих местах, брали вино и с их командиров; все это сносили к мачте и делили.»¹³²⁵ Эксквемелин также привел рассказ об обряде крещения у голландцев, совершаемом недалеко от берегов Португалии: «У них принявшие крещение, словно преступники, трижды прыгали в воду с самой высокой реи, а некоторым, по особой милости, разрешалось прыгать с кормы. Но истинным геройством считался четвертый прыжок — в честь Его Высочества¹³²⁶ или капитана. Того, кто прыгал первым, поздравляли пушечным выстрелом и поднятием флага. Кто не желал лезть в воду, платил по голландским правилам двенадцать стюйверов¹³²⁷, а офицеры — половину рейксталдера¹³²⁸. Пассажиры же платили столько, сколько с них потребуется. Со шкиперов кораблей, еще не бывавших в этих водах, брали большую бочку вина; если они противились, в отместку отсекали фигуру на носу корабля, и шкипер или капитан не имели права воспрепятствовать этому. Все

¹³²⁵ Эксквемелин А. О. Пираты Америки / Пер. с голланд. и комм. Б. Аронова. Ред. и предисл. Я. М. Света. М., 1968. С. 22. (Далее: *Эксквемелин*.)

¹³²⁶ То есть в честь принца Оранского.

¹³²⁷ Стюйвер — мелкая голландская монета.

¹³²⁸ Рейксталдер — голландская монета наподобие германского имперского талера.

полученное передавалось главному боцману, который хранил трофеи до захода в гавань, а там на вырученные деньги покупали вино и делили со всеми находившимися на корабле без исключения». ¹³²⁹ Английский вариант морского крещения обстоятельно изложил Фрэнсис Роджерс. «Пятеро из наших людей, не пожелавшие заплатить бутылку бренди и фунт табака, должны были подвергнуться погружению, согласно обычаю, поскольку они впервые пересекали экватор. Крещение происходило в следующем порядке: берется блок, ¹³³⁰ который прочно крепится к ноку ¹³³¹ грота-рея, ¹³³² через который продевают длинную снасть, один конец которой спускают на квартал-дек, ¹³³³ а другой — в воду; к концу, опущенному в воду, прочно прикрепляют деревянный брус около фута длиной и в половину банки, ¹³³⁴ на нем верхом сидит человек, крепко держась руками за снасть в момент, когда она поднимается вверх, обвивая его кольцом. Когда все готово, люди, стоящие на квартал-деке, поднимают его к самой рее и тотчас отпускают. Затем под тяжестью собственного тела он летит вниз и погружается в воду на глубину всего корабельного кия; ¹³³⁵ затем они бросают его опять так быстро, как могут, и проделывают это три раза, после чего он свободен и может обмыть свое посвящение». ¹³³⁶

Харон, братья Диоскуры, обряд крещения в море — святотатственные образы и ритуалы в глазах правоверного христианина, служили неотъемлемыми спутниками моряка и были частью его сознания. И, разумеется, одно из центральных мест в мифологии моря занимает классический образ блуждающего по волнам корабля-призрака, бесчисленное множество раз встречаемый в фольклоре и литературных произведениях. Корабль мертвых — одна из самых

¹³²⁹ *Экскавемелли*. С. 22, 23.

¹³³⁰ Блок — цельный деревянный корпус, внутри которого на шалнере вставлено плоское колесо (шкнив), вращающееся вокруг своей оси. На Британском флоте употреблялось до 200 вариантов блоков, различных по величине и форме.

¹³³¹ Нок — внешний край любого рангоута, в том числе рея.

¹³³² Рей — рангоут, подвешенный на мачтах и служащий для крепления парусов. Грота-рей — самый большой рей, находящийся на грот-мачте, к которому присоединяется самый большой парус.

¹³³³ Квартал-дек (шканцы) — палуба в кормовой части корабля над верхней палубой.

¹³³⁴ Банка — скамья для гребцов на шлюпке.

¹³³⁵ Киль — основная продольная днищевая балка набора корпуса судна.

¹³³⁶ Цит. по: *Rediker M. Between the Devil...* P. 187. См. также описание у Вудса Роджерса (*Rogers W. A Cruising Voyage Round the World*. London, 1718. P. 23–24).

завораживающих и зловещих легенд моря. Дальний его предшественник — библейский Ноев ковчег. Правда, ковчег в Библии — это островок жизни посреди разъяренной стихии. Патриарх Ной, укрыв от смертоносных волн «от всякой плоти по паре», создал своего рода микрокосм, прообраз будущей возрожденной земли. Корабль-призрак в таком аллегорическом смысле — явный антипод Ноева ковчега, ибо во всех своих ипостасях он выступает символом и прибежищем смерти. Историям об этом блуждающем по морю корабле, вернувшемся в море из преисподней после крушения вместе с погибшим экипажем, несть числа, и еще в римскую эпоху побережья Европы замирали от страха при рассказах о жутком судне. Моряки же воспринимали легенду в качестве предупреждения и с опаской садились на незнакомый корабль, ибо, кто его знает, все незнакомые (читай — таинственные) корабли «причастны к кораблю мертвецов».¹³³⁷ Известный византийский историк Прокопий Кесарийский включил в свою «Готскую войну» рассказ об одной разновидности такого призрачного судна. «На берегу океана, обращенному к острову Бриттии (Британии. — Д. К.), находится много деревень. В них живут люди, занимающиеся рыбной ловлей... Они все подчинены франкам, но никогда не платили им никакой дани, издревле освобожденные от этой тяготы, как говорят, за некую услугу, о которой я сейчас расскажу. Местные жители говорят, что на них возложена обязанность по очереди перевозить души умерших. Те, кому обычно в наступающую ночь по порядку предстоит идти в наряд, как только начинает смеркаться, уйдя к себе домой, ложатся спать, ожидая того, кто позовет их на работу. Глубокой ночью они слышат стук в двери и чей-то глухой голос зовет их на эту работу. Они без всякого промедления поднимаются с ложа и идут на берег, не соображая, какая сила толкает их так действовать, но тем не менее ощущая необходимость так делать. Там они видят уже готовые корабли, но совершенно без людей, при этом корабли не их, а совершенно другие. Взойдя на них, они берутся за весла и чувствуют, как эти корабли перегружены массой взошедших на них, так что они осели в воду до края палубы и до самых уключин,

¹³³⁷ Башиляр Г. Вода и грезы... С. 116.

поднимаясь над водой на какой-нибудь палец; видеть же они никого не видят. Таким образом они гребут целый час и пристают к Бриттии. Когда же они плывут на своих кораблях, тоже без парусов, на одних веслах, они с трудом за сутки совершают этот переезд».¹³³⁸ В скандинавских мифах корабль мертвецов «Нагльфар», несущий гибель богам, сделан из ногтей покойников, а управляет им вышедший из Царства мертвых исполин Локи. Но, наверное, наиболее яркое и романтическое воплощение вечного морского скитальца в европейской культуре — знаменитый «Летучий Голландец». В XIX в. легенда о блуждающем корабле достигла высоты творческого переосмысления в произведениях Генриха Гейне¹³³⁹ и Рихарда Вагнера,¹³⁴⁰ создавших на основе многих преданий и мифов художественный образ «Летучего Голландца».¹³⁴¹ В центре легенды — голландский сумасброд Ван Страатен, всеми силами пытающийся обогнуть страшный и шквалистый мыс Горн, воды вокруг которого издревле считались заколдованными.¹³⁴² Когда очередная попытка вконец обезумевшего капитана не удалась, в неистовом приступе ярости он прорычал страшное проклятие и поклялся одолеть окаянное место, пусть даже его схватка со штормом продлится до Страшного суда. В тот же миг корабль его опрокинулся и пошел на дно,.. чтобы

¹³³⁸ *Прокотий Кесарийский*. Война с готами / Пер. с греч. С. П. Кондратьева. Вступ. ст. З. В. Удальцовой. Отв. ред. Е. А. Косминский. М., 1950. С. 443, 444.

¹³³⁹ См. его «Послание Ван дер Декена домой» и «Из записок Шнапельвопского».

¹³⁴⁰ Автор знаменитой оперы «Летучий голландец» (преьера состоялась в 1843 г.), принесшей ему всемирный успех и открывшей «вагнеровскую эпоху» в истории европейской классической музыки.

¹³⁴¹ Из наиболее известных произведений, в которых живет легенда о «Летучем голландце»: «Рокеби» Вальтера Скотта (1812 г.), «История о корабле призраков» Вильгельма Гауфа (1830 г.), «Рукопись, найденная в бутылке» Эдгара Алана По (1833 г.), «Призрачный корабль» Фредерика Марриэста (1839 г.), «Сказки придорожного кабачка» Генри Водсворта Лонгфелло (1863 г.), роман «Летучий голландец» Альберта Эмиля Брахфогеля (1871 г.), «Голландский корабль» Кларка Рассела (1888 г.), «Баллада семи морей» Редьярда Киплинга.

¹³⁴² Среди моряков, послуживших, по мнению исследователей, прототипом «Летучего Голландца», называют португальца Бартоломеу Диаша, хотя в его истории фигурирует другой мыс Атлантики. Во время плавания 1488 г. он, несмотря на бунт команды, сумел впервые обогнуть мыс Доброй Надежды, названный им Кабо Торментозо (мыс Бурь). Спустя два года, в 1500 г., во время экспедиции Педру Альвареша Кабрала, в которой он служил младшим флагманом, мореплавателем с четырьмя кораблями пропал без вести именно в этих широтах. Можно вспомнить также легенды о голландце Фалькенбуре, убившем своего брата и его невесту, и обреченном за это преступление вечно скитаться по морям. Или британского моряка Бернарда Фокка, наказанного дьяволом за сделанные им невероятные технологические усовершенствования в конструкции судов (увеличение площади парусов и укрепление корабельных мачт и рей железом), позволявшие совершать быстрые переходы из Англии в Индию. Голландцы вспоминали и предание о Ван дер Декене, безбожнике, подобном Ван Страатену, во что бы то ни стало стремившемся преодолеть «проклятый» мыс и швырявшем за борт моряков из экипажа, осмеливавшихся помешать ему. Но это уже, конечно, не прототип легендарного персонажа, а его последователь. См. подробнее: *Скрягин Л. И.* Тайна «Летучего голландца» // Бригантна. М., 1970.

восстать из мрачной тьмы преисподней на горе встретившим его в море. Теперь он стал вестником беды для тех, кто встречался с ним в море. Капитан подходил на шлюпке к борту корабля и передавал матросам письма, адресованные давно умершим людям. Тех же, кто рискнет прочесть эти письма, вместо того чтобы сразу прибить их к грот-мачте и произнести спасительные строки из Библии, ждет гибель...

Творческая фантазия порождает самые невероятные описания морского скитальца. Вспомним образ фантастического корабля в полном удивительных морских образов рассказе Эдгара Алана По «Рукопись, найденная в бутылке». Гигантского размера тускло-черный трухлявый корабль построен из какого-то неведомого материала и живет в неподвластном человеку измерении. Его ведут, или, скорее, к нему «привязаны» древние седые старцы, словно «призраки погребенных столетий», взад и вперед скользящие по нему — среди давно забытых морских карт, диковинных фолиантов и покрытых патиной астолябии и компаса. Со временем корабль-призрак все увеличивается в размере, заставляя автора «рукописи» вспоминать провидческие слова старого морехода-голландца, отвечавшего на все сомнения в правдивости его рассказов одной лишь фразой: «Это так же верно, как то, что есть на свете море, где даже судно растет подобно живому телу моряка».¹³⁴³ Волны в нем, словно «погребальная вода», вокруг корабля свирепствует буря, но нет «обычных вспененных бурунов,.. царит только ужас, непроницаемый мрак и вихрящаяся черная пустота».¹³⁴⁴ Когда человек погружен в этот мир, им овладевает «новое чувство,.. ощущение, не поддающееся анализу, ибо для него нет объяснений в уроках былого».¹³⁴⁵ И в душащем моряка кошмаре «то и дело проносятся какие-то знакомые образы, и вместе с этой смутной тенью воспоминаний в памяти безотчетно всплывают древние иноземные хроники и века давно минувшие».¹³⁴⁶

¹³⁴³ По Э. А. Рукопись, найденная в бутылке // По Э. А. Рассказы. М., 1980. С. 30.

¹³⁴⁴ Там же. С. 27.

¹³⁴⁵ Там же. С. 29.

¹³⁴⁶ Там же. С. 30.

Человек, сталкиваясь с этой фантазмагорией, переживал ни на что не похожее ощущение ужаса. В корабле-призраке начинали видеть предупреждение: грядет спасительный пожар, который очистит мир от всякого зла и скверны. Отражение подобных настроений — сатирическая поэма «Корабль дураков», написанная Себастианом Брантом на исходе XV в. В те времена по Рейну ходил странный корабль, перевозивший не обычных пассажиров, а полоумных и помешанных. Брант описал, как многолюдная толпа обряженных в высоченные шутовские колпаки дураков плывет в страну глупости. Все они олицетворяют разные людские пороки, а командует ими непроходимый тупица, выдающий себя за эрудита. Бессмысленно это путешествие, тщетны надежды на то, что когда-нибудь в мире воцарится справедливость. Аллегория Бранта предрекает приближение эры антихриста и наступление апокалипсиса. Кисть Иеронима Босха, другого великого провидца, воплотила эту легенду в живописи. Его «Корабль дураков» — такая же вакханалия людской глупости. В каких океанских просторах отыщут они свое спасение и избавление от страха, да и отыщут ли?

Однако корабельным пространством владели не одни только мистические грезы и страх неведомого. Видения и ужас, переполнявшие души моряков, рождались из сурового реального мира, окружавшего их, — это ощущается, лишь только мы прикоснемся к миру корабельной повседневности.

В тисках корабельной повседневности

Начнем изучение этого вопроса, обратившись к анализу моряцкого гардероба. Одежд как таковых у моряка было немного. Плотный матросский китель, фланелевая куртка, рубашка, просмоленные полотняные короткие штаны до колен, шерстяные носки, чулки, шейный коленкорový платок, грубые башмаки — повседневный неизменный набор. Менялись разве что использованные материалы, в зависимости от климата и места назначения плавания. Когда мореплаватели заходили в северные широты, то, конечно, одеваться приходилось потеплее, и моряцкие «наряды» пополнялись теплыми

«обновами». На вес золота ценился *bolckvanger* — подобие мешкообразной куртки, нечто среднее между укороченным саваном, балахоном или пончо, с прорезями для головы и рук. Эту практичную одежду, возможно, прообраз позднейшего морского колета, могли изготавливать, например, из тюленьих или лосиных шкур. Обычные сапоги в морозы не спасали: они дубели и в них было не ступить и шагу. Выручали огромные грубые башмаки, отделанные овчиной. Их мастерили такими просторными, что они позволяли надеть три-четыре пары носков из грубой шерсти. Моряки любили охотиться на песцов, чтобы затем оборачивать голову их цельными шкурками. меховые накладки иногда шли и на башмаки. Особым НЗ были прихваченные про запас рулоны теплой шерстяной материи: из нее выходили отличные рубашки. Это белье, подобие современных тельняшек, самодеятельные портные шили тут же, на корабле.

Список вещей, принадлежавших вожакам, выглядел, разумеется, побогаче. Вспомним, как Стивенсон описывал рундук пиратского громила Билли Бонса, сделавшийся неотъемлемым элементом пиратской мифологии. «На нас пахнуло крепким запахом табака и дегтя. Прежде всего мы увидели новый, старательно выутюженный костюм... Подняв костюм, мы нашли кучу самых разнообразных предметов: квадрант, оловянную кружку, несколько кусков табаку, две пары изящных пистолетов, слиток серебра, старинные испанские часы, несколько безделушек, не слишком ценных, но преимущественно заграничного производства, пару компасов в медной оправе и пять или шесть раковин из Вест-Индии... На самом дне лежал старый морской плащ, побелевший от соленой воды, а под ним мы увидели последние вещи, лежавшие в сундуке: завернутый в клеенку пакет, вроде пачки бумаг, и холщовый мешок, в котором, судя по звону, было золото.»¹³⁴⁷ Но Стивенсон описывает рундук вымышленного пиратского главаря. А если заглянуть в документы и порыться в сундуке, владельцем которого был настоящий, невыдуманный, состоятельный морской волк?

¹³⁴⁷ Стивенсон Р. Л. Остров сокровищ // Стивенсон Р. Л. Собрание сочинений. Т. 2. М., 1981. С. 4.

В завещании умершего в плавании (1526 г.) капитан-генерала Эль-Кано указаны атласные колеты, подбитые серебряной парчой, плащи из тонкого валенсийского сукна, отделанные золотым галуном штаны, девятнадцать рубашек и так далее, всего сорок пунктов.¹³⁴⁸ А вот, например, что оказалось в сундуках служившего на русском флоте потомка горного шотландского клана контр-адмирала Томаса Маккензи (он же — Фома Фомич Маккензи), скончавшегося в 1786 г. в Одессе.¹³⁴⁹ Адмирал Маккензи был человеком состоятельным, хоть и оставил после себя неоплаченные счета и долговые расписки, на основании которых кредиторы потребовали от руководства Черноморского флота возместить им убытки. Его пожитки были собраны в многочисленных ореховых шкафах, книжных ящиках, кожаных чемоданах. Но настоящий «клад» для историка повседневности — сундуки адмирала: окованные железом дубовые, сосновый, сундук, «обшитый кожей,.. с бумагами», сосновый баул,¹³⁵⁰ баул, «обшитый кожей и окованный железом», баульчик¹³⁵¹ и погребец.¹³⁵² В одном сундуке у адмирала хранились шубы («справная соболья» и «полосатая на крымском меху»), «смущки серые крымские»,¹³⁵³ белая лосиная кожа, охотничий ремень и два плаща (вишневого и кофейного цвета). В нем же рядом с шелковыми и замшевыми чулками, атласными лоскутами таились совершенно удивительные для российской глубинки вещи: шотландский палаш в черных ножнах, отделанных железом, стилет шотландский, кинжал в черных ножнах, серебряные ножны, «искостенье с набалдашником», сабля турецкая в оправленных серебром ножнах и отрез клетчатой шотландской ткани. В двух других сундуках хранились менее экзотические вещи: разные занавески, скатерти, простыни, салфетки, покрывала, отрезы камлота,¹³⁵⁴ белого кашемира, бумазеи, белого канифаса,¹³⁵⁵ зеленой

¹³⁴⁸ Митчелл М. Эль-Кано... // *Пизафетта А.* Путешествие Магеллана... С. 254.

¹³⁴⁹ РГАВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 19.

¹³⁵⁰ Баул — округлый дорожный сундук с горбатой крышкой, или всякий сундук, напоминавший плоский чемодан. Происходил от *ит.* baule — «чемодан для платья».

¹³⁵¹ Баульчик, баулец — округлый сундучок.

¹³⁵² Погребец, погребчик — дорожный ларец для чайного и столового прибора и напитков.

¹³⁵³ В данном случае, по-видимому, шкурки ягненка.

¹³⁵⁴ Камлот — плотная шерстяная ткань, иногда с примесью шелка или хлопка, широко применяемая на флоте. Происходит от *голл.* kamelot или *фр.* camelot — «ткань из ангоры».

тафты, шелковой парчи, зеленого и красного английского сукна. Сюда же Маккензи сложил свои халаты (английский стеганый, малиновый, красный с белыми полосами и белый с зелеными полосами), одеяла (малиновое атласное, греческое бумажное, ситцевое с белыми и кофейными полосами, без бахромы), чехлы на стулья и, наконец, контр-адмиральский шарф и голубой кушак.

Когда Маккензи собирался в плавание или в поездку, его дорожные баулы наполнялись положенной ему морской служебной одеждой: форменными мундирами, круглой адмиральской шляпой, полотняными фуфайками с рубахами, чулками и штанами. Сюда же клали «трубу зрительную в футляре» красного дерева, чубук с мундштуком, очки в футляре в серебряной оправе, черную козловую бритву, пистолеты, морские карты и атласы, генеральную карту, сапоги, башмаки и гражданское платье. Адмирал был не чужд франтовства и как записной щеголь, не забывавший к тому же своих шотландских корней, постоянно пополнял свой и без того роскошный гардероб. Тут были и тонкие рубахи с кружевными манжетами, «лисовые» сапоги и сапоги с крагами, лосиные и шелковые перчатки, синие сюртуки и несколько кафтанов, черная лакированная, белая соломенная, зеленая и «плисаная» с куньей опушкой шляпы. От трескучего мороза адмирала спасали бобровая муфта и белые заячьи чулки. С собой у адмирала была и масса всяких нужных безделушек, столовых приборов и изящных мелочей: скляночки, подушечки, хлыстик с набалдашником, пряжки, серебряные вензели, серебряные ложки («хлебальные», соусные, разливные, пуншевые), умывальник с серебряным блюдцем, пробки, оправленные серебром, серебряные чайник и кофейник, табакерки, перстни и т. д. В своем шотландском красном кафтане с зелеными лацканами и золотыми петлицами, черных атласных штанах, шелковых чулках с узкими зелеными полосами и бархатной шляпе, выложенной серебряным позументом с серебряным гербом, опирающийся на тяжелую палку с костяным набалдашником этот морской волк являл воистину великолепное зрелище. Пышное, торжественное и представительное. Возможно ли было тягаться с ним?

¹³⁵⁵ Канифас — старинная прочная льняная ткань, применяемая на флоте как парусина. От *голл.* kampfes.

«Вызов» титулованным адмиралам бросали простые морские бродяги, промышлявшие грабежом и каперством. Их причудливые фантазии вполне позволяли им посоревноваться в области моды с гордым шотландским моряком. В конце концов, где, как не во внешнем облике, costume, отражалось неодолимое желание простых моряков, ставших разбойниками, выглядеть как знатные и богатые гранды. Морские бродяги едва ли читали Мишеля Монтеня, который, размышляя над внешними «покровами» и внутренними «качествами» человека, писал: «Когда же мы видим крестьянина и короля, дворянина и простолюдина, сановника и частное лицо, богача и бедняка, нашим глазам они представляются до крайности несходными, а между тем они, попросту говоря, отличаются друг от друга только своим платьем».¹³⁵⁶ Но ведь для пиратов именно «платье» открывало мир богатства. Во-первых, дорогое платье, захваченное на взятом призовом судне, можно было обратить в звонкую монету. Жан Дубле, например, не скрывая своей «корысти», поведал о «хороших деньгах», вырученных за «тряпки», добытые на захваченных призах.¹³⁵⁷ А во-вторых, можно было и самому принарядиться и ощутить себя частью «избранных». Вполне объяснима, поэтому, крайняя требовательность пиратов к своему гардеробу и их маниакальная настойчивость — настойчивость людей, лишенных и тени художественного вкуса, — в стремлении подбирать себе яркие разноцветные платья и обвешиваться сверкающими драгоценностями. Если кто-нибудь из моряков-разбойников умирал во время плавания, его гардероб, книжки, музыкальные инструменты тут же распродавались с аукциона, и члены шайки, собравшись у грот-мачты, бурно спорили о цене на ту или иную принадлежность его костюма. В этом древнем обычае угадывалось стремление морской братии чем-то компенсировать уход своего собрата в иной мир и подбросить денег его осиротевшей семье, покупая «по самой дорогой цене» вещи, оставшиеся от покойного. В своих воспоминаниях

¹³⁵⁶ *Монтень М.* Опыты. Кн. I. М., 1979. С. 234 («О существующем среди нас неравенстве»).

¹³⁵⁷ *Le corsaire du Roi-Soleil...* P. 66.

Уильям Фаннелл, своего рода «черный человек», антипод Уильяма Дампира,¹³⁵⁸ привел рассказ об одном из таких аукционов: «Один из наших людей скончался, и его вещи были распроданы, как велит обычай. Рундук ценой в пять шиллингов ушел за три фунта; за пару башмаков в четыре шиллинга и пять пенсов отдали тридцать один шиллинг; полфунта полотна ценой в два шиллинга продали за семнадцать шиллингов и шесть пенсов».¹³⁵⁹ Сходя на берег, разукрашенные, как павлины, «люди моря» гордо вышагивали в своих блестящих одеяниях по улицам приморских городков и, развлекаясь в портовых трактирах, переманивали за свои столы местных красоток, не оставляя шансов работягам-матросам. Да и действительно, кто из их собратьев в Европе и Вест-Индии смог бы похвастаться столь пышными одеяниями? Только сам король, да горстка аристократов могли позволить себе щеголять в шелковых рубашках, парчовых штанах, носить такие же крупные бриллианты и роскошные перья на шляпах.

Казнь двух бандитов в 1615 г. была отмечена неудержимой удалью и бахвальством с их стороны. Даже взойдя на плаху, они не удержались и решили «блеснуть» напоследок, швыряя в толпу свои умопомрачительные одеяния — бриджи из малиновой тафты, дублеты с золотыми пуговицами и бархатные рубашки, расшитые золотыми кружевами.¹³⁶⁰ Фатовски выглядел перед казнью в декабре 1718 г. и ирландец Деннис Маккарти. Он взошел на эшафот таким

¹³⁵⁸ Офицер флота Уильям Фаннелл в 1703–1704 гг. служил под началом Дампира в каперской экспедиции на «Сент-Джордже». После неудач в погоне за манильским галеоном он возглавил мятеж против командира и в январе 1705 г. вместе с 36 матросами отделился от него, перейдя на захваченный 10-тонный барк «Дрэген». На нем экипаж Фаннелла пошел в Ост-Индию. Добравшись до Островов Пряностей, Фаннелл и его люди были у Амбойны перехвачены голландцами, обвинившими их в пиратстве. Просидев несколько месяцев в тюрьме, большинство из команды Фаннелла вернулось в Европу, нанявшись матросами в голландские торговые караваны. (Как и сам Фаннелл, который на голландском корабле в августе 1706 г. возвратился в Англию.) В Лондоне он быстро подготовил книгу о своих плаваниях, которая под заглавием «Кругосветное путешествие. Отчет об экспедиции капитана Дампира в Южные моря на корабле “Сент-Джордж” в 1703 и 1704 гг., написанный Уильямом Фаннеллом, помощником капитана Дампира» вышла в свет в 1707 г. Подражая стилю Дампира и немало позаимствовав из его сочинений, Фаннелл подвергал своего «шефа» резкой критике и обвинял в неудачах экспедиции. Вернувшись в конце 1707 г. на родину, Дампир ответил на книгу Фаннелла раздражительным памфлетом «Оправдание Дампиром своего путешествия в Южные моря на корабле “Сент-Джордж”. С небольшими замечаниями по поводу химерического изложения господином Фаннеллом обстоятельств плавания, заслуживавшего более полного разбора». Полемика в печати была продолжена гардемаринном Уэлбом (выступившим с «Ответом на оправдание капитана Дампира»), который занял сходную с Фаннеллом позицию и столь же недоброжелательно высказывался по поводу того, как Дампир руководил экспедицией.

¹³⁵⁹ *Funnell W. A Voyage Round the World, Containing an Account of Captain Dampier's Expeditions into the South-Seas in the Ship St. Georges in the Years 1703 and 1704. Amsterdam–New York, 1969. P. 15.*

¹³⁶⁰ *Ritchie R. C. Captain Kidd... P. 267.*

удальцом, представ перед собравшейся толпой облаченным во взятое в бою трофейное платье. Надев чистое белье, Маккарти «подвесил на шею, запястья, колени и шляпу длинные синие ленты». Поклявшись «встать на якорь в аду» босым, brave ирландец стащил ботинки и сунул голову в петлю. Стоявший рядом с Маккарти его коллега по несчастью, «закаленный боец» Уильям Льюис, не уступил в щегольстве — он был «разукрашен» красными лентами.¹³⁶¹

Из немногих дошедших до нас описаний пиратского платья прекрасно видно, что этим головорезам были вовсе не безразличны покрой костюма, его фасон, цвет и различные прикрасы. Например, вот в какой сногшибательный наряд был облачен знаменитый пират Бартоломью Робертс перед боем, который стал последним в его биографии. «На сей драке, — описывал, следуя рассказу Дефо, Каржавин, — Робертс делал из себя хорошую фигуру; одет был в атласное платье кармазинного цвета, на шляпе алое перо, на шее золотая цепь с бриллиантовым на ней крестом, в руке блистающий меч; с правого плеча на левом боку, как с левого плеча на правом боку, висели две пары пистолетов, по обыкновению всех пиратов; и в сем уборе давал он приказы свои с великой неустрашимостью».¹³⁶² После убийства пиратского вожака Джона Филиппса суд распределил оставшееся от него имущество между членами его команды. Получилось, что его наследниками стали те, кто собственноручно расправился с главарем, отрезал, засалил и водрузил его голову на мачту. В руки Джона Филмора, Эдварда Гизмена и Эндрю Хайредина попали драгоценности, принадлежавшие убитому, в том числе золотые кольца, серебряные табакерка и пряжки для туфель, а также сабля с серебряной рукоятью.¹³⁶³

¹³⁶¹ *Captain Charles Johnson. A General History of the Pyrates...* P. 658, 659.

¹³⁶² СПб ИИ РАН Кол. 238. Оп. 2. Д. 146/22. Л. 21 об.–22.

¹³⁶³ *Captain Charles Johnson. A General History of the Pyrates...* P. 346. То же — и на другом конце света, на окраинных рубежах России, где «пиратскую» миссию несли многочисленные «воровские» казаки, ходившие в Персию в разбойничьи походы. Получили эти походы характерное название «за зипунами», то есть за кафтанами. Парусный мастер, голландец Ян Стрейс, состоявший на русской военной службе, указывал, что «простые казаки были одеты, как короли: в шелк, бархат и другие одежды, затканые золотом; некоторые носили на шапках короны из жемчуга и драгоценных камней, и Стеньку (Разина. — Д. К.) нельзя было бы отличить от остальных, ежели бы он не выделялся по чести, которую ему оказывали, когда во время беседы с ним становились на колени и склонялись головой до земли, называя его не иначе, как батька...» (*Стрейс Я. Я.* Три достопамятных и

Пираты ликовали, ощущая себя сопричастными радостям мира, и это чувство побуждало их не только к «творческому» переосмыслению моды, но и к бурным гастрономическим удовольствиям. Понять их отчасти можно — достаточно только погрузиться в «изыски» корабельной стряпни.

Еда всегда была чем-то большим, чем просто едой. Социальное оставляло свои отпечатки на питании, превращая продовольственные продукты в подобие своего рода социального маркера, позволяющего не только идентифицировать исторические объекты, но и определять положение той или иной социальной группы в принятых системах общественной стратификации. Разнообразие рациона питания, калорийность пищи, ритуальное оформление трапезы, эстетическое восприятие вкуса, гастрономические «орудия» и материальная ценность пищи — все эти компоненты «пространства питания» служили признаками социальной дифференциации и нередко означали для человека нечто большее, чем энергетическое насыщение организма и достижение сытости. Питание никогда не было просто индивидуальным проявлением, в нем находили отражение общественное положение индивида, воплощенный в нем групповой социальный опыт, менталитет, психологическое отношение к условиям существования, стратегии выживания и достижения успеха.¹³⁶⁴

С одной стороны, наше внимание привлёк феномен морского сообщества как группы людей, потребляющих во время плавания определенную пищу. Насколько допустимо в рамках идентификации этой социальной группы говорить о «низких» пищевых пристрастиях простонародья в сравнении с ценностями высшего общества? Особенно, в связи с подмеченным историками признаком еды

исполненных многих превратностей путешествия / Пер. Э. Бородиной. Ред. А. Морозова. Введ. А. Гайснновича. М., 1935. С. 200).

¹³⁶⁴ Вопросы питания всегда занимали важное и самостоятельное место в трудах по этнографии, тогда как в исторических сочинениях до последнего времени играли скорее вспомогательную роль. Из наиболее интересных в теоретическом плане отечественных новейших работ назовем: *Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры)*. Ереван, 1983; *Традиционная пища как выражение этнического самосознания*. М., 2001; *Хлеб в народной культуре: этнографические очерки* / Отв. ред. С.А. Арутюнов, Т.А. Воронина. М., 2004; *Добровольская М.В.* Человек и его пища. Пищевые специализации и проблемы антропогенеза. М., 2005; *Хмельное и иное: напитки народов мира*. Отв. ред. С.А. Арутюнов, Т.А. Воронина. М., 2008. См. также сборник статей новейших исследований по микростории: *Прошлое — крупным планом: Современные исследования по микростории* / Ответственный редактор М.М.Кром. СПб., 2003.

как знака социальной принадлежности, «которую следует свято блюсти, чтобы не нарушить сложившееся равновесие и существующую иерархию».¹³⁶⁵ Второй вопрос касается проблем обеспечения полноты питания и пользования благами, недоступными простому работному люду – не выступал ли морской разбой и, в частности, пиратство альтернативным вариантом, дающим возможность простонародью достигнуть утопической мечты о мире изобилия и питаться не отбросами, а потреблять изысканные яства?

Однако, прежде чем рассматривать специфику пиратской кухни, следует отметить ряд моментов, касающихся морской повседневности в целом. Меню моряков не отличалось особыми разносолами. Как, впрочем, и повседневная кухня, весьма скудная и дешевая, характерная для среднего европейца того времени. В море же нужно было готовить свой желудок к самому худшему: здесь тебя просто морили голодом. В сравнении, например, с рационом армейских чинов, моряк явно недополучал калорий. Королевский жандарм Людовика XIV, например, 48 унций хлеба, 2 пинты вина и 2,5 фунта мяса в день. Регламент 1681 г. урезал суточный рацион: жандарм теперь получал 30 унций хлеба и 1,5 фунтов мяса, а обычный кавалерист – 20 унций хлеба и 1 фунт мяса. Такое положение сохранилось вплоть до 1831 г.¹³⁶⁶ Положенной же суточной нормы питания моряка едва хватало, чтобы поддержать физиологические потребности взрослого мужчины. Вот, например, как выглядели провансальские нормы питания на галерах, зафиксированные французским навигатором Никола де Никола, сьером д'Арфревилем (см. таблицу 1). Он принял в расчет необходимую на месяц провизию, исходя из потребностей 210 человек, среди которых насчитывалось 150 гребцов, или 6 тысяч 300 суточных норм.

Таблица Ассортимент и количество основных продуктов, принятых на галерном флоте в Средиземном море в 1582 г.

¹³⁶⁵ *Монтанари М.* Голод и изобилие. История питания в Европе. Перевод с итал. А. Мирлобобовой. СПб., 2009. С. 107.

¹³⁶⁶ *Morineau M.* Pour une histoire économique vraie. Lille, 1985. P. 43.

Наименование продукта	Количество в месяц
Сухари	120 центнеров ¹³⁶⁷
Соленое мясо	6 центнеров
Рис	6 центнеров
Сыр	10 центнеров
Сардины	8 бариллов ¹³⁶⁸
Анчоусы	4 барила
Уксус	1 винная бочка
Виноградное сусло	2 винные бочки
Масло	1,2 винной бочки
Вино	27 винных бочек

Источник: *Morineau M. Pour une histoire... P. 40.*

В приведенной таблице, впрочем, не учитывались продукты, богатые жирами: свежий хлеб, птица, яйца. Однако, даже учитывая эти продукты, отметим, что средиземноморское питание было менее калорийным, нежели корабельная пища на севере Европы (см. таблицу 2). В рационе голландских, английских, шведских и русских моряков увеличивалась доля мясных продуктов, а вино, сардины и оливковое масло уступали место пиву, сидру, коровьему маслу, салу, скумбрии и треске.

Таблица. Ассортимент и количество основных продуктов, принятых на голландском флоте в начале XVIII в.

Наименование продуктов	Количество на одного человека в месяц	Ежедневная норма
------------------------	---------------------------------------	------------------

¹³⁶⁷ Французский центнер был равен 100 фунтам, т.е. 48,951 кг.

¹³⁶⁸ Барил – западноевропейская мера емкости, бочонок, равная, примерно, 20 фунтам.

Мясо	9 фунтов	140 г.
Ветчина	4,5 фунта	70 г.
Сухари ржаные	20 фунтов	320 г.
Крупа	10 фунтов	160 г.
Горох	10 фунтов	160 г.
Треска вяленая	10 фунтов	160 г.
Масло коровье	1,5 фунта	24 г.
Сыр	4 фунта	70 г.
Пиво	1 оксофт ¹³⁶⁹	7,91 л.

Источник: *Morineau M. Pour une histoire... P. 32.*

Комментируя данные таблицы № 2, заметим, что они касаются Республики Соединенных Провинций, переживавших в XVII – начале XVIII в. экономический расцвет и по калорийности питания и уровню потребления находившихся на передовых позициях в Европе. Однако дело не только в феномене «голландского чуда». Перед нами предстают статистические данные, некая абстрактная усредненная норма потребления. Проблема же заключается не только в чистых цифрах продовольственных ведомостей – ведь одно дело, отчет и статистика, а совсем другое – реальное потребление.

Болтаясь по волнам в наполненных вонючими миазмами и кишачих бактериями кораблях-«бараках», находясь в постоянной сырости и антисанитарных условиях, сражаясь с бесконечными полчищами крыс и всевозможных паразитов, моряк тех времен был еще и жертвой ненавистных командиров, боцманов, шкиперов, баталеров, казначеев, провиантмейстеров, стремившихся его обобрать и поживиться за счет его, и без того скудного, довольствия. Выход в море, по сути дела, был невыносим без всевозможных злоупотреблений, подчас совершенно ничтожных и мизерных, но оттого лишь еще

¹³⁶⁹ Оксофт – принятая в Голландии мера жидких тел, равная 233 л.

больше ожесточавших людей. Основным источником несправедливых доходов, конечно, всегда было снабжение экипажа, и если на военных кораблях с воровством так или иначе пытались бороться, то на торговых судах произвол процветал. Моряк на судне жил на всем готовом, но кто мог подсчитать, сколько он терял, когда хозяева придерживали часть провизии, ежедневно запускали руку в положенную ему пайку, а высчитывали при выплате жалованья полную ее стоимость. Ведь зачастую, нанимаясь на корабль, моряк оказывался в полной зависимости от своего работодателя. Получение аванса или одолженные деньги приходилось отработывать, отдавая часть полученного жалованья. То же самое приходилось делать во время рыбной ловли или каботажного плавания, отработывая полученную в ненастье чарку водки. Юные матросы попадали в еще большую зависимость, заключая с предпринимателем договор на зимний пансион и с гримасой омерзения глотая непонятно из чего сваренную баланду, по недоразумению именуемую супом. «Труженики моря» рвали пупы и гробили себя в корабельном аду и получали уменьшенный некалорийный паек из продуктов, привлечших поставщиков своей дешевизной, который, по словам моряков тех времен, «и крысы не стали бы есть».

Моряцкий мясной рацион составлял 1 фунт в день, но в полном объеме продукты числились лишь на бумаге. То что урезалось от довольствия, уходило в карманы начальников, ссылавшихся на порчу продуктов. Немалую часть продуктов откладывали «про запас» на случай штормов, безветрия, противных ветров и прочих форс-мажорных обстоятельств. Кое-что прибирал к рукам корабельный кок при варке баланды в общем котле. При долгих плаваниях это могло грозить бунтом, и король в таких случаях был вынужден выделять морякам своего флота дополнительные пайковые деньги. Но всегда ли они доходили по назначению?

Все эти социальные обстоятельства дополнялись специфическими условиями океанического плавания. Обман, голод, сырость и нищета шли рука об руку. В экстремальных условиях в море никакой альтернативы в питании у

экипажа не было. Пигафетта, например, испытывавший все «радости» перехода через Тихий океан, описывал: «Мы питались сухарями, но то уже не были сухари, а сахарная пыль, смешанная с червями, которые сожрали самые лучшие сухари. Она сильно воняла крысиной мочой. Мы пили желтую воду, которая гнила уже много дней. Мы ели также воловью шкуру, покрывающую грот-грей, чтобы ванты не перетирались; от действия солнца, дождей и ветра она сделалась неимоверно твердой. Мы замачивали ее в морской воде в продолжение четырех-пяти дней, после чего клали на несколько минут на горячие уголья и съедали их. Мы часто питались древесными опилками. Крысы продавались по полдуката за штуку, но и за такую цену их невозможно было достать».¹³⁷⁰ Несчастья Пигафетты не закончились и в Индийском океане. На широте мыса Доброй Надежды его корабль дал течь: «кроме риса и воды у нас не осталось съестного; из-за недостатка соли все мясные продукты испортились... Целых два месяца мы шли на северо-запад без свежей пищи и свежей воды. За это короткое время умер двадцать один человек».¹³⁷¹

Удручающе грустное описание, оставленное Пигафеттой, не составляло новости для бывалых морских волков. Скорее наоборот. Для большинства океанских моряков Капитан-Голод был жестокой реальностью. Послушаем Жана Дубле. «Для экипажа осталось лишь немного говядины и соленого сала, но прогнившего и вымокшего в морской воде. Я велел нескольким матросам наловить для нас крыс и пообещал хорошо с ними расплатиться. Они наделали капканов и за двух пойманных я заплатил 30 солей».¹³⁷² Это побудило и остальных заняться ловлей. Крыс полно на кораблях, нагруженных сахаром. Те, кто смеялись надо мной, вошли во вкус, и так как крыс становилось все меньше, мы повысили цены до 1 экию за штуку.¹³⁷³ Через двадцать один день в ход пошли их волосатые

¹³⁷⁰ Пигафетта А. Путешествие Магеллана... С. 56.

¹³⁷¹ Там же. С. 123.

¹³⁷² Соль — французская монета, позже получившая название су; была приблизительно равна 1/20 части ливра.

¹³⁷³ По-видимому, автор имеет в виду серебряный экию, который начали чеканить во Франции с 1641 г.; он был приблизительно равен трем ливрам. В обращении был также золотой экию с изображением короны, называвшийся еси d'or au soleil и известный также как генридор (по имени короля Генриха II).

шкурки, которые мы кипятили. Они превращались в очень вонючую клейкую массу, но, поджаривая их на углях, мы подавали крыс к столу и утоляли наш волчий голод».¹³⁷⁴ Что еще добавить к столь унылым картинам? Повальная смерть членов экипажа, ненавистные крысы, превратившиеся из врагов в вожделенный источник мяса,¹³⁷⁵ грязь и вонь, смердящая жидкость, непонятно почему именуемая «водой», — таким был быт, в котором формировались жизненные устои членов моряцкого сообщества.

Попытаемся перечислить «блюда», входившие в состав моряцкой трапезы. В качестве припасов брали первым делом ржаные (реже пшеничные или кукурузные) сухари. Они, например, занимали главное место в суточном рационе русских моряков. По подсчетам Н.Г.Дурова их ежедневная норма составляла от полутора до двух фунтов, т.е. 50 до 60 % от веса всей пищевой порции нижних чинов. Нижнему чину Британского флота отпускались в сутки пшеничные сухари в размере 1,108 русского фунта,¹³⁷⁶ шведский матрос получал порцию в 0,83 русского фунта, французскому моряку полагалось 18 унций пшеничных сухарей, а датская недельная норма составляла 6 фунтов (7,3 русского фунта) в неделю.¹³⁷⁷ Поэтому, если в документах мы читаем «столько-то бочек хлеба», под «хлебом» следует понимать именно в качестве припасов брали первым делом ржаные (реже пшеничные или кукурузные) сухари, и когда в документах мы читаем «столько-то бочек хлеба», под «хлебом» следует понимать именно черные или белые сухари, а не пышные караваи, буханки, булки и калачи. Настоящий хлеб моментально портился, а выпекать его на корабле — занятие непомерно трудоемкое, да и небезопасное, ибо от малейшей искры среди сплошного дерева мог случиться пожар. Поэтому хлеб пекли на берегу. Вспомним рассказ Жана Дубле о высадке

¹³⁷⁴ Le corsaire du Roi-Soleil... P. 206.

¹³⁷⁵ Вспомним французского писателя Жака Анри Бернардена де Сен-Пьера, который, совершая кругосветное плавание на борту «Будейоз» под командованием Луи Ангуана де Бугенвиля, вместе с будущим адмиралом русского флота принцем Нассау-Зигеном во времена голода ловил крыс и ел их.

¹³⁷⁶ Русский фунт, происходивший от древнерусской гривны, вошел в обиход в XVII в. при царе Алексее Михайловиче. Он был равен 32 лотам, 96 золотникам или большой гривенке, и, соответственно, 9216 долям, т. е. 1/40 пуда (409,512 г).

¹³⁷⁷ Дуров Н. Г. Использование голландской технологии на пищевых предприятиях Адмиралтейства в первой четверти XVIII в. // Нидерланды и Северная Россия.: Сборник научных статей / Коллектив авторов: Под ред. Ю.Н.Беспярых, Я.В. Велувенкампа, Л.Д.Поповой. СПб, 2003. С. 199, 208.

экипажа его корсарского судна на побережье близ Монтевидео в 1708 г. Сойдя на берег, матросы раскинули палатку из паруса, а затем выгрузили взятые в плавание кирпичи. Возведя из них огромную печь, корсары принялись за выпекание «бисквитов», призвав «на помощь» местных индейцев и заставив их из больших камней соорудить и вторую печь.¹³⁷⁸ Скорее всего, «деликатесными» сухарями, изготовленными командой Дубле, были как раз те самые изысканные моряцкие галеты, именуемые «бисквитами», — рассыпчатые белые пшеничные сухари, дважды обжаренные в печи (от фр. *biscuit*, буквально «дважды испеченный, приготовленный»), которые ели, обмакивая в вино. Отсюда — «бочки с бисквитами» и «бочки с хлебом».¹³⁷⁹ Возможно, именно такие сухари, или «печенье», вкупе с чеширским сыром, идущий из Нью-Йорка Уильям Кидд презентовал встреченному в открытом море португальскому капитану, получив от него в качестве ответного дара бразильский табак и сахар.¹³⁸⁰

Могли пригодиться и толченые сухари. Они шли на приготовление грубой каши, называемой испанцами масоморра. Изысканным лакомством моряки почитали «десерт» из сахарной крошки. Для этого в масоморру добавляли сахар и сало, получая сладкое густое варево. Если же «хлеб» и сухари промокали, то моряки выбирали из остатков более или менее сохранившиеся куски, сушили их на солнце и распределяли среди членов экипажа.¹³⁸¹ Разумеется, брали на корабль и просто муку (ячменную, ржаную, просяную, кукурузную, овсяную, каштановую, бобовую), используя ее (или толченые зерна) для разных кулинарных надобностей. Муку добавляли в похлебку, чтобы придать ей густоты и сделать сытнее; из нее выпекали свежие лепешки, а иногда она выступала в роли клейстера для бумаги. Заметим, что мука вообще очень часто фигурирует в списках захваченного имущества, и моряки крайне бережно относились к ней,

¹³⁷⁸ *Le corsaire du Roi-Soleil...* P. 267.

¹³⁷⁹ *Де-Фер Г.* Плавание Баренца (*Diarium nauticum.*) 1594–1597 / Под ред. В. Ю. Визе. Л., 1936. С. 194, 237.

¹³⁸⁰ *Privateering and Piracy...* P. 247.

¹³⁸¹ Жан Дубле поведал, что, когда экипаж его судна оказался в такой ситуации, остатков высушенных сухарей хватило как раз, чтобы каждому моряку досталось по 3 унции (около 90 г) на двадцать дней (*Le corsaire du Roi-Soleil...* P. 205).

всегда пытаюсь создавать запасы на будущее. Иногда они даже оставляли муку в своих островных убежищах и держали ее там на всякий случай, используя при крайней нужде.¹³⁸² Помимо «хлеба», неперменные блюда корабельной трапезы — кусок сыра, просоленные, вяленые или копченые мясо и рыба, сало, масло, рис, бобы, горох, фасоль, — но все эти «яства» были весьма специфическими.

Еда на корабле выглядела жутковато; уже от одного ее вида, не говоря о вкусе, гурмана замучили бы колики. Выдержать ее могли только луженые желудки, многих моряков свели в могилу гнилое мясо, червивые сухари и трюмная вода. На борту царствовали скудость, ущербное однообразие и... бесконечная соль. Три-четыре раза в неделю судовым командам из бочонков выдавали мясо, самое дешевое и самого скверного качества: преимущественно соленую говядину, известную в те времена под названием «ирландская конина», соленую свинину, да еще грудинку или сало. Все эти продукты были невероятно солеными, но в ином виде сохранить их в море просто не представлялось возможным: они моментально портились, и в них кишмя кишели черви. Жесткие, коричневато-зеленоватого цвета с прожелтью, мясные «лакомые ломти» издавали жутчайший запах тухлятины, да и есть их можно было, только предварительно «отбив палкой (от коей они не больно-то отличаются)»¹³⁸³ или долго вымачивая и подавая потом с луком. Правда, в самом слове «вымачивать» для моряков таилось одно пренеприятное обстоятельство. Дело в том, что вымачивать приходилось далеко не всегда в пресной воде. На корабле она ценилась на вес золота — зато за бортом простирались бездны иной воды, воды морской, соленой.

Пресная вода портилась уже через несколько недель плавания, она становилась густой, вонючей, почти непригодной для питья. Именно «почти», так как пить все равно было нечего, и, «поднося ее ко рту, приходилось закрывать

¹³⁸² Вспомним, например, уже упоминавшийся нами мучной тайник, который держал на Галапагосских островах капитан Дэвис, воспользовавшийся своими запасами при переходе из Тихого океана в Вест-Индию.

¹³⁸³ Язвительное замечание несчастного путешественника, предпринявшего в 1697 г. плавание из Манилы в Акапулько и на протяжении многих месяцев мучившегося чудовищным несварением желудка (цит. по: *Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв.* Т. I. М., 1986. С. 218).

глаза, чтобы не видеть зеленой тины, и затыкать нос — до того она воняла»¹³⁸⁴. Воду пытались сохранить в «бурдюках, сделанных из лошадиных ног»¹³⁸⁵, изобретали хитроумные способы, чтобы предохранить ее от гниения, — все было безуспешно. Однако и такая жидкость могла радовать, как «манна небесная». Читая дневники моряков, понимаешь, что морское плавание нередко превращалось в бесконечный поиск пресной воды, определение мест, где ее можно добыть, подготовку емкостей, в которые ее можно собрать, — вода, вода и еще раз вода, вот великая надежда и боль моряков!

Куда пойти, чтобы отыскать источник свежей воды? Мучительный вопрос, неизменно преследовавший любых моряков — и торговцев, и разбойников, и военных, и исследователей. Приведем два примера. В первом случае пираты практически приставили властям нож к горлу и шантажировали их, требуя свежей воды. В 1722 г. у Азорских островов пиратской группе Эдварда Лоу «...попался тридцати двух пушечный французский корабль; а на рейде Михайловском, он взял множество разных судов, стоящих на якоре, и не было ему нужды выпалить даже из одной пушки. Воды только ему не доставало, и для того послал он к губернатору святого Михаила, просить дозволения завестись свежеею водою, обещая ему, что за такое снизхождение он отдаст назад все суда им взятые; а в случае отказа, сожжет их всех. Губернатор, чтоб спасти суда, позволил брать свежую воду, а Лов возвратил ему шесть разных судов...»¹³⁸⁶

Команда пиратского «Бэчелорс Дилайт» капитана Дэвиса, в 1685 г. курсировавшего в ожидании Лимской флотилии по Панамскому заливу, ни на мгновение не забывала об источниках свежей воды. Разбойники рыскали по всем окрестным заливам, заходили в крошечные бухточки пустынных островков, только бы узнать, нет ли где-нибудь родников. Воды на судне было предостаточно — пираты набрали ее из подземных источников на острове Тобаго в шести

¹³⁸⁴ Цит. по: Митчелл М. Эль-Кано... // *Пигафетта А. Путешествие Магеллана...* С. 170.

¹³⁸⁵ *Кабеса де Вака А. И. Кораблекрушения / Пер. с исп., предисл. и комм. Ю. В. Ванникова. М., 1975. С. 40.*

¹³⁸⁶ СПб ИИ РАН Кол. 238. Оп. 2. Д. 146/22. Л. 42 об–43.

лигах¹³⁸⁷ южнее Панамы. Искали же они пресные ручьи на будущее: неизвестно, как их жизнь сложится дальше. Флибустьеры бросили якорь в устье реки Самбо. С берега на каноэ подошли индейцы. Они не говорили и не понимали по-испански и никаких дел с испанцами не вели. Для англичан же они принесли связки бананов и другие фрукты. Пираты попытались найти на побережье свежие ключи, однако нигде их не обнаружили. Тогда они пошли дальше и добрались до гавани Порт-Пинаса, которую испанцы в своих лоциях всегда отмечали в качестве удобного места для стоянки. Вход в нее запирали два бесплодных островка, а сама бухта, невеликая по размеру и узкая, упиралась в песчаный пляж, за которым простирались знаменитые высокие сосновые рощи, давшие название этому месту. Моряки не знали, найдут ли они там свежую воду, вдобавок они не имели никакого представления о фарватере. Поэтому они не рискнули входить в бухточку, и, бросив якорь на внешнем рейде, послали на разведку шлюпку. Отправленные на берег буханьеры вскоре обнаружили отличный ручей, впадающий в море. Но поднялась волна, и набрать воды экипажу не удалось. Поэтому пираты снялись с якоря и ушли из гавани. Еще в течение четырех дней буханьеры безуспешно пытались отыскать воду. Им удалось захватить маленькое испанское судно с грузом какао, они встретили дружественных индейцев, нашли потерянных компаньонов из шайки капитана Харриса — все, кроме воды. Так, не солоно хлебавши, они и вернулись на Тобаго — уж там воды было предостаточно, — где и пополнили свои запасы.¹³⁸⁸

Страх остаться без воды вполне объясним, особенно когда моряки находятся в не столь комфортных условиях, как люди Дэвиса, «тылы» которых обеспечены источниками Тобаго. А что должны были чувствовать мореходы, уже давно потерявшие из виду сушу и знавшие, что их запасы воды на исходе? Тем более что вокруг, куда ни глянь, раскинулась безграничная водная гладь, и моряки вполне могли сравнить свои страдания с муками жажды мифического Тантала,

¹³⁸⁷ Одна морская лига равна трем морским милям (ок. 5,5 км.)

¹³⁸⁸ *Dampier W. A New Voyage Round the World... P. 134. 141.*

обреченного богами стоять по горло в недостижимой для него прозрачной ключевой воде.¹³⁸⁹ Тут-то и приходили на помощь спиртные напитки — опьяняющие, дезинфицирующие и согревающие.

Пресная вода для моряков, впрочем, всегда была куда ценнее. Однако на корабле царил теснота, и катастрофически не хватало места. Отчасти это объяснялось особенностями правильной погрузки товаров в трюм, от чего зависела устойчивость корабля во время плавания и, в первую очередь, в бурю. Все это, безусловно, имели в виду командиры. Так, 1685 г. у берегов Панамы капитан Таунли, во что бы то ни стало желавший посадить на свои суда всех людей из своей группы, отдал прелюбопытное распоряжение. Он приказал сгрузить на берег все лишнее имущество, тем самым получив лишнее место в трюме и на палубе. Вслед за этим, все вино и бренди было велено распределить между всеми пиратами, но норму обозначили фразой, не вполне укладывавшейся в четкие метрологические понятия: «сколько могли выпить». Цель «операции» была прозрачной. В освободившиеся кувшины залили пресную воду, отдав ей явное предпочтение перед любым спиртным.¹³⁹⁰

Вернемся, однако, к винному ассортименту на борту судна, обратившись к подробному описанию Дефо в «Робинзоне Крузо». Пытаясь спасти продукты с разбитого судна, новоявленный островитянин ухитрился выгрузить часть питьевых запасов на берег. Среди них мы находим бочонок рома, ящики вин, несколько галлонов арака, или рисовой водки.¹³⁹¹ Выделим, в первую очередь, ром — великий подарок Нового Света, завоевавший славу самого популярного алкогольного напитка в морской среде. Этимология слова показательна. Англ. rum происходит от староангл. *rumbustion*, *rumbullion*, обозначавшего «великий шум, грохот», и действие дешевой забористой водки с Барбадоса с лихвой оправдывало ее название.¹³⁹² Получали ром из побочных продуктов переработки сахарного

¹³⁸⁹ Ханке Х. На семи морях... С. 141.

¹³⁹⁰ *Dampier W.* A New Voyage Round the World... P. 139.

¹³⁹¹ Дефо Д. Жизнь, необыкновенные и удивительные приключения Робинзона Крузо... С. 49.

¹³⁹² Ср.: Александренков А.Г. Ром и пиво в жизни гавайцев в 1960-1990-е годы // Хмельное и иное: напитки народов мира. Отв. ред. С.А. Арутюнов, Т.А. Воронина. М., 2008. С. 441-443.

тростника на плантациях Антильских островов. При хранении сахара в специальных горшках выделялось большое количество коричневой массы, мелассы, которую сбраживали особой культурой дрожжей, затем перегоняли, а полученный крепкий напиток коричневого цвета хранили в деревянных бочках.

О популярности рома и его разновидности – низкокачественной тафии – свидетельствует распространенная форма приветствия, принятая среди жителей Вест-Индии, в частности, на Сан-Доминго: «Здорово, куманек, ты имешь тафья».¹³⁹³ Разумеется, пираты и буканьеры не могли обойтись без вина и водки, и даже священнослужители, посещавшие их поселения, обязательно брали с собой бутылку-другую. Вспоминая свою встречу с французскими буканьерами, де Лаба писал об их радушии: «У них было много засушенного мяса, часть мяса коптилась, и еще лежали только что убитые два или три поросенка. Мы с аппетитом и очень весело поужинали. Я прихватил с собой водки и вина».¹³⁹⁴

К упомянутому Дефо добавим бренди и сидр, хранившиеся в специальных глиняных кувшинах вместимостью 7–8 галлонов. И чтобы перечень стал довольно полным — назовем еще один из самых распространенных напитков, отсутствие которого отравляло существование Крузо на необитаемом острове. Все долгие годы, проведенные здесь, герой Дефо горел желанием варить пиво. Затея оказалась для него настолько невыполнимой, что по праву определялась как фантастическая. Во-первых, у него не было ни котла для варки напитка, ни бочек для его хранения,¹³⁹⁵ а во-вторых, отсутствовали необходимые для процесса производства хмель и дрожжи. Страдания англичанина выдают в нем выходца из мира, населенного, по словам Фернана Броделя, миллионами «пивных утроб». Французский историк, подчеркивая цивилизационную черту, разделявшую Европу на страны, потреблявшие пиво, и «винодельческие страны», приводит свидетельство одного испанского вояки, чье презрение к «гнусному» ячменному

¹³⁹³ *Labat J.-B. de. Nouveau voyage aux Isles de l'Amérique. T. I. La Haye, 1724. P. 29.*

¹³⁹⁴ *Ibid. T. II. P. 257.*

¹³⁹⁵ В рассказе о плавании Баренца Де-Фер сообщал о бочонках из-под пива с железными обручами (записи от 14 и 20 октября 1596 г.) (*Де-Фер Г. Плавание Баренца... С. 169, 170*).

(или ржаному, или овсяному, или просяному и т. д.) напитку граничило с отвращением. «Оно мне всегда напоминало конскую мочу, да еще от коня, страдающего горячкой», — признавался несчастный солдат, организм которого пришел в полное расстройство после «храброй» попытки наконец испробовать это «пойло», оказавшееся на поверку «кружкой слабительного».¹³⁹⁶

У местного населения южных широт, куда попадали европейские моряки, имелся достаточный собственный опыт производства пьянящих напитков, знакомство с которыми существенно расширило алкогольные горизонты Старого Света. Большой популярностью среди каперов и пиратов Вест-Индии пользовалось экзотическое крепкое вино из сока винной пальмы. Эсквемелин любезно поделился с потомками секретами его приготовления. С помощью мачете¹³⁹⁷ валили дерево и делали в сердцевине оставшегося высокого пня четырехугольный надрез. Ствол «созревшего» дерева был к тому времени уже наполнен сладковатым соком и мякотью, напоминавшей по вкусу капустную кочерыжку. Вся эта масса постепенно бродила и разбухала, после чего ее вычерпывали руками и очищали при помощи листьев.¹³⁹⁸ Об африканской разновидности пальмового вина рассказал Капитан Чарльз Джонсон: «Ниже ветвей делают надрезы, собирая сок для приготовления вина, называемого “кокран”; негры, отличающиеся большой проворностью, окружают себя и ствол поясом из ивовых [sic! – Д.К.] прутьев и быстро взбегают вверх; под гроздью орехов они делают надрез примерно в полтора дюйма, а под ним привязывают бутылку, сделанную из тыквы, за ночь она заполняется на две-три кварты, потом бутылку затыкают пробкой и привязывают другую, в конце концов сок истощается, а дерево погибает. Получаемая жидкость имеет беловатый цвет и после брожения в течение суток превращается в хмельной напиток».¹³⁹⁹ Моряки любили и фиговое вино, поглощали также поглощали также кислую

¹³⁹⁶ Цит. по: Бродель Ф. Матерьяльная цивилизация... Т. I. С. 258.

¹³⁹⁷ Мачете — длинный широкий нож для уборки сахарного тростника и прорубания тропы в сельве.

¹³⁹⁸ Эсквемелин С. 32–34.

¹³⁹⁹ Джонсон Ч. История знаменитых морских разбойников XVIII века. Предисл. Дэвида Кордингги. Пер. с англ. А.К.Ефремова. М., 2009. С. 256.

картофельную бражку маби, мобби,¹⁴⁰⁰ являющуюся продуктом брожения черной патоки, красного картофеля и апельсинов¹⁴⁰¹ или употребляемые местными индейцами горький напиток вай кау из забродивших отрубей маниоки.¹⁴⁰² Французы называли этот напиток оюику,¹⁴⁰³ а англичане с Барбадоса – перино, парану.¹⁴⁰⁴ Многообразие сортов местного пива (например, кукурузного, употреблявшегося в Перу) немного примиряло с невзгодами тяжелых будней. Однако подобные алкогольные изыски по большей части были возможны только на берегу.

Особый разговор касается свежей еды. На корабль, конечно, брали домашнюю птицу и свиней, за счет этого морякам перепало парное мясо, и они какое-то время роскошествовали. Но тут могла вмешаться стихия. Во время плавания Жана Дубле в Атлантике разыгралась такая буря, что вся живность, взятая на борт, — домашняя птица, бараны, свиньи — погибла. «Мы нашли клетку с шестью затонувшими индюшками, которых немедленно засолили», — с горечью рассказал корсарский капитан.¹⁴⁰⁵ Читатель, не придерживающийся вегетарианства, поймет ностальгию Дампира, когда он с унынием пожаловался на отсутствие свежего мяса во время длительного блуждания вдоль тихоокеанского побережья Южной Америки. Какой же радостью осветились мрачные физиономии громил, когда отправленная на Жемчужных островах в Панамском заливе «продуктовая партия» наконец вернулась с коровами и телятами.¹⁴⁰⁶ Высадка на берег вносила оживление в рацион питания. Причем, в отличие от прочих своих собратьев, каперы и пираты, промышлявшие в океане, карибские флибустьеры и буканьеры, вполне могли устроить себе праздник жизни и предаваться гастрономическим утехам. Читая оставшиеся после них дневники и

¹⁴⁰⁰ Об алкогольных напитках карибских индейцев см. подробнее: *Smith F. H. European Impressions of the Island Carib's Use of Alcohol in the Early Colonial Period // Ethnohistory. 2006. № 3. P. 546-548.*

¹⁴⁰¹ *Labat J.-B. de. Nouveau voyage aux Isles de l'Amérique. T. I. P. 133, 134.*

¹⁴⁰² Эксквемелни. С. 53.

¹⁴⁰³ *Labat J.-B. de. Nouveau voyage... P. 133.*

¹⁴⁰⁴ *Colonizing Expeditions to the West Indies and Guiana, 1623–1667 / Ed. by V. T. Harlow. London, 1925. P. 46.*

¹⁴⁰⁵ *Le corsaire du Roi-Soleil... P. 205.*

¹⁴⁰⁶ *Dampier W. A New Voyage Round the World... P. 126.*

отчеты о плаваниях, мы находим немало упоминаний о еде, немыслимой для моряков, прозябавших в каботажных плаваниях или оказавшихся в тисках железной дисциплины военных кораблей. Они, как могли, умудрялись разнообразить обычный паек, загружая в трюмы горы засоленного и копченого мяса как балласт и поедая его дважды в день.¹⁴⁰⁷ Изысканный кулинарный рецепт оставил Дампир, рассказав о лакомстве, изготовленном буканьерами перед выходом в море на очередную разбойничью акцию. Здоровенные, вооруженные мушкетами и пистолетами дикие охотники, побродив по джунглям, набрали охапки ароматных цветов и сложили на берегу. Затем они растерли 20 или 30 фунтов шоколада с сахаром и, добавив туда лепестки, получили ароматную массу, которую и взяли с собой.¹⁴⁰⁸

Что же тогда говорить о благословенных минутах пребывания на берегу? На удаленных от Европы побережьях измученные недоеданием, цингой и дизентерией люди наконец-то всласть утоляли жажду и голод и разнообразили свой рацион всякими лакомствами. Здесь уже они имели возможность употреблять богатую витаминами и вкусную пищу, пусть порой безыскусную. Такая еда, конечно, не шла ни в какое сравнение с убожеством судовой стряпни. Гастрономическим излишествам морских бродяг позавидовали бы и европейские аристократы. После гнусного судового варева моряки давали себе волю. Они покупали кунжутное и кокосовое масло, могли отведать овощей (тыкву, репу, капусту, батат, морковь), меда и набрасывались на свежие ягоды, фрукты (лимоны, арбузы, апельсины, гранаты, ананасы, персики, бананы, дыни).

Иногда морской братии случалось вкусить столь пленительных яств и во время своих ратных подвигов. При перечислении добычи они непременно упоминали о захваченных съестных трофеях, из которых выходили блюда высокой кулинарии. Во время первой панамской волны команда Бартоломью Шарпа напала на маленький городок Ла-Сирена на перуанском побережье. У местных жителей

¹⁴⁰⁷ *Экспедиции*. С. 62.

¹⁴⁰⁸ *Dampier W. A New Voyage Round the World... P. 11.*

как раз созрел невиданный урожай райской земляники, величиной с грецкий орех. Бэзил Рингроуз рассказал, что пираты не ушли оттуда, пока не съели ее полностью, а затем «в благодарность» спалили город дотла.¹⁴⁰⁹ В тропических широтах изумленным мореплавателям доводилось отведать диковинных «нангка» — плодов, похожих на огурцы, с мякотью, имеющей вкус фасоли; напоминавших ананас желтых «конниликаи»; грушевидных со вкусом молочных сливок «карасолей» и «кайемитов»; черного круглого малайского перца «лули» — растений размером с дерево; произраставших в Испанском Мейне «звездных яблок», прятавшихся в густой листве. От традиционного для Европы хлеба в Америке, разумеется, приходилось отвыкать: «Он встречается лишь у европейцев, живущих в городах, да у богатых креолов, да еще они едят его только с шоколадом или с засахаренными фруктами».¹⁴¹⁰ Но и опротивевшие корабельные сухари, раздробить которые можно было, только с ожесточением колотя по ним молотком, моряки забывали очень быстро, переходя на саго, засушенные корни имбиря, лепешки «касаби» из маниоки, пользующиеся особой популярностью. По записям Эсквемелина их «готовят так: корни маниоки растирают на железной или медной терке точно так же, как в Голландии трут хрен. Когда все приготовлено, маниоку насыпают в мешки из плотной ткани и отжимают, чтобы масса затвердела. Потом маниоку просеивают через кожаное сито и получают нечто подобное древесным опилкам. Их замешивают, и тесто выкладывают на горячий железный лист и пекут. По вкусу поджаренная маниока напоминает кекс. Готовый хлеб выставляют на солнце и держат его обычно на крыше».¹⁴¹¹ Некоторые предпочитали жевать плоды абелькосового дерева с мякотью желтого цвета, размером напоминавшие дыни. На завтрак они ели картофель, готовя его в плотно закрытой емкости с небольшим количеством воды и добавляя по вкусу соус из лимонного сока, свиное сало и перец.

¹⁴⁰⁹ Ringrose B. *Dangerous Voyage and Bold Attempts of Captain Bartholomew Sharp and Others Performed upon the Coasts of the South Sea for the Space of Two Years. From the Original Journal of the said Voyage // Esquemeling J. The Buccaneers of America.* London, 1893. P. 342.

¹⁴¹⁰ Бродель. Ф. Матерьяльная цивилизация... Т. I. С. 188.

¹⁴¹¹ Эсквемелин. С. 53.

Одним из излюбленных лакомств морских братьев были авокадо. Их рецепты приготовления этого диковинного плода отличались недюжинным кулинарным искусством. Перед тем как его есть, рассказывали они, авокадо следует выдержать два–три дня, а затем снять с него кожу. Сама по себе бледно-желтая мякоть, напоминающая масло, «не очень вкусна», но если перемешать ее с соком лайма и сахаром, то получится вкуснейшая закуска. Можно было, правда, полакомиться авокадо и по-другому — если есть его с небольшим количеством соли и поджаренной зеленыю. Получалось блюдо не только отличное на вкус, но и невероятно полезное для здоровья. Авокадо особенно ценили испанцы, и, по мнению наблюдательного Дампира, причина их интереса заключалась в редкостных свойствах плода: он «вызывает похоть», и понятно, почему испанцы засадили им многие острова Карибского архипелага — авокадо в огромном количестве произрастали в заливе Кампече, на побережье Картахены, у Каракаса и на Ямайке.¹⁴¹²

Не меньший восторг вызывала гуава. Плоды ее, чрезвычайно разнообразные по форме и цвету, вкусом напоминают грушу. У них тонкая кожица, а внутри много мелких твердых зернышек. Дампир отмечает, что, в отличие от других экзотических фруктов, гуаву с ее желтой или красной мягкой мякотью, можно есть незрелой. Впрочем, настоящее лакомство получается, когда ее запекают. «Если есть ее еще зеленой, то она вяжет, в зрелом же виде послабляет,» — таким резюме буканьер завершил свой кулинарный экскурс.¹⁴¹³

Воистину, кулинарные фантазии морских бродяг не знали границ. Их привлекали, например, колючие заросли неприхотливой опунции, в изобилии произраставшей на солончатых прибрежных почвах. Буканьеры выяснили, что мякоть утыканных колючками листьев опунции, «круглых, размером с человеческую ладонь», по вкусу очень напоминает лук. Но главную ценность представляли колючие плоды, наливавшиеся на краях листьев. Зеленого цвета,

¹⁴¹² *Dampier W. A New Voyage Round the World...* P. 144.

¹⁴¹³ *Ibid.* P. 156.

они по мере созревания становились темно-красными. Их наполнял «густой сироп» с маленькими черными зернышками. «Они очень вкусные и хороши в качестве прохладительного и освежающего напитка. Однако если съесть 15 или 10 таких плодов, — предупреждал Дампир, — то окрашиваешься цветом этой жидкости. И делаешься красным. Я сам такое неоднократно испытал, обнаружив, правда, что вреда тут нет».¹⁴¹⁴

Иные кушанья были в подлинном смысле слова драгоценными. Так, пираты не прочь были отведать устриц-жемчужниц — «самую вкусную, — по авторитетному заключению Дампира, — разновидность моллюсков», подобных которым он нигде в Южных морях не встречал. Они столь же скользкие, как и улитки, и если их есть сырыми, то вкус у них вяжущий и суховатый. Лучше всего их отваривать или готовить по рецептам индейцев, которые развешивали их на веревках и сушили на солнце. Жемчужина помещается в головной части раковины, между моллюском и стенкой. В некоторых раковинах случается найти от 2 до 30 жемчужин, в других их нет вовсе, а иногда попадает только 1 или 2, но очень крупные.¹⁴¹⁵

Какие-то продукты питания и тайны их заготовки так и остались для буканьеров загадкой. Дампира, например, особенно заинтриговали желтые стручки винеллы, напоминавшей ему «ножки табачного листа». Они росли на небольшой лозе, которая очень широко разрасталась и устилала своими побегами стоящие рядом деревья. Индейцы собирали эти стручки, обрабатывали их, сушили, мяли между пальцами и продавали испанцам, потреблявшим сей продукт, сдобрив его маслом, добавляя в шоколад, или как лекарственное снадобье. Винелла в изобилии росла на Бокко-дель-Торро, куда в 1684 г. занесло Дампира. Он попытался собрать сведения о способах ее заготовки и у испанцев, и у индейцев, расспрашивал об этом также старого приватира, семь лет пробывшего пленником у испанцев в Портобелло и Картахене. Так и не узнав секрета, Дампир

¹⁴¹⁴ Ibid. P. 156, 157.

¹⁴¹⁵ Ibid. P. 123.

с товарищами ежегодно отправлялся на Бокко-дель-Торро, набивал лодку загадочными стручками и пытался их заготовить впрок, но безуспешно.¹⁴¹⁶

Конечно, моряки любили овощи, фрукты и всякие диковинки, но все отступало перед мясом, которому они прямо-таки поклонялись. Мясо превращало трапезу в настоящую пиршественную вакханалию, достойную самого Гаргантюа. «Окопавшиеся» на Эспаньоле буканьеры со страстью истинных гурманов поглощали прорву всякой местной дичи, «профессионально» рассуждая о гастрономических достоинствах всех этих рябчиков «пинтадас» (мясо которых было похоже на курятину), жирных, «истекающих салом» диких голубей с «превосходным» мясом, «необычайно вкусных» языков фламинго, гигантских, размером с индюка морских фрегатов с мясом, подобным говядине, олушей «с черным мясом». Буканьеры становились в высшей степени придирчивыми к еде, привередничали и не могли без отвращения есть мясо морских птичек «трусливцев», ибо оно было пропитано рыбьим жиром. То же относится и к пингуинам. У этих странных не летающих птиц Южных морей с культями вместо крыльев, как у гусенка, мясо, по мнению пиратов, весьма «посредственное», правда яйца совершенно «замечательные на вкус».¹⁴¹⁷ Съесть же ворону, как и обезьяну, можно было только «в случае нужды».¹⁴¹⁸ Еще бы, какие вороны, если «пиратские кушанья бывают намного вкуснее изысканных блюд, которые подаются на господские столы», — рассуждал Эксквемелин.¹⁴¹⁹ Куда как заманчивее собрать образовавшийся при варке мяса жир в «маленькое корытце» и макать в него колбаски. Или предаваться роскошному обжорству, поглощая в неограниченных количествах блюда из черепах.¹⁴²⁰ В Европе черепаховый суп подавался только в самых торжественных случаях, а на Антильских островах

¹⁴¹⁶ Ibid. P. 164.

¹⁴¹⁷ Ibid. P. 70.

¹⁴¹⁸ Эксквемелин. С. 44. Правда, в тяжелых ситуациях вполне могло сойти и мясо обезьян. Во время скитаний у побережья Никарагуа буканьеры «наварили и нажарили... столько обезьяньего мяса, что привыкли к нему, и оно казалось... даже вкуснее фазаньего.» (Там же. С. 205).

¹⁴¹⁹ Там же. С. 62.

¹⁴²⁰ «Если готовить их три недели подряд, руки и ноги тяжелеют, а нательная рубашка вся пропитывается салом.» (Там же. С. 65).

пираты просто-напросто заходили в подходящие места и устраивали там самую настоящую черепашую охоту: берег они делили на делянки и по ночам, когда черепахи откладывали яйца, при свете факелов забивали их. В других случаях пираты силой заставляли работать на себя местных индейцев-ловцов, которые, вооружившись подобием гарпуна, ходили на черепах в море. Великолепным нашел вкус галапагосских черепах попавший в Тихий океан Дампир.¹⁴²¹ Кожистая черепаха (лута), морская зеленая черепаха, каретта — любая разновидность не могла не прийти по вкусу; их варили, жарили на вертеле, коптили, сушили на солнце, а также ели с картофелем и фасолью.

Даже в самых тяжелых обстоятельствах буханьерам и флибустьерам нередко удавалось предаваться немислимому на борту обжорству. «Мы обильно поужинали дичью и пекари, разновидностью диких свиней, которых купили у индейцев, ямсом, картофелем и зелеными листьями, служившими нам вместо хлеба», — такими подробностями сопровождал Дампир свой рассказ о трудностях перехода через Дарьенский перешеек.¹⁴²² Разве может эта жизнь «впроголодь» выдержать сравнение с корабельной баландой?

Длинные перечни можно составить и из употреблявшихся в пищу даров моря. Традиционный и неизбежный в море рыбный стол — соленые, вяленые и копченые треска и сельдь с приправами или без них — превращал корабельные будни в нескончаемый пост. Его разнообразил морской лов — пиратам попадались кефаль, морской окунь, тунец, корюшка, плотва, макрель, пикша, дельфины, креветки, раки, разбойники не брезговали даже акулами. И как им было не понять капитана Натаниэла Юринга, сокрушавшегося из-за потери гарпуна: это бедствие лишило команду возможности бить рыбу и прилично питаться во время плавания.¹⁴²³ Нередко вольным добытчикам перепадали обильные морские яства. Они были не прочь отведать «очень вкусного мяса» бесчешуйчатых рыб-прилипал, ходивших косяками в заливе Кампече и у побережья Каракаса. Нередко

¹⁴²¹ *Dampier W. A New Voyage Round the World...* P. 73.

¹⁴²² *Ibid.* P. 18.

¹⁴²³ *Rediker M. Between the Devil and the Deep Blue Sea...* P. 128.

добывали тюленей и морских коров (испанцы называли их манантинами, а французы — ламантинами), мясо которых «похоже на телятину, но по вкусу напоминает свинину». Буканьеры, отловив их, брали только «печень, легкое, кишки, почки и мясо с костей», сало перетапливали в горшочках, а в качестве гарнира добавляли маис, сваренный, как гречка.¹⁴²⁴ Вылавливали пираты и омаров. На подходе к Магелланову проливу Дампир увидел, что море как будто пронзают «красные искры» — вокруг кишмя кишели невиданные красные омары. «Я только там и видел таких ракообразных естественного красного цвета», — записал потрясенный моряк, привычный к лобстерам черного цвета, краснеющим только при варке. «Мы вытаскивали их корзинами из воды».¹⁴²⁵

Однако при всем изобилии пищи угроза голода всегда подстерегала «джентльменов удачи». Когда хорошие времена заканчивались, они забывали о чревоугодии и пожирали все без разбора: кожаные башмаки, ремни, листья, семена, траву и «прочую дрянь». Видимо, сам не единожды попадавший в такие экстремальные ситуации, Эксквемелин воспел хвалу кожаным мешкам: «Люди, которые никогда не покидали домашнего очага, полагают, что кожа совершенно несъедобна; и, разумеется, им любопытно было бы дознаться, как же пираты готовят ее; делают они это так: растягивают кожу на берегу, придавив двумя камнями, и оставляют, чтобы она отсырела, потом из нее выдергивают волосы и поджаривают на угольях, а потом режут на куски и жуют».¹⁴²⁶ Во время осады Санта-Каталины пираты остались без продуктов, у них «разыгрался аппетит, и все мысли их были заняты поисками пищи. Неподалеку бродил старый мерин, брошенный испанцами, эта скотина не в состоянии была работать, и вся ее спина была покрыта гнойными язвами. Мерина убили, и каждому досталось по куску мяса с палец величиной; эту старую скотину ели как самое изысканное блюдо, какое только можно пожелать; и зевать при этом не приходилось: каждый норовил

¹⁴²⁴ Эксквемелин. С. 202.

¹⁴²⁵ Dampier W. A New Voyage Round the World... P. 63.

¹⁴²⁶ Эксквемелин. С. 178.

перехватить кусок соседа».¹⁴²⁷ Иногда от безысходности морские разбойники поглощали листья, траву — временами они были готовы дойти и до каннибализма.¹⁴²⁸ На любом корабле наступали времена безысходности, когда пора изобилия казалась прекрасным сном, ведь практически ни одно океанское плавание не обходилось без вынужденных постов и недоедания. Уже хорошо знакомый нам Уильям Дампир перед лицом голода не раз забывал о своих привычках гурмана. 31 марта 1686 г. он вместе с другими буканьерами совершил 51-дневный переход через Тихий океан. К тому времени, когда показалась земля, экипаж был доведен до крайности — продовольствия оставалось на три дня, за все плавание пираты не видели в небе ни одной птицы, им не удалось поймать ни одной рыбы, — все были убеждены, что уже никогда не ступят на сушу. Жизнь однако же брала свое: позже Дампир узнал, что среди экипажа готовился заговор — на случай, если кончится провизия. Разбойники намеревались убить главного виновника всех несчастий — своего командира капитана Свана — и съесть его. Вслед за ним та же участь ожидала бы и Дампира. Когда корабль подошел к Гуаму, все сошли на берег и наелись, Сван шутя сказал Дампиру: «Ах, Дампир! Вы были бы отвратительной пищей!» Действительно, иронизирует Дампир: «В сравнении со здоровым и толстым капитаном я был, как тростинка».¹⁴²⁹

Таким образом, мы видим, что морской разбой создавал определенный стиль жизни, обеспечивая полноценное питание. Важное место в морской субкультуре занимали мотивации и стратегии, характерные для простонародья с его культом крепких и сильных мужчин. Еда занимала важное место в их пристрастиях, при этом в системе принятых ценностей сытость не всегда стояла на первом плане. Постепенно морское сообщество стало все более ценить гастрономию, но этикет приема пищи был далек от аристократических канонов. Подобная ситуация во многом оказалась возможной благодаря географическим особенностям сферы пиратской деятельности XVII–XVIII вв. Сырьевые богатства

¹⁴²⁷ Там же. С. 166.

¹⁴²⁸ Там же. С. 179, 180, 182.

¹⁴²⁹ *Dampier W. A New Voyage Round the World...* P. 172.

региона, калорийность и разнообразие экзотических продуктов расширили гастрономический диапазон, позволяя выйти за рамки европейских условий. Недоступная в Европе дорогая еда, привозимая из колоний, была доступна морякам, и, в первую очередь, пиратам и каперам, пользовавшимся большей свободой по сравнению с матросами торговых и военных кораблей.

§ 3. ПИРАТСТВО И ПЛЕБЕЙСКИЙ СОЦИУМ: ВЛАСТНЫЕ ИЕРАРХИИ

Отверженные маргиналы

Рассмотрим теперь особенности внутренней жизни морского сообщества, и, в первую очередь, пиратства, выделяя структурные элементы, благодаря которым можно судить о цементирующих его иерархических ценностях и основах устройства власти. Как нам представляется, доминирующими моментами при анализе пиратства как социального феномена выступают следующие моменты.

Во-первых, любой корабль, скитавшийся в огромном море, был средоточием страха и надежд, унижительной нищеты и лишений, невообразимым переплетением разных судеб. Здесь каждый привносил в общую атмосферу свой жизненный опыт, свое миропонимание. Объединяющим же началом выступало отторжение цивилизованного законопослушного общества, с которым моряки, потенциальные пираты, выходцы из недовольных своим существованием низших слоев трудового люда, находились в постоянном конфликте. Пиратство превращалось в некий социальный конгломерат, который вбирал в себя тех, кто не принимал современное общество и жил идеей создать новый мир, мир равенства и справедливости. Крепкая нить соучастия в преступлении связывала этих людей. Пиратский промысел давал надежду выйти в люди, разбогатеть, не зная больше забот о хлебе насущном или, вкупе с такими же неудачниками, найти тот идеал справедливости, где не будут действовать законы, защищающие «богатого» и «жирного».

Во-вторых, открытая или потаенная конфронтация с обществом, с начальником, с приказом выступала одним из связующих звеньев всего моряцко-пиратского социума. Власть всегда могла сжать удавку, стараясь держать чернь в рамках существующего порядка вещей. Капитан ли это судна, служащий портовой администрации или командир военного корабля — от них исходило дыхание власти, и это дыхание многим из неимущих слоев приходилось не по нраву. Мир корабля словно бы являлся отражением всего тогдашнего мира, где закон был на стороне имущих. Могли ли простые матросы изменить его? Часто выросшие в атмосфере побоев и лишений, вынужденные постоянно мириться с попранием их достоинства, моряки избирали удел вольного добытчика, желая отыграться за ущемленное самолюбие и, пусть по-своему, ощутить себя свободным человеком.

И здесь мы сталкиваемся с третьим моментом, предопределявшим специфику пиратского сообщества — особая маргинальная социальная среда, со своими правилами, законами, с грубым портовым языком, на котором изъяснялись просоленные морские волки, неспособные обойтись без крепких выражений. Такова была «аура» плебейского корабельного социума, где всегда подспудно тлела и в любой момент могла прорваться наружу агрессивность. Наглядный урок преподавал своему племяннику бравый лейтенант Баулинг, впервые встретившийся с ним при весьма примечательных обстоятельствах и тут же научивший салагу-несмышлениша правилам «хорошего тона». Лихо зарубив на месте двух напавших на него охотничьих собак, терроризировавших всю округу, молодцеватый моряк нимало не смутился от града обвинений, угроз и проклятий взбешенного хозяина, готового «отомстить палачу». «Ваши собаки, братец, абординировали меня без всяких к тому оснований. Я должен был защищаться. Стало быть, лучше вам держать себя учтиво и пропустить нас в открытые воды», — как ни в чем ни бывало заявил неустрашимый морской гренадер, нисколько не спасовав перед тремя вооруженными чем попало слугами и их взбешенным хозяином. Не поняв «миролюбивых намерений» моряка, этот охотник, потерявший от возмущения всякую осторожность, выхватил у одного из слуг цеп

и уже изготовился было пойти в атаку, но тут его остановила отборная брань. «Эй, вы, неотесанный сын шлюхи! — полилось из прожженного моряка, размахивавшего окровавленным тесаком. — Если врежетесь мне в борт, берегите свою богатую обшивку. Будь я проклят, если не расправлюсь с вашей компанией! Заткните пасть, болван, заткните глотку! А не то я вам обкорнаю вашу куртку с кружевами... Я вас разотру дубовым полотенцем, и как еще разотру». Инцидент на том был исчерпан, так как ввиду столь веских словесных аргументов обвинитель счел за благо ретироваться.

Но история получила продолжение. Выяснение отношений происходило перед домом, куда Баулинг приехал помочь своему племяннику разобраться по-хорошему с родственниками, несправедливо обошедшимися с ним. «Не болтайся за кормой, щенок», — призвал он «заново оснащенного» (т. е. одетого в новое платье. — Д. К.) мальчика предстать пред очами его старого деда, после чего приступил к переговорам с пожилым джентльменом. Начались и закончились они вполне в духе бравого воителя. «Мне от вас ничего не нужно, но если есть у вас хоть какая-то совесть, сделайте что-нибудь для этого бедного мальчонки, с которым обращались совсем не по-христиански». Так выглядело многообещающее начало. Когда же дед, своим видом и поведением напомнивший нашему герою «старую акулу», предложил отдать мальчика в ученье, воспоследовала реплика: «Вы хотели сделать его портным, не так ли? А я, знаете ли, предпочел бы увидеть его на виселице. Идем, Рори! Я вижу, на что курс держать, повернем на другой галс... Между прочим, старый джентльмен, вам предстоит отплыть в иной мир, но, мне кажется, вы чертовски скверно снаряжены для этого путешествия». Отправив последним дружеским напутствием «старикашку» в широты ада, визитер ретировался.¹⁴³⁰

Не менее красноречивой надгробной речью спустя несколько недель богохульник Баулинг сопровождал в последний путь только что скончавшегося или, выражаясь языком нашего моряка, «бросившего якорь» старого джентльмена.

¹⁴³⁰ Смоллет Т. Приключения Родрика Рэндома. С. 18.

«Умер? — повторил мой дядя, посмотрев на покойника. — Да, да, могу поручиться, что он мертв, как селедка. Эх, черт возьми! Пусть все теперь узнают, какой мне привиделся сон. Мне снилось, будто я стою на баке и вижу, как стая воронов-стервятников терзает мертвую акулу, всплывшую у нашего борта, а дьявол в облике синего медведя, примостившийся на рее на носу корабля, прыгнул за борт и, вцепившись когтями в тушу, утащил ее на дно».¹⁴³¹

Во всей этой брани, богохульствах и сквернословии сказывались особенности сознания, свойственные маргиналам. Это не просто грязная ругань, перемешанная с диким для сухопутного человека морским жаргоном. Изъясняясь на своем особом грубом наречии, моряки чувствовали себя замкнутой, узнаваемой кастой, но это же отторгало их от окружающих. Чего здесь было больше — дерзостной бравады во всем разуверившегося люмпена или высокомерной кичливости прожженного морского волка, видевшего в ругани нечто «вроде благородного спорта», чреватого суровыми наказаниями?¹⁴³² Все это присутствует в моряцком жаргоне, но не только это. Во время наказания розгами унижение и бессилие заставляли захлебывавшегося от негодования и боли моряка, привязанного к кабестану,¹⁴³³ выплевывать в лицо капитану: «Да пусть сатана пожрет мою плоть, отделив ее от костей, если я когда-нибудь расскажу об этом отцу и матери». Злоба и желание унижить своего начальника выливались в обещание «насцать на его могилу».¹⁴³⁴ Ненавистный мир власти и богатых нередко подвергали оскорблению и жестокому сарказму, грозя вымазать в грязи и нечистотах. Вот знаменитый монолог, вложенный Капитаном Джонсоном в уста пиратского капитана Сэмюэла Беллами, накинувшегося на одного из захваченных им торговцев со страшными обличениями мира наживы: «Черт бы побрал тебя,

¹⁴³¹ Там же. С. 25.

¹⁴³² Хейзинга Й. Осень Средневековья... С. 176. См. там же о репрессивном законодательстве против сквернословия, в котором фигурировали не только высокие штрафы, но и угрозы отрезания языка и рассечения верхней губы.

¹⁴³³ Кабестан (*фр.* cabestan, *англ.* capstan — «ворот») — шпиль с ручным приводом для подъема якорного каната. К нему ставили для телесных наказаний плетми, нередко после этого в исполощенное тело наказанного втирали соленую воду.

¹⁴³⁴ Rediker M. Between the Devil and the Deep Blue Sea... P.165, 166.

мразь смердящая! Да ты такой же, как те бессловесные твари, что живут по законам, придуманным трусливыми богатеями. Закон для них — единственный способ защитить нахапанное добро. Да поразят проклятие и кровь этих подонков и продажных лгунов с набитой мошной, того же достоин и ты, и подобные тебе жалкие цыплячи душонки, как шавки, твякающие в защиту этого гнусного порядка. Толстопузые мерзавцы называют нас злодеями, но они от нас отличаются одним: богачи обирают бедняков, прикрываясь законом, разве я не прав? А мы трясем толстосумов, рассчитывая лишь на собственную храбрость. Уж лучше бы тебе примкнуть к нам, чем вылизывать задницы этим скотам и получать за это жалкие объедки с барского стола. Ну, что скажешь? Дьявол меня забери, если ты — не самый жалкий из воров. А я — человек свободный: захочу — и объявлю войну всему миру, как любой из тех, у кого тысячи людей и десятки кораблей».¹⁴³⁵

Не меньшим радикализмом были пронизаны признания пиратки Мэри Рид, о которых поведал на судебном процессе Рэкем. Ее слова выглядят настоящей исповедью антигероя буржуазного общества: «Повешение, — заявила Мэри Рид, — ее не страшит... пиратами становятся жалкие трусы, так что моря уже кишат их кораблями, в то время как подлинно смелые люди обречены на голодную смерть...если бы пиратам была предоставлена возможность выбирать себе наказание, то они бы выбрали казнь через повешение, и только боязнь этого заставляет трусливых негодяев быть честными...многие из тех, кто обманывает вдов и сирот и обирает их бедных соседей, не имеющих денег на правосудие, тоже занялись бы морским грабежом, а океан, как и суша, оказался бы во власти разбойников, и поэтому ни один купец не осмелится выйти в море: так что скоро торговля потеряет всякий смысл».¹⁴³⁶

Слова Сэмюэла Беллами и Мэри Рид достаточно красноречиво отражают плебейские чаяния. Пиратство предоставляло огромной массе «отверженных» возможность вырваться из бессмысленного монотонного прозябания, выплеснуть

¹⁴³⁵ *Captain Charles Johnson. A General History of the Pyrates...* P. 587.

¹⁴³⁶ *Капитан Чарльз Джонсон. История знаменитых морских разбойников XVIII века / Автор предисловия Дэвид Кординггли. Пер. с англ. А.К.Ефремова. М., 2009. С. 213, 214.*

сдерживаемую социальными ограничениями жизненную энергию и проявить себя. Не случайно они именовали себя «пиратами-джентльменами» и «лордами», сорили деньгами, которых у них хоть отбавляй, и в своей устрашающей риторике и поведении часто старались походить на коронованных особ.¹⁴³⁷ Объяснимо тогда и появление в 1719 г. нашумевшего романа «Король пиратов», своего рода автобиографии Генри Эвери, будто бы основавшего настоящее царство, «наподобие древних киликийцев». Подобная самоидентификация пришлась по нраву социальным низам, и, вкупе с имиджем робин гудов, стала ступенькой в формировании фольклорного имиджа народного героя, воплощавшего черты демократического лидера простого люда.

Пиратство предоставляло огромной массе «отверженных» возможность вырваться из бессмысленного монотонного прозябания, выплеснуть сдерживаемую социальными ограничениями жизненную энергию и проявить себя. Когда разбойники захватывали торговое судно, на его борту разворачивалась сцена, являвшая собой кульминацию социальной конфронтации. Захваченным морякам предлагалось порвать со старой жизнью. Всего на один шаг должны были они выйти из строя — и оказывались в другом мире. И многие делали этот шаг, на который ранее решились их новые товарищи.

Что видели «люди моря» раньше? Какими приходили они в пиратство? Мы наметили контуры духовного мира, связывавшего этих людей, попытались обрисовать их повседневность. Очевидно, что питать радужные иллюзии по поводу жизни матросов на кораблях того времени не стоит. Они знали, что о собаке будут заботиться лучше, чем о них. О том же говорит и ходившая в XVII в. пословица: «Лучше болтаться в петле, чем служить на флоте». К такой мысли подводил весь корабельный уклад, так как на любом торговом и военном судне неминуемо присутствовала социальная конфронтация. Моряки имели свое представление о том, какие у них права и как им защищаться от посягательств

¹⁴³⁷ См. подробнее: *Arnaudov P. I. Elements of mythmaking in witness accounts of colonial piracy (Dissertation). Louisiana State University, 2008. P. 88–94.*

командиров. Нанимаясь на определенный маршрут, они возмущались, если судно отклонялось от заданного курса и шло в не предусмотренные контрактом места, тем более если там можно было подхватить желтую лихорадку или тиф. Не желали они и надсаживаться сверх сил на опасных работах, которые могли превратить их в инвалидов. Да, собственно, к чему было особо усердствовать, если кормежка — дрянь, а командир и судовладелец из скарденности наняли в экипаж недостаточно работников. А если и судно уже как корыто и дало течь — неужели рисковать своей жизнью и продолжать плавание? Не лучше ли сбежать в первом же порту?

Мы перечислили обычные, так сказать, рабочие, моменты, которые могли вызвать недовольство экипажа, привести к саботажу, отказу от работы, дезертирству. Добавим к сказанному деспотизм и жестокость капитанов и их помощников, требовавших тупого повиновения, избивавших моряков и придерживавших выплату положенных денег.¹⁴³⁸ Скотское обращение с людьми, невыносимые условия труда и быта превращали суда того времени в плавучие тюрьмы, а жизнь на них — в тяжелейшее испытание. Современники подчеркивали, что существование на корабле ничем не отличалось от жизни в тюрьме, за исключением того, что на корабле был еще и шанс утонуть. Человек в тюрьме имел большее помещение, лучшую еду и, как правило, лучшую компанию. На кораблях царила строжайшая, порой зверская дисциплина, уничтожавшая все попытки возмущения. Широко практиковались публичные порки, килевание, заковывание в кандалы. Немалому числу моряков пришлось «на собственной шкуре» испытать, что значит быть «помазанным девятихвостой кошкой» или линьком, флотскими разновидностями розги. Кошками называли многохвостовые плетки с узлами на осмоленных концах, привязанные к деревянной рукоятке: линьками — куски веревок с узелками на конце. В том же ряду стоит и наказание «дубовым полотенцем», т. е. дубовыми палками, вроде батогов. Говоря «привесят на нок-рей», Вондел упоминает о специфическом

¹⁴³⁸ См. подробнее: *Rediker M. Between the Devil and the Deep Blue Sea...* P. 100–103.

флотском наказании, при котором жертву привязывали к рее на канате, а затем подтягивали вверх, после чего отпускали. Человек летел с огромной высоты в море, и так повторялось несколько раз. Приговоренного к наказанию могли привязать к рее на канате, а затем, подняв вверх, сбросить с огромной высоты в море или же, подняв привязанным на тросе до топа грот-мачты, оставить висеть там всю ночь. Могли провинившихся моряков посадить в открытую буксируемую шлюпку, кинув поварешку для вычерпывания воды. Через несколько минут несчастный промокал до нитки, и всю ночь болтался на волнах, проклиная весь свет почем зря.¹⁴³⁹ Одним из самых жестоких наказаний на море считалось протаскивание под килем, или килевание. Наказанного должны были протащить либо под килем, либо вдоль кия. Для этого на каждом ноке грот-рея укреплялось по блоку. Через них проводился трос, связанный в кольцо. К нему привязывали приговоренного и протаскивали его под корпусом корабля. Мучения жертвы были ужасны. Трос могло заклинить, и тогда несчастный, захлебнувшись, погибал. Если же ему удавалось выжить, то на борт его втаскивали со страшными увечьями: все днище корабля было покрыто наростами ракушек, и они раздирали человека, не оставляя на нем живого места. Впрочем, не исключалось и повторное килевание — осужденному давали глотнуть воздуха, а потом вновь отправляли его на страшное испытание.

Была ли у этих людей альтернатива? На поверхности лежали наиболее «простые» вещи. Моряки, запертые в тесных помещениях — «клетках», питавшиеся отвратительной, грубо приготовленной, лишенной вкуса и витаминов пищей, подверженные частым эпидемиям цинги и дизентерии, изможденные тяжелым физическим трудом, окруженные грубыми сотоварищами, проводили долгие месяцы в бесконечно тянущихся рейсах, не видя ничего, кроме бескрайнего, бездонного и враждебного моря. В недолгие дни пребывания на суше они захлебывались в алкогольном угаре, а потом все повторялось. Эти люди рано превращались в развалины, а когда физические силы их покидали, остро

¹⁴³⁹ Ханке Х. На семи морях... С. 199.

ощущали свою ненужность. Стоит ли удивляться, что духовную атмосферу пиратского экипажа питало отчаянное желание вольных добытчиков пожить с размахом, так весело и насыщенно, как им никогда не удавалось в той, прежней жизни. Поэтому и бытовые порядки на каком-нибудь пиратском барке не шли ни в какое сравнение с обстановкой на военном корабле или торговом судне и были куда менее тягостными. Более калорийная и разнообразная пища, отсутствие многих дисциплинарных ограничений, меньшее время, отведенное на собственно морскую службу, и другие послабления делали пиратство притягательным. И потом — здесь умели гульнуть и покуролесить! Знаменитый разбойник Бартоломью Робертс любил говаривать: «Короткая, но веселая жизнь — это мое правило».¹⁴⁴⁰ И вступив, по словам капитана Эвери, «на путь удачи»,¹⁴⁴¹ на путь свободной жизни, пираты, каждый на свой лад, пытались себя проявить.

Ощущая себя сопричастными радостям мира, они всячески изощрялись в еде и одежде, о чем речь уже шла. Такого же рода «созиданием» были отмечены и многие другие составляющие их быта и деятельности. Наполненная событиями бурная жизнь, импровизаторство и свобода превращали пиратский экипаж в сгусток социальной творческой силы. Неизбывные мечты о райской жизни и лучшей доле будоражили сознание «черни», и способствовали рождению новаторских, грандиозных проектов организации своего микромира и переустройства общества в целом.

Пиратское братство: эгалитаризм, выборы, дисциплина

Вся природа вольного сообщества противоречила принятым цивилизованным обществом «правилам хорошего тона». В первую очередь, это касалось механизмов, с помощью которых плебейский социум организовывал систему внутренней власти, которая осуществлялась совместно участниками разбойничьих групп и преследовала определенные цели.

¹⁴⁴⁰ СПб ИИ РАН Кол. 238. Оп. 2. Д. 146/22. Л. 22.

¹⁴⁴¹ *Ritchie R. C. Captain Kidd...* P. 86.

Начиналось все с разбойничьего «контракта». Он подразумевал составление письменного договора об условиях участия в грабеже и, соответственно, обязательство новоиспеченного разбойника выполнять устав корабельной жизни, участвовать в выборах командира. У Эксквемелина подобное соглашение именуется *шасс-парти*. В среде английских каперов подобные договоры были известны как *Jamaica Discipline*. Договор заключался накануне выхода в море и определял цель разбойничьей акции. В него вносились условия, оговаривавшие участие в деле членов группы, определялись соответствующие доли командира и других участников.¹⁴⁴²

Подобного рода разбойничьих соглашений фактически не сохранилось, что вполне естественно. Вот один из дошедших до нас «договоров» о пиратстве. Он был принят на борту корабля Королевской Африканской компании «Кэмеллион», захваченного командой, поднявшей мятеж. Текст документа чрезвычайно любопытен и не только позволяет пролить свет на обычаи, принятые на пиратских судах, но и дает возможность предположить, какие меры предосторожности принимал экипаж на случай, если бы такой документ попал в руки правосудия. В 1682 г. «Кэмеллион» направился к западному побережью Африки и, приняв груз черных невольников, перешел к острову Барбадос, а затем к Невису. В июне 1683 г. судно двинулось обратно к берегам Англии. Однако экипаж захватил корабль, продал часть груза голландцам на Кюрасао и отправился пиратствовать. Был заключен соответствующий контракт, сохранившийся в связи с судебным делом о происшедшем.

Соглашение о пиратстве

30 июня 1683 г.

Июня 30 дня 1683 года. Статьи соглашения, заключенного нами на борту «Кэмеллион» под командованием Ник. Клова, о том, что мы будем совместно распоряжаться всеми товарами, которые находятся на борту; каждый должен

¹⁴⁴² Эксквемелин А. О. С. 63.

получить сполна свою законную долю. Один лишь командир получит две с половиной доли за корабль, а тот, кого капитану будет угодно взять в качестве помощника, получит полторы доли. Подобное, джентльмены, должно вас удовлетворить, как и то, что доктору полагается полторы доли, и таковы статьи, коих мы все придерживаемся и по отдельности и все вместе.

Это должно уверить вас, что мы намерены торговать с испанцами и не иметь дела ни с одной нацией, которая встретится нам в море. Итак, джентльмены, этим мы заявляем, что если кто-либо впредь станет нам противиться, то будет сурово наказан в соответствии с тем, что совершил, и все мы, здесь присутствующие, приняли совместную клятву на святом Евангелии держаться друг друга до окончания жизни.

Джон Хэллемор

знак Томаса Диксона

Роберт Кокрем

крест Джо Дарвелла

крест Артура Дэвиса

крест Д. Моррина

Джон Реналс

знак Роберта Лузина

Ник. Клов

Сэмюэл Хейнсуорт

Дэниэл Келли

Уильям Хис

Джон Гриффин

Генри Майклсон

Альберт Лейзен

знак Саймона Вебсона

Уильям Строучер

Эдв. Доу

Джон Уоткинс

Эдвард Старки

знак Джорджа Пэддисона

Джон Коппинг

знак Генри Ливайна.¹⁴⁴³

Благодаря Капитану Джонсону в распоряжении исследователей оказалось еще несколько документов, содержащих сведения о правилах, которыми руководствовались пираты, организуя свои шайки. Это «законы», принятые в группах Бартоломью Робертса (1719 г.),¹⁴⁴⁴ Джорджа Лоутера (1721 г.)¹⁴⁴⁵ и Джона Филипса (1723 г.),¹⁴⁴⁶ и упоминание о подписании устава группой капитана Уорли.¹⁴⁴⁷ Они позволяют очертить контуры социального устройства пиратских групп и вместе с тем ощутить нравственный подтекст противоречивых коллизий, сопровождавших корабельную жизнь.¹⁴⁴⁸ Однако, следует ли абсолютизировать влияние пиратских «конституций»? Ведь пиратский социум жил в соответствии с определенными и весьма специфическими нравственными критериями, изучение которых вскрывает тесную связь мира вольных добытчиков с идеологией плебейской массы, патриархальными традициями моряцкого сообщества, поведенческими нормами, распространенными в каперской среде и особенностями существования криминального сообщества. Особенность пиратских правил заключалась в том, что его принимали в рамках достаточно тесного коллектива, и оспаривать его законность было, разумеется, крайне опасным делом. Пиратское судно собирало людей различных культур, образования, профессий, привыкших действовать на свой страх и риск и не

¹⁴⁴³ Privateering and Piracy... P. 141–142.

¹⁴⁴⁴ *Captain Charles Johnson A general history of the pirates..* P. 211–212.

¹⁴⁴⁵ Ibid. P. 307–308. Первые восемь статей «законов» Лоутера идентичны «законам» Лоу, которые были напечатаны в «Boston News-Letter» 8 августа 1723 г.

¹⁴⁴⁶ Ibid. P. 342–343.

¹⁴⁴⁷ Ibid. P. 297. Эта шайка действовала в 1718 г. у Южной Каролины и была захвачена властями поздней осенью 1718 г. Сам Уорли погиб в бою, а все взятые пираты были повешены в Чарлстоне.

¹⁴⁴⁸ См также правила, принятые на корабле «Ривендж» Джона Гоу (http://www.pascalbonenfant.com/18c/newgatecalendar/john_gow.html).

желавших подчиняться чужой воле. Трудно сказать, были ли иные средства давления на этих «распутных, духовно опустошенных и равнодушных к горю»¹⁴⁴⁹ людей, помимо страха и единой воли. Они то и диктовали правила игры внутри пиратского сообщества.

Создание пиратского мира и обоснование его принципов было результатом деятельности людей, вышедших из плебейских низов. Ими двигало искреннее и «добросовестное» желание всех обитателей трюсов и нижних палуб разделить богатство между всеми членами общества. Поэтому духовным стержнем экономического устройства пиратского микрокосма явился эгалитаризм с присущей ему идеологией всеобщего равенства и уравнительном принципе распределения имущества. Не обременяя себя философскими раздумьями, члены пиратских команд как радикально мыслящая группа общества объявили войну богачам. Нет ничего странного в том, что нередко «обрядом» пиратской группы становилась клятва, в которой в числе прочих положений объявлялась беспощадная война всем богачам мира.

Узаконенный на корабле пиратский эгалитаризм был эффективной силой, которая сплачивала весь «братский» коллектив. Мы уже упоминали о символическом определении разбойничьей среды — «береговое братство». Рассматривая вольных добытчиков в качестве социального объединения, сродни «профессиональному объединению» моряков-авантюристов, мы не можем пройти мимо еще одного определения, получившего распространение в среде антильских разбойников. Буканьеры и флибустьеры Вест-Индии, верные своим прежним занятиям, продолжали чувствовать себя членами небольшого моряцкого сообщества, именуемого матлотажем (*matelotage*), а себя называли матлотами (*matelots*). В этих словах соединилось очень много тонких смысловых оттенков, связанных с морским делом. С одной стороны, в них присутствует намек и на морское ремесло, и на выплачиваемое моряку жалованье, нередко называемое

¹⁴⁴⁹ *Джонсон Ч.* История знаменитых морских разбойников XVIII века / Предисл. Дэвида Кордингги; пер. с англ. А.К.Ефремова. М., 2009. С. 306.

матлотажем. С другой стороны, под матлотом на корабле подразумевался конкретный матрос, а во флотской практике XVIII в. — марсовый матрос. Наконец, в морском обиходе XVI–XVII вв. под матлотажем понималась и вся компания друзей-моряков на судне, грубоватая и вольная приятельская братия — «матросня». Дю Тертр и Шарлевуа, собиравшие сведения о разбойниках на Сан-Доминго, особо подчеркивали приятельскую близость между собой матлотов, владевших совместно имуществом и поддерживавших друг друга. В целом, братья-матлоты выделялись своим поведением, воплощая традиционный коллективизм патриархальных отношений на корабле. Эсквемелин утверждал: «они собирают все, что у них есть, ставят на вещи метки и договариваются, что тому, кто переживет своих товарищей, достается все их имущество. Некоторые при этом оговаривают, чтобы их вещи после смерти передали родственникам или женам».¹⁴⁵⁰ Выйдя из среды кабальных слуг и несколько лет проведя в услужении, Эсквемелин хорошо знал обычаи пиратов. Он вполне мог иметь в виду и свой собственный печальный опыт, когда писал: «Тому, у кого ничего нет, сразу же выделяется какое-либо имущество, причем с уплатой ждут до тех пор, пока у неимущего не заведутся деньги».¹⁴⁵¹ Для него в этом не было ничего странного, так как «друг к другу пираты относились заботливо. Кто ничего не имеет, может рассчитывать на поддержку товарищей».¹⁴⁵²

Сходный порядок поведения был установлен и при дележе взятой добычи. В соответствии с правилами каперства, «под страхом казни или телесного наказания» пиратам запрещалось посягать на товары, грабить захваченное судно и разрушать его, «если на нем нет врагов».¹⁴⁵³ «Вся добыча — будь то золото, драгоценности, камни или разные вещи — делится впоследствии поровну, — объяснял Эсквемелин. — Чтобы никто не захватил больше другого и не было никакого обмана, каждый, получая свою долю добычи, должен поклясться на

¹⁴⁵⁰ Эсквемелин А. О. С. 46.

¹⁴⁵¹ Там же. С. 64.

¹⁴⁵² Там же. С. 47.

¹⁴⁵³ Там же. С. 63, 165.

Библии, что не взял ни на грош больше, чем ему полагалось при дележке. Это касается как золота, серебра, драгоценностей, так и шелка, льна, хлопка, одежды и свинца. Того, кто дал ложную клятву, изгоняют с корабля и впредь никогда не принимают...»¹⁴⁵⁴ После разграбления отрядами Олоне Маракайбо и Гибралтара пираты уединились на острове Ваку, «выгрузили добычу на берег и устроили на свой манер дележ. Разделив все добро, они подсчитали, что серебра и драгоценностей оказалось на шестьдесят тысяч реалов. Кроме денег каждый еще получил больше чем на сотню реалов шелка и шерстяных тканей, не считая других мелочей... Часть добычи, которая приходилась на долю павших в бою, была передана их товарищам или родственникам».¹⁴⁵⁵ О похожих процедурах не раз рассказывал и Дампир. Отражение тех же тенденций мы находим и в пиратских правилах XVIII в. «Каждый член экипажа имеет право на участие в голосовании по насущным вопросам; он обладает равными с остальными правами на получение свежей провизии и спиртных напитков, как только они будут захвачены; он может использовать их по собственному желанию, за исключением тех случаев, когда для всеобщего блага станет необходимостью ограничение в их потреблении», — гласила первая статья правил Робертса. За ней следовал своего рода комментарий, сведенный во вторую статью: «Каждый член экипажа должен быть вызван, в соответствии с установленным порядком, на борт призового судна, потому что, свыше причитающейся ему доли захваченной добычи, он может еще взять себе смену белья. Но если кто-нибудь попытается обмануть товарищество и присвоить себе серебряную тарелку, драгоценности или деньги, то наказанием ему будет высадка на необитаемый остров».¹⁴⁵⁶

Пиратский коллектив представлял собой сравнительно немногочисленное сообщество людей, каждый из которых был всегда на виду. Утаить что-либо от своих «коллег» было крайне трудным и опасным делом. За кражу «любой вещи у

¹⁴⁵⁴ Там же. С. 63–64.

¹⁴⁵⁵ Там же. С. 95.

¹⁴⁵⁶ *Captain Charles Johnson A general history of the pirates...* P. 211.

компании» Филиппа полагалась смертная казнь (ст. 3).¹⁴⁵⁷ В кодексе Лоутера оговаривался временной срок, в течение которого нужно было сдать квартирмейстеру захваченные со взятого судна ценности стоимостью свыше одного пиастра — если через сутки у кого-либо из членов экипажа обнаруживались вещи с ограбленного корабля, нарушителя законов предавали суду (ст. 4).¹⁴⁵⁸ В практике разбойничьей жизни можно обнаружить наглядные примеры того, как грабители пресекали присвоение незаконной добычи и воровство в своей среде. Во время похода Моргана на Панаму была проведена следующая очистительная акция. Все флибустьеры собрались на сход. Каждый дал клятву, что ничего не скрыл от остальных. После этого все разделись. Бросив одежду перед собой, флибустьеры терпеливо ждали, пока доверенные люди от каждого отряда перетряхивали их платье. Той же участи подвергся сам Морган и все командиры пиратских отрядов, «чаша эта никого не миновала».¹⁴⁵⁹

В поисках социальной справедливости разбойники старались в деталях предусмотреть ситуации, которые могли возникнуть в реальной жизни. Так, при распределении добычи главари получали большие суммы, чем простые члены экипажа. Размеры этих сумм изменялись — если командирам флотилии Моргана полагалось восемь долей,¹⁴⁶⁰ то суммы, получаемые вождями пиратских шаяк в начале XVIII в., колебались от полутора до двух долей. «Каждый должен подчиняться установленному правилу: при дележе добычи командиру полагается полторы доли, квартирмейстеру, плотнику, боцману и канониру — доля с четвертью», — сообщали правила Филиппа (ст. 1).¹⁴⁶¹ В кодексах Лоутера и Робертса командир претендовал на два пая (ст. 1 правил Лоутера и ст. 10 правил Робертса).¹⁴⁶² Однако сам принцип вознаграждения из общей добычи оставался неизменным. Особые доли выплачивались квартирмейстеру, доктору, плотнику,

¹⁴⁵⁷ Ibid. 342.

¹⁴⁵⁸ Ibid. 308.

¹⁴⁵⁹ *Эксквемелли А. О.* С. 196, 197.

¹⁴⁶⁰ Там же. С. 163.

¹⁴⁶¹ *Captain Charles Johnson A general history of the pirates...* P. 342.

¹⁴⁶² Ibid. 212, 307.

боцману, штурману, то есть мозговому штабу корабля. На флотилии Моргана решили выплачивать хирургу дополнительную «премию» в двести реалов «на его аптеку», а плотникам выдавать дополнительно сто реалов. Шкипер, боцман и канонир из экипажа Робертса должны были взять по полторы доли, а «оставшиеся лица командного состава — по одной доле с четвертью». По «доле с четвертью» полагалось получить квартирмейстеру, плотнику, боцману и канониру на корабле Филиппа. По правилам Лоутера полторы доли получал квартирмейстер, долю с четвертью присуждали доктору, канониру, боцману и ответственному за парусное хозяйство. Члены экипажа выступали как равные перед лицом опасности и были партнерами в той рискованной игре, участниками которой стали. Поэтому, отдавая должное главарям и специалистам, они вовсе не собирались ущемлять себя при дележе награбленного и отдавать что-либо, помимо специально оговоренных сумм. Подобная система выплат из общего котла уравнивала иерархическую структуру, уравнивала материальное положение членов экипажа и должна была снижать напряженность на борту.

Не вся захваченная добыча распределялась внутри экипажа. Часть ее шла в общую складчину и разделялась по двум направлениям. Предусматривалось создание специальных касс, наподобие «воровского общака», которые условно можно разделить на *фонд страхования* и *премиальный фонд*. Первый капитал покрывал возмещение увечным и обеспечивал своего рода спасительную премию-страховку пиратам, пострадавшим в бою. Решение о создании подобного капитала принималось накануне похода, и все суммы выплат оговаривались особо. Так, например, перед походом Моргана на Панаму команды судов собрались на совещания, а их вожаки затем донесли мнение своих групп до «адмирала» Моргана. Общее решение гласило: «Кто потеряет обе руки, должен получить сверх своей доли еще полторы тысячи реалов или пятнадцать рабов (по выбору пострадавшего); кто потеряет обе ноги, должен получить тысячу восемьсот реалов или восемнадцать рабов; кто потеряет руку, безразлично, левую или правую, должен получить пятьсот реалов или пять рабов. Для потерявшего ногу,

безразлично, левую или правую, полагалось пятьсот реалов или пять рабов. За потерю глаза полагалось сто реалов или один раб. За потерю пальца — сто реалов или один раб. За огнестрельную рану полагалось пятьсот реалов или пять рабов. За парализованную руку, ногу или палец полагалась такая же плата, как и за утраченную конечность. Сумма, необходимая для выплаты подобных возмещений, должна была изыматься из общей добычи перед ее дележом».¹⁴⁶³ Пират с корабля Филипса, потерявший в бою кисть или стопу, получал компенсацию в 400 реалов; потеря конечности целиком оценивалась в 800 реалов (ст. 8). У Лоутера же инвалид без руки или ноги мог рассчитывать на возмещение в 150 фунтов стерлингов и право остаться в команде (ст. 6). В группе Робертса калека, лишившийся конечности, получал «из общественного капитала» 800 долларов, а в случае меньших повреждений — «пропорциональную компенсацию» (ст. 9).¹⁴⁶⁴

Кроме того, пираты выделяли особый фонд, из которого черпались премии отличившимся. Во-первых, поощрялись индивидуальная храбрость и отвага: «Была установлена доля для особо отличившихся и пострадавших от врага, а также для тех, кто первым водрузит флаг на укреплении противника и провозгласит его английским; они (пираты. — *Д. К.*) решили, что за это следует добавить еще пятьдесят реалов. Тот, кто будет подвергаться большой опасности, получит сверх своей доли еще двести реалов. Гренадеры, которые забрасывают крепость гранатами, должны получать по пять реалов за каждую гранату».¹⁴⁶⁵ То же постановили и люди Лоутера, определив особое вознаграждение по собственному выбору тому, кто первым увидит призовой корабль (ст. 8). Тому же, кто своей отвагой в бою поднял товарищей и увлек их в схватку, полагалось заплатить особую долю из захваченного добра (ст. 7).¹⁴⁶⁶

Предусматривалось и коллективное премирование: «Если какой-нибудь корабль первым захватит в море или гавани вражеское судно, выделить его

¹⁴⁶³ Эсквемелин А. О. С. 164.

¹⁴⁶⁴ *Captain Charles Johnson A general history of the pirates..* P. 212, 308, 343.

¹⁴⁶⁵ Эсквемелин А. О. С. 163, 164.

¹⁴⁶⁶ *Captain Charles Johnson A general history of the pirates..* P. 308.

команде из общей добычи премию в тысячу реалов, а если добыча на таком судне будет оценена суммой выше десяти тысяч реалов, то добавить еще по тысяче с каждых десяти тысяч.»¹⁴⁶⁷ Так создавались страховые гарантии на случай травм, увечий, ранений, выделялись суммы на содержание семьи убитого (если она была) и суммы для поощрения тех, кто проявлял большую сноровку, ловкость, храбрость и энергию. В то же время пираты сурово наказывали тех, кто проявлял во время боя малодушие и трусость (ст. 3 правил Лоутера) или «покидал свое место во время сражения» (ст. 7 правил Робертса).¹⁴⁶⁸

В заключение посмотрим, насколько «доходен» был пиратский промысел. К сожалению, информации о «заработной плате» пиратов почти не сохранилось. Чаще всего приходится сталкиваться с легендарными повествованиями, в которых деньги льются потоком, но точные суммы отсутствуют. Однако и те редкие «бухгалтерские» данные, которые попали в распоряжение историков, демонстрируют, какая гигантская пропасть пролегла между суммами, которые получали простые моряки в качестве заработной платы, и доходами вольных добытчиков. В июле 1681 г. пираты из отряда Шарпа захватили испанское торговое судно «Сан Педро» с грузом кокоса и вина. Разбойники привели корабль в уединенную гавань, и несколько дней обыскивали его, забрав все столовое серебро и обменявшись заодно грот-мачтами. Нашлись на «Сан-Педро» и деньги — 9 тысяч двести пятьдесят фунтов. Удача привела пиратов в благодушное настроение. Они отпустили испанцев, пожелав им попутного ветра. Командир «Сан-Педро», поняв, что дешево отделался, расчувствовался, и поклялся, что никогда не встречал таких честных разбойников. Пираты же разделили захваченную добычу — на долю каждого рядового разбойника пришлось по 234 фунта.¹⁴⁶⁹ На рубеже XVII–XVIII вв. моряк невольничьего судна, совершивший на судне Сэмюэла Берджеса рейс из Нью-Йорка на Мадагаскар, зарабатывал в среднем за месяц 2 нью-йоркских фунта; доктор получал 2,1 фунта плюс одного

¹⁴⁶⁷ Эсквемелли А. О. С. 164.

¹⁴⁶⁸ *Captain Charles Johnson A general history of the pirates...* P. 307, 212.

¹⁴⁶⁹ *A Buccaneer's Atlas...* P. 21.

раба и по 12 пенни за каждого довезенного до места назначения невольника; второй помощник и боцман — по 2,8 фунта.¹⁴⁷⁰ В конце декабря 1699 г. капитан Мэтью Лоус возле мыса Доброй Надежды захватил «Маргарет» того же Сэмюэла Берджеса, обвинив его в контрабандной торговле с пиратами. На судне были арестованы мадагаскарские пираты, «купившие билеты» на рейс в Нью-Йорк. Лоус подсчитал конфискованные суммы и оказалось, что пираты возвращались в Америку с очень большими деньгами. Четверо из них плавали с Киддом: Хемфри Уайл имел при себе 1100 фунтов, Стивен Смит — 500 фунтов, Ричард Роупер — 400 фунтов, Джон Смит — 400 фунтов. Самым «богатым» на судне Берджеса оказался некий Хью Бэнкс, у которого нашли 1500 фунтов. Всего же у двадцати восьми «пассажиров» отыскали 11 140 фунтов. Когда в Нью-Йорке арестовали Сэмюэла Брэдиша, то у него обнаружили монет на сумму почти в 1000 нью-йоркских долларов. У Джона Олдриджа конфисковали 1600 монет, 249 серебряных монет, 20 арабских золотых монет, одну золотую шкатулку, 200 порченных монет, почти килограмм янтарных бус, 10 штук муслина, 1 штуку отборного атласа, 30 фунтов пряностей, африканского мальчика-невольника и множество разнообразных предметов.¹⁴⁷¹ Подобные заработки показывают, насколько прибыльным мог стать пиратский промысел, если, разумеется, отойдя от дел, разбойник удалялся на покой, а не коротал срок в тюремной камере или не «совершал танец в воздухе», подобно Брэдишу и его «коллегам», повешенным в Уоппинге в 1701 г.

Уравнительная система вознаграждения не смогла бы утвердиться как экономический принцип пиратства, окажись ее практическое осуществление в руках отдельных лиц. Мощный рычаг коллективной ответственности, основанной на сотрудничестве и взаимопомощи, приводил в действие всю систему. Современники, оказавшиеся на пиратских судах, не могли прийти в себя от изумления, сталкиваясь с «дикими», по их понятиям, иерархическими правилами,

¹⁴⁷⁰ *Ritchie R. C. Captain Kidd...* P. 121.

¹⁴⁷¹ *Ibid.* P. 120.

царящими на корабле. Чего стоит одно лишь свидетельство капитана торгового судна, попавшего в плен к пиратам Бартоломью Робертсу. Он отметил, что иногда командиру выделяют каюту и даже дают узелок с китайским фарфором — знак особого уважения к Робертсу, любившему пить чай. Однако, негодование пленника не было границ — члены экипажа могли без разрешения входить в каюту командира, пользоваться его вещами и провизией и завалиться спать там, где им вздумается, а самому вожаку не дозволялось даже иметь кровать.¹⁴⁷² В обычной будничной жизни выделить командира из рядов простых разбойников было непросто. По замечанию приватера Вудса Роджерса, ставшего впоследствии губернатором Багамских островов, «они пьют и играют до тех пор, пока все не спускают, и во время веселья разницы между капитаном и членами экипажа нет никакой».¹⁴⁷³ Другой наблюдатель был поражен тем, что каждый на корабле может говорить с командиром на равных.¹⁴⁷⁴ Хотя для самих пиратов, по-видимому, ничего удивительного в подобной системе не было. Принцип привилегированной субординации, привычный для удивлявшихся очевидцев, не имел ничего общего с порядками, принятыми на пиратских судах.

Реальная власть на судне принадлежала пиратской сходке, которая принимала «устав» и устанавливала единство закона. Для членов пиратских групп сама принадлежность к сообществу носила определенный, своего рода сакральный смысл, превращавший всех участников шаек в единый коллектив. Участие в совете и подпись или крест, поставленные на «договоре», делали каждого человека частью «общества». И в своем поведении эти люди руководствовались вполне определенной логикой: если человек ставил подпись под договором, то он словно отрезал себе обратную дорогу и не мог покинуть своих «братьев». Бегство из «общества» оказывалось делом далеко не безопасным, и те, кто решался на такой отчаянный поступок, прекрасно понимали

¹⁴⁷² *Captain Charles Johnson A general history of the pirates...* P. 213–214.

¹⁴⁷³ Цит. по: *Arnaudov P.I. Elements of mythmaking in witness accounts of colonial piracy. A Dissertation for the Degree of Doctor of Philosophy. American University in Bulgaria; Louisiana State University. 2008. P. 77, 78.*

¹⁴⁷⁴ *Rediker M. Between the devil and the deep blue sea...* P. 261–262.

его последствия. Мы располагаем крайне скудными сведениями о подобных побегах. В мае 1681 г., например, из отряда Шарпа бежал голландец Джеймс Маркиз, знавший испанский язык и служивший пиратам переводчиком. Он прихватил с собой 500 фунтов и девушку-индианку, поставив братство в тяжелое положение. Мало того, что они лишились переводчика, так вдобавок, испанцы могли теперь узнать об их планах.¹⁴⁷⁵

Моряки, впрочем, отдавали себе отчет в последствиях, которыми было чревато вступление в братство. Поэтому, наверное, так и сопротивлялся попыткам «затащить» его в «общество» девятнадцатилетний Филипп Эштон, захваченный Эдвардом Лоу 15 июня 1722 г. на рыбацкой шхуне «Мэри». В своих записках Эштон подробно рассказывал о своем пребывании на корабле Лоу.¹⁴⁷⁶ Пленных доставили на борт брига «Ребекка», и Лоу, приставив пистолет к голове Эштона, потребовал, чтобы тот подписывал пиратский договора. Эштон стойко держался, и невзирая на угрозы, так и не поставил подпись. «Я не желаю идти с вами, — упорствовал Эштон. — Делайте со мной что хотите: посадите на борт какого-нибудь судна или высадите на берег, но только оставьте меня в покое». Однако пираты не вняли мольбам Эштона и взяли его с собой. Несчастный матрос несколько раз пытался бежать с корабля, был неоднократно избит, высечен, заковывался в кандалы и едва избежал смерти. Наконец, в марте 1723 г. Эштон ухитрился выбраться с корабля на острове Роатан в Гондурасском заливе, и скрывался в джунглях, пока пираты не ушли в море. Проведя 16 месяцев на острове и питаясь крабами и рыбой, он, наконец, дождался часа своего спасения. Торговое судно «Дэймонд» из Сэйлема под командой капитана Доу зашло на остров в поисках воды, и, забрав Эштона на борт, доставило его в родной город в мае 1725 г.¹⁴⁷⁷

¹⁴⁷⁵ A Buccaneer's Atlas: Basil Ringrose's South Sea Waggoner... P. 20. Переводчик, правда, нашелся — Бэзил Рингроуз имел хорошее образование и неплохо владел несколькими языками.

¹⁴⁷⁶ Ashton's memorial: or, an authentick account of the strange adventures and signal deliverances of Mr. Philip Ashton. London, 1726.

¹⁴⁷⁷ Об Эштоне см. подробнее: Dow G. F., Edmonds J. H. Pirates of the New England Coast... P. 224, 225; Leslie E. E. Desperate journeys, abandoned souls: true stories of survivors. Boston, New York, 1988.

Решительно противостоял пиратам и Уильям Уорден, захваченный на борту судна, взятого Филиппом. В своих свидетельских показаниях на процессе 1724 г. он поведал, что вызвавший его на палубу главарь пиратов поднес к его голове пистолет со взведенным курком и под угрозой смерти склонял к подписи под договором.¹⁴⁷⁸ Подписывай договор и становись равноправным членом банды, — ответственность же за это полагалась соответствующая. Не только перед правосудием, но и перед «коллегами». Правилами Робертса и Филиппа за бегство с корабля предусматривалась смертная казнь (соответственно, ст. 7 и ст. 2).¹⁴⁷⁹ Запрещалось также «заговаривать о расформировании братства до тех пор, пока у каждого не будет собрана доля в тысячу фунтов» (ст. 9 правил Робертса).¹⁴⁸⁰ Особое внимание пираты уделяли коллективному согласию на прием новых членов в экипаж. Ст. 4–5 правил Филиппа специально оговаривали порядок приема новых членов: «4. Если мы встретим кого-нибудь из оставленных на необитаемом острове (т. е. пирата) и этот человек подпишется под нашим уставом без согласия всей компании, то его должно наказать, как определяют капитан и братство (плотник?). 5. Пока этот устав сохраняет силу, всякий, кто ударит другого, получит по закону Моисея¹⁴⁸¹ (что есть сорок ударов плетью без одного) по голой заднице».¹⁴⁸²

Ни одно решение на корабле невозможно было принять без участия пиратского «схода». Во флибустьерской среде, когда осуществлялись крупные военные предприятия, наподобие походов Моргана и Олоне, все решалось с помощью уполномоченных пиратских судов, «офицеров». При главаре собирался «штаб» из людей «для особых поручений», служивших представителями экипажей при «верховном» командующем. В масштабах же отдельного корабля решения принимались на общем совете. Члены пиратского экипажа собирались у

¹⁴⁷⁸ Privateering and piracy ... P. 337.

¹⁴⁷⁹ *Captain Charles Johnson A general history of the pirates...* P. 212, 342.

¹⁴⁸⁰ *Ibid.* 212.

¹⁴⁸¹ См. Втор. 25:2–3 («И если виновный достоин будет побоев, то судья пусть прикажет положить его и бить при себе, смотря по вине его, по счету; сорок ударов можно дать ему, а не более, чтобы от многих ударов брат твой не был обезображен пред глазами твоими»).

¹⁴⁸² *Captain Charles Johnson A general history of the pirates...* P. 342.

грот-мачты и открыто обсуждали все возникающие вопросы, принимая общие решения. В подобной системе управления находили отражение традиционные принципы коллективной организации власти, из века в век принятые на каперских кораблях. Прекрасно осведомлены были об этих альтернативных порядках и высшие классы. В 1708 г., например, в отчетах Совета торговли в Лондоне об английских приватирах отмечалось огромное влияние каперов с Бермудских островов, которые обычно и устанавливали порядки на судах, и подчеркивалось, что «каждый моряк имеет право голоса» и не подлежит контролю командира.¹⁴⁸³

Ни один человек, обладай он даже железной волей и решимостью во что бы то ни стало добиваться своего, будь он самым выдающимся организатором или умелым интриганом, не смог бы осуществить полный контроль за порядком на корабле, где правила диктовало разношерстное собрание независимых и опасных субъектов. Но каждый член экипажа выступал не просто как отдельный индивид — он принадлежал единому организму. Личные амбиции подчинялись коллективной воле. Система коллективной власти на пиратском корабле позволяла «морским людям» на практике применить их жизненный опыт и была направлена на поддержание дисциплины. Она содержала в себе черты демократического устройства, основанного на равенстве рядовых членов команды, их прямом и равном участии в управлении и уравнилельно-распределительном характере экономических отношений. Мятежи, непослушание, бунты подавлялись согласованными действиями большинства команды и капитана.

Система коллективного давления приносила реальные результаты. И главным в этой связи оказывалась дисциплина на судне, поддержание которой обеспечивало жизнеспособность пиратского экипажа. Помимо экономических мероприятий, предусмотренные пиратами правила распорядка касались и коллективного «общезития», связывая членов команды *внутренней самодисциплиной*. Пираты сами принимали устав, и разумные требования порядка

¹⁴⁸³ Bromley J. S. Outlaws at sea: Equality and fraternity among Caribbean freebooters // Bromley J. S. Corsairs and navies, 1660–1760. London: The Hambledon Press, 1987. P. 10.

в море мобилизовывали разбойников на их выполнение. В бытовом плане пиратская самодисциплина выражала себя в отношении к оружию. С фанатичным рвением пираты следили за состоянием своих сабель, пистолетов, пушек и ружей.¹⁴⁸⁴ Ст. 5 правил Робертса гласила: «Каждый член экипажа должен держать в чистоте и исправности пушки, пистолеты и абордажные сабли».¹⁴⁸⁵ Оружием пираты отмечали отличившихся в бою (ст. 8 правил Лоутера), а за его присвоение полагалось специальное наказание (ст. 2 Лоутера).¹⁴⁸⁶ За этим скрывались не только щегольство и желание порисоваться, свойственные этим людям. Блеск, красота оружия, пестрые шелковые перевязи — только одна сторона дела. Главное скрывалось в другом. Это были пиратские «орудия производства», столь же необходимые им в грабеже, как пила — столяру, а карандаш — чертежнику. Пират был обязан содержать в порядке свое боевое снаряжение, иначе презрение и издевки товарищей превращали жизнь безответственного головореза в сущий ад. Нет ничего странного в параграфе правил Филиписа, предупреждавшем всех, «кто не будет содержать в чистоте и постоянной готовности свое оружие или же пренебрежет этим делом», о положенном за это взыскании — лишении пая и специальном наказании «по приговору капитана и братства(плотника)», выступавшего, по-видимому, главным экспертом-технологом при разрешении подобных вопросов (ст. 7).¹⁴⁸⁷

Дисциплина была не только результатом ответственного подхода к этому самих разбойников. Порядок поддерживался также при помощи мер *насильственного характера* и контролировался пиратским сходом. Наглядно демонстрирует это практика дуэли, которая подчинялась определенному «кодексу чести». Нельзя, конечно, излишне облагораживать дуэльные правила пиратов и предполагать наличие строгих норм, не допускавших убийств и вероломных нарушений. С учетом того, насколько неопределенным был сам дуэльный кодекс в

¹⁴⁸⁴ «Любимое занятие пиратов — стрельба в цель и чистка оружия», — отмечал Эксквемелин (*Эксквемелин А. О. С. 67*).

¹⁴⁸⁵ *Captain Charles Johnson A general history of the pirates...* P. 211.

¹⁴⁸⁶ *Ibid.* P. 308, 307.

¹⁴⁸⁷ *Ibid.* P. 343.

«цивилизованном» дворянском мире, мы можем говорить, пожалуй, лишь о негласном нравственном стандарте, как-то регламентировавшем решение всех спорных вопросов. Драки и выяснение отношений завязывались очень легко и по любому поводу — такова уж была природа разбойной жизни. Другое дело, что перед пиратским «обществом» стояла насущная задача не допустить выхода конфликта во внутренней среде за допустимые рамки. Поэтому, если оказывается, «что пират отправил своего врага на тот свет вполне заслуженно, то есть дал ему возможность зарядить ружье и не нападал на него сзади, товарищи убийц прощают». В случае же преднамеренного убийства виновного ожидало неотвратимое наказание: его привязывали к дереву, «и он должен был сам выбрать человека, который его умертвит».¹⁴⁸⁸ Ст. 8 правил Робертса свидетельствует об озабоченности пиратов тем, чтобы не допустить конфликтов на судне и все спорные вопросы решить за его пределами, на близлежащей земле. «Никто не имеет права драться на борту судна, — констатировали пираты в своих установлениях, — но любая ссора может быть разрешена на берегу с применением сабли или пистолета. В случае, если обе стороны не смогли прийти к соглашению, квартирмейстер едет с ними на берег для того, чтобы проследить за правильностью дуэли и поставить противников спиной друг к другу на положенном расстоянии. Когда дается команда, они поворачиваются и должны немедленно выстрелить, иначе пистолеты выбиваются из их рук. В случае обоюдного промаха в дело идут абордажные сабли, и квартирмейстер объявляет победителем того, кто первым пустил кровь».¹⁴⁸⁹ При нарушении дуэльного кодекса наказание было безжалостным, и провинившегося карали смертью. Как-то раз капитан Джон Эванс, пиратский главарь первой четверти XVIII в., поссорился со своим шкипером. Ни один из них не хотел уступать другому, и тогда капитан повелел своему помощнику немедленно сойти на берег (судно стояло где-то у Каймановых островов), чтобы решить дело в поединке. Однако шкипер

¹⁴⁸⁸ *Эксквемелли А. О. С. 64.*

¹⁴⁸⁹ *Captain Charles Johnson A general history of the pirates... P. 212.*

категорически отказался покинуть судно. Разъяренный Эванс накинулся на него и принялся избивать палкой. Защищаясь, шкипер выстрелил из пистолета и уложил капитана на месте. Немедленно был созван корабельный совет, который единодушно решил примерно наказать нарушителя и придумать ему особенную казнь. Несчастного спасло от мучений то, что во время обсуждения способов казни кто-то выстрелил в него и прикончил.¹⁴⁹⁰

Наиболее зримо особые отношения, царившие на корабле, проявлялись в той роли, которая отводилась его командиру. Его ограниченная власть была несравнима с полномочиями капитанов военных кораблей, торговых и каперских судов. Он избирался всей командой и становился прямой «креатурой» пиратской сходимки, действуя в рамках определенных условий. Любопытно, что сами пираты, выбирая предводителя, принимали предохранительные меры, чтобы правосудие не могло определить, кто является вожаком. С этой целью они использовали метод, который сами называли «круглый Робин»: подписывали свои фамилии на документах по кругу, делая невозможным идентификацию лидера.

В обществе прямой демократии, каковым было пиратское товарищество, в главари обычно проходил «неформальный лидер», вынужденный считаться со своим эгалитаристски настроенным окружением. В первую очередь это сказывалось на бытовых условиях. Эксквемелин сообщает, что «капитан корабля обязан есть ту же пищу, что и вся его команда до юнги включительно. Если команда желает уважить своего капитана, то ему готовят какое-либо особое блюдо, а подают его непосредственно капитану за общий стол».¹⁴⁹¹

Главным в деятельности капитана было руководство экипажем во время морских операций и сражений. Пират Уолтер Кеннеди на судебном процессе заявил: «Они (пираты. — Д. К.) выбирают капитана из своей среды, но его полномочия несоизмеримо меньше, чем титул, за исключением военных стычек, когда ему беспрекословно подчиняются и он командует безраздельно».¹⁴⁹² Главари

¹⁴⁹⁰ СПб ИИ РАН Кол. 238. Оп. 2. Д. 146/22. Л. 48.

¹⁴⁹¹ Эксквемелин А. О. С. 62.

¹⁴⁹² Pringle P. Jolly Rodger. The story of the great ages of piracy. New York, 1953. P. 107.

выделялись своей храбростью, дерзостью и опытом. Это были прежде всего военные лидеры, способные повести за собой команду. Не расстающийся с удачей, идущий во главе колонны на штурм крепости, руководящий проведением abordaja и врывающийся на борт неприятельского корабля, внушая страх врагам и гордость команде, — таким виделся пиратам настоящий командир, и если дела разбойников шли благополучно и приносили доход, подобные вожаки быстро завоевывали авторитет и получали все больше власти.

В военных вопросах роль капитана оспаривать было опасно. Его опыт и решительность служили залогом успеха. Эксквемелин рассказывает, как повел себя пиратский вождь Олоне накануне штурма крепости Гибралтар во время похода в Венесуэлу (1667 г.). Он «как вожак всех пиратов посоветовался с другими командирами, потом со всеми, кто его окружал, и дал понять, что отступить не намерен, хотя испанцы и узнали об их приближении и собрали большие силы. Его мнение было таково: “Они сильны, так тем больше мы захватим добычи, если победим их.” Все единодушно поддержали его и сказали, что лучше биться, надеясь на добрую добычу, чем скитаться неведомо сколько без нее. Олоне закончил так: “Я хочу предупредить вас, что того, кто струсит, я тотчас же зарублю собственной рукой...”» На следующее утро, задолго до восхода солнца, Олоне высадил людей на берег. Все взяли друг друга за руки и поклялись стоять друг за друга до самой смерти. Затем Олоне рванулся и закричал: “Вперед, мои братья, за мной и не трусьте!” И пираты бросились в атаку...»¹⁴⁹³

Главарь пиратов, избирался командой и имел право на защиту от посягательств на свою власть. Если же вожаку случалось нарушить установленные правила, традиционное уважение к начальнику на корабле и почитание его прав как выборного командира нередко заставляли сходку решать вопрос в его пользу. Весьма характерным эпизодом стала история, происшедшая на корабле Бартоломью Робертса. Один пират обругал своего капитана и был застрелен им на месте. Приятель убитого, Ральф Брагг, потребовал, чтобы

¹⁴⁹³ Эксквемелин А. О. С. 92.

командир, поднявший руку на члена экипажа и проливший кровь на борту судна, был казнен. «Его должно теми же шами накормить», — так выглядели требования Брагга, изложенные Каржавиным.¹⁴⁹⁴ Робертс бросился на Брагга с обнаженным клинком, завязалась драка. Брагг был человеком крепкого сложения и незаурядного мужества и, несмотря на полученную рану, опрокинул главаря на палубу и начал избивать его на глазах у экипажа. Наконец его оттащили от окровавленного Робертса, и команда устроила совещание по поводу судьбы обоих. Началась «великая тревога, ... ибо многие держали сторону своего начальника, а другие хулили его безразсудную опрометчивость». Прошло много времени, прежде чем завязавшиеся споры утихли. Принятое экипажем решение гласило, что за оскорбление чина капитана Брагг приговаривается к получению «двух ударов линьком от каждого члена команды».¹⁴⁹⁵

Взаимоотношения главаря и экипажа отражали определенные иерархические правила, идущие от старых морских традиций, в соответствии с которыми для принятия решения хозяину было необходимо советовался с бывалыми моряками. Жизненный опыт команды и капитана был определяющим при решении насущных вопросов. В ряде случаев агрессивность, всесокрушающая воля командира подавляли сопротивление разношерстного экипажа, могли запугать ее и заставить отступить. Однако подобные «победы» были эфемерны, так как раздражение против главаря накапливалось, что в любой момент могло плачевно окончиться для нарушителя кодекса. Ссора с потенциальными претендентами на виселицу, коими были все пираты, таила немалую опасность. Командира могли сместить за трусость или жестокость, он мог стать жертвой «несчастливого случая». Так, например, команда могла лишиться власти главаря за то, что он отказался напасть на английское судно;¹⁴⁹⁶ другой предводитель пиратов пострадал оттого, что вел себя «подобно джентльмену».¹⁴⁹⁷

¹⁴⁹⁴ СПб ИИ РАН Кол. 238. Оп. 2. Д. 146/22. Л. 17, 17 об.

¹⁴⁹⁵ Там же. Л. 18.

¹⁴⁹⁶ *Privateering and piracy ...* P. 294.

¹⁴⁹⁷ *Rediker M. Between the devil and the deep blue sea ...* P. 262.

В особых случаях неугодный командир-деспот мог поплатиться жизнью. Так, Джон Филипс погиб в результате заговора своей команды. Он вышел ночью на палубу, заслышав шум (убирали неугодного боцмана, приближенного Филипса), был оглушен и выброшен за борт.¹⁴⁹⁸ Томаса Энстиса застрелили во сне в собственной каюте, после чего пираты-заговорщики пришли в голландские владения на остров Кюрасао, где сдались властям и были амнистированы.¹⁴⁹⁹

Механизм прямых выборов и насильственное уничтожение командира были крайними, но не единственными средствами давления команды на главаря. Существование пиратского экипажа во многом зависело от того, насколько четко в нем срабатывала система сдержек и противовесов, уравнивавшая всю эту социальную конструкцию. Ключевая роль в институциональном механизме принадлежала квартирмейстеру, выступавшему своего рода «гражданским» посредником в отношениях главаря и команды. Характеризуя роль квартирмейстера в управлении экипажем, Капитан Джонсон писал: «Его выбирает команда, и в его руках находится вся власть, исключая только время сражений. В случае, если кто-либо не слушается его приказов, заводит ссоры с другими, поднимает мятеж, грубо обращается с пленным и грабит, невзирая на его запреты и, самое главное — не следит за своим оружием..., квартирмейстер может наказать его: избить или выпороть плетью... Он также первым поднимается на борт захваченного судна и выбирает, что следует забрать с собой, а что — оставить хозяину корабля. Есть лишь одно исключение: не возвращать золото и серебро».¹⁵⁰⁰

В лице квартирмейстера, которого Джонсон патетически именуется «римским народным трибуном»,¹⁵⁰¹ командир всегда имел потенциального конкурента в борьбе за власть над кораблем, в руках которого сосредоточились вопросы правосудия, финансов, полицейские функции и полномочия хранителя морских

¹⁴⁹⁸ *Captain Charles Johnson A general history of the pirates...* P. 348.

¹⁴⁹⁹ Ibid.

¹⁵⁰⁰ Ibid. P. 213.

¹⁵⁰¹ Ibid. P. 423.

традиций.¹⁵⁰² Деятельность и того и другого руководителя проходила на глазах у всех членов команды, и любое проявление неуместной в глазах остальных жесткости, нечестности или жадности могло закончиться плачевно для нарушителя.

Пиратский кодекс чести определял и систему правосудия разбойного мира. Его вершил суд, составленный из представителей «пиратского братства». Местом его проведения становилась рулевая площадка, на которой устанавливали стол с чашей пунша, трубками и табаком. По мнению Капитана Джонсона, судебный процесс пиратов кардинально отличался от принятых норм: судьи и присяжные выбирались из экипажа, судьям не платили заработной платы, свидетелям не давали взятки, никого не пытали и не было адвокатов и судебных чиновников. Любое «правонарушение» рассматривалось через призму того, насколько оно выходило за рамки принятого устава. Если проанализировать правила Робертса, в которых наиболее подробно расписан «распорядок» пиратского общежития, мы можем увидеть, насколько порой пиратский социум отличался от привычных представлений о его пресловутой бесшабашности и анархичности. Во всем, касающемся собственной безопасности, моряки выказывали предельную собранность и жестко регламентировали сложные моменты повседневной жизни. Во-первых, как мы уже подчеркивали ранее, они всячески стремились избежать на судне конфликтных ситуаций. Они не только избегали дуэлей на кораблях, но вводили запреты играть на деньги в карты или в кости (ст. 3 правил Робертса).¹⁵⁰³ Экипаж Филипса был не столь категоричен в отношении азартных игр, но за мошенничество вводил смертную казнь (ст. 3);¹⁵⁰⁴ у Лоутера жульничество при игре со ставкой более одного шиллинга должно было наказываться по решению командира и большинства экипажа (ст. 5).¹⁵⁰⁵ Во-вторых, пираты пуще смерти боялись пожаров на корабле и самым жестоким образом карали виновников. На

¹⁵⁰² Капитан Джонсон, впрочем, указывал, что в некоторых случаях командир назначал второго квартирмейстера, однако, можно предположить, что его избранник должен был быть принят экипажем.

¹⁵⁰³ *Captain Charles Johnson A general history of the pirates...* P. 211.

¹⁵⁰⁴ *Ibid.* P. 342.

¹⁵⁰⁵ *Ibid.* P. 308.

корабле Робертса все огни и свечи следовало гасить в 8 часов вечера. «Если кто-нибудь из команды после этого часа все же захочет продолжать пить, то они должны делать это на верхней палубе», — комментировал пиратский сход (ст. 4).¹⁵⁰⁶ На судне Филипса подвергался наказанию «всякий, кто гремел оружием, курил табак в трюме, не надев крышку на трубку, или переносил зажженную свечу без фонаря» (ст. 6).¹⁵⁰⁷ Подобная осторожность объяснялась еще и тем, что в ночное время огонь был виден на много миль вокруг и не только препятствовал «охоте» за призами, но и мог навести на след пиратов военные фрегаты. Также следует обратить внимание на страх пиратской братии перед присутствием на судне женщин. Сказывались в этом, разумеется, и суеверные предубеждения моряцкого мира, опасавшегося, что женщина навлечет на корабль несчастье. Однако не меньшую роль играли, по-видимому, и опасения потенциальных конфликтов в среде мужчин, долго не видевших женщин. «Ни одному ребенку или женщине не позволено находиться на борту. Должен быть казнен тот, кто приведет переодетую женщину на корабль».¹⁵⁰⁸ Ст. 6 правил Робертса была достаточно категорична. Та же тенденция встречается и в правилах Филипса, только в них упор делается на недопустимость насилия над встретившимися женщинами: «Если мы повстречаем добропорядочную женщину, и кто-то сунется к ней без ее согласия, немедленно будет предан смерти» (ст. 9).¹⁵⁰⁹

Впрочем, не стоит идеализировать картину и представлять пиратов благородными разбойниками. Одно дело — сохранившиеся тексты, неизвестно, как и в какой степени отредактированные их авторами или издателями. Совсем другое — практика бандитских корабельных будней с пытками захваченных моряков, жестокими изнасилованиями и убийствами, беспробудным пьянством и

¹⁵⁰⁶ Ibid. P. 211. Разумеется, подобное правило не означало, что на пиратских судах царил трезвость. В некоторых экипажах разбойники пьянствовали беспробудно с утра до вечера: *Rediker M. Villains of all nations....* P. 72–73.

¹⁵⁰⁷ Ibid. P. 342.

¹⁵⁰⁸ Ibid. P. 212.

¹⁵⁰⁹ Ibid. P. 343.

разгулом.¹⁵¹⁰ В реальной жизни пираты не церемонились со своими жертвами. Когда некий Аткинсон попал в плен к пиратам Уильяма Флая, он попросил командира отпустить его со всеми людьми. В ответ Флай, знавший, что его пленник является отличным лоцманом и собиравшийся воспользоваться его знаниями, угрожающе прорычал: «Ты поведешь нас, и если ты окажешься сукиным сыном и заведешь куда-нибудь не туда... ты обманешь людей, которые тебе доверяли. А если ты окажешься негодяем и обманешь наше доверие, то пусть я выпью кубок горячей серы вместе с самим дьяволом, если я не отправлю тебя вниз головой в ад, черт тебя раздери... Когда тебе вышибут мозги, то не вини никого, кроме себя, черт тебя раздери».¹⁵¹¹

Пиратский суд представлял суровое испытание для всех его участников, так как ставкой на нем была человеческая жизнь. Поэтому иногда в ходе процесса происходили воистину ошеломляющие эпизоды. Один из них привел в свой рукописи Каржавин, рассказав о судебном процессе на судне Бартоломью Робертса. Поводом была попытка раскола экипажа, предпринятая несколькими пиратами. «Пока все были пьяны, — рассказывал Каржавин, — Гарри Гласбай, человек трезвый, шкипер на судне «Королевская фортуна», с другими двумя единомышленниками, отставали от него потихоньку, однако он (Робертс. — Д. К.) скоро узнал о сих беглецах, послал отряд в погоню за ними, и они все трое были пойманы и приведены назад; по делу немедленно отданы под суд. Когда все были готовы и капитан Робертс сел в президентское кресло, позвали виновных в прихожую, где стояла большая чаша с пуншем на столе, с разложенными трубками и табаком; когда суд открылся, им было прочитано обвинение. Закон, сочиненный пиратами, был весьма строг, и уже собирали голоса на приговоре к смерти; как выпивши по другому стакану, узники стали просить об остановке сего суждения. Но преступление их найдено столь великим, что сидящие не приняли

¹⁵¹⁰ *Rediker M. Villains of all nations.... P. 72–73. См. также: Burg B. R. Sodomy and the pirate tradition: English sea rovers in the seventeenth-century Caribbean. New York, 1995; Turley H. Rum, sodomy and the lash: Piracy, sexuality and the masculine identity. New York, London, 1999.*

¹⁵¹¹ Дефо Д. Всеобщая история пиратства / Пер. С англ. А.Д.Степанова. СПб.. 2010. С. 271.

их просьбы; вдруг некто Валентин Стурдибак прибежал наверх, говоря, что он имеет предложить нечто суду в пользу одного из узников, и клялся при том, что он знает его давно за честного человека, и не хуже всех других тут присутствующих, и что имя ему Гласбай: “Клянусь, говорил он, что он не умрет, и, черт меня возьми, ежели придется ему умереть”. Проговоря сии слова, вынул из кармана заряженный пистолет и приставил его к груди одного из судей, которой, видя сие толико сильное доказательство, заговорил, что он Гласбая не находит виноватым, прочие все согласны были с его мнением. И положили, что сам закон Гласбая оправдывает... А другие два по тому же закону осуждены на смерть, и только сделана им та милость, что позволено им выбрать четверых товарищей, которые бы их расстреляли...»¹⁵¹²

Не всякий суд оканчивался столь трагично. Пираты вовсе не были мрачными мизантропами и любили забавляться в свойственной им грубоватой манере. Возможность отдохнуть, повеселиться, хорошенько выпить настраивала их на благодушный лад. Разве можно представить себе пиратский быт без подобного «расслабления»? Этим пользовались главари, тонко чувствовавшие психологическую напряженность на судне. В декабре 1681 г., например, опытный Бартоломью Шарп, в очередной раз оказавшись перед угрозой расправы, - пираты собирались покончить с ним под Рождество, – раздал «братве» вино и избежал смерти.¹⁵¹³ Также поступил в опасную минуту Тич Черная Борода. Капитан Джонсон привел два фрагмента, якобы найденные в его дневнике: «Что за день! Ром весь вышел. У братвы ни в одном глазу. Пахнет жареным. Мерзавцы что-то замышляют. Много болтовни о том, чтобы разбежаться». Вскоре записи возобновились — Тич тогда встретил в море торговое судно. «Я его захватил. На борту полно джина и рома. Братва чертовски разогрелась, теперь у нас порядок».¹⁵¹⁴

¹⁵¹² СПб ИИ РАН Кол. 238. Оп. 2. Д. 146/22. Л. 21. См. также: *Captain Charles Johnson A general history of the pirates...* P. 221–223.

¹⁵¹³ *A Buccaneer's Atlas...* P. 25.

¹⁵¹⁴ *Captain Charles Johnson A general history of the pirates...* P. 86.

Нам, правда, не очень много известно о развлечениях морской братии в целом. Почти никогда в источниках не упоминается о таких вполне естественных для морской среды «способах релаксации», как купание в Карибском море. Если речь шла о таких морских ваннах, то совсем в другой связи. Как, сообщалось о двух несчастных юнгах, сожранных акулами в 1655 г. в Вест-Индии.¹⁵¹⁵ Можно только догадываться, что подразумевали свидетели забав моряков, говорившие об их «грубых развлечениях». Очевидно, что-нибудь наподобие описанного Эксквемелином: «Они буквально за месяц спускают все, что нажили за год или полтора. Они хлещут водку, словно воду, вино покупают прямо бочонками, выбивают затычки и пьют до тех пор, пока бочонок не опустеет. День и ночь буханьеры шатаются по селениям и славят Бахуса, пока остается хоть грош на выпивку. Между прочим, они не забывают воздать должное и Венере, водят шашни с торговками вином и девками, которые собираются к приезду буханьеров и каперов точно так же, как шлюхи и торговки Амстердама в ту пору, когда туда прибывают корабли из Ост-Индии или военная флотилия... Некоторые из них умудряются за ночь прокутить две-три тысячи реалов, так что к утру у них не остается даже рубашки на теле. Я знал на Ямайке одного человека, который платил девке пятьсот реалов лишь за то, чтобы взглянуть на нее голую. И такие люди совершают много всяческих глупостей. Мой бывший господин частенько покупал бочонок вина, выкатывал его на улицу, выбивал затычку и садился рядом. Все шедшие мимо должны были пить вместе с ним — попробуй не выпей, если тебя угощают под ружейным дулом, а с ружьем мой господин не расставался. Порой он покупал бочку масла, вытаскивал ее на улицу и швырял масло в прохожих прямо на одежду или в голову».¹⁵¹⁶ Как тут не вспомнить еще одно нелепое и диковатое развлечение моряков, описанное Генри Тионджем. В результате ненастной погоды трех боровов, взятых на корабль, охватил тяжелый приступ морской болезни. Страдания несчастных животных, которые,

¹⁵¹⁵ *Carr B. S. Cromwell's navy... P. 245, 246.*

¹⁵¹⁶ *Эксквемелин А. О. С. 47, 76.*

пошатываясь, ковыляли по своему загону и изрыгали потоки рвоты, довели моряков до гомерического хохота. Многие из них от приступов тошноты сами уже не могли ходить по палубе и валялись у борта, но зрелище было «столь потешным», что и они не могли удержаться от смеха.¹⁵¹⁷

Суеверия этих невежественных людей и верность морским традициям привносили в обыденную жизнь экипажа более «радужные» оттенки. Мы уже имели возможность, в другом, правда, контексте, остановиться на сюжете, связанном с веселыми праздниками при переходе экватора или прохождении опасных проливов, рифов и мелей. Не менее интересные аспекты праздничного бытия пиратского социума связаны с «отдыхом» на уединенной стоянке, в каком-нибудь заброшенном людьми уголке; предоставленных самим себе бравых молодчиков охватывала подлинная вакханалия радостного упоения жизнью. Впрочем, говоря об этой стороне разбойничьего бытия, уместно сделать одну оговорку. Расположение потаенных пиратских «курортов» вовсе не составляло большого секрета в мире моряков. Не следует забывать о тесных связях бандитского сообщества с цивилизованным миром, уподобляя пиратов «инопланетянам», только будто бы и занимавшимся свирепыми нападениями на беззащитных торговцев. Мы уже не раз подчеркивали социальное происхождение «рекрутировавшихся» в пиратский промысел людей и говорили о духовной общности всего морского мира, объединявшего и законопослушных моряков, и их работодателей торговцев, и каперов, в недавнем прошлом рыбаков и каботажников, и пиратов, вышедших из той же социальной среды, что и все перечисленные группы. Так что, по меньшей мере, упрощенным можно счесть предположение о том, что у каждой банды был какой-то чрезвычайно законспирированный секретный уголок, известный лишь ее членам, которые там и «расслаблялись». Информация о потаенных стоянках, разумеется, не разглашалась на каждом углу, и инстинкт самосохранения заставлял разбойников по мере

¹⁵¹⁷ *Teonge H.* The diary of Henry Teonge, chaplain on board H. M.'s ships Assistance, Bristol, and Royal Oak, 1675–1679 / Ed. with an introduction and notes by G. E. Manwaring. New York; London: Harper and Brothers, 1927. P. 233.

возможности держать язык за зубами. Не ровен час, военная карательная эскадра могла заявиться и сюда, что, впрочем, нередко и происходило, лишний раз доказывая иллюзорность представлений о «великих тайнах» расположения укромных бухт. Те люди, кому по роду занятий следовало знать о местоположении разбойничьих убежищ, о них прекрасно знали. В первую очередь, контрабандисты и рискованные дельцы, занимавшиеся тайной торговлей с пиратами, — бизнесом, приносящим огромные прибыли тем, кто не боялся пуститься в рискованные и сомнительные авантюры. Если, например, бочка мадеры в Нью-Йорке в конце XVII в. стоила 19 фунтов, то мадагаскарским пиратам приходилось выкладывать за нее 300. Галлон рома, обходившийся в Новой Англии в 2 шиллинга, перепродавался разбойникам за 50. Правила игры были прекрасно известны обеим сторонам, но без торговых «жучков» и сам разбой терял всякий смысл.

На подобном поприще «теневой экономики» прославился, например, знаменитый делец-перекупщик Адам Белдридж. Осев в январе 1691 г. на острове Сент-Мэри, он в течение нескольких лет вел посредническую торговлю с пиратами, занимался работоторговлей и всякими темными делишками. Он поддерживал связи с кругами влиятельных нью-йоркских купцов, одним из которых был местный воротила Фредерик Филипс,¹⁵¹⁸ который через посредство Сэмюэла Берджеса развернул на Мадагаскаре свои торговые сети. В 1697 г. поселение Белдриджа было разрушено в результате восстания местных жителей, и торговец отбыл в Нью-Йорк. Здесь его деятельностью заинтересовалось правосудие, и «теневому» магнату пришлось давать подробные показания о своих посреднических делах с пиратами. В них он назвал немало известных коммерсантов из Бостона и Нью-Йорка, с Род-Айленда и Барбадоса, чьи корабли регулярно заходили на пиратские стоянки возле Сент-Мэри. Выглядело все весьма буднично. «13 октября 1691 г. пришел корабль «Бэчелорс Дилайт» с капитаном Джорджем Рейснором». Далее следовал краткий рассказ о численности экипажа,

¹⁵¹⁸ Внучка Фредерика Филипса вышла замуж за Джорджа Вашингтона.

перечень привезенных товаров, время стоянки и прочие аналогичные данные, представлявшие немалый интерес для органов правосудия.¹⁵¹⁹

Знакомясь с такими свидетельствами, волей-неволей задумываешься о некоторых деталях, встречающихся в сочинениях бывших разбойников. Дампир, скажем, в своих трудах «выбалтывает» секретные сведения о расположении пиратских укрытий, и как знать — может, он просто «подсказывает» нужную информацию заинтересованным лицам. Вот «грозный приватир» поведал об удобных стоянках на острове Ла-Тортуга в водах Испанского Мейна (не путать с французской Тортугой у Эспаньолы) и рассказал, какую он видел уйму парусов, идущих туда, чтобы нагрузиться добываемой там солью. Их особенно много собирается в восточных гаванях острова в «мирные времена»: перед самим Дампиром в 1682 г. прошло около двадцати судов. Направляясь на Ла-Тортугу, купцы берут побольше рома, сахара и сока лайма, «чтобы делать пунш, способный приободрить их людей во время работы, добычи и погрузки на корабль соли». Примем на веру «гуманизм» просоленных торговцев, заботившихся о силах своих работников и поддержании в них энергии. Но, как поясняет далее Дампир, «в надежде встретить приватиров» (вспомним о «мирных временах») купцы обыкновенно берут на борт побольше всех пуншевых ингредиентов. Оказывается, в восточных бухтах острова «приватиры» собираются сидеть до Рождества, и настроение у них самое благодушное: спиртного предостаточно, и во время «угощений» они очень «щедры».¹⁵²⁰ В такой теплой атмосфере и рождались веселые судебные процессы-спектакли, рассказы о которых потом долго ходили по морям, обрастая многочисленными подробностями. Разбойники в досталь веселились и издевались над ненавистным им порядком цивилизованного судопроизводства.

Один такой «процесс» состоялся на маленьком островке у побережья Кубы. Пираты капитана Энстиса уже несколько месяцев предавались здесь безделью.

¹⁵¹⁹ См. показания Белдриджа: *Privateering and piracy...* P. 180–187.

¹⁵²⁰ *Dampier W. A new voyage...* P. 47, 48.

Однажды они собрались на опушке тропического леса. Зной и духота жаркого дня не помешали им вкусить радость от театрализованного зрелища, свидетелями которого они стали. Первым предстал перед глазами зрителей, разлегшихся на изумрудной траве, сам подсудимый. С лицом, искаженным гримасой ужаса, он, «трясясь от страха», поглядывал с тоской в сторону джунглей, откуда должен был выйти главный судья. Наконец из леса показался судья, его шествие сопровождалось громом оваций, пираты вскочили со своих мест и открыли пальбу в воздух из пистолетов. В адрес «несчастливого» подсудимого посыпались угрозы. Судья подходил все ближе, и теперь пираты уже могли его разглядеть. На голову он напялил какой-то невообразимо грязный колпак, а судейскую мантию ему заменял гнусного вида широкий брезент, который волочился за ним, поддерживаемый двумя мрачными субъектами, изображавшими помощника и советника. На нос судья водрузил уродливые очки. Приняв угрожающий вид, он сурово поглядывал на обвиняемого. Доковыляв до дерева, вокруг которого собралась вся компания, судья, кряхтя и чертыхаясь, вскарабкался на толстый сук и удобно устроился на нем, так что его «мантия» сползла вниз и касалась земли. Под деревом расположились помощник и советник. Судейский жезл заменяли предметы, которые они держали в руках. У одного из них был лом, у другого — заступ.

Общественный обвинитель изложил суть дела: «Господа, этот мерзавец, который стоит перед вами, — самый гнусный негодяй, которого только и остается, что повесить на большой дороге. Он родился специально для виселицы, и поэтому, побывав в сотнях переделок, до сих пор не утонул и не был застрелен. Сколько слез пролилось из-за стоящего перед вами мерзкого пирата. Но не в этом его главная вина. Представьте себе, эта образина ничего не пьет, кроме пива, он ни разу не нализался, как собака; такие целебные напитки, как ром, джин или водка, он отвергает, как будто это дьявольская зараза. А вашему правосудию, да и всем присутствующим, совершенно ясно, что ничего хорошего не может выйти из человека трезвого. Кем иначе, как лишь лукавым проходимцем и жалким

обманщиком, может быть человек, у которого после доброй порции не развязывается язык». После речи обвинителя началась доверительная беседа судьи с виновным. «Мы в изумлении от тяжести преступления этого плута. Что ты скажешь, омерзительная собака, прежде чем мы тебя повесим сушиться на солнце, как дохлую ворону, которая единственно для того и пригодна, чтобы отпугивать других птиц? Виноват ты или нет? И посмей только сказать «нет». Обвиняемый с дрожью в голосе говорит: «Нет».

К восторгу публики, судебный процесс затягивается. Наконец после собственных яростных обличений судья предоставляет слово защитнику. Его речь кратка. «Трудно придумать более тяжкое преступление, чем то, в котором обвинен мой подзащитный. Я предлагаю повесить его как можно скорее, потому что мне стыдно защищать такого ублюдка». После одобрительных криков толпы судья принимается за чтение приговора. «Нехорошо будет, — начинает блюстититель законов, — если в тот день, когда я сижу судьей, никто не будет повешен. Посмотрите на физиономию этого типа — по-моему, ясно без слов, что за одну такую рожу следует отправлять на виселицу. И, наконец, уже несколько часов, как мы тут тратим время на этого бездельника, обеденная пора давно миновала, и весь этот суд мне уже осточертел. Я голоден, и пора его вешать». «Суд» обычно заканчивался ко всеобщему восторгу пиратов. Судья и подсудимый выпивали по чаше рома и присоединялись к веселью.¹⁵²¹

Подобные театрализованные действия были весьма распространены и оживляли пиратские будни, внося разнообразие в монотонную жизнь на корабле. Пираты охотно разыгрывали такие импровизированные «пьесы» и самозабвенно предавались сценической игре. Этим людей влекла необычная жизнь вымышленных героев на сцене, им импонировала выдуманная атмосфера другого мира; в череде повседневных событий подобное лицедейство давало хорошую психологическую встряску, обеспечивало душевный подъем. В каком бы амплуа ни приходилось выступать на подмостках этим головорезам — на ролях главных

¹⁵²¹ СПб ИИ РАН Кол. 238. Оп. 2. Д. 146/22. Л. 28–28 об.

персонажей или в качестве второстепенных действующих лиц, — новоиспеченные актеры с увлечением исполняли доверенные им партии. Зрительская аудитория, всегда щедрая на брань и на похвалы, бурно реагировала на все нюансы действия и вовсе не была пассивным участником — сопереживание происходящему на сцене иногда перерастало в буйство, выходявшее далеко за рамки того, что задумывал «постановщик». Некоторые из таких сценических «встрясок» заканчивались плачевно для участников. Вот, например, какие события произошли на борту судна «Уидью» («Вдовушка»), когда пиратскому главарю, капитану Беллами, вздумалось поставить пьесу о жизни Александра Македонского.

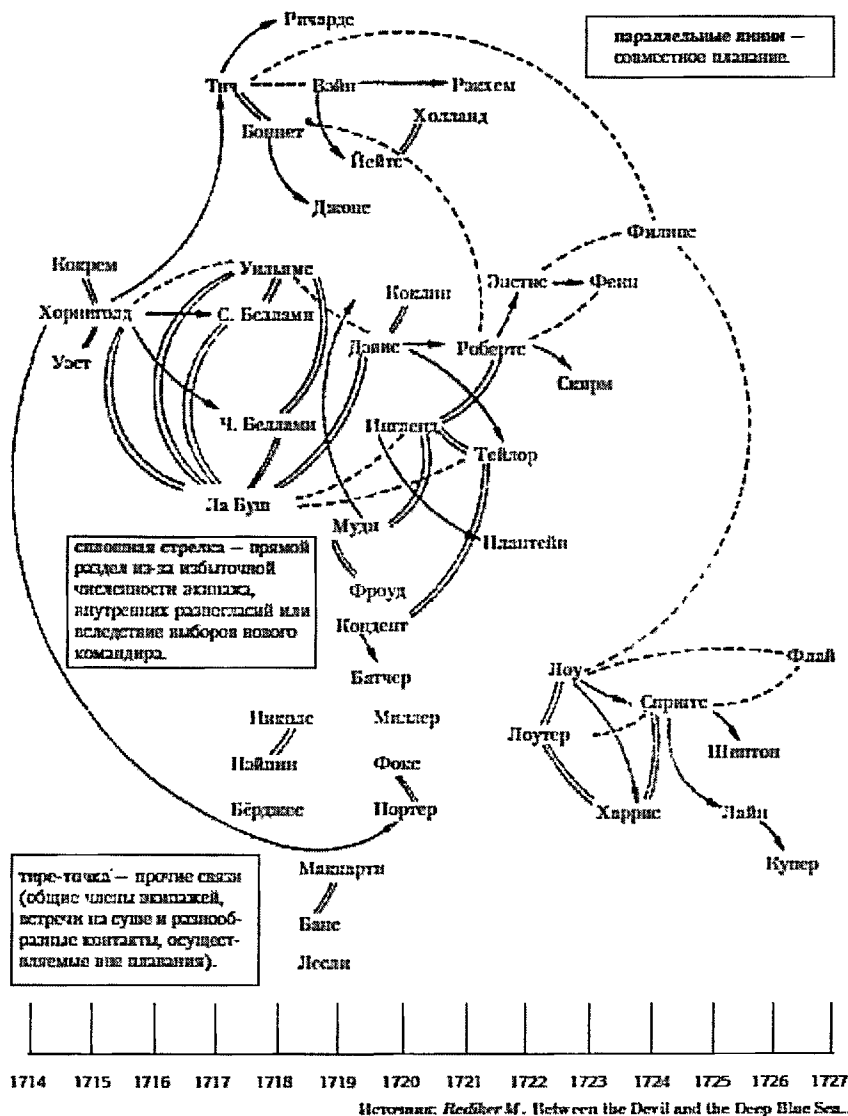
Кульминационным эпизодом представления была сцена казни пойманного греческого пирата. Спектакль подходил к концу, и актеры собирались уже «повесить» своего незадачливого собрата по ремеслу, как вдруг события приняли неожиданный оборот. Виновником этого был корабельный канонир, дотоле спокойно сидевший около борта, с изумлением взирая на непривычное для него зрелище. Простодушный малый, он принимал все происходящее за чистую монету и к концу спектакля заметно встревожился, а когда речь зашла о виселице, был уже явно не в себе. Ошеломленный участью, уготованной его приятелю, игравшему роль «греческого пирата», канонир решил действовать. Еще бы, ведь Джек Спинклз, его старый добрый товарищ по грабежам, человек, которого не достали ни ядра, ни пули, ни клинки, теперь вот так бездарно, в руках своих же «бывших товарищей», этих подлых негодяев, закончит жизнь, болтаясь в петле. «Ну уж этому не бывать», — решил наш молодец. Вскочив со своего места, бравый канонир рванул в трюм и заорал приятелям, мирно беседовавшим за чашей рома: «Эй, ребята, вот вы тут сидите, а мерзавцы там, наверху, приканчивают почтенного Джека Спинклза. Если мы не вмешаемся, то они, чего доброго, примутся и за нас». Прокричав эти слова, канонир схватил гранату, зажег фитиль и, мигом взлетев на палубу, швырнул ее в участников постановки, этих подлых «тюремщиков» и «судей». Сидевшие внизу тем временем «поняли», в чем дело. «Черт возьми, не дадим своих в обиду», — и из трюма вырвалась ватага пьяных

рассвирепевших вояк, размахивавших саблями и пистолетами. В пороховом дыму развернулась ожесточенная потасовка. Не сразу удалось внести ясность в происходящее и утихомирить разбушевавшиеся страсти. Однако этих минут хватило, чтобы разбойнику, игравшему роль Александра Македонского, отрубили руку, а почтенный Джек Спинклз в драке потерял ногу.¹⁵²²

Веселье весельем, но подобные передышки были, все же, эпизодами в пиратских буднях. Преобладали иные занятия и иные настроения. Вход в пиратский мир был открыт для тех, кто ощущал себя неприканным и незащищенным в привычном человеческом мире или вошел в разлад с действовавшими в обществе законами. Одним из побудительных мотивов занятия морским грабежом, была надежда разбогатеть, обрести внутреннюю свободу в общении с такими же горемыками, мечта о здоровом единении, где один за всех и все за одного. Не случайно современники говорили о пиратских бандах как о братстве. Идея сотрудничества и взаимовыручки пронизывала многие стороны пиратской жизни — экономическую, военную, хозяйственную и бытовую. Уравнительное распределение добычи, демократические принципы управления, равенство разбойников перед коллективно принятыми обязательствами, совместное проживание на узком пространстве корабля — все это вместе взятое сплачивало пиратское братство.

¹⁵²² Губарев В. К. Морской Робин Гуд // Морской флот. 1990. № 2. С. 51–52.

СВЯЗИ МЕЖДУ АНГЛО-АМЕРИКАНСКИМИ ПИРАТСКИМИ ЭКИПАЖАМИ (1714–1726)

Со стороны могло бы показаться, что безбрежный океан разбрасывал корабли на огромные расстояния, разобщая этот мир и дробя его на отдельные составляющие — экипажи пиратских судов. В действительности же происходило как раз обратное. Океан сплавивал разбойное сообщество в единый кулак, ведь их промысел не был делом экипажей-одиночек. Общие районы поиска добычи, совместные рейды, единые пункты сбыта награбленного и укромные базы для отдыха и кренгования судов, потаенные стоянки и, наконец, личный состав, переходящий с одного парусника на другой, — таковы основные звенья, смыкавшие пиратский мир в единую систему см. схему: [Связи между англо-

американскими пиратскими экипажами (1714 – 1726)]. Люди сменяли один корабль на другой, они знали друг друга и, двигаясь вокруг света, волей-неволей встречались со своими «коллегами». Когда, например, в феврале 1690 г. экипаж каперского корабля Кидда решил увести судно из гавани Невиса, прихватив с собой и 2 тыс. фунтов в придачу, то инициаторы акции — Уильям Мейсон, Роберт Каллифорд и Сэмюэл Берджес — просто воспользовались тем, что командир сошел на берег. Разъяренному Кидду, наверное, тогда и в голову не могло прийти, какое продолжение получит эта история. Спустя восемь лет он пришел на остров Сент-Мэри и, объявив тамошним головорезам, что он «такой же скверный, как и они», поднялся на борт пиратского корабля. Первым, кто вышел поприветствовать новоприбывшего, оказался капитан Каллифорд.¹⁵²³ Драться они не стали — наоборот, выпили по чаше рома и решили забыть старые счеты.

Мир этих людей, промышлявших в, казалось бы, безбрежном океанском просторе, оказывался очень тесен. Кто-то из экипажей приходивших на пиратскую стоянку кораблей переходил на берег и присоединялся к разбойникам, другие, наоборот, нанимались к контрабандистам и, заплатив нужную сумму командиру, возвращались в Европу или Америку. Они прихватывали с собой весточки для семей пиратов, передавали их женам и матерям что-то важное на словах, сообщали о здоровье и житье сгинувшего в морях скитальца. Многие из них, уйдя в море, не порывали контактов с внешним миром, с семьями. Заботясь о пропитании своих жен и детей, пираты передавали через посредников денежные суммы. Так, когда Гэбриэл Лофф и Мартин Скайнс из экипажа капитана Кидда получили свои доли, они пристроили тюки с захваченной одеждой на судно, идущее в Нью-Йорк. Другой разбойник, Томас Прингл, послал жене «двести монет», особо наказав, чтобы она не тратила их, а отложила на черный день.

Пираты беспокоились и о собственной кубышке, и об обеспечении своей семьи. Они не выставляли напоказ свои семейные добродетели, но просили друзей или капитана в случае их смерти отправить оставшееся имущество домой.

¹⁵²³ *Ritchie R. C. Captain Kidd... P. 29, 116.*

Капитан Каллифорд, например, выполняя волю члена своей команды, писал некой миссис Уэйли, что ее муж оставил ей все «состояние», которое она получит, когда капитан Шили из Нью-Йорка, согласившийся переправить его, навестит ее. Осмелимся предположить, что надежды благоустроить жизнь своей семьи нередко выступали одним из побудительных мотивов при выборе преступного ремесла. Люди, лишённые обществом всяких шансов на благополучие, уходили из дома, не рассчитывая больше вернуться назад, однако семья продолжала занимать большое место в их мыслях и жизни. Абрахам Сеснойя писал супруге: «Думаю, что наше плавание продлится лет десять, но я не забываю тебя... потому что нет у меня ничего большего, чем любовь к тебе и к нашим детям. Остаюсь верным тебе, пока смерть нас не разлучит».¹⁵²⁴ Эванс Джонс сообщал жене Фрэнсис, что после долгих лишений, наконец, стал капитаном и теперь идет в долгое плавание, и пусть она не надеется, что услышит о нем ранее, чем через пять лет. Пираты интересовались тем, как живут их семьи, и с нетерпением и любопытством читали переправляемые к ним письма. Ида Уилдей писала своему мужу Ричарду из команды Кидда, что в Нью-Йорке высокие цены; Сара Хорн, жена другого пирата из того же экипажа, сообщала, что в соответствии с его желанием отдала сына в обучение к некоему Исааку Тейлону — портному. «Здесь столько ходит слухов о тебе, что я была бы очень рада получить какое-нибудь известие от тебя самого», — добавляла она и передавала привет от его друзей.¹⁵²⁵

Кто знает, возможно, для некоторых пиратов переписка с семьей, эта не оборвавшаяся связь с мирной жизнью, составляла последнюю светлую надежду и в конце концов помогала вырваться из тисков преступного мира. Генри Кросли отправил брату на остров Сент-Мэри послание, в котором написал, что уже никак не надеялся услышать что-нибудь о нем, а вот теперь узнал, что брат еще жив. Он заклинал его вернуться домой, сообщал, что, хотя его жена и дети перебрались к друзьям на Лонг-Айленд, но если пират вернется, то он поможет им: «так как я

¹⁵²⁴ *Ritchie R. C. Captain Kidd...* P. 121.

¹⁵²⁵ *Ibid.* P. 121, 122.

уверен, что твоя жизнь может быть устроена, лишь если ты будешь здесь со своей плотью и кровью». ¹⁵²⁶

Однако не будем обольщаться и питать иллюзии — мир пиратов был миром грабителей и убийц. Он вовсе не был гуманным, и в настроениях его обитателей человеколюбие отодвигалось на задний план. Пиратское братство строилось на жестокой практике возмездия за предательство, измену, и те, кто вступал с ним в борьбу, жили под гнетом постоянной угрозы стать жертвой беспощадной мести и расправы со стороны своих врагов. Взаимопомощь и месть шли рука об руку — жертвами возмездия становились в равной степени и беглецы, пытавшиеся покончить со своим преступным прошлым, и преследователи, охотники за пиратами.

Особенную тревогу у пиратов вызывало дезертирство — ведь если беглец попадал в руки властей, он мог сделаться доносчиком, и тогда всей их компании мог прийти конец. Поэтому все члены экипажа приводились к присяге (на Библии). Из следовавших затем разъяснений товарищей новообращенному становилось понятно, что всякое предложение касательно разделения или роспуска команды чревато самым суровым наказанием: расстрел квартирмейстером или wybranными товарищами без приговора суда был скорейшей, но далеко не самой ужасной карой.

Пираты разработали изощреннейшие способы казни, которые применяли и к «своим людям», и к попавшим в их руки пленникам. Особую известность заслужило маронирование. Слово происходит от «марун» (*англ.* maroon) — беглых негров-рабов Вест-Индии, женатых на индианках и скрывавшихся в горно-лесистых районах на Гаити, Ямайке, Маврикии, в Суринаме. Слово, по-видимому, восходит к искаженному *исп.* *simarrón*, обозначавшему «дикого» раба, бежавшего в горы, в широком смысле — беглеца, изгоя. ¹⁵²⁷ Жуткий ритуал маронирования описан в пиратских легендах. Приговоренного отводили на берег «необитаемого

¹⁵²⁶ Ibid. P. 123.

¹⁵²⁷ См.: Jansen S. La formation du français régional et des créoles antillais: l'apport du taïno // Les français dans les Antilles: études linguistiques / Ed. par André Thibault. Paris: L'Harmattan, 2011. P. 127 – 132.

острова» — им нередко становилась маленькая длинная отмель, коса, затопляемая во время морского прилива. Ему оставляли бутылку воды, а также мушкет, рожок пороха и пулю (ст. 2 правил Филиппса), чтобы, доведенный до отчаяния жаждой, голодом или в страхе перед приливом, он мог застрелиться.¹⁵²⁸ Сам по себе символический смысл этой казни — когда экипаж отторгал от себя приговоренного, выбрасывал его прочь, обрекая на одинокую смерть, — заставляет вспоминать патриархальные обычаи, восходящие ко временам, когда общество не мыслилось без совместного ведения хозяйства. Дополненное корабельными правилами и сугубо морской спецификой (куда еще выбрасывать проштрафившегося «товарища», как не на первый попавшийся берег), изгнание из «общества» выступало далеко не только наказанием за трусость, воровство, мошенничество, предательство.¹⁵²⁹ В не меньшей степени оно было еще и средством экономии провизии, ибо, хочешь не хочешь, а на борту приходилось держать лишние рты.¹⁵³⁰ Главные же побудительные мотивы наказания — страх перед мятежом и бунтом на корабле, а также стремление избавиться от недовольных.¹⁵³¹ Собственно, так издавна поступали с зачинщиками беспорядков на судне, и пиратская жестокость вполне вписывалась в эти привычные нормы поведения с нарушителями дисциплины. Тяжесть наказания заключалась в том, что, оставляя преступнику жизнь, его лишали шансов на спасение, выживание. Не так ли поступил Фернан Магеллан с мятежниками, поднявшими бунт во время плавания? Одного из заговорщиков ждала казнь через четвертование, другого зарезали еще во время схватки, более чем сорока морякам, приговоренным к смерти, наказание заменили каторжными работами. Двоих же заговорщиков — Хуана де Картахену и священника Педро Санчеса де Ла Рейна — «изгнали в

¹⁵²⁸ *Captain Charles Johnson A general history of the pirates...* P. 342.

¹⁵²⁹ См. правила Робертса (ст. 2, 7) и Филиппса (ст. 3) (*Captain Charles Johnson A general history of the pirates...* P. 211, 212, 342.).

¹⁵³⁰ В 1587 г., когда Томас Кавендиш захватил «Санта-Анну», он довел галеон до бухты Порто-Сегуро и высадил на берег всех бывших на нем испанцев. Точно так же избавились от пленных Дэвис и Сван, когда в 1685 г. оставили их на острове Горгона.

¹⁵³¹ Так, например, поступил Тич Черная Борода, высадив семнадцать человек на песчаный островок в одном лье от материка. На островке не было ни птиц, ни животных, ни растительности, и «они бы наверняка погибли, но майор Боннет два дня спустя забрал их оттуда» (*Captain Charles Johnson A general history of the pirates...* P. 75).

Патагонию», то есть оставили на диком пустынном побережье без всяких надежд на спасение.¹⁵³² И эту кару многие сочли более суровой, чем участь казненного собственным слугой Гаспара де Кесады. Как, в свете этой истории, можно расценить согласие пиратского капитана Рида отпустить на берег необитаемой земли на Никобарских островах Уильяма Дампира? Может быть, как гуманный акт?

Тогда, в марте 1688 г., на корабле Рида сложилась взрывоопасная обстановка. Среди нескольких членов экипажа во главе с Дампиром, выразивших желание оставить судно, был врач Коппингер. Не добившись разрешения покинуть судно «миром», Коппингер решил действовать иначе. В один прекрасный день, вооружившись мушкетом, он спустился в лодку и, угрожая прострелить голову первому, кто встанет у него на пути, попытался отчалить в сторону ближайшего берега. Не долго думая, вслед за ним в лодку спрыгнули квартирмейстер Джон Оливер с несколькими матросами и, обезоружив врача, подняли его на борт. Однако Рид решил раз и навсегда разделаться с Дампиром, другим матросом, Холлом, и несколькими малайцами, которых не желал больше видеть на корабле. Их отправили на берег. Кто-то из экипажа бросил в лодку топор на случай, если придется защищаться от местных индейцев, которые вполне могли оказаться каннибалами. «Мы высадились на берег в прекрасную лунную ночь, — записывал впоследствии Дампир. — Поэтому, идя по песчаному берегу бухты, мы могли видеть, когда корабль уйдет, а до этого момента не считали себя в безопасности. Около одиннадцати или двенадцати часов мы заметили, что на нем подняли парус, и только после этого вернулись в наше убежище и легли спать. Было 6 мая».¹⁵³³ Сходная судьба постигла в тех же местах и старого «приятеля» Уильяма Кидда, Роберта Каллифорда, оставленного командой на одном из Никобарских островов.

¹⁵³² *Пигафетта А.* Путешествие Магеллана... С. 52.

¹⁵³³ *Dampier W.* A new voyage... P. 324–326.

Оказаться вот так на острове, когда тебя бросили прежние «товарищи» или выбросило на пустынный берег волной после кораблекрушения — участь незавидная. Особенно пугали необитаемые острова. Легендарные истории о них, как и вообще всякое предание, возникали не на пустом месте. За вымыслом всегда скрывалась реальность и происшествия, наподобие той истории, которая в итоге привела к появлению одного из самых известных приключенческих романов «История Робинзона Крузо» Д. Дефо.

Дефо поместил своего героя на островок в дельте Ориноко, в том месте, где река впадает в Атлантический океан. Писатель, никогда не бывавший в Южной Америке, пользовался картами современников и не мог предполагать, что место, выбранное им, совершенно не походило по своим климатическим условиям на описанный им остров. Если бы Робинзон попал именно сюда, его судьба оказалась бы плачевной. Его ждала бы адская жара во влажных джунглях, среди болот, кишящих аллигаторами и ядовитыми змеями, его истерзали бы москиты и тарантулы. В таких условиях шансов на выживание у него фактически не было. По описанию же Дефо, его герой жил на райском острове, где росли виноград и ячмень, водились козы, тюлени и пингвины. Такая земля действительно существовала, только располагалась она по другую сторону американского континента, в Тихом океане — в архипелаге Хуан-Фернандес, что в 600 километрах к западу от чилийского побережья. Называется этот остров Мас-а-Тьерре, и мы уже говорили о нем раньше. Именно на Мас-а-Тьерра Уильям Дампир дважды встретил людей, оставленных на острове, а Дефо, используя его описание, переместил необитаемую землю в более, как ему казалось, подходящие широты.

Первая история началась в 1681 г., когда пираты Джона Уотлинга, вставшие здесь на кренгование, вынуждены были спешно покинуть остров, узнав о приближении испанских военных кораблей. Они так быстро сняли лагерь, что индеец Уильям, ушедший в лес на охоту, не успел вернуться в бухту, и пиратский корабль отплыл без него. Спустя три года к острову подошли корабли Джона Кука

и Джона Итона. Дальше, однако, предоставим слово бывшему вместе с ними Дампиру. «Индеец прожил здесь в одиночестве около трех лет, и хотя его несколько раз разыскивали испанцы, которые знали, что он остался на острове, отыскать его им не удалось. Он был в лесу и охотился на коз, когда капитан Уотлинг увел оттуда своих людей — когда он вернулся на берег, корабль был уже под парусами. У него оставалось лишь ружье и нож, маленький рожок с порохом и несколько пуль, запас которых в конце концов иссяк, но он исхитрился вырезать ножом из ствола ружья маленькие кусочки и сделать из них рыболовные крючки, гарпуны, наконечники для копий и длинный нож. Для этого он сначала нагревал кусочки металла на огне, который высекал ударами ружейного кремня о кусок ствола ружья, а потом закаливал, научившись такому способу у англичан. Раскаленные кусочки железа он расплющивал и разгибал камнями, придавая им нужную форму; пилил их зазубренным ножом или же долго и кропотливо оттачивал и закаливал при наивозможно высокой температуре... Он рассказал нам, что до того, как он сделал крючки, ему приходилось заставлять себя есть мясо тюленей, весьма заурядное на вкус. Потом же он никогда не убивал тюленей, кроме тех случаев, когда нужно было сделать лески, разрезая их шкуры на ремни. Он жил в полумиле от моря в маленьком доме, скорее даже лачуге, обитой изнутри козьими шкурами; лежанкой служила груда тростника, наваленная в два фута высотой, — она составляла все его постельные принадлежности... Он увидел наш корабль за день перед тем, как мы встали на якорь, и, полагая, что мы англичане, убил утром трех коз и изжарил их с капустой, чтобы угостить нас, когда мы сойдем на берег...»¹⁵³⁴

Две недели корабли простояли у острова, команды пополнили запасы воды и продовольствия. 8 апреля они подняли якоря и направились к перуанскому побережью. Возможно, описанная Дампиром история индейца Уильяма послужила одним из источников при написании «Робинзона Крузо». Некоторые исследователи, впрочем, полагают, что Уильям вдохновил Дефо на создание

¹⁵³⁴ Ibid. P. 66, 67.

образа туземца Пятницы, а прообразом Робинзона Крузо стал второй «знакомый» Дампира — шотландец Александр Селкирк. Седьмой сын деревенского сапожника в рыбацком поселке Ларго под Эдинбургом, он вечно не ладил со своими братьями и после очередной потасовки бежал из дома и стал моряком. В апреле 1703 г. он устроился на каперское судно «Синк-порте», которое вместе с кораблем Дампира «Сент-Джордж» вышло на поиски манильского галеона. Несчастья для Селкирка, заведовавшего на «Синк-порте» парусным хозяйством, начались после смерти у Рио-де-Жанейро командира судна Чарльза Пиккеринга. На его место встал помощник капитана Томас Стрэдлинг, властный и жестокий человек, не ладивший с Селкирком. Развязка произошла на Мас-а-Тьерра, куда Стрэдлинг зашел, чтобы пополнить запасы воды. Неожиданно появились два французских корабля, и «Синк-порте», бросив на берегу двух моряков, ушел в открытое море. Спустя две недели корабль вернулся на остров забрать оставленных членов экипажа. Конфликт между командиром и Селкирком дошел между тем уже до высшей точки, и гордый шотландец настоял, чтобы его, от греха подальше, высадили на острове. Решение свое он принимал спокойно, все обдумав и хорошо подготовившись. Когда в октябре 1704 г. его оставили на Мас-а-Тьерре, на берег выгрузили рундук с одеждой и спальными принадлежностями, фунт пороха, кремневое ружье, пули, кресало, котел, нож, табак, труды по навигации, Библию.

Решение Селкирка, возможно, спасло ему жизнь. Корабль Стрэдлинга вскоре потерпел крушение и затонул, уцелела только часть экипажа, вместе со своим командиром попавшая в тюрьму в Лиме.¹⁵³⁵ Шотландец же провел на острове четыре года и четыре месяца. Его жизнь там как две капли воды напоминает описания Дефо. Стараясь сберечь порох, Селкирк усиленно тренировался и со временем так проворно карабкался по отвесным скалам, что догонял коз. Он разучился говорить на родном языке, но начал разговаривать с животными. Матрос приручил нескольких козлят и выдрессировал двадцать кошек, которых научил танцевать с ним под пение библейских псалмов. 12

¹⁵³⁵ Стрэдлинга впоследствии перевезли во Францию, и он сумел бежать из заключения.

февраля 1709 г. к острову подошли британские корабли «Дьюк» и «Датчесс» из Бристоля под командованием уже не раз упомянутого нами Вудса Роджерса. Перед ним и предстал человек, покрытый козьими шкурами и выглядевший более дико, чем первобытные люди. Его узнал Дампир и отрекомендовал Роджерсу как отличного моряка.¹⁵³⁶ На родину Селкирк сумел вернуться в октябре 1711 г., спустя восемь с половиной лет после выхода в море. Он получил причитавшееся ему жалованье — 800 фунтов стерлингов, его долю призовых денег. Весной 1712 г. Селкирк возвратился в родной Ларго и никто из его родственников не смог признать в нем того 18-летнего юношу, который семнадцать лет назад бежал из отчего дома.¹⁵³⁷

Описанная Дампиром история — одна из многих, приключившихся с «людьми моря». Истории индейца Уильяма и Селкирка заставляют вспомнить еще один рассказ Дампира о «приключении» нескольких разбойников в Панамском заливе. Они чуть было не погибли той самой страшной смертью, которую описывали пиратские легенды, но произошло это вовсе не по решению разбойничьего схода. Пираты отправили их заготовить припасы. Спустя некоторое время, не получая никаких известий о «провиантской партии», разбойники отправились на поиски пропавших, которых обнаружили на крошечной скале в полумиле от берега. Как выяснилось, на «провиантмейстеров» напали испанцы. Они кинулись было к своей лодке, но «она была вся охвачена пламенем». Понимая, что в сельве им не спастись, поскольку испанцы были очень умелы в выставлении засад, разбойники решили бежать в море. Был отлив, и они увидели, что недалеко от берега выступает из воды скала. Отличное убежище, — решили

¹⁵³⁶ История отшельничества Селкирка была в 1712 г. описана Вудсом Роджерсом и одним из его офицеров — Эдвардом Куком, а подробное интервью с самим Селкирком записал издатель газеты «Инглишмен» сэр Ричард Стил (оно появилось 3 декабря 1713 г.). Впрочем, с Селкирком встречался и сам Дефо — их беседа произошла в бристольской таверне «Красный лев».

¹⁵³⁷ Спустя некоторое время Селкирк начал тосковать по морю и столь полюбившемуся ему острову, где он «провел счастливейшие дни своей жизни». Он вышел штурманом на военном 60-пушечном бриге «Уэймут», участвовал в охоте за Бартоломью Робертсом и умер на борту своего корабля в 1723 г. в возрасте 47 лет у побережья Гвинии. В городе Ларго поставлен памятник Селкирку, а в его пещере на острове в 1868 г. экипаж британского военного корабля «Топаз» установил бронзовую доску в «память об Александре Селкирке». Чилийское правительство в 1966 г. в честь шотландского моряка переименовало остров Мас-а-Тьерра в остров Александра Селкирка, а расположенный западнее остров Мас-а-Фуэрра — в остров Робинзона Крузо.

они, тем более, что деваться им все равно было некуда. Испанцы, между тем, не торопились. Засев в густом кустарнике, они изготовились для стрельбы, благо разбойники на пляже представляли прекрасные мишени. Войдя в воду, они добрались до скалы вброд и воссели на ней. Но прошло немного времени, и начался прилив. Вода стала подниматься и захлестывать скалу. Разбойники попали в ловушку. Еще немного, и прилив накрыл бы их убежище, а на берегу пиратов поджидали испанцы. Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы в спускавшихся сумерках не подошло каноэ «спасательной группы», которое успело снять незадачливых буканьеров.¹⁵³⁸

Пираты как могли разнообразили действие маронирования. Поздней осенью 1718 г. незадолго до того амнистированные Финеас Банс, Деннис Маккарти и Джон Оджер решили тряхнуть стариной. Подняв бунт на своем судне, они захватили корабль и всех недовольных во главе с командиром вышвырнули раздетыми на необитаемом острове в зоне Багамских островов. Однако далеко уходить они не собирались и крейсировали поблизости, время от времени наведываясь к «осужденным», избивали их и всячески издевались над ними.¹⁵³⁹

Среди других видов казней, применявшихся пиратами, встречались совершенно ужасающие. Например, «кровопускание», примененное Джорджем Шевлоком в 1718 г. Он приказал прогнать капитана захваченного судна сквозь строй пиратов, вооруженных иглами для зашивания парусов. Они истерзали несчастную жертву, а затем засунули в бочку из-под сахара, кишашую тараканами. Схожим способом уничтожал свои жертвы и капитан Сприггс.¹⁵⁴⁰

Не менее страшным считался и другой вид казни — знаменитое «хождение по доске», встречавшееся еще в эпоху античности. О нем рассказывали римские историки, живописуя подробности бытия варваров-пиратов. Тех, кто попадал к ним в плен, ожидала горестная участь. Их могли, например, связать лицом к лицу с мертвецом и протянуть под килем на канате или заставить «ходить» по рею.

¹⁵³⁸ *Dampier W. A new voyage...* P. 86, 87.

¹⁵³⁹ *Captain Charles Johnson A general history of the pirates...* P. 641.

¹⁵⁴⁰ *Ibid.* P. 352.

Даже заплатив выкуп и, казалось, заслужив освобождение, они не были гарантированы от последнего аккорда драмы. Пираты, встав на колени и хлопая себя по бедрам, прикидывались униженными и смиренно просили своих жертв пощадить их, если доведется снова встретиться. После чего измученных пленников, обряженных в богатые тоги, под улюлюканье, проклятия и гогот «отправляли домой» — по сходне, смотревшей в сторону их родных мест, несчастных посреди моря сбрасывали в воду. О «хождении по доске», применявшемся пиратами в XVIII в., повествуют и морские легенды: разбойники надевали на глаза несчастному повязку, а потом, якобы, заставляли идти по сходне, выставленной из пушечного порта.

В арсенале средств, широко применявшихся пиратами и создававших вокруг них атмосферу смертельной опасности, были, разумеется, пытки. Применяли их в большинстве случаев не для того, чтобы насладиться мучениями жертвы, а как средство выбить информацию из пленников, попавших в руки разбойников. На гравюре, помещенной в первом издании «Пиратов Америки» Эксквемелина 1678 г., изображены бесчинства разбойничьей братии Генри Моргана в Маракайбо. Захватив в 1669 г. этот богатый венесуэльский город, пираты грозились его поджечь, если жители не укажут, где припрятаны мешки с золотыми монетами. Многих они захватывали в заложники и не отпускали, вымогая их добро. А чтобы жертвы становились поговорчивее, пираты изощрялись в издевательствах, дав волю фантазии. Пленников избивали до смерти, обмазывали несчастным ноги салом, а потом вставляли им между пальцев горящие фитили или засовывали их ноги в костер. Другим привязали к рукам и ногам тяжелые камни и начали им пихать подожженные пальмовые листья прямо в лицо. Особенно досталось тем пленным, о богатстве которых пиратам было известно. Одного старого португальца «подвесили за большие пальцы рук и ног к четырем столбам, так что он повис в воздухе примерно в полутора футах над землей. Но и этого было мало: пираты положили ему на ягодицы камни весом в двести фунтов, а потом подожги

пальмовые листья и ими опалили лицо и волосы несчастного». Старик и после таких пыток продолжал держаться, хотя его избивали и морили голодом.¹⁵⁴¹

Были среди разбойничьей братии и настоящие садисты подобные Олоне. Его жестокость, о которой повсюду шла зловещая слава, вселяла такой ужас, что испанцы, например, когда встречались с ним в море, дрались до последнего, потому что пощады от этого чудовища не было никогда и никому. Убить человека было для него, как «отмахнуться от назойливой мошки». И когда этот мастер пыточных дел принимался за работу и у его жертвы не сразу развязывался язык, он свирепел и мог изрубить ее в куски, после чего, довольный собой, слизывал с клинка кровь. Злодей мог шутя, одним взмахом, отсечь голову, вырвать сердце и творил немало других гнусностей, куражась и похваляясь тем, что не родился еще тот, кто победил бы его.¹⁵⁴²

Страшную память о себе оставил и пират Эдвард Лоу. Во время своих разбойничьих налетов он действовал с изощренной жестокостью, оставив о себе память как об одном из наиболее свирепых и кровожадных душегубов. Его экипаж составляли «около ста отчаянных робят, какие только бывают на виселицах...» Во время одного из рейдов они «взяли богатой португальской корабль,.. но как груз не столько нужен им был как деньги, то они начали мучить матросов, которые принуждены были объявить, что корабельщик бросил в море мешок с тысячью мойдорами (золотая монета в три с половиной золотника). Лов, узнавши сие, бранился и ругался до исступления; вырезал у корабельщика обе губы и, наконец, умертвил его со всем экипажем корабельным, состоящем в тридцати шести человеках.»¹⁵⁴³ В другой раз «взяли... корабль, именуемой Амстердамской купец. Корабельщику Лов разрезал нос, отрезал ему уши, и разграбивши весь корабль, отпустил на волю. После того он взял один шлуп... велел всех людей перевязать и поставить им между пальцами зазженные фитили, от чего тело все сгорело до костей; наконец высадил их на берег не обитаемой

¹⁵⁴¹ Эксквемелин А. О. С. 143.

¹⁵⁴² Там же. С. 81, 91, 98, 99.

¹⁵⁴³ СПб ИИ РАН Кол. 238. Оп. 2. Д. 146/22. Л. 21–21 об.

ником; таким образом поступил он и с другими кораблями, какие попадались в руки...»¹⁵⁴⁴

Не в силах терпеть более террор, английские власти открыли охоту на Лоу: в погоню за его судами отправился 20-пушечный военный корабль. Он нагнал два судна Лоу, но главарь, бросив своего компаньона на произвол судьбы, ушел на своем корабле. «Лов после щастливого своего избавления.. пуще остервенел и сделался злейшим врагом всему роду человеческому, ибо клялся отомстить всякому, кто только попадетя ему в руки; первую жертвою его был Натан Скиф, шкипер одного шлупа, употребляемого для ловли китов: взявши сие судно, пират велел его высечь нагаго на палубе сквозь строй своих товарищей, потом отрезал ему уши, и мучили его всяким образом для своего веселия. Уставши, прострелили ему голову...»¹⁵⁴⁵

Но и противная сторона на жестокость отвечала жестокостью: захваченных пиратов тоже пытали, не разбираясь, капер это или бандит. Одного такого молодца испанцы привязали к дереву, а потом, оседлав лошадей, принялись метать в него пики и соревновались в меткости, как будто на рыцарском турнире. После провала высадки д'Ожерона в Пуэрто-Рико, испанцы перебили всех раненых и отрезали им носы и уши. Потом они показывали эти трофеи пленникам, дабы их утратить этим свидетельством своей победы. После этого они устроили очередной турнир — привязали пленников к деревьям и на полном скаку метали в них копья, награждая самых метких призами. Натешившись «воинскими» подвигами, солдаты перешли к иным утехам: они поставили перед голодными французами мясо, и тех, кто пытался схватить кусок, били по рукам мачете.¹⁵⁴⁶

Подведем итоги. В социальном смысле пиратско-каперский социум представляют собой специфический феномен моряцкого сообщества, в котором переплелись социально-экономические, политические, организационные и психологические аспекты. С одной стороны, эта чрезвычайно мобильная

¹⁵⁴⁴ Там же. Л. 21 об.

¹⁵⁴⁵ Там же.

¹⁵⁴⁶ *Эксквемелли А. О. С. 157.*

космополитичная структура, опиравшаяся на широкую социальную базу и постоянно пополнявшаяся за счет выходцев из плебейской среды и маргинальными элементами, выступала составным элементом рынка свободной рабочей силы. С другой стороны моряцкий социум создавал определенный стиль жизни, характерными чертами которого являлись мускулинные стратегии, характерные для простонародья с его культом крепких и сильных мужчин. Специфическое видение мира, принятое в пиратском обществе, воплощало также определенный групповой социальный опыт, психологическое отношение к условиям существования, стратегии выживания и достижения успеха, а подчас и дуалистические религиозные пристрастия, в которых традиции христианского мироощущения смешались с ментальными представлениями, характерными для выходцев из моряцкой субкультуры.

Одним из ключевых аспектов культурной жизни изучаемого сообщества, пронизанной страхами, нищетой, лишениями, выступала конфронтация с законопослушным «цивилизованным» обществом, с которым моряки, моряки, потенциальные пираты, выходцы из плебейских слоев, находились в постоянном конфликте. В этой особой маргинальной среде вырабатывались специфические правила организации закрытой для общества власти, основанной на демократических началах с использованием принципов представительного правления.

§ 4. «МЕСТЬ ОТПЕТЫХ»: БАНДИТИЗМ И СОЦИАЛЬНЫЙ ТЕРРОР

Подобная модель альтернативного социума неминуемо приводила к выработке специфических методов давления на окружающее общество, основанных на терроре представителей колониальных властей, жестком шантаже и запугивании потенциальных жертв. Многомерный, пронизанный хитросплетением социальных связей сложнейший социальный организм,

делавший ставку на морской разбой, находился в зоне постоянной военной конфронтации и вырабатывал агрессивную стратегию жизнедеятельности.

Пиратская субкультура и ее основные черты

Рассмотрим ее основные черты. Начнем с вопросов, анализ которых позволяет выделить существенные черты пиратской субкультуры – названия их кораблей, а также происхождение и употребление «Веселого Роджера», главного символа морских разбойников.

Для непосвященного человека все корабли морских разбойников могли быть на одно лицо, но только не для «людей моря», наделявших суда душой. У каждого судна было имя, эти названия отражали морской быт, специфику профессии, отношение моряка к жизни и к своему делу, его суеверия, его внутренний мир, тоску по родному очагу. Проанализировав названия 44 пиратских кораблей, М. Ридикер привел интересные данные. В восьми случаях (18,2%) в «именах» кораблей упоминалось слово «мечь» — знаменитый бриг Тича «Куин Эннс Ривендж», суда Стида Боннета «Ривендж», Ричарда Уорли «Нью-Йорк Ривенджерсис Ривендж» («Мечь за нью-йоркских мстителей») и Уильяма Флая «Фэймс Ривендж» («Мечь отпетых»). В семи названиях (15,9%) присутствует слово «бродяга» (ranger) или «скиталец» (rover), в пяти случаях упоминается королевская власть. Использовались также географические названия («Ланкастер»), женские имена («Мэри Энн»), названия птиц («Блэк Робин» — «Черная малиновка»). Отражена здесь и специфика бытия вольных морских скитальцев, их частая обреченность на холостяцкую жизнь — «Бэчелорс Дилайт» («Услада холостяков») или «Бэчелорс Адвенчер» «Приключения холостяков».¹⁵⁴⁷

Не будем забывать и упоминавшееся ранее предположение Хью Рэнкина относительно политических мотивов, которыми руководствовались пираты, давая названия своим кораблям.¹⁵⁴⁸ Так или иначе, но название шлюпа Тича «Куин Эннс

¹⁵⁴⁷ Rediker M. Between the devil and the deep blue sea... P. 269.

¹⁵⁴⁸ Rankin H. F. The pirates of colonial North Carolina. Raleigh, 1977. P. 5.

Ривендж», которое также использовал Капитан Лэйн, для современников могло служить напоминанием о последней королеве из династии Стюартов. Упоминавшееся нами другое «якобитское» название, «Ройял Джеймс», принадлежавшее кораблю компаньона Тича Стида Боннета, перекочевало к флагману Эдварда Ингланда. В свою очередь компаньон Ингланда Роберт Сэмпл плывал на корабле «Флайинг Кинг», Хауэлл Дэвис на «Кинг Джеймс» и «Ройял Ровер», а его консорты Черный Барт Робертс на «Ройял Форчун», а два других на «Нью Кинг Джеймс» и «Ормонд», названном так в честь видного сподвижника Якова II герцога Ормонда. По подсчетам Эдуарда Фокса примерно в 14 % из выявленных Ридикером наименований кораблей присутствуют проякобинские настроения.¹⁵⁴⁹

Нельзя обойти вниманием и наблюдение Пламена Арнаудова, обратившего внимание на новые «имена», которые получали захваченные пиратами суда.¹⁵⁵⁰ Особо отличился Бартоломью Робертс, упорно добивавшийся, чтобы захваченные им корабли получали в своих названиях слово «удача»: так появились пиратские суда «Форчун», «Гуд Форчун», и, наконец, флагман Робертса «Ройял Форчун».

Неотъемлемым символом корабля выступал его флаг, и, в первую очередь, разумеется, знаменитый «Веселый Роджер» (Jolly Rodger¹⁵⁵¹), зловещий и черный, — символ пиратства вообще. Впервые этот «штандарт» зафиксировал «Oxford English Dictionary» в 1724 г. В традиционном варианте он представлял собой черное полотнище с черепом,¹⁵⁵² положенным поверх перекрещенных костей¹⁵⁵³ или помещенным над «скрещенными костями».¹⁵⁵⁴ По-видимому, именно эту

¹⁵⁴⁹ Fox E.T. Jacobitism and the “Golden age” of piracy, 1715–1725 // International Journal of Maritime History. 2010. Vol. XXII. № 2. P. 287, 288.

¹⁵⁵⁰ Arnaudov P. I. Elements of mythmaking in witness accounts of colonial piracy (Dissertation). Louisiana State University, 2008. P. 94, 95.

¹⁵⁵¹ Captain Charles Johnson A general history of the pirates ... P. 226.

¹⁵⁵² Флаг капитана Р. Уорли (Captain Charles Johnson A general history of the pirates ... P. 298). По-видимому, такой же флаг использовали Тич Черная Борода и С. Боннет.

¹⁵⁵³ Флаг французского пирата Эмануэля Винна с острова Доминика, встретившего в 1700 г. капитана Джона Крэнби (Hill Ch. Episodes of piracy in the eastern seas 1519 to 1851 // The Indian antiquary. March 1920. Vol. XLIX. P.37).

¹⁵⁵⁴ Флаг капитана Э. Ингланда (Captain Charles Johnson A general history of the pirates ... P. 72, 119). Известно несколько вариантов такой «мертвой головы». Под таким флагом по-видимому плывали Д. Тейлор и Д. Мартел. На флаге, который историк Ф. Брэдли приписывал К. Конденту, например, на черном полотнище располагались в ряд

«голову смерти» имел в виду автор словаря английского арго капитан Ф. Гросс, упоминавший о «Веселом Роджере» как флаге, поднимаемом пиратами.¹⁵⁵⁵ По оценкам современного исследователя пиратства М. Редикера под этим штандартом выходили в море более 2.5 тысяч пиратов. Среди экипажей, поднимавших зловещее полотнище, он выделил команды Ф. Банса, С. Беллами, С. Боннета, Ч. Вэйна, Г. Дженнингса, Х. Дэвиса, Э. Ингланда, Т. Куклина, Д. Маккарти, Д. Мартела, О. Ла Буша, Лайна, Лесли, Э. Лоу, К. Муди, Нэйпина, Николса, Ричардса, Б. Робертса, Д. Рэкема, Д. Скирма, Ф. Сприггса, Д. Тейлора, Томсона, Р. Уорли, Д. Филипса, У Флая, Ч. Харриса.¹⁵⁵⁶

Одно из первых упоминаний «мертвой головы» в документах связано с пиратом Генри Дженнингсом, который поднял его в 1716 г.¹⁵⁵⁷ В ноябре 1717 г. два моряка, Томас Найт и Бенджамин Хобхаус, подошли на шлюпке к трем кораблям, встреченным к открытому морю, и хотели обменяться письмами, как вдруг увидели на корме флаг с черепом и попытались бежать. Однако уйти им не удалось. Пираты из команд Кентиша и Эдвардса заставили их подняться на борт и обстоятельно расспросив, отпустили восвояси.¹⁵⁵⁸

Помимо черепа и костей¹⁵⁵⁹ пираты использовали различную атрибутику из морской жизни, отдавая предпочтение оружию, и нередко создавая целые композиции. Как гласит предание, Сид Боннет расположил под черепом берцовую кость. С одной стороны от него пираты изобразили сердце (или червонный туз?), а с другой — кинжал. По сохранившимся легендарным свидетельствам, «Малиновый Джек» Джон Рэкем под «мертвой головой»

целых три черепа со скрещенными костями под ними (*Bradlee F. B. Piracy in the West Indies and its suppression. Salem, 1923*).

¹⁵⁵⁵ *Grose F. Dictionary of the vulgar tongue. London, 1811. P. 187.*

¹⁵⁵⁶ *Rediker M. Between the devil and the deep blue sea... P. 278, 279.*

¹⁵⁵⁷ Рогожинский Ж. Энциклопедия пиратов... С. 83.

¹⁵⁵⁸ *Calendar of state papers. Colonial series. America and West Indies, 1660–1738. Ed. by Cecil Headlam. Vol. XXIX. August 1717 – December 1718. London, 1930. P. 150.*

¹⁵⁵⁹ На иллюстрации к изданию 1725 г. «Всеобщей истории пиратов» Капитана Джонсона Д. Эвери изображен на фоне черного флага с перекрещенными костями.

приказал поместить пересеченные абордажные клинки, а Томас Тью поднимал флаг с изображением руки, сжимающей клинок.¹⁵⁶⁰

Столь же заметное место в символике пиратов занимал скелет, под которым, возможно, подразумевался дьявол, известный морякам как Дэви Джонс или «Старый Роджер». Такому прочтению символики скелета отдал предпочтение знаменитый Тич Черная Борода. На одном из приписываемых ему флагов, скелет изображался с рожками, в одной руке он сжимал песочные часы,¹⁵⁶¹ а в другой — пикой, пронзавшую сердце. Сходное изображение поместил над своим кораблем капитан Сприггс, только его скелет был безрогим. Возможно, Тич и Сприггс желали намекнуть команде встречного корабля, что их смертный час пробил.¹⁵⁶² Ранее же похожий флаг под названием «Старый Роджер» был поднят пиратом из Массачусетса Джоном Квэлчем, пришедшим в 1703 г. на бригантине «Чарльз» в Бразилию.¹⁵⁶³ Только на его полотнище место скелета заняла обнаженная мужская фигура с песочными часами в одной руке и с пронзенным пикой окровавленным сердцем — в другой. Тот же мотив мы встречаем и у «Черного Барта» Бартоломео Робертса: моряк с абордажной саблей стоит на «двух головных черепах»,¹⁵⁶⁴ под которыми были выведены буквы АВН (A Barbadian Head, «голова барбадосца») и АМН (A Martinician Head, «голова мартиниканца»).¹⁵⁶⁵ Конечно, власти островов Барбадос и Мартиника, заклятые враги Робертса, осмелившиеся устроить на него облаву, были осведомлены об буквах под черепами и не забывали о его особых симпатиях к ним. Известно также изображение Робертса, стоящего на фоне своих кораблей «Ройял Форчун» и «Рэнджер», захвативших торговые суда в Гвинейском

¹⁵⁶⁰ Изображения пиратских флагов см.: *Bradlee F. B. Piracy In The West Indies...*; <http://www.bonaventure.org.uk/ed/piratemythtory.htm>; <http://www.kipar.org/piratical-resources/pirate-flags.html>.

¹⁵⁶¹ Тему песочных часов отразил и Винни — на его черном флаге под черепом располагались песочные часы.

¹⁵⁶² *Captain Charles Johnson A general history of the pirates ...* P. 352. В свою очередь Эдвард (Нед) Лоу на черном полотнище разместил скелет красного цвета.

¹⁵⁶³ Квэлч поднял бунт на каперском судне, снаряженном бостонскими купцами против французов. Убив командира, Квэлч и его люди вместо того, чтобы идти к побережью Канады, отправились в Южную Америку и захватили несколько португальских судов. Квэлч был арестован, когда, вернувшись в Массачусетс, попытался продать захваченную добычу. Вместе с восемью членами экипажа Квэлч был повышен в июне 1704 г. в Бостоне.

¹⁵⁶⁴ СПб ИИ РАН Кол. 238. Оп. 2. Д. 146/22. Л. 14 об.

¹⁵⁶⁵ *Captain Charles Johnson A general history of the pirates ...* P. 221. В другом описанном Джонсоном флаге Робертса использованы те же фигуры, что и на флагах Тича и Сприггса: скелет (смерть) держит в одной руке песочные часы, в другой — две берцовые кости. Слева от него — пика, пронзающая сердце.

заливе зимой 1722 г.: над одним из кораблей развевается описанный нами флаг, а над другим черный стяг с моряком и скелетом, державшим дротик и чашу. Скелет и моряк повернуты к зрителю и дружески чокаются.¹⁵⁶⁶

С историей «Веселого Роджера» связано немало спорных вопросов. Во-первых, подлинных флагов до нас не дошло. Историки воспроизводят варианты пиратских штандартов, пользуясь упоминаниями о них в официальных отчетах или описаниями современников, наподобие не раз уже цитируемой нами «Всеобщей истории пиратства» Капитана Джонсона, а также фольклорными свидетельствами и рисунками художников, иллюстрировавшими выходявшие в те годы книги о пиратах. Можно лишь предполагать, что разбойники уничтожали свои флаги, дабы они не попали в руки победителей. Следует учесть и потенциальный риск, которому подвергались хранители подобных реликвий. Во-вторых, «Веселый Роджер» — не единственное наименование пиратского флага.¹⁵⁶⁷ Встречались и другие названия: «Черный Флаг», «Мертвая голова», «Капитан Смерть», «Роджер» или уже упоминавшийся «Старый Роджер». Соответственно, как мы видели, менялись и изображения на полотнищах. И, наконец, самый запутанный момент касается черного цвета пиратского флага.

В соответствии с наиболее распространенной легендой истоки этого цвета идут от черных флагов, поднимаемых над кораблями, зараженными чумой. А может быть, выбор цвета определялся тактическими соображениями и позволял пиратам маскироваться в пасмурную погоду и в ночное время? Вероятна и связь с Библией, в которой черный цвет, густой, непроницаемый, наподобие «тьмы и тени смертной»,¹⁵⁶⁸ страшной тьмы ночной «вместо видения»,¹⁵⁶⁹ символизирует не только скорбь, но и суд, зло, смерть и мрак. Возможно, этот образ перекликается с видениями «вороних коней» у Захарии¹⁵⁷⁰ и у Иоанна,¹⁵⁷¹ а сами злые «кони» в

¹⁵⁶⁶ Ibid. P. 245.

¹⁵⁶⁷ Carr H.G. *Flags of the world*. London, New York, 1956. P. 19.

¹⁵⁶⁸ Иов 3:5.

¹⁵⁶⁹ Мфхя 3:6.

¹⁵⁷⁰ Захария 6:2, 6.

¹⁵⁷¹ Откровение 6:5.

глазах правоверных христиан обретают аллегорическое осмысление, являясь в виде страшных пиратских судов под черными полотнищами?¹⁵⁷² Есть ли у тех пиратов, что плавают на них, родина, национальность? И не превратили ли они черный флаг в своего рода антипод всем государственным и национальным флагам. Можно выстраивать и другие гипотезы относительно пристрастия пиратов к черному цвету, однако на сегодняшний день, по нашему мнению, ни одна из них не является доказанной. Тем более, что семантика того или иного цвета в описываемую эпоху выглядит достаточно противоречивой.¹⁵⁷³

Что же касается первых упоминаний о черном штандарте, то они относятся к XVII в. Так, например, в одном из правил, определяющих порядок оформления катафалков для похорон испанского короля, было записано: «Не следует ни на вершине, ни на одном из этажей траурной башни вывешивать черный флаг. Несмотря на то, что он является знаком и цветом короля, этот флаг *опозорен* (курсив наш. — Д. К.), потому что используется на пиратских кораблях. Поэтому надлежит ограничиться флагом темно-фиолетовым или кардинальским пурпуром».¹⁵⁷⁴ Возможно, здешние разбойники поднимали черный флаг, демонстрируя свое испанское подданство — черные флаги развевались над испанскими военными эскадрами. Остались, впрочем, свидетельства о том, что наряду с черным полотнищем пираты использовали другие цвета. В рапорте от 6 января 1718 г. в Совет торговли и колоний лорд Арчибальд Хэмилтон упоминал встречу с пиратами, которые, сделав первый выстрел, спустили британский флаг и подняли белое полотнище со скелетом.¹⁵⁷⁵ Пеннон¹⁵⁷⁶ белого цвета с крестом

¹⁵⁷² Похожим образом рассуждает и автор средневекового трактата по геральдике итальянца Бартоло ди Сассоферрато. Он считает черный цвет самым низким в символической иерархии символизируемого, так как он «наиболее близок к тьме» (*Черных А. П. Трактат Бартоло ди Сассоферрато «О знаках и гербах» // Средние века. Вып. 52. М.: Наука, 1989. С. 319*).

¹⁵⁷³ Итальянский культуролог Умберто Эко в работе, посвященной символике цвета подчеркивает: «В средневековой символике одна и та же вещь может иметь два противоположных значения в зависимости от контекста ее восприятия (так, Лев иногда символизирует Христа, а иногда Дьявола); кроме того, Средневековье продлилось без малого десять веков, и за столь долгий период многое изменилось во вкусах и в представлениях о символике цвета». (*История красоты / Под ред. Умберто Эко; перевод с итал. А. А. Сабашниковой. — М., 2007. С. 121*).

¹⁵⁷⁴ *Kaltenbergh L. Czarne żagle czterdziestu mórz... S. 84–85.*

¹⁵⁷⁵ *Calendar of state papers. Colonial series. America and West Indies ... Т. XXX. P. 147–148.*

¹⁵⁷⁶ Пеннон — горизонтально ориентированный, как правило, треугольный вымпел.

святого Георгия приписывался и Тичу Черной Бороде, который вывешивал его на грот-мачте.

Однако пираты нередко использовали и алый, кровавый флаг.¹⁵⁷⁷ В XVII в., например, флибустьеры Вест-Индии по-видимому вообще были не знакомы с черным флагом.¹⁵⁷⁸ В кровавом же полотнище люди Средневековья и раннего Нового времени усматривали знак беды. Для многих из них красный цвет служил символом искупительной жертвы Иисуса и багряной крови невинных, и вместе с тем в нем всегда присутствовал мотив эмоционального всплеска, тревоги, ужаса и страшного испытания, заставляя помнить о багряном звере из Апокалипсиса и руках убийцы, обгаренных кровью жертвы. Не случайно полотнище кровавого цвета над соборными ратушами воспринималось как сигнал тревоги, а красные флаги предупреждали о мятеже и восстании и предвещали кровопролитие.¹⁵⁷⁹ Власти тоже могли, выбросив красный стяг, утверждать свое сакральное право на «пролитие крови», как было, например, на рубежах христианского и мусульманского миров, где стояли красные флаги Священной Римской империи с белыми крестами. На флоте же красный флаг выступал в качестве сигнала опасности и возвещал тревогу. Красный флаг разбойников повторял кровавый боевой флаг военных флотов.¹⁵⁸⁰ Приказом № 1 лорда Адмиралтейства в 1596 г. было установлено «на время ведения боя поднимать вместо постоянного носового флага боевой флаг красного цвета». Именно такой «кровавый флаг», означавший готовность к бою, увидел голландец Ян Стрейс на корабле в гавани Антонжилль.¹⁵⁸¹ В романе Д. Дефо «Дальнейшие приключения Робинзона Крузо» герой вспоминает столкновение с противником и рассказывает, что вначале на его корабле был поднят белый флаг переговоров, а когда стало ясно, что сражения не

¹⁵⁷⁷ См., например, письмо капитана Макре от 16 ноября 1720 г. (*Captain Charles Johnson A general history of the pirates ...* P. 119).

¹⁵⁷⁸ *Laprise R. Époque, vie et moeurs des flibustiers, pirates et corsaires de l'Amérique dans la seconde moitié du 17 siècle (1648–1688). Chapitre 6 (Le bâtiment) // <http://www.geocities.com/trebutor/Livre/2F/L.2C3.html>.*

¹⁵⁷⁹ Например, во время матросских мятежей на британском флоте в Спитхедде (стоянка под Портсмутом) и Норе (в устье Темзы) в 1797 г. восставшие подняли красные флаги.

¹⁵⁸⁰ Красные вымпелы с крестами св. Георгия, св. Андрея или геральдическими знаками родных городов или графств в крыже отличали также торговые суда.

¹⁵⁸¹ *Стрейс Я. Я. Три достопамятных и исполненных многих превратностей путешествия... С. 55.*

избежать, на мачте взвился красный флаг.¹⁵⁸² Интересные свидетельства оставил служитель Джордж Ман, который в июне 1701 г. у побережья Виргинии попал к пиратам на судно «Ла Пэ». В свидетельских показаниях он рассказывал, что, когда пираты захватили голландское судно, они первым делом сорвали кормовой «Королевский Джек»,¹⁵⁸³ затем сняли гюйс и подняли «кровавый флаг».¹⁵⁸⁴

Иногда, впрочем, морские разбойники предпочитали плавать под своим национальным флагом или пользовались флагом того государства, которое предоставило им каперское свидетельство. Тем более, если вспомнить, что на военных и торговых флотах применялись флаги различных цветов и, соответственно, назначений. Пираты же, в большинстве своем прошедшие службу на военных и каперских кораблях, имели опыт их использования. Например, британские каперы обязаны были выходить в море, поднимая на грот-мачте флаг королевства.¹⁵⁸⁵ Также поступали и французские корсары, над кораблями которых реяли белые королевские флаги с золотыми лилиями Бурбонов и штандарты с гербами их родного города.¹⁵⁸⁶

Должно ли тогда удивлять соседство того же «Веселого Роджера» с государственным стягом на пиратских кораблях?¹⁵⁸⁷ И уж если при встрече с противником на мачте взмывало кровавое знамя, это означало, что пощады никому не будет (как и на суше). Многие очевидцы отмечали, что красный флаг

¹⁵⁸² Дефо Д. Дальнейшие приключения Робинзона Крузо, составляющие вторую и последнюю честь его жизни; Пер. с англ. З. Н. Журавская; авт. предисл., авт. послесл. А. Н. Петров. – М.: Восточная лит., 1996. С. 178.

¹⁵⁸³ Английская корона в тот момент принадлежала Вильгельму III, бывшему одновременно и статхаудером Республики Соединенных Провинций.

¹⁵⁸⁴ Privateering and piracy... P. 274. Сохранились свидетельства о том, что знаменитый Джон Эвери также плавал под красным флагом. Ему приписывают традиционное английское красное полотнище с крестом св. Георгия в крыже, и четыре золотых шеврона на красном поле. В еще одном варианте, — скорее всего мифологическом, — на красном флаге был изображен череп, повернутый влево, с перекрещенными берцовыми костями под ним.

¹⁵⁸⁵ Royal instructions to British colonial governors, 1670–1776 / Collated and edited by Leonard Woods Labaree. Vol. I. New York, London, 1935. P. 444, 446. Заметим, что объединенный «Юнион Джек» был прерогативой британских военных кораблей, тогда как английские каперы плавали под флагом св. Георгия, а шотландцы — под флагом св. Андрея.

¹⁵⁸⁶ В 1627 г., например, два снаряженных в Сен-Жан-де-Люсе корабля, вышли в море, украшенные королевскими лилиями на грот-мачте и черно-красным гюйсом с городским гербом на гюйсе (*Rectoran P. Corsaires basques et bayonnais...* P. 205).

¹⁵⁸⁷ В 1718 г., например, на корабле Чарльза Вэйна британский «Юнион Джек» располагался на соседней мачте с «Веселым Роджером». У Ингланда в 1720 г. на грот-мачте был установлен черный флаг, на фок-мачте — красный флаг, а кормовой флашток украшал «английский флаг» («Юнион Джек» или белый флаг с крестом святого Георгия в крыже, неизвестно).

олицетворял бескомпромиссность и непримиримость. Капитан Ричард Хоукинс, захваченный пиратами в 1724 г., подчеркивал особенность их поведения во время нападения. По его мнению, поднятый ими «Веселый Роджер» выступал последним предупреждением. Жертва могла поразмыслить, стоит ли сопротивляться; пираты же еще готовы принять добровольную сдачу. Однако, если уж поднимался кровавый флаг, пощады от них ждать не стоило.¹⁵⁸⁸ Таким образом, можно предположить, что черный флаг, который, как и красный, пираты использовали с целью устрашить противника, означал их более миролюбивые намерения.¹⁵⁸⁹

Полотнище черного цвета могло также служить опознавательным знаком, своего рода сигнальным флажковым кодом, давая возможность пиратам узнавать своих «братьев» в море. В 1719 г. пираты из группы Хауэлла Дэвиса увидели «корабль, идущий прямо на них под всеми парусами. Они довольно напугались, подняли якорь и приготовились принять его как должно на море. Но нашлось, что это было французское пиратствующее судно с 16-ти пушками, на котором было до 70 человек, половина французов, половина негров, под командою капитана Ла-Буза (Ла Буша. — Д. К.), который ожидал сделать тут богатой приз. Но, подъехавши близко, узнал свою ошибку и подумал, что это военное английское королевское судно; а как уже некогда тут было пятиться назад, француз вознамерился сцепиться с ним во что бы то ни стало, и поднял черный флаг. Дэвис сделал то же. Это было весьма приятно французам, который сел тотчас в свой бот и с белым переговорным флагом поехал поздравить своего товарища в одинаковом промысле. Дэвис со своей стороны встретил его также, поцеловались и поклонились друг другу, как будто старые знакомцы».¹⁵⁹⁰

Остается открытым вопрос и о происхождении самого названия «Веселый Роджер». Если оно связано со свирепым оскалом черепа, то вполне вероятно, что

¹⁵⁸⁸ Pringle P. *Jolly Rodger...* P. 124.

¹⁵⁸⁹ По свидетельству капитана Снелгрейва в 1718 г. пират Х. Дэвис вошел в устье реки Гамбия и вывесил черный флаг, тем самым предупредив стоявших на рейде торговцев, чтобы они под страхом смерти прекратили сопротивление (*Pringle P. Jolly Rodger...* P. 124).

¹⁵⁹⁰ СПб ИИ РАН Кол. 238. Оп. 2. Д. 146/22. Л. 8 об., 9.

пираты («в шутку») могли назвать этого жуткого монстра, олицетворявшего морского дьявола, «веселым». Патрик Прингл предложил другое объяснение.¹⁵⁹¹ Французские флибустьеры и буканьеры называли красный флаг «*joli rouge*». Английские пираты, поднимавшие черный флаг, привнесли свое прочтение в это название, и в ходе эволюции «*joli*» превратился в «*jolly*», а «*rouge*» стал «*Roger*». По другой версии, название появилось в зоне Индийского океана в районе Кананура. Предводитель местных пиратов, плававших под красными флагами, имел титул Али Раджа (*Ali Raja*). Он назывался «королем моря». У пришедших сюда англичан слово «*Raja*» превратилось в «*Roger*», а «*Ali*» стал определением Роджера — *Ally, Old* или *Jolly*. Впрочем, возможно, что *англ. roger* связано со словом *rogue* («жулик», «негодяй») и обозначало независимую бродяжническую жизнь.

Что же касается черепа, то его появление на флаге, по-видимому, связано с историей использования этого знака как символа смерти.¹⁵⁹² Последнее вовсе не было изобретением пиратов, хотя известно, что алые флаги с изображением черепа поднимали барбарийские корсары.¹⁵⁹³ Череп как знак смерти можно часто встретить на картинах и гравюрах художников Средневековья, он был распространен и в европейских армиях в XVI — XVII вв., его можно было встретить на надгробных памятниках. Капитаны торговых судов рисовали череп с костями в судовых журналах, констатируя смерть кого-либо из членов экипажа.¹⁵⁹⁴

Механизмы пиратского террора

Впрочем, говоря о «Веселом Роджере» нельзя обойти вниманием еще один, не менее важный аспект в его использовании. Пираты были вполне рациональными субъектами, и мрачная символика с черепами и «геральдическими» фигурами наподобие костей, скелетов, кинжалов с кровью, а

¹⁵⁹¹ *Pringle P.* Jolly Rodger... P. 124–125.

¹⁵⁹² Об образах смерти см. подробнее: *Хейзинга Й.* Осень Средневековья... С. 149–163.

¹⁵⁹³ *Laprise R.* Époque, vic et moeurs des flibustiers...

¹⁵⁹⁴ *Rediker M.* Between the devil and the deep blue sea... P. 279–280.

также черные и красные цвета их полотнищ оказывалась важнейшим средством для устрашения потенциальных жертв и снижения уровня их боеспособности.¹⁵⁹⁵ Эти новоиспеченные Робин Гуды¹⁵⁹⁶ были мастерами наводить страх, повергать людей в состояние ужаса и паники. Это позволяло «обезвредить» противника, парализовать его возможное сопротивление, и, тем самым, не прибегая к методам крайнего воздействия, упростить захват корабля и создать себе мрачную репутацию.¹⁵⁹⁷ Причем, по мере того как распадались островные колонии пиратов и их содружество дробилось по кораблям, необходимость в такого рода «мерах» плебейского криминального террора возрастала. Пиратство как обособленная система, пытаясь замкнуться в собственной исключительности, превратилось в общество обреченных людей, объединенных непривычными для цивилизации отношениями уголовников-маргиналов. Дикость, свирепость, жестокость и обреченность этих «изгоев» соединялись с представлением о преступной исключительности, своеобразной избранности людей, пошедших против законов породившего их общества. Круговая порука и месть за своих превратились в одно из самых сильных средств воздействия пиратского мира на «цивилизацию». Однако, видя в себе «защитников справедливости», устрашая своих врагов и отвергая общественную «систему», пираты, казалось, заведомо обрекали себя на уничтожение.

Характерны и применяемые пиратами методы воздействия на своих противников. По отношению к ним разбойники предпочитали использовать тактику запугивания и шантажа, особенно агрессивную в случае, когда властям удавалось захватить кого-нибудь из бандитов в плен. Колониальные чиновники немедленно становились объектом угроз со стороны оставшихся на свободе друзей пленников. В 1680 г. в окрестностях Панамы появился отряд пирата

¹⁵⁹⁵ См.: *Leeson P.T. Rationality, pirates and the law: a retrospective. American University Law Review. 2010. Vol. 59. № 5. P. 1219–1230.*

¹⁵⁹⁶ Капитан торгового судна Томас Чекли, бывший в плену у пиратов Черного Сэма Беллами, на судебном процессе над восемью бандитами в Бостоне в 1718 г. в свидетельских показаниях рассказал, что разбойники считали себя «людьми вроде Робин Гуда» (*Privateering and piracy... 304*).

¹⁵⁹⁷ См. подробнее: *Leeson P.T. Pirational choice: the economics of infamous pirate practices // Journal of Economic Behavior and Organization. 2010. Vol. 76. № 3. P. 497–510.*

Соукинса. Пиратский вожак отправил губернатору послание с требованием выдать захваченных пленников. «Мы подойдем на кораблях к вашим стенам, чтобы вы могли получить удовольствие видеть пленных испанцев повешенными на реях. Мы хотим поставить вас в известность, что являемся начальниками над всеми Южными морями. Итак, решайте, стоит ли заставлять нас нетерпеливо ждать вашего решения о жизни или смерти наших людей, находящихся у вас в плену. Если вы решите убить их, то непременно получите головы пленных испанцев в понедельник утром. Начальствующие над всеми Южными морями».¹⁵⁹⁸

Слова не расходились с делом. Капитан Массерти в феврале 1688 г. потребовал у одного испанского губернатора обменять захваченных пиратами пленных на продовольствие, пригрозив, в случае отказа, казнить заложников. Тот отказался пойти на переговоры и через несколько дней получил головы двух казненных испанцев: «Он сам был во всем виноват, — констатировал пиратский главарь, — ему ничего не стоило спасти их жизни».¹⁵⁹⁹ Весной 1717 г. около Бостона было разбито штормом пиратское судно «Видью». Оставшиеся в живых сумели выбраться на берег, где были схвачены и посажены в тюрьму. Их печальная участь «тронула» Тича Черную Бороду, пославшего властям предупреждение, что «если заключенные пострадают, то они (пираты. — Д. К.) будут убивать любого, кто имеет отношение к Новой Англии».¹⁶⁰⁰ Прошло немного времени, и Тич захватил и сжег бостонское торговое судно «Протестантский Цезарь», объявив, что сделано это в отместку властям, казнившим пиратов. Такой же участью он грозил и всем остальным бостонским судам.¹⁶⁰¹

В середине мая 1718 г. Черная Борода на своем «Куин Эннс Ривендж» в консорте с тремя шлюпами атаковал Чарлстон в Южной Каролине, один из

¹⁵⁹⁸ Цит. по: Малаховский К. В. Трижды вокруг света... С. 14.

¹⁵⁹⁹ *Rectoran P. Corsaires basques et bayonnais...* P. 122.

¹⁶⁰⁰ *Privateering and piracy...* P. 308.

¹⁶⁰¹ *Captain Charles Johnson A general history of the pirates...* P. 72.

крупнейших атлантических портов. Неожиданно войдя в гавань, Тич блокировал все стоявшие там корабли с ценными грузами и богатыми пассажирами. Он предъявил ультиматум местному губернатору Роберту Джонсону и потребовал выкуп за заложников и кораб с аптекарскими припасами — на пиратских судах было полно больных.¹⁶⁰² В случае отказа Черная Борода пригрозил сжечь все суда, стоявшие в гавани, казнить пленников и прислать их головы губернатору.¹⁶⁰³ Пока представитель заложников вел переговоры в муниципалитете, Тич отправил командира одного из своих судов, Ричардса, и его команду в город. Бандиты нагло расхаживали по Чарлстону и вконец запугали местных жителей. Власти покорились и отправили пиратам лекарства на сумму в 300 или 400 фунтов стерлингов — лишь бы скорее избавиться от незваных гостей. Правда, на этом шантаж не закончился: пираты потребовали выкуп за корабли и пленных. Пришлось заплатить еще около 1500 фунтов стерлингов золотом и серебром, а также предоставить пиратам провизию и необходимое снаряжение.

С гибелью в ноябре 1718 г. Тича Черной Бороды эскалация угроз не остановилась. В 1724 г. губернатор Виргинии Александр Спотсвуд отплыл в Лондон. В письме, отправленном им в Совет торговли и плантаций, губернатор сетовал на отсутствие «гарантий безопасности на пути домой». Он настаивал на предоставлении ему военного сопровождения и аргументировал свое прошение следующим образом: «Ваша светлость, вы легко поймете мои опасения, если примете во внимание мое решительное участие в преследовании пиратов. Если эти дикие негодяи пираты не только могут отрезать нос и уши захваченному капитану, но и таким же образом наказывают собственных матросов, то на какое же жестокое обращение могу рассчитывать, если попадусь им в руки, я сам, человек, который выбран ими главным объектом мести, ибо пресек деятельность и все замыслы самого отъявленного из них, пирата Тича, известного также как

¹⁶⁰² См. письмо губернатора Джонсона от 18 июня 1718 г. (*Calendar of state papers. Colonial series. America and West Indies, 1660–1738. Vol. XXX. London, 1930. P. 266*).

¹⁶⁰³ *Captain Charles Johnson. A general history of the pyrates... P. 74.*

Черная Борода, я, который столь многих из этого братства повесил в публичных местах Виргинии». ¹⁶⁰⁴

Чарльз Вэйн, закадычный приятель Черной Бороды, пообещал не давать пощады жителям Бермудских островов и летом 1718 г. пообещал «наведаться в гости» к губернатору острова Нью-Провиденс, «посмевавшему» отправить в погоню за ним два шлюпа». ¹⁶⁰⁵ Не чуждался мести и знаменитый Бартоломью Робертс с его богатейшим арсеналом средств устрашения. После гибели Хауэлла Дэвиса члены его экипажа выбрали Робертса командиром и первым делом решили отомстить за смерть убитого главаря. Пираты разграбили португальский город, разгромили крепость и утопили пушки в заливе. ¹⁶⁰⁶ Спустя некоторое время Робертс объявил войну кораблям с островов Мартиника и Барбадос и терроризировал власти Вест-Индии постоянными угрозами мщения. ¹⁶⁰⁷ В феврале 1721 г. «Черный Барт» захватил французское судно и приказал повесить на рее захваченного на нем правителя Мартиники. ¹⁶⁰⁸ В 1720 г. он ворвался на рейд Бас-Тера (о. Сент-Кристофер) и сжег находившиеся там корабли в память о казни шести «своих товарищей на Невисе», захваченных на судне «Ройял ровер». «"Ройял ровер" вы уже сожгли и жестоко поступили с нашими людьми, — писал Робертс губернатору Наветренных островов Уильяму Мэтью в сентябре 1720 г. — Но у нас сейчас есть корабль, такой же крепкий, как и старый. А что касается мести, то можете быть уверены и теперь и впредь, что от наших рук вам ничего не грозит, потому что джентльмены пираты до этого не опускаются. О бедных же парнях, которых вы держите в тюрьме в Сайнт-Пойнт, мы совсем ничего не знаем и не представляем, что вы собираетесь с ними делать. Поэтому умоляю вас относиться к ним как к честным людям, а не как к ..., и если мы услышим что-нибудь другое, то можете не сомневаться, что ни одному из ваших островов не

¹⁶⁰⁴ Calendar of state papers. Colonial series. America and West Indies. T. XXXIV. 1724–1725. London, 1936 / Ed. by Cecil Headlam; Introduction by Arthur Percival Newton. P. 112.

¹⁶⁰⁵ *Captain Charles Johnson A general history of the pirates...* P. 143.

¹⁶⁰⁶ Ibid. P. 195, 196.

¹⁶⁰⁷ Ibid. P. 215.

¹⁶⁰⁸ Calendar of state papers. Colonial series. America and West Indies. T. XXXII. March 1720–December 1721. London, 1933. P. 295.

будет пощады».¹⁶⁰⁹ Когда в его руки попался командир торгового судна «Рилиф» Роберт Данн, Робертс рассказал ему о своем намерении захватить Мари-Галант, отомстить Антигуа и Барбадосу, а затем пойти к побережью Бразилии.¹⁶¹⁰ В следующем году власти Виргинии были так запуганы его обещаниями навестить город и отомстить за казненных в нем пиратов,¹⁶¹¹ что призвали население к бдительности и в срочном порядке установили 60 пушек на укреплениях.¹⁶¹² Сходным образом повел себя и французский пират Шемино. Весной 1722 г. на своем корабле со 130 головорезами он пришел на остров Сен-Тома и потребовал от губернатора предоставить ему припасы и снаряжение. Свои требования Шемино сопровождал угрозой сжечь захваченные в гавани голландское и испанское торговые суда. Отказ привел пирата в ярость. На глазах губернатора он сжег захваченные призы, а затем потребовал еще предоставить ему дополнительно оружие. Губернатор уступил, но Шемино, желая дать ему урок на будущее, пообещал вернуться вместе с другим форбаном, неким Лобе и его командой из 80 человек на 18-пушечном фрегате.¹⁶¹³

Угроза мести преследовала и командиров военных судов, отличившихся в войне против морских разбойников. Они попадали в «черный список». Одним из первых «отмеченных» стал капитан Томас Уолкер, захвативший в 1715 г. на Багамских островах 8 пиратов, среди которых были местные главари Дэниэл Стилвелл и Мэтью Лоу. Не имея соответствующих полномочий, Уолкер отправил закованного в цепи Стилвелла для судебного разбирательства на Ямайку. Однако по пути разбойник бежал. Сам же Уолкер, опасаясь мести собратьев Стилвелла, вынужден был покинуть в 1716 г. Нью-Провиденс и отправился в Чарльстон, тем более, что пираты пригрозили сжечь на его глазах его дом, а один из их вожаков, Эдвард Хорниголд угрожал пристрелить его отца.¹⁶¹⁴ В 1723 г. пиратский главарь

¹⁶⁰⁹ Ibid. P. 169.

¹⁶¹⁰ Ibid. P. 168.

¹⁶¹¹ Ibid. P. 328.

¹⁶¹² *Rediker M.* Between the devil and the deep blue sea... P. 277.

¹⁶¹³ *Moreau J.-P.* Une histoire des pirates des mers du Sud à Hollywood. Paris: Éditions Tallandier, 2006. P. 213.

¹⁶¹⁴ *Calendar of state papers. Colonial series. America and West Indies.* T. XXIX. London, 1931. № 328; *Riley S.* Homeward bound. A history of the Bahama islands to 1850 with a definitive study of Abaco in the American loyalist

Фаррингтон Сприггс дал клятву убить командира шлюпа «Игл» Уолтера Мура за участие в уничтожении его «друга и брата», пирата Джорджа Лоутера.¹⁶¹⁵ Он же пообещал «зайти в гости» к капитану Солгарду, который одержал победу над пиратским судном Чарльза Харриса.¹⁶¹⁶ Находясь под угрозой пиратского шантажа, местные власти постоянно рисковали, преследуя своих врагов. Проводя твердый курс, чиновники всегда помнили о возможной участи кораблей, которые могли оказаться в руках свирепых мстителей, верных своим клятвам.¹⁶¹⁷ И, понимая это, цивилизованный, добропорядочный мир объявил грабителям безжалостную войну: трупы повешенных на перекрестках дорог и на набережных напоминали о непримиримом противостоянии двух миров.¹⁶¹⁸

Важно подчеркнуть, что власти были заинтересованы в том, чтобы трупы повешенных разбойников оставались висеть как можно дольше и тем самым служили бы интересам государства. Казнь в те времена рассматривалась не только как справедливое возмездие, она выступала «политическим инструментом» и должна была предупреждать и предостерегать всех собравшихся на это леденящее зрелище.¹⁶¹⁹ Проявляя недюжинные технологические «таланты», служители власти пытались всячески продлить жуткую наглядность смертоносной кары. Уже сам вид виселицы казался хорошим уроком. Но виселицы с истерзанными отвратительными мертвецами на них еще вернее служили запросам государства. На картинах и гравюрах художников XVI–XVIII вв., мы видим, что силуэты этих

plantation period. Miami: Riley Hall Publishers, 2000. P. 55, 56; Woodard C. The republic of pirates: Being the true and surprising story of the Caribbean pirates and the man who brought them down. Orlando: Harcourt Inc., 2007. P. 98 – 102.

¹⁶¹⁵ *Captain Charles Johnson A general history of the pirates...* P. 316, 355. См также: *Calendar of state papers. Colonial series. America and West Indies. 1724–1725.* Т. XXXIV. London, 1936. P. 71–73.

¹⁶¹⁶ *Captain Charles Johnson A general history of the pirates...* P.355. Он также принял участие в поимке Неда Лоу (*Calendar of state papers. Colonial series. America and West Indies. 1722–1723.* Т. XXXIII. P. 291).

¹⁶¹⁷ Представители правосудия обращали внимание на трудности, с которыми они сталкивались, когда пытались собрать свидетельские показания против пиратов (*Rediker M. Villains of all nations...* P. 96).

¹⁶¹⁸ Неудивительно, что власти, как мы уже говорили ранее, в своих целях использовали пиратскую символику: во время казней над виселицами вывешивался «Веселый Роджер» *Captain Charles Johnson A general history of the pirates (... P. 658)*. Тем самым, как нам представляется, преследовалась вполне определенная цель. Пираты, именуемые «врагами всех наций» (*Calendar of state papers. Colonial series. America and West Indies. 1724–1725.* Т. XXXIV. London, 1936. P. 465), словно бы «награждались» соответствующим символом. Из всего многообразия флажных атрибутов пиратства, остался, фактически, один, усилиями государства трансформированный в конкретную зловещую аллегоричную смерть и угрозы – «Веселый Роджер». Нужные декорации были расставлены, Голливуд довершил дело.

¹⁶¹⁹ См. подробнее: *Фуко М. Надзирать и наказывать...* С. 48–102.

смертоносных сооружений с висящими на них покойниками вполне «органично» вписываются в городской пейзаж, и отталкивающая фигура повешенного выступает будничным привычным элементом ландшафта. Труп повешенного 23 мая 1701 г. капитана Кидда, например, просмолили и обмотали цепями, как кокон, так что он покачивался в Уоппинге при входе в лондонский порт несколько лет. Точно также поступили власти и с телами Чарльза Вэйна, Джеймса Скирма (Кейп-Коуст, Гана, 1722 г.), Джона Рэкема, Джорджа Феверстона, Ричарда Корнера, Уильяма Флая и Джона Роуза Арчера (Бостон, 1724 г.), Джона Гоу (1726/1729?), чтобы они, как рекомендовала «Бостон Газетт» от 8 июня 1724 г. «стали бы предупреждением для других». В последнем случае, правда, использовалась другая технология, и тело повешенного помещали в специальный железный каркас.¹⁶²⁰

Но государство брало на себя не только функции профессионального палача. Оно требовало повиновения и возмещало «педагогические» изъяды, ритуализируя казнь и превращая в театрализованное зрелище процедуру приведения приговора в исполнение. Особенный «успех» имели необычные обстоятельства, которыми сопровождалось приведение приговора в исполнение, когда, например приговоренного приходилось вешать дважды, так как в первый раз веревка обрывалась. Такое «недоразумение» случилось во время казней Кидда и Гоу. Уготовив приговоренному пирату главную роль в этом страшном спектакле, власти никогда не забывали о собравшейся на казнь «массовке». Последняя строфа печальной народной «Баллады капитана Кидда» не оставляет сомнений, насколько привлекательно в глазах простонародья масс выглядело зрелище казни: «И стекутся зеваки в тот горький час, когда мы должны умереть; И стекутся зеваки в тот горький час; В доке казней сойдутся глазеть на нас; И последний удар нанесет нам судьба, и придет наш час умереть».¹⁶²¹ Не желая пропустить подобное событие, сотни людей устремлялись к эшафоту. В 1704 г. на казнь не самого

¹⁶²⁰ Privateering and piracy... P 345.

¹⁶²¹ *Копелев Д. И.* Золотая эпоха морского разбоя: Пираты, флибустьеры, корсары. М., 1997. С. 151, 152.

знаменитого пирата Арчера у Птичьего острова под Бостоном подошли от 100 до 150 набитых зеваками лодок, обступивших виселицу со всех сторон. Затем, в течение нескольких дней, праздные горожане ходили разглядывать тела повешенных, пересказывая друг другу, как Арчер, взойдя на эшафот, снял шляпу и поклонился зрителям. Спустя шесть дней после казни Арчера почтенный Иеремия Бамстид сделал в своем дневнике запись: «Моя жена, Джерри и Бетти (юноша 16 и девушка 17 лет. — *Д.К.*), Дэвид Каннингэм с супругой и еще шесть человек ходили к замку на Остров Губернатора и там видели пиратов, повешенных на Птичьем острове».¹⁶²²

Судорожная агония, зияющий рот, вывернутые в конвульсиях конечности, а затем разложение и тление тела, раздираемого каркающими воронами, — вот «обрамление» победы, которую государство демонстрировало своим подданным. И оно без устали било в точку, добиваясь своей цели — казнь должна восприниматься как справедливое воздаяние за грехи. Однако, всегда ли достигалась поставленная задача, и не уживались ли друг с другом справедливость возмездия с состраданием и жалостью к осужденному?¹⁶²³ В той или иной степени, «зрелищная» казнь многими собравшимися воспринималась как жалкая попытка правосудия отомстить преступникам и вызывала желание отплатить государству за социальную несправедливость.¹⁶²⁴ И когда последний мотив становился решающим, разъяренная толпа вырывала пирата из рук правосудия прямо из-под виселицы, как это произошло в 1717 г. в Кингстоне на Ямайке.¹⁶²⁵

Вплоть до XIX в. казненные годами оставались болтаться на виселицах — в назидание прочим смертным, которым это зрелище должно было внушать страх перед карающей мощью государства. Таким был один из наиболее жестоких

¹⁶²² Privateering and piracy... P 345.

¹⁶²³ *Linebaugh P.* The London hanged: Crime and civil society in the eighteenth century. London, New York: Verso, 2003. P. 158.

¹⁶²⁴ См. подробнее: *King P.* Crime, justice, and discretion in England, 1740–1820. Oxford, New York: Oxford University Press, 2003; *McGowen R.* The body and punishment in the eighteenth century // *Journal of Modern History.* 1987. Vol. 59. № 4. P. 651–679.

¹⁶²⁵ *Rediker M.* Villains of all nations... P. 10.

стереотипов власти, внедряемый в сознание общества. Этот зловещий выплеск мести, постепенно оседавший в пластах европейского сознания, должен был превратиться в надежную гарантию незыблемости и справедливости цивилизационного механизма, укоренявшего идею всеподчинения деспотичной воле государства. Постепенно удовлетворение «потребности общества в безопасности» превращалось в лейтмотив всей государственной системы, противостоявшей альтернативному — плебейскому — восприятию нового порядка.¹⁶²⁶ Пираты, видя в себе «защитников справедливости», устрашая своих врагов и отвергая общественную «систему», казалось, заведомо обрекали себя на уничтожение. Но сами они, возможно, смотрели на жизнь другими глазами. Отринув общество, основанное на знатности и богатстве, пираты пытались создать принципиально иное устройство своего замкнутого социума. На пиратских кораблях, в разбойничьих поселениях царствовали свои порядки. Взяв на себя миссию мщения за несправедливость, пираты не ограничились призывами к разрушению. Пиратский корабль стал символическим котлом, в котором вываривался особый общественный продукт, предпринималась своего рода попытка предложить социальную альтернативу, в основе которой лежали принципы прямой демократии и уравнительного распределения собственности. Благодаря Капитану Джонсону (Дефо?), рассказавшему об истории пиратской республики Либерталия, мифология пиратства приобрела дополнительные импульсы.

Белый флаг с надписью «За Бога и свободу» впервые взвился над французским кораблем «Виктуар» («Победа»)¹⁶²⁷ Произошло это в начале 90-х гг. XVII в. во время войны Франции против Аугсбургской лиги. В сражении с

¹⁶²⁶ Об идеологии плебейского социума см. подробнее: *Рюде Д.* Народные низы в истории. 1730–1848. Пер. с англ. Е. И. Бухаровой и А. О. Зелениной. Предисловие и редакция М. А. Барга. М., 1984; *Beloff M.* Public order and popular disturbances 1660–1714. London, 1938; *Morton A. L.* The English utopia. London, 1952; *Hobsbawm E. J.* Primitive rebels: Studies in archaic forms of social movement in the 19-th and 20-th centuries. Manchester, 1959; *Graus F.* Social utopias in the Middle ages // *Past and Present*. 1967. Vol. 38. № 1. P. 3–19; *Hobsbawm E. J.* Bandits. London, 1969; *Cobb R.* The police and the people. French popular protest, 1789–1820. Oxford; London, 1970; *Hill C.* Liberty against the law: Some seventeenth-century controversies. London, New York, 1996.

¹⁶²⁷ *Captain Charles Johnson* A general history of the pirates... P. 393.

английским приватирским судном «Винчестер» в районе Мартиники «Виктуар» одержал верх. За победу была заплачена высокая цена — погибли почти все офицеры и около половины экипажа. Остался в живых лишь один офицер-дворянин из Прованса, лейтенант Миссон. Со своим приятелем, молодым итальянским монахом-расстригой Каррачиоли, он обратился к матросам с предложением стать пиратами. Но это будет не простой грабеж, говорил бунтовщик, интеллектуал Миссон, мы понесем по миру свет идей равенства, людского братства и избавим человечество от власти золота. Ему вторил Каррачиоли: «Мы не пираты. Мы, свободные люди, боремся за право человека жить по законам Бога и природы. У нас нет ничего общего с пиратами, кроме того, что мы ищем счастья на море». Ошеломленные матросы согласились. Пиратский корабль направился в освободительный вояж. На судах, которые разбойники захватывали по пути, не могли прийти в себя от изумления. Пираты не грабили, а лишь «забирали» необходимые им снаряжение и продовольствие. Золото, найденное на захваченных судах, шло в казну будущего государства. Seriously пострадало лишь голландское судно с чернокожими невольниками на борту. Все захваченные ценности были разделены поровну, рабов объявили свободными, переодели в платье убитых голландцев и доставили на родину. Всех недовольных странными порядками пираты отпускали восвояси.

Долго странствовал корабль свободы в Атлантике и Индийском океане, пока в 1694 г. не вошел в безлюдную пустынную бухту Диего-Суарес, расположенную на северо-восточной оконечности острова Мадагаскар. На скалистых берегах залива пираты возвели деревянный форт и объявили о новой республике справедливости Либерталии (Стране свободы). Мир равных людей, расовое равенство, справедливое устройство общества, в котором «сильный не будет забивать слабого», — такими «разумными законами» руководствовались ее творцы.¹⁶²⁸ Свободный город отправлял свои корабли в океан и приглашал всех пиратов идти в царство справедливости. Призывы из Либерталии не оставались

¹⁶²⁸ Ibid. P. 389, 392, 403, 417.

без ответа. Одним из лидеров нового государства стал карибский пират Томас Тью, прибывший в город Свободы со своим кораблем.¹⁶²⁹

Жители Либерталии именовали себя «либеры».¹⁶³⁰ В городе была отменена частная собственность, имелась общая казна, пополнявшаяся за счет пиратства. Отсюда черпались средства, необходимые для освоения окружающей местности, городского строительства и обеспечения нетрудоспособных, деньги хождения не имели. Гражданство Либерталии предоставлялось вне зависимости от национальной и расовой принадлежности. Здесь жили в равных условиях и англичане, и голландцы, и французы, и африканцы, и арабы. Азартные игры, пьянство, ругань и драки воспрещались. Управлял городом Совет старейшин, переизбиравшийся раз в три года. Во главе государства был поставлен Хранитель — Миссон, государственным секретарем выбрали Каррачиоли, а великим адмиралом, командующим военно-морскими силами Республики, — Тью.¹⁶³¹ «Флибустьерская республика равенства» постепенно укрепляла свои позиции на острове: удалось отбить нападение португальской эскадры, материальное благосостояние города росло за счет удачных грабежей и успешной колонизации окрестностей. Однако прекрасной мечте пришел конец, когда флот Либерталии во главе с Миссоном отправился в очередной рейд. Воинственные местные туземцы внезапно напали на город, разграбили его, захватили казну и перерезали всех жителей, оставив на месте коммуны дымящиеся развалины. Лишь горстка либеров сумела улизнуть и, уплыв на маленьком боте, добралась до эскадры и рассказала о катастрофе. Миссон и Тью (Каррачиоли погиб при нападении на Либерталию) отправились в Америку, чтобы все начать сизнова. Но по дороге шлюп Миссона разбился у мыса Доброй Надежды, и вся команда утонула. Тью еще несколько лет плавал и был известной фигурой в пиратском мире. О том, как закончилась его жизнь, точных сведений нет — по одной версии, он погиб у

¹⁶²⁹ Ibid. P. 424.

¹⁶³⁰ Ibid. P. 417.

¹⁶³¹ Ibid. P. 433.

берегов Аравии в бою с кораблем Великого Могола, по другой — был повешен англичанами.

Об утопической пиратской республике Либерталии миру рассказал Капитан Чарльз Джонсон.¹⁶³² Достоверно неизвестно, что легло в основу легенды о пиратском государстве — талантливая мистификация, навеянная социальными проблемами и надеждами на обновление общества, или реальная история создания и гибели поселения, казалось бы, воплотившего идеалы справедливости и равенства. Как бы то ни было, но некоторые стремления к социальным преобразованиям, подчеркнутые автором рассказа о Либерталии, как нам представляется, вполне соответствовали радикальной идеологии плебейско-пиратского социума, о которой мы говорили ранее. Поиски царства справедливости и эсхатологические ожидания, коллективистская психология и эгалитаризм, стремление покончить с жестокой тиранией современного общества, в котором правит богатство, и обрести, наконец, истинную божескую справедливость в раю для бедняков — из века в век на этих принципах базировалось утопическое сознание.¹⁶³³ На протяжении своей истории люди, вдохновляясь схожими идеалами, создавали немало других утопических проектов. В их числе и остров «Утопия» Томаса Мора, и Город Солнца Томмазо Кампанеллы, и мегапатагонцы Ретифа де ля Бретона, и «Базилиада» Морелли.

Во всей этой напоминающей сказку истории присутствует одно примечательное обстоятельство. Бухта, в которой поселился пират на покое, носила название Рантер-Бей. Почему гавань получила такое имя? С чем оно связано? Ответ на эти вопросы заставляет нас вспомнить историю плебейских

¹⁶³² Ibid. P.383–418.

¹⁶³³ См. подробнее: *Мортон А. Л.* Английская утопия. Пер. с англ. О. В. Волкова; Под ред. и со вступ. ст. В.Ф. Семенова. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1956; *Францов Г. П.* Исторические пути социальной мысли. М., 1965; *Чистов К. В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М.: Наука, 1967; *Кибаинов А. И.* Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М.: Наука, 1977; *Чиколити Л. С.* Социальная утопия в Италии: XVI–начало XVII в. М.: Наука, 1980; *Гутнова Е. В.* Характерные черты крестьянских утопий западноевропейского средневековья // История социалистических учений. М.: Наука, 1988. С. 176–194; *Образ рая: от мифа к утопии. Серия «Symposium» / Отв. ред. М. М. Шахнович. Вып. 31.* СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003; *Михайлов А. Д.* Старофранцузская городская повесть Фаблю и вопросы специфики средневековой пародии и сатиры. М.: Молодая гвардия, 2006; *Шадурский М. И.* Литературная утопия от Мора до Хаксли: Проблемы жанровой поэтики и семносферы. Обретение Острова. М.: Издательство ЛКИ, 2007.

эгалитаристских движений времен Английской революции. Рантерами называли себя представители религиозного радикального течения, резко критиковавшие современное общество с его социальной нищетой и «ханжеской моралью», навязываемой церковью.¹⁶³⁴ Само название происходит от *англ.* rant — петь, буйно веселиться, разражаться тирадами, буйно веселиться. Законопослушные люди предпочитали держаться подальше от этих смутьянов, которые бродяжничали по дорогам Англии, устраивали оргии и пропивали все деньги в придорожных трактирах. Мечтая о рае, с обильной и дармовой едой, где не надо работать, они стремились обрести чистоту и простоту первых христианских общин, отвергали Библию, изобличали лицемерие церковников и отрицали всякие внешние выражения религиозности — как таинства, так и сам институт священства. Со временем название «рантеры» стало общим для носителей идеологии различных радикальных христианских движений — от лютеран и кальвинистов до квакеров, сикеров и анабаптистов. Нащупывая путь к восстановлению истинной веры, рантеры, живущие в ожидании прихода Апокалипсиса — страшного часа для богачей — видели главный ключ к Божественной истине в «озарении», эмоциональном всплеске религиозного чувства. Пренебрегая общепринятыми нормами морали, подчинявшими человека строгой аскетичной дисциплине, они осуждали брак как изобретение дьявола и оправдывали половые акты, совершаемые в момент религиозной экзальтации, видя в них «соединение Духа Господня с грешной плотью». Скандалы, сопровождавшие деятельность рантеров, их преследование властями, создали вокруг них атмосферу враждебности, неприятия и превратили в отщепенцев, «слуг дьявола». Но не перекликались ли идеи рантеров с принципами построения пиратских группировок, которые в своем

¹⁶³⁴ Полемику вокруг рантеров см.: *Жук С. И.* «Поющие квакеры», роджернанцы, или радикальная реформация в Британской Америке // *Американский ежегодник*. 2003. М., 2005. С. 31–51; *Hill C.* The world turned upside down: Radical ideas in the English revolution. New York: Viking Press, 1972; A collection of ranter writings from the 17-th century / Ed. by N. Smith. London: Junction Books, 1983; *Davis J. C.* Fear, myth and history: The ranters and the historians. Cambridge: Cambridge University Press, 1986; *Davis J. C.* Fear, myth and furor: Reappraising the ranters (English Revolution) // *Past and Present*. 1990. Vol. 129. № 1. P. 79–103; *McGregor J. F., Capp B., Smith N., Gibbons B. J.* Debate. Fear, myth and furor: Reappraising the “ranters” (17th-century English religious sect). Response to J. C. Davis // *Past and Present*. 1993. Vol. 140. № 1. P. 155–194.

непримиримом и агрессивном по отношению к обществу поведении отразили плебейские представления о социальном идеале, которые вполне могли вылиться в попытку построения «общества гармонии», наподобие Либерталии или форта Плантейна в Рантер-Бей?

Вольно или невольно, но Капитан Джонсон (или Дефо?) как будто предугадал наступление новой эпохи в истории Океана. Можно сказать, что крушение мифологической Либерталии словно символизировало конец классического пиратства. Европейские военно-морские державы брали водное пространство в железные тиски. Минуло не многим более двух столетий беспощадной схватки за океанские просторы. Когда она только начиналась, безбрежный океан казался какой-то гигантской призрачной бездной, скрытой за гранью реальности. Погоня за освоением этого водного миража привела к европейской экспансии. В результате очертания Океана оказались достаточно прорисованными. После Мадридского, Регенсбургского и Утрехтских соглашений море оказалось включено в систему международных договоров и обрело юридический статус государственной собственности, разделенной между европейскими державами. Раздробленное на множество свободных зон некогда пустынное морское пространство заполняли в XVI–XVII веках криминально-бандитские и маргинальные группки буканьеров, форбанов, пиратов, корсаров, флибустьеров и кау-киллеров. В колониальных владениях для вольницы «людей моря» оставалось все меньше и меньше места. Недавние солдаты экспансии, совмещавшие функции военного колониста и разбойника, представляли теперь потенциальную угрозу собственным нанимателям. Присущее им вольнодумство, неукротимость, социальный антагонизм и нежелание считаться с навязываемыми властями правилами игры, превратило недавних союзников во врагов устанавливавшегося нового порядка. Конец сказочного океанического миража и разгром мифологической Либерталии оказались звеньями одной цепи. Океан был теперь слишком мал, чтобы в нем ужились государство и морская вольница. Потоки неуправляемых демобилизованных головорезов с Британского,

Французского, Голландского и Испанского флотов, хлынувшие в Океан после морских войн на пороге XVII–XVIII веков, стали последней каплей, переполнившей чашу терпения державных властей. Испуг подтолкнул к принятию соответствующих мер. Потребовалось более десятка лет антипиратской войны, чтобы единым фронтом европейские колониальные империи справились с эскалацией морского бандитизма. Вольное морское сообщество сыграло свою роль — теперь оно стало лишним игроком, окончательно утратив черты союзника государства и превратившись в преследуемое криминально-уголовное сообщество. Передел Океана завершился — на новом пространстве пиратам места не нашлось.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Морской разбой является одним из важнейших компонентов европейской колониальной экспансии, изучение которого обусловлено необходимостью системного изучения эволюции и особенностей глобального мира и выяснения роли насилия в эскалации широкомасштабного геополитического военно-морского конфликта, который в период модернизации европейского общества привел к переделу евроатлантического пространства. Анализ феномена морского разбоя как одного из важнейших компонентов европейской колониальной экспансии позволяет выявить ее специфические геополитические, социальные, экономические, военно-политические и культурные аспекты. При этом необходимо учитывать структурные масштабные технологические, правовые и институциональные изменения, связанные с функционированием государств Нового времени и их способностью управлять вооруженными силами, а также принимать во внимание общецивилизационный контекст проблем, связанных с превращением Мирового океана в зону перманентного государственного насилия.

Особого рода трудности при изучении пиратства и каперства связаны с запутанной и противоречивой терминологией, которая объединила подчас совершенно различные аспекты гомогенного феномена «морской разбой», который никогда не был абстрактным понятием, всегда принимал конкретные формы и варьировался в зависимости от территории, правовых рамок и социальных условий. Особое место в системе морского разбоя занимало организованное государством каперство (корсарство, приватирство), узаконенная форма захвата чужой собственности во время военных действий, и практика предоставления частным лицам репрессальных грамот, позволявших вести «частные» войны на море в мирное время. Вместе с тем, широко применяемые и распространенные варианты обозначения морского разбойника (*pirate, écumeur de mer, ladrone, brigand, forban, pillard, filibustier*) представляли собой и в социальном, и в юридическо-правовом смысле неоднородные понятия гетерогенной природы,

однако в конкретных культурных реалиях подчас приобретали синонимический характер. Столь же неоднозначна и не поддается четким формулировкам природа морского разбойного промысла, частно-предпринимательский характер которого находился в прямой зависимости от колониальной политики европейских держав и носил черты официально разрешенной охоты за призами.

Последнее обстоятельство во многом объяснялось новым «режимом», который постепенно установился в евро-атлантическом пространстве и носит в историографии определение «военно-морской революции». Доминантой этого глобального процесса освоения морского пространства выступало стремление европейских государств монополизировать в своих руках властные рычаги контроля над Океаном. Располагая технологическими возможностями для осуществления океанских плаваний и регулируя правовые вопросы владения морем, военно-морские державы, складывавшиеся в Европе, модернизировали систему государственного строительства: флот превратился в действенное средство продвижения государственных интересов, преодолевающее масштабы континентальных границ. Пройдя через множество переходных организационных форм и приняв требования нового миропорядка, сосуществовавшие со средневековыми традициями, военно-морские силы стали главным орудием, позволившим европейским державам сконцентрировать рычаги власти на море. Одновременно «военно-морская революция» покончила с обособленностью приморских территорий и автономностью местных интересов, соединив в единую систему охрану национального суверенитета и необходимую защиту на море частных лиц. Комплексность задачи требовала от государств раннего Нового времени усиления и концентрации морской мощи, а значит, выделения крупных средств на строительство флота, что в итоге и привело к эскалации насилия в море.

В XVI–XVIII вв. арена европейского вмешательства и борьбы за морскую монополию охватила просторы Атлантического, Индийского и Тихого океанов. Концентрация морского могущества приобретала все более агрессивный характер

и обернулась вторжением морских держав в международную торговлю и попытками захвата колоний. Применение пороха, линейные корабли с пушками на борту, рост грузоподъемности торговых судов, применение сложных навигационных приборов и океанские плавания выступили комплексными составными элементами могущества европейских стран, позволившие им завоевать морские трассы мира.

Немалую роль в эскалации насилия в море сыграла юридически-правовая неопределенность, царившая в европейском законодательстве. Благодаря отсутствию четкой правовой базы и терминологической размытости юридических понятий система призового права представляла собой крайне зыбкую в юридическом смысле структуру. Правовая неопределенность, прежде всего, отразилась в важнейшем вопросе международной морской торговли, касающемся статуса судна и груза нейтральной державы, что предопределило расцвет корсарства и пиратства. «Тотальная» война за призами и эскалация насилия в море базировались на широком применении разнообразных, часто противоположных систем захвата военных кораблей и торговых судов («неприятельский товар конфискуется на дружественном корабле», «нейтральный флаг покрывает неприятельский груз», «неприятельский груз “конфискует” дружеские груз и корабль»), объявлявших «законным призом» различные субъекты нападения.

Формирование евро-атлантического пространства и превращение Моря в объект международных отношений привели к борьбе европейских держав за геополитический передел мира. На протяжении XVI–XVII вв. все отчетливее сказываются кризисные черты прежней системы монопольного раздела мира, сложившаяся в эпоху Великих географических открытий и закрепившаяся благодаря папским буллам и двусторонним Тордесильясскому и Сарагосскому соглашениям Испании и Португалии. Тем не менее принцип колониальной монополии выступал юридическим условием колониальной экспансии и лежал в основе существовавших имперских конструкций. Однако при общей конфронтации и наличии могущественных противников в Европе в лице Франции,

Англии и Республики Соединенных Провинций», любой конфликт неминуемо приводил к противостоянию в Мировом океане, избежать которого в условиях появления военных флотов и растущего интереса к богатствам Нового Света было невозможно. В этих условиях обнаружилось уязвимое место всесильной испанской монархии, ее т.н. «удаленная провинция», Новый Свет. Его протяженность не позволяла испанской военной машине адекватно отвечать на все попытки военного проникновения европейских держав. Ключевым пунктом испанской концепции защиты колоний выступала доктрина защиты «самого дорогого», однако она дала трещину в самых «тонких» местах: изолированных городах и поселениях, рассредоточенных по пространству Антильских островов и Испанского Мэйна, а также в системе каботажной торговли. Вынужденная защищать наиболее важные стратегические объекты, Испания оставляла без должного прикрытия рассеянные по Карибскому морю островные территории, попавшие в руки европейских конкурентов, и по мере того как Испания утрачивала военно-политическую гегемонию в Европе, таяли и ее заморские владения.

Дополнительный контекст событиям придавал постоянный военно-политический конфликт Испанского королевства с европейскими конкурентами, который не прекращался на протяжении всего XVI и большей части XVII вв. В свою очередь Франция, Англия и Нидерланды придерживались в отношении американских владений Испании принципа «никакого мира за чертой», в соответствии с которым на земли, находящиеся «за чертой» папского меридиана, не распространялись мирные договоры, заключенные в Европе. Пытаясь закрепить за собой свободные территории Нового Света, они дали толчок частному предпринимательству и поставили на службу государственным интересам энергию сотен и тысяч лиц, ринувшихся осваивать новые земли. Подобное проникновение изначально носило характер незаконного действия, так как нарушало формальное право Испанской короны на владение Новым Светом.

Важную роль в крушении Испанской империи в Новом Свете сыграли новейшие судостроительные, военные и навигационные технологии. Благодаря их внедрению на первый план в европейской экспансии выдвинулись применяемые корсарами малые и средние по грузоподъемности парусные суда с небольшими экипажами. Обладая повышенными характеристиками скорости и маневренности, они располагали мощным артиллерийским вооружением и выступали одним из решающих инструментов европейской экспансии, разрушивших испанскую монополию в Америке. Снаряжение их не требовало столь обременительных финансовых затрат, которые приходилось вкладывать в подготовку к плаванию 400–1500-тонных галей Венеции, Флоренции и Генуи, ганзейских коггов, нефов Марсея и галионов Севильи. Комплектация же экипажами и управление ими опирались на вековые традиции прибрежного мореплавания, ориентирующиеся, в основном, на суда малых и средних размеров.

Необходимо также отметить, что в XVI–XVII вв. управление вооруженными силами в немалой степени оставалось под контролем гражданского общества, а исход военных конфликтов, и, соответственно, военная мощь европейских держав зачастую зависели от способности подданных защищаться. Государство, в свою очередь, если прямо и не устранялось от их защиты, то, зачастую, было просто не в состоянии обеспечить не только их безопасность, но и поддержать собственную обороноспособность. Этим в немалой степени объясняется «специфический правовой статус» каперства в условиях эскалации насилия в море. Более того, каперы и пираты были необходимы властям как средство давления на противника в тех случаях, когда по каким-то причинам было невыгодно начинать войну.

За каждым отправляемым в испанские воды судном стояли значительные инвестиции, а сами арматоры и руководители каперских рейдов выступали пайщиками в стремительно создававшихся акционерных обществах, финансировавших колониальные проекты. Подобного рода соединение капиталов, дававшее возможность объединенной группе пайщиков снаряжать, оснащать и отправлять в плавание корабли, составляло особенность морского

предпринимательства, в котором деятельно участвовали и государственные институты. Возникавшие таким образом семейные предприятия были тесно связаны с придворными кругами и опирались на широкую поддержку французской, английской и голландской колониальной администрации, рассматривавшей «вольных добытчиков» в качестве потенциальных союзников в борьбе против испанской монополии в Новом Свете и с помощью их отрядов закреплявших за собой захваченные территории. В результате, буканьеры и флибустьеры начинают походить на солдат регулярной армии, не пропускают ни одной военной операции и действуют наподобие наемников, требуя плату за свои услуги в форме части захваченной добычи.

Этот самый сложный социальный организм, делавший ставку на морской разбой, находился в зоне постоянной военной конфронтации и вырабатывал агрессивную стратегию жизнедеятельности, демонстрируя постоянную готовность к сопротивлению, отвечавшую интересам европейских держав, вступивших в борьбу за испанские колониальные владения. Его эволюция во многом определялась европейской военно-политической конъюнктурой и географической спецификой всего региона.

Хронология различных фаз морского разбоя зависит от динамики протекания процессов формирования нового геополитического порядка и опирается на юридическо-правовую базу, определявшую имперские границы внутри океанического пространства. В рамках подобного подхода нами определены этапные фазы морского разбоя. В рамках подобного подхода нами выделены следующие этапные фазы морского разбоя. Первая фаза, фаза челночных рейдов, началась одиночными каперско-корсарскими экспедициями в Новый Свет в первой трети XVI в. и протекала на фоне ожесточенных франко-испанских и англо-испанских войн, идеологически базирующихся на доктрине «свободы морей». Специфику этому этапу придавала Реформация и религиозные войны, заставившие испанские власти Нового Света рассматривать в участниках каперских и корсарских рейдов не столько французов и англичан, сколько

«еретиков». Вторая фаза, фаза флибусты (начало XVII – конец XVII вв.), характеризуется возрастанием роли морского разбоя в европейской экспансии. Пираты, постоянно совершавшие грабительские рейды, и каперы с корсарами, действовавшие в периоды военных действий, в функциональном смысле становятся своего рода «солдатами экспансии» и играют одну из ключевых ролей в складывавшемся в Вест-Индии новом геопорядке. Не случайно, важнейшим механизмом колонизации выступают создаваемые флибустьерами тайные базы, постепенно превращавшиеся в плацдармы будущих заморских империй. Данная модель островного владения опиралась на наличие периферийной свободной островной зоны, автономию местных властей, нерегулярные вооруженные силы и контрабандную торговлю. Третья фаза, «золотая эпоха» пиратства (конец XVII – первая половина XVIII вв.), совпала с завершением процессов закрепления Англии, Нидерландов и Франции в Новом Свете. В результате Мадридского (1670), Регенсбургских (1684), Рисвикских (1697) и Утрехтских (1713–1714) соглашений по соседству с владениями ослабевавшей Испанской империи появились укрепленные плацдармы новых европейских держав, взявших некогда свободные зоны под свой контрол. Недавние «солдаты» экспансии, совмещавшие функции военного колониста и разбойника, представляли теперь потенциальную угрозу новым властям и превратились в дестабилизирующий социальный элемент. Бывшие флибустьеры и каперы, не находя места в новой колониальной реальности, продолжали заниматься объявленным вне закона грабежом на море, который теперь рассматривался закрепившимися в Новом Свете европейскими державами как уголовное преступление, а его участники – как пираты и форбаны.

В социальном смысле пиратско-каперский социум представляют собой специфический феномен моряцкого сообщества, в котором переплелись социально-экономические, политические, организационные и психологические аспекты. С одной стороны, эта чрезвычайно мобильная космополитичная структура, опиравшаяся на широкую социальную базу и постоянно пополнявшаяся за счет выходцев из плебейской среды и маргинальными

элементами, выступала составным элементом рынка свободной рабочей силы. С другой стороны моряцкий социум создавал определенный стиль жизни, характерными чертами которого являлись мускулинные стратегии, характерные для простонародья с его культом крепких и сильных мужчин. Среди ценностных критериев, характерных для данного сообщества, в первую очередь, выделялись моменты, определяемые экономическими и культурными мотивациями. Будучи ориентированными на достижение материальных благ, они определялись коллективным стремлением участников этого специфического сообщества выбраться из нищеты и покончить с социальной неудовлетворенностью. Подобные ментальные стереотипы находили отражение и в системе питания, и в одежде моряков, превращая предметы повседневности в своего рода социальные маркеры, позволяющие не только идентифицировать исторические объекты, но и определять положение социальной группы в принятых системах общественной стратификации. Специфическое видение мира, принятое в моряцком сообществе, воплощало также групповой социальный опыт, психологическое отношение к условиям существования, стратегии выживания и достижения успеха, а нередко обнаруживало дуалистические религиозные пристрастия, в которых традиционное христианское мироощущение дополнялось ментальными пластами, характерными для выходцев из моряцкой субкультуры с их специфическими суевериями, приметами, ритуалами и страхами.

Одним из ключевых аспектов культурной жизни изучаемого сообщества выступала конфронтация с законопослушным «цивилизованным» обществом, с которым моряки, моряки, потенциальные пираты, выходцы из плебейских слоев, находились в постоянном конфликте. В этой специфической маргинальной среде складывались особые механизмы организации закрытой для общества власти, основанной на коллективистских началах и использовавшей принципы прямой диктатуры. Как «альтернативная» система, пиратский социум выработал свои методы давления на окружающее общество, основанные на устрашающей символике (названия кораблей, «Веселый Роджер, череп, скелеты, черный флаг),

терроре против представителей колониальных властей, жестком шантаже и агрессивном запугивании потенциальных жертв. По мере трансформации разбойничьего промысла в уголовный бизнес, пиратство приобрело черты криминально-плебейского террора, вызывая ответную волну репрессий со стороны военно-морских держав.

Принятый властями Англии и Франции курс на уничтожение пиратства, с одной стороны, опирался на широкую компанию по амнистированию преступников, а, с другой стороны, предусматривал комплексные меры по их преследованию. Борьба с пиратством в 1715 – 1730 гг. сопровождалась снятием с постов коррумпированных представителей колониальной администрации, установлением контроля над потоками контрабанды и скупщиками награбленного и направлением в Карибское море и к североамериканскому побережью отрядов военных кораблей. Властям потребовалось более десяти лет, чтобы «единым фронтом» справиться с эскалацией бандитизма. Последней попыткой пиратов обеспечить себе правое прикрытие стали закончившиеся неудачей «мадагаскарские проекты» Карла XII и Петра I, которые предприняли попытку вмешаться в передел мира, оказав государственную протекцию морским разбойникам. Однако к моменту подготовки шведских и русских тайных экспедиций на Мадагаскар пиратство не представляло серьезной военно-политической силы. Проекты Карла XII и Петра I в сравнении с французскими и английскими операциями времен корсарских рейдов и флибусты XVI – XVII вв. выглядели неподготовленными и авантюрными – они опирались на «химерические» представления о возможности с помощью пиратов вмешаться в передел мира в Индийском океане. Необходимо также принять во внимание, что появлению подобного рода «колоний» предшествовала многолетняя целенаправленная и продуманная политика по навигационному, коммерческому и военно-политическому освоению намеченных к захвату территорий. Не последнюю роль в неудаче мадагаскарских проектов сыграло и отсутствие в Ост-

Индии шведских и русских торговых компаний, а также риск подвергнуться нападению пиратов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Источники

Неопубликованные источники

Франция

Archives Nationales, Paris

- Fonds Colonies.
 - C3. Île Bourbon
 - C4 Île de France
 - C5 Madagascar
 - C8 Martinique
 - C9 Saint-Dominque
- Fonds Marine.
 - Sous-serie B/4 – Campagnes

Россия

Российский государственный архив военно-морского флота (РГАВМФ)

Фонд 212 – Государственная Адмиралтейств-коллегия (1717 – 1827).

Фонд 223 – Рукописи Петра Великого и другие документы, поступившие из Адмиралтейств-совета (коллекция).

Фонд 233 – Канцелярия генерал-адмирала Ф. М. Апраксина (1695 – 1728).

ф. 234 – Канцелярия адмирала К. Крюйса

Фонд 243 – Управление Главного командира Черноморского флота и портов Черного моря (1785 – 1908).

Фонд 1331 – Атласы, карты и планы архива Центрального картографического производства ВМФ (коллекция).

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Фонд 91 – Вольное экономическое общество.

Фонд 1343 – Департамент герольдии

Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

Фонд 9 – Кабинет Петра I (бывший Госархив. Разряд IX).

Фонд 248 – Сенат.

Архив Санкт-Петербургского института истории РАН (СПБИИ РАН)

Коллекция 238 – Коллекция Н. П. Лихачева.

Институт русской литературы РАН (ИРЛИ РАН)

Фонд 93 – Собрание П. Я. Дашкова.

Эстония

Государственный архив Эстонии

Фонд 3 – Канцелярия Ревельского генерал-губернатора (1699, 1700 – 1787).

Фонд 279 – Канцелярия Рижского генерал-губернатора (1700 – 1787).

Фонд 2072 – Коллекция карт.

Фонд 4918 – Коллекция генеалогических материалов (1699 – 1939).

Опубликованные источники

Алексеев, М. П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Введение, тексты и комментарии. Том I. XIII – XV вв. – Иркутск: Крайгиз, 1932. – 368 с.

Алексеев, М. П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Введение, тексты и комментарии. Том I. Часть II (2-я половина XVII века). – Иркутск: Крайгиз, 1936. – 152 с.

Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / Пер. с англ. Ю. В. Готье. (Иностранные путешественники о России) – Л.: ОГИЗ, 1937. – 308 с.

Ариосто, Л. Неистовый Роланд: в 2 т. / Л. Ариосто; перевод свободным стихом М.Л.Гаспарова; изд. подгот. М. Л. Андреев, Р. М. Горохова, Н. П. Подземская. – М.: Наука, 1993. – 575 с.; 544 с.

Бассевич, Г.–Ф. фон. Записки графа Бассевича, служащие к пояснению некоторых событий из времени царствования Петра Великого (1713–1725) / Г.–Ф. фон Бассевич; пер. с фр. И. Ф. Амона; предисл. П. И. Бартенева. М.: Типография Грачева и К°, 1867. – 94 с.

Бендель И. Достопамятные приключения Ильи Бенделя, сына стокгольмского рыбака, оставившего свое отечество, и удалившагося на голландском флоте в Америку: И как на пути при Молукских берегах тамошние жители, на него напавши, взяли в плен; также каким образом он оттуда бежал, и прибыл на необитаемый остров; дватцатилетнее его там пребывание; наконец смерть и оставшийся после него сын, имеющие великое сходствие с аглинским романом Робинзоном Крузе, им самим сочиненныя; ч. 1–2 / И. Бендель; пер. с нем. – М.; Университетская типография у А. Светушкина, 1789.

Бернье, Ф. История последних политических переворотов в государстве Великого Могола / Ф. Бернье; пер. с фр. Б. Жуховецкого и М. Томара; предисл. А. Пронина. – М.–Л.: Соцэкгиз, 1936. – 350 с.

Берхгольц, Ф. В. фон. Дневник камер-юнкера, 1721–1725 гг.: ч. 1–4 / Ф.В. фон Берхгольц; пер. с нем. И. Ф. Амона. –М.: Унив. тип., 1902–1903. – 189, 247, 199, 148 сс.

Беспярых, Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии / Ю.Н.Беспярых – Л.: Наука, 1991. – 280 с.

Ваттель, Э. де. Право народов или принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов / Э. де Ваттель; предисл. В.Н. Дурденевского. – М.: Госюриздат, 1960. – 719 с.

Виане, Б. *Tout autour du voyage de Jean Sauvage en Moscovie en 1586.* Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 году / Б. Виане. – М.: ТЕЗАУРУС, 2012. – 520 с.

- Виллардуэн, Ж. де.* Завоевание Константинополя / Ж. де Виллардуэн; пер., ст. и комм. М. А. Заборова. – М.: Наука, 1993. – 296 с.
- Вондел, Й. ван ден.* Трагедии / Й. ван ден Вондел; издание подготовили Е. Витковский, В. Ошис, Ю. Шичалин. – М.: Наука, 1988. – 576 с.
- Григорий Турский.* История франков / Григорий Турский; пер. с лат. В. Савукова. – М.: Наука, 1987. – 463 с.
- Гроций, Г.* О праве войны и мира: Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права / Г. Гроций; пер. с лат. А. Л. Сакетти; под общей редакцией профессора С. Б. Крылова. – М.: Ладомир, 1994. – 868 с.
- Гумбольдт, А. Ф. фон.* Путешествие в равноденственные области Нового Света в 1799 – 1804 гг.: т. 1 – 3 / А.Ф.фон Гумбольдт. – М.: Географгиз, 1963 – 1969.
- Демосфен.* Речи: т. 1–3 / Демосфен; отв. ред. Е. С. Голубцова, Л. П. Маринович, Э. Д. Фролов. – М.: Наука, 1994.
- Де-Фер, Г.* Плавания Баренца (*Diarium nauticum.*) 1594–1597 / Г. Де-Фер; пер. с латинского А.И. Малеина; под ред. В.Ю. Визе. – Л.: Издательство Главсевморпути, 1936. – 307 с.
- Дефо, Д.* Всеобщая история пиратства / Д. Дефо; пер. с англ. А.Д.Степанова. – СПб.; Издательская группа «Азбука-классика», 2010. – 288 с.
- Диас, Б.* Записки солдата / Б.Диас; пер. Д. Н. Егорова. М.–Л., 1932.
- Дигесты Юстиниана / Избранные фрагменты в пер. и с примеч. И. С. Перетерского; отв. ред. Е. А. Скрипилев. – М., 1984. – 456 с.*
- Записки иностранцев о восстании Степана Разина / Под ред. А. Г. Манькова. – Л.: Наука, 1968. – 236 с.*
- Ибн Маджид, А.* Книга пользы об основах и правилах морской науки: Арабская морская энциклопедия XV в. / Ибн Маджид А.: т. 1–2; критич. текст, пер., комм., иссл. и указ. Т. А. Шумовского. – М., 1984–1985.
- Ибн Хордадбех.* Книга путей и стран / А.–К. Ибн Хордадбех; пер. с араб., комм., иссл., указ. и карты Н. Велихановой. – Баку: Элм, 1986. – 428 с.

Иностранские известия о восстании Степана Разина. Материалы и исследования / Под ред. А. Г. Манькова. – Л.: Наука, 1975. – 191 с.

Кабеса де Вака, А. Н. Кораблекрушения / А.Н. Кабеса де Вака; пер. с исп., предисл. и комм. Ю. В. Ванникова. – М.: Мысль, 1975. – 128 с.

Камознс, Л. де. Сонеты. Лузиады / Л. де Камознс; сост. О. Овчаренко. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. – 478с.

Марко Поло. Книга Марко Поло / Поло М.; ред. и вступ. ст. И. П. Магидовича. – М.: Географгиз, 1955. – 376 с.

Капитан Чарльз Джонсон. История знаменитых морских разбойников XVIII века / Ч. Джонсон; пер. с англ. А.К.Ефремова; автор предисловия Дэвид Кордингги. – М.: Эксмо, 2009. – 592 с.

Каржавин, Ф. В. Записка о своей жизни / Ф. Каржавин // Русская старина. – 1875. – Т. XII. – № 2. – С. 272 – 297.

Каржавин, Ф. В. Дневник путешествия в Виргинию в 1777 и 1778 годы / Ф.В.Каржавин. // Взгляд в историю – взгляд в будущее. Русские и современные писатели, ученые, деятели культуры о США / Сост. А. Н. Николюкин; ред. А. Н. Панкова. – М.: Прогресс, 1987. – 720 с.

Коммин, Ф. де. Мемуары / Ф. де Коммин; пер., ст. и прим. Ю. П. Малинина. – М.: Наука, 1986. – 496 с.

Ларин, Б.А. Парижский словарь москвитов 1586 г. / Б. А.Ларин; перевод, исследование и комментарии Б.А.Ларина. – Рига: Издание ЛатГУ, 1948. – 212 с.

Ларин, Б.А. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI-XVII веков / Б.А.Ларин. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2002. — 683 с.

Лас Касас, Б. де. История Индий / Б. де Лас Касас; пер. с исп. Д. П. Прицкер и др.; изд. подготовили В. Л. Афанасьев и др. Л.: Наука, 1968. – 470 с.

Ливий, Т. История Рима от основания города: т. I–III / Т. Ливий; пер. под ред. Е. С. Голубцовой. – М.: Наука, 1989–1993.

Лильберн, Д. Памфлеты / Д. Лильберн; предисл. В. Ф. Семенова. – М.: Соцэкгиз, 1937. – 119 с.

Материалы для истории русского флота: ч. 1–17 / Материалы. – СПб: Типография Морского министерства, 1865–1904.

Монтень, М. Опыты: кн. 1–3 / М.Монтень; изд. подг. А. С. Бобович и др. – М.: Наука, 1979–1980.

Пигафетта, А. Путешествие Магеллана; Эль-Кано – первый кругосветный мореплаватель / А. Пигафетта, М. Митчелл; вступ. ст. Я. М. Света; примеч. В.С. Узина, Я.М. Света. – М.: Мысль, 2000. – 301 с.

Послания из вымышленного царства / Послания; пер. с др.-греч., ст.-фр.; пер. с лат., сост., вступ. ст. Н. Горелова. – СПб.: Азбука, 2004. – 224 с.

Письма и бумаги императора Петра Великого: т. I– XIII. – СПб., 1887–1917; – М.: Наука, 1946–2003.

Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718–1725 годах: Письма, реляции, журнал / Ф. Беневени; подг. текста, вст. ст. и коммент. В. Г. Воловникова. – М.: Наука, 1986. – 159 с.

Прево, А. Ф. История о странствиях вообще по всем краям земного круга: ч. 1–22 / А.Ф.Прево; пер. с франц. М. Веревкина. – М.: Ун. тип. Н. Новикова, 1782–1787.

Проект покорения земель в Южной Америке при Петре I. – Публикацию подготовил А.В.Захаров // Вопросы истории. – 2012. – № 10. – С. 48 – 56.

Прокопий Кесарийский. Война с готами / Прокопий Кесарийский; пер. с греч. С. П. Кондратьева; вступ. ст. З. В. Удальцовой; отв. ред. Е. А. Косминский. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. – 515 с.

Проект завоевания Америки, поданный Петру Великому // Москвитянин. – 1851. – Ч. 1. – С. 121 – 124.

Путешествия Христофора Колумба. Дневники, письма, документы / Х. Колумб; пер. с исп. и комм. Я. М. Света; ред. и вступ. ст. И. П. Магидовича. – М.: Географгиз, 1950. – 532 сс.

Разилли, И. Мемуар Исаака Разилли о французской колониальной экспансии (1626 г.) / И. Разилли; предисл. Робера Мандру; пер. и коммент. Н. В. Ревуненковой и с

предисл. А. Д. Люблинской // Средние века. – 1961. – Вып. XX. – 1961. – С. 325 – 349.

Рец, Ж. Ф. де. Мемуары / Ж.Ф.де Рец; изд. подг. Ю. В. Виппер и др.; пер. с фр. и послесл. Ю. Я. Яхниной; прим. А. Ф. Строева. – М: Ладомир, Наука, 1997. – 832 с.

Рэли, У. Открытие обширной, богатой и прекрасной Гвианской империи с прибавлением рассказа о великом и золотом городе Маноа / У. Рэли; пер. с англ., вступ. ст., и комм. А. Д. Дридзо. – М.: Географгиз, 1963. – 175 с.

Сборник Императорского Русского Исторического Общества (Сборник РИО): т. 1–148. – СПб., 1867–1916.

Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым: кн. 1–2 / Вступ. ст., подг. текста В. П. Аникина. – СПб.: Издание А. С. Суворина, 1885. – 316 с.; 248 с.

Соваж, Ж. Записка о путешествии в Россию в 1586 году. [Пер. по рукописи с франц.] / Ж. Соваж // Русский вестник. – 1841. – Т. 1. – Вып. 1. – С. 223 – 230.

Стрейс, Я. Я. Три достопамятных и исполненных многих превратностей путешествия / Я. Стрейс; пер. Э. Бородиной. Ред. А. Морозова; введ. А. Гайсиновича. – М.: Огиз-Соцэкгиз, 1935. – 415 с.

Туманский, Ф. О. Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого: ч. 1–9 / Ф.О.Туманский. – СПб.: Тип. Шнора, 1787–1788.

Уинстенли, Дж. Избранные памфлеты / Дж. Уинстенли; пер. с англ. Е. Г. Денисовой; ред. и комм. А. С. Самойло; вступ. ст. В. П. Волгина. – М.–Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1950. – 367 с.

Фукидид. История / Фукидид; изд. подгот. Г.А.Стратановский, А.А. Нейхард, Я.М. Боровский. – Л.: Наука, 1981. – 543 с.

Хроники открытия Америки. 500 лет. Антология / Пер. с исп. и порт. Е. М. Лысенко и др.; комм. Э. Э. Литаврина. – М.: Наследие, 1998. – 269 с.

Хроники открытия Америки. Новая Испания / Пер. с исп. Е. М. Лысенко, А. М. Свет. – М.: Академический проект, 2000. – 496 с.

Эксквемелин, А. О. Пираты Америки / А.О. Эксквемелин; пер. с голланд. и комм. Б. Аронова; ред. и предисл. Я. М. Света. – М.: Мысль, 1968. – 230 с.

Эксквемелин, А. Дневник пирата / А.Эксквемелин; пер. с англ. М.В.Анфимова. – М.: ЗАО «БММ», 2011. – 192 с.

Юрнaлы и похoдные журнaлы Петра Великого с 1695 по 1725 г. / Петр Великий. – СПб., 1853–1855.

[*Anonyme*]. Nouvelle de l'Amérique, ou le Mercure Amériquain, où sont contenus trois histoires véritables arrivés de nôtre temps / Anonime. – Cologne: Jean L'ingenu, 1678. – 248 p.

Ashton, P. Ashton's memorial or, an authentick account of the strange adventures and signal deliverances of mr. Philip Ashton / P.Ashton. – London: Richard Ford and Samuel Chandler, 1726. – 148 p.

Auton, J. de. Chroniques de Louis XII: vol. I–IV / J. de Auton; éd. R. de Maulde La Clavière. – Paris, 1889–1895.

Barlow, E. Barlow's journal of his life at sea in king's ships, East and West indiamen and other merchantmen from 1659 to 1703: vol. I–II / E. Barlow; transcribed from the original manuscript by Basil Lubbock. – London: Hurst and Blackett, 1934.

Benzoni, G. History of the New World by Girolamo Benzoni, of Milan, sheving his travels in America, from a. d. 1541 to 1556: With some particulars of the Island of Canary / G.Benzoni; ed. by Rear Admiral W. H. Smyth. – L.: Hakluyt Society, 1857. – v, 280 p.

Brantôme. Oeuvres complètes: vol. I–XI / Brantôme; éd. par Ludovic Lalanne.– Paris: Ch. Lahure, 1864–1882.

British piracy in the golden age: History and interpretation, 1660 – 1730: vol. 1 – 4 / Ed. by Joel H. Baer. – London: Pickering & Chatto Publishers, 2007. – 1760 p.

Brunetti, C. Three relations of the West India in 1659–1660 / C. Brunetti: ed. by Susan Heller Anderson. – Philadelphia: American Philosophical Society, 1969. – 49 p.

Calendar of state papers. Domestic series, of the reigns of Edward VI, Mary, Elizabeth and James I: vol. I–XII. / Ed. by R. Lemon and Mrs. Everett Green. – London: Longman, Green, Longman and Roberts, 1856–1872.

Calendar of state papers. Domestic series, of the reign of Charles I, 1625–1649: vol. I–XXIII. / Ed. by J. B., W. D. Hamilton and S. C. Lomas. – London: Longman, Green, Longman, Roberts and Green, 1858–1897.

Calendar of state papers. Colonial series. America and West Indies, 1574–1738: vol. I–XXXXV / Ed. by Noel W. Sainsbury, J. W. Fortescue and Cecil Headlam. – London: Institute of Historical Research, 1860–1953.

Camden, G. Annales rerum Anglicarum et Hibernicarum, regnante Elizabetha / G. Camden. – Londini: Typis Guilielmi Stansbii, Impensis Simonis Watersoni, 1615. – x, 499 p.

Captain Charles Johnson. A general history of the robberies and murders of the most notorious pyrates and also their policies, discipline and government, from their first rise and settlement in the Island of Providence, in 1717, to the Present Year 1724. With the remarcable actions and adventures of two female pyrates, Mary Read and Anne Bonny / Captain Charles Johnson. – London: Ch. Rivington, 1724. – 320 p.

Captain Charles Johnson. A general history of the pirates from their first rise and settlement in the Island of Providence, to the present time. With the remarcable actions and adventures of two female pyrates. Mary Read and Anne Bonny / Captain Charles Johnson. – London: T. Warner, 1724. – 427 p.

Captain Charles Johnson (Defoe D.) A general history of the robberies and murders of the most notorious pirates / Captain Charles Johnson (D. Defoe): ed. by Manuel Schonhorn. – Columbia: University of South Carolina Press, 1972. – xlvi, 717 p.

Captain Charles Johnson. A general history of the robberies and murders of the most notorious pirates / Captain Charles Johnson; with an Introduction and Commentary by David Cordingly. – London: Conway Maritime Press, 2002. – xiv, 370 p.

Champlain, S. Narrative of a voyage to the West Indies and Mexico in the years 1599–1602 / S. Champlain; translated and notes by Alice Wilmere; ed. by Norton Shaw. – London: Hakluyt Society, 1859. – 4, vi, xcix, 49 p.

Charlevoix, P.-F.-X. de. Histoire de l'Île Espagnole ou de Saint-Domingue: t. I–II / P.-F.-X. de Charlevoix. – Paris: Jacques Guerin, 1730–1731. – 2 t.

Collection des ouvrages anciens concernant Madagascar: t. 1–6 / Éd. par A. et G. Grandidier. – T. 3 (1640–1716). – Paris, 1905. – 6 t.

Colección de documentos inéditos relativos al descubrimiento, conquista y organización de las antiguas posesiones españolas de ultramar: segunda serie: vol. I–XIII. – Madrid: Real Academia de la Historia, 1885 – 1901. – 13 t.

A collection of ranter writings from the 17-th century / Ed. by N. Smith. London: Junction Books, 1983. – 278 p.

A Collection of the State Papers of John Thurloe, Esq.: vol. 1–7 / J. Thurloe; ed. by Thomas Birch. – London: Thomas Woodward and Charles Davis, 1742. – 7 t.

Collection of treaties between Great Britain and other powers : vol. 1–2 / Ed. By George Chalmers. - London: John Stocdals, 1790. - xvi, 564; vii, 561.

Colman, B. A sermon preached to some miserable pirates. July 10, 1726 / B. Colman. – Boston: John Philips and Thomas Hancock, 1726. – 39 p.

Colonizing expeditions to the West Indies and Guiana, 1623–1667 / Ed. by V. T. Harlow. – London: Hakluyt Society, 1925. – xcv, 262 p.

A complete collection of state trials and proceedings for high treason and other crimes and misdemeanors: vol. XV (1710–1719) / Compiled by T. B. Howell.– London: T. C. Hansard, 1816. – 1422 p.

Cooke, E. A Voyage to the South Sea, and round the world, perform'd in the years 1708–11. By the ships Duke and Dutchess of Bristol. Containing a Journal of all memorable transactions. A description of the American coasts, from Tierra Del Fuego to California / E. Cooke. – Amsterdam; New York: Nico Israel, Da Capo, 1971 (facsimile reprint of 1712 London edition).

Coxere, E. Adventures by sea of Edward Coxer / E. Coxere; foreword by H. M. Tomlinson; ed. by E. H. W. Meyerstein. – New York, London: Oxford University Press, 1946. – xxxviii, 190 pp.

Cowley's voyage round the Globe // A Collection of Original Voyages / Ed. by Capt. William Hacke. – London: James Knapton, 1699.

Dampier, G. Supplément du voyage autour du Monde, contenant une Description d'Achin, ville de Sumatra, du Royaume de Tonquin et autres places des Indes et de la Baye de Campeche / G. Dampier. – Amsterdam: P. Mairet, 1701. – 315 p.

Dampier, W. Voyage aux Terres australes à la Nouvelle Hollande, &c., fait en 1699 où l'on trouve la description des isles Canaries, des isles de Mayo & de S. Jago, de la baye de Tous les Saints, des forts & de la ville de Bahia dans le Bresil / W. Dampier. – Amsterdam: Paul Marret, 1705. – 293 p.

Dampier, W. A New voyage round the world / W. Dampier; introduction by sir Albert Gray. – London: The Argonaut Press, 1927. – xl, 376 p.

Dampier, W. A New voyage round the world / W. Dampier; with an introduction by sir Albert Gray and a new introduction by Percy G. Adams. – New York: Dover Publications, 1968. – xlv, 379 p.

Dampier, W. A voyage to New Holland / W. Dampier; ed. with introduction, notes and illustrative documents by James A. Williamson. – London: The Argonaut Press, 1939. – lxxv, 266 p.

Dampier, W. Voyages and discoveries / W. Dampier; ed. and with introduction and notes by Clennell Wilkinson. – London: The Argonaut Press, 1931. – xxxv, 311 p.

Documents concerning English voyages to the Spanish Main, 1569–1580: vol. I–II; I: Spanish documents selected from the Archives of the Indies at Seville; II: English accounts «Sir Francis Drake Revived» and others / Ed. by I. Wright. – London: Hakluyt Society, 1932. – lxiv, 348 p.

Documents relating to law and custom of the sea, 1205–1767: vol. I–II / Ed. by Reginald G. Marsden. – London: Navy Records Society. 1915–1916. – xxiii, 561; xl, 457 p.

Doublet, J. Journal du corsaire Jean Doublet de Honfleur, lieutenant de frigate sous Louis XIV / J. Doublet ; publié d'après le manuscrit autographe avec introduction, notes et addition par Charles Bréard. – Paris: Charavay Frères Éditeurs, 1884. – 402 p.

Doublet, J. Le corsaire du Roi-Soleil / J. Doublet; éd. par Yvon Le Cozannet et Gérard Ducable. – Paris: Éditions du Rocher, 1990. – 348 p.

Drake, F. The world encompassed by sir Francis Drake, being his next voyage to that to Nombre de Dios. Collated with an unpublished manuscript of Francis Fletcher, chaplain to the expedition / F. Drake; ed. with Appendices illustrative of the same voyage, and Introduction, by William Sandys Wright Vaux. – London: The Hakluyt Society, 1856. – xl, 295 p.

Duguay-Trouin, R. Mémoires de Duguay-Trouin, lieutenant-général des armées navales, commandeur de l'ordre royale et militaire de S.-Louis / R. Dugue-Trouin; éd. par Philippe Clouet. – Paris, Editions France-Empire, 1991. – xvi, 226 p.

Dumont, J. Corps universel diplomatique du droit des gens; contenant un recueil des traitez d'alliance, de paix... de toutes les conventions...: t. I–VIII / J. Dumont. – Amsterdam: P. Brunel, R. et G. Wetstein, les Janssons Waesberge, et L'Honoré et Chatelain; La Haye: P. Husson et Charles Levier, 1726–1731.

English Historical Documents: vol. I–IX / Gen. ed. David C. Douglas. – London Eyre and Spottiswoods, 1950–1957.

English privateering voyages to the West Indies, 1588–1595: Documents relating to English voyages to the West Indies from the defeat of the Armada to the last voyage of sir Francis Drake, including Spanish documents contributed by Irene A. Wright / Ed. by Kenneth R. Andrews. – Cambridge: Cambridge University Press for the Hakluyt Society, 1959. – xxvii, 421 p.

Esquemeling J. The buccaneers of America / J. Esquemeling; ed. and introduction by Henry Powell – London: Swan Sonnenschein and Co; New York: Charles Scribner's sons. 1898. – xxxv, 508 p.

European treaties bearing on the history of the United States and its dependencies: vol. 1–4 / ed. by Frances Gardiner Davenport. – Washington: Carnegie Institution, 1917–1937.

Exquemelin (Oexmelin), A. O. Histoire des aventuriers qui se sont signalez dans les Indes, contenant ce qu'ils ont fait de plus remarquable depuis vingt anées avec la vie les moeurs et les coutumes des boucaniers et des habitans de S. Domingue et de la Tortue: T. 1–2. / A. Exquemelin (Oexmelin). – Paris: Jacques le Febvre, 1686. – 369 p; 410 p.

Exquemelin, A.O. The buccaniers of America / A.O.Exquemelin; translated by Alexis Brown. Introduction by Jack Beeching. – Harmondsworth: Penguin Books, 1969. – 231 p.

Exquemelin, A.O. Histoire des aventuriers flibustiers / A.O.Exquemelin ; etablissement du texte, glossaire et index par Réal Ouellet; introduction et notes par Réal Ouellet et Patrick Villiers. – Paris, 2005. – 590 p.

Fighting Instructions, 1530–1816. With elucidations from contemporary authorities / Ed. by Julian S. Corbett. – London: Navy Records Society, 1905. – xvi, 366 p.

Forbin, C. de. Mémoires du comte de Forbin, chef d'escadre, chevalier de l'ordre militaire de Saint Louis: t. I–II / C.de Forbin. – Marseille: Jean Mossy, 1781. – 267, 346 p.

Fournier, G. Hydrographie contenant la théorie et la pratique de toutes les parties de la navigation/ G. Fournier. – Paris: Michel Soly, 1643. – 922 p.

Les Français en Amérique pendant la première moitié du XVI-e siècle. Textes des voyages de Gonneville, Verrazano, J. Cartier et Roberval / Éd. par Ch.-A. Julien, R. Herval et Th. Beauchesne. – Paris: Presses Universitaires de France, 1946. – 223 p.

Les Français en Amérique pendant la deuxième moitié du XVIe siècle. Le Brésil et les Brésiliens par André Thevet / Introd. de C.-A. Julien, choix de textes et notes par S. Lussagnet. – Paris, Presses universitaires de France, 1953. – 346 p.

Les Français en Amérique pendant la deuxième moitié du XVI-e siècle. Les Français en Floride. Textes de Jean Ribault, Rene de Laudonniere, Nicolas Le Challeux et

Dominique De Gourgues choisis et annotes par Suzanne Lussagnet. Introduction par Ch.-A. Julien. Vol. 2. – Paris: Presses Universitaires de France, 1958. – viii, 265 p.

Froissart, J. Chroniques: vol. I–XV / J. Froissart; éd. par Siméon Luce, Gaston Raynaud, Léon Mirot, Albert Mirot. – Paris: Société de l'histoire de France, 1869–1975.

Funnell, W. A Voyage round the world containing an account of captain Dampier's expedition into the South-Seas in the ship St. George, in the Years 1703 and 1704 / W. Funnell. – London: Printed by W. Botham for James Knapton, 1707. – 300 p.

Les grands traité du règne de Louis XIV / Publié par Henri Vast. - Paris: Alphonse Picard et fils, 1893 – 1899.

Gage, Th. English-American, his travail by sea and land; or, a new survey of the West Indies / Th. Gage. – London: R.Cotes, 1648. – 220 p.

Hakluyt, R. The principal navigations, voyages, traffics and discoveries of the English Nation, made by sea or over land to the most remote and farthest distant quarters of the Earth at any time within the compass of these 1600 years: vol. I–III. / R. Hakluyt. – London: Hakluyt Society, 1907.

Hakluyt, R. The principal navigations voïages and discoveries of the English Nation... Imprinted at London, 1589: vol. I–II. / R. Hakluyt; a photo-lithographic facsimile with an Introduction by David Beers Quinn and Raleigh Ashlin Skelton and with a new index by Alison Quinn. – Cambridge: Cambridge University Press for Hakluyt Society and Peabody Museum of Salem, 1965.

The Hawkins voyages during the reign of Henry VIII, queen Elizabeth and James I / Ed. with an Introduction by Clements R. Markham. – London: Hakluyt Society, 1878. – lii, 453, 7 p.

The Historical Register, containing an impartial relation of all translations, foreign and domestic. Vol. I. For the year 1716. – London: H. Meere, 1717. – iv, 460 p.

Journal historique sur les matieres du tems. Octobre, 1716. – Verdun: Chez Claude Vigneulle, 1716. – 294 p.

Kelly, J. A full and true discovery of all the robberies, piracies, and other notorious actions, of that famous English pirate, capt. James Kelly, who was executed on friday

the 12th of July 1700. With an account of his joining with Capt. Kidd, and other remarkable pirates in several parts of the world: with all the most material passages of his life, to the time of his death / J. Kelly. – London: J. Johnson, 1700. – 2 p.

Labat, J.-B. de. Nouveau voyage aux Isles de l'Amérique: t. I – II. / J.-D. de Labat. — La Haye: Husson, 1724. – 528; 520 p.

Langalerie, marquise de. Mémoires du marquise de Langalerie, histoire écrite par lui-même dans la prison à Vienne en Autriche / De Langalerie. – La Hay: Daniel Ailland, 1753. – 357 p.

Laon, J. de. Relation des voyages des François fait au cap du Nord en Amérique / J. de Laon. – Paris: Pierre David, 1654. – 200 p.

La Popellinièr (Lancelot Voisine de). Les Trois Mondes / La Popellinièr; édition établi et annotée par Anne-Marie Beaulieu. – Genève: Libraire Droz, 1997. – 530 p.

Last voyages. Cavendish, Hudson, Raleigh. The original narratives / Introduced and edited by Philip Edwards. – Oxford: The Clarendon Press, 1988. – 280 p.

Lettres, instructions diplomatiques et papiers d'État du Cardinal de Richelieu (1608–1642): t. 1–8. / Recueillis et publiés par M. Avenel. – Paris: Imprimerie Impériale, puis Nationale, 1853–1877.

Lettres, instructions et mémoires de Colbert: t. 1–10 / Colbert; publiés par Pierre Clément – Paris: Imprimerie Impériale, puis Nationale, 1861–1873.

Malo, H. Les corsairs: Mémoires et documents inédits / H. Malo. – Paris: Société du Mercure de France, 1908. – ix, 384 p.

The maps and text of the booke of idrography presented by Jean Rotz to Henry VIII: now in the British library / Ed. by Helen Wallis; with a foreword by Viscount Eccles. – Oxford: Printed for presentation to the members of the Roxburghe Club, 1981. – 96 p.

Martens, G. F. von. Essai concernant les armateurs, les prises et surtout les reprises d'après les lois, les traités, et les usages des puissance maritimes de l'Europe / G.F. von Martens. – Göttingue: J.C.Dieterich, 1795. – 212 p.

Martens, G. F. von. Nouveau recueil général de traités et autres actes relatifs aux rapports de droit international: t. I–XXXV / G.F. von Martens. – Göttingue; Leipzig: J.C.Dieterich, 1876–1908. – 35 vol.

Mather, C. The vial poured out upon the sea. A remarkable relation of certain pirates brought unto a tragical and untimely end. Some conferences with them, after their condemnation / C. Mather. – Boston: T.Fleet, 1726. – 51 p.

Mémoires et documents pour servir à l’histoire des origines Françaises des Pays d’Outre-mer: t. 1–6 / Recueillis et publiés par Pierre Margry. – Paris: Maisonneuve et cie, 1879–1888.

Monson, W. The naval tracts of sir William Monson: vol. I–V / W. Monson. – Ed. with a commentary drawn from the state papers and other original sources by M. Oppenheim. – London: Navy Records Society, 1901–1914.

New light on Drake: A collection of documents relating to his voyage of Circumnavigation, 1577–1580 / Ed. by Zelia Nuttall. – London: Hakluyt Society, 1914. – lvi, 444, xxxvi p.

Nichols, Ph. The English hero, or, Sir Francis Drake Revived / Ph. Nichols. – London: Nathaniel Crouch, 1695. – 174 p.

Nicot J. Trésor de la langue française, tant ancienne que moderne / J. Nicot. – Paris: David Douceur, 1606. – 667 p.

The observations of sir Richard Hawkins, knight, in his voyage into the South Sea in the year 1593 / R. Hawkins; ed. by C. R. Drinkwater Bethune. – London: Hakluyt Society, 1847. – xvi, 246 p.

Papers relating to the Navy during the Spanish War, 1585 – 1587 / Ed. by Julian Corbett. – London: Navy Records Society, 1898. – l, 363 p.

Pardessus, J. M. Collection des lois maritimes antérieures au XVIII-ème siècle: t. I–VI / J.M.Pardessus. – Paris: Imprimerie Royale, 1828–1845.

Preliminary Observations on British and American Documents Concerning the Activities of the Pirate Blackbeard, March 1717 to June 1718. Compiled by Richard W. Lawrence // <http://www.ah.dcr.state.nc.us/qar/history/timechart.htm>.

Privateering and piracy in the colonial period: Illustrative documents / Ed. by J. H. Jameson. – New York: Macmillan, 1923. – xxvi, 619 p.

Purchas, S. Hakluytus Posthumus, or, Purchas His Pilgrimes. Containing a history of the world, in sea voyages and land-travells, by Englishmen and others: vol. I–VI / S. Purchas. – London: William Stansby for Henrie Fetherstone, 1625.

Raleigh, W. Selected Writings / W. Raleigh; ed. by Gerald Hammond. – New York: Viking Penguin, 1986. – 294 p.

Raveneau de Lussan, J. Journal du voyage fait à la mer du Sud avec les flibustiers de l'Amérique, en 1684 et années suivantes / J. Raveneau de Lussan. – Paris: Jean Baptiste Coignart, 1690. – 292 p.

Raveneau de Lussan, J. Les flibustiers de la mer du Sud / J. Raveneau de Lussan; introduction et notes de Patrick Villiers. – Paris: Éditions France-Empire, 1992. – 296 p.

Ringrouse, B. Dangerous voyages and bold attempts of captain Bartholomew Sharp and others performed upon the coasts of the South Sea for the space of two years. From the original journal of the said Voyage / B. Ringrouse // *Esquemeling J.* The buccaneers of America / Ed. and introduction by Henry Powell – London: Swan Sonnenschein and Co; New York: Charles Scribner's sons. 1898. – P. 275 – 502.

Robinson Ch. Collectanea Maritima; Being a collection of public instruments, tending to illustrate the history and practice of prize law / Ch. Robinson. – London: W. Wilson, 1801. – viii, 213 p.

Rocheport C. de. Histoire naturelle et morale des Iles Antilles de l'Amérique. Enrichie de plusieurs belles figures des raretez les plus considérables qui y sont décrites. Avec un vocabulaire Caraïbe / C. de Rocheport. – Rotterdam: Reinier Leers, 1681. – 636 p.

Rogers W. A Cruising voyage round the world: first to the South-Seas, thence to the East-Indies, and homewards by the Cape of Good Hope / W. Rodgers. – London: Printed for A. Bell and B. Lintot, 1712. – xxi, 428 p.

Royal instructions to British colonial governors, 1670–1776: vol. I–II / Collated and Edited by Leonard Woods Labaree. – New York–London: D. Appleton-Century Co, 1935.

Savage J. Memoire du voyage en Russie fait en 1586 par Jehan Savvage / J. Savage. – Le Trésor des pieces rares ou inédites. Publié pour la premiers fois d'auprès les manuscrits de la Bibliothèque Impériale par Louis Lacour de La Pijardievre. – Paris: August Aubry, 1855. – x, 30 p.

Sir Francis Drake's West Indian voyages, 1585 – 1586 / Ed. by Mary Frear Keeler. – London: Hakluyt Society, 1981. – xiv, 358 p.

Snelgrave, W. A new account of some parts of Guinea and the slave-trade / W. Snelgrave. – London: J. J. and Knapton, 1734. – 288 p.

Smeeks, H. Beeschryvinge van het magtig Koningryk Krinke Kesmes / H. Smeeks; ed. P.J.Buijnsters. – Zutphen: W.J.Thieme & Cie. 1976. – 272 p.

Spanish documents concerning English voyages to the Caribbean, 1527–1568. Selected from the Archives of the Indies at Seville / Ed. by I. Wright. – London: Hakluyt Society, 1929. – x, 167 p.

Sully, de. Mémoires des Sages et Royales économies d'État domestiques, politiques et militaires d' Henry Le Grand: T. I–II / de Sully. – Amsterdam: Aletinosgraphe de Clearetimelee, 1634. – x, 946 p.

Teonge, H. The diary of Henry Teonge, chaplain on board H. M.'s ships Assistance, Bristol, and Royal Oak, 1675–1679 / H. Teonge; ed. with an introduction and notes by G. E. Manwaring. – New York; London: Harper and Brothers, 1927. – x, 318 p.

Tertre, J.-B. du. Histoire générale des Antilles habitées par les Français: t. I–IV / J.-B. du Tertre. – Paris: Thomas Jolly, 1667–1671.

Tertre, J.-B. du. Histoire générale des isles des S. Christophe, de la Guadeloupe, de la Martinique et autres dans l'Amérique / J.-B. du Tertre. – Paris; J. Langlois, 1654. – 481 p.

Thevet, A. La Cosmographie universelle de tout le monde: t. I–II / A. Thevet. – Paris: Michel Sonnius, 1575. – 1417; 2261 p.

Thevet, A. Le Brésil d'André Thevet. Les Singularités de la France Antarctique / A. Thevet. – Éd. intégrale établie, prés. et annotée par F. Lestringant, Paris, Éditions Chandeigne, 1997. – 448 p.

The Three voyages of sir Martin Frobisher in search of a passage to Cathaia and India by the North-West, A. D. 1576–1578 / M. Frobisher; ed. by Rear-Admiral Richard Collinson. London: Hakluyt Society, 1867. – 374 p.

The trials of major Stede Bonnet and thirty-three others // A complete collection of state trials and proceedings for high treason and other crimes and misdemeanors / Compiled by T. B. Howell. Vol. XV (1710–1719). – London: T. C. Hansard, 1816. – P. 1231–1302.

The tryals of Major Stede Bonnet, and Other Pirates. – London: Printed for Benj. Cowse at the Rose and Crown in St Paul's Church-Yard, 1719. – vi, 50 p.

Van Linschoten, J. H. The Voyage of John Huygen van Linschoten to the East Indies: from the old English translation of 1598 : the first book, containing his description of the East: Vol. I–II / J. H. van Linschoten; edited, the first volume by the late Arthur Coke Burnell; the second volume by Mr. P.A. Tiele. – London: The Hakluyt Society, 1885.

Leguat, F. Voyage et aventures de François Leguat et de ses compagnons en deux îles des Indes orientales, 1690–1698 / F. Leguat; présenté par Jean-Michel Racault et Paolo Carile. – Paris: Les Éditions de Paris, 1995. – 269 p.

Wafer, L. A new voyage and description of the Isthmus of America, giving an account of the author's abode there. With remarkable occurrences in the South Sea and elsewhere / L. Wafer. – London: James Knapton, 1699. – vi, 239 p.

Wafer, L. A new voyage and description of the Isthmus of America... With Wafer's Secret report (1698) and Davis's expedition to the Gold Mines (1704) / L. Wafer; ed. with Introduction, Notes and Appendices, by L. E. Elliot Joyce. – Oxford: Hakluyt Society, 1934. – lxxii, 222 p.

II. Основная литература

Акимов, Ю. Г. Джованни да Веррацано–мореплавателъ эпохи Возрождения / Ю.Г.АКИМОВ // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Сер. 6. – 1999. – Вып. 2 (№ 13). – С. 95–101.

Акимов, Ю. Г. Очерки ранней истории Канады / Ю.Г.Акимов. – СПб.: Изд-во ВИРД, 1999. – 336 с.

Акимов, Ю. Г. Экспедиция Фагундеша и попытка основания португальской колонии в северной Америке в 20-е годы XVI в. / Ю.Г.Акимов // Мир лузофонии. Материалы международной научной конференции (15–17 октября 1998 г.) / Отв. ред. Б. Н. Комиссаров. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2001. – С. 181–186.

Акимов, Ю. Г. Попытка создания шведской колонии в Северной Америке (1638 – 1655). Внешне-политический аспект / Ю.Г.Акимов // Скандинавские чтения 2000 года. – СПб.: Наука, 2002. – С. 246–251.

Акимов, Ю. Г. Доктрина двух сфер и международно-правовой статус колониальной экспансии европейцев (вторая половина XVI — начало XVII вв.) / Ю.Г.Акимов // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Сер. 6. – 2004. – Вып. 3. – С. 126–131.

Акимов, Ю. Г. От папских булл к первому «разделу мира»: международно-правовой статус колониальной экспансии европейцев во второй половине XV в. // Исследования международных отношений. Сб. статей / Отв. ред. С.В.Лобачев. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2004. С. 4–16.

Акимов, Ю. Г. От межколониальных конфликтов к битве империй: англо-французское соперничество в Северной Америке в XVII–начале XVIII вв. / Ю.Г.Акимов. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2005. – 567 с.

Акимов, Ю.Г. Португальские мореплаватели в Северной Америке в конце XVI в.: факты и гипотезы / Ю.Г.Акимов // Латинская Америка. – 2011. – № 11. – С. 74–83.

Акимов, Ю. Г. Первая попытка основания португальских колоний в Северной Америке / Ю.Г.Акимов // Латинская Америка. – 2012. – № 8. – С. 66–76.

Акимов, Ю. Г. Испанские мореплаватели у атлантического побережья Северной Америки в первой четверти XVI в. / Ю.Г.Акимов // Латинская Америка. – 2013. – № 5. – С. 80–89.

- Акимов, Ю. Г.* Открытие Флориды и начало испанских экспедиций в юго-восточной части североамериканского континента в 1510-е годы / Ю.Г.Акимов // Латинская Америка. 2013. № 9. С. 58–69.
- Акройд, П.* Лондон. Биография / П. Акройд. – Пер. с англ. В. Бабкова, Л. Мотылева. – М.: Изд-во О. Морозовой, 2005. – 896 с.
- Алейнер, А. З.* Географические представления об Антарктиде. Л., 1949.
- Алейнер, А. З., Ларионова А. Н., Чуркин В. Г.* Герард Меркатор. (Фламандский картограф. 1512—1594). М.: Географгиз, 1962. — 80 с.
- Алексеев, М.П.* Сравнительное литературоведение / М. П. Алексеев; Ред. Г. В. Степанов. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1983. – 447 с.
- Алеман, М.* Жизнеописание Гусмана де Альфараче, наблюдателя жизни человеческой: т. 1–2 / М. Алеман; пер. Е.Лысенко, Н. Поляк; пер. стихов Ю. Корнеева; предисл. и комм. Л. Пинского. – М.: Гослитиздат, 1963. – 479, 567 с.
- Альперович, М. С.* Россия и Новый Свет (последняя треть XVIII века) / М.С.Альперович. – М.: Наука, 1993. – 240 с.
- Альперович, М.С.* Тордесильясский договор и его последствия: [По материалам междунар. конф. на тему «Тордесильяс и его последствия: политика великих европ. держав по отношению к Латин. Америке. 1494–1898 гг.», Кельн, дек. 1994 г.] / М.С.Альперович // Латинская Америка. – 1995. – № 4. – С. 123–126.
- Альтамира-и-Кривеа, Р.* История Испании: т. 1–2 / Р. Альтамира-и-Кривеа; пер. с исп. – М.: Издательство иностранной литературы, 1951.
- Альтман, В.В.* Экспедиция на Мадагаскар Петра I / В.В.Альтман // Наука и жизнь. – М., 1937. – № 6. – С. 68 – 69.
- Амбелен, Р.* Драмы и секреты истории, 1306–1643 / Р. Амбелен; пер. с франц. Н.Б.Орлова; научный редактор А.П.Королева. – М.: Прогресс-академия, 1993. – 303 с.
- Английская буржуазная революция XVII в.: т. 1–2 / Под ред. Е. А. Косминского и Я. А. Левицкого. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1954.

Андреев, А. И. Экспедиции на восток до Беринга (в связи с картографией Сибири первой четверти XVIII в.) / А.И.Андреев // Труды Историко-архивного института. – Т. 2. – М.: Историко-архивный институт, 1946. – С. 181–202.

Андреев, А. И. Роль русского военно-морского флота в географических открытиях XVIII и XIX–XX вв. / А.И.Андреев // Морской сборник. – 1947. – № 4. – С. 64–105; № 7. – С. 65–101.

Андреев, А. И. Русские открытия в Тихом Океане в XVIII в. (Обзор источников и литературы) / А.И.Андреев // Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке / Под ред. и со вступ. статьей доктора ист. наук А. И. Андреева. – М.: Государственное издательство географической литературы, 1948. С. 5–76.

Анисимов, Е. В. Время петровских реформ / Е.В.Анисимов. – Л.: Лениздат, 1989. – 496 с.

Анисимов, Е. В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке / Е.В.Анисимов – . М.: Новое литературное обозрение, 1999. – 720 с.

Арендт, В. В. К истории средневековой артиллерии. (Генезис и развитие конструкции казнозарядных пушек XIV века) / В.В.Арендт // Труды Института истории науки и техники. – Сер. 1. – Вып. 7. – М.–Л., 1936.

Арсеньев, К., Пекарский, П. Известия о братьях Коржавиных / К. Арсеньев, П.Пекарский // Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук. – Т. IX. – СПб., 1872.

Архангельский, С. И. Англо-французская война с Испанией 1655–1659 / С.И.Архангельский // Вопросы истории. – 1947. – № 2. – С. 46 – 66.

Архенгольц, Ф. История морских разбойников Средиземного моря и Океана / Ф. фон Архенгольц; пер. К. Вельсберга с франц. издания 1850 г.; общая редакция И.Ф.Цветкова. – М.: Новелла, 1991. – 367 с.

Афанасьев В. Л. Имеются ли основания для пересмотра общепринятой концепции о целях первого плавания Колумба? / В.Л.Афанасьев // Известия Всесоюзного географического общества. – 1961. – Т. 93. – Вып. 5. – С. 384 – 394.

- Афанасьев В. Л.* Бартоломе де Лас Касас / В.Л. Афанасьев // Новая и новейшая история. – 1966. – № 5. – С. 43–50.
- Бааш, Э.* История экономического развития Голландии в XVI–XVIII веках / Э.Бааш. – М.: Иностранная литература, 1949. – 398 с.
- Баггер, Х.* Реформы Петра Великого. Обзор исследований / Х. Баггер; пер. с датского В.Е.Возгина; вступительная статья и общая редакция В.И.Буганова. – М.: Прогресс, 1985. – 196 с.
- Багров, Л.* История географической карты / Л.Багров. – Пг.: Синод, тип., 1917. – 136 с.
- Байкова, Н. Б.* Роль Средней Азии в русско-индийских торговых связях (первая половина XVI–вторая половина XVIII в.) / Н.Б.Байкова. – Ташкент: Наука, 1964. – 192 с.
- Барг, М. А.* Кромвель и его время / М.А.Барг. – М.: УЧПЕДГИЗ, 1960. – 244 с.
- Барг, М. А.* Генезис идеологии истинных левеллеров / М.А.Барг // История социалистических учений. Сб. статей памяти акад. В. П. Волгина. – М.: Наука, 1964. – С. 149–198.
- Барг, М. А.* Социальная утопия в Англии середины XVII в./ М.А.Барг // Европа в новое и новейшее время. Сб. статей памяти акад. Н. М. Лукина. – М.: Наука, 1966. – С. 79–96.
- Бартоломе де Лас-Касас. К истории завоевания Америки: сборник статей / Отв. ред. И.Р.Григулевич. – М.: Наука, 1966. – 231 с.
- Бартон, Э.* Повседневная жизнь англичан в эпоху Шекспира / Э.Бартон; пер. с англ. С.Смоляняковой. – М.: Молодая гвардия, 2005. – 245 с.
- Бартошек, М.* Римское право: понятия, термины, определения / М.Бартошек; пер. с чеш. - М.: Юрид. лит., 1989. – 448 с.
- Басова, А. А.* Борьба вокруг торговых монополий в Англии при первых Стюартах / А.А.Басова // Ученые записки Горьковского педагогического института. – Вып. 31. – 1961.

- Бахтин, М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М.М.Бахтин. – М.: Художественная литература, 1990. – 543 с.
- Бацер, М. И.* Левеллеры против Кромвеля (1644–1649) / М.И.Бацер // Новая и новейшая история. – 2002. – № 3. – С. 93–112.
- Башляр, Г.* Вода и грезы. Опыт о воображении материи / Г.Башляр; пер. с фр. Б. М. Скуратова. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 1998. – 268 с.
- Безу, Э.* Навигационные или мореходные исследования: ч. 1–2 / Э.Бизу. – СПб., 1790–1791.
- Бейкер, Дж.* История географических открытий и исследований / Дж. Бейкер; пер. с англ. под ред. и с пред. И.П. Магидовича – М.: Иностранная литература, 1950. – 648 с.
- Бейклесс, Дж.* Америка глазами первооткрывателей / Дж. Бейклесс; пер. с англ – М.: Прогресс, 1969. – 408 с.
- Белоусов, Р. С.* Герои до встречи с писателем / Р.С.Белоусов. – М.: Просвещение, 1984. – 127 с.
- Берзин, Э. О.* Юго-Восточная Азия в XIII–XVI веках / Э.О.Берзин. – М.: Наука, 1982. – 332 с.
- Берзин, Э. О.* Юго-Восточная Азия и экспансия Запада в XVII–начале XVIII века / Э.О.Берзин. – М.: Наука. 1987. – 463 с.
- Бехайм, В.* Энциклопедия оружия / В.Бехайм; пер. с нем.; предисл. А. Н. Кирпичникова. – СПб.: АО «Санкт-Петербург оркестр, 1995. – 576 с.
- Бизли, Ч. Р.* Генрих Мореплаватель: 1394–1460 / Ч.Р.Бизли; пер. с англ. – М.: Наука, 1979. – 340 с.
- Блон, Ж.* Великий час океанов: Атлантический / Ж.Блон; пер. с франц. Л.А.Деревянкиной; отв. ред. и автор предисловия и коммент. Д.В.Богданов. – М.: Мысль, 1978. – 218 с.
- Блон, Ж.* Великий час океанов: Тихий / Ж. Блон; пер. с франц. Л.А.Деревянкиной; отв. ред. и авт. предисл. и коммент. Л.Г.Никифоров. – М.: Мысль, 1979. – 208 с.

Блон, Ж. Великий час океанов: Индийский океан / Ж.Блон; пер. с франц. А.М.Григорьева; отв. ред. В.А.Дыгало; послесловие В.А.Дыгало, А.В.Шумилова; коммент. А.М.Григорьева и В.А.Дыгало. – М.: Мысль, 1983. – 204 с.

Блон, Ж. Флибустьерское море / Ж. Блон; пер. с франц. А.М.Григорьева. – М.: Мысль, 1985. – 350 с.

Блюнчли, И. К. Современное международное право цивилизованных государств, изложенное в виде кодекса / Блюнчли И.К.; пер. с нем. В. Ульяницкого и А. Лодыженского под ред. и с предисл. Гр.Л. Комаровского. – М.: типография Индриха, 1876. – 634 с.

Блюш, Ф. Людовик XIV / Ф. Блюш; пер. с франц. Л.Д.Тарасенковой, О.Д.Тарасенкова. М.: Ладомир, 1998. – 815 с.

Блюш, Ф. Ришелье / Ф. Блюш; пер. с франц. Т. Левиной; науч. ред., авт. вступ. ст. А. П. Левандовский. М.: Молодая гвардия, 2006. – 368 с.

Бобылев, В. С. Внешняя политика России эпохи Петра I / В.С.Бобылев. – М.: Университет дружбы народов, 1990. – 168 с.

Богословский, М. М. Петр I. Материалы для биографии: т. 1–5 / М.М.Богословский. – М.: ОГИЗ. Госполитиздат, 1940–1948.

Бокшанин, А. А. Китай и страны Южных морей в XIV–XVI вв. / А.А.Бокшанин. – М.: Наука, 1968. – 212 с.

Болховитинов, Н. Н. Был ли Ф. В. Каржавин американским «корреспондентом» Н. И. Новикова? / Н.Н.Болховитинов // Вопросы истории. – 1986. – № 4. – С. 170–172.

Болховитинов, Н. Н. За точное и документированное освещение жизни и деятельности Ф. В. Каржавина / Н.Н.Болховитинов // Вопросы истории. – 1987. – № 12. – С. 166–167.

Болховитинов, Н. Н., Жук, С. И. Марксистские и леворадикальные тенденции в современной историографии США / Н.Н.Болховитинов, С.И.Жук // Вопросы истории. – 2002. – № 12. – С. 154–158.

Борисов, Ю. В. Дипломатия Людовика XIV / Ю.В.Борисов. – М.: Международные отношения, 1991. – 384 с.

Браво-Животовская, Г. И. Из истории экономического упадка Испании 2 половины 16 в. / Г.И.Браво-Животовская // Ученые записки Горьковского университета. Вып. 46. Горький, 1959.

Бранденбург, Н. Е. Исторический каталог С.-Петербургского артиллерийского музея: ч. 1–3 / Н.Е.Бранденбург. – СПб., 1877–1889. – iv, xii. 315; ii, 189; xxiv, 532 с.

Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв.: т. 1–3 / Ф.Бродель; пер. с франц. Л.Е.Куббеля. – М.: Прогресс, 1986–1992. – 624, 632, 679 с.

Бродель, Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: ч. 1–3; пер. с франц. М. А. Юсима. – М.; Языки славянской культуры, 2002–2005. – 496, 808, 640 с.

Буато, П. Мадагаскар. Очерки по истории мальгашской нации / П.Буато; пер. с франц. – М.: Изд-во восточной литературы, 1961. – 435 с.

Буганов, В. И. Разин и разинцы / В.И.Буганов. – М.: Наука, 1995. – 368 с.

Бугер, П. Новое сочинение, содержащее теорию и практику морского пути / П. Буген; пер. с франц. Н. Курганова. – СПб.: Морской Шляхетный кадетский корпус, 1764. – 518 с.

Бурде де Вильгюе, Ж. Наука морская, сиречь опыт о теории и практике управления кораблем и флотом военным / Ж. Бурде де Вильгюе; пер. с франц. Н.Курганова. – СПб.: Императорская Академия наук, 1774. – 432 с.

Бурстин, Д. Американцы: в 3-х т. / Д. Бурстин; пер. с англ; под общей ред. и с коммент. В.Т. Олейника; послесл. В.П. Шестакова. – М.: Прогресс, Литера, 1993. – 831, 479, 618.

Бушев, П. П. Посольство Артемия Волынского в Иран в 1715–1718 гг. / П.П.Бушев. – М.: Наука, 1978. – 288 с.

- Бушкович, П.* Петр Великий: Борьба за власть / П. Бушкович; пер. с англ. Н.Л.Лужецкой. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. – 542 с.
- Бьюкенен Д.* Избранные труды: т. 1 / Д. Бьюкенен; пер. с англ. Ю. Н. Парамонова, А. А. Соловьевой. – М.: Таурис Альфа, 1997. – 556 с.
- Валлерстайн, И.* Исторические системы как сложные системы / И. Валлерстайн // *Философские перипетии. Вестник Харьковского государственного университета.* – 1998. – № 409. – С. 198 – 203.
- Валлерстайн, И.* Мир-системный анализ / И. Валлерстайн // *Время мира. Альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций / Под ред. Н. С. Розова.* – Новосибирск: Наука, 1998. – Выпуск 1. – С. 105–123.
- Валлерстайн, И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / И. Валлерстайн; пер. с англ. П.М.Кудюкина под общей ред. Б.Ю.Кагарлицкого. – СПб.: Университетская книга, 2001. – 416 с.
- Ван Геннеп, А.* Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов / А. ванн Геннеп; пер. с франц. – М.: Восточная литература, 1999. – 198 с.
- Варшавский, А. С.* Дорога ведет на Юг (жизнь, путешествия и приключения Ла Саля) / А.С.Варшавский. – М.: Географгиз, 1960. – 96 с.
- Ваттель, Э. де.* Право народов или принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов / Э. де Ваттель; пер. с франц. В. Н. Дурденевского, Ф. А. Кублицкого, Э. М. Фабрикова. – М.: Госюриздат, 1960. – 451 с.
- Верн, Ж.* История великих путешествий / Ж. Верн; пер. с франц. Е.Лопыревой, Т. и В. Ровинских, Е. Брандиса. – М.: Альфа-Книга, 2009. – 1183 с.
- Вернадский, В. И.* Избранные труды по истории науки / В.И.Вернадский. – М.: Наука, 1981. – 359 с.
- Веселаго, Ф. Ф.* Очерк русской морской истории: ч. 1 / Ф.Ф.Веселаго. – СПб.: Тип. В. Демакова, 1875. – 702 с.

Веселовский, Н. И. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времён до настоящего / Н.И.Веселовский. – СПб.: Типография братьев Пантелеевых, 1877. – 379 с.

Взгляд в историю – взгляд в будущее. Русские и современные писатели, ученые, деятели культуры о США / Сост. А. Н. Николюкин; ред. А. Н. Панкова. – М.: Прогресс, 1987. – 720 с.

Винтер, Г. Суда Колумба (1492 г.). С прил. шести черт. «Санта-Марии», выполн. Т. Е. Адаметцом / Г. Винтер; пер. с нем. А. Чебана. – Л.: Судостроение, 1975. – 200 с.

Винтерих, Дж. Приключения знаменитых книг / Дж. Винтерих; сокращ. пер. с англ. Е. Сквайрс; пред., посл., прим. Д. Урнова. – М.: Книга, 1975. – 158 с.

Висковатов, А. В. Краткий исторический обзор морских походов русских и мореходства их вообще до исхода XVII столетия / А. В. Висковатов. – СПб.: Типография Морского министерства, 1864. – 175 с.

Возгрин, В. Е. Россия и европейские страны в годы Северной войны (история дипломатических отношений в 1697 – 1710 гг. / В.Е.Возгрин. – Л.: Наука, 1986. – 294 с.

Возгрин, В. Е. Год 1725. Документальная хроника / В.Е.Возгрин. – СПб.: Лик, 2007. – 264 с.

Война и сакральность: Материалы Четвертых международных научных чтений «Мир и война: культурные контексты социальной агрессии» (Санкт-Петербург – Выборг – Старая Ладога, 1–4 октября 2009 г.) / Отв. ред. И. О. Ермаченко, С. М. Капилупи. – М.; СПб.: ИВИ РАН, 2010. – 358 с.

Волков, В. В. Силовое предпринимательство в современной России / В.С.Волков // Социологические исследования. – 1999. – № 1. – С. 56–65.

Волков, В. С. Силовое предпринимательство / В.С.Волков. – СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге; М.: Летний сад, 2002. – 282 с.

Волков, С. Ю. Влияние нидерландской революции на европейскую колониальную политику в конце XVI – первой половине XVII в. / С.Ю.Волков // Вестник

Нижегородского университета имени Н.И.Лобачевского. – Серия: Международные отношения. Политология. Регионоведение. – 2003. – № 1. – С. 5–13.

Вольтер. История Карла XII, короля Швеции, и Петра Великого, императора России / Вольтер; пер. и коммент. Д. Соловьева. СПб.: Лимбус-Пресс, 1999. – 304 с.

Всеволожский, А. Непрошенная измена / А. Всеволожский // Вокруг света. – 2004. – № 4.

Всеобщая история о мореходстве: т. 1–7; пер. с франц. – СПб.: Типография Морского шляхетного кадетского корпуса, 1808–1826.

Герхард, П. Пираты Новой Испании. 1575–1742 / П. Герхард; пер. с англ. Б. Кекелашвили. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. – 239 с.

Герчук, Ю. Я. Этнографические наблюдения русского путешественника Ф. В. Каржавина в Америке (конец XVIII в.) / Ю.Я. Герчук // Советская этнография. – 1972. – № 1. – С. 143–154.

Гибсон, К. Символы, знаки, эмблемы, мифы в материальной и духовной культуре / К. Гибсон; пер. с англ. А. Озерова. – М.: Эксмо, 2007. – 160 с.

Гингерич, О. Астрономия во время Колумба / О. Гингерич // В мире науки. – 1993. – № 1. – С. 60–66.

Глаголева Е. В. Повседневная жизнь пиратов и корсаров Атлантики от Фрэнсиса Дрейка до Генри Моргана / Е.В. Глаголева. – М.: Молодая гвардия, 2010. – 408 с.

Голиков, И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России. Записки, собранные из достоверных источников и расположенные по годам: т. 1–9 / И.И.Голиков. – М.: В Типографии Николая Степанова, 1838.

Голобуцкий, В. А. Запорожское казачество / В.А.Голобуцкий. – Киев: Государственное издательство политической литературы УССР, 1957. – 464 с.

Гольдберг, Н. М. Русско-индийские отношения в XVII в. / Н.М.Гольдберг // Ученые записки Тихоокеанского института АН СССР: т. II: Индийский сборник. – М., Л.: Издательство АН СССР, 1949. – 216 с.

Горнунг, Г. М., Липец, Ю. Г., Олейников, И. К. История открытия и исследования Африки / Г.М.Горнунг, Ю.Г.Липец, И.К.Олейников. – М.: Наука, 1973. – 454 с.

Горфункель А. Ф. Книги «Русского американца» / А.Ф.Горфункель // Ленинградский университет. – 1980. – 4 января.

Гост, П. Искусство военных флотов, или Сочинение о морских эволюциях, содержащее в себе полезные правила для флагманов, капитанов и офицеров, с приобщением примеров, взятых из знатнейших происшествий на море за пятьдесят лет, изданное незуитом Павлом Гостом, профессором математики Королевского училища в Тулоне, напечатано в Лионе 1697 году / П.Гост; пер. с франц. И.Л. Голенищева-Кутузова. – СПб.: Морской Шляхетный кадетский корпус, 1764. – 444 с.

Грабарь, В. Э. Начало равенства государств в современном международном праве / В.Э.Грабарь. – СПб.: Типография В.Ф.Киришбаума, 1912. – 44 с.

Грабарь, В. Э. Римское право в истории международно-правовых учений. Элементы международного права в трудах легистов XII–XIV вв. / В.Э.Грабарь. – Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1901. – 305 с.

Гребельский, П. Х. Пираты. Иллюстрированная история морского разбоя / П.Х.Гребельский. – СПб.: Вести, 1992. – 128 с.

Гребельский, П. Х. Пиратские истории / П.Х.Гребельский. – СПб.: Союз, 1994. – 182 с.

Григорьев, Б. Н. Карл XII, или Пять пуль для короля / Б.Н.Григорьев. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 547 с.

Григорьев, В. В. Русская политика в отношении к Средней Азии. Исторический очерк / В.В.Григорьев // Сборник государственных знаний; т. I; под ред. В.П.Безобразова. – СПб.; Издательство Д.Е.Кожанчикова, 1874. – С. 233–261.

Гринёв А.В. Индейцы тлинкиты в период Русской Америки (1741–1867) / А.В.Гринёв. – Новосибирск: Наука. СПб. отд-ние, 1991. – 320 с.

Гринёв А.В. Американская эпопея Александра Баранова / А.В.Гринёв // Вопросы истории. – 2000. – № 8. – С. 153–159.

Гринёв А.В. Кто есть кто в истории Русской Америки. Энциклопедический словарь-справочник / А.В.Гринёв; под ред. академика Н.Н.Болховитинова. – М.: Academia, 2009. – 672 с.

Гринёв А.В. Геополитические интересы России в Америке и на Тихоокеанском севере XVIII – первая половина XIX в. / А.В.Гринёв // Вопросы истории. – 2009. – № 3. – С. 48–65.

Гринёв А.В. Русские военные моряки в Новом Свете / А.В.Гринёв // Военно-исторический журнал. – 2011. – № 2. – С. 65–69.

Гринин, Л. Е. Истоки глобализации. Мир-системный анализ / Л.Е.Гринин // Век глобализации. – 2011. – № 1. – С. 80–94.

Губарев, В. К. Первая английская колония в Вест-Индии / В.К.Губарев // Вопросы истории. – 1980. – № 5. – С. 186–188.

Губарев, В. К. Восстание на Гаити 1670–1671 гг. / В.К.Губарев // Вопросы истории. – 1984. – № 3. – С. 186–188.

Губарев, В. К. Бертран д’Ожерон и колониальная политика Франции в Вест-Индии (60-е–70-е годы XVII в.) / В.К.Губарев // Французский ежегодник. 1983. – М.: Наука, 1985. – С. 215–226.

Губарев, В. К. Буканьеры / В.К.Губарев // Новая и новейшая история. – 1985. – № 1. – С. 205–209.

Губарев, В. К. Карибский узел колониальных противоречий европейских держав в первой половине XVII в. / В.К.Губарев // Вопросы отечественной и всеобщей истории. Межвуз. науч. сборник. – Саратов: Изд-во СГУ, 1987. – С. 89–102.

Губарев, В. К. За кулисами «панамской акции» (1670-1671 гг.) / В.К.Губарев // Вопросы истории. – 1987. – № 11. – С. 184–188.

Губарев, В. К. Колониальное соперничество европейских держав в Вест-Индии в 1 половине 17 в. / В.К.Губарев // Международные связи в средневековой Европе. Тез. научн. докл. и сообщ. обл. научн.-практ. семинара (16–18 окт. 1988 г.). – Запорожье: Издательство ЗГУ, 1988. – С. 26–27.

Губарев, В. К. Колонизация Сен-Кристофера (эпизод из истории французского проникновения в Вест-Индию) / В.К.Губарев // Средневековый город. – Вып. 10. – Саратов: Издательство СГУ, 1991. – С. 155–163.

Губарев, В. К. Неофициальная война: особенности англо-испанского колониального соперничества в Вест-Индии в 1660-1671 гг. / В.К.Губарев // Наукові праці Донецького національного технічного університету. Серія «Гуманітарні науки». – Вип. 57. – Донецьк: ДНТУ, 2002. – С. 40–50.

Губарев, В. К. Тортуга – цитадель флибустьеров (1630–1692 гг.) / В.К.Губарев // Наука. Релігія. Суспільство. – Донецьк, 2004. – № 3. – С. 33–44.

Губарев, В. К. Компания острова Провиденс и англо-испанское соперничество в Вест-Индии в 1630-1644 гг. / В.К.Губарев // Наукові праці Донецького національного технічного університету. – Серія «Гуманітарні науки». – Вип. 86. – Донецьк: ДонНТУ, 2005. – С. 73–80.

Губарев, В. К. Санкционирование и инвестирование корсарского промысла в Вест-Индии (первая половина XVII в.) / В.К.Губарев // Наука. Релігія. Суспільство. – Донецьк, 2006. – № 1. – С. 17–29.

Губарев, В. К. Деятельность шевалье де Фонтенэ в контексте франко-испанской колониальной борьбы за Америку (50-е годы XVII в.) / В.К.Губарев // Наукові праці Донецького національного технічного університету. – Серія: Гуманітарні науки. – Вип. 4 (115). – Донецьк: ДонНТУ, 2006. – С. 66–73.

Губарев, В. К. Морской разбой в Вест-Индии как источник первоначального накопления капитала (1621–1697 гг.) / В.К.Губарев // Наука. Релігія. Суспільство. – Донецьк, 2006. – № 2. – С. 21–30.

Губарев, В. Пираты Карибского моря: Жизнь знаменитых капитанов / В.К.Губарев. – М.: Эксмо, 2009. – 419 с.

Губарев, В.К. Пираты острова Тортуга / В.К.Губарев. – М.: Вече, 2011. – 384 с.

Губарев, В.К. Флибустьеры Ямайки: эпоха «великих походов» / В.К.Губарев. – М.: Вече, 2011. – 384 с.

- Губарев, В. К.* Лихое братство Тортуги и Ямайки / В.К.Губарев. – М.: Вече, 2012. – 320 с.
- Губарев, В.К.* Фрэнсис Дрейк / В.К.Губарев.– М.: Молодая гвардия, 2013. – 374 с.
- Гумилев, Л. Н* Поиски вымышленного царства: легенда о «государстве пресвитера Иоанна» / Л.Н.Гумилев. – М.: Наука, 1970. – 432 с.
- Гутнова, Е. В.* Характерные черты крестьянских утопий западноевропейского средневековья / Е.В.Гутнова // История социалистических учений / Отв. ред Л.С.Чиколини. – М.: Наука, 1988. – С. 176–194.
- Давидсон, А. Б., Макрушин, В. А.* Зов дальних морей / А.Б.Давидсон, В.А.Макрушин. – М.: Наука, 1979. – 328 с.
- Дандамаев, М. А.* Политическая история Ахеменидской державы / М.А.Дандамаев. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985. – 320 с.
- Даль, В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка; в 4-х т. / В.И.Даль. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956.
- Даркевич, В. П.* Аргонавты средневековья / В.П.Даркевич. – М.: Наука, 1976. – 200 с.
- Дарнтон, Р.* Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры / Р.Дарнтон; пер. с англ. Т. Доброницкой, С. Кулланды. – М.: НЛЮ, 2002. – 384 с.
- Д. Е., кн.* Исторический обзор призов, сделанных русским флотом. // Морской сборник. – 1854. – № 9–11; 1855. – № 6–9.
- Деконский, А. А.* Жизнь общества в эпоху океанической торговли, зарождения мировых рынков и капитализма / А.А.Деконский. – Л.: «Сеятель» Е.В.Высоцкого, 1924. – 258 с.
- Делез, Ж., Гваттари, Ф.* Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Ж.Делез, Ф. Гваттари; пер. с франц. и послесл. Я.И.Свирского; науч. ред. В.Ю.Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. – 895 с.

Делюмо, Ж. Грех и страх. Формирование чувства вины в цивилизации Запада (XIII–XVIII века) / Ж.Делюмо; пер. с франц. И.Б.Иткина, Е.Э.Ляминой, Е.И.Лебедевой, А.Г.Пазельской под ред. Д.Э.Харитоновича. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2003. – 752 с.

Делюмо Ж. Ужасы на Западе / Ж.Делюмо; пер. с франц. Я. Епифанцевой. – М.: Голос, 1994. – 416 с.

Деперт, Ж. Л. История кораблекрушений, или Собрание любопытнейших повествований о кораблекрушениях, зимованиях, пожарах, голоде и других несчастных приключениях случившихся на море, известных свету пятого доныне: ч. 1–3 / Ж.Л.Деперт; пер. с франц. Г. Яценков. – М.: Университетская типография у Ридигера и Клаудия, 1799–1800. – xiv, 392; viii, 467; viii, 515 с.

Дестунис, Г. С. Изложение понятий разных народов о владении над морем / Г.С.Дестунис // Журнал Министерства народного просвещения. 1846. – Ч. 50. – № 5. – С. 85 – 107; № 6. – С. 117 – 144.

Дефо, Д. Жизнь, необыкновенные и удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка / Д. Дефо. – Л.: Лениздат, 1983. – 272 с.

Дефо, Д. Жизнь и пиратские приключения славного капитана Синглтона / Д. Дефо; пер. с англ., примеч. Т. Лавита. – М.: Советский спорт, 1992. – 175 с.

Дефо, Д. Дальнейшие приключения Робинзона Крузо, составляющие вторую и последнюю честь его жизни / Д. Дефо; пер. с англ. З. Н. Журавская; авт. предисл., авт. послесл. А. Н. Петров. – М.: Восточная лит., 1996. – 272 с.

Дефурно, М. Повседневная жизнь Испании золотого века / М. Дефурно; пер. с франц. Т.А.Михайловой. – М.: Молодая гвардия, 2004. – 315 с.

Джеймс, П., Мартин, Дж. Все возможные миры: История географических идей / П. Джеймс, Дж. Мартин; пер. с англ. – М.: Прогресс, 1988. – 672 с.

Дитмар, А. Б. От Птолемея до Колумба: Развитие географических знаний в 3–15 вв. / А.Б.Дитмар. – М.: Мысль, 1989. – 253 с.

- Дмитриев, И.С.* Испытание святого Коперника: ненаучная структура научной революции / И.С.Дмитриев. – СПб.: Издательство СПбГУ, 2006. – 278 с.
- Дмитриева, О. В.* Социально-экономическое развитие Англии в 16 в. / О.В.Дмитриева. – М.: Изд. МГУ, 1990. – 98 с.
- Дмитриева, О.В.* Елизавета I. Семь портретов королевы / О.В.Дмитриева. – М.: Янус-К., 1998.- 246 с.
- Добиаш-Рождественская, О. А.* Крестом и мечом. Приключения Ричарда I Львиное Сердце / О.А.Добиаш-Рождественская. – М.: Наука, 1991. – 109 с.
- Долгова, С. Р.* Судьба библиотеки Федора Каржавина / С.Р.Долгова // Альманах библиофила. Вып. 2. – М., 1975. – С. 166–168.
- Долгова, С. Р.* Редкие книги и рукописи из библиотеки Ф. В. Каржавина / С.Р.Долгова // Книга в России до середины XIX в. М., 1978. – С. 274–284.
- Долгова, С. Р.* Творческий путь Ф. В. Каржавина / С.Р.Долгова. – Л.: Наука, 1984. – 152 с.
- Долгова, С. Р.* Каржавин Ф. В. / С.Р.Долгова // Словарь русских писателей XVIII века; отв. ред А.М.Панченко. – СПб.: Наука, 1999. – 508 с.
- Доттон, П.* Жизнь и приключения Даниеля Дефо–автора «Робинзона Крузо» П. Доттон. – М.–Л., 1926.
- Дридзе, А. Д.* Ямайские маруны / А.Д.Дридзе. – М., 1971. – 272 с.
- Дуров, Н.П.* Братья Василий и Ерофей Каржавины / Н.П.Дуров // Русская старина – 1875. – Т. 12. – № 3. – С. 655– 659.
- Евсеев, В. А., Крамач, С. В.* Участие городов юго-западной Англии в освоении Нового Света (Бристоль, Эксеттер, Плимут) // Европа и Америка на перекрестке эпох: Межвуз. сб. научн. тр. Иваново, 1992.
- Ермошин, В. В.* Проблемы войны и мира в политико-правовых учениях Нового времени / В.В.Ермошин. – М.: Наука, 1989. – 204 с.
- Ефимов, А.В.* Из истории великих русских географических открытий / А.В.Ефимов. – М.: Наука, 1971. – 300 с.

- Жук, С. И.* Новые Нидерланды / С.И.Жук // Вопросы истории. – 1984. – № 10. – С. 184–188.
- Жук, С. И.* Новая Швеция / С.И.Жук // Вопросы истории. – 1986. – № 4. – С. 181–185.
- Жук, С. И.* «Поющие квакеры», роджериянцы, или радикальная реформация в Британской Америке // Американский ежегодник. 2003. – М.: Наука, 2005. – С. 31–51.
- Жуковский, С. В.* Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трёхсотлетие / С.В.Жуковский. – Пг.: Труды Общества русских ориенталистов, 1915. – xii, 215 с.
- Жюльен, Ш.-А.* История Северной Африки. Тунис. Алжир. Марокко. От арабского завоевания до 1830 года / Ш.-А. Жюльен; пер. с франц. – М.: Издательство иностранной литературы, 1961. – 428 с.
- Заборов, М. А.* Крестоносцы на Востоке / М.А.Заборов. – М.: Наука, 1980. – 320 с.
- Заозерский, А. И.* Экспедиция на Мадагаскар при Петре Великом / А.И.Заозерский // Россия и Запад: Исторические сборники под редакцией профессора А. И. Заозерского: ч. I. – Пг.: Academia, 1923. – С. 91–102.
- Зарин, В. А.* Запад и Восток в мировой истории XIV–XIX вв.: Западные концепции общественного развития и становления мирового рынка / В.А.Зарин. – М.: Наука, 1991. – 261 с.
- Зейдель, И.* Снаряжение первой дальней экспедиции в царствование Петра Великого в 1723 году / И.Зейдель // Морской сборник. – 1867. – Сентябрь. – № 9. – С. 65 – 83.
- Иванов, Н. А.* Османское завоевание арабских стран. 1516–1574 / Н.А.Иванов. – М.: Наука, 1984.
- Ивановский, И. И.* Разбор сочинения г. Каченовского под заглавием: «О каперах и призовом судопроизводстве в отношении к нейтральной торговле» / И.И.Ивановский // Извлечения из 25-го присуждения учрежденных П.И.Демидовым наград. – СПб., 1856. – 323–331.

- Ивонин, Ю. Е.* У истоков европейской дипломатии нового времени / Ю.Е.Ивонин. – Минск: Изд. Университетское, 1984. – 160 с.
- Ивонин, Ю. Е.* Становление европейской системы государств: Англия и Габсбурги на рубеже двух эпох / Ю.Е.Ивонин. – Минск: Изд. Университетское, 1989. – 197 с.
- Ивонин, Ю. Е.* Международные отношения в Западной и Центральной Европе XVI века: Очерки / Ю.Е.Ивонин. – Смоленск: Смол. гос. пед. ун-т., 2001. – 131 с.
- Ивонина, Л. И.* Дипломатия и революция (Две Английские революции и европейская политика XVII в.) / Л.И.Ивонина. – Смоленск: Изд-во СГПУ, 1998. – 279 с.
- Ивонина, Л. И.* Мазарини / Л.И.Ивонина. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 303 с.
- Ивонина, Л. И., Прокопьев, А. Ю.* Дипломатия Тридцатилетней войны / Л.И.Ивонина, А.Ю. Прокопьев. – Смоленск: СГПИ. 1996.
- Идейно-политическая борьба в средневековом обществе: сборник статей / Отв. ред. Е. В. Гутнова. – М.: Наука, 1984. – 233 с.
- Империи Нового времени: Типология и эволюция (XV–XX вв.) / Отв. ред. Б. Н. Комиссаров. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. – 440 с.
- Ирвинг, В.* Кладочискатели. Новеллы, эссе / В. Ирвинг; пер. с англ. – СПб.: Азбука, 2000. – 523 с.
- Исаченко, А. Г.* Развитие географических идей / Г.Исаченко. – М.: Мысль, 1971. – 416 с.
- Испания и Португалия. Сб. статей. М., 1995.
- Историко-культурные отношения Нового и Старого Света в XVI–XVIII вв. М., 1988.
- История красоты / Под ред. Умберто Эко; перевод с итал. А. А. Сабашниковой. – М.: СЛОВО/ SLOVO, 2007. – 440 с.
- История Латинской Америки. Доколумбова эпоха–70-е годы XIX века / Отв. редактор Н. М. Лавров. – М.: Наука, 1991. – 520 с.

История уродства / Под ред. Умберто Эко; перевод с итал. А. А. Сабашниковой. – М.: СЛОВО/ SLOVO, 2007. – 456 с.

Казарин, А. И. Гроций как политический мыслитель / А.И.Казарин // Вестник истории мировой культуры. 1958. – № 6. – С. 59–83.

Калашников, В. М. Гугенотская колонизация Флориды (60-е годы XVI в.) / В.М.Калашников // Французский ежегодник. 1983. – М.: Наука, 1985. – С. 227–234.

Каменский, А. В. Даниель Дефо, автор «Робинзона Крузо». Его жизнь и литературная деятельность / А.В.Каменский. – СПб.: Общественная польза, 1892. – 74 с.

Кантакузин (граф Сперанский), М. Р. Опыт определения понятия военной контрабанды (с приложением 133 договоров) / М.Р.Кантакузин (граф Сперанский). – Одесса: Типография Ульриха и Шульце, 1875. – 141 с.

Кареев, Н. И. Общий ход всемирной истории. Очерки главнейших исторических эпох / Н.И.Кареев. – СПб.: Тип. Стасюлевича, 1903. – 348 с.

Каржавин, Ф. В. Записка о своей жизни / Ф.В.Каржавин // Русская старина. – 1875. – Т. XII. – № 2. – С. 273–280.

Карпов, С. П. Пути средневековых мореходов: Черноморская навигация Венецианской Республики в XIII–XV вв. / С.П.Карпов. – М.: Наука, 1994. – 158 с.

Карташова, Л. А. Становление знаний и представлений о Мадагаскаре в России / Л.А.Карташова // В таинственной стране Мадагаскар. Год 2005 / Сост. и авт. предисл. Л.А.Карташова. – М.: КДМ, 2006. – С. 56 – 66.

Каченовский, Д. И. Курс международного права: ч. 1; кн. 1–2 / Д.И.Каченовский. – Харьков: Университетская типография, 1863–1866. – 1хх, 336 с.

Каченовский, Д. И. О каперах и призовом судопроизводстве, в отношении к нейтральной торговле / Д.И.Каченовский. – М.: Типография Готье, 1855. – хvi, 177 р.

Кеймен, Г. Испания: дорога к империи / Г.Кеймен; пер. с англ. А.Демина, В.Капустиной. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – 764 с.

- Келли, Дж.* Порох. От алхимии до артиллерии: история вещества, которое изменило мир / Дж. Келли; пер. с англ. А. Турова. – М.: Колибри, 2005. – 340 с.
- Керов, В. Л.* Французская колонизация островов Индийского океана, XVII –XVIII вв. / В.Л.Керов. – М.: Наука, 1990. – 146 с.
- Кестлер, А., Камю, А.* Размышления о смертной казни / А. Кестлер, А. Камю; пер. с франц. А. И. Любжина, П. И. Проничева. – М.: Праксис, 2003. – 272 с.
- Кириллова, В. М.* «Основные плавания английской нации» Ричарда Хаклюйта и пропаганда идеологии колониальной экспансии Англии на рубеже 16–17 вв. // Проблемы и идеология культуры в раннеклассовых формациях. Межвуз. сб. М., 1986. С. 86–98.
- Клибанов, А. И.* Народная социальная утопия в России. Период феодализма / А.И. Клибанов. – М.: Наука, 1977. – 335 с.
- Климанов, Л. Г.* Обретение Венецией моря: право, политика, символы / Л.Г. Климанов // Причерноморье в Средние века. Вып. 3. – М.: Наука–СПб.: Алетейя, 1998. – С. 145 – 163.
- Клулас, И.* Повседневная жизнь в замках Луары в эпоху Возрождения / И. Клулас; пер. с франц. – М.: Молодая гвардия, Палимпсест, 2005. – 359 с.
- Кляйнманн, Ч.-О.* Атлантическое пространство как проблема европейской системы государств / Ч.-О. Кляйнманн // Европа. – 2001. – Т. 1. – № 1. – С. 9–33.
- Коган, М. А.* Истина и вымысел о некоторых картах эпохи Великих географических открытий / М.А. Коган // Известия ВГО. – 1970. – Т. 102. - Вып. 6.
- Коган, М. А.* Из истории экспансионистских планов Англии в Арктике (мнимое открытие Северного полюса в 1360 г.) / М.А. Коган // XXIX Герценовские чтения: Исторические науки. Научные доклады. – Л.: ЛГПИ имени А.И.Герцена, 1976. – С. 92–96.
- Коленеко, В. А.* Путешествие Жака Картье: Из истории открытия Канады // Американский ежегодник. 1982. М.: Наука, 1982. – С. 272–294.
- Колодкин, А. Л.* Мировой океан. Международно-правовой режим. Основные проблемы / А.Л.Колодкин. – М.: Международные отношения, 1973. – 232 с.

Колумб, Ф. Г. Морская война, ее основные принципы и опыт / Ф.Г. Колумб; пер. с англ. под ред. Н.П.Азбелева. – СПб.: Издание Е.И.В. Великого Князя Георгия Александровича, 1894. – х, ii, vi, 572 с.

Коломбос, Д. Международное морское право / Д. Коломбос; пер.с англ. В.В.Зайцевой, Н.И.Кузьминского под ред.: А.К. Жудро (вступ. ст.) и М.И.Лазарева М.И. (вступ. ст.). – М.: Прогресс, 1975. – 782 с.

Констам, Э. Пираты. Буканьеры, флибустьеры, приватиры XVII-XIX вв. / Э. Констам; Пер. с англ. А.К.Ефремова. – М.: Эксмо, 2008. – 280 с.

Констан, Ж. М. Повседневная жизнь французов во времена Религиозных войн / Ж.М. Констан; пер. с франц., предисл. Е.В. Морозовой. – М.: Молодая гвардия, 2005. – 341 с.

Константинова, Н.С. Путешествие в прошлое: Навигационная ошибка или секретная миссия [Экспедиция Кабрала к берегам Нового Света, 1500 г.] / Н.С. Константинова // Латинская Америка. – 2000. – № 5. – С. 4–13.

Копелев, Д.Н. Рук / Д.Н. Копелев // Морской энциклопедический словарь. Т.III. СПб.: Судостроение, 1994. – С. 68–69.

Копелев, Д.Н. Турвиль / Д.Н. Копелев // Морской энциклопедический словарь. – Т.III. – СПб.: Судостроение, 1994. – С. 295.

Копелев, Д.Н. Форбен / Д.Н. Копелев // Морской энциклопедический словарь. – Т.III. – СПб.: Судостроение, 1994. – С. 342.

Копелев, Д.Н. Шамплейн / Д.Н. Копелев // Морской энциклопедический словарь. – Т.III. – СПб.: Судостроение, 1994. – С. 393.

Копелев, Д.Н. Эстре / Д.Н. Копелев // Морской энциклопедический словарь. – Т.III. – СПб.: Судостроение, 1994. – С. 451.

Копелев, Д.Н. Держава, Флот, Наука – три века истории / Д.Н. Копелев // Вестник С.-Петербургского университета. – 1996. – Серия 6. «География, геология». – № 3. – С. 3–5.

Копелев, Д.Н. Петровские верфи и становление Российского флота / Д.Н. Копелев // Вестник С.-Петербургского университета. 1996. Серия 5. «Экономика». № 4. С. 78–88.

Копелев, Д.Н. Золотая эпоха морского разбоя: Пираты, флибустьеры, корсары: монография / Д.Н. Копелев. – М.: «Остожье», 1997. – 496 с.

Копелев, Д. Н. Португальские лоцманы и европейская экспансия в Атлантике в XVI веке: постановка проблемы // Мир лузофонии. Материалы международной научной конференции (15–17 октября 1998 г.) – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2001. С. 231 – 239.

Копелев, Д.Н. Европейская экспансия XVI – XVII вв. и ее «солдаты»: пираты Антильских островов / Д.Н. Копелев // Мир и война. Культурные контексты социальной агрессии. Выборгские чтения (1). Под ред. И.О. Ермаченко, Л.П. Репиной. Москва: ИВИ РАН, 2005. – С. 39–57.

Копелев, Д.Н. Международные центры пиратства начала XVIII века и российские власти (по материалам РГА ВМФ) / Д.Н. Копелев // Елагинские чтения. Выпуск 2-й. – СПб.: ООО «Издательство ОСТРОВ». – СПб., 2005. – С. 86–95.

Копелев, Д.Н. Русский просветитель Федор Каржавин: история одной рукописи / Д.Н.Копелев // Гуманитарные науки и гуманитарное образование: Сб. статей. Вып. 3 / Ред. и сост. И.П. Вишняковой-Вишневецкой. – СПб.: ООО «Книжный дом», 2006. – С. 70–76.

Копелев, Д.Н. «Жизнеописание пиратов» Федора Каржавина: генезис и атрибуция / Д.Н. Копелев // Гуманитарные проблемы современной цивилизации: VI Международные Лихачевские научные чтения, 26 – 27 мая 2006 г. – СПб.: СПбГУП, 2006. С. 226–228.

Копелев, Д.Н. Топонимика Нового Света и европейская экспансия XVI – XVII вв. / Д.Н. Копелев // Известия Русского географического общества. – 2007. – Т. 139. – Выпуск 1. – С. 67–74.

Копелев, Д.Н. Пиратские острова и «Испанское озеро» во второй половине XVII в. / Д.Н. Копелев // Хронотоп войны: пространство и время в культурных

репрезентациях социального конфликта: материалы Третьих международных научных чтений «Мир и война: культурные контексты социальной агрессии» и Научной конференции «Мир и война: море и суша» (Санкт-Петербург – Кронштадт, 21 – 24 октября 2007 г.) / отв. ред. И.О. Ермаченко. – М.; СПб.: ИВИ РАН, 2007. – С. 114–117.

Копелев, Д.Н. Европейские военно-морские державы и борьба за карибское пространство в XVII веке: феномен островного владения / Д.Н. Копелев // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена: Общественные и гуманитарные науки: Научный журнал. – 2008. – № 10 (56). – С. 178–191.

Копелев, Д.Н. Мифология политики: морской пролив из Атлантики в Тихий океан в европейских колониальных проектах XVII в. / Д.Н. Копелев // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век: материалы Международной научной конференции / Отв. ред. Л.П. Репина. – М.: ИВИ РАН, 2008. – С. 366–368.

Копелев, Д.Н. Ф.В. Каржавин и его рукопись «Жизнеописание пиратов»: генезис и атрибуция / Д.Н. Копелев // Новое литературное обозрение. – 2008. – № 94. – С. 106–113.

Копелев, Д.Н. «Веселый Роджер»: мифология и символика пиратского террора / Д.Н. Копелев // Вопросы истории. – 2008. – № 12. – С. 141–147.

Копелев, Д.Н. Петр I после Ништадтского мира: Мадагаскарская экспедиция и борьба за океан / Д.Н. Копелев // Мавродинские чтения. 2008. Петербургская историческая школа и российская историческая наука: Дискуссионные вопросы истории, историографии и источниковедения: Материалы Всероссийской конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Владимира Васильевича Мавродина / Под редакцией проф. А.Ю. Дворниченко. – СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2009. – С. 118–128.

Копелев, Д.Н. Пушки в Океане: Морская гонка вооружения и испанская колониальная империя XVI – XVII столетий / Д.Н. Копелев // Диалог со временем. 2009. – Альманах интеллектуальной истории. – 2009. – Выпуск 29. – С. 216–235.

Копелев, Д.Н. Даниил Якоб Вильстер и подготовка Мадагаскарской экспедиции 1723 – 1724 гг. / Д.Н. Копелев // Елагинские чтения. – Выпуск IV: материалы конференции. – СПб.: Изд-во «Петроний», 2009. – С. 25–47.

Копелев, Д.Н. Русскоязычный перевод «Пиратов Америки» А.О. Эксквемелина: сорок лет спустя / Д.Н. Копелев // Под созвездиями Большой Медведицы и Южного Креста: Российско-латиноамериканские отношения XVII – XXI веков: Материалы научно-практической конференции, 25 ноября 2008 г. – СПб.: Комитет по внешним связям Санкт-Петербурга, 2009. – С. 44–50.

Копелев, Д.Н. Реальная и вымышленная жизнь капитана Тича / Д.Н. Копелев // Вопросы истории. – 2010. – № 1. – С. 126–136.

Копелев, Д.Н. Десакрализация Генриха III / Д.Н. Копелев // Война и сакральность: Материалы Четвертых международных научных чтений «Мир и война: культурные контексты социальной агрессии» (Санкт-Петербург – Выборг – Старая Ладога, 1–4 октября 2009 г.) / Отв. ред. И.О. Ермаченко, С.М. Капилупи. – М.; СПб.: ИВИ РАН, 2010. – С. 112–115.

Копелев, Д.Н. Франсуа Гиймо де Вильбоа, «доверенный» царя Петра на флоте / Д.Н. Копелев // Елагинские чтения. – Выпуск V. – СПб.: ООО «ИТД Остров», 2011. – С. 5–9. *Копелев Д.Н.* Искусство навигации и образовательные традиции на французском королевском флоте в раннее Новое время / Д.Н. Копелев // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – 2011. – Выпуск 37. – С. 164–183.

Копелев, Д.Н. А.О. Эксквемелин и мифология антильского пиратства / Д.Н. Копелев // Вопросы истории. – 2011. – № 5. – Май. – С. 105–120.

Копелев, Д.Н. Корабельная пища XVI – XVIII вв. и гастрономические пристрастия пиратов / Д.Н. Копелев // Этнографическое обозрение. – 2011. – № 1. – С. 48–66.

Копелев, Д.Н. Призовое право в раннее новое время / Д.Н. Копелев // Клио. – 2011. – № 2. – С. 43–44.

Копелев, Д.Н. Морской разбой в XVI – XVIII веках. Генезис, история, типология: монография / Д.Н. Копелев. – СПб.: Издательство РГПУ имени А.И. Герцена, 2012. – 294 с.

Копелев, Д.Н. «Пока он не сделался пиратом, он был доброй человек». Майор Сид Боннет в рукописи Ф.В. Каржавина «Жизнеописание пиратов» / Д.Н. Копелев // Исторический архив. – 2012. – № 4. – С. 191–200.

Копелев, Д.Н. Пиратство в XVI – XVIII веках: На острие мировой политики: монография / Д.Н. Копелев. – СПб.: Вита Нова, 2013. – 672 с., XXXII с.

Копелев, Д.Н. Раздел Океана в XVI – XVIII веках: Истоки и эволюция пиратства: монография / Д.Н.Копелев. – СПб.: Крига, 2013. – 736 с.

Кораблев, И. Ш. Ганнибал / И.Ш. Кораблев. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1981. – 360 с.

Коржавины, вольнодумцы XVIII столетия. Доношение о них императрице Елизавете Петровне // Архив князя Воронцова. – Кн. 3. М., 1871.

Королев, В. Н. Босфорская война / В.Н.Королев. – М.: Вече, 2007. – 608 с.

Королев, С. Ц. Библиотека Ф. В. Каржавина. Новые находки // Коллекции. Книги. Автографы. Вып. 2. Л.: Гос. Публ. Библиотека имени М.Е.Салтыкова-Щедрина, 1991.

Корякин, В. И., Хребтов, А. А. От астролябии к навигационным комплексам / В.И.Корякин, А.А.Хребтов. – СПб.: Судостроение, 1994. – 240 с.

К 500-летию открытия Америки. Каталог выставки / Составители: В. Л. Афанасьев, М. М. Дандамаева, Л. К. Кильдюшевская, И. Г. Ландер, Н. К. Масюлионите, В. Ю. Матвеев. СПб.: Славия-Интербук, 1993. – 160 с.

Космолинская, Г. А. Неизвестный альбом Ф. В. Каржавина «Виды старого Парижа» / Г.А. Космолинская // Панорама искусств. – 1989. – № 12. – С. 338–352.

Кофман, А. Ф. Испанский конкистадор в потоке истории / А.Ф.Кофман // Исторический журнал: Научные исследования. – 2011. – № 3. – С. 64–72.

Кривцов, Н. Таинственный пират и его собраты / Н. Кривцов // Вокруг света. – 1995. – № 3.

- Крицлер, Э.* Еврейские пираты Карибского моря / Э. Крицлер; пер. с англ. М. Бородкина. – М.: Текст, Книжники, 2011. – 348 с.
- Куканова, Н. Г.* Очерки по истории русско-иранских торговых отношений в XVII–первой половине XIX в. / Н.Г. Куканова. – Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1977. – 286 с.
- Культура Испании. – М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1940. – 498 с.
- Кушнир, А. В.* Колонизация Антильских островов и англо-французское соперничество в Вест-Индии (XVII–первая половина XVIII в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Кушнир Андрей Викторович. – М.: МГУ, 2003.
- Лабутина, Т. Л.* Даниель Дефо, автор «Робинзона Крузо». Его общественно-политические воззрения / Т.Л.Лабутина // Новая и новейшая история. – 1986. – № 1. – С. 156–167.
- Лабутина, Т. Л.* У истоков современной демократии. Политическая мысль английского Просвещения (1689–1714 гг.) / Т.Л. Лабутина. – М.: Ирис-пресс, 1994. – 303 с.
- Ланге, П. В.* Великий скиталец: Жизнь Христофора Колумба / П.В.Ланге; пер. с нем. О.В.Харитоновой, Л.С.Николаевой. – М.: Мысль, 1984. – 224 с.
- Ланге, П. В.* Горизонты Южного моря: История морских открытий в Океании / П.В. Ланге; пер. с нем.; посл. В.И.Войтова. – М.: Прогресс, 1987. – 286 с.
- Ланге, П. В.* Подобно солнцу...: Жизнь Ф. Магеллана и первое кругосветное плавание / П.В. Ланге; пер. с нем. О. В. Харитоновой; под ред. и с послесл. С.Я.Серова. – М.: Прогресс, 1988. – 237 с.
- Лангенбек, В.* История мировой торговли / В. Лангенбек; пер. Ф. Капелюца; предисл. Д.П.Боголепова. – М.–Л.: Государственное издательство, 1927. – 157 с.
- Ларин, Б.А.* Парижский словарь русского языка 1586 г. (Исследование об авторе словаря) / Б.А. Ларин // Советское языкознание: т. II. Посвящ. В. Ф. Шишмареву. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1936. – С. 65–91.
- Ларин, Б.А.* Парижский словарь москвитов 1586 г.; исследование, издание текста, комментарии, указатели / Б.А. Ларин. – Рига: Латвийский гос. ун-т, 1948. – 216 с.

- Ларин, Б.А.* Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI – XVII веков / Б.А. Ларин. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2002. – 683 с.
- Леви, Э.* Кардинал Ришелье и становление Франции / Э. Леви; пер. с англ. Е. Сырневой. – М.: Астрель, 2006. – 416 с.
- Левин, Г.Р.* Демократическое движение в английской буржуазной революции. Курс лекций / Г.Р. Левин. – Л.: Ленинградский гос. пед. Институт имени А.И.Герцена, 1973. – 223 с.
- Ле Гофф, Ж.* Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф; пер. с франц.; общ. ред. Ю.Л. Бессмертного; послесл. А. Я. Гуревича. – М.: Издательская группа Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. – 376 с.
- Лешков, В. Н.* История исследования начал нейтралитета относительно морской торговли / В.Н.Лешков. – М.: Университетская типография, 1841. – хх, 154 с.
- Лисон, П.Т.* Невидимый крюк: секреты экономики пиратов / Питер Т. Лисон : пер. с англ. – Чебоксары: Перфектум, 2011. – 223 с.
- Лист, Ф. фон.* Международное право в систематическом изложении / Ф. фон Лист; пер. с нем.; под ред. В. Э. Грабаря. – Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1917. – 472 с.
- Лыцзов В. П.* Персидский поход Петра I, 1722 – 1723 / В.П. Лыцзов. – М.: Издательство Московского университета, 1951. – 247 с.
- Люблинская, А.Д.* Франция в начале XVII века (1610 – 1620 гг.) / А.Д. Люблинская Л.: Издательство Ленинградского университета, 1959. – 294 с.
- Люблинская, А. Д.* Французский абсолютизм в первой трети XVII в. / А.Д.Люблинская. – М.–Л.: Наука, 1965. – 361 с.
- Люблинская, А.Д.* Франция при Ришелье. Французский абсолютизм в 1630 – 1642 гг. / А.Д. Люблинская; под ред. В.И. Рутенбурга. – Л.: Наука, 1982. – 275 с.
- Магидович, И. П.* История открытия и исследования Северной Америки / И.П. Магидович. – М.: Географгиз, 1962. – 476 с.
- Магидович, И. П.* История открытия и исследования Центральной и Южной Америки / И.П. Магидович. – М.: МЫсль, 1965. – 455 с.

- Магидович, И. П., Магидович, В. И.* Очерки по истории географических открытий: т. 1–5 / И.П. Магидович, В.И. Магидович; редкол.: В.С. Преображенский (пред.) и др. – М.: Просвещение, 1982–1986. – 286, 399, 319, 336, 222 с.
- Макрушин, А., Макрушин, В.* Фрегаты Петра отплывают к Индийскому океану / А. Макрушин, В. Макрушин // Бригантина. Сборник рассказов о путешествиях, поисках, открытиях. – М.: Молодая гвардия, 1971
- Макшеев, А. И.* Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских / А.И. Макшеев. – СПб.: Военная типография, 1890. – xii, 376 с.
- Малаховский, К. В.* Кругосветный бег «Золотой лани»: [О Ф. Дрейке, 1545–1596] / К.В. Малаховский. – М.: Наука, 1980. – 168 с.
- Малаховский, К. В.* Трижды вокруг света: [Об У. Дампире] / К.В. Малаховский. – М.: Наука, 1982. – 94 с.
- Малаховский, К. В.* Пять капитанов / К.В. Малаховский. – М.: Наука, 1986. – 425 с.
- Малиновский, А. Ф.* Известия об отправлениях в Индию российских посланников, гонцов, купчин с товарами и о приездах в Россию индейцев с 1469 по 1751 гг. // Труды и летописи Общества истории и древностей Российских при Московском университете. Ч. VII. М., 1837.
- Малов, В. Н. Ж.-Б. Кольбер.* Абсолютистская бюрократия и французское общество / В.Н.Малов. – М.: Наука, 1991. – 240 с.
- Мани, У. Ф.* Меридианы тамплиеров. Тайные карты Нового Света / У.Ф. Манн; пер. с англ. Ю. Свердлова. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – 381 с.
- Маркова, С.П.* Историография английской торговой «Компании купцов-авантюристов» / С.П. Маркова // Вопросы теории и методологии истории: (Сб. науч. тр.). Майкоп, 1995. – Вып. 1. – С. 49–57.
- Мартенс, Ф. Ф.* О праве частной собственности во время войны / Ф.Ф. Мартенс. – СПб.: Печатня В. Головина, 1869. – viii, 455 с.
- Маховский, Я.* История морского пиратства / Я. Маховский; пер. с польского; вст. ст. А.Б. Давидсон. – М.: Наука, 1972. – 288 с.

Мелвилл, Г. Белый бушлат / Г. Мелвилл; пер. с англ. И.А.Лихачева; послесл. Ю.В.Ковалева. – Л.: Наука, 1973. – 392 с.

Мензис, Г. 1421–год, когда Китай открыл мир / Г. Мензис; пер. с англ. А. Кашина. М.: Яуза, Эксмо, 2004. – 640 с.

Мерьен, Ф. Энциклопедия пиратства / Ф. Мерьен; пер. с франц. Е. Печерской. – М.: ТЕРРА, 1999. – 496 с.

Метёлкина, Ж. С. «Великий план» Гаспара де Колиньи / Ж.С. Метёлкина // Изв. РГПУ им. А. И. Герцена. – 2009. – № 93. – С. 80–86.

Миллер, Г. Ф. Известие о песочном золоте в Бухарии, очиненных для оногo отправлениях и о строении крепостей при реке Иртыше. СПб., 1760.

Мир и война. Культурные контексты социальной агрессии. Выборгские чтения (1) / Под ред. И.О.Ермаченко, Л.П.Репиной. – Москва: ИВИ РАН, 2005. – 266 с.

Миронов, В. В. Проблема каперства при Елизавете I Тюдор в современной англо-американской историографии / В.В. Миронов // Социальные институты в истории: [Материалы науч. конф.]. – Омск: Омский государственный университет, 1996. – С. 46–48.

Михайлин, В. О необходимости пирата: краткое введение в пиратологию // Новое литературное обозрение. Теория и история литературы, критика и библиография. 2008. № 94.

Михайлов, А. Д. Старофранцузская городская повесть Фаблио и вопросы специфики средневековой пародии и сатиры / А.Д. Михайлов. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 355 с.

Михеев Д.В. Каперские патенты против пиратов в годы правления Елизаветы Тюдор (1558–1603 гг.) / Д.В.Михеев // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2011. – № 4. – С. 3–8.

Михеев Д.В. Каперы как инструмент английской внешней политики середины XVI столетия / Д.В.Михеев // Известия Алтайского государственного университета. – 2011. – № 4/2 (72). – С. 150–154.

Михеев Д.В.. Проблемы безопасности морского сообщения и англо-испанский союз в первые годы правления Елизаветы Тюдор (1558–1562 гг.) / Д.В. Михеев // Вестник Псковского государственного педагогического университета. – Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. – 2011. – Вып. 13. – С. 20–26.

Михеев Д.В. Каперы в испанской политике Елизаветы Тюдор (1558–1603 гг.): Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Д.В.Михеев. – СПб.: РГПУ имени А.И.Герцена, 2012.

Михель, Д. Власть, знание и мертвое тело. Историко-антропологический анализ анатомических практик на западе в эпоху ранней современности / Д. Михель // Логос. – 2003. – Т. 39. – № 4-5. – С. 219 – 233.

Могутов, В. Редкое и достопамятное известие о бывшей из России в Великую Татарию экспедиции, под именем посольства / В. Могутов. –СПб.: у содержателей типографии Вейтбрехта и Шнора, 1777. – 63 с.

Можейко, И. В. В Индийском океане: Очерки истории пиратства в Индийском океане и южных морях (XV–XX века) / И.В. Можейко. – М.: Наука 1980. – 332 с.

Можейко, И. В. Пираты, корсары, рейдеры: Очерки истории пиратства в Индийском океане и Южных морях (XV–XX века) / И.В. Можейко. – М.: Наука, 1991. – 348 с.

Молодцов, С. В. Международно-правовой режим открытого моря и континентального шельфа / С.В. Молодцов. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 348 с.

Молчанов, Н. Н. Дипломатия Петра I / Н.Н. Молчанов. – М.: Международные отношения, 1984. – 438 с.

Монтанари, М. Голод и изобилие. История питания в Европе / М. Монтанари; пер. с итальянского и примечания А.Миролюбовой. – СПб.: Александрия, 2009. – 279 с.

Морской энциклопедический словарь: т. 1–3 / Под ред. В. В. Дмитриева. – СПб., 1991–1993.

Мортон, А. Л. Английская утопия / А.Л. Мортон; пер. с англ. О. В. Волкова; под ред. и со вступ. ст. В.Ф. Семенова. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1956. – 278 с.

Мосолкина, Т. В. Пропаганда колониальной экспансии в Англии начала XVII века (памфлет Дж. Смита «Описание Новой Англии») / Т.В. Мосолкина // Средневековый город. Вып. 7. –Саратов: Издательство СГУ, 1983. – С. 140–148.

Мосолкина, Т. В. Пропаганда колониальной экспансии в Англии в начале XVII века: автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.03 / Мосолкина Татьяна Валентиновна. Саратов: СГУ, 1983.

Мосолкина, Т. В. Пропагандистская деятельность С. Пэрчеса и английское купечество первой трети XVII века / Т.В. Мосолкина // Средневековый город. Вып. 8. – Саратов: Издательство СГУ, 1987. – С. 157–162.

Мосолкина, Т. В. Сэмюэль Пэрчес–историк и пропагандист английской колониальной экспансии / Т.В. Мосолкина // Историографический сборник. Вып. 13. – Саратов: Издательство СГУ, 1987. – С. 103–111.

Мосолкина, Т. В. Развитие буржуазного представления о богатстве у английских пропагандистов колониальной экспансии в начале XVII века / Т.В. Мосолкина // Средневековый город. Вып. 9. – Саратов: Издательство СГУ, 1989. – С. 127–133.

Мосолкина, Т. В. Джон Смит – авантюрист, колонизатор, теоретик / Т.В. Мосолкина // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. – 2002. – Вып. 8. – С. 408–415.

Мэхэн, А. Т. Влияние морской силы на историю. 1660 – 1783 / А.Т. Мэхен; пер. с англ. Н. П. Азбелова. – СПб.: Изд. вел. князя Георгия Александровича, 1896. – х, iv, 636 с.

Надиров С. Н. Дагестан во взаимоотношениях России, Ирана и Турции в контексте политики западных держав на Кавказе в первой трети XVIII века / С.Н. Надиров. – Махачкала: Издательство RIZO – PRESS, 2010. – 190 с.

Некрасов, Г. А. Русско-шведские отношения и политика великих держав в 1721–1726 гг. / Г.А. Некрасов. – М.: Наука, 1964. – 277 с.

- Никифоров, Л. А.* Русско-английские отношения при Петре I / Л. А. Некрасов. – М.: Госполитиздат 1950. – 282 с.
- Нилус, А. А.* История материальной части артиллерии: т. 1 / А.А. Нилус. – СПб.: Типография П.П.Сойкина, 1904. – 299 с.
- Нодье, Ш.* Читайте старые книги: Новеллы, статьи, эссе о книгах, книжниках, чтении: в 2-х кн. / Ш. Нодье; пер. с франц.; сост., вст. ст. и прим. В.А. Мильчиной. – М.: Книга, 1989. – 270, 318 с.
- Нойкирхен, Х.* Пираты: Морской разбой на всех морях / Х. Нойкирхен; пер. с нем. – М.: Прогресс, 1980. – 351 с.
- Нэши, Т.* Злополучный скиталец в Базеле // Библиотека всемирной литературы. Сер. IV. Т. 40. М., 1975.
- Образ рая: от мифа к утопии. Серия «Symposium» / Отв. ред. М. М. Шахнович. Вып. 31. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. – 256 с.
- Общий морской список: ч. I–XIII. – СПб.: типогр. В. Демакова; типогр. Морского министерства, 1885–1907.
- Овчинников, И. А.* Призовое право; ч. 1 / И.А. Овчинников. – СПб.: Воен.-мор. учен. отд. Гл. мор. штаба, 1897. – 207 с.
- Окунева, О. В.* Французы–первооткрыватели Бразилии? / О.В. Окунева // Латинская Америка. – 2003. – № 4. – С. 66 – 77.
- Окунева, О. В.* В погоне за «красным золотом»: франко-португальское соперничество в Бразилии в первой половине XVI века / О.В. Окунева // Новая и новейшая история. – 2005. – № 5. – С. 198–210.
- Окунева, О. В.* Французские экспедиции в Бразилию XVI – XVIII вв.: освоение территорий и осмысление новых реалий: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Окунева Ольга Владимировна. – М.: МГУ, 2005.
- Окунева, О. В.* «И вашим именем почтить безвестный край»: топонимика как способ легитимации французского присутствия в Бразилии XVI — начала XVII в. / О.В. Окунева // Американский ежегодник. 2011. – М., 2011. – С. 316–327.

- Олдингтон, Р.* Стивенсон: Портрет бунтаря / Р. Олдингтон; пер. с англ.; прим. Г.А. Островского; послесл. Д. Урнова. – М.: Молодая гвардия, 1973. – 286 с.
- Оппенгейм, Л. Ф. Л.* Международное право: т. 1–2 / Л.Ф.Оппенгейм; пер. с 6-го англ. изд. А.Н.Ивенского и др., доп. Г. Лаутерпахтом под ред и с предисл. С.Б. Крылова. – М. : Гос. изд-во иностр. лит., 1948–1950. – Т.1: Мир, полутом 1, 2 (408, 548 с.); Т. 2: Споры, Война, полутом 1, 2 (440, 498 с.).
- Ортолан, Т.* Морское международное право / Т. Ортолан; пер. с франц. с изменениями и сокращениями, предисл. А. Лохвицкого. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1865. – vi, 240 с.
- Отфей, Л. Б.* История происхождения, развития и изменения морского международного права / Л.Б. Отфейль; пер. с франц. А. Долгова. – СПб.: Тип. Морского министерства, 1887. – xiv, 550, v с.
- Павлова, Т. А.* Уинстэнли / Т.А. Павлова. – М.: Молодая гвардия, 1987. – 301 с.
- Павлова, Т. А.* Народная утопия в Англии XVII века: Представления о социальной справедливости / Т.А. Павлова. – М.: ИВИ РАН, 1998. – 215 с.
- Пастуро, М.* Геральдика / М. Пастуро. – М.: Астрель, АСТ, 2003. – 144с.
- Пастушенко, А.О.* О призовом праве Англии во второй половине XVI в. / А.О.Пастушенко // Вісник Харківського національного університету імені В.Н.Каразіна. – 2011. – № 965. – Вип. 8. – С. 59–65.
- Пастушенко, А.О.* Англійське каперство другої половини XVI століття: структури повсякдення: Автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня кандидата історичних наук / А.О.Пастушенко. – Харків: Донецький національний технічний університет, 2012
- Пенской, В. В.* Военная революция в Европе XVI–XVII веков и ее последствия / В.В. Пенской // Новая и новейшая история. – 2005. – № 2. – С. 194–206.
- Перельс, Ф.* Современное морское международное право: ч. 1–2 / Ф. Перельс; пер. с нем. и доп. Г.К. Лиленфельд. – СПб.: Типография Морского министерства, 1884. – 488 с., 615 с.

Перцович, Ю. С. Из библиотеки Ф. В. Каржавина / Ю.С. Перцович // Книга. Исследования и материалы. Сб. 52. – М., 1986.

Петров, П. Н. Цесаревна Анна Петровна // Сборник исторических материалов и документов, относящихся к новой русской истории XVIII и XIX веков. СПб.: М.Михайлов, 1873. – 422 с.

Пешель, О. История эпохи открытий / О. Пешель; пер. с нем. – М.: Типограф. М..П.Щепкина, 1884. – 483с.

Пираты и разбойники: Флибустьеры, корсары, каперы и буканьеры / Сост. и отв. ред. Г. И. Рябцев. – Минск: Литература, 1996. – 607 с.

Пискорский, В. К. История Испании и Португалии / В.К. Пискорский. – СПб.: Акционерное общество Брокгауз–Ефрон, 1902. – 201 с.

Питулько, Г. Н. Представления об источниках богатства в английской публицистике первой половины 17 в. / Г.Н. Питулько // Проблемы социальной истории и культуры средних веков: Межвуз. сборник; отв. ред. Г.Л. Курбатов. – Л.: Издательство ЛГУ, 1986. – 190 с.

Питулько, Г. Н. Вопрос о торговых монополиях в английской публицистике начала XVII в. / Г.Н. Питулько // Вестник Ленинградского университета. – Серия 2: История, языкознание, литературоведение. – 1987. – № 2. – С. 85–88.

Питулько, Г. Н. Из истории общественной мысли Англии начала 40-х гг. XVII в. // Проблемы социальной истории и культуры средних веков: Межвуз. сборник. Л.: Издательство ЛГУ, 1987. – С. 136–144.

Пичман, Х. Атлантическая история – между европейской и всемирной историей / Х. Пичман // Европа: Журнал польского института международных дел. – 2002. – Т. 2. – № 3 (4). – С. 23–55.

По, Э. А. Рассказы / А.Э. По; пер. с англ.; вступ. статья Г. Злобина. – М.: Художественная литература, 1980. – 351 с.

Познер, М. В. Исторический обзор правительственных мероприятий для развития русского торгового мореходства / Познер М.В. – СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1895. – 435 с.

Полиевктов, М. А. Балтийский вопрос в русской политике после Ништадтского мира (1721 – 1725) / М. А. Полиевктов. – СПб.: Типография М. А. Александрова, 1907. – xi, 369 с.

Полонская, И. М. Издательская деятельность Ф. В. Каржавина / И.М. Полонская // Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976.

Полонская, И. М. Книги из библиотеки и с автографами Ф. В. Каржавина в собрании Отдела редких книг / И.М. Полонская // Труды ГБЛ им. В. И. Ленина. – М.: ГБЛ, 1978. – Т. 14. – С. 13–164.

Полянский, А. А. Жан де Лери и его описание «Антарктической Франции» / А.А.Полянский // Латиноамериканский исторический альманах. – 2003. – № 4. – С. 12–24.

Помбу, Р. История Бразилии / Р. Помбу; пер. с португал. Ю.В. Дашкевича и В.И. Похвалина; ред. и предисл. А.М. Хазанова. – М.: Издательство иностранной литературы, 1962. – 439 с.

Поршнев, Б. Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1648) / Б.Ф. Поршнев. – М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1948. – 724 с.

Поршнев, Б. Ф. Франция, Английская революция и европейская политика середины XVII в. / Б.Ф. Поршнев. – М.: Наука, 1970. – 387 с.

Поэзия Плеяды / Сост., предисл., спр. о поэтах И. Ю. Подгаецкой; пер. под ред. Ю. Н. Стефанова. – М.: Радуга, 1984. – 829 с.

Поэзия французского символизма. Лотреамон. Песни Мальдорора / Сост., общ. ред., вступ. ст. Г. К. Косикова. – М.: Изд. МГУ, 1993. – 512 с.

Причерноморье в Средние века / Под ред. С. П. Карпова. – Вып. 3. М.–СПб.: Алетейя, 1998.

Прочко, И. С. История развития артиллерии: С древнейших времен и до конца XIX в. / И.С. Прочко. – СПб.: АОЗТ «Полигон», 1994. – 495 с.

Птифис, Ж.-К. Истинный д'Артаньян / Ж.-К. Птифис; пер. с франц., комментарии и вступительная статья Э. М. Драйтовой. – М: Молодая гвардия, 2004. – 205 с.

Путешествия и географические открытия в XV – XIX веках. – М.–Л., 1965. – 160 с.

Рабле, Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль / Ф. Рабле; пер. с франц. В.А. Пяста; ред. и прим. Б.А. Кржевского. – М: Правда, 1956. – 640 с.

Рабинович, В. И. Революционный просветитель Ф. В. Каржавин (1743–1812) / В.И. Рабинович. – М.,: Просвещение 1966. – 81 с.

Рабинович, В. И. «С гишпанцами в Новый Йорк и Гавану» (Жизнь и путешествия Ф. В. Каржавина) / В.И. рабинович. – М.: Мысль, 1967. – 87 с.

Рабинович, В. И. Вслед Радищеву...: Ф. В. Каржавин и его окружение / В.И. Рабинович. – М.: Мысль, 1986. – 223 с.

Райерсон, С. Б. Основание Канады. Канада с древнейших времен до 1815 года / С.Б. Райерсон; пер. с англ. А.И. Кононцева; предисл. Т. Бака. – М.: Издательство иностранной литературы, 1963. – 350 с.

Райт, Дж. К. Географические представления в эпоху крестовых походов: Исследование средневековой науки и традиции в Западной Европе / Дж.К. Райт; пер. с англ.; отв. ред. и авт. предисл. А.Я. Гуревич. – М.: Наука, 1988. – 479 с.

Рамсей, Р. Открытия, которых никогда не было / Р. Рамсей; пер. с англ. Г.Улицкой.– М.: Прогресс, 1982. – 205 с.

Ревякин, А. В. История международных отношений в Новое время / А.В. Ревякин – М.: РОССПЭН, 2004.

Ревяко, К. А. Пунические войны / К.А. Ревяко. – Минск: Издательство Университетское, 1988. – 274 с.

Резон, А. К. фон. Призовые суды / А.К. фон Ревяко. – СПб.: Сенатская типография, 1906. – 183с.

Ржонсницкий, В.Б. Открытие Америки Колумбом / В.Б. Ржонсницкий. – СПб.: Издательство СПбГУ, 1994. – 93 с.

Рогожинский, Ж. Энциклопедия пиратов / Ж. Рогожинский; пер. с англ. Вибе Д. З. и др. – М.: Вече; А. Корженевский, 1998. – 688 с.

- Роджерс, Ф. Дж.* Первый англичанин в Японии: История Уильяма Адамса / Дж.Ф. Роджерс; пер. с англ.; предисл. Г.Е. Светлова. – М.: Наука, 1987. – 96 с.
- Роке, К.-А.* Брейгель, или Мастерская сновидений / К.-А. Роке; пер. с фр. и вст. ст. Т. Баскаковой. – М.: Молодая гвардия; Палимпсест, 2000. – 298 с.
- Российские моряки и путешественники в Австралии / Составители Е.В.Говор и А.Я.Массов. М.: Наука, 1993.
- Россия и Запад: исторические сборники под редакцией профессора А. И. Заозерского. Ч. I. Пг: Academia, 1923.
- Россия и Франция XVIII – XIX века: вып. 3; отв. редактор П. Черкасов. – М.: Наука, 2000. – 282 с.
- Рюде, Д.* Народные низы в истории. 1730–1848 / Д. Рюде; пер. с англ. Е. И. Бухаровой и А. О. Зелениной; предисловие и редакция М. А. Барга. – М.: Прогресс, 1984. – 320 с.
- Сазаев, Э., Махов, С.* Схватка двух львов. Англо-голландские войны XVII века / Э. Сазаев, С. Махов. – М.: Вече, 2011. – 384 с.
- Сапрыкин, Д.Л.* Regnum hominis: (Имперский проект Френсиса Бэкона) / Д.Л. Сапрыкин. – М.: Индрик, 2001.
- Свет, Я. М.* Пираты Антильских морей / Я.М. Свет // Новая и новейшая история. – 1966. – № 1. – С. 132 – 144; № 2. – С. 106 – 115.
- Свет, Я. М.* В страну Офир / Я.М. Свет. – М.: Мысль, 1967. – 230 с.
- Свет, Я. М.* После Марко Поло: Путешествия западных чужеземцев в страны трех Индий / Я.М. Свет. – М.: Наука, 1968.
- Свет, Я. М.* Севильская западня. (Тяжба о колумбовом наследстве) / Я.М. Свет. – М.: Молодая гвардия, 1969. – 304 с.
- Свет, Я. М.* Колумб / Я.М. Свет; вступ. ст. С.Г. Федоровой. – М.: Беста; Волгоград: ТОО Вера, 1991. – 410 с.
- Светлов, Л. Б.* Писатель-вольнодумец Ф. В. Каржавин / Л.Б. Светлов // Известия АН СССР. – Серия литературы и языка. – 1964. – Т. XXIII. – Вып. 6.

Светлов, Л. Б. Вольнодумец Ф. В. Каржавин // Вопросы истории. 1966. № 5. – С. 212 – 215.

Свифт, Д. Сказка бочки. Путешествия Гулливера / Д. Свифт; пер. с англ.; вступ. ст. А. Ингера; примеч. А.А. Франковского, А. Аникста под ред. А. А. Франковского. М.: Правда, 1987. – 480 с.

Селиванов, В. Н. Латинская Америка: от конкистадоров до независимости / В.Н. Селиванов. – М.: Наука, 1984. – 176 с.

Сергеевский, Е. Каперство / Е. Сергеевский // Морской сборник. – 1857. – № 6.

Сидорченко, В. Ф. Морское пиратство / В.Ф. Сидорченко. – СПб.: Издательство юридического факультета С.-Петербургского государственного университета, 2004. – 400 с.

Скрягин, Л.Н. По следам морских катастроф / Л.Н. Скрягин. – М.: Транспорт, 1965. – 255 с.

Скрягин, Л. Н. Сокровища погибших кораблей / Л.Н. Скрягин; предисл. канд. ист. наук В. Самаркина; послесл. В. Скурлатова. М.: Молодая гвардия, 1968. – 144 с.

Скрягин, Л. Н. Тайны «Летучего голландца» / Л.Н. Скрягин. – М.: Вече, 2000. – 398 с.

Славнейшие флотоводцы: т. 1–4; пер. с франц. издания 1817 г. – СПб.: Типография Иверсена, 1840. – 447, 434, 445, 582.

Слѣзкин, Л. Ю. «Антарктическая Франция» / Л.Ю.Слѣзкин // Новая и новейшая история. – 1970. – № 6.

Слѣзкин, Л. Ю. Земля Святого Креста: Открытие и завоевание Бразилии / Л.Ю. Слѣзкин. – М.: Наука, 1970. – 158 с.

Слѣзкин, Л. Ю У истоков американской истории: Виргиния, Новый Плимут, 1606–1642 / Л.Ю. Слѣзкин. – М.: Наука, 1978. – 335 с.

Слѣзкин, Л. Ю У истоков американской истории: Массачусетс, Мэриленд, 1630–1642 / Л.Ю. Слѣзкин. – М.: Наука, 1980. – 337 с.

Слѣзкин, Л. Ю. Легенда, утопия, быль в ранней американской истории / Л.Ю. Слѣзкин; предисл. Э.Л. Нитобурга. – М.: Наука, 1981. – 160 с.

Слѣзкин, Л. Ю. У истоков американской истории: Виргиния и Мэриленд в годы Английской революции, 1642–1660 / Л.Ю. Слѣзкин; отв. ред. И.А. Белявская. – М.: Наука, 1989. – 348 с.

Слѣзкин, Л. Ю. У истоков американской истории. Роджер Уильямс, 1603–1683 / Л.Ю. Слѣзкин. – М.: Наука, 1993. – 266 с.

Смоллетт, Т. Д. Приключения Родрика Рэндона / Т.Д. Смоллетт; пер. с англ. и прим. А.В. Кривцовой; послесл. Р.М. Самарина. – М.: Гослитиздат, 1949. – 552 с.

Снисаренко, А. Б. Властители античных морей / А.Б. Снисаренко. – М.: Мысль, 1986. – 239 с.

Соколов, Н. П. Образование Венецианской колониальной империи / Н.П. Соколов. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1963. – 546 с.

Соловьев, В. М. Анатомия русского бунта. Степан Разин: мифы и реальность / В.М. Соловьев. – М.: ТИМР, 1994. – 252 с.

Соловьев, О. Ф. Из истории русско-индийских связей / О.Ф. Соловьев. – М.: Соцэкгиз, 1958. – 99 с.

Спасович, В. Д. О правах нейтрального флага и нейтрального груза / В.Д. Спасович. – СПб.: Типография Департамента внешней торговли, 1851. – х, 116 с.

Старцев, А. И. Был ли Каржавин другом Радищева / А.И. Старцев // Вопросы литературы. – 1971. – № 4. – С. 168 – 173.

Старцев, А. И. Первый русский американист (Новые материалы из архива Ф. В. Каржавина) / А.И. Старцев // История СССР. – 1986. – № 5. – С. 122–126.

Стенюи, Р. Сокровища Непобедимой Армады / Р. Стенюи; пер. с франц.; послесл. Л. Скрыгина. – М.: Мысль, 1979. – 166 с.

Стивенсон, Р. Л. Собрание сочинений: в 5 т. / Р.Л. Стивенсон; сост., общ. ред. и вступит. ст. М Урнова. – М.: Правда, 1981. – 5 т.

Стратанович, В. Ф. К вопросу о первоначальном накоплении капитала в английских колониях в Северной Америке в XVII – XVIII вв. / В.Ф. Стратанович // Ученые записки МОПИ. – 1966. – Т. 159. – С. 151–187.

- Стратанович, В. Ф.* Торговые люди английских колоний Северной Америки XVII в. / В.Ф. Стратанович // Ученые записки МОПИ. – 1966. – Т. 159. – С. 188–214.
- Строев, А.Ф.* Те, кто поправляет фортуны: Авантюристы Просвещения / А.Ф. Строев. – М: НЛЮ, 1998. – 400 с.
- Субботин, В. А.* Христофор Колумб / В.А. Субботин // Вопросы истории. – 1994. – № 5. – С. 57–72.
- Субботин, В. А.* Васко да Гама / В.А. Субботин // Вопросы истории. – 1995. – № 9. – С. 49–68.
- Субботин, В. А.* Фернан Магеллан / В.А. Субботин // Вопросы истории. – 1997. – № 1. – С. 64–82.
- Субботин, В. А.* Великие открытия: Колумб, Васко да Гама, Магеллан / В.А. Субботин. – М.: УРАО, 1998. – 270 с.
- Танстолл, Б.* Морская война в век паруса, 1650–1815. Сражения великих адмиралов / Б. Танстолл; пер. с англ. – М.: Эксмо, 2005. – 448 с.
- Тарле, Е. В.* Роль русского флота во внешней политике при Петре I / Е.В. Тарле // Морской сборник. – 1946. – № 11–12. – С. 96 – 98.
- Тарле, Е. В.* Русский флот и внешняя политика Петра I / Е.В. Тарле. – М.: Военное изд-во Мин-ва вооруж. Сил СССР, 1949. – 123 с.
- Тарле, Е. В.* Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств: (конец XV–начало XIX вв.) / Е.В. Тарле; вступит. ст. В. Рутенбурга. – М., Л.: Наука, 1965. – 427 с.
- Таубе, М.* История зарождения современного международного права (средние века): т. 1: Введение и часть общая; т. 2: Часть особенная. Принципы мира и права в международных столкновениях средних веков; т. 3: Международный строй средневековой Европы во время мира / М. Таубе. – СПб.: Тип. В. Киришбаума, Типо-лит. П. И. Шмидта; Харьков: Паровая тип. и лит. Зильберберг, 1894–1902. – xii, 370; x, 363, 70 с.
- Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век. Материалы Международной научной конференции / Отв. ред. Л. П. Репина. – М.: ИВИ РАН, 2008. – 394 с.

Тер-Авакимова, С. А. Армяно-русские отношения в период подготовки Персидского похода / С.А. Тер-Авакимова. – Ереван: Изд. АН Арм. ССР, 1980. – 127 с.

Тишков, В. А. Страна кленового листа: начало истории / В.А. Тишков. – М.: Наука, 1977. – 175 с.

Ткаченко, М.А. Уолтер Рэли и начало английской колонизации Америки // Вестник СПбГУ. – 2002. – Серия 2: История, языкознание, литературоведение. – Вып. 2. – С. 100–104.

Ткаченко, М. А. Становление Британии как морской державы. Вторая половина XVI века: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Ткаченко М.А. – СПб.: СПбГУ, 2004.

Три века колониальной Америки. О типологии феодализма в западном полушарии / Комиссаров Б. Н., Петрова А. А., Саламатова О. В., Ярыгин А. А. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1992. – 248 с.

Трутовский, В. К. Флибустьеры XVIII века / В.К. Трутовский // Русский вестник. – 1892. – Т. 221. Август. – С. 3 – 20.

Тушин, Ю. П. Русское мореплавание на Каспийском, Азовском и Черном морях: XVII век / Ю.П. Тушин. – М.: Наука, 1978. – 183 с.

Уляницкий, В. А. Сношения России со Среднею Азиею и Индиею в XVI–XVII вв. По докум. Моск. глав. архива М-ва ин. дел / В.А. Уляницкий. – М.: Университетская типография, 1889. – 64 с.

Уортман, Р. С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. / Р.С. Уортман; пер. с англ. С.В. Житомирской. – М.: ОГИ, 2004. – 606, 797 с.

Урнов, Д. М. Робинзон и Гулливер. Судьба двух литературных героев [Очерк творчества Дефо и Свифта] / Д.М. Уронов. – М.: Наука, 1973. – 89 с.

Урнов, Д. М. Дефо / Д.М. Дефо. – М.: Молодая гвардия, 1978. – 255 с.

Фиск, Д. Открытие Америки: с кратким очерком древней Америки и испанского завоевания: в 2-х т. / Д. Фиск; пер. с англ. П. Николаева. – М.: Изд. К. Т. Солдатенкова, 1892–1893. – 344. 374 с.

Францов, Г. П. Исторические пути социальной мысли / Г.П. Францов. – М.: Мысль, 1965. – 558 с.

Фрищина, Н.Н. Англо-испанские столкновения в Карибском море (по испанским материалам 1569–1580 гг.) / Н.Н. Фрищина // Вестник Ленинградского университета. – 1981. – Серия 2: История, языкознание, литературоведение. – № 8. – Вып. 2. – С. 40–43.

Фрищина, Н. Н. Борьба Англии за проникновение в испанские колонии Нового Света в XVI в. (из истории предпосылок англо-испанской морской войны): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Фрищина Н.Н. – Л.: ЛГУ, 1981. – 18 с.

Фуко, М. История безумия в классическую эпоху / М. Фуко; пер. с франц. И.К. Стаф; вступит. ст. З.А. Сокулер. – СПб.,: Университетская книга, 1997. – 576 с.

Фуко, М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы / М. Фуко; пер. с франц. В. Наумова под ред. И. Борисовой. – М: Ad Marginem, 1999. – 480 с.

Функ-Брентано, Ф. Бастилия, ее легенды и архивы / Ф. Функ-Брентано; с предисл. В. Сарду; под ред. К. Военского. – СПб.: Типолит. тов. «Свет», 1911. – 156 с.

Хазанов, А. М. Экспансия Португалии в Африке и борьба африканских народов за независимость (XVI–XVIII вв.) / А.М. Хазанов. – М.: Наука, 1976. – 320 с.

Хазанов, А. М. Неизвестное о Васко де Гаме / А.М. Хазанов // Вопросы истории. – 2000. – № 8. – С. 110–118.

Хазанов, А. М. Португалия и мусульманский мир (XV–XVI вв.) / А.М. Хазанов. – М.: РАУ–Университет, 2003. – 320 с.

Хазанов, А. М. Кто открыл Бразилию? / А.М. Хазанов // Новая и новейшая история. – 2005. – № 1. – С. 163–171.

Хазанов, А. М. Тайна Васко да Гамы / А.М. Хазанов. – М.: Крафт, 2010. – 160 с.

Хазанов, А. М. «Чума» Индийского океана XVII–XVIII вв.: пираты и опыт борьбы с ними / А.М.Хазанов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2011. – № 608. – С. 164–177.

Ханке, Х. На семи морях: Моряк, смерть и дьявол. Хроники старины / Х. Ханке; пер. с нем. с сокр. М. Каценбоген, Л. Маковкин. – М.: Мысль, 1989. – 319 с.

Харт, Г. Морской путь в Индию. Рассказ о плаваниях и подвигах португальских мореходов, а также о жизни и времени донна Васко да Гамы, адмирала, вице-короля Индии и графа Видигейры / Г. Харт; пер. с англ. Н.В. Банникова; вст. ст. и ред. И.П. Магидовича. – М.: Издательство иностранной литературы, 1954. – 331 с.

Хаусхофер, К. О геополитике: Работы разных лет / К. Хаусхофер; пер. с нем. – М.: Мысль, 2001 – 426 с.

Хёйзинга, Й. Осень Средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах / Й. Хёйзинга; пер. Д.В. Сильвестрова; отв. ред. С.С. Аверинцев; ст. А.В. Михайлова; комм. Д.Э. Харитоновича. – М.: Наука, 1988. – 539 с.

Хенниг, Р. Неведомые земли: т. 1–4 / Р. Хенниг; пер. с нем. А.В.Лисовской. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1961–1963. – 520, 531, 481, 210 с.

Хилл, К. Английская Библия и революция XVII в. / К. Хилл; пер. с англ. – М.: Институт всеобщ. истории РАН, 1998. – 489 с.

Хилл, К. «Ревизионистские» истории и Английская революция / К. Хилл // Вопросы истории. – 1998. – № 6. – С. 148–155.

Хлезов, А. А. Морские войны Рима / А.А. Хлезов. – СПб. Издательство СПб ГУ, 2005. – 496 с.

Холл, Д. Дж. История Юго-Восточной Азии / Д.Дж. Холл; пер. с англ. Я. М. Света, Р. А. Тузмухамедова, И. П. Ястребовой; предисл. А. А. Губера. – М.: Изд-во Иностранной литературы. 1958. – 598 с.

Хронотоп войны: пространство и время в культурных репрезентациях социального конфликта: материалы Третьих международных научных чтений «Мир и война: культурные контексты социальной агрессии» и Научной конференции «Мир и война: море и суша» (Санкт-Петербург – Кронштадт, 21 – 24 октября 2007 г.) / отв. ред. И.О.Ермаченко. – М.; СПб.: ИВИ РАН, 2007. – 300 с.

- Царь Петр и король Карл: Два правителя и их народы: сборник статей; пер. со шведского В. Возгина. – М.: ТЕКСТ, 1999. – 319 с.
- Циркин, Ю. Б.* Карфаген и его культура / Ю.Б. Циркин. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986. – 287 с.
- Чекуров, М.В.* Загадочные экспедиции / М.В. Чекуров. – М.: Мысль, 1984. – 160 с.
- Черкасов, П. П.* Судьба империи: очерк французской колониальной экспансии XVI–XX вв. / П.П. Черкасов. – М.: Наука, 1983. – 184 с.
- Черкасов, П.П.* Кардинал Ришелье / П.П. Черкасов. – М.: Международные отношения, 1990. – 379 с.
- Чернова, А. Д.* Все краски мира, кроме жёлтой: Опыт пластической характеристики персонажей у Шекспира / А.Д. Чернова. – М.: Искусство, 1987. – 221 с.
- Черных, А. П.* Трактат Бартоло ди Сассоферрато «О знаках и гербах» / А.П. Черных // Средние века. – Вып. 52. – М.: Наука, 1989. – С.307–310.
- Черняк, Е.Б.* Пять столетий тайной войны. Из истории секретной дипломатии и разведки / Е.Б. Черняк. – М.: Международные отношения, 1991. – 553 с.
- Черняк, Е.Б.* Секретная дипломатия Великобритании. Из истории тайной войны / Е.Б. Черняк. – М.: Международные отношения, 1975. – 372 с.
- Черняк, Е.Б.* Вековые конфликты / Е.Б. Черняк. – М.: Международные отношения, 1988. – 398 с.
- Черняк, Е.Б.* Судебная петля: Секретная история политических процессов на Западе / Е.Б. Черняк. – М, Мысль, 1991. – 605 с.
- Черняк, Е.Б.* Времен минувших заговоры / Е.Б. Черняк. – М.: Международные отношения, 1994. – 540 с.
- Четверухин, Г. Н.* История развития корабельной и береговой артиллерии: ч. 1 / Г.Н. Четверухин. – М.–Л.: Военмориздат, 1942. – 280 с.
- Чиколини, Л. С.* Социальная утопия в Италии: XVI–начало XVII в. / Л.С. Чиколини. – М.: Наука, 1980. – 392 с.

Чиполла, К. Артиллерия и парусный флот. Описание и технология вооружения XV–XVIII веков / К. Чиполла. – М.: Центполиграф, 2007. – 224 с.

Чистов, К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. / К.В. Чистов. – М.: Наука, 1967. – 341 с.

Чистозвонов, А. Н. Крестные отцы Нидерландской Ост-Индской компании / А.Н. Чистозвонов // Новое и новейшее время. – 1976. – № 4. – С. 130–140; № 6. – С. 134–144.

Чистозвонов, А. Н. Генезис капитализма в Нидерландах / А.Н. Чистозвонов // Проблема генезиса капитализма: сборник статей / отв. ред. А.Н. Чистозвонов. – М.: Наука, 1979. – 240 с.

Чистозвонов, А.Н. Становление государственного строя Республики Соединенных провинций / А.Н. Чистозвонов // Средние века. – М., 1987. – Вып. 50. – С. 151 – 172.

Чистозвонов, А. Н. Торгово-колониальная экспансия Нидерландов в XVI–XVII вв. и восстания на судах океанских флотов // Средние века. – Вып. 52. – М.: Наука, 1989. – С. 47 – 63.

Чистозвонов А. Н. Амстердам в XVI – XVII вв.: социально-экономическое развитие и повседневная жизнь / А.Н. Чистозвонов // Средние века. – 1997. – Вып. 60. – С. 37 – 50.

Чистякова, Е. В. Контакты России с народами Латинской Америке (до XIX в.): учебное пособие / Е.В. Чистякова. – М.: УДН, 1980. – 73 с.

Чуркин, В.Г. Географические атласы / В.Г. Чуркин. – М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1961. – 117 с.

Чуркин, В. Г. Ленинградский экземпляр атласов Б. Анъезе / В.Г. Чуркин // Вопросы истории естествознания, науки и техники. – Вып. 18. – М., 1965. – С. 133 – 136.

Чуркин, В. Г. Атласная картография / В.Г. Чуркин. – Л.: Наука, 1974. – 140 с.

Шабо-Арно, К. История военных флотов / К. Шабо-Арно; пер. с франц. – СПб.: Военно-морс. ученого отд. Глав. Морск. штаба, 1896. – xvi, 519 с.

Шадурский, М. И. Литературная утопия от Мора до Хаксли: Проблемы жанровой поэтики и семиосферы. Обретение Острова / М.И. Шадурский. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 160 с.

Шепелев, А. Очерк военных и дипломатических сношений России со Среднею Азиею / А. Шепелев // Материалы для истории хивинского похода 1873 г.: кн. 1; вып. 2 / Сост. под ред. Ген. штаба ген.-лейт. В.Н. Троицкого. Ташкент, 1879. – 87 с.

Шершов, А. П. История военного кораблестроения с древнейших времен и до наших дней / А.П. Шершов. – М.–Л.: Военмориздат 1940. – 360 с.

Шефтель, Я. М. Русское призовое право / Я.М. Шефтель. – Пг.: тип. т-ва «Общественная польза», 1915. – 39 с.

Шигин, В.В. Серебряный адмирал / В.В. Шигин. – М.: Вече, 2010. – 352 с.

Шифман, И. Ш. Возникновение Карфагенской державы / И.Ш. Шифман. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – 104 с.

Шмаков, А.Г. Легенды и мифы о Новом Свете в английской памфлетной литературе второй половины XVI столетия // Историческое знание и интеллектуальная культура: Материалы научной конференции. Москва, 4–6 дек. 2001 г. – М., 2001. – Т. 1. – С. 138–140.

Шперк, Ф. Ф. Опыт хронологического указателя литературы об Астраханском крае с 1473 по 1887 год включительно / Ф.Ф. Шперк. – СПб.: Астраханский губ. стат. комитет, 1892. – vii, 250 с.

Штекли, А.Э. Притязал ли Америго Веспуччи на открытие нового света? Источниковедческий аспект / Э.А. Штекли // Традиции и новации в изучении западноевропейского феодализма: сборник статей: Памяти Д.М. Петрушевекого и А.И. Неусыхина; отв. ред. Л.Г. Мильская. – М.: ИВИ РАН, 1995. – С. 131–140.

Штекли, А.Э. «Город Солнца»: утопия и наука / А.Э. Штекли. – М.: Наука, 1978. – 367 с.

Штенцель, А. История войны на море в ее важнейших проявлениях с точки зрения морской тактики; в 5 ч. / А. Штенцель; пер. с нем. Бундаса, С.А. Геппенера, фон Кубе, Гельмерсена; предисл. Р. Дитмара; ред. рус. изд. орд. проф. Николаевской

морской академии г.-м. Н.Л. Кладо. – Пг.: типография Морского министерства, 1914–1918. – 332; viii, 160; 508; 549; 507 с.

Штокмар, В.В. Очерки по истории Англии XVI века / В.В. Штокмар. – Л.: Издательство ЛГУ, 1957. – 160 с.

Штокмар, В. В. Экономическая политика английского абсолютизма в эпоху его расцвета / В.В. Штокмар. – Л.: Издательство ЛГУ, 1962. – 155 с.

Шумовский, Т. А. Ибн Маджид, арабский лоцман Васко де Гамы / Т.А. Шумовский. – Л.: Издательство АН СССР, 1948. – 524 с.

Шумовский, Т. А. Арабы и море: По страницам рукописей и книг / Т.А. Шумовский. – М.: Наука, 1964. – 192 с.

Шумовский, Т. А. По следам Синдбада-морехода. Океанская Аравия: Историко-географический очерк / Т.А. Шумовский; предисл. А.Ф. Трешникова. – М.: Мысль, 1986. – 138 с.

Эварницкий, Д. И. История запорожских казаков: в 3 т. / Д.И. Эварницкий. – СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1892–1897. – 631, 626, 653 с.

Эджингтон, Г. Адмирал Нельсон. История жизни и любви / Г. Эджингтон; пер. с англ. Э. М. Башилова. – М.: Прогресс: Прогресс-академия, 1992. – 272 с.

Эриксон, К. Мария Кровавая / К. Эриксон; пер. с англ. Л.Г. Мордуховича. – М.: АСТ, 2001. – 640 с.

Эриксон, К. Елизавета I / К. Эриксон; пер. с англ. Н.А. Анастасьева. – М.: АСТ, 2005. – 512 с.

Эрлихсон, И. М. Утопия или мистификация? (Перелистывая страницы «Географического и исторического описания острова Формозы» Джорджа Псалманаазара, 1704 / И.М.Эрлихсон // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И.Герцена. – 2009. – Вып. 106. – С. 118–127.

Ютен, С. Повседневная жизнь алхимиков в Средние века / С. Ютен; пер. с франц. В.Д. Балакина. – М.: Молодая гвардия, 2005. – 286 с.

- Яброва, М. М.* Очерки истории колониальной экспансии Англии в эпоху первоначального накопления. Саратов: Издательство СГУ, 1966. – 135 с.
- Яброва, М. М.* Великие географические открытия и начало колониальных захватов: учебно-методическое пособие к спецсеминару на историческом факультете / М.М. Яброва. – Саратов: Издательство СГУ, 1987. – 50 с.
- Яковлева, Е. И.* Идеальное государство Уолтера Рэли / Е.И. Яковлева // Вестник Московского университета. – Сер. IX. – История. – 1972. – № 1. – С. 69–82.
- Яцунский, В. К.* Историческая география: История ее возникновения и развития в XIV–XVIII веках / В.К. Яцунский. – М.: Издательство АН СССР, 1955. – 331 с.
- Abbot, W. C.* The expansion of Europe: a social and political history of the modern world, 1415–1789: 2 vol. / W.C. Abbot. – New York: F. S. Crofts and Co, 1938. – xxx, 512, 517 p.
- Adamson, J. H., Folland, H. F.* The shepherd of the ocean. Sir Walter Raleigh and his times / J.H. Adamson, H.F. Folland. – Boston: Gambit Inc Pubns, 1969. – 464 p.
- Aker, R.* The Francis Drake controversy: His California anchorage, June 17–July 23, 1579 / R. Aker // California Historical Quarterly. –1974. – Vol. 53. – №. 3. – P. 197–202.
- Aker, R., Porten, von der E.* Discovering Portus Navae Albionis: Francis Drake's California harbor / R. Aker, E. von der Porten. – Palo Alto: Drake Navigator Guild, 1979. – 32 p.
- Albion, R. G.* Forests and sea-power: The timber problem of the Royal Navy, 1652–1862 / R.G. Albion. – Cambridge: Harvard University Press, 1926. – xv, 485 p.
- Albion's fatal tree: crime and society in eighteenth-century England / Ed. by D. Hay, P. Linebaugh and E. P. Thompson. – New York: Pantheon Books, 1975. – 352 p.
- Albuquerque, L. de.* Navegadores, Viajantes e Aventureiros Portugueses. Sécs. XV-XVI: 2 vols. – Lisboa: Circulo de Leitores, 1987. – 208, 208 p.
- Allaire, B.* La France et les voyages de Martin Frobisher (1576–1578) / B. Allaire // Revue Historique. – 1997. – № 603. – P. 3–22.

- Allen, D.* The social and religious world of a knight of Malta in the Caribbean, c. 1632 – 1660 / D. Allen // *Libraries and Culture*. – 1990. – Vol. 25. – № 2. – P. 147–157.
- Anderson A. G.* The business of organized crime: A Cosa Nostra family / A.G. Anderson. – Stanford: The Hoover Institution Press, 1979. – vii, 179 p.
- Anderson, G. M., Gifford, A.* Privateering and the private production of naval power / G.M. Anderson, A. Gifford // *Cato journal*. – 2004. – Vol. 11. – № 1. – P. 98–122.
- Andrews, K. R.* The colonial period in American history: t. I–IV / K.R. Andrews. – New Haven: Yale University Press, 1934–1937.
- Andrews, K. R.* Elizabethan privateering: English privateering during the Spanish war, 1585–1603 / K.R. Andrews. – Cambridge: Cambridge University Press, 1964. – xv, 297 p.
- Andrews, K. R.* The Spanish Caribbean, trade and plunder, 1530–1630 / K.R. Andrews. – New Haven: Yale University Press, 1978. – xi, 267 p.
- Andrews, K. R.* Trade, plunder and settlement: Maritime enterprise and the genesis of the British empire, 1480–1630 / K.R. Andrews. – Cambridge: Cambridge University Press, 1984. – ix, 394 p.
- Andrews, K. R.* Ships, money, and politics: seafaring and naval enterprise in the reign of Charles I / K.R. Andrews. – Cambridge: Cambridge University Press, 1991. – x, 249 p.
- Anthiaume, A.* Un pilote et cartographe havrais au XVI-th siècle / A. Anthiaume. – Paris: Imprimerie nationale, 1911. – 70 p.
- Anthony, I.* Raleigh and his world / I. Anthony. – New York–London, Charles Scribner's sons, 1934. – x, 339 p.
- Antony, R. J.* Peasants, heroes and brigands: The problem of social banditry in early Nineteenth-century South China / R.J. Antony // *Modern China*. – 1989. – Vol. 15. – № 2. – P. 123–148.
- Archenholtz, J. W. von.* Histoire des flibustiers / J.W. von Archenholtz. – Paris: Henrichs, 1804. – xvi, 355 p.
- Arlacchi, P.* Mafia business: The mafia ethic and the spirit of capitalism / P. Arlacchi. – London: Verso, 1986. – xix, 239 p.

Armitage, D. Making the Empire British: Scotland in the Atlantic World, 1542–1717 / D. Armitage // Past and Present. – 1997. – № 155. – P. 34–63.

Armitage, D. The ideological origins of the British empire / D. Armitage. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – xi, 239 p.

Armstrong J. C. W. From sea to sea: art and discovery maps of Canada / J.C. W. Armstrong. – Scarborough, Ont.: Fleet Publishers, 1982. – 81 p.

Arnaudov, P.I. Elements of mythmaking in witness accounts of colonial piracy: Thesis (Ph. D.) / Plamen Ivanov Arnaudov. – Baton Rouge: Louisiana State University, 2008. – 260 p.

Arnold A. J. From piracy to policy: Exquemelin's Buccaneers and imperial competition in «America» / A.J. Arnold // Review: Literature and arts of the Americas. – 2007. – Vol. 40. – № 1. – P. 9–20.

Arnold-Forster, F.D. The Madagascar pirates / F.D. Arnold-Forster. – New York: Lothrop, Lee and Shepard, 1957. – 251 p.

Arthur, G. Buggery and the British navy, 1700–1861 / G. Arthur // Journal of Social History. – 1976. – № 10. – P. 72–98.

Arveiller, R. Sur l'origine du mot français « flibustier» / R. Arveiller // Le Français moderne. – 1977. – T. XLV. – P. 22 – 32.

Ashton, J. The fleet, its river, prison and marriages / J. Ashnon. London: T.F. Unwin, 1888. – xvi, 391 p.

Les Aspects internationaux de la découverte océanique aux XV-e et XVI-e siècles. Actes du cinquième colloque international d'histoire maritime (Lisbonne 14–16 septembre 1960) / Présentés par Michel Mollat et Paul Adam. – Paris: SEVPEN, 1960. – 386 p.

Atlantic history: a critical appraisal / Eds. Jack P. Greene and Philip D. Morgan. – New York: Oxford University Press, 2008. – x, 375 p.

The Atlantic in global history, 1500 – 2000 / Ed. by Jorge Cañizares-Esguerra and Erik R. Seeman. – New York: Upper Saddle River, 2007. – xxviii, 258 p.

Atlantic port cities: economy, culture and society in the Atlantic world, 1650–1850 / Ed. by Franklin W. Knight and Peggy K. Liss. – Knoxville: University of Tennessee Press, 1991. – xvii, 302 p.

L'aventure de la flibuste. Actes du Colloque de Brest (3 – 4 mai 2001) / Éd. par Michel Le Bris. – Paris: Éditions Hoëbeke, 2002. – 343 p.

Aubin, N. Dictionnaire de marine contenant les termes de la navigation et de l'architecture navale avec les règles et proportions qui doivent y être observées / N. Aubin. – Amsterdam: Pierre Brunel, 1702. – 776 p.

Aymard, A. Les deux premiers traités entre Rome et Carthage / A. Aymard // Revue des Études Anciennes. – 1957. – Vol. 59. – P. 277–293.

Aumont M. Les corsaires de Granville, une culture du risque maritime (1688–1815) / M. Aumont. – Rennes: Presse Universitaire de Rennes, 2013. – 538 p.

Ayton, A., Price, J.L. The medieval military revolution: state, society and military change in Medieval and Early Modern Europe / A. Ayton, J.L. Price. – London: Tauris, 1995. – 208 p.

B. E. A new dictionary of the terms ancient and modern of the canting crew: in its several tribes, of gypsies, beggars, thieves, cheats, &c. with an addition of some proverbs, phrases, figurative speeches / E. B. – London : Printed for W. Hawes, P. Gilbourne and W. Davis, 1699? – 184 p.

Bagrow, L. History of cartography / L. Bagrow. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1966. – 312 p.

Bailyn, B. The idea of Atlantic history / B. Bailyn // Itinerario. – 1996. – № 20 (1). – P. 19 – 44.

Bailyn, B. Atlantic history: concept and contours / B. Bailyn. – Cambridge: Harvard University Press, 2005. – xi, 149 p.

Bandidos: The varieties of Latin American banditry / Ed. by Richard W. Slatta. New York: Greenwood Press, 1987. – viii, 218 p.

Bandits at sea: A pirate reader / Ed. by C. R. Pennel. New York: New York University Press, 2001. – ix, 351 p.

- Barazzutti R.* Le capitaine Mathurin Gabaret et le chevalier Timoléon Hotman de Fontenay // www.geocities.com/trebutor/Livre/3F/0311barazzutti.html.
- Barbour, V.* Privateers and pirates in the West Indies / V. Barbour // *The American Historical Review.* – 1911. – Vol. XVI. – № 3. – P. 529–566.
- Barker, B.* Blackbeard, or the pirate of the Roanoke: a tale of the Atlantic / B. Barker. – Boston: F. Gleason, 1847. – 50 p.
- The Barnhart Dictionary of etymology* / Ed. by Robert K. Barnhart. – Bronx, N.Y.: H.W. Wilson Co., 1988. – xxvii, 1284 p.
- Barefoot, D. W.* Touring the backroads of North Carolina's upper coast / D.W. Barefoot. – Winston, Salem: John F. Blair, 1995. – xiv, 365 p.
- Bassett, F. S.* Sea phantoms, or legends and superstitions of the sea and of sailors in all lands and at all times / F.S. Basset. – Chicago, New York: Belford, Clark, 1885. – 505 p.
- Baudry, R.* Quelques documents nouveau sur Nicolas Denys / R. Baudry // *Revue d'histoire de l'Amérique française.* – 1955. – Vol. 9. – № 1. – P. 14–30.
- Bawlf, S.* The secret voyage of sir Francis Drake, 1577–1580 / S. Bawlf. – New York: Walker, 2003. – xii, 400 p.
- Beaumont, R. L.* The date of the first treaty between Rome and Carthago / R.L. Beaumont // *Journal of Roman Studies.* – 1939. – Vol. 29. – P. 74–86.
- Beattie, J. M.* Crime and the courts in England, 1660 – 1800 / J.M. Beattie. – Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1986. – xxiv, 663 p.
- Becker, G.* Crime and punishment: An economic approach / G. Becker // *Journal of political economy.* – 1968. – Vol. 76. – № 2. – P. 169–217.
- Belgrave, Ch.* The Pirate coast / Ch. Belgrave. – London: Bell, 1966. – xii, 200 p.
- Belhamissi, M.* Histoire de la marine Algérienne (1516–1830) / M. Belhamissi. – Alger: Enal, 1983. – 190 p.
- Beloff, M.* Public order and popular disturbances 1660–1714 / M. Beloff. – London: Oxford University Press, H. Milford, 1938. – viii, 168 p.
- Besson, M.* Les «frères de la coste». Flibustiers et corsairs / M. Besson. – Paris: Duchartre & Van Buggenhoudt, 1928. – xii, 317 p.

- Billingsley, Ph.* Bandits in republican China / Ph. Billingsley. – Stanford: Stanford University Press, 1988. – xviii, 375 p.
- Biddulph, J.* The Pirates of Malabar, and an Englishwoman in India two hundred years ago / J. Biddulph. – London: Smith, Elder, 1907. – xx, 327 p.
- Binding, P.* Imagined corners: exploring the World's first atlas. London: Headline, 2003. – 314 p.
- Black, J.* A military revolution? Military change and European society, 1500–1800 / J. Black. – London: Macmillan, 1991. – xiii, 109 p.
- Block, A.* The peasant and the brigand: social banditry reconsidered / A. Block // Comparative studies in society and history. – 1972. – № 14 (4). – P. 494–503.
- Block, A.* The mafia of a Sicilian village, 1860–1960: a study of violent peasant entrepreneurs / A. Block. New York: Harper and Row, 1975. – xxxiii, 293 p.
- Block, A.* Honour and violence / A. Block. – Oxford, Cambridge; Malden, M.A.: Polity Press, 2001. – xii, 358 p.
- Boiteux, L.A.* Richelieu, «Grand maître de la navigation et du commerce de la France» / L.A. Boiteux. – Paris : Ozanne, 1955. – 399 p.
- Bold in her breeches: women pirates across the ages* / Ed. by Jo Stanley. – London; San Francisco: Pandora, 1995. – xvii, 283 p.
- Bonner, W. H.* Captain William Dampier: buccaneer–author / W.H. Bonner. – Stanford: Stanford University Press, 1934. – 234 p.
- Borders and travelers in early modern Europe* / Ed. by Thomas Betteridge. – Aldershot: Ashgate, 2007. – vi, 196 p.
- Botting, D.* The pirates / D. Botting. – Alexandria: Time-Life Books, 1979. – 192 p.
- Bowen, H. V.* Elites, enterprise and the making of the British overseas empire, 1688–1775 / H.V. Bowen. – London: Macmillan Press Ltd, 1996. – xiii, 257 p.
- Boxer, Ch. R.* The Dutch seaborne empire, 1600 – 1800 / Ch.R. Boxer. – New York: Knopf, 1965. – xxvi, 326 p.

Boucher, P. P. Comment se forme un ministre colonial: L'initiation de Colbert, 1651–1664 / P.P. Boucher // *Revue d'histoire de l'Amérique française.* – 1982. – Vol. 37. – № 3. – P. 431–452.

Boucher, P.P. Les Nouvelles Frances: France in America, 1500–1815, an imperial perspective / P.P. Boucher. – Providence: John Carter Brown Library, 1989. – xxi, 122 p.

Boucher, P. P. Reflections on the «Crime of Nicholas Fouquet: The Fouquets and the French colonial empire, 1626–1661» / P.P. Boucher // *Revue française d'histoire d'Outre-mer.* – 1985. – Vol. 72. – P. 5–20.

Boucher, P.P. Cannibal encounters: European and Island Caribs, 1492–1763 / P.P. Boucher. – Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1992. – xii, 217 p.

Bourne, R. Queen Anne's navy in the West Indies / R. Bourne. – New Haven: Yale University Press; London: H. Milford, Oxford University Press, 1939. – vii, 334 p.

Bradlee, F. B. Piracy in the West Indies and its suppression / F.B. Bradlee. – Salem: Essex Institute, 1923. – 220 p.

Brahimi, D. Opinions et regards des Européens sur le Maghreb aux XVII-ème et XVIII-ème siècles / D. Brahimi. – Alger: SNED, 1978. – 187 p.

Brain, J. L. Homage to Neptune: shipboard initiation rites / J.L. Brain // *Proceedings of the American Philosophical Society.* – 1981. – Vol. 125. – № 2. – P. 128–133.

Bréard, Ch. Mémoires et documents relatifs aux ports de Normandie: Le Havre, Fécamp, Honfleur / Ch. Bréard. – Rouen: Imprimerie de Espérance Cagniard, 1892. – 25 p.

Brebner, J. B. The explorers of North America 1492 – 1806 / J.B. Brebner. – New York: Makmillan Co, 1933. – x, 502 p.

Brenner, R. Merchants and revolution: commerce change, political conflict, and London overseas traders, 1550–1653 / R. Brenner. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – xx, 734 p.

Brewer, J. The sinews of power: war, money and the English State, 1688–1783 / J. Brewer. – New York: Alfred A. Knopf, 1989. – xxii, 291 p.

Brevoort, J. C. Verrazano the navigator or, Notes on Giovanni da Verrazano and on a planisphere of 1529 illustrating his American voyage in 1524 / J.C. Brevoort. – New York: The Argus Co., printers, Albany, 1874. 159 p.

Bridenbaugh, C., Bridenbaugh, R. No peace beyond the line: the English in the Caribbean, 1624 – 1690 / C. Bridenbaugh, R. Bridenbaugh. – New York: Oxford University Press, 1972. – xxii, 440 p.

Briggs, P. Buccaneer harbor: The fabulous history of Port Royal, Jamaica / P. Briggs. – New York: Simon and Schuster, 1970. – 123 p.

The British Atlantic world, 1500 – 1800 / Ed. By David Armitage and Michael Braddick. – Houndmills: Basingstoke; New York: Palgrave Macmillan, 2002. – xx, 324 p.

Bromley, J. S. Corsairs and navies, 1660 – 1760 / J.S. Bromley. – London; Ronceverte, U.S.A: The Hambledon Press, 1987. – xxvi, 517 p.

Bronner, S. J. Crossing the line. Violence, play and drama in naval equator traditions / S.J. Bronner. – Amsterdam: Amsterdam University Press, 2006. – 64 p.

Brown, A. The story of maps / A. Brown. – Boston: Little, Brown, 1949. – xix, 397 p.

Bryan, E. B. The history civil and commercial of the British colonies: vol. I–V / E.B. Bryan. – London: G. and W.B. Whittaker, 1818–1819.

Bruijn, J. R. Dutch privateering during the second and third Anglo-Dutch wars / J.R. Bruijn // The Low Countries Yearbook. – 1978. – Acta Historiae X. – Den Haag, 1979. – P. 79– 93.

Bruijn, J. R. The Dutch navy of the seventeenth and eighteenth centuries / J.R. Bruijn. – Columbia: University of South Carolina Press, 1993. – xv, 258 p.

A buccaneer's atlas: Basil Ringrose's South Sea waggoner / Ed. by Derek Howse and Norman J. W. Thrower. – Berkeley: University of California Press, 1992. – xii, 314 p.

Buchet, Ch. La lutte pour l'espace Caraïbe et la façade atlantique de l'Amérique Centrale et du Sud (1672–1763): vol. 1–2 / Ch. Buchet. – Paris: Librairie de l'Inde, 1991. – 1297 p.

Buisseret, D. Spain maps her «New World» / D. Buisseret // Encounters. – 1992. – February. – № 8. – P. 14–19.

Burg, B. R. Sodomy and the pirate tradition: English sea rovers in the seventeenth-century Caribbean / B.R. Burg. – New York: New York University Press, 1995. – xlv, 215 p.

Burney, J. A chronological history of the voyages and discoveries in the South sea or Pacific ocean: vol. I–V / J.A. Burney. – London: Printed by Luke Hansard ... and sold by G. and W. Nicol, booksellers to His Majesty, Pall-Mall, G. and J. Robinson, J. Robson, T. Payne, and Cadell and Davies, in the Strand, 1803–1817.

Burns, A. History of the British West Indies / A. Burns. – London: George Allen and Unwin, 1954. – 821 p.

Büsch, J. G. Über das Bestreben der Völker neuerer Zeit einander in ihrem Seehandel recht wehe zu thun / J.G. Büsch. – Hamburg: B.G. Hoffmann, 1800. – xvi, 600 s.

Butel, P. Les Caraïbes au temps des flibustiers: XVI-e – XVII-e siècles / P. Butel. – Paris : Aubier Montaigne, 1982. – 299 p.

Butel, P. Histoire de l'Atlantique: de l'antiquité à nos jours / P. Butel. – Paris: Perrin, 1997. – 357 p.

Butel, P. Histoire des Antilles françaises: XVII-e–XX-e siècle / P. Butel. – Paris, Perrin, 2002. – 423 p.

Butler, J. The huguenots in America: a refugee people in the New World society / J. Butler. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1983. – viii, 264 p.

Butler, L. Pirates, privateers and rebel raiders of the Carolina coast / L. Butler. – Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2000. – xvi, 275 p.

Caballos, E. M. La Armada guardacostas de Andalucía y la defense de la Carrera de Indias (1521–1550) / E.M. Caballos; prólogo Adolfo L. González Rodríguez. – Seville: Muñoz Moya, 1998. – 104 p.

Callender, G. The naval side of British history / G. Callender. – London: Christophers, 1924. – 305 p.

- Campbell, W. W.* An historical sketch of Robin Hood and captain Kidd / W.W. Campbell. – New York: C. Scribner, 1853. – viii, 263 p.
- Campeau L.* Jean Cabot et la découverte de l'Amérique du Nord / L. Campeau // Revue d'Histoire de l'Amérique Française. – 1965. – Vol. XIX. – № 3. – P. 384–413.
- Camus M. Ch.* Une note critique à propos d'Exquemelin / M. Ch. Camus // Revue française d'histoire d'Outre-mer. – 1990. – Mars. – P. 79–90.
- Camus M. Ch.* L'île de la Tortue au coeur de la flibuste caraïbe / M.Ch. Camus. – Paris: L'Harmattan, 1997. – 152 p.
- Canny, N.P.* Europeans in the move: studies on Europe migration, 1500–1800 / N.P. Canny. – Oxford : Clarendon Press; New York : Oxford University Press, 1994. – xii, 329 p.
- Capp, B. S.* Cromwell's navy: the fleet and the english revolution, 1648–1660 / B.S. Capp. – Oxford: Clarendon Press, 1992. – 480 p.
- Carr, H.G.* Flags of the world / H.G. Carr. – London, New York: Warne, 1956. – x, 286 p.
- Carse, R.* The age of piracy, a history / R. Carse. – London, R. Hale, 1957. – 192 p.
- Cassia, P. S.* Banditry, myth and terror in Cyprus and other Mediterranean societies / P.S. Cassia // Comparative studies in society and history. – 1993. – Vol. 35. – № 4. – P. 773–796.
- Centres of medical excellence?: medical travel and education in Europe, 1500-1789 / Ed. by Ole Peter Grell, Andrew Cunningham, Jon Arrizabalaga. – Farnham; Burlington: Ashgate, 2010. – xii, 335 p.
- Chandler, B. J.* The bandit king: Lampião of Brazil / B.J. Chandler. – College Station : Texas A&M University Press, 1978. – xii, 262 p.
- Chagniot, J.* Guerre et société à l'époque moderne / J. Chagniot. – Paris: Presses Universitaires de France, 2001. – 360 p.
- Chandler, D.* The art of warfare in the age of Marlborough / D. Chandler. – New York: Sarpedon, 1995. – 317 p.

Chapin, H. M. Privateer ships and sailors: The first century of American colonial private privateering, 1625–1725 / H.M. Chapin. – Toulon: Imprimerie G. Mouton, 1926. – 256 p.

Chaunu, H., Chaunu, P. Séville et Atlantique, 1504–1660: t. I–VIII / H. Chaunu, P. Chaunu. – Paris: SEVPEN, 1955–1960.

Chaunu, P. Conquête et exploitation des Nouveaux mondes (XVI-e siècle) / P. Chaunu. – Paris: Presses Universitaires de France, 1969 – 445 p.

Chaunu, P. L'expansion européenne du XIII au XV-e siècle / P. Chaunu. – Paris: Presses Universitaires de France, 1969. – 396 p.

Chaunu, P. Les Philippines et le Pacifique des Ibériques (XVIe, XVIIe, XVIIIe siècles); introduction méthodologique et indices d'activité / P. Chaunu. – Paris: SEVPEN, 1960. – 301 p.

Cheyette F.L. The Sovereign and the pirates, 1332 / F.L.Cheyette // *Speculum*. – 1970. – Issue 1. – P. 40–68.

Cippola, C. M. Before the industrial revolution: European society and economy, 1000–1700 / C.M. Cippola. – New York: W.W. Norton, 1976. – xiv, 326 p.

Cippola, C. M. Guns, sails and empires: Technological innovation and the early phase of european expansion, 1400–1700 / C.M. Cippola. – New York: Minerva Press, 1965. – 192 p.

Clark G. The English practice with regard to reprisals by private persons / G.Clark // *The American Journal of International Law*. – 1933. – Vol. 27. – № 4. – P. 644–723.

Clowes, G. S. L. Sailing ships: their history and development: part. I–II / G.S.L. Clowes. – London: H.M. Stationery Off., 1930.

Clowes, W. L. The royal navy. A history from the earliest times to the present: vol. 1–7 / W.L. Clowes. – London: Sampson, Low, Marston and Co., 1897–1903.

Cobb, R. A. A second identity: essays on France and French history / R.A. Cobb. – London, New York: Oxford University Press, 1969. – xii, 316 p.

Cobb, R.A. The police and the people: French popular protest, 1789–1820 / R.A. Cobb. – Oxford: Clarendon Press; London: Oxford University Press, 1970. – xxi, 393 p.

Cobb, R. A. Paris and its provinces, 1792–1802 / R.A. Cobb. – London; New York: Oxford University Press, 1975. – 279 p.

Cochran, H. Freebooters of the Red Sea: pirates, politicians and pieces of eight / H. Cochran. – Indianapolis: Boobs-Merrill, 1965. – xiv, 253 p.

Coleman, J. A History of cant and slang dictionaries: vol. I. 1567–1784. – Oxford: Oxford University Press. 2004. – xii, 259 p.

Coligny, les protestants et la mer. Actes du colloque organisé à Rochefort et La Rochelle les 3 et 4 octobre 1996 / Ed. par Martine Acerra et Guy Martinière. – Paris: Presses de l'Université de Paris-Sorbonne, 1997. – 277 p.

Collis, R. Jacobite networks, freemasonry and fraternal sociability and their influence in Russia, 1714-1740 // *Politica Hermetica. La Franc-Masonerie et les Stuarts au XVIII-e Siècle. Stratégies Politiques, Réseaux entre Mythes et Rééalites.* – 2010. – №. 24. – P. 89–100.

Corbett, J. S. Sir Francis Drake; vol. I–II / J.S. Corbett. – London: Macmillan and Co, 1894. – vi, 209 p.

Corbett, J. S. Drake and the Tudor navy: with a history of the rise of England as a maritime power: vol. I–II / J.S. Corbett. – London: Longman, Green and Co, 1898 – viii, 488 p.

Corbett, J. S. The successors of Drake / J.S. Corbett. – London, New York: Longmans, Green and Co., 1900. – xiv, 464 p.

Corbett, J. S. England in the Mediterranean. A study of the rise and influence of British power within the Straits, 1603–1713: vol. I–II / J.S. Corbett. – London, New York, Bombay: Longmans, Green and Co, 1904. – 341, 351 p.

Cordingly, D. Life among the pirates: the romance and the reality / D. Cordingly. – London : Little, Brown, and Co., 1995. – xiii, 338 p.

Cordingly, D. Under the black flag: The romance and reality of life among the pirates / D. Cordingly. – New York: Random House, 1996. – xxi, 296 p.

Cordingly, D. Women sailors and sailor's women: An untold maritime history / D. Cordingly. – New York: Random House, 2001. – xv, 286 p.

Cordingly, D. Seafaring women: adventures of pirate queens, female stowaways, and sailors' wives / D. Cordingly. – New York, Toronto: Random House Trade Paperbacks, 2001. – xv, 286 p.

Cordingly, D. Spanish gold captain Woodes Rogers and the pirates of the Carribean / D. Cordingly. – London; New York: Bloomsbury, 2011. – xiv, 298 p.

Coroban, C. Sweden and the Jacobite movement (1715 – 1718) / C. Coroban // Revista Română pentru Studii Baltice și Nordice. – 2010. – Vol. 2. – Issue 2. – P. 131–152.

Coroi, J. La Popelinière, historien des querres de religion et géographe / J. Coroi // Bulletin of the International Committee of Historical Sciences. – Paris: Presse Universitaires de France, 1939. – Vol. 11. – P. 464–466.

Cortesão, A. The mystery of Vasco da Gama / A. Cortesão. – Lisboa: Junta de Investigações do Ultramar, 1973. – 195 p.

Course, A. G. Pirates of the Eastern Seas / A.G. Course. – London: Muller, 1966. – vii, 263 p.

Course et piraterie: Études présentées à la Commission international d'Histoire maritime à l'occasion de son XV-e Colloque international pendant le XIV-e Congrès international des sciences historiques (San Francisco, août 1975): t. I–II / Ed. par Michel Mollat. – Paris: Éditions du C.N.R.S., 1975. – 2 t.

Crane, E. F. Ebb tide in New England: Women, seaports and social change, 1630–1800 / E.F. Crane. – Boston: Northeastern University Press, 1998. – x, 333 p.

Crime history and Histories and crime: studies in the historiography of crime and criminal justice in modern history / Ed. by Clive Emsley and Louis A. Knafla. – Westport, Conn.: Greenwood Press, 1996. – vi, 313 p.

Crone, G. R. Maps and their makers: an introduction to the history of cartography / G.R. Crone. – London: Hutchinson's University Library, 1953. – 181 p.

Crouse, N. M. French pioneers in the West Indies, 1624–1664 / N.M. Crouse. – New York: Columbia University Press, 1940. – 296 p.

Crouse, N. M. The French struggle for the West Indies, 1665–1713 / N/M/ Crouse. – New York: Columbia University Press, 1943. – 324 p.

Culture, ideology and politics: essays for Eric Hobsbawn / Ed. by Raphael Samuel and Gareth Stedman Jones. – London: Routledge and Kegan Paul, 1982. – x, 368 p.

Cummins, J. Francis Drake: lives of a hero / J. Cummins. – New York: St. Martin's Press, 1995. – xv, 348 p.

Cussy, F. de Cornot, baron de. Phases et causes célèbres du droit maritime des nations; t. I–II / F. De Cornot, baron de Cussy. – Leipzig: F.A. Brockhaus, 1856. – 2 t.

Danker, U. Räuberbanden im Alten Reich um 1700: Ein Beitrag zur Geschichte von Herrschaft und Kriminalität in der frühen Neuzeit; vol. 1–2 / U. Danker. – Frankfurt am Maine: Suhrkamp, 1988. – 2 vol.

Dareste, M. R. Du droit de représailles // Séances et travaux de l'Académie des sciences morales et politiques. Nouvelle série. Bd. 33. Paris, 1890.

Dassié, F. L'Architecture navale, contenant la manière de construire les navires, galères et chaloupes, et la définition de plusieurs autres espèces de vaisseaux / F. Dassié. – Paris: Laurent D'Houry, 1695. – 285 p.

Davidson, G. Francis Drake on the Northwest Coast of America in the year 1579: the Golden Hinde did not anchor in the bay of San Francisco / G. Davidson. – San Francisco: F.F. Partridge, 1908. – iv, 114 p.

Davidson, M. H. Columbus then and now: a life reexamined / M.H. Davidson. – Norman: University of Oklahoma Press, 1997. – xxx, 609 p.

Davies, A. Behaim, Martellus and Columbus / A. Davies // *The Geographical Journal*. – 1977. – Vol. 143. – № 3. – P. 451–459.

Davis, J. C. Fear, myth and furor: reappraising the ranters (English Revolution) / J.C. Davies // *Past and Present*. – 1990. – Vol. 129. – P. 79–103.

Davis, J. C. Fear, myth and history: The ranters and the historians / J.C. Davies. – Cambridge: Cambridge University Press, 1986. – xiv, 208 p.

Davis, J. S. Utopia and the ideal society: a study of English utopian writing, 1516-1700 / J.C. Davies. – Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1981. – x, 427 p.

Davis, R. The rise of the Atlantic economies / R. Davies. – Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1973. – xiv, 352 p.

- Davies, R. T.* The golden century of Spain, 1501–1621 / R.T. Davies. – London: Macmillan and Co., 1937. – xi, 327 p.
- Day, A. G.* Pirates of the Pacific / A.G. Day. – New York: Meredith Press, 1968. – ix, 181 p.
- Day, J.* Blackbeard, terror of the seas / J. Day. – Newport, N.C.: Golden Age Press 1997. – 126 p.
- Debien, G.* Les engagés pour les Antilles (1634–1715) / G. Debien. – Abbeville: F. Paillart, 1951. – 280 p.
- De Jong, G.F.* The Dutch in America, 1609–1974 / G. F. De Jong. – Boston: Twayne Publishers, 1975. – 326 p.
- Delarbre, J.* Tourville et la marine de son temps. Notes, lettres et documents (1642–1701) / J. Delarbre. – Paris: Baudouin, 1889. – 463 p.
- Delebarre, M.* Jean Bart: légende du corsaire / M. Delebarre. – Neuilly-sur-Seine: Michel Lafon, 2002. – 258 p.
- Democracy, revolution and history / Ed. by Theda Skocpo with the assistance of George Ross, Tony Smith, Judith Eisenberg Vichniac. – Ithaca: Cornell University Press, 1998. – x, 273 p.
- Deschamps, H. J.* Pirates et flibustiers / H.J. Deschamps. – Paris: Presses Universitaires de France, 1952. – 121 p.
- Deschamps, H. J.* Histoire de Madagascar / H.J. Deschamps. – Paris: Berger-Levrault, 1961. – 348 p.
- Deschamps, H. J.* Les pirates à Madagascar aux XVI-e et XVIII-e siècles / H.J. Deschamps. – Paris: Editions Berger-Levrault, 1972. – 221 p.
- Desjardins, M. A.* Étude sur l’histoire du droit commercial maritime français au XVII-e siècle // Séances et travaux de l’Académie des sciences morales et politiques. Paris, 1890. Part. II.
- Dessert, D.* Fouquet / D. Dessert. – Paris: Fayard, 1987. – 404 p.
- Dessert, D.* La Royale: vaisseaux et marins du Roi-Soleil / D. Dessert. – Paris: Fayard, 1996. – 393 p.

Dessert, D. Tourville / D. Dessert. – Paris: Fayard, 2002. – 371 p.

Dictionary of national biography: vol. 1–63 / Ed. by Sidney Lee. London: Smith, Elder and Co, 1885–1900. – 63 v.

Dictionary of the Low-Dutch element in the English vocabulary / Ed. by J. F. Bense. – The Hague: M. Nijhoff, 1939. – xxxii, 663 s.

Dictionnaire historique de la langue Française: vol. 1–2 / Ed. par. A. Ray. –Paris: Le Robert, 1992. – 1342 p.

Dislère, P. Les Croiseurs. La guerre de course / P. Dislère. – Paris: Gauthier-Villard, 1875. – 160 p.

Domingues, C. Colombo e a política de sigilo na historiografia Portuguesa / C. Domingues // Mare Liberum. – 1990. – Vol. I. – P. 105–116.

Dow, G. F., Edmonds, J. H. Pirates of the New England coast, 1630–1730 / G.F. Dow, J.H. Edmonds. – Salem, Massachusetts: Marine Research Society, 1923. – xxii, 396 p.

Downing, B. M. The military revolution and political change: Origins of democracy and autocracy in early modern Europe / B.M. Downing. – Princeton: Princeton University Press, 1992. – xii, 308 p.

Doyle, W. The old European order, 1660–1800 / W. Doyle. – Oxford, New York: Oxford University Press, 1978. – xviii, 420 p.

Druett, J. Hen frigates: wives of merchant captains under sail / J. Druett. – New York: Simon and Schuster, 1998. – 274 p.

Ducéré, E. Les corsaires sous l'ancienne régime. Histoire maritime de Bayonne / E. Ducéré. – Bayonne: Hourquet, 1895. – xv, 307 p.

Dujarric-Descombes, A., Durieux, J. Deschamps du Rausset, boucanier et gouverneur de la Tortue au XVII-e siècle / A. Dujarric-Descombes, J. Durieux // Bulletin de la section de géographie du Comité des travaux historiques et scientifiques. – 1925. – P. 25–44.

Du Loup, G. Les flibustiers «fidèles sujets du Roy» / G. Du Loup // Bulletin de la section de géographie du Comité des travaux historiques et scientifiques. – 1927. – P. 87–112.

The Dutch intersection: The Jews and the Netherlands in modern history / Ed. by Yosef Kaplan. – Brill: Brill Academic Publishers, 2008 – xvii, 520 p.

Dvoichenko-Markova, E. A. Russian traveller in Eighteenth century America / E.A. Dvoichenko-Markova // Proceedings of American Philosophy Society. – 1953. – Vol. 97. – № 4. – P. 350–355.

Earle, P. Last fight of the Revenge / P. Earle. – London: Collins & Brown, 1992. – 192 p.

Earle, P. The pirate wars / P. Earle. – New York: Thomas Dunne Books, St. Martin's Press, 2005. – xii, 304 p.

Earle, P. The sack of Panamá: captain Morgan and the battle for the Caribbean / P. Earle. – New York: Thomas Dunne Books, St. Martin's Press, 2007. – x, 292 p.

The Economics of organized crime / Ed. by Gianluca Fiorentini and Sam Peltzman. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995. – xviii, 301 p.

Edwards, B. The history civil and commercial of the British colonies in the West Indies: vol. 1–5 / B. Edwards. – London, G. and W.B. Whittaker; 1818–1819. – 5 vol.

Edwards, Ph. The story of the voyage: sea-narratives in eighteenth-century England / Ph. Edwards. – Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1994. – x, 244 p.

Élisabeth, L. Géopolitique de la mer des Antilles / L. Élisabeth // Dix-Huitième Siècle. – 2001. – № 33. – P. 133–148.

Elliot, J. H. Imperial Spain, 1469–1716 / J.H. Elliot. – London, New York: Penguin Books, 1963. – viii, 411 p.

Elliot, J. H. Spain and its world, 1500–1700: Selected essays / J.H. Elliot. – New Haven: Yale University Press, 1989. – xvi, 295 p.

Elliot, J. H. Empires of the Atlantic World: Britain and Spain in America, 1492–1830 / J.H. Elliot. – New Haven: Yale University Press, 2006. – xx, 546 p.

Ellms, Ch. The pirates own book, or authentic narratives of the lives, exploits, and executions of the most celebrated sea robbers / Ch. Ellms. – Portland: Sanborn and Carter; Philadelphia: Thomas, Cowperthwait & Co, 1837. – 432 p.

Essays on the ritual of social relations / Ed. by Max Gluckman. – Manchester: Manchester University Press, 1962. – vii, 190 p.

Faller, L. Captain Misson's failed utopia, Crusoe's failed colony: Race and identity in new, not quite imaginable worlds / L. Faller // Eighteenth century: Theory and interpretation. – 2002. – Vol. 43. – № 1. – P. 1–17.

Farrère, C. Histoire de la marine Française / C. Farrère. – Paris: Flammarion, 1934. – 384 p.

Fernández-Armesto, F. Before Columbus exploration and colonizing from the Mediterranean to the Atlantic, 1229 – 1492 / F. Fernández-Armesto. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1987. – x, 283 p.

Fernández Duro, C. Armada Española desde la unión de los reinos de Castilla y de León: t. I–IX / C. Fernández Duro. – Madrid: Sucesores de Rivadeneyra, 1895–1903. – 9 t.

First images of America: the impact of the New World: vol. I–II / Ed. by Fredi Chiappelli; co-editor Michael J. B. Allen and Robert L. Benson. – Berkeley: University of California Press, 1976. – xii, 957 p.

Folz, R. The concept of empire in Western Europe from the fifth to the fourteenth century / R. Folz. – London: Edward Arnold, 1969. – xv, 250 p.

Fontana, D. The secret language of symbols: a visual key to symbols and their meanings / D. Fontana. – San Francisco: Chronicle Books, 1994. – 192 p.

Fox, E.T. Jacobitism and the «Golden age» of piracy, 1715 – 1725 / E.T. Fox // International Journal of Maritime History. – 2010. – Vol. XXII. – № 2. – P. 277 – 303.

Les français dans les Antilles: études linguistiques / Ed. par André Thibault. Paris: L'Harmattan, 2012. – 426 p.

Frobisher, K.A. Elizabethan hero: The life of sir Martin Frobisher / K.A. Frobisher. – North Charleston: BookSurge Pb., 2005. – 140 p.

Frohock, R. Common mischaracterizations of early English translations of Exquemelin's «Buccaneers of America» / R. Frohock // Notes and Queries. – 2010. – Vol. 57. – № 4. – P. 506–508.

Frohock, R. Buccaneers and privateers: the story of the English sea rover, 1675 – 1725 / R. Frohock. – Newark: University Of Delaware Press; Lanham, Md.: Rowman & Littlefield Pub. Group, 2012. – xii, 189 p.

Froude, J. A. The English in the West Indies. or, The bow of Ulysses / J.A. Froude. – New York : C. Scribner's Sons, 1888. – x, 373 p.

Fuchs, B. Mimesis and empire: the New World, islam and European identities / B. Fuchs. – Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2001. – xiii, 211 p.

Fulton, T. W. The sovereignty of the sea. An historical account of the claims of England to the dominion of the British Sea / T.W. Fulton. – Edinburgh: William Blackwood and Sons, 1911. – xxvi, 799 p.

Funk-Brentano, F. Les Brigands. Brigands et routiers. Barbe-Bleue. Fliboustiers. Cartouche. Mandrin. La grande peur. Chauffeurs. Le maquis / F. Funk-Brentano. – Paris: Hachette et Cie, 1913. – 328 p.

Funk-Brentano, F. L'Île de la Tortue / F. Funk-Brentano. – Paris: Renaissance du livre, 1902. – 252 p.

Funk-Brentano, F. Les lettres de cachet à Paris. Étude suivie d'une liste de prisonniers de la Bastille (1659–1789). / F. Funk-Brentano. – Paris: Imprimerie nationale, 1903. – liii, 482 p.

Furbank, Ph. N., Owens W. R. The canonization of Daniel Defoe / Ph. N. Furbank, W.R. Owens. – New Haven: Yale University Press, 1988. – ix, 210 p.

Furetière, A. Dictionnaire universel, contenant généralement tous les mots françois tant vieux que modernes, et les termes de toutes les sciences et des arts: vol. 1–3 / A. Furetière. – La Haye-Rotterdam: A. et R. Leers, 1690. – 2160 p.

Fury, Ch. A. Tides in the affairs of men: the social history of Elizabethan seamen, 1580–1603 / Ch. Fury. – Westport: Greenwood Press, 2002. – xiii, 293 p.

Galvin, P. R. Patterns of pillage: a geography of Caribbean-based piracy in Spanish America, 1536-1718 / P.R. Galvin. – New York: Peter Lang Press, Inc., 2000. – xiv, 271 p.

- Gambetta, D.* The Sicilian mafia: the business of private protection / D. Gambetta. – Cambridge: Harvard University Press, 1993. – 335 p.
- Gambetta, D.* Codes of the underworld: how criminals communicate / D. Gambetta. – Princeton: Princeton University Press, 2009. – xxv, 336 p.
- Games, A.* Atlantic history: definitions, challenges, and opportunities / A. Games // *American Historical Review*. – 2006. – Vol. 111. – № 3. – P. 741–757.
- Gardner, W.* A History of Jamaica A history of Jamaica from its discovery by Christopher Columbus to the year 1872 / W. Gardner. – London: Fisher Unwin, 1909. – xvi, 510 p.
- Geertz C.* Local knowledge. Further essays in interpretative anthropology. New York: Basic Books, 1983
- Gerhard, P.* Pirates on the West Coast of New Spain, 1575–1742 / P. Gerhard. – Glendale: Arthur Clark Co., 1960. – 274 p.
- Gilbert, A. N.* Buggery and the British Navy, 1700–1861 / A.N. Gilbert // *Journal of Social History*. – 1976. – Vol. 10. – № 1. – P. 72–98.
- Gill, A.* The *devil's mariner*: a life of William Dampier, pirate and explorer, 1651–1715 / A. Gill. London: Penguin Group, 1997. – xx, 396 p.
- Girard, A.* Le commerce Français à Séville et Cadix au temps des Habsbourgs. Contribution à l'étude du commerce étranger en Espagne aux XVI-e et XVII-e siècles / A. Girard. – New York: B. Franklin, 1967. – xxiii, 607 p.
- Glete, J.* Navies and nations. Warship, navies and state building in Europe and America, 1500–1860: vol. 1–2 / J. Glete. – Stockholm: Almqvist and Wiksell International, 1993. – ix, 752 p.
- Glete, J.* Warfare at sea, 1500 – 1650: Maritime conflicts and the transformation of Europe / J. Glete. – London, New York: Routledge, 2000. – viii, 231 pp.
- Glete, J.* War and the state in early modern Europe: Spain, the Dutch Republic and Sweden as fiscal-military states, 1500–1660 / J. Glete. – London, New York: Routledge, 2002. – viii, 278 p.
- Godechot, J.* Histoire de l'Atlantique / J. Godechot. – Paris: Bordas, 1947. – 364 p.

Godechot, J., Palmer R. Le problème de l'Atlantique du XVIII-ème au XX-ème siècle / J. Godechot, R. Palmer // *Relazioni del X congresso internazionale di scienze storiche*: bd. 1–6. – Firenze: Sansoni, 1955. – Bd.5. – P. 175–239.

Godinho, V. M. Crétion et dynamisme économique du monde atlantique (1420 – 1670) / V.M. Godinho // *Annales: Économies, Sociétés, Civilisation*. – 1950. – Vol. 5. – № 1. – P. 10–30.

Godinho, V. M. L'économie de l'empire Portugais sur XV-e et XVI-e siècles / V.M. Godinho. – Paris: SEVPEN, 1969. – 852 p.

Godinho, V.M. Portugal and her empire / V.M. Godinho // *The New Cambridge Modern History*. – Vol. VI / Ed. by J. S. Bromley. – Cambridge: Cambridge University Press, 1970. – P. 509–539.

Goodman, D.C. Power and penury: government, technology and science in Philip II's Spain / D.C. Goodman. – Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1988 – xii, 275 p.

Goodman, D.C. Spanish naval power, 1589–1665: reconstruction and defeat / D.C. Goodman. – Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1997. – xvi, 305 p.

Goslinga, C. Ch. The Dutch in the Carribbean and on the Wild Coast 1580–1680 / C.Ch. Goslinga. – Assen: Van Gorcum and Co. N.V. 1971. – xvi, 647 p.

Goslinga, C. Ch. The Dutch in the Caribbean and in the Guianas 1680–1791 / C.Ch. Goslinga. – Assen, Netherlands; Dover, USA: Van Gorcum, 1985. – xii, 712 p.

Gosse, Ph. The history of piracy / Ph. Gosse. – New York: Tudor Publishing Company, 1934. – xiv, 349 p.

Gosse, Ph. The pirates' who's who, giving particulars of the lives and deaths of the pirates and buccaneers / Ph. Gosse. – New York: Burt Franklin, 1924. – 328 p.

Goveia, E. X. A study on the historiography of the British West Indies to the end of the nineteenth century / E.X. Goveia. – Washington, D.C. : Howard University Press, 1980. – 181 p.

Les grandes voies maritimes dans le monde XY-e–XIX-e siècles: rapports présentés au XII-e congrès international des sciences historiques; Actes du septième colloque

international d'histoire maritime (Vienne, 29 août – 5 septembre 1965) / Éd. par M. Mollat. Paris: SEVPEN, 1965. – 331 p.

Graeber, D. Fragments of an anarchist anthropology / D. Graeber. – Chicago: Prickly Paradigm Press, 2004. – 105 p.

Graham, G. The politics of naval supremacy / G. Graham. – Cambridge: Cambridge University Press, 1965. – viii, 131 p.

Granier H. La pensée navale française dans la première moitié du XVII-e siècle (http://www.stratisc.org/PN2_Granier.html).

Graus, F. Social utopias in the Middle ages / Graus F. // Past and Present. – 1967. – Vol. 38. – № 1. – P. 3–19.

Gray, C. S. The leverage of seapower. The strategic advantage of navies in war. New York: The Free Press; Toronto: Maxwell Macmillan Canada; New York: Maxwell Macmillan International, 1992. – xii, 372 p.

Greciet, V. Contribution à l'étude de la corse. Les corsaires bordelais au XVIII-e siècle: t. 1–2 / V. Greciet. – Bordeaux: Université de Bordeaux, 1982. – 2 t.

Green, L.C., Dickason, O. P. The law of nations and the New World. – Edmonton: The University of Alberta Press, 1989. – xiii, 303 p.

Greenblatt, St. Marvelous possessions: the wonder of the New World / St. Greenblatt. – Oxford: Clarendon Press, 1991. – xiii, 202 p.

Greenblatt, St. Sir Walter Raleigh: the Renaissance man and his roles / St. Greenblatt. – New Haven: Yale University Press, 1973. – xii, 209 p.

Grose, F. Dictionary of the vulgar tongue / F. Grose. – London: Printed for C. Chappel, 1811. – viii, 224 p.

Groulx, L. Le découverte du Canada – Jacques Cartier / L. Groulx. – Montréal: Fides, 1966. – xx, 193 p.

Guénin, E. Ango et ses pilotes (d'après les documents inédits tires des archives de France, de Portugal et d'Espagne) / E. Guénin. Paris: Imprimerie nationale, 1901. – ix, 292 p.

Guilmartin, J. F. Gun powder and galleys: changing technology and Mediterranean warfare at sea in the sixteenth century / J.F. Guilmartin. – London: Cambridge University Press, 1974. – xiv, 321 p.

Guttridge, G. H. The colonial policy of William III in America and the West Indies / G.H. Guttridge. – Cambridge: University Press, 1922. – viii, 189 p.

The Hakluyt Handbook: vol. I–II / Ed. by David B. Quinn. – London: The Hakluyt Society, 1974. – xxvii, 706 p.

Hamilton, E.J. American treasure and the price revolution in Spain, 1501–1650 / E.J. Hamilton. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1934. – xxxv, 428 p.

Hancock, D. The British Atlantique world: co-ordination, complexity and the emergence of an Atlantic market economy, 1651–1815 / D. Hancock // Itinerario. – 1999. – Vol. 23. – Issue 2. – P. 107–126.

Hancock, D. Citizens of the world: London merchants and the integration of the British Atlantic community, 1735–1785 / D. Hancock. – Cambridge, New York: Cambridge University Press., 1995 – xxiii, 497 p.

Hanna, W. L. Lost harbor: the controversy over Drake's California anchorage / W.L. Hanna. – Berkeley: University of California Press, 1979. – xvii, 459 p.

Hanotaux, G., Martineau, A. Histoire des colonies Françaises et de l'expansion de la France dans le monde: t. I–VI / G. Hanotaux, A. Martineau. – Paris: Plon, 1929–1933. – 6 t.

Hargevik, St. The disputed assignment of «Memoirs of an English officer» to Daniel Defoe: vol. 1–2 / St. Hargevik. – Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1974. – 2 vol.

Haring, C. H. The buccaneers in the West Indies in the XVII century / C.H. Haring. – London: Methuen and Co. Ltd, 1910. – viii, 298 p.

Haring, C. H. The Spanish empire in America / C.H. Haring. – New York: Oxford University Press, 1947. – viii, 388 p.

Haring, C. H. Trade and navigation between Spain and the Indies in the time of the Hapsburgs / C.H. Haring. – Cambridge: Harvard University Press, 1918. – xxviii, 371 p.

Harvisse, H. Jean et Sébastien Cabot, leur origine et leurs voyages: étude d'histoire critique, suivie d'une cartographie, d'une bibliographie et d'une chronologie des voyages au nord-ouest de 1497–1550 / H. Harvisse. – Paris: Ernest Leroux, 1882. – 400 p.

Hautefeuille, L.-B. Histoire des origines, des progrès et des variations du droit maritime international / L.-B. Hautefeuille. – Paris: Guillaumin et cie, 1869. – xv, 482 pp.

Havard, G., Vidal, C. Histoire de l'Amérique française / G. Havard, C. Vidal. – Paris: Flammarion, 2003. – 560 p.

Hayes, P. Pirates, privateers and the contract theories of Hobbes and Locke / P. Hayes // *History of Political Thought*. – 2008. – Vol. 29. – Issue 3. P. 461–484.

Heers, J. Gênes au XV-e siècle. Activité économique et problèmes sociaux / J. Heers. – Paris: SEVPEN, 1961; 741 p.

Henningsen, H. Crossing the equator. Sailors' baptism and other initiation rites / H. Henningsen. – Copenhagen: Munksgaard, 1961. – 324 p.

Hill, C. The world turned upside down: Radical ideas in the English revolution / C. Hill. – New York: Viking Press, 1972. – 353 p.

Hill, C. Radical pirates? // *The collected essays of Christopher Hill*. – Vol. III (People and ideas in 17th century England) / C. Hill. – Brighton: Harvester, 1986. – xi, 340 p.

Hill, C. Liberty against the law: some seventeenth-century controversies / C. Hill. – London: Allen Lane; New York: Penguin Books, 1996. – x, 354 p.

Hill, Ch. Episodes of piracy in the eastern seas 1519 to 1851 / Ch. Hill // *The Indian antiquary*. – March 1920. – Vol. XLIX. – P. 37 – 42.

Hillman, H., Gathmann, Ch. From privateering to navy: How sea power became a public good / H. Hillman, Ch. Gathmann // <http://www2.warwick.ac.uk/fac/soc/economics/staff/faculty/harrison/assa2008/gathmannhenning.pdf>

Hobsbawm, E.J. Primitive rebels: Studies in archaic forms of social movement in the 19-th and 20-th centuries / E.J. Hobsbawm. – Manchester: Manchester University Press, 1959. – 210 p.

Hobsbawm, E. J. Labouring man: studies in the history of labour / E.J. Hobsbawm. – London: Weidenfeld and Nicolson, 1964. – viii, 401 p.

Hobsbawm, E. J. Bandits / E.J. Hobsbawm. – London: Weidenfeld and Nicolson, 1969. – 128 p.

Hobsbawm, E. J., Rudé, G. Captain Swing / E.J. Hobsbawm. G. Rudé. – London: Lawrence and Wishart, 1969. – 384 p.

Hoffman, P. E. The Spanish crown and the defense of the Caribbean, 1535–1585: precedent, patrimonialism and royal parsimony / P.E. Hoffman. – Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1980 – xiv, 312 p.

Hogg, R. Naval architecture and ship construction / R. Hogg. – London: Institute of Marine Engineers, 1956. – 336 p.

Hoerder, D. Crowd action in revolutionary Massachusetts, 1765–1780 / D. Hoerder. – New York: Academic Press, 1977. – xvi, 394 p.

Hoogewerff, G.J. Hendrik Smeeks, geschiedschrijver der boekaniers / G.J. Hoogewerff // Tijdschrift voor Geschiedenis. – 1930. – № 45. – S. 225–236.

Hoppé, E. O. Pirates, buccaneers and gentlemen adventurers / E.O. Hoppé. – Cranbury: Barnes and Company; London: Yoseloff, 1972, 1972. – 139 p.

Hrodej, Ph. Jacques Cassard – armateur et corsaire du Roi-Soleil / Ph. Hrodej. – Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2002. – 316 p.

Hubert-Robert, R. L'Histoire merveilleuse de la Louisiane Française: Chronique des XVIIe et XVIIIe siècles et de la cession aux Etats-Unis / R. Hubert-Robert. – New York: Éditions de la Maison Française. 1941. – 374 p.

Hughson, S. C. The Carolina pirates and colonial commerce, 1670–1740 / S.C. Hughson. – Baltimore: John Hopkins Press, 1894. – 134 p.

Hughson, S. C. Blackbeard and the Carolina pirates: the Carolina pirates and colonial commerce, 1670–1740 / S.C. Hughson. – Hampton, Va.: Port Hampton Press, 2000. – xvi, 143 p.

Hulme, P. Colonial encounters: Europe and the native Caribbean, 1492–1797 / P. Hulme. – London, New York: Routledge, 1992. – xv, 348 p.

India and the Indian ocean, 1500–1800 / Ed. by Ashin Das Gupta and M. N. Pearson. – Calcutta, Oxford University Press, 1987 – xi, 363 p.

Iron men, wooden women: gender and seafaring in the Atlantic world, 1700–1920 / Ed. by Margaret S. Creighton and Lisa Norling. – Baltimore, London: Johns Hopkins University Press, 1996. – xvii, 295 p.

Israel, J. I. The Dutch republic and the Hispanic world, 1606–1661 / J.I. Israel. – Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press, 1982. – xvi, 478 p.

Israel, J. I. Dutch primacy in world trade, 1585–1740 / J.I. Israel. – Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press, 1989. – xxi, 462 p.

Israel, J. The Dutch republic: its rise, greatness and fall, 1477–1806 / J.I. Israel. – Oxford: Oxford University Press, 1998. – xxx, 1231 p.

Jack Tar in history: essays in the history of maritime life and power / Ed. by Colin Howell and Richard J. Twomey. – Fredericton: Acadiensis Press, 1991. – 275 p.

Jacquin, P. Sous le pavillon noir: pirates et flibustiers / P. Jacquin. – Paris: Gallimard, 1988. – 185 p.

Jal, A. Archéologie navale: vol. I–II / A. Jal. – Paris: Arthus Bertrand, 1840. – 2 vol.

Jal, A. Nouveau glossaire nautique d'Augustin Jal: dictionnaire multilingue des termes de la marine à voiles. Révision de l'édition publiée en 1848: vol. I–XII («Lettre A–B... N») / A. Jal. Paris, La Haye: Mouton; puis Paris: Éditions du C.N.R.S, 1988–2011. – 12 vol.

James, A. Navy and government in early modern France, 1572–1661 / James A. – Suffolk, UK; Rochester, NY: Royal Historical Society, Boydell and Brewer Inc., 2004. – ix, 198 p.

Jankowski, M. S. Islands in the streets: gangs and American urban society / M.S. Jankowski. – Berkeley: University of California Press, 1991. – 393 p.

Jennings, W. P. A note on the economics of organized crime / W.P. Jennings // Eastern economic journal. – 1984. – Vol. 10. – № 1. – P. 315–321.

Jeans, P. D. Seafaring lore and legends: a maritime miscellany of myth, superstitions, fable and fact / P.D. Jeans. – Camden: International Marine; McCraw-Hill, 2004. – xiii, 370 p.

Jenner, G. A. Spanish account of Drake's voyages / G.A. Jenner // *English Historical Reviw.* – 1901. – Vol. XVI. – № 61. – 46–66.

Jowitt, C. The culture of piracy, 1580-1630: English literature and seaborne crime / C. Jowitt. – Farnham; Burlington: Ashgate Publishing, 2010. – x, 232 p.

Julien, Ch.-A. Les voyages de découverte et les premiers établissements (XV-e–XVI-e siècles) / Ch.-A. Julien. – Paris: Presses Universitaires, 1947. – 533 p.

Kadlec, R. F. They «knew» Billy the Kid: interviews with old-time new Mexicans / R.F. Kadlec. – Santa Fe: Ancient City Press, 1987. – ix, 126 p.

Kaltenbergh, L. Czarne żagle czterdziestu mórz / L. Kaltenbergh. – Warszawa: Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1979. – 336 s.

Kamen, H. Early Modern European Society / H. Kamen. – New York: Routledge, 2000. – x, 281 p.

Kamen, H. The iron century: social change in Europe, 1550–1660: vol. 1–2 / H. Kamen. – London: Weidenfeld and Nicolson, 1971. – xiv, 464 p.

Karraker, C.H. Piracy was a business / C.H. Karraker. – Rindge: Richard R. Smith Publishers, Inc., 1953. – 244 p.

Keen M.H. The laws of war in the late middle ages / M.H. Keen. – London: Routledge & Kegan Paul; Toronto: Universite of Toronto Press, 1965. – xi, 291.

Kelly, J. The pirate, the ambassador and the map-maker (captain Bartholomew Sharpe) // *History Today.* – 1998. – Vol. 48. – Issue 7. – P. 49–55.

Kelsey, H. Did Francis Drake really visit California? / H. Kelsey // *Western Historical Quarterly.* – 1990. – Vol. 21. – P. 445–462.

Kelsey, H. Sir Francis Drake: the queen's pirate / H. Kelsey. – New Haven: Yale University Press, 1998. – xviii, 566 p.

Kelsey, H. Sir John Hawkins: queen Elizabeth's slave trader / H. Kelsey. – New Haven: Yale University Press, 2003. – xiv, 402 p.

- Kemp, P. H., Lloyd, C.* The brethren of the coast: British and French buccaneers in the South Seas / P.H. Kemp, C. Lloyd. – London: Heinemann, 1960. – 248 p.
- King, P.* Crime, justice, and discretion in England, 1740–1820 / P. King. – Oxford, New York: Oxford University Press, 2003 – xiv, 386 p.
- King, R.* The Jagiellonian Globe, a Key to the Puzzle of Jave la Grande // The Globe: Journal of the Australian Map Circle. – 2009. – №.62. – P.1–50.
- Kinkor, K. J.* Black Men Under the Black Flag // http://www.whydah.com/pdf_other/WRF_BlackPirates_Long_4Web.pdf.
- Klausmann, U., Meinzerin, M., Kuhn, G.* Women pirates and the politics of the Jolly Rodger / U. Klausmann, M. Meinzerin, G. Kuhn. – Montréal, New York: Black Rose Books, 1997. – x, 280 p.
- Knorr, Kl.* British colonial theories, 1575–1850 / Kl. Knorr. – Toronto: University of Toronto Press, 1944. – xix, 429 p.
- Konstam, A.* The history of pirates / A. Konstam. – New York: The Lyons Press, 1999. – 192 p.
- Konstam, A.* Blackbeard: America's most notorious pirate / A. Konstam. – Hoboken, New Jersey: John Wiley and Sons, Inc., 2006. – xiv, 322 p.
- Kuhn, G.* Life under the Jolly Roger: reflections on Golden Age piracy / G. Kuhn. – Oakland: PM Press, 2010. – vii, 265 p.
- Kupperman, K. O.* Providence Island, 1630 – 1641: the other Puritan colony / K.O.Kupperman. – Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1993. – xii, 393 p.
- Lacey, R.* Sir Walter Raleigh / R. Lacey. – London: Cardinal, 1975. – 461 p.
- Lacour-Gayet, G.* La marine militaire de la France sous les règnes de Louis XIII et de Louis XIV: t. I (Richelieu, Mazarin, 1624–1661) / G. Lacour-Gayet. –Paris: Éditions Hampione, 1911. – 268 p.
- La Fontaine, Verwey H. de.* The ship's surgeon Exquemelin and his book on the buccaneers / H. de La Fontaine Verwey // Quaerendo. – 1974. – Vol. IV. – № 2. – P. 109–131.

- Lair J.* Nicolas Fouquet, procureur général, surintendant des finances, ministre d'Etat de Louis XIV. Paris, 1890. Vol. 1-2
- Land, C.* Flying the black flag: revolt, revolution and the social organization of piracy in the «golden age» / C. Land // *Management and Organizational History*. – 2007. – Vol. 2. – № 2. – P. 169–192.
- Lane, F. C.* Profits from power: readings in protection rent and violence-controlling enterprise / F.C. Lane. – Albany: State University of New York Press, 1979. – 128 p.
- Lane, K. E. R.* Pillaging the empire: piracy in the Americas, 1500–1750 / K.E. Lane. – Armonck, New York and London: M. E. Sharpe, 1998. – xxiv, 226 p.
- Larochelle, D.* Du ciel au bateau. La «Cosmographie» (1544) du pilote Jean Alfonse et la construction du savoir géographique au XVI-e siècle / D. Larochelle. – Québec: Université de Sherbrooke, 2001. 123 p.
- La Roërie, G., Vivielle, J.* Navires et marins de la rame à l'hélice: vol. I–II / G. La Roërie, J. Vivielle. – Paris: Duchartre et Van Buggenhoudt, 1930. – 284, 412 p.
- La Roncière, Ch. de.* Histoire de la marine Française: t. I–VI / Ch de La Roncière. – Paris: Plon-Nourrit et Cie, 1899–1932. – 6 vol.
- La Roncière, M., Mollat M.* Les portulans: cartes marines du XIII au XVII siècles / M. La Roncière, M. Mollat. Paris: Nathan, 1984. – 295 p.
- Lassus, A., Darrigrand, P.* Biarritz, ses marins et ses corsaires / A. Lassus, P. Darrigrand. – Biarritz: J. et D. Éditions, 1997. – 311 p.
- Latimer, J.* Buccaneers of the Caribbean: how piracy forged an empire / J. Latimer. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2009. – 342 p.
- La Varende, J. de.* Jean Bart. Pour de vrai / J. de La Varende. – Paris: Flammarion, 1957. – 232 p.
- Le Bouëdec, G.* La Compagnie des Indes et le cabotage atlantique au 18-e siècle / G. Le Bouëdec // *Bulletin de la société d'histoire moderne et contemporaine*. – 1997. – № 1-2. – P. 53–69.
- Le Bris, M.* La cuisine de flibustiers / M. Le Bris. – Paris: Éditions Phébus, 2002. – 283 p.

Lee, R. E. Blackbeard the pirate: a reappraisal of his life and times / R.E. Lee. – Winston-Salem, N.C.: J.F. Blair 1974. – viii, 264 p.

Leeson, P. T. An-arrgh-chu: The law and economics of pirate organization / P.T. Leeson // *Journal of political economy*. – 2007. – Vol. 115. – № 6. – P. 1049–1094.

Leeson, P. T. The calculus of piratical consent: The myth of the myth of social contract / P.T. Leeson // *Public Choice*. – 2009. – Vol. 139. – № 3,4. – P. 443–459.

Leeson, P. T. The invisible hook: the hidden economics of pirates / P.T. Leeson. – Princeton: Princeton University Press, 2009. – xvi, 271 p.

Leeson, P.T. Pirational choice: the economics of infamous pirate practices / P.T. Leeson // *Journal of Economic Behavior and Organization*. – 2010. – Vol. 76. – № 3. – P. 497–510.

Leeson, P.T. Rationality, pirates and the law: a retrospective / P.T. Leeson // *American University Law Review*. – 2010. – Vol. 59. – № 5. – P. 1219–1230.

Lefranc, P. Sir Walter Raleigh écrivain: L'oeuvre et les idées / P. Lefranc. – Paris: Armand Colin, 1968. – 738 p.

Lemish, J. Jack Tar vs. John Bull: the role of New York's seamen in precipitating the Revolution / J. Lemish; introduction by Marcus Rediker. – New York: Garland Publishing, 1997. – xx, 180 p.

Leslie E. E. Desperate journeys, abandoned souls: true stories of survivors. Boston, New York, 1988.///

The Lesser Antilles in the age of European expansion / Ed. by Robert L. Paquette and Stanley L. Engerman. – Gainesville: University of Florida Press, 1996 – xii, 383 p.

Les grandes voies maritimes dans le monde: XV-e–XIX-e siècles. Rapports présentés au XII-e Congrès international des sciences historiques par la Commission internationale d'histoire maritime à l'occasion de son 7e colloque (Vienne, 29 août–5 septembre 1965). – Paris: SEVPEN, 1965. – 331 p.

Lestringant, F. Sous la leçon des vents: le monde d'André Thevet, cosmographe de la Renaissance / F. Lestringant. – Paris: Presse de l'Université de Paris-Sorbonne, 2003. – 471 p.

Lestringant, F. Le Huguenot et le sauvage: L'Amérique et la controverse coloniale en France au temps des guerres de religion (1555–1589) / F. Lestringant. – Genève: Librairie Droz, 2004. – 628 p.

Lewin, L. The oligarchical limitations of social banditry in Brazil: the case of the «Goad» Thief Antônio Silvino / L. Lewin // *Past and Present*. – 1979. – Vol. 82. – № 1. – P. 116–146.

Lewin, L. Oral tradition and elite myth: the legend of Antônio Silvino in Brazilian popular culture / L. Lewin // *Journal of Latin American Lore*. – 1979. – Vol. 5. – № 2. – P. 157–204.

Lewis, M. Armada guns, a comparative study of English and Spanish armaments / M. Lewis. – London: George Allen and Unwin, 1961. – 243 p.

Lewis, M. The navy of Britain. A historical portrait / M. Lewis. – London: Allen and Unwin, 1949. – 560 p.

Lewis, M. The spanish armada / M. Lewis. – London: Pan Books, 1970. – 240 p.

Les Lieux de Mémoire: t. I–III / Sous la direction de Pierre Nora. – Paris; Gallimard, 1984–1992. – 3 vol.

Lindley, B. S. Pirates, privateers and rebel raiders of the Carolina coast / B.S. Lindley. – Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2000. – xvi, 275 p.

Linebaugh, P. The London hanged: Crime and civil society in the 18-th century / P. Linebaugh. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1992. – xxvii, 484 p.

Linebaugh, P., Rediker, M. The many-headed hydra: sailors, slaves, commoners, and the hidden history of the revolutionary Atlantic / P. Linebaugh, M. Rediker. – Boston: Beacon Press, 2000. – 433 p.

Linon-Chipon, S. Gallia orientalis: voyages aux Indes Orientales (1529–1722). Poétique et imaginaire d'un genre littéraire en formation / S. Linon-Chipon. – Paris: Presse de L'Université de Paris-Sorbonne, 2003. – 692 p.

Linon-Chipon, S. Le passage de la ligne ou le carnaval de la mer, Luillier (1705) et Leguat (1707) / S. Linon-Chipon // *Dix-Huitième siècle*. – 1990. – № 22. – P. 185–194.

- Little, B. D. G.* Crusoe's captain: being the life of Woodes Rogers, seaman, trader, colonial governor / B. D.G. Little. – London: Oldhams Press, 1960. – 240 p.
- Little, B.* The sea rover's practice: pirate tactics and techniques, 1630–1730 / B. Little. – Washington: Potomac Books, Inc., 2007. – xiii. 303 p.
- Little, B.* Pirate hunting: the fight against pirates, privatters and sea raiders from antiquity to the present / B. Little. – Washington : Potomac Books, 2010. – xv, 359 p.
- Liungman, C. G.* The Dictionary of symbols: western ideograms / C.G. Liungman. – Santa Barbara, Calif. : ABC-CLIO, 1991. – ix, 596 p.
- Lives, exploits and cruelties of the most celebrated pirates and sea robbers. – Halifax: Milner and Sowerby, 1861. – 448 p.
- Lloyd, C.* Bartholomew Sharp, buccaneer / C. Lloyd // *The Mariner's Mirror*. – 1956. – № 42. – P. 291–301.
- Loades, D. M.* The Tudor navy: an administrative, political and military history / D.M. Loades. – Aldershot: Scolar Press; Brookfield, Vt.: Ashgate Pub., 1992. – 317 p.
- Loades, D.M.* Elizabeth I / D.M. Loades. – London, New York: Continium International Publishing Group, 2003. – xxii, 410 p.
- The London encyclopaedia / Ed. by Ben Weinreb and Christopher Hibbert. – London: Adler and Adler Publishers, 1985. – 1029 p.
- Longfield-Jones, G.M.* Buccaneersing doctors / G.M. Longfield-Jones // *Medical History*. – 1992. – № 36. – P. 187–206.
- Lougnon, A.* L'île Bourbon pendant la Régence / A. Lougnon. – Paris: Éditions Larose, 1956. – 379 p.
- Lower, J. A.* Ocean of destiny: a concise history of the North Pacific, 1500–1978 / J.A. Lower. – Vancouver: University of British Columbia Press, 1978. – xiv, 242 p.
- Lucie-Smith, E.* Outcasts of the sea: pirates and piracy / E. Lucie-Smith. – New York: Paddington Press Ltd, 1978. – 256 p.
- Ludlow, P.* Crypto anarchy, cyberstates and pirate utopias / P. Ludlow. – Cambridge, Mass.: The MIT Press, 2001. – xxii, 485 p.

Lugat, C. Les corsaires basques et la guerre de course classique (XVII) / C. Lugat // *Zainak*. – 2002. – Vol. 21. – P. 397–409.

Lydenberg, H. M. Crossing the line: tales of ceremony during four centuries / H.M. Lydenberg. – New York: New York Public Library, 1957. – 239 p.

Lynch, J. Spain under Habsbourgs: vol. 1–2 (Empire and absolutism, 1516–1598; Spain and America, 1598–1700) / J. Lynch. – New York: Oxford University Press, 1964. – xxviii, 374 p.; viii, 297 p.

Lynn, J. A. Giant of the grand siècle: the French army, 1610–1715 / J.A. Lynn. – Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1997. – xx, 651 p.

Mabee, B. Pirates, privateers and the political economy of private violence / B. Mabee // *Global change, peace and security: Formerly Pacifica review: Peace, security and global change*, 1478–1166. – 2009. – Vol. 21. – № 2. – P. 139–152.

Mac-Farlane, Ch. The lives and exploits of banditti and robbers in all parts of the world: vol. 1–2 / Ch. Mac-Farlane. – London: Edward Bull, Holles Street, and J. Andrews, New Bond Street, 1833. – iv, 328; iv, 312 p.

Malo, H. Les corsaires: Les corsaires dunkerquois et Jean Bart: vol. I–II / H. Malo. – Paris: Mercure de France, 1912–1913. – 462; 517 p.

Mancke, E. Early modern expansion and the politicization of oceanic space / E. Mancke // *The Geographical Review*. – 1999. – Vol. 89. – № 2.

Mapas Españoles de America. Siglos XV–XVII / Publié par Jacobo Stuart Fitzjames y Falco, duke de Alba; sous la direction de Guillen Tato. – Madrid: [Privately Printed,] 1951. – xv, 351 p.

Marcel, G. Le surintendant Fouquet, vice-roi d'Amérique / G. Marcel // *Revue de géographie*. – 1885. – T. XVI. – P. 131–142.

Marcel, G. Les corsairs français au XVI-e siècle dans les Antilles / G. Marcel // *Compte rendu du Congrès international des Américanistes tenu à Paris en septembre 1900*. – Paris: Ernest Leroux, 1902. – P. 63–89.

Margry, P. Origines transatlantiques: Bélain d'Esnambuc et les Normands aux Antilles, d'après les documents nouvellement retrouvés / P. Margry. – Paris: Librairie A. Faure, 1863. – 105 p.

Margry, P. Les navigations française et la révolution maritime du XIV au XVI siècle, d'après les documents inédits tirés de France, d'Angleterre, d'Espagne et d'Italie / P. Margry. – Paris: Librairie Tross, 1867. – 443 p.

Marx, J. Pirates and privateers of the Caribbean / J. Marx. – Malabar: Krieger Publishing Company, 1992. – x, 310 p.

Marzagalli, S. Sur les origines de L' «Atlantic history»: paradigme interprétatif de l'histoire des espaces atlantiques à l'époque moderne / S. Marzagalli // Dix-Huitième siècle. – 2001. – № 33. – P. 17–31.

Marzagalli, S. L'Histoire atlantique en Europe / S. Marzagalli // Nuevo Mundo. L'histoire atlantique de part et d'autre de l'Atlantique / Journée d'études organisée par Cécile Vidal le 24 mars 2006 à l'EHESS. – Paris, 2006 (<http://nuevomundo.revues.org/index42463.html>).

Mas-Latrie, R. M. de. Du droit de marque ou droit de représailles au moyen-âge / R.M. de Mas-Latrie // Bibliothèque de l'École des Chartes. – 1866. – Vol. 27. – № 1. – P. 529–577.

Mattingly, G. The defeat of the Spanish Armada / G. Mattingly. – London: Jonathan Cape, 1959. – 382 p.

Maulde la Clavière, R. de. Le système de représailles internationales usité au moyen-âge / R. de Maulde la Clavière // Comptes-rendu de séance de l'Académie des inscriptions et belles-lettres. – 1892. – 36-e année. – № 3. – P. 166.

Mauro, M. Fr. L'expansion européenne (1600–1870) / M.Fr. Mauro. – Paris: Presses Universitaires de France, 1967. – 419 p.

MacFarlane, A. The British in the Americas, 1480–1815 / A. MacFarlane. – London: Longman, 1994. – xiv, 365 p.

McAllister, L. H. Spain and Portugal in the New World, 1492–1700 / L.H. McAllister. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1984. – xxvi, 585 p.

McGowen, R. The body and punishment in the eighteenth century / R. McGowen // *Journal of Modern History*. – 1987. – Vol. 59. – № 4. – P. 651–679.

McGregor, J. F., Capp, B., Smith, N., Gibbons, B. J. Debate. Fear, myth and furore: Reappraising the «rangers» (17th-century English religious sect). Response to J. C. Davis / J.F. McGregor, B. Capp, N. Smith, B.J. Gibbons // *Past and Present*. – 1993. – Vol. 140. – № 1. – P. 155–194.

McDermott, J. Martin Frobisher: Elizabethan privateer / J. McDermott. – New Haven: Yale University Press, 2001. – xv, 509 p.

McKee, A. From merciless invaders: the defeat of the Spanish Armada / A. McKee. – London: Souvenir Press Ltd., 1987. – 288 p.

McNeil, W. H. The pursuit of power: technology, armed force and society since A. D. 1000 / W.H. McNeil. – Oxford: Basil Blackwell, 1983. – x, 405 p.

Means, Ph. A. The Spanish Main: focus of envy, 1492–1700 / Ph. A. Means. – New York, London: Charles Scribner's Son, 1935. – xi, 278 p.

Medick H. Plebeian culture in the transition to capitalism / H. Medick // *Culture, ideology and politics: Essays for Eric Hobsbawn* / Ed. by Raphael Samuel and Gareth Stedman Jones. – London: Routledge and Kegan Paul, 1982. – P. 84–112.

Meinig, D. W. The shaping of America. A geographical perspective on 500 years of history: vol. I (Atlantic America, 1492–1800) / D.W. Meinig. – New Haven: Yale University Press, 1988. – xxii, 502 p.

Meyer, J. Louis XIV et les puissances maritimes / J. Meyer // *XVII-e siècle*. – 1979. – T. XXXI. – № 2. – P. 155–172.

Meyer, W. English privateering in the war of 1688 to 1697 / W. Meyer // *Mariner's Mirror*. – 1981. – Vol. 67. – P. 259–264.

Meyer, W. English privateering in the war of the Spanish Succession, 1702–1713 / W. Meyer // *Mariner's Mirror*. – 1983. – Vol. 69. – P. 435–446.

Michel, P. Jehan Ango: l'armateur dieppois de la Renaissance / P. Michel // dieppe.fr/quiquengrogne/quiquengrogne35-ango.pdf.

Mimes, S. L. Colbert's West India policy / S.L. Mimes. – New Haven: Yale University Press, 1912. – xiv, 385 p.

Modelski, G., Thompson W.R. Seapower in global politics, 1494–1993 / G. Modelski, W.R. Thompson. – Basingstoke: Macmillan, 1988. – xii, 380 p.

Mollat, M. Le commerce maritime normand à la fin du Moyen-Âge. Étude d'histoire économique et sociale / M. Mollat. – Paris: Plon, 1952. – xxxv, 617 p.

Mollat, M. De la piraterie sauvage à la course règlementée (XIV-e – XV-e siècle) / M. Mollat // Mélanges de l'École française de Rome, Moyen-Age, Temps modernes. – 1975. – Vol. 87. – № 1. – P. 7–25.

Monod, P. K. Jacobitism and the English people, 1688–1788 / P.K. Monod. – Cambridge: Cambridge University Press, 1989. – xvi, 408 p.

Montégut, H. B. de. Philippe de Gentils de Lajonchapt, marquis de Langallerie, premier baron de Saintonge, lieutenant-général des armées du roi, feld-maréchal au service d'Autriche, 1661–1717 / . H.B. de Montégut. – Angoulême: A. Nadaut, 1866. – 36 p.

Montgomery, M. History of the West Indies: vol. I–V / R. Montgomery. – London: J. Cochrane, 1834–1835.

Moore, D. D. A general history of Blackbeard the pirate, the «Queen Anne's Revenge» and the «Adventure» / D.D. Moore // <http://www.ah.der.state.ne.us/gar/HISTORY/history1.htm>.

Moore, J. R. Defoe in the pillory and other studies / J.R. Moore. – Bloomington: Indiana University, 1939. – xii, 249 p.

Moore J. R. Defoe, Selkirk and John Atkins / J.R. Moore // Notes and Queries. – 1940. – Vol. CLXXIX. – P. 436–438.

Moore, J. R. Defoe's sources for «Robert Drury's Journal». Bloomington: Indiana University, 1943. – 87 p.

Moore, J. R. Daniel Defoe: a citizen of the modern world / J.R. Moore. – Chicago: University of Chicago Press, 1958. – ix, 206 p.

Moral economy and popular protest: crowds, conflict and authority / Ed. by Adrian Randall and Andrew Charlesworth. – Basingstoke: MacMillan, 1999 – xvi, 280 p.

- Moreau, J.-P.* Les Petites Antilles de Christophe Colomb à Richelieu (1493 – 1635) / J.-P. Moreau. – Paris: Karthala Editions, 1991. – 321 p.
- Moreau, J.-P.* Un flibustier français dans la mer des Antilles / J.-P. Moreau; préf. Jean Meyer. – Paris: Éditions Petite Bibliothèque Pavot, 2002. – 327 p.
- Moreau, J.-P.* Une histoire des pirates des mers du Sud à Hollywood / J.-P. Moreau. – Paris: Éditions Tallandier, 2006. – 558 p.
- Morgan, A.* A history of the family of Morgan, from the year 1089 to present times / Morgan. – New York: Scribners, 1902. – 297 p.
- Morineau, M.* Pour une histoire économique vraie / M. Morineau. – Lille: Press universitaires de Lille, 1985. – 512 p.
- Morineau, M.* La vraie nature des choses et leur enchaînement entre la France, les Antilles et l'Europe (17-e–19-e siècle) / M. Morineau // Revue française d'histoire d'Outre-mer. – 1997. – № 84. – P. 3–24.
- Morison, S. E.* The European discovery of America: the northern voyages, A. D. 500–1600 / S.E. Morison. – New York: Oxford University Press, 1971. – xiv, 712 p.
- Morison, S. E.* The European discovery of America: the southern voyages, 1492–1616 / S.E. Morison. – New York: Oxford University Press, 1974. – xvii, 758 p.
- Morison, S. E.* The great explorers: the European discovery of America / S.E. Morison. – New York: Oxford University Press, 1978. – xxv, 752 p.
- Morton, A. L.* The English utopia / A.L. Morton. – London: Lawrence and Wishart, 1952. – 230 p.
- Mota, F.* Piratas en el Caribe / F. Mota. – La Habana: Casa de las Américas, 1984. – 428 p.
- Muhlstein, A.* La Salle: explorer of the North American frontier / A. Muhlstein. – New York, Arcade Publishing 1994. – x, 244 p.
- Murdoch, S.* Des réseaux de conspiration dans le Nord? Une étude de la franc-maçonnerie jacobite et hanovrienne en Scandinavie et en Russie, 1688–1746 / S. Murdoch // Politica Hermetica. La franc-maçonnerie et les Stuarts au XVIII-e siècle: stratégies politiques, réseaux entre mythes et réalités. – 2010. – № 24. – P. 29–56.

- Murdoch, S.* Soldiers, sailors, jacobite spy: the scottish jacobites in Russia 1688–1750 / S. Murdoch // Slavonica. – 1996. – Vol. 3. – № 1. – P. 7–28.
- Murphy, H. C.* The voyage of Verrazano: a chapter in the early history of maritime discovery in America / H.C. Murphy. – New York: [s.n.], 1875. – viii, 198 p.
- Murray, J.J.* Sweden and the Jacobites / J.J. Murray // Huntington Library Quarterly. – 1944–1945. – Vol. VIII. – P. 259–276.
- Nadal G. L.* El corsarisme mallorquí a la Mediterrània occidental, 1682 – 1698: Un comerç forçat / G.L. Nadal. – Palma de Mallorca: Govern Balearn, 1986.
- Naval history, 1500–1800 / Ed. by Ján Glete. Burlington, VT: Ashgate Publishing, 2005. – xxvi, 537 p.
- Navies in Northern waters, 1721–2000 / Ed. by Rolf Hobson and Tom Kristiansen. – London, Portland: Frank Cass, 2004. – 357 p.
- Nebenzahl, K.* Atlas of Columbus and the great discoveries / K. Nebenzahl. – Chicago: Rand McNally, 1990. – viii, 168 p.
- Négoce, ports et océans: XVI-e–XX-e siècle / Sous la direction Sulvia Marzagalli et Hubert Bonin. – Bordeaux: Presse universitaires de Bordeaux, 2000. – 457 p.
- Negotiated empires: centers and peripheries in the Americas, 1500–1820 / Ed. by Christine Daniels and Michael V. Kennedy. – New York: Routledge, 2002. – viii, 328 p.
- Newton, A. P.* The colonizing activities of English Puritans: the last phase of the Elizabethan struggle with Spain / A.P. Newton. – New Haven: Yale University Press, 1914. – x, 344 p.
- Newton, A. P.* The European nations in the West Indies, 1493–1688 / A.P. Newton. – London: A and C Black, 1933. – xviii, 356 p.
- Nicholson, V.* The historical sources of Defoe's Journal of the plague year / V. Nicholson. – Boston: Stratford Co, 1919. – viii, 182 p.
- Nicolas, H. N.* A History of the royal navy, from the earliest times to the wars of the French revolution: vol. 1–2 / H.N. Nicolas. – London: Richard Bentley, 1847. – 2 vol.
- Norris, G.* William Dampier / G. Norris. – London: The Folio Society, 1994. – xxii, 268 p.

- Novak, M. E.* Daniel Defoe: master of fictions. His life and ideas / M.E. Novak. – Oxford, New York: Oxford University Press, 2001. – xi, 756 p.
- Nunn, G. E.* The mappemonde of Juan de la Cosa; a critical investigation of its date / G.E. Nunn. – Jenkintown: George H. Beans library, 1934. – 52 p.
- Olsen, P.* Sørøvere i Vestindien / P. Olsen // Siden Saxo. – 2003. – № 3. – P. 6–8.
- O'Malley, P.* Social bandits, modern capitalism and the traditional peasantry: a critique of Hobsbawm / P. O'Malley // Journal of peasant studies. – 1979. – № 6. – P. 489–499.
- Osborne, L.* A pirate's progress: how the maritime rogue became a multicultural hero / L. Osborne // Lingua Franca. – 1998. – № 8. – P. 35–42.
- Osgood, H. J.* The American colonies in the seventeenth century: vol. 1–3 / H.J. Osgood. – New York: Macmillan, 1904. – xxxii, 578; xix, 490; xxii, 551 p.
- Owen, J. H.* War at sea under Queen Anne, 1702–1708 / J.H. Owen. – Cambridge: Cambridge University Press, 1938. – xii, 316 p.
- The Oxford dictionary of English etymology / Ed. by C. T. Onions with the assistance of G. W. S. Friedrichsen and R. W. Burchfield. – Oxford: Clarendon Press, 1966. – xvi, 1024 p.
- Oxford English Dictionary: vol. 1–20 / Ed. by John A. Simpson and Edmund S. C. Weiner. – Oxford: Clarendon Press; Oxford, New York: Oxford University Press, 1989. – 20 vol.
- The Oxford history of the British empire: vol. 1–5 / Ed. by Nicholas Canny, P.J. Marshall, Andrew Porter, Judith M. Brown, Wm. Roger Louis and Robin W. Winks. – Oxford, New York: Oxford University Press, 1998 – 1999. – 5 vol.
- Ouellet, R.* Lahontan et Exquemelin: deux exemples de dérive textuelle (XVI-e – XVIII-e siècles) / R. Oullet // Tangence. – Hiver, 2004. – № 74. – P. 45–57.
- Padfield, P.* Tide of empires: decisive naval campaigns in the rise of the West: vol. I–II / P. Padfield. – London: Routledge & Kegan Paul Books, 1979–1982. – vi, 266; ix, 270 p.
- Pagden, A.* Lords of all the world: ideologies of empire in Spain, Britain and France, c. 1500–c. 1800 A. Pagden. – New Haven: Yale University Press, 1995. – ix, 244 pp.

- Parker, G.* The army of Flanders and the Spanish road, 1567–1659: the logistics of Spanish victory and defeat in the Low Countries' wars / G. Parker. – Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2004. – xxix, 291 p.
- Parker, G.* The grand strategy of Philip II / G. Parker. – New Haven: Yale University Press, 1998. – xx, 446 p.
- Parker, G.* The military revolution, military innovation and the rise of the west, 1500–1800 / G. Parker. – Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1988. – xvii, 234 p.
- Parker, M.* Pirates, merchants and anarchists: representations of international business / M. Parker // Management and Organizational History. – 2009. – Vol. 4. – № 2. – P. 167–185.
- Parry, D.* Blackbeard: the real pirate of the Caribbean / D. Parry. – New York: Thunder's Mouth Press, 2006. – 192 p.
- Parry, J.H., Sherlock, P.M.* A short history of the West Indies / J.H. Parry, P.M. Sherlock. – London: Macmillan; New York: St. Martin's Press, 1956. – xii, 316 p.
- Parry, J. H.* The Spanish seaborne empire / J.H. Parry. – Harmondsworth: Penguin Books, 1973. – xxiv, 437 p.
- Patrick, R. W.* Florida under five flags / R.W. Patrick. – Gainesville: University of Florida Press, 1945. – xiv, 140 p.
- Pennell, C. R.* Who needs pirate heroes? / C.R. Pennell // The Northern mariner. – 1998. – Vol. 8. – № 2. – P. 61–79.
- Pérez-Mallaína, P. E.* Spain's men of the sea: daily life on the Indies fleets in the sixteenth century / P.E. Pérez-Mallaína; translated by Carla Rahn Phillips. – Baltimore: Johns Hopkins University Press. 1998. – xi, 289 p.
- Perron J.-F.* Flibustiers, corsaires et pirates: l'impact de leurs actions sur le déclin de l'empire Espagnol d'Amérique au XVII-e siècle / J.-F. Perron. – Chicoutimi: Université du Québec à Chicoutimi, 2001.
- Petitfils J.-C.* Fouquet / J.-C. Petitfils. – Paris : Librairie Académique Perrin, 2005. – 607 p.

- Petrusewicz, M.* Society against the State: peasant brigandage in Southern Italy / M. Petrusewicz // Criminal justice history. – 1987. – Vol. VIII. – P. 1– 20.
- Phillips, C. R.* Six galleons for the king of Spain: imperial defense in the early seventeenth century / C.R. Phillips. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1986. – xiv, 318 p.
- Pignet, H.* Alexandre-Olivier Exquemelin, chirurgien des aventuriers 1646-1707 / H. Pignet. – Montpellier: Imprimerie de la Presse Montpellier, 1939. – 134 p.
- Pioffet, M.-Ch.* Espaces lointains, espaces rêvés dans la fiction romanesque du grand siècle / M.-Ch. Pioffet. – Paris: Presses de l'Université Paris-Sorbonne, 2007. – 286 p.
- Piot, M. Ch.* La diplomatie concernant les affaires maritimes des Pays-Bas, vers le milieu du XV-e siècle, jusqu'à la trêve de Vaucelles / M.Ch. Piot // Bulletin de l'Académie Royale des sciences, des lettres et des beaux-arts de Belgique. – 2-me série. – T. XL. – Bruxelles, 1875. – P. 817–868.
- Piracy and maritime crime. Historical and modern case studies / Ed. By Bruce A. Elleman, Andrew Forbes and David Rosenberg. – Newport: Naval War College press, 2010. – viii, 273 p.
- Pirates: terror on the high seas, from the Caribbean to the South China sea / Ed. by David Cordingly. – Atlanta: Turner Publishing, Inc., 1996. – 256 p.
- Pirates and privateers: new perspectives on the war on trade in the 18th and 19th centuries / Ed. by David J. Starkey, Els van Eyck van Heslinga and J. A. de Moor. – Exeter: University of Exeter Press, 1997. – xii, 268 p.
- Pluchon P., Bouche D.* Histoire de la colonisation française: t. I (Le premier empire colonial: des origines à la Restauration) / P. Pluchon, D. Bouche. – Paris: Fayard, 1991. – 1114 p.
- Poivre d'Arvor, O., Poivre d'Arvor, P.* Pirates et corsaires / O. Poivre d'Arvor, P. Poivre d'Arvor. Paris: Mengès, 2004. – 235 p.
- The political economy of merchant empires: state power and world trade 1350–1750 / Ed. by James D. Tracy. – Cambridge: Cambridge University Press, 1991. – xiv, 504 p.

Pontet, J. Les corsairs dans l'Amirauté de Bayonne au XVIII-e siècle / J. Pontet // Itsas memoria. Revista de estudios marítimos del País Vasco. – Donostia–San-Sebastian. – 2006. – № 5. – P. 309–324.

Pope, D. Harry Morgan's way: the biography of sir Henry Morgan, 1635 – 1688. London: Secker and Warburg, 1977. – xx, 379 p.

Portinaro, P., Knirsch, F. The cartography of North America, 1500–1800 / P. Portinaro, F. Knirsch. – New York: Facts on File, 1987. – 319 p.

Potter, P. B. The freedom of the seas in history, law and politics / P.B. Potter. – New York: Longmans, Green and Co., 1924. – xvi, 299 p.

Powell, J. R. The navy in the English civil war / J.R. Powell. – London: Hamden, Archon Books, 1962. – xviii, 240 p.

Pressgangs and privateers / Ed. by Tony Barrow. – Whitley Bay: Bewick Press, 1993. – iii, 64 p.

Preston, D., Preston, M. A Pirate of exquisite mind: explorer, naturalist, and buccaneer. The life of William Dampier / D. Preston, M. Preston. – New York: Walker and Company, 2004. – ix, 372 p.

Prestwich, M. Armies and warfare in the Middle ages: the English experience / M. Prestwich. – New Haven: Yale University Press, 1996. – ix, 396 p.

Price, J. M. Tobacco in Atlantic trade: the Chesapeake, London and Glasgow, 1675–1775 / J. Price. – Aldershot: Variorum, 1995. – xii, 316 p.

Priestley, H.I. France overseas through the old régime: a study of European expansion / H.I. Priestley. – New York, London: D. Appleton–Century Co., 1939. – xvii, 393 p.

Pringle, P. Jolly Rodger. The story of the great ages of piracy / P. Pringle. – New York: W. W. Norton, 1953. – 294 p.,

Pritchard, J. In search of empire: the French in the Americas, 1670–1730 / J. Pritchard. – Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2004. – xxvii, 484 p.

Pryor, J. H. Geography, technology and war: studies in the maritime history of the Mediterranean, 649–1571 / J.H. Pryor. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988. – xviii, 238 p.

Puchala, D. J. Of Pirates and Terrorists: What Experience and History Teach / D.J. Puchala //

<http://www.southchinasea.org/docs/Puchala,%20Pirates%20and%20Terrorists.pdf>

Quinn, D. B. État présent des études sur la redécouverte de l'Amérique au XV-e siècle / D.B. Quinn // Journal de la Société des Américanistes. – 1966. – Vol. 55. – № 2. – P. 343–381.

Quinn, D. B. England and the discovery of America, 1481-1620: from the Bristol voyages of the fifteenth century to the pilgrim settlement at Plymouth / D.B. Quinn. – New York: Alfred A. Knopf, 1974. – xxiv, 497 p.

Quinn, D. B. Explorers and colonies: America, 1500–1625 / D.B. Quinn. – London; Ronceverte: Hambledon Press, 1990. – xii, 459 p.

Rabb, Th. K. Enterprise and empire: merchant and gentry investment in the expansion of England, 1575–1630 / Th.K. Rabb. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1967. – ix, 420 p.

Raleigh, Tr. Sir Walter Raleigh being a true and vivid account of the life and times of the explorer, soldier, scholar, poet and courtier – the controversial hero of the Elizabethan age / Raleigh Tr. – New York: Henry Holt and Company, LLC, 2004. – xviii, 621 p.

Ramsey, J. F. Spain: the rise of the first world power / J.F. Ramsey. – Tuscaloosa: University of Alabama Press, 1973. – 341 p.

Rankin, H. F. The golden age of piracy / H.F. Rankin. – Williamsburg: Colonial Williamsburg, 1969. – xv, 173 p.

Rankin, H. F. The pirates of colonial North Carolina / H.F. Rankin. – Raleigh: State Department of Cultural Resources, 1976. – 72 p.

Rectoran, P. Corsaires basques et bayonnais du XV-e au XIX-e siècle : pirates, flibustiers, boucaniers / P. Rectoran. – Bayonne: Cairn, 1946. – 352 p.

Reddie, J. An historical view of the law of maritime commerce / J. Reddie. – Edinburgh, London: W. Blackwood and Son, 1841. – xi, 495 p.

Reddie, J. Researches, historical and critical, in maritime international law: t. I–II / J. Reddie. – Edinburgh, London, Dublin: Thomas Clark, Benning and Co, Bigg and Son, William Blackwood and Son, Milliken, 1844–1845. – 2 vol.

Rediker, M. Under the banner of king death»: the social world of Anglo-American pirates, 1716 to 1726 / M. Rediker // William and Mary Quarterly. – 1981. – Ser. 3. – Vol. 38. – P. 203–227.

Rediker, M. Between the devil and the deep blue sea: merchant seamen, pirates and the Anglo-American maritime world, 1700–1750 / M. Rediker. – New York: Cambridge University Press, 1987. – xv, 322 p.

Rediker, M. Libertalia: the sailor's lot and the pirate's utopia in the early eighteenth-century Atlantic world // Русское открытие Америки: сборник статей, посвященный 70-летию академика Н. Н. Болховитинова. – М.: РОССПЭН, 2002. – С. 58–72.

Rediker, M. Villains of all nations: Atlantic pirates in the golden age / M. Rediker. – Boston: Beacon Press, 2004. – viii, 240 p.

Restall, M. Seven myths of the Spanish conquest / M. Restall. – New York: Oxford University Press, 2003. – xix, 218 p.

Reuter, P. Racketeering in legitimate industries: a study in the economics of intimidation. Santa Monica: The RAND Corporation, 1987. – xiii. 100 p.

Rey, A. Dictionnaire historique de la langue Française: vol. 1–2 / A. Rey. – Paris: Le Robert; Montréal: Dicorobert, 1992. – 2 vol. (2383 p.)

Richards, S. Black Bart / S. Richards. – Llandybie: Christopher Davies, 1966. – 121 p.

Richelet, C. R. Dictionnaire française contenant les mots et les choses / C.R. Richelet. – Genève: J.H.Widerhold, 1680. – 1145 p.

Riley, S. Homeward bound: a history of the Bahama islands to 1850 with a definitive study of Abaco in the American loyalist plantation period / S. Riley. – Miami: Riley Hall Publishers, 2000. – xi, 308 p.

Risso, P. Cross-cultural perceptions of piracy: maritime violence in the Western Indian ocean and Persian gulf region during the long eighteenth century / P. Risso // Journal of World History. – 2001. – Vol. 12. – № 2. – P. 293–319.

- Ritchie, R. C.* Captain Kidd and the war against the pirates / R.C. Ritchie. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1986. – viii, 306 p.
- Robert, P.* Le Petit Robert 1: dictionnaire alphabétique et analogique de la langue Française / P. Robert; rédaction dirigée par A. Rey et J. Rey-Debove. – Paris, Le Robert, 1986. – xxxi, 2173 p.
- Roberts, M.* The military revolution, 1560–1660: an inaugural lecture delivered before the Queen's University of Belfast / M. Roberts. – Belfast: Queen's University, 1956. – 32 p.
- Roberts, M.* Essays in Swedish history / M. Roberts. – London: Weidenfeld and Nicolson, 1967. – x, 358 p.
- Roberts, W. A.* The Caribbean: the story of our sea of destiny / W.A. Roberts. – Indianapolis ; New York: Bobbs-Merrill, New York, 1940. – ix, 361 p.
- Roberts, W. A.* The French in the West Indies / W.A. Roberts. – Indianapolis, New York: The Boobs-Merrill Company, 1942. – 335 p.
- Robinson, Ch.* Collectanea maritima, being a collection of public instruments, tending to illustrate the history and practice of prise law / Ch. Robinson. – London: W. Wilson, 1801. – viii, 213 p.
- Rodger, N. A. M.* The command of the ocean: a naval history of Britain, 1649–1815 / N.A.M. Rodger. – London: Penguin–Allen Lane, 2004. – lxxv, 907 p.
- Rodríguez Véles B.* El capitán Diego Grillo o Diego Grillo, capitán de piratas / B. Rodríguez Véles. – La Habana, 1962.
- Rommelse, G. A.* English privateering against the Dutch republic during the second Anglo-Dutch war (1664 – 1667) / G.A. Rommelse // Tijdschrift voor Zeegeschiedenis. – 2003. – T. 22. – № 1. – S. 17–31.
- Rose, S.* Medieval naval warfare, 1000–1500 / S. Rose. – London, New York: Routledge, 2002. – xvi, 155 p.
- Roskill, S. W.* The strategy of sea power, its development and application / S.W. Roskill; based on the Lees-Knowles lectures delivered in the University of Cambridge, 1961. – London: Greenwood Pub. Group, 1981. – 287 p.

- Rowse, A. L.* The expansion of Elizabethan England / A.L. Rowse. – London: Cardinal, 1973. – xiii, 480 p.
- Rudé, G. F. E.* The crowd in the French revolution / G. F.E. Rudé. – Oxford: Clarendon Press, 1959. – viii. 267 p.
- Rudé, G.F.E.* Wilkes and liberty: a social study of 1763 to 1774 / G. F.E. Rudé. – Oxford: Clarendon Press, 1962. – xvi, 240 p.
- Rudé, G.F.E.* Paris and London in the eighteenth century: studies in popular protest / G. F.E. Rudé. – London: Fontana / Collins, 1970. – 350 p.
- Rudolph, W.* Bateaux, radeaux, navires / W. Rudolf. – Leipzig: Edition Leipzig, 1975. – 231 s.
- Rushby, K.* Hunting pirate heaven: in search of the lost pirate utopias of the Indian Ocean / K. Rushby. – New York: Walker and Co., 2003. – viii, 294 p.
- Saintoyant, J. F.* La colonisation Française sous l'ancien régime: t. I–II (Du XVe siècle au traité d'Utrecht (1713); Du traité d'Utrecht à 1789) / J.F. Saintoyant. – Paris: La Renaissance du livre, 1929. – 2 vol.
- Sarrazin de Montferrier A., Rigault de Genouilly M.M.* Dictionnaire universel et raisonné de marine / A. Sarrazin de Montferrier, M.M. Rigault de Genouilly. – Paris: A.-J. Dénain, 1846. – 711 p.
- Savare, J.* Flibuste et matière médicale à propos d'Alexandre-Olivier Exmelin / J. Savare // Revue d'histoire de la pharmacie. – 1965. – № 185. – P. 325 – 333.
- Savary, J.* Dictionnaire universel du commerce: t. I–IV / J. Savary. – Genève: Frères Cramer et Claude Philibert, 1750. – 4 vol.
- Savelle, M.* A history of colonial America / M. Savelle. – New York: Holt, Rinehart and Winston, 1964. – xvii, 701 p.
- Sauer, C. O.* The early Spanish Main: the land, nature and people Columbus encountered in the Americas. Berkeley: University of California Press, 1966. – xii, 306 p.
- Scammell, G. V.* The world encompassed: the first European maritime empires, c. 800 – 1650 / G.V.Scammell. – London: Metuen, 1981. – xiv, 538 p.

Schonhorn, M. Defoe's politics: parliament, power, kingship and Robinson Crusoe / M. Schonhorn. – Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1991. – xiii, 174 p.

Schreiber R.E. The First Carlisle. Sir James Hay, First Earl of Carlisle as courtier, diplomat and entrepreneur, 1580–1636. Philadelphia: The American Philosophical Society, 1984. – 202 pp.

Schwartz, R. Lawless liberators: political banditry and Cuban independence. Durham, London: Duke University Press, 1989. – x, 297 p.

Scott, J. England's troubles: seventeenth-century English political instability in European context / J. Scott. – Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2000. – xii, 546 p.

Sharp, J. A. «Last dying speeches»: religion, ideology and public execution in seventeenth-century England / J.A. Sharp // Past and Present. – 1985. – № 107. – May. – P. 144–167.

Sheridan, R. B. The doctor and the buccaneer: sir Hans Sloane's case history of the sir Henry Morgan, Jamaica, 1688 / R.B. Sheridan // Journal of the History of Medicine and Allied Sciences. – 1986. – Vol. 41. – № 1. – P.76 – 87.

Sherry, F. Raiders and rebels: the golden age of piracy / F. Sherry. – New York: Quill/William Morrow, 1986. – 399 p.

Shinagel, M. Daniel Defoe and middleclass gentility / M. Shinagel. – Cambridge: Harvard University Press, 1968. – xi, 279 p.

Shomette, D. G. Pirates on the Chesapeake: being a true history of pirates, picarpoons, and raiders on Chesapeake Bay, 1610–1807 / D.G. Shomette. – Centreville:Tidewater Publishers, 1985. – viii, 344 p.

Schuhard M.K. Emanuel Swedenborg, secret agent on Earth and in Heaven: jacobites, jews and freemasons in Early Modern Sweden / M.K.Schuhard. – Leiden: Koninklijke Brill N.V., 2012. – xix, 804 p.

Seitz, Don C. Under the black flag: exploits of the most notorious pirates / C. Don Seitz. – New York: The Dial Press, 1925. – 341 p.

Sicking, L. Neptune and the Netherlands: state, economy, and war at sea in the Renaissance. Leiden: Koninklijke Brill NV, 2004. – xxxi, 551 p.

Siméon, N. Corsaire du roi: René Duguay-Trouin, Saint-Malo 1673 – Paris 1736 / N. Siméon. – Paris: Edition de Conti, 2007. – 96 p.

Siméon, N. Louis XIV et la mer / F. Siméon. – Paris: Édition de Conti, 2007. – 128 p.

Singelman, P. Political structure and social banditry in Northeast Brazil / P. Singleman // Journal of Latin American studies. – 1975. – № 7. – P. 59–83.

Skelton, R. A. Explorer's maps / R.A. Skelton. – London: Routledge and K. Paul, 1958. – xi, 337 p.

Slatta, R. W. Comparing cowboys and frontiers: new perspective on history of the Americas / R.W. Slatta. – Norman: University of Oklahoma Press, 1997. – xvi, 320 p.

Slatta, R. W. Eric J. Hobsbawm's social banditry: a critique and revision / R.W. Slatta // A Journal of social history and literature in Latin America. – 2004. – Vol. 1. – № 2. – P. 22–30.

Sluiter, E. Dutch-Spanish rivalry in the Caribbean / E. Sluiter // The Hispanic American Historical Review. – 1948. – Vol. 28. – № 2. – P. 165–196.

Smith, F. H. Caribbean rum: a social and economic history / F.H. Smith. – Gainesville: University Press of Florida, 2005. – xvi, 339 p.

Smith, F. H. European impressions of the Island Carib's use of alcohol in the early colonial period / F.H. Smith // Ethnohistory. – 2006. – Vol. 53. – № 3. – P. 543–566.

Snelders, S. The devil's anarchy: The sea robberies of the most famous pirate Claes G. Compaen. The very remarkable travels of Jan Erasmus Reyning, buccaneer / S. Snelders. – New York: Autonomedia, 2005. – 212 p.

Sobecki, S. I. The sea and medieval English literature / S.I. Sobecki – Cambridge: D.S.Brewer, 2008. – xi, 215 p.

Sosin, J. M. English America and the restoration monarchy of Charles II: transatlantic politics, commerce and kinship / J.M. Sosin. – Lincoln, London: University of Nebraska Press, 1981. – xii, 389 p.

Souhami, D. Selkirk's island: the true and strange adventures of the real Robinson Crusoe / D. Souhami. – New York: Harcourt, 2001. – 246 p.

Les sources de l'histoire maritime en Europe, du Moyen Age au XVIIIe siècle. Actes du quatrième colloque international d'histoire maritime tenu à Paris du 20 au 23 mai 1959 / présentés par Michel Mollat, avec la collaboration de Paul Adam, Marc Benoist et Marc Perrichet. – Paris: SEVPEN, 1962. – x, 481 p.

Spate, O. H. K. Monopolists and freebooters / O.H.K. Spate. – Canberra: Australian National University Press, 1983. – xxi, 426 p.

Spate, O. H. K. The Spanish lake / O.H.K. Spate. – Canberra: Australian National University Press, 1979. – xxiv, 372 p.

Spence, R. T. The privateering earl: George Clifford, 3rd earl of Cumberland, 1558–1605 / R.T. Spence. – Stroud: Alan Sutton, 1995. – xv, 256 p.

Stark, S. Female tars: women aboard ship in the age of sail / S. Stark. – Annapolis: Naval Institute Press, 1996. – ix, 205 p.

Starkey, D. J. British privateering enterprise in the eighteenth century / D.J. Starkey. – Exeter: University of Exeter Press, 1990. – 344 p.

States and illegal practices / Ed. by Josiah M. C. C. Heyman. Oxford, New York: Berg Publishers, 1999. – viii, 325 p.

Statham, E. P. Privateers and privateering / E.P. Statham. – New York: J. Pott, 1910. – xiii, 382 p.

Stewart, J. A view of the past and present state of the island of Jamaica: with remarks on the moral and physical condition of the slaves, and on the abolition of slavery in the colonies / J. Stewart. – Edinburgh: Oliver & Boyd, 1823. – xiii, 363 p.

Stradling, R. A. Europe and the decline of Spain: a study of the Spanish system, 1580–1720 / R.A. Stradling. – London, Boston: Allen and Unwin, 1981. – 222 p.

Stradling, R. A. Philip IV and the government of Spain, 1621–1665 / R.A. Stradling. – Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1988. – xvii, 381 p.

Stradling, R. A. The Armada of Flanders: Spanish maritime policy and European war, 1568–1668 / R.A. Stradling. – Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1992. – xix, 276 p.

Strathmann, E. A. Sir Walter Raleigh: a study in Elizabethan skepticism / E.A. Strathmann. – New York: Columbia University Press, 1951. – ix, 292 p.

Symcox, G. The crisis of French sea-power, 1688–1697: from the guerre d'escadre to the guerre de course / G. Symcox. – The Hague: Martinus Nijhoff, 1974. – 267 p.

Sypher, G. W. La Popelinière's «Histoire de France»: a case of historical objectivity and religious censorship / G.W. Sypher // *Journal of the History of Ideas*. – 1963. – Vol. 24. – № 1. – P. 41–54.

Syveton, G. L'erreur de Goertz / G. Syveton // *Revue d'histoire diplomatique*. – 1895. – Vol. IX. – P. 417–444 ; 1896. – Vol. X. – P. 45–55, 223–252, 509–530.

Taillemite, Et. Les problèmes de la marine de guerre au XVII-e siècle / Et. Taillemite // *XVII-e Siècle*. – 1970. – Vol. LXXXVI. – № 86–87. – P. 21–37.

Tallett, F. War and society in early-modern Europe, 1495–1715 / F. Tallett. – London: Routledge, 1992. – xv, 314 p.

Talty, S. Empire of blue water: captain Morgan's great pirate army, the epic battle for the Americas and the catastrophe that ended the outlaws' bloody reign / S. Talty. – New York: Crown Publishers, Inc., 2007. – 332 p.

Tatum, S. Inventing Billy the Kid: visions of the outlaw in America, 1881–1981 / S. Tatum. – Albuquerque: University of New Mexico Press, 1982. – xi, 242 p.

Theisen, M. Anne Bonny, femme pirate / M. Theisen. – Toulouse: Éditions Milan, 2003. – 197 p.

Theories of empire, 1450–1800 / Ed. by David Armitage. – Aldershot: Variorum Press, 1998. – xxxiii, 388 p.

Thomazi, A. A. Les flottes d'or: histoire des galions d'Espagne / A.A. Thomazi. – Paris: Payot, 1956. – 231 p.

Thompson, E. K. The Tradition of St. Elmo's fire / E.K. Thompson // *American Neptune*. 1964. №. 24.

Thompson, E. P. The making of the English working class / E.P. Thompson. – London: Victor Gollancz Ltd., 1963. – 848 p.

Thompson, E. P. The moral economy of the English crowd in the 18-th century / E.P. Thompson // Past and Present. – 1971. – Vol. 50. – №. 1. – P. 76–136.

Thompson, E. P. Patrician society, plebeian culture / E.P. Thompson // Journal of Social history. – 1974. – Vol 7. – № 4. – P. 382–405.

Thompson, E. P. Eighteenth-century English society: class struggle without class? / E.P. Thompson // Social History. – 1978. – Vol. 3. – № 2. – P. 133–165.

Thompson, E. P. Customs in common: studies in traditional popular culture / E.P. Thompson. – London: Merlin Press, 1991. – xii, 547 p.

Thompson, I. A. A. War and government in Habsburg Spain, 1560–1620 / L. A. Thompson. – London: Athlone Press, 1976. – 374 p.

Thompson, G. M. Sir Francis Drake / G.M. Thompson. – London: Secker and Warburg, 1972. – x, 358 p.

Thornbury, G. W. The monarchs of the Main or adventures of the buccaneers: vol. 1–3 / G.W. Thornbury. – London: Hurst and Blackett Edition, 1855. – xii, 305, 318, 333 p.

Thornton, A. P. West-India policy under the Restoration / A.P. Thornton. – Oxford: Clarendon Press, 1956. – vi, 280 p.

Thornton, J. K. Africa and Africans in the making of the Atlantic world, 1400–1800 / J.K. Thornton. – Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1998. – xxxvi, 340 p.

Sir Francis Drake and the Famous Voyage, 1577-1580: Essays Commemorating... Norman Joseph William Thrower, University of California, Los Angeles. Center for Medieval

Toudouze, G. G. Histoire de la marine / G.G. Toudouze. – Paris: Editions Saint-Georges, 1934. – xi, 605 p.

Tout, T. F. Firearms in England in the fourteenth century / T.F. Tout // The English Historical Review. – 1911. – Vol. XXVI. – P. 666–702.

Tramond, J. Manuel d'histoire maritime de la France dès origines / J. Tramond. – Paris: Société d'éditions géographiques, maritimes et coloniales, 1947. – 921 p.

Trudel, M. Atlas historique du Canada Français: des origines à 1867 / M. Trudel. – Québec: Les Presses de l'Université Laval, 1961. – 93 p.

Turley, H. Rum, sodomy and the lash: piracy, sexuality and the masculine identity / H. Turley. – New York: New York University Press, 1999. – ix, 199 p.

Les tyrans de la mer. Pirates, corsairs et flibustiers / Textes réunis par Sylvie Requemora et Sophie Linon-Chipon. – Paris: Presses de l'Université de Paris-Sorbonne, 2002. – 465 p.

Unwin, R. The defeat of John Hawkins: biography of his third slaving voyage / R. Unwin. – New York, Macmillan, 1960. – 319 p.

Utopia 2: The Eighteenth century / Ed. by David Lee Rubin; co-editor Alice Stroupe. – Charlottesville: Rookwood Press, 1999. – 134 p.

Van Gennep, A. Les rites de passage: étude systématique des rites / A. Van Gennep. – Paris: Picard, 1981. – 288 p.

La Varende, J. de. Jean Bart pour de vrai / J. de La Varende. – Paris: Flammarion, 1957. – 232 p.

Vergé-Franceshi, M. Duguay-Trouin (1673–1736): un corsaire, un officier général, un mythe / M. Vergé-Franceshi // *Revue historique*. – 1996. – Vol. 295. – P. 333–352.

Vergé-Franceshi, M. Marine et éducation sous l'Ancien régime / M. Vergé-Franceshi. – Paris: Éditions du Centre National de la Recherche Scientifique, 1991. – xvi, 470.

Vergé-Franceshi, M. Les officiers généraux de la Marine Royale, 1715–1774: origine, conditions, services; vol. I–VI / M. Vergé-Franceshi. – Paris: Librairie de l'Inde éditeur, 1990. – 7 vol.

Vidal, C. La nouvelle histoire atlantique en France: ignorance, réticence et reconnaissance tardive / C. Vidal // *Nuevo Mundo Mundos Nuevas* [En línea]. – Coloquios, 2008 (<http://nuevomundo.revues.org/index42513.html>).

Vignols, L. Flibuste et boucane (XVIe–XVIIIe siècles) / L. Vignols // *Revue d'Histoire économique et sociale*. – 1928. – P. 137–173.

Vietor, A.O. A pre-Columbian map of the world, circa 1489 / A.O. Vietor // *Imago Mundi*. – 1963. – Vol. 17. – P. 95–96.

Villiers, P. Marine Royale, corsaire et trafic dans l'Atlantique: de Louis XIV à Louis XVI: vol. I–II / P. Villiers. – Dunkerque: Société dunkerquoise d'histoire et d'archéologie, 1991. – 2 vol., 828 p.

Villiers, P. Les corsairs du littoral: Dunkerque, Calais, Boulogne de Philippe II à Louis XIV (1568–1713) / P. Villiers. – Villeneuve-d'Ascq: Presses universitaires du Septentrion, 2000. – 358 p.

Villiers, P. Raveneau de Lussan, un flibustier français à l'assaut de la mer du Sud / P. Villiers // *La mer, la France et l'Amérique latine* / Ed. par Christian Buchet. – Paris: Presses de l'Université Paris-Sorbonne, 2006. – P. 290–307.

Vrijman, M. L'Identité d'Exquemelin: les premiers éditions de «L'Histoire des aventuriers» // Comité de travaux historiques et scientifiques. Bulletin de la section de géographie. Paris, 1933. T. 48. P. 43–57.

Vues sur la piraterie: des origines à nos jours / Éd. par Gérard A. Jaeger. – Paris: Tallandier, 1992. – 458 p.

Wagner, H. Sir Francis Drake's voyage around the world: Its aims and achievements / H. Wagner. – San Francisco: John Howell, 1926. – x, 543 p.

Walbank, E. W. A historical commentary on Polybius: vol. I–III / E.W. Walbank. – Oxford: Oxford University Press, 1957, 1957–1959. – 3 vol.

Wallace, W. M. Sir Walter Raleigh / W.M. Wallace. – Princeton: Princeton University Press, 1959. – 334 p.

Wallerstein, I. The modern world system: vol. I–IV / I. Wallerstein. – New York: Academic Press; Berkeley: University of California Press; San Diego: Academic Press, 1974–1989. – 4 vol.

Wallis, H. The Dieppe maps / H. Wallis // *The Globe: Journal of the Australian Map Curator's Circle*. – Canberra. – 1982. – №. 17. – P. 23–51.

Wallis, H. Did the Portuguese discover Australia / H. Wallis // *History today*. – 1988. – Vol. 38. – Issue 3. – P. 30–35.

War at the sea in the Middle Ages and Renaissance / Ed. by John B. Hattendorf and Richard W. Unger. – Woodbridge: The Boydell Press, 2003 – xiv, 268 p.

Walton, T. R. The Spanish treasure fleets / T.R. Walton. – Sarasota: Pineapple Press, Inc., 1994. – xiii, 256 p.

War and Religion after Westphalia, 1648–1713 / Ed. by David Onnekink. Farnham, Burlington: Ashgate, 2009. – xvi, 275 p.

Watson, J. F. Annals of Philadelphia and Pennsylvania in the olden time: vol. I–II / J.F. Watson. – Philadelphia: Elijah Thomas, 1860. – vii, 642 p.

Wenck, F. A. G. Codex juris gentium recentissimi: t. 1–3 / F.A.G. Wenck. – Leipzig: Weidmann et Reich., 1781–1795. – 3 vol.

Wernham, R. B. The return of the armadas: the last years of the Elizabethan war against Spain, 1595–1603 / R.B. Wernham. – Oxford: Clarendon Press, 1994. – xiv, 452 p.

West, W. N. Gold on credit: Martin Frobisher's and Walter Raleigh's economies of evidence / W.N. West // Criticism. – 1997. – Vol. 39. – P. 315–336.

Weston, J. Henry Morgan, 1635–1688: a Welsh buccaneer and son of Monmouthshire / J. Weston // <http://www.data-wales.co.uk/morgan.htm>.

Wheat, J. D. The Afro-Portuguese maritime world and the foundation of Spanish Caribbean society, 1570–1640 / J.D. Wheat. – Nashville: Vanderbilt University, 2009. – xiii, 286 p.

Whedbee, C. H. Pirates, ghosts and coastal lore: the best of Judge Whedbee / C.H. Whedbee. – Winston, Salem: John F. Blair, 2004. – xi, 157 p.

Whitfield, P. The charting of the ocean: ten centuries of maritime maps / P. Whitfield. – London: British Library, 1996. – 136 p.

Whitfield, P. Sir Francis Drake / P. Whitefield. – London: British Library, 2004. – 160 p.

White, R. Outlaw gangs of the middle border: American social bandits / R. White // Western historical quarterly. – 1981. – № 12 (4). – P. 387–408.

Weber, K. Der Marquis von Langallerie und der König von Madagascar, 1716 / K. Weber // Mitteilungen aus dem Haupt-Staatsarchive zu Dresden. – Neue Folge. – Bd. 2. – Leipzig: Bernhard Tauchnitz, 1861. – S.164–184.

Wilkinson, C. Dampier: explorer and buccaneer / C. Wilkinson. – New York: Harper and Brothers Publishers, 1929. – xii, 257 p.

Wilkinson, C. The British navy and the state in the 18-th century / C. Wilkinson. – Woodbridge: Boydell Press London, 2004. – x, 246 p.

Wilkinson, H. C. Bermuda in the old empire: a history of the island from the dissolution of the Somers Island company until the end of the American revolutionary war 1684–1784 / H.C. Wilkinson. – London: Oxford University Press, 1950. – 457 p.

Williams, E.E. British historians and the West Indies / E.E. Williams. – London: André Deutsch, 1966. – 239 p.

Williams, L.H. Pirates of colonial Virginia / L.H. Williams. – Detroit: Grand River Books, 1971. – xvi, 139 p.

Williams, N. Captains outrageous: seven centuries of piracy / N. Williams. – London: Barrie and Rockliff, 1961. – xii, 243 p.

Williams, N. Francis Drake / N. Williams. – London: Weidenfeld and Nicolson, 1973. – 232 p.

Williamson, J. A. The Caribbee islands under the proprietary patents / J.A. Williamson. – London: Oxford University Press, H. Milford, 1926. – vii, 234 p.

Williamson, J. A. The ocean in English history: being the Ford lectures / J.A. Williamson. – Oxford: Clarendon Press, 1941. – 208 p.

Williamson, J. A. Sir John Hawkins, the time and the man / J.A. Williamson. – Oxford: Clarendon Press, 1927. – xii, 542 p.

Williamson, J. A. Hawkins of Plymouth: a new history of Sir John Hawkins and of the other members of his family prominent in Tudor England / J.A. Williamson. – London: A. and C. Black, 1949. – xi, 348 p.

Wills, R. The jacobites and Russia, 1715–1750 / R. Wills. – East Linton: Tuckwell Press, 2002. – xvi, 254 p.

Wilson, P. L. Pirate utopias: Moorish corsairs and European renegadoes / P.L. Wilson. – New York: Autonomedia, 1995. – 208 p.

Wilson, S. Feuding, conflict and banditry in nineteenth-century Corsica / S. Wilson. – Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1988. – ix, 565 p.

Wolf, J. B. The emergence of the great powers 1685–1715 / J.B. Wolf. – New York: Harper, 1951. – xv, 336 p.

Woodard, C. The republic of pirates: being the true and surprising story of the Caribbean pirates and the man who brought them down / C. Woodard. – Orlando: Harcourt Inc., 2007. – 383 p.

Woram, J. The seven manuscripts of William Ambrosia Cowley / J. Woram // <http://galapagos.to/TEXTS/COWLEY-1.HTM>.

Wraxall, L. Remarkable adventurers and unrevealed mysteries: vol. 1–2 / L. Wraxall. – London: Richard Bentley, 1863. – viii, 344 p.

Zacks, R. The pirate hunter: the true story of captain Kidd / R. Zacks. – New York: Hyperion Press, 2003. – 426 p.

Zavala, S. The colonial period in the history of the New World / S. Zavala. – Mexico: Instituto Panamericano de Geografía e Historia, 1962. – xxviii, 359 p.

Zepke, T. Pirates of the Carolinas / T. Zepke. – Sarasota: Pineapple Press, Inc, 2000. – 144 p.

III. Ресурсы Интернет

<http://artfl.atilf.fr/dictionnaires/onelook.htm>

<http://www.bartholomewroberts.com>

<http://beej.us/pirates/index.html>

<http://www.blackbeardthepirate.com/blackbeard1.htm>

<http://www.bonaventure.org.uk/ed/piratemythtory.htm>

<http://bravebenbow.tripod.com/index.html>

<http://www.british-history.ac.uk/search.asp>

<http://www.britishmuseum.org/default.aspx>

<http://www.chass.utoronto.ca/~wulftric/marine/>

<http://www.cindyvallar.com/pirates.htm>

<http://www.colonialvoyage.com/biblioOthers.html>

<http://content.cdlib.org/xtf/view?docId=ft7z09p18j&brand=eschol>

http://www.cosmosmith.com/jolly_roger.html

<http://www.cristobal-colon.net/index.html>

<http://www.data-wales.co.uk/morgan.htm>

<http://www.galapagos.to/INDEX.HTM>

<http://gallica.bnf.fr/>

<http://www.geocities.com/trebutor/>

<http://www.gutenberg.org/browse/authors/a>

<http://www.elizabethan-era.org.uk/>

<http://www.hakluyt.com/index.htm?PHPSESSID=b18a988457633ba70fea50e789a8230>

2

<http://www.hsm.mg/pirates.htm>

<http://home.wanadoo.nl/m.bruyneel/archive/bblgrpha.htm>

<http://jb.collection.free.fr/>

<http://www.kipar.org/piratical-resources/index.html>

<http://www.lavoilenoire.com/Index.html>

<http://www.loc.gov/rr/rarebook/catalog/drake/drake-catalogue.html>

<http://www.musee-marine.fr/site/fr/accueil-musee-national-de-la-marine>

<http://www.nationalarchives.gov.uk/default.htm?source=home>

<http://www.ncmaritimemuseum.org:8090/Blackbeard/default.htm>

<http://www.npg.org.uk/live/index.asp>

<http://www.ocracoke-nc.com/blackbeard/>

<http://www.pirates-corsaires.com/>

<http://www.piratesinfo.com/main.php>

<http://www.privateerdragons.com/index.html>

730

<http://www.privateers.ru>

<http://www.garonline.org/default.htm>

<http://www.sonic.net/~press>

<http://www.whydah.com>

http://ybphoto.free.fr/piste_la_buse_yb_1.html